АКАДЕМИК

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

IX

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1977

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

IX

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1977

Сканирование и обработка
Bewerr

9
Б26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, И. Н. Винников,
Б. Г. Гафуров (председатель), *А. Н. Кононов* (зам. председателя),
М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков

IX том подготовили к изданию
А. М. Мандельштам и *Н. Н. Туманович*

Ответственный редактор
А. Н. Кононов

Редактор издательства
Л. С. Ефимова

В IX — последний — том Сочинений В. В. Бартольда входят его крупнейшие работы по истории востоковедения — «Обзор деятельности факультета восточных языков» и «История изучения Востока в Европе и России», а также ряд статей и некрологов.

Б $\frac{10601\text{-}026}{013\ (02)\text{-}77}$ Подписное

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В IX томе Сочинений В. В. Бартольда собраны работы по истории востоковедения, среди которых важнейшее место занимают исследование по истории факультета восточных языков (ФВЯ) С.-Петербургского университета (за первые 50 лет его существования, 1855—1905) с приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г. и дважды изданный курс лекций по истории изучения Востока в Европе и России.

В этот том включены также статьи, которые имеют непосредственное отношение к истории изучения Востока и касаются преимущественно роли и значения русского востоковедения в изучении Востока, особенно в изучении истории и археологии Средней Азии. Здесь же помещены некрологи ряда выдающихся востоковедов и автобиография В. В. Бартольда.

Первый по времени издания большой и важный труд В. В. Бартольда по истории русского востоковедения — «Обзор деятельности факультета [восточных языков]. 1855—1905. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.» (СПб., 1909) — является четвертым томом известного издания «Материалы для истории факультета восточных языков» [1].

«Обзор истории востоковедения в России» — единственное систематическое изложение основных этапов развития русского научного востоковедения.

До этого труда В. В. Бартольда отдельные периоды развития востоковедения в России получили свое освещение в целом ряде работ. В первую очередь следует назвать полезную книгу Фр. Аделунга [2] (к которой неоднократно обращался В. В. Бартольд), описывающую состояние отечественного востоковедения на фоне истории языкознания в России в XVIII в. Впервые с кафедры годичного собрания Академии наук «о высоком значении и выдающихся успехах востоковедения в Рос-

[1] Изданы три тома: т. I (1851—1864), СПб., 1905; т. II (1865—1901), СПб., 1906; т. IV (1855—1905), СПб., 1909. Рукопись и верстка III тома — «Биографический словарь окончивших курс Факультета восточных языков за полвека его существования», составленного секретарем ФВЯ в 1910—1917 гг. арабистом Н. А. Медниковым (1855—1918), погибли во второй половине 1917 г. во время пожара в типографии М. М. Стасюлевича (5-я линия Васильевского острова, Пг.); см. также: В. В. Бартольд, *К. Г. Залеман. Некролог*, ниже, стр. 601, прим. 10.

[2] Adelung, *Catherinens der Grossen Verdienste.*

сии» говорил Б. А. Дорн [3]. Ему же наша наука обязана изданием обстоятельного очерка истории Азиатского музея Академии наук за первые 25 лет его существования [4]. О возрастающем значении востоковедения и его успехах в первой половине прошлого столетия говорил в своей речи непременный секретарь акад. К. С. Веселовский [5].

Первыми историографами русского востоковедения XIX в. следует назвать двух выдающихся ориенталистов, учеников О. И. Сенковского и Х. Д. Френа, двух друзей и однокашников — В. В. Григорьева (1816—1881) и П. С. Савельева (1814—1859).

Перу П. С. Савельева принадлежит ряд блестящих характеристик многих выдающихся востоковедов (Френ, Банзаров, Диттель, С. де Саси, шейх М. Тантави и др.); им же написана биография известного ориенталиста и литератора О. И. Сенковского [6].

В. В. Григорьев написал научную биографию рано умершего П. С. Савельева, изложенную на фоне петербургского востоковедения того времени [7]; им же написана первая основанная на первоисточниках (архивных документах) история С.-Петербургского университета за 50 лет его существования с момента основания, в которой значительное место уделяется развитию востоковедения в этом университете. Биографом В. В. Григорьева стал его ученик Н. И. Веселовский (1848—1918) [8].

Значительное место в научной деятельности Н. И. Веселовского занимало изучение истории русской науки [9]; ему принадлежит единственное в своем роде исследование, к сожалению никем не продолженное, — «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (СПб., 1879). Он же написал историю Русского археологического общества (за первые 50 лет: 1846—1896), в котором ориенталисты объединялись в Отделение восточной филологии.

Начальные этапы развития отечественного востоковедения (собирание лексического материала по языкам народов Сибири, Поволжья, Кавказа и создание первых учебных заведений с преподаванием восточных языков) получили обстоятельное освещение в книге С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России» (СПб., 1904).

С. Ф. Ольденбург (1863—1934), обладавший изумительной широтой научных взглядов и талантом выдающегося организатора, был крупным историком науки и Академии наук, оставившим целую серию характери-

[3] B. Dorn, *Über die Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der asiatischen Studien Russland*, — «Recueil des Actes des séances publiques de l'Académie des sciences de St.-Pbg.», 1840, pp. 55—114.

[4] Dorn, *Das Asiatische Museum.*

[5] К. Веселовский, *Историческое обозрение.*

[6] Савельев, *О жизни и трудах Сенковского.*

[7] Григорьев, *Жизнь и труды Савельева.*

[8] Веселовский, *В. В. Григорьев.*

[9] Подробнее см.: Бартольд, *Веселовский как исследователь Востока*; ниже, стр. 648—664.

стик-некрологов русских и иностранных ученых и обзоров состояния востоковедения в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды [10].

Интересно задуманную и превосходно исполненную справочную книгу по тюркскому языкознанию написал А. Е. Крымский (1871—1942): «Тюрки, іх мови та літератури. І. Тюркські мови», вып. II, Київ, 1930 (вып. I издан не был).

Точные и глубокие характеристики многих востоковедов запечатлел в своих трудах И. Ю. Крачковский (1883—1951), среди которых непосредственно к истории русского востоковедения относятся «Очерки по истории русской арабистики» (1950) и «Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях» (изд. 1, 1945) [11].

Глубокое и всестороннее изучение истории отечественного востоковедения успешно продолжается в работах современных исследователей, что наглядно свидетельствует о традиционном интересе к этой большой теме и об осознании важности изучения истории отечественного востоковедения для дальнейшего развития советской науки о странах и народах Востока [12].

Из сказанного ясно, что история отечественного востоковедения до В. В. Бартольда и после него интенсивно разрабатывалась и разрабатывается; однако существенное отличие трудов В. В. Бартольда от работ его предшественников состоит в том, что его два труда, включенные в этот том, дают отчетливое представление о развитии отечественного и западноевропейского востоковедения во всех разрядах востоковедных дисциплин и во всех регионах современного ему Востока, в то время как исследования его предшественников охватывали, как правило, лишь отдельные разделы востоковедения. Обзору деятельности ФВЯ В. В. Бартольд предпослал «Обзор истории востоковедения в России до 1855 г.», излагающий историю развития русского н а у ч н о г о востоковедения, которому предшествовал длительный период п р а к т и ч е с к о г о знакомства русских со

---

[10] Подробнее см.: И. Ю. Крачковский, *С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения*, — Избранные сочинения, т. V, стр. 361—371.

[11] Статьи и некрологи русских и иностранных востоковедов собраны в т. V «Избранных сочинений» И. Ю. Крачковского; здесь же переизданы *Очерки по истории русской арабистики*.

[12] В последнее время истории отечественного востоковедения посвящен целый ряд сборников, книг и статей. См., например: «Очерки по истории русского востоковедения», сб. I—VI, М., 1953—1963; «Asia in Soviet Studies», Moscow, 1969; «Востоковедение в Ленинградском университете», — «Уч. зап. ЛГУ», № 296. Серия востоковедческих наук, вып. 13, 1960; «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972; Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане*, Ташкент, 1958; его же, *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность*, Ташкент, 1962; его же, *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении*, Ташкент, 1965; Б. М. Данциг, *Изучение Ближнего Востока в России*, М., 1968; его же, *Ближний Восток в русской науке и культуре*, М., 1972; Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, *Из истории советского востоковедения*, М., 1970.

странами и народами Востока, что явилось естественным следствием многовекового взаимодействия, культурного взаимообогащения восточных славян, русов, а затем русских с различными восточными племенами, народностями, в первую очередь с их ираноязычными и тюркоязычными представителями. Позднее, во времена Ивана IV Грозного, начинается активное устремление русских в Сибирь, а эпоха Петра I знаменуется началом планомерного изучения Сибири, Поволжья, Северного Кавказа, Средней Азии и бассейна Каспийского моря.

В последний год семнадцатого столетия — 18 июня 1700 г. — указом Петра I положено начало официальным мероприятиям, направленным на организацию обучения русских китайскому и монгольскому языкам. Петр I использует каждую представившуюся возможность для организации обучения русских восточным языкам: случайно оказавшемуся в России японцу поручается «учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти».

Несколько позднее, в связи с интересами России на Ближнем Востоке, предпринимаются меры к обучению русских ближневосточным языкам. По распоряжению Петра I одну группу русских молодых людей отправили в «Персиду» (1716 г.) «для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому», а вторую — в Царьград (1724 г.) «ради обучения турецкого языка».

По инициативе Петра I были снаряжены и отправлены две экспедиции: Г. Шобера для описания Нижней Волги и Северного Кавказа (1717—1720 гг.) и Д. Г. Мессершмидта для изучения Сибири (1720—1727 гг.).

После создания Академии наук (1725 г.) начинается планомерное изучение Поволжья, Сибири и Кавказа экспедициями, снаряженными Академией, которые доставляли важные сведения и о восточных народностях, их языках, этнографии и фольклоре.

Среди академиков «первого призыва» был востоковед Г.-З. Байер (1694—1738), одновременно с которым в Петербурге, в Коллегии иностранных дел, служил «профессор ориэнтальных языков» Г.-Я. Кер (1692—1740).

В середине XVIII в. востоковедные штудии в стенах Академии наук замирают, но собирание лингвистических и этнографических сведений о народах Поволжья, Сибири, Урала, Северного Кавказа продолжается учеными-натуралистами, возглавлявшими известные академические экспедиции восемнадцатого столетия.

Особое внимание В. В. Бартольд уделил развитию востоковедения в России в XIX в., в самом начале которого были изданы два важных документа, непосредственно связанных с судьбами русского востоковедения.

В 1803 г. Академия наук получила новый регламент, на основании которого среди наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься» (§ 3), опять значатся (изъятые по регламенту 1747 г.) гуманитарные науки: «история, статистика и экономия политическая». На этом

основании в число адъюнктов Академии наук был приглашен востоковед Г. Ю. Клапрот (1783—1835).

В 1804 г. был издан первый общий устав русских университетов, по которому в Московском и вновь создаваемых Казанском и Харьковском университетах на отделениях словесных наук учреждались кафедры восточных языков.

Настоятельная потребность в лицах, владеющих восточными языками, особенно остро проявилась в начале XIX в. в связи с присоединением Кавказа. Возникают проекты, воспроизводящие идею Кера о необходимости иметь в России «Академию или Общество наук и языков восточных».

В. В. Бартольд обстоятельно рассматривает все возникшие в ту пору проекты специальных востоковедных школ, уделяя особое внимание зарождению преподавания восточных языков в Казани, Петербурге, Одессе.

В свете изучения истории преподавания восточных языков в русских учебных заведениях особый интерес представляет предыстория факультета восточных языков Петербургского университета, образованию которого (22 октября 1854 г.) предшествовал проект (1850 г.) создания «С.-Петербургского Азиатского института», имевшего целью: «1) образование молодых людей для государственной службы по разным министерствам, где требуется основательное знание восточных языков, и 2) распространение ученых познаний об Азии или Востоке вообще» [13].

Проекту «Азиатского института» как нового типа востоковедного учебного заведения В. В. Бартольд уделил большое внимание, тщательно проанализировав различные точки зрения и мнения, существовавшие по этому поводу в правительственных и научных кругах.

Вместо «Азиатского института», созданию которого воспротивилось министерство иностранных дел, не пожелавшее расстаться со своим учебным отделением восточных языков при Азиатском департаменте МИД (осн. в 1823 г.), было решено учредить факультет восточных языков при Петербургском университете; тем самым было положено начало новому этапу в истории высшего образования в России и в истории преподавания восточных языков в русских университетах.

История ФВЯ в течение всего своего существования (1854—1919) являет собою почти непрерывную цепь реорганизаций, направленных на поиски оптимальной структуры факультета, организации преподавания востоковедных дисциплин и на определение целей и задач, которые разными лицами на разных этапах его истории определялись по-разному, хотя почти неизменно преобладала мысль, что «практические цели факультета, сколь ни важны они, составляют лишь часть его задачи, заключающейся, главнейше, как и задача всякого другого факультета, в ученой

[13] МИФВЯ, т. I, стр. 45.

обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых в нем предметов. . .» [14].

Хронология развития востоковедения в Петербургском университете определяется В. В. Бартольдом в непосредственной связи с университетскими уставами 1835, 1863, 1884 гг., в связи с чем последние четыре главы его труда носят названия, соответствующие указанным выше датам.

Полувековая история ФВЯ в основанном на изучении первоисточников изложении В. В. Бартольда, питомца факультета и в течение многих лет его профессора, предстает перед читателем как яркая страница истории востоковедения в России.

Вторым по времени издания трудом В. В. Бартольда, посвященным истории востоковедения, как сказано выше, является его курс лекций «История изучения Востока в Европе и России», который имел свою предысторию.

В программе «Общего введения в курс истории Средней Азии» первого профессора кафедры истории Востока на ФВЯ В. В. Григорьева был раздел «Историческое обозрение постепенного ознакомления европейцев с географией и этнографией Азии». В этом разделе курса, как, собственно, и во всем его содержании, «большая часть времени посвящалась истории ознакомления европейцев с Азией, главным образом обзору путешествий в азиатские страны с древнейших времен до настоящего; этот же обзор. . . заменял собою связное изложение географии и этнографии Азии» [15].

После ухода В. В. Григорьева на пенсию (1878 г.) кафедра и чтение лекций перешли к его ученику проф. Н. И. Веселовскому, читавшему курс «Обзор путешествий в Азию», в котором сообщались сведения о «постепенном расширении географического кругозора европейцев благодаря ознакомлению с новыми странами» [16].

Из этого краткого обзора можно с полным основанием сделать вывод, что на ФВЯ специального курса истории изучения Востока до В. В. Бартольда не было.

В. В. Бартольд начал свою педагогическую деятельность на ФВЯ в звании приват-доцента в 1896 г. В 1905 г. экстраординарный профессор В. В. Бартольд (с 1906 г. — ординарный профессор) читал бо́льшую часть обязательных лекций для студентов 1-го курса. В том же, 1905/06 учебном году В. В. Бартольд впервые прочитал два курса: «История ознакомления с Востоком в Европе» (первый семестр) и «История ознакомления с Востоком в России» (второй семестр), которые затем превратились в общий курс «История изучения Передней Азии и Индии в Европе и России».

---

[14] Там же, стр. 507.

[15] Бартольд, *Предисловие к 1-му изданию курса «История изучения Востока»*, ниже, стр. 200—201.

[16] Там же, стр. 201.

По мере накопления опыта и необходимых сведений этот вначале вспомогательный курс превратился в самостоятельный, а затем в книгу «История изучения Востока в Европе и в России», изданную дважды (СПб., 1911; Л., 1925).

Этот курс В. В. Бартольд читал до конца дней своих в Ленинградском университете и в Ленинградском институте живых восточных языков (осн. в 1920 г.), преобразованном в 1927 г. в Ленинградский восточный институт.

В. В. Бартольд придавал большое значение истории изучения Востока, так как, по его мнению, «успехи, достигнутые одной отраслью востоковедения, могут быть поучительны и для других; работы, имевшие целью изучение какой-нибудь одной страны, могут иногда служить образцом для исследований, производимых в других частях Азии» [17].

Для понимания научного мировоззрения В. В. Бартольда и его методологических позиций важно иметь в виду, что еще в начале своего научного пути он точно определил свое отношение к истории Востока: «. . . в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции» [18], хотя в это же время многими другими историками «высказывалось мнение, что народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова и что поэтому методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока неприменимы» [19].

Далее, в той же книге, В. В. Бартольд вновь возвращается к этой проблеме и четко формулирует свое credo историка: «Вообще по мере успехов востоковедения все более выясняется, что история Востока может быть объяснена только путем применения тех же научных методов, как история Европы, что в истории Востока, как в истории Европы, развитие и упадок культуры объясняются, главным образом, сближением с другими культурными народами или отчуждением от них, что в этой цепи культурного взаимодействия нет промежутка между „Востоком“ и „Западом“» [20].

Свои лекции по истории изучения Востока В. В. Бартольд начинал — что нашло отражение и в обоих изданиях книги — с определения тех требований, которым должна удовлетворять «каждая отрасль знания, чтобы быть признана наукой». Сюда он относил: 1) признание закона причинности и установление причинной связи между отдельными фактами; 2) систематическое расположение фактов в зависимости от выяснившейся причинной связи между ними; 3) установление объективных признаков достоверности фактов, вошедших в систему [21].

---

[17] Там же, стр. 202.

[18] Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 355.

[19] Бартольд, *История изучения Востока*, ниже, стр. 226.

[20] Там же, стр. 238.

[21] Там же, стр. 207.

Эти требования свидетельствуют о глубоком понимании В. В. Бартольдом предмета исторической науки, что и определило его успехи в разработке ряда аспектов истории Ближнего Востока, и в первую очередь истории Средней Азии.

С позиций этих требований В. В. Бартольдом был построен курс лекций и написана книга «История изучения Востока».

Надо было обладать работоспособностью и начитанностью В. В. Бартольда, надо было иметь его талант систематизатора, надо было располагать его синтетическими способностями, позволявшими делать большие и глубокие обобщения, и, наконец, нужно было иметь мужество, чтобы отважиться на создание энциклопедического курса и книги, которая уже многие десятилетия является единственным пособием по истории изучения Востока, пособием, без которого не обходится ни один востоковед, интересующийся медленным и сложным процессом накопления и освоения необходимых сведений и знаний о Востоке, о характере его культур и истории, о его языках и литературах.

Книга В. В. Бартольда подводит итог всему тому, что было сделано в области истории Востока учеными-востоковедами и практиками (купцами, паломниками, миссионерами, военными, любознательными путешественниками), начиная с первых, часто случайных, сведений, сохранившихся в легендах, эпических сказаниях, в трудах античных историков, первым среди которых был «отец истории» Геродот, и до начала 20-х годов текущего столетия.

Перед читателями развертывается картина медленного и многотрудного процесса изучения языков, истории, литератур и культур народов Востока.

Первая половина книги посвящена истории изучения Востока в Европе, вторая — в России, соседке восточных стран и народов, которая, вступив на поприще изучения Востока позднее Европы, сумела в XIX в. добиться больших и всеми признанных успехов. «В XIX в. изучение Востока, — писал В. В. Бартольд, — сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе» [22].

Важной и примечательной особенностью труда В. В. Бартольда, характеризующей к тому же и его научное мировоззрение, является особое внимание, которое он уделяет освещению состояния и роли науки у народов Востока: египтян, ассирийцев, сирийцев, китайцев, индийцев, арабов, персов и др.

По компетентному заключению Н. И. Веселовского, В. В. Бартольд написал «сочинение, которое по приемам работы, по обширности темы и по периоду времени можно приравнять к энциклопедии; но только эта энциклопедия исполнена одним лицом. Чтобы взяться за подобный труд для обнародования его в печати, нужны, помимо выдающейся эру-

[22] См. ниже, стр. 418.

диции, смелая решительность и большое самопожертвование» [23]. Русское археологическое общество в 1913 г. на основании отзыва Н. И. Веселовского присудило В. В. Бартольду за книгу «История изучения Востока в Европе и в России» большую золотую медаль.

Книга В. В. Бартольда в обоих изданиях снабжена обширными библиографическими справками, причем, по словам автора, «библиографическая полнота не имелась в виду ни в том, ни в другом издании; цель библиографических обзоров — дать необходимые указания начинающим» [24]. Библиографические и другие справочные сведения в книге «История изучения Востока» приводятся в конце каждой главы; в настоящем издании они расписаны в постраничные подстрочные примечания.

Со времени последнего издания этой книги, как и других работ В. В. Бартольда, вошедших в это издание, прошло уже много времени. Естественно, что к справкам В. В. Бартольда потребовались дополнения, которые и сделаны в соответствии с общими принципами, принятыми при переиздании его трудов. Все дополнительные сведения помещены в угловых скобках.

Дополнения и примечания — в силу сложности и обширности научного диапазона помещенных в этом томе сочинений В. В. Бартольда — написаны несколькими лицами (см. ниже), что, конечно, отразилось на их стиле и в известной степени на выборе предмета комментирования.

В библиотеке Ленинградского отделения Института востоковедения есть несколько экземпляров книги В. В. Бартольда «История изучения Востока» (1911) из его личной библиотеки. Один экземпляр представляет особый интерес. Он сброшюрован с чистыми листами, на которых содержатся многочисленные записи, сделанные рукой В. В. Бартольда, — цитаты, библиографические справки, пометы и т. п. По-видимому, это был рабочий экземпляр автора, пополнявшийся по мере накопления нового материала и использовавшийся при чтении лекций. Переиздавая «Историю изучения Востока», В. В. Бартольд располагал значительными дополнительными данными. Однако Н. Н. Туманович при сверке текста первого и второго изданий больших текстуальных расхождений не обнаружила. В. В. Бартольд ограничился главным образом пополнением библиографических разделов, завершавших каждую главу монографии. В предисловии к первому изданию он писал: «. . . книга передает, с некоторыми дополнениями и поправками, только содержание лекций, но не форму изложения. При чтении лекций я имел перед собой только краткий конспект; текст курса в том виде, в каком он теперь предлагается вниманию читателей, был всецело установлен во время приготовления

---

[23] *Отзыв действительного члена [ВОРАО] Н. И. Веселовского о сочинении В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и в России»*, СПб., 1911, — ЗВОРАО, т. XXII, вып. I—II, СПб., 1914, стр. XXII.

[24] Бартольд, *История изучения Востока*, ниже, стр. 206.

книги к печати, совершенно независимо от той формы, в которой те же сведения первоначально были сообщены слушателям».

При подготовке к печати второго труда — «Обзор деятельности факультета [восточных языков]» — были приняты во внимание и внесены в подстрочные примечания (в угловых скобках) дополнения, сделанные В. В. Бартольдом на полях принадлежавшего ему экземпляра этой книги, ныне хранящегося в библиотеке ЛО ИВАН.

* * *

Упомянутые труды В. В. Бартольда, особенно его «История изучения Востока в Европе и в России», сыграли важную роль в историографии как отечественного, так и западноевропейского востоковедения, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что спустя два года после выхода в свет первого издания названной выше книги она была переведена на немецкий язык (издана без первых двух глав), а в 1947 г. появился ее французский перевод.

Подобного всеобъемлющего труда, посвященного многовековой истории изучения Востока, написанного одним ученым, еще нигде не было и нет, и едва ли — при современном дробном делении востоковедных дисциплин — он может появиться. Только В. В. Бартольду подобный труд оказался по плечу!

В своей научной деятельности В. В. Бартольд никогда не замыкался в узкие национальные рамки; он проявлял постоянный живой интерес к востоковедению в других странах, внимательно следил за развитием и достижениями востоковедения в Европе и на Востоке.

В. В. Бартольд принимал непосредственное участие в общем деле исследования истории Востока путем сотрудничества в международных изданиях (для «Энциклопедии ислама» он написал 246 статей), рецензирования работ иностранных востоковедов (только в первых семи томах его Сочинений опубликовано 18 рецензий на иностранные работы), чтения лекций и докладов на съездах и в иностранных научных и учебных учреждениях (Лондон, Стамбул, Хельсинки, Брюссель и др.), публикации в зарубежных изданиях статей, знакомящих иностранных ученых с достижениями отечественного востоковедения (см., например, помещенную в этом томе статью, написанную для немецкого журнала, «Состояние и задачи изучения истории Туркестана»). Он составлял некрологи русских и иностранных ученых, публиковал отчеты о своих заграничных поездках [25], сообщающих о состоянии и проблемах востоковедения за рубежом (см., например, публикуемую в этом томе статью «Научная поездка в Западную Европу»). Обширнейшая переписка В. В. Бартольда, хранящаяся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, свидетельствует

[25] О них см. наст. изд., т. I, стр. 17.

о его тесных деловых контактах с иностранными и отечественными коллегами.

Исключительное значение трудов В. В. Бартольда для развития исторической науки о Востоке в Западной Европе и на Востоке подтверждается тем знаменательным фактом, что основные его труды переведены на восточные (турецкий, персидский, арабский, узбекский, татарский, грузинский, японский) и западноевропейские (немецкий, английский, французский) языки. Ряд его работ был издан на иностранных языках; на большинство его сочинений иностранными учеными написаны рецензии.

* * *

Публикуемые в этом томе статьи В. В. Бартольда объединяются вокруг трех больших тем: 1. Состояние и задачи изучения Туркестана. 2. Восток и русская наука. 3. Западноевропейское востоковедение. Кроме того, в том включены некрологи десяти русских и шести западноевропейских востоковедов.

Цикл статей, освещающих первую тему, представлен следующими работами: «Задачи русского востоковедения в Туркестане», «Ближайшие задачи изучения Туркестана», «Положение науки в Туркестанском крае», «Состояние и задачи изучения истории Туркестана», «Новое научное общество в Ташкенте», «По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга», «К проекту Восточного института», «Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке», «Туркестанская Государственная библиотека и местная мусульманская печать».

В речи «Задачи русского востоковедения в Туркестане», которая была подготовлена для прочтения на годичном собрании Академии наук 29 декабря 1914 г., затрагиваются многие проблемы, имевшие первостепенное значение для развития тогдашнего русского востоковедения. Для понимания исторического мировоззрения В. В. Бартольда важное значение имеет его оценка Средней Азии. Он отмечает, что Средняя Азия входила «в состав первой мировой империи, которую знает история, именно империи персидских царей. В IV в. до н. э. те же области, благодаря походам Александра Македонского, подверглись влиянию европейской античной культуры; двумя веками позже в крае появились первые представители культуры Дальнего Востока, причем из их рассказов видно, что страна еще раньше вступила в культурное общение с Индией» (ниже, стр. 523).

В числе основных задач В. В. Бартольд выдвигает археологические исследования ряда городов и охрану памятников Средней Азии, а в качестве первоочередной задачи предлагаются раскопки городища Афрасиаб (под Самаркандом). В последние годы советские археологи ведут работу больших масштабов по археологическому изучению Средней Азии, в том числе и на Афрасиабе [26].

[26] См. также Предисловие к т. IV наст. изд., М., 1966.

Одной из важных задач русского востоковедения В. В. Бартольд считал также изучение тюркских кочевников Средней Азии, которое для лингвиста и этнографа является «столь же благодарной задачей, как изучение иранских горцев». Однако В. В. Бартольд заблуждался относительно того, что изучение «быта и литературы оседлых жителей края. . . таджиков и сартов» будет «менее привлекательным и плодотворным». Это утверждение находится в противоречии с его же утверждением о необходимости изучения духовной культуры названных народов, для чего «требуется еще целый ряд исследований ориенталистов, но уже теперь можно сказать, что эти исследования не будут бесплодными». И далее: «. . . если представители точных наук (в эпоху Улугбека. — *А. К.*) приглашались из Персии, то мусульманская богословская школа всецело основывалась на местных традициях» [27].

Задачи, которые ставит современное советское востоковедение, шире тех задач, которые ставил В. В. Бартольд перед русскими востоковедами в конце 1914 г., но тем не менее среди проблем, выдвигавшихся В. В. Бартольдом в качестве первоочередных, есть такие, решать которые выпало советским исследователям Средней Азии: археологическое исследование края, изучение истории, литератур и языков этого обширного региона, изучение всего комплекса вопросов, объединенных понятием «духовная культура». Нельзя не согласиться с заключительными строками статьи: «. . . тщательное изучение культуры былых времен и бережная охрана памятников этой культуры остается одним из основных признаков культурного государства».

Статья «Ближайшие задачи изучения Туркестана» посвящена одной из тем, к которой В. В. Бартольд неоднократно возвращался. Повторные обращения к названной теме объясняются тем, что без определения основных направлений и первоочередных задач при изучении этого огромного края с его многочисленными памятниками культуры (во всех ее проявлениях) невозможно начать и продолжать его сколько-нибудь осмысленное и планомерное изучение.

В статье «Положение науки в Туркестанском крае» говорится, что на первых порах после присоединения к России положение науки в крае было весьма обнадеживающим, «но за периодом кипучей деятельности, — писал В. В. Бартольд, — по обыкновению наступил период затишья». Для оживления научной деятельности необходимо было, по мнению В. В. Бартольда, установление тесной научной связи «между столичными и местными научными деятелями», а также создание деятельного научного общества с обязательным привлечением местных научных сил — русских и национальных. В. В. Бартольд завершает статью оптимистическим

---

[27] См. также Предисловие к т. V наст. изд., М., 1968, и Предисловие к т. VII наст. изд., М., 1971.

заключением: «Совместная работа русских и туземных деятелей несомненно даст более ценные результаты».

Статья «Состояние и задачи изучения истории Туркестана», написанная для немецкого еженедельника «Die Geisteswissenschaften», носит справочный характер. В ней перечислены основные научные труды по истории этого края и намечены задачи, стоящие перед туркестановедением.

«Новое научное общество в Ташкенте» — информационная заметка об учреждении Туркестанского кружка любителей археологии; заседание инициативной группы (с участием В. В. Бартольда) состоялось 11 декабря 1893 г., первое общее собрание членов-учредителей Туркестанского кружка любителей археологии было созвано 11 декабря 1895 г.[28].

В. В. Бартольд внимательно и благожелательно следил за развитием научного востоковедения в Средней Азии и сам неизменно и активно участвовал во всех мероприятиях, направленных на пользу отечественного востоковедения на местах.

Вниманием к судьбам научного востоковедения в Средней Азии продиктованы две следующие статьи: «По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга» (1902) и «К проекту Восточного института» (1906).

С. Ф. Ольденбург предлагал учредить в Ташкенте высшую школу востоковедения. В. В. Бартольд, «вполне сочувствуя идее уважаемого академика», в то время не видел «в наличности условий, необходимых для ее осуществления. . .» (ниже, стр. 492). Одним из условий, по его мнению, являлась необходимость иметь «достаточное количество серьезных научных сил» (ниже, стр. 492).

В. В. Бартольд отстаивал давно утвердившееся и проверенное временем положение, что направленность факультета восточных языков Петербургского университета, равно как и ему подобных учебных заведений, «должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами», ибо «ориенталист, желающий работать на Востоке, должен обладать серьезной общенаучной подготовкой» (ниже, стр. 493). Однако В. В. Бартольд не находит серьезных возражений «против перенесения в Ташкент высших восточных школ, куда поступают молодые люди, не нуждающиеся в сложной теоретической подготовке или уже приобревшие таковую» (ниже, стр. 494).

В целях развития научного востоковедения В. В. Бартольд предлагал вернуться к идее В. Р. Розена: «учредить кафедры восточных языков при историко-филологических факультетах всех русских университетов» (ниже, стр. 494). Эта статья В. В. Бартольда сохраняет и поныне свое значение как одно из противоборствующих мнений о судьбах и путях развития тогдашнего отечественного востоковедения.

Статья «К проекту Восточного института» написана в связи с вновь возрожденной в 1906 г. идеей (впервые высказанной в 1902 г.) «об учрежде-

[28] Лунин, *Из истории востоковедения*, стр. 44—45.

нии в Ташкенте высшего учебного заведения с восточными языками по образцу Восточного института во Владивостоке», основанного группой профессоров-востоковедов Петербургского университета в 1899 г.

В. В. Бартольд решительно высказался против учреждения Восточного института по причине неясности целей и задач подобного учебного заведения. Изменить же к лучшему существовавшие в ту пору условия подготовки востоковедов, по мнению В. В. Бартольда, можно было «только путем изменения всех условий русской жизни, а не путем создания в Ташкенте специального института».

В целях успешного решения проблемы подготовки востоковедов-практиков В. В. Бартольд считал необходимым «вернуться к проекту. . . учредить в Ташкенте коммерческое училище с преподаванием восточных языков. Если наряду с этим будут сохранены курсы местных языков для военных и гражданских служащих, то потребность края в знающих местные языки деятелях на различных поприщах государственной и частной службы будет удовлетворена. . .» (ниже, стр. 502).

Две статьи — «Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке» и «Туркестанская Государственная библиотека и местная мусульманская печать» — посвящены положению и нуждам библиотеки.

Второй цикл статей освещает общие задачи русского востоковедения, отношение русской науки к Востоку, деятельность Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, сыгравшего важную роль в деле организации экспедиций, исследовавших Азию в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Этот цикл начинается статьей «Восток и русская наука», написанной в разгар первой мировой войны (1915 г.); она имела своей целью осветить некоторые проблемы, которые придется решать России после окончания войны, так как, по словам В. В. Бартольда, «выполнение русским народом его исторического призвания на Западе и на Востоке находится в тесной зависимости от состояния русской науки» (ниже, стр. 534). Однако стремление ученых, горячо желавших «работать на пользу родной страны, встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки» (ниже, стр. 542).

В. В. Бартольд, ученый и патриот, далекий от мысли, что востоковедение должно служить империалистическим целям царского правительства, с горечью писал о «таких обидных для русского самолюбия фактах прошлого, как рабское подчинение русских ученых, по воле русского правительства, их западноевропейским коллегам и приоритет Германии в отраслях знания, которые, казалось бы, прежде всего должны были найти себе место в России» (ниже, стр. 544).

В заметке «Изучение Востока — главнейшая задача академии» В. В. Бартольд вновь привлекает внимание к изучению вошедших в состав СССР «нескольких восточных культурных миров прошлого и настоящего», отмечая при этом, что «академия может работать с успехом только

в тесном общении с деятелями высшей школы и вообще с исследователями, работающими на местах. В частности, для востоковедения необходимо широкое развитие гуманитарных наук, необходима постановка вопросов исключительно в зависимости от требования научной мысли и научной правды, без подчинения предвзятым теориям и без уступки временным тенденциям, особенно националистическим» (ниже, стр. 582).

В заключение В. В. Бартольд высказал твердую уверенность, что на успехах науки не отразятся «попытки отдельных ученых в угоду националистическим тенденциям изображать воинов Чингиз-хана и Батыя в виде людей необыкновенно высокой культуры» (ниже, стр. 582).

В статье «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг.» В. В. Бартольд, секретарь Русского комитета, в своей обычной обстоятельной манере излагает основные линии работы комитета за указанный выше период времени.

Третий цикл представлен статьей «Научная поездка в Западную Европу» и некрологами русских и западноевропейских востоковедов.

Статья «Научная поездка в Западную Европу» — это отчет В. В. Бартольда о научной командировке (октябрь 1922—апрель 1923 г.) в Лондон (куда он отправился с целью подготовки английского издания своего труда «Туркестан в эпоху монгольского завоевания» и для чтения по приглашению Лондонского университета курса лекций по истории среднеазиатских кочевников) и в Брюссель (для участия в съезде историков — апрель 1923 г.) [29].

В статье В. В. Бартольд критически излагает содержание целого ряда новых работ, с которыми ему удалось познакомиться во время командировки, по различным вопросам истории Центральной и Средней Азии и Ближнего Востока. Затем рассматриваются доклады, прочитанные на съезде историков в Брюсселе.

В. В. Бартольд, как историк науки и ученый-гуманист, неизменно откликался на потери науки, давая с обычной для него благожелательностью и точностью характеристик беспристрастную оценку ушедшим коллегам. Строгая объективность и нелицеприятие В. В. Бартольда, неизменно проявлявшиеся в некрологах, рецензиях и любых других откликах на работы коллег, широко известны. «. . . По честности, беспристрастию и мужеству, — писал П. Пельо, — человек в нем был на той же высоте, что и ученый» [30]. В этом томе помещены некрологи и характеристики научной деятельности целого ряда выдающихся востоковедов: И. Н. Березина, П. М. Мелиоранского, В. Р. Розена, И. Т. Поспавского, К. Г. Залемана, В. А. Жуковского, Н. И. Веселовского, В. П. Васильева,

[29] В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Западную Европу*, — наст. изд., т. VIII, М., 1973, стр. 397 — 412.

[30] Pelliot, *W. Barthold*, — «T'oung Pao», vol. XXVII, pp. 458 — 459. См. еще наст. изд., т. I, стр. 20.

В. В. Радлова, Э. Шаванна, И. Гольдциера, В. Томсена, Р. Дози, Фр. Хирта, И. Маркварта, С. М. Дудина.

Заключает этот том автобиография В. В. Бартольда.

Текст IX тома подготовили к изданию Н. Н. Туманович и А. М. Мандельштам; ими же при участии В. Б. Португаля составлена библиография; указатели составлены Л. Н. Карской, С. П. Лавровой, И. П. Лемешевой, Н. Н. Туманович и О. П. Щегловой.

Редакционные примечания (в угловых скобках; помечены инициалами) составлены: А. Н. Кононовым (инициалы — *А. К.*), А. М. Мандельштамом (*А. М.*), Н. Н. Туманович (*Н. Т.*), И. М. Дьяконовым (*И. Д.*), Л. Н. Меньшиковым (*Л. М.*), В. Б. Португалем (*В. П.*), К. Н. Юзбашяном (*К. Ю.*). Статья «Состояние и задачи изучения истории Туркестана» переведена с немецкого В. Г. Гузевым.

Составители и редактор при подготовке тома пользовались дружескими консультациями С. Г. Кляшторного, которому приносят свою благодарность.

А. Н. Кононов

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩

Предлагаемый вниманию читателей краткий обзор полувековой жизни факультета восточных языков не является ни юбилейным панегириком, ни попыткой дать всестороннюю оценку деятельности факультета. Для такой попытки едва ли настало время. Отдельному человеку только в редких случаях бывает суждено дожить до пятидесятилетия своей деятельности; из ученых, приступавших 1 сентября 1855 г. к чтению лекций в факультете, в настоящее время находится в нашей среде только один [1]; но для жизнеспособного учреждения первые полвека его существования — срок, едва достаточный для установления традиций, которые могли бы лечь в основу его дальнейшей деятельности. Жизненный опыт успел внести существенные изменения в те взгляды, с которыми приступали к выполнению своей задачи первые деятели факультета; но насколько этим опытом определится его дальнейшая жизнь, насколько прочным окажется взгляд на его задачи, господствующий в настоящее время, — на этот вопрос теперь едва ли может быть дан ответ. Выпущенные в свет два тома «Материалов для истории факультета восточных языков» когда-нибудь, вероятно, будут использованы беспристрастным историком, располагающим необходимой для оценки прошлого перспективой; со своей стороны, мы постарались дать читателям краткий и, по возможности, объективно составленный обзор тех обстоятельств, при которых возник факультет, тех взглядов, которыми руководились его основатели и первые деятели, тех предположений, которые в разное время возникали как в среде самого факультета, так и в правительственных кругах, с указанием, какие из принятых мер достигли намеченной цели, какие, формально получив осуществление, остались мертвой буквой или привели к неожиданным последствиям и какие, наконец, остались в области предположений. Для выяснения причин, вызвавших учреждение факультета и определивших его состав и задачи, оказалось необходимым предпослать очерку истории факультета краткий обзор судеб русского востоковедения до 1855 г.

---

[1] ⟨Семитолог, проф. Даниил Абрамович Хвольсон (1819—1911); о нем см.: ИИН, № 11061—11069; Ливотова, *Основная литература*, стр. 507—508. См. также ниже стр. 101. — *А. К.*⟩

I

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ В XVIII в.

Официальное преподавание восточных языков возникло в России одновременно с устройством первых светских школ вообще, т. е. при Петре Великом. В просветительных начинаниях Петра виден тот же всеобъемлющий гений, как во всей его деятельности. Обеспечивая сближение России с Европой и насаждая в преобразованном государстве европейскую науку, Петр не упускал из виду задач России на востоке, определяемых ее географическим положением и составом ее населения.

Раньше других восточных языков было обращено внимание на языки Дальнего Востока, где политические и торговые интересы России были созданы договором с Китаем (1689 г.) и занятием Камчатки (1697 г.). Еще в 1696 г. Лука Морозко добыл в Камчатке несколько японских рукописей, занесенных туда японцами, потерпевшими кораблекрушение. В следующем, 1697 г. завоеватель Камчатки пятидесятник Владимир Атласов[1] встретил на берегу р. Ичи одного из этих японцев, пробывшего в Камчатке уже два года, и взял его с собою на Анадырь, откуда хотел привезти его в Якутск, но после шести дней бега на лыжах[2] у японца опухли ноги, так что его пришлось оставить в Анадырском остроге. Атласов прибыл без него в 1700 г. в Якутск, в 1701 г. в Москву, где изложил в Сибирском приказе подробное донесение о своих действиях, между прочим и о японце, которого назвал «толковым и учтивым парнем»[3]. Донесением Атласова, очевидно, был вызван появившийся в следующем году приказ Петра воспользоваться этим японцем для обучения нескольких молодых русских японскому языку.

По замечательному совпадению первый правительственный указ об обучении русских людей в столице восточному языку был издан в тот же

---

[1] О нем и его сношениях с японцем см.: *Описание морских путешествий*, I, стр. 293 и сл.; Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*, S. 438.

[2] Так, очевидно, надо понимать слова Страленберга: «Dieser Fremdling wäre mit Wolodimir 6 Tage von Anandirskoi auf Liski gegangen». Ср. также выписку из «летописи Есипова» в статье Сгибнева (*Попытки русских*, стр. 37).

[3] У Страленберга: «Sonst sey er ein sehr verständiger und höflicher Kerl gewesen».

самый день, в который знаменитым манифестом о вызове иностранцев было положено начало насаждению в России европейской науки. Указ 16 апреля 1702 г., по-видимому, не дошел до нас, но на него ссылается вторичный указ по тому же предмету, 16 октября 1705 г., сохранившийся в делах Сибирского приказа и напечатанный в 1853 г. П. И. Ивановым [4]. 16 апреля 1702 г. по указу государя был «отослан из сибирского приказу в приказ артиллерии японского государства иноземец Денбей для учения русского языка и грамоты, и как он Денбей русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти». 16 октября 1705 г. Петр из Гродны «указал из приказу артиллерийского в Сибирский приказ отписать: японского государства иноземец Денбей русскому языку и грамоте в приказе артиллерийском выучился-ль? и своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит ли»?

По приписке, сделанной в делах Сибирского приказа дьяком И. Чепелевым, «продолжения, собственно до этой бумаги относящегося, не отыскано». Автор статьи, напечатанной в 1868 г., А. Сгибнев [5], уверяет, что на основании указа Петра еще в том же, 1705 г. «была открыта в Петербурге японская школа, главный надзор над которой был поручен сенату». Если бы это известие подтвердилось, то пятидесятилетие факультета совпало бы с двухсотлетием официального преподавания восточных языков в России. Однако приходится сильно сомневаться в достоверности этого известия, тем более что автор статьи не указывает своего источника [6]. Из его слов можно бы заключить, что школа при самом своем основании была подчинена надзору сената; между тем сенат, как известно, был учрежден только в 1711 г.[7]. Трудно понять, каким образом местом для новой школы мог быть избран Петербург, где в то время еще не было никаких правительственных учреждений и где едва начинали воздвигать первые постройки. Во всяком случае, мы не нашли никаких данных ни о пребывании Денбея в Москве или Петербурге, ни о его преподавательской деятельности; автору специальной истории русских путешествий и открытий первой половины XVIII в., академику Г. Ф. Миллеру, остался неиз-

---

[4] П. Иванов, *Распоряжения Петра Великого.*

[5] Сгибнев, *Об обучении японскому языку.* ⟨См. теперь еще: Петрова, *Японский язык в России. — А. К.*⟩

[6] Только в примечании к заглавию сделана общая ссылка на дела «иркутского и якутского архивов».

[7] В статье, напечатанной в 1869 г., тот же А. Сгибнев уже не упоминает ни о сенате, ни о самой японской школе; по этой статье «Петр приказал сибирскому приказу собрать о Японии самые подробные сведения. И хотя сибирский приказ неоднократно посылал по этому поводу указы якутской воеводской канцелярии, но она не могла привести их в исполнение ранее 1710 г.» (Сгибнев, *Попытки русских*, стр. 38. Указанием на эту статью я обязан А. Е. Любимову).

вестным даже самый факт приезда Денбея в Москву [8]. О другом японце, Саниме, который, по словам Сгибнева, после 1711 г. «был назначен помощ-

[8] Таким образом, остается невыясненным, был ли Денбей вообще привезен в Европейскую Россию. Если бы сообщение биографов А. И. Богданова (помощника библиотекаря Академии наук), что он был сыном японца и родился в Сибири в 1707 г., могло быть признано достоверным, то известие о прибытии Денбея в Москву пришлось бы безусловно отвергнуть, так как другого японца в России до 1710 г. не было; но это сообщение представляется крайне сомнительным. Сличение заметок о Богданове в различных биографических словарях показало мне, что все они сводятся к двум основным источникам, к статье Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» и статье Д. И. Языкова в VI томе «Энциклопедического лексикона» Плюшара. В словаре Новикова нет ни слова ни о японском происхождении Богданова, ни о его рождении в 1707 г.; напротив, говорится, что он умер в 1768 г. «около 70 лет от рождения». Последние слова, не замечая противоречия, повторил и Языков. Откуда последний заимствовал сведения, что Богданов был сыном японца и знал японский язык, что он родился в Сибири в 1707 г., что он в 1733 г. был привезен в Петербург и отдан в академическую гимназию, неизвестно. По автобиографической записке самого Богданова, поданной в академию 3 сентября 1766 г. и приведенной в книге Пекарского (*История Имп. Академии наук*, т. II, стр. 199), Богданов уже с 1712 г. был на службе «при пороховом деле», следовательно, не мог родиться в 1707 г. По МИИАН (т. I, стр. 222 и 332) Андрей Богданов в 1726 г., когда уже служил в академической типографии, был причислен к гимназии «latinae linguae tyrocinia melius ut poneret»; там же сказано, что он родился в Москве. В списке учеников, принятых в гимназию в 1733 г. (МИИАН, т. II, стр. 417—426), имени Богданова нет. П. Н. Петров (*История Санкт-Петербурга*, примечания, стр. 3) на основании исповедных росписей утверждает, что биографы по ошибке смешали А. Богданова, помощника библиотекаря, происходившего из Новгорода, куда он и вернулся после отставки, и родившегося в 1691 или 1692 г., с другим А. Богдановым, живописцем, тоже служившим при академии, который родился около 1706—1707 гг. и действительно был сыном японца. Сообщение Петрова осталось неизвестным последующим биографам Богданова, которые продолжали приводить о нем биографические данные по Языкову. Однако сведения Петрова, по-видимому, тоже не вполне точны; из приведенной у Пекарского автобиографической записки видно, что Богданов оставался при академии до своей смерти, последовавшей в 1766 г., и в отставку не выходил. Когда и как его бумаги попали в Новгородскую семинарию, остается неизвестным; отрывок из тех *Дополнений* к истории Петербурга, о которых упоминает Петров (полностью *Дополнения* были изданы в Москве в 1903 г. под редакцией А. А. Титова, не знавшего, как видно из его предисловия, ни о книге Петрова, ни о статье «Сына Отечества»), был напечатан еще в 1839 г. в «Сыне Отечества» ⟨Богданов, *О погорениях*⟩; записки тогда хранились «у г-на Суханова»; они доведены до 1766 г., что также не говорит в пользу известия Петрова о выходе Богданова в отставку и о переселении его в Новгород. Живописец цветов Андрей Богданов упоминается в неоконченном труде того же П. Н. Петрова «Сборник материалов для истории Академии художеств», в статье «Обзор движения искусства в России с XVII в. по настоящее время», стр. XII; там он назван одним из учеников живописца Гзелля (Gsell) и его жены Мериан. Однако из МИИАН видно, что при жизни Гзелля (до 1740 г.) и позже (до 1750 г.) при академии ни среди служащих, ни среди учеников не было другого Андрея Богданова, кроме помощника библиотекаря. У Хассельблатта (*Historischer Ueberblick*, S. 38—39) ученик Гзелля, живописец цветов и фруктов Богданов назван не Андреем, а Иваном; Иван Богданов действительно упоминается в числе учеников гимназии в 1737 г. (МИИАН, т. III, стр. 475); по сведениям об академической гимназии, собранным в статье гр. Д. И. Толстого ⟨*Штелинов реестр*⟩, стр. 158,

ником к Денбею» [9], Миллер знал, что он в апреле 1710 г. потерпел крушение у берега Камчатки, вместе с пятью товарищами был взят в плен камчадалами, вместе с тремя попал в руки русских и в 1714 г. был отправлен в Петербург. Санима и его товарищи (оставшиеся в Восточной Сибири) скоро научились русскому языку настолько, что могли отвечать на предлагавшиеся им вопросы о Японии; но и о Санime не говорится, чтобы он научил своему языку кого-нибудь из русских [10]. Первые достоверные сведения о преподавании в Петербурге японского языка относятся, как мы увидим дальше, только к 30-м годам XVIII в., так что указы Петра, по-видимому, остались неисполненными.

Столь же мало результатов имели при жизни Петра его заботы о появлении в России знатоков Китая, которые бы могли проповедовать Евангелие китайцам и монголам и этим содействовать расширению русской торговли и укреплению русского политического влияния.

18 июня 1700 г., во время последних переговоров о мире с Турцией и последних приготовлений к войне с Швецией [11], был издан указ «о непокупке бухарцам и калмыкам в Тобольске и других городах соболей и рухляди, об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия инородцам и китайцам и о построении в пограничных местах для торгу с китайцами гостиного двора» [12].

Дело распространения христианства в Китае предполагалось поручить будущему сибирскому митрополиту; он должен был привести с собою «добрых и ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись, и их суеверие познав, могли твердыми святого Евангелия доводами многие души области темные сатанинские привести в свет познания Христа Бога

он был принят в гимназию 10 декабря 1736 г. Все это достаточно показывает недостоверность биографических сведений, восходящих к Д. И. Языкову; вопрос о том, был ли живописец Богданов сыном японца и при каких условиях его отец попал в Россию, остается для меня невыясненным. Сообщение П. А. Словцова (*Историческое обозрение Сибири*, кн. I, стр. 206, прим.), будто А. И. Богданов «есть сын японца, в 1710 г. спасшегося на берегу Камчатском и посланного в столицу» (т. е. Санимы), представляет, по-видимому, ни на чем не основанную догадку. ⟨См. теперь: Кобленц, *А. И. Богданов. — А. К.*⟩

[9] Сгибнев, *Об обучении японскому языку*, стр. 56.

[10] О Санime ср. *Описание морских путешествий*, I, стр. 296 и сл. Японец, которого встретил в Тобольске Страленберг (*Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*), несомненно, был Санима, а не Денбей, как полагал сам Страленберг. Запрос Лейбница Петру Великому «о японце, которого бурею прибило к берегам Камчатки и о котором будто бы г. Виниус знает обстоятельно» (Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 29), тоже относится, вероятно, к Санime. ⟨О нем см. еще: Кобленц, *А. И. Богданов*, стр. 17, 20, 23, 26, 35, 36; Петрова, *Японский язык в России*, стр. 1 и др.; Татаринов, *Лексикон* (на стр. 3—13 приводятся сведения об изучении японского языка в России в XVIII в.); Файнберг, *Японцы в России. — А. К.*⟩

[11] Ср. Соловьев, *История России*, кн. III, стр. 1235—1240.

[12] ПСЗ, № 1800.

нашего, и тамо живущих [13] и приезжих христиан от прелести всякой идолослужения их отводити, и тамо могли бы жити и у той построенной Божией церкви служити, чтобы своим благим житием хана китайского и ближних его людей и обще их народ привести бы к тому святому делу, и к российскому народу людям, которые по вся годы с караваны для торга и для всяких посылок порубежных ездят, учинить себя склонительных».

Ученого иерарха в то время можно было найти только среди малороссийского духовенства; после отказа Дмитрия Ростовского сибирским митрополитом был назначен эконом Киево-Печерского монастыря Филофей Лещинский [14], управлявший сибирскою митрополиею два раза (1702—1709 и 1719—1721 гг.) [15]. Мысль об отправлении миссионеров в Монголию была осуществлена только в 1707 г.; был отправлен Иларион Лежайский и с ним два «школьных ученика» для изучения монгольского языка. Несмотря на дружественные отношения между митрополитом Филофеем и монгольским гэгэном [16], миссия не имела успеха и скоро вернулась в Тобольск [17]. Тот же Лежайский, бывший в то время архимандритом якутским, в 1714 г. был послан во главе духовной миссии в Пекин, куда прибыл в 1716 г. Лежайский умер в следующем году на обратном пути в Россию, но его спутники остались в Китае [18], так что с этого времени фактически начинается существование постоянной «российской духовной миссии» в Пекине [19] (до 1864 г. с ней была соединена и политическая), хотя официально она была учреждена только по Кяхтинскому договору 14 июня 1728 г.[20]. Уровень образования миссионеров, их образ жизни в Китае и характер их деятельности [21] всегда оставались очень далеки от идеала, на-

[13] Имеются в виду так называемые «албазинцы», т. е. русские пленники, оставшиеся в Китае после взятия китайцами крепости Албазин на Амуре (1685 г.).

[14] Соловьев, *История России*, кн. III, стр. 1365—1366.

[15] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 180, прим.

[16] МИРДМ, стр. 12, прим.

[17] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 180.

[18] Там же, стр. 167—168; МИРДМ, стр. 12—17.

[19] Такого взгляда держался и историк Пекинской миссии, архимандрит Софроний Грибовский, как показывают его слова: «С коих пор начали духовные чины существовать Манджуро-Китайского государства в столичном городе Пейдзине» (МИРДМ, стр. 13).

[20] ПСЗ, № 5286. В ст. 5 договора упоминается «один лама (священник), ныне в Пекине обретающийся», к которому «прибавятся другие три ламы, которые прибудут как решено»: при них должны были находиться «четыре мальчика учеников и два побольшего возраста, которые по Русски и по Латине знают». Условия Кяхтинского договора были изложены в проекте, данном российским послом (С. В. Рагузинским, графом Иллирийским) 21 марта 1727 г. в Пекине; уже в проекте, как в окончательной редакции, договор разделялся на 11 пунктов (ПСЗ, № 5143: Буринский трактат 20 авг. 1727 г.).

[21] Подробные сведения об образе жизни настоятелей и членов миссий можно найти в «Материалах» <МИРДМ>, изданных под ред. Н. И. Веселовского. <О российской духовной миссии в Пекине см. также ниже, стр. 388.>

чертанного в указе Петра; тем не менее миссия дала России целый ряд выдающихся синологов, и услугами лиц, научившихся китайскому языку во время пребывания при миссии в Пекине, впоследствии пользовались все русские ученые учреждения, имевшие отношение к востоковедению, от Академии наук до факультета восточных языков включительно.

Миссионерская школа монгольского языка, открытая в 1725 г. в Иркутске, прекратила свое существование уже в 1739 г.; попытки основать школу переводчиков также не имели успеха; тем не менее в пограничных областях и впоследствии благодаря потребности в переводчиках всегда были отдельные знатоки монгольского языка; эти местные знатоки впоследствии сделались учителями первых профессоров этого языка в университетах [22].

Для изучения языков Ближнего Востока таких мер при Петре, несмотря на его планы относительно Турции и Средней Азии, не принималось, может быть, потому, что правительство в лице своих мусульманских подданных имело готовый кадр переводчиков и посредников [23]. Впоследствии Петр пользовался также услугами бывшего молдавского господаря, князя Дмитрия Кантемира, перешедшего на сторону России в 1711 г.; во время персидского похода 1722 г. с князем была типография, где печатались прокламации на турецком и персидском языках [24]. Меры для изучения русскими языков мусульманских народов были приняты только в 1716 г.; 18 января был издан сенатский указ «о выборе в Москве из латинских школ пяти человек молодых для посылки в Персию обучаться восточным языкам»; предполагалось выбрать «робят добрых, молодых пять человек, таких, которые бы по меньшей мере грамматику выучили, для посылки в Персиду при посланнике господине Волынском для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому, а выбрав, отдать их в посольский приказ» [25]. Волынский пробыл в Исфахане только с марта по сентябрь 1717 г.[26]; был ли исполнен указ о выборе молодых людей и каков был успех их обучения, неизвестно; во всяком случае, уже Петр при сношениях с Персией и Турцией мог иногда пользоваться услугами переводчиков русского происхождения [27].

Просветительные начинания Петра в области востоковедения, как и

---

[22] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 181—185.

[23] Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 187.

[24] Там же, стр. 250. <О нем см. еще: Guboglu, *Dimitrie Cantemir — Orientaliste. — А. К.*>

[25] ПСЗ, № 2978. <28 августа 1724 г. в связи с миссией Румянцева в Турцию Петр I повелел «для посылки в Царь-град ради обучения Турецкого языка выбрать ему брегадиру Румянцеву, из учеников Московской Академии четырех человек» (П. Иванов, *Дополнительные сведения*, стр. 29; то же: ВИРГО, стр. 171). — *А. К.*>

[26] Соловьев, *История России*, кн. IV, стр. 664—666.

[27] В 1722 г. упоминается переводчик русского посольства в Константинополе Мальцев (там же, стр. 691).

в других областях, не ограничивались мерами, необходимыми для выполнения его политических планов; но по понятным причинам его меры к насаждению в России научного востоковедения в то время еще меньше могли иметь успех, чем указы о преподавании восточных языков для политических и торговых целей. В петербургский музей редкостей (Кунсткамеру), основание которому было положено еще во время первого заграничного путешествия Петра (1697—1698 гг.) [28], поступали и восточные монеты, но до 1735 г. они, по отзыву Кера, представляли «беспорядочную груду» (confuser Haufen) [29]. Некому было следить за исполнением воли Петра [30], чтобы все книги и рукописи, добытые во время персидского похода 1722—1723 гг., поступили в петербургскую библиотеку: при Петре и его первых преемниках книги и рукописи, по-видимому, оставались частью в Коллегии иностранных дел, частью в руках частных лиц, из которых Кер называет генерала Левашова [31]. В 1716 г. был заключен в Данциге контракт с д-ром Д. Г. Мессершмидтом, который обязался составить описание Сибири не только в географическом и естественноисторическом, но также в этнографическом, лингвистическом и археологическом отношениях. Путешествие Мессершмидта было первой научной командировкой на Восток по распоряжению русского правительства; но явившееся результатом этого путешествия описание Сибири (1728 г.), как и пять томов дневника путешественника, остались в рукописи и только в XIX в. были извлечены из архива Академии наук [32]. Сам Петр в 1722 г., на пути в Персию, посетил развалины города Болгар на Волге и приказал принять меры для охраны их; по его повелению ахун Кадырмамет Сюнчалеев, слободский переводчик Юсуп Ижбулатов и армянин Иван Васильев списали и перевели на русский язык пятьдесят надгробных надписей (из них три армянских) [33]. Меры, принятые для охраны развалин, оказались недействительными, так как к началу XIX в.[34] успели исчезнуть все могильные камни, кроме одного; русский перевод надписей был напечатан только в царствование Екатерины II [35]; копии подлинных надписей остались в казан-

---

[28] Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 53.

[29] Тизенгаузен, *Обзор трудов по нумизматике*, стр. 3.

[30] Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 46.

[31] Савельев, *Предположения*, стр. 7. О Левашове см.: Соловьев, *История России*, кн. IV, стр. 954 и 1223.

[32] Сведения о Мессершмидте и отрывки из его описания и дневника помещены в приложениях к «Сибирским древностям» В. В. Радлова, т. I, вып. 1. <О нем см. еще: Новлянская, *Даниил Готлиб Мессершмидт. — А. К.*>

[33] Березин, *Булгар на Волге.*

[34] При Френе; см. об этом у Клапрота, *Inscriptions de Bolghari*, p. 483.

[35] В книге И. И. Лепехина *Дневные записки*, ч. I, стр. 272 и сл. Развалины Болгар были осмотрены по поручению Лепехина студентом Николаем Озерецковским в декабре 1768 г.; к составленному им описанию развалин приложен перевод надписей, причем нигде не сказано, что этот перевод сделан уже при Петре Великом; это видно только из того, что на стр. 283 упоминается «нынешний 1722 год».

ском архиве, где в XIX в. с большим трудом были разысканы для иностранного ученого, которым и были обнародованы [36].

Открытие в Петербурге учреждения, где, по мысли Петра, должно было сосредоточиться распространение образования в России, не могло остаться без влияния на судьбы востоковедения, хотя учредители *Академии наук* не задавались целью содействовать развитию ни этой, ни других специальностей. Сколько-нибудь отчетливого представления о сложности научных задач и обширности отдельных отраслей научного познания не было ни у Петра, ни у его сотрудников. Намерение Петра основать академию было известно в Германии уже в 1714 г.[37]; но долгое время оставался невыясненным вопрос, будет ли новое учреждение только ученым или в то же время учебным. Резолюция Петра «сделать академию» (11 июня 1718 г.) явилась следствием доклада одного иноземца «о нетрудном обучении и воспитании российских младых детей» [38]; с другой стороны, еще в 1722 и 1723 гг. в переписке ученых по этому вопросу речь шла об основании «общества ученых людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук» [39]. Знаменитый Хр. Вольф в 1723 г. доказывал лейб-медику Блюментросту (будущему президенту академии), что Академия наук в то время могла существовать в России только ad plausum exteriorum, не оказывая никакого влияния на просвещение русского народа, что необходимо сперва основать университет и возвратиться к проекту учреждения академии только тогда, когда явится возможность привлечь туда русских ученых [40].

Споривше о преимуществах академии и университета, вероятно, не ожидали, что явится мысль объединить в одном учреждении академию, университет и гимназию; такова основная мысль указа 28 января 1724 г.[41]. Каждый академик должен был читать лекции по какой-нибудь группе наук; в помощники ему предполагалось дать одного или двух «младших студентов» для преподавания элементарных знаний. Различались три разряда наук: 1) математика; 2) физика и естественные науки; 3) «гуманиора», история и права; соответственно этому делению предполагалось установить три класса академиков. Преподавание наук третьего разряда, по мнению составителей указа, «свободно бы трем персонам отправлять можно: первая элоквенцию и студиум антиквитатис обучала, 2-я историю древнюю и нынешнюю, а 3-я право натуры и публичное купно с политикою и этикою».

---

[36] Klaproth, *Inscriptions de Bolghari*, pp. 483—506. Клапрот начал разыскивать копию в 1805 г., когда проезжал через Казань (ibid., p. 484).

[37] Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 45.

[38] ПСЗ, № 3208.

[39] Пекарский, *Наука и литература в России*, т. 1, стр. 35 (письмо Шумахера к Вольфу).

[40] Там же, стр. 36.

[41] ПСЗ, № 4443.

Академия была учреждена указом преемницы Петра в декабре 1725 г.[42]; но указ не содержал никаких правил относительно объема и программ университетского преподавания; о студентах было сказано только: «каким образом оные ученики будут в той академии содержаны, и каким наукам будут их учить, о том вскоре будет выдан в печать особой регламент». В течение 20 лет это обещание оставалось невыполненным; не было никаких правил о том, какие науки должны преподаваться в академии, какие познания требуются для поступления в студенты и для получения свидетельства об окончании курса. Не только профессора, но и студенты нередко приглашались из чужих стран.

Таким образом, если уже среди первых деятелей академии были ориенталисты, то это произошло независимо от намерений ее учредителей, отчасти, может быть, под влиянием той притягательной силы, которую должна была иметь для ориенталистов Россия по своему географическому положению и составу своего населения [43].

Первый академик-ориенталист Готлиб-Зигфрид Байер [44] (род. в Кенигсберге в 1694 г., ум. в Петербурге в 1738 г.) принадлежал к числу ориенталистов-самоучек; с 1713 г. он занимался семитическими языками, сначала по книгам Целлариуса и Хайда; в том же году под влиянием «Описания Азии» Самсона обратил внимание на Китай и тотчас приступил к составлению китайского словаря и грамматики. В Петербурге он с февраля 1726 г. занимал кафедру древностей и восточных языков. Если он надеялся найти в России новые материалы по своей специальности, то эта надежда его не обманула; граф Остерман открыл ему доступ к китайским книгам своей библиотеки; пребыванием в Петербурге индийца Сонхбары Байер воспользовался для изучения санскритского языка, кроме того, ознакомился с языками монгольским и маньчжурским. В Петербурге в 1730 г. был издан главный труд Байера по востоковедению — «Monumentum Sinicum» (исторический обзор европейских трудов по синологии; грамматика, словарь, данные о мерах и весах). По отзыву историка синологии Неймана [45], уже в самом заглавии этого труда была грубая ошибка, свидетельствовавшая о недостаточности познаний автора; по

---

[42] ПСЗ, № 4807. <Ср : *История АН СССР* т. I, стр. 30—36. — *А. К.*>

[43] Это понимал уже современник Петра Витсен, автор книги *Noord en Oost Tartarye*. Ср.: Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 264.

[44] Биографические сведения о Байере приведены в книге Пекарского, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 180—196. <Сюда относится примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Биогр<афические> данные (?) Fr. Babinger, *Gottl[ieb] Siegfr[ied] Bayer (1694—1738)*, Lpz., 1915. Б<айер> первый высказал мнение о связи монгольского письма с сирийским». — *Н. Т.*> <О Готлибе (=Теофиле)-Зигфриде Байере см. еще: ИИН, № 3092—3093; *История АН СССР*, т. I, стр. 45—46; Таранович, *Академик Байер и его труды*. — *А. К.*>

[45] Neumann, *Die Sinologen*, S. 100. <Труд Байера называется «Museum Sinicum» (см. библиографию в конце тома); см. еще: Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 194; Таранович, *Академик Байер и его труды*, лл. 9—10. — *А. К.*>

отзыву Кордье [46], труд Байера все-таки был шагом вперед в науке; между прочим, Байер первый из синологов стал печатать обширные китайские тексты.

Менее разносторонними познаниями, но лучшей научной подготовкой обладал прибывший в Россию в 1730 или 1731 г. Георг-Яков Кер [47] (род. в Шлейзингене в 1692 г., ум. в Петербурге в 1740 г.), магистр лейпцигского университета, первый арабист, объяснивший куфические письмена; Кер считался знатоком и других семитических и мусульманских языков. В Россию он был вызван графом Остерманом и определен на службу в коллегию иностранных дел в качестве переводчика и преподавателя восточных языков, со званием профессора. К личному составу академии Кер не принадлежал, хотя по поручению ее с 1735 г. описывал ее нумизматические коллекции и читал доклады на конференциях. Написанные в России труды Кера (описание восточных монет академии и перевод Абулгази) остались в рукописи; такая же судьба постигла смелый проект, составленный им в 1733 г. и предлагавший учредить в России «академию или общество наук и языков восточных» (Academia vel Societas scientiarum atque linguarum orientalium); только в 1821 г. проект был открыт Френом в академическом архиве.

Проектированная Кером «академия» [48] должна была быть не столько учебным (ни о каких программах преподавания не говорится), сколько ученым учреждением, хотя и с чисто практическими целями; автор проекта ссылался отчасти на потребности русской науки (именно на необходимость извлечь данные по русской истории из сочинений восточных авторов), но главным образом на потребности государственного управления. Знатоки восточных языков, по его мнению, были нужны правительству для управления инородцами, для сношений с восточными государствами, для расширения пределов России (при этом Кер ссылается на свой собственный проект завоевания Турции и Средней Азии) и для распространения христианства среди мусульман (миссионерские обязанности предполагалось возложить на профессоров академии). Академия должна была сосредоточить в себе все наличные ученые силы по востоковедению и все имевшиеся пособия по языкам и литературам Востока. Из ученых Кер называет только себя (для языков арабского, персидского, турецкого, сирско-халдейско-самаританско-пунического, эфиопско-абиссинского, греческого и латинского), Байера (для словесности китайской, маньчжурской и монголо-калмыцкой) и Мессершмидта (на него, вероятно, предполагалось возложить

[46] Cordier, *Les Etudes chinoises*, I, pp. 425—426.

[47] Биографические сведения о Кере у Пекарского, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 313—314. <Г.-Я. Кер прибыл в Петербург в январе 1732 г., о нем см.: Шувалов, *Очерк жизни и деятельности Кера*. — *А. К.*>

[48] Подробное изложение проекта Кера можно найти в статье Савельева *Предположения*; < см. еще: Шувалов, *Очерк жизни и деятельности Кера*, стр. 101—107. — *А. К.*>.

исследование древностей Востока). Остальные рекомендованные им преподаватели были люди, знакомые с Востоком и восточными языками только практически, частью, несмотря на миссионерские цели проектированного учреждения, мусульмане. Ученые, между прочим, должны были заняться составлением необходимых грамматик, хрестоматий и словарей, которых в то время для большей части восточных языков еще не было. Рукописи восточных сочинений предполагалось приобретать на Востоке и списывать в европейских библиотеках; выражалась надежда, что некоторое количество рукописей будет добыто при будущем покорении Самарканда, Бухары и других городов.

На Кера в Петербурге вообще смотрели как на «большого чудака, почитавшего выше всего свою восточную ученость» [49]; очень вероятно, что его проект, если вообще был прочитан кем-нибудь из современников, вызвал к себе такое же насмешливое отношение. Нельзя отрицать, что такая оценка проекта не была бы совершенно несправедливой. Легко представить себе, насколько соответствовала бы своей цели восточная академия, учрежденная по проекту Кера, при том уровне просвещения, на котором тогда находилась Россия.

Ни Байер, ни Кер не оставили по себе преемников; о числе и успехах их учеников нет никаких сведений. Таким образом, в составе академии после 1740 г. не было ученых ориенталистов; но при академии продолжали работать в качестве переводчиков и преподавателей практические знатоки восточных языков, в том числе лица, научившиеся китайскому и маньчжурскому языкам благодаря своему пребыванию в Пекине при духовной миссии [50]. Когда в столицу снова, как при Петре Великом, были привезены японцы, потерпевшие кораблекрушение у берега Камчатки, то при Академии наук было организовано преподавание японского языка.

Об этом любопытном эпизоде в истории русского ориентализма до сих

---

[49] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 313.

[50] В составе миссии, отправленной в Пекин в 1729 г. под начальством архимандрита Антония Платковского, был ученик Иларион Россохин, или Разсохин (МИРДМ, стр. 36); в 1741 г. он вернулся в Петербург, за успехи в китайском языке был «произведен прапорщиком, подобно геодезистам», и вместе с обрусевшим китайцем Ф. Петровым прикомандирован к Академии наук для преподавания китайского и маньчжурского языков (Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, кн. I, стр. 206). Деятельность Разсохина была довольно продолжительна; еще в 1748 г. академия доносила о нем сенату как о человеке, который «китайский и маньчжурский языки довольно знает, переводит и учеников учить в состоянии» (Соловьев, *История России*, кн. V, стр. 575, с ссылкой на журналы сената 16 июня 1748 г.). У Пекарского (*История Имп. Академии наук*, т. II, стр. XXXVII) приведена выдержка из прибавл. к «С.-Петербургским ведомостям» 12 июля 1748 г., где упомянут «обретающийся при академии переводчик Россохин, который более 15 лет (sic) в Пекине жил и в обоих языках (китайском и маньчжурском) весьма искусен». <Библиографию работ по истории китаеведения в России и СССР см.: Скачков, *Библиография Китая*, № 17879—17971; 18060—18172. — *А. К.*>

пор в русской литературе существуют только краткие заметки, не отличающиеся точностью. Наиболее подробный и достоверный источник — записка о японцах, составленная помощником библиотекаря Академии наук А. И. Богдановым, у которого жили японцы, и помещенная в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова [51]. По этой записке, японцы были застигнуты бурей на пути из Сацзумы в Осаку и провели в море 6 (7?) месяцев и 8 дней, с 8 ноября 1728 г. до 7 (вероятно, до 17) июня [52] 1729 г.; на берегу Камчатки они в начале июля подверглись нападению со стороны пятидесятника Андрея Штинникова; из 17 человек остались в живых только двое, один взрослый [53], по имени Соза, который «взят был от купечества для провожания судна», и другой малолетний (11 лет), Гонза, бывший «при отце своем штурмане для обучения мореплаванию». За поступок с японцами Штинников был арестован и впоследствии казнен; оба японца были отправлены сначала в Якутск (1731 г.) потом в Петербург [54], где в 1734 г. в «Летнем доме» были приняты императрицей Анной Иоанновной. Японцев поместили в кадетский корпус, где иеромонахи должны были наставлять их в православной вере; 20 октября того же, 1734 г. над обоими был совершен обряд крещения; Соза получил имя Кузьмы, Гонза — имя Демьяна; тогда же им были даны фамилии Шульц и Поморцев. Молодого Демьяна Поморцева в 1735 г. отдали в Александро-Невскую семинарию для обучения русской грамоте. 4 ноября 1735 г. был дан из сената высочайший указ отослать обоих японцев в Академию наук и там собрать от них сведения о их путешествии и их родине; каждому

[51] Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, т. II, стр. 222—225. Крашенинников не говорит, что записка принадлежит Богданову, но последний в своей автобиографической записке, поданной в академию в 1766 г., приписывает себе «известие краткое историческое о упомянутых японцах, каким случаем оные японцы в Россию попались, которое у г. профессора Крашенинникова в доказательство о тех японцах в Камчатскую его историю внесено» (Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. II, стр. 200). С «молодым человеком, происходившим из Японии», говорил в Петербурге также англичанин Бель (Bell); слова Беля, что японец учил в академии и что другого «молодого человека», прибывшего в Петербург вместе с ним, в то время уже не было в живых, показывают, что имеется в виду Д. Поморцев и что разговор происходил между 1736 и 1739 гг. Разговор передан Белем, очевидно, по памяти, чем объясняются многочисленные противоречия между рассказом, приписанным им японцу, и более подробным рассказом Богданова. Важно свидетельство Беля, что молодой японец в то время уже вполне владел русским языком (Bell d'Antermony, *Voyages depuis St.-Petersbourg*, t. I, pp. 127—129).

[52] По Миллеру (*Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 127) — 8 июля.

[53] В подлиннике сказано «старый»; то же самое выражение употреблено Г. Ф. Миллером (*Описание морских путешествий*, I, стр. 399; в немецком подлиннике «ein alter Mann», в *Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 126), очевидно, на основании того же источника; но так как Соза умер в 1736 г. на 43-м году жизни, то ему в 1729 г. было всего 36 лет. Очевидно, Миллер пользовался той же запиской Богданова, может быть также положенными в основание ее показаниями Д. Поморцева в 1735 г.

[54] По Миллеру (там же) — в 1732 г.: в таком случае остается неизвестным, что происходило с японцами в Петербурге в течение двух лет.

было назначено на содержание 10 коп. в день [55]. Показания, очевидно, давал главным образом младший, который, по отзыву Богданова, «нехудо уже говорил по-российски». По указу 10 мая 1736 г., тоже объявленному из сената, содержание каждому японцу было увеличено до 15 коп.[56]. 25 мая того же года было приказано, чтобы японцы, обучаясь русскому языку, не забывали и своего и обучали ему двоих из солдатских детей; по приказу из военной коллегии 28 мая [57] для этой цели были выбраны Петр Шенаныкин и Андрей Фенев. Академия поручила японцев вместе с их учениками помощнику библиотекаря А. И. Богданову, который должен был «их держать при себе и обучать японцев русской грамоте», смотреть, чтобы они добросовестно выполняли порученное им дело, и вообще «содержать их во всяком страхе» [58].

Старший из японцев, Кузьма Шульц, умер уже 18 сентября 1736 г., на 43-м году; педагогическая деятельность младшего была более продолжительна. Сенатским указом 18 июля 1739 г.[59] ему было назначено очень значительное по тому времени [60] содержание 100 руб. в год; кроме двух прежних учеников ему были даны еще трое других (Тимофей Терентьев, Матвей Непорозжий и Василий Красной), также из солдатских детей; вся школа по-прежнему находилась под надзором Богданова [61]. Последний в своей автобиографической записке утверждает, будто он «по силе данного от Императорской академии наук указу японскую школу содержал и к тому учению пять книг грамматических произвел для японского языка, которые в библиотеке хранятся» [62]. В биографии Богданова, составленной Н. И. Новиковым, приводятся заглавия четырех книг «на российском и японском языках», будто бы сочиненных Богдановым: грамматика, вокабулы, «дружеские разговоры» и «*орбис пиктус*, т. е. свет в лицах» [63]. Рукописные экземпляры трех книг (вокабулы и разговоры соединены в одну книгу) сохранились в библиотеке академии до настоящего времени [64]. Из записей на первых листах видно, что книги были сочинены

[55] МИИАН, т. III, стр. 84.

[56] Там же, стр. 76.

[57] Там же, стр. 87.

[58] Там же, стр. 100—101.

[59] Текст сенатского указа приведен П. Ивановым в статье *Распоряжения Петра Великого*, стр. 5.

[60] Сам руководитель школы А. И. Богданов получал, как помощник библиотекаря, с 1740 по 1748 г. всего 96 руб. в год (МИИАН, т. IV, стр. 560 и т. V, стр. 12; о прибавке в 1748 г. см. т. IX, стр. 175).

[61] МИИАН, т. IV, стр. 190.

[62] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. II, стр. 200.

[63] Новиков, *Опыт исторического словаря*, стр. 21. ⟨Более точные заглавия последних двух сочинений: «Дружеских некоторых разговоров образцы» и «Orbis sensualium pictus то есть изображение света чувственного или видимого» — см. Архив востоковедов, разр. I, оп. 4, ед. хр. 7, 8, и 11. — *Н. Т.*⟩

[64] Грамматика (Архив востоковедов, разр. I, оп. 4, ед. хр. 12) заключает в себе 21 лист. Словарь (с разговорами) сохранился в двух экземплярах, черновом (рук.

не Богдановым, а японцем (т. е. Демьяном Поморцевым) «под надзиранием сего учения» или «под надзиранием и учением русского языка» Андрея Богданова. Вокабулы и разговоры написаны в 1736 г., грамматика — в 1738 г., Orbis pictus — в 1739 г. В грамматике различаются два склонения японских имен (первое на *а*, *ая*, *е*, *ея*, *о*, *оя*, *уя*, *ия*, *ы*, *у*, *ю*, второе на *аи*, *и*, *ои*, *уй*, *ъ*, *ь*, *я*), причем формы расположены «по российским падежам». Особенно подробно излагаются японские наречия, причем различаются 28 видов, именно наречия: 1) времени, 2) места, 3) качества, 4) количества, 5) числа, 6) чина, 7) случая, 8) повеления, 9) увещания, 10) отрицания, 11) прещения, 12) напряжения, 13) сославления, 14) рассуждения, 15) уподобления, 16) разнства, 17) недоумения, 18) вопрошения, 19) совещания, 20) собрания, 21) отделения, 22) избрания или исправления, 23) ускорения, 24) количества неопределенного и качества, 25) орудия, 26) языческая, 27) сокровения, 28) указания. Японские слова и фразы везде написаны только русскими буквами; в предисловии к сочинению «Orbis sensualium pictus» этот факт объяснен тем, что сам японец, покинув свое отечество в молодых годах, не успел достаточно усвоить трудное письмо своего языка [65]. Этим опровергаются слова историка академии Герарда-Фридриха Миллера, будто уже в 1739 г. ученики Поморцева умели не только говорить, но и писать по-японски [66].

ед. хр. 10) и перебеленном (ед. хр. 9). В последнем на л. 1а говорится об авторе; словарь оканчивается на л. 53а; ⟨на лл. 53б—54а — японские числительные; следующие три листа чистые, не пронумерованные⟩; на л. 56а—56б — предисловие к разговорам (обращение к ученикам); на лл. 56б—90б (л. 91, последний, белый) — 620 номеров фраз о разных предметах. Orbis pictus также сохранился в экземплярах черновом (ед. хр. 11) и переписанном; в последнем первая часть (до л. 154б) разделена на 151 главу и заключение; л. 155 белый; дальше (лл. 156а—235а) помещен «лексикончик». ⟨Чистовой экземпляр Orbis pictus в настоящее время обнаружить в архиве не удалось. — *Н. Т.*⟩

[65] ⟨В чистовом экземпляре рукописи «Orbis pictus», ныне утраченном, на л. 2а говорилось:⟩ «Не за малую то куриозность сия книжица причестся могла быть, ежели бы она собственным японским характером писана была. Но за недостаток было сему природному японцу в том (что их характер писмен трудностию подобны хинским), которой еще суще во младых летах, будучи в своем отечестве японского государства, собственного обучения своего писма недостаточен был. А понеже по указу Ея Императорского Величества повелено оному японцу, будучи при Императорской Академии Наук во обучении российского языка, не токмо чтоб своего природного языка мог не позабыть, но обучал бы при том и других природному своему японскому языку, которого ради учения не токмо что сия книжица на японский язык переведена видится, но при том лексикон и две другие малые книжицы вокабулов и разговоров уже переведены имеются. Того ради всяк куриозный читатель, видя сию книжицу переведенную на японский язык чрез характер российских литер писанную, не был бы в том под каким сомнением и не подумал бы в сем якобы не правда. — Однакож Императорская Академия Наук и сие наблюдая впредь для случая сии оригиналы в библиотеку сообщить соблаговолили». ⟨Об изучении японского языка в России и о японцах в России см. выше, стр. 27, прим. 10.⟩

[66] *Описание морских путешествий*, I, стр. 399; в немецком подлиннике (*Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 126): «Sie zogen Schüler, die schon ziemlich gut Japone-

Демьян Поморцев умер 15 декабря 1739 г., следовательно, едва достигнув совершеннолетия; похороны его обошлись академии уже не в 3 руб. 70 коп., как похороны его товарища [67], а в 10 руб.[68]. В записке Богданова отмечено место погребения обоих («погребены первый у церкви Вознесения Господня, что на Адмиралтейской стороне, а другой в Калинкиной»); там же сказано, что академия «приказала срисовать их и снять с лиц алебастровые формы, которые в Императорской кунсткамере поныне находятся». В «Материалах для истории Имп. Академии Наук» есть сведения о портрете Кузьмы Шульца, нарисованном живописцем Брукером за 6 руб. «с его краскою» [69], о портрете Демьяна Поморцева, нарисованном художником академии Гзеллем (Gsell), и о восковой маске, сделанной с лица Поморцева скульптором Конрадом Оснером (Ossner) [70]. Сохранились ли портреты, мне неизвестно; восковые маски обоих японцев, как мне удалось установить, хранятся в этнографическом музее академии. Документальных сведений о происхождении масок в музее не имеется, но черты лиц вполне соответствуют как признакам японского типа, так и сведениям о возрасте Шульца и Поморцева.

Ранняя смерть Д. Поморцева нанесла японской школе непоправимый удар. Академия хотела продолжать дело без японца; 21 февраля 1740 г. было постановлено «ученикам Феневу и Шенаныкину подтвердить, чтобы они японского языка сами обучались и вновь присланных трех человек учеников обучали со всяким рачением и прилежностию, чего ради приказать Андрею Богданову иметь над ними прилежное смотрение и для того ему дать ордер» [71]. Но очевидно, что при таких условиях преподавание не могло идти успешно. В 1745 г. на берег Камчатки снова были выброшены японцы; из них пять человек (они получили фамилии Мельников, Решетников, Свиньин, Попов и Черных) были отправлены в С.-Петербург и причислены к японской школе, находившейся тогда при сенатской конторе [72]; но, по-видимому, среди них не было такого даровитого человека, как Поморцев. Трое из них были еще живы в 1753 г., когда было решено перевести школу в Иркутск; вместе с японцами туда были отправлены те же Шенаныкин и Фенев. В Иркутске школа просуществовала с перерывами до 1816 г., но не имела никакого значения [73]. Руководств по японскому языку в России после Поморцева не появлялось; для русской науки японский язык с его литературой по-прежнему не существовал и не был принят во внимание ни в проекте Кера, ни в проекте Уварова, ни при

sisch reden und schreiben konnten, als ihre Lehrer in den Jahren 1736 und 1739 mit Tode abgiengen».

[67] Счет этих похорон в МИИАН, т. III, стр. 195—196.

[68] Об ассигновании этой суммы там же, т. IV, стр. 271.

[69] Там же, т. III, стр. 357.

[70] Там же, т. IV, стр. 271.

[71] Там же, стр. 320.

[72] Сгибнев, *Об обучении японскому языку*, стр. 56—57.

[73] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 160—166.

устройстве восточных отделений в университетах Казанском и С.-Петербургском, ни при учреждении восточного факультета [74]. Пользоваться услугами учеников школы для практических целей также приходилось редко. Первое плавание русского судна к берегам Японии (в 1739 г.) было совершено без их участия [75]; когда было решено повторить плавание, то к экспедиции в 1740 г. были прикомандированы Шенаныкин и Фенев; экспедиция отправилась в путь в 1742 г., но на этот раз ей не удалось проникнуть дальше Курильских островов [76]. При посольстве Лаксмана (1792 г.) был переводчик Туголуков, ученик школы; но его японский язык оказался непонятным для японцев [77].

Направление, которое в 40-х годах XVIII в. получила русская официальная наука, не благоприятствовало развитию филологических наук вообще и востоковедения в частности. По регламенту 1745 г.[78] академики были освобождены от преподавательских обязанностей, которые были возложены на особых профессоров. Из круга занятий академиков филологические и исторические дисциплины были совершенно исключены; среди предметов, преподававшихся профессорами, из таких дисциплин названы только языки латинский и греческий, «древности и история литеральная». Лингвистические материалы, собранные акад. Герардом-Фридрихом Миллером во время его десятилетнего путешествия по Сибири в качестве участника Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.), были напечатаны только в 1791 г.[79].

Экспедиции, снаряжаемые академией, преследовали почти исключительно натуралистические цели; но принималась в расчет и потребность собирания исторических материалов, так как при академии сосредоточивались работы по составлению истории России. Эта задача была возложена на Миллера; на основании привезенных им материалов была составлена «Сибирская история» Фишера [80]. Адъюнкт (с 1747 г. профессор) Иоанн-Эбергард Фишер путешествовал по Сибири с 1739 до 1747 г. Во время этого путешествия в его руки перешел сборник слов с переводом на инородческие языки, составленный в Сибири заботами историка В. Н. Татищева, который, управляя уральскими и сибирскими горными

---

[74] Исключение представляет проект Коллегии иностранных дел, см. ниже.

[75] *Описание морских путешествий*, II, стр. 103 и сл.

[76] Там же, стр. 117—118.

[77] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 163, прим.

[78] ПСЗ, № 9425. ⟨По регламенту 1747 г. — *А. К.*⟩

[79] Миллер, *Описание языческих народов.* Академия напечатала в 1747 г. работу Миллера ⟨Müller⟩ *De scriptis tanguticis in Sibiria*; другая его работа о надписях (*De inscriptionibus sibiricis*) была отвергнута академической канцелярией (Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 361 и 405). ⟨К дате 1791 г. примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Неверно, см. *Еж⟨емесячные⟩ соч⟨инения⟩* ⟨т. е. *Описание морских путешествий*⟩ и *Sammlungen*». — *Н. Т.*⟩

[80] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 632.

заводами [81], разослал всем сибирским воеводам список некоторого числа русских слов с требованием сообщить перевод этих слов на языки инородцев. Фишер перевел сборник на немецкий язык и в 1767 г. передал свой труд Шлёцеру для геттингенского исторического института [82]; рукопись сохраняется и теперь в геттингенской библиотеке [83].

Вопрос о лучшей организации высшего образования продолжал занимать деятелей царствования Елизаветы и после регламента 1747 г., не удовлетворившего и современников. Что при этом не забывали и восточных языков, показывают три проекта регламента академии и университета, сохранившиеся в бумагах Ломоносова и относящиеся к 1754—1755, 1759 и 1764 гг.[84]. Во всех трех проектах среди кафедр философского факультета университета упоминается кафедра восточных языков (в первом проекте употреблено выражение: «ориентальных языков и древностей»); в третьем проекте «профессия ориентальных языков» вводится и в академии, где по двум прежним проектам должны были быть представлены только математические и естественные науки. Тем не менее, когда в 1755 г. был основан Московский университет, восточные языки в нем не нашли места; философский факультет заключал в себе только четыре кафедры: философии, физики, истории («для показания истории универсальной и Российской, также древности и геральдики») и красноречия («для обучения оратории и стихотворства») [85].

Более благоприятно для развития ориентализма было царствование Екатерины II; в деятельности Академии наук лингвистические работы вновь заняли выдающееся место. Вторая половина XVIII в. была периодом наибольшего развития того направления в языкознании, которому положил начало Лейбниц и которое закончилось (в начале XIX в.) «Митридатом» Аделунга. Представители этого направления решали вопрос о сходстве языков исключительно на основании звукового состава слов; для разрешения вопросов о первобытном языке, и его разветвлениях и о делении существующих языков на группы они считали необходимым собрать лексический материал по возможно большему количеству языков. Сама Екатерина II еще великой княгиней прониклась идеями Лейбница и увлеклась мечтой о составлении «Всеобщего словаря». План такого словаря составлял для Екатерины уже с 1773 г. Людвиг-Христиан Бакмейстер [86],

[81] Татищев занимал эту должность дважды, в 1720—1724 и 1734—1737 гг.

[82] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, стр. 630—631.

[83] Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 265. ‹По-видимому, в Геттинген был отправлен черновой список приписываемого Фишеру вокабулярия, беловой список которого хранится в Ленинградском отделении Академии наук СССР — см. Феоктистов, *Истоки мордовской письменности*, стр. 86—88; Doerfer, *Ältere westeuropäische Quellen*, S. 11—12; см. также ниже, стр. 402. — *А. К.*›

[84] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. II, стр. 845 и сл., 918 и сл., 924, 929 и сл.

[85] ПСЗ, № 10346.

[86] Об этом см.: Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 265.

единственный в то время ориенталист при академии; в словарь был включен также лингвистический материал, попутно собранный в Сибири и на Кавказе натуралистами Палласом и Гильденштедтом, участниками второй академической экспедиции (1769—1774 гг.). Сначала вышел «Сравнительный словарь восточных языков» («Vocabulaire comparatif des langues orientales») [87], потом, в 1786 г., — первый том «Императорского словаря» («Dictionnaire imperial»), заключавший в себе 285 слов на 200 языках (51 европейский и 149 азиатских). Полное издание вышло в 1787 [88] и 1789 гг., в двух частях, под редакцией Палласа, второе, дополненное издание — в 1790—1791 гг., в четырех частях, под редакцией Федора Янковича де Мириево [89].

Что касается преподавания восточных языков, то в царствование Екатерины были приняты меры только к учреждению классов таких языков при средне-учебных заведениях (гимназиях, семинариях и народных училищах) в местностях с инородческим населением. Осуществить эти предположения [90] в полном объеме оказалось невозможным за недостатком преподавателей; упрочилось только преподавание татарского языка при Казанской гимназии, введенное в 1769 г. Вопрос о включении востоковедения в программы высшего образования не поднимался, и вообще вопрос об устройстве в России высших учебных заведений оставался нерешенным; проект, составленный особой комиссией в 1787 г., не получил осуществления [91].

[87] ⟨Как указывает сам В. В. Бартольд (*История изучения Востока*, ниже, стр. 416), «по-видимому, книга не была напечатана и рано исчезла; уже Фр. Аделунг, писавший в 1815 г., не мог ее найти». — *А. К.*⟩ ⟨Очевидно, сюда относится примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «у Аделунга (*Catherinens der Grossen Verdienste* etc., S. 23) упомянут только труд Dumaresque (акад.) „Comparative Vocabulary of the Eastern Languages", составленный по инициативе Екатерины. Аделунг его не видел». — *Н. Т.*⟩

[88] На русском заглавном листе первого тома — дата 1787 г., на латинском — 1786 г. Полное заглавие по-русски: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе Европейские и Азиатские языки»; по-латыни: «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa Augustissimae cura collecta. Sect. I. Linguas Europea et Asiae complexa».

[89] *Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный* (имя редактора не обозначено).

[90] 12 мая 1769 г. указом на имя казанского губернатора было предписано учредить класс татарского языка при Казанской гимназии (Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 119). При нижегородском епископе Дамаскине (с 1783 г.) в Нижегородской семинарии было введено преподавание языков татарского, мордовского и чувашского (там же, стр. 145). Указом 27 сентября 1782 г. (ПСЗ, № 15523) предписывалось ввести уроки (в тексте по ошибке: «языки») арабского языка в народных училищах тех губерний, которые лежат «к стороне татарской, персидской и бухарской», и китайского в училищах Иркутской губернии и Колыванской области. ⟨О преподавании татарского языка в Казанской гимназии см.: Владимиров, *Историческая записка*; Ковалевский, *Обозрение преподавания*, стр. 51; Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 97—98. — *А. К.*⟩

[91] О нем см.: Рождественский, *Исторический обзор*, стр. 26.

II

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ ПО УСТАВУ 1804 г.

Обновление всех сторон русской жизни в первые годы царствования Александра I коснулось и высшего образования. 5 ноября 1804 г. был издан первый общий устав русских университетов, именно преобразованного Московского и вновь учрежденных Харьковского и Казанского [1]. Университеты разделялись на четыре отделения: 1) нравственных и политических наук; 2) физических и математических наук; 3) врачебных или медицинских наук; 4) словесных наук. В последнем отделении было положено шесть кафедр (в Москве еще седьмая: теории изящных искусств и археологии): 1) красноречия, стихотворства и языка российского; 2) греческого языка и словесности греческой; 3) древностей и языка латинского; 4) всемирной истории, статистики и географии; 5) истории, статистики и географии Российского государства; 6) *восточных языков*. Таким образом, уже первым университетским уставом востоковедение было включено в программу университетского преподавания.

По уставу Россия должна была получить три университетские кафедры восточных языков [2], под которыми в то время у нас, как и в Западной Европе, понимали исключительно языки библейского и мусульманского Востока. Найти достойных заместителей для этих кафедр, как и для кафедр других наук, было нелегко; требовалось или привлечь иностранных ученых, не всегда охотно соглашавшихся ехать в Россию, особенно в провинциальные университеты, или найти способных кандидатов среди русской молодежи и дать им возможность подготовиться в заграничных университетах к своей будущей деятельности. Первый способ был применен в Харькове и Казани, последний — в Москве.

---

[1] ПСЗ, № 21498, 21499 и 21500. По-видимому, наиболее деятельное участие в выработке устава принимал товарищ министра народного просвещения М. Н. Муравьев, см.: Шевырев, *История Московского университета*, стр. 356.

[2] Загоскин, автор «Истории Казанского университета», ошибочно полагает (т. I, стр. 11), будто «самостоятельная кафедра восточных языков» была учреждена только в Казани «ввиду исключительного положения Казанского университета». Казанский университет отличался в этом отношении от двух других только тем, что в нем была положена должность лектора татарского языка (вместо английского).

Быстрее всего благодаря энергии харьковского попечителя гр. С. О. Потоцкого [3] удалось заместить кафедры в Харьковском университете, в том числе и кафедру восточных языков, на которую уже в 1805 г. был приглашен И. Б. Бэрендт, *первый в России университетский профессор востоковедения.* Бэрендт, пастор лютеранского общества, читал в звании адъюнкта на латинском языке начала еврейского языка и «филологию восточных языков» [4], но только до 1806 г.[5], после чего кафедра оставалась незамещенной почти четверть века [6]. Только в октябре 1829 г. был приглашен на эту кафедру из Лейпцига молодой (род. в 1805 г.) ориенталист Б. А. Дорн (впоследствии академик), преподававший языки арабский, персидский и турецкий до 1836 г.[7], когда был приглашен в С.-Петербург для преподавания истории и географии Востока в учебном отделении при Азиатском департаменте [8]. С отъездом Дорна преподавание восточных языков в Харьковском университете прекратилось окончательно [9].

Двумя годами позже была замещена кафедра востоковедения в Казани. Попечитель С. Я. Румовский в 1806 г. обратился к известнейшему тогда немецкому ориенталисту О.-Г. Тихсену, который и рекомендовал своего ученика Христиана-Мартина (Христиана Даниловича) Френа (род. в 1782 г. в Ростоке), только что перед тем приобревшего в своем родном городе степень доктора богословия и звание приват-доцента. Молодой ученый тотчас принял сделанное ему предложение; 3 августа 1807 г. состоялось его назначение ординарным профессором; в октябре того же года он прибыл в Казань и занимал там кафедру восточных языков до 1817 г. Получив приглашение занять ту же кафедру в Ростоке, Френ 3 августа 1817 г. вышел в отставку, но по дороге на родину принял в С.-Петербурге предложение вступить в Академию наук и навсегда остался в России (ум. в 1851 г.).

Можно сомневаться в том, был ли Френ ко времени своего приезда в Казань достаточно подготовлен для занятия профессорской кафедры. В 1808 г. он напечатал небольшой труд о саманидских и буидских моне-

---

[3] Загоскин, *История Казанского университета*, т. I, стр. 30—31.

[4] Сухомлинов, *Исследования*, т. I, стр. 106.

[5] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 220. ⟨Бэрендт скончался 3 декабря 1805 г., см.: Ковалевский, *Изучение Востока*, стр. 24. — *А. К.*⟩

[6] В 1811 г. совет Харьковского университета единогласно избрал па кафедру восточных языков («арабского, персидского, турецкого и еврейского») немецкого ориенталиста Вилькена, который, однако, не поехал в Харьков.

[7] ⟨До 1835 г. — *А. К.*⟩

[8] ⟨Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1823—1918 гг.). О Борисе Андреевиче Дорне (1805—1881) см. ниже, стр. 464, прим. 64. — *А. К.*⟩

[9] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 115, 202, 226, 246. ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «В 1843 г. слова Григорьева о Дорне, как о „немце, который ни одного звука восточного не в состоянии произнести“ (⟨Барсуков⟩, *Жиз⟨нь⟩ Пог⟨одина⟩*, кн. VII, стр. 321)». — *Н. Т.*⟩

тах, составленный, за неимением в Казани латинского шрифта, на арабском языке; уже заглавие этого труда [10] заключает в себе несколько грубых грамматических ошибок. Но несомненно, что он с первых лет своей преподавательской деятельности проявил те черты характера, которые впоследствии снискали ему искреннее уважение всех его учеников: беззаветную любовь к своей науке, полное отсутствие зависти к чужим дарованиям, полную готовность содействовать привлечению к науке новых сил и успеху их деятельности. Часто высказывавшееся против Френа обвинение, что он за десять лет не позаботился подготовить себе преемника из русских, лишено основания. Уже в 1807 г. Френ обратил внимание на студента С. В. Кручинина, воспитанника татарского класса гимназии, как на «юношу, полного скромности, рвения и старания» [11]. В 1809 г. Кручинин, еще сам будучи студентом, сделался помощником Френа и стал руководить занятиями четырех студентов, недостаточно подготовленных для слушания лекций самого профессора (в том числе Ярцова), получая за это 60 руб. в год [12]. Ранняя смерть (30 июля 1809 г.) помешала Кручинину сделаться преемником Френа; кандидатом на это звание сделался самый способный из его учеников, Я. О. Ярцов, окончивший курс в 1812 г.[13] со степенью кандидата восточной словесности. После окончания войны 1812 г., в которой он принимал участие в качестве добровольца [14], Ярцов вернулся к научным занятиям и 19 мая 1816 г. защитил диссертацию на степень магистра: «De origine vocabulorum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis» [15]. Тогда же им была прочитана пробная лекция: «De indole et consiliis poëmatis Seif-ül-Mülk» [16]. В январе 1817 г. Ярцов по ходатайству Френа, поддержанному попечителем М. А. Салтыковым, был прикомандирован, в звании канцелярского служителя, к посольству, отправлявшемуся в Персию [17]; в январе 1818 г. он возвратился в Казань и представил отчет о своих занятиях, удостоившийся одобрения совета. Френа в то время уже не было в Казани; естественно было ожидать, что он будет заменен Ярцовым, который и был назначен в мае 1818 г. адъюнк-

[10] Приведено у Савельева, *О жизни и трудах Френа*, стр. 59, и у Ковалевского, *Uebersicht*, S. 15. ⟨Теперь см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 506—507; о Френе см.: *История АН СССР*, т. II, стр. 220—222; ИИН, № 11054—11060. — *А. К.*⟩

[11] Загоскин, *История Казанского университета*, т. I, стр. 226.

[12] Там же, т. II, стр. 522. ⟨Примечание рукой В. В. Бартольда: «О Френе еще: ⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. V, стр. 209; слова Погодина: „Таких иностранцев я готов всегда считать своими соотечественниками“. О Ярцове там же, кн. VI, стр. 324 (1842 г.); Григорьев считал его „одним из первейших знатоков татарских наречий“». — *Н. Т.*⟩

[13] Загоскин, *История Казанского университета*, т. I, стр. 227. В другом месте того же сочинения (т. II, стр. 72) указан 1813 г.

[14] Там же, т. I, стр. 401. ⟨Ярцов не принимал участия в войне 1812 г., так как правление Казанского университета не дало ему на это разрешения. — *А. К.*⟩

[15] Там же, т. II, стр. 76.

[16] Там же, стр. 658.

[17] Там же, стр. 216 и сл.

том восточной словесности. Летом того же года Френ стал звать своего ученика в Петербург, предлагая ему место адъюнкта при академии [18]. Попечитель и совет старались удержать Ярцова в Казани, но тот решительно отказался, ссылаясь как на «пособия академические», так и на желание продолжать свои занятия под руководством Френа. Кафедра восточных языков, «столь нужная для университета» (выражение попечителя), была замещена по рекомендации Френа питомцем того же Ростока, учеником того же Тихсена, Францем (по-русски Федором Ивановичем) Эрдманом (род. в 1795 г.), прибывшим в Казань в августе 1819 г.[19].

Несмотря на слова попечителя о важности кафедры восточных языков, условия, при которых приходилось работать представителям этой кафедры, были крайне неблагоприятны, что испытал на себе уже Френ. В 1810 г. ему было отказано в средствах на издание татарского учебника, в 1814 г. — в высылке принадлежащих Академии наук рукописей, предположенных им к изданию [20]. Еще более тягостными условиями была обставлена деятельность его преемника, приезд которого совпал с тяжелым временем для русских университетов вообще и для Казанского в особенности. Казанский университет не только подвергся разгрому после ревизии, произведенной в марте 1819 г. М. Л. Магницким, но оставался под управлением того же лица в качестве попечителя до 1826 г. Магницкий имел, таким образом, полную возможность следить за точным выполнением составленных им и высочайше утвержденных 17 января 1820 г. инструкций ректору и директору (новая должность, учрежденная «для экономической, полицейской и нравственной части») [21]. В инструкции ректору [22] были предусмотрены даже взгляды, которые должны были проводиться профессорами с кафедры; так, профессор восточных языков должен был «показать, что в арабской мудрости нет ничего особенного»; вообще языки арабский и персидский должны были преподаваться «в том единственно отношении, в каком они могут быть полезны России по ее торговым и политическим сношениям» [23]. Сам Эрдман еще в том же, 1820 г. подвергся выговору за приготовленную им к акту 5 июля речь: «De via ac ratione studis incumbendi si commoda quaedam ex iis in nos redundare velimus». Попечитель нашел в этой речи «смесь понятий самых слабых о науке с пословицами языческих авторов, с детскими понятиями о христианстве, Минервы с неприлично оторванным текстом святого Павла». Автору рекомендовалось «прочесть внимательнее инструкцию ректору Казанского университета» и «на будущее время, оставя общие

[18] Там же, стр. 33.

[19] ‹По И. Ю. Крачковскому (*Очерки*, стр. 172), Эрдман родился в 1793 г., умер в 1863 г. — *А. К.*›

[20] Загоскин, *История Казанского университета*, т. I, стр. 225.

[21] Там же, т. III, стр. 334.

[22] Там же, стр. 343 и сл.

[23] Там же, стр. 351—352, и Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 111.

рассуждения, дать какой-либо образчик своих познаний в древностях восточных» [24]. Еще в отчете за 1826 г. ректор К. Ф. Фукс упоминал о том, что «в рассуждении восточной словесности наблюдается та осторожность, чтобы упражнения преподавателей были переводимы на латинский язык, с рассмотрением в совете, который и имел случай остановить одно сочинение, несогласное с духом инструкции» [25].

Едва ли, впрочем, Эрдман чувствовал себя стесненным инструкцией в своей преподавательской деятельности. В первые годы у него в университете почти совершенно не было слушателей [26], вследствие чего по его инициативе было введено преподавание арабского (с 1822 г.) и персидского языков в Казанской гимназии. Сам Эрдман безвозмездно преподавал эти предметы до 1826 г., когда число его университетских слушателей увеличилось и он мог передать гимназические уроки своим ученикам П. И. Николаеву и К. К. Фойгту (родственнику самого Эрдмана) [27]. Некоторый контингент учеников, обучавшихся восточным языкам в гимназии, был создан искусственно — посредством принятия в гимназию (в 1823 г.) 12 человек кантонистов «для обучения восточным языкам, с целью приготовлять из них переводчиков для военного ведомства». В 1825 г. с той же целью было принято еще 24 кантониста; та же мера применялась и впоследствии [28].

Таким образом, даже при Магницком, несмотря на стеснительные меры против высшего образования, в том числе и против востоковедения, увеличилось число обучавшихся в Казани восточным языкам. В год увольнения Магницкого Казанский университет случайно приобрел выдающегося ученого, которому впоследствии было суждено оказать решающее влияние на судьбу русского востоковедения.

Как было указано выше, в Казанском университете, в отличие от всех других, по уставу 1804 г. существовала должность лектора татарского языка. Замещение этой должности не представляло затруднений, так как татарский язык уже с 1769 г. преподавался в гимназии. Преподаватель Ибрагим Хальфин в 1812 г. занял место лектора в университете [29]; в 1823 г. он, несмотря на отсутствие ученой степени и даже школьного диплома, был избран адъюнктом восточной словесности [30]. На место лектора в октябре 1826 г. был определен мирза А. К. Казем-Бек [31], родом

---

[24] Загоскин, *История Казанского университета*, т. III, стр. 361—365.

[25] Там же, стр. 472.

[26] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 223.

[27] Владимиров, *Историческая записка*, т. II, отд. 2, стр. 117 и 149.

[28] Там же, стр. 72—73.

[29] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 193—194.

[30] Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 194.

[31] См. биографию Казем-Бека, составленную И. Н. Березиным, в *Протоколах заседаний совета*, № 4, стр. 100—130. О жизни Казем-Бека в Астрахани, где он принял христианство, ср.: Козубский, *История Дербента*, стр. 160; <см. также ниже, стр. 467, прим. 3>.

из Дербента (род. в 1802 г. в Персии, куда его отец временно должен был удалиться из своего родного города, но получил воспитание в Дербенте), принявший христианство в 1821 г. от шотландских миссионеров. В Казани Казем-Бек находился проездом в Омск, куда он в 1825 г. был назначен учителем татарского языка в местный кадетский корпус [32]; место лектора он получил благодаря покровительству ректора Казанского университета К. Ф. Фукса и его жены А. А. Фукс [33].

Подобно Хальфину, Казем-Бек без ученой степени и диплома достиг звания адъюнкта (1831 г.). Благодаря своим выдающимся способностям он мог без особенного труда пополнить свое восточное образование усвоением европейской науки; значительно ему содействовали знание английского языка и связи в Англии, благодаря которым он уже в 1829 г. был избран членом Великобританского Королевского Азиатского общества. Кроме того, он находился в переписке с петербургскими академиками, особенно с Френом, которому в 1846 г. посвятил второе издание своей грамматики. В 1835 г. академия избрала его своим членом-корреспондентом.

Вступивший в круг европейских ученых азиатец-автодидакт способствовал развитию русского ориентализма в несравненно большей степени, чем официальный представитель кафедры в Казани, питомец Ростокского университета, с которым у Казем-Бека, по выражению его биографа, отношения «постоянно были весьма натянутые или даже враждебные» [34]. Как ученый, Эрдман не имел успеха ни на своей родине [35], ни в России, и только по недоразумению новейший историк Казанского университета [36] мог назвать его «тем научным базисом, на котором создался и впоследствии получил широкое развитие славный казанский разряд восточной словесности». Несомненно, что создателем казанской школы ориенталистов с гораздо бóльшим правом может быть назван Казем-Бек, чем Эрдман. Преподавание Казем-Бека, по отзыву его ученика и биографа [37], «отличалось чрезвычайною ясностью, и для любознательного слушателя этот

[32] Так у И. Н. Березина (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 103), по официальным документам — в «Омское Азиатское училище». Время, проведенное Казем-Беком «в звании учителя в Омском Азиатском училище», считалось с 25 августа 1825 г. по 31 октября 1826 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 2, стр. 39, и № 3, стр. 7). Об этом училище см.: Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 153.

[33] Так по замечанию И. Н. Березина (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 103, прим. 3). По Загоскину (*За сто лет*, ч. I, стр. 230), Казем-Бек был определен лектором на основании представления Эрдмана.

[34] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 107.

[35] Ср. некролог Эрдмана в кн.: Gosche, *Wissenschaftlicher Jahresbericht*, S. 57 («nicht streng philologisch geschult»). ⟨Очевидно, сюда относится примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Fr. Babinger в „Festschrift für F. Hirth“, 1920, ⟨S.⟩ 8 об Эрдмане как о „trefflicher Orientalist“». — *Н. Т.*⟩

[36] Загоскин, *История Казанского университета*, т. II, стр. 35.

[37] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 127.

профессор составлял неистощимый запас знания по всем отраслям восто коведения с точным и верным ответом на всякий запрос». Конечно, н характере преподавания Казем-Бека не мог не отразиться характер школы пройденной им самим; в той же биографии [38] отмечен факт, что «у Казем Бека фонд составляли сведения, приобретенные им в восточной школе и уже на эту основу легла ткань европейской науки». При таких условиях школа, созданная Казем-Беком, в понимании требований европейской науки не могла не уступать петербургской школе, созданной Френом и Сенковским. Период в истории русского ориентализма, когда требования научного востоковедения всецело приносились в жертву действительным или мнимым требованиям государственной жизни, тесно связан с именами Казем-Бека и его даровитейших учеников.

Когда Казем-Бек начал свою преподавательскую деятельность, Магницкого уже не было в Казани; 6 мая 1826 г. он был уволен от должности по высочайшему повелению, хотя только 24 февраля 1827 г. ему был назначен преемник в лице М. Н. Мусина-Пушкина [39]. Новый попечитель тесно связал свое имя с расцветом казанского ориентализма [40]. Уже в 1828 г. по его представлению был принципиально решен вопрос об учреждении в Казани второй кафедры по востоковедению [41], именно кафедры монгольского языка. Кандидатами для замещения кафедры были намечены два молодых ориенталиста, О. М. Ковалевский (род. в 1806 г.) и А. В. Попов (род. в 1808 г.). Ковалевский, воспитанник Виленского университета, в 1824 г. за принадлежность к тайному обществу лишился должности учителя латинской и польской словесности в Виленской гимназии и получил предписание изучать восточные языки в Казани [42]; Попов в 1828 г. кончил курс в Казанском университете действительным студентом. Для изучения монгольского языка оба кандидата были командированы в Иркутск, где руководителем их занятий был переводчик А. В. Игумнов [43], превосходный знаток и восторженный любитель монгольской словесности. В 1833 г. Ковалевский и Попов были подвергнуты

---

[38] Там же, стр. 126.

[39] Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 142 и 145.

[40] Kowalewski, *Uebersicht*, S. 21 sq.

[41] Вопрос о необходимости учредить такую кафедру впервые был поднят советом Харьковского университета, который еще в 1811 г. предлагал избрать адъюнкта «по татаро-манджурскому языку» по причине «великой пользы, какую обучение сего языка, по политическим и торговым связям России с восточными народами, принести может; на сей язык переведены древнейшие летописи Китая, и можно надеяться, что посредством оного удобно можно отыскать неизвестные еще европейцам сокровища китайской учености, чем самым университет может приобресть себе много чести и славы» (Сухомлинов, *Исследования*, т. I, стр. 100).

[42] Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 232. ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Fr. Babinger в „Festschrift für F. Hirth“ (1920), ⟨S.⟩ 17 называет Попова „genialer Tibetolog“». — *Н. Т.*⟩

[43] ⟨См. ниже, стр. 452, прим. 3.⟩

испытанию в Академии наук, где судьей их познаний мог быть только Я. И. Шмидт [44]; по выдержанию испытания оба были назначены адъюнктами по учрежденной 25 июля 1833 г. кафедре монгольской словесности в Казани. Ковалевский уже в 1834 г., Попов в 1835 г. были утверждены экстраординарными профессорами. Деятельность обоих в Казани всецело относится к периоду действия университетского устава 1835 г.

Из трех университетов, где по уставу 1804 г. должны были преподаваться восточные языки, только в одном Московском кафедра была замещена ученым русского происхождения. Попечитель Московского округа М. Н. Муравьев вообще держался взгляда, что «иначе нельзя завести своих профессоров, как посылая их в чужие края, чтобы они выучились там своим правам, трудолюбию и должностям» [45]. Тем же путем была замещена кафедра восточных языков. Кандидат на эту кафедру А. В. Болдырев [46], сын штаб-лекаря, родился 16 марта 1780 г., был принят в число студентов Московского университета в 1801 г., пробыл два года на философском и один — на юридическом факультете, в 1805 г. получил степень кандидата новейшей литературы, в 1806 г. — степень магистра философии и свободных наук. В том же году [47] он удостоился высочайшего подарка (золотой табакерки) за поднесение перевода еврейской грамматики и тогда же был командирован для приготовления к занятию кафедры восточных языков за границу, где пробыл до 1811 г. Еврейскому языку он, по-видимому, выучился самоучкой, так как среди предметов, преподававшихся в то время в Московском университете [48], этот язык не упоминается. О заграничных занятиях Болдырева в его биографии нет никаких сведений; факт издания им двух *му'аллаḳа* в Геттингене в 1808 г. показывает, что он занимался в Геттингенском университете, который в то время пользовался особенной славой в России и откуда Московский университет еще в 1804 г. получил несколько ученых [49]. Главным учителем Болдырева, как почти всех молодых ориенталистов того времени, был знаменитый Сильвестр де Саси в Париже.

Болдырев вернулся в Москву в 1811 г. и тогда же был назначен адъюнктом, в 1815 г. экстраординарным, в 1818 г. ординарным профессором; до 1818 г. он был также преподавателем русской словесности в училище ордена св. Екатерины. О его университетских лекциях мы имеем следующие сведения. В 1811—1812 гг. он преподавал начальные основания еврейского и арабского языков и объяснял книгу Бытия [50]; с 1814 г. «читал

---

[44] ⟨О нем см. ниже, стр. 58, прим. 32.⟩

[45] Шевырев, *История Московского университета*, стр. 344—345.

[46] См. его биографию в *Биографическом словаре Мск. ун-та*, ч. I. ⟨См. еще: Стариков, *Восточная филология. — А. К.*⟩

[47] Шевырев, *История Московского университета*, стр. 348.

[48] Там же, стр. 322 и сл.

[49] Там же, стр. 330.

[50] Там же, стр. 407.

вкратце историю евреев и арабов, о религии, законах, науках, художествах, нравах и обычаях этих народов, проходил еврейские древности по руководству Яна, еврейскую грамматику, объяснял отборные места из Ветхого и Нового Завета, обучал арабскому языку по своей литографированной хрестоматии и персидскому, объясняя избранные места из Тути-Намэ и цветника Садиева» [51]. После 1826 г. он «преподавал основания арабского языка и объяснял арабскую хрестоматию, по таблицам и книге, литографически им изданным, также правила персидского языка с объяснениями избранных мест из персидской хрестоматии, равно им изданной»[52]. В 1837 г., после двадцатишестилетней преподавательской деятельности, Болдырев вышел в отставку [53] и 17 августа 1842 г. скончался в Москве.

Составленные Болдыревым словари и хрестоматии по арабскому и персидскому языкам служили пособием для целого ряда поколений студентов, до первых десятилетий существования нашего факультета включительно; но его преподавательская деятельность, несмотря на ее продолжительность, прошла почти бесследно. Среди преподавателей-ориенталистов мы находим тоько одного ученика Болдырева, М. А. Коркунова [54] (будущего академика), который в университете (1824—1827 гг.), специально

[51] Там же, стр. 449.

[52] Там же, стр. 553.

[53] В последние годы своей службы Болдырев был ректором университета и в то же время занимал должность цензора. В качестве ректора он, по словам Ф. И. Буслаева (бывшего в то время студентом университета), оставил по себе память человека «очень доброго и всеми уважаемого» (Буслаев, *Мои воспоминания*, стр. 662). ⟨К этим словам примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Погодин (1834 г.) был недоволен Болдыревым и говорил, что он „не умеет взяться за дело“ (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Погодина*, кн. IV, стр. 202). В Поречье (С. С. Уваров) в 1852 г. ожидался портрет де Саси, „по указаниям и планам которого было учреждено преподавание восточных языков в наших университетах“. ⟨Барсуков⟩, *Жизнь Погодина*, кн. XII, стр. 61). ⟨Барсуков⟩, *Жизнь Погодина*, кн. XVII, стр. 15 о его ⟨Болдырева⟩ влиянии на попечителя кн. С. М. Голицина в 1830-х годах, поддержка. . . ⟨обрез полей⟩. . . против помощника попечителя Голохвастова». В цитируемом издании речь идет о порядке приема экзаменов в Московском университете, см.: Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. XVII, стр. 12—15. — *Н. Т.*⟩ Его увольнение от службы было вызвано тем, что он в качестве цензора пропустил номер «Телескопа» (т. 34, № 15) с известным «Философическим письмом» Чаадаева. Книжка журнала вышла в сентябре 1836 г., но не сразу обратила на себя внимание администрации; только к концу года последовало закрытие журнала, причем редактор был наказан ссылкой в Усть-Сысольск, а цензор — увольнением от службы («Вестник Европы», 1890, октябрь, стр. 662—664; Пыпин, *Белинский*, т. I, стр. 153—154; Белинский, *Сочинения*, т. I, стр. 401—402, 404—405). Болдырев был ректором до 1837 г. (Шевырев, *История Московского университета*, стр. 566); но уже в обозрении преподавания за 1836/37 г. его курс не упомянут. В обозрении преподавания на второе (осеннее) полугодие 1835 г. упомянут только его курс персидского языка.

[54] Биографии Коркунова и Коноплева помещены в *Биографическом словаре Мск. ун-та.* ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Коркунов в 1836 г. переселился из Москвы в Петербург (Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. IV, стр. 407)». — *Н. Т.*⟩

занимаясь русской историей, изучал также восточные языки. В 1828 г. он был назначен преподавателем, с вознаграждением 85 руб. в год, и напечатал несколько журнальных статей по востоковедению. Другой временный помощник Болдырева Н. Г. Коноплев, научился восточным языкам не в Москве, а в С.-Петербурге, куда с этой целью был командирован в 1828 г., несмотря на существование кафедры в Москве, по высочайшему повелению, на казенный счет. Вернувшись в Москву, он в 1832 г. был назначен преподавателем восточных языков, причем на него было возложено преподавание арабского языка [55]. Лекции Коноплева прекратились еще до прекращения лекций Болдырева: когда университет был преобразован по штатам устава 1835 г., для кафедры восточных языков был отведен только один оклад ординарного профессора (Болдырева), и Коноплев принадлежал к числу «уволенных за реформою» [56]; после увольнения Болдырева он не был вновь приглашен в университет. В отчете за 1839/40 г. восточные языки упоминаются среди предметов, «которые были отложены за неимением профессоров»; в отчетах за 1841/42 и последующие годы при перечислении таких предметов о восточных языках уже больше не было речи.

Итак, вопреки намерениям составителей устава 1804 г., преподавание восточных языков упрочилось только в одном из трех университетов, именно в Казанском.

[55] По обозрению преподавания за вторую половину 1835 г. персидский язык преподавался Болдыревым, арабский — Коноплевым.

[56] *Краткая историческая записка.*

III

ПРОЕКТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ШКОЛ. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Несмотря на трудность замещения университетских кафедр востоковедения, уже с первых лет действия устава 1804 г. наблюдается возвращение к мысли Кера — учредить специальное учебное заведение для приготовления ориенталистов. Последние после присоединения Закавказья были еще более необходимы для государственной службы. Коллегия иностранных дел, еще в 1805 г. обращавшаяся к казанскому попечителю С. Я. Румовскому с просьбой рекомендовать ей знатока татарского языка, в 1806 г. выработала проект учреждения классов восточных языков при гимназиях казанской (языки татарский, арабский и турецкий), тифлисской (персидский, грузинский и армянский) и иркутской (японский, китайский и маньчжурский); в каждом из этих городов до тех пор преподавался только первый из трех намеченных языков. Этому проекту Румовский в ноябре того же года противопоставил другой: учредить при казанской гимназии «главное для восточных языков училище» и сосредоточить в нем преподавание всех девяти языков, с присоединением еще десятого — калмыцкого. Было намечено и число (очевидно, казенных) воспитанников будущего училища — всего 20, по два на каждый язык.

Ни тот, ни другой проект не получили осуществления. В 1809 г. Френ в письме к Румовскому выступил с третьим проектом: основать в Казани «восточное училище» по образцу существовавших в Париже и Вене уже не при гимназии, а при университете. Однако связь с университетом могла быть только внешняя; по мысли Френа, училище должно было быть открыто не в самом городе, а в одной из татарских слобод, чтобы студенты «воображали, что живут на Востоке». И этот проект не получил дальнейшего движения [1].

От этих трех проектов существенно отличается четвертый, возникший около того же времени в Петербурге, где благодаря научным коллекциям академии всегда существовала потребность не только в практических знатоках восточных языков, но и в ученых ориенталистах. Последних

[1] Обо всех трех проектах у Загоскина, *История Казанского университета*, т. I, стр. 222—225.

мы видим и среди академиков, несмотря на то что в регламенте 25 июля 1803 г.[2] о востоковедении не упоминается; из 18 мест ординарных академиков одно было отведено для политической экономии и статистики, одно — для истории, все остальные — для математических и естественных наук. С 1805 г. академия опять имела в своей среде молодого ориенталиста, знаменитого впоследствии Юлия Клапрота (род. в 1783 г.)[3]. Клапрот, по-видимому, принимал главное участие в составлении проекта «Азиатской академии», представленного в 1810 г. попечителем С. С. Уваровым министру гр. А. К. Разумовскому.

Несмотря на официальное положение автора, проект Уварова[4] отличается такой же неопределенностью, как проект Кера. Никаких программ преподавания, никаких правил, которыми бы определялась деятельность будущей «академии», в нем нет; весь проект наполнен общими рассуждениями о важности изучения Востока. Мимоходом указывается на необходимость иметь переводчиков для сношений с Турцией, Персией, Грузией и Китаем[5]; но гораздо подробнее говорится о Востоке как о «колыбели всей мировой культуры», где и до нашего времени сохранились следы глубокой древности и куда необходимо обратиться каждому, кто хочет проследить культурное развитие человечества с первых его шагов (эта мысль выражена уже в эпиграфе из Лукреция: «juvat integros accedere fontes»). Различаются четыре главные отрасли восточной филологии — литературы индийская (санскритская), китайская, мусульманская и еврейская (библейская). Наибольшее значение приписывается индийской культуре (автор полагал, что индийская философия оказала влияние на греков, индийская астрономия — даже на халдеев), наименьшее — мусульманской, на которую будто бы наложил свой отпечаток проповедуемый исламом фатализм. Упоминается и о трех других отраслях востоковедения, в то время еще только зарождавшихся, именно о языках: 1) армянском и грузинском (указывается только на важность исторических сочинений на обоих языках, причем делается ссылка на Моисея Хоренского и на грузинскую летопись, переведенную Клапротом), 2) тибетском (говорится, что литература еще почти неизвестна, но рукописи могут быть добыты от лам) и 3) Северной Азии (привлекая эти языки, автор исходил из взгляда, что и языки, не имеющие письменности, могут иметь значение как «единственные исторические памятники эпохи, предшествующей истории». О характере преподавания говорится только, что преподавание

---

[2] ПСЗ, № 20863, § 46.

[3] <Генрих-Юлиус Клапрот (1783—1835), адъюнкт Академии наук по восточным языкам и словесности с 1 сентября 1804 г.; экстраординарный академик с 11 марта 1807 г.; уволен 15 мая 1817 г.; о нем см.: *История АН СССР*, т. II, стр. 219; Скачков, *Библиография Китая*; стр. 647 (указатель). — *А. К.*>

[4] Uvarow, *Projet.*

[5] Ibid., p. 10. Также мимоходом (p. 28) говорится, что насаждение востоковедения могло бы «donner un sage emploi à l'agitation des esprits».

языка в собственном смысле должно быть отделено от преподавания литературы и поручено особому преподавателю. Предполагалось, по-видимому, привлечь к преподаванию восточных ученых, так как автор мечтает о совместной деятельности «европейского критика и азиатского ламы» [6]. Для четырех главных отраслей восточной филологии составлены таблицы пособий для курсов языка и литературы (для первых трех отраслей Клапротом, дающим также список важнейших desiderata, для еврейской филологии — профессором еврейского языка в духовной академии И. А. Фесслером).

Проект Уварова не получил осуществления, но через несколько лет при том же попечителе преподавание восточных языков было введено в Петербурге иным путем: в учрежденном 23 декабря 1816 г.[7] «главном педагогическом институте» были положены две кафедры восточных языков — арабского и персидского. За рекомендацией подходящих лиц для замещения этих кафедр обратились к знаменитейшему ориенталисту того времени, Сильвестру де Саси, который направил в Россию двух своих учеников, Ж.-Ф. Деманжа и Ф.-Б. Шармуа [8] (род. в 1793 г.). Оба прибыли в Петербург в 1817 г. и были назначены профессорами, первый — арабского, второй — персидского языка. 22 марта 1818 г. они в торжественном собрании были введены попечителем в круг своих товарищей. Собрание открылось речью самого попечителя [9] о важности изучения Востока, где были повторены главные мысли его проекта «Азиатской академии». Несмотря на то что открывались только курсы арабского и персидского языков, Уваров только в кратких словах упомянул [10] об арабской культуре и ее влиянии на европейскую (особенно на архитектуру, «которую мы ошибочно называем готическою»), о характере персидской поэзии и персидского народа («французов Азии»), чтобы подробно остановиться на любимой им Индии. Прославление Индии [11] заняло столько времени, что оратор мог посвятить только несколько слов Китаю, Тибету и татарским диалектам. О Китае говорится только, что его слишком прославляли и слишком унижали, о Тибете — что его словесность малоизвестна, но, конечно, важна, о татарских диалектах — что из них некоторые уже имеют литературу, другие не имеют и письменности [12]. Дальше автор

[6] Ibid., p. 9: «. . . où l'on verroit le critique Européen à côté du Lama asiatique».

[7] ПСЗ, № 26573, §§ 41 и 53.

[8] См. биографию Шармуа, составленную П. С. Савельевым (*О жизни и трудах Шармуа*).

[9] *Речь президента Академии наук 22 марта 1818 года.*

[10] Там же, стр. 7—10.

[11] Там же, стр. 11—20. <Здесь примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «ср. Herder, *Werke*, VI, 252». — *Н. Т.*>

[12] *Речь президента Академии наук 22 марта 1818 года*, стр. 20. Действительное содержание речи мало соответствует словам проф. А. В. Попова, сказанным при открытии нашего факультета, будто Уваров «не только осязательно доказал пользу изучения языков Западной Азии, но и представил важное значение языков еврейского,

возвращается к основной мысли проекта «Азиатской академии», к мысли о необходимости обратиться к Востоку как к первоначальному источнику культуры и выражает надежду, что с обращением к Греции и к Востоку произойдет обновление нашей словесности «в сих свежих, доныне неприкосновенных источниках» [13].

Преобразованный 8 февраля 1819 г. в университет, педагогический институт сохранил то же устройство, которое было дано ему при основании и которое существенно отличалось от устройства университетов по уставу 1804 г. Поэтому в С.-Петербургском университете с самого начала в отличие от всех других было всего три факультета: наук философских и юридических, физических и математических, исторических и словесных. Преподавание восточных языков отличалось тем, что для этих языков вместо одной кафедры было положено две, одна — для арабского, другая — для персидского.

Шармуа и Деманж [14] вели преподавание до 1822 г.; помощником Шармуа был адъюнкт Мирза-Джафар Топчибашев (род. в 1790 г.), превосходный практический преподаватель персидского языка [15]. Студентов, изучавших восточные языки, было, по официальным сведениям, всего пять человек, из которых только двое «отличались успехами в восточной словесности» [16].

Гроза, разразившаяся над С.-Петербургским университетом в июле 1822 г., коснулась и профессоров восточных языков; вследствие столкновения с попечителем Д. П. Руничем [17] оба должны были покинуть университет. О сохранении преподавания востоковедения в Петербурге по-

---

китайского, монгольского, маньчжурского и японского, для полного знакомства с умственными богатствами Востока» (Попов, *Краткий взгляд*, стр. 4). О японском языке в речи Уварова, как и в его проекте, нет ни слова.

[13] *Речь президента Академии наук 22 марта 1818 года*, стр. 25.

[14] Торжественность открытия их курсов ввела в заблуждение последующих исследователей. Не только в департаментской записке 1864 г. сказано, что «преподавание восточных языков в России началось с 1817 г. в С.-Петербурге» (МИФВЯ, т. I, стр. 521), но даже ориенталист П. С. Савельев полагал, что Шармуа и Деманж «имели счастье быть первыми преподавателями восточных языков в наших университетах» (*О жизни и трудах Шармуа*, стр. 5).

[15] См. оценку его преподавания: Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 247; <см. еще: Таирзаде, *К деятельности Топчибашева. — А. К.*>.

[16] МИФВЯ, т. I, стр. 521.

[17] Ни Шармуа, ни Деманж не принадлежали к числу опальных профессоров; оба подали в отставку добровольно вследствие грубого оскорбления, которому подвергся Шармуа в заседании 3 ноября 1821 г. со стороны попечителя (Сухомлинов, *Исследования*, т. I, стр. 303—306, 320—323). Любопытно мнение министра внутренних дел кн. А. Б. Куракина (в записке, составленной 14 февраля 1822 г.), находившего необходимым «стараться сохранить людей сих при университете» ввиду того, что «учебная наша часть лишается таковых знаменитых по сей науке людей и для таковой науки, которая для нас столь необходима и которая по сие время в совершенном еще младенчестве» (там же, стр. 393). <См. еще: МИСПб. ун-та, т. I, стр. 206—217; Давидович, *Делс. — А. К.*>

заботился Френ, состоявший с 1818 г.[18] в числе академиков; по его рекомендации был найден преемник Деманжу в лице молодого ученого О. И. Сенковского, только что перед тем, в том же 1822 г., занявшего кафедру восточных языков в своем родном Виленском университете. Кафедра Шармуа осталась незамещенной, и до возвращения Шармуа в университет (1831 г.) Топчибашев преподавал свой предмет без европейского руководителя.

О. И. Сенковский [19] (род. в 1800 г.), подобно Болдыреву и многим другим, принадлежал к числу ориенталистов-автодидактов. Интерес к Востоку был возбужден в нем в Виленском университете лекциями профессоров—историков и филологов; широкое историческое миросозерцание Левеля возбудило в его ученике желание изучить Восток по подлинникам; другой профессор, Гроддек, указывал своим слушателям на необходимость такого изучения для лучшего понимания древней Греции [20].

После окончания курса в университете (1819 г.) Сенковский совершил путешествие в Константинополь, Сирию и Египет; в 1821 г. он прибыл в Петербург и подвергся экзамену на звание переводчика. Экзаменатор Френ дал о его познаниях самый лестный отзыв, после чего он весной 1822 г. был избран профессором восточных языков в Виленском университете, но вскоре после этого вызван в Петербург и назначен прямо ординарным профессором [21]. Так как его находили слишком молодым для этого звания, то в его формуляре годом его рождения был назван 1798 г. вместо 1800.

18 августа 1822 г. Сенковский прочитал свою вступительную лекцию «Об изучении арабского языка» [22] и после этого занимал кафедру в течение 25 лет, причем блестящий период его преподавательской деятельности продолжался до 1834 г., когда вступление в должность редактора «Библиотеки для чтения» отвлекло его от науки [23]. Кроме арабского языка он иногда читал и турецкий. Слушателей у него всегда было очень мало; тем не менее он оказал значительное влияние на ход развития востоко-

---

[18] <Х. Д. Френ — ординарный академик по разряду восточных древностей с 24 сентября 1817 г., см.: *История АН СССР*, т. II, стр. 712. См. также выше, стр. 43—45. — *А. К.*>

[19] Ср.: Савельев, *О жизни и трудах Сенковского.* <См. также ниже, стр. 439, прим. 2.>

[20] Савельев, *О жизни и трудах Сенковского*, стр. XXIII.

[21] Сенковскому было назначено содержание (всего 5000 руб. асс.), которое Шармуа и Деманж получали вместе (Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 41). <См. еще: МИСПб. ун-та, т. I, стр. 257—266. — *А. К.*>

[22] Речь тогда же была напечатана в «Сыне Отечества» (1822 г., ч. LXXX, № 39, стр. 248—267; перепечатано в «Собрании сочинений» Сенковского, изд. 1858—1859 гг., т. VII, стр. 149—164).

[23] По словам Савельева (*О жизни и трудах Сенковского*, стр. XLVI), Сенковский «с 1835—36 гг. постепенно охладел к университету, пропускал лекции, торопился читать, отдавшись вполне журналистике; сам университет давно уже был к нему холоден».

ведения в России. Непосредственными учениками Сенковского были трое из деятелей нашего факультета, А. О. Мухлинский, В. В. Григорьев[24] и С. И. Черняев; из ориенталистов, оставшихся вне факультета, к числу учеников Сенковского принадлежали его биограф П. С. Савельев, П. Я. Петров и бар. В. Г. Тизенгаузен. По отзыву Савельева, Сенковский занимал слушателей главным образом подробными комментариями к читаемым текстам; вследствие этого случалось, что переводили в течение лекции «не более двух-трех стихов или одной фразы прозы» [25]. Чисто лингвистической стороной востоковедения Сенковский интересовался главным образом с точки зрения акустики и музыки, сам «занимался теорией музыки и опытами над искусственным горлом»; к «корнесловию» и увлечению санскритом относился отрицательно, но под влиянием этой антипатии проглядел успехи научного языкознания со времени В. Гумбольдта [26].

Удаленные из университета, профессора Деманж и Шармуа не были потеряны для России; министерство иностранных дел причислило их к своему Азиатскому департаменту, и в следующем, 1823 г., оба были назначены профессорами вновь учрежденного при этом департаменте «учебного отделения восточных языков». Новая школа, основанная по мысли тайного советника А. Фонтона, должна была готовить для министерства будущих деятелей на Ближнем Востоке; предполагалось дать будущим дипломатам возможность дополнить полученное ими в университете теоретическое образование сведениями, необходимыми для их будущей практической деятельности, под руководством лиц, приобревших эти сведения путем долговременного опыта [27]. Несмотря на такую цель нового учебного заведения, преподавание в нем с самого начала было поручено представителям теоретического востоковедения, бывшим профессорам университета. И впоследствии восточные языки нередко преподавались в университете и учебном отделении одними и теми же лицами; Шармуа уже в 1831 г. вновь был назначен профессором университета и занимал кафедру до 1835 г., оставаясь в то же время преподавателем в учебном отделении. Из воспитанников последнего выходили не только дипломаты, но и ученые; из будущих профессоров факультета через учебное отделение прошли Григорьев и Мухлинский; один из факультетских преподавателей, адъюнкт Бероев, получил высшее специальное образование исключительно в учебном отделении, поступив в него в самый год его основания [28].

---

[24] <Об А. О. Мухлинском см.: Kotwicz — Kotwiczówna, *Orientalista Antoni Muchliński*; о В. В. Григорьеве см. ниже, стр. 142. — *А. К.*>

[25] Савельев, *О жизни и трудах Сенковского*, стр. XLII.

[26] Там же, стр. XLVIII—XLIX.

[27] См. записку Фонтона в МИФВЯ, т. I, стр. 529—533.

[28] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 241.

По характеру своей деятельности Азиатский департамент должен был привлекать в свой состав также ориенталистов тех специальностей, которые не нашли себе места в учебном отделении; в 20-х годах XIX в. к департаменту были причислены арменист А. М. Худобашев (впоследствии автор армяно-русского словаря и учебной книги армянского языка), сопровождавший в 1817 г. А. П. Ермолова в Персию [29], и (с 1826 г.) знаменитый синолог о. Иакинф Бичурин (род. в 1777 г.), бывший начальник Пекинской миссии [30]. Азиатскому департаменту посвятил свою деятельность и Я. О. Ярцов, в котором некогда Френ готовил себе сначала преемника по кафедре, потом сотрудника в работах по Академии наук.

В Академии наук востоковедение официально получило права гражданства только по «дополнительным пунктам к регламенту», изданным 30 января 1830 г.[31]; по новым правилам было отведено два места ординарных академиков «для истории и словесности азиатских народов». Но мы видели, что академия еще гораздо раньше имела в своей среде ориенталистов. Еще до издания «дополнительных пунктов» 1830 г. в эту среду впервые вступил представитель изучения Дальнего Востока монголист-автодидакт Я. И. Шмидт (род. в 1779 г.), избранный в 1829 г. адъюнктом, в 1834 г. — ординарным академиком [32]. Сенковский еще в 1828 г. был избран членом-корреспондентом академии [33]. По его же инициативе Петербург, уже располагавший ценными коллекциями восточных рукописей, обогатился новым драгоценным собранием: по Туркманчайскому договору 1828 г. России были уступлены персидские рукописи знаменитой библиотеки, некогда учрежденной шахом Аббасом I в городе Ардебиле [34]. Рукописи поступили в Имп. Публичную библиотеку [35], где находятся и в настоящее время.

Таким образом, Петербург к концу 20-х годов благодаря Академии наук, университетским кафедрам восточных языков, Азиатскому департ-

---

[29] Справка о Худобашеве была доставлена мне через посредство проф. Н. Я. Марра покойным Г. А. Эзовым.

[30] В. П. Васильев в 1886 г. писал об Азиатском департаменте, что «более ста лет (sic) в нем одном только собирались знатоки китайского, монгольского и маньчжурского языков» (Васильев, *О преподавании восточных языков*, — ВО, № 8, стр. 9). <Некролог В. П. Васильева, см. ниже, стр. 619—628.>

[31] ПСЗ, № 3453.

[32] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 107—108. <Яков Иванович (Исаак-Якоб) Шмидт, монголист и тибетолог, родился в Амстердаме 14 октября 1779 г., умер в Петербурге 27 августа 1847 г.; ординарный академик с 14 июля 1833 г. См.: *История АН СССР*, т. II, стр. 222 и 713; Ливотова, *Основная литература*, стр. 508; ИИН, № 11070—11073. — *А. К.*>

[33] Савельев, *О жизни и трудах Сенковского*, стр. XXXV.

[34] Об основании этой библиотеки упоминает историк Аббаса I Искендер Мунши (рук. Петербургского ун-та № 169, л. 202б).

[35] <Ныне Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.>

таменту с его институтом [36] и Публичной библиотеке располагал выдающимися научными силами по нескольким отраслям востоковедения и значительным количеством ценных научных пособий. При таких условиях возник в 1829 г. замечательный проект учреждения при С.-Петербургском университете «полного класса восточных языков», составленный Сенковским, Френом и Шармуа (первоначальная мысль, по-видимому [37], принадлежала Сенковскому).

Как и следовало ожидать, проект, выработанный соединенными силами одного из лучших представителей немецкого ориентализма, французского ученика де Саси и талантливого польского автодидакта, по широте положенных в его основание идей далеко оставил за собой все прежние планы учреждения восточных академий, школ и т. п.[38]. Во многих отношениях приходится признать за ним даже преимущество перед планами и проектами, возникавшими впоследствии. Многие из мыслей, впервые высказанных составителями проекта 1829 г., не устарели и до настоящего времени; так, впервые было ясно указано различие между задачами университетского преподавания востоковедения и задачами специальных институтов; впервые была разъяснена зависимость успехов востоковедения от тесного общения с другими отраслями научной мысли и невозможность заменить это общение непосредственной близостью к объекту изучения — восточным народам.

Мы не будем подробно излагать содержание проекта, напечатанного полностью в первом томе настоящих «Материалов» [39]. Как видно из перечисления кафедр и предметов преподавания, программы «полного класса восточных языков» должны были обнять все языки современного Востока—

---

[36] ⟨Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД по-французски называлось L'Institut Oriental — Восточный институт. — *А. К.*⟩

[37] В постановлении временного комитета устройства учебных заведений 1 апреля 1829 г., текст которого приведен в записке гр. Коскуля 17 сентября 1854 г., проект назван «предположением профессора Сенковского» (МИФВЯ, т. I, стр. 134—135). Имена Шармуа и Френа, по-видимому, были впервые упомянуты во всеподданнейшем докладе министра кн. К. А. Ливена в июне 1829 г. (там же, стр. 96, прим. 2, стр. 136 и 519). В своей записке, представленной в комитет министров в апреле 1832 г., кн. Ливен, по-видимому, приписывает инициативу себе, как показывает следующее начало этой записки: «Многочисленные сношения России со смежными с ней восточными государствами и присоединение к ней областей в Азии обратили мысль мою на пользу учреждения в России особого учебного заведения для языков восточных. По сему имел я совещание с известными у нас ориенталистами (академиком Френом и профессорами Шармуа и Сенковским), которые представили мне следующее о сем мнение». (Дело «Об устройстве университетов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского», № 42, кар. 1592).

[38] Б. А. Дорн писал в 1846 г., что проект 1829 г. был составлен «nach einem beinahe riesenhaften Maßstabe». В связи с проектом правительство тогда же приобрело несколько ценных собраний восточных рукописей; когда выяснилась невозможность осуществить проект, эти коллекции были переданы в собственность Академии наук (Dorn, *Das Asiatische Museum*, S. 69—70).

[39] МИФВЯ, т. I, стр. 96—103. ⟨Об этой публикации см. выше, стр. 5, прим. 1.⟩

мусульманского, кавказского, китайского и буддийского — вместе с географией и историей соответствующих стран (библейский Восток был забыт; изучение языков и культуры древнего Востока в то время и в Западной Европе только начиналось). Трудность изучения истории Востока еще недостаточно сознавалась, вследствие чего признавалось возможным поручить преподавание «истории и *литературы* азиатской» *одному* профессору. Из проекта не видно, предполагалось ли предоставить студентам изучать те или другие языки по своему выбору или, как было сделано впоследствии в Казани и С.-Петербурге, учредить несколько «разрядов» будущих ориенталистов. Не сказано также, в каком отношении «полный класс восточных языков» должен был находиться к существовавшему в С.-Петербургском университете факультету «исторических и словесных наук». Из письма Шармуа к Френу, отправленному в декабре того же, 1829 г.[40], можно заключить, что предполагалось учредить самостоятельный «факультет восточных языков и литератур», равноправный с прочими факультетами. Но составителям проекта 1829 г. еще была чужда мысль, возникшая в 40-х годах и осуществленная при учреждении нашего факультета,— сосредоточить преподавание восточных языков в одном центре, прекратив его во всех прочих высших учебных заведениях. Напротив, одним из доводов составителей была мысль, что в проектированном ими учреждении «под руководством опытных наставников могли бы получать образование молодые профессоры, предназначаемые для преподавания впоследствии восточных языков при всех русских университетах».

Проект, одобренный 1 апреля 1829 г. временным комитетом устройства учебных заведений, был 24 июня доложен министром кн. К. А. Ливеном государю Николаю Павловичу, который повелел внести в тот же комитет «план такого отделения». Для составления этого плана был образован особый комитет из шести ориенталистов (три инициатора проекта и, кроме того, еще синолог о. Иакинф Бичурин, арменист А. М. Худобашев и монголист Я. И. Шмидт) под председательством графа С. Г. Строганова. Окончательная редакция проекта, установленная комитетом устройства учебных заведений по соглашению с комитетом ориенталистов, заключала в себе 37 параграфов [41].

Списка этой окончательной редакции мне не удалось найти в делах министерства; по-видимому, в ней не было существенных отличий от первоначального проекта, так как министр и в записке 1832 г. ссылался только на мнение Френа, Шармуа и Сенковского. Неизвестно также, почему проект, по выражению Савельева [42], «нашли тогда неудобоисполнимым». По-видимому, замедление было вызвано не столько свойствами самого проекта, сколько необходимостью «связать сие положение с про-

---

[40] МИФВЯ, т. I, стр. 138, прим. 4.

[41] Там же, стр. 136 и 522.

[42] *О жизни и трудах Сенковского*, стр. XLI.

ектом нового устава университетов» [43]. Этот последний проект еще в начале 1832 г. встречал, по выражению министра, «непредвиденные затруднения», побудившие кн. Ливена выступить с новым проектом учреждения «при С.-Петербургском университете на первый случай, до утверждения университетского устава, трех классов отделения восточных языков» [44].

Непосредственной причиной появления этого нового проекта (представлявшего только сокращение первого) были представления двух сановников о недостатке в людях для управления окраинами, хотя этими сановниками для восполнения этого недостатка предлагались другие средства [45]. В январе 1832 г. управлявший министерством внутренних дел Н. Н. Новосильцов сообщил кн. Ливену о ходатайстве управлявшего Грузией барона Г. В. Розена, считавшего необходимым доставить краю необходимых ему переводчиков татарского, персидского и грузинского языков из русских, так как переводчики из татар и армян оказывались неудовлетворительными и ненадежными. Бар. Розен предлагал основать в одной из столиц училище «для обучения восточным языкам питомцев воспитательного дома». Потребность края в переводчиках определялась в 80 человек, но признавалось возможным ограничиться на первый раз половиной этого числа и потом присылать ежегодно еще по десяти.

В апреле того же года Новосильцов прислал кн. Ливену отношение и. д. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа П. П. Палена о необходимости преобразовать школу восточных языков, учрежденную в Одессе высочайшим указом 1 октября 1828 г.[46], «для образования молодых людей в должности переводчиков и других, требующих основательного познания в восточных языках», и имевшую в то время шесть воспитанников. Граф Пален предлагал «для сокращения издержек, для большей связи и единства и удобнейшего надзора за ходом учения» заменить школу особой кафедрой восточных языков при Ришельевском лицее (в Одессе), причем на содержание этой кафедры должны были пойти деньги, получавшиеся школой, именно 10 000 руб. в год из сумм государственного казначейства и 1800 руб. на наем дома для школы из доходов города.

Оба проекта были, в глазах министра, новыми доказательствами необходимости развития востоковедения в России и недостаточности сущест-

---

[43] МИФВЯ, т. I, стр. 136 (записка гр. Коскуля).

[44] Выражения министра во всеподданнейшем докладе 30 августа 1832 г., повторенные также в представлении в государственный совет 20 октября, № 1118 (дело мин. нар. просв., кар. 1592). Ср.: МИФВЯ, т. I, стр. 137, где указан № 1117, которым в действительности помечено только препроводительное отношение министра государственному секретарю.

[45] Изложены в записке министра «о необходимости учреждения при СПб. университете отделения восточных языков и словесностей», которой сопровождалось представление в комитет министров (дело кар. 1592). О проекте барона Розена также МИФВЯ, т. I, стр. 136 и 523.

[46] Дата также в МИФВЯ, т. I, стр. 522. В ПСЗ этого указа нет.

вовавших для этой цели практических школ: учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел (шесть воспитанников), школы восточных языков в Одессе (такое же число) и класса калмыцкого языка [47] в Петербурге (учрежденного, как и одесская школа, в 1828 г.), в котором преподавал акад. Я. И. Шмидт (десять воспитанников).

23 апреля 1832 г. кн. Ливен вошел в комитет министров с запиской (№ 3248) «об учреждении при С.-Петербургском университете особого отделения восточных языков» [48]. По сравнению с первоначальным проектом состав и штаты отделения были значительно сокращены. Предполагалось учредить три класса отделения, именно: класс «языков магометанских» (арабского, персидского и турецко-татарского), класс армяно-грузинский и класс «монгольский и калмыцкий» [49]; таким образом, из первоначального проекта были исключены языки: китайский, маньчжурский, санскритский и тибетский. Штаты отделения были исчислены следующим образом: 6 ординарных профессоров (очевидно, для преподавания 6 языков) с жалованьем по 6000 руб. каждому; экстраординарный профессор «для кафедры истории, географии и археологии восточных» (4000 руб.), 8 лекторов (по 3000 руб.), 40 казенных воспитанников (по 500 руб.; число, очевидно, было заимствовано из проекта барона Розена); квартирные деньги 4 ординарным и одному экстраординарному профессорам (по 1000 руб.) и 7 лекторам (по 600 руб.). Кроме того, предполагалось затратить в первый год 10 000 руб. на учебные пособия; в последующие годы эта сумма была бы уменьшена до 1000 руб., но зато прибавилось бы 750 руб. на две медали для лучших воспитанников. Таким образом, весь бюджет отделения определился бы в 103 200 руб. на первый год и 94 950 руб. — на каждый из последующих. До тех пор на преподавание восточных языков в С.-Петербурге тратилось только 7200 руб. (жалованье двух ординарных профессоров и одного адъюнкта); всю остальную сумму пришлось бы ассигновать вновь. Оклады проекта не так велики, как может показаться с первого взгляда, так как, очевидно, исчислены в ассигнациях, но все-таки превышают оклады по штатам устава 1835 г.[50].

---

[47] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 185.

[48] Полного текста проекта в деле кар. 1592 нет; в нем помещены только объяснительная записка «о необходимости учреждения» отделения, со ссылкой на мнения трех ориенталистов, барона Розена и графа Палена, и «выписка из внесенной в комитет министров записки г. министра народного просвещения от 23 апреля 1832 г. за № 3248». Из этой «выписки» взяты приводимые ниже цифры (ср.: МИФВЯ, т. I, стр. 137, прим.). Проект был раньше представлен государю и внесен в комитет министров «по Высочайшему повелению» (МИФВЯ, т. I, стр. 137 и 522). Во всеподданнейшем докладе 30 августа 1832 г. (дело кар. 1592) министр упоминает о том, что проекты бар. Розена и гр. Палена заставили его, «еще в апреле сего года, всеподданнейше ходатайствовать об учреждении» трех классов отделения.

[49] Так во всеподданнейшем докладе 30 августа.

[50] По штатам 1835 г. оклад ординарного профессора был определен, конечно тоже в ассигнациях, в 5200 руб.

Во всеподданнейшем докладе 30 августа приведены мотивы [51], которыми комитет устройства учебных заведений был приведен «к возвышению окладов профессоров восточного при С.-Петербургском университете отделения»; из этого видно, что в проекте общеуниверситетского устава 1832 г. для профессоров-ориенталистов были положены более высокие оклады, чем для других профессоров русских университетов.

Преимущество своего проекта перед проектом гр. Палена министр видел в том, что «чрез таковое соединение обоих сих заведений» (очевидно, одесской школы и петербургского отделения восточных языков) «сократится нужное число для них профессоров». Здесь уже проявляется начало того стремления, которое впоследствии решило судьбу русского востоковедения. Не замечая противоречия, министр в то же время выражал надежду, что среди воспитанников проектированного отделения окажутся «такие ученые, кои с честью займут кафедры восточных языков в наших университетах».

Проект перешел из комитета министров в государственный совет, но дальнейшего движения не получил [52], так как был заменен новым, более обширным. Разногласие по поводу нового устава было устранено раньше, чем ожидал министр, и 27 августа того же, 1832 г.[53] председателем и членами комитета устройства учебных заведений были подписаны как «устав университетов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского», так и «положение об отделении восточных языков при С.-Петербургском университете». Оба проекта были отправлены государю при всеподданнейшем докладе 30 августа. Доклад имеет характер объяснительной записки к проектам, полный текст которых не приводится. Цель отделения восточных языков должна была состоять «в образовании просвещенных и сведущих в восточных языках [54] чиновников, для дипломатических сношений с странами Азии и для употребления по части управления зависящих от России народов армянских, грузинских, мусульманских, монгольских и калмыцких, а также в основательном приуготовле-

[51] Ср. МИФВЯ, т. I, стр. 137, прим.

[52] В записке гр. Коскуля (МИФВЯ, т. I, стр. 137) апрельский проект ошибочно отожествлен с проектом, внесенным в государственный совет 20 октября того же года. По департаментской записке 1864 г. (где тот же проект столь же ошибочно отожествлен с проектом комитета шести ориенталистов), он был передан из комитета министров в государственный совет 3 мая и потом, «согласно желанию князя Ливена, возвращен снова в министерство, как заключавший в себе временную только меру, до составления проекта общего устава университетов» (там же, стр. 522). Однако не только во всеподданнейшем докладе 30 августа, но и в представлении 20 октября сказано, что проект «находится ныне в государственном совете» и должен «остаться без действия» только «с утверждением представляемого ныне полного проекта отделения восточных языков» (дело кар. 1592).

[53] По «выписке из журнала 122 собрания комитета устройства учебных заведений 27 августа 1832 г.», приведенной в том же деле.

[54] В представлении 20 октября вместо этого: «в языках, географии, истории и статистике Востока».

нии ученых для занятия кафедр восточных языков в университетах и по части китайской и маньчжурской словесности места академика в академии наук». Таким образом, в состав предметов преподавания кроме языков, перечисленных в апрельском проекте, предполагалось включить также китайский и маньчжурский [55]; должны ли были преподаваться санскритский и тибетский, неизвестно. Не выясняется также отношение нового отделения к прежним университетским факультетам; сказано только, что проект, составленный комитетом шести ориенталистов, был рассмотрен в комитете устройства учебных заведений и соглашен, «сколько позволяли особенная цель и отличное устройство оного, с содержанием проекта общего университетского устава». Из последних слов можно заключить, что отделение восточных языков должно было быть как бы самостоятельным институтом при университете [56].

Проекты 31 августа [57] были возвращены министру, так как государь уезжал из Петербурга и не имел времени их рассмотреть. Осенью они были представлены вторично и возвращены с высочайшей резолюцией (9 октября): «в государственный совет». Во исполнение этой резолюции министр внес проекты университетского устава и отделения восточных языков в государственный совет 20 октября, при объяснительной записке, в общем воспроизводящей содержание всеподданнейшего доклада 30 августа.

Заседание департамента законов государственного совета, посвященное рассмотрению проектов, состоялось только 19 апреля 1833 г., уже после отставки кн. Ливена. Управлявший министерством (будущий министр) С. С. Уваров не счел необходимым отстаивать положения проектов против замечаний членов государственного совета, объявил, что устав был окончательно выработан без его участия и просил возвратить ему весь проект для пересмотра, что и было исполнено 13 мая. Насколько можно видеть из журнала заседания [58], все возражения членов государ-

[55] Впрочем, и это не бесспорно; приведенные слова доклада относятся, собственно, к первоначальному проекту 1829 г., и не совсем ясно, насколько от него отличался проект шести ориенталистов, одобренный комитетом устройства учебных заведений. Сверх того в представлении в государственный совет 20 октября (№ 1118) слова «и по части китайской и маньчжурской словесности места академика в академии наук» выпущены. Во всяком случае, новый проект был обширнее апрельского, иначе не было бы основания оставлять последний «без действия».

[56] В том же докладе 30 августа 1832 г. впервые была высказана мысль, что сосредоточение преподавания востоковедения в С.-Петербурге должно было вознаградить С.-Петербургский университет за отсутствие в нем медицинского факультета и «заменить сие лишение весьма полезным учреждением другого рода».

[57] Дальнейшее также по делу кар. 1592.

[58] Помещен также в деле кар. 1592. Здесь упомянуты следующие возражения: 1) против возвышения суммы на содержание четырех университетов более чем на миллион; 2) против отсутствия мер для поднятия средней школы, без чего «никакие меры к усовершению университетов и никакие пожертвования цели своей не достигнут»; 3) против слишком большой сложности статей, направленных «к утверждению в воспи-

ственного совета относились к проекту общеуниверситетского устава, а не к проекту отделения восточных языков.

О дальнейших работах, до опубликования высочайше утвержденного устава 26 июля 1835 г., мы не имеем сведений [59]. Можно было ожидать, что мысль учредить в Петербурге полное отделение восточных языков встретит сочувствие со стороны министра, некогда представившего проект «Азиатской академии»; в действительности произошло обратное.

Вместо предполагавшегося, по проекту 1832 г., сосредоточения преподавания восточных языков в одном центре устав 1835 г.[60] остался верен принципу равномерного распределения преподавания востоковедения по всем четырем университетам. В каждом из них в состав наук первого (историко-филологического) отделения философского факультета были включены две группы восточных языков: а) языки арабский, турецкий и персидский; б) языки монгольский и татарский. Число кафедр не было определено; в противоположность уставу 1804 г. устав 1835 г. перечислял только науки, а не кафедры каждого факультета; приложенные к уставу штаты определяли только общее число преподавателей для каждого университета [61], без распределения по факультетам и предметам.

Около того же времени получил осуществление проект графа Палена, против которого в 1832 г. возражал князь Ливен. 29 мая 1837 г.[62] Ришельевский лицей в Одессе получил новый устав [63], по которому к нему была присоединена школа восточных языков. Восточные языки (арабский, персидский и турецкий) должны были преподаваться как в гимназии при лицее (с IV класса), так и в течение трехгодичного лицейского (специального) курса. Языки преподавались в специальных классах профессором (одна кафедра), в гимназии — двумя учителями, старшим и младшим.

танниках правил подчиненности». Еще при кн. Ливене все эти новшества самому министерству представлялись настолько спорными, что во всеподданнейшем докладе 30 августа 1832 г. министр ходатайствовал об утверждении проекта устава «только на один университетский курс или на пять лет, по истечении коих позволено бы было министерству народного просвещения всеподданнейше представить о тех изменениях, кои окажутся необходимыми, для введения оных в уставе».

[59] По записке графа Коскуля (1854 г.), устав был составлен «под собственным государя императора руководством в комитете устройства учебных заведений», причем на полях записки помечено «графом (Д. Н.) Блудовым» (МИФВЯ, т. I, стр. 137—138).

[60] ПСЗ, № 8337.

[61] В С.-Петербургском университете (оставляется без медицинского факультета) 20 ординарных профессоров, 9 экстраординарных и 6 адъюнктов (кроме профессора богословия и 4 лекторов европейских языков); в каждом из трех других — 26 ординарных, 13 экстраординарных и 8 адъюнктов.

[62] По справке «о предстоящих комитету устройства учебных заведений занятиях», составленной для министра С. С. Уварова (дело кар. 1592), «19 мая 1831 г. предписано было попечителю одесскому составить новый проект устава и штата лицея. Проект представлен 25 мая 1833 г.».

[63] ПСЗ, № 10285. Ср.: МИФВЯ, т. I, стр. 33, и Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 135.

Число казенных воспитанников по восточным языкам было увеличено только до восьми. Эти воспитанники образовали особый «институт восточных языков» при лицее, рядом с существовавшими по уставу 1837 г. двумя отделениями (факультетами) — физико-математическим и юридическим, к которым в 1841 г. было присоединено еще третье — камеральное. До 1846/47 академического года воспитанники восточного института слушали все предметы, общие и юридические, кроме римской словесности и древностей; с этого года они были освобождены от слушания энциклопедии правоведения, истории философии, законов государственного благоустройства, благочиния и финансов, римского права и судебной медицины; взамен этого «усилено преподавание восточных языков» [64]. Тем не менее институт до своего закрытия влачил жалкое существование и не оказал никакого влияния на ход развития русского востоковедения [65].

[64] *Торжественный акт Ришельевского лицея*, стр. 48, 51, 54—56.

[65] ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Григорьев, в 1843 г. его знакомство со славистом Григоровичем (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. VII, стр. 265). В 1843 г. писал Погодину о своей поездке в Крым, осмотре татарских училищ и изучении актов Крымского ханства, с намерением издать их (там же, стр. 313)». В это время Григорьев преподавал в Восточном институте при Ришельевском лицее. — *Н. Т.*⟩

IV

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ ПРИ УСТАВЕ 1835 г. РАЗВИТИЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КАЗАНИ. ПРОЕКТЫ АЗИАТСКОГО ИНСТИТУТА И ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

Ввести преподавание востоковедения в русских университетах в тех размерах, в каких это было предписано уставом 1835 г., оказалось невозможным [1]. Харьковский университет после отъезда Дорна вообще не имел преподавателя, хотя при преобразовании университета по штатам устава 1835 г. одна кафедра ординарного профессора была отведена на преподавание восточной словесности [2]. В Московском университете кафедра восточных языков, определенная уставом 1835 г., но фактически отмененная после отставки Болдырева, была восстановлена 16 января 1852 г. особым распоряжением министра и включена в число кафедр историко-филологического факультета; на и. д. адъюнкта П. Я. Петрова (перешедшего в Московский университет из Казанского) было возложено преподавание языков санскритского, еврейского, арабского и персидского, притом только «для желающих заниматься оными» [3]. Эту кафедру восточных языков Московскому университету удалось сохранить и после учреждения нашего факультета.

В С.-Петербургском университете при введении устава 1835 г. были два профессора восточных языков, Сенковский и мирза Джафар Топчибашев (Шармуа в сентябре 1835 г. вышел в отставку, и в том же году

[1] Министерство народного просвещения уже в 30-х годах понимало требование устава гораздо уже, чем это определялось его текстом. В обозрении по министерству за пятилетие 1833—1838 гг. сказано, что «общим уставом 1835 г. положена в университетах кафедра восточной словесности, объемлющая собою языки арабский, турецкий и персидский» (ЖМНП, ч. 21, 1839, отд. 1, стр. 16—17). Это совершенно противоречит тексту устава, где среди наук 1-го отделения философского факультета названа «9) восточная словесность: а) языки арабский, турецкий и персидский; б) языки монгольский и татарский».

[2] МИФВЯ, т. I, стр. 118.

[3] ЖМНП, ч. 74, 1852, отд. 1, стр. 21. В обозрении преподавания за 1852/53 г. лекции Петрова еще не упомянуты; в обозрениях 1853/54 и 1854/55 гг. говорится о преподавании им санскритского и арабского языков, с 1855/56 г. — о преподавании «восточных языков». <О П. Я. Петрове см. ниже, стр. 80, прим. 72 и стр. 464, прим. 59.>

мирза Джафар был назначен экстраординарным профессором [4]). Сенковский еще с 1824 г. имел помощника в лице одного из своих первых учеников (выпуска 1823 г.), М. Г. Волкова, в 1845 г. назначенного экстраординарным профессором; в 1846 г. Волков умер [5], в 1847 г. Сенковский, выслужив двадцатипятилетие, вышел в отставку, не оставив по себе преемника. На кафедру арабского языка в 1848 г. был приглашен ученый араб шейх Мухаммед-Аяд Тантави, преподаватель (с 1839 г.) учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте [6]. Кафедра персидского языка после выхода в отставку мирзы Джафара, также не нашедшего себе преемника среди своих учеников [7], в 1849 г. была занята мирзой А. К. Казем-Беком, перешедшим в С.-Петербургский университет из Казанского. Третья кафедра, турецкого языка, была открыта в 1839 г., с назначением на эту кафедру А. О. Мухлинского, воспитанника Виленского университета, прикомандированного в 1828 г. к С.-Петербургскому университету для изучения восточных языков (т. е. ученика Сенковского) и прошедшего также через учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте [8]. С 1836 г. Мухлинский читал лекции по арабскому языку, пока не был призван на новую кафедру турецкого языка. Замещение этой кафедры в 40-х годах было связано с такими же затруднениями, как замещение двух других кафедр востоковедения. В 1845 г. вышли в отставку Мухлинский [9] и его помощник И. В. Петрашевский [10], про-

[4] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 255.

[5] Волков принадлежал к числу молодых людей, оставленных при университете в 1823 г. «для исправления должности магистров», т. е. для замены выбывших при разгроме 1821—1822 гг. (там же, стр. 43). Уже в программах преподавания на 1824 г. он упомянут в качестве преподавателя «начал арабского языка» (там же, стр. 53); с 1829 г. он читал со студентами также легкие тексты: басни Локмана, три первые главы Корана и отрывки из хрестоматии де Саси (там же, стр. 57), впоследствии также отрывки из «Калилы и Димны» и из хрестоматий Гумберта и Козегартена (там же, стр. 129 и 251). В 1828 г. он получил звание адъюнкта (там же, стр. 99). Общая характеристика Волкова — там же, прим. 122. ⟨О Михаиле Гавриловиче Волкове см. еще: Ливотова, *Основная литература*, стр. 509; Крачковский, *Очерки*, стр. 101—102. — *А. К.*⟩

[6] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 252 и сл. ⟨См. еще: Крачковский, *Шейх Тантави. — А. К.*⟩

[7] В качестве преемника Шармуа был намечен один из его первых учеников, Грацилевский, принадлежавший, как и Волков, к числу оставленных при университете в 1823 г. и также читавший лекции еще в 1824 г., но в 1828 г. оставивший университет (Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 43, 53, 57 и 77). С 1836 по 1838 г. занимался со студентами персидским языком кроме мирзы Джафара также В. В. Григорьев (там же, стр. 111, 129 и 380), с 1842 г. — И. В. Петрашевский (Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 248), одновременно с преподаванием османского языка.

[8] МИФВЯ, т. I, стр. 505, прим.

[9] О Мухлинском см.: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 251—252, 261—262; ⟨см. также выше, стр. 57, прим. 24.⟩

[10] О Петрашевском см.: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 261—262. ⟨Об Игнатии Валтазаровиче Петрашевском (1796—1869) см. еще: Крачковский, *Очерки*, стр. 112; Кононов, *История изучения тюркских языков в России*, стр. 144. — *А. К.*⟩

шедший ту же научную школу (воспитанник университетов Виленского и С.-Петербургского и учебного отделения при Азиатском департаменте); в 1846 г. кафедру занял воспитанник Казанского университета В. Ф. Диттель [11]; после его смерти от холеры (1848 г.) отыскание ему преемника представлялось настолько затруднительным, что попечитель Мусин-Пушкин по этому поводу вновь поднял вопрос о необходимости сократить число кафедр востоковедения в русских университетах [12]. Кафедра в 1849 г. вновь перешла к Мухлинскому, который в 1853 г. был утвержден ординарным профессором.

Преподавание монгольского языка, определенное уставом 1835 г., так и не могло быть введено в Петербурге; зато в С.-Петербургском университете сверх языков, перечисленных в уставе, впервые было введено преподавание литературных языков Закавказья. Еще Клапрот в начале XIX в. обратил внимание на памятники армянской и грузинской исторической литературы, вследствие чего эти языки были упомянуты в проекте Азиатской академии Уварова; ради потребностей государственной службы те же языки были включены в проекты 1829 и 1832 гг., но не были приняты во внимание уставом 1835 г. Для замещения кафедры грузинского языка составители проекта имели в виду французского ориенталиста Мари-Фелиситэ (по-русски Марий Иванович) Броссе (род. в 1802 г.), занимавшегося с 1826 г. грузинским, с 1832 г. — также армянским языком. Броссе (находившийся в переписке с Шармуа) в 1832 г. собирался ехать в Петербург, не ожидая утверждения проекта, и только случайными обстоятельствами был удержан в Париже [13]. Кафедра не была учреждена, но о Броссе вспомнили, когда после выхода в отставку Шармуа в 1835 г. освободилось место адъюнкта Академии наук.

Престарелый патриарх ориенталистов, барон Сильвестр де Саси [14], стоявший тогда во главе французской школы восточных языков (где Броссе в 1831 г. тщетно хлопотал об учреждении для него кафедры грузинского языка), написал по поводу кандидатуры Броссе рекомендательное письмо министру Уварову с просьбой навести о кандидате справки у Френа. Очевидно, письмо было вызвано предварительными сношениями петербургских ориенталистов с Броссе через посредство Шармуа. В от-

---

[11] ‹См. ниже, стр. 470, прим. 16.›

[12] МИФВЯ, т. I, стр. 6.

[13] L. Brosset, *Bibliographie*, pp. XV—XVI. ‹Марий Иванович (Мари-Фелиситэ) Броссе (1802—1880), академик, выдающийся грузиновед и арменовед; о нем см. еще: Ливотова, *Основная литература*, стр. 495—496; ИИН, № 8445—8458; Хантадзе, *Академик Мари Броссе*. См. также ниже, стр. 479, прим. 72.

Франц Францевич (Франсуа-Бернар) Шармуа (1793—1868), иранист и тюрколог, профессор СПб. университета и учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, адъюнкт и член-корреспондент АН. — *А. К.*›

[14] ‹О Сильвестре де Саси в связи со столетием со дня смерти в 1938 г. была опубликована обстоятельная статья: *Centenaire de Silvestre de Sacy*, — CRAIBL, 1938, Séance du 25 février, pp. 64—107. — *В. П.*›

ветном письме барону де Саси, написанном по поручению министра (бывшего в то же время президентом академии), Френ говорил о своем давнишнем желании видеть в Академии наук представителя литератур грузинской и армянской и сообщал, что в ответ на запрос министра он постарался выяснить как важность этих специальностей для России, так и заслуги Броссе в этой области. В конце 1836 г. Броссе единогласно был избран адъюнктом, весной 1837 г. был высочайше утвержден в этом звании и в конце мая прибыл в Россию [15].

Появление в Академии наук представителя грузинской и армянской словесности должно было содействовать осуществлению давнишней мысли петербургских ориенталистов и кавказских администраторов — ввести закавказские языки в круг высшего специального образования. Сам Броссе еще в 1837 г. представил министру иностранных дел графу Нессельроде свой проект учреждения кафедры грузинского языка в учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте; но этот проект потерпел такую же неудачу, как во Франции проект учреждения такой кафедры в парижской школе живых восточных языков. После этого Броссе зимой 1839/40 г. читал для желающих лекции при Академии наук, потом перенес свое внимание на Петербургский университет, где в течение 1841 г. преподавал с разрешения начальства, грузинский язык; всего им было прочитано 15 лекций в весеннем и 14 в осеннем полугодиях; принятие на себя других обязанностей заставило его отказаться от преподавания [16]. Официально закавказские языки были введены в круг университетского преподавания только в 1844 г. по представлению председателя Кавказского комитета генерал-адъютанта А. И. Чернышева; на основании его доклада последовало 24 июля высочайшее повеление, о котором Чернышев уведомил министра народного просвещения, последний — министра юстиции; министром юстиции именной указ был объявлен 1 августа правительствующему сенату. По этому указу при восточном отделении Петербургского университета вводилось преподавание языков грузинского армянского и татарского (т. е. азербайджанского наречия); для преподавания каждого из трех языков должен был быть приглашен преподаватель с содержанием адъюнкта и с правами по чинопроизводству лектора; предполагалось со временем, «по мере установления преподавания», дать всем троим звание и права адъюнктов, не требуя от них степени магистра. Министерству народного просвещения было разрешено приглашать на эти должности лиц из других ведомств с сохранением окладов. Вскоре после этого осуществилась и мысль барона Г. В. Розена о назначении казенных воспитанников для обучения этим языкам; в самом начале 1845 г.,

[15] L. Brosset, *Bibliographie*, pp. XVI, LVIII—LXII (письма Френа).

[16] Ibid., p. LIII; ср.: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 269. Броссе начал обучаться русскому языку еще в 1823 г. (L. Brosset, *Bibliographie*, p. XI), задолго до своего переселения в Россию, но, насколько нам известно, до конца жизни не научился правильно говорить по-русски.

по докладу статс-секретаря Позена, последовало об этом высочайшее повеление, о котором министр народного просвещения 4 января уведомил товарища министра юстиции, а тот объявил об этом сенату 11 января. Всего должны были присылаться в С.-Петербург из закавказских уроженцев пятеро молодых людей ежегодно «как для скорейшего образования надежных переводчиков, в которых предстоит крайняя надобность по всем местам гражданского ведомства, так и для того, чтобы все классы восточного отделения имели всегда определенное из закавказских уроженцев число учащихся» [17].

Все три кафедры были замещены лицами, служившими в Азиатском департаменте; из них один получил высшее образование в восточном отделении С.-Петербургского университета [18], другой — в учебном отделении при Азиатском департаменте, третий — в Казанском университете. Первый, грузин Д. И. Чубинов [19] (род. в 1813 г.), еще в бытность студентом (1835—1839 гг.) находился под руководством Броссе. Еще в 1837 г. им был представлен в Академию наук грузино-русско-латинский словарь и переделан по указаниям Броссе с заменою латинского языка французским; в 1840 г. сочинение на основании отзыва Броссе было удостоено полной демидовской премии и напечатано на средства академии [20]. Второй, армянин Н. Л. Бероев, воспитанник учебного отделения при Азиатском департаменте первого выпуска, был выпущен из отделения переводчиком 10-го класса, но помимо своих служебных обязанностей еще с 30-х годов занимался составлением русско-армяно-французского словаря, оставшегося ненапечатанным [21]. К этой работе Броссе, насколько известно, не имел отношения. Участие Броссе в трудах Бероева началось только в 1845 г., когда Бероевым был представлен в академию труд «Начальные основания Гайканского языка», впоследствии переделанный по указанию Броссе, напечатанный в 1850 г. и удостоенный в 1851 г. половинной деми-

---

[17] ПСЗ, № 18095 (со штатами) и № 18613.

[18] В тексте истории Григорьева (*Петербургский университет*, стр. 269; источник, по-видимому, упомянутая в прим. 408 автобиографическая записка Чубинова) сказано, что Чубинов вышел из университета «в 1840 г. со степенью кандидата»; но в приложенном к тому же сочинению списке «студентам и вольным слушателям, окончившим в С.-Петербургском университете полный курс наук», среди лиц, окончивших курс по разряду восточной словесности в 1839 г. действительными студентами (стр. LXXVI), назван «Чубинов-Георгиев, Давыд». В автобиографической записке 1855 г. (МИФВЯ, т. I, стр. 245) сам Чубинов говорит о себе, что он еще в 1839 г. «поступил на службу в Азиатский департамент драгоманом». По формулярному списку Чубинов был утвержден в должности штатного преподавателя 28 декабря 1844 г. и приступил к преподаванию 17 августа 1845 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 10); срок его службы по учебному ведомству считался с 15 ноября 1841 г. (там же, № 5, стр. 34).

[19] Ср. краткую биографию Чубинова в *Биографическом словаре СПб. ун-та*, т. II, стр. 337.

[20] L. Brosset, *Bibliographie*, col. 109, 145, 148.

[21] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 268.

довской премии [22]. Третий, Л. З. Будагов (род. в 1812 г.), также армянин по происхождению, уроженец Астрахани, окончил курс Казанского университета в 1840 г. с золотой медалью и в течение следующих четырех лет был преподавателем татарского и персидского языков в Тифлисской гимназии [23]. Еще в Тифлисе им был напечатан в 1844 г. «Краткий учебник татарского языка» [24]. В Азиатский департамент он, по-видимому [25], поступил на службу незадолго до назначения преподавателем в университет.

Осуществить на деле предположение о ежегодном командировании пяти воспитанников оказалось невозможным; по крайней мере попечитель М. Н. Мусин-Пушкин писал в 1848 г.[26], что «уроженцы закавказские два года не поступают уже в С.-Петербургский университет». Попечитель полагал, что образование закавказских воспитанников будет сосредоточено в преобразованном по уставу 10 мая 1848 г.[27] Лазаревском институте в Москве, где из восточных языков кроме армянского и грузинского преподавались языки арабский, персидский, турецкий и татарский. Вопреки этим ожиданиям, положением «о кавказских и закавказских воспитанниках» 11 июня 1849 г.[28] деятельность петербургских преподавателей закавказских языков была значительно расширена. Число воспитанников Кавказского учебного округа было увеличено до 20, тогда как в Казанский университет, где с 1842 г. преподавался армянский язык, было положено направлять только пять человек. Воспитанники, назначаемые в С.-Петербургский университет, должны были быть направляемы на различные факультеты по мере надобности [29], но все они должны были обучаться языкам грузинскому и татарскому, а воспитанники-армяне — армянскому. Те из них, которые поступили бы на восточное отделение университета, были освобождены от валахо-молдавского языка, всеобщей и русской истории, а студенты из русских и грузин — также от армянского языка; в Казанском университете кавказские стипендиаты должны были заниматься только «изучением словесности арабско-персидской и турецко-татарской, а армяне — еще словесностью армянской» с освобождением «от изучения всех прочих, так называемых вспомогательных предметов».

---

[22] L. Brosset, *Bibliographie*, col. 313.

[23] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 264 (по автобиографической записке, ср. прим. 399). Краткая биография Будагова в *Биографическом словаре СПб. ун-та*, т. I, стр. 95—96 (составлена проф. В. Д. Смирновым).

[24] Так у Григорьева; у Смирнова: «Турецко-татарский букварь».

[25] У В. Д. Смирнова приезд Будагова в Петербург ошибочно отнесен к концу 40-х годов. По-видимому, столь же ошибочно сведение, что Будагов только в 1861 г. поступил на службу в Азиатский департамент; ср. у Григорьева ⟨*Петербургский университет*⟩, стр. 118.

[26] МИФВЯ, т. I, стр. 7.

[27] ПСЗ, № 22257. ⟨См. теперь: Базиянц, *Лазаревский институт. — А. К.*⟩

[28] ПСЗ, № 23307.

[29] МИФВЯ, т. I, стр. 126.

Кафедра валахо-молдавского языка [30] была учреждена при восточном отделении С.-Петербургского университета по почину министерства иностранных дел в 1839 г. и содержалась на средства этого министерства [31]; за все время ее существования (до 1858 г.) ее занимал драгоман Азиатского департамента Я. Д. Гинкулов. Уже среди окончивших курс в 1841 г. были ученики Гинкулова, получившие назначение в Молдавию и Валахию [32]. Из других языков христианских народов Балканского полуострова читался новогреческий язык (проф. А. О. Мухлинским, по собственному почину) [33].

Наконец, из восточных языков в С.-Петербургском университете преподавался некоторое время еще санскритский [34], тоже без вознаграждения и, по-видимому, без причисления к восточному отделению [35]. В Академии наук санскритский язык получил место еще раньше, чем языки закавказские; еще в 1835 г. был избран адъюнктом Р. Б. Ленц, воспитанник Дерптского университета, изучивший санскритский язык в Берлине под руководством знаменитого Боппа. В марте 1836 г. Ленц открыл в университете бесплатный курс санскритского языка и сравнительной филологии, но уже в июле того же года скончался. С 1838 по 1842 г.[36] санскритский язык преподавал в университете, также бесплатно, Б. А. Дорн, бывший в то время преподавателем истории и географии Востока при учебном отделении Азиатского департамента (с 1839 г. академик, с 1842 г. директор Азиатского музея при Академии наук). После 1842 г. преподавание санскритского языка прекратилось [37].

С 1839 [38] до 1855 г. в С.-Петербургском университете по отделению восточной словесности окончили курс 73 человека кандидатами и 19 человек

[30] О ней: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 117 и 148.

[31] МИФВЯ, т. I, стр. 117—118.

[32] Плетнев, *Первое двадцатипятилетие*, стр. 92. Здесь названы три студента выпуска 1841 г., «отлично успевшие в изучении валахо-молдавского языка» и определенные драгоманами в Яссы, Бухарест и Галац. По спискам, приведенным в книге Григорьева (*Петербургский университет*, стр. LXXVIII), Соколов и Дурыгин окончили курс в 1841 г. действительными студентами; Евграф Щулепников — кандидатом, но по разряду общей словесности; два других (Михаил и Николай) Щулепникова названы среди кандидатов выпуска 1844 г.

[33] Плетнев, *Первое двадцатипятилетие*, стр. 90. Разрешение Мухлинскому читать новогреческий язык было дано 13 мая 1843 г. (*Сборник распоряжений по МНП*, т. II, статья 578).

[34] О нем: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 280—282.

[35] В брошюре Плетнева (*Первое двадцатипятилетие*) о преподавании санскритского языка не упоминается вовсе.

[36] См. также письмо самого Дорна в МИФВЯ, т. I, стр. 139.

[37] Назначенный 26 мая 1842 г. адъюнктом академии «по части санскритского языка и словесности» (ЖМНП, ч. 35, 1842, отд. 1, стр. 10) знаменитый О. Бётлингк преподаванием не занимался ⟨см. ниже, стр. 421, прим. 13⟩.

[38] До 1839 г. воспитанники «по отделению восточной словесности» названы в списке выпуска 1823 г. (Григорьев, *Петербургский университет*, стр. LXVIII); за все остальные годы эти воспитанники не отделены от других студентов историко-

действительными студентами; но из всех этих имен только два, Чубинова (выпуска 1839 г.) и бар. В. Г. Тизенгаузена (выпуска 1848 г.), получили известность в науке. Совершенно не было выпусков в 1840 и 1853 гг. По сведениям 1850 г., в то время обучалось восточным языкам (кроме кавказских стипендиатов) всего 13 студентов, из них восемь на третьем и пять на четвертом курсе [39].

Иное развитие получило преподавание восточных языков в Казани, где до 1845 г. оставался попечителем М. Н. Мусин-Пушкин. Из всех русских университетов Казанский был единственным, где без затруднения могли быть осуществлены все требования устава 1835 г. в этом отношении. Мы видели, что кафедра монгольского языка была учреждена еще до утверждения устава и даже имела с первых лет двух представителей, О. М. Ковалевского и А. В. Попова [40]. Первый в 1837 г. был назначен ординарным профессором (в том же году Академия наук избрала его членом-корреспондентом); второй занял ту же должность в 1846 г., но в 1853 г. оставил университет. Для преподавания турецко-татарского языка университет располагал специалистом в лице А. К. Казем-Бека, который в 1836 г. был назначен экстраординарным, в 1837 г. — ординарным профессором по самостоятельной кафедре этого предмета. Получение отдельной кафедры составляло для Казем-Бека, по выражению его биографа [41], предмет «горячих желаний» ввиду враждебных отношений между ним и представителем арабско-персидской кафедры Ф. И. Эрдманом. После выхода Эрдмана в отставку (1846 г.) Казем-Бек перешел на кафедру арабского и персидского языков; оставленная им кафедра турецко-татарского языка перешла к его ученику и сотруднику И. Н. Березину (род. в 1818 г.).

Казем-Бек, как мы видели, уже в 1849 г. был переведен в Петербург; для занятия вакантной кафедры в Казани, несмотря на продолжительное преподавание Эрдмана, не нашлось кандидата, и кафедра вновь была поручена иностранному ученому (впрочем, жившему в России уже с 1838 г.), И. Ф. Готвальду (род. в 1813 г.). Подобно другим ориенталистам-иностранцам, Готвальд получил место в России, именно место помощника библиотекаря в Императорской Публичной библиотеке (с 1841 г.), по рекомендации Френа.

Не ограничиваясь выполнением требований устава, Мусин-Пушкин принял меры к введению преподавания, на счет экономических сумм

филологического или (с 1836 г.) первого отделения философского факультета; так среди студентов выпуска 1834 г. названы Григорьев и Савельев (там же, стр. LXXIII).

[39] МИФВЯ, т. I, стр. 8. В 1854 г. на разряде восточной словесности считалось всего только пять студентов, причем не было ни одного, который бы поступил после осени 1851 г. (там же, стр. 120).

[40] Биографические сведения о казанских ориенталистах извлечены главным образом из книги Н. П. Загоскина *За сто лет*.

[41] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 107. О нем см. ниже, стр. 467, прим. 3.

университета, еще других восточных языков, не предусмотренных уставом, прежде всего китайского языка. Потребность в знатоках этого языка как для научных, так и для государственных целей чувствовалась в Петербурге еще больше, чем в Казани: китайская библиотека при Академии наук требовала описания, и для этой цели Броссе в 1840 г. по просьбе Френа пришлось вернуться к китайскому языку, которым он перестал заниматься с 1826 г.[42]; министерство иностранных дел нуждалось в дипломатических чиновниках для прикомандирования их к Пекинской миссии и для этой цели предполагало учредить в Петербургском университете кафедры языков китайского, монгольского и маньчжурского[43]. Стараниями Мусина-Пушкина кафедра китайского языка была учреждена 11 апреля 1837 г.[44] в Казани, но министерство иностранных дел ею не воспользовалось, так как Мусин-Пушкин упоминает о таком проекте министерства еще в 1848 г.

Кандидатов для занятия вновь учрежденной кафедры можно было найти только среди бывших членов Пекинской миссии; кафедру занял[45], в звании ординарного профессора, архимандрит Даниил (Сивиллов, род. в 1788 г.), состоявший в качестве иеромонаха при десятой миссии (1819—1831 гг.). В 1844 г. он оставил кафедру и удалился в один из монастырей Забайкальской области[46]; кафедра перешла к бывшему лекарю той же десятой миссии И. П. Войцеховскому (род. в 1793 г.), занимавшему ее до своей смерти (1850 г.). Даниил и Войцеховский не успели приготовить себе преемника из казанских студентов; пришлось обратиться к услугам В. П. Васильева (род. в 1818 г.), в том же 1850 г. возвратившегося из Китая, куда он был командирован в 1840 г. с иною целью — готовиться к занятию проектировавшейся тогда кафедры тибетского языка.

О занятиях В. П. Васильева в студенческие годы (1834—1837) мало известно. По сведениям, доставленным им самим для истории С.-Петербургского университета В. В. Григорьеву[47], он сделался ориенталистом случайно, так как на восточное отделение его привлекла (уже после поступления в университет, на историко-филологический факультет) только

---

[42] L. Brosset, *Bibliographie*, p. IX, col. 156—157.

[43] МИФВЯ, т. I, стр. 6.

[44] ПСЗ, № 10125. На основании постановления комитета министров министр народного просвещения вошел с всеподданнейшим докладом и о состоявшемся высочайшем повелении уведомил министра юстиции.

[45] О назначении архимандрита Даниила, с жалованием 4000 руб. в год «из остаточных сумм университета», говорится в том же высочайшем указе, которым была учреждена кафедра. Еще раньше, 13 марта 1837 г., министр разрешил приобрести для библиотеки Казанского университета за 5000 руб. «на счет наличных экономических сумм» от архимандрита Даниила «собрание редких китайских книг и рукописей» (*Сборник распоряжений по МНП*, т. II, статья 137). ⟨О Сивиллове см. ниже, стр. 456, прим. 25; о китаеведении в России — Скачков, *Библиография Китая*, № 17879—18233. — *А. К.*⟩

[46] Ср.: МИРДМ, вып. I, стр. 47—48.

[47] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 271 и сл.; прим. 409.

возможность «поступить в число казеннокоштных студентов». В Казани он приобрел познания в языках монгольском, татарском и санскритском, следовательно, был учеником Казем-Бека и Ковалевского (кафедры санскритского языка тогда еще не было). С языками китайским, маньчжурским и тибетским он ознакомился уже в Пекине, следовательно, не воспользовался после окончания университета лекциями архимандрита Даниила [48]. В наставлении, данном ему при отправлении в Пекин, сказано, что он «приобрел весьма хороший запас сведений о буддизме, ламской иерархии и философии буддизма»; этой же теме, как известно, была посвящена его диссертация, доставившая ему в 1839 г. степень магистра восточной словесности [49].

За усердные занятия восточными языками Васильев пользовался покровительством попечителя Мусина-Пушкина и по его представлению был причислен к двенадцатой Пекинской миссии. По словам Васильева [50], это причисление будто бы состоялось против воли Азиатского департамента и самого начальника миссии архимандрита Поликарпа [51]. В делах министерства народного просвещения [52] сохранилось предложение попечителя «господину студенту кандидату Имп. Казанского университета Васильеву» от 16 января 1840 г. (№ 207), в котором излагаются цели командировки, и при нем подробное «наставление» (несомненно, составленное О. М. Ковалевским), в 15 пунктах, перечисляющее отрасли знаний и отдельные научные вопросы, на которые должен был обратить внимание молодой ученый. Из наставления видно, что университет хотел в лице Васильева приобрести «отличного преподавателя тибетского языка»

[48] Однако в отчете по министерству за 1841 г. выражается надежда, что Васильев «и по китайскому языку воспользуется случаем довершить запас предварительных знаний, привезенных им с собой из Казани» (ЖМНП, ч. 34, 1842, отд. 1, стр. 32). Каков был этот запас знаний, можно видеть уже из самого факта полного молчания Васильева об архимандрите Даниле, как своем наставнике.

[49] По сведениям, доставленным Григорьеву самим Васильевым (*Петербургский университет*, стр. 272), Васильев получил степень магистра восточной словесности за диссертацию: «Об основаниях буддийской философии». В статье А. М. Позднеева, помещенной в словаре Брокгауза и Ефрона (s. v. *Васильев*), диссертация носит заглавие: «Дух Алтан-гэрэл'а». Оба заглавия приведены в статье А. О. Ивановского (*Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 126) «Об основаниях философии буддизма (Дух Алтан гэрэл'а)». Там же сказано, что Васильевым еще ранее была получена степень магистра татарской словесности и что за диссертацию он был удостоен степени магистра монгольской словесности, но это маловероятно; присуждение ученых степеней по отдельным специальностям востоковедения началось только со времени положения 1864 г.

[50] Венгеров, *Словарь русских писателей*, т. IV, отд. 2, стр. 152.

[51] О нем: МИРДМ, вып. I, стр. 49 и сл.

[52] Кар. № 3233: о зачете исправляющим должность ординарного профессора в С.-Петербургском университете Васильеву и Березину, первому — времени, проведенного в Казанском университете до отправления в Китай и в Китае, второму — времени от окончания курса в Казанском университете до отправления за границу, в срок выслуги на пенсию.

(в предложении попечителя говорится о намерении учредить кафедру этого предмета, «если вы основательно его изучите» «и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии». Наставление, составленное опытной и искусной рукой, проникнуто полным доверием к дарованию и усердию молодого ученого; подробным перечислением отраслей знания и отдельных научных вопросов, на которые он должен был обратить внимание, по-видимому, имелось в виду только облегчить ему выполнение его трудной задачи. Васильев впоследствии с глубокой благодарностью вспоминал о своем первом руководителе, О. М. Ковалевском, научившем его «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетами, подвергать критике sine ira et studio совершившиеся или рассказываемые факты, не предполагая никакого вопроса решенным навек» [53]. Отражение этих взглядов Ковалевского можно найти и в его письменном наставлении, особенно в десятом пункте, где, между прочим, сказано: «Некоторые европейцы, бывшие в Китае, проникнутые любовью ко всему китайскому, сделавшись, так сказать, китайскими патриотами, были столь вредны для науки, сколько и те, которые вывезли оттуда записки, исполненные презрением к виденному ими народу. Одни и другие преувеличивали или уменьшали сведения, смотря по предубеждению, в каком они взирали на предметы. Слова sine ira et studio да будут девизом наблюдений г. Васильева и сохранят его от двух противоположных крайностей, которым подвергались многие из путешественников в подсолнечную империю». Но с этими словами трудно согласить некоторые другие места наставления, объясняемые тем, что наставление, как видно из его заголовка [54], было рассмотрено Академией наук и одобрено министром народного просвещения. Пункт третий инструкции требует от молодого ученого, которого его главный руководитель учил «не преклоняться перед авторитетами», полного подчинения авторитетам; здесь говорится, что «сочинения известного венгерского миссионера Чомы Коросского [55] и знаменитого нашего академика Шмидта должны быть приняты за основание и единственное пособие для дальнейших изысканий. Предстоит один труд г. Васильеву обогащать эти сочинения своими наблюдениями над грамматическим устройством языка и определением значений слов». Во втором пункте [56] руководителем занятий молодого магистра, но только на первых порах его

[53] Венгеров, *Словарь русских писателей*, т. IV, отд. 2, стр. 154.

[54] «Наставление отправляющемуся в Пекин студенту кандидату (sic) Казанского университета Васильеву, рассмотренное Императорскою Академией Наук и одобренное г. министром народного просвещения».

[55] ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «О нем: Th. Duka, *Life and travels of Alex. Czoma de Körös*, L., 1885 (Fr. Babinger в „Festschrift für F. Hirth", S. 19)». Точное название этой книги см. в библиографии в конце тома. — *Н. Т.*⟩

[56] «Нынешний начальник миссии будет надежнейшим руководителем г. Васильеву при первом знакомстве с учеными тибетскими и монгольскими ламами».

деятельности, назван начальник миссии; на самом деле вследствие распоряжения Азиатского департамента, чтобы все деньги, ассигнованные членам миссии, в том числе и Васильеву, шли через архимандрита, эта зависимость оказалась гораздо более тесной и продолжительной, и сам Васильев чувствовал себя «прикомандированным в полное послушание архимандриту» [57]. Об этом вмешательстве совершенно некомпетентной власти в его ученые занятия Васильев впоследствии вспоминал с искренним негодованием [58]. Кроме того, Васильев должен был «при всякой возможности» доносить о своих занятиях попечителю [59], который в своем предложении возложил на молодого ученого целый ряд поручений, не имевших отношения к его специальности. Он должен был «заняться, по мере возможности, собранием семян, сухих растений [60], зверей, птиц, насекомых, минералов и проч. для музеев университета», для чего ему были даны «две особые инструкции» [61]; кроме того, ему поручалось «обратить внимание на китайское земледелие и промышленность, приобрести для университета модели разных орудий земледельческих и других, употребляемых китайцами, и вообще приобретать вещи и изделия, в которых более или менее проявляется художническое искусство китайцев».

Известно, насколько Васильев оправдал возлагавшиеся на него надежды; приобретенные им в Китае сведения по китайской и тибетской литературам [62] сделали его, по общему признанию, одним из величайших европейских ориенталистов, и не его вина, если его дневник и многие

---

[57] МИРДМ, вып. I, стр 50. Ср. в предложении попечителя: «Во все время нахождения нашего при миссии должны вы находиться в полной и совершенной зависимости наравне с прочими членами от начальника оной, которому, для сведения, сообщил я копию с данной вам инструкции».

[58] Венгеров, *Словарь русских писателей*, т. IV, отд. 2, стр. 151: «Это архимандрит будет знать, правильно ли я занимаюсь! Магистра-то руководить приготовлением к будущей кафедре!»

[59] Ср. также в наставлении (пункт 10-й, о дневнике): «Копию с этого дневника г. Васильев обязан представлять попечителю учебного округа при каждом удобном случае, но не менее одного раза в год, обыкновенным путем, чрез начальника Пекинской миссии».

[60] ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Васильев прислал из Пекина нижегородскому помещику А. Я. Коротаеву китайскую кормовую траву му-сюй (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. XI, стр. 433). П. И. Мельников в 1851 г. рекомендовал Погодину Васильева как ученого, у которого можно получить сведения о монгольском периоде русской истории. Батый послал в Китай 12 000 русских пленных ⟨у Погодина — семейств⟩. Есть в отдаленной провинции племя, совершенно окитаившееся, но сохранившее русскую печь и слово *пе-чи*. В горах близ Тибета есть племя с множеством немецких слов: der, die, das. . .» Текст обрывается обрезом страницы. — *Н. Т.*⟩

[61] Их при деле нет.

[62] Уже в отчете по министерству за 1841 г. говорится, что Васильев «оказал столь значительные сведения в тибетском языке, что в самом Пекине не нашлось для него по этому предмету учителя и признано нужным выписать из смежных областей одного из ученейших лам» (ЖМНП, ч. 34, 1842, отд. 1, стр. 32).

из написанных им в Пекине трудов остались в рукописи [63] и если его познания в тибетском языке почти ничем не отразились на ходе развития этой отрасли востоковедения в России. Ко времени его возвращения в Казань в 1850 г. оказалась вакантной кафедра китайского языка, которую Васильеву и пришлось занять в январе 1851 г.; проект учреждения в Казани кафедры тибетского языка более не возникал. Кроме китайского языка Васильев, подобно своему предшественнику Войцеховскому [64] (с 1844 г.), преподавал и маньчжурский.

За учреждением кафедры китайского языка вскоре последовало учреждение кафедры армянского на тех же условиях (назначение, на содержание одного ординарного профессора, 4000 руб. жалованья и 500 руб. квартирных из экономических сумм университета). В этом случае обращает на себя внимание значительность промежутка времени между официальным учреждением кафедры [65] (14 марта 1839 г.) и началом чтения лекций [66] (в сентябре 1842 г.). Замедление произошло вследствие невозможности найти подходящего кандидата; окончательно выбор министерства народного просвещения остановился на кандидате Дерптского университета С. И. Назарьянце (род. в 1812 г.), сыне армянского священника; к занятию кафедры Назарьянц готовился под руководством Френа и Броссе [67]. В Казани Назарьянц приобрел ученые степени (хотя компетентных судей его работ там не было); с 1848 [68] до начала 1864 г. он был единственным в России доктором восточной словесности [69].

С учреждением кавказских стипендий при С.-Петербургском университете и преобразованием Лазаревского института кафедра армянского языка в Казани должна была утратить значение. После перехода Назарьянца в Лазаревский институт лекции по армянскому языку до 1851 г. читал его ученик, старший учитель 1-й Казанской гимназии (преподававший там и географию) Г. Гладышев [70]; вслед затем преподавание

[63] Ср.: Ольденбург, *Памяти В. П. Васильева*, стр. 048.

[64] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 179.

[65] ЖМНП, ч. 22, 1839, отд. 1, стр. 122.

[66] Kowalewski, *Uebersicht*, S. 33.

[67] Об этом также в отчете министерства за 1841 г. (ЖМНП, ч. 34, 1842, отд. 1, стр. 31).

[68] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 240.

[69] Еще осенью 1863 г. факультет восточных языков писал, что «в России находится только один доктор восточных языков» (МИФВЯ, т. I, стр. 423). Следующим докторским диспутом был диспут Васильева и Березина 15 декабря 1863 г.; утверждение Васильева (вероятно, и Березина) в степени доктора последовало 13 января 1864 г. (*Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 126).

[70] Григорий Гладышев окончил курс 1-ой Казанской гимназии в 1842 г. (Владимиров, *Историческая записка*, т. II, список учеников, стр. 22). О преподавании им географии одновременно с армянским языком см.: Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 393. Гладышев занимался не только преподаванием, но и учеными трудами по арменоведению; по гимназическим отчетам он в 1850 г. был занят «составлением армянской грамматики» (там же, стр. 376), в 1852 г. — «характеристикою армянской

армянского языка прекратилось в Казанском университете навсегда [71].

Последней кафедрой восточных языков, учрежденной в Казани, была кафедра санскритского языка. Необходимость учреждения этой кафедры казалась более настоятельной уже потому, что одной из важнейших задач разряда восточной словесности признавалось, как видно, между прочим, из наставления Васильеву, изучение буддизма и жизни буддийских народов; для этой цели, главным образом, существовала кафедра монгольского языка, и предполагалось учредить кафедру тибетского. Этим, вероятно, следует объяснить, что санскритский язык преподавался в Казанском университете еще до учреждения кафедры; в конце 1841 г. университет уже имел особого преподавателя этого предмета в лице П. Я. Петрова [72] (род. в 1814 г.), кандидата Московского университета (впоследствии, с 1834 по 1838 г., учившегося в Петербурге у Сенковского и Ленца), хотя кафедра была официально учреждена только 18 августа 1842 г.[73] из экономических сумм университета, вследствие чего была сделана оговорка о распространении прав профессорской службы «на настоящего преподавателя». После восстановления кафедры восточных языков в Москве (16 января 1852 г.) Петров перешел в Московский университет; его преемник, Ф. Боллензен, немецкий доктор философии, бывший адъюнкт-профессор главного педагогического института, был назначен в Казань ординарным профессором (Петров был только и. д. адъюнкта), но оставлен за штатом в 1856 г. вследствие прекращения преподавания восточных языков в Казанском университете [74].

Особенностью казанского ориентализма по сравнению с петербургским и московским до 1855 г. было привлечение к преподаванию рядом с профессорами лекторов-туземцев. Еще уставом 1804 г. была учреждена в Казани должность лектора татарского языка; мы видели, что в качестве лекторов вступили в университет Хальфин и Казем-Бек, впоследствии достигшие профессорского звания. Уставом 1835 г. эта должность не была предусмотрена, и при преобразовании университета по новым штатам потре-

литературы, со времени знакомства армян с Грециею» (там же, стр. 413). После прекращения в гимназии в 1852 г. преподавания армянского языка Гладышев, занимавший должность *старшего* учителя этого предмета, был оставлен *младшим* учителем географии (там же, стр. 438).

[71] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 241.

[72] См. его биографию в *Биографическом словаре Мск. ун-та*. Там сказано, что Петров кроме санскритского языка читал в Казани еще «историю царства кашмирского, санскритскую словесность и индусские древности»; в 1849/50 г. он исполнял обязанности лектора английского языка. В «Ученых записках Казанского университета» (1842, кн. II, стр. 77—95) Петров напечатал *Программу для преподавания санскритского языка и литературы при Имп. Казанском университете*, где предполагалось посвятить «пять часов в неделю на изложение правил самого языка и один на занятие словесностью». ⟨См. также ниже, стр. 464, прим. 59.⟩

[73] ЖМНП, ч. 36, 1842, отд. 1, стр. 3—4.

[74] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 236.

бовалось особое разрешение министра, чтобы «вместо положенного уставом лектора итальянского языка иметь в Казанском университете лектора татарского языка» [75]. В 1840 г. Казем-Бек выписал из Дербента своего брата (по отцу) Абдюссеттара Казем-Бека, который был определен преподавателем татарского языка в университете и (с 1 декабря 1840 г.) — в гимназии [76]. В университете Абдюссеттар Казем-Бек преподавал кроме татарского языка также османский [77]. Еще раньше, 3 января 1839 г., через комитет министров было исходатайствовано высочайшее разрешение учредить в университете сверх штатного числа лекторов новую должность лектора персидского языка с жалованьем 1600 руб. ассигнациями из экономических сумм университета [78]. Эту должность занимал Хаджи Мир-Абуталиб Мир-Моминов, которого после его смерти (в 1845 г.) сменил крещеный перс Н. Д. Сонин, еще раньше занимавший должность надзирателя в гимназии. По кафедрам китайской и монгольской официальных лекторских окладов учреждено не было; университет пользовался для практического преподавания услугами лиц, преподававших эти предметы в гимназии в звании учителей или надзирателей. Для гимназии и университета вместе была учреждена должность учителя восточной каллиграфии (высочайше утвержденным мнением государственного совета 26 июня 1844 г.) с жалованьем 285 р. 92 к. сер. в год «по равной части из экономических сумм университета и первой Казанской гимназии» [79].

Преподавание восточных языков в гимназии составляет другую особенность казанского ориентализма. Почти тотчас вслед за учреждением новых кафедр восточных языков в университете давалось разрешение на введение преподавания тех же языков, сначала в виде опыта, в 1-й гимназии, причем преподавание брали на себя безвозмездно представители кафедр; потом их сменяли, уже в качестве платных, иногда штатных преподавателей, их ученики или другие лица [80]. Сверх того, для постоянной

[75] МИФВЯ, т. I, стр. 119. Следовательно, содержание лектора татарского языка должно было быть отнесено к штатным суммам; между тем из представления попечителя Молоствова 10 марта 1855 г. № 1 видно, что Казанский университет «на свои собственные средства», содержал «двух лекторов для персидского и турецко-татарского языка» (там же, стр. 328).

[76] Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 319. ‹См. еще: Мазитова, *Кафедра турецко-татарского языка. — А. К.*›

[77] Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 195.

[78] ЖМНП, ч. 21, 1839, отд. 1, стр. 47.

[79] ПСЗ, № 18030.

[80] Так преподавание китайского языка было введено в гимназии «в виде опыта» еще в 1838 г., причем эту обязанность «безвозмездно» принял на себя архим. Даниил (ЖМНП, ч. 22, 1839, отд. 1, стр. 45—46). Особый преподаватель (Рушко) был назначен с 13 октября 1841 г. (Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 319). Распоряжение о введении преподавания армянского языка и возложении этой обязанности «без особого жалованья» на адъюнкта Назарьянца последовало 8 октября 1842 г. (*Сборник распоряжений по МНП*, т. II, ст. 527); окончательное введение армянского языка в число предметов преподавания последовало «по высочайшему приказу 22 июня 1848 г.» (Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 373; в ПСЗ этого приказа нет).

практики воспитанников существовала должность «комнатных надзирателей».

Увеличение числа языков, преподававшихся в Казани в гимназии и в университете, вызвало потребность распределения восточных языков по нескольким группам, так как изучение одними и теми же воспитанниками всех языков, как в Петербурге, было немыслимо. Необходимость деления выяснилась тотчас после введения преподавания монгольского языка, изучение которого было трудно соединить с изучением языков Передней Азии. Первоначально (распоряжением министерства 11 мая 1833 г.) изучавшие монгольский язык были освобождены от изучения арабского, персидского, татарского и турецкого, как и изучавшие эти языки — от изучения монгольского [81]. Уже 29 марта 1834 г. последовало новое распоряжение управляющего министерством «о совокупном изучении татарского и монгольского языков», причем это соединение мотивировалось только тем, «что от совокупного ученья монгольского и татарского языков можно ожидать важных последствий» [82]. Принцип соединения этих двух языков в один разряд сохранялся до 1864 г. и был вновь восстановлен в 1906 г. высочайше утвержденным 2 января 1836 г. положением [83], которым при Казанской 1-й гимназии было учреждено 14 казенных стипендий для воспитанников, обучавшихся восточным языкам; эти стипендии были распределены по трем разрядам, причем первые два разряда, обнимавшие языки мусульманской Азии, различаются не вполне последовательно: в § 3 положения сказано, что в первом разряде преподаются языки арабский и персидский, во втором — турецко-татарский и персидский (т. е. без арабского); по § 11 того же положения казенные воспитанники обучаются или языкам арабскому и персидскому (четыре стипендии) или арабскому, турецко-татарскому и персидскому (шесть стипендий). На практике, как показывают приведенные дальше сведения, установилось деление на разряды арабско-персидский и арабско-турецко-татарский. Третий разряд (четыре стипендии) обнимал языки монгольский и турецко-татарский. Положение 19 января 1837 г. [84] установило такое же число стипендий, без распределения по разрядам, для университета, хотя по первому положению в университет должны были поступать «для дальнейшего усовершенствования в языках восточных» только «отличнейшие из воспитанников» гимназии. В университете при применении положения было предположено различать только два разряда, арабско-персидско-турецко-татарский (восемь стипендий) и монгольско-турецко-татарский (шесть стипендий) [85]. С увеличением числа преподаваемых языков должно было увеличиться число разрядов (хотя учреждения новых

[81] *Сборник распоряжений по МНП*, т. I, ст. 429.
[82] Там же, ст. 471.
[83] ПСЗ, № 8742.
[84] ПСЗ, № 9881.
[85] МИФВЯ, т. I, стр. 3.

стипендий мы не видим), но точных правил об этом установлено не было; между прочим, и в университете вопреки первоначальному намерению различались, как в гимназии, разряды арабско-персидский и арабско-турецкий. По сведениям 1850 г.[86], в Казанском университете изучением восточных языков занимались 33 студента, распределявшиеся по следующим «классам»: арабско-персидскому (10), арабско-турецкому (4), монгольско-татарскому (5), китайско-маньчжурскому (11) и армянскому (3). В 1855 г.[87], перед закрытием отделения восточных языков, на нем было всего 24 студента, причем различались разряды арабско-персидской словесности (6 человек), арабско-турецкой словесности (9), монгольско-санскритской словесности (4) и китайско-маньчжурской словесности (5). В гимназии в то же время восточным языкам обучалось 17 человек, из них арабскому и персидскому — 5, арабскому и турецко-татарскому — 6, монгольскому и турецко-татарскому — 4, китайскому и маньчжурскому — 2.

Несколько иное распределение языков мы находим в высочайше утвержденном положении о производстве в ученые степени 6 апреля 1844 г.[88]. Для получения степени магистра «восточной словесности» требовалось сдать испытание по одной из следующих групп языков: 1) арабский, персидский, турецко-татарский; 2) санскритский, тибетский; 3) тибетский, монгольский, татарский; 4) китайский, маньчжурский; 5) армянский, персидский. В таблице предметов испытания на степень доктора в последней группе еще прибавлен турецкий язык. Замечательно, что в этом распределении предметов совершенно не упомянут грузинский язык, несмотря на то что именно эта специальность востоковедения была представлена в Академии наук.

Попечитель Мусин-Пушкин еще в 1841 г. мог с гордостью писать в своем представлении министру, что во вверенном ему университете восточные языки «преподаются в настоящее время в такой обширности и разнообразии, каких не представляет, кажется, ни одно из подобных заведений в Европе» [89]. Но в том же представлении попечитель признавался, что студенты-ориенталисты по окончании курса не находили приложения своим познаниям, что попечитель «для предохранения от совершенной бедности бывал принуждаем назначать их даже по уездным училищам». Казенные стипендиаты, содержавшиеся на средства министерства народного просвещения, но предназначавшиеся для службы на основании положения 2 января 1836 г. также по министерствам иностранных дел, внутренних дел и финансов, не находили себе места ни в одном из этих ведомств. По сведениям, представленным в марте 1850 г.,

[86] Там же, стр. 7.

[87] Там же, стр. 184 и сл. По отчету за 1853 г. было всего 22 студента (арабско-перс. — 5, арабско-тур. — 9, монг.-санскр. — 3, кит.-маньчж. — 5); там же, стр. 121.

[88] ПСЗ, № 17806.

[89] МИФВЯ, т. I, стр. 3.

к тому времени окончили курс 46 казенных стипендиатов, из которых только 14 «получили назначение, соответствующее их образованию» [90]. Между тем в то время еще не было того препятствия к определению студентов-ориенталистов на службу, на которое часто ссылались впоследствии, именно односторонности получаемых ими сведений. Слушатели разрядов восточной словесности кроме своих специальных предметов изучали еще целый ряд общих предметов историко-филологического факультета, пользуясь в этом отношении только некоторыми льготами. В Казани, где восточные языки входили уже в состав гимназического курса, воспитанники 1-й гимназии, изучавшие эти языки, освобождались на основании положения 2 января 1836 г. от языков греческого, славянского и немецкого, от высшей математики, физики, черчения и рисования; в университете они первоначально, по распоряжению министерства 11 мая 1833 г., были освобождены только от греческого языка. Новые правила, утвержденные вследствие представления попечителя Мусина-Пушкина 11 марта 1843 г.[91], не сохранились в «Сборнике распоряжений по министерству народного просвещения»; но, по всей вероятности, они не отличались от распределения предметов, утвержденного министром 11 июня 1843 г. для петербургского разряда восточной словесности [92]. По этому распределению студенты кроме восточных языков, истории и географии Востока должны были изучать всеобщую историю, русскую историю, русскую словесность; два новых языка с их литературами, российские гражданские законы и российские уголовные законы. Правда, им, по крайней мере в Казани, делались существенные послабления на экзаменах; как впоследствии (в 1865 г.) вспоминал А. К. Казем-Бек, отметка 2 из общих предметов считалась достаточной для получения звания действительного студента, отметка 3 — для получения степени кандидата [93].

Для устройства судьбы молодых ориенталистов попечитель не видел другого средства, как обеспечить за ними в законодательном порядке определенные права и преимущества. По таким соображениям Мусин-Пушкин в 1841 г. вернулся к мысли Румовского и Френа и вошел в министерство с представлением образовать при Казанском университете особый институт восточных языков. Попечителем был выработан и представлен проект осуществления этой мысли, но проект не получил дальнейшего движения, так как министерство ввиду состояния средств государственного казначейства не нашло возможным возбудить ходатайство о назначении новых сумм на преподавание восточных языков [94].

---

[90] Там же, стр. 12.
[91] Там же, стр. 5.
[92] *Сборник распоряжений по МНП*, т. II, ст. 582; таблица в примечаниях, стр. 36.
[93] МИФВЯ, т. II, стр. 15.
[94] МИФВЯ, т. I, стр. 4.

Переход Мусина-Пушкина из Казани в Петербург, на ту же должность попечителя учебного округа (в 1845 г.), не прекратил его забот о развитии ориентализма в Казани. Вопреки тому, что впоследствии писал Григорьев [95], Петербург не показался ему «соединяющим в себе условия к процветанию ориентализма еще более, чем Казань». Еще в 1848 г. Мусин-Пушкин, настаивая на необходимости одно из двух существовавших восточных отделений упразднить, а другое преобразовать и устроить на прочных основаниях, находил Казанский университет более подходящим для сосредоточения в нем преподавания восточных языков, чем С.-Петербургский [96]. Против всех доказательств попечителя министр привел только один довод, которым и была решена судьба русского востоковедения — к С.-Петербургскому университету высочайшей волей были приурочены кавказские и закавказские стипендии, что исключало возможность упразднить в нем преподавание восточных языков. Положение 11 июня 1849 г. окончательно выяснило невозможность ожидать в этом отношении каких-либо перемен. По-видимому, Кавказский комитет, помещавшийся в Петербурге, хотел сохранить надзор за своими стипендиатами; несомненно, что и министерство иностранных дел не доверило бы Казанскому университету, как предлагал Мусин-Пушкин, воспитание будущих дипломатов. Таким образом, выяснилось, что сосредоточить приготовление молодых людей для службы на Востоке по различным ведомствам возможно только в Петербурге, где были сосредоточены все органы центрального управления.

Казем-Бек в речи, произнесенной 27 августа 1855 г. при открытии нашего факультета, упомянул о том, что сосредоточение преподавания востоковедения в Петербурге произошло по воле государя и что первые меры к исполнению высочайшей воли были приняты министерством в 1849 г.[97]. В том же, 1849 г. перешел в Петербург профессором персидского языка сам Казем-Бек, который, по выражению его биографа, был для попечителя «верным сподручником для выполнения мысли о централизации востоковедения» [98].

Из воспоминаний В. П. Васильева [99], написанных много лет спустя, можно бы заключить, что Казанский университет после отъезда Мусина-Пушкина тяготился своим восточным отделением, поглощавшим такую значительную часть его экономических сумм, и что новый попечитель, генерал-лейтенант В. П. Молоствов, как «славянофил», также не сочувствовал ориентализму. Едва ли эти слова вполне передают действительное положение дел; попечитель и совет университета сами обратили внимание министерства на упадок восточного отделения, выработали проект его

[95] *Петербургский университет*, стр. 123.
[96] МИФВЯ, т. I, стр. 6—7.
[97] Казембек, *Речь*, стр. 18.
[98] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 114.
[99] Венгеров, *Словарь русских писателей*, т. IV, отд. 2, стр. 152.

преобразования и впоследствии, когда был решен вопрос о сосредоточении преподавания востоковедения в Петербурге, употребили все усилия для того, чтобы восстановить в Казани преподавание хотя бы некоторых восточных языков.

В представлении 15 марта 1850 г. попечитель обращал внимание министра на упадок преподавания восточных языков в университете и в гимназии; в сентябре 1851 г.[100] министр кн. П. А. Ширинский-Шихматов, заменивший в 1850 г. Уварова, мог убедиться в этом лично, во время посещения Казани, доложил государю и получил повеление «войти в соображение средств, которые могли бы послужить к поддержанию существующего в Казани отделения восточной словесности» [101]. 30 ноября 1851 г. министром был представлен всеподданнейший доклад о мерах облегчения казанским студентам-ориенталистам доступа в учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте (п. 1), в Пекинскую миссию (п. 2), в министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ (п. 3), с распространением тех же правил на своекоштных студентов (п. 4), но в то же время указывалось, что более действительным средством для поднятия русского востоковедения было бы объединение в особом учебном заведении в Петербурге под названием «Азиатского института» всех кафедр восточных языков двух университетов (Казанского и Петербургского), Ришельевского лицея и учебного отделения при Азиатском департаменте. Институт должен был состоять «под непосредственным наблюдением двух министерств» [102] (народного просвещения и иностранных дел).

Доклад удостоился высочайшего одобрения, в том числе и его последняя часть; но обнародованы были, в качестве высочайшей воли, только четыре пункта «правил» об устройстве судьбы казанских студентов-ориенталистов [103]. Для составления проекта Азиатского института уже в декабре 1851 г. была образована особая комиссия под председательством Мусина-Пушкина с участием представителей министерства иностранных дел и Кавказского комитета [104]; но от остальных ведомств самое решение учредить институт держалось в тайне, в том числе и от попечителя Молоствова, который был извещен только о высочайшем одобрении четырех пунктов [105]. В Казани после министерской ревизии историко-филологическим факультетом по поручению попечителя был составлен свой проект «о преподавании восточных языков», посланный министру 24 ноября 1851 г.[106]; по этому проекту предполагалось: 1) увеличить число казенных

[100] Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 402 и сл.
[101] МИФВЯ, т. I, стр. 12, 83 и 462.
[102] Там же, стр. 13—14.
[103] ЖМНП, ч. 73, 1852, отд. 1, стр. 18—19.
[104] МИФВЯ, т. I, стр. 27 и сл.
[105] Там же, стр. 34; стр. 69, прим.
[106] Там же, стр. 14 и сл.

стипендий с 14 до 36, с распределением по трем разрядам — арабско-персидско-турецко-татарскому (20), монголо-калмыцко-татарскому и китайскому (по 8); 2) присоединить к числу ведомств, предусмотренных положением 2 января 1836 г., еще министерство государственных имуществ (как и в министерском докладе 30 ноября); 3) учредить должность директора восточного отделения с правами и вознаграждением декана, причем директору поручался бы также надзор за преподаванием восточных языков в гимназии по программе, подробно изложенной в проекте. Попечитель и профессора после обнародования четырех пунктов имели полное основание надеяться на осуществление своего проекта и на дальнейшее развитие ориентализма в Казани. Когда оказалось необходимым привлечь к участию в работах комиссии по составлению проекта Азиатского института О. М. Ковалевского, ввиду отсутствия в Петербурге специалистов по Дальнему Востоку, то Ковалевский был вызван «для некоторых поручений» [107] без упоминания об истинной цели. Еще в 1852 г., как видно из исторического очерка К. К. Фойгта, казанские профессора не знали, что дни их восточного отделения сочтены; упомянув о правилах 30 ноября и о проекте Молоствова, К. К. Фойгт выражал уверенность, что «будущность молодых ориенталистов Казанского университета представляет блестящую перспективу» [108].

О проекте учредить Азиатский институт не были извещены также те ведомства (министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ), к которым министерство народного просвещения, во исполнение п. 3 обнародованных «правил», обратилось за справкой о местах, которые могли быть предоставлены казанским студентам-ориенталистам, и о присвоенных этим местам окладах. Эти сведения, очевидно, собирались с расчетом воспользоваться ими для устройства судьбы будущих воспитанников проектированного института. Материал доставлялся в департамент министерства народного просвещения медленно, после нескольких напоминаний, и был собран только к сентябрю 1852 г. Результаты оказались малоутешительными; оказалось, что предоставление всех подобных мест студентам-ориенталистам «послужило бы не к поощрению молодых людей, обучающихся восточным языкам, а, напротив, к ослаблению занятий их по этой части» [109]. В департаменте полагали необходимым определять воспитанников Казанского университета только на те места, «которым присвоен оклад жалованья не менее 170 р. сер.» (в год). К этому надо прибавить, что среди этих мест не было ни одного с окладом выше 300 руб. сер. в год.

Еще раньше, в конце июля того же года, министру был представлен проект устава и штатов Азиатского института [110], подписанный всеми

[107] Там же, стр. 29, прим. 1.
[108] Фойгт, *Обозрение*, стр. 33.
[109] МИФВЯ, т. I, стр. 79.
[110] Там же, стр. 45—66.

членами комитета, в том числе и представителем министерства иностранных дел бар. П. И. Демезоном (директором учебного отделения при Азиатском департаменте). Проект был готов уже в феврале, но тогда не получил дальнейшего движения за неполучением отзыва от управлявшего министерством иностранных дел Л. Г. Сенявина. Когда этот отзыв наконец (в мае) был доставлен князю П. А. Ширинскому-Шихматову, то оказалось, что министерство иностранных дел принимает на себя только содержание десяти стипендиатов в проектированном институте, всего на сумму 2000 руб.[111], тогда как в докладе 30 ноября 1851 г. говорилось о согласии управлявшего министерством иностранных дел совершенно отказаться ради учреждения института от учебного отделения при Азиатском департаменте [112], вследствие чего можно было ожидать, что все средства, расходовавшиеся на учебное отделение, будут включены в смету нового института. В то же время выяснилось, что без этого министерство народного просвещения не располагает средствами для осуществления своего проекта. Возможность ассигнования новых кредитов из государственного казначейства была исключена; суммы, которые могли поступить от Кавказского комитета и из кредитов министерства народного просвещения по упразднении кафедр восточных языков в Казани, Петербурге и Одессе, оказывались недостаточными, несмотря на то что комитет, как потом оказалось, при составлении проекта сметы института допустил некоторые неправильности при определении суммы, подлежавшей переводу из Казанского университета, и эту сумму впоследствии пришлось уменьшить [113]. Столь же неправильно было включение в проект сметы сумм, ассигнованных по положению 2 января 1836 г. на преподавание восточных языков в Казанской 1-й гимназии, хотя в докладе 30 ноября 1851 г., касавшемся только учреждения высшего учебного заведения, вовсе не был затронут вопрос о сохранении или упразднении преподавания восточных языков в гимназии.

Все эти неправильности тогда прошли незамеченными; осуществление проекта было поставлено исключительно в зависимость от вопроса, будет ли министерство иностранных дел настаивать на сохранении своего учебного отделения. Переписка по этому вопросу с Л. Г. Сенявиным продолжалась при кн. П. А. Ширинском-Шихматове и при его преемнике А. С. Норове до 13 февраля 1854 г. и закончилась категорическим отказом министерства иностранных дел от всяких уступок [114]. Образ действий Л. Г. Сенявина впоследствии был предметом крайне резкой оценки со стороны проф. А. К. Казем-Бека [115]. Формально министерство народного просвещения, действительно, имело основание жаловаться на ведомство,

[111] Там же, стр. 41.
[112] Там же, стр. 14, 69 и 83.
[113] Там же, стр. 32, 43, 85—86, 113—114.
[114] Там же, стр. 90—92.
[115] Там же, стр. 91—92, примечания; стр. 467—480.

отвечавшее на делаемые ему запросы только после нескольких напоминаний и не объяснявшее своих отказов никакими сколько-нибудь ясными доводами; но по существу вполне естественно, что министерство иностранных дел не решилось доверить проектированному институту приготовление будущих дипломатов. В замечаниях, сделанных министерством иностранных дел на полях присланного ему проекта, отмечено противоречие между высочайше одобренным докладом и выработанным в комитете проектом по вопросу о надзоре за институтом [116]; по докладу институт должен был состоять под непосредственным наблюдением двух министерств, по проекту (§§ 2 и 73) — под непосредственным начальством попечителя учебного округа. Отмечено также отсутствие в программе преподавания каких-либо общеобразовательных предметов [117]. Проект, несмотря на допущение своекоштных и приходящих воспитанников (§ 140), стремился создать узкоспециальную школу со всеми особенностями закрытого учебного заведения. Казеннокоштные воспитанники, которых предполагалось 45, даже выбирали бы себе специальности не по собственному усмотрению, а по указанию начальства (§ 8, прим.); если бы для них после окончания курса не нашлось мест, они могли оставаться некоторое время при институте, питаясь «остатками от стола» воспитанников и получая «денежное пособие из хозяйственной суммы, по назначению совета и с утверждения попечителя» (§ 136). В самом министерстве народного просвещения понимали, что для определения судьбы воспитанников подобного учебного заведения необходимо прежде всего выяснить степень потребности различных ведомств в молодых ориенталистах [118]; мы видели, что, по доставленным министерству сведениям, институт готовил бы молодых людей на должности переводчиков при различных органах внутреннего управления, с содержанием от 170 до 300 руб. в год. Едва ли было удобно соединить в одном учебном заведении приготовление таких переводчиков с приготовлением драгоманов для посольств и миссий.

Ввиду тайны, которой был окружен проект Азиатского института, трудно решить, насколько проект, подписанный Казем-Беком и Ковалевским, был бы одобрен другими ориенталистами того времени. Из ориенталистов, не входивших в состав комитета, представил свой особый проект только В. П. Васильев; его записка [119] несколько отличалась от официального проекта, хотя и не по вопросам принципиального свойства; даже вопрос о том, следует ли сосредоточить преподавание востоковедения в совершенно самостоятельном учебном заведении или в «отдельном факультете» (очевидно, С.-Петербургского университета), им был оставлен совершенно открытым. Различие между запиской Васильева

[116] Там же, стр. 55, прим.
[117] Там же, стр. 47, прим.
[118] Там же, стр. 87.
[119] Там же, стр. 66—69.

и официальным проектом заключалось, во-первых, в большей широте программ преподавания (кроме языков, имевших для России непосредственное практическое значение, Васильев предлагал еще включить языки санскритский и тибетский); во-вторых, во введении некоторых общеобразовательных предметов, именно юридических, для облегчения воспитанникам доступа не только к должностям переводчиков, но и к более высоким ступеням государственной службы; в-третьих, в увеличении числа казенных стипендий (до 90) и в распределении их по большему числу ведомств; в-четвертых, в ином способе обеспечения воспитанников до получения ими штатных мест: вместо оставления их при институте Васильев предлагал назначать им тотчас же по окончании курса жалованье «из хозяйственных сумм министерств или государственного казначейства» в размере 350 руб. в год для действительных студентов и 400 руб. — для кандидатов, т. е. с содержанием, превышавшим оклады тех должностей, какие вообще предназначались различными ведомствами для студентов-восточников!

Сведения о местах для студентов-восточников, доставленные из министерств внутренних дел, финансов и государственных имуществ, могли бы совершенно независимо от ответов Азиатского департамента поколебать веру в будущность Азиатского института; но на это обстоятельство не было обращено внимания, и проект не осуществился исключительно вследствие упорства Сенявина [120]. Убедившись в невозможности осуществить выработанный комитетом проект, А. С. Норов создал, по выражению Казем-Бека [121], «новую мысль» и 8 февраля 1854 г. представил государю новый всеподданнейший доклад [122] о преобразовании восточного отделения С.-Петербургского университета в «настоящий университетский факультет» и сосредоточении в нем всех «пособий и средств учебных и вещественных, какие ныне теряются в раздроблении по различным восточным отделениям» в ведомстве министерства народного просвещения. Мысль не была абсолютно новой; на ней был основан проект 1829 г.; та же мысль была высказана в виде предположения в записке Васильева; но на этот раз министру подал эту мысль не ориенталист, а профессор русской литературы А. В. Никитенко, категорически утверждающий в своем дневнике, что «первоначальная мысль открыть факультет, вместо предполагаемого отдельного института», принадлежала ему [123]. По-видимому, Никитенко руководился не заботой о судьбе русского востоковедения, а только желанием выручить из затруднения министра, питавшего к нему в то время полное доверие. Столь же мало Никитенко сознавал, что, вводя в состав университета самостоятельный, равноправный с прочими восточный факультет, он создает новое явление в истории выс-

[120] Там же, стр. 83 и прим., стр. 94 и 370.
[121] Там же, стр. 473, прим.
[122] Там же, стр. 93—96.
[123] Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 66, стр. 627.

шего образования, остающееся и до сих пор исключительной особенностью С.-Петербургского университета. Ему казалось, что он предлагает только «основание при С.-Петербургском университете факультета восточных языков, с закрытием его в Казанском университете и везде, где они есть по министерству» [124]. Хотя казанский разряд восточной словесности, по выражению историка Казанского университета [125], «и по личному составу, и по кругу преподаваний, и по самому значению носил все черты самостоятельного факультета», все-таки даже проект Молоствова сохранял некоторую связь между ним и факультетом историко-филологическим, поручая «особым факультетским собраниям, под председательством директора восточного отделения, из профессоров восточных разрядов», только «дела, не имеющие связи с историко-филологическим факультетом и исключительно касающиеся восточных разрядов» [126].

Доклад 8 февраля также удостоился высочайшего одобрения, и министерство вновь приступило к осуществлению высочайшей воли, образовав для этой цели комитет, на этот раз в несколько ином составе [127], под председательством самого министра. Мусин-Пушкин был в нем только членом, но его присутствие считалось настолько необходимым, что из-за его болезни начало занятий комитета было отложено до мая [128]. В комитете не было ни знатока Дальнего Востока, ни представителя от Кавказского комитета, которому только был сообщен для отзыва проект устава и штатов факультета. А. В. Никитенко исполнял в комитете обязанности делопроизводителя. Комитет имел два заседания, 1 и 13 мая [129]; исполненная им работа была пересмотрена и исправлена в департаменте министерства народного просвещения; в июле проекты указа и штатов были сообщены министерству иностранных дел и Кавказскому комитету [130]; по получении отзывов этих ведомств они были вновь переработаны и 21 октября, при новом всеподданнейшем докладе министра, представлены на высочайшее воззрение [131].

Комитету предстояло прежде всего определить количество средств, которыми могло располагать министерство для учреждения факультета. Доклад 8 февраля 1854 г. был составлен в еще более общих выражениях, чем доклад 30 ноября 1851 г.; в нем даже не были перечислены «восточные отделения», подлежавшие упразднению. Комитет отнес сюда, как при составлении проекта Азиатского института, восточное отделение Казанского университета и институт восточных языков при Ришельевском

---

[124] Там же стр. 272.
[125] Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. IX.
[126] МИФВЯ, т. I, стр. 26.
[127] Там же, стр. 107.
[128] Там же, стр. 105 и прим.
[129] Там же, стр. 112—116.
[130] Там же, стр. 122 и сл.
[131] Там же, стр. 141 и сл.

лицее и при определении количества денег, подлежавших переводу из Казани и Одессы, исходил из цифр, установленных в комитете Мусина-Пушкина. Департамент изменил эти цифры, сохранив за факультетом только право на положенные в Казани по штатам устава 1835 г. и преобразованию университета в 1837 г. три оклада ординарных профессоров и на сумму в 2000 руб. сер. (7000 руб. ассигн.), назначенную положением 19 января 1837 г. на содержание 14 казенных стипендиатов. Замечательно, что от Казанского университета брали всю сумму, полагавшуюся по штату, хотя в действительности одна из трех штатных кафедр была занята и. д. экстраординарного профессора [132]; между тем при включении в смету факультета петербургских профессорских окладов принималось во внимание, занимал ли кафедру в данное время ординарный или экстраординарный профессор [133]. Из сумм Ришельевского лицея были взяты суммы на содержание восьми казенных стипендиатов и на жалованье одному профессору (оклад, только немногим превышавший оклад адъюнкта в Петербурге), одному старшему и одному младшему учителю, за исключением квартирных денег, так как для этой цели для «лицейских чиновников» была определена общая сумма без приурочения к отдельным лицам, к тому же оказывавшаяся недостаточной и дополнявшаяся из экономических сумм [134]. Кроме того, вспомнили, что при преобразовании Харьковского университета по штатам устава 1835 г. одна кафедра была отведена на преподавание восточных языков, хотя эта кафедра не была замещена; оттого и из сумм Харьковского университета были отчислены оклад и квартирные деньги одного ординарного профессора [135]. Суммы Московского университета, где восточные языки преподавались в действительности, остались нетронутыми, хотя при обсуждении проекта Азиатского института вспоминали и о них [136].

Из переписки по вопросу об учреждении факультета не вполне выясняется, как образовалась сумма в 714 р. 25 к. «из суммы, употреблявшейся по штату С.-Петербургского университета на содержание 20-ти казенных студентов и переданной по Высочайшему повелению 26 марта 1850 г. в главный педагогический институт» [137], и на каком основании произошло причисление этой суммы к смете факультета. По уставу 1835 г. (§§ 151 и 152) в каждом из четырех университетов полагалось 20 казенно-коштных студентов для приготовления на должности учителей гимназий и уездных училищ; они поступали на историко-филологический факультет (до 1850 г. первое отделение философского факультета) по разряду общей словесности и на факультет физико-математический (второе от-

[132] Там же, стр. 108.
[133] Там же, стр. 117.
[134] Там же, стр. 113, прим. 4, и стр. 118.
[135] Там же, стр. 118 и 129.
[136] Там же, стр. 89, прим.
[137] Там же, стр. 130.

деление философского факультета). Высочайшим повелением 26 января 1850 г. приготовление учителей было возложено на главный педагогический институт и туда же должны были передаваться по мере окончания курса находившимися в университете в 1850 г. стипендиатами деньги на стипендии [138]. Последние университетские стипендиаты окончили курс в 1854 г.[139]. Сумма на все 20 стипендий составляла 10 000 руб. ассигнациями (по 500 руб. на каждую), или 2857 руб. сер.; четвертая часть этой суммы, 714 руб. 25 коп., и была отделена в пользу нового факультета. Сообразно с этим министерство народного просвещения предлагало перенести с 1 января 1855 г., за окончанием курса последними университетскими стипендиатами, из сметы университета в смету педагогического института деньги на 15, а не на 20 казенных студентов [140]. Трудно понять, на какие доводы оно при этом опиралось, тем более что в университете стипендиаты принимались только на разряд общей, а не на разряд восточной словесности, и в институте воспитанники предназначались «по-прежнему для учебных заведений С.-Петербургского учебного округа» [141]; но возражений, по-видимому, ни с чьей стороны представлено не было. Перечисление сумм началось со дня официального учреждения факультета [142] (22 октября 1854 г.). Попечитель старался сохранить в университете для покрытия расходов по устройству факультета и часть других сумм, подлежавших передаче в педагогический институт в конце 1854 и в первой половине 1855 г., но на такое нарушение высочайшего повеления 1850 г. министерство, конечно, не могло согласиться [143].

Так как комитетом в число предметов преподавания на факультете, в противоположность проекту Азиатского института, был включен еврейский язык, то министерство решило покрыть этот расход из еврейского училищного капитала, из которого были взяты деньги на содержание экстраординарного профессора (по петербургским штатам) и одного студента-стипендиата. И этой сумме счет велся со дня официального учреждения факультета [144], а не со дня фактического замещения кафедры.

Вопрос о преподавании восточных языков в средней школе был столь же мало затронут в докладе 8 февраля 1854 г., как в докладе 30 ноября 1851 г.; об отрицательном решении этого вопроса нельзя было думать уже потому, что государь, утверждая доклад министра, вместе с тем повелел представить соображения о введении преподавания китайского и маньчжурского языков в Иркутской гимназии [145]. Действуя в духе

---

[138] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 298—299.
[139] МИФВЯ, т. I, стр. 116 и 154.
[140] Там же, стр. 154, прим. 2.
[141] ПСЗ, № 23875.
[142] МИФВЯ, т. I, стр. 156.
[143] Там же, стр. 188 и 207.
[144] Там же, стр. 153.
[145] Там же, стр. 96.

этого высочайшего повеления, комитет признал нужным сохранить в гимназиях преподавание восточных языков, насколько это вызывалось «местными обстоятельствами края» [146], в том числе в 1-й Казанской гимназии — преподавание татарского языка. Вследствие этого из гимназии могла быть взята в пользу факультета не вся сумма, ассигновавшаяся из средств казны на преподавание восточных языков. Для преподавания татарского языка гимназии была оставлена сумма на содержание одного старшего учителя, одного надзирателя и четырех стипендиатов и четвертая часть суммы, ассигнованной положением 2 января 1836 г. на учебные пособия; остальная часть суммы, расходовавшейся на основании того же положения на преподавание восточных языков в гимназии, была перенесена в смету факультета. Экономические суммы гимназии не могли быть затронуты; но так как жалованье учителям китайского языка и восточной каллиграфии, первоначально отпускавшееся из экономических сумм, на основании высочайше утвержденного мнения государственного совета 26 марта 1845 г.[147] было принято на счет казны, то соответствующая сумма также была присоединена к средствам фаультета.

Из посторонних ведомств министерство народного просвещения рассчитывало, как и при составлении проекта Азиатского института, на поддержку Кавказского комитета и министерства иностранных дел, со внесением из смет этих ведомств в смету факультета тех же сумм, какие были внесены в проект сметы института, т. е. суммы на содержание 15 стипендиатов кавказского ведомства и 10 стипендиатов министерства иностранных дел. При определении числа кавказских стипендиатов в это число были включены пять воспитанников, отправлявшихся прежде, на основании положения 11 июня 1849 г., в Казань, и половина из числа воспитанников, обучавшихся прежде, на основании того же положения, в С.-Петербургском университете [148]. С этим в комитете по устройству Азиатского института согласился и представитель кавказского ведомства [149]; несмотря на это, председатель Кавказского комитета при обсуждении проекта штатов факультета настоял на сохранении § 20 положения 1849 г., по которому кавказское начальство, не связанное никакими заранее определенными цифрами, распределяло воспитанников по факультетам по своему усмотрению [150]. На факультет восточных языков вместо прежних восточных отделений в С.-Петербурге и Казани было только возложено обучение этих воспитанников восточным языкам; но все воспитанники, в том числе и пять стипендиатов, переведенных из Казани, должны были оставаться в ведении Кавказского комитета, и суммы на их содержание не были присоединены к суммам факультета.

[146] Там же, стр. 113.
[147] ПСЗ, № 18863.
[148] МИФВЯ, т. I, стр. 125.
[149] Там же, стр. 65, 66 (подпись А. Мейера) и 122.
[150] Там же, стр. 126.

В таком же положении находились еще пять воспитанников Таганрогской гимназии, отправлявшихся прежде, на основании высочайше утвержденного положения комитета министров 4 октября 1838 г.[151], в институт восточных языков при Ришельевском лицее; теперь они были переведены на факультет восточных языков с сохранением за ними содержания, отпускавшегося из государственного казначейства, но без присоединения этого содержания к факультетским суммам.

Министерство иностранных дел, соглашавшееся в 1852 г. принять участие в расходах по Азиатскому институту суммой на содержание десяти стипендиатов, приняло такое же обязательство по отношению к факультету, причем эта сумма вследствие увеличения содержания каждого отдельного стипендиата, по всем ведомствам, с 200 до 300 руб., была возвышена до 3000 руб. Эта сумма была включена в смету факультета и по высочайшей воле, объявленной самим управлявшим министерством иностранных дел [152], должна была поступать в распоряжение министерства народного просвещения даже и в том случае, если бы не все десять вакансий оказались занятыми. Чтобы обойти высочайшую волю, Л. Г. Сенявин придумал меру, на которую слишком поспешно дал свое согласие А. С. Норов; было постановлено, чтобы стипендиаты министерства иностранных дел в том случае, «если они по степени познаний не могут быть приняты в университет» [153], могли поступать в одну из гимназий. Министр народного просвещения и его советники [154] упустили из виду, что невозможно обязать таких стипендиатов после окончания курса непременно посвятить себя изучению восточных языков, к которому у них могло не оказаться ни склонности, ни способности; стипендии только формально принадлежали факультету; в действительности ими пользовались для обучения в гимназии своих сыновей, без всяких обязательств по отношению к факультету, чиновники министерства иностранных дел [155]. Характерно, что Л. Г. Сенявин в 1855 г. в ответ на запрос А. С. Норова, «не окажется ли возможным некоторых из студентов Казанского университета и тамошней 1-й гимназии поместить стипендиатами на счет сумм министерства иностранных дел», согласился на зачисление таким стипендиатом только *одного* студента [156], между тем как еще в сентябре 1854 г., до официального учреждения факультета, обеспечил за своими стипендиатами *пять* вакансий в гимназии [157].

---

[151] Ссылки на него там же, стр. 146; в ПСЗ нет. При составлении сметы Азиатского института сумма на содержание таганрогских воспитанников была включена в эту смету (МИФВЯ, т. I, стр. 43 и 84).

[152] МИФВЯ, т. I, стр. 140 и 480.

[153] Там же, стр. 143 и 478.

[154] При совещании между Норовым и Сенявиным по вопросу о факультете в сентябре 1854 г. присутствовал А. В. Никитенко (*Дневник*, — РС, т. 66, стр. 277).

[155] МИФВЯ, т. I, стр. 479; т. II, стр. 40, 43—44.

[156] Там же, т. I, стр. 200 и 233.

[157] Там же, стр. 140.

Итог всех сумм, назначенных на содержание факультета восточных языков, составлял 26 276 р. 03 к. (на 2120 р. 26 к. менее, чем предполагалось в 1852 г. в распоряжении министерства для устройства Азиатского института). Чтобы определить порядок расходования этой суммы, было необходимо прежде всего решить вопрос о штатах факультета, т. е. о предметах преподавания и о распределении должностей профессоров (ординарных и экстраординарных), адъюнктов и лекторов. Комитет, заседавший в мае 1854 г., ввел в число предметов преподавания те же восточные языки, которые были предусмотрены проектом учреждения Азиатского института, присоединив к ним еще еврейский язык. Причины введения этого предмета в журнале комитета не указываются; по всей вероятности, члены комитета руководились тем же соображением, которое еще в июле 1852 г. высказал Мусин-Пушкин [158], т. е. считали кафедру еврейского языка необходимой «для учреждаемых в западных и белорусских губерниях еврейских казенных училищ». Для преподавания языков еще в первом проекте комитета [159] было определено то же число профессоров, как и в высочайшем указе: пять ординарных и четыре экстраординарных. После некоторых споров о том, какие языки должны преподаваться ординарными и какие экстраординарными [160], министерство народного просвещения решило оставить за собой право «смотря по надобности и обстоятельствам назначать на сии кафедры ординарных и экстраординарных профессоров». В число таких кафедр по недосмотру была включена и кафедра еврейского языка, хотя эта кафедра содержалась не на средства государственного казначейства, а на суммы еврейского училищного капитала, из которого отпускались средства только на содержание экстраординарного профессора, так что факультет в 1861 г., вопреки тексту высочайшего указа 22 октября 1854 г., ходатайствовал о включении «экстраординарной кафедры еврейского языка в комплект ординарных» [161].

При определении числа адъюнктов комитет, по-видимому, также исходил из проекта Азиатского института. Так как преподавание новогреческого языка не предполагалось, а грузинский язык должен был преподаваться профессором, то число адъюнктов было уменьшено до двух (для турецкого и калмыцкого языков); во втором проекте комитета было восстановлено прежнее число адъюнктов — четыре (с присоединением адъюнктов языков арабского и татарского, очевидно в помощь профессорам). В редакции указа, установленной в августе 1855 г., число адъюнктов снова уменьшено до трех посредством соединения преподавания турецкого и татарского языков.

Лекторов по первоначальному проекту комитета полагалось четыре; вероятно, имелись в виду те же языки, как в проекте Азиатского института,

[158] Там же, стр. 45.
[159] Там же, стр. 111.
[160] Там же, стр. 125 и сл.
[161] Там же, стр. 382, прим.

кроме русского (для инородцев). Во втором проекте это число было уменьшено до трех, с исключением сравнительно с проектом института грузинского и османского языков и с введением монгольского; такое же число лекторов, но без перечисления языков, было установлено высочайшим указом. В первоначальном проекте комитета обращает на себя внимание размер квартирных денег лектору, значительно превышавший размер квартирных денег ординарному профессору, тогда как по действовавшим в то время штатам лекторам С.-Петербургского университета не полагалось никаких квартирных денег. Вероятно, составители проекта предполагали, что лекторы будут обучать студентов у себя на дому; очевидно, эта мысль скоро была оставлена, так как уже во втором проекте комитета, как в высочайшем указе, квартирные деньги лектору приравнены, как это было в Казани [162], к квартирным деньгам адъюнкту. Во втором проекте была введена забытая в первом проекте должность «каллиграфа» (по высочайше утвержденным штатам «преподавателя восточной каллиграфии») с содержанием, значительно превышавшим оклад этой должности в Казанском университете, но не доходившим до лекторского оклада, как предполагалось при составлении проекта Азиатского института.

Вся сумма, назначенная по штату на содержание преподавателей факультета (со включением 300 руб. на вознаграждение декану) составляла 17 225 р. 83 к. в год; оставалось еще более 9000 руб., из которых было необходимо покрыть расходы на содержание студентов-стипендиатов. Трудно объяснить, почему комитет в своем первом проекте считал всего 18 (на сумму 5400 руб.), во-втором — 20 стипендиатов (на сумму 6000 руб.), «содержимых на счет факультета», несмотря на то что в факультетские суммы им было включено содержание 14 казанских стипендиатов (2000 руб.), 8 стипендиатов Новороссийского края (2057 р. 10 к.), 15 кавказских воспитанников (4500 руб.) и 10 стипендиатов министерства иностранных дел (3000 руб.), всего 10 557 р. 10 к.[163]. После исключения содержания кавказских стипендиатов из сумм факультета осталось 10 стипендий министерства иностранных дел и 8 по назначению главного начальства Новороссийского края; к этому числу было присоединено 7 стипендий по назначению министерства народного просвещения, которое таким образом предполагало уменьшить вдвое число своих стипендиатов-ориенталистов, содержавшихся прежде в Казанском университете, без уменьшения общей суммы на их содержание, так как на каждого стипендиата теперь было ассигновано 300 руб. сер., тогда как в 1837 г. признавалось достаточным ассигновать 500 руб. ассигн. (около 144 руб. сер.). В окончательной редакции указа число стипендиатов министерства снова было увеличено до 11; в это число вошел и стипендиат, который должен был содержаться на средства еврейского училищного капитала. Таким образом,

[162] Там же, стр. 32.

[163] ‹Так в подлиннике.› Ср. цифры там же, т. I, стр. 32, 33, 111, 113—115.

общее число стипендиатов было доведено до 29 с ассигнованием на их содержание 8100 руб. Остаток, получавшийся от общего итога после определения содержания преподавателей и стипендиатов, предполагалось расходовать на «учебные пособия»; по мере увеличения сравнительно с первоначальным проектом числа преподавателей и стипендиатов уменьшался и этот остаток, составлявший в первом проекте комитета 3925 р. 02 к.[164], в высочайшем указе — всего 350 р. 20 к.

Вопрос о числе стипендиатов находился в связи с вопросом об обеспечении будущности студентов-ориенталистов, в чем и заключалась главная цель сосредоточения в С.-Петербурге преподавания восточных языков. Предполагалось направлять действия нового факультета «согласно с нуждами и видами правительства» [165], т. е. организовать преподавание на нем так, чтобы он мог давать правительству нужных ему деятелей в таком количестве, которое соответствовало бы наличной потребности. Министерство, как и при обсуждении проекта Азиатского института, могло бы убедиться в том, что в этом отношении не было основания для широких надежд. В высочайше одобренном докладе 8 февраля 1854 г. говорится о желательности постановления, «чтобы каждое из тех ведомств, где по службе требуется знание восточных языков, содержало в факультете известное число своих стипендиатов» [166]; в высочайшем указе 22 октября вместо такого обязательного для ведомств постановления образование подобных стипендий предоставлено их «усмотрению» [167]. Комитет в мае 1854 г. единогласно признал одним из главных условий успеха деятельности нового учреждения, чтобы для его воспитанников имелись «в виду готовые для них должности и места, к которым бы они беспрепятственно могли быть определяемы по окончании курса» [168]. Этот пункт, однако, не был включен во всеподданнейший доклад министра 21 октября. Для стипендиатов Новороссийского края и министерства народного просвещения было сохранено обычное обязательство прослужить шесть лет по назначению начальства; для стипендиатов министерства иностранных дел это обязательство было отменено по настоянию самого Л. Г. Сенявина [169], очевидно, потому, что оно могло быть истолковано как обязанность министерства принимать к себе на службу своих стипендиатов; Сенявин, не допускавший наложения на министерство такой обязанности по отношению к Азиатскому институту [170], не хотел принять на себя такого обязательства и по отношению к воспитанникам факультета. Для своих собственных стипендиатов министерство народного просвещения, как впоследствии признавал

[164] Там же, стр. 111.
[165] Выражение всеподданнейшего доклада 8 февраля (там же, стр. 96).
[166] Там же, стр. 95.
[167] Там же, стр. 127 и 144.
[168] Там же, стр. 116.
[169] Там же, стр. 130 и 140.
[170] Там же, стр. 91.

и главный деятель этой реформы профессор Казем-Бек [171], вследствие сосредоточения преподавания восточных языков в одном учреждении тем самым сократило область применения их знаний; какие места могли предоставить будущим ориенталистам другие ведомства, именно министерства финансов и государственных имуществ, выяснилось еще в 1852 г., и новых шагов в этом направлении предпринято не было. Едва ли при таких условиях можно было ожидать существенных результатов от меры, придуманной комитетом [172], именно от прибавления для стипендиатов к четырем годам учения, после которых они на общем основании могли получать степень кандидата или действительного студента, еще пятого года для приобретения практического знания необходимых им для службы восточных языков. Комитет, очевидно, предполагал, что во время этого года окончательно выяснится будущая судьба стипендиатов, «которых правительство особенно имеет в виду для употребления на разных поприщах государственной службы». Последнее выражение вошло в высочайше одобренный доклад министра 21 октября [173], но не было включено в текст высочайшего указа 22 октября и не получило законодательной силы. Для обеспечения судьбы воспитанников факультета оно не имело значения, тем более что по отношению к студентам университета не могло быть речи о том праве, которое предполагалось дать студентам Азиатского института — оставаться до получения места при учебном заведении.

Проект устава и штатов, составленный комитетом и исправленный в министерстве, после сношения с Кавказским комитетом и с министерством иностранных дел был представлен министром непосредственно государю, без внесения в государственный совет. Министр решился на это после долгих колебаний [174], по настоянию А. В. Никитенко, который сообщает об этом в своем дневнике [175]. Из того же дневника [176] видно, что Никитенко принадлежит всеподданнейший доклад 21 октября 1854 г., на следующий день одобренный государем. Доклад, в общем, воспроизводит журнал комитета со сделанными в министерстве поправками и изменениями; допущенное в одном месте искажение мысли комитета [177], веро-

---

[171] Там же, стр. 490.

[172] Там же, стр. 115.

[173] Там же, стр. 142.

[174] Отголоском их являются, по-видимому, справки, помещенные в МИФВЯ (т. I, стр. 133).

[175] Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 66, стр. 282.

[176] Там же, стр. 281.

[177] Ср.: МИФВЯ, т. I, стр. 115 («принимая в соображение обширность изучения восточных языков, особенно если изучение это будет с одной стороны направляемо практическим образом, а с другой — соединено с знанием различных исторических, этнографических и статистических предметов») и стр. 142 («принимая в соображение обширность изучения восточных языков, которое притом должно иметь и практическое направление, соединяясь с изучением исторических, этнографических и статистических предметов»).

ятно, произошло при переписке доклада в департаменте; едва ли оно было сделано самим Никитенко, тем более что журнал заседаний комитета, по всей вероятности, был составлен им же как делопроизводителем.

Высочайшим указом 22 октября 1854 г. было предписано, по выражению министра, «преобразование отделения восточных языков при С.-Петербургском университете в факультет» [178]; но личный состав факультета и программы преподавания еще предстояло определить. В обсуждение последнего вопроса комитет не входил; было постановлено возложить эту задачу на самих будущих преподавателей факультета «под непосредственным наблюдением попечителя» [179]. Министерство теперь решило ускорить эту работу, чтобы сделать возможным открытие факультета к началу следующего учебного года. Для этой цели кроме решения вопросов о личном составе, о программах, о приеме воспитанников из средних и высших учебных заведений и о назначении им стипендий предстояло сосредоточить в С.-Петербурге все денежные средства и все учебные пособия, которые по высочайшему указу должны были быть предоставлены факультету.

3 ноября о состоявшемся высочайшем указе были извещены заинтересованные ведомства, между прочим и попечители учебных округов [180]. От управлявших округами Одесским и Казанским требовались только сведения о воспитанниках, которые могли бы перейти на факультет; соображения по вопросу о личном составе будущего факультета испрашивались только у петербургского попечителя. Последний, очевидно, еще раньше обдумал этот вопрос и потому уже 12 ноября мог представить министру свои соображения [181], которые и были положены в основу при замещении кафедр, хотя ответ министра на представление попечителя последовал только через пять месяцев, в апреле 1855 г.[182].

Наиболее естественными кандидатами на должности факультетских преподавателей были, конечно, лица, уже состоявшие преподавателями восточных языков в С.-Петербурге, Казани и Одессе.

Список таких лиц был составлен еще летом 1854 г. по официальным отчетам за 1853 г.; по этому списку оказывалось всего преподавателей 22: 6 в С.-Петербурге, 8 — в Казанском университете, 3 — в Ришельевском лицее и 5 — в Казанской 1-й гимназии (кроме комнатных надзирателей) [183]. Из этого числа в состав преподавателей факультета было привлечено 11 человек: 6 — из С.-Петербургского университета, 3 — из Казанского и 2 — из Казанской гимназии. Из остальных вакансий три были замещены лицами, не состоявшими преподавателями восточных языков

[178] Там же, стр. 141.
[179] Там же, стр. 115.
[180] Там же, стр. 148—154.
[181] Там же, стр. 157 и сл.
[182] Там же, стр. 195 и сл.
[183] Там же, стр. 108—110, 117.

в 1853 г.: 1) для замещения кафедры монгольского языка вместо О. М. Ковалевского, пожелавшего остаться в Казани [184] и утвержденного ректором Казанского университета [185], вновь был принят на службу ординарным профессором А. В. Попов, вышедший в отставку в 1853 г. с причислением к министерству государственных имуществ [186]; 2) для замещения вновь учрежденной кафедры еврейского языка был избран Д. А. Хвольсон [187], доктор Бреславльского университета, уроженец Вильны, вернувшийся в Россию после окончания своего образования и состоявший с 1851 г. на службе по министерству народного просвещения в должности члена комитета для рассмотрения еврейских учебных руководств [188]; 3) учителем восточной каллиграфии был назначен по рекомендации профессора Казем-Бека молодой казанский татарин Ибн-Ямин Аминов, находившийся в Петербурге с 1851 г. «в частной должности каллиграфа восточных языков» [189] (преподававший этот предмет в Казани Махмудов был оставлен в Казанской 1-й гимназии учителем татарского языка).

Таким образом, ко времени открытия факультета в нем было 14 преподавателей вместо положенных по штату 16. Распределение должностей профессоров, адъюнктов и лекторов также не вполне соответствовало требованиям указа; вполне естественно, что каждый преподаватель, признававшийся необходимым для факультета, должен был быть принят в том звании, которого он успел достигнуть или на которое он имел право по своим научным заслугам. Из преподавателей, приступивших 1 сентября 1855 г. к чтению лекций, шесть были ординарными профессорами, двое — экстраординарными (из них один с окладом адъюнкта), четверо — адъюнктами, один — лектором (персидского языка) и один — учителем восточной каллиграфии. Кафедра турецко-татарского языка имела трех

---

[184] Там же, стр. 191.

[185] Там же, стр. 243. Ковалевский исполнял обязанности ректора уже с августа 1854 г. (Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 233).

[186] МИФВЯ, т. I, стр. 165 и 211—212. До решения вопроса о Ковалевском Попов также был кандидатом на должность ректора Казанского университета (там же, стр. 193).

[187] Прошение Д. А. Хвольсона о назначении его профессором было подано 25 апреля 1855 г. (там же, стр. 207, прим. 2), но еще раньше министр имел его в виду для этой кафедры (там же, стр. 192, прим. 2). Официально назначение Д. А. Хвольсона состоялось только 14 сентября (там же, стр. 284 и 303), но вопрос считался решенным гораздо раньше; Д. А. Хвольсон еще 13 августа принимал участие в заседании комитета по распределению предметов преподавания (там же, стр. 252, прим. 2), и его лекции вошли в представленный комитетом до открытия факультета «обзор преподавания» (там же, стр. 255). В делах факультета за 1855 г. (№ 14) находится письмо Д. А. Хвольсона на имя декана Казем-Бека на немецком языке (12 декабря 1855 г.) с просьбой о назначении ему вознаграждения за чтение лекций с 1 сентября до 14 сентября, т. е. до дня официального назначения <см. еще выше, стр. 23, прим. 1>.

[188] Ср. биографические сведения у Григорьева (*Петербургский университет*, стр. 278 и сл.) и в *Биографическом словаре СПб. ун-та* (т. II, стр. 307).

[189] МИФВЯ, т. I, стр. 164.

представителей (двух ординарных профессоров и адъюнкта), кафедра маньчжурского языка — ни одного, и за чтение этого предмета было назначено особое вознаграждение ординарному профессору китайского языка В. П. Васильеву [190]. Сумма годовых окладов всех преподавателей вместе с 300 руб. столовых декану составляла 16 225 р. 37 к.[191]; от суммы, определенной по штату, получался остаток в 1000 р. 46 к. Еще до начала лекций был поднят вопрос о привлечении в состав факультета еще нескольких преподавателей; но этот вопрос получил разрешение уже после открытия действий факультета, при участии последнего.

Для решения вопроса о распределении предметов преподавания был учрежден под председательством попечителя Мусина-Пушкина комитет из профессоров факультета с участием ректора С.-Петербургского университета. Комитет закончил свои работы только 13 августа (за две недели до открытия факультета), разделив факультет после некоторых колебаний [192] на пять разрядов. Новостью сравнительно с порядками Казанского университета и проектом Молоствова было учреждение разрядов еврейско-арабского и армяно-грузино-татарского.

К началу лекций определился и состав студентов нового факультета. Всего было принято на различные курсы и разряды 42 студента; из них огромное большинства (34) — на арабско-персидско-турецко-татарский разряд; на разряде монголо-калмыцко-татарском было всего пять студентов, на китайско-маньчжурском — три, на армяно-грузино-татарском и еврейско-арабском — ни одного [193]. Студентов С.-Петербургского университета, начавших свое учение в восточном отделении и продолжавших его в факультете, было 15 [194]; значительное число студентов — 19 — дала факультету Казань (из них 16 университетских воспитанников

---

[190] Там же, стр. 163, 191, 197 и 219.

[191] Шейх Тантави, имея квартиру натурой (как преподаватель учебного отделения при Азиатском департаменте), не получал квартирных денег (там же, стр. 159; стр. 219, прим. 3).

[192] Там же, стр. 252, прим. 2.

[193] Там же, стр. 270. Впоследствии на арабско-персидско-турецко-татарский разряд были зачислены еще три студента; по ведомостям испытаний 1856 г., всех студентов этого разряда было 37, всех студентов факультета — 45 (дела факультета 1856 г., № 15).

[194] Из пяти студентов, состоявших на разряде восточной словесности в 1854 г. (МИФВЯ, т. I, стр. 120), трое окончили курс до открытия факультета (Никитский — в 1854 г., Кершен и Попов — в 1855 г.) и только двое (Наумов и Михайлов) поступили на факультет, где кончили курс в 1856 г. (Григорьев, *Петербургский университет*, Примечания, стр. XCVIII—CI). Но здесь были названы, по-видимому, только стипендиаты. В 1855/56 г. кроме этих студентов и казанских на трех старших курсах факультета по экзаменационным ведомостям (дела факультета 1856 г., № 15) было еще 13 студентов, из них один пансионер его величества (В. Ф. Гиргас), один кавказский стипендиат (Трирогов), остальные 11 — своекоштные (среди последних назван и Федор Михайлов, стипендия которого перешла к бывшему казанскому студенту Артемию Арзангулову).

и трое обучавшихся восточным языкам в гимназии) [195]. Из Ришельевского лицея, как выяснилось после сношений министра с новороссийским генерал-губернатором и с и. д. попечителя Одесского учебного округа [196], не мог быть переведен на факультет ни один студент. Из 29 стипендий, принадлежавших факультету по штатам 22 октября 1854 г., в первый год его существования было замещено студентами факультета только 12: 11 стипендий министерства народного просвещения [197] и одна — министерства иностранных дел. Почти такое же число стипендий (11) из сумм, принадлежавших факультету, было ассигновано на содержание воспитанников средних учебных заведений, именно той петербургской гимназии, где было помещено пять стипендиатов министерства иностранных дел [198], и гимназии при Ришельевском лицее, в которой продолжали свое учение шесть стипендиатов Новороссийского края, с тем чтобы по мере их выбытия их вакансии в лицее и гимназии при нем больше не замещались и чтобы стипендии назначались непосредственно студентам факультета [199]. Из стипендий других ведомств факультет располагал [200] одной стипендией государя императора (стипендиатом был будущий профессор В. Ф. Гиргас), двумя стипендиями С.-Петербургского университета (один стипендиат перешел на факультет из восточного отделения, другой — из Казани), одной стипендией Оренбургской губернии (стипендиат был переведен из Казани) и четырьмя стипендиями Кавказского края (из стипендиатов трое были переведены из Казани).

С учреждением факультета было связано прекращение преподавания восточных языков в Казани и Одессе и передача факультету без всякого вознаграждения всех учебных пособий по востоковедению (рукописей, книг, монет и т. п.), принадлежавших Ришельевскому лицею и гимназии при нем, Казанскому университету и Казанской 1-й гимназии, «за исключением в Казанской гимназии того, что предоставлено собственно для преподавания татарского языка». Сроком прекращения преподавания и передачи в Петербург окладов преподавателей было назначено 1 июля 1855 г.[201]; передача учебных пособий также должна была состояться «не

---

[195] МИФВЯ, т. I, стр. 248 и сл. К названным там 18 именам надо еще присоединить имя Артемия Арзангулова (там же, стр. 185), который после неудачного испытания (там же, стр. 225) был лишен стипендии и не упоминается среди приехавших на казенный счет, но потом все-таки поступил на факультет, так как назван среди окончивших курс в 1856 г. (Григорьев, *Петербургский университет*, стр. CI). По списку студентов 1855/56 учебного года, сохранившемуся в делах факультета (1856 г., № 15), он даже пользовался одной из двух стипендий С.-Петербургского университета.

[196] МИФВЯ, т. I, стр. 173 и сл., 203 и сл., 223 и сл., 236 и сл., 261 и сл.

[197] Из них десять — студентами, переведенными из Казани (там же, стр. 231).

[198] Там же, стр. 140.

[199] Там же, стр. 204 и сл.

[200] Там же, стр. 517. Ср. данные о казанских студентах там же, стр. 231 и сл., 247 и сл.

[201] Там же, стр. 159, 203 и 205.

далее летней вакации 1855 г.» [202]. Последнее предположение не осуществилось; переговоры с Казанью и Одессой по поводу этой передачи не закончились до открытия факультета; факультету самому пришлось вести дальнейшую переписку и принимать посылки. Высочайшее повеление о передаче учебных пособий было особенно тяжелым ударом для Казанского университета ввиду огромных затрат, произведенных университетом для составления принадлежавшей ему богатой коллекции восточных рукописей [203]. Тщетно попечитель Молоствов, оценивавший эту коллекцию в 18 000 руб. сер.[204], домогался возвращения университету хотя бы части денег, затраченных им из своих скудных средств.

Медленность передачи учебных пособий отчасти объясняется тем, что и со стороны Ришельевского лицея, и со стороны Казанского университета были попытки сохранить преподавание хотя бы некоторых восточных языков. В самом министерстве это, по-видимому, сначала признавалось возможным; несмотря на то что оклады всех трех преподавателей лицея и гимназии при нем были включены в суммы факультета, министр 3 ноября 1854 г. спрашивал директора лицея о том, нет ли в гимназии воспитанников, еще не окончивших курса, но своими успехами в изучении восточных языков заслуживающих, «чтобы им преподаны были средства для окончания занятий их в гимназии, и в таком случае кто из учителей восточных языков должен быть оставлен, для продолжения занятий с сими воспитанниками, при гимназии и по истечении настоящего учебного года» [205]. Только когда директор в ответ на этот запрос указал на лицо, на которое могло бы быть возложено такое поручение, в департаменте обратили внимание на то, что оклад этого лица, как и двух других преподавателей, вошел «в штат факультета» [206].

Труднее было Казанскому университету расстаться со своим восточным разрядом, составлявшим его славу; еще новейший историк университета считает эпоху процветания в нем ориентализма «одной из самых светлых и симпатичных страниц его столетнего прошлого» [207]. Не делая попыток спасти от разрушения искусственное создание своего предшественника, попечитель Молоствов принял меры к сохранению в Казани того, что было создано самой жизнью и не могло быть уничтожено без ущерба для края, именно преподавания языков мусульманских народов.

---

[202] Там же, стр. 150 и 151; в представлении попечителя Мусина-Пушкина также указан срок 1 июля (там же, стр. 166).

[203] Проф. Березин в биографии А. К. Казем-Бека (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 114) упоминает о приобретении университетом у этого профессора собрания восточных рукописей «за 6000 р., сумму, без всякого спора, огромную по скудным средствам университета». По официальным сведениям, приобретение этого собрания обошлось университету в 7145 р. 75 к. (МИФВЯ, т. I, стр. 183).

[204] Там же, стр. 182.

[205] Там же стр. 151.

[206] Там же, стр. 174.

[207] Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 224.

Для этой цели испрашивалось разрешение содержать из экономических сумм университета две кафедры восточных языков и присоединить к этим кафедрам четыре казенные стипендии из общего числа 20, которыми располагал университет [208]. Министерство народного просвещения сомневалось в том, насколько ходатайство, возбужденное попечителем во время пребывания в С.-Петербурге, соответствовало желаниям университетского совета [209]; но что совет в этом случае был солидарен с попечителем, доказывается теми пререканиями [210] между университетами Казанским и С.-Петербургским по поводу передачи учебных пособий, которые продолжались и после отставки (в 1857 г.) Молоствова.

Вопреки требованиям факультета, основанным на точном смысле закона, Казанский университет удержал часть пособий, именно печатные книги; спор был прекращен в 1861 г. вследствие учреждения в Казани, уже не из экономических сумм, а из средств государственного казначейства [211], двух кафедр восточных языков, причем первым представителем одной из этих кафедр был избран ученый, оставшийся за штатом в 1855 г. и терпевший, по выражению попечителя Одесского учебного округа, «крайнюю нужду в содержании себя» [212]. Таким образом, удовлетворение ходатайства Молоствова, не связанное ни с какими расходами для казны, не причинило бы никакого ущерба новому факультету и позволило бы, не ожидая освобождения вакансий [213], вновь определить на службу некоторых из преподавателей, оставшихся за штатом; тем не менее ходатайство было отклонено.

Торжество открытия факультета состоялось 27 августа 1855 г. в 12 часов дня, в тот же день и час, когда начался штурм Севастополя, надолго остановивший то «высокое участие России в судьбах Востока», на которое ссылался доклад 8 февраля 1854 г.[214]. Проф. А. В. Попов произнес речь о прошлом русского востоковедения и о причинах, вызвавших учреждение факультета; проф. А. К. Казем-Бек, еще в конце июля избранный деканом [215], произнес речь о составе, программах и задачах нового учреждения [216]. В первой речи приводились доводы в пользу сосредоточения

---

[208] МИФВЯ, т. I, стр. 326 и сл.

[209] Там же, стр. 328, прим.

[210] Подробности см. в следующей главе.

[211] МИФВЯ, т. I, стр. 527, и ПСЗ, № 36842.

[212] МИФВЯ, т. I, стр. 315. См. также характерное прошение И. Н. Холмогорова (там же, стр. 316 и сл.) о выдаче 25 руб. в счет будущего жалованья и ассигнование в ответ на это прошение 50 руб. в качестве единовременного пособия. Об избрании И. Н. Холмогорова советом Казанского университета 29 июня 1861 г. см.: Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 239.

[213] МИФВЯ, т. I, стр. 203 и 205.

[214] Там же, стр. 94.

[215] Там же, стр. 244 и 257.

[216] Обе речи были напечатаны в ЖМНП <Попов, *Краткий взгляд*; Казембек, *Речь.*>

востоковедения в С.-Петербурге как центре «умственной и административной деятельности»; в пользу учреждения новой кафедры еврейского языка приводился лингвистический довод, считавшийся в Западной Европе устарелым со времени Аделунга [217], — о «доказанной близости» этого языка «к языку первобытному». Речь Казем-Бека в ярких красках изображала великую будущность нового учреждения, подобного которому по количеству и качеству ученых сил, по богатству учебных пособий и по разнообразию предметов преподавания не было нигде в Европе. Говоря о прошлых заслугах своих товарищей, оратор смело утверждал, что «каждый из наших профессоров известен Европе». Если таковы могли быть результаты их деятельности в отдаленной Казани, то «министерство, Россия и целая Европа», по мнению оратора, могли ожидать еще гораздо более широкого развития этой деятельности в столице России. Речь закончилась словами: «С нами Бог и милость монарха» [218].

На торжество предполагалось пригласить «всех любителей восточной словесности, находящихся в С.-Петербурге» [219]. Среди них не могли быть ни гр. С. С. Уваров, автор проекта 1810 г., доживавший последние дни своей жизни [220], ни О. И. Сенковский, автор проекта 1829 г., страдавший неизлечимой болезнью. Ни официальная переписка по поводу проектов 1851—1854 гг., ни литература по этому предмету не сохранили нам мнения гр. Уварова об этих проектах, в которых как друзья [221], так и враги [222] едва ли основательно видели возвращение к мысли об «Азиатской академии»; неизвестно также, сочувствовал ли мысли сосредоточить преподавание восточных языков в С.-Петербургском университете, с упразднением его во всех прочих высших учебных заведениях, автор проекта 1829 г., предлагавший учредить в С.-Петербурге рассадник ориенталистов, чтобы им впоследствии могли воспользоваться для замещения кафедр восточных языков все русские университеты.

---

[217] Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, S. 4. Там же сказано, что первым энергично боролся с таким заблуждением еще Лейбниц

[218] Об открытии факультета и о речах двух профессоров была помещена статья Флейшера в ZDMG, Bd X <=Fleischer. *Die Facultät für orientalische Sprachen.*>

[219] МИФВЯ, т. I, стр. 253.

[220] Он умер 4 сентября 1855 г.

[221] Ср.: Савельев, *Предположения*, стр. 36, и Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 125.

[222] МИФВЯ, т. I, стр. 511 (мнение Н. В. Ханыкова).]

V

ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ ДО УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА 1863 г.[1]

27 августа 1855 г. состоялось торжество открытия факультета, 1 сентября началось чтение лекций; но, несмотря на желание министра, чтобы «отделение восточных языков» было «окончательно преобразовано в факультет с начала 1855—56 учебного года» [2], еще оставались не вполне разрешенными важнейшие вопросы, связанные с этим преобразованием, именно вопрос о передаче в факультет учебных пособий из Казани и Одессы и вопрос о личном составе нового учреждения.

По высочайшему указу 22 октября 1854 г. факультету должны были быть предоставлены «учебные пособия по восточным языкам, принадлежащие Казанским университету и гимназии, и Ришельевскому лицею с состоящею при нем гимназией, за исключением в Казанской гимназии того, что предоставлено собственно для преподавания татарского языка» [3]. Вопреки буквальному смыслу указа историко-филологический факультет Казанского университета в январе 1855 г. постановил [4] удержать в Казани «грамматики и словари, как пособие для филологии, и все печатные

---

[1] <Сюда примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Погодин в Казани в 1862 г.; сведения о Ковалевском; упадок округа при попечителе Стендере (ему подчинено просвещение русское даже до Великого океана) после кн. Павла Петровича Вяземского (<Барсуков>, *Жизнь Пог<одина>*, кн. XIX, стр. 317, и сл.». — *Н. Т.*>

[2] МИФВЯ, т. I, стр. 149.

[3] Там же, стр. 144.

[4] В отношении управляющего Казанским учебным округом от 5 мая 1862 г., № 1918, на имя попечителя С.-Петербургского учебного округа (последний сообщил о нем временной комиссии С.-Петербургского университета в предложении от 23 августа 1862 г., № 2683) приводится ссылка факультета на свое донесение совету 21 января 1855 г., № 10, причем «эти соображения были тогда же утверждены советом университета» (протоколы временной комиссии С.-Петербургского университета за 1862 г., № 15, заседание 12 сентября 1862 г.). При ссылках на протоколы заседаний совета до 1869 г. и заседаний временной комиссии за 1862 г. имеются в виду рукописные протоколы, хранящиеся в архиве университета; печатание протоколов началось только со второй половины 1869 г. Где при ссылках на «протоколы совета» не указан год, имеются в виду печатные протоколы.

восточные тексты с переводами на европейские языки, необходимые для всеобщей истории и истории литературы». Решение факультета тогда же было одобрено советом и сообщено министру в представлении попечителя Молоствова от 10 февраля; кроме того, попечитель просил оставить в Казани весь нумизматический кабинет, «по отношению его к изучению всеобщей истории» [5]. На последнюю просьбу министр ответил отказом [6] и только после новой просьбы согласился на оставление в Казани «европейского отдела» кабинета [7]; что касается учебников и текстов с переводами, то министр, несмотря на тогда же выраженный протест профессоров Казем-Бека и Попова [8] против этих двух ограничений, в своем ответе на представление попечителя оставил вопрос открытым, решив передать его на заключение попечителя С.-Петербургского учебного округа [9]. Вследствие этого вопрос был подвергнут обсуждению в факультете, который в заседании 12 сентября 1855 г.[10] высказался отрицательно по поводу обоих ограничений, признав, что грамматики и словари необходимы для факультета и что второе ограничение «может заключать в себе важное лишение для восточного факультета, лишая его многих текстов, которые без переводов на европейские языки не изданы».

Когда факультет обсуждал этот вопрос, из Казани уже были доставлены ящики с рукописями и монетами, только еще не были раскрыты. Еще в мае [11] попечителем Мусиным-Пушкиным, по соглашению с министром, был решен вопрос о том, кому доверить доставление из Казани научных сокровищ Казанского университета и гимназии и кому поручить принятие посылки в Петербурге; первое поручение было возложено на библиотекаря проф. И. Ф. Готвальда, около того же времени составившего описание арабских рукописей Казанского университета [12], второе — на особую комиссию, в которую вошли профессора А. К. Казем-Бек А. О. Мухлинский и А. В. Попов и библиотекарь С.-Петербургского университета К. Ф. Бюш. Комиссия собиралась в первый раз уже 21 мая [13]; но только в июле [14] состоялось отправление из Казани 58 ящиков, из

[5] МИФВЯ, т. I, стр. 182—183.

[6] Там же, стр. 202.

[7] Там же, стр. 228 и прим.

[8] Там же, стр. 182, прим. 1

[9] Там же, стр. 202.

[10] Журналы заседаний факультета за 1855 г., № 3. Из дел факультета (1855 г., № 3, «о доставлении сведений и заключения касательно печатных грамматик и словарей, предполагаемых к удержанию в библиотеке Казанского университета») видно, что вопрос обсуждался на основании отношения департамента народного просвещения попечителю от 24 августа, № 6687.

[11] МИФВЯ, т. I, стр. 206, 207 и 212.

[12] Напечатано в УЗКУ за 1854 и 1855 гг.

[13] Протоколы заседаний комиссии помещены в деле факультета (дела 1855 г., № 17): «Дела комиссии для приема и передачи в СПб. библиотеку учебных пособий по факультету восточных языков».

[14] МИФВЯ, т. I, стр. 249 и сл.

которых, как потом оказалось, девять были наполнены книгами проф. А. В. Попова, присоединенными к казенной посылке на основании особого разрешения министра [15]. О прибытии этой посылки тогда же был извещен министр без всякого указания на то, что посылка заключала в себе не все подлежавшее передаче; к концу года [16] Казанскому университету была возвращена «из суммы на устройство факультета» израсходованная им на отправление посылки сумма 720 р. 40 к. (из них 10 руб. — на содержание отправленному с посылкой служителю и 10 руб. — на «непредвидимые расходы»), после чего министерство, по-видимому, считало дело о доставлении пособий из Казани поконченным.

Известие о прибытии проф. Готвальда и доставлении посылки было заслушано комиссией в заседании 17 августа, но разбор посылки пришлось отложить на том основании, что «помещения, предназначенные для библиотеки восточных языков, еще не приведены в надлежащее устройство и потому не представляется возможности раскрыть ящики». Из 49 ящиков два заключали в себе нумизматические собрания, один — книги Казанской 1-й гимназии, остальные 46 — китайские, монгольские и тибетские сочинения; для приема последних в состав комиссии был приглашен проф. В. П. Васильев, для приема монет — проф. И. Н. Березин [17]. Только 15 сентября библиотекарь Бюш, получивший за это время из Казани по почте, независимо от Готвальда, книги студенческой библиотеки, приступил к разбору ящиков. Не дождавшись окончания этой работы, проф. Готвальд в первой половине октября «без ведома комиссии» уехал из Петербурга, чем поставил комиссию, судя по отчету ее председателя Казем-Бека, в затруднительное положение. О приеме минц-кабинета проф. Березиным говорится в протоколе заседания комиссии 1 ноября, но прошло еще много лет, прежде чем минц-кабинет получил постоянное помещение и мог быть использован для педагогических целей [18]. Тюки и ящики с книгами и рукописями из Казани присылались в течение 1856 г. и в начале 1857 г.[19]. Вся работа по приему посылок лежала на библиотекаре Бюше, и заседания комиссии, как видно из отчета Казем-Бека, носили чисто формальный характер [20]. С весны 1857 г. доставление

[15] Там же, стр. 206.

[16] Там же, стр. 250, 286 и 305.

[17] И. Н. Березин с 1849 г. (после отъезда Казем-Бека) был директором нумизматического кабинета. См. его статью «Нумизматический кабинет».

[18] Только в октябре 1864 г. «собрание азиатских монет» было перенесено по представлению декана (10 октября, № 38) из сундука университетской кассы в комнаты бывшего зоологического кабинета, так как в сундуке оно не могло «быть употреблено для пользы науки» (дела факультета 1864 г.).

[19] В отчете Казем-Бека (в упомянутом деле факультета 1855 г., № 17) сказано, что с декабря 1856 г. до февраля 1858 г. не было никаких посылок; но о прибытии ящиков и тюков из Казани говорится также в протоколах заседаний комиссии 20 и 23 марта 1857 г. (там же).

[20] В отчете Казем-Бека, доложенном в заседании комиссии 20 апреля 1859 г., сказано: «Хотя комиссии не представлялось никаких особенных действий в приеме

посылок прекратилось; весной 1858 г.[21] С.-Петербургский университет по настоянию Казем-Бека обратился с запросом к правлению Казанского университета и от библиотекаря Готвальда получил ответ [22] (отношением от 20 августа 1858 г., № 1717), что книги удержаны в Казани «по местной надобности в оных». По поводу этого объяснения комиссия в заседании 31 января 1859 г. постановила, что «С.-Петербургский университет не может допустить другой местной надобности, кроме предвиденной уже в Высочайшем повелении от 22 октября 1854 г.» (имеется в виду оговорка о преподавании татарского языка в гимназии). В том же заседании комиссия постановила обратить внимание ректора С.-Петербургского университета на необходимость получить из Казани недоставленные книги, именно печатные сочинения «о Востоке и о восточных или азиатских языках, как-то истории, литературе, лексиконах, грамматиках и т. п.»; из таких книг факультет не получил ничего, «кроме только таких, которые ошибочно посланы между манускриптами и рукописями» (sic). Представление было сделано 16 февраля, но, по-видимому, не имело последствий, как и представление 22 апреля (на основании постановления комиссии 20 апреля) о закрытии комиссии и назначении библиотекарю Бюшу вознаграждения за труд. Комиссия номинально просуществовала еще два года; 24 мая 1861 г. в ответ на предложение совета от 4 октября 1860 г. № 1313 [23] комиссия вновь возбудила ходатайство о своем закрытии и о поручении дальнейшей переписки факультету совместно с библиотекарем. Между прочим, было постановлено просить попечителя «войти в сношение с гг. попечителями Казанского и Одесского учебных округов а) о истребовании сими последними от Казанского университета и Ришельевского лицея книг, не доставленных в комиссию, для приема оных назначенную, и следовавших к передаче в оную и о доставлении оных в библиотеку университета; б) о доставлении через посредство упомянутых гг. попечителей учебных округов сведения, по какой законной причине некоторые из означенных по каталогам и спискам книг исключены, а некоторые оставлены; в) какие из недоставленных книг не могут быть

полученных тогда и получаемых после, по почте из Казани и Одессы, книг и рукописей, на имя университетского библиотекаря, как только поверка их с их каталогами и списками по принадлежности, что в действительности производил г. библиотекарь Бюш, а свидетельствована была (sic) комиссиею, но она продолжала такое свое действие до сего времени».

[21] По отчету Казем-Бека «председатель комиссии должен был просить ходатайства ректора Казанского университета 17 февраля 1858 г. об ускорении высылки остальных книг». 9 апреля 1858 г. Бюш представил записку о получении 5 марта тюка с рукописями. В протоколе заседания совета 19 мая (протоколы за 1858 г., № 5) было доложено донесение председателя комиссии от 15 апреля № 39 «о недоставлении некоторых №№», вследствие чего было постановлено «донести попечителю, а также сообщить правлению Казанского университета».

[22] Доложен совету в заседании 22 сентября (протоколы за 1858 г., № 9).

[23] Протоколы заседаний совета за 1861 г., № 8.

переданы в библиотеку С.-Петербургского университета и по какой основательной причине» [24]. В тот же день, 24 мая постановление комиссии было одобрено советом. Закрытие комиссии последовало 28 августа предложением помощника попечителя (№ 4537), доложенным совету в заседании 9 сентября; в том же заседании совет постановил выразить благодарность бывшим членам комиссии [25].

Ответ из Казани на запрос о недоставленных книгах и рукописях последовал 5 мая 1862 г. (отношение управлявшего Казанским учебным округом № 1918), был передан С.-Петербургскому университету предложением попечителя от 23 августа (№ 2683) и доложен совету в заседании 12 сентября [26]. По поводу некоторых рукописей историко-филологический факультет Казанского университета по-прежнему, ссылаясь на отношение от 20 августа 1858 г., настаивал на оставлении их в Казани «по местной надобности», прибавляя, что эти рукописи факультет и теперь считает необходимым удержать по заключению преподавателя арабского языка Холмогорова и библиотекаря Готвальда «как пособия при изучении восточных языков. Историко-филологический факультет выставляет эту общую надобность в ответ на замечание комиссии С.-Петербургского университета, что она не признает никакой местной надобности, тогда как ей должно быть известно Высочайше последовавшее восстановление преподавания восточных языков в Казанском университете». Оставление в Казани грамматик, словарей и текстов с переводами оправдывалось ссылкой на донесение факультета совету 21 января 1855 г. № 10, тогда же одобренное советом, и факультет объявил, «что в сем случае он держится прежнего своего мнения, нужды факультета и голоса науки и ни в каком случае не может разделять мнения совершенно неизвестного ему библиотекаря Бюша, разделяемого комиссией и противоположного правилам, постановленным советом. На основании всего этого были удержаны и армянские печатные книги, значащиеся под №№ 131—162».

Резкий ответ, полученный из Казани, был передан на рассмотрение факультета восточных языков; заключение факультета было доложено совету в заседании 13 ноября 1862 г.[27]; как и следовало ожидать, оно заключало в себе только ссылку на буквальный текст высочайшего указа 22 октября 1854 г. Совет постановил просить о присылке книг и учебных пособий; но трудно было ожидать от этого решения практических результатов. Слишком ясна была связь тех слов указа, на которые ссылался факультет, с прекращением в Казани преподавания восточных языков, и трудно было ссылаться на эти слова после восстановления этого преподавания [28].

[24] Дела факультета за 1861 г., № 34.

[25] Протоколы заседаний совета за 1861 г., № 17.

[26] Протоколы заседаний временной комиссии за 1862 г., № 15.

[27] Протоколы заседаний временной комиссии за 1862 г., № 18. В журналах заседаний факультета за вторую половину 1862 г. нет следов обсуждения этого вопроса.

[28] См. выше, стр. 104—105.

Ни в делах факультета, ни в делах совета нет следов новых домогательств получить удержанные в Казани книги и пособия.

Из Одессы книги и рукописи также были получены значительно позже назначенного срока, хотя и по другим причинам. Ришельевский лицей не поднимал вопроса о восстановлении института восточных языков, не возражал против передачи книг и рукописей факультету и не требовал за них вознаграждения. Только для избежания «лишних издержек на пересылку» начальство Одесского учебного округа предварительно (еще в начале 1855 г.) прислало в Петербург каталог книгам и рукописям института восточных языков, предполагая, что некоторые из них могут оказаться для факультета излишними [29]. Только в июле каталог был сообщен попечителю Мусину-Пушкину [30]; декан Казем-Бек и библиотекарь Бюш, которым попечитель предложил этот вопрос, были склонны оставить часть книг в Одессе, но совет С.-Петербургского университета признал необходимым потребовать передачи в библиотеку факультета кроме рукописей также всех перечисленных в каталоге книг [31]. В декабре 1855 г. книги и рукописи в восьми ящиках были отправлены в Петербург [32]; израсходованные на эту пересылку 56 руб. 6 коп. были возвращены Ришельевскому лицею только летом 1858 г. [33]. При приеме книг в Петербурге еще в 1856 г. было замечено отсутствие некоторых упомянутых в каталоге сочинений, числившихся за преподавателем Шутовым [34]; запрос о недостающих книгах в последний раз был сделан в 1861 г.; в ответ на этот запрос попечитель Одесского учебного округа [35] известил об утрате шести книг, подлежавших исключению из каталога, так как вытребованные за них деньги были присоединены к экономической сумме лицея. С этим согласился совет С.-Петербургского университета, чем и закончилось дело о передаче книг и пособий бывшего института восточных языков.

Преподавательские должности, предусмотренные указом 22 октября 1854 г., ко дню открытия факультета еще не все были замещены; вместо трех лекторов, положенных по штатам, факультет имел в своем составе только одного, лектора персидского языка Н. Д. Сонина (крещеного перса). В факультете, учрежденном главным образом для удовлетворения потребностям государственной службы, отсутствие преподавателей-туземцев «для практических упражнений с учащимися» [36] было чувствительным

[29] МИФВЯ, т. I, стр. 173—175 и 187.

[30] Там же, стр. 239.

[31] Там же, стр. 273—276, 289—290.

[32] Там же, стр. 307.

[33] Там же, стр. 325, прим.

[34] Протоколы заседаний совета за 1856 г., № 1.

[35] Отношением на имя попечителя С.-Петербургского учебного округа от 30 сентября, № 2275; см. предложение попечителя 20 октября, № 5591, заслушанное в заседании временной комиссии 7 ноября (Протоколы заседаний временной комиссии за 1862 г., № 22).

[36] Выражение указа 22 октября (МИФВЯ, т. I, стр. 144).

пробелом, который едва ли мог быть пополнен переводами с русского языка на восточные, включенными в программу курсов большей части профессоров и адъюнктов[37]. Попечитель Мусин-Пушкин придавал такое значение практическому преподаванию, что, не отказываясь от замещения лекторских вакансий, независимо от этого еще в июне 1855 г.[38] вошел с представлением об учреждении новой должности «преподавателей практических уроков», предлагая назначить таких преподавателей для монгольского, китайского и новоарабского языков. В то же время попечитель ходатайствовал о назначении Абдюс-Саттара Казем-Бека (сводного брата знаменитого ученого), которому после отказа министра назначить его адъюнктом арабского языка[39] угрожало оставление за штатом, адъюнктом персидского языка[40]. Предположения попечителя были хорошо известны проф. Казем-Беку (вероятно, они были составлены не без его участия); в своей речи при открытии факультета он упомянул о том, что с предстоящим «в весьма скором времени» назначением еще одного адъюнкта, двух лекторов и трех преподавателей для практических занятий число всех факультетских преподавателей будет доведено до двадцати[41].

В то время, когда произносились эти слова, попечитель уже получил от министра отрицательный ответ на одно из своих предположений, об адъюнкте персидского языка; министр отказал на том основании, что такой должности по указу об учреждении факультета не положено[42]. Указ об увольнении за штат бывшего лектора Казанского университета Казем-Бека состоялся 15 сентября 1855 г.[43]. Проф. Казем-Бек, по свидетельству его биографа[44], был так огорчен за своего брата, что «в письмах к брату он даже говорил о намерении своем выйти в отставку». В заседании 20 сентября факультет еще раз постановил «ходатайствовать о скорейшем назначении адъюнкта персидского языка», но это ходатайство даже не было доведено до сведения министра[45]. Факультет указывал на невозможность «в настоящем положении состава преподавателей» довести преподавание персидского языка до «желаемого совершенства», но, когда вопрос об

[37] Там же, стр. 254—256.

[38] Там же, стр. 216—222.

[39] Кандидатом на эту должность он был выставлен в представлении попечителя от 12 ноября 1854 г. (там же, стр. 157 и 163), но министр предпочел ему М. Т. Навроцкого (там же, стр. 192 и 196).

[40] Характерно, что в этом случае попечитель употребил совершенно несоответствующее тексту его первой бумаги выражение: «Место адъюнкта персидского языка в восточном факультете С.-Петербургского университета, как я имел честь уже довести до сведения вашего высокопревосходительства, в отношении от 12 ноября 1854 г. № 6654, может с пользой занять мирза Абдюс-Саттар Казем-Бек» (МИФВЯ, т. I, стр. 217).

[41] Казембек, *Речь*, стр. 13.

[42] МИФВЯ, т. I, стр. 264.

[43] Там же, стр. 276.

[44] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 122, прим. 3.

[45] МИФВЯ, т. I, стр. 293, прим.

адъюнкте персидского языка в 1856 г. был поднят по поводу другого лица, А. Н. Мошнина, подавшего прошение еще в декабре 1855 г.[46], факультет на запрос совета, считает ли факультет «такого преподавателя необходимым в такой степени, что неопределение его сопряжено с явным ущербом для успешного преподавания персидского языка», ответил, что «неопределение г. Мошнина вовсе не принесет никакого ущерба для успешного преподавания персидского языка», хотя определение было бы полезно. Переписка по этому вопросу была прекращена в 1857 г. вследствие назначения Мошнина консулом в Трапезунд [47].

Иначе отнесся министр к ходатайству о назначении преподавателей практических уроков. Штаты факультета так недавно были утверждены, что возбудить вопрос об учреждении новых штатных должностей казалось министру неудобным, но к приглашению таких преподавателей «из платы, по найму», он не встречал препятствий. Выражения министра [48] заставляют полагать, что «преподаватели практических уроков», несмотря на отсутствие интерната при факультете, приравнивались им к «комнатным надзирателям» Казанской гимназии. Факультет, обсуждая этот вопрос в заседании 20 сентября [49], настолько отличал преподавателей практических уроков от лекторов [50], что, предлагая поручить практические уроки по персидскому языку лектору Сонину, признавал справедливым назначить ему за это особое вознаграждение. С этим министр не согласился, но определение практических преподавателей состоялось в феврале 1856 г., причем трое из них, бывшие комнатные надзиратели Казанской гимназии [51], получали по 400 руб. в год «из остатков штатных сумм на содержание факультета положенных»[52], хотя эти остатки составляли в то время не 1200 руб., а всего 1000 р. 46 к. По новоарабскому языку кроме получавшего жалование Ахмеда-бен-Хусейна тогда же был определен еще преподаватель без жалованья, Ф. И. Кельзи, еще в августе 1855 г. подавший

[46] Там же, стр. 304.

[47] Дела факультета за 1856 г., № 4 (об определении канд. Мошнина и. д. адъюнкта по кафедре персидской словесности), особенно запрос и. д. ректора декану (24 ноября 1856 г., № 1460) и ответ декана (29 ноября, № 94); последний подписан Казем-Беком и Мухлинским; в факультете запрос совета, насколько можно видеть из журналов заседаний, не обсуждался.

[48] МИФВЯ, т. I, стр. 256.

[49] Там же, стр. 291 и сл.

[50] Надо иметь в виду, что до 1865 г. (там же, т. II, стр. 13 и 22) лекторы были не только практическими преподавателями, но, как прежде в Казани, подготовляли студентов к слушанию лекций профессоров, сообщая им элементарные теоретические сведения. Ходатайствуя осенью 1857 г. о назначении награды лектору Сонину, декан Казем-Бек указывал, что «на нем лежит весьма важная и трудная обязанность приготовлять вновь поступающих студентов к дальнейшим их занятиям по 1-му разряду нашего факультета» (донесение декана ректору 5 октября 1857 г., № 64, в деле факультета за 1857 г., № 27: о преподавателях факультета восточных языков).

[51] Ср. МИФВЯ, т. I, стр. 109.

[52] Там же, стр. 311.

прошение об определении его лектором арабского и турецкого языков [53].

Из вопросов, возбужденных в 1855 г. попечителем и факультетом, оставался неразрешенным вопрос об определении симбирского муллы Хусейна Фейзханова практическим преподавателем турецко-татарского языка без жалованья, но с правами службы; на последнее министр не изъявил согласия[54]. Вопрос был вновь возбужден осенью 1857 г. вследствие прошения студентов, поданного ректору П. А. Плетневу и обсуждавшегося в заседании факультета 5 октября. Приводим из журнала этого заседания текст прошения, остающегося до настоящего времени едва ли не единственным примером инициативы студентов в деле организации преподавания на факультете.

«Студенты факультета восточных языков, сознавая крайнюю потребность в практических преподавателях турецкого и татарского (восточной России) языков, заботились о приискании себе таких преподавателей, без которых занятия их не могли идти по названным языкам успешно. Поиски их увенчались совершенным успехом. Татарин мулла Хусейн, казанский уроженец (?), прекрасно по-мусульмански образованный, знающий не только турецкий и татарский языки, но также арабский и персидский и свободно владеющий русским языком, изъявил готовность посвящать студентам несколько лекций в неделю для практических занятий татарским и турецким языками безвозмездно. Вследствие этого студенты факультета восточных языков осмеливаются обратиться к его превосходительству с покорнейшею просьбою дозволить мулле Хусейну заниматься со студентами этого факультета, первого и второго разрядов, турецким и татарским языками в самом университете, так как частные квартиры не представляют никакого к тому удобства, и (так) как при занятиях этих необходим ученопедагогический надзор факультетского начальства».

На этот раз определение Фейзханова состоялось, без жалованья, но и без прав службы[55]. Таким образом, факультет с 1857 г. имел в своем составе кроме лектора Сонина и каллиграфа Аминова еще пять практических преподавателей, из которых двое не получали никакого содержания. Факультет с 1857 г.[56] несколько раз возбуждал ходатайство о назначении практического преподавателя маньчжурского языка; осенью 1858 г. проф. Васильев, с которым согласился факультет, ссылался на «усиление наших сношений с Китаем», на «увеличение в самом факультете числа слушателей

[53] Там же, стр. 268, прим. 2. ⟨О Федоре Ивановиче (Абдаллахе) Кельзи (1819—1912) см.: Крачковский, *Очерки*, стр. 135. — *А. К.*⟩

[54] МИФВЯ, т. I, стр. 313, прим. ⟨См. еще: Сафиуллина, *Хусейн Фейзханов.* — *А. К.*⟩.

[55] МИФВЯ, т. I, стр. 323—324.

[56] По донесению проф. Васильева в факультет 11 марта 1857 г. (дела факультета восточных языков 1857 г., № 8). Совет в заседании 27 августа того же года (протоколы заседаний совета 1857 г., № 9) постановил: «представить ходатайство факультета и. д. попечителя, присовокупив, что экономические средства сего факультета недостаточны для назначения сему лектору жалованья».

маньчжурского языка» и просил приискать преподавателя «чрез сношение с генерал-губернатором Восточной Сибири»[57]; но за отсутствием средств это ходатайство факультета не могло быть удовлетворено[58].

Несмотря на инициативу студентов в 1857 г., лекции преподавателей-туземцев и в то время, как впоследствии, мало посещались студентами. Уже в 1860 г. факультет должен был выставить для студентов следующее объявление: «По определению факультета восточных языков, состоявшемуся 19 октября, объявляется студентам всех разрядов и курсов факультета восточных языков, что слушание лекций практических преподавателей есть обязательное, а потому студенты, не посещающие их лекций, на основании § 4 правил испытания и перевода студентов не будут удостоиваемы перевода в следующий курс, а также лишаемы прав на получение и пользование стипендией и приобретение ученой степени»[59].

Вопрос о правильной постановке практических занятий разговорным языком остается и до настоящего времени одним из самых трудных вопросов в жизни факультета; независимо от других причин, факультету даже при тех окладах, которые определены уставом 1863 г., трудно получить и удержать в своей среде способных преподавателей; еще труднее было это при прежних окладах лектора и практического преподавателя. До утверждения устава 1863 г. факультет привлек в свою среду еще одного преподавателя, перса мирзу Шафи, допущенного к преподаванию в 1861 г.[60] вместо Сонина (вышедшего в отставку еще в 1859 г.), с платой по найму в размере лекторского оклада. Выходом в отставку Ахмеда-бен-Хусейна (в 1858 г.) и смертью каллиграфа Аминова (в 1861 г.) факультет воспользовался для того, чтобы назначить содержание Кельзи и Фейзханову и дать лекторский оклад Гомбоеву. Ходатайство о Гомбоеве было возбуждено еще в 1858 г.[61], но увенчалось успехом только

[57] Донесение Васильева в факультет 10 сентября 1858 г. (дела факультета 1858 г., № 8).

[58] На запрос попечителя (9 января 1860 г., № 110), признавшего невозможным «в настоящее время ходатайствовать о назначении из государственного казначейства новых ассигнований» (протоколы заседаний совета 1860 г., № 1), совет на основании полученных от правления (10 февраля 1860 г., № 323) сведений ответил, что «нет средств содержать практических преподавателей маньчжурского и турецко-татарского языков из суммы, собираемой за слушание лекций» (протоколы заседаний совета 1860 г., № 3).

[59] Дела факультета 1860 г., № 44.

[60] Факультет еще в декабре 1859 г., заботясь о приискании преемника Сонину, получил «согласие персидского посланника отпускать персиянина мирзу Шафе (sic) для занятий со студентами без прав службы впредь до определения нового преподавателя» (донесение декана на имя ректора 21 декабря 1859 г., № 68, в деле факультета 1859 г., № 37). 22 сентября 1861 г. декан ходатайствовал перед правлением (донесение № 44) о том, чтобы жалованье мирзе Шафи считалось «со дня начала его занятий, т. е. с 1 февраля сего года» (в том же деле). Мирза Шафи официально был допущен к занятиям предложением министра от 13 сентября 1861 г., № 5296 (протоколы заседаний совета 1861 г., № 19).

[61] Дела факультета 1855 г., № 4 (донесение проф. Попова в факультет 4 сентября 1858 г.) и протоколы заседаний совета 1858 г., № 10 (заседание 13 октября 1858 г.).

в 1860 г.[62]. Перед этим, еще в 1859 г., факультет по предложению самого министерства возобновил ходатайство об учреждении должности практических преподавателей с правами службы; положенных по штату трех лекторов факультет предлагал заменить одним лектором и тремя практическими преподавателями [63]. Сознавая недостаточность вознаграждения, получаемого преподавателями, факультет несколько раз, обыкновенно без успеха, входил с ходатайством о назначении им денежных пособий и других наград; так, в 1860 и 1861 гг. факультет ходатайствовал о пожаловании Фейзханову «потомственного почетного гражданства в виде особой Высочайшей милости за доставленную им своим преподаванием весьма важную пользу студентам факультета»[64]; летом 1861 г. совет по ходатайству факультета изъявил свою благодарность Кельзи, Абдекаримову[65], мирзе Шафи и Фейзханову[66]. Весной 1862 г. факультет ходатайствовал об увеличении вознаграждения преподавателей до 600 руб.[67], осенью того же года — до 700 руб.[68]; последнее ходатайство было постановлено возбудить в заседании факультета 5 ноября 1862 г. вследствие письменного заявления Кельзи и Абдекаримова и словесного мирзы Шафи об отказе от преподавания вследствие недостаточности вознаграждения[69]. Совет согласился ходатайствовать об ассигновании этой суммы из сбора за слушание лекций. Гомбоев, которого факультет в 1861 г. предлагал возвести в доценты, умер в 1862 г.; определенными уставом 1863 г. четырьмя лекторскими окладами воспользовались Абдекаримов, Кельзи, мирза Шафи и Фейзханов[70].

В противоположность практическому преподаванию правила о числе и программах теоретических курсов по языкам и истории Востока и о распределении этих предметов по разрядам были утверждены еще до открытия факультета[71]; но вопрос о необходимости пересмотра этих правил был

[62] Дела факультета 1860 г., № 3 (предложение министра 10 мая 1860 г., № 3236). Гомбоев был подвергнут баллотировке в совете еще в заседании 12 января 1859 г., причем получил 23 избирательных и 2 неизбирательных голоса (протоколы заседаний совета 1859 г., № 1).

[63] Дела факультета 1859 г., № 26, и протоколы заседаний совета 1859 г., № 8 и 12.

[64] Дела факультета 1860 г., № 38 (донесение декана в совет 7 ноября 1860 г., № 58 и ректору 15 января 1861 г., № 3). Протоколы заседаний совета 1860 г., № 12 и 1861 г., № 1.

[65] Еще в представлении Васильева 4 мая 1860 г. о назначении Абдекаримову пособия в 75 руб. ему ставится в особую заслугу, что благодаря его преподаванию студенты, «можно сказать, одни из всех учащихся китайскому языку в Европе умеют объясняться на этом языке» (дела факультета 1860 г., № 21).

[66] Протоколы заседаний совета 1861 г., № 11.

[67] Протоколы заседаний временной комиссии 1862 г., № 9 (донесение декана 19 мая, № 28).

[68] Протоколы заседаний временной комиссии 1862 г., № 18.

[69] Журнал собрания факультета 5 ноября 1862 г. с пометкой: «исполн. 7 ноября № 46».

[70] Донесение декана в совет 4 октября 1863 г. № 23 с назначением содержания с 1 сентября (дела факультета 1863 г.).

[71] МИФВЯ, т. I, стр. 258.

возбужден уже на первых порах деятельности нового учреждения отчасти по другим причинам, отчасти в связи с новыми веяниями, которыми началось царствование Александра II и которые не могли не отразиться на взглядах правительства как на задачи университетского образования вообще, так и на задачи востоковедения. Только в эти годы был возможен такой факт, как указание правительства на необходимость заботиться прежде всего о «гармонической стройности каждого факультета, имеющей целью своею строгою полностью без излишества и без недостатка вести студента к избранной им ученой специальности»[72], и ответ декана факультета восточных языков. что назначение факультета «есть чисто практическое» и что «ученая цель» должна занимать факультет, лишь «насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских»[73]. Впоследствии споры между представителями министерства и представителями факультета носили, как мы увидим, совершенно иной характер.

По поводу тех же вопросов еще в 1856 г. обнаружилось среди самого факультета разногласие[74], скоро перешедшее на личную почву и принявшее форму тех раздоров, о которых упоминает проф. Березин в биографии Казем-Бека [75]. Разлад достиг кульминационного пункта осенью 1858 г. В заседании 12 сентября факультет постановил преподавание арабского языка вследствие болезни шейха Тантави поручить временно «гг. проф. Казем-Беку и испр. должн. адъюнкта Навроцкому[76], предполагая по одной лекции в неделю для того и другого в каждом из двух курсов»; в то же время декану предоставлялось разделить практическое преподавание между Кельзи и Фейзхановым. В заседании 27 октября факультет, в отмену первого постановления, поручил чтение лекций вместо шейха Тантави исключительно Навроцкому, практическое преподавание — исключительно Кельзи, причем декан Казем-Бек, подписывая протокол, «заявил о своем несогласии»[77]. Вопрос был перенесен в совет; в заседании совета 3 ноября произошла та бурная сцена между Казем-Беком и его товарищами по факультету, особенно Мухлинским, о которой упоминает в своем дневнике А. В. Никитенко[78]. По замечанию Никитенко, «совет высказался в пользу Казем-Бека», но из архивных документов видно, что это решение не было занесено в протокол, так как в следующем заседании 24 ноября было прочитано донесение шейха Тантави с просьбой, чтобы студенты двух старших курсов приходили заниматься к нему на дом, а студенты

---

[72] Там же, стр. 384.

[73] Там же, стр. 392.

[74] Там же, стр. 390, 393—395.

[75] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 122—123.

[76] ‹О Михаиле Тимофеевиче Навроцком (1823—1871) см.: Крачковский, *Очерки*, стр. 132—134. — *А. К.*›.

[77] Журналы собраний факультета за 1858 г.

[78] РС, т. 67, стр. 615.

1-го и 2-го курса занимались у Навроцкого и Кельзи. Это донесение, как сказано в протоколе заседания 24 ноября, «представило дело в ином виде», вследствие чего совет согласился с мнением факультета. В том же заседании совета был доложен отказ Казем-Бека от должности декана «по расстроенному здоровью» с передачей исполнения должности проф. Попову как старшему члену факультета[79]. С последней мерой факультет, по-видимому, был не согласен, так как в заседании 2 декабря постановил: «. . . в ожидании распоряжения совета по сему предмету признать проф. Попова исполняющим обязанности декана». С 16 января 1859 г. исполнение обязанностей декана по предложению ректора перешло к Мухлинскому[80], который в заседании 29 января того же года был избран деканом. В заседании кроме самого Мухлинского присутствовало всего четверо профессоров, которые все подали голос за него; Попов (не присутствовавший в заседании) получил все пять неизбирательных голосов. На основании этих выборов Мухлинский был утвержден деканом на четыре года. По истечении этого срока он был избран вновь в заседании 17 января 1863 г., в котором присутствовало (с самим Мухлинским) восемь профессоров, причем он снова получил все семь избирательных голосов; за Казем-Бека (не присутствовавшего в заседании) было подано два избирательных голоса и шесть неизбирательных. В 1859 г. Казем-Бек не посещал собраний факультета до 3 ноября, Попов — до 29 декабря. Как эти данные, так и устные рассказы деятелей этой эпохи, которые мне приходилось слышать, показывают, что представителями двух споривших между собою групп профессоров факультета считались Казем-Бек и Мухлинский[81], хотя, по-видимому, только первый обладал темпераментом инициатора и руководителя. За семь лет пребывания Мухлинского в должности декана (1859—1866) мы не нашли в делах факультета ни одного примера его личной инициативы; его именем, по-видимому, действовали его более энергичные товарищи, в особенности И. Н. Березин (ученик Казем-Бека, но, по его собственным словам[82], «почти постоянно» державшийся «не того мнения, которое заявлял» его учитель) и впоследствии В. В. Григорьев.

Проекты изменения в программах преподавания, предлагавшиеся факультетом с 1856 г., тогда не получили осуществления. Главная мысль

---

[79] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 12.

[80] Дела факультета 1858 г., № 13. Сведения об избрании заимствованы из журнала собрания факультета 29 января 1859 г.

[81] На замещении должности секретаря факультета несогласия среди его членов, по-видимому, не отражались. Непосредственно после избрания Мухлинского первый секретарь факультета М. Т. Навроцкий (из-за которого был обижен Казем-Бек) заявил о своем отказе от должности «по недостатку времени» (донесение 3 февраля 1859 г., дела факультета 1858 г., № 13); в том же месяце факультет избрал ему преемника в лице К. Ф. Голстунского, который и был утвержден предложением попечителя от 7 апреля, № 1337 (в том же предложении была выражена благодарность Навроцкому) и продолжал исполнять обязанности секретаря до 1888 г.

[82] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 123.

всех проектов сводится к необходимости включить в программу обучения студентов факультета некоторые предметы факультетов юридического и историко-филологического, особенно первого, сообразно их будущей службе, чтобы этим устранить односторонность получаемого ими образования и открыть им путь к более широкой карьере. Эту мысль, высказанную еще при обсуждении проекта Азиатского института Васильевым[83], разделяли как Казем-Бек, так и его противники, но осуществилась она гораздо позже. Незначительные изменения, произведенные в программах преподавания до 1863 г., были сделаны без участия факультета вследствие общих мер правительства; сюда относятся прекращение преподавания истории русского законодательства[84] (в 1857 г.) и преподавания русского языка для студентов-инородцев[85] (в 1860 г.). Когда в 1860 г. были установлены правила о приемных испытаниях при поступлении на различные факультеты, то поступавших на факультет восточных языков согласно заключению факультета было решено подвергать испытанию из русского языка, истории, географии и одного из новейших иностранных языков[86].

Более значения имел другой вопрос — о дальнейшем развитии преподавания истории Востока. По программам, утвержденным министром в августе 1855 г., исторические курсы должны были читаться профессорами отдельных восточных языков, притом не всеми; таковыми были курсы истории Персии (Казем-Бек), истории арабов (Тантави), истории и географии Оттоманской империи (Мухлинский), истории монголов с Чингизхана до настоящего времени (Попов), маньчжурской истории (Васильев)[87]. Еще в ноябре 1856 г. факультет, в противоположность составителям проекта 1829 г.[88] и проекта нового университетского устава, признавал невозможным существование отдельной кафедры истории Востока, «потому что исследование Востока представляет еще фактов слишком мало для того, чтобы они могли наполнить собою целую отдельную науку»[89]. Но уже в октябре 1857 г. факультет постановил ходатайствовать об учреждении двух исторических кафедр, истории (вместе с законодательством, древностями и даже историей литературы) восточной Азии и мусульманской Азии[90]. В заседании комиссии для устройства университетов

[83] МИФВЯ, т. I, стр. 67.

[84] Там же, стр. 334.

[85] Дела факультета 1860 г., № 29.

[86] Дела факультета 1860 г., № 17, и протоколы заседаний совета 1860 г., № 7 и 8.

[87] МИФВЯ, т. I, стр. 254—255.

[88] Там же, стр. 103; стр. 137, прим.

[89] Там же, стр. 387.

[90] Там же, стр. 396—397. Из журнала собрания факультета 5 октября видно, что между словами «истории» и «древностей» в обоих случаях должна быть поставлена запятая. В протоколе заседания совета вообще несколько изменен текст журнала собрания факультета; в п. 3 изменений по 2-му пункту в журнале заседания факультета сказано: «общую историю древних и средних веков»; в п. 4 — только «кавказские воспитанники V разряда не освобождаются от русской истории».

9 декабря 1861 г. А. В. Никитенко «заявил желание восточного факультета иметь особого профессора истории Востока»[91]. Это мнение теперь разделялось и Казем-Беком, которому, по-видимому, принадлежат выражения протокола 1856 г.; в отзыве Казем-Бека о представленной в декабре 1862 г. магистерской диссертации Г. К. Спасского-Автономова упоминается о «предполагаемой у нас и необходимой» кафедре истории Востока[92]. Это предположение факультета принадлежало к числу осуществленных уставом 1863 г.; доводы в пользу учреждения такой кафедры, изложенные в проекте устава[93], представляют единственный след тех соображений, которыми в этом случае руководился факультет. Несмотря на то что Казем-Бек в записке 1858 г. признавал преподавание истории «более серьезным», чем преподавание языков[94], факультет еще в 1862 г. смотрел на изучение истории Востока только как на средство к более «основательному знакомству» с языками. В связи с этим аргументом находилось и деление предмета истории Востока на три отдела по племенным группам (семитов, арийцев и урало-алтайцев), а не по историческим связям или периодам.

До учреждения новой кафедры факультет еще в 1858 г. по инициативе Казем-Бека принял некоторые меры к развитию исторических курсов, читавшихся профессорами и адъюнктами восточных языков, и даже к проведению в жизнь принципа, по которому чтение такого курса должно было быть обязательно для «каждого преподавателя по отдельной кафедре»[95]. О результатах этих мер можно судить по программам испытаний весны 1859 г.[96]. К курсам, упомянутым в программах августа 1856 г., прибавились курсы политической истории евреев и «турецкой истории» (т. е. истории среднеазиатских турков, впрочем доведенной только до VIII в. н. э.). История Маньчжурии была соединена с историей Китая; история монголов от Чингиз-хана до нашего времени была заменена историей монголов до Чингиз-хана, причем взгляды проф. Попова, очевидно принимавшего теорию Иакинфа Бичурина о происхождении упомянутых в китайских летописях народов, находились в полном противоречии с более научными взглядами проф. Березина. Некоторой полнотой отличались только курс истории Оттоманской империи и курс истории Китая; курс истории арабов был доведен только до первых Аббасидов, курс истории Персии — до нашествия Чингиз-хана. Требование читать исторический курс было обращено также к адъюнкту армянского языка Бероеву и отчасти удовлетворено им[97]; попытки читать историю Грузии, по-видимому, сделано не

[91] Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 69, стр. 100.

[92] Дела факультета 1862 г. Отзыв Казем-Бека о диссертации помечен датой: «10 декабря». Тема диссертации: «Исторический очерк Табаристана, Руяна и Мазандерана с древнейших времен до эпохи Сефевидов».

[93] МИФВЯ, т. I, стр. 381.

[94] Там же, стр. 337.

[95] Там же, стр. 336, прим.

[96] Там же, стр. 338 и сл.

[97] Там же, стр. 336, прим.

было. Сам Казем-Бек, как видно из его записи, мало надеялся на полное осуществление своих предположений, справедливо указывая, что история Востока «русскими учеными почти вовсе не разработана»[98].

К числу восточных языков, преподававшихся на факультете, почти тотчас после его учреждения были присоединены еще два языка, афганский и санскритский, причем в обоих случаях инициатива исходила не от факультета. Проект введения афганского языка в круг предметов факультетского преподавания был предложен академиком Б. А. Дорном еще в марте 1855 г.[99], в конце октября того же года передан на обсуждение факультета[100] и осуществлен высочайшим приказом 23 ноября[101]. Акад. Дорн, предлагая безвозмездно читать курс афганского языка, видел в осуществлении своего проекта политическую демонстрацию против Англии; факультет, поддерживая это предложение, указывал только на «политический и торговый интерес» языка[102]. Афганский язык был введен без причисления к какому-либо разряду, в качестве необязательного предмета для студентов всех разрядов. Первые слушатели акад. Дорна, студенты Безобразов и Мельгунов (будущий доцент), занимались афганским языком до окончания курса и весной 1856 г. подверглись испытанию из этого предмета, причем оба получили высшую отметку[103]. Прекращенное академиком Дорном в 1857 г. преподавание афганского языка более не возобновлялось и на ход развития русского востоковедения не оказало никакого влияния.

В тот же день, 23 ноября 1855 г. высочайшим приказом было разрешено (по-видимому, без предварительного обсуждения в факультете) «для полноты восточного факультета при С.-Петербургском университете открыть кафедру санскритского языка, коль скоро способы университета дозволят»[104] (т. е. предполагалось содержать кафедру на экономические средства государственного казначейства). Из выражений записки гр. Д. Н. Блудова, переданной кн. П. А. Вяземскому, можно заключить, что министр давно уже думал об учреждении этой кафедры и о поручении ее редактору ученых работ Императорской Публичной библиотеки К. А. Коссовичу[105], вероятно, под влиянием того же Коссовича и покровительствовавшего ему гр. Блудова[106]. Коссович в то время, по словам записки, безвозмездно

[98] Там же, стр. 337.

[99] Там же, стр. 188—189. ⟨Лившиц—Оранский, *Изучение пашто в Афганистане*; они же, *Изучение пашто в отечественной науке. — А. К.*⟩

[100] МИФВЯ, т. I, стр. 290—291.

[101] Там же, стр. 301.

[102] Там же, стр. 300.

[103] Дела факультета 1856 г., № 15 (об экзаменах студентов за 1855/56 г.).

[104] МИФВЯ, т. I, стр. 354.

[105] Там же, стр. 354—355 и прим. ⟨О Каэтане Андреевиче Коссовиче (1815—1883) см.: Кальянов, *Изучение санскрита в России*, стр. 151—152; ИИН, № 10836—10837; А. С. Шофман, *К. А. Коссович как востоковед (1815—1883)*, — ОИРВ, сб. VI, 1963, стр. 254—269. — *А. К.*⟩

[106] По словам Григорьева (*Петербургский университет*, прим. 417), Коссович по приезде из Москвы в Петербург (1849 г.) «встретил радушный прием в семействе

обучал санскритскому языку студентов С.-Петербургского университета — очевидно, частным образом, даже не в стенах университета[107]. Факультет обсуждал этот вопрос в декабре 1855 г. и тогда же представил подробный проект о введении вместе с преподаванием санскритского языка преподавания тибетского языка, о соединении этих двух предметов в новый, шестой разряд факультета и об отношении предметов этого разряда к предметам пяти прежних. Преподавание санскритского языка предполагалось поручить П. Я. Петрову, преподавание тибетского — В. П. Васильеву[108]. Проект не получил осуществления, хотя в ноябре 1856 г. факультет вновь ходатайствовал об учреждении кафедр санскритского и тибетского языков[109].

Преподавание санскритского языка было введено только осенью 1858 г. по инициативе самого К. А. Коссовича, вызвавшегося преподавать этот предмет безвозмездно[110]. Еще в ту же осень 1858 г. Коссович убедился, что преподавание языка, остающегося необязательным «при обязательности всех других факультетских предметов», не может идти успешно. В противоположность соображениям о культурно-историческом значении санскритского языка, высказанным факультетом в 1855 г., факультет на этот раз, руководясь только принципом «филологического родства», предложил соединить санскритский язык с персидским в новый (шестой) санскритско-персидский разряд, что и было утверждено министром[111]. Но учреждение

Д. Н. Блудова, расположению которого и обязан был преимущественно дальнейшим устройством своей судьбы». ⟨Очевидно, к этому относятся заметки В. В. Бартольда на полях стр. 118—119 принадлежавшего ему экземпляра книги издания 1909 г.: «О Коссовиче (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. VII, стр. 261). Тогда он был учителем тверской гимназии и доставлял сведения Погодину. Напечатал в Московском Сборнике 1847 г. перевод с санскрита драмы: «Торжество светлой мысли» (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. IX, стр. 44). Биогр⟨афические⟩ данные о Коссовиче в ⟨книге Барсукова⟩ *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. X, стр. 347 и сл. Сам говорит, что ему указал путь Хомяков, получил от него словарь Вильсона, давал уроки классических языков его племяннику Валуеву. В 1849 г. переселился в Петербург. . .» (далее обрезано при переплете); на стр. 119: «⟨Барсуков⟩, *Жизнь Погод⟨ина⟩*, кн. XI, стр. 115 и сл. о Коссовиче в публ⟨ичной⟩ библ⟨иотеке⟩ и о командировке в Лондон в 1850 г.; стр. 463 — об открытии им в Брит⟨анском⟩ муз⟨ее⟩ в 1851 г. списка Несторовой летописи; не подтвердилось. О наивности Коссовича и о его увлечении Корфом (там же, кн. XII, стр. 146). Русская грамматика, надписанная К. Аксаковым Коссовичу, Коссовичем в 1870 г. Н. П. Барсукову (там же, стр. 169). В 1853 г. в Москве (стр. 383)». — *Н. Т.* ⟩»

[107] Об этом преподавании не упоминает в истории Петербургского университета В. В. Григорьев.

[108] МИФВЯ, т. I, стр. 355—358. Не зная, что проект о тибетском языке не получил осуществления, Флейшер в статье *Die Facultät für orientalische Sprachen*, S. 520, сообщал, что «neuerdings noch Vorträge über drei andere orientalische Sprachen (афганский, тибетский и санскритский) angeordnet und beziehungsweise eröffnet worden sind».

[109] МИФВЯ, т. I, стр. 385, прим. 3.

[110] Там же, стр. 359—360.

[111] Там же, стр. 364—365.

нового разряда еще не обеспечивало существования кафедры. В 1860 г. Коссович согласно прошению, поданному им и поддержанному ходатайством факультета и совета, был назначен и. д. экстраординарного профессора, но сначала без содержания; только в 1861 г. ему был назначен соответствующий оклад из экономической суммы университета[112], чем было осуществлено предположение, высказанное еще в высочайшем приказе 23 ноября 1855 г. В число штатных кафедр кафедра санскритского языка была введена только уставом 1863 г. согласно ходатайству факультета, возбужденному еще в 1861 г.[113].

Из профессоров и адъюнктов, приступивших к чтению лекций 1 сентября 1855 г., факультет до 1863 г. лишился профессора арабского языка шейха Тантави (окончательно прекратил чтение лекций в начале 1859 г.[114], вышел в отставку в 1861 г.[115] и скончался 29 октября того же года), профессора монгольского языка А. В. Попова (оставил университет в начале 1860 г.[116] вследствие назначения главным инспектором училищ Западной Сибири) и адъюнкта армянского языка Н. А. Бероева (уволен в отставку в 1861 г. вследствие отрицательного результата баллотировки в совете 19 декабря 1860 г. [117] по вопросу о его оставлении на службе еще на пять лет). Только кафедру армянского языка факультет заместил новым лицом; лекции шейха Тантави и проф. Попова перешли к адъюнктам по тем же кафедрам, М. Т. Навроцкому и К. Ф. Голстунскому, которые оба по избрании совета (Голстунский — 22 февраля 1860 г.[118], Навроцкий —

---

[112] Там же, стр. 361—363.

[113] Там же, стр. 382, прим.

[114] Уже в протоколе заседания совета 3 февраля 1859 г., по донесению декана от того же числа, № 10, говорится о поручении Навроцкому вследствие болезни Тантави лекций по арабскому языку и на двух старших курсах (протоколы заседаний совета 1859 г., № 2; ср. выше, стр. 118—119).

[115] Уволен приказом министра от 31 января 1861 г., № 4 (протоколы заседаний совета 1861 г., № 4).

[116] Дела факультета 1860 г., № 2: «О назначении проф. Попова на новую должность». Донесение Попова в факультет было подано 14 января 1860 г.

[117] Протоколы заседаний совета 1860 г., № 14; при баллотировке было подано 11 избирательных голосов и 21 неизбирательный. Факультет в 1858 г., в заседании 12 сентября, постановил ходатайствовать о возведении Бероева и Будагова в звание экстраординарных профессоров (дела факультета 1858 г., № 5). Баллотировка вследствие ожидания решения попечителя по принципиальному вопросу о таких баллотировках (о возведении адъюнкта в профессорское звание или экстраординарного профессора в ординарные без повышения оклада) была произведена только 12 января 1859 г.; Бероев получил 15 избирательных голосов и 9 неизбирательных (протоколы заседаний совета 1859 г., № 1), но выборы не были утверждены товарищем министра (протоколы заседаний совета 1859 г., № 7, предложение товарища министра 13 мая, № 3375). В заседании 22 февраля 1860 г. (протоколы заседаний совета 1860 г., № 3) Бероев вместе с Голстунским баллотировался на должность экстраординарного профессора, причем Голстунский получил все 20 избирательных голосов, Бероев — только 3 избирательных и 17 неизбирательных.

[118] См. выше, прим. 117.

20 марта 1861 г.[119]) были возведены в звание и. д. экстраординарных профессоров. Других кандидатов на кафедру монгольского языка не было; по вопросу о замещении кафедры арабского языка факультету пришлось отклонить две нежелательные для него кандидатуры: сирийского иеромонаха Агапия и профессора арабского языка в учебном отделении при Азиатском департаменте Селима Нофаля. Оба кандидата предложили факультету свои услуги еще до объявления кафедры вакантной; Агапий — еще в 1859 г., Нофаль — в 1860 г. По поводу первой кандидатуры факультет осенью 1859 г. ограничился кратким ответом, что кафедра еще занята и что после ее освобождения он будет иметь о. Агапия в виду; но в феврале 1861 г., когда вопрос о замещении кафедры был поставлен на очередь, факультет по поводу той же кандидатуры заявил, что «не может предоставить эту кафедру лицу, почти неизвестному факультету и при том чуждому университетского образования»[120]. Более серьезной могла казаться кандидатура Нофаля, рекомендованного Азиатскому департаменту генеральным консульством в Бейруте; так как он заменил Тантави в учебном отделении, то товарищ министра иностранных дел считал вполне естественным, что ему будет также поручена кафедра арабской словесности в университете. Ответ факультета на этот раз был вполне определенный: «не зная ни ученой, ни педагогической деятельности» кандидата, факультет, однако, считал себя вправе «заявить, что его знания не могут быть приложимы к университетскому преподаванию арабского языка, так как он не знает русского языка, между тем от профессора арабского языка, который служит главной основой научного изучения всех мусульманских языков, требуется основательное и научное знание языка русского»[121].

Для замещения кафедры армянского языка перед факультетом были два кандидата, Г. А. Эзов[122] и К. П. Патканов. Первый в 1854 г. окончил курс историко-филологического факультета кандидатом по разряду восточной словесности[123], в 1858 и 1859 гг. выдержал при факультете испытание на степень магистра и 7 июня 1859 г. с успехом защитил диссертацию[124]. Второй (род. в 1833 г.), воспитанник главного педагогического ин-

[119] Протоколы заседаний совета 1861 г., № 4 (23 избирательных и два неизбирательных голоса).

[120] Дела факультета 1859 г., № 21 (донесение декана ректору от 22 февраля 1861 г. с ссылкой на заседание факультета 17 февраля; в журнале этого собрания об Агапии, однако, не говорится).

[121] Дела факультета 1860 г., № 31 (донесение декана ректору 28 октября 1860 г. № 57; также журнал собрания факультета 19 октября).

[122] ⟨Примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Эзов в 1852 г. был на похоронах Гоголя, передал цветы из гроба Н. П. Барсукову, другую половину уступил Растопчиной для Жуковского (⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. XI, стр. 539)». — *Н. Т.*⟩

[123] Григорьев, *Петербургский университет*, прилож., стр. XCVIII.

[124] Дела факультета 1858 г., № 8. Отзыв Бероева о диссертации «Внутренний быт древней Армении» содержит только похвалы; между прочим, сказано, что «г. Эзов первый указал на значение нахараров».

ститута[125], слушал в факультете только лекции по некоторым восточным языкам[126]; тотчас после того как была выставлена его кандидатура, он подал прошение о допущении его к экзамену на степень магистра; факультет, не ожидая официального разрешения, тотчас же приступил к производству испытания[127], но еще после определения Патканова и. д. адъюнкта вопрос о его праве быть допущенным к такому испытанию подвергался сомнению[128]. Тем не менее факультет в заседании 2 мая 1861 г., основываясь на рекомендации Броссе и Чубинова, отдал предпочтение второму кандидату, с чем в заседании 8 мая согласился и совет, избравший Патканова и. д. адъюнкта большинством 18 голосов против 2[129]; предложением министра от 6 октября (№ 5769) это избрание было утверждено[130].

Заботясь о пополнении своего состава, факультет в то же время принимал меры к установлению нравственной связи между факультетом и лучшими иностранными ориенталистами. В 1860 г. по представлению факультета[131] были избраны почетными членами университета знаменитые арабисты Рено и Флейшер, из которых первый руководил занятиями одного из бывших воспитанников факультета, готовившегося к занятию кафедры арабской словесности, — Гиргаса.

Число молодых ученых, готовившихся при факультете для замещения в будущем кафедр, уже в эти годы было довольно значительно; уже тогда жизнь выдвигала ту задачу факультета — быть рассадником научного востоковедения, — которая для самих членов факультета была еще не достаточно ясна. Уже из студентов первого выпуска (1856 г.) трое (Безобразов, Мельгунов и Пашино) были оставлены при университете на пятый год для приготовления к испытанию на степень магистра; Безобразов и Мельгунов уже 6 июня 1857 г. защитили диссертацию[132]. Всего получивших степень магистра при факультете до устава 1863 г. было восемь, из

---

[125] Биографию его см.: Веселовский, *Керопэ Петрович Патканов* и *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 89—97. ‹ О нем см. еще: ИИН, № 8669—8674. — *А. К.* ›

[126] Патканов был допущен к слушанию лекций по армяно-грузинско-татарскому разряду с разрешения попечителя, осенью 1855 г. (предложение ректора декану 17 октября 1855 г., № 1336, в делах факультета 1855 г., № 9).

[127] Записка Чубинова о Патканове была получена 2 марта 1861 г. (дела факультета 1861 г., № 34), 5 марта Патканов подал прошение о допущении к испытанию на степень магистра (протоколы заседаний совета 1861 г., № 7), 8 марта прошение было сообщено декану (предложением ректора, № 474), 15 марта Патканову уже было произведено испытание из языка, истории и литературы армян (дела факультета 1861 г., № 14).

[128] Предложение попечителя 5 июня 1861 г. (№ 3052) заключало в себе категорический отказ (протоколы заседаний совета 1861 г., № 11); в предложении 13 октября (№ 5435) говорится, что для допущения к испытанию требуется высочайшее соизволение, о чем возбуждено ходатайство (протоколы заседаний совета 1861 г., № 22).

[129] Протоколы заседаний совета 1861 г., № 7.

[130] Протоколы заседаний совета 1861 г., № 22.

[131] Дела факультета 1860 г., № 4 (постановлено в собрании факультета 15 января). Протоколы заседаний совета 1860 г., № 1 и 3.

[132] Дела факультета 1855 г., № 6 и 1856 г., № 16.

них один был преподавателем факультета (и. д. адъюнкта Патканов), четверо — воспитанниками последнего (Безобразов, Мельгунов, Лазарев[133] и Спасский-Автономов) и трое — воспитанниками бывшего разряда восточной словесности при историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета (Никитский, Килевейн[134] и Эзов); докторских диспутов не было. За тот же период еще четверо (Пашино[135], Гиргас, Максимов и Броссе)[136] выдержали испытание на степень магистра. Меры для приготовления молодых ученых принимались факультетом по пяти кафедрам: персидской словесности, арабской словесности, маньчжурской словесности, монгольской словесности и проектированной кафедры истории Востока.

Недостаточная обеспеченность кафедры персидской словесности сознавалась факультетом, как мы видели, уже при его учреждении. После Мошнина[137] первым предложил свои услуги факультету, еще в 1856 г., М. Никитский, первый по времени магистр факультета[138] (его диспут состоялся 22 апреля 1856 г.). В ноябре 1856 г. он подал прошение о допущении его к чтению лекций по персидской словесности в звании приват-доцента без жалованья, причем представил диссертацию pro venia legendi «Хафиз, как поэт мистический». Факультет в заседании 15 декабря постановил ответить, что такой преподаватель нужен факультету для двух первых курсов, вследствие чего от него требуется «основательное практическое знание персидского языка и в особенности точное и верное произношение, которое не иначе может быть приобретено, как путешествием на Восток и изучением языка практически на месте его употребления». Оттого факультет возбудил ходатайство о командировании Никитского на Восток сроком на один год с назначением ему пособия от университета[139]. Ходатайство было внесено в совет, но отклонено им за недостатком средств[140], после чего вопрос об этой кандидатуре более не возбуждался.

Из своих собственных воспитанников факультет готовил для занятия кафедры персидской словесности двоих, В. А. Максимова и Г. К. Спасского-Автономова (кавказского воспитанника); оба окончили курс канди-

[133] Дела факультета 1861 г., № 4 (диспут состоялся 16 марта 1862 г.).

[134] Дела факультета 1856 г., № 25 (диспут 30 марта 1858 г.).

[135] Дела факультета 1859 г., № 28 (испытания продолжались до конца марта 1860 г.). ⟨О Петре Ивановиче Пашино (1836—1891) см.: Гневушева, *Забытый путешественник. — А. К.*⟩

[136] Дела факультета 1860 г., № 24 и 1862 г. (испытания происходили в 1861 г. и весной 1862 г.). ⟨О Владимире Федоровиче Гиргасе (1835—1887) см.: ИИН, № 10732—10735. О Викторе Александровиче Максимове (?—?) см.: Кононов, *История изучения тюркских языков в России*, стр. 147. О Марии Ивановиче (Мари-Фелиситэ) Броссе (1802—1880) см.: Хантадзе, *Академик Мари Броссе*; Ливотова, *Основная литература*, стр. 495—496; ИИН, № 8445—8453. — *А. К.*⟩

[137] О нем см. выше, стр. 114.

[138] Дела факультета 1855 г., № 11.

[139] Дела факультета 1856 г., № 32.

[140] Протоколы заседаний совета 1856 г., № 15.

датами в 1859 г. и были оставлены на пятый год для приготовления к испытанию на степень магистра; Максимов закончил это испытание еще весной 1861 г.[141], Спасский-Автономов — весной 1862 г.[142], но первый не успел написать диссертации на утвержденную факультетом тему («Исторический обзор персидского государства в период могущества сельджукской династии»), второй 19 декабря 1862 г. защитил диссертацию[143] и отправился на Восток в 1863 г.[144] уже магистром. В отзыве Казем-Бека о его диссертации выражается, как мы видели[145], надежда на занятие им кафедры истории Востока; но ранее, в донесении декана 22 марта 1862 г. (№ 22) об отправлении молодых ученых за границу, говорится о намерении факультета приготовить Спасского-Автономова для занятия кафедры персидского языка[146]. Максимов еще при окончании курса, в мае 1859 г., выразил желание пятый год своего учения, против обыкновения, провести «в одной из персидских провинций, где наиболее развито национальное образование»[147]. Факультет одобрил это намерение и вошел в совет с ходатайством о командировании Максимова на Восток на два года, с назначением ему 2400 руб.; но совет постановил отложить дело до выдержания Максимовым испытания на степень магистра[148]. Через два года, осенью 1861 г., Максимов, выдержав это испытание (кроме диссертации), возобновил свою просьбу, к которой Казем-Бек присоединил следующее заключение: «По моему мнению, было бы справедливо, если бы факультет, имея в виду кандидата Максимова, чтобы со временем ему занять место адъюнкта или профессора по кафедре персидской словесности в нашем университете, благоволил ходатайствовать об отправлении сего молодого человека на

[141] Дела факультета 1859 г., № 13.

[142] Дела факультета 1861 г., № 34.

[143] Дела факультета 1862 г.; о теме см. выше, стр. 121, прим. 92. С 1862 г. изменяется порядок хранения и регистрации факультетских бумаг. Бумаги предшествующих лет распределялись по обложкам в зависимости от своего содержания, причем в одну обложку, под общим заглавием, соединялись бумаги за несколько лет, касавшиеся одного и того же предмета; нумерации подвергались не отдельные бумаги, а «дела» каждого года, причем дела, продолжавшиеся несколько лет, относились к тому году, в течение которого они начались; бывает, однако, что заглавие обложки не соответствует заключающимся в ней бумагам. С 1862 г., за исключением нескольких отдельных номеров, бумаги за один и тот же год соединялись в одну общую обложку и располагались в порядке поступления, иногда с нумерацией входящих и исходящих, но без распределения по предметам. <Состав факультетских дел, на которые ссылается В. В. Бартольд в своем труде, в дальнейшем претерпел значительные изменения в связи с передачей этих дел сначала в общеуниверситетский, а затем в Ленинградский областной архив. — *Н. Т.*>

[144] Об отъезде его за границу (16 февраля 1863 г.) упоминается в делах факультета 1863 г. (предложение попечителя 24 апреля № 2392 о лицах, командированных за границу).

[145] См. выше, стр. 120—121.

[146] Дела факультета 1862 г.

[147] Дела факультета 1859 г., № 13.

[148] Протоколы заседаний совета 1859 г., № 6.

три года на Восток (в Турцию, Египет и Персию) и по возвращении дозволить ему окончить свое испытание на звание магистра»[149] (т. е. защитить диссертацию). Вероятно, вследствие происходивших в то время в университете беспорядков ходатайство было внесено в совет только год спустя, в октябре 1862 г.[150], и удовлетворено министерством только в 1863 г. Кроме этих двух кандидатов магистр Мельгунов осенью 1860 г. также подал ректору прошение об определении его преподавателем персидского языка. Факультет (в заседании 30 сентября) дал свое заключение в отрицательном смысле, ссылаясь на то, что адъюнкта персидского языка по штату не положено, а на место лектора уже представлен мирза Шафи[151].

Имея в виду необеспеченность всех трех кафедр мусульманских языков, факультет еще в марте 1858 г. вошел в совет с ходатайством о командировании оканчивавших тогда курс студентов Гиргаса, Битепажа и Иванова на три года в ученое путешествие на Восток с предоставлением им выбора главного предмета[152]. Гиргас подал после окончания экзаменов прошение об оставлении его при университете на пятый год[153], но еще летом взял свое прошение обратно, «вследствие неожиданных обстоятельств отъезжая за границу»[154]. В сентябре того же года факультет в донесении совету о двух кандидатах, Гиргасе и Иванове, упоминает уже только об одной кафедре арабской словесности, для которой имелись в виду эти лица. Гиргас, по словам донесения, «избрал другой путь приготовления, взяв частное место и на неопределенное время отправившись в Париж»; Иванов готовился к испытанию на степень магистра, к которому собирался приступить осенью 1859 г.; окончательное решение свое по вопросу о выборе кандидата для замещения кафедры факультет откладывал [155]. Предположенное испытание Иванова не состоялось; Гиргас продолжал свои занятия в Париже, под руководством Рено; вернувшись в 1860 г. в Петербург, он приступил к испытаниям на степень магистра и закончил их (кроме диссертации) весной 1861 г. Еще до окончания этих экзаменов, в октябре 1860 г., факультет по поводу кандидатуры Нофаля (см. выше, стр. 125) писал, что на место адъюнкта арабской словесности имеется в виду Гиргас, «который избрал своей специальностью занятия арабской литературой и о котором лестно отзываются члены факультета и член парижского института и здешнего университета, известный ориенталист Рено»[156]. 10 февраля 1861 г. закончились экзамены Гиргаса; тогда же он сообщил факультету тему,

[149] Дела факультета 1859 г., № 12.

[150] Протоколы заседаний временной комиссии 1862 г., № 17 (заседание 15 октября, донесение декана 27 сентября, № 43).

[151] Дела факультета 1860 г., № 33.

[152] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 4 (заседание совета 14 апреля, донесение декана 20 марта, № 28).

[153] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 6.

[154] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 8.

[155] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 9.

[156] Дела факультета 1860 г., № 31.

избранную им для диссертации («Завоевание Египта Селимом I»[157]). Уже в заседании 17 февраля 1861 г. факультет постановил командировать Гиргаса по защищении им диссертации на Восток. Путешествие, однако, состоялось до защиты диссертации; высочайшим приказом 31 мая (№ 19) Гиргас был командирован на Восток на два года, с назначением 2400 руб. и с обязательством прослужить в звании преподавателя С.-Петербургского университета не менее шести лет[158].

По инструкции, составленной Навроцким, он должен был «заняться изучением арабского литературного языка, а также исследованием областных наречий: Сирии с Палестиной, Египта, Месопотамии, Ирака Араби и доступнейших мест Аравийского полуострова»[159]. Хотя молодой ученый посетил только Сирию, Палестину и Египет, все-таки его путешествие продолжалось дольше, чем предполагалось, и только весной 1864 г. он вернулся в Петербург.

Претендентом на кафедру маньчжурской словесности выступил еще осенью 1856 г. И. А. Ладухин, воспитанник Казанской гимназии и Казанского университета, до 1855 г. занимавший должность старшего учителя китайского языка в Казанской гимназии и после упразднения этой должности определенный помощником библиотекаря в С.-Петербургский университет[160]. 20 октября 1856 г. он подал в факультет прошение о прикомандировании его к отправлявшейся в Китай миссии, «принимая во внимание, что факультет доселе не имеет в виду человека, достойного для замещения маньчжурской кафедры». Прошение было поддержано В. П. Васильевым, находившим, что Ладухин «может по окончании своего путешествия сделаться полезным преподавателем при университете». С этим в заседании 1 ноября согласился и факультет; в черновом протоколе этого заседания записано рукой декана Казем-Бека карандашом следующее мнение факультета: «Факультет восточных языков более всех других факультетов имеет необходимость в такой мере, потому что исследование Востока — что составляет существенное его назначение — более всех других отраслей науки нуждается в личном, хотя кратковременном ознакомлении его исследователей с местными его языками и обычаями. Четырех- или пятилетние занятия молодых людей в университете восточными языками, даже и при существующих способах, не могут подвинуть так далеко их познаний, как кратковременное пребывание их на самом Востоке» (эти слова, в которых Казем-Бек, сам того не замечая, высказывал сомнение в пользе самого существования факультета, почти без перемен вошли в текст переписанного журнала заседания). Поэтому факультет ходатайствовал не только о прикомандировании Ладухина к миссии, с назначением ему

[157] Дела факультета 1858 г., № 9.

[158] Дела факультета 1861 г., № 9.

[159] Дела факультета 1862 г. (донесение Гиргаса на имя декана 15 сентября; получено 15 октября).

[160] МИФВЯ, т. I, стр. 229.

1500 руб. на путешествие и 500 руб. на приобретение книг и рукописей, но и о доставлении факультету «постоянных средств к отправлению молодых наших ориенталистов на Восток для усовершенствования их познаний». Последнее решение не имело результатов; прикомандирование Ладухина к миссии было разрешено, согласно ходатайству факультета, высочайшею властью по докладу министра 11 февраля 1857 г. Летом того же года Ладухин, уже из Иркутска, прислал известие, что миссия останется в этом городе до следующего года; с одобрения проф. Васильева он решил использовать это время для поездки на Амур. По несчастной случайности Ладухин во время этой поездки утонул в реке [161]. Других кандидатов для замещения кафедры маньчжурской словесности не было; уставом 1863 г. эта кафедра по ходатайству самого факультета [162] была уничтожена и соединена с кафедрой китайской словесности.

Разряд монголо-калмыцкой словесности, несмотря на ограниченное число слушателей этого разряда, дал несколько серьезно занимавшихся и возбуждавших надежды факультета студентов. Уже летом 1856 г. студент кн. Енгалычев сопровождал К. Ф. Голстунского в его поездке с научной целью в калмыцкие улусы Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерний; во время этой командировки он под руководством Голстунского должен был изучать калмыцкий разговорный язык [163]. Кн. Енгалычев окончил курс в 1859 г. и был оставлен на пятый год для приготовления к экзамену на степень магистра [164], но заболел осенью того же года [165], так что намерения факультета не осуществились.

В 1858 г. на лето были командированы в калмыцкие степи студенты III курса Лыткин и Михайлов (оба — стипендиаты министерства народного просвещения); в донесении проф. Попова по поводу этой командировки высказаны следующие взгляды на задачи факультета, сходные с взглядами Казем-Бека: «На факультет восточных языков должно смотреть, как на единственное специальное заведение, в котором, при изучении восточных языков, имеются в виду и условия науки и потребности государственного управления. Одни аудиториальные занятия восточными языками, при самых блестящих способностях и неутомимом усердии учащихся, недостаточны для полного факультетского образования; тут необходимо соединение теоретических знаний с практическими» [166]. Молодые люди были командированы на четыре месяца, причем каждому было назначено по 20 руб. в месяц [167]. Отчет Лыткина, представленный 31 ян-

[161] Дела факультета 1856 г., № 28. О смерти Ладухина Казем-Бек был извещен письмом из Казани от 20 февраля 1858 г.

[162] МИФВЯ, т. I, стр. 381 и 405.

[163] Дела факультета 1856 г., № 19.

[164] Дела факультета 1859 г., № 13, и протоколы заседаний совета 1859 г., № 9.

[165] Дела факультета 1859 г., № 15.

[166] Дела факультета 1858 г., № 2.

[167] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 2.

варя 1859 г., был признан настолько удовлетворительным, что ему, с разрешения начальства [168], была выражена благодарность факультета. Еще до разрешения вопроса о благодарности Лыткин в марте 1859 г. подал прошение о командировании его по окончании предстоявших ему экзаменов вновь на один год в калмыцкие улусы с выдачей ему стипендии за год вперед, на что и последовало согласие министерства [169]. В начале 1860 г. проф. Попов, сообщая факультету о своем выходе в отставку, предлагал возложить преподавание монгольского языка на Голстунского, преподавание калмыцкого языка — на Лыткина в звании лектора; последний вопрос был отложен факультетом до возвращения Лыткина и выдержания им испытания на степень магистра [170]. С разрешения попечителя командировка Лыткину была продолжена еще на один год, с 1 июля 1860 г.; кроме пособия в 150 руб., ассигнованного ему еще весной 1860 г. на обратный путь, ему теперь было назначено пособие в 350 руб. из экономической суммы университета [171]; но ещё до получения разрешения начальства на продолжение командировки факультет в феврале 1861 г. получил от Лыткина письмо с просьбой избавить его «от настоящего бесплодного путешествия» и выхлопотать ему место смотрителя уездных училищ на его родине, в Усть-Сысольске. В докладе, составленном в сентябре того же года, уже в Петербурге, молодой ученый между прочим писал: «Это двухлетнее путешествие ближе познакомило меня с безотрадным нравственным и материальным положением приволжских ойратов и убедительно напомнило мне мой нравственный долг — посвятить деятельность свою на пользу и просвещение земляков-зырян, положение которых, как теперь пишут, весьма грустное. В настоящее время необходима и важна та деятельность, которая посвящена на благо и пользу ближних» [172]. Таким образом, молодой ученый сознательно отказывался от предлагавшейся ему университетской деятельности ради служения родному краю и родному племени, которым он впоследствии посвятил целый ряд трудов.

К занятию кафедры истории Востока факультет, если не считать случайного упоминания о Спасском-Автономове (см. стр. 121), готовил двух молодых людей, окончивших курс в 1862 г., Радусь-Зеньковича (арабского разряда) и Минаева (китайско-маньчжурского разряда). Минаева факуль-

---

[168] Попечитель уведомил о своем разрешении предложением 8 апреля 1859 г., № 1364 (протоколы заседаний совета 1859 г., № 5).

[169] Дела факультета 1859 г., № 5, и протоколы заседаний совета 1859 г., № 4 и 7.

[170] Дела факультета 1860 г., № 2.

[171] Протоколы заседаний совета 1861 г., № 4 (предложение попечителя 10 февраля, № 769 на основании предложения товарища министра 15 января № 464). <Очевидно, сюда относится примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Встреча Погодина с Лыткиным в Апраксине в 1860 г.; о его любви к калмыкам (<Барсуков>, *Жизнь Пог<одина>*, кн. XVII, стр. 361)». — *Н. Т.*>

[172] Дела факультета 1859 г., № 5.

тет еще до окончания им курса, как видно из донесения декана от 22 марта 1862 г. (№ 22), постановил готовить к занятию кафедры «истории восточной Азии» [173]. В донесении проф. Коссовича, представленном в факультет 16 января 1863 г., говорится о возможности для Минаева занять впоследствии или кафедру сравнительного языкознания, или кафедру истории Востока [174]; в журнале соответствующего заседания факультета (17 января) вместо этого употреблено выражение: «истории северо-восточной Азии». Имя будущего доцента Мельгунова в качестве возможного кандидата на кафедру истории Востока упоминается только в журнале заседания 4 октября того же года [175], уже при действии нового устава.

Кроме мер к обеспечению кафедр факультет в интересах развития преподавания должен был принимать меры к созданию недостававших учебных пособий. Из пособий, составленных или начатых преподавателями факультета до 1863 г., в делах факультета и совета упоминаются: 1) «Записки учебной арабской грамматики» Навроцкого (представлены в факультет в декабре 1858 г. [176], выпущены в свет в 1860 г., к новому изданию приступлено в 1862 г.); 2) «Русско-арабские общественные разговоры» Кельзи (представлены факультету в сентябре 1862 г. [177], напечатаны в 1863 г.); 3) «Турецко-русский словарь» Мухлинского (представление о нем было внесено еще в 1856 г. [178]); 4) «Османская хрестоматия» его же (представлена факультету в январе 1857 г. [179], окончена печатанием в 1859 г.); в 1860 г. автору за этот труд был пожалован бриллиантовый перстень ценностью в 400 руб. и выражена благодарность великого князя Константина Николаевича; экземпляры через посольства были поднесены султану и шаху [180]; 5) «Турецкая хрестоматия» Березина (цензурный отзыв о первом выпуске был представлен Казем-Беком и Поповым в феврале 1856 г. [181], печаталась, с перерывами, до 1890 г.); 6) «Практическое руководство турецко-татарского адербиджанского наречия» Будагова (препровождено в факультет для отзыва попечителем в ноябре

---

[173] Дела факультета 1862 г.

[174] Дела факультета 1863 г. <Об И. П. Минаеве см. ниже, стр. 464, прим. 60.>

[175] Здесь в качестве кандидатов на эту кафедру названы рядом Минаев, Радусь-Зенькович и Мельгунов. <О В. Г. Мельгунове см. ниже, стр. 471, прим. 18.>

[176] Дела факультета 1858 г., № 14. Библиотекарь подписался на десять экземпляров (протоколы заседаний совета 1859 г., № 2).

[177] Дела факультета 1862 г. (представлено при прошении Кельзи 16 сентября; отзыв Навроцкого 24 сентября).

[178] Протоколы заседаний совета 1856 г., № 13 (заседание 19 ноября) и 1857 г., № 8 (заседание 25 июля: разрешено употребить на издание словаря 400 руб., пожертвованные камергером Шебеко). <Турецко-русский словарь А. О. Мухлинского издан не был; см. Kotwicz — Kotwiczówna, *Orientalista Antoni Muchliński*, стр. 56. — *А. К.*>

[179] Дела факультета 1857 г., № 3.

[180] Протоколы заседаний совета 1860 г., № 7.

[181] Дела факультета 1856 г., № 5. Цензурный отзыв проф. Попова касался уйгурских текстов.

1855 г. [182], напечатано в 1857 г.); 7) «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» его же (печатался с 1869 г., но был представлен в факультет через проф. Березина еще в 1862 г. [183]; 8) «Маньчжурская хрестоматия» Васильева (представлена в факультет в сентябре 1859 г.[184], напечатана в 1863 г.); 9) «Русско-калмыцкий словарь» Голстунского (представлен в факультет в январе 1859 г.[185], напечатан в 1860 г.); 10) «Русско-гайкано-французский словарь» Бероева (препровожден в факультет через совет в марте 1857 г.[186]; остался ненапечатанным); 11) «Грузинская антология» Чубинова (представлена в факультет в январе 1860 г.[187], напечатана под заглавием «Грузинская хрестоматия» в 1863 г.). К составлению таких пособий привлекались и студенты, но пособия последней категории остались неизданными; так, весной 1856 г. Мухлинский и Березин представили отзыв о составленном оканчивавшим тогда курс Пашино словаре, «который будет полнее словаря Троянского и Гиганова и которого каждое слово объясняется примерами» [188]; в марте 1857 г. Васильев рекомендовал факультету для напечатания маньчжурско-русский словарь, составленный студентом Цивильковым [189].

Кроме издания учебников в факультете в конце 1858 г., по инициативе проф. Попова, возник план составить полный каталог восточных книг и рукописей университетской библиотеки. Предполагалось распределить эту работу между девятью преподавателями факультета: Васильевым (сочинения китайские и маньчжурские), Голстунским (монгольские и калмыцкие), Гомбоевым (тибетские и санскритские), Сониным (персидские), Будаговым (турецко-татарские), Навроцким (арабские), Хвольсо-

---

[182] Дела факультета 1855 г., № 12. В отзыве Мухлинского и Березина (написанном рукой первого 26 ноября) это сочинение названо «весьма полезным руководством для академических лекций и для учебных заведений Кавказского округа».

[183] Дела факультета 1862 г. По отзыву Березина (полученному 10 марта), словарь, с некоторыми дополнениями и поправками, заслуживал напечатания на казенный счет с назначением в пользу автора известного числа экземпляров. <«Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. Будагова (т. I, СПб., 1869; т. II, СПб., 1871) переиздан фотомеханическим способом: М., 1960. — *А. К.*>.

[184] Дела факультета 1859 г., № 24 и 25.

[185] Дела факультета 1859 г., № 1. Проф. Попов в своем отзыве о словаре (10 марта) признавал необходимым напечатать его на казенный счет в числе 500 экз., а автору исходатайствовать награду, какую факультет признает приличной. В донесении декана 30 марта (№ 27) возбуждалось ходатайство об ассигновании 300 руб. на напечатание 500 экз. с доставлением 50 экз. библиотеке, остальных — автору и о назначении ему награды. Совет (в тот же день) одобрил первую часть предложения, а о награде постановил «иметь в виду в установленное для сего время» (протоколы заседаний совета 1859 г., № 4).

[186] Дела факультета 1857 г., № 6; протоколы заседаний совета 1857 г., № 3 и 6. Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 268.

[187] Дела факультета 1860 г., № 7.

[188] Дела факультета 1856 г., № 16 (отзыв написан рукой Березина).

[189] Дела факультета 1857 г., № 9.

ном (еврейские), Бероевым (армянские) и Чубиновым (грузинские) [190]. Совет, прежде чем дать свое согласие на такое издание, потребовал сведений о том, сколько оно может стоить [191]; факультет ответил на этот запрос только в марте 1859 г., что определить эту сумму заранее невозможно. Ответ факультета был «принят к делу» [192], т. е. последнее не получило дальнейшего хода.

На лекциях употреблялись в качестве учебных пособий не только печатные книги, но и рукописи; в донесении библиотекаря Бюша (осенью 1860 г.) на имя ректора о необходимости приобрести для библиотеки рукопись персидского сочинения *Анвāр-и сухайлӣ* (за 10 руб.) говорится, что «при помощи этого сочинения, употребляемого на лекциях по разряду арабско-персидско-турецкой словесности, студенты приучаются к чтению восточных рукописей» [193].

Если уже первые годы деятельности факультета наглядно показали, насколько эта деятельность отразится на успехах русского научного востоковедения, то нельзя сказать того же самого о том «чисто практическом назначении», которому сам факультет в эти годы отводил первое место; только таким назначением, по мнению факультета, могло быть оправдано существование казенных стипендий [194]. Факультет еще в 1856 г. предлагал распределить стипендии по отдельным разрядам сообразно потребностям, «какие могут иметь различные ведомства государственного управления» в чиновниках, знающих восточные языки[195]. Предложение, внесенное деканом, встретило сочувствие со стороны факультета и совета, и только министерство народного просвещения выступило защитником «необходимой свободы» молодых людей «в избрании того или другого разряда восточного факультета сообразно своим наклонностям и способностям» [196].

По предложенной факультетом схеме распределения стипендий предполагалось сосредоточить бóльшую часть стипендий министерства иностранных дел на арабско-персидско-турецко-татарском разряде (шесть из десяти) [197]. События конца 50-х годов и начала следующего десятилетия вызвали развитие сношений с государствами Дальнего Востока; в память Айгунского трактата 1858 г. и Пекинского договора 1860 г. при факультете были учреждены кяхтинским купечеством первые частные стипендии, стипендия имени Муравьева-Амурского [198] (высочайше утверждена

[190] Дела факультета 1858 г., № 5.
[191] Протоколы заседаний совета 1858 г., № 13.
[192] Протоколы заседаний совета 1859 г., № 3 (донесение декана 16 марта).
[193] Дела факультета 1860 г., № 36.
[194] МИФВЯ, т. I, стр. 392.
[195] Там же, стр. 349.
[196] Там же, стр. 353.
[197] Там же, стр. 351.
[198] ПСЗ, № 36199. Предположение купечества об учреждении стипендии поступило на рассмотрение факультета еще осенью 1858 г. (дела факультета 1858 г., № 11).

3 октября 1860 г.) и Николая Игнатьева [199] (4 апреля 1861 г.), причем эти стипендии по своим размерам [200] (525 руб. в год) значительно превосходили казенные (300 руб. в год). Воспитанникам факультета открывалось новое поприще, которому сам факультет придавал такое значение, что условия этих стипендий были признаны указанием самой жизни на необходимость соединить, вопреки установленному в августе 1855 г. делению разрядов, изучение монгольского языка с изучением китайского и маньчжурского; вопрос об этой мере, осуществленной уже при действии нового университетского устава, был поднят еще в 1861 г.[201].

Привлечение воспитанников факультета к дипломатической службе в Китае не встречало внешних препятствий; министерство народного просвещения беспрепятственно освобождало своих стипендиатов [202] от обязательной службы по своему ведомству и позволяло им поступать на службу по министерству иностранных дел; перед отправлением в Пекин новой духовной миссии факультету в 1856 г. был сделан запрос, нет ли воспитанников факультета, заслуживающих ходатайства о прикомандировании их к миссии [203]; в 1863 г., после отделения светской миссии от духовной, такой же запрос был сделан относительно светской миссии [204]. Но попытка факультета воспользоваться для приготовления таких деятелей стипендиями министерства иностранных дел не имела успеха. Осенью 1858 г. факультет, не имея других свободных стипендий, ходатайствовал о назначении студенту Архипову «при нынешних усиленных сношениях с Китаем» стипендии министерства иностранных дел [205]. Азиатский департамент ответил в начале 1859 г. отказом, ссылаясь на то, что имевшаяся вакансия предоставлена «исключительно» в пользу сыновей чиновников министерства [206] — назначение, в пользу которого едва ли могли бы быть приведены юридические мотивы. Архипов осенью 1859 г. получил освободившуюся стипендию министерства народного просвещения [207]; этот случай тем более характерен, что тот же студент в 1861 г., после окончания

---

[199] ПСЗ, № 36821.

[200] Установление такого размера было результатом обсуждения вопроса в заседании совета 3 ноября 1858 г. (протоколы заседаний совета 1858 г., № 11). В проекте, предложенном совету попечителем, говорилось об учреждении стипендий обычного размера (300 руб.); совет постановил увеличить сумму до 525 руб. по примеру существовавших в то время молдавских стипендий.

[201] МИФВЯ, т. I, стр. 445.

[202] Например, Цивилькова в 1859 г. (дела факультета 1859 г., № 16), Бакшта в 1860 г. (дела факультета 1860 г., № 34), Четверухина в 1860 г. (дела факультета 1860 г., № 46) и др.

[203] Дела факультета 1856 г., № 30.

[204] Дела факультета 1863 г. (предложение попечителя 12 января 1863 г., № 242).

[205] Журнал заседаний факультета 27 октября 1858 г. и дела факультета 1858 г., № 10.

[206] Протоколы заседаний совета 1859 г., № 2 (с ссылкой на отношение Азиатского департамента попечителю 8 января, № 32).

[207] Дела факультета 1859 г., № 14.

курса, все-таки был принят на службу по министерству иностранных дел с освобождением от обязательной службы по тому ведомству, по которому получал стипендию [208].

Можно привести также несколько характерных случаев по вопросу об определении воспитанников факультета на службу внутри империи. Осенью 1859 г. от генерал-губернатора Западной Сибири, генерал-от-инфантерии Гасфорта [209], поступил запрос, не желает ли кто из окончивших курс факультета занять вакантную должность старшего переводчика татарского языка при генерал-губернаторе, причем от кандидата требовалось также знание языков арабского и персидского и умение свободно изъясняться на них устно и письменно; за все это предлагался оклад в 400 руб.[210]. Желающих не оказалось, о чем осенью следующего года [211] был уведомлен генерал-губернатор. Еще более характерное предложение было сделано факультету летом 1863 г.: вызывался желающий занять место переводчика маньчжурского языка при губернаторе Амурской области, причем «на подъем» предлагался *полугодовой* оклад — 150 р. И этот призыв не нашел отклика [212]. Более выгодное место переводчика получил в начале 1860 г. воспитанник факультета Турминский, определенный переводчиком к пленному Шамилю с зачислением в чиновники инспекторского департамента военного ведомства с окладом 800 руб. в год и с назначением 200 руб. единовременно на обмундировку [213]. Причисление к воен-

[208] Дела факультета 1861 г., № 19.

[209] О характере этого администратора ср.: Валиханов, *Сочинения*, стр. XXXIII.

[210] Протоколы заседаний совета 1859 г., № 11.

[211] Предложение ген.-губернатора вновь было сообщено совету и факультету весной 1860 г.; тогда же по этому делу отмечено: «Донесено г. ректору, что из окончивших и оканчивающих курс студентов вост. фак. никто не изъявил желания занять должность переводчика татарского языка» (21 марта, № 18). Летом и. д. декана Д. И. Чубинов вновь получил предложение ректора (№ 1380, 29 июля) о том же (дела факультета 1860 г., № 11); только в октябре (донесение декана 10 октября) совет был извещен, что нет кандидатов на предложенную должность (протоколы заседаний совета 1860 г., № 11).

[212] Дела факультета 1863 г. (копия предложения попечителя 7 июня, № 3499) и журнал заседаний факультета 7 сентября 1863 г.

[213] Протоколы заседаний совета 1860 г., № 2 (предложение министра 13 января, № 136). Вопрос о назначении Турминского был решен еще в 1859 г., вследствие чего он в октябре и ноябре был допущен к окончательным испытаниям и удостоен степени кандидата (дела факультета 1859 г., № 30). Турминский несколько раз упоминается в дневнике состоявшего при Шамиле полковника А. И. Руновского. В феврале 1860 г. Руновский писал, что Турминский «еще очень нуждается в изучении арабского языка практически в продолжении по крайней мере одного месяца. До настоящего времени, в переводе своем, он сделал несколько капитальных ошибок, о которых Шамиль не знал, что и подумать» (АКАК, т. XII, стр. 416). В мае того же года недоразумения между Шамилем и Турминским уже объяснялись иначе: «Нет сомнения, что Турминский знает арабский язык хорошо; в этом удостоверяют и рекомендации университетского начальства, и собственные отзывы горцев, которые говорят, что один Турминский знает арабский язык больше, чем все они взятые вместе. Это-то самое, может быть, и есть причина того, что они не хорошо разумеют друг друга. А кроме того выговор-

ному ведомству, однако, не оказалось достаточным обеспечением; в феврале 1863 г., по случаю предстоявшего упразднения должности переводчика при Шамиле, Турминский подал в департамент министерства народного просвещения прошение об определении его преподавателем. На прошении, препровожденном в университет, деканом Мухлинским сделана следующая надпись: «Факультет восточных языков теперь не имеет вакантного места преподавателя мусульманских языков и не предвидит, чтобы такое место могло открыться в скором времени, посему не находит возможным удовлетворить желание г. Турминского» [214].

По отношению к практическим задачам факультета надежды, ради которых Петербургу было оказано предпочтение перед Казанью, не оправдались, и это сознавало само правительство. Министр Е. П. Ковалевский, лично посетивший Казанский университет летом 1860 г.[215], тогда же выразил сожаление «о переводе означенного факультета в С.-Петербург», и на это замечание последовала высочайшая резолюция: «Сообразить, нельзя ли вновь учредить там восточный факультет, упразднив таковой здесь». Факультету, однако, даже не было сделано запроса о способах осуществить высочайшую волю; министерство само понимало, что такая попытка могла бы только привести факультет в полное расстройство, так как профессора и преподаватели уже успели привыкнуть к условиям жизни и научной работы в столице [216]. Факультет остался в Петербурге, а в Казани были учреждены только две кафедры восточных языков (см. выше, стр. 104—105).

Существование факультета еще раз подверглось опасности в конце следующего, 1861 г., когда С.-Петербургский университет вследствие происходивших в нем беспорядков высочайшим повелением 20 декабря был закрыт с увольнением за штат всех профессоров и других должностных лиц и с предоставлением студентам права поступить в другие университеты [217]. Осуществление этой меры во всей строгости поставило бы профессоров и студентов факультета восточных языков, единственного во всей России, в безвыходное положение, и факультету угрожала гибель от причин, в которых его студенты были повинны менее других [218]. На са-

---

его, вообще довольно непонятный, еще более затрудняется природной его робостью, значительно усиливающейся в присутствии человека незнакомого» (там же, стр. 1436).

[214] Дела совета 1863 г., № 15: «По предложению попечителя учебного округа касательно определения кандидата Турминского преподавателем в С.-Петербургский университет или в одно из посольств».

[215] Владимиров, *Историческая записка*, т. II, стр. 462.

[216] МИФВЯ, т. I, стр. 527.

[217] Там же, стр. 366 и 372.

[218] Там же. Представители факультета принимали участие во всех комиссиях этого периода (между прочим, и в 1861 г. в комиссии по вопросу о допущении в университет женщин, где представителем факультета был К. Ф. Голстунский, при участии которого вопрос *единогласно* был решен в утвердительном смысле, см. протоколы заседаний совета 1861 г., № 18 и 21); только по вопросу о происшествии 28 ноября 1861 г. факультет

мом деле уже в конце декабря 1861 г. стало ясным, что само правительство считает закрытие университета только временным, что открытие его последует тотчас после утверждения нового устава, что в течение этого промежуточного периода все профессора сохранят свои должности с прежним окладом и даже управление университета останется в руках выборной коллегии профессоров под названием «временной комисии» [219].

В интересах студентов факультета восточных языков, не имевших возможности поступить в другие университеты, было необходимо принять еще другие меры. Во всеподданнейшем докладе министра А. В. Головнина 20 января 1862 г. испрашивалось разрешение немедленно открыть вместо факультета особый «Восточный институт», но с подчинением его управлявшей университетом временной комиссии [220]; т. е., очевидно, предполагалось после открытия университета вновь преобразовать институт в факультет. Доклад по высочайшему повелению был подвергнут обсуждению в совете министров, после чего высочайшей волей 25 января было разрешено, не прибегая к учреждению института, возобновить лекции в факультете восточных языков [221], что было исполнено 1 февраля 1862 г. [222]. С этого времени до осени 1863 г. факультет восточных языков был единственным факультетом университета, на котором читались лекции.

Из переписки по этому вопросу видно, что, по отзыву попечителя Г. И. Филипсона, факультет «составлял славу Петербургского университета и России» [223], но что даже представители самого университета находили в факультете «все условия отдельного заведения» и признавали связь между ним и университетом «единственно в отношении помещения» [224]. Немедленное открытие факультета, в том или ином виде, считалось необходимым только «для практических целей государственной жизни» [225]. По-видимому, только желание избегнуть бесполезных расходов побудило правительство сохранить факультет как часть университета и отвергнуть проект учреждения особого восточного института.

Из дел, предлагавшихся за это время правительством на заключение факультета (кроме цензурных отзывов о сочинениях на восточных языках и т. п.), можно привести представление попечителя Казанского учебного

не нашел нужным назначить своего представителя в созванный по этому делу суд, так как среди привлеченных к ответственности не было ни одного студента факультета (журнал заседаний факультета 2 декабря 1861 г.). В начале 1862 г. факультет с успехом хлопотал об обратном приеме исключенных за беспорядки студентов Шуйского и Георгиевского (дела факультета 1862 г., № 3 и протоколы заседаний временной комиссии 1862 г., № 1 и 2).

[219] МИФВЯ, т. I, стр. 367, и Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 314.

[220] МИФВЯ, т. I, стр. 374.

[221] Там же, стр. 371 и прим.

[222] Там же, стр. 376 и 377, прим. 1.

[223] Там же, стр. 367.

[224] Там же, стр. 370.

[225] Там же, стр. 374.

округа 18 октября 1862 г. об усилении преподавания татарского языка в Оренбургской гимназии. Мнение по этому вопросу было представлено, по поручению факультета, проф. Березиным 1 декабря того же года и принято факультетом в заседании 3 декабря; в записке проф. Березина был затронут и принципиальный вопрос о преподавании восточных языков в средней школе. Автор записки признавал, что татарский язык «ни в каком случае не может быть предметом общего образования в русских учебных заведениях» и что «приготовление ученых никак не может входить в область гимназического воспитания»; только для тех лиц, которые по окончании гимназического курса поступают прямо на службу в местности, где татарское население довольно значительно, им допускалось факультативное преподавание восточных языков в старших классах с освобождением от физики и одного из новых языков. В пользу такой меры не верил, однако, сам проф. Березин; по его мнению, «продолжительный опыт как в 1-й Казанской гимназии, так и в Оренбургской показал, что с одной стороны воспитанники нередко оставляют совсем восточные языки по выходе из гимназии, а с другой стороны они не приобретают в гимназии достаточных познаний для занятия мест переводчиков». Тот же опыт «показывает, что с одной стороны учащиеся, не обладая вполне языками, изъявляют притязание на высшие места, а с другой стороны, начальство обращается к ним с большими требованиями и, за неудовлетворением таковых, отказывает во всяком месте и не заботится о том, чтобы воспользоваться чиновником, которого, может быть, и не совсем удовлетворительные познания могут принести более пользы, чем полное незнание другого кандидата на место» [226]. Все это, конечно, можно было сказать не только о начале 60-х годов и не только о воспитанниках гимназий.

[226] Дела факультета 1862 г.

VI

ФАКУЛЬТЕТ ПРИ ДЕЙСТВИИ УСТАВА 1863 г.

По указу 22 октября 1854 г. в факультете на девять кафедр полагалось 16 штатных преподавателей (девять профессоров, три адъюнкта, три лектора и учитель каллиграфии); министерское распоряжение 15 февраля 1856 г. присоединило к этому числу еще трех преподавателей практических уроков, но эта должность не была утверждена в законодательном порядке, и содержание занимавшим ее лицам должно было уплачиваться «из остатков штатных сумм на содержание факультета положенных» [1]. Если в 1856 г. эти остатки были недостаточны для уплаты жалованья преподавателям, так что для пополнения этого недостатка приходилось пользоваться суммами по свободным стипендиям [2], то в 1863 г., накануне введения нового устава, число преподавателей факультета не достигало числа, определенного штатами. Если не принимать в расчет нештатной профессуры санскритского языка с окладом из экономической суммы университета, то на факультете было всего восемь профессоров вместо девяти, два адъюнкта вместо трех, один лектор и два практических преподавателя (кроме учителя каллиграфии) вместо трех лекторов [3].

Устав 1863 г. увеличил число штатных преподавателей до 21 с сохранением прежнего числа кафедр. Были учреждены новые кафедры санскритского языка и истории Востока, но зато были уничтожены самостоятельные кафедры маньчжурской словесности (соединена с кафедрой китайской словесности) и грузинской словесности (соединена с кафедрой армянской словесности). Факультет впоследствии, уже при действии устава 1884 г., указывал на такое неудобство соединения в одну кафедру двух обширных предметов [4]; но в 60-х годах эта мера была принята по инициа-

[1] МИФВЯ, т. I, стр. 311.

[2] Еще осенью 1859 г. совет постановил «ввиду существующей передержки просить факультет при предложениях о назначении на могущие открыться вакансии иметь в виду эту передержку, покрываемую на счет стипендий, и уравнять расход с действительным штатным назначением, для избежания могущей произойти сбивчивости в счетах» (протоколы заседаний совета 1859 г., № 12).

[3] Так по справке бухгалтера в отношении правления факультету от 28 сентября 1863 г., № 1097 (дела факультета 1863 г.).

[4] МИФВЯ, т. II, стр. 179.

тиве самого факультета [5]. Общее число штатных преподавателей также вполне соответствовало желаниям факультета; еще в 1861 г. факультет даже соглашался довольствоваться меньшим числом [6] (19). В записке проф. Березина число преподавателей, как и в уставе, доведено до 21, хотя с несколько иным распределением должностей (шесть доцентов, как и в постановлении 1861 г., вместо восьми, два лектора и четыре практических преподавателя вместо четырех лекторов [7]). По ходатайству факультета оба адъюнкта (Патканов и Будагов) были переименованы в штатные доценты; четыре лекторские вакансии перешли к Кельзи, мирзе Шафи, Фейзханову и Абдекаримову; все эти назначения состоялись уже в 1864 г.[8]. Девятую профессорскую вакансию занял, конечно, Коссович, бывший до тех пор сверхштатным профессором. Так как доцентов было всего два вместо шести, то факультет воспользовался этим для привлечения в свой состав десятого профессора, В. В. Григорьева, занявшего вновь учрежденную кафедру истории Востока. На основании § 113 устава 1863 г. Григорьев был возведен советом в степень доктора, 9 декабря 1863 г. избран ординарным профессором и уже в том же месяце утвержден в должности [9].

Образование особой кафедры истории Востока побудило почти всех профессоров, занимавших кафедры языков, прекратить читавшиеся ими раньше исторические курсы. Уже в программах преподавания на 1863/64 академический год из исторических курсов, кроме курсов проф. Григорьева, названы только введение в историю турецкой литературы, «заключающее в себе исторический и этнографический обзор всех нынешних турецких племен в России и Азии» (проф. Березин), история армянского народа до 150 г. до н. э., краткий очерк географии древней Армении, внутреннее устройство древней Армении (доц. Патканов), введение в историю

---

[5] Там же, т. I, стр. 381 и 405.

[6] Там же, стр. 399 и 400.

[7] Там же, стр. 404—405.

[8] Ходатайство факультета о возведении адъюнктов Будагова и Патканова в доценты, преподавателей Фейзханова, Кельзи, Абдекаримова и Шафи — в лекторы было возбуждено 4 октября 1863 г. (донесение декана в совет, № 23; дела факультета 1863 г.). Назначение доцентом Патканова, уже имевшего степень магистра (см. выше, стр. 127), не представляло затруднений; назначение Будагова состоялось по высочайшему повелению 25 апреля 1864 г. по всеподданнейшему докладу министра (дела факультета 1864 г., вход. бумага № 22, из совета 22 мая, № 559). Об утверждении Абдекаримова, Кельзи и Шафи лекторами университет был уведомлен предложением попечителя 25 февраля 1864 г., № 1082 (дела факультета 1864 г., из совета 14 марта, № 273).

[9] О Григорьеве факультету было сделано предложение ректором 7 октября 1863 г. (№ 1009); в заседании 14 октября факультет возбудил ходатайство о возведении его в степень доктора; постановление совета состоялось в заседании 4 ноября, большинством 13 избирательных голосов против 7 неизбирательных. 23 ноября (№ 28) последовало донесение декана в совет об избрании Григорьева ординарным профессором; избрание состоялось в заседании совета 9 декабря (дела факультета за 1863 г.); об утверждении последовал приказ министра 24 декабря, № 36 (дела факультета 1864 г., вход. бумага № 1). Ср. также: Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 69, стр. 751 и 757.

Грузии и «обозрение грузинских законодательств с кратким рассмотрением внутренней жизни грузинского народа и организации царства» (проф. Чубинов) [10].

Уставом 1863 г. было предусмотрено преподавание трех отделов истории Востока: истории семитических народов, истории Северо-Восточной Азии и истории арийских народов Азии. Проф. Григорьев кроме общего введения [11] мог взять на себя только преподавание второго отдела, т. е. истории среднеазиатских кочевников, преимущественно турецких народов и основанных ими государств в западной части Средней Азии. За отсутствием других исторических курсов эти лекции были сделаны обязательными для студентов всех разрядов. 10 марта 1865 г. проф. Д. А. Хвольсон подал в факультет следующее заявление: «Имея в виду, что литература и история семитических народов весьма обширны и что они не имеют почти никакой связи с историей Восточной и Средней Азии, честь имею предлагать факультету, нельзя ли освободить студентов еврейско-арабского разряда от слушания лекций, равно как и от экзамена по сему последнему предмету» [12]. На основании этого представления факультет в заседании 12 мая того же года постановил оставить обязательным для студентов всех разрядов только первый из четырех отделов курса Григорьева (общее введение); второй отдел (история Средней Азии до появления турок) был сделан обязательным только для студентов китайско-монгольско-маньчжурского разряда, третий и четвертый (Средняя Азия при господстве турок до монголов и новая история Средней Азии от монгольского завоевания до настоящего времени) — для студентов разрядов арабско-персидско-турецко-татарского и армянско-грузинского [13]. Но уже 28 мая 1866 г. факультет на основании заявления декана Казем-Бека и профессоров Коссовича, Навроцкого и Голстунского постановил вновь «обязать студентов всех разрядов слушать лекции истории Востока согласно программам, представленным проф. Григорьевым, о чем и объявить студентам факультета» [14].

Чтобы преподавание истории Востока соответствовало требованиям устава, было необходимо привлечь в состав факультета еще двух доцентов для преподавания истории арийских и истории семитических народов. К занятию кафедры истории Востока факультет готовил трех кандидатов: Минаева, Радусь-Зеньковича и Мельгунова [15]. Для обеспечения кафедры в будущем эти силы казались достаточными; ссылаясь на это обстоятель-

[10] Программы помещены в делах факультета 1864 г. (отдельная обложка с надписью: «Об экзаменах студентов факультета восточных языков»).

[11] Первая программа курса была представлена Григорьевым 1 февраля 1864 г. (там же); напечатана в книге Н. И. Веселовского, *В. В. Григорьев*, стр. 234—235. Впоследствии программа была изменена.

[12] Дела факультета 1865 г.

[13] Дела факультета 1865 г. и журнал собрания факультета 12 мая 1865 г.

[14] Журнал собрания факультета 28 мая 1866 г.

[15] Журнал собрания факультета 4 октября 1863 г.

ство, факультет отклонил сделанное ему осенью 1863 г.[16] предложение кандидата К. А. Битепажа (выпуска 1858 г.), изъявившего желание готовиться к занятию той же кафедры и указывавшего на свое знакомство с жизнью Востока благодаря трехлетнему пребыванию при русском посольстве в Персии. 30 января 1865 г. проф. Березин внес в факультет представление о командировании за границу для приготовления к занятию кафедры истории Востока кандидата П. И. Пашино, уже выдержавшего испытание на степень магистра разряда арабско-персидско-турецко-татарской словесности (см. выше, стр. 126—127). Вследствие кандидатуры Мельгунова и Радусь-Зеньковича (о кандидатуре Минаева в этом случае не упоминается) факультет постановил «предложить г. Пашино заняться приготовлением магистерской диссертации и при первой возможности рекомендовать его для отправления за границу с ученой целью» [17]. Пашино выбрал для диссертации тему исторического характера («История сношений России с Персией в первой половине XVIII столетия до 1735 г. включительно»), которая была одобрена факультетом [18], но диссертация не была написана.

Несмотря на такое число кандидатов, факультет все-таки не получил необходимых ему доцентов. Взгляд факультета на кандидатуру И. П. Минаева с самого начала не отличался определенностью; его имели в виду то для занятия кафедры истории Востока, то для занятия будущей кафедры сравнительного языкознания, которую он и занял впоследствии. В постановлении факультета 4 октября 1863 г. Минаев, вместе с Мельгуновым и Радусь-Зеньковичем, назван кандидатом для занятия кафедры истории Востока [19]; но когда в конце следующего года был поднят вопрос о командировании молодых людей за границу на два года, то в отношении департамента попечителю округа (31 декабря 1864 г., № 11164) кандидатами для занятия кафедры истории Востока названы только двое последних (также в постановлении факультета 30 января 1865 г.), тогда как Минаев назван кандидатом для занятия кафедры сравнительного языкознания. В донесении декана ректору 29 января 1865 г. (№ 4) снова сказано обо всех троих, что они приготовляются к занятию кафедры истории Востока [20]. Такова и была цель заграничной командировки, которая по-

[16] Дела факультета 1863 г. Прошение Битепажа было получено 22 ноября 1863 г.; ответ был адресован секретарем Голстунским (в начале 1864 г.) лично Битепажу; в нем указывается, что «еще в октябре прошедшего года были рекомендованы совету молодые люди для занятия вышеупомянутой кафедры. Но при первой возможности факультет будет иметь вас в виду». См. также журнал собрания факультета 22 января 1864 г.

[17] Журнал собрания факультета 30 января 1865 г.

[18] Дела факультета 1865 г. (донесение Пашино в факультет 14 апреля с надписью: «Одобрить и уведомить г. Пашино. Сообщено г. Пашино 19 апр.») и журнал собрания факультета 14 апреля 1865 г.

[19] Журнал собрания факультета 4 октября 1863 г.

[20] Дела факультета 1865 г.

том была продолжена Минаеву и Мельгунову еще на год. Первым вернулся Мельгунов, подавший 14 апреля 1868 г. прошение о назначении его штатным доцентом по истории арийских народов. В собрании факультета 18 апреля он был избран семью голосами против одного. 19 апреля о нем было сделано представление в совет; но уже 24 апреля Коссович и Васильев обратились к факультету с просьбой «остановиться представлением в совет о замещении кафедры истории арийских народов г-ном Мельгуновым, до собрания нами сведений о г. Минаеве, чтобы не лишиться этого отличного молодого ученого, подающего великие надежды». На основании этого заявления декан просил ректора «приостановиться докладом в совет представления факультета о г. Мельгунове»; по-видимому, это колебание не было продолжительно, так как 31 мая состоялось избрание Мельгунова в совете; предложением управлявшего округом от 15 октября университет был уведомлен о его утверждении. 23 сентября того же года ректор (предложение № 1074) уведомил декана факультета о допущении Минаева к экзамену на степень магистра санскритской словесности [21].

Г. В. Мельгунов оставался доцентом истории арийских народов до своей смерти, последовавшей 27 мая 1873 г.[22]. Кандидатура А. Радусь-Зеньковича, имевшегося в виду для преподавания истории семитических народов, прекратилась осенью 1867 г., когда Радусь-Зенькович по собственному ходатайству был освобожден от обязательной службы по министерству народного просвещения [23].

Внимание факультета в то время уже обратил на себя другой молодой ученый, также избравший своей специальностью историю семитических народов, — А. Я. Гаркави. Награжденный в начале 1867 г. золотой медалью [24] за сочинение о хазарах (по кафедре истории Востока), Гаркави весной того же года был удостоен степени кандидата и оставлен при университете на пятый год [25]. В конце того же года им было возбуждено ходатайство о командировании его за границу на счет еврейских сумм [26]; ходатайство, на основании заключения проф. Григорьева, было поддержано факультетом. В заключении Григорьева (5 января 1868 г.) о Гаркави уже говорится как о будущем преподавателе истории семитических

[21] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 38 и журналы собраний факультета 18 апреля, 25 апреля, 27 сентября и 1 ноября 1868 г.

[22] См. биографию Мельгунова в *Биографическом словаре СПб. ун-та*, т. II, стр. 15.

[23] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 64 (предложение и. д. ректора декану 30 сентября, № 1130) и журнал собрания факультета 3 октября 1867 г.

[24] На основании отзыва Д. А. Хвольсона 18 сентября 1866 г. (дела факультета 1866 г., вход. бумага № 88 и журнал собрания факультета 27 сентября 1866 г.). Ср.: Григорьев, *Петербургский университет*, прилож., стр. LXIII. <Об Аврааме Яковлевиче Гаркави (1839—1919) см.: ИИН, № 10724—10727. — *А. К.*>

[25] Прошение об этом было получено факультетом 23 мая (дела факультета 1867 г., вход. бумага № 33, и журнал собрания факультета 30 мая 1867 г.).

[26] Об этом в делах факультета 1867 г. копия запроса департамента народного просвещения попечителю 12 декабря № 9470 (вход. бумаги 1867 г., № 92).

народов; не сочувствуя вообще командированию молодых ученых за границу, Григорьев в этом случае поддерживал ходатайство, так как Гаркави предстояло «заняться именно теми предметами, для изучения которых отечество наше представляет наименее пособий — древностями египетскими, финикийскими, вавилонскими, ассирийскими» [27].

Командировка состоялась уже после приобретения молодым ученым степени магистра. Уже летом [28] 1868 г. им было выдержано испытание; 20 октября того же года он защитил диссертацию по особому разрешению еще до ее напечатания с обязательством напечатать ее для получения диплома [29]. В связи с печатанием диссертации произошло то столкновение личного характера, о котором мы по понятным причинам не считаем удобным распространяться и которое преградило молодому ученому дорогу в университет. А. Я. Гаркави осенью 1872 г. был удостоен факультетом и советом степени доктора истории Востока [30], но после этого уже не делал попыток занять при университете преподавательскую должность.

После забаллотирования Гаркави и смерти Мельгунова факультет уже не делал попыток привлечь в свой состав преподавателей истории арийских и истории семитических народов. Преемником В. В. Григорьева, оставившего службу при университете в 1878 г.[31], был Н. И. Веселовский, также специалист по истории Средней Азии (оставлен при университете в 1873 г., удостоен степени магистра в 1877 г., избран доцентом в заседании факультета 21 декабря 1877 г. и в заседании совета 6 февраля 1878 г.[32]), остававшийся с 1878 по 1896 г. единственным преподавателем по кафедре истории Востока. Тогда же были восстановлены некоторые из исторических курсов, читавшихся прежде представителями кафедр языков; с начала 1878 г. арменист проф. К. П. Патканов читал курс истории Персии, доцент В. Д. Смирнов (по кафедре турецко-татарской словесности) — курс истории Турции [33].

---

[27] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 1, и журнал собрания факультета 10 января 1868 г.

[28] 31 мая и 1 июня (дела факультета 1868 г.).

[29] Предложение ректора декану 12 октября, № 1162 (вход. бумага 1868 г., № 66). По протоколу диспута (дела факультета 1868 г.) оппонентами были Григорьев и Гиргас. Отзыв Григорьева был дан 12 сентября (дела факультета 1868 г., вход. бумага № 50); по этому отзыву «такие труды со стороны воспитанников факультета приносят величайшую честь самому факультету, свидетельствуя, что от профессоров его можно научиться как следует возделывать науку не хуже, чем где-либо в Западной Европе».

[30] *Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 33.

[31] Об увольнении проф. Григорьева *Протоколы заседаний совета*, № 18, стр. 42 и № 19, стр. 3.

[32] *Протоколы заседаний совета*, № 18, стр. 8—9 и 21. <Две работы В. В. Бартольда, посвященные деятельности Н. И. Веселовского, см. ниже, стр. 642—647 и 648—664.>

[33] *Протоколы заседаний совета*, № 17, стр. 30 и 35. <О В. Д. Смирнове см. ниже, стр. 472, прим. 26.>

Из трех кафедр мусульманских языков правильное преподавание не прерывалось только по кафедре арабского языка. Уже 10 сентября 1864 г. в факультет было внесено представление М. Т. Навроцкого, чтобы возвратившемуся из командировки В. Ф. Гиргасу было поручено чтение лекций на двух первых курсах с назначением ему вознаграждения «из общих остатков от содержания личного состава университета». Факультет постановил отложить решение вопроса до приобретения Гиргасом степени магистра [34]. В ноябре того же года Казем-Бек представил факультету благоприятный отзыв о диссертации Гиргаса «Права христиан на востоке по мусульманским законам» [35]; 14 февраля 1865 г., после напечатания диссертации, состоялся диспут; уже 27 февраля факультет постановил «предложить магистру Гиргасу быть приват-доцентом». Это предложение, однако, не имело последствий; в апреле 1865 г., после прочтения Гиргасом двух пробных лекций в факультете, он был единогласно избран в факультете штатным доцентом. 31 мая это избрание было утверждено советом, вскоре после этого — попечителем, и с осеннего полугодия того же года новый доцент мог приступить к чтению лекций на первых двух курсах. В программе, представленной им в факультете 20 августа, выражалось мнение, что «пять лекций в неделю, а именно три в первом курсе и две во втором, будут совершенно достаточны для основательного изучения теории арабского языка» [36]. Таковым оставалось число лекций по арабскому языку [37] на двух первых курсах до смерти М. Т. Навроцкого, последовавшей 21 января 1871 г., когда В. Ф. Гиргас на короткое время должен был принять на себя чтение лекций для всех четырех курсов [38]; число лекций на первом курсе в это время было уменьшено до двух [39]. Уже в 1872 г. Гиргас нашел себе сотрудника в лице барона В. Р. Розена, окончившего курс по факультету в 1870 г., защитившего диссертацию на степень магистра арабской словесности весной 1872 г., 28 сентября того же года избранного штатным доцентом в факультете, 30 октября — в совете и 13 но-

[34] Дела факультета 1864 г. На представлении Навроцкого написано рукой декана Мухлинского: «в заседании фак. вост. яз. 19 сентября определено: отложить до получения канд. Гиргасом степени магистра»; но в журнале этого заседания о таком постановлении факультета не говорится.

[35] Дела факультета 1864 г., вход. бумага № 40; журнал заседания 25 ноября.

[36] Дела факультета 1865 г.; журналы заседаний 30 января, 14 февраля, 27 февраля, 21 апреля и 28 апреля.

[37] Так еще в обозрении преподавания 1870/71 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 155).

[38] Такое поручение было возложено на Гиргаса факультетом еще во время болезни Навроцкого, с 10 ноября 1870 г. За преподавание истории арабской литературы Гиргас получал особое вознаграждение в размере половины доцентского оклада, т. е. 450 руб. в год (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 27 и 34; № 6, стр. 5).

[39] Так в обозрении преподавания 1871/72 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 146).

ября приступившего к чтению лекций [40]. Число лекций по арабскому языку после этого снова могло быть увеличено [41].

Услугами двух других лиц, имевшихся в виду для занятия кафедр, Г. К. Спасского-Автономова и В. А. Максимова, факультету не пришлось воспользоваться. Магистр Спасский-Автономов во время трехлетнего пребывания в Персии (1863—1866 гг.) присылал в факультет подробные донесения о своих занятиях [42]. Вернувшись в Петербург 5 сентября 1866 г., он 13 сентября подал в факультет прошение о назначении ему «занятий сообразно его трехлетней подготовке», желая остаться верным «избранной специальности», т. е. изучению персидского языка. Факультет, ссылаясь на отсутствие вакансий по этой кафедре, предложил ему принять на себя с 1 января 1867 г. преподавание «одной из отраслей истории Востока» до возвращения лиц, командированных за границу для приготовления к занятию этой кафедры [43]. Спасский-Автономов принял сделанное ему предложение и только просил о назначении ему кандидатской стипендии и о зачете ему в действительную службу времени с 5 сентября 1866 до 1 января 1867 г. Факультет в заседании 27 сентября постановил «ходатайствовать о назначении его приват-доцентом по кафедре истории Востока»; но уже в заседании 10 ноября факультет на основании письма академика Б. А. Дорна о постигшей Спасского-Автономова болезни должен был принять иное постановление — просить о выдаче из специальных сумм 80 руб. сер. за первые два месяца лечения и о помещении в одно из казенных лечебных заведений. В январе 1867 г. факультет был извещен о помещении Спасского-Автономова в больницу Всех Скорбящих [44], где ему было суждено остаться до конца жизни.

К испытанию на степень магистра персидской словесности в это время готовился другой воспитанник факультета, Антонин Спитц (окончил курс в 1865 г.). 13 февраля 1866 г. им было подано на имя ректора прошение о назначении ему стипендии для приготовления к магистерскому экзамену; в журнале заседания факультета 25 февраля Спитц назван среди лиц, имевшихся в виду факультетом для приготовления к занятию кафедр [45]; но дальнейших сведений о нем в делах факультета нет. В 1868 г.

[40] *Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 25 и 40. В протокол заседания 30 октября 1872 г. избрание бар. Розена не внесено, очевидно, по ошибке. ⟨О Викторе Романовиче Розене (1849—1908) см. ниже, стр. 589, прим. 1.⟩

[41] Несмотря на позднее избрание, лекции бар. Розена (три лекции на первом курсе и столько же на втором) были внесены уже в обозрение преподавания 1872/73 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 6, стр. 122).

[42] Сохранились в делах факультета 1864 и 1865 гг. Первым учителем Спасского-Автономова в Персии был Хаджи-Мирза-Мамед-Алий, «который служил попеременно руководителем почти всех наших русских ориенталистов, начиная с г-на Диттеля и кончая г-ном Берже» (донесение Спасского-Автономова из Тегерана от 15 марта 1864 г.).

[43] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 83; журнал заседания 13 сентября.

[44] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 4; журнал заседания факультета 27 января 1867 г.

[45] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 24.

факультету предложил свои услуги для преподавания персидского языка преподаватель Казанского университета И. Н. Холмогоров, удостоенный факультетом еще в 1865 г. степени магистра персидской словесности. Ходатайство о предоставлении Холмогорову должности доцента персидского языка было возбуждено через попечителя Казанского учебного округа и сообщено университету управляющим министерством народного просвещения; факультет в заседании 5 декабря 1868 г. постановил ответить, что «при всем уважении к глубоким знаниям и трудам г. Холмогорова» не может воспользоваться его предложением, так как по кафедре персидского языка полагаются только профессор и лектор, а не доцент [46].

Казем-Бек оставался профессором персидского языка до своей смерти, по-прежнему придавая своим лекциям преимущественно практический характер. В записке о преподавании персидского языка, представленной им в факультет 25 января 1864 г., говорится: «Как лектор мирза Шафи, так и профессор Казем-Бек будут обращать усиленное внимание на основательное знание гг. слушателей (sic) живого персидского языка, на правильное их произношение во время чтения и разговора и, наконец, на сознательный и наилучший способ передачи идей с одного языка на другой при словесных переводах, что необходимо для приготовления переводчиков и что всегда успешно применено было к делу преподавания в нашем факультете» [47].

С ноября 1870 г. вследствие болезни Казем-Бека [48] лектору мирзе Шафи было поручено также чтение лекций вместо профессора [49]. 27 ноября Казем-Бек скончался; 4 декабря факультет постановил «временно пригласить для преподавания персидской словесности кого-либо из лиц, известных факультету своими познаниями, в качестве вольнонаемного преподавателя и подготовить из студентов факультета, специально посвятивших себя занятиям персидской словесностью, доцента для преподавания этого предмета» [50]. Выбор факультета остановился на С. И. Черняеве, воспитаннике бывшего восточного отделения С.-Петербургского университета, ученике Сенковского [51]; в начале 1871 г.[52] Черняев был избран в совете и утвержден попечителем [53]. Вторая часть постановления факуль-

---

[46] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 85.

[47] Дела факультета 1864 г.; особая обложка с надписью: «об экзаменах студентов фак. вост. яз.»; заключает в себе, однако, только программы преподавания на 1863/64 и 1864/65 гг.

[48] Уже в октябре 1870 г. Казем-Бек пропустил восемь лекций из 18 (*Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 74).

[49] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 68.

[50] Там же, стр. 92.

[51] Об С. И. Черняеве см.: Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 249; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 328.

[52] До этого преподавание персидского языка было поручено доценту Мельгунову (*Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 47).

[53] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 16 и 21.

тета при действии устава 1863 г. не была исполнена; Черняев настолько оправдал ожидания факультета, что факультет и совет уже в начале 1872 г. назначили ему оклад экстраординарного профессора, что и было разрешено высочайшим повелением, хотя только «до приискания штатного профессора» [54]. Из воспитанников факультета готовились к занятию кафедры персидской словесности сначала Адольф Стельснер [55], окончивший курс в 1870 г., потом К. Г. Залеман, удостоенный степени кандидата в начале 1871 г. и с 1 июля того же года за отсутствием вакантной кандидатской стипендии получавший стипендию министерства народного просвещения [56]. В отчете о состоянии университета в 1872 г. К. Г. Залеман упоминается в числе лиц, получавших кандидатские стипендии [57] (А. Стельснер после 1871 г. больше не упоминается). Весной 1875 г. К. Г. Залеман был удостоен степени магистра персидской словесности [58], осенью того же года прочитал в факультете пробные лекции [59] и в начале 1876 г.[60] приступил к преподавательской деятельности в звании приват-доцента, но не по персидской словесности, а по зендскому и пехлевийскому языкам. С 1 января 1876 г. был оставлен при университете с назначением стипендии кандидат Петр Крылов, «доказавший основательные сведения в персидском языке» и желавший «сосредоточить свои специальные занятия на избранном им предмете с целью достижения высшей ученой степени» [61], но впоследствии не осуществивший своего намерения.

В. А. Максимов, первоначально готовившийся к занятию кафедры персидской словесности, во время трехлетнего путешествия на Восток (1863—1866) перешел к другой специальности — к занятию османским языком. В марте 1866 г.[62] он вернулся в Петербург и в апреле представил в рукописи диссертацию «Исследование о малоазийских турецких диалектах». Для факультета потребность в преподавателе османского языка в то время была настоятельнее, чем потребность в преподавателе персидского; еще в феврале 1866 г. А. О. Мухлинский заявил о своем намерении оставить университет и только по просьбе факультета согласился продолжать чтение лекций до конца академического года [63].

---

[54] *Протоколы заседаний совета*, № 6, стр. 8, 25, 27—28 и 67.

[55] В августе 1871 г. стипендия по высочайшему повелению была продолжена Стельснеру на шестой год для приобретения степени магистра персидской словесности (*Протоколы заседаний совета*, № 5, стр. 14).

[56] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 95. <О Карле Германовиче Залемане (1849—1916) см. ниже, стр. 599—618. — *А. К.*>.

[57] *Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 73.

[58] *Протоколы заседаний совета*, № 12, стр. 36.

[59] *Протоколы заседаний совета*, № 13, стр. 36.

[60] Так по автобиографии в *Биографическом словаре СПб. ун-та*, т. I, стр. 258.

[61] *Протоколы заседаний совета*, № 14, стр. 13.

[62] Первое донесение Максимова факультету после возвращения имеет дату «30 марта 1866 г.» (дела факультета 1866 г., вход. бумага № 34).

[63] Журнал собрания факультета 10 февраля 1866 г. и письмо Мухлинского Казем-Беку от 15 февраля (дела факультета 1866 г., вход. бумага № 22).

Назначение Максимова штатным преподавателем, однако, в 1866 г. еще не могло состояться; печатание его диссертации было отложено вследствие не вполне одобрительных отзывов Березина и Григорьева, и ему было предложено «сделать в диссертации необходимые исправления, согласно указаниям» профессоров [64]. Материальное положение молодого ученого после возвращения из-за границы было крайне стесненным; факультет мог только назначать ему небольшие пособия и 7 октября 1866 г. единогласно избрал его на вакантную (после смерти Фейзханова, последовавшей 29 августа) должность лектора [65]. При таких условиях Максимову в конце того же года представилась возможность получить место в Азиатском департаменте. На запрос об этом факультет ответил, что с его стороны препятствий не встречается, но что и он желал бы иметь Максимова «хотя приватным преподавателем за половинное содержание доцента, т. е. 600 руб., согласно определению совета 12 декабря» [66]. Последнее ходатайство, однако, было отклонено, так как попечитель находил невозможным «совокупить службу в одно время по двум министерствам»; тогда же Максимов был освобожден от обязательной службы за стипендию по ведомству министерства народного просвещения. Факультет все-таки возобновил просьбу об оставлении Максимова преподавателем в университете хотя бы на один год, «за весьма скромное вознаграждение», ссылаясь на «многочисленные примеры совокупного служения не только по двум, но даже по трем министерствам» [67].

Диссертация Максимова в это время уже была напечатана; 12 марта 1867 г. состоялся диспут, после чего тотчас было возбуждено ходатайство о допущении его к чтению лекций в звании приват-доцента. 15 марта Максимов представил программу своих чтений, и еще в том же месяце последовало разрешение попечителя [68]; но уже 3 августа того же года Максимов подал рапорт о прекращении им чтения лекций вследствие отъезда в Константинополь, выражая надежду впоследствии вернуться к научным занятиям [69].

Факультет также не отказался от надежды видеть молодого ученого в своей среде и возбудил ходатайство о назначении его штатным доцентом. Впредь до этого назначения факультет осенью 1867 г. по предложению Березина поручил преподавание османского языка кавказскому уроженцу Мухаммед-Алиму [70] Абдуллахову с платой по 30 руб. в ме-

[64] Журнал собрания факультета 10 ноября 1866 г.

[65] Журнал собрания факультета 7 октября 1866 г.

[66] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 139 и журнал собрания факультета 20 декабря.

[67] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 7.

[68] Там же, вход. бумаги № 12 и 21.

[69] Там же, вход. бумага № 48.

[70] У Григорьева (*Петербургский университет*, стр. 385) назван по ошибке Мухаммед-Эмином, и эта ошибка перешла в статью Н. И. Веселовского (*Сведения о преподавании*, стр. 201).

сяц [71]. Максимов 13 мая 1868 г. был избран в совете и в октябре утвержден [72], но в начале того же месяца, еще до окончательного утверждения, прислал в факультет из Бююкдере следующую телеграмму [73]: «Déclaration officielle selon Mouchlinsky ai droit a 600 roubles frais voyage et installation veuillez communiquer immédiatement au ministre que ma nomination de docent doit être accompagnée somme mentionnée autrement proposition pas acceptée». В заседании 15 ноября факультет постановил «донести совету, что г. Максимов отказался от должности и просит об увольнении его от должности доцента» [74].

В декабре того же, 1868 г. преподавание османского языка было поручено доценту Л. З. Будагову с вознаграждением в размере половины доцентского оклада и, кроме того, 159 руб. из специальных средств (всего 600 руб.) [75]. В октябре 1869 г. Будагов уведомил факультет о своей готовности «продолжать занятия со студентами по этой части и на будущий 1870 г. безвозмездно» [76]. Тем не менее факультет 6 ноября 1869 г. постановил поручить преподавание османского языка Березину с тем же вознаграждением, которое прежде получал Будагов: «. . . что же касается до заявления доцента Будагова продолжать (sic) чтение лекций османского языка безвозмездно, то за такое предложение благодарить доцента Будагова и уведомить, что факультет воспользуется таким его предложением, когда представится в том необходимость» [77]. 4 декабря Будагов ввиду приближавшегося срока тридцатипятилетия его службы заявил факультету о своем желании оставить службу при университете [78] и был уволен с февраля 1870 г.[79]. Преподавание османского языка Березиным продолжалось до осени 1873 г., когда к чтению лекций приступил В. Д. Смирнов, окончивший курс по факультету весной 1870 г., защитивший диссертацию на степень магистра весной 1873 г., тогда же избранный штатным доцентом и утвержденный в этом звании [80].

[71] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 66; журналы собраний 12 сентября и 23 октября.

[72] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 74.

[73] Находится в делах факультета 1868 г. между № 64 и 65 вход. бумаг.

[74] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 81.

[75] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 100 и журнал собрания факультета 3 января 1869 г. ⟨Сюда примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «О семье Будагова в Астрахани, ⟨Барсуков⟩, *Жизнь Пог⟨одина⟩*, кн. XVII, стр. 359—360, его мать в национальном армянском костюме, не говорила ни слова по-русски». — *Н. Т.*⟩

[76] Дела факультета 1869 г., вход. бумага № 75.

[77] Журнал собрания факультета 6 ноября 1869 г.

[78] Дела факультета 1869 г., вход. бумага № 98; *Протоколы заседаний совета*, № 1, стр. 100. ⟨Приближался срок *двадцатипятилетия* службы Будагова, так как он был зачислен в СПб. университет 28 декабря 1844 г. и, следовательно, приобретал право на пенсию с 28 декабря 1869 г. — *А. К.*⟩

[79] *Протоколы заседаний совета*, № 2, стр. 57.

[80] *Протоколы заседаний совета*, № 8, стр. 40, 63, 77 и 95.

Преподавание языков Дальнего Востока не подвергалось таким колебаниям и кризисам; представителями кафедр во время действия устава 1863 г. оставались те же лица, как и в предшествующий период. В 1868 г. осуществилось давнишнее желание факультета — иметь особого преподавателя маньчжурского языка. Осенью 1868 г. факультет по представлению В. П. Васильева избрал на эту должность с окладом штатного доцента бывшего драгомана министерства иностранных дел И. И. Захарова; в конце того же года избрание было утверждено попечителем, причем министерству на этот предмет был открыт особый кредит с 7 октября [81]. 9 января 1869 г. И. И. Захаров приступил к чтению лекций и продолжал преподавать маньчжурский язык сначала в звании преподавателя с окладом доцента, потом в звании профессора до своей смерти, последовавшей 20 сентября 1885 г. [82]. Неоднократные ходатайства факультета (с 1871 г.) об учреждении особой кафедры или по крайней мере доцентуры японского языка не увенчались успехом [83].

Из программы арабско-персидско-турецко-татарского разряда после выхода в отставку доцента Будагова было исключено преподавание азербайджанского наречия. Некоторые из профессоров университета еще в 1865 г. отрицали за азербайджанским наречием всякое научное значение и находили, что преподавание его было «введено в университет единственно для воспитанников Закавказского края, для которых знание его и должно оставаться обязательным» [84]. После того как в начале 1872 г. прекратилась связь кавказских стипендиатов с факультетом восточных языков (стипендии [85] были переведены частью во вновь основанные специальные классы Лазаревского института в Москве, частью на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, частью на медицинский факультет Московского), исчезла и эта потребность; факультет нашел нужным заменить доцентуру при кафедре турецко-татарской словесности доцентурой по новому предмету — мусульманскому законоведению [86], причислив эту доцентуру к кафедре арабской словесности; 9 декабря 1872 г. последовало разрешение министра. Согласно представлению факультета, преподавание этого предмета было поручено лектору Османову, воспитаннику кавказских школ, «авторитет» которых был «признан и в Каире». В течение 70-х годов XIX в., когда в Западной Европе постепенно установлялся новый, независимый от мусульманской догматики взгляд на мусульманское законоведение, представителем этой

---

[81] Дела факультета 1868 г., вход. бумаги № 48, 67 и 102 (журналы собраний факультета 16 сентября и 10 октября 1868 г. и 3 января 1869 г.).

[82] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 262.

[83] МИФВЯ, т. II, стр. 80—95.

[84] Там же, стр. 13.

[85] Об их судьбе см. *Протоколы заседаний совета*, № 5, стр. 58 и № 6, стр. 19.

[86] Об этом: МИФВЯ, т. II, стр. 96—101.

науки на факультете оставался мусульманский ученый, полагавший, что «согласие общины» вырабатывается «соборными решениями муджтехидов». Османов, еще с 1875 г. часто прерывавший чтение лекций и даже увольнявшийся от службы, осенью 1881 г. окончательно вышел в отставку [87]; преподавание мусульманского законоведения еще с 1878 г. было поручено за особое вознаграждение [88] проф. В. Ф. Гиргасу, вскоре после того (в 1882 г.) издавшему в качестве пособия для студентов перевод «Основных начал мусульманского права» Фан-ден-Берга.

По кафедре еврейского языка проф. Д. А. Хвольсон оставался при действии устава 1863 г. единственным преподавателем, хотя были молодые ученые, достигавшие ученой степени [89]. Профессором санскритского языка оставался К. А. Коссович; кроме того, в 1869 г. доцентом по той же кафедре был избран И. П. Минаев, защитивший 2 марта того же года диссертацию на степень магистра [90]. В 1871 г. Минаев перешел доцентом (с 1873 г. — профессором) на историко-филологический факультет, по кафедре сравнительного языкознания; в 1883 г., после смерти Коссовича, ему было поручено также преподавание санскритского языка для студентов-восточников [91].

---

[87] *Протоколы заседаний совета*, № 25, стр. 27 и 36. Биография Османова в *Биографическом словаре СПб. ун-та*, т. II, стр. 80. ⟨О Магомете Османове (1840—1904) см.: Кононов, *История изучения тюркских языков*, стр. 148. — *А. К.*⟩

[88] Курс Османова по мусульманскому законоведению в последний раз упомянут в обозрении преподавания 1876/77 г. В обозрении преподавания 1877/78 г. этого предмета вовсе нет; в обозрении преподавания 1878/79 и следующих годов упомянут курс Гиргаса. Чтение лекций по мусульманскому законоведению было разрешено Гиргасу попечителем согласно представлению совета от 23 ноября 1878 г. (*Протоколы заседаний совета*, № 19, стр. 50).

[89] В 1866 г. приобрел степень магистра еврейской словесности И. Гурлянд (Григорьев, *Петербургский университет*, прилож., стр. XXXI). Еще в 1864 г., после выдержания испытания на степень магистра, Гурлянд обратился к попечителю с просьбой о командировании его за границу «для приготовления к профессорскому званию по семитическим языкам». По поводу этой просьбы факультет постановил «донести, что факультет, не имея в виду вакантной кафедры семитических языков, не может рекомендовать г. Гурлянда для отправления за границу и свидетельствует, что он имеет достаточно познаний для получения должности преподавателя в одном из раввинских училищ» (журнал собрания факультета 21 декабря 1864 г.).

[90] Дела факультета 1869 г., вход. бумага № 20 (отзыв Коссовича); журнал собрания 25 февраля; протокол диспута 2 марта; журнал собрания 13 марта (баллотировка в факультете); *Протоколы заседаний совета*, № 1, стр. 13—14. В том же, 1869 г. защитил диссертацию на степень магистра санскритской словесности Шерцль (дела факультета 1869 г., вход. бумага № 35; журнал собрания 5 мая и протокол диспута 9 мая) и 28 мая читал две пробные лекции в факультете. Весной 1879 г. упоминается в качестве «приготовляющегося к профессорскому званию по кафедре индо-европейских языков» индиец Низи-Канта Чатопадиайа (*Протоколы заседаний совета*, № 20, стр. 37). Осенью того же года был допущен к экзамену на степень магистра санскритской словесности доктор Лувенского университета Диллон (*Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 36).

[91] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 51 и 53.

Представителем кафедры кавказских языков (армянского и грузинского) оставался до 1871 г. Д. И. Чубинов. Выслужив тридцатилетний [92] срок службы, Чубинов был забаллотирован в заседании совета 1 ноября 1871 г.; факультет возбудил ходатайство об оставлении его при университете сверхштатным профессором, причем В. В. Григорьев и К. А. Коссович остались при особом мнении; дело прекращено по просьбе самого Чубинова, сославшегося на отмену кавказских стипендий как на факт, совершенно изменявший положение преподавателя грузинского языка [93]. Представителем кафедры остался преподаватель армянского языка К. П. Патканов, избранный экстраординарным профессором еще в заседании 21 декабря 1870 г.[94]; в заседании 31 января 1872 г. совет избрал его ординарным профессором [95]. Грузинский язык начал преподавать с весны 1872 г. А. А. Цагарели, сначала в качестве приват-доцента; 21 апреля 1874 г. он защитил диссертацию на степень магистра и в заседании совета 23 сентября того же года был избран штатным доцентом [96].

Так как преподавание по многим факультетским предметам за отсутствием профессоров было поручено доцентам, то факультет осенью 1870 г. решил воспользоваться § 10 устава, по которому доценты могли быть приглашаемы, с правом голоса, в факультетские собрания. Первоначально факультет предполагал приглашать в свои собрания всех доцентов после двух лет преподавания и предоставить им право голоса по всем вопросам, «кроме баллотирования при избрании профессоров, доцентов и деканов и при повышении в профессорских званиях» [97]. Когда факультету по этому поводу было объявлено мнение совета министра, что по уставу доценты, преподававшие в течение двух лет, могут получить право голоса по всем делам без исключения [98], то факультет в таком смысле изменил свое постановление, дополнив его новым: чтобы вопрос о предоставлении доценту после двух лет преподавания права голоса по всем делам решался «закрытой баллотировкой по отношению к каждому лицу» [99].

Вопрос о замещении кафедр находился в тесной связи с вопросом о производстве в ученые степени. В момент введения устава 1863 г. действовало еще устарелое положение 6 апреля 1844 г.; вопрос о необходимой в этом отношении реформе, поднятый еще в 1851 г.[100], был разрешен только

---

[92] <Двадцатипятилетний; Д. И. Чубинов зачислен в СПб. университет 28 декабря 1844 г., следовательно, приобрел право на пенсию 28 декабря 1869 г. — *А. К.*>

[93] *Протоколы заседаний совета*, № 5, стр. 43—44 и 58.

[94] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 98.

[95] *Протоколы заседаний совета*, № 6, стр. 25.

[96] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 317; *Протоколы заседаний совета*, № 11, стр. 19.

[97] Журнал собрания факультета 3 сентября 1870 г.

[98] Журнал собрания факультета 4 декабря 1870 г.

[99] Журнал собрания факультета 21 декабря 1870 г.

[100] МИФВЯ, т. I, стр. 408 и сл.

в 1864 г. Новым положением были уничтожены испытания (кроме диссертаций) на степень доктора; по вопросу об испытаниях на степень магистра по предметам факультета восточных языков министром были утверждены без изменений программы, выработанные факультетом в заседании 4 октября 1863 г. От прежних проектов, в том числе и от проекта, предложенного на обсуждение факультета осенью 1862 г., эти программы существенно отличались в том отношении, что были установлены разряды магистров по отдельным предметам, а не по целым разрядам предметов; в пользу прежнего порядка высказался только А. К. Казем-Бек, оставшийся при особом мнении [101]. Даже отсутствие отдельных кафедр маньчжурского и грузинского языков не помешало установлению степеней магистров этих языков. При распределении главных и второстепенных предметов испытаний факультет руководился не только научными требованиями, но и программами факультетских разрядов, приспособленными к требованиям службы.

На основании § 117 устава 1863 г. положение об испытаниях на ученые степени 4 января 1864 г. было утверждено не в законодательном порядке, а властью министра и той же властью могло быть изменяемо; однако те же программы действуют и до настоящего времени, за исключением одного существенного изменения, произведенного по ходатайству факультета в 1875 г.: к числу второстепенных предметов испытания на степень магистра армянской словесности были присоединены языки санскритский и зендский; из второстепенных предметов испытания на степень магистра грузинской словесности турецко-татарская словесность была заменена сравнительным языкознанием [102].

Еще до введения нового положения, одновременно с введением устава 1863 г., был поднят вопрос о приобретении ученых степеней теми из профессоров, которые таковых не имели [103]. Вопрос более всего касался профессоров-ориенталистов, из которых почти никто не имел требуемой степени; по словам самого факультета [104], в России был в 1863 г. только один доктор восточных языков (Назарьянц). Все профессора факультета восточных языков занимали свои кафедры на основании высочайших повелений 13 декабря 1835 г. и 30 июля 1840 г., установивших исключение для ориенталистов. В записке И. Н. Березина, представленной в 1862 г., указывалось на необходимость ввести подобную оговорку и в новый устав [105], но этого не было сделано. Возник вопрос о возведении профессоров восточного факультета в степень доктора на основании § 113 устава, без представления диссертации, за их ученые труды. Пререкания по этому вопросу в совете (в сентябре 1863 г.), описанные в дневнике

[101] Там же, стр. 418—419.
[102] *Протоколы заседаний совета*, № 13, стр. 36 и 42.
[103] МИФВЯ, т. I, стр. 422 и сл.
[104] Там же, стр. 423.
[105] Там же, стр. 406.

Никитенко [106], заставили магистров Березина и Васильева представить и защитить (в один и тот же день — 15 декабря 1863 г.) докторские диссертации [107]. Параграф 113 устава был применен только к К. А. Коссовичу, удостоенному Харьковским университетом степени доктора сравнительного языкознания [108]. Высочайшим повелением 27 сентября 1865 г. Казем-Бек, Мухлинский и Чубинов, как занимавшие кафедры на основании прежних высочайших повелений, были освобождены от обязанности приобрести ученую степень; Голстунский, Навроцкий и Д. А. Хвольсон получили право представить диссертацию прямо на степень доктора, не подвергаясь испытанию на степень магистра. Этим правом воспользовались Д. А. Хвольсон, защитивший диссертацию 8 мая 1866 г.[109], и К. Ф. Голстунский, защитивший диссертацию 25 марта 1880 г.[110]; М. Т. Навроцкий умер в 1871 г., не приобретя ученой степени. К попытке установить законодательным путем изъятие для *будущих* профессоров-ориенталистов факультет уже не возвращался (хотя в отдельных случаях ему часто приходилось поручать кафедры лицам, не имевшим установленных законом степеней). Когда в конце 1867 г. в совете по инициативе проф. Благовещенского был поднят вопрос о необходимости допустить магистров к занятию должностей экстраординарных профессоров, факультет в заседании 4 января 1868 г. постановил «донести, что факультет восточных языков не находит достаточных причин ходатайствовать об изменении существующего по сему предмету закона» [111].

Кроме программ испытания на ученую степень по уставу 1863 г. могли быть изменяемы без возбуждения дел в законодательном порядке также программы факультетского преподавания и распределение предметов по разрядам. Одной из первых мер, осуществленных факультетом с разре-

---

[106] Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 69, стр. 742 и сл. В журнал собрания факультета 13 сентября 1863 г. занесено постановление «просить совет университета удостоить степени доктора членов факультета и. д. орд. проф. Березина и Васильева и.и. д. экстр. проф. Коссовича и Хвольсона, приобревших себе общую известность учеными трудами, на основании примечания к § 113, с указанием совету университета на более капитальные их сочинения».

[107] Отзыв о диссертации Березина был составлен Голстунским, отзыв о диссертации Васильева — Березиным; оба отзыва (дата обоих — 10 декабря) и протокол диспута находятся в делах факультета за 1863 г. О диспуте см. также: Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 69, стр. 759.

[108] МИФВЯ, т. I, стр. 430; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 346.

[109] Протокол диспута находится в делах факультета за 1866 г., там же приведены отзывы о диссертации, принадлежащие проф. Григорьеву (вход. бумага № 39) и комиссии, состоявшей из профессоров Васильева, Навроцкого и Голстунского (вход. бумага № 49).

[110] *Протоколы заседаний совета*, № 22, стр. 37. Голстунский назван доктором монгольской словесности уже в обозрении преподавания на 1879/80 г., стр. 16 (прилож. к *Протоколам заседаний совета*, № 20).

[111] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 89 и журнал собрания 4 января 1868 г.

шения министра, было уничтожение (в 1864 г.) монгольско-калмыцко-татарского разряда и преобразование разряда китайско-маньчжурского в китайско-маньчжурско-монгольский [112]. Некоторые менее существенные изменения были произведены университетом собственной властью; сюда относится присоединение (в 1870 г.) армянского языка к числу предметов санскритско-персидского разряда [113] и распределение по курсам предметов арабско-персидско-турецко-татарского разряда. Мысль о том, чтобы с первого курса преподавать только один арабский язык, высказанная еще в 1865 г.[114], была осуществлена только в 1874 г.[115]; мысль о том, чтобы и на китайско-маньчжурско-монгольском разряде с первого курса преподавать только один язык (китайский), также высказанная в 1865 г., осталась неосуществленной.

Еще труднее было осуществить мысль, также высказанную еще в первое время существования факультета (в 1856 г.) и вновь поставленную на очередь по случаю окончания первого десятилетия в его жизни, в 1865 г.: присоединить к числу предметов, обязательных для студентов-восточников, некоторые предметы факультетов историко-филологического и юридического. Факультет при этом ссылался не столько на соображения научного характера, сколько на необходимость облегчить окончившим курс по факультету поступление на государственную службу по различным ведомствам. Мы видели, как мало действительность уже в первые годы существования факультета соответствовала ожиданиям ориенталистов, высказанным в 1854 г., что для воспитанников факультета будут заранее приготовлены «должности и места, к которым бы они беспрепятственно могли быть определяемы по окончании курса» [116]. Осенью 1863 г. сам министр обратил внимание на «затруднительное положение многих молодых людей, не имеющих потом случая применить к делу приобретенные ими познания» [117]. Переписка, возникшая по этому вопросу, закончилась выражением в совете министра пожелания, чтобы попечитель ежегодно собирал сведения у оканчивающих курс восточников, «кто из них желает отправиться на службу переводчиками и по какому именно ведомству», и об этих желаниях сообщал подлежа-

---

[112] МИФВЯ, т. I, стр. 441—444.

[113] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 64—65.

[114] МИФВЯ, т. II, стр. 11.

[115] Еще в обозрении преподавания на 1873/74 г. упоминается о лекциях по персидскому, османскому и турецкому языкам для студентов I курса (*Протоколы заседаний совета*, № 9, стр. 119—121); по обозрению преподавания 1874/75 г., как и впоследствии, преподавание персидского и османского языков начиналось со II курса, преподавание турецкого (лекции проф. Березина) — с III курса (*Протоколы заседаний совета*, № 11, стр. 73, где опечатка: II вместо III, и сл.).

[116] МИФВЯ, т. I, стр. 116.

[117] Там же, стр. 455 и сл.

щим ведомствам [118]. Конечно, эта мера была бы совершенно бесцельна; едва ли вообще была сделана попытка к ее осуществлению.

Последствием невыполнения тех надежд, с которыми был учрежден факультет, было отнятие у факультета большей части казенных стипендий. Факультет лишился кавказских стипендий (в 1872 г.) [119], стипендии из еврейского училищного капитала (в 1873 г.) [120], новороссийских стипендий (в 1876 г.) [121]; в 1866 г. он подвергался опасности лишиться стипендий министерства иностранных дел [122], в 1876 г. — стипендий министерства народного просвещения [123].

Переписка по вопросу о стипендиях министерства иностранных дел продолжалась еще несколько лет. Мы видели (стр. 136), что министерство еще в 1859 г. полагало, что некоторые из этих стипендий учреждены исключительно в пользу сыновей чиновников министерства, несмотря на совершенно ясный смысл высочайшего повеления 1854 г., исключавший всякую возможность подобного толкования [124]. К началу 70-х годов факт, что стипендии были учреждены для факультета, а не в качестве награды чиновникам министерства, был совершенно забыт. Молодые люди, пользовавшиеся этими стипендиями во время прохождения гимназического курса, выбирали себе факультет по своему усмотрению; ни они, ни их родители не признавали за собой каких-либо обязательств по отношению к факультету восточных языков. Даже в предложении статс-секретаря Делянова, управлявшего министерством народного просвещения осенью 1870 г., было высказано мнение, что стипендии назначаются «этим малолетним» «в вознаграждение заслуг их родителей» и что обязывать их поступать непременно на факультет восточных языков значило бы «отнять значение данной родителям награды» [125]. Совершенно справедливое замечание министра, что малолетние поступают в гимназию «в том возрасте, когда они сами не могут еще обсудить последствий возлагаемых на них обязательств» и что самому факультету такие невольные воспитанники не принесут никакой выгоды, только доказывало неосновательность уступки, сделанной в 1854 г. Л. Г. Сенявину А. С. Норовым, давшим свое согласие на помещение «стипендиатов министерства иностранных дел, если они по степени познаний не могут быть приняты в университет, для надлежащего к тому приготовления, в одну из гимназий» [126]. В конце 1870 г. был случай, что за стипендиатом министерства иностранных дел,

---

[118] Там же, стр. 537.
[119] *Протоколы заседаний совета*, № 6, стр. 18—19.
[120] *Протоколы заседаний совета*, № 8, стр. 32—33.
[121] *Протоколы заседаний совета*, № 14, стр. 61—62.
[122] МИФВЯ, т. II, стр. 38 и сл.
[123] Там же, стр. 77, прим.
[124] Там же, т. I, стр. 140.
[125] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 32.
[126] МИФВЯ, т. I, стр. 142 и сл., 478 и сл.

получившим воспитание в Одесской гимназии, хотели сохранить ту же стипендию, принадлежавшую факультету, и после поступления его в Новороссийский университет [127]. В начале 1864 г. А. К. Казем-Бек [128] и в 1866 г. факультет [129] еще считали возможным настаивать на возвращении факультету всех десяти принадлежавших ему стипендий; в 1870 г. факультет на это уже более не надеялся и полагал «вполне законным и справедливым» разделить стипендии поровну между студентами и гимназистами, обязав последних после окончания гимназического курса поступать на факультет восточных языков [130]. С последним требованием не согласился, как мы видели, управлявший министерством народного просвещения. Предположение разделить стипендии поровну было осуществлено весной 1871 г., после переписки с министерством иностранных дел, причем министерство и здесь внесло оговорку, «чтобы стипендиями, предоставленными собственно для студентов университета, в случае надобности, могли пользоваться, преимущественно пред другими, дети или родственники лиц, служащих по ведомству того министерства» [131]. По причинам, не зависевшим от министерства, эта последняя оговорка, к счастью, редко применялась; разделение стипендий поровну между студентами и гимназистами остается в силе до настоящего времени. Недоразумения продолжались, однако, и после этого соглашения; осенью 1874 г. попечитель Одесского учебного округа, ссылаясь на дороговизну жизни в Одессе, возбудил ходатайство об увеличении стипендии одного из гимназистов с 300 до 360 руб., с тем чтобы стипендия одному из студентов за это время была уменьшена с 300 до 240 руб. Факультет, конечно, не мог признать этого желания основательным [132].

Срок единственным частным стипендиям, которыми располагал факультет до введения устава 1863 г., именно стипендиям Муравьева-Амурского и Игнатьева, истек 1 июля 1879 г. По постановлению факультета, вся сумма, оставшаяся от стипендий, была обращена «в процентные бумаги для хранения неприкосновенным капиталом впредь до особого ходатайства факультета об учреждении на этот остаток постоянной стипендии имени Кяхтинского купечества» [133]. Этой мерой одна из стипендий была сохранена для факультета, хотя и в значительно уменьшенном виде; она была теперь уже не больше, а меньше казенных. Самое учреждение стипендии последовало только 8 декабря 1882 г. (по высочайшему повелению), причем за ней, вопреки постановлению 1879 г., было сохранено имя графов

---

[127] Журнал собрания факультета 17 декабря 1870 г.
[128] МИФВЯ, т. I, стр. 495 и сл.
[129] Там же, т. II, стр. 42.
[130] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 16.
[131] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 56.
[132] *Протоколы заседаний совета*, № 11, стр. 4, и 26.
[133] *Протоколы заседаний совета*, № 20, стр. 67.

Муравьева-Амурского и Игнатьева [134]. Кроме того, факультет с 1873 г. располагал частной стипендией имени коллежского асессора Грека для специально занимающихся персидским языком, переведенной из Тифлисской гимназии [135]. Наконец, на долю факультета восточных языков пришлась одна из трех стипендий на проценты с капитала, завещанного надв. сов. Булановским. Положение об этих стипендиях было утверждено министром на основании высочайшего повеления 5 декабря 1881 г. только весною 1886 г., уже при действии нового устава [136].

Желанием облегчить в будущем судьбу воспитанников факультета были вызваны попытки факультета [137] (с 1865 г.) включить в число обязательных предметов некоторые историко-филологические и юридические науки с предоставлением студентам выбора между теми и другими и между отдельными группами юридических предметов в зависимости от той отрасли государственной службы, которой они предполагали себя посвятить. Некоторыми из членов факультета [138] тогда же указывалось, что такое распределение дополнительных предметов неизбежно останется только формальным, так как молодые люди ни при поступлении в университет (выбор «отделения», по проекту факультета [139], должен был быть сделан уже при подаче прошения о приеме), ни даже во время прохождения курса не знают, какой род служебной деятельности им предстоит. Министерство народного просвещения сначала отнеслось к проекту отрицательно; даже по формальным основаниям проект был причислен к числу таких, которые не могли быть осуществлены властью министра и непременно требовали разрешения в законодательном порядке [140]; тем не менее проект в несколько измененном виде был осуществлен через несколько лет распоряжениями министра.

Инициатива на этот раз исходила не от факультета, а от попечителя кн. П. И. Ливена и от туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в зависимости от потребностей вновь присоединенного к России Туркестанского края [141]. Вследствие этого преподавание юридических предметов, с разделением на две группы, административную и судебную, было введено сначала (с 1870 г.) только для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда и только впоследствии (с 1873 г.) распро-

---

[134] *Протоколы заседаний совета*, № 27, стр. 53—54. Замечательно, что еще до официального учреждения стипендии она была назначена одному из студентов факультета — с 1 октября 1882 г. (там же, стр. 30).

[135] *Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 26—27; № 8, стр. 4—5, 94.

[136] *Протоколы заседаний совета*, № 34, стр. 100—101.

[137] МИФВЯ, т. II, стр. 8 и сл. Впрочем, та же мысль высказана еще в записке В. В. Григорьева, составленной в январе 1864 г. и принятой факультетом (МИФВЯ, т. I, стр. 503—504).

[138] МИФВЯ, т. II, стр. 17 и 21.

[139] Там же, стр. 28.

[140] Там же, стр. 29.

[141] Там же, стр. 59 и сл.

странено на студентов китайско-маньчжурско-монгольского разряда. С другой стороны, третья группа юридических предметов, для лиц, предназначающих себя к дипломатической службе, была установлена сначала для студентов-китаистов (с 1873 г.), и только впоследствии (уже во время действия устава 1884 г.) те же правила были распространены и на студентов-арабистов [142]. Первоначально предполагалось, что для слушания юридических предметов будет установлен пятый, дополнительный курс; только в том случае, «если в продолжении одного пятого года изучение сказанных предметов окажется затруднительным», разрешалось отнести некоторые из них «на IV и даже на III курсы» [143]. Факультет с самого начала своего существования придерживался иного порядка, стараясь отнести слушание так называемых «дополнительных» (не факультетских) предметов к первым курсам, с тем чтобы старшие курсы были назначены «исключительно для теоретического и практического изучения восточных языков» [144]. Еще весной 1867 г. факультет обязал студентов «выслушать дополнительные в факультете восточных языков предметы, как-то историю русской литературы и русскую историю, непременно в течение первых трех курсов, т. е. или 1 и 2-го или 2 и 3-го курса, при обязательном экзамене за каждый год слушания» [145]. Осенью 1876 г. было постановлено, чтобы слушание юридических предметов «начиналось не позже 3-го курса и оканчивалось 4-м курсом под условием сдавать ежегодно экзамен из прослушанного курса» [146]. После введения устава 1884 г. было установлено требование, чтобы слушание юридических предметов было «закончено в первые шесть семестров» [147]; впоследствии этот срок был ограничен первыми четырьмя семестрами.

Казалось, что введение юридических предметов откроет широкое поприще воспитанникам факультета и в этом отношении будет началом новой эры. Весной 1876 г. комиссия, учрежденная для рассмотрения всеподданнейшего отчета министра народного просвещения, высказала пожелание, «чтобы при замещении служебных должностей на Востоке отдавалось предпочтение лицам, окончившим курс по факультету восточных языков С.-Петербургского университета»; это мнение комиссии удостоилось высочайшего одобрения. За изучением восточных языков официально было признано «огромное практическое применение». Такое признание, в связи с высочайше одобренным мнением комиссии, давало факультету полное право надеяться, что указания комиссия будут применены не только к Туркестанскому краю, потребностями которого они были вызваны, но также «к Восточной и Западной Сибири, к Кавказскому краю

---

[142] Там же, стр. 302.
[143] Там же, стр. 62 и сл.
[144] Там же, т. I, стр. 253.
[145] Журнал собрания факультета восточных языков 5 марта 1867 г.
[146] МИФВЯ, т. II, стр. 79.
[147] Там же, стр. 127 и 137.

и Закавказью и вообще к тем местностям, в которых от служащих лиц может требоваться, независимо от общего образования, и применение знания восточных языков со значительной пользой для успешности дела». На этом основании факультет предполагал «просить ходатайства совета» об увеличении числа казенных стипендий [148]. Насколько можно судить по протоколам заседаний совета, такое ходатайство, однако, не было возбуждено ни в той общей форме, в которой предполагалось возбудить его в 1876 г., ни, в частности, по отношению к кавказским стипендиям, вопрос о которых вновь был возбужден факультетом по инициативе А. А. Цагарели в начале 1881 г. В представлении А. А. Цагарели [149] указывалось на «крайний недостаток в лицах, научно подготовленных к исследованию этих в высшей степени важных в научном отношении, но мало исследованных местностей и народов»; эти лица, по мнению А. А. Цагарели, «кроме целей чисто-научных, с успехом могли бы удовлетворять и другим, не менее важным, потребностям края в педагогическом, исполняя обязанности преподавателей туземных языков, судебном и административном отношениях». Соглашаясь с этим мнением, факультет предполагал переименовать армяно-грузинский разряд в армяно-грузино-персидский (что потом было исполнено) и «сделать обязательным для кавказских стипендиатов слушание, со 2-го курса, тех предметов юридического факультета, юридического и административного разрядов, которые слушают студенты других разрядов факультета, желающие посвятить себя службе в Туркестанском крае и Сибири по судебной и административной частям». Было постановлено «все соображения доц. Цагарели с указанием на изменение состава предметов в армяно-грузинском разряде и переименование самого разряда представить г. ректору, с приложением письма г. попечителя Кавказского учебного округа» (А. А. Цагарели представил это письмо в доказательство своего мнения, что ходатайство о стипендиях встретит сочувствие со стороны попечителя К. П. Яновского, неоднократно выражавшего «свою полную готовность содействовать успехам востоковедения на Кавказе»), «и просить его довести о всем этом до сведения г. попечителя Кавказского учебного округа в тех видах, что не признает ли он со своей стороны полезным войти с ходатайством, в интересах края, о возвращении факультету кавказских стипендий» [150]. Из протоколов заседаний совета за весеннее полугодие 1881 г. видно, что представление факультета не было доложено совету; было ли оно доведено до сведения попечителя К. П. Яновского, неизвестно; во всяком случае, оно не имело результатов.

---

[148] Там же, стр. 76—79.

[149] Дела факультета за 1881 г. Дата первого представления А. А. Цагарели — 14 января 1881 г.; второе, дополнительное представление было внесено 28 января, в день факультетского заседания, после которого было сделано представление от факультета на имя ректора за № 13.

[150] Журнал заседания факультета 28 января 1881 г.

С вопросом о служебной карьере воспитанников факультета до некоторой степени был связан вопрос об организации лекторского преподавания, так как для служебной деятельности признавалось наиболее необходимым практическое знание языка. По уставу 1863 г. при факультете было четыре лекторских оклада, которые и перешли к состоявшим на службе в то время Кельзи, мирзе Шафи, Абдекаримову и Фейзханову. Кельзи оставался лектором до выслуги (в 1881 г.) двадцатипятилетнего срока. С 16 февраля 1881 г. он был уволен от службы, так как «вследствие расстроенного здоровья» не мог оставаться сверх срока в должности, но был оставлен до 1 января 1882 г. вольнонаемным преподавателем с сохранением лекторского содержания (сверх пенсии) [151]. Преемником ему был избран в заседании совета 18 января 1882 г.[152] Фадлалла Сарруф (в качестве вольнонаемного преподавателя с лекторским окладом на два года, по 1 января 1884 г. и вторично [153] по 1 января 1886 г.). Мирза Шафи оставался лектором до своей смерти, последовавшей 21 марта 1878 г.[154]. Его преемником был избран в заседании совета 16 октября того же года ахунд конвоя его величества мирза Гасан Таиров (вольнонаемным преподавателем по 1 января 1880 г.[155]); еще до окончания срока, летом 1879 г., он вернулся на родину, в Шушу [156]. В заседании совета 15 декабря 1880 г. был избран преподавателем, сроком по 1 января 1883 г., персидский подданный мирза Джафар (вице-консул на Нижегородской ярмарке) [157]; впоследствии этот срок был продолжен по 1 января 1885 г.[158]. Абдекаримов умер в октябре 1865 г.[159], после чего среди преподавателей факультета не было природного китайца до 1884 г., т. е. до назначения Гуй-жуна; свободный лекторский оклад перешел к преподавателям русского происхождения, изучившим китайский язык практически в Пекине.

Еще в том же, 1865 г.[160] был утвержден преподавателем по найму с лекторским окладом К. А. Скачков, драгоман VI класса при Азиатском департаменте, по образованию агроном. В 1867 г. он был назначен консулом

[151] *Протоколы заседаний совета*, № 24, стр. 40, 46 и 97.

[152] *Протоколы заседаний совета*, № 26, стр. 16.

[153] *Протоколы заседаний совета*, № 29, стр. 46 и 53.

[154] *Протоколы заседаний совета*, № 18, стр. 35. В *Биографическом словаре СПб. ун-та* (т. II, стр. 338) ошибочно указан 1877 г.

[155] *Протоколы заседаний совета*, № 19, стр. 29.

[156] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 270.

[157] *Протоколы заседаний совета*, № 23, стр. 66.

[158] *Протоколы заседаний совета*, № 27, стр. 46 и 54.

[159] Григорьев, *Петербургский университет*, прим. 591. В делах факультета 1865 г. есть представление В. П. Васильева (от 29 октября) о назначении пособия вдове Абдекаримова; по журналу заседания факультета 15 ноября 1865 г., было назначено 400 руб.

[160] Представление Васильева о Скачкове также имеет дату: «29 октября», и также было рассмотрено в заседании 15 ноября; об утверждении Скачкова университет был уведомлен предложением попечителя от 4 декабря (дела факультета 1865 г.). <О Константине Андриановиче Скачкове (1821—1883) см.: ИИН, № 11034—11038. — *А. К.*>

в Тяньцзин, вследствие чего, по выражению В. В. Григорьева [161], «китаиста-агронома заменил китаист-астроном». В своем представлении от 14 августа 1867 г. В. П. Васильев рекомендовал факультету в качестве преподавателя китайского языка магистра астрономии Д. А. Пещурова, пробывшего в Пекине, при миссии, восемь лет (1857—1865) и в то время состоявшего при Азиатском департаменте [162]; предложением попечителя от 13 сентября того же года он был утвержден в качестве преподавателя по найму с окладом лектора [163]. Уже 12 марта 1869 г. В. П. Васильев вошел в факультет с ходатайством об избрании Пещурова и. д. доцента [164]. Единогласно избранный в факультете [165], Пещуров был избран также в совете и определен и. д. доцента высочайшим приказом 8 июля того же года «с тем лишь непременным условием, чтобы утверждение его в сей должности и затем дальнейшее повышение удовлетворяли всем требованиям университетского устава» [166].

Лектором турецкого языка после смерти Фейзханова, как мы видели (стр. 151), также был избран в факультете (в 1866 г.) молодой ученый русского происхождения, воспитанник факультета; но это избрание не имело последствий. В том же, 1866 г. предложил свои услуги факультету для безвозмездного преподавания татарского языка эфендий конвоя его величества Мухаммед Османов [167]. Вследствие отзыва Л. З. Будагова, что Османов хорошо знает свое кумыкское наречие, отчасти и другие, факультет постановил допустить его к преподаванию, поручив надзор за этим преподаванием Будагову [168]; предложением попечителя от 31 декабря 1866 г. состоялось допущение Османова к преподаванию «без вознаграждения и без прав службы» [169]. В январе 1869 г. факультет по инициативе Березина возбудил ходатайство о назначении Османова штатным лектором [170]; на эту должность он был избран в заседании совета 11 апреля и занимал ее, с некоторыми перерывами (см. выше, стр. 153—154), до осени 1881 г., после чего факультет до введения нового устава уже не имел лектора турецко-татарского языка [171].

---

[161] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 388.

[162] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 41. Журнал собрания факультета 16 августа 1867 г.

[163] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 59.

[164] Дела факультета 1869 г., вход. бумага № 27.

[165] Журнал собрания факультета 13 марта 1869 г.

[166] *Протоколы заседаний совета*, № 1, стр. 14.

[167] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 97. Журнал собрания факультета 27 сентября 1866 г.

[168] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 105. Журнал собрания факультета 1 ноября 1866 г.

[169] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 2. Журнал собрания факультета 27 января 1867 г.

[170] Дела факультета 1869 г., вход. бумага № 9. Журнал собрания факультета 20 февраля 1869 г.

[171] *Протоколы заседаний совета*, № 1, стр. 14.

Свободным лекторским окладом вследствие отсутствия лектора китайского языка факультет воспользовался для развития практического преподавания монгольского языка. Еще осенью 1863 г. был приглашен для преподавания калмыцкого языка по инициативе К. Ф. Голстунского Дорджи Джаб Кутузов с окладом 500 руб. в год «пока польза, приносимая им студентам, не даст ему права на звание лектора» [172]. После увольнения Кутузова было возбуждено ходатайство (в начале 1866 г.) о назначении преподавателем с тем же вознаграждением православного бурята А. А. Бадмаева [173]; факультет полагал назначить это вознаграждение «из общих остатков от штатных сумм»; вследствие решения попечителя, что эти деньги могут быть заимствованы только из лекторских окладов или из сумм за слушание лекций, факультет сначала постановил отложить дело до тех пор, когда окажутся свободные суммы [174], потом, по желанию самого Бадмаева, возбудил ходатайство о назначении его лектором без оклада [175]. Предложением попечителя от 24 января 1867 г. университет был уведомлен о назначении Бадмаева лектором с правами службы, но без жалованья [176]; лекторский оклад был назначен ему в мае 1868 г.[177]. Бадмаев оставался лектором до своей смерти, последовавшей 27 сентября 1873 г.; в заседании совета 15 октября того же года ему был избран преемник в лице протоиерея Н. Н. Дорджеева, по происхождению бурята [178]. Дорджеев был определен преподавателем с окладом лектора на три года, по 15 октября 1876 г.; в заседании совета 10 мая 1876 г. он был избран штатным лектором [179].

Указания опыта постепенно изменили взгляд факультета на значение лекторского преподавания и на ту пользу, которой можно было от него ожидать. В первые годы жизни факультета студенты на первых курсах занимались преимущественно у лекторов; лекторы должны были сообщать им основы языка и подготовлять их к слушанию лекций профессоров на старших курсах. Как выразился еще в 1865 г. лектор Фейзханов, «ознакомление студентов с азбукой и первоначальными элементарными сведениями» возлагалось на лекторов; поручение такой обязанности университетским ученым казалось Фейзханову бесполезной тратой «дорогого времени ученых профессоров» [180].

---

[172] Дела факультета 1863 г. Журнал собрания факультета 7 сентября 1863 г.

[173] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 10.

[174] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 32. Журнал собрания факультета 5 апреля 1866 г.

[175] Дела факультета 1866 г., вход. бумага № 40 (представление Голстунского). Журнал собрания факультета 12 апреля 1866 г.

[176] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 8.

[177] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 387.

[178] *Протоколы заседаний совета*, № 9, стр. 26—27.

[179] *Протоколы заседаний совета*, № 14, стр. 56.

[180] МИФВЯ, т. II, стр. 22.

Противоположный взгляд впервые был высказан в 1865 г., в записке Григорьева, Патканова и Д. А. Хвольсона: «чтобы практические занятия с лекторами начинались во всех разрядах не ранее III-го курса, когда студенты в течение двух предшествовавших курсов успели приобрести уже достаточные теоретические сведения в изучаемых ими языках» [181]. Этот взгляд был проведен в жизнь только несколько лет спустя; еще по обозрению преподавания [182] 1869/70 г., лекции мирзы Шафи и Османова начинались с 1-го курса, лекции Казем-Бека и Березина — со 2-го; только в обозрении преподавания 1870/71 г. соблюден принцип, по которому занятия у лекторов (Бадмаева, Кельзи, мирзы Шафи и Османова) не должны начинаться ранее 3-го курса; исключение было, однако, сделано для занятий китайским языком у Д. А. Пещурова. В обозрениях преподавания за 1871/72 и следующие годы этот принцип был нарушен в пользу занятий у лектора арабского языка; начало этих занятий было отнесено уже ко 2-му курсу. С 1879/80 г., когда в обозрениях преподавания исчезает упоминание о «пятом» курсе [183], занятия по татарскому и монгольскому языкам у лекторов также начинались со 2-го курса.

Факультету по-прежнему приходилось принимать меры как для упорядочения лекторского преподавания, так и для напоминания студентам о том, что эти занятия для них обязательны. 20 октября 1869 г. факультет постановил: «поручить гг. лекторам представлять факультету два раза в год, в декабре и апреле, отчеты о том, чем они занимались со студентами в течение каждого полугодия, что именно пройдено и какие успехи оказали студенты в этот промежуток времени в практических занятиях, сообщая при этом факультету сведения о студентах-стипендиатах, не посещающих практических лекций; вместе с тем практические занятия лекторов подчинить непосредственно контролю профессоров по принадлежности кафедры. О таковом определении факультета, через г. декана, сообщить лекторам восточных языков для зависящего с их стороны исполнения означенного постановления. Об обязательном посещении практических лекций объявить студентам-стипендиатам». Объявление было выставлено в аудиториях и вновь подтверждено постановлением факультета 20 декабря того же года по поводу непосещения двумя стипендиатами лекций Кельзи [184]. В 1872 г. лекторам Кельзи и мирзе Шафи была сообщена для руководства инструкция, составленная Гиргасом и Черняевым; в то же время было постановлено «сообщить лекторам, что какие-либо переводы на русский язык из разных восточных авторов не должны входить в круг практических их занятий» [185].

[181] Там же, стр. 13.

[182] Обозрения преподавания за соответствующие годы приложены к протоколам заседаний совета.

[183] В протоколах заседаний совета, однако, еще в 1884 г. упоминается об «оставлении на 5-й год» (*Протоколы заседаний совета*, № 30, стр. 76).

[184] Журналы собраний факультета 20 октября и 20 декабря 1869 г.

[185] Журнал собрания факультета 28 сентября 1872 г.

К числу практических задач, возлагавшихся на факультет, принадлежало кроме приготовления чиновников для различных ведомств также приготовление миссионеров. Еще до открытия факультета, в 1855 г., был возбужден вопрос об обучении на факультете грузинскому и татарскому языкам будущих распространителей христианства в Абхазии [186]. В 1867 г. был возбужден и осуществлен другой проект [187] об учреждении при факультете «специального двухгодичного курса татарского и монгольского языков для лиц, изъявивших желание поступить на миссионерское служение», т. е. предназначавшихся миссионерским обществом для миссий Восточной Сибири [188]. Курсы имели характер «чисто специальный», и прослушавшие их получали об этом только свидетельства, не дававшие им никаких прав. Министр народного просвещения гр. Д. А. Толстой дал свое согласие на открытие курсов только «в виде опыта на два года»; после окончания этого срока вопрос об их возобновлении более не поднимался.

Взгляд, высказанный в 1857 г. деканом Казем-Беком, по которому «назначение» факультета было «чисто практическое» [189], в 60-х годах уже не пользовался сочувствием большинства. Приблизительно такой же взгляд был проведен Казем-Беком в записке, представленной в начале 1864 г. по вопросу о будущности воспитанников факультета; но факультет, выслушав эту записку, поручил составление новой записки Григорьеву [190] и эту последнюю постановил «признать вполне удовлетворительным ответом на предложенные г. министром вопросы и представить ее г. попечителю, приложив при этом и записку заслуженного профессора Казем-Бека, как отдельное от прочих членов мнение» [191]. В записке Григорьева впервые проводится взгляд, что «практические цели факультета, сколь ни важны они, составляют лишь часть его задачи, заключающейся, главнейше, как и задача всякого другого факультета, в ученой обработке и распространении сведений, входящих в круг преподаваемых в нем предметов, в служении чистой науке на пользу целого человечества»; ввиду этого факультет теперь выражал свою радость, что проект учреждения отдельного от университета Азиатского института в свое время (по причинам совершенно иного характера) не был осуществлен [192].

При таком взгляде на свои задачи факультет не мог бы присоединиться к мнению, высказанному в 1864 г. советом министра народного просвещения, по которому главной задачей преподавания восточных языков было «привлечь в средние учебные заведения и в самый университет по-

[186] МИФВЯ, т. I, стр. 186—187, 234—235.
[187] Там же, т. II, стр. 45 и сл.
[188] Там же, стр. 46, прим.
[189] Там же, т. I, стр. 392.
[190] Журнал собрания факультета 29 января 1864 г.
[191] Журнал собрания факультета 5 февраля 1864 г.
[192] МИФВЯ, т. I, стр. 507—508.

больше представителей инородного населения Восточной России» [193]. Ходатайства о допущении в число слушателей факультета, в виде исключения, инородцев, не обладавших установленным образовательным цензом, не встречали со стороны факультета сочувствия. Так, в 1882 г. совет университета, очевидно, согласно заключению факультета, ответил отрицательно на запрос министерства народного просвещения по поводу прошения Рашид-хана ширванского, «существуют ли данные, которые оправдывали бы в настоящем случае ходатайство просителя о допущении для него применения изменения из действующих университетских правил, приняв в соображение специальность предмета, изучению которого он себя посвящает» [194].

По поводу студенческих волнений министерством не раз возбуждался вопрос об усилении обязательных занятий студентов. Факультет восточных языков в 1870 г. представил по этому вопросу записку Григорьева о практических занятиях по истории Востока. Автор записки заявлял, что «вместе со всем народом русским» верит, что «охота пуще неволи», и поэтому старается сделать практические занятия «не столько обязательными, сколько приятными и желательными» для самих слушателей. Вследствие этого им были устранены все формальности, как «назначение для практических занятий известного времени, известного места, известного порядка и известной последовательности»; каждый студент писал «о том, что кажется ему интереснее, лишь бы писал наукообразно и предмет относился до Азии» [195]. Однако такой порядок соблюдался только при занятиях по кафедре истории Востока. Еще осенью 1869 г. факультет по поводу того же вопроса доказывал, что студенты могут научиться в четыре года восточным языкам «только при непосредственном и непрерывном контроле профессоров и преподавателей» [196]. С весны 1879 г. были введены по ходатайству факультета переводные экзамены с 3-го курса на 4-й даже для студентов, не пользовавшихся никакими льготами и стипендиями [197]. Кандидаты-стипендиаты подвергались такому же контролю, как студенты; в 1870 г. совет по ходатайству факультета вменил им в обязанность «посещать профессорские лекции по тому языку, занятие которым они избирают своей специальностью» [198].

Присоединение к России нового обширного края открывало новое поприще не только для служебной карьеры воспитанников факультета, но и для научных работ русских ориенталистов. Нельзя не признать, что степень участия как преподавателей, так и воспитанников факультета

---

[193] Там же, стр. 539.

[194] *Протоколы заседаний совета*, № 26, стр. 29.

[195] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 52—55.

[196] *Протоколы заседаний совета*, № 1, стр. 90. Журнал собрания факультета 20 октября 1869 г.

[197] *Протоколы заседаний совета*, № 20, стр. 48 и 60.

[198] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 67.

в этой работе мало соответствовала тем ожиданиям, которые можно было возлагать на единственный в России рассадник научного востоковедения. Факультет, конечно, вполне сознавал, что к прежней задаче русских арабистов, поставленной еще при Френе (извлечь из арабских источников данные о русских и славянах), после завоевания Туркестана присоединялась еще новая: собрать и издать известия арабских географов о Туркестане в эпоху его наибольшего экономического процветания. На эту задачу указал факультету еще в 1868 г. Казем-Бек; по его словам, описания арабских географов заключали в себе «много предметов современного интереса, а именно: географические и статистические сведения описываемых стран; описания предметов торговли и промышленности, статей натуральных и денежных сборов в разное время, начиная с владычества Саманидов в Мавераун-Нагре (Мавераннахре) до XV века». Предполагая «составить по географии Туркестана извлечение, а если можно, приготовить к изданию часть подлинника с переводом», он хотел начать с труда Мукаддаси (Макдиси), впоследствии изданного де Гуе, и с этой целью отправился в 1869 г. в заграничную командировку. Болезнь и смерть не позволили ему осуществить это намерение.

В том же представлении, в котором излагалась эта мысль [199], Казем-Бек, кроме того, предлагал ходатайствовать перед правительством о назначении средств для командирования в течение двух или трех вакаций трех или четырех молодых ориенталистов под руководством опытного профессора, например Григорьева, которые бы «совершали каждый раз четырехмесячные путешествия по Туркестану» для изучения местных памятников древности. Казем-Бек был убежден, что «там, в Самарканде, в Ташкенте и соседних городах скрываются множество манускриптов, от которых дошли до нас одни лишь названия, там на стенах мечетей и примечательных зданий много надписей, которые могут разрешить некоторые темные исторические вопросы; там можно раскрыть много драгоценностей по части лингвистики, по части нумизматики и по части этнографии». Факультет постановил отложить суждение по этому вопросу «до заявления орд. проф. Григорьева об этом предмете»; такого заявления не последовало; работа, намеченная Казем-Беком, и в настоящее время исполнена далеко не вполне. Факультетом в 1870 г. была предложена тема для студенческой работы на медаль: «представить историческое обозрение географической литературы мусульманских народов, с обозначением, как далеко простирались сведения мусульманских географов в глубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения» [200]. Из представленных двух сочинений одно было удостоено золотой, другое — серебряной медали [201];

---

[199] Дела факультета 1868 г., вход. бумага № 83. Журнал собрания факультета 15 ноября 1868 г.

[200] *Протоколы заседаний совета*, № 2, стр. 141.

[201] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 132—136.

но ни та, ни другая работа впоследствии не были обработаны для печати. Кроме того, известия арабских географов о Средней Азии, как и следовало ожидать, были одной из тем, предлагавшихся при упомянутых выше практических занятиях по истории Востока; так, путешествие Абу Дулефа, которому впоследствии была посвящена известная монография Григорьева [202], перед этим послужило темой для студенческого труда барона В. Р. Розена [203]. Из рукописей, добытых в Средней Азии, в библиотеку университета поступили только очень немногие; бóльшая часть перешла в Императорскую Публичную библиотеку и в Азиатский музей Академии наук; ни то ни другое собрание не имеют до сих пор полного и научного описания.

Во время войны 1877—1878 гг. по инициативе факультета возникло дело «об уступке факультету восточных языков С.-Петербургского университета рукописей на восточных языках, оказавшихся в городах Европейской и Азиатской Турции, занятых русскими войсками» [204]. В сентябре 1878 г. декан В. В. Григорьев получил официальное уведомление о числе книг и рукописей, добытых в Болгарии (всего более 4300 названий) [205], с прибавлением, что «к охранению этих памятников приняты меры и кроме того приискиваются ныне лица, знающие восточные языки, для составления подробной описи всем найденным книгам и рукописям, каковая опись, по изготовлении, будет доставлена в министерство». Среди восточных рукописей университетской библиотеки [206] нет, однако, таких, которые были бы присланы из Турции после войны. Вообще рукописи приобретались большей частью отдельными преподавателями или воспитанниками факультета во время поездок на Восток; наиболее плодотворной в этом отношении была командировка в Монголию кандидата (впоследствии профессора) А. М. Позднеева (1876—1879 гг.) [207].

Период действия устава 1863 г. вообще не был периодом наибольшего расцвета научной жизни факультета, по крайней мере не по всем отраслям востоковедения. Если студенты в это время благодаря трудам Васильева, Захарова, Гиргаса и барона Розена получили необходимые по-

---

[202] Ср. отзыв о ней барона В. Р. Розена, *Пролегомена*, стр. 72.

[203] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 54. В 1872 г. Н. И. Веселовский под руководством Григорьева занимался «переводом с арабского и комментированием» описания Мавераннахра из сочинения Истахри (*Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 85).

[204] Дело департамента народного просвещения, кар. 3075. Дело было начато письмом В. В. Григорьева на имя министра графа Д. А. Толстого от 24 января 1878 г.

[205] По делу эти сведения были сообщены министру императорским российским комиссаром в Болгарии кн. Дундуковым-Корсаковым отношением от 7 августа 1878 г., № 1543.

[206] О составе этой коллекции см.: Залеман — Розен, *Список рукописям библиотеки СПб. университета.*

[207] О ней и ее результатах см.: *Протоколы заседаний совета*, № 14,стр. 40—42; № 19, стр. 12—14; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 113.

собия (словари и хрестоматии) для изучения китайского, маньчжурского и арабского языков, то по другим языкам эта настоятельная потребность преподавания оставалась неудовлетворенной: так, устарелые хрестоматии Болдырева и др. не были заменены новыми. Турецкая хрестоматия И. Н. Березина была окончена изданием только в 1890 г., когда она уже успела устареть. Результаты подготовки молодых ученых сил, продолжавшейся, конечно, и в этот период, преимущественно сказались уже при действии устава 1884 г. Что касается стоявших на очереди задач русского ориентализма, то факультету, как мы видели, в то время только в слабой степени удалось содействовать выяснению арабских известий о Туркестане; зато выполнению другой задачи — извлечь из арабских источников данные о русских, славянах и Византии — значительно содействовали труды Д. А. Хвольсона, А. Я. Гаркави и барона В. Р. Розена [208]. Предпринятое И. Н. Березиным издание с переводом и комментарием «Сборника летописей» Рашид ад-дина было значительным шагом вперед на пути к выполнению другой, по выражению самого И. Н. Березина [209], «лежавшей на русских ориенталистах обязанности» — осветить так называемый «монгольский» период русской истории.

Научной производительности членов факультета, по всей вероятности, могло бы значительно способствовать осуществление мысли, высказанной в 1865 г. В. П. Васильевым, об учреждении периодического органа по всем вопросам востоковедения под названием «Азиатское обозрение». К сожалению, мысль факультета за недостатком денежных средств не нашла сочувствия в совете [210]. Для популяризации научного востоковедения, однако, имело большое значение предпринятое И. Н. Березиным издание «Русского Энциклопедического словаря», законченное в 1879 г. Многие статьи по востоковедению, помещенные в этом словаре членами факультета и другими ориенталистами (напр., П. И. Лерхом), являются самостоятельными монографиями и по научным достоинствам значительно превосходят статьи по тем же предметам, помещенные в русских энциклопедических словарях последующего времени. В. П. Васильев справедливо писал в 1879 г., что «успехом г. Березина, составляющим его гордость, может гордиться и самый наш университет» [211].

---

[208] ⟨Сюда относится рукописное примечание В. В. Бартольда на нижнем поле страницы принадлежавшего ему экземпляра книги: «О значении для России византиноведения еще Куник в Учен. Зап. Акад. Наук, т. II, вып. 3, стр. 429—454 (предлож. о Тафеле), ср. ⟨Барсуков,⟩ *Жизнь Погодина*, XIII, 272. В 1854 г. письмо ⟨Куника⟩ Погодину о „позоре“, что не дают и 1000 руб. в год „для поднятия и энергического ускорения византинических занятий!“ (стр. 323). Погодин в 1856 г. встретил Тафеля в У . . . ⟨неразборчиво⟩, говорил об издании им также венец. (?) материалов. . .» (обрез полей). — *Н. Т.*⟩

[209] Березин, *Предисловие.* ⟨Об Илье Николаевиче Березине (1818—1896) см.: ИИН, № 10647—10658; см. также ниже, стр. 737—756. — *А. К.*⟩

[210] МИФВЯ, т. II, стр. 1—7.

[211] *Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 98.

Отчасти с именем Березина, но еще более с именем Григорьева связана та перемена во взглядах факультета на свои задачи (признание первенства научных задач перед практическими), которая замечается в 60-х годах. Представитель прежнего течения, Казем-Бек, оставался, как мы видели, при особом мнении как по этому вопросу, так и по связанному с ним вопросу о программах испытаний на степень магистра. В 1866 г., после выхода в отставку А. О. Мухлинского, Казем-Бек снова был избран деканом [212] и оставался в этой должности до своей смерти, последовавшей в 1870 г., но и в этот период Григорьев, как видно из многих примеров [213], сохранял свое прежнее влияние. Столкновения между Казем-Беком и прочими членами факультета более не возобновлялись. Осенью 1867 г. в факультете был возбужден вопрос о приобретении для университета библиотеки Казем-Бека, разрешенный уже после его смерти [214]; для рассмотрения этого вопроса была образована комиссия из профессоров Григорьева, Навроцкого и Хвольсона [215]. В декабре 1868 г. факультет возбудил ходатайство о возведении Казем-Бека в степень доктора восточной словесности [216]; в январе 1869 г. это ходатайство было удовлетворено советом. Преемниками Казем-Бека в качестве деканов были сначала Березин [217] (до 1873 г.), потом Григорьев [218] (до 1878 г., т. е. до своего выхода в отставку). С 1878 г. в течение 15 лет стоял во главе факультета В. П. Васильев [219], в большей степени, чем Березин, примыкавший к взглядам Казем-Бека и казанской школы ориенталистов. Такой характер взглядов нового декана проявился, как мы увидим, в ходатайствах, возбужденных факультетом после введения устава 1884 г.

Связь факультета с ориенталистами, не входившими в состав его членов, выразилась за этот период в избрании П. Я. Петрова (ум. в 1875 г.)

---

[212] Казем-Бек уже с 10 февраля 1866 г. подписывал журналы факультетских заседаний в качестве и. д. декана, хотя только в заседании 25 февраля было заслушано предложение попечителя ректору от 16 февраля с разрешением Казем-Беку как старшему в факультете исправлять должность декана «впредь до утверждения в ней» (дела факультета 1866 г., вход. бумага № 17). Утверждение последовало приказом по министерству от 4 марта (там же, вход. бумага № 33).

[213] МИФВЯ, т. II, стр. 37, 38, 42, 52.

[214] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 49 и 81—82; № 5, стр. 7.

[215] Дела факультета 1867 г., вход. бумага № 81 и журнал собрания факультета 1 декабря 1867 г.

[216] Журнал собрания факультета 13 декабря 1868 г.

[217] Об избрании его см.: *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 84 (большинством шести голосов против трех).

[218] О первом избрании его (в 1873 г.) см.: *Протоколы заседаний совета*, № 9, стр. 50 (большинством пяти голосов против трех), о втором (в 1876 г.) — *Протоколы заседаний совета*, № 13, стр. 47 (большинством восьми голосов против двух).

[219] О первом избрании его (в 1878 г.) см.: *Протоколы заседаний совета*, № 19, стр. 21, о втором — *Протоколы заседаний совета*, № 25, стр. 33 (оба раза единогласно).

доктором санскритской словесности (в 1864 г.) [220], В. В. Вельяминова-Зернова (ум. в 1904 г.) — доктором турецко-татарской словесности, Н. В. Ханыкова (ум. в 1878 г.) — доктором истории Востока (в 1866 г.) [221], академика Б. А. Дорна (ум. в 1881 г.) — доктором восточной словесности [222] и архиепископа Нила (ум. в 1874 г.) — почетным членом университета [223] (в 1869 г.).

---

[220] Григорьев, *Петербургский университет*, прилож., стр. XXXV. Представление факультета в совет (21 сентября 1864 г., № 34) находится в делах факультета за 1864 г., в особой пачке с исходящими бумагами. В журналах собраний факультета за 1864 г. об этом избрании не упоминается.

[221] Оба были избраны факультетом в заседании 14 марта 1868 г. единогласно (семь избирательных шаров), первый — по представлению Григорьева и Березина, второй — по представлению Григорьева и Коссовича.

[222] Журнал собрания факультета 13 декабря 1868 г.

[223] Журнал собрания факультета 3 января 1869 г. (единогласно). Ср. также некролог архиепископа Нила в *Протоколах заседаний совета*, № 11, стр. 79—80.

VII

ФАКУЛЬТЕТ ПРИ ДЕЙСТВИИ УСТАВА 1884 г.

Вопрос о пересмотре устава 1863 г. был возбужден еще в начале 70-х годов. Уже в заседании 1 сентября 1872 г. совет выслушал предложение министра, в котором указывалось на «неудобства» некоторых параграфов устава 1863 г. и на необходимость пересмотра устава «с целью вполне и достойно замещать своевременно все вакантные кафедры и усилить занятия студентов». Совет постановил передать вопрос на предварительное обсуждение факультетов и после этого образовать особую комиссию под председательством ректора из двух членов от каждого факультета [1]. Факультет восточных языков тогда категорически высказался против какого бы то ни было пересмотра устава [2]; по-видимому, такого же мнения придерживались другие факультеты, так как в протоколах заседений совета нет никаких следов работ той комиссии, о которой упоминается в протоколе заседания 1 сентября [3].

Труднее было положение университета в конце 70-х годов, когда студенческие беспорядки в связи с обострением общеполитической смуты вызвали со стороны министерства более резкие мероприятия. Высочайше утвержденным положением комитета министров 2 августа 1879 г. был отменен, вполне или отчасти, целый ряд статей устава. Власть попечителя и инспекции в ущерб власти ректора и совета была значительно расширена; надзор за студентами в «нравственном и дисциплинарном отношениях» был всецело вверен инспекции под «главным руководством» попечителя и только «при некотором участии правления и наблюдении со стороны ректора». Попечителю были непосредственно подчинены не только сту-

[1] *Протоколы заседаний совета*, № 7, стр. 9.

[2] Журнал собрания факультета 16 октября 1872 г. Членами в упомянутую комиссию были назначены Григорьев и Д. А. Хвольсон.

[3] Высочайше учрежденная 21 апреля 1875 г. комиссия работала совершенно независимо от совета под председательством И. Д. Делянова. Совету только было предписано «оказать членам упомянутой комиссии» (командированным для «расследования на месте нынешнего положения каждого из наших университетов») «всевозможное содействие к достижению предстоящей им задачи и сообщить все необходимые дела университета, а равно сведения, справки и проч., в коих комиссия, по ее соображениям, может встретить надобность» (*Протоколы заседаний совета*, № 13, стр. 15).

денты, но и профессора; предполагалось, что «профессоры и прочие преподаватели должны служить для учащихся примером уважения к старшим и в особенности к начальникам, каков прежде всего попечитель округа»; с этой целью предписывалось, чтобы «профессоры и прочие преподаватели при назначении вновь на свою должность, при повышении в звании или в чине, при получении какой-либо почетной или денежной награды, а равно и при возвращении из командировки или отпуска непременно представлялись ему (попечителю) лично» [4]. В начале 1881 г., после отмены инструкции и правил 1879 г., статьи устава 1863 г. были восстановлены в прежней силе [5], но событие 1 марта того же года положило конец либеральной эре и ускорило введение нового университетского устава.

В комиссию по пересмотру университетского устава, высочайше учрежденную 21 апреля 1875 г., в ноябре 1876 г. представителями факультета восточных языков, Григорьевым и Коссовичем, была внесена записка о преобразовании факультета [6]. В записке предлагалось изменить название факультета как не соответствующее его задаче — передавать «все знания относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его»; кроме того, предполагалось ввести на факультете преподавание целого ряда новых предметов; в пользу этого нововведения приводились соображения исключительно научного характера, без всяких указаний на практические задачи факультета. Как при введении устава 1863 г., так и теперь представители факультета старались достигнуть расширения программ преподавания с возможно меньшими издержками для казны. В 1863 г. введение новых кафедр санскритской словесности и истории Востока было достигнуто путем уничтожения отдельных кафедр маньчжурской и грузинской словесности; в 1876 г. представители факультета находили возможным выделить ряд «главных предметов», которые в отличие от прочих должны были «быть непременно преподаваемы профессорами»; остальные, «второстепенные» предметы могли быть «поручаемы не только доцентам, но и лекторам». К первой категории были отнесены только семь предметов из двадцати; по двум предметам (армянской и монгольской словесности) предлагалось заменить профессорское преподавание при освобождении вакансий доцентским и освобождающимися суммами воспользоваться для введения новых предметов. В записке предлагался еще другой способ получить необходимые средства: преподавание одного предмета двумя лицами (хотя бы даже профессором и лектором) составляло, по мнению авторов записки, «очевидную роскошь»; устранение такой «роскоши» дало бы возможность воспользоваться наличными средствами для преподавания большего числа предметов. Авторы записки, однако, признавали «в случае крайней возможности,

[4] *Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 15 и 18.

[5] *Протоколы заседаний совета*, № 24, стр. 13.

[6] МИФВЯ, т. II, стр. 295—299; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 349—350 и 353. Ср. также журнал собрания факультета 30 апреля 1875 г.

весьма желательным» присоединение к средствам факультета одного профессорского оклада и двух доцентских [7].

Преобразование факультета по новому уставу состоялось в 1884 г. на совершенно иных началах, чем предполагалось в 1876 г. Уничтожение должности штатных доцентов лишило факультет восьми преподавательских окладов; между тем число профессоров было оставлено прежнее. В противоположность взглядам, выражавшимся в 60-х годах и раньше, правительство теперь придавало практическим задачам университета, в том числе и факультета восточных языков, гораздо большее значение, чем научным. Уменьшив почти вдвое число штатных преподавателей факультета с научным цензом, устав в то же время увеличил вдвое число штатных лекторов (с четырех до восьми). Ни то, ни другое не соответствовало желаниям факультета. Значение научных задач факультета и необходимость большего количества преподавательских сил для их осуществления в это время вполне сознавались факультетом; в этом отношении взгляды, высказанные факультетом в 1886 г., существенно отличались не только от взглядов начала 60-х годов, но и от взглядов составителей записки 1876 г. Факультет уже не считал целесообразным соединение в одну кафедру таких обширных предметов, как словесности китайская и маньчжурская, армянская и грузинская; сознавалась также невозможность «требовать от одного профессора преподавания в полном объеме языка с его наречиями, историей его литературы и объяснениями, хотя бы краткими, исторической жизни народа и его религиозных верований по таким обширным кафедрам, как кафедры арабской словесности, турецко-татарской словесности и монголо-калмыцкой словесности» [8]; наконец, сознавалась невозможность преподавания одним профессором истории Востока в полном объеме [9]. С другой стороны, при том взгляде на лекторское преподавание, который к этому времени установился в факультете, число лекторов, определенное новым уставом, казалось чрезмерным; факультет считал вполне возможным «довольствоваться, для своих практических целей, шестью лекторами» [10].

В момент утверждения нового устава (23 августа 1884 г.) факультет располагал следующими силами: шесть ординарных профессоров (Березин, Васильев, Гиргас, Голстунский, Патканов и Д. А. Хвольсон), из них четверо заслуженных; два экстраординарных (Захаров и бар. Розен); один преподаватель с окладом экстраординарного профессора (Черняев); пять доцентов (Н. И. Веселовский, Д. А. Пещуров, А. М. Позднеев, В. Д. Смирнов и А. А. Цагарели); один лектор (Дорджеев), три препода-

[7] Из журнала собрания факультета 30 апреля 1875 г. видно, что предполагалось учреждение кафедры японского языка и доцентур тибетского языка и древнеиранских наречий.

[8] МИФВЯ, т. II, стр. 179.

[9] Там же, стр. 151 и 172.

[10] Там же, стр. 180.

вателя с окладами лекторов (Гуй-жун, мирза Джа'фар и Сарруф); один преподаватель, не получавший вознаграждения [11] (Андо Кенске), и один приват-доцент (К. Г. Залеман). Преподавание санскритского языка было поручено профессору историко-филологического факультета Минаеву с вознаграждением 750 руб. в год из сумм факультета [12]; кроме того, проф. Гиргас и доцент В. Д. Смирнов получали из сумм факультета по 450 руб. в год за чтение курсов мусульманского законоведения и истории Турции (проф. Патканов читал курс истории Персии безвозмездно) [13].

Экстраординарные профессора Захаров и бар. Розен вскоре после введения нового устава (первый [14] еще в 1884, второй [15]— в 1885 г.) были назначены ординарными. В связи с введением нового устава было возбуждено ходатайство о возведении всех доцентов в экстраординарные профессора; но по отношению к факультету восточных языков это ходатайство было удовлетворено не вполне. Министр «признал необходимым доцентов Пещурова, как не имеющего степени магистра, и Цагарели, как наиболее молодого из доцентов» (?), оставить за штатом; Н. И. Веселовский, А. М. Позднеев и В. Д. Смирнов были назначены экстраординарными профессорами [16]. Назначение А. А. Цагарели на ту же должность состоялось только в 1886 г.[17]. Д. А. Пещуров продолжал чтение в звании приват-доцента [18] с вознаграждением 1200 руб. в год [19]. В 1890 г. он был назначен и. д. экстраординарного профессора [20].

Вопрос о суммах на вознаграждение приват-доцентов ввиду недостаточного числа профессоров и ввиду крайне ничтожного, в зависимости от небольшого количества слушателей, гонорара за чтение лекций приобретал для факультета восточных языков особенное значение. Общие правила о вознаграждении приват-доцентов были определены в уставе и в конце 1885 г. разъяснены особым распоряжением министра. Размер вознаграждения приват-доцента, которому поручалось «временное исполнение обязанности по кафедре», по уставу не должен был превышать половины оклада ординарного профессора [21]; однако за бывшим преподавателем Черняевым, продолжавшим чтение лекций в звании приват-доцента, был сохранен оклад в 2000 руб.[22]; впоследствии были случаи

[11] Ср.: МИФВЯ, т. II, стр. 93, прим.

[12] *Протоколы заседаний совета*, № 28, стр. 27 и 41.

[13] Там же, стр. 73 и № 29, стр. 56.

[14] *Протоколы заседаний совета*, № 31, стр. 32.

[15] *Протоколы заседаний совета*, № 33, стр. 62.

[16] *Протоколы заседаний совета*, № 31, стр. 32.

[17] *Протоколы заседаний совета*, № 34, стр. 15 и 135.

[18] В списке преподавателей («личный состав Императорского С.-Петербургского университета») 1886 г. он еще назван «и. д. доцента», хотя такой должности в то время не было.

[19] *Протоколы заседаний совета*, № 36, стр. 91.

[20] *Протоколы заседаний совета*, № 42, стр. 17.

[21] *Протоколы заседаний совета*, № 33, стр. 81.

[22] *Протоколы заседаний совета*, № 36, стр. 91.

назначения приват-доценту полного оклада ординарного профессора [23]. Факультет в каждом отдельном случае, когда приват-доценту поручалось чтение обязательных курсов в количестве не менее шести лекций в неделю, старался довести размер его вознаграждения до размера оклада бывших штатных доцентов, т. е. 1200 руб. в год. Достижению этой цели содействовал параграф устава, по которому после выслуги профессором тридцатилетнего срока кафедра становится вакантной; такие внештатные (заслуженные) профессора могут продолжать чтение лекций, могут получать за это сверх пенсии особое вознаграждение в размере 1200 руб. в год, но оклады по их кафедрам становятся свободными. Число таких внештатных профессоров на факультете восточных языков всегда было довольно значительно; оклады по соответствующим кафедрам вместе с окладами по незамещенным должностям лекторов давали и дают возможность назначать вознаграждение приват-доцентам, не прибегая ни к сумме, назначенной для этой цели § 112 устава и находящейся в распоряжении министерства народного просвещения (60 000 руб. на шесть университетов), ни к специальным средствам университета. Со стороны совета ходатайства факультета не встречали противодействия даже в тех случаях, когда вознаграждение назначалось не из сумм факультета. В 1886 г. факультетом было внесено ходатайство о назначении приват-доценту Георгиевскому (из сумм министерства) вознаграждения за чтение лекций в 1887 г. 800 руб. в год; совет, «принимая во внимание, что приват-доцент Георгиевский читает по 7 лекций в неделю и что его лекции факультет восточных языков признал обязательными (в числе пяти лекций) и при том весьма полезными для студентов», увеличил эту сумму до 1200 руб.[24]; министр, однако, назначил только 600 руб.[25]. Факультет, указывая на значительное число лекций, на заслуги прив.-доц. Георгиевского и на обширность предмета, требовавшего «наличности нескольких преподавателей», возобновил ходатайство о назначении 1200 руб., но из штатных сумм факультета и только с того срока (16 июня 1887 г.), когда кафедра китайской словесности вследствие выхода Васильева из числа штатных профессоров становилась вакантной. На этот раз ходатайство факультета было удовлетворено [26].

В этот период жизни факультета, в противоположность предшествующему, своевременное замещение кафедр языков Ближнего Востока представляло меньше затруднений, чем замещение кафедр языков Дальнего Востока. По кафедре арабского языка барон В. Р. Розен только в течение нескольких лет, от выхода в отставку проф. Гиргаса [27] (1886 г.) до вступ-

[23] Ср. журналы заседаний совета, № 58, стр. 76 (о вознаграждении П. С. Попову).

[24] *Протоколы заседаний совета*, № 35, стр. 78.

[25] *Протоколы заседаний совета*, № 36, стр. 91.

[26] Там же, стр. 107—108 и 131.

[27] Уволен с 15 августа 1886 г. «по расстроенному здоровью» с назначением пенсии «по тяжкой неизлечимой болезни» (*Протоколы заседаний совета*, № 35, стр. 11 и 18).

ления в число приват-доцентов Н. А. Медникова (1890 г.), был единственным преподавателем; со времени вступления в число приват-доцентов А. Э. Шмидта (1898 г.) до смерти барона В. Р. Розена (1908 г.) число преподавателей по этой кафедре доходило до трех. По кафедре персидской словесности еще до смерти Черняева (1888 г.) вступил в число приват-доцентов В. А. Жуковский (1886 г.), по кафедре турецко-татарской словесности, еще до смерти Березина (1896 г.), — П. М. Мелиоранский (1894 г.). Преподавание османского наречия продолжал вести В. Д. Смирнов.

Преподавание по кафедре китайской и маньчжурской словесности было поставлено в затруднение еще осенью 1885 г. вследствие скоропостижной смерти Захарова. В. П. Васильев на этот раз просил факультет «освободить его от тяжелого для его лет и отвлекающего от прямых его обязанностей труда по преподаванию маньчжурского языка»; преподавание тогда же было поручено только что окончившему курс кандидату А. О. Ивановскому с вознаграждением 600 руб. в год [28]. Во время двухлетней командировки Ивановского в Китай (1889—1891) преподавание маньчжурской словесности было поручено профессору монгольской словесности А. М. Позднееву (с вознаграждением по 600 руб. в год) [29]; за исключением этого двухлетнего периода, Ивановский продолжал вести преподавание маньчжурской словесности (последовательно в звании преподавателя, приват-доцента, экстраординарного профессора, ординарного профессора) до своей отставки вследствие неизлечимой психической болезни (1900 г.[30], ум. в 1903 г.). С 1900 до 1903 г. маньчжурский язык на факультете не преподавался вовсе; с 1903 г. преподавание его было возобновлено прив.-доц. В. Л. Котвичем.

Преподавание китайского языка еще при жизни В. П. Васильева (ум. в 1900 г.) перешло сначала к С. М. Георгиевскому [31] (с 1886 г.), после его преждевременной смерти (1893 г.) — к А. О. Ивановскому [32], которому, как некогда Васильеву, пришлось соединить преподавание китайского языка с преподаванием маньчжурского и вследствие этого читать до 13 лекций в неделю. С 1900 до 1902 г. лекции по китайскому языку (кроме лекторских занятий) читались только Д. А. Пещуровым; в 1902 г. в число приват-доцентов вступил П. С. Попов [33]. Д. А. Пещуров

[28] *Протоколы заседаний совета*, № 33, стр. 37—38 и 62—63.

[29] *Протоколы заседаний совета*, № 41, стр. 14 и 18.

[30] Официально увольнение А. О. Ивановского состоялось только в 1901 г. (*Отчет о состоянии СПб. ун-та за 1901 г.*, стр. 18), но о возобновлении им лекций не могло быть и речи уже с первых дней после смерти В. П. Васильева, последовавшей 27 апреля 1900 г.

[31] <О Сергее Михайловиче Георгиевском (1851—1893) см.: ИИН, № 10728—10731.— *А. К.*>

[32] <Об Алексее Осиповиче Ивановском (1863—1903) см.: ИИН, № 10771—10772.— *А. К.*>

[33] <О Павле Степановиче Попове (1842—1913) см.: ИИН, № 10797. — *А. К.*>

в 1903 г. оставил университет, и только с 1906 г.[34], после вступления в число приват-доцентов А. И. Иванова, китайский язык снова преподается двумя лицами.

По кафедре монгольской словесности К. Ф. Голстунский задолго до своей смерти подготовил себе преемника в лице А. М. Позднеева, приступившего к чтению лекций еще в 1881 г.; но в год смерти Голстунского (1899) факультет лишился также А. М. Позднеева, назначенного директором вновь основанного Восточного института во Владивостоке. Чтение лекций по кафедре монгольской словесности было поручено в 1900 г. прив.-доц. В. Л. Котвичу; с 1903 г. вторым приват-доцентом по этой кафедре состоит А. Д. Руднев [35].

Кафедра санскритской словесности не имела в факультете представителя со времени смерти Коссовича (1883 г.). Преподавание санскритского языка было поручено, как мы видели, профессору историко-филологического факультета И. П. Минаеву. В 1885 г. вследствие отъезда проф. Минаева в Индию факультет возбудил ходатайство о поручении преподавания санскритского языка только что окончившему курс кандидату С. Ф. Ольденбургу, с назначением ему по 50 руб. в месяц из штатных сумм факультета [36]. На это ходатайство был получен в 1886 г. ответ, что «г. министр народного просвещения, принимая во внимание, что, по удостоверению г. попечителя, кандидата Ольденбурга слушает всего лишь один студент, который за отсутствием профессора Минаева может, без ущерба для себя, предназначенное для изучения санскритского языка время употребить на изучение другого предмета, затруднился разрешить производство выдачи особого вознаграждения кандидату Ольденбургу за обучение одного студента» [37].

Может быть, не без влияния этого ответа факультет после возвращения проф. Минаева из Индии, как писал в 1888 г. декан В. П. Васильев [38], «большинством» постановил «пригласить г. Минаева к преподаванию тогда только, когда будут заявившие желание слушать санскритский язык». В этом приглашении не оказалось надобности; но уже весной 1889 г. к чтению лекций по санскритскому языку в звании приват-доцента был допущен С. Ф. Ольденбург, с назначением ему обычного вознагражде-

---

[34] А. И. Иванов прочитал пробные лекции осенью 1905 г. и тогда же был зачислен в состав приват-доцентов (*Отчет о состоянии СПб. ун-та за 1905 г.*, стр. 19), но не мог приступить к чтению лекций, так как университет в 1905/06 г. оставался закрытым. ⟨О трудах Алексея Ивановича Иванова (1878—?) см.: Скачков, *Библиография Китая*, стр. 644 (по указателю). — *А. К.*⟩

[35] ⟨Андрей Дмитриевич Руднев родился 1 марта 1878 г. в Петербурге; скончался 31 июля 1958 г. в Хельсинки; некролог его см.: Poppe, *Andrej Rudnev*, — CAJ, vol. IV, № 2, 1959, pp. 85—89. — *А. К.*⟩

[36] *Протоколы заседаний совета*, № 33, стр. 70—71.

[37] *Протоколы заседаний совета*, № 34, стр. 16.

[38] МИФВЯ, т. II, стр. 188.

ния — 1200 руб. в год [39]. С. Ф. Ольденбург продолжал преподавать санскритский язык сначала в качестве приват-доцента, потом в качестве и. д. экстраординарного профессора до 1900 г., когда он оставил университет и был заменен прив.-доц. Ф. И. Щербатским [40].

В. П. Васильев, еще в 1875 г. в факультете возбудивший вопрос о преподавании языка индустани [41], в 1886 г. высказал в печати мнение, что санскритскому языку без индустанских наречий, скорее, место на филологическом факультете [42]. О введении преподавания индустани факультет думал еще в 1882 г.[43]; в 1888 г.[44] вопрос был возбужден деканом и факультетом вместе с вопросом о введении преподавания японского и корейского языков. Ходатайство факультета, поддержанное ректором и попечителем, было передано в январе 1889 г. на заключение министров иностранных дел и финансов. Первый ответил почти через три года, в декабре 1891 г., высказавшись в пользу проекта; второй не дал в то время никакого ответа, и в ожидании этого ответа дело было оставлено без движения [45].

Кафедра еврейского языка сделалась вакантной с 11 июня 1886 г., после выслуги Д. А. Хвольсоном тридцатипятилетнего срока. Проф. Хвольсон продолжал чтение лекций, получая сверх пенсии вознаграждение в размере 1200 руб. в год [46]. Преподавание по вакантной кафедре в 1894 г. по ходатайству факультета [47] было поручено прив.-доц. П. К. Коковцову [48], назначенному в 1900 г. и. д. экстраординарного профессора.

Представитель кафедры армяно-грузинской словесности К. П. Патканов [49] был отчислен за штат с 28 апреля 1888 г. и продолжал чтение лекций до своей смерти, последовавшей 2 апреля 1889 г. Кафедра перешла к А. А. Цагарели [50], преподававшему грузинскую словесность, выслужившему тридцатилетний срок в 1902 г.; после него кафедру занял Н. Я. Марр (прив.-доц. с 1891 г., и. д. экстраординарного профессора с 1900 г., ординарный профессор с 1902 г.), которому уже в 1891 г. было поручено преподавание армянской словесности [51]; с 1902 г. он читает

[39] *Протоколы заседаний совета*, № 40, стр. 38, 42 и 49.

[40] ⟨См. еще ниже, стр. 464, прим. 61.⟩

[41] Журнал собрания факультета 30 апреля 1875 г.

[42] Васильев, *О преподавании восточных языков*, — ВО, № 7, стр. 9.

[43] МИФВЯ, т. II, стр. 91.

[44] Там же, стр. 183 и сл.

[45] Там же, стр. 199, прим.

[46] *Протоколы заседаний совета*, № 34, стр. 135.

[47] *Протоколы заседаний совета*, № 50, стр. 9 и 16.

[48] ⟨О Павле Константиновиче Коковцове (1861—1942) см.: ИИН, № 10828—10835. — *А. К.*⟩

[49] ⟨См. выше, стр. 126, прим. 125⟩.

[50] ⟨Об Александре Антоновиче Цагарели (1844—1929) см.: ИИН, № 8803—8806. — *А. К.*⟩

[51] *Протоколы заседаний совета*, № 45, стр. 19. ⟨См. также: В. А. Миханкова, *Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности*, М. — Л., 1935. — *А. К.*⟩

также обязательные курсы по грузинской словесности. Курсы исторического характера по кафедре армянской и грузинской словесности читает с 1903 г. также прив.-доц. кн. И. А. Джавахов [52].

Факультет еще в 1885 г. признавал за армяно-грузинским разрядом «не одно только научное значение, как за разрядами еврейско-арабским и санскритско-персидским, а отчасти значение и практическое» [53]. Дальнейшая судьба этого разряда показала неосновательность такого мнения; в 1890 г. декан В. П. Васильев писал в своем отчете о производстве испытаний в комиссии восточных языков, что «на армяно-грузинском разряде не осталось и не имеется ни одного студента» [54]. Еще в 1886 г. В. П. Васильев печатно высказывал мнение, что расширение преподавания по языкам, имеющим практическое значение, в крайнем случае могло бы быть достигнуто на счет кафедр еврейской и армяно-грузинской, так как представители этих кафедр почти никогда не имели слушателей; самые предметы, по его мнению, могли бы быть причислены к общеуниверситетским, подобно европейским (новым) языкам. Автор статьи предлагал такую комбинацию только «скрепя сердце»: «такими учеными, как гг. Хвольсон и Патканов, только гордится факультет, нимало не тяготясь, что у них мало слушателей — этот недостаток они зато пополняют своими чудесными трудами» [55].

В письме на имя ректора М. И. Владиславлева (1888 г.), не предназначавшемся для печати, В. П. Васильев с большей определенностью предлагал воспользоваться для введения преподавания японского, корейского и индустанского языков окладами по кафедрам еврейской и армяно-грузинской словесности — путем незамещения этих кафедр, считавшихся в то время вакантными, впредь до того времени, когда факультет найдет необходимым ввести «в круг факультетских профессоров» приват-доцентов по соответствующим предметам, предварительно «убедившись, что они имеют довольно значительное число слушателей» [56]. Факультет, по-видимому, не вполне разделял взгляды своего декана. В факультетском ходатайстве о введении преподавания японского, корейского и индустанского языков говорится об учреждении трех новых кафедр с окладами двух ординарных и одного экстраординарного профессоров; только до 1895 г., т. е. до «срока, в который факультет может приготовить вполне соответствующих своему назначению профессоров» по этим кафедрам, факультет выражал готовность довольствоваться своими средствами, так как до этого времени соответствующие предметы могли преподаваться только лекторами, а свободные лекторские оклады уже на-

[52] ‹Иван Александрович Джавахов, по-грузински Джавахишвили (1876—1940); о нем см.: СИЭ, 5, стлб. 145—146. — *А. К.*›

[53] МИФВЯ, т. II, стр. 299.

[54] Там же, стр. 171.

[55] Васильев, *О преподавании восточных языков*, — ВО, № 8, стр. 10.

[56] МИФВЯ, т. II, стр. 190.

ходились в распоряжении факультета [57]. О возможности воспользоваться окладами по кафедрам еврейской и армяно-грузинской словесности не говорится ни слова; тем не менее декан еще в 1890 г. упоминал в официальной бумаге о необходимости ввести преподавание «языков японского, корейского и индустанского, хотя бы и взамен еврейского или грузинского» [58].

Во взглядах В. П. Васильева и по другим вопросам нередко проявлялись традиции казанской школы, уже не имевшие влияния на более молодых членов факультета. Сюда относятся пожелания, высказанные в том же письме 1888 г. на имя ректора, об устройстве интерната, в котором студенты жили бы вместе с лекторами, и о введении преподавания главных восточных языков (арабского, санскритского и китайского) в одной из гимназий, например в гимназии историко-филологического института [59]. В статье, напечатанной в 1886 г. в «Восточном обозрении», В. П. Васильев предлагал еще другой способ осуществления второго из своих пожеланий: выражалась надежда, что министерством иностранных дел будет открыта гимназия с преподаванием восточных языков вместо древних классических; в эту гимназию устремятся молодые люди, готовящиеся к дипломатической карьере; ими же преимущественно будет заполнен факультет восточных языков; тогда не нужно будет и лекторов: «. . . студенты, как это было некогда в Казани, где в гимназии надзиратели были говорившие на восточных языках, поддерживали бы прежнюю связь с заведением, из которого они вышли» [60]. Едва ли эти пожелания и надежды в то время разделялись кем-либо из товарищей В. П. Васильева, не исключая и его сверстника И. Н. Березина, еще в 1862 г., как мы видели (стр. 140), высказавшего совершенно иной взгляд на пользу преподавания восточных языков в гимназиях.

В. П. Васильев в последний раз был утвержден деканом в 1892 г. (с 1 декабря) на четыре года [61]. Преклонный возраст заставил его отказаться от деканства задолго до истечения этого срока; с 22 сентября 1893 г. он согласно прошению был уволен от должности декана и освобожден от обязанностей преподавателя китайского языка с прекращением выдачи получавшегося им вознаграждения. С того же дня был назначен деканом бар. В. Р. Розен [62].

С именем бар. В. Р. Розена, еще с первых лет своей преподавательской деятельности оказывавшего значительное влияние на характер деятельности факультета, тесно связана вся жизнь факультета как во время его собственного деканства (до 1902 г.), так и во время деканства его ученика

---

[57] Там же, стр. 197.
[58] Там же, стр. 172.
[59] Там же, стр. 187.
[60] Васильев, *О преподавании восточных языков*, — ВО, № 8, стр. 10.
[61] *Протоколы заседаний совета*, № 47, стр. 10—11.
[62] *Протоколы заседаний совета*, № 49, стр. 12—13.

и долголетнего сотрудника В. А. Жуковского, состоявшего секретарем факультета с 1892 г. Настоящий очерк истории факультета, начатый задолго до смерти бар. Розена, когда состояние его физических и умственных сил позволяло надеяться, что факультет и во второе пятидесятилетие своего существования еще долгие годы будет иметь его в своей среде, оканчивается при иных условиях; но для товарищей покойного, особенно для его учеников, со студенческой скамьи находившихся под влиянием его взглядов и под обаянием его личности, его деятельность и связанный с его именем период в жизни факультета еще долго не будут предметом беспристрастной оценки и беспристрастного сопоставления с предшествующими периодами.

О фактической стороне жизни факультета в этот период отчасти можно судить по фактам, приведенным во II томе «Материалов для истории факультета» и большей частью относящимся к двум вопросам: к вопросу об учреждении при факультете трех новых кафедр, возобновленному по инициативе самого факультета в 1895 г., и к вопросу об изменении программ преподавания, возбужденному председателями испытательных комиссий 1893—1895 гг. В. В. Вельяминовым-Зерновым и Г. А. Эзовым (записка Ф. Е. Корша, представленная в 1896 г.[63], не оказала влияния на действия министерства народного просвещения).

Еще в своем ответе на записку В. В. Вельяминова-Зернова, составленном осенью 1894 г.[64] и доведенном до сведения министра в январе 1895 г., факультет ходатайствовал об учреждении трех новых кафедр: мусульманского законоведения и языков японского и тибетского [65]. В таком же виде ходатайство было одобрено «университетской комиссией», собиравшейся 1 марта 1895 г. при участии декана бар. Розена [66]; тем не менее в ходатайстве, тогда же возбужденном от имени факультета попечителем учебного округа, о мусульманском законоведении не упоминается (преподавание этого предмета не возобновлялось после 1886 г., т. е. после выхода в отставку проф. Гиргаса; ходатайство об учреждении кафедры было возобновлено в 1901 г.[67] и вошло также в проекты устава 1905 г., министерский и университетский). Попечитель ходатайствовал об учреждении кафедр языков японского, корейского и тибетского с ассигнованием для этой цели 8000 руб., т. е. окладов двух ординатур и одной экстраординатуры [68]. Министерством народного просвещения это ходатайство было

[63] МИФВЯ, т. II, стр. 260—278.

[64] Проведен в журнале собрания факультета 8 ноября 1894 г.; доведен до сведения ректора представлением от 24 ноября, № 73.

[65] МИФВЯ, т. II, стр. 217.

[66] Там же, стр. 227.

[67] Там же, стр. 293.

[68] Там же, стр. 229. Подлинного представления попечителя в делах министерства нет. В предложении министра на имя попечителя от 21 мая 1895 г., № 10918 говорится, что попечитель ходатайствовал об учреждении кафедр японского, корейского и тибетского языков в представлении от 14 января, № 449 (там же, стр. 230); между тем

связано с ходатайством 1888 г., без объяснения факта замены индустанского языка тибетским; составителями официальных бумаг это различие между ходатайством 1888 и ходатайством 1895 гг., по-видимому, не вполне сознавалось [69]. Вопрос о введении преподавания тибетского языка возбуждался факультетом уже не в первый раз [70]; во всяком случае, замена индустанского языка тибетским не может быть связана с переменами, происшедшими в факультете после ухода В. П. Васильева [71]. Как один из лучших знатоков тибетского языка, В. П. Васильев не мог не сознавать значения этого предмета; в его статье, напечатанной в 1886 г., упоминается о необходимости ввести кроме преподавания японского языка также преподавание языков корейского и тибетского [72], т. е. мнение, высказанное в то время самим В. П. Васильевым, более соответствует ходатайству 1895 г., чем ходатайству 1888 г. Влиянием прежних традиций, по-видимому, всецело объясняется упоминание корейского языка, научное значение которого более спорно и который более не упоминается ни в ходатайстве 1901 г., ни в министерском проекте устава 1905 г., ни в проекте университетского устава, выработанном тогда же советом С.-Петербургского университета [73].

Сумма в 3000 руб. ежегодно, назначенная (с 1 января 1897 г.), согласно высочайше утвержденному мнению государственного совета 18 ноября 1896 г., «на усиление преподавания восточных языков в Императорском С.-Петербургском университете» [74], была употреблена по настоянию факультета на учреждение кафедры японского языка [75]. Факультетом с того же, 1898 г.[76] были приняты меры для подготовления молодых людей к занятию этой кафедры, но по причинам, не зависевшим от факультета (молодые люди получали иное назначение или поступали на службу в другие ведомства), эти меры оставались бесплодными. Только в 1908 г. вступление в число приват-доцентов В. Я. Костылева [77] позволило факультету

в этом представлении (там же, стр. 207—218) о корейском языке нет ни слова; о нем не упоминается также ни в делах факультета за 1895 г., ни в журналах его заседаний.

[69] В отношении министра финансов от 28 апреля 1895 г. говорится о введении преподавания «японского, корейского и индустанского языков» (МИФВЯ, т. II, стр. 230); на замену индустанского языка тибетским не было обращено внимания. С другой стороны, министр народного просвещения 8 декабря 1895 г. писал министру иностранных дел, что министерством еще в 1889 г. была сознана необходимость учреждения «кафедры корейского и тибетского языков» (там же, стр. 236).

[70] Ср. выше, стр. 123.

[71] Так, по-видимому, полагал Ф. Е. Корш (МИФВЯ, т. II, стр. 260).

[72] Васильев, *О преподавании восточных языков*, — ВО, № 7, стр. 9.

[73] Оба проекта напечатаны в том же, 1905 г.

[74] МИФВЯ, т. II, стр. 278—279.

[75] Там же, стр. 282.

[76] *Протоколы заседаний совета*, № 54, стр. 79.

[77] ⟨Василий Яковлевич Костылев, питомец факультета восточных языков (выпуск 1874 г.), бывший русский консул в Нагасаки, автор книги «Очерк истории Японии», преподавал японский язык с 14 декабря 1907 г. по 1 декабря 1908 г. Им был сос-

ввести японский язык в круг обязательных предметов преподавания.

От введения преподавания тибетского языка факультет по недостатку денежных средств должен был в то время отказаться. При возбуждении ходатайства о кафедрах 1901 г. тибетский язык был забыт, но о нем вспомнили в 1905 г. по поводу проекта нового устава. Фактически тибетский язык уже преподается с 1904 г. прив.-доц. Ф. И. Щербатским.

Одним из пунктов разногласия между факультетом и его оппонентами был вопрос о характере и задачах лекторского преподавания. Ориенталисты прежних поколений, как В. В. Вельяминов-Зернов, не могли отказаться от взгляда, окончательно оставленного факультетом еще в начале 70-х годов, по которому на лекторов следовало «возложить всю технику преподавания, предоставив чрез это профессорам полную возможность посвящать свою деятельность более научной стороне дела». В. В. Вельяминов-Зернов понимал, что для этой цели лекторы должны были быть «достаточно сведущи в русском языке и знакомы с европейскими приемами обучения» [78]. Продолжительный опыт давно уже убедил факультет в том, что такой лектор «должен почесться явлением редчайшим и исключительным» [79]. Столь же мало факультет в 1895 г. мог согласиться с мнением министра финансов, что введение преподавания трех восточных языков может быть достигнуто без учреждения профессорских кафедр, путем прибавления к существовавшим на факультете восьми лекторским окладам еще трех новых [80].

Занятия с лекторами и в этот период оставались обязательными для студентов, но уже в первые годы после введения нового устава прекратились экзамены по предметам лекторского преподавания. Восстановление полукурсовых испытаний в 1889 г.[81] не было распространено на курсы, читавшиеся лекторами.

Сознавая трудность замещения лекторских должностей, факультет большей частью [82] поручал исправление должности лектора отдельным лицам на небольшой срок (обыкновенно год или два), не возбуждая ходатайств о назначении их на штатную должность, хотя после истечения срока полномочия этих преподавателей обыкновенно возобновлялись. Из практических преподавателей мусульманских языков только лектор арабского языка Сарруф (до 1903 г.) и его преемник А. Ф. Хащаб (бывший воспитанник факультета) были назначены на штатную должность;

тавлен *Русско-японский словарь*, изданный ФВЯ в 1914 г.; см.: Веселовский, *Список*, стр. 12. — *А. К.*>

[78] МИФВЯ, т. II, стр. 202—203.

[79] Там же, стр. 208.

[80] Там же, стр. 230.

[81] Там же, стр. 177; *Протоколы заседаний совета*, № 41, стр. 3, 26, 42—46.

[82] Факультет сам указывал на это обстоятельство в своем ответе на записку В. В. Вельяминова-Зернова (МИФВЯ, т. II, стр. 208).

первый был избран в заседании совета 19 января 1887 г.[83], второй — в заседании совета 24 мая 1904 г.[84], оба единогласно. Лекторы языков персидского (мирза Джа'фар до 1892 г., мирза Пира с 1 января 1893 г. до 1903 г., Риза-хан с 20 февраля 1904 г.) и турецкого (Шевкет Абдуррахман с 15 августа 1886 до 1897 г., Ильяс-Мурза Бораганский с 20 августа 1898 г.) назначались только исправляющими должность на определенный срок, причем это назначение несколько раз возобновлялось.

Чаще менялись лекторы китайского языка. Еще в 1885 г. по поводу «внезапного отъезда из Петербурга» преподавателя Гуй-жуна В. П. Васильев указывал на неудобство иметь в качестве преподавателей лиц из китайского посольства, тем более что представлялось неудобным «руководить занятиями лица, состоящего на службе в посольстве и независящего от русской службы». По предложению Васильева факультет решил выписать лектора из дунган Илийского края, принявших русское подданство. По рекомендации консула в Кульдже И. В. Падерина был приглашен и назначен лектором дунганин Сучжун Суахунов [85], но его деятельность оказалась столь же кратковременной, как деятельность лекторов из членов посольства; уже через два года, в 1887 г., тоска по семье, оставшейся в Джаркенте, заставила его воспользоваться отпуском для поездки на родину, откуда он не вернулся [86]. В 1891 г. снова был приглашен и единогласно избран в совете [87] лектор из Кульджи, именно преподаватель кульджинской школы переводчиков Гао-инь-ци, который, по отзыву специалистов, оказался лучшим из доселе бывших лекторов китайского языка; но уже в 1892 г. он умер от холеры [88]. Факультет после некоторого перерыва снова должен был обратиться к приглашению преподавателей из членов китайской миссии; таковыми были: Шао-хэн-сюнь, первый студент китайской миссии, приглашенный в 1897 г., преподававший только полгода; состоявший при китайском посольстве Куэ-фан, приглашенный с 15 сентября 1898 г., деятельность которого была наиболее продолжительна (он покинул Петербург только осенью 1904 г.), и китайский подданный Мэн-си-шоу. Все трое были назначены только преподавателями с вознаграждением в размере лекторского оклада. Исполняющий обязанности лектора китайского языка в настоящее время (с 1907 г.) г. Чэнг состоит на службе в русско-китайском банке.

Еще труднее было заместить должность лектора монгольского языка. Протоиерей Дорджеев вышел в отставку в 1885 г. В 1887 г. был приглашен в качестве и. об. лектора бывший лектор Кутузов, уволившийся

---

[83] *Протоколы заседаний совета*, № 36, стр. 14—15 и 92.

[84] Журналы заседаний совета, № 60, стр. 48.

[85] *Протоколы заседаний совета*, № 32, стр. 23—24 и 31.

[86] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. II, стр. 263.

[87] *Протоколы заседаний совета*, № 44, стр. 27 и 37; № 45, стр. 9.

[88] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 177, где ошибочно сказано, что Гао-инь-ци был только «вольнонаемным преподавателем».

в отставку по болезни в конце того же года [89]. 3 декабря 1890 г. был избран на штатную должность лектора, но без назначения вознаграждения [90], бывший воспитанник факультета кандидат П. А. Бадмаев, брат бывшего лектора А. А. Бадмаева. П. А. Бадмаев оставил службу в 1893 г.; после этого должность лектора монгольского языка оставалась незамещенной до 1907 г., когда был приглашен Ц. Ж. Жамцаранов, замененный в 1908 г. Б. Б. Барадийном [91].

Преподавателем японского языка с 1888 г. остается г. Иосибуми Куроно, состоявший на службе при японском министерстве народного просвещения, в 1887 г. с научной целью приехавший в Россию и рекомендованный факультету японским посланником Нисси, бывшим преподавателем японского языка в факультете [92]. С 1897 г., после увеличения средств факультета на 3000 руб., было введено также преподавание корейского языка, для чего факультет воспользовался услугами лиц, состоявших при корейской миссии. Первым из них был г. Мин-Кионг-Шик, преподававший только в течение одного полугодия, вторым — г. Ким-Пен-Ок (с 1 октября 1897 г.), остающийся преподавателем корейского языка и до настоящего времени.

В записках В. В. Вельяминова-Зернова и Г. А. Эзова кроме вопроса о преподавании языков был затронут вопрос о преподавании истории Востока. Неудовлетворительность постановки этого преподавания вполне сознавалась факультетом; но указания, сделанные ему в этих записках, как и прежние указания министерства народного просвещения, естественно, вызывали со стороны факультета ответ, что расширение преподавания невозможно без привлечения новых сил, а последнее — без назначения новых денежных средств.

Сведения о постановке преподавания истории Востока в период действия устава 1863 г. были приведены выше. Несмотря на всю недостаточность числа преподавателей по этой кафедре, имевшегося в виду при составлении устава, даже эти предположения не могли быть осуществлены. Доцентура истории семитических народов совершенно не была замещена, доцентура истории арийских народов была замещена только на короткое время. Представители кафедры В. В. Григорьев и после его выхода в отставку (в 1878 г.) Н. И. Веселовский, оставшиеся единственными преподавателями истории Востока, после общего введения, заключавшего в себе историю постепенного ознакомления западных европейцев и русских с Азией, или географическое и этнографическое обозрение Азии, читали курсы истории среднеазиатских кочевых народов и истории го-

---

[89] *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 362.

[90] *Протоколы заседаний совета*, № 43, стр. 29.

[91] <Цибен Жамцаранович Жамцарано (1880—1940), знаток фольклора и этнографии монгольских народов. Бадзар Бадзарович Барадийн (1878—?), путешественник, занимался этнографией и языком бурят. — *А. К.*>

[92] МИФВЯ, т. II, стр. 184; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 359—361.

сударств, образованных ими в Западной и Восточной Азии. При таких условиях с 1878 г. возобновилось чтение исторических курсов представителями кафедр восточных языков. Кроме курса истории Персии, читавшегося К. П. Паткановым, и курса истории Турции, читавшегося В. Д. Смирновым, В. П. Васильев с 1879/80 г. возобновил чтение курса истории Китая [93].

После введения устава 1884 г. факультет по требованию министерства народного просвещения в 1885 г. представил проекты экзаменных требований и учебных планов. Экзаменные требования по истории Востока не могли быть выработаны, так как представитель кафедры находился в командировке в Туркестане; в учебных планах история Востока была упомянута как предмет, читаемый на всех восьми семестрах, с одинаковой программой для всех разрядов факультета; экзаменные требования по истории Востока также должны были быть «прилагаемы на окончательном испытании одинаково ко всем студентам, какой бы план (из пяти планов) они ни избрали для прохождения университетского курса по факультету восточных языков» [94]. История Персии, Турции и Китая упоминается отдельно, первые два предмета с оговоркой, что чтение их будет возможно только в том случае, «если найдутся преподаватели для этих предметов» [95].

В 1886 г. были представлены программы и экзаменные требования по истории Востока, причем, вопреки заявлению факультета в предшествующем году, была допущена некоторая специализация. Кроме двухлетнего общего курса, обязательного для всех студентов, в программу были включены два специальных курса истории Средней Азии (на 5-м и 6-м сем.), один — для арабского, другой — для китайского разряда; студентам первого разряда был предоставлен выбор между этим курсом и двухлетним курсом (на последних четырех семестрах) истории Персии или истории Турции [96]. История Китая была включена в учебные планы [97] (для последних четырех семестров китайского разряда), но не в экзаменные требования.

Представленные факультетом программы вызвали со стороны министерства некоторые замечания, относившиеся, между прочим, и к общему курсу истории Востока; министр предлагал заменить курс, проектированный факультетом и ближе подходивший «к сведениям из исторической географии», изложением «истории восточных народов в общей связи», начиная с истории Египта и Вавилона, с уделением каждому народу «лишь столько места, сколько необходимо для уразумения общего хода

---

[93] В первый раз упомянут в обозрении преподавания 1879/80 г. (помещено в приложении к *Протоколам заседаний совета*, № 20).

[94] МИФВЯ, т. II, стр. 112.

[95] Там же, стр. 116 и 130.

[96] Там же, стр. 157—161.

[97] Там же, стр. 153.

событий и степени участия в них отдельных народов». Факультет в своем ответе указал на невозможность такого курса при тех средствах, которыми факультет располагал; вполне признавая важность изучения истории Египта и Вавилона, факультет для этой цели считал необходимым учреждение кафедр египтологии и ассириологии [98]. Объяснения факультета, по-видимому, вполне удовлетворили министра: вновь представленные проекты были утверждены как не подающие «повода ни к каким замечаниям» [99].

Вопрос об общем курсе истории Востока вновь был поднят в 1893 г. В. В. Вельяминовым-Зерновым. На этот раз предлагалось не введение курса истории восточных народов «в общей связи», но замена специальных курсов истории Средней Азии, истории Персии и истории Турции одним общим курсом истории мусульманского Востока и мусульманских династий, «как господствовавших в прежние времена, так и царствующих ныне в Европе, Азии и Африке» [100]. Факультет в своем ответе указал, что чтение такого курса одним преподавателем «совершенно немыслимо, как вследствие обширности предмета, так и вследствие недостаточной научной разработки его»; что при тех средствах, которыми располагал факультет, не только нельзя было думать о введении новых обширных курсов, но даже упомянутые в программах курсы истории Персии и Турции фактически после введения устава 1884 г. не читались [101].

К мнению В. В. Вельяминова-Зернова присоединился Г. А. Эзов, соглашавшийся также с мнением факультета о невозможности осуществить эту мысль без увеличения личного состава преподавателей, но считавший для этой цели достаточным «учреждение хотя бы одной приват-доцентуры». Кроме того, Г. А. Эзов предлагал ввести для студентов арабского и армянского разрядов преподавание истории Византии [102]. К этому мнению присоединилась и университетская комиссия, заседавшая 1 марта 1895 г., постановив, между прочим, «ввести преподавание общего курса истории Востока и истории Византии, усилив для сего преподавательский персонал» [103]. Мнение комиссии в апреле того же года было передано министром через попечителя факультету с упоминанием об общем курсе истории Востока, но без упоминания об усилении преподавательского персонала и об истории Византии [104]. Последнее обстоятельство, очевидно,

---

[98] Там же, стр. 149—151.

[99] Там же, стр. 162, прим. 1.

[100] Там же, стр. 203—204.

[101] Там же, стр. 212. По отношению к истории Персии это утверждение было неправильно; история Персии читалась проф. Паткановым до его смерти и в последний раз упоминается в обозрении преподавания наук на весеннее полугодие 1889 г.

[102] Там же, стр. 223.

[103] Там же, стр. 227.

[104] Там же, стр. 228—229.

осталось неизвестным Г. А. Эзову, недоумевавшему, почему факультет в своем ответе министру не приводит «никаких соображений относительно введения преподавания для студентов некоторых отделов восточного факультета истории Византии» [105].

Предположения 1893—1896 гг. не осуществились; не оказалось также возможным восстановить и обеспечить преподавание истории Персии, Турции и Китая. Весной 1885 г. в последний раз было назначено вознаграждение за чтение курса истории Турции (на этот раз из специальных сумм) [106]; безвозмездное чтение курса истории Персии прекратилось после смерти К. П. Патканова (в 1889 г.); вместо этого курса пишущим эти строки (вступившим в число приват-доцентов в конце 1896 г.) был введен с 1901 г. курс, посвященный «историко-географическому обзору Ирана». Историю Китая кроме В. П. Васильева читал также С. М. Георгиевский [107]; после его смерти эти курсы прекратились и возобновились только в 1897 г., когда в число приват-доцентов вступил Д. М. Позднеев [108]. С выходом Д. М. Позднеева из состава приват-доцентов (в 1898 г.) преподавание истории Китая снова прекратилось.

Указания министра, сделанные в 1886 г., не прошли бесследно; тогда же было введено на факультете преподавание египтологии как необязательного предмета, не находившегося в связи ни с какими другими предметами факультета. В конце того же, 1886 г. к преподаванию этого предмета в звании приват-доцента был допущен хранитель Азиатского музея Академии наук О. Э. Лемм [109]. В 1888 г. факультет ходатайствовал о назначении ему вознаграждения в размере 400 руб. из сумм министерства; это ходатайство было отклонено «за неимением в распоряжении министерства свободных сумм», но одновременно с этим О. Э. Лемму было назначено вознаграждение из того же источника и в том же размере за чтение лекций в 1887 г.[110]. В 1889 г. факультет, упоминая о своем «всегдашнем желании» ввести преподавание египтологии и инициативе самого министра в 1886 г., ходатайствовал о «назначении г. Лемму с 1 января

---

[105] Там же, стр. 251.

[106] *Протоколы заседаний совета*, № 32, стр. 43. В обозрении преподавания на 1885/86 г. курс истории Турции уже не упоминается.

[107] В 1886/87 г. Георгиевский предлагал слушателям «компендиум китайской истории» (одна лекция в неделю). В 1887/88 и 1888/89 гг. история Китая снова читалась проф. Васильевым (в первый год он читал две лекции, во второй — одну лекцию в неделю). В 1889/90 г. история Китая не преподавалась. С 1890/91 г. до своей смерти проф. Георгиевский читал курс под названием «Изложение прагматической истории Китая» (одна лекция).

[108] <О Дмитрии Матвеевиче Позднееве (1865—1937) см.: ИИН, № 10993—10995. — *А. К.*>

[109] *Протоколы заседаний совета*, № 36, стр. 5. <Об Оскаре Эдуардовиче Лемме (1856—1918) см.: ИИН, № 10889—10891; Ливотова, *Основная литература*, стр. 501. —*А. К.*>

[110] *Протоколы заседаний совета*, № 38, стр. 18 и 22.

1889 г. определенного содержания из сумм министерства, хотя бы в размере 400 или 500 рублей в год». Было разрешено выдать 466 р. 70 к. за чтение лекций в прошлом полугодии; постоянного содержания назначено не было [111]. В 1890 г. факультет ввиду более общеуниверситетского, чем факультетского значения лекций О. Э. Лемма (по египтологии) и К. Г. Залемана (по зендскому и пехлевийскому языкам), ходатайствовал о назначении обоим вознаграждения с начала 1891 г. не из факультетских сумм, а из сумм министерства на вознаграждение приват-доцентов. О египтологии в этом представлении говорится, что этот предмет, «являясь необязательным для студентов и не стоящим в прямой связи с каким-либо отделом преподаваемых на факультете языков, был введен в круг университетского преподавания именно как одна из общеобразовательных филологических дисциплин и по всей справедливости должен быть признаваем столько же важным для ориенталистов, сколько и для филологов» [112]. Ходатайство было отклонено, но к выдаче вознаграждения из факультетских сумм министр не видел препятствий [113]. О. Э. Лемм выбыл из состава приват-доцентов в 1897 г. за отсутствием слушателей; еще в 1896 г. преподавание египтологии было введено его учеником Б. А. Тураевым [114] на историко-филологическом факультете, где оно продолжается и до настоящего времени.

Слушание студентами факультета юридических предметов продолжалось после введения устава 1884 г. на прежних началах. На основании введенных в 1889 г. правил о полукурсовых испытаниях студенты должны были прослушать юридические предметы в течение первых двух лет [115], тогда как еще по программам 1886 г. эти предметы могли быть распределены на три года [116]. При таких условиях чаще прежнего должно было обнаруживаться совпадение часов лекций по факультетским и по юридическим предметам; кроме того, усвоение этих предметов студентами-восточниками затруднялось тем, что для студентов-юристов они читались после предварительного изучения некоторых других наук, с которыми восточники не были знакомы. То и другое обстоятельство побудили факультет в 1891 г. с согласия совета пригласить прив.-доц. М. И. Свешникова для чтения студентам факультета особого, «нарочно для них приспособленного» (sic) курса по государственному праву. В этот курс должны были быть «включены все необходимые для них (восточников) теоретические сведения; вместе с тем в таком специальном курсе можно было бы остановиться сравнительно с большей подробностью на вопросах, пред-

[111] *Протоколы заседаний совета*, № 40, стр. 14—15 и 34.

[112] *Протоколы заседаний совета*, № 43, стр. 24—25.

[113] *Протоколы заседаний совета*, № 44, стр. 5.

[114] <О Борисе Александровиче Тураеве (1868—1920) см.: ИИН, № 10019—10034. — *А. К.*>

[115] *Протоколы заседаний совета*, № 41, стр. 44—45.

[116] МИФВЯ, т. II, стр. 154.

ставляющих для них наибольшее практическое значение для будущей их службы, например, на особенностях управления наших восточных окраин» [117]. С выходом М. И. Свешникова из состава приват-доцентов (1899 г.) прекратилось и чтение такого курса [118].

По поводу возбужденного министерством народного просвещения в 1899 г. вопроса «о правильном устройстве практических занятий на всех семестрах и всех факультетах» факультетом тогда же был представлен, по мысли С. Ф. Ольденбурга, проект учреждения «восточного семинария» по образцу «подобных учреждений на Западе». Для семинария требовалось «помещение, снабженное библиотекой справочных изданий, где могли бы работать желающие и где в известные часы они могли бы находить содействие и руководство специалистов из университетских преподавателей»; с этим учреждением предполагалось связать летние командировки студентов на Восток. Средства, необходимые для осуществления проекта, были исчислены в размере 3000 руб. единовременно («на первоначальное обзаведение семинария») и 6000 руб. ежегодно (1000—1500 руб. на приобретение книг, 3000 руб. на вознаграждение преподавателей, по 200 руб. за недельный час каждому — предполагалось привлечь 15 лиц, — 1500 руб. на командировки студентов) [119]. Мысль факультета, конечно, не могла осуществиться по причинам финансового характера; тем не менее она не была забыта, и еще в 1904 г. с проектом учреждения семинария приводился в связь проект преобразования минц-кабинета в «восточный музей», так как подобный музей, где студенты могли бы знакомиться «с материальными памятниками восточной культуры различного характера, а не только с одними монетами», был бы «необходимой составной частью» семинария. Проект преобразования музея не был связан с денежными требованиями и потому мог быть осуществлен [120].

События конца XIX в., под влиянием которых центр тяжести русской политики на некоторое время был перенесен на Дальний Восток, отразились на числе студентов китайского разряда, значительно увеличившемся в эти годы, и дали факультету несколько новых стипендий. Еще в 1888 г., по случаю пятидесятилетия ученой деятельности В. П. Васильева, его учениками, служившими в Китае, «при щедром содействии проживавших и торговавших в этой стране русских подданных» был собран и препровожден русским посланником в Азиатский департамент капитал в 6068 руб., на который осенью того же года была учреждена стипендия имени «профессора и академика В. П. Васильева» [121].

---

[117] *Протоколы заседаний совета*, № 45, стр. 11—12.

[118] <Очевидно, сюда относится примечание В. В. Бартольда на полях принадлежавшего ему экземпляра книги: «Прекращен еще в 1896 г. (представление факультета 20 мая № 54». — *Н. Т.*>

[119] *Протоколы заседаний совета*, № 55, стр. 36—37.

[120] Журнал заседаний совета, № 60, стр. 10—11 и 40—41.

[121] *Протоколы заседаний совета*, № 39, стр. 15 и 39.

В 1891 г., по случаю путешествия на Дальний Восток ныне благополучно царствующего государя, русскими торговыми домами в Ханькоу был собран по подписке капитал в 20 000 руб., препровожденный российским консулом в Ханькоу в министерство народного просвещения [122]. На проценты с этого капитала были учреждены в 1892 г. две стипендии имени «государя наследника цесаревича Николая Александровича» [123].

Внимание самого факультета и в эти годы, как мы видели, не сосредоточивалось исключительно на языках Дальнего Востока. События политической жизни не изменили общего направления деятельности факультета; главным предметом его забот все более становилось развитие в России научного востоковедения, притом не только в среде самого факультета. Еще в 1893 г. бар. В. Р. Розен остался при особом мнении по вопросу о перенесении на факультет восточных языков из Казани кафедр финских и тюркско-татарских наречий и один из всех членов факультета сознавал нежелательность лишения провинции «весьма немаловажного культурного фактора в пользу несравненно более богатой культурными факторами столицы» [124]; но уже в 1894 г. от имени факультета была повторена мысль, высказанная бар. В. Р. Розеном в печати еще в 1890 г.[125], о желательности, «независимо от увеличения числа профессоров на факультете восточных языков, постепенного учреждения отдельных кафедр восточных языков и в других университетах» [126].

Период 1884—1905 гг. относится, конечно, к такому недавнему прошлому, которое еще не может быть предметом беспристрастной исторической оценки; даже изложение фактических данных о деятельности лиц, состоявших в числе преподавателей факультета в 1905 г., и их учеников, в том числе и о составленных в этот период учебных пособиях, мы находим необходимым предоставить будущему историку второго пятидесятилетия. Печальные события, переживавшиеся в 1905 г. всей Россией, не позволили факультету чем-нибудь, кроме издания первого тома «Материалов для истории факультета», отметить окончание первого пятидесятилетия своего существования. 27 августа 1905 г., в день пятидесятилетней годовщины торжественного открытия факультета, состоялось, без всякого торжества, обычное факультетское заседание в начале учебного года. Приветствуя своих товарищей с этой годовщиной, декан факультета выразил надежду, что в начале второго пятидесятилетия жизни факультета, «при только что возвещенной университетской реформе», будут удовлетворены потребности, давно указанные самой жизнью, осущест-

---

[122] *Протоколы заседаний совета*, № 45, стр. 17—18.
[123] *Протоколы заседаний совета*, № 47, стр. 7 и 22—23.
[124] МИФВЯ, т. II, стр. 286.
[125] Розен, *О восточном факультете.*
[126] МИФВЯ, т. II, стр. 217.

влены пожелания, неоднократно высказывавшиеся в ходатайствах факультета за предшествующие годы, и что факультет, как рассадник русского научного востоковедения, будет поставлен на должную высоту. Выражением той же надежды мы и заканчиваем свой исторический очерк [127].

[127] ⟨См. теперь: *Востоковедение в Ленинградском университете*, изд-во ЛГУ, 1960 (УЗЛГУ, № 296. Восточный факультет. Серия востоковедческих наук, вып. 13); сорокалетию ленинградского востоковедения (1917—1957 гг.) посвящен т. XXV УЗИВАН (М., 1960); история академического востоковедения в Ленинграде в кн.: *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР* (М., 1972); см. также: Кузнецова — Кулагина, *Из истории советского востоковедения.*— *А. К.*⟩

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОКА В ЕВРОПЕ И РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ⟨К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ⟩

В настоящей книге воспроизведено содержание годичного университетского курса, читаемого мною для студентов факультета восточных языков С.-Петербургского университета с 1905 г. Для лиц, не знакомых с историей преподавания на факультете, позволяю себе привести здесь некоторые данные о происхождении и задачах этого курса.

До университетского устава 1863 г. среди кафедр факультета (учрежденного в 1854 г.) не было кафедры истории Востока[1]. В 1856 г. факультетом даже было высказано мнение, что для учреждения такой кафедры еще не наступило время, так как «исследование Востока представляет еще фактов слишком мало для того, чтобы они могли наполнить собою целую отдельную науку»[2]. Мнение факультета скоро изменилось; при обсуждении проекта нового университетского устава сам факультет указывал на необходимость учредить кафедру истории Востока и этим расширить историческое преподавание на факультете, так как «основательное знакомство с каким-либо азиатским языком невозможно без изучения истории той расы, к которой принадлежало племя, говорящее этим языком»[3]. Из этого довода видно, что и в то время в изучении истории Востока видели только средство к более основательному изучению языков. Такому взгляду соответствовала и та организация преподавания нового предмета, которая в полном согласии с факультетским проектом была намечена уставом: предполагалось распределить преподавание между тремя лицами соответственно трем главным «историческим расам» Азии — семитической, монгольской и арийской. Такое же деление истории Востока было принято в 1864 г., когда были выработаны программы испытания на степень магистра.

Факультету не удалось полностью осуществить свои предположения: «история арийских народов» преподавалась только короткое время (1868—1873), история семитических народов не преподавалась вовсе, хотя были

---

[1] На историко-филологическом факультете, насколько мне известно, до настоящего времени, за немногими исключениями (так, покойный В. Г. Васильевский в конце 80-х годов знакомил своих слушателей с историей ислама), читались лекции только по истории древнего Востока. Еще в 1865 г. в Харькове был издан курс проф. А. Рославского-Петровского, посвященный этому предмету.

[2] МИФВЯ, т. I, стр. 387.

[3] Там же, стр. 381.

попытки подготовить молодых ученых для преподавания этого предмета. Представителями кафедры с 1863 г. до настоящего времени всегда были специалисты по истории Средней (или, по терминологии устава и магистерских программ, Северо-Восточной) Азии, которым помимо преподавания своей специальности приходилось брать на себя и более трудную задачу чтения «общего курса» или «общего введения».

Первым представителем кафедры, проф. Григорьевым, была выработана в 1864 г. следующая схема «общего введения»: 1) география Азии как «сцена, на которой разыгрывалась драма азиатского человечества»; 2) типические особенности «актеров этой драмы» — народов и племен Востока; 3) судьба тех же народов и племен в доисторические времена; 4) «скелет политической истории Востока» — изложение истории восточных государств с древнейших времен до наших дней «в самом кратком очерке»; 5) религии Востока от шаманизма как «общей религии первобытных народов» до ислама, «которым закончилась религиозная производительность азиатского духа»[4].

Программа «общего введения» также не была осуществлена полностью. В печатных обозрениях преподавания начиная с 1869 г. мы уже не находим ни «скелета политической истории Востока», ни обзора возникших в Азии религий; нет даже указаний на то, чтобы проф. Григорьевым когда-либо была сделана попытка осуществить на деле эти пункты своей программы. В остальном порядок изложения оставался тот же, который был намечен в 1864 г.; преподаватель последовательно знакомил своих слушателей с данными по географии, этнографии и доисторической археологии Азии (в связи с древними народными преданиями); только изложению географии предшествовало «разъяснение задач истории» как науки. В некоторых программах упоминается еще (перед «орографическим и гидрографическим обозрением Азийского материка») «историческое обозрение постепенного ознакомления европейцев с географией и этнографией Азии». В большей части программ 70-х годов[5] география отдельно от этнографии не упоминается; за «разъяснением задач истории» следует «этнографический очерк Азии, предшествуемый обозрением задач и успехов этнологии в Европе».

Насколько мне известно, во всех этих случаях изменились только *названия* отделов курса; *содержание* «общего введения» оставалось неизменным. Введение читалось в течение одного учебного года (для студентов 1-го курса), по одной лекции в неделю. Большая часть этого времени посвящалась истории ознакомления европейцев с Азией, главным образом обзору путешествий в азиатские страны с древнейших времен до настоящего; этот же обзор, при котором, естественно, приходилось касаться гео-

[4] Веселовский, *В. В. Григорьев.*

[5] Такие программы мы находим в обозрениях преподавания за учебные годы 1871/72, 1872/73, 1875/76, 1876/77 и 1877/78 (последний год преподавательской деятельности проф. Григорьева).

графических и этнографических особенностей каждой страны, заменял собою связное изложение географии и этнографии Азии[6]. В русской печати еще раньше появились попытки таких обзоров европейских и русских путешествий в Азию. Сюда относятся статьи: д-ра Кемтца «Об успехах землеведения с первой половины XVIII столетия» («Карманная книжка для любителей землеведения, издававшаяся от Русского географического общества», СПб., 1848, стр. 5—157), П. С. Савельева «Средняя Азия, I. Обозрение географических открытий и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших» (там же, стр. 239—278), «Азия» в «Библиотеке для чтения», т. CXXVII, отд. III и IV, стр. 153 и сл., И. Жуковского (там же, т. CXXVIII, отд. III и IV, стр. 225—306).

С 1878 г. чтение этого курса перешло к преемнику проф. Григорьева, проф. Н. И. Веселовскому. В обозрениях преподавания 1878—1884 гг. этот курс назван «географическим и этнографическим обозрением Азии»; впоследствии это название было заменено другим: «обзор путешествий в Азию». И в этом случае изменение названия не обозначало собою изменение содержания курса. Сведения по географии и этнографии Азии (вслед за кратким вступлением о задачах истории вообще и истории Востока в частности) сообщались с самого начала в связи с историей постепенного расширения географического кругозора европейцев благодаря ознакомлению с новыми странами. Проф. Веселовский находил, что чтение связных курсов по географии, этнографии или истории Востока для студентов, еще не знакомых ни с восточными языками, ни с памятниками восточных литератур, едва ли было бы целесообразно. Если оставалось время, сообщались краткие сведения о делении азиатских народов по расам, племенам и языкам. Первоначально в этот курс входило также изложение сведений по доисторической археологии Азии, но от этой части выработанной проф. Григорьевым программы проф. Веселовский скоро отказался. В тот год (1887/88), когда слушателем этого курса был пишущий эти строки, изложение сведений о лингвистической группировке азиатских народов предшествовало обзору путешествий. Министерством народного просвещения в 1886 г. был возбужден вопрос о замене курса проф. Веселовского, который «ближе подходит к сведениям из исторической географии», другим, где излагалась бы «история восточных народов в общей связи», причем изложению «истории каждого отдельного народа уделялось бы лишь столько места, сколько необходимо для уразумения общего хода событий и степени участия в них отдельных народов» [7]. Факультет признал это предложение министерства невыполнимым.

[6] Как мне сообщил Н. И. Веселовский, проф. Григорьев и в те годы, когда в программе его чтений «орографическое и гидрографическое обозрение Азийского материка» упоминается отдельно от истории «постепенного ознакомления европейцев» с Азиею, фактически сообщал студентам сведения по физической географии Азии только в связи с обзором путешествий.

[7] МИФВЯ, т. II, стр. 419.

С 1905 г. чтение большей части обязательных лекций для студентов 1-го курса перешло ко мне. Тот тип общего введения, который был выработан моими предшественниками, кажется и мне единственно целесообразным. История Востока как наука, по всей вероятности, еще не скоро достигнет той степени развития, при которой было бы возможно сообщать сведения об «общем ходе событий и степени участия в них отдельных народов» без изучения отдельных вопросов по первоисточникам. При современном состоянии науки не только история Востока в целом, но и история одного только мусульманского мира (чтения такого курса требовало министерство в 1893 и 1895 гг.) не может преподаваться одним человеком без нарушения основных требований, предъявляемых к университетскому преподаванию.

Приняв на себя чтение общего курса истории Востока, я ограничился увеличением числа лекций, посвященных этому курсу (две лекции вместо одной), и некоторым расширением программы, чтобы для студентов яснее была связь между расширением географических познаний европейцев посредством ознакомления с отдельными странами и успехами востоковедения как науки; в то же время я старался выяснить своим слушателям, как и по каким причинам изменились взгляды европейцев на Восток вообще и на настоящее и прошлое отдельных восточных народов, в какой степени на успехах отдельных отраслей востоковедения отражались общие успехи европейской научной мысли и установление требований, предъявляемых теперь ко всяким научным работам без различия специальности. Какой бы отраслью востоковедения или какой бы страной Востока ни интересовался студент, для него едва ли бесполезно в течение первого года своего пребывания в университете получить некоторые сведения об истории изучения Востока вообще и о том, какое место в этой общей научной работе занимают успехи, достигнутые исследователями данной части Азиатского материка. Успехи, достигнутые одной отраслью востоковедения, могут быть поучительны и для других; работы, имевшие целью изучение какой-нибудь одной страны, могут иногда служить образцом для исследований, производимых в других частях Азии.

Нельзя отрицать, что и на таком «общем введении» до некоторой степени должны отражаться недостатки всех тех университетских курсов, где преподаватель вынужден касаться вопросов, не составляющих предмета его специального изучения. По мере развития специализации в области востоковедения вообще и истории Востока в частности, по мере успехов изучения истории отдельных стран и народов чтение такого курса, предназначенного для студентов факультета без различия специальности, может быть, будет признано излишним; уже теперь он исключен (с 1906 г.) из программы двух разрядов факультета: разряда еврейско-арабско-сирийского и разряда армяно-грузинской филологии. Чем более будет развиваться изучение отдельных отраслей истории Востока как в смысле приведения в известность фактического материала, так в особенности

в смысле применения требований исторической методологии, тем менее будет необходимо знакомить студентов, посвятивших себя изучению одной отрасли, с успехами, достигнутыми при изучении другой. Кафедра истории Востока не утратит своего значения, но преподавание будет организовано на иных началах, для чего, конечно, необходимо, чтобы эта кафедра, подобно кафедре всеобщей истории на историко-филологическом факультете, имела нескольких равноправных представителей. Едва ли это время наступит в сколько-нибудь близком будущем.

Вопрос об издании в свет печатных общих курсов представляется еще более спорным, чем вопрос о чтении таких курсов с кафедры. С развитием науки назначение лекций постепенно сводится к тому, чтобы научить студентов пользоваться пособиями, а не заменять им учебник. Бедность русской научной литературы не только в области востоковедения еще заставляет прибегать к изданию так называемых «пособий к лекциям», причем для этой цели часто служат студенческие записки, за которые преподаватель, давая разрешение на издание их в литографированном или печатном виде, конечно, не принимает на себя полной ответственности.

С первых лет своей преподавательской деятельности я решил издать свои курсы только в виде печатных книг, поступающих в продажу на общем основании и доступных критике. Каковы бы ни были недостатки такого курса, он полезен уже тем, что вносит в университетское преподавание начало гласности и дает возможность как товарищам профессора, так и другим компетентным ученым судить о характере его лекций [8]. Если настоящая книга сколько-нибудь удовлетворяет своей педагогической цели — быть руководством для студентов, она, вероятно, окажется не совсем бесполезной и для остальных русских читателей, интересующихся Востоком, особенно для тех, которым вдали от научных центров трудно другим путем получить сведения о литературе предмета.

Как видно уже из приведенных выше данных, общий план изложения, принятый в настоящей книге, принадлежит не мне, а моим предшественникам по кафедре. При чтении курса я мог рекомендовать студентам в качестве пособия только студенческое издание (1901 г., на правах рукописи) лекций проф. Веселовского; для удобства слушателей я сохранял с незначительными изменениями тот же порядок изложения, с тем же делением на главы. Как курс вообще, так в особенности приложенные к каждой главе библиографические сведения имеют целью только дать студенту некоторое понятие о состоянии отраслей востоковедения, не составляющих предмета его специальных занятий; отнюдь не имелось в виду ознакомить

[8] Само собою разумеется, что книга передает, с некоторыми дополнениями и поправками, только *содержание* лекций, но не форму изложения. При чтении лекций я имел перед собой только краткий конспект; текст курса в том виде, в каком он теперь предлагается вниманию *читателей*, был всецело установлен во время приготовления книги к печати, совершенно независимо от той формы, в которой те же сведения первоначально были сообщены *слушателям*.

его с литературой предмета в той степени, в какой это может быть сделано только специалистом. Считаю долгом выразить свою искреннюю признательность тем специалистам, указаниями которых я мог воспользоваться. Кроме товарищей по кафедре, Н. И. Веселовского и А. Е. Любимова, я считаю себя особенно обязанным С. Ф. Ольденбургу, любезно согласившемуся прочитать в корректурных листах главу X книги, в особенности ту часть ее, где говорится об изучении Индии и которая для целей курса имеет особенное значение: для изучения Индии сделано до настоящего времени несравненно больше, чем для изучения других стран Востока, и успехи этой отрасли востоковедения могут быть особенно поучительны для специалистов по другим отраслям. Указания С. Ф. Ольденбурга дали мне возможность внести в текст этой главы существенные дополнения и поправки. Полезными указаниями по некоторым другим вопросам я обязан А. И. Иванову, Б. Л. Модзалевскому и Ф. А. Розенбергу.

8 марта 1911 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание настоящей книги было выпущено в 1911 г. как воспроизведение содержания курса, читавшегося мною для студентов факультета восточных языков. В предисловии мною было изложено происхождение этого курса в связи с историей кафедры истории Востока, учрежденной при факультете уставом 1863 г. Как моим предшественникам, так и мне казалось полезным знакомить начинающих студентов-ориенталистов до изучения ими истории отдельных восточных стран и народов с историей изучения европейцами Востока вообще, чтобы дать им возможность сравнить достигнутое в той области, которую они намерены изучать, с достигнутым в других отраслях востоковедения. Вместе с тем такой курс может дать слушателям некоторое представление о том, какое место занимает данный восточный народ среди других и вообще в истории человечества. В том же предисловии мною, однако, были отмечены и отрицательные стороны такого курса. Преподаватель, являющийся, конечно, специалистом только в одной какой-нибудь отрасли истории Востока, при составлении такого общего обзора вынужден большею частью касаться вопросов, не составляющих предмета его специального изучения, что находится в некотором противоречии с общими требованиями, предъявляемыми к высшей школе.

Несмотря на этот основной недостаток, книга, по-видимому, не оказалась бесполезной ни в качестве руководства для студентов, ни в качестве библиографического пособия для читателей-неспециалистов. Преимущественно в качестве руководства для студентов она была издана в 1913 г. в немецком переводе, причем были опущены две первые главы вследствие их «слишком общего» содержания (als zu allgemein). В тексте мною самим были сделаны некоторые поправки; в библиографических обзорах издателем были прибавлены заглавия некоторых немецких трудов.

В основанном после революции (в 1920 г.) Петроградском (ныне Ленинградском) институте живых восточных языков составителями учебных программ был установлен общий курс того же типа, обязательный для всех студентов без различия специальности; чтение этого курса было поручено мне. В связи с этим было признано необходимым переиздать печатный курс с необходимыми поправками и дополнениями и с принятием в расчет успехов науки с 1911 г. Труднее всего было удовлетворить последнему тре-

бованию; известно, что русскому ученому уже с 1914 г. было гораздо труднее, чем прежде, следить за успехами западноевропейской науки; за последние годы культурная изолированность России ослабела, но далеко еще не восстановлено, даже на Западе, довоенное международное общение. Несомненно, что по отношению к литературе 1911—1924 гг. во втором издании окажется еще больше пробелов, чем в первом издании по отношению к литературе предшествующего времени. Само собою разумеется, что библиографическая полнота не имелась в виду ни в том, ни в другом издании; цель библиографических обзоров — дать необходимые указания начинающим. Книга с самого начала была задумана как пособие к лекциям, но не как учебник, именно потому, что она предназначена не для одних студентов. Несомненно, что большая часть библиографических указаний была излишней для студентов университета и будет еще более излишней для студентов специального института, особенно в условиях современной жизни, когда доступ к книгам еще труднее, чем был прежде. Столь же излишне было бы обременять память слушателей массою имен и дат, которых во втором издании еще больше, чем в первом. Если бы сохранить в книге только то, что предназначено для запоминания, исключив все то, что предназначено для чтения и справок, книга утратила бы всякое значение для нестудентов; между тем потребность в таком пособии в широких кругах теперь, по ходу событий на Востоке, еще настоятельнее, чем прежде. Надо надеяться, что слушатели сами сумеют выделить из заключающихся в книге данных то, что необходимо запомнить для сколько-нибудь отчетливого представления о постепенном расширении сведений европейцев о Востоке.

Вопреки мнению немецких издателей первые две главы показались мне не совсем лишними, притом не только для русских читателей; насколько мне известно, на Западе тоже не было такой попытки в кратких словах установить, как изменялся в европейской науке взгляд на историю Востока и на необходимость предъявлять к ее изучению те же научные требования, как к изучению истории Европы. Библиографические прибавления, сделанные в немецком переводе, во многих случаях являлись бы лишними для русских читателей и потому не были использованы во втором издании.

Из допущенных в первом издании ошибок я, конечно, старался исправить все те, на которые было обращено мое внимание или которые были замечены мною самим. С благодарностью были использованы мною поправки, сделанные в печати моим учителем, ныне покойным, Н. И. Веселовским в отзыве о моем труде (в «Записках Восточного отделения Археологического общества», т. XXII) и моим бывшим слушателем С. В. Жуковским в его книге «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие» (1915).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Глава I[1]

История есть наука о прошлом человека. В учебниках по методологии истории обыкновенно дается более пространное определение истории как науки [2]; но в этом едва ли есть необходимость, так как понятием о «науке» вообще вполне определяются и те требования, которым должно удовлетворять научное изучение человеческого прошлого.

Требования, которым должна удовлетворять каждая отрасль знания, чтобы быть признана наукой, следующие: 1) признание закона причинности и установление причинной связи между отдельными фактами; 2) систематическое расположение фактов в зависимости от выяснившейся причинной связи между ними; 3) установление объективных признаков достоверности фактов, вошедших в эту систему. Подчинение всех фактов закону причинности — аксиома, на которой основано всякое логическое мышление; расположение фактов в систематическом порядке на основании нескольких руководящих принципов — необходимое условие всякого отчетливого знания[3]; установление объективных признаков достоверности факта необходимо для того, чтобы дать науке ту основу, без которой выводы ученого остаются только его личными мнениями, не имеющими никакой обязательной силы для других. Подобно представителям других

---

[1] ⟨Настоящая глава по своему содержанию является кратким изложением основных положений курса лекций по методологии истории, который читался В. В. Бартольдом в университете. Сохранившиеся в его архиве (ед. хр. № 267, 268, 269) заметки к этому курсу содержат (в ряде вариантов) более подробную трактовку некоторых вопросов, рассматриваемых здесь. — *А. М.*⟩

[2] Bernheim, *Lehrbuch der historischen Methode*; Бернгейм, *Введение в историческую науку*; Barth, *Die Philosophie der Geschichte* (есть русский перевод: ⟨Барт, *Философия истории*⟩); Ланглуа — Сеньобос, *Введение в изучение истории*. О методологии истории еще: Лаппо-Данилевский, *Методология истории*; Карсавин, *Введение в историю*. ⟨Об историческом мировоззрении В. В. Бартольда см. наст. изд., т. V, стр. 23—33.⟩

[3] Шопенгауэр видел в этом отношении различие между историей и другими науками; историк, по его мнению, может распределять факты только по времени их свершения, а не по их содержанию. Группировка исторических фактов по иным признакам, с тем, чтобы этими признаками определялись все частные факты, вошедшие в какую-нибудь группу, казалась Шопенгауэру невозможной. Исходя из такого взгляда, он был вполне последователен, когда отказывался признать историю наукой.

специальностей, историк из общей массы фактов, находящихся в его распоряжении, выделяет те, которые кажутся ему необходимыми для объяснения и систематического изложения фактов в их совокупности и достоверность которых может быть точно установлена. Принципиального различия между историей и естественными науками в этом отношении нет; ботаник и зоолог также оставляют в стороне факты из жизни отдельных особей, не имеющие отношения к жизни рода или вида; подобный прием во всех отраслях знания составляет необходимое условие отчетливого, систематического изложения. Если признавать историю наукой о прошлом человека, то нет необходимости прибавлять, что история рассматривает факты этого прошлого в их причинной связи и останавливается только на фактах, имевших значение для жизни общественных групп.

Нередко высказывалось мнение, что предмет истории составляют только те факты, которые относятся к жизни человека как разумного, сознательного существа, а не к его анатомическим и физиологическим свойствам. Такое ограничение не выдерживает критики; историки всегда бывали вынуждены уделять свое внимание таким вопросам, как вопросы о происхождении человеческих рас, о результатах их скрещивания, о признаках вырождения и т. п. Провести в этом отношении границу между областью историка и областью естествоиспытателя едва ли возможно.

Указывают еще на другое различие между историей и естествознанием; предмет естествознания — жизнь рода или вида в совокупности, предмет истории — жизнь отдельных человеческих обществ. Но конечная цель исторической науки — выяснить ход всемирной истории, т. е. прошлое всего человеческого рода; между конечными целями естествоиспытателя и историка, таким образом, нет принципиального различия, хотя исключительные свойства человеческой жизни заставляют историка идти к своей цели особыми путями, отличными от путей естествоиспытателя. Только в человеческом мире условия жизни отдельных обществ представляют картину постепенного развития, доступного изучению; только ход жизни человеческого рода определяется постепенным сближением между собой все большего числа отдельных обществ. Если бы человеческие общества в этом отношении не отличались от обществ животных, историку столь же мало приходилось бы останавливать свое внимание на жизни каждого общества в отдельности, как зоологу — на жизни отдельных ульев и муравейников.

Человечество ни на какой ступени своего развития не могло быть равнодушно к своему прошлому, как не могло быть равнодушно к явлениям окружающей его природы. Мы не будем останавливаться на вопросе о том, как слагались среди первобытного человечества рассказы о прошлом и какое место занимали эти рассказы среди произведений творчества первобытных народов; достаточно сказать, что уже на очень ранних ступенях развития мы рядом со случайными рассказчиками видим класс рассказчиков по призванию, отовсюду собирающих предания о прошлом; как зна-

токи преданий, они получают известность в народе и приглашаются в торжественных случаях, особенно при устройстве пиров, для сообщения своих рассказов многочисленной толпе слушателей. Обрабатываемые рассказчиками для этой цели предания получают более определенный вид и в таком виде, без существенных изменений, передаются следующими рассказчиками. Чтобы усилить впечатление и вместе с тем облегчить усвоение всего рассказа или только наиболее характерной части, рассказчик нередко прибегает к форме мерной речи (стихов) или к таким приемам, как созвучие, аллитерация и т. п. Такие рассказы, для которых в науке установился греческий термин «эпос», до начала письменности являются единственными произведениями исторической литературы [4]. На этой ступени развития для человека еще нет разницы между правдоподобным и достоверным, между свободным творчеством художника и точными исследованиями ученого. Нет также науки в смысле изучения фактов в их естественной причинной связи. В явлениях природы человек видит проявления действия стоящей вне мира силы, дружественной или враждебной человеку; события человеческой жизни излагаются им сверх того с точки зрения свободы человеческой воли и вытекающей отсюда ответственности человека за свои поступки; та же сила, проявляющаяся в природе, награждает добрых, карает злых и надменных. Стремление установить известную последовательность и закономерность фактов человеческого прошлого проявляется только в характерной черте, свойственной эпическим преданиям едва ли не всех народов: картина прошлого представляется рассказчику в виде постепенного перехода от лучшего к худшему, постепенного упадка физических и духовных сил человека. Представление Гесиода о золотом, серебряном, медном и железном веке повторяется в том или другом виде в самых различных странах. Эта черта вполне объясняется тем, что носителями преданий везде являлись представители старших поколений, всегда находившие, что в старину люди были лучше, чем их современники; кроме того, человеку бедствия и пороки его времени, конечно, более близки и понятны, чем отрицательные стороны жизни предков. Те же причины продолжали оказывать влияние на представление историков о прошлом еще долго после окончания эпического периода.

Следующая стадия развития исторической литературы тесно связана с изобретением и распространением письменности, постепенно изменяющей все условия жизни общества. Представители власти, прежде не имевшие никаких формальных полномочий и опиравшиеся только на свои личные качества, признанные общественным мнением, теперь основывают свои права на унаследовании от предков и на писаном законе; первоначальные, смутные представления народных масс о сверхъестественных силах и о

[4] Об эпосе: А. Веселовский, *История эпоса*, и замечания: Радлов, *Образцы*, ч .V, предисловие. ⟨Из новой литературы см.: Пропп, *Русский героический эпос*; Жирмунский, *Народный героический эпос*; его же, *Тюркский героический эпос*, Л., 1974. — *А. М.*⟩

средствах к их умилостивлению сменяются стройной системой, вырабатываемой и передаваемой из поколения в поколение особым классом людей [5]. Представители государственного и религиозного авторитета более всего должны были дорожить традициями и возможностью заменить их устную передачу письменной. По приказанию государей делались записи о событиях их царствования; в храмах духовенством велись записи о событиях данной эпохи, продолжавшиеся представителями следующих поколений. Для представителей государственной власти сохранение преданий о прошлом имело несравненно большее значение, чем для представителей духовенства, авторитет которых опирался не столько на события действительной жизни и недавнего прошлого, сколько на представления о другом мире и о тех отдаленных временах, когда получила свое начало религия. Страны с наиболее выработанной и прочной государственной организацией, именно в древности Египет и с III в. до н. э. Китай, были единственными странами с непрерывным письменным преданием; Индия, где менее всего получили развитие основы государственной жизни, одна из всех культурных стран не имела почти никакой письменной истории и довольствовалась эпическими сказаниями.

Исторические надписи и летописи, являющиеся древнейшей формой письменной истории, имеют перед эпическими сказаниями несомненное преимущество; записанные очевидцами или современниками и уже в записанном виде передающиеся следующим поколениям, события в гораздо меньшей степени подвергаются искажениям и добавлениям, чем при устной передаче. Точнее, обыкновенно по годам царствований, определяется время совершения событий, и благодаря этому оказывается возможным соблюдать в рассказах о них точный хронологический порядок. Но эти рассказы уже не являются, подобно эпическим сказаниям, достоянием всего народа, распространяются только среди немногочисленного в эту эпоху класса грамотных людей и остаются неизвестны остальной массе населения. В лучшем случае народ по-прежнему довольствуется эпическими сказаниями; чаще он, порабощенный светскою властью и духовенством, вследствие изменившихся условий жизни забывает свои прежние сказания, не слагает новых и живет почти без всякого представления о своем собственном прошлом.

Исторические надписи и летописи были, по-видимому, у всех народов, имевших письменность; но только немногие из них воспользовались письменностью для создания другого рода исторической литературы — так называемой «повествовательной истории». В этом отношении замечательна аналогия между представителями трех самостоятельно возникших культур Старого Света, египетской, вавилонской и китайской, остановившихся

[5] ⟨В данном случае В. В. Бартольд преувеличивает роль письменности: она не является самостоятельным фактором развития общества, но лишь закономерно возникающим на определенном этапе его средством фиксации новых социальных и правовых норм. — *А. М.*⟩

на одной и той же стадии развития. Ни один из этих народов не совершил до конца (заметны только отдельные шаги в этом направлении) перехода от иероглифов и идеограмм к буквенному письму, открывающему доступ к письменности более широким слоям народа, от употребления слитков золота и серебра в качестве мерила ценностей к употреблению чеканенной монеты из тех же металлов, существенно облегчающему торговые сношения, от официальных записей об отдельных фактах прошлого к связным рассказам, объединенным общей идеей и независимым от интересов власть имеющих.

Произведения повествовательной исторической литературы впервые, насколько известно, появились в Сирии, где развитие культуры происходило под влиянием не только Вавилона, но и Египта. Временем наибольшего культурного и экономического развития Сирии был период между XI и IX вв. до н. э., когда временный упадок могущества как Ассирии, так и Египта доставил стране период сравнительной безопасности от внешних нашествий. Этот период был временем наибольшего развития морской торговли финикийских городов; в Финикии или в одном из других торговых пунктов Сирии было изобретено буквенное письмо [6], которое финикийскими мореплавателями приблизительно в одно и то же время (X—IX вв. до н. э.) было принесено на запад, в Грецию [7], и на юго-восток, в Индию [8]. В эти же века в Палестине возникло царство Давида и Соломона, распавшееся потом на царства израильское и иудейское. Труды неизвестных авторов, посвященные жизни этих царств в связи с предшествующей жизнью еврейского народа, были первой известной нам попыткой письменного изложения преданий о прошлом в связном, последовательном

[6] <О происхождении финикийского буквенного письма см.: Contenau, *Manuel d'archéologie orientale*, pp. 256—266; Baramki, *Phoenicia*, p. 53; Истрин, *Возникновение и развитие письма*, стр. 274 и сл. В настоящее время многие исследователи склонны относить возникновение его к XIII в. до н. э., основываясь на соответствующей датировке гробницы Ахирама — царя Сидона, на которой имеются надписи уже этой системы. Обнаружены и более ранние системы буквенного письма — библосская, протоханаанская и угаритская. Появление первой из них относят к началу II тысячелетия до н. э. — *А. М.*>

[7] Мы не касаемся вопросов, связанных с существованием в очень ранний период письма на острове Крите, развившегося, по-видимому, под влиянием египетской иероглифической письменности. О древней культуре на островах и берегах Эгейского моря: Dussaud, *Les civilisations préhelléniques*. Об открытиях на Крите: Бузескул, *Открытия XIX и начала XX века*, ч. II, стр. 152—167. <Из новой литературы см.: Пендлбери, *Археология Крита*; Schachermeyer, *Die minoische Kultur* (о письме S. 239—267). — *А. М.*> Семитские названия греческих букв, во всяком случае, заимствованы от финикийцев, что, несомненно, свидетельствует о влиянии финикийской письменности на греческую. <Самые ранние известные сейчас памятники греческой письменности — отдельные слова на глиняных сосудах — относятся к концу VIII в. до н. э.; см.: Starr, *The Origins of Greek Civilization*, p. 169. — *А. М.*>

[8] <О происхождении ранних индийских систем письма см.: Bühler, *On the origin of the Indian Brāhma alphabet*; Истрин, *Возникновение и развитие письма*, стр. 230 и сл. — *А. М.*>

рассказе, объединенном общей идеей [9]. Вопрос о том, насколько повествовательной истории у евреев и впоследствии у греков предшествовало развитие летописной литературы, остается спорным. Нет никаких доказательств, чтобы те «словеса дней», на которые ссылаются дошедшие до нас исторические книги евреев, действительно были официальными летописями, в которых события излагались хотя бы по годам царствований, а не произведениями свободного творчества, мало отличавшимися по форме от эпоса и не дававшими никаких точных дат. Таким же образом нет указаний на то, чтобы у греков до Геродота были летописные своды с изложением событий по годам царствований (напр., в Спарте) или по именам ежегодно сменявшихся должностных лиц, например афинских архонтов. Хронология событий греческой истории была установлена главным образом позднейшими греческими историками, особенно александрийскими учеными; между тем без установления хронологии, конечно, не могло быть летописи. И впоследствии у арабов важнейшие летописные своды были составлены в такую эпоху, когда на том же языке было уже несколько произведений повествовательной исторической литературы.

Столь же мало выяснен вопрос, были ли греки в историографии, как во многих других отраслях науки и литературы, учениками народов древнего Востока. Первые греческие историки, как и первые греческие философы, появляются в Малой Азии, в Милете, что уже само по себе указывает на влияние Востока. Этот процесс, вероятно, был бы для нас яснее, если бы до нас дошли какие-нибудь остатки древней литературы финикийцев, оказавших наибольшее влияние на греческую культуру [10]. Греческий термин *lógos* ('речь', 'рассказ'), которым обозначались исторические рассказы, вполне соответствует библейскому слову *dabar*, которое могло употребляться также финикийцами; но доказательств этого мы не имеем, так как до нас не дошли никакие произведения древней литературы ни финикийцев, ни других сирийских народностей, кроме евреев [11].

Произведения первых греческих «составителей рассказов» (*logopoioí* — термин, употребляемый Геродотом) дошли до нас только в незначительных

---

[9] О еврейской исторической литературе: Gunkel, *Die israelitische Literatur*. ⟨Современная трактовка этого вопроса несколько иная и основывается на обширных новых документах письменности, полученных в результате археологических раскопок. Из современной литературы см.: Eissfeld, *Geschichtsschreibung*; idem, *Einleitung in das Alte Testament*, а также: Finkelstein, *Mesopotamian Historiography*; Kammenhuber, *Die hethitische Geschichtsschreibung*. — *А. М.*⟩

[10] О финикийской литературе: Тураев, *Остатки финикийской литературы*, где неудачная попытка доказать, что раз «у евреев уже в X веке существовала письменность и историография», то «у гораздо более культурных и древних финикийцев не могло быть иначе» (стр. 89). О хрониках финикиян также: Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 16 и сл.

[11] ⟨В настоящее время имеется несколько текстов, найденных в Рас Шамре, которые содержат эпические сказания и религиозные мифы; см.: Pritchard, *Ancient near eastern texts*. — *А. М.*⟩

отрывках[12]. Первым обширным историческим трудом, дошедшим до нас, был знаменитый труд Геродота (V в. до н. э.), также происходившего из Малой Азии и писавшего на малоазиатском ионическом наречии. Геродота нередко, еще со времени Цицерона, называли «отцом истории». Несомненно, что его труд по широте замысла и по художественности изложения был значительным шагом вперед по сравнению с трудами его предшественников; в самом труде, однако, нет никаких доказательств, чтобы автор его принципиально расходился со своими предшественниками во взглядах на задачи историка и на форму изложения истории. По отношению к отдельным рассказам своей книги Геродот (напр., V, 36) употребляет тот же термин *lógos*, какой употреблялся его предшественниками. Все произведение, как одно целое, названо «историей», причем нет указаний на то, чтобы Геродотом этот термин был употреблен впервые. Позднейшие греческие ученые, употреблявшие слово «история» также в смысле отдельного исторического рассказа, назвали труд Геродота «историями»; но у самого Геродота, как и у других греческих авторов до эпохи Александра Македонского, слово «история» встречается только в единственном числе. Этимологическое значение этого слова — «ве́дение, ознакомление», так что «историей», по первоначальному значению этого термина, могла бы быть названа каждая отрасль знания. Этим объясняется существование такого термина, как «естественная история», — термина также греческого происхождения (он находится уже у Платона, Федон, гл. 45), в русском языке теперь вытесненного терминами «естествознание» и «естествоведение».

В отношении Геродота к своим источникам, письменным и устным, еще не видно никаких признаков научного исследования; Геродот еще не имел представления ни о закономерности исторического процесса, ни о естественной причинной связи между событиями человеческой жизни. Подобно своим предшественникам, он допускает возможность изменения хода событий вследствие непосредственного вмешательства стоящих вне мира, сверхъестественных сил.

Первым научным историческим трудом должна быть признана история Пелопоннесской войны Фукидида — труд, прерванный смертью автора в последние годы V или в самом начале IV в. до н. э. В противоположность Геродоту Фукидид (I, 21—22) вполне определенно противополагает свой труд трудам предшествующих ему «логографов» (от слов *lógos* ‘речь’, ‘рассказ’ и *gráfein* ‘писать’), к числу которых он, несомненно, причислял и Геродота, хотя нигде не называет его по имени. Фукидид признает, что отсутствие в его рассказе фантастического, сказочного элемента делает его менее занимательным для слушателей (и читателей), чем рассказы логографов, но надеется, что его книгой воспользуются те, кто пожелает получить ясное понятие о происшедшем и о том, что, по человеческим расчетам,

[12] Об античной историографии: Жебелев, *Древняя Греция*. ⟨Из новой литературы см.: Chatelet, *La naissance de l'histoire*. — *А. М.*⟩

должно при соответствующих условиях произойти в будущем. Уже в этом сопоставлении прошедшего с будущим видно признание закона причинности, по которому одинаковые причины при одинаковых условиях имеют одинаковые последствия.

Мысль описать ход борьбы между Афинами и Спартой явилась у Фукидида тотчас после первых военных событий, так как он предвидел, что война по своим размерам и своему значению далеко оставит за собой все прежние события греческой истории. Такое различие между Пелопоннесской войной и прежними греческими войнами Фукидид, однако, объясняет не волей богов и не личными качествами деятелей той и другой эпохи, а теми общими условиями, которыми жизнь современной ему эпохи отличалась от жизни Греции прежних времен. Для выяснения этого различия он посвящает первые главы своего труда изложению постепенного развития государственной жизни в Греции, начиная с той эпохи, когда все население носило оружие, когда в действиях морских разбойников не видели ничего постыдного и когда между отдельными греческими городами и областями не было почти никаких общих интересов, до возвышения Спарты и Афин и распадения почти всего греческого мира на два союза, образованные этими державами. Из этих глав, в которых Фукидид несколько раз сравнивает жизнь древней Греции с жизнью современных ему «варваров» и отсталых греческих племен, ясно видно, что Фукидид в постепенном изменении условий человеческой жизни видел результат медленного процесса, происходящего по известным законам, одинаковым для всех стран, хотя попытки более точного определения этих законов мы у него не находим.

Фукидид был современником событий, рассказанных в его труде, и мог писать о них частью по своим личным воспоминаниям, частью — по рассказам очевидцев; но и в этих рассказах встречались противоречия, которые могли быть устранены только путем сложного исследования (*zétesis*). По словам Фукидида, рассказчикам в некоторых случаях изменяла память, в других они давали событиям одностороннее освещение под влиянием симпатии к той или другой стороне. В главах, посвященных событиям прежних времен, Фукидид наряду с письменными известиями и устными преданиями пользуется также археологическим материалом; доказывая, что остров Делос в древности был населен карийцами, он ссылается на способ погребения в древних могилах, разрытых при очищении острова от могил афинянами в 426 г. (I, 8). Таким образом, уже Фукидидом применялись на деле основные требования так называемой «исторической критики»: сопоставление свидетельских показаний, определение степени осведомленности и степени беспристрастия каждого свидетеля и привлечение наряду со свидетельскими показаниями также вещественных следов событий. Но требования «исторической критики», подобно требованиям «исторического построения», не были отчетливо формулированы Фукидидом и применялись им далеко не во всех случаях. Современные ему события он сознательно старается излагать так, как они произошли в дей-

ствительности, а не так, как казалось бы ему правдоподобным; рассказывая о событиях прежних времен, он не идет дальше так называемого «рационалистического толкования» мифов и сказаний, т. е. более или менее правдоподобных, но совершенно бездоказательных предположений о том, как могли происходить в действительности события, подавшие повод к сочинению легендарных рассказов и явно преувеличенных описаний.

Принципы научного изложения истории были установлены с большею определенностью Полибием (II в. до н. э.), автором истории событий 264—144 гг. до н. э. Полибию принадлежит и термин «прагматическая история», которым с тех пор стали обозначать изложение событий в их причинной связи в противоположность прежней, «повествовательной» истории. Прилагательное *pragmatikós* происходит от слова *prágma* 'дело'; в применении к поступкам государственных деятелей, полководцев и т. п. оно употребляется Полибием в смысле «деловитый, целесообразный, разумный» (напр., II, 43, 9; 44, 5), в применении к истории — в смысле рассказа, остающегося на почве реальных фактов и их действительных, естественных причин. Полибию кажется несообразностью «вводить в прагматическую историю богов и детей богов» (III, 47, 8). Другой признак, которым история как предмет изучения (*máthema*) отличается от истории как предмета развлечения (*agónisma*), заключается в том, что прагматический историк старается ответить на вопрос, «вследствие чего, как и ради чего» произошли события, т. е. изложить их причины, последовательный ход и последствия.

Эпоха, отделяющая Полибия от Фукидида, имела большое значение в истории древнего мира. Образование сначала македонской, потом римской державы положило конец самостоятельному существованию греческих городских республик и сделало Грецию частью более обширного целого; возникла и получила широкое распространение стоическая философия, впервые поставившая понятие «человек» выше понятия «гражданин»; римское государство, объединившее культурные народы древнего мира, содействовало дальнейшему развитию понятия «гуманность» (термин, часто употребляемый латинскими писателями I в. до н. э.), т. е. прав человеческой личности, независимо от национальности и общественного положения. Полибий уже не различал эллинов и варваров и еще яснее, чем Фукидид, сознавал, что жизнь народов и государств развивается в известной закономерной последовательности, независимо от личных качеств деятелей той или другой эпохи, что за периодом постепенного развития неизбежно следует период постепенного упадка. Исход борьбы между Римом и Карфагеном Полибий объясняет тем, что в Риме сенат еще сохранял всю свою власть, тогда как в Карфагене в то время уже начинался тот переход власти к демократическим элементам, который кажется Полибию первым признаком упадка государства (VI, 51). Римская держава, по мнению Полибия, достигла последнего предела государственного могущества, которого ни одно государство будущего не в состоянии превзойти (I, 2, 7); тем не

менее и для римской державы наступит неизбежный в жизни государств переход от лучшего к худшему (VI, 9, 13). Государства подчинены, таким образом, закону природы, одинаковому для всего живущего. Кроме установления этого общего принципа Полибий приводит и подвергает дальнейшему развитию положения, установленные еще Платоном, о последовательности основных форм государственного устройства (монархии, аристократии и демократии); но более всесторонне разработанной теории исторического процесса он нам не дает.

Взгляд Полибия на требования исторической критики еще в меньшей степени может быть признан шагом вперед по сравнению со взглядом Фукидида. Вопрос о степени достоверности и беспристрастия каждого свидетеля ставится Полибием не только для устных рассказов, как у Фукидида, но и для письменных источников. Кроме того, Полибию известно, что помимо сознательного искажения событий, т. е. желания обмануть других, рассказчик, пристрастный к той или другой стороне, может невольно обманывать самого себя и создавать картину событий, не соответствующую действительности, хотя бы он сознательно старался говорить правду (I, 14). Но такое применение требований критики остается и у Полибия, как у Фукидида, только поверхностным; подобно Фукидиду, Полибий считает возможным пользоваться мифами и подвергать их рационалистическому толкованию.

Сочинения Фукидида и Полибия остались последним словом античной историографии. Последующие греческие историки частью подражали этим образцам, частью были представителями нового направления, так называемого «риторического», представлявшего шаг назад в науке, так как требования научной достоверности вновь были подчинены требованиям литературного вкуса, частью, наконец, ограничивались собиранием исторического материала и приведением его в систему исключительно в зависимости от хронологической последовательности событий, не обращая внимание на причинную связь между ними. Римляне в области историографии, как в других отраслях науки и литературы, были только учениками греков. Если сочинения некоторых римских историков, например Тацита, могут быть признаны шагом вперед по сравнению с сочинениями греков, то только как произведения искусства; научные требования истории не сознавались ни одним римским историком и ни одним греческим историком римского периода хотя бы в той степени, как Фукидидом и Полибием. Можно было ожидать, что развитие мирных сношений между народами, входившими в состав римского государства, в эпоху империи приведет к установлению более широких и менее односторонних взглядов на ход всемирной истории и на степень участия каждого народа и государства в этом процессе; но этого не случилось. Современник Августа Диодор задался целью «рассказать события (истории) всего мира, как бы одного города»; но в противоположность этому намерению его обширный труд является только сводом данных об истории различных народов древности, без установле-

ния связи между историей одного народа и историей другого и без критической проверки известий об истории каждого народа в отдельности. Для выяснения действительного хода исторической жизни различных народов греки и римляне, не говоря уже об отсутствии научно установленных методов исторической критики, не располагали достаточным запасом фактических данных о жизни человеческих обществ в прошлом и настоящем. В сочинениях греческих философов и историков мы находим отдельные замечания о смене форм государственного устройства, о развитии деления труда, об отношении общества в различные периоды и у различных народов к воинской доблести и мирному труду, о значении крупного и мелкого землевладения, об образовании денежной аристократии и т. п., но без попытки объединить эти наблюдения в стройную систему. Несмотря на сознательное стремление Фукидида и Полибия сделать историю предметом научного изучения, история до конца существования греко-римской культуры оставалась более искусством, чем наукой.

Общий упадок культуры в Европе, вызванный так называемым «великим переселением народов», отразился на всех сторонах народной жизни: вместо самоуправляющихся городских общин мы снова видим господство земельной аристократии, вместо денежного хозяйства — натуральное. Таковы же должны были быть последствия этого переворота для всех отраслей науки и искусства, в том числе и для истории. В средневековой Европе происходит возвращение к пережитым формам летописи и повествовательной истории; вновь получает исключительное господство религиозное миросозерцание.

Последнее явление вследствие распространения новых религий — христианства и ислама наблюдается и в тех странах, где в течение этого периода поддерживались, отчасти даже подвергались дальнейшему развитию, традиции античной культуры, именно в Византии и в мусульманском мире. В Византии традиции античной историографии, хотя преимущественно риторической, отражались на внешней форме исторических произведений; кроме того, учеными — собирателями фактического материала, из которых наиболее известен патриарх Фотий (IX в.<н. э.>), делались обширные выписки из сочинений античных авторов; но господство в науке богословского направления не допускало выяснения событий в их естественной причинной связи. Мусульманское богословие нашло способ примирить догматы о всемогуществе божием и о предопределении с законом причинности, признав, что все происходит по воле всемогущего бога, но что бог имеет обыкновение делать все на основании известных причин, хотя это обыкновение тоже является результатом его свободной воли и может быть им оставлено, когда он признает необходимым; но опыт прошлого показывает, что обыкновения божий, согласно слову Корана (сура XLVIII, ст. 23), не изменяются. Такая теория открывала полный простор деятельности как натуралистов, так и историков; тем не менее мусульмане в исторической науке не достигли тех успехов, как во многих других отраслях знания,

что объясняется особыми условиями развития историографии в мусульманском мире.

В области математики, астрономии, географии, естествознания, медицины и философии мусульмане были прямыми учениками греков; ознакомившись через посредство сирийских переводчиков с трудами греческих ученых, мусульманские ученые, писавшие на арабском языке, существенно обогатили каждую из этих наук новыми наблюдениями и выводами, хотя ни в одной отрасли знания не сделали попытки заменить систему, унаследованную от греков (с присоединением некоторых данных, заимствованных из других источников, особенно из Индии), новой, выработанной на иных началах. С другой стороны, мы не знаем в арабском переводе ни одного произведения греческих или римских историков, как и ни одного произведения греческой или римской поэзии. Мы находим в арабских исторических сочинениях данные об истории греко-римского мира со времени Филиппа Македонского, заимствованные из хронологического руководства Птолемея (II в. н. э.), у византийцев и сирийцев; изучение греческих философов ознакомило арабов с греческими теориями о формах государственного устройства; возможно, что традиции античной историографии через посредство византийцев и сирийцев (из последних некоторые издавали свои труды также на арабском языке) оказали некоторое влияние на форму арабских исторических трудов. Но вообще мусульманская историография развивалась не под влиянием античных образцов, а под влиянием традиций, унаследованных от домусульманской культуры арабов и персов. Несмотря на высокую степень культуры, достигнутую персами в эпоху Сасанидов, персидские предания о прошлом, переведенные на арабский язык, еще сохраняли, подобно арабским, характер произведений эпического творчества. Уже в эпоху ислама арабы и персы перешли к формам летописи и повествовательной истории; в конце XIV в. ⟨н. э.⟩ арабский историк Ибн Халдун сделал первую и единственную в мусульманском мире попытку перейти от повествовательной истории к прагматической и установить те принципы, которые давали бы возможность объяснить ход событий всемирной истории в их естественной причинной связи.

Система Ибн Халдуна, изложенная в знаменитом введении к его всемирной истории [13], безусловно, независима от взглядов греческих историков, перед которыми она имеет несомненные преимущества, так как Ибн Халдун располагал гораздо более обширным и разнообразным историческим материалом. В основу этой системы вместо изменения форм государственного устройства был положен более общий признак: разви-

[13] Французский перевод предисловия к труду Ибн Халдуна: Ибн Халдун, *Мукаддима*, пер. де Слэна; там же автобиография Ибн Халдуна. ⟨Новый перевод: Ибн Халдун, *Мукаддима*, пер. Розенталя. Об Ибн Халдуне см. также: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 431—458; Бациева, *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна*. — *А. К.*⟩

тие и ослабление чувства солидарности среди членов человеческого общества. С этой точки зрения устанавливаются различные эпохи в жизни народов и определяется значение таких фактов, как переход от кочевого быта к земледельческому, от сельской жизни — к городской, распространение наук и искусств, появление новых кочевых завоевателей и покорение ими культурных стран. Ход всемирной истории представляется Ибн Халдуну в виде картины постепенного развития и упадка политических групп, объединенных национальным самосознанием или общей религией; развитие и упадок совершаются по непреложным законам, которым подчинены все народы. Вопреки основным догматам ислама Ибн Халдун в этом отношении не делает исключения для мусульманской державы, которую он, несмотря на ее фактическое распадение на ряд отдельных государств, рассматривает как одно целое, и отмечает признаки упадка этой державы сравнительно с ее прежним блеском. Требований исторической критики Ибн Халдун не касается совсем; выработанные им теоретические положения о ходе исторической жизни представлялись ему настолько обоснованными, что степень достоверности фактов вполне определялась в его глазах степенью их соответствия требованиям этих теорий.

Ибн Халдун был убежден в том, что своей системой исторического построения он создает «новую науку». В действительности им только был указан путь, который мог бы привести к созданию такой науки, но этим путем не воспользовались ни последующие мусульманские историки, ни даже сам Ибн Халдун. В его сочинении наблюдается такое же несоответствие между главной частью труда и введением, как в сочинении Диодора. Ни по стройности расположения материала, ни по степени критического отношения к источникам собственный труд «создателя новой науки» не отличается от обычного типа мусульманских исторических компиляций.

Одновременно с упадком мусульманской культуры происходило возрождение наук и искусств в Западной Европе. В некоторых отраслях знания, особенно в медицине, европейцы были непосредственными учениками арабов; но вообще первые деятели эпохи Возрождения ставили себе почти исключительной целью восстановление культуры греков и римлян, уничтоженной эпохой средневекового варварства. В противоположность арабам европейцы старались собрать и изучить все, что сохранилось от этой культуры. Первое время произведения античных поэтов, философов и т. п. считались неподражаемым образцом и непререкаемым авторитетом; постепенно стала выясняться возможность дальнейших успехов художественного творчества и научной мысли; в различных отраслях знания греческие системы стали заменяться новыми, представлявшими шаг вперед в науке. В настоящее время только в двух научных дисциплинах, логике и геометрии, сохраняют свое значение системы, выработанные греческими учеными (Аристотелем и Евклидом), хотя были попытки построить и эти науки на новых началах.

Сравнивая успехи истории с успехами естествознания, мы в Западной Европе наблюдаем то же явление, как прежде в греко-римском и в мусульманском мире. В древней Греции попытки научно объяснить происхождение мироздания начинаются уже с Фалеса (начало VI в. до н. э.), попытки научного изложения истории — только с Фукидида (конец V в. ⟨до н. э.⟩); у арабов только в конце XIV в. ⟨н. э.⟩, через 300 лет после эпохи расцвета естествознания, философии и точных наук, появляется попытка дать научное объяснение историческому процессу; таким же образом в Западной Европе в области естествознания уже система Коперника (ок. 1530 г.) представляла полный разрыв с античными традициями, и только «Римская история» Нибура (1811 г.) [14] и труды Ранке (с 1824 г.) [15] выяснили необходимость выработать иные методы изучения и изложения истории, чем методы древних. Получают дальнейшее развитие основы исторического построения, только в общих чертах намеченные греками; впервые вырабатываются основы исторической критики.

Успехи исторического построения тесно связаны с выяснением законов исторического процесса. Попытка Ибн Халдуна, не нашедшего продолжателей в мусульманском мире, была возобновлена на европейской почве итальянским мыслителем Вико (1726 г.) [16]. Подобно Ибн Халдуну, Вико хотел определить те стадии постепенного развития и упадка, через которые проходят все народы; это общее содержание истории всех народов должно было составлять главный предмет той исторической науки, которую он хотел создать и которую он, подобно Ибн Халдуну, называл «новой наукой». Вико, о котором в XIX в. возникла целая литература, подобно Ибн Халдуну, не был оценен своими современниками, хотя и в XVIII в. он не был так одинок, как иногда утверждают. Итальянские юристы ставили его выше Монтескье; Гете, ознакомившийся с его идеями в 1787 г., также ставил их чрезвычайно высоко [17].

В XIX в. попытка создать новую науку о законах развития человеческих обществ была сделана Огюстом Контом. Конт оказался счастливее своих предшественников: его труды получили широкое распространение и вызвали целый ряд других исследований; название, данное Контом науке о человеческих обществах, — «социология» — было принято последующими учеными и получило права гражданства, несмотря на то что оно представляло едва ли не первый пример соединения вопреки законам филологии латинского слова с греческим (впоследствии таким же способом были образованы слова «терминология», «бальнеология» и др.).

---

[14] B. Niebuhr, *Römische Geschichte.*

[15] ⟨О месте Ранке в развитии изучения истории см.: Косминский, *Историография*, стр. 332 и сл. — *А. М.*⟩

[16] ⟨Vico, *Cinque libri.* Из новых изданий см.: Vico, *La scienze nuova.* Русский перевод: Вико, *Основания новой науки. — А. М.*⟩

[17] Мнение Гёте о Вико см.: Göthe, *Italiänische Reise*, Bd I, S. 236 (изд. 1856 г.: письмо из Неаполя 5 марта 1787 г.).

Если бы задача, поставленная на очередь Контом, была разрешена им самим или его преемниками, то этим самым были бы установлены основы исторического построения; историкам оставалось бы только применять к конкретным фактам теоретические положения, выработанные социологами. В действительности ни одна из многочисленных социологических систем, предложенных после Конта, не получила общего признания. Несмотря на обилие достоверного фактического материала, которым располагают современные европейские исследователи по сравнению с греками и арабами, этот материал остается, безусловно, недостаточным для определения законов, которым бы всегда и всюду подчинялась жизнь человеческих обществ. Выводы социологов основаны почти исключительно на фактах истории Европы, между тем даже если принимать во внимание только народы, входящие или входившие в круг всемирно-исторического общения, то и среди этих народов народы Европы составляют только незначительное меньшинство. При современном состоянии исторической науки вполне естественно, что выводы социологов постоянно опровергаются или открытием новых фактов, не принятых ими во внимание, или более тщательным критическим исследованием известий о фактах, на которых были основаны предложенные обобщения.

Рассматривая законы, которым подчинена жизнь человеческих обществ, и порядок, в котором совершаются изменения условий этой жизни, социология старается определить характер исторического процесса, не касаясь вопроса о его смысле и конечных целях. Решение этого вопроса составляет задачу так называемой «философии истории». Стремление получить ответ на вопрос о конечных результатах истории человечества замечается еще в период эпического творчества; наряду со взглядом на исторический процесс как на непрерывный переход от лучшего к худшему выражается надежда, обыкновенно связанная с именем какого-нибудь бога или героя, что в конце дней, когда мера зла исполнится, произойдет восстановление царства правды и счастия. В учении многих религий эта надежда приняла более определенную форму мессианизма. С развитием научного мышления делаются попытки создать на основании фактов прошлого научно обоснованные теории о будущих судьбах человечества, о конечных целях так называемого «прогресса» и о культурной работе отдельных народов и эпох как части общей работы человечества для создания своего будущего счастия. Европейская наука XVIII и XIX вв. представляет несколько попыток в этом направлении, из которых наибольшее влияние оказали взгляды Гердера и Гегеля; тем не менее вопросы о будущности человеческого рода и в особенности о конечных целях его существования всегда, по-видимому, будут составлять только предмет веры и личного миросозерцания. Попытки создать «теорию прогресса» также едва ли когда-нибудь увенчаются успехом, и самое понятие о «прогрессе» едва ли поддается точному научному определению. Если из области философии истории исключить вопрос о прогрессе и его конеч-

ных целях, то философия истории становится тожественной с социологией; и действительно, термины «философия истории» и «социология» рассматриваются некоторыми исследователями как различные названия одной и той же науки.

Во многих руководствах по исторической методологии «прагматической» истории греков противополагается «генетическая» история, созданная западноевропейскими историками XIX в. и основанная на признании закона «эволюции», т. е. постепенного и последовательного изменения всех условий жизни человеческих обществ. Исторические события не рассматриваются как результат действий отдельных лиц, направленных к той или иной цели; напротив, как появление так называемых исторических деятелей, так и степень их успеха объясняются всей предшествующей жизнью тех обществ, среди которых они выступают. Однако вопреки часто высказывавшемуся мнению в этом отношении нет принципиального различия между трудами новейших историков и трудами Фукидида и Полибия. Приведенное выше мнение Фукидида о причинах, объясняющих значение Пелопоннесской войны по сравнению с прежними событиями греческой истории, и мнение Полибия о причинах исхода борьбы между Римом и Карфагеном наглядно показывают, что создатели «прагматической» истории также смотрели на ход исторических событий как на результат последовательного и закономерного процесса и столь же мало искали ключа к объединению хода истории в области индивидуальной психологии. Принцип эволюции, таким образом, применялся на практике и античными историками, хотя в их теоретических положениях он не был выражен с такой отчетливостью и полнотой, как учеными XIX в.

Основное различие между современной исторической наукой и наукой греков заключается не в приемах исторического построения, но в приемах исторической критики. Греческие историки, как вообще греческие ученые, заботились исключительно о логической стройности системы, о полноте и ясности общей картины; вопрос о степени достоверности отдельных фактов, особенно в тех случаях, когда автор писал не о событиях своего времени, решался только на основании общих соображений о том, что́ правдоподобно и неправдоподобно, и в зависимости от вопроса, насколько данный факт соответствует предшествующим, которыми он должен был быть вызван, и последующим, на которые он, в свою очередь, должен был оказать влияние. Те же приемы употребляются и современными учеными; но вместе с тем в области истории, как во всех других отраслях научной мысли, предъявляются иные требования к определению степени достоверности каждого отдельного факта, независимо от стройности и последовательности системы, обнимающей всю совокупность фактов. В области точных наук ради этой цели выработаны несравненно более сложные приемы наблюдения и опыта, чем приемы, известные в древности; факты прошлого, не доступные ни непосредственному наблюдению, ни воспроизведению путем опыта, могут быть изучены только на основа-

нии свидетельских показаний и вещественных доказательств, т. е. вещественных следов, оставленных событиями. К этим двум категориям могут быть отнесены все исторические «источники», причем те источники, из которых мы извлекаем свидетельские показания о фактах, в то же время могут быть рассматриваемы как вещественные следы культурного состояния, мыслей и стремлений той эпохи, когда они возникли. Когда рассказ о событиях принадлежит их современнику, ценность такого рассказа как вещественного памятника событий редко находится в соответствии с его ценностью как свидетельского показания. Чем объективнее и беспристрастнее рассказ, тем больше доверия возбуждают сообщенные в нем факты, но зато тем меньше в нем отражаются цели и стремления, определившие ход событий. С другой стороны, рассказ, всецело проникнутый взглядами определенного круга или определенной партии, может представлять для исследователя большой интерес как памятник данной эпохи, но как свидетельское показание, конечно, не имеет большого значения.

Из всех приемов исторической критики к наиболее достоверным выводам приводит сопоставление двух или нескольких свидетельских показаний, не зависимых одно от другого. Исследователь при этом исходит из следующих аксиом, установленных опытом: последовательность восприятия впечатлений и способы их словесного выражения до такой степени разнообразны, что изложение события в двух рассказах в одном и том же порядке подробностей или с употреблением одних и тех же выражений неопровержимо доказывает зависимость одного рассказа от другого или зависимость обоих от общего источника; с другой стороны, столь же разнообразны способы искажения факта, так что согласное показание двух источников, заведомо не зависимых один от другого и не восходящих к общему источнику, неопровержимо доказывает правдивость данного известия. При определении степени зависимости одного источника от другого исследователь выясняет различие между «первоисточниками», восходящими непосредственно к событию, и «компиляциями», передающими чужие письменные рассказы о событии. В тех случаях, когда первоисточник утрачен, исследователь посредством сличения двух или трех компиляций, в которых использован один и тот же первоисточник, часто имеет возможность восстановить содержание, иногда и текст последнего.

Выводы, основанные на согласном показании двух или нескольких не зависимых один от другого первоисточников, обладают такой доказательной силой, что с ними принуждены считаться и представители естественных наук наравне с выводами, полученными посредством применения методов естествознания. К сожалению, историк только в редких случаях располагает материалом для таких выводов; часто ему приходится довольствоваться каким-нибудь одним рассказом о событии, без возможности отделить черты действительного происшествия от подробностей, внесенных в рассказ личными взглядами или симпатиями автора. Отчасти, но в гораздо меньшей степени, эта цель достигается посредством сопоставле-

ния такого рассказа как с вещественными памятниками соответствующей эпохи, так и со следами, оставленными данным событием в дальнейшей жизни народа. Вещественным памятникам нередко придается большое значение как единственным вполне достоверным источникам, свободным от всякого субъективного элемента, неизбежно вносимого в рассказ о событии каждым рассказчиком. Но субъективный элемент, которого в этом случае нет в самом источнике, неизбежно вносится исследователем при пользовании этим источником, притом в гораздо большей степени, чем при пользовании письменными известиями. Выводы так называемой доисторической археологии, вообще суждения о народах и эпохах, оставивших нам только вещественные памятники, большею частью остаются до настоящего времени личными мнениями ученых и не получили общего признания. Даже выводы, основанные на кажущемся согласии вещественных памятников с письменными известиями, нередко оказывались несостоятельными, когда сопоставление этих письменных известий с другими заставляло изменить мнение о достоверности первых, а ближайшее исследование вещественных памятников заставляло отнести их к другой эпохе, чем эпоха, к которой относились письменные известия. Тем не менее успехи исторической критики тесно связаны с успехами вспомогательных наук, посвященных изучению вещественных памятников: археологии, нумизматики, палеографии и др. Когда все свидетельские показания, находящиеся в распоряжении исследователя, принадлежат одному лицу или одной стороне, только изучение следов событий, в том числе вещественных памятников, позволяет исследователю внести необходимые дополнения и поправки в то одностороннее освещение событий, которое он находит в своих письменных источниках.

Современные курсы по методологии истории обыкновенно разделяются на три главных отдела: источниковедение, методы исторической критики и методы исторического построения. Такой порядок изложения определяется тремя главными стадиями работы историка в их логической последовательности: 1) историк старается собрать в качестве необходимого материала для своей работы возможно большее число источников и привести их в систему в зависимости от степени их достоверности и от влияния одного источника на другой; 2) среди этого материала им выделяются отдельные известия и отдельные предметы, относящиеся к одним и тем же фактам, с целью перейти от свидетельских показаний о фактах и следов, оставленных фактами, к самим фактам; 3) имея в своем распоряжении ряд критически проверенных фактов, историк располагает их в порядке хронологической и логической последовательности с целью выяснения хода события в их причинной связи. В действительности такой порядок работы соблюдается только при установлении окончательных выводов, причем и в этом случае вопросы исторической критики и исторического построения нередко решаются одновременно; причинная связь данного факта с предыдущими и последующими является одним из доводов в пользу

его достоверности. Первоначальная работа историка обыкновенно совершается в обратном порядке: еще до начала своих самостоятельных работ историк на основании трудов своих предшественников составляет себе мнение о последовательном ходе фактов, чем обыкновенно определяется выбор темы исследования; приступив к своему труду и изучая те же вопросы по первоисточникам, историк обращает внимание на сомнительную достоверность некоторых фактов и вследствие этого подвергает критическому исследованию весь материал; чтобы такое исследование могло привести к достаточно обоснованным и прочным выводам, необходимо привлечение возможно большего числа источников. В таком же порядке первоначально были выработаны методы исторической науки: попытки выяснить основы исторического построения предшествовали установлению требований исторической критики; еще позже было признано значение археологии и других вспомогательных наук, связанных с источниковедением.

Глава II

Принципы исторического построения и методы исторической критики были выработаны исследователями, изучавшими историю античного мира (Нибур и др.) или историю средневековой Европы (Ранке и др.), преимущественно вторыми; до настоящего времени в курсах по методологии истории теоретические положения почти всегда объясняются примерами, заимствованными из истории средних веков. Западноевропейские историки не могли не сознавать преемственной связи современной им жизни с прошлым тех же народов и с античной культурой, под влиянием которой развилась западноевропейская; труднее было установить связь между историей Европы и историей народов других частей света. Долгое время под «всемирной» историей понимали только историю европейских народов; на этом основано деление «всемирной» истории на древнюю, среднюю и новую, предложенное в XVII в. и сохраняющее значение до сих пор, хотя против него и были сделаны существенные возражения. Еще в XIX в. высказывалось мнение, что народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова и что поэтому методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока неприменимы.

Этот последний взгляд выражен с наибольшей полнотой и последовательностью во введении к «Истории XVIII века» Фр. Шлоссера. Шлоссер видел коренное различие между историей Востока и историей Европы в том, что в государствах Востока, с их деспотическим и иерархическим устройством, «религия, обряды, литература, светское государственное устройство, даже искусства основаны на том, чтобы все существующее оставалось неизменным, чтобы не допускалось ни дальнейшее развитие собственной культуры, ни влияние культуры иноземцев» [1]. По мнению Шлоссера, достаточно сказать, какой державе принадлежало господство в определенную эпоху, чтобы установить все черты быта страны в это время; как бы долго ни продолжалось господство одной державы, описание страны в любой момент этого периода дает понятие о том, что происходило в ней в течение всего периода; для характеристики такого периода поэтому нет необходимости рассматривать последовательный ход истории страны; достаточно дать понятие о возникновении могущества державы, о величайшем расцвете этого могущества и о его падении.

---

[1] Шлоссер, *История восемнадцатого столетия*, т. I, стр. 1—2.

Понимание истории Востока кроме скудости фактических сведений долгое время затруднялось для европейских ученых предвзятым отношением к предмету исследования. С XVII в. под влиянием определившегося в то время превосходства европейской культуры начинается пренебрежительное отношение европейцев к отсталым народам Востока; реакцией против такого отношения было в новейшее время чрезмерное увлечение вновь открытыми памятниками древней восточной культуры и преувеличенная оценка культурного уровня народов древнего Востока по сравнению с бытом современных народов Западной и Восточной Азии.

До второй половины XVIII в. европейцы, кроме книг Ветхого завета, не знали никаких литературных памятников древневосточной культуры. В 1771 г. Анкетиль Дюперрон ознакомил европейцев во французском переводе с Авестой [2], т. е. со священными книгами древних персов, вывезенными им из Индии и представляющими один из замечательных памятников религиозного творчества, хотя вопрос о времени и месте возникновения этой религии до настоящего времени остается нерешенным [3]. Приблизительно в то же время утверждение английского владычества в Индии привело к более основательному изучению санскритского языка и литературы. Родство между санскритским языком и языками Европы, на которое еще в XVI в. обратил внимание итальянец Сассетти, теперь было окончательно доказано, преимущественно трудами Джонса (1783—1794) [4]. С тех пор началось чрезмерное увлечение языками и культурой древней Индии, более всего связанное с именем Фридриха Шлегеля, труд которого вышел в 1808 г. [5]. В санскритском языке видели прямого родоначальника языков греческого, латинского, германского, персидского и других индоевропейских; священные гимны на санскритском языке, так называемые Веды, относились к той эпохе, когда общие предки индийцев и европейцев, будто бы сложившие эти гимны, еще кочевали в Средней Азии; в философии индийские мудрецы признавались учителями греков, в астрономии — даже учителями халдеев. В настоящее время все эти мнения давно опровергнуты. Доказано, что санскритский язык не является предком других индоевро-

---

[2] ⟨Anquetil du Perron, *Zend-Avesta.*⟩

[3] ⟨В настоящее время большинство исследователей считают, что деятельность Зороастра протекала в южной части Средней Азии, но относительно дат его жизни мнения сильно расходятся. Из новейшей литературы см.: Струве, *Родина зороастризма*; Абаев, *Скифский быт*; Дьяконов, *История Мидии*; Оранский, *Введение*; Henning, *Zoroaster*; Widengren, *Die Religionen Irans. — А. М.*⟩

[4] О Сассетти: Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 222; о Джонсе и дальнейших работах: ibid, S. 346 sq.

[5] Schlegel, *Über die Sprache.* Примеры увлечения Индией еще в XVIII в.: Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten*, — в начале II тома мнение, что индийцы были учителями халдеев и египтян; Langles (перевод книги Thunberg, *Voyages au Japon*, t. III, p. 279) полагал, что евреи заимствовали законы Моисея у египтян, египтяне — у индийцев. Изложение прежних взглядов на индийскую культуру на русском языке: Уваров, *Речь президента.*

пейских языков, но только восходит к общему с ними источнику; что гимны Вед являются произведением индийского, а не индоевропейского творчества, хотя и относятся к глубокой древности, когда индийцы еще не имели ни городов, ни письменности; наконец, доказано семитское происхождение санскритского алфавита, вследствие чего индийцы наравне с греками должны быть признаны не учителями, но учениками культурных народов Передней Азии; в астрономии они были даже учениками греков [6].

При изучении Авесты и санскритской литературы европейцы пользовались содействием туземных ученых: в обоих случаях знание мертвого языка, на котором были написаны священные тексты, передавалось в среде ученых из поколения в поколение, как знание латинского языка в Европе. В Египте и Передней Азии европейские ученые должны были самостоятельно искать ключ к объяснению памятников древней культуры, не изучавшихся никем из местных ученых в течение более тысячи лет до начала европейских исследований.

Увлечение Египтом сменило в XIX в. увлечение Индией. Из рассказов греческих авторов, особенно Геродота и Диодора, и европейских путешественников ученым еще раньше было известно, что древний Египет был высококультурной страной, оставившей миру единственные в своем роде памятники. Благодаря исключительным климатическим условиям в Египте могли сохраниться до наших дней не только древнейшие памятники строительного искусства, скульптуры и живописи, но и набальзамированные тела деятелей отдаленнейших эпох; исследователь видит перед собой, без посредства писателей и художников, черты лица древних царей, управлявших страной в эпоху высшего развития ее культуры и политического могущества. Поход Наполеона (1798 г.) дал французским ученым возможность ближе ознакомиться с памятниками египетской культуры; одним из научных результатов похода было открытие ключа к чтению памятников древнеегипетской письменности; изучение этих памятников положило начало новой науке — египтологии.

Основатели этой науки имели перед собой задачу, которую европейским ученым приблизительно в то же время приходилось разрешать в Передней Азии, впоследствии также в других странах: разобрать надписи, составленные на неизвестном языке неизвестными письменами. Для разрешения этой задачи во всех случаях применялся приблизительно один и тот же метод: определялось число различных знаков; если письмо оказывалось буквенным, то выделялись знаки, встречавшиеся между двумя тождественными знаками, т. е., как можно было предполагать, служившие

---

[6] О происхождении индийского алфавита: Bühler, *Indische Paläographie*. Об индийской астрономии работа: Thibaut, *Astronomie, Astrologie und Mathematik* (стр. 43 и сл. о влиянии греков). Кроме того, краткие сведения по изучению Индии: Pischel, *Die indische Literatur*, S. 211 sq. ⟨О современных взглядах на происхождение индийских алфавитов см. выше, стр. 211, прим. 8. — *А. М.*⟩

для обозначения гласных звуков; рассматривался вопрос, какие собственные имена, известные исследователю, должны были упоминаться в надписи и какие группы знаков, по количеству последних и по положению в них гласных букв, могли обозначать эти собственные имена. Если исследователю удавалось прочитать несколько имен, он этим самым определял значение нескольких знаков и мог пользоваться этим результатом для разбора других, нарицательных слов; последняя работа значительно облегчалась, если удавалось установить родство неизвестного языка с каким-нибудь из известных исследователю. Главная часть всей работы — установить, какие собственные имена встречаются в надписи, и определить их место — иногда представляет почти непреодолимые трудности; самый благодарный материал доставляют исследователю те памятники, где рядом с надписью, подлежащей разбору, помещен ее перевод на какой-нибудь известный ему язык. Такой материал имели в своем распоряжении египтологи благодаря открытию в 1799 г. в Розетте французским инженером Бушаром камня с текстом постановления жрецов в честь царя Птолемея V Эпифана в 196 или 195 г. до н. э.; рядом с двумя египетскими текстами (один написан письмом иероглифическим, т. е. употреблявшимся жрецами, другой — демотическим, т. е. распространенным в более широких кругах народа) помещен перевод постановления на греческий язык. Задача исследователя еще облегчалась тем, что имена царей в иероглифическом тексте обведены картушем. Тем не менее вследствие сложности египетского письма только в 1822 г. мог быть прочитан доклад Шампольона младшего, в котором был дан ключ к чтению надписи; язык оказался сходным с языком коптов, современных потомков древних египтян. Попытку чтения демотического текста, хотя и не вполне удачную, сделал еще в 1802 г. Окерблад [7].

Благодаря труду Шампольона европейские ученые получили доступ к богатой древнеегипетской литературе; кроме надписей было найдено значительное число рукописных произведений по различным отраслям знания (письменный материал, папирус, приготовлялся из растения Papyrus antiquorum). Как и следовало ожидать, предания, рассказанные Геродоту в V в. до н. э., были опровергнуты письменными памятниками более ранних веков; с полной достоверностью могли быть установлены, хотя и без точных хронологических дат, периоды постепенного развития, упадка и временного возрождения египетской культуры.

Долгое время эта культура признавалась древнейшей из существовавших на земном шаре; только в новейшее время, после открытия в Передней Азии более древних письменных памятников, чем можно было предполагать по известиям греческих писателей, по наблюдениям путешественни-

[7] О дешифровке иероглифов и первых работах по египтологии: Dümichen, *Geschichte des alten Aegyptens*, S. 267—322; Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 31—33; Франк-Каменецкий, *Как научились читать египетские письмена.* (См. также: Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите. — А. М.*)

ков и по первым открытиям ученых, этот вопрос признан спорным [8]. В Передней Азии на поверхности земли не сохранилось таких древних памятников строительного искусства, как египетские пирамиды и храмы; наиболее грандиозным памятником, привлекавшим к себе внимание исследователей, были развалины дворца в Персеполе, столице персидских царей, построенной в VI в. до н. э.[9]. На стенах дворца и на скалах и камнях в некоторых других местах сохранились рядом с барельефами надписи, представляющие три системы неизвестных письмен; эти письмена по своему внешнему виду получили от европейцев название клинообразных. Для разбора надписей исследователи не располагали, как в Египте, греческим переводом, и задача представлялась более сложной; после нескольких неудачных попыток вопрос был решен гениальной догадкой Гротефенда (1802 г.) [10]. Гротефенд исходил из соображения, что надписи сделаны по распоряжению персидских царей и что, следовательно, в них должны встречаться имена царей вместе с их титулом. Поэтому им были выделены две краткие надписи, в которых несколько раз повторялась одна и та же группа знаков; эту группу еще раньше определили как идеограмму, служившую для обозначения царского достоинства. Идеограмма повторялась при двух различных словах, x и y, поставленных рядом; отсюда он вывел заключение, что x и y — имена двух царей и что x был сыном y. В другой надписи после того же слова y стояло другое слово, z, без идеограммы для обозначения царского достоинства; отсюда следовало, что z, отец y, не был царем, т. е. что y был основателем династии. Так как надписи принадлежали персидским царям, то речь могла идти только о Кире или Дарии; по числу букв второе было признано более вероятным, тем более что второй знак слова y был пятым знаком слова z, что́ вполне соответствовало чтению Дарий и Гистасп. Таким образом Гротефендом были прочитаны имена Ксеркса, Дария и Гистаспа. Точное произношение этих имен на языке древних персов было ему неизвестно, и его догадки впоследствии не

[8] Об изменении взглядов Б. А. Тураева по вопросу об относительной древности культуры Вавилонии и Египта см. мою статью *Отзыв о труде Б. А. Тураева*, стр. 261 и сл.: сначала мнение о бо́льшей древности вавилонской культуры, потом об одновременном начале «двух великих культур Древнего Востока»; в настоящее время склонны признавать более древней египетскую культуру (Струве, *Переворот в области хронологии Египта*, стр. 333 и сл.). Об успехах востоковедения еще: Бузескул, *Открытия XIX и начала XX века*; рец.: Авдиев, «Восток», кн. 4, стр. 180 и сл. ⟨В современной науке вопрос о соотношении древности культур Египта и Месопотамии не имеет существенного значения: возникновение их относят к близкому времени. — *А. М.*⟩

[9] ⟨О ранних исследованиях и описаниях Персеполя: Pallis, *The Antiquity of Iraq*, pp. 43 sq. Наиболее полное издание памятника: Schmidt, *Persepolis*. — *А. М.*⟩

[10] ⟨Первые результаты своих исследований Гротефенд изложил в докладе, озаглавленном «Praevia de cuneatis quas vocant inscriptionibus persepolitanis legendis et explicandis relatio», который был представлен 9 сентября 1802 г. Геттингенской академии, но не издан (основные положения его были изложены другими авторами в обзорных статьях). Первая авторская публикация: Grotefend, *Ueber die Erklärung der Keilschriften*. — *А. М.*⟩

вполне подтвердились, но все-таки из 13 знаков, определенных им в связи с чтением трех имен, девять были определены правильно.

Несмотря на блестящую догадку Гротефенда, ни сам он, ни современные ему ученые не воспользовались этой догадкой в полной мере. Разбор клинообразных надписей первой системы был закончен только в 40-х годах XIX в. Ролинсоном, который ознакомился с открытием Гротефенда уже после того, как самостоятельно пришел к таким же результатам. Ролинсоном была открыта и издана (1846—1851 гг.) самая длинная из клинообразных надписей, историческая надпись Дария на горе Бисутун (собств. *Бахистан*, древнеперс. *Bagistana*, т. е. 'место божества'). Язык надписей, как и следовало ожидать, оказался иранским диалектом [11].

Разобрав древнеперсидский текст, ученые имели в руках ключ к чтению двух параллельных текстов, т. е. надписей второй и третьей систем. Язык надписей третьей системы оказался семитским наречием, очевидно языком покоренной персами Вавилонии; язык надписей второй системы[12] не поддавался сближению с существующими лингвистическими группами; по историческим соображениям в нем были склонны видеть то язык древних скифов, то язык мидийцев. В настоящее время доказано, что те и и другие были арийцами и что народ, язык которого сохранился в надписях второй системы, принадлежал к другому племени, жившему в юго-западной части нынешней Персии и задолго до персидского завоевания достигшему под влиянием Вавилона значительной культуры. Между надписями второй системы и надписями прежних царей Сузианы (т. е. нынешнего Хузистана) существует только диалектическое различие.

Благодаря разбору надписей третьей системы ученые ознакомились и с языком и письменами Вавилонии и воспользовались этим, когда началось исследование путем раскопок древних столиц ассирийских и вавилонских царей [13]. Начало работам в этом направлении положили изыскания французского консула Боттá (1842—1845 гг.) на месте Ниневии; за наукой, посвященной изучению древней месопотамской культуры, сохранилось до настоящего времени название ассириологии, хотя южная часть Месопотамии, Вавилония, давно уже привлекает к себе внимание представителей этой науки в гораздо большей степени, чем северная, Ассирия. Даже из открытий, сделанных в Ниневии, важнейшие относятся к области памятников вавилонской литературы, увезенных ассирийскими завоевателями в свою столицу. Наиболее плодотворными были изыскания

[11] ⟨Rawlinson, *The Persian cuneiform inscription*; idem, *Note on the Persian Inscriptions*; idem, *On the Inscriptions of Assyria*; idem, *Memoir on the Babylonian and Assyrian Inscriptions.* Об истории изучения древнеперсидских надписей см.: Weissbach, *Die altpersischen Inschriften.* См. также ниже, стр. 339 и прим. 10. — *А. М.*⟩

[12] ⟨Эламский. — *А. М.*⟩

[13] История ассириологии: Hommel, *Geschichte Babyloniens und Assyriens*, S. 58—134. На русском языке: Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 35—39. ⟨Из новой литературы: Pallis, *The Antiquity of Iraq*; Wiseman, *The expansion of Assyrian Studies.* — *А. М.*⟩

Джорджа Смита (1866—1876 гг.), открывшего библиотеку царя Ассурбанипала (668—626 гг. до н. э.), остающуюся до настоящего времени единственной известной нам библиотекой древности, составленной по определенному плану. Библиотека состояла из небольших квадратных кирпичей с клинообразными письменами, перенумерованных и положенных один на другой [14]. Кроме исторических хроник и сочинений по некоторым наукам, например по математике, библиотека заключала в себе словари, давшие возможность изучить язык истинных основателей вавилонской культуры, населявших Месопотамию до завоевания ее семитами.

Мнения ученых об этом языке, который теперь называют сумерийским или шумерским (сначала различали два диалекта, сумерийский и аккадийский, потом было доказано, что слово «аккады» относится к завоевателям-семитам), еще не вполне согласны. Некоторые (Халеви) отрицали самое существование такого языка и утверждали, что мнимые сумерийские слова представляют только условную транскрипцию семитских слов, другие (Хоммель) доказывали родство языка сумерийцев с так называемой урало-алтайской семьей языков, обнимающей языки финнов, самоедов, турков, монголов и тунгусов. Некоторые (Юсти) сближают сумерийский язык с языком Сузианы и ахеменидских надписей второй системы; были также, притом еще в новейшее время, попытки сблизить сумерийский язык с китайским, но все эти предположения остаются недоказанными [15].

Большинство ассириологов в настоящее время считают сумерийцев народом несемитского происхождения, положившим начало культуре, принятой семитскими завоевателями, вследствие чего этот язык еще много веков после того, как на нем перестали говорить, остался языком культуры, подобно латинскому языку в Европе [16]. Вопрос о том, к какому времени можно отнести начало вавилонской культуры и к какому завоевание страны семитами, еще не вполне решен. Исходным пунктом хронологических определений служат слова вавилонского царя Набунида (VI в. до н. э.), что царь Нарамсин, сын Саргона, царствовал за 3200 лет до него. До нас дошли надписи как Нарамсина, так и его отца Саргона, принадлежавших уже к числу семитских владетелей; их царствование, таким образом, должно бы быть отнесено к первой половине четвертого тысячелетия до н. э.; но многие ученые, в том числе проф. Винклер, главный представитель новейшей школы ассириологов, доказывают, что в таком случае в хронологии вавилонских царей получается незаполненный промежуток приблизительно в 1000 лет; вследствие этого Винклер, предполагая ошибку в сло-

---

[14] ‹О ней см.: Pallis, *The Antiquity of Iraq*, p. 722 sq. — *А. М.*›

[15] Мнение о родстве сумерийского ‹шумерского› языка с языком Сузианы: Justi, *Geschichte*, S. 137. Сближение с китайским, напр.: Ball, *Chinese and Sumerian*.

[16] ‹В настоящее время вопрос о языковом родстве шумеров остается открытым: предположения о родстве их языка с урало-алтайскими и языком ахеменидских надписей второй системы (т. е. эламским) не поддерживаются современными исследователями. Самостоятельный языковый характер шумерского бесспорен. — *И. Д.*›

вах Набунида, относит царствование Саргона, отца Нарамсина, приблизительно к 2800 г. до н. э. Начало вавилонской культуры относится Винклером и его последователями к гораздо более раннему периоду главным образом на основании астрономических данных. Первоначальная система вавилонской астрологии предполагает положение Солнца во время весеннего равноденствия в созвездии Близнецов; этот астрономический период (для передвижения Солнца из одного знака зодиака в другой требуется период приблизительно в 2000 лет) начался около 5000 г. до н. э.; следовательно, к этому периоду (по мнению Винклера, скорее к началу, чем к концу его) приходится отнести возникновение вавилонской культуры. Однако до сих пор не найдено никаких текстов, которые бы указывали на существование в Вавилоне научных астрономических вычислений ранее VI в. до н. э.; для предшествующих эпох сохранились только астрологические тексты [17].

Кроме Месопотамии за много веков до н. э. были культурные государства также в других областях Передней Азии: в Сирии, Малой Азии, отчасти в Аравии. Исследователи Востока почти до последнего времени рассматривали развитие культуры каждой народности как самостоятельный процесс, определявшийся исключительно расовым происхождением, политической жизнью и религией данного народа; возможность иностранного влияния принималась в расчет только в случаях покорения одного народа другим, преимущественно в связи с образованием обширных монархий ассирийцев, вавилонцев и персов. Так, развитие европейского монотеизма, несмотря на ясные указания самой Библии на влияние Египта и Вавилона, рассматривалось только как самостоятельный переход народа от кочевой жизни и общесемитских верований к более высоким формам быта и религии.

Опровержение этого взгляда составляет, может быть, главную заслугу школы Винклера, доказавшей, что культурные успехи отдельных народов

---

[17] Краткий хронологический обзор истории Вавилонии, Ассирии и других стран: Winckler, *Auszug*. Астрономические вычисления VI в. до н. э.: Kugler, *Sterndienst*, S. 60 sq. ‹Вопрос о том, являлись ли шумеры исконным населением Южной Месопотамии или же им предшествовал какой-то еще более древний народ, заложивший первые основы цивилизации, остается спорным. Последнее представляется менее вероятным. Восточные семиты (аккадцы), по-видимому, жили бок о бок с шумерами в северной части Южного Двуречья по крайней мере с 3000 г. до н. э. Первая династия семитского происхождения, овладевшая всей страной, была основана Саргоном, дедом Нарамсина, около 2400 г. до н. э. (дата в надписи царя Набунида основана на ошибке вавилонских писцов). Мнение Г. Винклера о глубокой древности вавилонской астрономии оказалось ошибочным. Новейший обзор всей затрагиваемой здесь проблематики см.: Oppenheim, *Ancient Mesopotamia*. Из русских работ по вопросам этнического состава древнейшего населения Южной Месопотамии см.: Дьяконов, *Этнический и социальный факторы*; по вопросам хронологии см.: Струве, *Датировка I Вавилонской династии*. Очерк истории Южной Месопотамии см.: Дьяконов, *Общественный и государственный строй*; *Всемирная история*, т. I (главы, написанные В. В. Струве и И. М. Дьяконовым). — *И. Д.*›

Передней Азии были главным образом результатом сближения этих народов с Вавилоном. Блестящим подтверждением новой теории было открытие в 1887 г. в Египте, в месте Тель эль-Амарна, серии дипломатических документов XV в. до н. э. из разных городов и областей Сирии, Месопотамии и острова Кипра, написанных на вавилонском языке клинообразными письменами [18]. Таким образом был установлен факт, что вавилонский язык был в Передней Азии языком дипломатических сношений, как латинский в средневековой и французский в современной Европе, и что этим языком продолжали пользоваться и те местности, которые в то время в политическом отношении подчинялись Египту; даже сам египетский царь пользовался при этих сношениях не египетским, а вавилонским языком и письмом. После такого открытия уже не могло подлежать сомнению, что ход истории древнего Востока в такой же степени, как ход истории Европы, определялся влиянием одного народа на другой и распространением культуры одного или нескольких передовых народов на все более обширный географический район.

Но школа Винклера пыталась использовать свое открытие еще в другом направлении, едва ли плодотворном для науки. Опровергнув мнение о самостоятельном развитии отдельных народов и установив господствующее влияние Вавилона, Винклер и его последователи рассматривали все черты вавилонской культуры как развитие одной идеи, положенной в основу так называемого «древневосточного мировоззрения» (altorientalische Weltanschauung) [19]. Это мировоззрение, сложившееся в Вавилоне и принятое всем древним Востоком, будто бы заключается в веровании, что происходящее на земле есть только отражение происходящего в небесах и что жизнь человеческих обществ должна быть устроена наподобие движения небесных светил (на этой идее основана вся система астрологических предсказаний, изобретенная в Вавилоне и в течение многих веков пользовавшаяся успехом даже в Европе). С таким мировоззрением связано, по той же теории, основное различие между психологией европейцев со времени греков и психологией восточных народов. Индуктивный метод, являющийся характерным признаком европейской науки, будто бы совершенно чужд Востоку; на Востоке общие положения создаются не в зависимости от наблюдений над частными фактами; напротив, восточный человек находит в общей идее, которой проникнуто все его мировоззрение, ключ к объяснению каждого явления, и ею определяются все его мысли и действия. Объясняя всю жизнь и все творчество народов древнего Востока одной идеей, вышедшей из Вавилона, та же школа вполне последовательно считает доисторическую эпоху, когда сложилась эта идея, эпохой высшего расцвета древневосточной культуры, не признает никаких куль-

[18] О Тель эль-Амарне: Winckler, *Die Thontafeln von Tell-el-Amarna*; Conder, *The Tell Amarna Tablets.*

[19] О «древневосточном мировоззрении»: Winckler, *Die Weltanschauung*; idem, *Altorientalische Geschichts-Auffassung.*

турных заслуг за другими восточными народами, кроме вавилонцев, и в истории самого Вавилона, насколько она доступна нашему изучению, видит только картину постепенного упадка, а не постепенного развития. Современные восточные народы признаются только выродившимися потомками древних. Таковы главные черты научного направления, известного под названием «панвавилонизм» [20].

Взгляд этой школы ассириологов на историю Востока, таким образом, по существу не отличается от взгляда Шлоссера и историков его направления: история Востока рассматривается как результат одной причины, определяющей всю дальнейшую жизнь народов и все черты их быта в любую эпоху, т. е. освобождающей историка от необходимости путем подробного изучения самих фактов выяснять ход исторической эволюции. Если бы мировоззрение восточных народов действительно отличалось такой простотой и цельностью, то изучение истории Востока было бы несравненно легче, чем изучение истории Европы. Между тем ориенталисты, изучающие более новые периоды жизни Востока и располагающие большим количеством источников, все более приходят к убеждению, что люди с безусловно цельным и последовательным мировоззрением встречаются на Востоке так же редко, как в Европе, что религия и на Востоке чаще должна была применяться к окружающим условиям, чем наоборот, что под знаменем религиозной идеи и на Востоке, как в Европе, нередко происходили движения, в действительности вызванные сословными, экономическими и политическими интересами. Данные для изучения истории древнего Востока пока еще более скудны, но в последнее время и в этой области появились исследования, цель которых путем сопоставления относящихся к разным эпохам данных выяснить постепенное изменение бытовых черт народа. Производство таких исследований было значительно облегчено открытием в декабре 1901 и январе 1902 г. свода законов вавилонского царя Хаммураби (XXIII в. до н. э.)[21]; сопоставляя положения этого свода с документами более поздних эпох, исследователи получили возможность выяснить постепенное изменение правовых взглядов народа [22].

И в других отраслях истории Востока еще не вполне устранены предвзятые взгляды, затрудняющие выяснение действительных причин исторической эволюции. Религии, исповедываемые главными народами Востока, — ислам, буддизм, брахманизм и учение Конфуция — казались долгое время единственными источниками их мировоззрения, их государст-

---

[20] ⟨Это ошибочное направление в первом десятилетии нашего столетия подверглось резкой критике со стороны ряда крупнейших историков древнего мира (Э. Мейер и др.) и полностью утратило свое значение. — *А. М.*⟩

[21] Scheil, *La loi de Hammourabi*; Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 105—122. ⟨Русский перевод этих законов см.: Дьяконов, *Законы Вавилонии*. — *А. М.*⟩

[22] Пример исследования об эволюции правовых взглядов у народов древнего Востока: Revillout, *La femme dans l'antiquité*. ⟨Из новой литературы см.: Лурье, *Очерки древнеегипетского права*. — *А. М.*⟩

венного и социального строя; с этой точки зрения обсуждалось прошлое, настоящее и будущее различных народов; ею же определялся ответ на вопрос о причинах упадка культуры в странах, где жили древнейшие культурные народы.

При определении размеров этого упадка часто руководились преувеличенной оценкой культуры древнего Востока по сравнению с бытом современного населения тех же стран. До изучения письменных памятников восточных народов европейцы располагали только одним источником для определения их культурного уровня — вещественными памятниками, преимущественно памятниками строительного искусства. В этом отношении легко было доказать, что мусульманский Восток не создал ничего, что могло бы сравниться с египетскими пирамидами и храмами, с дворцами ассирийских, вавилонских и древнеперсидских царей и что мусульманские постройки первых веков хиджры, особенно по качеству строительного материала, стоят значительно выше последующих. Но упадок строительной техники еще не является доказательством общего упадка культуры. И в Европе постройки последних веков, за редкими исключениями, по качеству материала и прочности значительно уступают остаткам древних и средневековых зданий; в современных городах здания XVIII и начала XIX в. построены лучше и прочнее, чем более новые. Вследствие этого возможно, что и на Востоке упадок строительной техники, по крайней мере в некоторых случаях, должен быть объяснен не упадком культуры, но, как в Европе, изменением потребностей, увеличением числа населения и построек и уменьшением средств, находившихся в распоряжении отдельных лиц или правительств.

В настоящее время мы, однако, располагаем более вескими доказательствами (сведениями о доходности отдельных областей), что некоторые области Передней Азии, как Месопотамия и юго-западные провинции Персии, в эпоху ислама никогда не достигали того уровня экономического благосостояния, на котором их застали арабские завоеватели, хотя некоторые другие области, как северо-западная и северо-восточная части Персии, только при исламе достигают значительного культурного развития. Упадок культуры часто объясняли религиозными догматами ислама, особенно пресловутым мусульманским фатализмом, будто бы убившим в мусульманских народах все порывы к самостоятельной деятельности, направленной к увеличению собственного благосостояния. История и современная жизнь мусульманских народов показывают, однако, что фатализм (впрочем, нигде не выраженный в Коране с большей определенностью, чем в послании апостола Павла к Римлянам, гл. 9) никогда не препятствовал ни мусульманским полководцам, министрам, торговцам и др. принимать меры к достижению своих целей, ни даже мусульманским историкам определять причинную связь событий. Подобно многим христианам, мусульманин ищет и находит в фатализме только опору при неотвратимых опасностях и бедствиях. Какова бы ни была сила религии, она только в небольшом числе людей,

а не в целом народе может уничтожить все порывы, связанные с инстинктом самосохранения; каково бы ни было место религии среди других сторон жизни народа, она не в состоянии уничтожить во всех отраслях жизни все, чем жил народ до принятия новой веры. История показывает, что ислам даже в области религиозных верований должен был считаться с домусульманскими традициями и посторонними влияниями; в некоторых странах, как в Восточном Туркестане, мы имеем возможность документально доказать, что места, бывшие предметом религиозного культа в домусульманскую эпоху, сохраняли свое значение и после распространения ислама [23]; ради этой цели создавались легенды о мусульманских святых, как в Западной Европе легенды о христианских мучениках. Если даже в области религиозных верований мусульманских народов не все объясняется влиянием ислама, то еще меньше успеха могла бы иметь попытка найти в догматах ислама ключ к объяснению хода политической и культурной истории этих народов, их прежних культурных заслуг и современной отсталости. Как при изучении истории Европы, так и при изучении истории мусульманских стран нет другого пути к выяснению причинной связи событий, как путь критического изучения, без предвзятых идей, самих фактов.

В настоящее время пройдена только небольшая часть этого пути и значительная часть первоисточников остается никем не исследованной; при таком состоянии науки еще не могут считаться выясненными в их причинной связи даже главные моменты истории Передней Азии. Из причин, не зависимых от религии, влиявших задерживающим образом на развитие культуры, наиболее заметны, даже при поверхностном исследовании, частые перерывы культурной работы вследствие нашествия варварских народов, которому Передняя Азия, по своему географическому положению, подвергалась несравненно чаще, чем Западная Европа. Такие события, как переселение народов в Европе, происходили в жизни Передней Азии несколько раз, хотя ни одно из них, не исключая монгольского завоевания, не вызвало такого продолжительного и полного упадка культуры, с возвращением от денежного хозяйства к натуральному, от развития городских общин к господству землевладельческой аристократии.

Еще в меньшей степени может считаться исследованной, согласно требованиям исторической науки, история немусульманских стран Востока, в том числе, несмотря на обилие и полноту источников, даже история Китая; но и в истории этих стран постепенно выясняется рядом с влиянием религиозных учений влияние других причин. Если буддизм остановил политическое и экономическое развитие Тибета и Монголии, то это было достигнуто не столько догматами религии, сколько связанным с религией

---

[23] Сопоставление буддийских и мусульманских святынь Восточного Туркестана: Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, p. 122; idem, *Preliminary Report* и рецензия: Ольденбург, ЗВОРАО, т. XVI, стр. 0140.

социальным явлением — развитием монастырской жизни, которому китайское правительство из политических расчетов оказало поддержку, в то же время остановив его успехи в самом Китае. Пресловутый китайский консерватизм объясняется не столько учением Конфуция, сколько изолированным положением культурного народа среди варварских соседей и постоянной опасностью от внешних врагов. Такой же характер, по тем же причинам, имела в средние века история Византии [24].

Вообще по мере успехов востоковедения все более выясняется, что история Востока может быть объяснена только путем применения тех же научных методов, как история Европы, что в истории Востока, как в истории Европы, развитие и упадок культуры объясняются, главным образом, сближением с другими культурными народами или отчуждением от них, что в этой цепи культурного взаимодействия нет промежутка между «Востоком» и «Западом». Этим определяется необходимость изучения истории Востока для понимания «всемирной» истории, под которою уже нельзя понимать только историю Европы, и для создания науки «социологии», положения которой не могут считаться установленными, пока они опираются только на факты истории европейских народов. В новейших трудах по всемирной истории и по социологии уже замечается стремление пользоваться фактами истории Востока; если эти попытки редко приводят к правильным выводам, то это объясняется состоянием науки истории Востока, еще далеко не вполне удовлетворяющей требованиям источниковедения и исторической критики, выработанным европейскими историками XIX в.[25].

---

[24] Сопоставление Китая с Византией: Lindner, *Weltgeschichte*, Bd I, S. 123. О значении труда Линднера для изучения Востока, в особенности мусульманского мира, см.: Бартольд, *Мусульманский мир*, стр. 86 и сл.; ⟨наст. изд., т. VI, стр. 291 и сл.⟩.

[25] В предисловии к сборнику «Колониальный Восток» (М., 1924) изложены взгляды на ход истории Востока Маркса, Энгельса, Каутского. ⟨Об основных направлениях и достижениях советской науки в области исследования истории древнего Востока см.: Авдиев, *Советская наука о Древнем Востоке*; Постовская, *Изучение древней истории*. — *А. М.*⟩

Глава III

Первым европейским народом, который по своему географическому положению должен был ознакомиться с Востоком, были греки. Вопрос о влиянии культурных народов Востока на создание греческой образованности еще не вполне выяснен. С культурой Египта греки могли знакомиться непосредственно, и следы этого знакомства можно указать как в археологических памятниках, так и в произведениях греческого эпоса; культура Вавилона, насколько известно до сих пор, оказывала влияние на Грецию только через посредство народов, живших на берегу Средиземного моря, главным образом финикийцев [1]. Отсутствие источников для изучения финикийской культуры более всего затрудняет выяснение вопроса о культурном воздействии Востока на Грецию; до настоящего времени на месте древних финикийских городов не найдено ни надписей, ни других памятников более раннего периода, чем эпоха персидского владычества; по отношению к истории Финикии европейские ученые находятся и до сих пор в таком же положении, в каком находились по отношению к истории Египта и Вавилонии до открытия иероглифических и клинообразных надписей [2].

На влияние культуры Востока указывает уже тот факт, что греческая наука получила начало в той части греческого мира, которая по своему географическому положению более всего должна была подвергаться влиянию восточных народов, именно в Малой Азии.

Начало греческому естествознанию и греческой географии было положено в малоазиатском городе Милете в VI в. до н. э. [3]. Как известно, основатель греческого естествознания, Фалес, называл хаотическую массу, из которой образовалась вселенная, «водой», что́ вполне соответствует тер-

---

[1] ⟨О современных взглядах на эти вопросы см.: Sarton, *A history of science*, pp. 112—127; Starr, *The Origins of Greek Civilization*, p. 165 sq.; Albright, *The Role of the Canaanites*. — *А. М.*⟩

[2] О скудости известий по финикийской истории: Тураев, *Остатки финикийской литературы*, стр. 1. О новейших находках: Бузескул, *Открытия XIX и начала XX века*, ч. I, стр. 201. ⟨В настоящее время данные относительно истории и культуры Финикии значительно полнее. Обнаружены памятники не только первой половины I тысячелетия до н. э., но и относящиеся ко II тысячелетию до н. э.; в числе их имеются тексты и надписи различного содержания. Новую литературу о Финикии см. выше, стр. 211, прим. 6. — *А. М.*⟩

[3] Forbiger, *Handbuch* (три тома; свод фактического материала); Berger, *Geschichte*; Tozer, *A history of ancient geography*.

минологии как библейских, так и египетских и вавилонских космогонических сказаний [4].

Столь же вероятно восточное происхождение первого географического обобщения греческой науки — разделения земли на две части света, Азию (собств. Асию) и Европу, к которым впоследствии была присоединена третья, Ливия (у римлян — Африка). Происхождение этих названий было давно забыто уже в эпоху Геродота, который сообщает об этом только мифические сказания. Европейские ученые старались объяснить слова «Асия» и «Европа» из греческого (такому толкованию поддается только второе слово) или из семитических языков (предполагая влияние финикийцев или, через посредство Лидии, ассирийцев). Теперь Н. Я. Марр старается доказать, что слово «Европа» перешло к грекам по наследству от «яфетидов», т. е. в данном случае от доиндоевропейского населения Европы [5]. Оба термина употреблялись греками, конечно, не в том значении, которое было им присвоено вподследствии. «Европа» упоминается уже в гомеровском гимне Пифийскому Аполлону, где так названа часть Греции к северу от Пелопоннеса, в отличие как от этого полуострова, так и от островов. Представители возникшей в Милете «ионической» географической школы (уже ученику Фалеса Анаксимандру приписывают составление первой географической карты) обозначали словами «Асия» и «Европа» части материка, разделенные Средиземным и Черным морями. Острова не причислялись к Европе и Геродотом (IV, 45). Из рек, впадающих в Черное море, некоторые географы признавали границей между Азией и Европой реку Фасис (Рион), другие — реку Танаис (Дон); о странах к востоку от бассейна Черного и Азовского морей греки знали слишком мало, чтобы определить здесь границы частей света. Еще Полибий (III, 37, 7) представлял себе Европу как часть света, расположенную к северу от Азии и Африки по всей длине обеих, от востока к западу.

Сочинения ионических географов не дошли до нас; сведениями об их трудах мы обязаны главным образом Геродоту. Между прочим, у Геродота (V, 49) сохранился рассказ о медной доске, на которой были изображены «окружность всей земли, все море и все реки»; по этой доске Аристагор милетский зимой 500—499 г. показывал спартанскому царю Клеомену, у которого просил помощи против персов, пути в столицу персидского царя. Геродот пользовался также сочинением Аристея проконнесского (VII в. до н. э.) о скифах и живших к северу от них племенах [6]. Колонии, основанные Милетом на северном берегу Черного моря, должны

[4] Зависимость греческих космогонических теорий от восточных идей отметил еще К. Риттер, *Geschichte der Erdkunde*, S. 43.

[5] О слове «Европа»: Марр, *Об яфетической теории*, стр. 320. ⟨Современные взгляды см.: Deroy, *Le nom de l'Europe. — А. М.*⟩

[6] Об Аристее проконнесском и гиперборейцах: Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*, S. 730 sq., 769 sq. ⟨Из новой литературы см.: Hennig, *Terrae incognitae*, Bd I, S. 57 sq.; Ельницкий, *Знания древних*, стр. 36 и сл.; Bolton, *Aristeas of Proconnesus. — А. М.*⟩

были сблизить греков с кочевниками черноморских степей, от которых они могли получить сведения о других кочевых народах. По представлению Аристея, часть Европы к северу от Черного моря была занята несколькими народами, причем по направлению с севера на юг происходили постоянные нападения одного народа на другой, иногда вызывавшие передвижение народов; только на самом севере, на берегу океана, жил мирный народ — гиперборейцы, не принимавшие участия в этих нападениях и передвижениях. Таким же движением племен, причем каждое вытесняло своих южных соседей, Аристей объясняет происшедшее в его время нашествие народа киммерийцев, о котором упоминают также ассирийские надписи, на Месопотамию и Малую Азию. Очевидно, уже при Аристее было заметно то передвижение народов, которым определяется вся дальнейшая история кочевников Средней Азии и Восточной Европы и которое имело значительное влияние на судьбу прилегавших к степям культурных земель; но это движение в действительности происходило в направлении с востока на запад, а не с севера на юг. Если предположить ошибку со стороны Аристея и исправить его сообщение в том смысле, что перечисленные им народы жили в порядке с запада на восток, то в легенде о гиперборейцах можно будет признать древнейшее смутное известие о китайцах, проникшее в Западную Азию. Во всяком случае, эта легенда рано приняла у греков настолько фантастический характер, что уже Геродот сомневался в существовании гиперборейцев; ввиду этого мы едва ли имеем право сделать какой-нибудь вывод из рассказа Геродота о перевязанной стеблями пшеницы святыне, будто бы отправлявшейся из страны гиперборейцев и доходившей до Адриатического моря, причем на этом пути каждый народ передавал ее своим соседям, еще меньше — из рассказа его же о пребывании гиперборейцев на острове Делосе.

Геродот (происходивший из города Галикарнасса в Малой Азии) в своем сочинении, о котором мы уже упоминали, собрал обильный материал, не только исторический, но и географический, частью извлеченный из трудов его предшественников, частью собранный им самим путем личных наблюдений и расспросов. Какие именно страны были посещены им лично, не вполне ясно; во всяком случае, он был в Египте и во многих областях по берегу Средиземного и Черного морей, в том числе и в греческих городах Южной России. Из местностей Внутренней Азии он был в Вавилоне; дорога в Сузы ему, по-видимому, была известна только по рассказам. Из восточных языков ему или тем лицам, от которых он получил свои сведения, был хорошо известен язык южнорусских скифов; с египтянами, семитами и персами он мог объясняться только через посредство переводчиков, иногда вводивших его в заблуждение. Страны и народы, входившие в состав персидской монархии, известны ему больше по названию. О географическом положении областей, расположенных к востоку от Вавилона и Суз, он имел только смутное представление; из данных о быте населения он мог сообщить только сведения об одежде и воору-

жении народностей, участвовавших в походе Ксеркса. Насколько приведенный им список персидских провинций и взимавшихся с них податей соответствовал действительному административному и финансовому устройству Персии, трудно сказать; едва ли он, хотя бы через переводчика, пользовался официальным документом [7]. Самая восточная из провинций Персии, Индия, была также восточным пределом расспросных сведений Геродота. Геродот знал, что индийцы превосходят своею многочисленностью все прочие народы, хотя под Индией понимал только бассейн Инда; песчаные степи, расположенные к востоку от этого бассейна, были, по его представлению, пределом населенной части света. На северо-востоке пределом точных сведений Геродота было Каспийское море. Ему было известно, что к востоку от этого моря простирается необозримая равнина, где живет народ массагетов; но в то же время он заставляет Кира во время похода на массагетов переходить через Аракс, который, по его же рассказу, впадал в море с запада [8]. Несмотря на это, сведения Геродота о Каспийском море также отличаются большей точностью, чем сведения последующих географов. Геродот знал, что Каспийское море со всех сторон окружено сушей, тогда как впоследствии, с III в. до н. э. до II в. н. э., его считали заливом Северного океана; он же замечает, что Каспийское море занимает в длину (очевидно, с севера на юг) пространство в 15 дней плавания, в ширину — пространство в семь дней; в последнем случае, очевидно, имеется в виду расстояние от одного из пунктов юго-восточного прибрежья (единственной населенной части восточного берега) до одного из пунктов северо-западного; так и арабский географ Истахри считал неделю плавания по «ширине» Каспийского моря от берега Мазандерана до Дербента. По представлению более поздних греческих географов, Каспийское море занимало с востока на запад более значительное пространство, чем с юга на север; даже в западноевропейской науке эта ошибка была исправлена только в XVIII в.

Следующий греческий автор, писавший о Востоке, Ктесий (в конце V и начале IV в. до н. э.), находился в более благоприятных условиях, чем Геродот. Ктесий жил на Востоке, знал персидский язык и был хорошо знаком с условиями жизни восточных народов; по своему официальному положению (он был придворным врачом царя Артаксеркса II Мнемона) он мог иметь доступ ко всем источникам. Тем не менее его труды, от которых до нас дошли только отрывки, далеко не имеют того значения, как труд Геродота. В рассказах Геродота можно установить только невольные ошибки; Ктесий нередко умышленно вводит в заблуждение своих читателей. Произвольно переделывая рассказы Геродота или сочиняя рассказы о событиях

[7] <Интерпретации сообщений Геродота о сатрапиях ахеменидского государства посвящена большая литература. Из новых исследований см.: Дьяконов, *История Мидии*, стр. 340 и сл. — *А. М.*>

[8] <Вопрос об отождествлении Аракса Геродота дискутируется начиная с XVIII в.; по современным взглядам, здесь подразумевается Узбой. — *А. М.*>

древности по образцу современных ему событий, он уверяет, что пользовался книгами библиотеки персидского царя. Географический кругозор Ктесия был обширнее кругозора Геродота; Индия была ему хорошо известна; но и о ней он сообщает только баснословные сведения. Рассказы Ктесия об истории ассирийцев, мидян и персов, не имея никакого исторического значения, представляют некоторый легендарный интерес; помимо вымыслов и переделок самого Ктесия в них мог сохраниться некоторый отголосок легенд восточного происхождения; эти легенды, по-видимому, слагались главным образом в северо-восточной части персидской монархии, на что указывает явная тенденция всех рассказов в пользу среднеазиатских народов — бактрийцев и скифов. Труды Ктесия оказали большое влияние как на греческую историографию, так и на географические представления греков, в том числе и на географические взгляды главного представителя греческой науки — Аристотеля [9]. Отрывки из сочинений Ктесия сохранились в сочинениях Диодора и Николая Дамаскина и в «Библиотеке» византийского патриарха Фотия.

Современник Ктесия Ксенофонт был предводителем греков во время знаменитого отступления отряда 10 000 греческих наемников, пришедшего в Вавилонию из Малой Азии с Киром Младшим, восставшим против своего брата Артаксеркса (401 г. до н. э.); после поражения и смерти Кира греки отступили к берегу Черного моря, проложив себе оружием путь через области персидских сатрапов и независимых горных народов. В сочинении Ксенофонта (*Anabasis*) приводится маршрут пути из Малой Азии в Вавилонию и из Вавилонии через Курдистан и Армению в Трапезунт, сообщаются сведения об областях, городах и быте населения.

Аристотелю принадлежит едва ли не первая попытка установить связь между человеческой жизнью и условиями окружающей человека природы и таким путем определить, каким странам и народам суждено иметь первенствующее значение в истории. По мнению Аристотеля, в Европе холодный климат содействует сохранению военных доблестей, но делает невозможным развитие культуры; в Азии жаркий климат содействует развитию культуры, но делает невозможным сохранение военных качеств; только в стране эллинов, расположенной на границе холодных и жарких стран, возможно развитие культуры без утраты военных качеств; следовательно, эллинам предназначено господство над миром [10]. Как ни ясна теперь несостоятельность этой теории, она по логичности нисколько не уступает новейшим попыткам объяснить климатическими и физико-географическими

[9] О влиянии Ктесия на Аристотеля и географических взглядах последнего: Bolchert, *Aristoteles' Erdkunde*. О других писателях см. ⟨соответствующие⟩ статьи в новом издании Pauly's «Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft», ⟨Neue Bearbeitung, Stuttgart, Bd I, 1893⟩. О значении памятников греческой литературы как источников по истории Востока см.: Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 23—29.

[10] Мнение Аристотеля о Европе и Азии: Аристотель, *Политика*, VII, 6 (перевод Жебелева, стр. 314).

особенностями Европы существующее только недолгое время политическое и культурное первенство этой части света.

Походы Александра Македонского (334—326 гг. до н. э.) значительно расширили географический кругозор греков; представители греческой науки получили возможность изучить страны Востока, казалось бы, при самых благоприятных условиях. Ученик величайшего ученого древности, Аристотеля, Александр вполне понимал значение науки; рядом со штатом историков, которые должны были описывать маршрут завоевателя и его подвиги, в его войске был штат ученых для собирания новых материалов по географии и естественным наукам. После распадения империи Александра греки оставались господствующим народом в Египте и Передней Азии; власть династии Селевкидов, господствовавшей в Сирии и Месопотамии, простиралась некоторое время до Сыр-Дарьи и Инда; даже после вытеснения Селевкидов из Ирана парфянами на крайнем востоке прежней персидской монархии продолжало существовать греко-бактрийское царство, занимавшее некоторое время обширное пространство; впоследствии утверждали, что бактрийские цари покорили большее число народов, чем Александр. Сами парфяне, несмотря на свои войны с Селевкидами, не были враждебны грекам; их монеты имеют греческие надписи; среди их титулов встречается титул Philellen ('друг эллинов').

Для науки завоевания Александра Македонского и господство греков в Азии имели, однако, менее значительные последствия, чем можно было ожидать. Несмотря на сопровождавший Александра штат историков, мы не имеем достоверной истории его походов; несмотря на штат ученых, мы не находим в греческой литературе описания пройденных им областей, которое могло бы сравниться хотя бы с описаниями Геродота и Ксенофонта. Историки Александра больше заботились о прославлении своего героя, чем о достоверности своих сообщений; даже рассказы наиболее достоверных летописцев, Птолемея и Аристобула, которыми впоследствии (во II в. н. э.) воспользовался Арриан, часто вызывают сомнение. Сами греки отмечают стремление спутников Александра найти во всех местностях, посещенных Александром, и во всех его действиях черты сходства с мифами о богах и героях. По-видимому, этому стремлению не противодействовал и сам Александр; некоторые его действия, как поход к оракулу Аммона в Ливийской пустыне и к Сыр-Дарье, которую смешивали с Танаисом (Доном), объясняются, по-видимому, сознательным подражанием героям Ктесия. Еще меньше сведений мы имеем об истории греков в Азии после Александра. Несмотря на столетнее существование греко-бактрийского царства, греческие источники не дают нам ни сколько-нибудь подробных сведений о его истории, ни описания входивших в состав царства областей с их городами [11].

[11] ‹Наиболее полный анализ всех имеющихся данных по истории греко-бактрийского царства принадлежит Тарну (*The Greeks*). Ср. также: Narain, *The Indo-Greeks*. — *А. М.*›

Ученые предприятия, связанные с походами Александра, иногда имели целью решение вопросов, которые могли считаться решенными уже в эпоху Геродота, как вопрос о морском пути из Индии в Переднюю Азию и о соединении Каспийского моря с океаном. Для решения первого вопроса еще сам Александр отправил из Индии флот под начальством Неарха к устью Евфрата; описание этого плавания, составленное Неархом, дошло до нас благодаря труду Арриана об Индии и было источником всех позднейших описаний берегов Индийского океана и Персидского залива в греческой литературе. Намерения исследовать Каспийское море Александр не успел осуществить; Селевк I Никатор поручил эту задачу Патроклу, плавание которого относится к 285—282 гг. до н. э.[12]. Патрокл, посетивший, очевидно, только южную часть моря, пришел к убеждению, что оно соединяется с океаном на севере, и такой взгляд продолжал господствовать в греческой науке до римской эпохи. Ко времени того же Селевка относится путешествие Мегасфена, отправленного послом к индийскому царю Сандрокотту (Чандрагупта), правившему в долине Ганга. Описание этого посольства, дошедшее до нас благодаря тому же труду Арриана, заключает в себе самые подробные сведения об Индии в греческой литературе [13].

Еще в меньшей степени походы Александра повлияли на распространение сведений о языках, литературах и истории Востока. Несмотря на тесное сближение с Востоком, греки не создали востоковедения; до нас не дошло ни одно сочинение греческого автора, который бы пользовался восточными источниками. О существовании такого труда мы имеем только одно известие, именно слова Плиния о Гермиппе, современнике Птолемея III Эвергета (247—222 гг. до н. э.), будто бы изучившем в подлиннике персидские религиозные книги и изложившем содержание двух миллионов стихов[14]. Из персидского эпоса в греческой литературе сохранился один отрывок — любопытный рассказ Хареса Митиленского, камергера Александра Македонского; в нем мы имеем древнейшую версию одного из эпизодов персидского эпоса, собранных в XI в. н. э. в поэме Фирдауси *Шāхнāме* [15]. Туземные источники по истории Востока были обработаны для греков двумя представителями восточной науки: вавилонским жрецом Беросом для Антиоха I Сотера (281—262 гг. до н. э.) и египетским жрецом Манефоном для Птолемея I (305—284 гг. до н. э.) [16]. Оба сочинения изве-

[12] О Патрокле: Neumann, *Die Fahrt des Patrokles*, S. 156—185; ⟨Tarn, *Patrocles*; Hennig, *Terrae incognitae*, Bd I, S. 183 sq.; Ельницкий, *Знания древних*, стр. 125 и сл. — *А. М.*⟩. Об эпохе Селевкидов еще: Bevan, *The house of Seleucus*; Ростовцев, *Эллинистическая Азия*.

[13] ⟨Timmer, *Megasthenes.*⟩

[14] Слова Плиния о Гермиппе еще: Jackson, *Zoroaster*, p. 231.

[15] О Харесе Митиленском и его рассказе моя статья *К истории персидского эпоса*, стр. 259 и сл.; ⟨наст. изд., т. VII, стр. 383—408⟩.

[16] О Манефоне и Беросе еще: Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 27 и сл. ⟨Из новой литературы: Helck, *Untersuchungen zu Manetho*; Schnabel, *Berossos.* — *А. М.*⟩

стны нам только по позднейшим цитатам и ссылкам. Исторические предания сохранились в Египте лучше, чем в Вавилоне; Берос располагал сведениями только с VIII в. до н. э., Манефон мог перечислить все династии, правившие в Египте с древнейших времен. Труды обоих авторов высоко ценятся современной европейской наукой, и открытие клинообразных и иероглифических надписей вполне подтвердило их сообщения; до настоящего времени египтологи руководятся перечнем династий, приведенным у Манефона. Но на античную науку Берос и Манефон не оказали почти никакого влияния; авторы римского периода, как Диодор, несмотря на существование труда Бероса, продолжали излагать историю Ассирии и Вавилонии по Ктесию.

Средоточием греческой науки после Александра, где, между прочим, приводился в систему добытый благодаря его походам географический и естественноисторический материал, был город Александрия в Египте. Из географических систем александрийских ученых известны системы Дикеарха, ученика Аристотеля, и Эратосфена, жившего в III в. до н. э. Дикеарху принадлежит гипотеза, которой придерживались еще арабские ученые, о непрерывном ряде горных цепей, разделяющем материк Азии на две части по всей его длине от запада к востоку.

Теории александрийских ученых известны нам главным образом по компиляциям, составленным уже в эпоху римского владычества, именно по «Географии» Страбона (писал в начале I в. н. э.), «Естественной истории» Плиния Старшего (ум. в 79 г. н. э.) и «Географии» Птолемея (II в. н. э.). Астрономическая и географическая система Птолемея была в этих отраслях знания последним словом античной науки; еще в XVII в. представителями европейской университетской науки осуждалась каждая попытка отступить от авторитета Птолемея при описании какой-нибудь страны и при изображении ее на карте даже в тех случаях, когда составитель описания и карты мог ссылаться на свои личные наблюдения.

В истории отношения европейцев к Востоку римская эпоха имеет важное значение. Объединение областей греческой культуры под властью Рима и распространение греко-римской культуры на Западную Европу создали понятие о «Востоке» как особом мире, противоположном греко-римскому и вообще европейскому. В этом смысле слова «восточный» и «Восток» впервые встречаются у римских авторов (ср. res orientales у Трога Помпея, Oriens у Тацита, Germania, 37). В связи с этим под Азией теперь стали понимать часть света, расположенную к востоку от Африки и Европы по всей их длине, причем Африку иногда присоединяли к Европе. Но фактический материал о Востоке, находившийся в распоряжении римлян, мало отличался от материала греков. Из войн римлян на Востоке только поход Помпея в области между Черным и Каспийским морями до Кавказского хребта доставил новый материал для географии [17]; но и этот

[17] Об известиях, связанных с походом Помпея: Neumann, *Strabons Landeskunde.*

поход не установил в науке более правильных понятий о Каспийском море и расположенных за ним странах. Еще Страбон и Плиний представляли себе Каспийское море заливом Северного океана; эта ошибка была исправлена Птолемеем, очевидно, на основании имевшихся в его распоряжении сведений о торговом пути по северную сторону моря (у Птолемея впервые упоминается Волга под ее финским или, по мнению Н. Я. Марра, яфетическим названием — Ра [18]); но и Птолемей разделял заблуждение прежних авторов о впадении в Каспийское море Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о сплошном водном пути к Каспийскому морю из Индии. О местоположении Бактрианы, о расположенной к северу от нее Согдиане и о городах обеих областей представление Птолемея было еще менее точным, чем представление Страбона. Вообще труд Страбона — самое замечательное из географических сочинений римского периода и дает наиболее наглядное представление о взглядах этой эпохи. В противоположность Аристотелю Страбон уже говорит о Европе как о части света, которой суждено занять первое место в мире и по военным доблестям населения, и по успехам цивилизации (§ 126 и сл.). Могущество Рима объясняется географическим положением Италии (§ 286). Страбону казалось, что даже азиатские соперники римлян, парфяне, скоро совершенно подчинятся римской власти (§ 288). В одном месте (§ 64) Страбон говорит о возможности плавания из Испании в Индию, «если бы этому не препятствовала величина Атлантического океана»; из этого видно, что уже тогда существовали те же предположения, которыми впоследствии было вызвано предприятие Колумба.

Население восточных областей Римской империи оставалось греческим по языку и культуре; Рим мог наложить на население этих областей свое имя, но не мог подчинить его, как население Западной Европы и Северной Африки, влиянию латинского языка. Первоначальное название греков на Востоке, «ионяне», постепенно было вытеснено названием «румейцы»; это название было принято самими греками и сохранилось в народе до сих пор, несмотря на употребление в византийской литературе названия «эллины» и на официальное восстановление этого названия после освобождения Греции от турецкого владычества. Но языком «румейцев» оставался греческий. На греческую литературу и науку, в том числе и на географию, Рим вследствие превосходства греческой культуры не мог оказать почти никакого влияния; единственная географическая компиляция на латинском языке (сочинение Плиния) составлена по греческим материалам и по точности изложения фактов значительно уступает компиляциям Страбона и Птолемея. На работы по географии могли, однако, оказать влияние потребности римского правительства; так, во время войн с парфянами для правительства было важно получить сведения о военных и торговых путях, проходивших через парфянское государство. До нас дошел подобный мар-

[18] О слове «Ра»: Марр, *Книжная легенда*, стр. 263. ⟨Вопрос о происхождении этого названия до настоящего времени не решен окончательно. — *А. М.*⟩

шрут, составленный Исидором Харакским [19] (около времени Р. Х.) и доведенный от берега Евфрата до Александрии в Арахосии, т. е. до нынешнего Кандагара. Другой памятник этой литературы — географическая карта II в. н. э., известная под названием tabula Peutingeriana, открытая в XVI в. ученым Цельзиусом, но получившая название от ученого Пейтингера, которому она была передана.

Дорожники Исидора Харакского и tabula Peutingeriana — единственные дошедшие до нас первоисточники (впрочем, даже tabula Peutingeriana отчасти имеет компилятивный характер и воспроизводит сведения, относящиеся к различным эпохам); остальные сведения о путях торговли на суше дошли до нас только в обработке Птолемея. Греки из Западной Азии в то время, по-видимому, редко проникали в парфянское государство; торговые пути из Средней Азии оставались в руках парфян; когда в конце II в. до н. э., после появления в Средней Азии китайских посольств и военных отрядов, начались непосредственные сношения между Средней Азией и Китаем, парфяне сделались посредниками при торговых сношениях между Дальним Востоком и Римской империей.

Главным товаром Дальнего Востока, вывозившимся на запад, был в то время шелк, известный в Риме под названием sericum [20]; народ, выделывавший шелк, назывался Seres. Китайское слово для обозначения шелка, по современному пекинскому произношению, — *сы*; о древнем произношении мы можем только догадываться по названиям шелка у восточных народов, заимствовавших этот товар из Китая (у корейцев — *сир*, у монголов — *сиркек*, у маньчжуров — *сирге*). Присутствие гортанного звука в словах монгольском и маньчжурском, как и в славянском «шелк» (это слово считают заимствованным с Востока непосредственно, помимо греков), приводит лингвистов к мнению, что слово *sericum* не было призведено от *Seres*, а образовано из какого-нибудь восточного слова, служившего для обозначения шелка; только впоследствии окончание этого слова сблизили с греческим и латинским суффиксом для образования прилагательных и произвели от него название народа — «серы». Судя по словам Страбона (§ 693), слово *serica* (во мн. числе) впервые слышал в Индии Неарх.

Еще Дионисий Периегет (в начале II в. н. э.) полагал, что серы занимаются исключительно выделкою шелковых тканей и что эти ткани приготовляются из древесных листьев. Павсаний (в конце II в. н. э.) уже имел правильное представление о разведении шелковичных червей.

По географической системе Птолемея серы были последним народом в Северо-Восточной Азии, жившим на берегу Восточного океана. Парфяне сохраняли за собой выгодную роль посредников сухопутной торговли и,

[19] Исидор Харакский, изд. Фабрициуса. ‹Более новое издание с переводом: Исидор Харакский, изд. Шоффа. — *А. М.*›. О том же маршруте и о tabula Peutingeriana: Tomaschek, *Zur historischen Topographie*. Характеристика римских карт и других географических работ: C. Ritter, *Geschichte der Erdkunde*, S. 93.

[20] О слове «sericum»: Schrader, *Seide*, S. 758.

по сведениям китайцев, всячески старались препятствовать непосредственным торговым сношениям между Китаем и Римской империей. Несмотря на это, все-таки были случаи таких сношений. Птолемей приводит описание торгового пути из Бактр в столицу серов [21], причем с этим путем соединялся, вероятно в нынешней Ферганской области, путь согдийских купцов; описание заимствовано у другого географа, Марина тирского; последнему доставил эти сведения македонский купец Maes Titianus, приказчики которого будто бы совершали это путешествие несколько раз. Птолемей вынес впечатление, что и сам Марин не доверял рассказам купцов. Путь в столицу серов, по Птолемею, вызвал со стороны европейских ученых целый ряд исследований, но еще не может считаться вполне выясненным. Исследователям не всегда была ясна трудность толкования собственных имен, несомненно искаженных как приказчиками македонского купца, так и авторами, пользовавшимися их рассказом; кроме того, успеху исследований препятствовал неправильный метод, еще до сих пор не вполне устраненный в ученой литературе: географические названия классических авторов сближались не с названиями древнейших восточных источников, а с современными названиями, без рассмотрения вопроса, могли ли последние употребляться в классическую эпоху. Так, упоминаемый у Птолемея город Auzakia отожествляется всеми исследователями, по сходству звуков, с городом Аксу (по-турецки 'белая вода') в Восточном Туркестане, несмотря на отсутствие доказательств, что население этой страны уже тогда говорило по-турецки, и несмотря на факт, что в восточной географической литературе название Аксу не встречается раньше XIV в.

Обогащению географических сведений кроме сухопутной торговли содействовала и морская. До Птолемея мы имеем на греческом языке два описания берегов Азии: «Перипл моря Эвксинского» (Черного) и «Перипл моря Эритрейского» (Красного, т. е. Индийского океана); оба приписывались Арриану; на самом деле второе сочинение, как теперь полагают, написано более ранним автором между 70 и 75 гг. н. э. Средоточием морских сношений империи с Индией был Египет. Еще при Александре Македонском были собраны некоторые сведения о берегах Индии и об острове Тапробане, в котором некоторые из европейских исследователей видят Цейлон, другие — Суматру. Приведенные у Страбона (§ 691) слова Онесикрита о 20 днях плавания от материка Индии до Тапробаны, скорее, говорят в в пользу Суматры, хотя отожествление Тапробаны и Цейлона сделано еще в VI в. Козьмой Индоплавателем. При Птолемеях, в начале I в. до н. э.,

---

[21] О пути к серам по Птолемею: Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 61—76; Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*, S. 736—748 (там же ссылки на другие работы). К вопросу о торговле бактрийцев и римлян с Китаем и о маршруте Птолемея см. еще мою статью *Греко-бактрийское государство*. <Из обширной новой литературы см.: Herrmann, *Das Land der Seide*, S. 103 sq.; Shiratori, *On the Ts'ung-ling traffic*; Мандельштам, *Материалы*, стр. 38 и сл.; Зелинский, *Древние пути Памира*, стр. 103 и сл. — *А. М.*>

начались прямые сношения Египта с Индией. Эта торговля оказала некоторое влияние на развитие гражданственности и культуры в Йемене (т. е. в Юго-Западной Аравии). В гораздо более раннюю эпоху сюда благодаря морской торговле между Передней Азией и Индией был принесен семитский алфавит; теперь мы видим здесь чеканку монет, сначала, как у афинян, с изображением совы и надписью АΘЕ (сокращенное обозначение города Афин, Athenai), потом с изображением римских императоров [22]. Благодаря той же морской торговле могли быть получены греками, путем расспросов в Индии или путем непосредственных сношений, сведения о морском пути в Китай [23].

Уже в I в. н. э. был известен народ «сины» (у автора «Перипла» — Thinai, у Птолемея — Sinai), страна которого была крайним пунктом плавания по Эритрейскому морю, т. е. по Индийскому океану. Слова «Чина» и «Махачина» (великая Чина) употреблялись для обозначения Китая в Индии, откуда, по всей вероятности, были заимствованы египетскими мореплавателями; слово «Чина» производят от названия китайской династии Цинь (255—206 гг. до н. э.), что́ указывает на время начала морских сношений между Индией и Китаем [24]. Замечательно, что китайцы, по всей вероятности также на основании (неправильно понятых) слов индийцев, отнесли название Махачина к Римской империи (у китайцев Дацинь). О непосредственных сношениях между Египтом и страною синов мы у классических авторов не находим сведений; китайские источники сообщают о «посольстве» императора Ань-дуня, прибывшем в 166 г. н. э. в Китай из Аннама, куда оно, очевидно, проникло морским путем. В Риме правила в то время династия Антонинов; «посольство» относится к царствованию Марка Аврелия (163—180 гг.); слово «Аньдунь» представляет, по-видимому, транскрипцию слова «Антонин». Едва ли можно полагать, что римские императоры действительно хотели вступить в дипломатические или хотя бы в торговые сношения с китайскими; на Востоке, особенно в Китае, прибытие купеческих караванов или торговых судов часто рассматривалось как посольство, тем более что и сами купцы, чтобы не платить таможенных сборов, нередко выдавали себя за послов своего государя.

Из китайского рассказа об этом «посольстве» можно заключить, что купцы отправились из своей страны в Индию и только там решились воспользоваться каким-то благоприятным случаем для путешествия в Китай; с ними были только индийские товары и ни одного из тех, которые обыкновенно привозились из Римской империи. Вообще около 160 г. морские

---

[22] О йеменских монетах: Schlumberger, *Le trésor de San'â*.

[23] О сношениях между Китаем и Римской империей: Hirth, *China and the Roman Orient*; Yule, *Cathay*, vol. I; Хвостов, *История восточной торговли*; его же, *Очерки*. ⟨Из новой литературы см.: Seligman, *The Roman Orient*; Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers. — A. M.*⟩

[24] Об употреблении слова «Чин» (от ⟨названия⟩ династии Цинь) в Средней Азии: Pelliot, *L'origine du nom de Chine*; idem, *Encore à propos du nom de Chine*.

сношения Китая с Индией достигли высшего развития; этим же путем при императоре Хуань-ди (147—167) проникали в Китай буддийские миссионеры. Таким же образом собранию сведений о сухопутной дороге в Китай, приведенных у Птолемея, могли содействовать политические успехи китайцев в Средней Азии в конце I в.

Сведения о берегах Индийского океана, вошедшие в систему Птолемея, были еще более сбивчивы, чем сведения о пути к серам. Птолемей знал, что рассказы моряков о пройденных ими расстояниях часто бывают преувеличены, но не располагал никакими данными для проверки отдельных рассказов; поэтому он придерживался общего правила — сокращать расстояния, указанные моряками, до $^2/_3$. Очертания берегов, особенно начиная от Бенгальского залива к востоку, отмечены крайне неточно; весь материк получил с запада на восток значительно большее протяжение, чем имел в действительности, и эта ошибка была исправлена только в XVIII в. на основании астрономических определений иезуитов. Дальше Аннама моряки не проникали, и потому не было опровергнуто неправильное представление о соединении Южной Африки с Азией. Кроме того, Птолемей считал синов, к которым можно было проехать морем, и серов, от которых привозился сухим путем шелк, двумя различными народами и помещал страну первых к югу от страны вторых, хотя из китайских источников мы знаем, что не только в Индии, но и в Средней Азии Китай получил название по династии Цинь. Под влиянием различных названий Китая, проникавших в Европу из Средней Азии и Индии, подобные ошибки повторялись в европейской науке несколько раз до XVII в.

Морские путешествия в Китай из Римской империи упоминаются еще в III в.; в IV в. господство над путями мировой торговли на суше и на море перешло к персам [25].

С образованием в III в. н. э. персидской монархии Сасанидов была связана национальная реакция против влияния греческой культуры. Уже в IV в. было вытеснено римское влияние из некоторых восточных областей, чем были остановлены успехи греческой географии; в следующие века исключительное преобладание богословской науки в первое время после распространения христианства и напряженная борьба с варварами вызвали ослабление научных интересов даже в тех областях империи, которым удалось избежать завоевания варварскими народами. Вследствие этого географическая наука в Византии мало воспользовалась даже теми благоприятными случаями, которые все же представлялись ей и в эпоху Сасанидов. Персидские цари, воюя с Византией, в то же время давали у себя убежище греческим философам и ученым; при взятии городов Сирии они увозили в плен часть жителей для насаждения в Персии промышленности и техники;

---

[25] О морской торговле Персии с Китаем еще: Чжао Жу-гуа, пер. Хирта — Рокхилла, особенно стр. 7 и сл., и моя рецензия в ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0161 и сл.; ⟨наст. изд., т. VII, стр. 374—380⟩.

сирийские христиане, несмотря на некоторые религиозные гонения, распространяли свое учение в Персии, Индии, Средней Азии и в Китае. Греческий переводчик Сергий в VI в. даже получил доступ к книгам царской библиотеки, из которых извлек некоторые сведения для своего друга, историка Агафия [26]. Все это могло бы содействовать распространению в Византии тех географических сведений, которые имелись в Персии.

Торговля Персии с другими странами во все эпохи ее истории была главным образом сухопутной. Часто повторяли, что равнодушие к морю во все времена составляло одну из характерных черт персидского народа, но в эпоху Сасанидов в руках персов была морская торговля на Индийском океане; при Хосрое I Ануширване (531—578 гг.) мы, единственный раз во всей истории Персии, видим такие обширные морские предприятия, как завоевание Цейлона и Южной Аравии. Следы успехов морской торговли Персии мы находим и в византийской литературе, именно в «Христианской топографии» Козьмы Индоплавателя (VI в.). По исследованию проф. Патканова [27], настоящее имя этого египетского мореплавателя было Константин антиохийский (так назван автор «Христианской топографии» в армянской географии, приписанной Моисею Хоренскому); прозвание Козьмы было дано ему за описание мира (kosmos), прозвание Индоплавателя — за плавание в Индию. В Индии он получил сведения о Китае, который упоминается у него под названием Tzintitza — очевидно, транскрипция персидского слова *Чинистан* (страна чинов, т. е. китайцев). В мусульманский период персы не совершали обширных морских походов, но до монгольского нашествия в их руках оставалась морская торговля; даже образовались колонии персидских купцов в некоторых гаванях Сирии и Аравии.

В том же, VI в. византийцы вступили в непосредственные сношения с одним из среднеазиатских народов, именно с турками, образовавшими в то время обширное государство от границ Китая до границ Персии и Византии. Поводом к отправлению турецкого посольства был вопрос о сбыте шелка, приготовлявшегося в то время в Средней Азии, в Согде (область с городом Самаркандом). Неудачная попытка согдийцев найти сбыт для своего товара в Персии вызвала разрыв между турками и персами и попытку турок сблизиться ради торговых целей с Византией. Император Юстин II отправил в 568 г. ответное посольство к туркам, во главе которого стоял Земарх; посольство было принято турецким ханом в ставке у горы Эктаг, которую теперь считают одной из цепей Тянь-Шаня, к северу от города Кучи. Отчет о посольстве Земарха сохранился в сочинении историка

---

[26] О труде переводчика Сергия см.: Dindorf, *Historici*, vol. II, p. 314, где приводятся слова Агафия, IV, 30.

[27] Об авторе «Христианской топографии»: Патканов, *Армянская география*, стр. XI—XII, 10—11. Текст «Христианской топографии»: Козьма Индикоплевт, изд. Минье; о ее значении: А. Васильев, *Лекции*, стр. 159 и сл.

Менандра Протектора «О посольствах» [28]. Обмен посольствами между греками и турками по вопросу о совместных действиях против общего врага — персов — продолжался еще некоторое время, но не оказал существенного влияния ни на ход исторических событий, ни на распространение географических сведений. Послы не оставили подробного описания пройденных ими областей и не внесли никаких поправок в систему Птолемея. В стране турок до византийцев дошли темные известия о китайцах, которые упоминаются у автора VII в. Феофилакта Симокатты под названием Taugast (искажение турецкого слова *табгач*, как называются китайцы в турецких надписях VIII в., открытых в новейшее время в Монголии) [29]. Как и в эпоху Птолемея, не было попытки сблизить это известие с теми известиями о китайцах, которые доходили до Византии морским путем; не сознавали также тожества «тавгастов» с серами Птолемея.

После VI в. мы уже не видим никаких географических открытий европейцев на Востоке до XIII в. Сочинения классических географов были переведены сирийскими авторами, которые сделали к ним некоторые дополнения; от сирийцев произведения географической науки перешли к арабам, обогатившим эту науку гораздо более обширным материалом.

---

[28] О путешествии Земарха и других византийских известиях: Chavannes, *Documents*, pp. 233—253. ⟨Ср. также наст. изд., т. III, стр. 37, прим. 91.⟩

[29] ⟨*Табɣач*, *тавɣач*, *тавқач*, *тафɣач*, арабск. *тамɣач*, китайск. *T'o-po* <**T'акрат* [(Gabain,] *Alttürkische Grammatik*, S. 338) или, по Прицаку, *Танɣач*~*Тамɣач*, *табɣа-ч*, *тафɣа-ч* ⟨*Тонɣа* «тотемное животное» (Pritsak, *Von den Karluk*, S. 292, 297, 298; idem, *Die Karachaniden*, S. 20)] — название династии Северная Вэй (386—532), объединившей под своей властью весь Северный Китай (439 г.). К концу V в. династия и племя *табɣач* (в прошлом одно из сяньбийских — тюркоязычных — племен) ассимилировались в китайской этнической среде; в рунических памятниках этнонимом *табɣач* обозначалось коренное население Китая, см.: Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники*, стр. 108. — *А. К.*⟩

Глава IV

Возникновение арабской культуры связано с появлением новой мировой религии — ислама и новой мировой державы — арабского халифата; в состав последнего вошли кроме всего государства Сасанидов ближайшие к Ирану области Средней Азии и Индии, арабский полуостров, почти все азиатские провинции Византийской империи, Египет, Северная Африка и Испания. В противоположность прежним восточным государствам между различными областями халифата кроме внешних признаков государственного объединения установилась на почве общей религии тесная внутренняя связь, не утратившая значения и после распадения государства. Области Средней Азии, еще в древности (при Ахеменидах, Александре Македонском и Селевкидах) входившие в состав переднеазиатских мировых держав, только при исламе были вполне приобщены к переднеазиатскому культурному миру. Создатели государства и новой религии, арабы, в эпоху завоевания стояли в культурном отношении несравненно ниже покоренных ими греков, семитов и персов; вполне естественно, что культурная работа на почве сближения различных культурных элементов в бывших византийских и бывших персидских владениях большею частью совершалась лицами неарабского происхождения; тем не менее арабский язык, как язык общей веры, сделался также языком общей культуры.

Начало этому культурному обмену во всех отраслях научной мысли, в том числе и в области географии и тесно связанной с нею астрономии, было положено при халифе Мансуре (754—775), когда одновременно начали переводить на арабский язык произведения греков через посредство сирийцев и произведения индийцев через посредство персов. Наибольшего развития достигла переводческая деятельность при халифе Мамуне (813—833)[1]. Научные системы греков (индийская астрономия, как теперь полагают, получила развитие также под влиянием греков, после Александра Македонского) были положены в основу арабской науки и даже впоследствии не были заменены, как в Западной Европе, новыми теориями; так, арабы сохранили греческое деление населенной части земли на семь

[1] ⟨Краткое, но систематизированное изложение основных фактов см.: Gottschalk, *Die Rezeption der antiken Wissenschaft durch den Islam*. Автор приводит основную новую литературу по данному кругу вопросов. — *А. М.*⟩

климатов (поясов), в порядке от юга к северу, и теорию о горной цепи, пересекавшей материк с запада на восток [2]. Деление земли на климаты имело для арабской науки даже больше значения, чем для греческой; главные центры мусульманской культуры, Багдад и Исфахан, находились в среднем, четвертом климате, одинаково свободном от чрезмерного зноя и чрезмерного холода; таким образом была найдена географическая причина для объяснения культурного первенства мусульман, как в свое время искали таких причин для объяснения первенства греков и римлян [3]. Но по обширности и точности собранного ею географического материала арабская наука значительно превзошла греческую. Составленные арабами описания областей и городов халифата заключают в себе подробные и точные сведения не только о физико-географических климатических условиях, но и о быте населения, о различных отраслях промышленности, о степени культурного развития. Географические познания арабов не ограничивались пределами халифата; благодаря торговым сношениям им был хорошо известен морской путь в Индию, к Зондским островам и в Китай; берега последнего были ими исследованы до Корейского полуострова (о Японии до арабов доходили только темные слухи). На суше кроме торгового пути в Китай, подробно описанного в мусульманской литературе, были известны путь в Тибет и пути к ставкам ханов среднеазиатских кочевников на берегу Чу в Семиречье, на берегах Иртыша и верхнего Енисея в Сибири.

Эпохой расцвета арабской географической литературы были IX и X вв. н. э.; большая часть памятников этой литературы вошла в состав серии, изданной покойным голландским ориенталистом де Гуе под заглавием «Bibliotheca Geographorum Arabicorum» [4]. Из сочинений IX в. наибольшее значение имеет труд Ибн Хордадбеха [5], из сочинений X в. — труд, судьба которого представляет наиболее яркое доказательство оживленного культурного обмена между различными областями халифата даже после его распадения. Описание мусульманских областей, составленное в Средней Азии географом ал-Балхи, уроженцем Балха, было обработано и дополнено географом из Фарса, ал-Истахри, который, в свою очередь, передал свой труд для дальнейших поправок и дополнений Ибн Хаукалю, происходившему из Багдада и жившему преимущественно в Северной Африке. Сведения об областях, не входивших в состав халифата, изла-

[2] Об истории арабской астрономии и географии: Nallino, *Al-Battanī*, vol. I, и более подробно сочинение того же автора на арабском языке: *'Ilm al-falak* (лекции, читанные в 1909/10 г. в Каире). <См. также: Крачковский, *Арабская географическая литература. — А. М.*>

[3] О преимуществах четвертого климата, напр.: Мас'уди, *Танбīх*, 35 и сл.

[4] BGA, pars I (Истахри, 1870), II (Ибн Хаукаль, 1873), III (Мукаддаси, 1877; второе изд., 1906), IV (указатель, 1879), V (Ибн ал-Факих, 1885), VI (Ибн Хордадбех и Кудама, 1889; единственный том, где к арабскому тексту присоединен французский перевод), VII (Ибн Русте и Я'куби, 1892), VIII (Мас'уди, 1894).

[5] <См.: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 147. — *А. М.*>

гаются в дошедших до нас арабских сочинениях менее подробно, главным образом потому, что до сих пор не удалось найти ни полного экземпляра труда Ибн Хордадбеха, ни экземпляра труда Джейхани [6], который в X в. обработал и дополнил изложенные у Ибн Хордадбеха данные. В дошедших до нас извлечениях из обоих трудов мы находим подробное описание морского пути до Кореи, но только краткие сведения о пути в Китай через Среднюю Азию; между прочим описывается путешествие переводчика Селлама к Китайской стене, предпринятое по поручению халифа Васика (842—847 гг. н. э.), видевшего во сне, что стена, построенная, по Корану (XVIII, 93 и сл.), Александром Македонским против библейских народов Гог и Магог (у арабов — Яджудж и Маджудж), подверглась разрушению [7]. Более подробные извлечения из трудов Ибн Хордадбеха и Джейхани, относящиеся к среднеазиатским торговым путям, сохранились в персидской литературе, особенно у неизвестного географа X в., сочинение которого под заглавием «Границы мира» (*Худӯд ал-ʿālam*) было открыто в Бухаре в 1892 г.[8], и у автора XI в. Гардизи [9]. Много географических и этнографических сведений о Средней Азии дает открытый в новейшее время и изданный в Турции труд Махмуда Кашгарского (XI в.) о турецких наречиях [10].

Морской путь арабов в Индию и Китай известен нам кроме общих географических сочинений из сочинения (X в.) Абу Зейда Сирафского (Сираф — гавань в Фарсе), который воспользовался трудом путешественника IX в., ссылающегося в одном месте на купца Сулеймана, и дополнил его по устным сообщениям Ибн Вахба и других путешественников [11].

---

[6] <Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 219 и сл.; Frye, *Note on the Jayhani manuscript*; Minorsky, *A false Jayhani*. — *А. М.*>

[7] О Селламе: Ибн Хордадбех, <пер.>, 124—131. <Ср.: Zichy, *Le voyage de Salâm*. — *А. М.*>

[8] О неизвестном персидском географе: Туманский, *Новооткрытый персидский географ*. <Текст издан факсимиле В. В. Бартольдом, переведен на английский язык В. Минорским. См.: *Худӯд ал-ʿālam*, изд. Бартольда; *Худӯд ал-ʿālam*, пер. Минорского. — *А. М.*> < См. также наст. изд., т. I, стр. 58, прим. 5. — *А. К.*>

[9] О Гардизи (персидский текст и русский перевод): Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*. <См. также наст. изд., т. I, стр. 623; о ранних источниках Гардизи см.: Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники*, стр. 132, прим. 279; наст. изд., т. VIII, стр. 23—62; Minorsky, *Gardīzī on India*; Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 219—224. — *А. К.*>

[10] О Махмуде Кашгарском три статьи Брокельмана: *Maḥmūd al-Kāsğaris Darstellung*; *Altturkestanische Volksweisheit*; *Altturkestanische Volkspoesie*. <Труд Махмуда Кашгарского переведен на немецкий язык (сокращенно): Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz*; на турецкий: Atalay, *Divanü lügat-it-Turk*; на узбекский: Муталибов, *Махмуд Кашгарский*. См. также: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 267—270; Кононов, *Махмуд Кашгарский и его «Дивану луғат ит-тӱрк»*. — *А. К.*>

[11] О морских путешествиях: Reinaud, *Relation*; Ferrand, *Relations*; idem, *Voyage du marchand arabe*; рец.: Pelliot, TP, vol. XXI, pp. 399—413. <Из новой литературы см.: Hourani, *Arab seafaring*; Di Meglio, *Il commercio arabo*. — *А. М.*>

Главными гаванями Китая были, по словам арабов, города Ханфу (ныне, как полагают, Кантон) и Зайтун (ныне Цзюаньчжоу); в обоих были значительные мусульманские колонии. Арабам были известны пути от гаваней Китая внутрь страны; в противоположность грекам и впоследствии западным европейцам арабы знали, что пути с суши и с моря ведут в одну и ту же страну Син (от перс. *Чин*, см. выше, стр. 252). По-видимому, арабы нашли о морском пути в Китай в персидской литературе более подробные сведения, чем в греческой; столица Китая (теперь город Сиань) сохранила у арабов свое персидское название Хумдан (то же самое название, которое сближают с китайским *гундянь* 'столица', было известно византийцам, вероятно также заимствовавшим его у персов)[12]; сохранялось также древнеперсидское название китайского императора — *фагфур* (букв. 'сын божества') — не совсем точный перевод китайских слов *тянь цзы* ('сын неба')[13].

Вследствие расширения географических познаний всемирно-исторический кругозор арабов был гораздо обширнее кругозора греков; уже в IX в. были арабские историки, старавшиеся собрать предания о прошлом всех культурных народов, в том числе китайцев и индийцев. Кругозор великого астронома IX в. Абу Ма'шара еще ограничивался тем миром, который был известен уже в древности[14]; культурных народов, по его словам, было всего восемь (родство между ними не определяется): индийцы, персы, халдеи (жители Вавилонии), греки, римляне, египтяне, арабы и евреи; все другие народы по образу жизни не отличались от животных и предавались только еде, питью и половым сношениям. Но уже в том же, IX в. Джахиз (ум. в 869 г.) отмечает первенство китайской промышленности[15]. Автор XI в. Са'алиби говорит, что китайцы в деле промышленности называли зрячими только себя, всех других народов — слепыми, за исключением жителей Вавилонии, которых называли одноглазыми[16]. Тот же анекдот повторяется и впоследствии много раз, причем вместо жителей Вавилонии называли сначала греков, потом франков (европейцев). Автор X в. Мас'уди делит все известные ему народы на семь групп: 1) персы; 2) халдеи и родственные им народы, в том числе арабы; 3) греки и другие (европейцы); 4) ливийцы и другие (в том числе египтяне); 5) турки;

---

[12] О значении слова Хумдан: Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht*, S. 745, и Marquart, *Streifzüge*, S. 89; сопоставление с византийскими известиями: Marquart, *Ērānšahr*, S. 316. <Хумдан, как теперь установлено, является согдийским названием западной столицы Китая, города Чанань. — *А. М.*>

[13] <*Фагфур* — парфянская форма титула, в согдийском и других языках является заимствованной; см.: Henning, *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*, S. 73. Трактовка его как перевода китайского титула не является бесспорной. — *А. М.*>

[14] <Абу Ма'шар ал-Балхи был известен в средневековой Европе под искаженным именем Албумасар. — *А. М.*>. Об Абу Ма'шаре см.: Lippert, *Abū Ma'šar's «Kitāb al-Ulūf»*; текст: Ибн ал-Кифти, изд. Липперта, 27.

[15] <Перевод текста: Мандельштам, *Характеристика тюрок*, стр. 240. — *А. М.*>

[16] Са'алиби, *Лāṭа'иф*, 127.

6) индийцы; 7) китайцы [17]. Из этого видно, что при арабах уже было установлено существование семитской группы, хотя для нее еще не было придумано название. Средств для определения достоверности преданий в то время, конечно, не было; кроме того, количество материала, находившегося в распоряжении историков, далеко не было достаточно для всесторонней оценки чужой культуры и для выделения тех черт быта, которые оказали наибольшее влияние на судьбу народа. Значение религии для мусульманского общества побуждало историков придавать и в жизни чужих народов первенствующее значение религиозным верованиям; так, замкнутость Китая объяснялась заветом вероучителя, будто бы опасавшегося, что влияние иноземцев ослабит веру в его учение [18]. Этим же объясняется, что мусульманские авторы в своих исследованиях уделяли выяснению религии чужих народов гораздо больше внимания, чем выяснению других сторон их жизни; оставленные ими очерки верований христианских сект, персов и индийцев написаны с замечательной полнотой и беспристрастием. Авторы таких исследований не останавливались перед трудностями изучения чужого языка; так, ученый XI в. Бируни, уроженец Хорезма (впоследствии Хивинского ханства), оставил замечательный труд об Индии, обнаруживающий в авторе основательное знакомство с санскритским языком и литературой [19].

Кроме собственно географических описаний арабские ученые составляли по сочинениям географов и путешественников астрономические таблицы (*зīдж*) — списки населенных мест с обозначением долгот и широт. Из таблиц более раннего времени до нас дошли, между прочим, таблицы автора XI в. Ибн Юнуса *Зīдж ал-Ḥākимī* (составлены для фатимидского халифа Хакима, 996—1021 гг. н. э.). Большею известностью пользовались в Европе таблицы более позднего происхождения, именно сочинение Насир ад-дина Туси *Зīдж-и ильхānī* (составлено в Персии, в обсерватории города Мераги, для монгольского хана Абаки, 1265—1282 гг. н. э.) и *Зīдж-и Гургānī*, составленное в Самарканде по поручению правителя Улугбека (ум. в 1449 г.) [20]; остатки построенной Улугбеком обсерватории были открыты в 1908 г.[21]. Долгота и широта мест, расположенных в мусульман-

---

[17] Мас'уди, *Танбīх*, 77—84.

[18] О причинах закрытия Китая для иностранцев <см.> слова Ауфи (XIII в.), персидский текст у В. Бартольда, *Туркестан*, ч. I (тексты), стр. 98.

[19] О труде Бируни и его значении: Розен, ЗВОРАО, т. III, стр. 146—162. Перевод сочинения Бируни: Бируни, *Индия*, пер. Захау; <на русском языке: Бируни, *Индия*, пер. Халидова—Завадовского. — *А. М.*>.

[20] О труде Улугбека: Sédillot, *Prolégomènes*; Бартольд, *Улугбек*; <см. также: Кары-Ниязов, *Улугбек. — А. М.*>

[21] Вяткин, *Отчет о раскопках обсерватории.* <О новых исследованиях обсерватории, произведенных в 1941 г. И. А. Сухаревым и в 1948 г. В. А. Шишкиным и В. А. Нильсеном, см.: Массон, *Обсерватория Улугбека*; Шишкин, *Обсерватория*; Шишкин, *Самаркандская обсерватория*; Нильсен, *Архитектурный облик. — А. М.*>

ских владениях, были определены со значительною степенью точности; но вне пределов халифата мусульманские ученые, насколько известно, не производили астрономических наблюдений; астрономическое положение таких пунктов определялось, по-видимому, гадательно, на основании расстояний, указанных путешественниками. Вследствие этого у арабов астрономические определения не привели, как впоследствии в Европе, к исправлению карты Птолемея.

X век — классическая эпоха в истории арабской географии. Труды последующих географов представляют почти исключительно свод материала, собранного в IX и X вв.; из таких компиляций наиболее известны: труд Идриси [22], написанный в XII в. в Сицилии, географический словарь Якута (XIII в.) [23] и труд Абу-л-Фиды [24], написанный в XIV в. в Сирии. Пользуясь этими трудами, надо иметь в виду, что приводимые в них сведения относятся главным образом к IX и X вв., а не к тому времени, когда жили сами компиляторы; это часто забывалось, чем объясняются многие ошибки европейских исследователей.

Сочинения IX и X вв. остались главным источником мусульманских ученых и после образования монгольской империи, несмотря на расширение географического и исторического кругозора, вызванное этим событием, впервые объединившим под властью одного народа страны Дальнего Востока и страны переднеазиатской культуры. Все-таки мусульмане воспользовались этим сближением в большей степени, чем китайцы, несмотря на то что в Китае еще задолго до ислама были собраны географические сведения о большом числе стран.

Вопрос о том, имел ли Китай еще в древности сведения о западных народах, как и все вопросы, относящиеся к древней истории Китая, остается темным [25]. Во всяком случае, эти сведения были настолько забыты, что посольство в Среднюю Азию Чжан Цяня, отправившегося из Китая

---

[22] Идриси, пер. Жобера. Литература об Идриси в статье: Seybold, *Al-Idrīsī*.

[23] Якут, *Му'джам*. Об отношении Якута к своим источникам: Розен, *Пролегомена*, стр. 45 и сл.

[24] Абу-л-Фида, *Тақвӣм*, изд. Рено—де Слэна; Абу-л-Фида, *Тақвӣм*, пер. Рено.

[25] О географических сведениях древних китайцев <см.> мнение Franke, *Beiträge*, S. 39: «Wir haben keine Veranlassung, die alten Ueberlieferungen aus dem 3. Jahrtausend v. Chr. lediglich als wertlose Mythen anzusehen, bestimmte historische Vorgänge werden ihnen schon zugrunde liegen, die Kunde aber, die uns davon erhalten ist, lässt es nicht ausgeschlossen erscheinen, dass die Chinesen in jener fernen Zeit von den Gebieten im und am Tarimbecken mehr wussten als ihre Nachkommen zwei Jahrtausende später». Другое мнение высказано тем же Франке в 1920 г.: Franke, *Das alte Ta-hia*, S. 136; предполагается, что до II в. до н. э. Китай имел сношения с Западом только через посредство одного из среднеазиатских народов (тохаров): «Dadurch erklärt sich die seltsame Erscheinung, dass sich in der alten chinesischen Kultur und Literatur zwar deutliche Spuren westlichen Einflusses finden aber keine von eigener Kenntniss des Westens. Die Berührung war eben nur eine mittelbare gewesen». Мнение о раннем знакомстве Китая с вавилонской культурой высказал, однако, в том же, 1920 г. Бецольд <*Ssĕ-ma Ts'ien*>.

в 138 г. и вернувшегося на родину в 126 г. до н. э., было в глазах китайцев «открытием западного края» [26]. Чжан Цянь привез в Китай первые точные сведения о странах Средней Азии до бассейна Аральского моря; при последующих императорах той же Ханьской династии (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.), при которой было отправлено посольство, эти сведения были еще расширены; уже в I в. до н. э. китайцы знали о существовании Римской державы и о путях туда по морю и по суше [27]. Как мы видели, посредниками при сухопутных сношениях между Китаем и Римской империей были парфяне, которым было выгодно не допускать непосредственных сношений между обеими империями; этим объясняется, что в китайских источниках приводятся точные сведения только о путях до границы парфянского государства; о странах дальше к западу имелись только самые смутные сведения [28]. Замечательно, что город Александрия, или Александрополь в Арахосии (ныне Кандагар), конечный восточный пункт маршрута Исидора Харакского, был в то же время конечным западным пунктом подробных китайских маршрутов (у китайцев — Угэшаньли, т. е. Александрия). Сопоставляя греческие известия с китайскими, мы получаем возможность проследить направление торговых путей в эпоху около Р. Х. на всем протяжении материка Азии, от Средиземного моря до Великого океана. Китайцы сообщают, что в I или во II в. н. э. Угэшаньли было переименовано в Пайчи (у арабских географов — Пенджвай, округ Кандагара) [29]; это известие важно для определения времени, когда стали исчезать греческие традиции.

Римская империя упоминается в китайских источниках под названием Дацинь; китайцы знали только азиатскую часть империи и считали главным городом ее Антиохию (у китайцев — Аньду). В VII в. сначала при династии Суй (581—618 гг.), потом при династии Тан (618—907 гг.) произошло значительное развитие дипломатических и торговых сношений Китая со Средней и Западной Азией; еще в начале VI в. появляется для обозначения Римской (тогда Византийской) империи новый термин — Фулинь, в котором прежде видели греческое слово *polis* ('город', в частности 'столица'); потом были предложены другие теории, из которых последняя и самая правдоподобная, хотя до сих пор отвергаемая некоторыми учеными, производит слово Фулинь от предполагаемой формы From вместо армян-

[26] О Чжан Цяне последняя статья: Hirth, *The story of Chang K'ién.* <О деятельности дипломата и военачальника Чжан Цяня см. теперь: Л. И. Думан, *К характеристике внешней политики Китая (III в. до н. э.—III в. н. э.)*, — «Пятая научная конференция „Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады», т. I, М., 1974, стр. 71—83. — *Н. Т.*>

[27] О географических сведениях <китайцев> при Ханьской династии и после <ср.> труды Хирта и Юла (см. гл. III); русский перевод соответствующих текстов у о. Иакинфа (Бичурина): *Собрание сведений*, ч. III.

[28] О китайской картографии: Chavannes, *Les deux plus ancienes specimens*; Herrmann, *Die ältesten chinesischen Karten.*

[29] Об Угэшаньли и Пайчи: Бичурин, *Собрание сведений*, ч. III, стр. 114.

ского Hrom или Horom и пехлевийского Hrôm в значении Rôm (Рим). Впоследствии под Малым Фулином понимали Сирию, перешедшую под власть арабов, под Большим Фулином — земли, остававшиеся в руках византийцев. Столицей в глазах китайцев оставалась Антиохия; царем считался антиохийский патриарх (у китайцев — *Бодоли*, у арабов — *Батрик*) [30].

В истории танской династии сохранились более подробные географические сведения о западных странах, чем в предшествующих трудах. Одним из источников таких сведений были путешествия буддийских паломников из Китая в Индию, начавшиеся значительно раньше, но получившие особенное развитие в эту эпоху. Целью паломничеств было поклонение буддийским святыням и получение рукописей священных книг. Паломники не задавались целью, подобно арабским путешественникам IX—X вв., составить подробное описание виденных ими стран; их труды, наглядно опровергающие обычное мнение о равнодушии китайцев к религиозным вопросам, всецело проникнуты религиозной идеей, выраженной в некоторых местах с редким воодушевлением. Кроме кратких географических сведений эти труды дают только описание святынь, легенды о них, сведения о числе буддийских монастырей и монахов в разных областях и т. п. До нас дошли и переведены на европейские языки описания путешествий Фа-сяня (около 400 г.; его сочинение носило название *Фогоцзи* — «Описание буддийских государств») [31], Хой-саня и Сун-юна (вместе совершивших путешествие в VI в.) [32], Сюань Цзана (VII в. — наиболее подробное и важное из всех) [33], У-куна (в конце VIII в.) [34] и др. Все эти паломники достигли Индии сухим путем; морской путь избрал паломник И-цзин (VII в.), оставивший самые подробные сведения о буддизме и буддийских святынях в Индии [35].

Сведения о западных странах, изложенные в истории танской династии, относятся главным образом к VII и к первой половине VIII в. Поражение китайцев в битве с арабами (751 г.), уничтожившее политическое влияние Китая в западной части Средней Азии, не могло не отразиться на количе-

---

[30] О литературе о слове Фулинь в моей статье *Европеец XIII в.*, стр. 167, прим. 3; <наст. изд., т. V, стр. 388, прим. 43>. Мнение <о соответствии Фулинь> Rôm впервые <высказано:> Blochet, *Notes de géographie*, pp. 356—366; потом: Pelliot, *Sur l'origine du nom de Fou-lin*, pp. 498—500; против этого мнения и в пользу прежнего толкования (polis): Herrmann, *Dis ältesten chinesischen Karten*, S. 198. Об употреблении термина Фулинь в первой половине VI в.: Laufer, *The diamond*.

[31] Legge, *A record of Buddhistic Kingdoms* и рецензия И. П. Минаева в ЗВОРАО, т. II, стр. 310—317. <Ср. новый перевод: Giles, *The travels of Fa-hsien. — A. M.*>

[32] Перевод Шаванна — Chavannes, *Voyage de Song Yun*; там же о других паломничествах.

[33] *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена; Сюань Цзан, пер. Жюльена. <Более новый перевод см.: Сюань Цзан, пер. Била; также Beal, *The life of Hiuen-Tsiang.—A. M.*>

[34] Lévi — Chavannes, *L'Itinéraire d'Ou-k'ong*.

[35] Takakusu, *A record*.

стве сведений об этих странах [36]; завоевание северной части Китая инородцами китаями (у китайцев — *кидань*) в X в. почти совершенно прекратило сухопутные сношения Китая с западом. От имени этого народа произошло новое название страны, которое уже с XI в. встречается в мусульманских источниках в формах *Хитай* и *Хатай*, в последней форме сделалось известным с XIII в. в Европе (Catay, Cataia) и сохранилось до настоящего времени в России. В южной части Китая продолжала господствовать до XIII в. национальная династия Сун; из посольства этой династии в Среднюю Азию известно посольство Ван Янь-дэ (X в.) [37]. Морские сношения могли продолжаться беспрепятственно, но эта торговля всецело находилась в руках мусульман, и после начала IX в. китайцы, насколько можно судить по памятникам их литературы, не пользовались ею даже для получения сведений о политическом состоянии халифата, о котором до тех пор располагали довольно подробными сведениями. О поддержании сношений с Византией не могло быть и речи. В 1081 г. упоминается посольство из Фулиня от царя Мелиилин, но в этом случае имеется в виду не, как полагали прежде, император Михаил VII, низложенный в 1078 г., а турецкий владетель Рума (по-персидски Мелик-и Рум), т. е. Малой Азии или, по другому мнению, Никифор Мелиссин, боровшийся с императором Никифором III Вотаниатом (1078—1081), захватившим Малую Азию и принявшим титул кесаря [38].

В эпоху появления монголов мы видим в руках мусульманских купцов даже торговлю Китая с кочевыми народами Монголии. Бедствия, связанные с монгольским завоеванием, постигли в одинаковой степени Китай и Западную Азию; более благоприятным последствием тех же событий — оживлением торгового и культурного обмена — также могли бы воспользоваться в одинаковой степени китайцы и мусульмане; но вполне воспользовались им только последние. В Персии в начале XIV в. появился труд по всемирной истории, по широте замысла остающийся непревзойденным и до сих пор, именно «Сборник летописей» (*Джāми' ат-тавāрūх*) Рашид ад-дина [39]. В нем кроме преданий об истории ислама и домусульманских народов Передней Азии были соединены предания монголов, китайцев,

[36] Об ознакомлении Китая с арабскими странами и наоборот: Laufer, *Sino-Iranica*.

[37] Julien, *Notices sur les pays*; Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 266—272.

[38] Bretschneider, *Researches*. Мнение о <том, что здесь следует видеть передачу> «Мелик-и Рум», высказал Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 300. Хирт впоследствии (*The Mystery of Fu-lin*, p. 25) отказался от своего мнения в пользу мнения Шаванна (Chavannes, *Notes additionnelles*, p. 39) о Никифоре Мелиссине, но едва ли основательно.

[39] Рашид ад-дин, изд. Катрмера; Blochet, *Introduction*; моя рецензия на этот труд: Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 56—107; <наст. изд., т. VIII, стр. 270—310>, где более подробные, чем у Блоше, сведения о жизни и трудах Рашид ад-дина. <Ср.: Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. I—IV; Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 394—396; Стори, *Био-библиографический обзор*. — А. К.>

индийцев и народов Западной Европы, собранные при участии ученых людей из каждого народа. Рашид ад-дин приводит имена некоторых из своих сотрудников — знатока монгольских преданий, двух китайских ученых и буддийского отшельника из Кашмира; характер его сведений об истории Европы показывает, что он пользовался также сотрудничеством французского монаха. К сожалению, до нас не дошло географическое приложение к «Сборнику летописей», в котором должны были быть изложены сведения о торговых путях во всех странах, собранные, очевидно, таким же способом.

Труд Рашид ад-дина, вместе с попыткой Ибн Халдуна установить исключительно на основании исторического опыта, без всякого влияния религиозных догматов законы исторической эволюции, наглядно показывает, что творчество научной мысли не иссякло в мусульманских странах и после монгольского нашествия; но вследствие неблагоприятных исторических условий эти труды не вызвали, как можно было ожидать по широте замысла и новизне идей, дальнейших успехов науки. Нашествия среднеазиатских кочевников и постоянные политические смуты; религиозный раскол между суннитами и шиитами, уничтоживший в начале XVI в., после объявления шиитства государственной религией Персии, культурное единство мусульманского мира; изменение путей мировой торговли вследствие открытия Америки и морского пути из Европы в Индию — все эти причины остановили развитие мусульманской культуры. Продолжателями прерванной культурной работы сделались народы Западной Европы.

Глава V

В эпоху арабского халифата внимание европейцев привлекала только одна страна Востока — Палестина. Некоторые из паломников, посещавших Иерусалим и другие места, связанные с деятельностью Спасителя, описывали свое путешествие; до XII в. эти описания были единственными сочинениями средневековых европейцев о Востоке [1]. До возвышения итальянских морских республик (прежде всего Амальфи, еще в X в.) торговля с Востоком находилась в руках евреев. Впоследствии евреи были посредниками при ознакомлении европейцев с мусульманской наукой.

Крестовые походы привели к более близкому ознакомлению европейцев не только с Палестиной, где образовалось христианское королевство, но и с мусульманской культурой [2]; кроме того, европейцы впервые узнали, что рядом с латинской и греческой церковью был еще другой христианский мир на Востоке. Представители восточного христианства, сирийцы, распадались на несколько сект [3]; кроме православных, или халкедонитов (принявших учение, установленное на Халкедонском соборе 451 г.), которых их враги называли мелькитами (от слова *мелик* 'царь', за принятие учения, поддержанного светскою властью), были секты яковитов, последователей ереси, осужденной на Халкедонском соборе, и несториан, последователей ереси Нестория, осужденной на Эфесском соборе 431 г. Раскол был вызван догматическим вопросом о Христе как богочеловеке; православные признавали в Христе две сущности в одном лице, яковиты — одну сущность в одном лице, несториане — две сущности в двух лицах; в связи с таким учением несториане признавали деву Марию только матерью

---

[1] *Itinera Hierosolymitana*, ed. Tobler — Molinier; *Itinera Hierosolymitana*, ed. Geyer. < См. также: Michelant — Raynaud, *Itinéraires à Jérusalem*; *Паломничество по святым местам*, изд. Помяловского; *Путник Антонина из Плаценции*, изд. Помяловского. — *А. М.*>

[2] О первых сношениях Западной Европы с халифатом ср. полемику по вопросу о посольствах между Карлом Великим и Харуном ар-Рашидом: Бартольд, *Карл Великий и Харун ар-Рашид*; А. Васильев, *Карл Великий и Харун ар-Рашид*; Бартольд, *К вопросу о франко-мусульманских отношениях*; <наст. изд., т. VI, стр. 356—364, 432—461; там же новая литература. — *А. М.*>.

[3] Assemani, *Bibliotheca Orientalis*; <Wright, *A short history*>; Райт, *Краткий очерк*. <Из новой литературы см.: Baumstark, *Geschichte der syrischen Literatur;* Chabot, *La literature Syriaque*. — *А. М.*>

Иисуса как человека и потому отвергали принятое в православной церкви именование девы Марии «богородицей».

Изгнанные из Византии яковиты и несториане удалились в Персию, куда христианство еще раньше было принесено православными сирийцами [4]. Учение яковитов было принято большинством армянского народа, учение Нестория — большинством христиан в Персии; кроме того, представители всех трех сирийских сект как до ислама, так и в мусульманский период пользовались для миссионерских целей торговыми путями в Среднюю и Восточную Азию как на суше, так и на море. Общая опасность от ислама примирила между собой различные христианские вероисповедания; с XII в. установились мирные и дружественные сношения между главой несториан и главой яковитов; вследствие этого не могло быть вероисповедной борьбы и между представителями этих церквей, распространявших свое учение в отдаленных странах. Вопрос о степени участия каждой из трех церквей — халкедонитов, несториан и яковитов — в этой миссионерской деятельности еще не вполне выяснен; но дошедшие до нас известия сирийских авторов и европейских путешественников заставляют полагать, что главными распространителями христианства на Востоке были несториане. Несторианам принадлежат те немногочисленные памятники распространения сирийского христианства в Средней и Восточной Азии, которые дошли до нас [5]. К числу их принадлежит знаменитая надпись 781 г. на китайском и сирийском языках, открытая в XVII в. в городе Сианьфу [6] и рассказывающая о проповеди христианства в Китае с 636 г., причем первые проповедники, по-видимому, прибыли морским путем; также могильные камни XIII и XIV вв. с сирийскими и турецкими надписями, открытые в 1885 г. в Семиречье, около Пишпека и Токмака (впоследствии были найдены еще могильные камни той же эпохи в Кульджинском крае и на озере Иссык-Куль) [7].

Еще более спорным остается вопрос о степени участия несториан в деле создания в Средней Азии культуры, образовавшейся под различными влияниями. Носителями этой культуры были уйгуры, народ турецкого происхождения, часть которого в IX в. образовала государство в Восточном Туркестане. Находясь на главном пути из Китая в Переднюю Азию и Индию, страна уйгуров подвергалась влиянию культурных народов с различных сторон; как письменные известия, так и недавно открытые рукописи

[4] <Labourt, *Le christianisme. — A. M.*>

[5] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*; Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, рец.: Chavannes, RHR, vol. XLV, p. 123.

[6] Moshemius, *Historia Tartarorum*; Pauthier, *L'inscription syro-chinoise*; Палладий, *Старинные следы христианства*; <Havret, *La stèle chrétienne*>. К новейшей литературе об этой надписи и вообще о христианстве в Азии см. мою статью: Бартольд, *Научная поездка*, стр. 10—14; <ниже, стр. 571—575). <Из литературы последних десятилетий см.: Moule, *Christians in China*; Saeki, *The Nestorian Documents. — A. M.*>

[7] Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике.* <Последнее издание их см.: Джумагулов, *Язык сиро-тюркских памятников. — A. M.*>

и памятники искусства около городов Кучи и Турфана[8] свидетельствуют о раннем и широком распространении буддизма сначала среди арийского (впоследствии отуреченного), потом и среди турецкого населения Восточного Туркестана. Как арийцы, так и турки подверглись также влиянию переднеазиатских религий, особенно христианства и религии манихеев, образовавшейся в Персии в III в. н. э. и представлявшей соединение христианских верований с древнеперсидскими и буддийскими. На влияние переднеазиатской культуры указывает также употреблявшийся уйгурами алфавит арамейского происхождения. Кем и когда этот алфавит, благодаря которому семитские письмена распространились до Великого океана (от уйгурского алфавита происходит монгольский, от монгольского — маньчжурский), был принесен в Среднюю Азию, еще не вполне выяснено; по всей вероятности, арамейское письмо проникло еще в дохристианскую эпоху к согдийцам, впоследствии от согдийцев — к туркам[9]. Надпись в Сианьфу и семиреченские надписи показывают, что несториане в Китае и в Средней Азии не пользовались уйгурским алфавитом, существовавшим уже в конце VIII в.

Скудные известия наших источников заставляют полагать, что учение манихеев, широко распространенное среди уйгуров еще в X в., постепенно уступило место христианству и буддизму; в монгольскую эпоху мы видим среди уйгуров представителей этих двух религий, причем нет известий о борьбе между ними. Ввиду значительного влияния уйгурской культуры на кочевников Монголии возможно, что те успехи христианства среди монгольских народов, о которых говорят не только христианские, но и мусульманские источники, отчасти должны быть объяснены деятельностью христиан-уйгуров. Христианство было господствующей религией среди двух главных монгольских народов в эпоху, предшествовавшую появлению Чингиз-хана, именно среди найманов в Западной Монголии и кераитов в Восточной. Несторианские источники относят обращение кераитов в христианство к началу XI в.

Успехами христианства в Восточной Азии вполне объясняется, что, когда христиане, боровшиеся с исламом на западе, получили известие о нападении среднеазиатских народов на восточные границы ислама, это нападение было приписано восточным христианам. В 1145 г. католический епископ города Габал (Gabala) в Сирии принес в Европу известие о поражении, нанесенном где-то на востоке мусульманским правителям «братьям Самиардам», царям мидян и персов, несторианским царем-священником Иоанном, который после своей победы будто бы направился на запад,

---

[8] Klementz, *Turfan*; Grünwedel, *Bericht*; F. Müller, *Uigurica*, I; idem, *Neutestamentliche Bruchstücke*; Radloff, *Die vorislamitischen Schriftarten*; Radloff, *Chuastuanit*; Le Coq, *Chuastuanift*. К литературе об открытиях в Средней Азии еще моя статья: *Stand und Aufgaben*, S. 1079; <ниже, стр. 520>.

[9] Radloff, *Alttürkische Studien*, IV; Gauthiot, *De l'alphabet sogdien*; Le Coq, *Kurze Einführung*.

чтобы оказать помощь Иерусалимскому королевству, и дошел до Тигра, но, не имея судов, не мог переправиться через эту реку [10]. Весть о могущественном христианском царе, нападавшем на мусульман с востока, естественно, вызвала в европейцах, боровшихся с исламом в Сирии, желание вступить в сношения с этим союзником. Несмотря на то что уже в рассказе 1145 г. царь-священник вполне определенно назван несторианином, тот же летописец, у которого мы находим это известие (Оттон Фрейзингенский), упоминает по этому поводу о предании, где христианский царь-священник является потомком евангельских волхвов (магов), пришедших с востока поклониться младенцу-Спасителю. Церковное предание давно уже обратило этих волхвов в царей, и этой легендой, по-видимому, создан самый образ христианского царя-священника. Существование на Востоке христианского царства объясняли также легендой о деятельности апостола Фомы в Индии; к этому присоединялись еще темные слухи о христианском царстве в Абиссинии, которую также причисляли к Индии. Подложное письмо от имени «священника Иоанна», полученное в 1165 г. папой и несколькими государями, называет его царем трех Индий и всех земель от вавилонской башни до места погребения апостола Фомы; папа Александр III в 1177 г. отправил своего лейб-медика, магистра Филиппа, с письмом к священнику Иоанну, «царю индийцев».

Источником слуха о поражении «братьев Самиардов» было, как полагают теперь, поражение султана Санджара в 1141 г. в битве с китаями, или, как их называли мусульмане, кара-китаями, в местности к северу от Самарканда. Изгнанные из Китая маньчжурским народом, чжурчжэнями, китаи удалились на запад и, разбив мусульман, образовали обширное царство, простиравшееся от границ Китая до Каспийского моря; впрочем, в покоренных областях были оставлены прежние династии в качестве вассалов кара-китайских правителей [11]; последние носили титул *гурханов* [12]. В истории ислама в Средней Азии это был первый случай подчинения мусульманских областей власти немусульманского народа. Подвергались ли гурханы и их подданные на своей прежней родине или после переселения на запад влиянию проповеди христианских миссионеров, об этом мы не имеем данных; зато в дальнейших движениях среднеазиатских народов, которые вплоть до монгольского нашествия также были приписаны «священнику Иоанну» и его сыну или потомку, «царю Давиду», участие христианских элементов не подлежит сомнению.

Вытесненные из Западной Монголии Чингиз-ханом, найманы под начальством своего хана Кучлука обрушились на кара-китайское царство,

---

[10] Oppert, *Der Presbyter Johannes*; Zarncke, *Der Priester Johannes*. Русский перевод письма священника Иоанна: В. Истрин, *Сказание*.

[11] Бартольд, *Очерк истории Семиречья*; его же, *Туркестан*, ч. II, гл. III и IV. <О кара-китаях см. также новые работы: Рудов, *Кидани*; Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao*; Menges, *Titles and organizational terms*. — *А. М.*>

[12] <См. Menges, *Der Titel*. — *А. К.*>

уже ослабленное борьбою с могущественным мусульманским государем, хорезмшахом (владетелем Хорезма) Мухаммедом. Завоевав кара-китайское царство, Кучлук также вступил в борьбу с хорезмшахом, который был вынужден предоставить своему врагу все области за Сыр-Дарьей. Об этой борьбе также проникли известия к западным христианам; о ней упоминается в письмах Якова де Витри, написанных в 1221 г., где Кучлук назван «царем Давидом» [13]. Что Кучлук и найманы были христианами, об этом говорит и мусульманский историк XIII в. Джувейни, хотя прибавляет, что после завоевания государства кара-китаев Кучлук отказался от христианства и сделался «идолопоклонником», вероятно буддистом. Яков де Витри рассказывает о попытке багдадского халифа, враждовавшего с хорезмшахом, через посредство несторианского патриарха вступить в сношения с «царем Давидом»; вполне возможно, что халиф действительно отправил посла с этой целью в Среднюю Азию, несмотря на жестокое гонение, которому во владениях Кучлука подвергались мусульмане и которое, может быть, еще увеличивало надежды христиан получить с этой стороны помощь в своей борьбе с мусульманами за святую землю.

Весть о падении царства Кучлука не дошла до европейцев; когда стали получаться известия о завоевании монголами владений хорезмшаха, эти победы над исламом сначала тоже были приписаны «царю Давиду»; только более близкое ознакомление с победителями, по мере их дальнейшего движения на запад, показало европейцам, что победа над исламом не была одержана христианами. Европейские миссионеры и послы, отправленные к монголам, принесли известие, что царство «священника Иоанна» и его сына Давида было разрушено монголами еще до нашествия на мусульманские страны. Легенда о «священнике Иоанне» была отнесена к царям двух христианских народов Монголии, найманов и кераитов; постепенно все рассказы были сосредоточены на личности последнего кераитского хана, занимавшего до победы Чингиз-хана первое место в Восточной Монголии и получившего от китайского правительства титул *вана*, т. е. царя. Это мнение было принято и европейскими исследователями; до последнего времени даже имя «священника Иоанна» считалось искажением слова *ван*, по турецкому и монгольскому произношению — *онг*. Но это мнение опровергается хронологическими данными; титул *ван* был пожалован кераитскому хану только в самом конце XII в., тогда как легенда о священнике Иоанне появилась, как мы видели, в 1145 г. Вопрос о том, откуда были заимствованы легендой имена Иоанн и Давид, остается открытым; возможно, что ханы кераитский или найманский кроме тех монгольских и турецких имен, которые дошли до нас, носили эти христианские имена, но доказательств этого мы не имеем.

Первые посольства европейцев в Монголию были отправлены уже после кратковременного, но опустошительного нашествия на Западную Европу

---

[13] <Röhricht, *Briefe des Jacobus de Vitrioco.* — *А. М.*>

монгольских отрядов, дошедших до Адриатического моря и отступивших в 1242 г. вследствие получения известия о смерти великого хана Угэдэя. Это нашествие наглядно показало опасность, угрожавшую и Европе от *татар* — имя, под которым завоеватели были известны и в Китае, и в Передней Азии, и в Европе (по-видимому, это народное название еще не было окончательно вытеснено введенным при Чингиз-хане официальным названием *монгол*). Опасаясь нового нашествия татар, папа Иннокентий IV на Лионском соборе 1245 г. решил отправить посольство из нескольких монахов, которые должны были собрать более подробные известия о татарах; в связи с еще не разъясненной тогда легендой о «священнике Иоанне» питали надежды склонить их к принятию христианства. Стоявший во главе миссии францисканец Иоанн де Плано Карпини оставил описание своего путешествия на латинском языке под заглавием «Libellus historicus» [14]. После краткого описания путешествия через Южную Россию, Хорезм, Семиречье и Тарбагатай в Монголию Плано Карпини сообщает сведения о стране татар, об обычаях народа, о его войнах в Азии и в Европе. Плано Карпини прибыл в Монголию в 1246 г. во время воцарения нового великого хана Гуюка, сына Угэдэя, и мог описать как очевидец обряд возведения на престол монгольского императора. Придерживаясь в то время первобытной религии среднеазиатских народов, шаманизма (веры в духов и в возможность посредством заклинаний покорять их власти человека), монголы приписывали сверхъестественную власть духовенству всех религий и старались расположить его в свою пользу, освобождая его от всяких податей и повинностей; при Гуюке, получившем христианское воспитание, положение христианства было еще более благоприятно, чем положение других религий. Тем не менее Плано Карпини не обольщался надеждой смягчить завоевателей влиянием христианства; сообщая сведения о приготовлениях Гуюка к новому походу на запад, он дает советы европейским государям, как вести войну с татарами. Собранные Плано Карпини в Монголии расспросные сведения об истории образования монгольской державы, как и следовало ожидать, не всегда отличались точностью и отчетливостью. Между прочим, мы находим в различных версиях «Libelli historici» противоречивые рассказы о «священнике Иоанне». По одному рассказу, священник Иоанн и его сын Давид были индийскими царями, которым монголы прежде платили дань; с победой над Давидом было связано первое выступление Чингиз-хана. По другому рассказу, священник Иоанн, царь «Большой Индии», успешно отразил монгольское нашествие и его страна ко времени путешествия Плано Карпини еще не была покорена монголами. Характерно, что в то время монголы при сношениях с западом прибегали к персидскому языку, на котором писались грамоты.

[14] Плано Карпини, изд. Языкова; Плано Карпини, пер. Малеина; см. также: Плано Карпини, изд. д'Авезака. <Другие издания и переводы см.: Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 481—482. — *А. М.*>

Одновременно с Плано Карпини в Монголию был отправлен с тою же целью доминиканец Асцелин, но он не проник дальше Персии и был принят только предводителем передовых монгольских отрядов в этой стране. Столкновение с этим предводителем по поводу унизительных обрядов, которым должны были подвергаться послы при входе в ставку монгольского военачальника, заставило Асцелина вернуться обратно.

Тем не менее сношения монгольских отрядов, действовавших на западе, с европейцами не прекратились. Уже тогда возникла мысль, отчасти осуществленная впоследствии, именно мысль о союзе между монголами и европейцами против мусульман. Монгольские предводители сносились с европейцами посредством христиан-сирийцев; преувеличивая склонность к христианству Гуюка и его вдовы Огул-Гаймыш, управлявшей государством после его смерти до возведения на престол нового хана (1248—1251), несторианские послы без достаточных полномочий возбуждали в европейцах самые широкие надежды. Таково было посольство, принятое в декабре 1248 г. французским королем Людовиком IX на Кипре.

Эти надежды вызвали отправление в Монголию двух миссий, снаряженных Людовиком IX; во главе первой стоял доминиканец Андрей де Лонжюмо, отправившийся в 1249 г. из Кипра и вернувшийся в 1251 г. в Кесарею без большого успеха, во главе второй — францисканец Вильгельм Руисбрук, или Рубруквис, по происхождению фламандец. Рубруквис проехал в Монголию в 1253 г. приблизительно тем же путем, как Плано Карпини, но дал гораздо более ясное и толковое описание этого пути [15]. Кроме сведений о народных обычаях им собирались сведения о религии, культуре и письменности народов, населявших монгольскую империю; его замечания об уйгурских, китайских и тибетских письменах свидетельствуют о редкой наблюдательности и редком для того времени образовании; между прочим, он первый отожествил серов Птолемея с китайцами. Рубруквисом был вновь установлен географический факт, известный уже Геродоту и потом вновь установленный Птолемеем, но в первую половину средних веков забытый, что Каспийское море не соединяется с океаном; тем не менее на карте 1275 г. Каспийское море все еще изображено как залив Северного океана [16]. Даже в XIV в. Боккаччо в своем географическом словаре не решается «ни отказывать в доверии древним, ни опровергать слова очевидцев из новейших авторов» [17]. Рубруквис подробно описывает столицу монголов Каракорум [18] (на реке Орхоне), двор великого хана

---

[15] Рубрук, пер. Малеина; Рубрук, изд. Мишеля — Райта; F. Schmidt, *Über Rubruk's Reise*; Рубрук, пер. Рокхилла. <Другие издания и переводы см.: Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 482. — *А. М.*>

[16] О Каспийском море: Richthofen, *China*, Bd I, S. 633 sq.; карты XIII в. еще у Багрова, *Материалы*, стр. 20 и сл.

[17] Корелин, *Ранний итальянский гуманизм*, стр. 445, прим. 3.

[18] <О результатах исследования Каракорума см.: Киселев и др., *Древнемонгольские города*, стр. 123—322. — *А. М.*>

Мункэ, деятельность представителей трех мировых религий — христианства, буддизма и ислама, — пользовавшихся одинаковым покровительством монголов; для изучения быта несторианской церкви в Средней Азии сочинение Рубруквиса является почти единственным источником. Еще Плано Карпини знал, что «священник Иоанн» принадлежал к числу побежденных монголами владетелей; Рубруквис для разъяснения легенды собрал еще более подробные сведения о борьбе Чингиз-хана с несторианскими государями в Средней Азии, закончившейся, по его словам, лет за пятьдесят до его путешествия. В этих сведениях, как и в большей части других европейских, мусульманских и даже сирийских рассказов, кераитский хан, главное лицо монгольских преданий, не вполне ясно отличается от владетелей найманов и кара-китаев; кроме Рубруквиса сирийский автор Абу-л-Фарадж также смешивает кераитского хана с Кучлуком, приписывая первому брак с кара-китайской царевной и отступничество от христианства; но все-таки рассказ Рубруквиса мог бы положить конец всем надеждам европейцев войти в сношения со «священником Иоанном». Тем не менее легенда продолжала существовать, и еще в XV в. португальские мореплаватели мечтали достигнуть царства легендарного царя-священника.

Сочинение Рубруквиса на латинском языке представляет доклад французскому королю, к которому автор везде обращается во втором лице. По желанию Людовика монахи в Монголии не признавали себя послами и говорили, что их послали без всяких дипломатических поручений, исключительно с религиозной целью, вследствие слухов о склонности некоторых представителей монгольской династии принять христианство. Рубруквис убедился в том, что эти слухи были неосновательны и что монголы покровительствовали христианству только наравне с другими религиями; но в то же время он принес известие, что монголы больше не замышляют нашествия на Европу и что приготовления к походу на запад направлены только против мусульманских стран. Вследствие этого привезенная им грозная грамота великого хана Мункэ королю Людовику IX с требованием покорности не могла произвести особенно сильного впечатления. Людовику IX приписывают изречение: «Если татары придут, мы их прогоним в тартар». Этой игрой слов объясняют происхождение названий «тартары» и «Тартария», употреблявшихся в европейской литературе с такой же неопределенностью, как в греческой литературе слова «скифы» и «Скифия». Термин «Высокая Тартария» для обозначения центральной части Азии только недавно вытеснен из географической терминологии.

Не подвергаясь больше опасности монгольского нашествия, европейцы, однако, не менее других народов могли воспользоваться благоприятными последствиями образования монгольской империи. Торговые пути из Южной России и Западной Азии в Китай, открывшиеся благодаря монголам, были доступны и для европейских купцов; после уничтожения Багдадского халифата (1258 г.) и образования в Передней Азии нового монголь-

ского государства, в состав которого входили кроме Персии Месопотамия и Малая Азия, монголы сделались естественными союзниками европейцев в борьбе с султанами Египта, владевшими Сирией. Положение европейцев в Персии стало вследствие этого еще благоприятнее; при тесных родственных отношениях между династией, правившей в Китае, и династией, правившей в Персии, это не могло не отразиться на их положении в Восточной Азии; в конце XIII и начале XIV в., когда войны среднеазиатских монголов с персидскими и китайскими затрудняли сухопутную торговлю, европейские купцы и миссионеры пользовались и морским путем из Персии в Китай.

Торговля с Востоком находилась в то время в руках итальянских городских республик, которые и воспользовались новыми торговыми путями. В XIII в. соперничали между собою три города: Пиза, Венеция и Генуя; после уничтожения пизанского флота генуэзцами в 1284 г. происходила борьба за торговые рынки между Венецией и Генуей, продолжавшаяся и в XIV в. Подобно мусульманским купцам, итальянские, благодаря своему богатству и знаниям, также достигали выдающегося положения при дворе монгольских ханов. Европейские источники сохранили имя пизанца Изола, пользовавшегося в конце XIII и в начале XIV в. большим влиянием в Персии и в Китае; по-видимому, он упоминается также в китайских источниках под именем Ай-се и в мусульманских под именем Исы. В таком случае пизанец Изол — единственный средневековый европеец, бывший членом китайских ученых учреждений; но отождествление Изола с Ай-се до сих пор подвергается сомнению [19]. Еще замечательнее была судьба венецианской купеческой семьи Поло.

Братья Николо и Маттео Поло выехали из Венеции около 1254 г., проехали из Константинополя в Крым, в гавань Солдайю (ныне Судак), оттуда на Волгу, где были в 1261 г., из Южной России через Бухару, где прожили три года, в Китай, где были приняты монгольским императором Хубилаем, перенесшим свою столицу из Каракорума в Пекин. Когда они возвращались на родину за новыми товарами, Хубилай, между прочим, просил через них папу прислать в Китай около ста ученых людей, сведущих в христианском учении. Вернувшись на родину в 1269 г., братья Поло задержались там некоторое время вследствие смерти папы Климента IV; новый папа Григорий IX в 1271 г. отправил с ними двух ученых монахов. Вместе с этими миссионерами братья Поло, взяв с собой также семнадцатилетнего сына Николо, Марко Поло, отправились из порта Лаяццо (ныне Аяс) в Малой Азии на восток. Вследствие слухов о предстоявшем походе египетского султана на Малую Азию миссионеры не решились ехать дальше и вернулись обратно; купцы одни проехали через Персию, Балх, Памир и Восточный Туркестан в Китай, куда прибыли после более чем трехлетнего путешествия и где встретили со стороны Хубилая такое же госте-

[19] Бартольд, *Пизанец Исол*; его же, *Европеец XIII в.* (там <изложены> взгляды Пельо). <Ср. также: Pelliot, «*Isol*» *le Pisan.* — *А. М.*>

приимство, как в первый раз. В течение 17 лет, до 1291 г., все трое оставались на службе у монгольского императора. Молодой Марко Поло быстро освоился в новой стране, научился, по его собственным словам, татарскому языку и четырем азбукам (вероятно, имеются в виду шрифты арабский, сирийский, уйгурский и квадратный монгольский шрифт тибетского происхождения); удачно исполнив несколько поручений императора, он приобрел его полное доверие, был посылаем с поручениями государя в разные местности государства. В течение трех лет Марко Поло был губернатором одной из провинций Южного Китая.

В 1291 г. все трое Поло решили вернуться на родину; Хубилай неохотно отпустил их, взяв с них обещание вернуться обратно, и отправил с ними принцессу, назначенную в жены хану персидских монголов. На этот раз они отправились морским путем с флотом из 14 кораблей мимо берегов Индокитая и Индостана и высадились в гавани Ормуз, у входа в Персидский залив, откуда через Персию, Армению и Трапезунт вернулись в Европу.

Вернувшись в 1295 г. в свой родной город, Марко Поло принял участие в войне с генуэзцами, был взят в плен и, сидя в тюрьме в Генуе, в 1298 г. продиктовал пизанцу Рустичиано, своему товарищу по заключению, на французском языке описание областей, как виденных им лично, так и тех, о которых ему удалось собрать сведения в Китае. Кроме этой первоначальной редакции, сохранившейся только в одной рукописи, существует еще другая, также на французском языке, основанная на рукописи, переданной в 1307 г. самим Марко Поло одному французскому рыцарю. И после этого Марко Поло, проживший до 1325 г., часто рассказывал в Венеции о своих странствиях; эти рассказы, к которым, может быть, присоединялись также рассказы его отца и дяди, вошли в новую редакцию, не дошедшую до нас в подлиннике, но положенную в основу итальянского издания, напечатанного в 1553 г. Рамузио [20]. Что латинская рукопись, которой пользовался Рамузио, действительно заключала в себе рассказы Марко Поло, не вошедшие ни в одну из двух первых редакций, видно уже из того, что только в издании Рамузио подробно говорится о восстании 1282 г., когда был убит мусульманский министр Ахмед, о котором европейцы могли узнать только от Марко Поло. Особенный интерес представляют находящиеся только в издании Рамузио слова о трех гостиницах в Пекине для европейцев, по трем национальностям (итальянской, немецкой и французской). Если эти слова принадлежат Марко Поло, они свидетельствуют о быстром успехе торговли европейцев с Китаем во второй половине XIII в.; по словам самого Марко Поло, до прибытия в Китай его отца и дяди там не было ни одного «латинянина». Очень любопытны также сообщаемые только в издании Рамузио подробности о главном городе Южного Китая Ханчжоуфу.

Труд Марко Поло занимает совершенно исключительное место среди

[20] Марко Поло, пер. Минаева; Марко Поло, изд. Юла — Кордье; Yule, *Cathay*.

произведений средневековых путешественников и географов. Путешествие в Китай сухим путем и возвращение оттуда морем, сведения о более северном пути, полученные от отца и дяди, высокое положение на службе у монгольского императора — все это давало ему возможность сообщить множество новых сведений как о Восточной, так и о Южной и Западной Азии. Расспросные сведения, собранные им в Китае и на пути оттуда в Персию, простирались на север до Ледовитого океана, на восток до Японии, упоминаемой у него под китайским названием Жибэньго (у Марко Поло—Zipangu, у Махмуда Кашгарского—Джабарка, у Рашид ад-дина—Чименгу), на юг до Мадагаскара. Даже о Персии, где он был только проездом, им были собраны более подробные сведения, чем древними авторами; так, Марко Поло первый упоминает об обширной пустыне внутри Иранского плоскогорья. О городах и областях Китая, Северного и Южного, он собрал очень подробные и точные данные, насколько это было возможно без знания китайского языка, которому он, несмотря на продолжительное пребывание в Китае, не научился. При дворе Хубилая Марко Поло был окружен уйгурами и мусульманами; туземному населению только что покоренной страны Хубилай не мог доверять, и потому китайцы занимали при нем только второстепенные должности. Влияние мусульман проявляется во многих местах книги Марко Поло; города и реки приводятся у него под теми названиями, под которыми они были известны в мусульманской литературе; так, Пекин носит название *Ханбалык* (по-турецки 'ханский город'). Среди приведенных им географических названий, относящихся к Китаю, встречаются и чисто персидские слова: *Зардандан* (букв. 'золотые зубы') и *Пул-и Сангин* ('каменный мост'). Несмотря на частые нападки на «сарацин», т. е. мусульман, Марко Поло упоминает о своем приятеле Зульфикаре, «очень умном турке». Влияние мусульман на собиравшего сведения европейца вполне объясняется первенствующим положением, которое занимала в то время мусульманская культура. Марко Поло, не принадлежавший даже для своего времени к числу ученых людей, еще легче должен был подчиниться влиянию чужой культуры.

Не будучи ученым, Марко Поло не мог делать астрономических наблюдений, не мог дать сведений о литературе и религиозных учениях восточных народов, не всегда имел возможность отделить правду от вымысла в доходивших до него слухах; но его труд дает все, что мог дать в то время правдивый и толковый путешественник, поставленный в самые лучшие условия для наблюдений. Современники, особенно соотечественники, не вполне оценили правдивость его описаний; за преувеличенные сведения о таможенных доходах Хубилая его прозвали «миллионером» (messer millione); его рассказы вызывали недоверие, часто насмешки; даже на смертном одре его убеждали отказаться от вымыслов, на что он ответил, что не описал и половины того, что видел. Впоследствии, по мере развития географических познаний, все более подтверждалась правдивость его рассказов, но и в средние века его труд оказал гораздо более значительное

влияние, чем можно было бы думать по рассказам о насмешках венецианцев. Интерес средневековых читателей к сочинению Марко Поло доказывается многочисленностью изданий и переводов; кроме того, предполагают, что рассказ Марко Поло о деревянных досках, употреблявшихся для печатания в Китае, содействовал введению книгопечатания в Европе; изобретение пороха также приписывалось иногда влиянию поездки Марко Поло. Географы и астрономы вносили географические названия, упомянутые у Марко Поло, на карту Птолемея без исправления основной ошибки последней, вследствие чего «земля Cathay» и «остров Zipangu» были помещены гораздо восточнее действительного положения Китая и Японии. Этим ошибочным определением еще долго руководились мореплаватели, искавшие путь в Cathay и Zipangu; эта же ошибка была причиной плавания Колумба и открытия Америки.

По своим научным результатам путешествие Марко Поло значительно превосходит все прочие, довольно многочисленные в то время, путешествия на Восток европейских купцов и миссионеров. Торговым путем в Китай через Среднюю Азию, несмотря на политические смуты, продолжали пользоваться и в XIV в.; исходным пунктом этого был город Тана (древний Танаис) при устье Дона (ныне Азов), находившийся с 1316 г. в руках генуэзцев, с 1332 г. — в руках венецианцев. Марко Поло сообщает сведения о плавании генуэзцев на Каспийском море с целью вывоза шелка из персидской области Гилян. Кроме венецианцев и генуэзцев в этой торговле принимали участие и другие торговые города Италии, особенно Флоренция, впоследствии и города испанского побережья, как Барселона. Флорентинцу Франческо Бальдуччи Пеголотти (в начале XIV в.) принадлежит краткое описание торгового пути из Сарая на Волге через Сарайчик (при устье Урала), Ургенч (тогдашнюю столицу Хивы, около нынешнего Куня-Ургенча), Отрар (ныне развалины около места впадения Арыса в Сыр-Дарью) и Алмалык (к северо-западу от Кульджи) в Ханбалык (Пекин), с указаниями для купцов, какими товарами им следует запасаться. На испанском языке составлен один из важнейших источников средневековой географии — так называемая «Каталонская карта» (Carta Catalana) 1375 г. Между прочим, на этой карте, вероятно по генуэзским сведениям, обозначен целый ряд пунктов на берегах Каспийского моря, о которых прежде не было известий. Каспийское море с бóльшими подробностями, чем на прежних картах, изображено также на карте братьев Пицигани (1367 г.); составители этих двух карт пользовались, по-видимому, различными источниками, из чего заключают, что съемка Каспийского моря была произведена генуэзцами по крайней мере два раза. Кроме того, на Каталонской карте впервые после «Перипла Красного моря» правильно, в виде полуострова, изображен Индостан [21].

[21] Каталонская карта: Buchon — Tastu, *Notice d'un atlas*; о карте братьев Пицигани: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 172; О Каталонской карте: ibid., S. 212; Hallberg, *L'Extrême Orient*.

Этим же путем пользовались и миссионеры. Была учреждена католическая епархия сначала в Самарканде, потом в Алмалыке, где была выстроена церковь. В 1338 г. произошло гонение на христиан, причем погибли мученическою смертью некоторые миссионеры; но еще после этого, в 1342 г., через Среднюю Азию благополучно проехал в Китай миссионер Мариньолли; в Китае он пробыл четыре года и вернулся в Европу морским путем, через Индию [22].

Для успеха христианской пропаганды в Китае этот последний путь вообще имел больше значения. Таким путем проехал в конце XIII в. Иоанн де Монте-Корвино, стоявший во главе католической миссии. Монте-Корвино пробыл в Китае около 40 лет и успешно распространял католичество, ведя упорную борьбу с несторианами; в XIV в. он был назначен архиепископом Пекина [23]. Его заботами был переведен на монгольский язык Новый завет; им же был обращен в католичество монгольский князь, считавшийся потомком «священника Иоанна» (о нем упоминает и Марко Поло). Монте-Корвино, Мариньолли и некоторые другие миссионеры оставили только письма о своем путешествии и своей деятельности без описания виденных ими стран и народов. Из Китая миссионеры проникали в области Средней Азии, остававшиеся до тех пор недоступными для европейцев; так, в 1325—1326 гг. францисканец Одорик, родом из итальянского города Порденона, проник в Лхасу (перед этим он прожил три года в Пекине); в описании его путешествия есть сведения о тибетском буддизме [24]. Одорик принадлежит к числу немногих европейцев, побывавших в столице Тибета; в средние века его путешествие в Тибет было единственным. Описание путешествия Одорика было источником фантастического путешествия английского рыцаря Джона Мандевиля. Мандевиль, как полагают теперь, в действительности был только в Египте и Сирии; описание его сорокалетних (1332—1372) странствий в Индии, Китае и других странах целиком заимствовано из книг других путешественников, особенно из сочинения Одорика [25]. Пользуясь подложным письмом 1165 г., Мандевиль описал царство «священника Иоанна» и двор царя-священника, будто бы посещенный им лично. Не имея никакого научного значения, труд Мандевиля, составленный на французском и английском языках, пользовался в свое время большой популярностью как занимательный рассказ; английская редакция принадлежит к числу первых сочинений в прозе на английском языке, хотя полагают, что английская версия есть только перевод французской.

---

[22] <См.: Meinert, *Johannes von Marignola. — A. M.*>

[23] <Письма Монте-Корвино см.: Moshemius, *Historia Tartarorum*; Moule, *Documents relating to the Mission. — A. M.*>

[24] Cordier, *Les voyages en Asie*; <Moule, *A life of Odoric of Pardenone. — A. M.*>

[25] <Mandeville, *The voyage*; Bovenschen, *Untersuchungen über Johannes von Mandeville.*> О Мандевиле еще: Cordier, *Jean de Mandeville.* <Новые взгляды и новая литература: Bennett, *The rediscovery of Sir John Mandeville. — A. M.*>

Деятельность миссионеров в Китае вследствие преобладающего значения морского пути находилась в тесной зависимости от деятельности миссионеров, живших в Персии. Положение европейцев в Персии не изменилось и после принятия монгольскими ханами ислама, так как и после этого продолжались войны монголов с Египтом и переговоры с европейцами о совместных действиях против врага. Новая столица Персии, Султания, основанная монгольским ханом Улджэйту (1304—1316), была местопребыванием католического архиепископа, которому были подчинены все епархии, учрежденные в монгольской империи. В Султании была составлена «Книга о великом хане», основанная на рассказах Марко Поло и миссионеров [26].

Прекращение в Персии монгольской династии и распадение страны на несколько мусульманских владений, только в XVI в. вновь объединенных под властью одного государя, положили конец деятельности миссионеров. События в Персии вместе со смутами в Золотой Орде после смерти хана Джанибека (1359 г.) преградили европейцам доступ в Среднюю Азию и в Китай. Во второй половине XIV в. окончательная победа ислама в Средней Азии и национальная реакция в Китае после изгнания монголов и воцарения китайской династии Мин (1368—1644) быстро уничтожили все следы деятельности католических миссионеров; но сношения с Европой, по-видимому, прекратились еще раньше, так как в Европу, насколько известно, не проникло никаких слухов об этих событиях. Европейцы и в XIV в. искали царство «великого хана», ничего не зная о его гибели.

Отношение европейцев к Востоку уже тогда представляло некоторый прогресс по сравнению с отношением древних. На соборе в городе Виенне в Южной Франции (1311—1312 гг.) было постановлено учредить профессуры языков арабского, еврейского и халдейского при университетах Рима, Парижа, Болоньи, Оксфорда и Саламанки; но до XVI в. это постановление вследствие отсутствия специалистов не могло быть осуществлено, хотя еще в XII в. появились первые переводы на латинский язык Корана (этот перевод дошел до нас в исправленной редакции, напечатанной в Базеле в 1543 г.) и некоторых арабских научных сочинений [27]. Более всего влияния на европейскую науку оказала арабская медицина. По образцу арабской высшей медицинской школы в Салерно возникли такие школы в Монпелье (1220 г.) и Неаполе (1224 г.); основатель последней, император Фридрих II Гогенштауфен, знал арабский язык и читал в подлиннике сочинения арабских ученых. Врач Арманго (Armengaud) переводил в 1284 г. сочинения Авиценны и Аверроэса. Переводы с арабского на латинский делались в XIV в. в Неаполе для королей Анжуйской династии [28]. Кроме того, вос-

[26] Jacquet, *Le livre de Grant Caan.*

[27] Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. I, pp. IV—XV; <Fück, *Die arabischen Studien*, S. 1 sq. — *A. M.*>. О Коране еще: Крымский, *История мусульманства*, ч. I, стр. XX и сл.

[28] О переводах в Неаполе: Корелин, *Ранний итальянский гуманизм*, стр. 758.

точные языки изучались европейцами, насколько это было нужно для торговых и миссионерских целей. Любопытным памятником этого практического ориентализма XIII—XIV вв. является словарь половецкого языка, известный в науке под названием «Codex Cumanicus», единственная рукопись которого находится в Венеции [29]. Кроме перевода отдельных слов эта книга заключает в себе перевод на половецкий язык отрывков из Евангелия и некоторых других религиозных текстов. В этой же рукописи сохранился также словарь персидского языка.

Кроме европейцев и мусульман в торговой и миссионерской деятельности на Востоке в эпоху монгольской империи принимали участие и армяне. Рубруквис встретил армянина, занимавшего выдающееся положение при дворе великого хана Мункэ; в городе Булгаре на Волге и в Семиречье сохранились армянские могильные надписи [30]; Каталонская карта упоминает о монастыре «армянских братьев» на озере Иссык-Куль. Вследствие этого в армянской литературе сохранились некоторые сведения о монголах, их стране и истории их завоеваний, хотя и менее обильные, чем сведения мусульман и европейцев. Еще в XIII в. Гайтон (Хетум), царь Малой Армении, был при дворе Мункэ; описание его путешествия приведено в сочинении Киракоса, присоединившего к нему небольшой список слов монгольского языка. Другой представитель того же царского дома, тоже носивший имя Гайтона, в XIV в. принял католичество и составил для европейцев на латинском языке сочинение о монгольской империи под заглавием «Восточная история» («Historia orientalis») [31]. Некоторые сведения о монгольском языке имеются также у анонимного грузинского автора XIV в.[32].

---

[29] *Codex Cumanicus*, ed. Kuun; Radloff, *Das türkische Sprachmaterial*; Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus.* <Новое факсимильное издание текста см.: *Codex Cumanicus*, ed. Grønbech. — *А. М.*>

[30] Березин, *Булгар на Волге*; Марр, *Надгробный камень.*

[31] Магакия, пер. Патканова; *История монголов по армянским источникам*; Хетум, изд. Мюллера; <Галстян, *Армянские источники*; Blake, *History of the Nation of the Archers*; Boyle, *The journey of Het'um I.* — *А. М.*>

[32] Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке*; Владимирцов, *Анонимный грузинский историк.*

Глава VI

Со второй половины XIV в. Европе стала угрожать с востока новая опасность вследствие усиления в Малой Азии государства турок-османцев, занятия ими части Балканского полуострова и перенесения столицы в Адрианополь. Поражение императора Сигизмунда и его союзников в битве при Никополе (1396 г.) обнаружило размеры опасности, угрожавшей не только Византии, но и Западной Европе. В течение нескольких веков европейцам приходилось принимать меры как для изучения материальных и духовных сил нового врага, так и для заключения против него союза с владетелями Персии.

Первым союзником европейцев и византийцев сделался, хотя и без намерения, среднеазиатский завоеватель Тимур (у европейцев Тамерлан — искажение персидских слов *Тимур-и ленг* 'хромой Тимур'). Подчинив себе Персию и Месопотамию, Тимур совершил вторжение в Сирию и Малую Азию; османский султан Баязид, победитель при Никополе, был разбит и взят в плен Тимуром при Анкаре (1402 г.). Баязида сопровождали до Анкары среди других послов послы кастильского короля Генриха III; по поручению короля они должны были собрать верные сведения как о Баязиде, так и о Тимуре и присутствовать при битве между ними. Когда они были приведены к победителю, Тимур милостиво принял их, отпустил их на родину и отправил с ними своего посла. Когда этот посол возвращался к своему государю, с ним было отправлено к Тимуру испанское посольство, во главе которого стоял рыцарь Гонзалес де Клавихо, оставивший на испанском языке описание своего путешествия под заглавием «Жизнь и деяния великого Тамерлана» [1].

Клавихо в 1403 г. приехал морем в Константинополь и оттуда в Трапезунт, из Трапезунта сухим путем через Персию — в столицу Тимура Самарканд. Как посол, Клавихо мог пользоваться почтовым сообщением, устроенным в государстве Тимура по примеру других обширных государств Восточной и Западной Азии. Почта на Востоке служила исключительно для пересылки указов государя и донесений ему, для путешествия послов и чиновников и для других государственных целей; частным лицам было запрещено ею пользоваться. Содержание почты возлагалось на жителей

[1] Клавихо, изд. Срезневского; о китайской промышленности — стр. 329, об амазонках — стр. 334 и сл. Ср. рецензию Н. И. Веселовского в ЖМНП, ч. 224, 1882, стр. 123—137.

тех мест, где устраивались почтовые станции, или «ямы» (отсюда и русское слово «ямщик»); за это они освобождались от других податей и повинностей. Клавихо описал устройство этого почтового сообщения, дал краткие сведения о стране и городах, через которые он проехал; более подробно описываются постройки Тимура в Самарканде, куда завоеватель отовсюду переселял ремесленников, художников и ученых, также двор самого Тимура и пир, которым Тимур в 1404 г. праздновал свое возвращение в столицу из победоносного похода на запад, перед началом задуманного им похода на Китай. Клавихо собрал довольно подробные сведения о самом Тимуре, о его сыновьях и внуках, о его постепенном возвышении и о его походах; эти сведения являются ценным дополнением к рассказам восточных историков. Клавихо видел в Самарканде китайских послов, прибывших к Тимуру; но его сведения о Китае и о путях туда крайне сбивчивы. Между прочим, он помещает в 15 днях от Самарканда на пути в Китай, но еще во владениях Тимура, страну амазонок (прежде она будто бы принадлежала Китаю) и называет их христианками греческого исповедания. Любопытно, что Клавихо слышал в Самарканде известный анекдот, выражающий превосходство китайской промышленности над франкской, франкской — над мусульманской (см. выше, стр. 257). Более ценны рассказы Клавихо о состоянии Передней Азии в эпоху Тимура и о тех жестоких мерах, которыми поддерживались порядок и безопасность в основанной им державе, распавшейся почти тотчас же после смерти своего основателя. Отпущенный из Самарканда в конце 1404 г., Клавихо еще во время своего путешествия на родину получил известие о смерти Тимура, последовавшей в феврале 1405 г., и о возникновении междоусобий среди его потомков.

С именем Тимура связано еще другое европейское сочинение той же эпохи — записки баварского солдата Ивана Шильдбергера на немецком языке. Шильдбергер был взят в плен в 1396 г. в битве при Никополе и зачислен в войско султана Баязида; в 1402 г., во время битвы при Анкаре, он перешел из одного плена в другой и после этого должен был служить в войске Тимура; через несколько лет после смерти Тимура он был отправлен в Золотую Орду с золотоордынским царевичем Чекре, который после возвращения на родину присоединился к всемогущему тогда мурзе Едигею. После поражения Чекре в борьбе с Улу-Мухаммедом Шильдбергер несколько лет находился на службе у его вельможи Маншука; только в 1427 г. ему удалось из Батума через Константинополь вернуться в Германию. Баварский солдат по своему уровню образования не мог, конечно, сообщить таких разносторонних сведений о государстве Тимура, как испанский рыцарь. Как источник для изучения политических событий этой эпохи, не исключая даже битв, в которых автор лично принимал участие, рассказ Шильдбергера не имеет почти никакого значения; в рассказах о битвах приводятся совершенно фантастические данные о численности войск; интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он

рассказывает как очевидец, и отдельные сведения о посещенных им местностях. Замечательно, что в сочинении необразованного баварского солдата впервые применен способ характеристики языка, впоследствии получивший широкое распространение в ученой лингвистической литературе, хотя теперь признанный неудачным: переводить на этот язык молитву господню [2].

Битва при Анкаре только на короткое время ослабила османское государство и только на полвека отсрочила падение Византии. Даже походы самого Тимура на Малую Азию и Сирию имели только характер набегов, без присоединения этих областей к владениям завоевателя; его преемники не могли уже оказать никакого влияния на события у берегов Средиземного моря. Новое усиление османцев, особенно после завоевания Константинополя (1453 г.), подвергало опасности и западноевропейские государства; нападению завоевателей прежде всего должна была подвергнуться Венецианская республика, в руках которой оставались некоторые области бывшей Латинской империи. В борьбе с османцами венецианцы искали союзников в Персии, где в то время господствовали две группы туркменских племен, называвшихся по изображениям на их знаменах туркменами черного барана и туркменами белого барана. Во второй половине XV в. Узун-Хасан, глава туркмен белого барана, победил своих соперников, овладел всеми западными областями Персии и вступил в борьбу с османцами. В 70-х годах XV в. мы видим при его дворе в Тебризе венецианских послов Иосафата Барбаро, Катерино Зено и Амвросия Контарини; все они оставили описание своих путешествий [3]; из них Иосафат Барбаро еще раньше (1436—1452 гг.) путешествовал по Персии с торговою целью и доходил до Ормуза. Исходным пунктом его путешествий был город Тана; вообще венецианские послы совершали путешествие в Персию и обратно через Россию, отчасти при содействии московского правительства. С этого времени замечается стремление европейцев при своих торговых и дипломатических сношениях с Персией пользоваться дорогой через Россию, в обход враждебного османского государства. Послы были радушно приняты Узун-Хасаном, но не достигли никаких результатов, так как около того же времени (1473 г.) Узун-Хасан был разбит османскими войсками. Через других послов Венецианская республика была осведомлена и о дальнейших событиях в Персии, до объединения страны в начале XVI в. под властью династии Сефевидов и объявления шиитского учения государственной религией.

---

[2] *Путешествия Ивана Шильтбергера*, пер. Бруна; о молитве господней по-армянски и по-турецки — стр. 127; о нецелесообразности этого приема: A. F. Pott, введение к переизданию: Humboldt, *Über die Verschiedenheit*, S. 136. <См. еще: Полиевктов, *Европейские путешественники. — А. К.*>

[3] *Путешествие в Тану Иосафата Барбаро*, пер. Семенова; *Путешествие Амвросия Контарини*, пер. Семенова; Thomas — Rey, *Travels to Tana*; Grey, *A narrative of Italian travels*, <pp. 1—65 — о Зено>.

Труд Барбаро заключает в себе ценные сведения о России и Персии, природе, населении и об исторических событиях. В противоположность Марко Поло венецианские путешественники XV в. были образованными людьми, проникнутыми влиянием античной культуры, что не всегда благоприятно отражалось на ясности и отчетливости их описаний. Излагая результаты своих непосредственных наблюдений, путешественники присоединяли к ним сведения, почерпнутые из книг, и без достаточной осмотрительности пользовались терминологией греческих источников; Багдад был для них Вавилоном, Тебриз — Экбатанами, Шираз — Персеполем. В этом отношении наивные описания прежних путешественников, передававших без предвзятых идей то, что им удавалось видеть и слышать, имеют несомненное преимущество. Барбаро первый из средневековых европейцев упоминает о развалинах Персеполя, но не узнал их, так как для него Персеполем был Шираз; по вопросу о происхождении развалин он мог только привести мусульманское предание, по которому строителем этих зданий был Соломон. Барбаро едва ли не первый из средневековых путешественников говорит о возвращении в Европу как о возвращении в более культурные условия жизни, хотя процесс перехода культурного первенства от Передней Азии к Западной Европе в то время только начинался.

К числу таких же ученых путешественников принадлежал венецианский купец Николо Конти, отправившийся из Европы в Сирию и совершивший оттуда путешествие в Индию [4]. Торговые сношения Венецианской республики с Египтом и Сирией не прекращались ни во время крестовых походов, ни после них; сохраняя для себя выгодную роль посредников в торговле между Индией и Европой, мусульмане не препятствовали европейским купцам приобретать индийские товары, но не пропускали их через гавани Красного моря в Индию. Николо Конти, научившись в Дамаске арабскому языку, проехал к устью Евфрата с торговым караваном, состоявшим из 600 купцов, оттуда воспользовался морским путем в Индию через Ормуз. В Индии, в Каликуте, главной гавани Малабарского берега, Конти научился персидскому языку; кроме многих местностей Индостанского полуострова он посетил Цейлон, Суматру и другие Зондские острова, также часть Индокитая. На обратном пути он проехал запретным для европейцев путем через Аден и Египет и в Египте был принужден принять ислам. В 1444 г. он после двадцатипятилетнего отсутствия вернулся в Венецию, потом во Флоренции явился к папе Евгению IV, выразил раскаяние в своем отступничестве и рассказал о своих странствиях. С его слов рассказ был записан секретарем папы, Подджио Браччиолини, и вошел в четвертую книгу сочинения Подджио «De varietate fortunae». Рассказ Николо Конти, переведенный на португальский язык по повелению короля Мануила, дал некоторые новые сведения об Индии и Зондских островах, между прочим

[4] Major, *India in the fifteenth century*; Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 182 (о Конти).

и о религии индийцев. Конти был первым путешественником, соединявшим европейское образование с знанием восточных языков.

Вскоре после этого европейцами был открыт новый путь в Индию. Экспедиции португальцев к берегам Африки в XV в. сначала были связаны с исканием «священника Иоанна» [5]; по мере движения на юг увеличивались надежды достигнуть этим путем берегов Индии; обогнув мыс Доброй Надежды (1486 г.), португальцы в Юго-Восточной Африке нашли мусульман, знавших путь в Индию, и с их помощью Васко да Гама в 1498 г. достиг гавани Каликут, бывшей в то время средоточием торговых сношений Индии как с Передней Азией, так и с Юго-Восточной Африкой. Этот успех был подготовлен постепенным развитием мореплавания и морской картографии, причем европейцы были учениками мусульман, которых в XV в. успели опередить [6]. Задолго до открытия мыса Доброй Надежды появляются карты Африки с правильным изображением южной части в виде полуострова, чего не было на античных картах; такова уже флорентинская морская карта 1351 г.[7]. На великолепной венецианской карте Фра Мауро (1459 г.) [8] правильно изображены мелкие географические подробности, в том числе очертание Каспийского моря, хотя в науке еще почти $2^1/_2$ века продолжала господствовать география Птолемея. Мусульманскими картами, притом с обозначением градусов (в настоящее время таких мусульманских карт не сохранилось), пользовался еще Васко да Гама [9].

Плавание Васко да Гамы вместе с открытием Америки Колумбом (1492 г.) изменило пути мировой торговли. Как и португальцы, Колумб искал новых путей в Южную и Восточную Азию [10]. Пользуясь сочинением флорентинского астронома Паоло Тосканелли, Колумб полагал, что упомянутые у Марко Поло острова Чипангу, богатые золотом (Япония), отстоят от Лиссабона на запад всего на 130° и что, плывя в этом направлении, можно найти новый путь как к этим островам, так и к лежавшей за ними земле «Катай». Открытие Антильских островов не изменило мнения Колумба; богатый золотом остров Гаити был им принят за Чипангу, берег Кубы — за берег Китая, и в этом смысле им был составлен в 1494 г. протокол, который были вынуждены подписать его спутники. Как и португальцы, Колумб хотел воспользоваться содействием мусульман, лучше знавших земли Восточной Азии; отправляясь в 1502 г. в свое последнее путешествие, Колумб все еще был убежден, что направляется к берегам Китая, и взял

---

[5] О португальцах и священнике Иоанне: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 231 sq.

[6] <Лоцманом Васко да Гамы был Ахмед ибн Маджид, автор трудов по морской географии; см.: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 552—569; Шумовский, *Три неизвестные лоции* (переведено на португальский язык). — *А. К.*>

[7] Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, к стр. 192.

[8] Ibid., S. 187. Часть карты Фра Мауро с изображением Каспийского моря у Багрова (*Материалы*, стр. 26 и сл., № 16).

[9] Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 146.

[10] Ibid., S. 243—256.

с собой арабского переводчика. Ошибка была разъяснена уже после смерти Колумба другими мореплавателями.

В конце XV в. начинаются попытки воспользоваться открытиями мореплавателей для приведения в систему собранного ими географического материала; с этою целью составляются карты [11] и глобусы. Первый глобус изготовил в 1492 г. Мартин Бегаим (Behaim), находившийся на португальской службе, в своем родном городе Нюрнберге, куда он вернулся на короткое время [12]. На глобусе при названии каждой страны были помещены краткие сведения о ней, частью сбивчивые и баснословные; астрономическое положение стран большею частью было определено неверно. Более тщательную обработку географического материала представляли карты XVI в., из которых наибольшее влияние на развитие географической науки имели «атласы» (слово, изобретенное в эту эпоху) Меркатора (Orbis descriptio ad navigantium usum accomodata, 1569) и Ортелиуса (Theatrum orbis terrarum, 1570); но и эти карты далеко не соответствовали действительности. Меркатору (по обычаю того времени он переделал на латинский лад свою немецкую фамилию Кремер) принадлежит проекция, сохранившая господство в картографии до новейшего времени. Географические открытия еще долгое время спустя не сопровождались правильными астрономическими наблюдениями; прошло еще более ста лет, прежде чем земной шар был известен европейцам настолько, что все данные греческой географии могли быть заменены более новыми сведениями. Карты XVI и XVII вв. составлялись в одинаковой степени по Птолемею, по Марко Поло и по новейшим открытиям мореплавателей, и не всегда удавалось правильно разрешить вопрос, соответствуют ли вновь открытые страны каким-нибудь областям, упомянутым в греческой или средневековой географии.

[11] Ibid., S. 409 sq.
[12] Ibid., S. 236.

Глава VII

Чтобы сохранить в своих руках выгодную торговлю с Индией, португальцы еще в начале XVI в. заняли важнейшие прибрежные пункты; в 1510 г. была занята Гоа, сделавшаяся главным городом португальских владений в Индии. Господствуя на Индийском океане, португальцы не пропускали в Индию никаких судов из мусульманских стран; чтобы захватить в свои руки морскую торговлю между Индией и Персией, они в 1515 г. завоевали остров Ормуз, еще с 1507 г. плативший им дань, и выстроили на нем неприступную крепость. Португальцы грозили разгромить Мекку и Медину; в 1519 г. португальский флот действительно появился в виду Джидды [1]. Известны только две попытки мусульман вернуть себе господство на Индийском океане: неудачная для египтян морская битва с португальцами у берегов Индии незадолго до завоевания Египта турками и плавание турецкого флота к берегам Индии в 1538 г. [2]. Попытки не имели успеха и потом не возобновлялись.

Из Индии мореплаватели проникли дальше на восток; в 1511 г. ими был занят полуостров Малакка, с городом того же имени; в 1514 г. португальцы в первый раз совершили плавание к берегам Китая; в 1517 г. Фердинанд Перес д'Андрада из Малакки достиг Кантонского залива и был допущен в Кантон. Из Китая португальцами случайно была открыта Япония: в 1542 г. здесь был выброшен бурей на берег острова Танегасима (около Кюсю) беглый матрос Антоний де Мота с двумя спутниками [3]. Около того же времени (1539—1558 гг.) странствовал по морям Восточной Азии Мендеце Пинто, превратившийся из купца вследствие неудачных торговых оборотов в морского разбойника; ему, между прочим, принадлежит открытие островов Люцю (Ликейских). Записки Мендеце Пинто о своих плаваниях возбуждают большие сомнения и частью имеют баснословный характер.

---

[1] Об отношении к мусульманам португальцев: Бартольд, *Халиф и султан*, стр. 391, прим. 2; <наст. изд., т. VI, стр. 71, прим. 287>.

[2] О египетском предприятии: Elliot, *The History of India*, vol. VIII, p. 387. О предприятии 1538 г.: Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, S. 157 sq.

[3] О морском пути в Китай и Японию ср. на русском языке литографированный курс Н. В. Кюнера *Исторический обзор*; там же указана литература предмета. О первом прибытии португальцев в Китай замечание Cordier в «T'oung Pao», sér. 2, vol. IV, p. 260, в рецензии на C. A. Montalto de Jésus, *Historic Macao*, Hong-Kong, 1902 (эта книга мне не была доступна); <ср. также: Cordier, *L'arrivée des portugais en Chine*. — *A. M.*>; Nachod, *Eine wenig bekannte Schilderung*.

На островах Люцю встретил португальцев испанец Педро Диез (Diez), совершивший в 1544 г. плавание из Китая в Японию.

В Индии, Китае и Японии нашли поприще для своей деятельности не только португальские купцы, но и португальские миссионеры. Основанный в 1534 г. и утвержденный в 1540 г. орден иезуитов тотчас захватил в свои руки дело распространения христианства на Востоке. Друг Игнатия Лойолы Ксаверий организовал дело проповеди христианства в Индии и в 1549 г. первым из миссионеров высадился в Японии, где пробыл до 1551 г. В 1552 г. он умер на небольшом острове около берегов Китая; тело его было привезено в Гоа; причисленный впоследствии к лику святых, он считается в католической церкви святым покровителем Индии. Деятельность португальских купцов и миссионеров в Японии в первое время не встречала препятствий. Распространение христианства шло так успешно, что еще в XVI в. могло быть отправлено посольство японских христиан в Европу; описание этого посольства было издано в 1585 г. в Риме на итальянском языке и в 1590 г. в Макао на латинском и японском. В начале XVII в. число японских христиан, по сообщениям миссионеров, доходило до 1 800 000. Владетель удельного государства Бунго на острове Кюсю, умерший в 1587 г., принял католичество и во славу новой веры стал разрушать японские национальные храмы; это положило начало той вражде против христиан, которая уже в 1589 г. вызвала первый указ о разрушении церквей и в следующем столетии привела к катастрофе [4]. Из Японии миссионеры проникли в Корею, которая таким образом впервые была открыта европейцами; во время похода японцев на Корею (1592—1596 гг.) вместе с ними проник в эту страну миссионер Цеспедес [5]. Слово «Корея», у первых миссионеров — Coria, происходит от названия династии Корё, правившей с X в. до 1392 г.; отсюда же произошло китайское название страны —Гаоли, упоминающееся уже у Рубруквиса (Caule) и Марко Поло (Cauli), но без всяких сведений о местоположении этой области. В XVI в. страна уже носила официальное название Чосон по имени династии, владевшей полуостровом с 1392 г. до присоединения Кореи к Японии (1910 г.).

Более подозрительно отнеслось к купцам и миссионерам с самого начала китайское правительство; в Китае господствовала в то время враждебная иностранцам национальная династия Мин. Первые фактории, основанные португальцами в Китае, скоро были покинуты по требованию китайских властей; с 1557 г. торговля между португальцами и китайцами сосредоточивалась на острове Макао, который и до сих пор остается португальской колонией. В XVI в. торговцы и миссионеры не проникали севернее Нанкина; только в 1601 г. патер Маттео Риччи, прибывший в Макао еще в 1582 г., был пропущен в Пекин. Несмотря на неблагоприятные условия, миссионеры уже тогда приступили к тем научным работам, которые

[4] О деятельности миссионеров в Китае и Японии см. библиографию в следующей главе; <ниже, стр. 291 и сл., прим. 3, 5, 15, 17>.

[5] О Корее: *Описание Кореи*, ч. 1, стр. 60.

в следующем столетии составили славу ордена иезуитов. Собранные ими сведения были изложены в труде Мендозы «Historia del gran reyno de la China» (1585) — первом европейском сочинении, в котором приведены, хотя и в совершенно искаженном виде, китайские иероглифы [6].

Несмотря на деятельность купцов и миссионеров в Китае и Японии, европейцы в то время еще не сознавали, что ими вновь найден путь в страну «Катай» и к островам «Чипангу». Европейцы в XVI в. слышали в Индии то же самое название Китая — «Чина», которое некогда перешло из Индии к грекам и римлянам. В португальском правописании *China* это название с тех пор сохранилось за Китаем во всех западноевропейских языках и произносится различно в зависимости от произношения букв *ch* (ср. немецкое China, французское Chine, английское China). Европейцам было легко отождествить эту страну со страною «синов» Птолемея, но они не сознавали, что открытая ими «Чина» и страна «Катай», известная из сочинения Марко Поло, — одно и то же, хотя и для такого сближения они могли бы найти данные в словах самого Марко Поло. Марко Поло также слышал в Индии слова «Чин» и «Чинское море»; он знал, что название «Чин» прилагается к стране, описанной у него под названием *Манги* (*Маньцзы* — китайское слово для обозначения населения Южного Китая). Различая страны «Катай» и «Манги», он под первым термином понимал Северный Китай, прежнее государство маньчжурской династии Цзинь, окончательно завоеванное монголами в 1234 г., под вторым — Южный Китай, прежнее государство китайской династии Сун, завоеванное монголами при Хубилае. Из описания Марко Поло ясно видно, что в его время «Катай» и «Манги» были объединены под одной политической властью и вместе составляли «государство великого хана»; кроме того, Монте-Корвино и некоторые другие миссионеры XIII—XIV вв. приехали из Индии в «Катай» или обратно тем же путем, который теперь был найден португальцами. Тем не менее европейцы до конца XVI в. полагали, что описанный у Марко Поло «Катай», государство великого хана, со столицею Ханбалыком, находится где-то к северо-западу от открытой ими «Чины». Только прибытие патера Риччи с юга в Пекин, столицу «Чины», и одновременное путешествие иезуитской миссии с запада, с мусульманским караваном, в «Катай» и «Ханбалык» рассеяли это недоразумение.

Во главе этой последней миссии стоял патер Бенедикт Гоэс, пробывший уже несколько лет в Индии, при дворе Великого Могола Акбара. Великими Моголами европейцы называли мусульманскую династию турецкого происхождения, господствовавшую в Индии с первой половины XVI в. Потомок Тимура Бабур, изгнанный из Средней Азии новыми завоевателями — узбеками, с горстью приверженцев удалился в Индию, где ему удалось основать новое государство; его преемники распространили свою

[6] Английский перевод труда Мендозы: Mendoza, *The History*. О Маттео Риччи еще: Baddeley, *Father Matteo Ricci's Chinese world-maps*. <Из новой литературы о карте Риччи см.: D'Elia, *Recent discoveries*. — *А. М.*>

власть на бóльшую часть полуострова. Европейцы, приписывая Тимуру и его потомкам монгольское происхождение, придумали для этой династии название Великих Моголов, подобно тому как «великими турками» называли османских султанов. Несмотря на свое могущество, царство Великих Моголов в своих морских сношениях находилось в полной зависимости от португальцев: без разрешения португальцев нельзя было даже отвозить морем паломников в Мекку [7].

Держава Великих Моголов представляет едва ли не единственный пример мусульманского государства, в котором без давления извне иноверцы были уравнены в правах с мусульманами. Бабур и его преемники относились к религии индийцев с полной веротерпимостью; внук Бабура Акбар допускал при своем дворе диспуты между брахманами и мусульманскими учеными и надеялся из элементов различных религий создать новую веру, которая могла бы быть принята всеми его подданными. К числу представителей различных религий, действовавших при его дворе, принадлежали и иезуитские миссионеры из Гоа; ими для Акбара было переведено на персидский язык Евангелие [8].

После нескольких лет деятельности в Индии Гоэсу было дано поручение отправиться в страну «Катай» — термин, который был принесен в Северную Индию из Средней Азии мусульманами [9]. Из Лахора он в сопровождении двух монахов отправился весной 1603 г. с торговым караваном в Кабул, принадлежавший в то время Великим Моголам; присоединившись к торговому каравану, Гоэс и сам взял с собой некоторое количество товаров. Несмотря на то что вся страна подчинялась одному могущественному императору, путь до Кабула не был безопасен. В труднодоступной горной области к западу от Инда афганское население сохраняло свою независимость при всех политических переворотах; самые могущественные завоеватели могли только совершать набеги на их страну, без прочного подчинения ее жителей; даже для сохранения безопасности на главных торговых путях требовались значительные военные силы. Караван Гоэса несколько раз подвергался нападениям разбойников и только с большими потерями достиг Кабула.

В Кабуле Гоэс присоединился к новому каравану, отправлявшемуся в путь при самых благоприятных условиях, так как с ним ехала мать хотанского владетеля. Несмотря на это, караван на пути через Бадахшан до Памира несколько раз подвергался опасности от разбойников. Вообще безопасность торговли в Средней Азии после распадения монгольской империи и государства Тимура не могла быть восстановлена. Памир при Гоэсе,

---

[7] Об отношении португальцев к мусульманским паломникам: Elliot, *The History of India*, vol. V, p. 520.

[8] Об Акбаре и иезуитах: Garbe, *Kaiser Akbar*, S. 37—41. <См. также: E. Maclagan, *The Jesuits and the Great Mogul*, London, 1932.>

[9] О путешествии Гоэса: Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. II, стр. 335—341 (там же ссылка на страницы 1-го выпуска, где говорится о том же путешествии).

как и при Марко Поло, был совершенно безлюдным. Через Сарыкол караван в ноябре 1603 г. достиг Яркенда, бывшего в то время главным городом Восточного Туркестана.

В Яркенде Гоэс пробыл целый год, до ноября 1604 г., совершив в течение этого времени поездку в Хотан. Здесь им были закуплены новые товары, в том числе значительное количество камня нефрита, добывавшегося в горах Восточного Туркестана и высоко ценившегося в Китае. В ноябре 1604 г. он отправился в Китай обычным еще в настоящее время караванным путем через Кашгар, Аксу, Кучу, Чалыш (ныне Карашар), Турфан, Хами и Сучжоу, куда прибыл в конце 1605 г. Наиболее продолжительное время (три месяца) караван пробыл в Чалыше; здесь произошла встреча с другим караваном, возвращавшимся из «Ханбалыка» и привезшим Гоэсу известие о находившемся в Пекине патере Маттео Риччи. Эта встреча и показала Гоэсу, что «Ханбалык» и Пекин — одно и то же и что та страна «Катай», куда он направлялся, есть та же «Чина», в которую из Индии давно был известен более безопасный морской путь. Со стороны населения Восточного Туркестана и его мусульманских владетелей миссионеры, впрочем, не подвергались никаким опасностям. Следов деятельности несториан в то время уже не было, но воспоминания о ней сохранялись; Гоэс приводит слова владетеля Чалыша, что и его предки были некогда христианами (в Восточном Туркестане тогда еще продолжала господствовать династия, приписывавшая себе происхождение от Чагатая, сына Чингиз-хана). Торговые сношения мусульман с Китаем были еще довольно оживленны; в Сучжоу в одной части города жили китайцы, в другой — мусульмане.

Гоэс умер в Сучжоу в 1607 г., не успев обработать дневник своего путешествия[10]; часть дневника была сохранена его спутником, армянином Исааком; на основании этого материала патер Триго (Nicolaus Trigautius) напечатал в 1618 г. в Кёльне сочинение: «De christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Societate Jesu libri V». Часть этого сочинения, касающаяся Риччи, вышла еще в 1615 г.

Путешествие Гоэса оставалось до XIX в. единственной попыткой европейцев вновь воспользоваться караванным путем в Китай, столь оживленным в XIII и XIV вв. Для купцов Средняя Азия под владычеством кочевников представляла слишком мало привлекательного; миссионерская деятельность после утверждения в стране ислама не могла иметь успеха. Иезуитские миссии в Китае сохраняли, однако, сношения с миссиями в Индии; кроме частых морских сношений в XVII в. был проложен еще новый путь из Индии в Китай через Тибет. Вследствие трудностей этого пути он также не получил большого значения, но им, как мы увидим, воспользовались миссионеры для внесения в Тибет проповеди христианства.

---

[10] О смерти Гоэса: C. Ritter, *Die Erdkunde*, Bd I, S. 221.

Глава VIII

Морская торговля с Японией, приносившая купцам огромные выгоды, оставалась в XVI в. в руках португальцев; но в следующем столетии португальцы были вынуждены уступить место морякам других наций. Португальский престол еще в 1580 г. перешел к Филиппу II испанскому, и до 1640 г. Португалия вместе со своими колониями оставалась под властью испанских королей; вследствие этого неудачи Филиппа II и его преемников в борьбе с голландцами и англичанами отразились и на Португалии. Чтобы отнять у своих противников выгоды морской торговли с Востоком, голландцы и англичане, пока борьба с флотом испанцев и португальцев казалась невозможной, искали новых путей на Дальний Восток. Плавание вдоль северных берегов Европы и Азии, казалось, должно было привести в «Катай», который в то время помещали дальше к северу, чем он находился на самом деле; в этой надежде голландцы и англичане в XVI в. положили начало полярным экспедициям. Когда обнаружились трудности плавания по Ледовитому океану и когда ослабление флота врагов сделало возможным соперничество с ними в Южных морях, голландцы и англичане начали пользоваться дорогами, проложенными португальцами. В 1595 г. в Голландии появились общества для торговли с Индией; в 1602 г. эти общества были объединены в одну голландскую ост-индскую компанию; такая же компания образовалась в Англии.

Первый голландский корабль прибыл в Японию в 1600 г. под начальством Вильяма Адамса, англичанина, находившегося на голландской службе. Португальцы, естественно, встретили голландцев крайне враждебно; по их наущению Адамс и его спутники были заключены в тюрьму как морские разбойники; однако им вскоре удалось не только добиться освобождения, но и занять влиятельное положение в Японии. Адамс научил японцев строить корабли; этой услугой объясняется приобретенное им влияние, которым он пользовался во вред португальцам и в пользу как голландцев, так и своих соотечественников. Вследствие писем Адамса в 1609 г. прибыли в Японию два голландских корабля[1]; союзники голландцев, англичане, в 1613 г. последовали их примеру, но между политическими союзниками уже тогда обнаружилось торговое соперничество, заставившее англичан в 1623 г. покинуть Японию. Голландцы продол-

[1] Об Адамсе и голландцах: Rundall, *Memorials*. <Письма Адамса — стр. 15—88. — *А. М.*>

жали сношения с Японией и после смерти Адамса, последовавшей в 1620 г. Средоточием голландской торговли была основанная в 1611 г. фактория на острове Хирадо, или Фирадо (к западу от Кюсю).

Прибытие голландцев познакомило японцев, знавших до тех пор только португальцев, с другим христианским народом и вероисповеданием. Не понимая политической и религиозной вражды между последователями одной веры, японцы предположили, что было два Христа и что португальцы поклоняются одному, голландцы — другому. Действия иезуитских миссионеров и обращенных ими в христианство японцев все более возбуждали неудовольствие японского правительства; менее враждебно относилось оно к голландцам, заботившимся только о своих торговых интересах и воздерживавшимся от всякой религиозной пропаганды. Ожесточение японского правительства против католической пропаганды вполне соответствовало интересам голландцев, желавших устранить своих соперников по торговле. Еще в 1635 г. голландцы добивались полного изгнания португальцев; японское правительство в 1636 г. разрешило португальцам жить и торговать только на искусственном острове Дэсиме, устроенном для них японцами у входа в гавань Нагасаки[2]. В 1638 г. произошло вооруженное восстание японских христиан; голландцы обвиняли португальцев в том, что восстание было устроено ими; в 1639 г. последовал указ об окончательном изгнании португальцев[3]. Португальцами была сделана попытка добиться отмены этого указа, и с этой целью в 1639 г. было отправлено посольство в Японию, но послы были заключены в тюрьму и 5 августа 1640 г. казнены; в 1641 г., после освобождения Португалии от испанского владычества, только слуги были отпущены на родину, чтобы рассказать о судьбе посольства.

Деятельность иезуитов в Японии прервалась, таким образом, гораздо ранее, чем их деятельность в Китае, и потому не сопровождалась такими богатыми результатами для науки. Оставался невыясненным даже вопрос о числе островов Японского архипелага и о географическом положении Японии по отношению к материку. Миссионеры в 1613 г. проникли на остров Иесо[4], но представляли себе этот остров в виде огромной страны, простирающейся с востока на запад на пять месяцев пути; кроме того, они не знали, есть ли между Иесо и Ниппоном сухопутное сообщение; им было известно, что на Иесо отправляются морем, но они считали возможным, что только гористый характер местности заставляет предпочитать морское сообщение сухопутному. Тем не менее наука обязана миссионерам не-

---

[2] О факториях в Хирадо (Фирадо) и Дэсиме: Siebold, *Voyage au Japon*, t I, pp. 111—123. <См. также: Riess, *History of the English Factory*. — *А. М.*>

[3] О христианстве в Японии: de Charlevoix, *Histoire de l'établissement*. <Из новой литературы см.: Boxer, *The Christian Century*, где приведена обширная библиография. — *А. М.*>

[4] <Ныне о-в Хоккайдо.>

сколькими ценными трудами о японском языке и об истории Японии[5]. О населении Японии миссионеры говорили, что характер японцев во всем противоположен характеру китайцев; японцев сравнивали также с среднеазиатскими кочевниками и называли их «образованными татарами». Грамматику японского языка еще в 1604 г. издал в Нагасаки патер Родригуез («Arte da lingoa de Japam»); история Японии, составленная патером Амати, была напечатана в Риме в 1615 г. («Historia del Regno di Voxu del Giapone»). В XVIII в. материалы, собранные иезуитами о Японии, были обработаны патером Шарльвуа (Charlevoix) в его «Истории насаждения, успехов и упадка христианства в Японской империи». Кроме сочинений миссионеров можно привести еще сочинение испанского губернатора Филиппинских островов дона Родрига де Виверо-и-Веласко, выброшенного в 1608 г. на берег Японии, встретившего со стороны японского правительства самый радушный прием и пробывшего в стране до 1610 г.[6].

Голландцам и после 1639 г. было разрешено торговать с японцами, но на самых унизительных условиях. Их фактория на острове Хирадо была разрушена в 1640 г., и в следующем году они по требованию японцев переселились на остров Дэсиму, устроенный для португальцев около Нагасаки. Отсюда они раз в год (с 1790 г. раз в четыре года) ездили в столицу Эдо (ныне Токио) к императору (сёгуну). Как во время этой поездки, так и во время пребывания на острове их подвергали всевозможным унизительным стеснениям, с которыми они мирились ради выгод торговли.

Исключительное право торговли с Японией еще более возвышало морское могущество голландцев, к которым после упадка испанской и португальской торговли перешло господство в южных морях. Голландцы владели торговыми колониями на всем пространстве от острова Харака в Персидском заливе до островов, прилегающих к Австралии; им в XVII и в начале XVIII в. принадлежали важнейшие сочинения об Индии (труд голландского миссионера Франциска Валентина (Valentyn), отправившегося в Азию в 1685 г., пробывшего долгое время на Молуккских островах и издавшего в 1711 г. книгу «Древняя и новейшая Ост-Индия» в девяти томах[7], о Японии (труд Арнольда Монтануса, вышедший в 1669 г.)[8] и других странах. В 1653 г. Гендрик Дюгамель (du Hamel) потерпел крушение у берегов Кореи, пробыл со своими спутниками в плену у корейцев до 1666 г. и в 1668 г. напечатал в Роттердаме сочинение о своем путешествии, впоследствии переведенное на французский, немецкий и английский языки[9]. С существованием голландской фактории на острове Дэсиме были

---

[5] О миссионерах в Японии и Китае и их трудах: Cordier, *Notes.*

[6] <Изложение содержания сочинения: Rundall, *Memorials*, pp. 173—186. — *А. М.*>

[7] <Valentyn, *Oud en nieuw Oost-Indien.* — *А. М.*>

[8] <Montanus, *Gedenkwaerdige Gesantschappen.* — *А. М.*>

[9] О Гендрике Дюгамеле: *Описание Кореи*, ч. 1, стр. 61; <de Rosny, *Hendrik Hamel.* — *А. М.*>.

связаны и те труды о Японии, которые принадлежали представителям других национальностей. С 1690 до 1692 г. пробыл в фактории Энгельберт Кемпфер, немецкий ботаник, прежде находившийся на шведской службе (с 1683 до 1687 г. он был советником шведского посольства в Персии), автор ценного труда о Японии[10]. Во второй половине XVIII в. замечательны труды о Японии шведского ботаника Тунберга (род. в 1741 г., пробыл в Японии с августа 1775 г. до декабря 1776 г., весной 1776 г. был врачом при обычном голландском посольстве ко двору сёгуна, умер профессором в Упсале в 1828 г.), ученика Линнея[11]; наконец, в XIX в. семь лет (1823—1830) пробыл в Японии доктор Зибольд, издавший после возвращения в Европу описание своих путешествий[12]. Все три автора (Кемпфер, Тунберг и Зибольд) были по специальности естествоиспытателями и, конечно, обращали больше всего внимания на описание страны в естественноисторическом отношении, но сообщили также много сведений о населении и его истории[13]. Труды Зибольда, хорошо изучившего японский язык, представляют наиболее полный свод того, что было известно о Японии до ее открытия для европейской торговли. К описанию его путешествия приложен атлас (с картами, планами и рисунками), дающий наглядное представление о всех сторонах быта японцев; кроме того, им был издан целый ряд трудов о японском языке и литературе. Впоследствии, в 1859—1862 гг., уже после открытия доступа в Японию всем европейцам, Зибольд вторично совершил путешествие в эту страну (ум. в 1866 г.)[14].

Изгнанные из Японии иезуиты с успехом продолжали свою деятельность в Китае. В Китае орден не связал свою судьбу, как в Японии, с судьбой одной нации. Борьба между различными нациями за господство над морем отразилась на деятельности иезуитской миссии в Китае только в том отношении, что главное участие в этой деятельности переходило от представителей одной нации к представителям другой. Главными деятелями иезуитской миссии сначала были португальцы, испанцы и итальянцы, потом — фламандцы и немцы; в конце XVII в. в связи с колониальной политикой Кольбера в Китай прибыли французские иезуиты, которым принадлежат главные труды по изучению литературы, географии и истории Китая, связанные с деятельностью миссии[15]. Из предметов тор-

---

[10] <Kämpfer, *Geschichte und Beschreibung von Japan. — A. M.*>

[11] Путешествие Тунберга: Thunberg, *Voyages au Japon.*

[12] <Siebold, *Nippon. — A. M.*>

[13] О Кемпфере и Зибольде: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 628 sq. О Кемпфере еще: Bons d'Anty, *Les grands voyageurs au Japon*; <Meier-Lemgo, *Engelbert Kämpfer. — A. M.*>.

[14] Перечень трудов о Японии, вышедших до 1859 г.: Pages, *Bibliographie Japonaise*; перепечатано в кн.: Wenckstern, <*A bibliography of the Japanese Empire*; см. ниже, стр. 324, прим. 26>.

[15] Об истории миссии в Китае подробнее всего: du Halde, *Description*, t. III, pp. 79—134 (до 1723 г. включительно); о миссионерах XVII в. еще: d'Orleans, *History of the two Tartar conquerors of China*; *Lettres édifiantes*, тулузское издание 1810—

говли Китая с Европой особенное значение получил чай, известный еще арабам, но в средние века не бывший предметом вывоза. Мусульманам в XVI в. было известно самое слово «чай» в том же виде, как оно потом вошло в русский язык, но говорится только о вывозе китайского чая в Тибет[16]. Первый чай прибыл в Париж в 1636 г., на 23 года раньше, чем в Москву. Как известно, в западноевропейские языки вместо слова «чай» вошло другое, южнокитайское слово.

Поселяясь в Китае на всю жизнь, миссионеры в совершенстве усваивали язык и обычаи страны, проникались влиянием китайской культуры и в то же время благодаря привезенным из Европы ученым познаниям достигали выдающегося положения при дворе китайских императоров, хотя ни один из миссионеров не пользовался в Китае таким уважением, как умерший в 1610 г. Маттео Риччи. Китайское правительство особенно дорожило астрономическими познаниями иезуитов; с их помощью можно было исправить ошибки календаря, составление которого было в Китае важным государственным делом: календарь рассылался вассальным владетелям в знак принятия их в число подданных империи; правильное предсказание солнечных и лунных затмений было необходимо для того, чтобы эти явления не принимались народом как знак небесного гнева, так как причиной такого гнева всегда считали действия императора, ответственного перед небом за свой народ. Благодаря своим астрономическим познаниям мусульмане даже при враждебной инородцам династии Мин (1368—1644) продолжали заведовать математическим (или астрономическим) трибуналом; при первом императоре новой, маньчжурской династии, завоевавшей Китай в 1644 г., во главе этого бюро был поставлен иезуитский миссионер Адам Шаль, происходивший из Кёльна и прибывший в Китай в 1622 г., еще при династии Мин, при которой он также занимал выдающееся положение; с 1628 г. он был воспитателем братьев императора. Высокое положение, занятое иезуитами, не могло не вызвать против них интриг со стороны вельмож; вследствие этих интриг некоторое время находились в немилости как Адам Шаль, умерший в 1670 г., так и Вербист, прибывший в Китай в 1659 г., сотрудник и защитник Шаля, с 1671 г. поставленный во главе астрономического трибунала. Благодаря иезуитам европейская астрономия вытеснила из Китая мусульманскую, что явля-

---

1811 гг. в 26 томах, из них t. I—V — *Mémoires des Levant*, t. VI—IX — *Mémoires d'Amérique*, t. X—XV — *Mémoires des Indes*, t. XVI—XXIV — *Mémoires de la Chine*, t. XXV—XXVI — *Mémoires des Indes et de la Chine*. Ср. особенно t. XIX и XXII (о гонениях при Юнчжэне), предисловие к t. XXV (биография Риччи) и t. XXVI, pp. 237—283 (о иезуитах и папском легате). Продолжение тех же писем: *Nouvelles lettres édifiantes*, 8 томов; письма в хронологическом порядке с 1767 г. О состоянии миссии — предисловие к t. I; о действиях Цяньлуна — t. I, p. 333, и t. II, pp. 55—79. О миссии еще: Cordier, *Documents inédits*. О христианстве в Китае еще: Huc, *Le Christianisme en Chine*.

[16] О слове «чай» замечание Крачковского в ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0106, и мое возражение там же, стр. 0180.

ется одним из наглядных признаков окончательного перехода первенства к европейской науке и вообще к европейской культуре[17].

Услуги, оказанные иезуитами китайскому правительству, не ограничились составлением календаря; иезуиты были руководителями китайцев даже в области военного дела; при усмирении одного мятежа правительство императора Канси воспользовалось пушками, отлитыми по указаниям Вербиста. Когда начались сношения Китая с Россией, иезуиты при этих сношениях были не только переводчиками, но и защитниками интересов Китая. Жербильон, один из пяти миссионеров, отправленных из Франции в 1685 г. и прибывших в Китай в 1688 г., вместе с Вербистом сопровождал императора Канси в Маньчжурию. Жербильон и другой миссионер, Перейра, от имени китайского правительства вели переговоры с русскими в Нерчинске и добились от русских уполномоченных таких уступок, на которые сами китайцы не надеялись[18].

На почве религиозной пропаганды иезуиты в противоположность действиям миссионеров в Японии постарались принять меры к тому, чтобы распространение христианства не приводило ни миссионеров, ни новообращенных в столкновение с государством. Иезуиты доказывали, что учение Конфуция — не столько религия, сколько система практической философии, примиримая со всякими религиозными верованиями; что основная черта этой системы — культ предков — не находится в противоречии с нравственными требованиями христианства, даже вполне соответствует пятой (по католическому счету четвертой) заповеди; что памяти Конфуция и таблицам с именами предков воздаются почести не в храме, а в зале, и потому эти обряды не должны признаваться недопустимым для христиан идолопоклонством. Таким же образом иезуиты, начиная с Маттео Риччи, для обозначения христианских религиозных понятий употребляли термины, заимствованные из конфуцианской литературы. Иезуиты были не первыми христианскими миссионерами в Китае, прибегавшими к такой системе; замечательный памятник VIII в., открытый в 1625 г. в Сианьфу иезуитами и долгое время именно по этой причине возбуждавший подозрения ученых, показывает, что сирийские миссионеры не менее иезуитов старались говорить с китайцами понятным для них языком. Даже мусульмане применялись к китайским верованиям; в китайско-мусульманской литературе встречаются попытки сопоставления Мухаммеда с Конфуцием[19], в мечетях были таблички с именем китайского императора и пожеланием ему «десяти тысяч раз десяти тысяч» лет жизни; во время богослужения даже воскуривался фимиам; и все-таки мусульмане

---

[17] О значении вытеснения мусульманских астрономов европейскими: Бартольд, *От редакции*, стр. 8; <наст. изд., т. VI, стр. 370—371>. <О значении деятельности иезуитов статья К. Скачкова *Судьба астрономии в Китае*. — *А. К.*>

[18] <См. также ниже, стр. 319—321.>

[19] О сопоставлении Мухаммеда с Конфуцием, например: Палладий, *Китайская литература магометан*, стр. 207.

вполне сознавали свое обособленное положение среди китайского народа и строго соблюдали обрядовые требования своей религии, в том числе запрещение свиного мяса, главной пищи остальных китайцев[20].

Как средство религиозной пропаганды система иезуитов не достигла цели; представители китайского консерватизма, особенно чиновники министерства церемоний, продолжали враждебно относиться к распространению христианства; в то же время уступки, сделанные конфуцианству, восстановили против иезуитов других католических миссионеров, в особенности доминиканцев. Еще в XVI в., при династии Мин, иезуитам приходилось защищаться перед китайским правительством против обвинений, возбужденных их единоверцами; ссылаясь на успехи иезуитов в Японии, викарий города Макао в конце XVI в. обвинил иезуитов перед правительством в тайном союзе с японцами, с которыми Китай в то время вел войну. Воцарение маньчжурской династии совпало с изданием буллы (1645 г.) папы Иннокентия X в пользу доминиканцев и против иезуитов; чтобы побудить папу взять назад свое решение, иезуит Мартини, прибывший в Китай в 1643 г. и уже написавший два сочинения о христианстве на китайском языке, отправился в Европу, где пробыл семь лет (1650—1657); под его влиянием новый папа Александр VII в 1656 г. своей буллой решил спор в пользу иезуитов.

Благодаря этой булле иезуитам в царствование Канси (1662—1722) удалось постепенно упрочить свое положение. В начале своего царствования император не был расположен к миссионерам; Адам Шаль подвергся опале; изданный в 1669 г. указ о запрещении христианам строить церкви и распространять свою веру был подтвержден и в 1671 г., когда были признаны несостоятельными обвинения против умершего Шаля и когда на ту же должность был назначен Вербист; но миссионеры были убеждены что император издал такое запрещение только для формы, чтобы удовлетворить министерство церемоний, и не считались с ним. В 1692 г. последовал указ, благоприятный для миссионеров; в 1702 г. миссионеры могли освятить церковь в запретной части Пекина, где помещаются дворец и правительственные учреждения. Миссионеры находились на китайской службе, считались китайскими подданными и даже давали подписку, что навсегда останутся в Китае.

В начале XVIII в. дела снова приняли неблагоприятный оборот для иезуитов. В Риме снова получило преобладание враждебное иезуитам течение; папа отправил в Китай своего легата в качестве главы всех миссионеров и в то же время обратился к императору с просьбой не принуждать китайских христиан к исполнению обрядов, несогласных с их верой. В глазах императора такое требование было вмешательством во внутренние дела Китая; легат, прибывший в Китай в 1705 г. и сначала принятый императором с большим почетом, подвергся опале и в 1710 г. умер в Макао.

---

[20] Главный труд о китайских мусульманах: d'Ollone, *Recherches sur les Musulmans.*

Отношение императора к миссионерам изменилось. В 1707 г. несколько миссионеров подверглись изгнанию, причем эта мера коснулась и некоторых иезуитов, как Висделу, не разделявших взглядов большинства представителей ордена. Другие миссионеры получили от императора грамоты, разрешавшие им остаться в Китае, причем такие грамоты были даны только иезуитам и францисканцам.

Еще хуже сделалось положение миссионеров после смерти Канси. Новый император Юнчжэн (1723—1736) в первый же год своего царствования издал указ, по которому миссионерам разрешалось жить только в Пекине и Макао; по просьбе миссионеров правительство согласилось потом заменить Макао Кантоном, но с тем, чтобы на миссионеров не было никаких жалоб. При следующем императоре, Цяньлуне (1736—1796), против миссионеров и против новообращенных были приняты еще более суровые меры; но вопреки словам одного русского исследователя (К. А. Скачкова), миссионеры и в эту эпоху не подверглись, как в XVII в. в Японии, полному изгнанию. Математический трибунал по-прежнему нуждался в образованных европейцах; кроме того, китайское правительство принимало к себе на службу европейских мастеров и художников. В 1781 г. старший сын императора посетил церковь, милостиво обошелся с миссионерами и даже уговаривал их привлекать на службу к его отцу других европейцев. Миссионеры в то время проникали в Китай только под видом математиков, мастеров и художников; но все-таки даже в то время, когда в провинциях разрушались церкви и воздвигались гонения против миссионеров, христианское духовенство в Пекине не подвергалось никаким стеснениям и могло совершать требы даже по отношению к китайцам. Миссионеры отмечают это противоречие в мерах китайского правительства как знак особой милости божией. С 1804 г. новые миссионеры больше не допускались, но прежние оставались в Пекине. Еще русская духовная миссия 1820 г. (десятая) застала в Пекине трех миссионеров, находившихся на службе в математическом трибунале; один из них, кроме того, был переводчиком русской миссии[21]. Около того же времени был поднят вопрос об окончательном изгнании католических миссионеров из математического трибунала и о замене их представителями русского духовенства, что при культурном уровне последнего едва ли было возможно. Несмотря на это, в 1826 г. европейцы-математики были уволены и должны были покинуть Китай[22]; только одному престарелому священнику разрешили остаться в Пекине, где он умер в 1838 г. Покидая Китай, миссионеры передали часть своего имущества русской духовной миссии; одному из членов той же миссии, иеромонаху (впоследствии архимандриту) Даниилу Сивиллову, досталась часть бывшей иезуитской библиотеки; впоследствии эта библиотека перешла в собственность

[21] О встрече русской 10-й миссии с католическими миссионерами: Тимковский, *Путешествие в Китай*, ч. 2, стр. 57—66.

[22] Об изгнании миссионеров в 1826 г.: Neumann, *Die Sinologen*, S. 123.

Казанского университета[23]. Часть книг иезуитов осталась в Пекине, где ими еще много лет спустя воспользовался К. А. Скачков.

В истории изучения Китая работам иезуитов и других католических миссионеров XVII—XVIII вв. принадлежит одно из самых выдающихся мест. Благодаря продолжительному пребыванию в Китае миссионерам удавалось овладеть китайской устной и письменной речью в таком совершенстве, которого и впоследствии редко достигали европейцы. Благодаря иезуитам появились в Европе первые сочинения о китайском языке, первые переводы китайских литературных произведений, первые труды по истории и географии Китая, написанные на основании китайских источников. Еще в XVII в. труды Мартини и его пребывание в Европе оказали влияние на ознакомление европейцев с языком и историей Китая. Из трудов миссионеров XVIII в. по китайскому языку более всего известны труды иезуита Премара (прибыл в Китай в 1699 г., ум. в 1736 г.), из трудов по истории Китая — сочинения Гобиля (ум. в 1759 г.) и Малья (автора «Histoire générale de la Chine», 1777—1781); первый полный перевод китайских классических книг дал в 1714 г. патер Ноэль (Noël). Кроме отдельных сочинений в XVIII в. издавались также обширные сборники материалов на основании донесений, присылавшихся миссионерами. Первый из таких сборников издал в 1735 г. Дюгальд (du Halde), секретарь иезуитского ордена по французским провинциям, под заглавием «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise» (4 тома). Впоследствии явились еще более обширные сборники — «Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères» (несколько изданий), «Mémoires concernants l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionaires de Pekin» (1776—1791, 15 томов; впоследствии, в XIX в., вышли еще два тома) и «Description générale de la Chine» (издание Грозье; первое издание вышло в 1785 г. в качестве дополнительного, 13-го тома к «Истории Китая» Малья).

Деятельность иезуитов не ограничивалась пределами собственного Китая. Кроме путешествий с императорами в Монголию и Маньчжурию они проникали и в пограничные местности Кореи; в 1709 г. ими была составлена карта полуострова[24]. Д'Орвиль, прибывший в Китай в 1659 г. вместе с Вербистом в сопровождении другого миссионера, Грюбера, совершил в 1661 г. в шесть месяцев путь из Пекина в Лхасу и оттуда в 1662 г. проехал через Гималаи в Агру, одну из столиц Великих Моголов. Еще раньше миссионеры проникли в юго-западную часть Тибета из Индии; таково было путешествие португальского иезуита Антония д'Андрада (1624—1625 гг.), за которым последовали другие миссионеры; в 1652 г.

---

[23] О библиотеке: W. Wassiliev, *Notice sur les ouvrages*, p. 581; ср. сведения о казанских рукописях: Gottwaldt, *Manuscrits relatifs à la Chine*.

[24] О Корее: *Описание Кореи*, ч. I, стр. 62.

миссионеры по политическим причинам были вынуждены покинуть Тибет. В XVIII в. иезуитские миссионеры вновь прибыли в Тибет из Индии; Ипполит Дезидери пробыл в Лхасе пять лет (1716—1721) и покинул город вследствие решения папы в пользу соперничавших с иезуитами капуцинов, прибывших в Тибет еще в 1708 г. В царствование Цяньлуна, когда последовало изгнание миссионеров из провинций Китая, прекратилась также деятельность капуцинов в Тибете; отъезд их последовал в 1745 г.[25]. Для науки пребывание иезуитов и капуцинов в Лхасе не имело таких богатых результатов, как деятельность иезуитов в Китае; впрочем, донесения действовавших в Тибете миссионеров еще не все обнародованы и частью остаются в рукописи.

Исторические материалы, извлеченные иезуитами из китайских источников, касались не только Китая; они первые обратили внимание на известия китайских историков о среднеазиатских народах, остающиеся и до сих пор наиболее ценным, для нескольких веков единственным, источником для изучения истории Средней Азии. Висделу, прибывший в Пекин в 1688 г. вместе с Жербильоном, был автором первой «истории татар», написанной на основании китайских источников[26]. По мысли Висделу, его записи должны были служить дополнением к большой энциклопедии д'Эрбело, посвященной мусульманскому миру[27]; из этого видно, что уже в то время сознавали, насколько при изучении истории Средней Азии необходимо сотрудничество специалистов по Дальнему Востоку со специалистами по Передней Азии. Таким же образом труд Сенковского[28] о Бухаре, вышедший в 1824 г., был назван дополнением (supplément) к большому труду Дегиня (Deguignes) по истории среднеазиатских кочевников, составленному в середине XVIII в. главным образом по китайским источникам[29].

Вообще европейская наука получила благодаря иезуитам богатый материал для изучения Дальнего Востока; но обработка этого материала согласно требованиям европейской науки была уже делом следующих поколений ученых. Иезуиты, как и после них многие европейцы, поселявшиеся в Китае на долгое время, настолько проникались влиянием китайской культуры, что в их глазах все черты жизни страны, в том числе и приемы китайских ученых, заслуживали предпочтения перед соответствующими явлениями европейской жизни. Так, Гобиль старается доказать, что китайские «истории династий», составленные особо назначенными для этой цели комитетами, не нуждаются в проверке путем применения методов европейской критики, так как согласное решение целого комитета

---

[25] О Тибете: Кюнер, *Описание Тибета*, ч. I, вып. 1, стр. 31—43, с примечаниями и с поправками в конце тома.

[26] О Висделу см. ниже, стр. 310, прим. 23.

[27] <D'Herbelot, *Bibliothèque orientale. — А. М.*>

[28] <*Supplément.*>

[29] Deguignes, *Histoire générale des Huns.*

является столь же веским доводом в пользу достоверности факта, как согласное показание нескольких независимых один от другого источников[30]. Даже в эпоху гонений мы находим в сочинениях миссионеров такие же восторженные отзывы о Китае и его правительстве. К I тому «Mémoires» приложен портрет Цяньлуна с такими стихами:

Occupé sans relâche de tous les soins divers
D'un gouvernement qu'on admire,
Le plus grand potentat qui soit dans l'univers
Et le plus grand lettré qui soit dans son empire.

Труды иезуитов составили эпоху не только в истории востоковедения, но и в истории географической науки. Географическая карта была составлена еще Маттео Риччи и в 1608 г. представлена китайскому императору. Свои астрономические познания иезуиты применяли к определению широты и долготы мест и к исправлению карты Китая; на основании своих наблюдений они в 1718 г. составили для императора Канси карту китайской империи. Через того же Дюгальда, которому принадлежит первый сборник донесений миссионеров, в Европе сделались известны картографические работы и астрономические наблюдения, произведенные иезуитами в Китае. На этих астрономических наблюдениях более всего была основана реформа, произведенная в европейской картографии Делилем (ум. в 1726 г.), придворным географом французского короля. Карта Азии издавалась Делилем несколько раз, и последние издания существенно отличаются от первого; впервые были исправлены основные ошибки античной географии и установлены действительные очертания материков. Дальнейшие исправления были внесены во второй половине того же столетия д'Анвилем (род. в 1697 г., ум. в 1782 г.; его первые карты относятся к 1729 и 1734 гг., полный атлас китайской империи — к 1737 г.)[31]. и преимущественно касались географических деталей; эти исправления стали возможными главным образом благодаря тем сведениям о Сибири и Средней Азии, собранным русскими, которыми отчасти пользовался уже Делиль; кроме того, д'Анвиль еще в большей степени, чем его предшественник, воспользовался работами миссионеров. На карте д'Анвиля были основаны последующие карты Азиатского материка до расширения географических познаний о Средней Азии в XIX в. благодаря английским и русским исследованиям.

[30] Слова Гобиля находятся в предисловии к его труду *Histoire de Gentchiscan*.

[31] <D'Anville, *Nouvel atlas de la Chine*. — *A. M.*> О картах Делиля и д'Анвиля: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 671 sq.; о д'Анвиле еще замечания в упомянутых выше книгах: *Описание Кореи*; Кюнер, *Описание Тибета*, и др.

Глава IX

После открытия Америки и морского пути в Индию Передняя Азия имела для европейской торговли только второстепенное значение; тем не менее обороты так называемой «левантинской» торговли оставались довольно значительными. Для политической жизни Европы мусульманский Восток имел еще большее значение, чем прежде. Для некоторых государств, как для Германии, турецкая империя была врагом, подвергавшим опасности самое существование христианского мира; другие, как Франция, искали в турках союзников против своих европейских врагов.

Под влиянием общих успехов европейской культуры торговые и политические сношения с Востоком в большей степени, чем прежде, отражались на успехах востоковедения. В Германии появились первые труды по истории Турции, написанные на основании турецких источников; в 1591 г. во Франкфурте был напечатан труд Левенклау (Leunclavius) «Historiae Musulmanae Turcicorum de monumentis ipsorum exscriptae libri XVIII» [1]. В Париже в XVI в. впервые была осуществлена мысль, высказанная еще в XIV в., — было введено университетское преподавание восточных языков, под которыми до XIX в. понимали только языки Библии и ислама. Первым профессором арабского языка был Гильом Постель, едва ли не первый ориенталист того типа, который только в XIX в. был окончательно вытеснен развитием специализации. Восторженный почитатель ислама и восточных литератур, Постель переходил от одного восточного языка к другому и говорил, что может пройти без переводчика через все страны до Китая. Сколько-нибудь правильного представления о характере языков он, конечно, не имел, всецело оставаясь на почве библейских преданий; по его мнению, еврейский язык до вавилонского столпотворения был языком всего человечества. Ученые занятия соединялись в нем с фантастическими планами в области политики и религиозной пропаганды [2]. Увлечения ориенталистов этого типа не уменьшают, конечно, их значения как пионеров науки во всех отраслях востоковедения; от языков Библии и ислама, единственных, преподавав-

[1] <Ср. также:> Leunclavius, *Annales.*

[2] О Г. Постеле: Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. I, pp. XVII—XIX; Ольденбург, *Очерки преподавания*, стр. 257 и сл.; Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 160; Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 225—227; Kvačala, *Postelliana*; <Fück, *Die arabischen Studien*, S. 35—40. — *А. К.*>

шихся в университетах, они переходили к языкам Дальнего Востока, которые в то время благодаря иезуитам впервые сделались доступными для европейских ученых; так, еще в XVII в. голландский ориенталист Яков Голиус сделался учеником иезуита Мартини. Вообще Голландия уже в первой половине XVII в. имела целую школу ориенталистов, главными представителями которой были Голиус [3], Эрпениус [4] (латинские окончания присоединены к фамилиям по обычаю того времени) и Варнер; последнему принадлежит собрание рукописей, оставленное им Лейденскому университету и получившее название legatum Warnerianum [5]. Голиус, автор словарей арабского и персидского, совершил несколько путешествий на Восток — в Марокко, Малую Азию и Сирию. По широте научных стремлений ученые этой школы далеко оставляли за собой школу арабистов-филологов XVIII в.[6], основателем которой также был голландский ориенталист (А. Шультенс, 1686—1750), хотя, без всякого сравнения, уступали ей по научности методов. Сведения, извлекавшиеся ориенталистами из памятников арабской литературы, отражались и на успехах других отраслей знания, особенно географии [7]; Постель первый из новейших западноевропейских ученых пользовался арабским географическим сочинением, именно трудом компилятора XIV в. Абу-л-Фиды, хотя первый перевод этого труда на европейский язык появился только в XVIII в. Значительно раньше (арабский текст был напечатан в Риме еще в 1592 г., хотя только в извлечении) европейцы ознакомились с компиляцией Идриси. Еще раньше некоторые сведения по арабской географии стали известны европейцам по сочинению об Африке Льва Африканского, араба, принявшего христианство [8]. Его мусульманское имя было Хасан ибн Мухаммед; около 1520 г. он был взят в плен морскими разбойниками и привезен в Рим, к папе Льву X, и в 1526 г. перевел на итальянский язык свой труд об Африке, большею частью заключающий в себе сведения, собранные им самим во время путешествий; но автор пользовался также трудами средневековых географов, как Идриси, ал-Бекри и Мас'уди. Арабский подлинник утрачен, итальянский текст известен только по изданию Рамузио (1550), с которого были потом сделаны переводы на различные языки, в том числе в 1600 г. на английский (с обширными дополнениями) [9]. Вполне естественно, что из восточных трудов

[3] О Голиусе: Cordier, *Notes*, p. 407; о нем же как арабисте: Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. I, p. XXVII; <Füсk, *Die arabischen Studien*, S. 79—84. — *А. К.*>

[4] Houtsma, *Uit de Oosterschе correspondentie*; <Füсk, *Die arabischen Studien*, S. 59—73. — *А. К.*>

[5] <Ср.: Füсk, *Die arabischen Studien*, S. 81. — *А. К.*>

[6] <Ibid., S. 124—129. — *А. К.*>

[7] Об ознакомлении в Европе с арабской географией: Ritter, *Geschichte der Erdkunde*, S. 193—195.

[8] Leo Africanus, *The history and description of Africa.*

[9] <В. Матвеевым подготовлен к публикации перевод сочинения Льва Африканского на русский язык. — *Н. Т.*>

по географии и истории предметом занятий европейских ученых прежде всего сделались позднейшие компиляции; эти сочинения успели вытеснить на Востоке первоисточники и потому прежде других проникли в Европу. Еще раньше, чем компилятивные труды мусульман, в Европе стали изучаться и издаваться компилятивные исторические труды восточных христиан. Во время путешествий на Востоке, особенно в Сирии, европейцы находили гостеприимство в христианских домах и монастырях, научались там восточным языкам и получали указания и содействие, особенно в тех случаях, когда дальнейшее путешествие приходилось совершать под видом мусульман.

Кроме Турции целью европейских путешественников была и Персия. В Персии европейские государи продолжали искать союзников против турок; еще в 1523 г. шах Исма'ил прислал письмо Карлу V; в 1529 г. от Карла V было отправлено посольство к шаху Исма'илу (в Европе не знали, что последний умер еще в 1524 г.). В Персию ездили через Россию купцы, искавшие новых торговых путей; наконец, в Персии в большей степени, чем в Турции, имели успех путешественники-авантюристы.

Этот новый тип путешественников в XVI в. получает выдающееся значение в истории ознакомления Европы с Востоком. Не будучи ни купцами, ни миссионерами, ни послами, ни учеными, такие путешественники отправлялись на Восток чаще всего под влиянием неудач в жизни и неудовлетворенности тем положением, которое им приходилось занимать в европейском обществе. В чужой стране они надеялись найти больший простор своим силам и наполнить жизнь более разнообразными впечатлениями, в случае возвращения на родину своими рассказами о малоизвестных землях и народах заслужить благодарность и уважение своих сограждан. Средства приобрести влияние при дворе восточных государей были для европейцев в Передней Азии те же, как и на Дальнем Востоке: астрономические познания, ценившиеся и мусульманами, и главным образом познания в военном деле, в котором первенство европейцев после изобретения пороха было окончательно установлено. В случае успеха наиболее выдающиеся из таких путешественников выступали добровольцами в политике и в науке, пользовались своим влиянием для содействия политическим интересам своего отечества и доставляли новый материал науке, насколько это было возможно без специальной подготовки.

В 1502 г. отправился из Венеции на Восток Лодовико Вартема [10], происходивший из Болоньи. По его собственным словам, он видел в путешествии средство занять почетное положение в современном ему обществе. Доставить людям новые сведения казалось ему лучшим способом приобрести их уважение; для этой цели было два пути: путь книжной

---

[10] Varthema, *The travels.* <См. также повый перевод: Jones, *Travellers in disguise.* — *A. M.*>

учености и путь странствования по неизведанным землям; первый путь не соответствовал склонностям Вартемы; оттого им был избран второй. В Египте он оставался недолго, так как эта страна вследствие тесных сношений с Венецией была слишком известна на его родине, и отправился в Сирию; в Дамаске он научился арабскому языку и под видом мусульманина присоединился к каравану паломников, с которыми совершил путешествие в Мекку и принял участие во всех обрядах поклонения святыням ислама. Вартема — первый из европейцев, проникший в Мекку под видом мусульманина, и единственный, совершивший это путешествие из Сирии; остальные европейцы всегда присоединялись к египетскому каравану. Из Мекки он отправился в Джидду, откуда с мусульманскими купеческими судами совершил путешествие в Йемен, Аден, Персию, Индию и Индийский архипелаг до Молуккских островов. Направление его путешествия определялось случаем; никакого заранее составленного плана у него не было; тесно сблизившись с одним персидским купцом, он хотел отправиться с ним в Среднюю Азию и уже дошел до Герата, когда военные события того времени заставили их обоих отказаться от своего намерения и направить свой путь в Индию. Из Индии он сперва рассчитывал отправиться в Китай; в Бенгалии он встретил двух христиан-сирийцев, происходивших из какого-то города Sarnau в Китае (из этого видно, что в Китае в то время еще не совсем были уничтожены результаты деятельности несториан монгольского периода). Несколько мусульманских владетелей хотели воспользоваться военными познаниями Вартемы для борьбы с португальцами, для чего он должен был делать им пушки; но его совесть не позволяла ему помогать мусульманам в борьбе с христианами; из Каликута ему удалось бежать в Кананур, находившийся в руках португальцев; доставленные им сведения способствовали успехам португальских войск, за что Вартема, вернувшийся около 1508 г. в Европу через Лиссабон, был возведен португальским королем в рыцарское звание.

В XVII в. совершил путешествие на Восток, также из Венеции, другой итальянец, римский патриций Пьетро делла Валле (род. в 1586 г.) [11]. В противоположность Вартеме делла Валле принадлежал к числу образованных людей своего времени и был членом гуманистического общества «Umoristi», в котором носил характерное прозвание «Fantastico». Вследствие неудачи в любви он принял новое прозвание «Pellegrino» и в 1614 г. отправился путешествовать на Восток, проехал морем из Венеции в Константинополь, из Константинополя в Египет, оттуда сухим путем в Сирию, посетил Иерусалим, из Сирии через Месопотамию отправился в Персию, где ему удалось приобрести влияние при дворе шаха Аббаса Великого. Во время путешествия через Месопотамию он в 1616 г. женился

[11] О делла Валле еще: Pietro della Valle, *The travels*; idem, *Viaggi*: сопоставление Турции с Персией — vol. I, p. 440; о турецком языке — vol. I, p. 67; о шахе Аббасе — vol. II, p. 192.

на одной сирийской девице; лишившись ее в 1622 г. на берегу Персидского залива, он положил набальзамированное тело в гроб и вез его с собой до своего возвращения в Рим в 1626 г. В Персии он принял личное участие в войнах шаха Аббаса с турками и составил план союза против турок с русскими казаками. Из Персии он совершил еще путешествие в Индию, где посетил приморские города от Сурата до Каликута; обратно проехал морем в Басру, оттуда сухим путем в Александретту. Свои впечатления он излагал в «дружеских письмах» на родину, из которых при его жизни были обнародованы только письма из Турции; кроме того, им была написана история Аббаса, представляющая восторженный панегирик этому шаху (она была напечатана в Венеции в 1628 г., но не выпущена в свет). В своих письмах он касался не только виденных им стран, но и политических событий того времени, особенно борьбы шаха, при содействии англичан, с португальцами. Путешествие Пьетро делла Валле дало европейской науке первые краткие сведения о развалинах Вавилона, первое более подробное описание развалин Персеполя и первый образчик персидской клинописи. Делла Валле был знаком не только с восточными языками, но и с восточными авторами, на которых иногда ссылается в своих описаниях; им были привезены в Европу восточные рукописи, в том числе исторические, и копии восточных надписей. В общем он отдает предпочтение Персии перед Турцией; Турция кажется ему более варварской страной, хотя он отзывается с похвалой о некоторых турецких тканях, тогда как Персия, по его словам, почти ни в чем не уступала Европе, если не считать произведений промышленности и «некоторых вещей, относящихся к приятности жизни». Характерно, что Пьетро делла Валле, изучая в Константинополе турецкий язык, прибавляет, что этому языку он на родине не мог бы научиться, тогда как хороших учителей арабского языка он мог бы найти и в Италии. Из этого видно, насколько тогда теоретическое востоковедение преобладало над практическим. Темперамент автора не позволяет придавать большое значение его отзывам; так, в одном письме он высказывает несколько отрицательный отзыв о шахе Аббасе, в другом берет назад все свои обвинения и говорит, что они были высказаны под влиянием раздражения. Вследствие своего гуманистического образования он, подобно венецианским путешественникам XV в., часто употребляет в своих описаниях термины греческой географии, например говорит о горных хребтах «Тавр» и «Имай». Вернувшись в Европу, он поселился в Риме, но вскоре после этого его необузданный характер довел его до убийства, вследствие чего он должен был покинуть Рим и некоторое время пробыл в изгнании, потом был прощен и умер в своем родном городе (1652 г.).

Путешествия Вартемы и делла Валле были последними отголосками того значения, которое некогда имела Венеция для исследования Востока. Венецианская республика не приняла никаких мер, чтобы воспользоваться результатами этих путешествий, совершенных из Венеции; сами

путешественники, по-видимому, столь же мало заботились об интересах Венеции или других итальянских городов; в их политических рассуждениях и проектах говорится только об общих интересах христианского или католического мира. Иной характер имели путешествия, совершавшиеся в то время частью по поручению правительств, частью добровольцами из стран, к которым постепенно переходило господство над путями мировой торговли.

Вместе с развитием в XVI в. английского мореплавания начинается участие в деле исследования Востока англичан, в средние века не принимавших в этих исследованиях никакого участия, если не считать фантастического путешествия Мандевиля. Англичанами была снаряжена в 1553 г. под начальством Виллоби и Ченслера первая полярная экспедиция, имевшая целью отыскать новый путь в Китай. Корабль, находившийся под начальством Виллоби, погиб со всем экипажем в полярных морях; более счастлива была судьба Ченслера, который достиг Белого моря, встретил радушный прием со стороны московского правительства и положил начало морской торговле между Россией и Англией. В Англии для этой торговли образовалась особая компания, в первое время надеявшаяся воспользоваться также торговым путем из России в Китай через Среднюю Азию, имевшим такое значение в средние века. В 1558 г. уполномоченный компании Антоний Дженкинсон при содействии московского правительства отправился из Астрахани по Каспийскому морю, высадился на полуострове Мангышлаке и с торговым караваном проник в Хиву и Бухару, где провел зиму, после чего в 1559 г. вернулся в Россию в сопровождении бухарских и хивинских послов [12]. Дженкинсон убедился в полном упадке экономического благосостояния областей Средней Азии и их торговли с Китаем; после него до утверждения английского владычества в Индии со стороны англичан уже не было попыток проникнуть в Среднюю Азию. Несомненно, что владычество степняков-узбеков, завоевавших страну в начале XVI в., крайне неблагоприятно отразилось на благосостоянии Средней Азии, но торговыми путями в Китай, как показывает отчет о путешествии Гоэса и другие известия, мусульманские купцы продолжали пользоваться.

Отказавшись от мысли найти через Россию путь в Китай, англичане воспользовались торговым путем из России, через Астрахань и Каспийское море, в Персию; такое путешествие совершил еще Дженкинсон. В конце того же столетия, еще до Пьетро делла Валле, при дворе шаха Аббаса появились авантюристы-англичане братья Ширли, Антоний и Роберт. Оба отправились из Европы в 1598 г. и потом заняли в Персии влиятельное положение благодаря знанию военного дела; произведенная ими реорганизация персидской армии содействовала последующим успехам персов в борьбе с турками. В этой борьбе шах надеялся найти союз-

[12] О Дженкинсоне: Morgan — Coote, *Early voyages*, vol. I.

ников в Европе, куда отправил посольство с Антонием Ширли во главе. Посольство, отправленное через Россию в самом начале XVII в. к некоторым германским государям, в Венецию, к папе и в Испанию, не имело успеха; главу посольства еще в России обвиняли в присвоении подарков, назначенных для государей; в Испании один из персидских членов посольства, Урудж-бек, принял христианство под именем дона Хуана де Персия, остался в Испании и написал на испанском языке сочинение о Персии. Сам Антоний Ширли остался в Италии и в 1613 г. издал описание своих путешествий. Роберт Ширли в 1608 г. также был отправлен в Европу с официальным поручением, выполнение которого было затруднено интригами его брата; из Европы он вернулся в Персию морским путем, через Индию [13].

Несмотря на изменение путей мировой торговли, торговля с Персией и в эту эпоху еще имела для европейцев некоторое значение. Европейские купцы приезжали в Персию главным образом для покупки гилянского шелка (шелководство в Гиляне пришло в упадок только в XIX в.) и драгоценных камней, особенно бирюзы (бирюзовые копи в Хорасане разрабатываются и в настоящее время). Гилянский шелк, вызвавший в XIII в. появление на Каспийском море генуэзского торгового флота, в XVII в. был причиной посольства в Персию из Германии. Посольство было отправлено Фридрихом IV, герцогом гольштейн-готторпским, незадолго перед тем основавшим гавань Фридрихштадт; чтобы поднять значение этой гавани, он хотел сделать ее средоточием ввоза персидского шелка. В посольстве принимал участие в качестве секретаря магистр Лейпцигского университета Адам Олеарий (собств. Эльшлегер). Посольство отправлялось из Гольштейна два раза; в первый раз (1633—1635 гг.) оно дошло только до Москвы, во второе путешествие (1635—1639 гг.) проникло из России в Персию и в Исфахане было принято шахом, но не достигло своей цели. Посол Брюгман своим самовластным поведением восстановил против себя остальных участников посольства, в том числе и Олеария. Столкновение с Брюгманом заставило Олеария отделиться от посольства и поступить на русскую службу; в грамоте, данной ему от имени царя Михаила Федоровича, говорится: «Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в астроломии, и географус, и небесного бегу и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям; а нам, великому государю, таков мастер годен». Вскоре после этого Брюгман в Гольштейне был заключен в тюрьму и впоследствии казнен; Олеарий воспользовался этой переменой обстоятельств, чтобы с разрешения герцога вернуться в Гольштейн. В предисловии к своему труду он благодарит герцога за то, что тот избавил его от русской службы.

Описание путешествия гольштейнского посольства, составленное Оле-

[13] <Ross, *Sir Antony Sherley.* — *A. M.*> О Ширли и Урудж-беке еще: Веселовский, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*, стр. XVII и сл.

арием [14] и заключающее в себе много ценных сведений о Московской Руси, принадлежит также к числу важнейших трудов европейских путешественников о Персии. Автор отличался редкой наблюдательностью и редкой для того времени независимостью суждений; при описании виденных им стран и при нанесении их на карту он отступил от классических авторитетов, что, в глазах его университетских друзей, было недостатком книги. Защищаясь против этого упрека, Олеарий доказывает, что в науке нередко признается общепризнанной истиной то, что является только укоренившимся заблуждением: ошибка, сделанная первоначальным исследователем, повторяется всеми, кто пользуется его трудом, и errante uno errant omnes. Путешествие Олеария содействовало ознакомлению европейцев не только с Персией, но и с персидской литературой; с помощью перса он первый перевел на немецкий язык *Гулистан* Са'ди. Секретарь персидского посольства в Гольштейне Хаккверди некоторое время (1642—1643 гг.) был на службе у Голиуса.

Торговля драгоценными камнями привлекла в Персию французских путешественников XVII в. Таверньe и Шардена. Первый между 1636 и 1663 гг. совершил шесть путешествий на Восток [15]; второй был на Востоке два раза (1664—1670 и 1671—1677 гг.) и в это время был назначен в Персии «царским купцом» и придворным ювелиром шаха; персидским языком он владел вполне, из Персии он ездил также в Индию. Возвращение его во Францию совпало с эпохой «драгонад» при Людовике XIV; Шарден, как протестант, покинул свою родину, переселился в Англию, получил звание придворного ювелира короля Карла II и остался на английской службе до своей смерти (1713 г.). Из всех путешественников, посетивших в XVII в. Персию, Шарден дал самое подробное и всестороннее описание этой страны, которое до сих пор сохраняет значение классического труда [16].

Современник Таверньe и Шардена Тевено был богатым человеком, путешествовавшим для своего удовольствия; он посетил Турцию, Малую Азию и Египет (1652—1656 гг.), впоследствии (1663—1667 гг.) проехал через Персию до Бендер-Аббаса [17]; умер на обратном пути в Северной Персии. Из восточных языков он знал турецкий и несколько персидский.

Кроме европейских купцов Персию в XVII в. посещали и европейские миссионеры. Проповедь христианства имела в Персии, как вообще в мусульманском мире, еще меньше успеха, чем на Дальнем Востоке; восточные христиане также не подчинялись католической пропаганде

[14] Olearius, *Aussführliche Beschreibung*; русский перевод: Барсов, *Подробное описание*. О грамоте царя Михаила Федоровича: Соловьев, *История России*, кн. II, стр. 1371.

[15] <Tavernier, *Les six voyages. — A. M.*>. О Таверньe еще: Hamy, *Une lettre inédite*; <Gabriel, *Die Erforschung Persiens*, S. 103—106. — *A. M.*>.

[16] Chardin, *Voyages en Perse*; <Gabriel, *Die Erforschung Persiens*, S. 100—102. — *A. M.*>.

[17] Thevenot, *Voyages*; <Gabriel, *Die Erforschung Persiens*, S. 106—107. — *A. M.*>.

и против действий патеров искали защиты у персидского правительства [18]; тем не менее мы и здесь, как в Китае, находим миссионеров, поселявшихся в стране на долгое время и благодаря своим знаниям достигавших влиятельного положения при дворе государей. Французские путешественники XVII в., как теперь доказано, получили значительную часть своих сведений от патера (из ордена капуцинов) Рафаэля дю Мана (du Mans), который в 1644 г. приехал из Алеппо в Багдад, в 1646 г. прибыл в Персию и остался в этой стране до своей смерти, последовавшей в 1696 г. в Исфахане. Он имел влияние на шаха Аббаса II; персидскому правительству он оказывал услуги в качестве переводчика и, кроме того, был ему полезен своими познаниями в математике и астрономии. Его труды в то время остались в рукописи; только в новейшее время был издан французским ориенталистом Шефером отчет о состоянии Персии в 1660 г., составленный дю Маном для министра Кольбера и заключающий в себе подробные сведения о стране и народе, в особенности о системе управления [19]. В противоположность иезуитам, поселившимся в Китае, дю Ман не был поклонником своей второй родины. Его отношение ко всему, что он видел в Персии, резко отрицательное; даже в памятниках старины, как в развалинах Персеполя, он не видит ничего замечательного по сравнению с западноевропейскими постройками; все, что было сказано до него о художественном значении этих памятников, кажется ему преувеличенным. Подобно делла Валле, дю Ман признает за Персией некоторые преимущества перед другими восточными странами, но согласен признать персов только «одноглазыми» по сравнению со слепотой других восточных народов.

Труд дю Мана, таким образом, представляет характерный пример того отношения к Востоку, которое с XVII в. все чаще встречается у европейских исследователей. Научная жизнь в XVII в. еще не прекращалась на Востоке; в Турции именно в это время, значительно раньше, чем в Западной Европе, происходило сопоставление результатов арабской географической науки с результатами европейской [20]. Появился и оригинальный географический труд на турецком языке — описание путешествий Эвлия Челеби, — по обилию материала (географического, этнографического и лингвистического) далеко оставляющий за собой труды классических арабских географов, хотя, с другой стороны, заклю-

[18] О жалобах армян на деятельность франкских патеров (*падериян-и ференги*) подробнее всего говорится в грамоте персидского шаха, выданной Эчмиадзину в 1122 г. (1710) и хранящейся в Эчмиадзинской библиотеке.

[19] Du Mans, *État de la Perse* (с введением издателя, в котором — подробная библиография трудов о Персии в XVI и XVII вв.).

[20] О турецкой географии, составленной «по восточным и западным источникам»: Brockelmann, GAL, Bd II, S. 428; в этой географии (*Джихан-нума* Хаджи Халифы) ссылки на *Atlas minor* Меркатора, *Geographia major* Авраама Ортелиуса и *Fabrica Mundi* Лоренцо д'Ананиа (последнее сочинение написано в 1582 г.) и др. <См. также: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 615—619. — *А. М.*>

чающий в себе значительный элемент явного вымысла [21]. Но в общем в XVII в. культурное первенство Европы уже вполне определилось. Европейцы в эту эпоху впервые обращают внимание на противоположность между успехами европейской культуры и отсталостью Востока; впервые ставится вопрос о причинах этого явления.

Попытку разрешить этот вопрос мы находим, между прочим, у путешественника Франсуа Бернье, посетившего Индию в начале царствования Ауренгзеба, самого могущественного представителя династии так называемых Великих Моголов. Путешествие Бернье, по его словам, было вызвано желанием видеть новые страны; по образованию он был натуралистом и медиком и сделался в Индии придворным врачом Ауренгзеба. На пути в Индию он посетил Сирию и Египет и больше года прожил в Каире, чтобы изучить арабский язык; в Индии он прожил 12 лет, посетил разные области, между прочим, сопровождал эмира Данишменда, приближенного Ауренгзеба, во время его путешествия в Кашмир. Описание путешествия Бернье [22] разделяется на несколько частей; отдельно излагается история междоусобий 1655—1660 гг. под заглавием «Histoire de la dernière révolution de l'empire du Grand Mogol» и история следующих пяти лет под заглавием «Événements particuliers»; все остальное, в том числе и описание путешествия в Кашмир, изложено в форме писем; в числе их находится особый доклад на имя Кольбера о состоянии Индии, о доходах Великих Моголов, о личности Ауренгзеба, о причинах упадка восточных стран (главную причину Бернье видит в отсутствии на Востоке частной земельной собственности), не только Индии, но также Передней Азии и Египта.

В эту же эпоху в Европе, особенно во Франции и Англии, возникли те богатые собрания восточных рукописей, благодаря которым исследователь Востока теперь находит в главных городах Европы большее количество письменных источников по интересующим его вопросам, чем в столицах восточных государств. В конце XVII в. французским ориенталистом д'Эрбело (1625—1695), лично не бывавшим на Востоке (план его поездки туда вместе с Тевено, которого он встретил в Риме, не осуществился), было составлено в форме энциклопедического словаря первое собрание сведений о мусульманском Востоке, извлеченных из сочинений восточных авторов, под заглавием «Bibliothèque orientale» [23]. Д'Эрбело находился под влиянием французских путешествий в Персию и потому называет столицу династии Сефевидов, Исфахан, «самым великолепным городом после китайских». Подобно другим европейцам XVII в., д'Эрбело,

---

[21] Об Эвлия Челеби: Mordtmann, *Ewliyā Čelebi.* <Текст см.: Эвлия Челеби, *Сийāхат-нāме.* — *А. М.*>

[22] *Voyages.*

[23] Второе издание «Bibliothèque orientale» д'Эрбело в Гааге 1777—1778 г., три тома (т. 4 в Маастрихте — «Supplément» Висделу; см. о нем выше, стр. 299). Еще о Висделу: Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 201.

говоря о Мухаммеде и Коране, не мог отрешиться от христианских традиций. В этом отношении не было различия между трудами католиков и протестантов. Таким же характером отличается «Historia Orientalis» современника д'Эрбело, Хоттингера [24] (цюрихского уроженца, учившегося в Голландии). К концу XVII в. относится первое «всемирное путешествие» (конечно, к этой категории не принадлежат кругосветные плавания, начавшиеся еще в XVI в.), долгое время остававшееся единственным, именно путешествие итальянца Gemelli Carreri, выехавшего из Неаполя в 1693 г., посетившего мусульманские страны (в Персии он в 1694 г. был в Исфахане при возведении на престол нового шаха), Индию, Малакку, Сингапур, Китай, часть Средней Америки и вернувшегося в Италию через Испанию и Францию [25].

Успехам ориентализма в Англии более всего содействовало существование английской фактории в Сирии, в городе Алеппо. Той же фактории наука обязана открытием знаменитых развалин Пальмиры. Первые сведения о развалинах большого города в пустыне были получены купцами фактории от бедуинов, но только много времени спустя, в 1678 г., купцу Галифаксу удалось проникнуть к этим развалинам и описать их. Более подробное исследование развалин было произведено уже в XVIII в. англичанами Даукинсом и Вудом, посетившими Пальмиру в 1751 г., и французским путешественником Вольнеем (о нем см. ниже).

Когда в 1636 г. по инициативе архиепископа Лода (Laud) впервые было введено преподавание арабского языка в Оксфордском университете, то первым преподавателем был назначен Эдуард Покок, бывший прежде капелланом алеппской фактории. Им же были изданы и переведены на латинский язык труды христианских арабских историков Евтихия и Абу-л-Фараджа (труд другого христианского историка, ал-Макина, был издан еще раньше голландским ориенталистом Эрпениусом и в том же XVII в. переведен на языки английский и французский). Учителем Покока был пастор В. Бедвель (Bedwell), умерший в 1632 г., находившийся в переписке с Эрпениусом [26].

Семья Пококов и в XVIII в. оказала влияние на успехи английского востоковедения; один из членов этой семьи, Ричард Покок, совершил путешествие в Переднюю Азию и Египет (1737—1742 гг.) и издал две книги: одну о Египте (1743 г.), другая разделялась на две части: 1) Палестина, Сирия, Месопотамия, Кипр, Кандия; 2) Архипелаг, Малая Азия, Фракия, Греция (1745 г.) [27]. По отзыву Вольнея, он, несмотря на теорети-

[24] Hottinger, *Historia Orientalis.*

[25] Gemelli Carreri, *Voyage.* <Полный текст: Gemelli Carreri, *Voyage de tour du monde. — А. М.*>

[26] Об английском ориентализме XVII в.: Browne, *A Literary history*, vol. I, pp. 41—44, и биографии Пококов (Эдуарда и Ричарда) в «Encyclopaedia Britannica», t. XIX, p. 252 sq. О Бедвеле и его переписке с Эрпениусом: Houtsma, *Uit de Oostersche correspondentie*, S. 7—10.

[27] <Pococke, *A Description of the East. — А. М.*>

ческую подготовку, не обладал практическим знанием восточных языков и не мог обходиться без переводчика. Из трудов английских ориенталистов XVII в. более всего содействовали популяризации сведений о Востоке труды Т. Хайда (Th. Hyde, ум. в 1702 г.). В своей «Истории религии древних персов», вышедшей в 1700 г. [28], он уже пришел к некоторым выводам, признающимся правильными до сих пор, хотя он не имел понятия ни о языке Авесты, ни о древнеперсидском и старался доказать, что древнеперсидские надписи на самом деле только архитектурные украшения.

В XVIII в. мы видим первые примеры европейских путешествий на Восток исключительно с научною целью, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих или миссионерских задач. Первое из этих путешествий, именно путешествие Жозефа де Турнефора [29], профессора ботаники в Jardin des Plantes в Париже, в Малую Азию, Армению и Персию (1700—1702 гг.), было посвящено главным образом выяснению естественнонаучных вопросов и имело мало отношения к задачам востоковедения, хотя автор и задавался целью описать «дух, нравы, торговлю и религию различных народов», также объяснить «монеты и древние памятники». Отношение автора к памятникам прошлого восточных народов вполне определяется его словами, что из развалин городов интерес представляют только греческие благодаря надписям [30]. Характерно, что это мнение высказывается им по поводу развалин города Ани в Армении, о существовании которых он узнал только после того, как проехал мимо; он не считал нужным жалеть о том, так как эти развалины не греческие. В действительности именно развалины Ани заключают в себе большое число важных для историка надписей [31]. Для успехов естествознания его путешествие имело большое значение; благодаря исследованию горы Арарат путешественником впервые был установлен факт, что климатические поясы в зависимости от высоты местоположения располагаются в таком же порядке, как в зависимости от географической широты [32]. Замечательно, что этот простой вывод окончательно вошел в науку только столетием позже.

Эпоху в истории востоковедения составило путешествие в Индию молодого французского ученого (род. в 1731 г.) Анкетиля Дюперрона. Анкетиль еще в Париже изучил несколько восточных языков и ознакомился с оксфордской рукописью Вендидада, одной из священных книг древнего Ирана, язык которых в то время был еще не известен европейцам. Анкетиль тогда же понял, какое значение могло иметь для европейской науки изучение по первоисточникам религии древнего Ирана, основанной

[28] <Hyde, *Historia religionis. — A. M.*>

[29] Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant.*

[30] Ibid., t. II, p. 153.

[31] Мнение о надписях: Бартольд — Смирнов, *Отзыв о трудах Н. Я. Марра*, стр. 375; <наст. изд., т. IV, стр. 204, прим. 6>.

[32] О значении исследования им Арарата: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 539; о влиянии на последующее время: C. Ritter, *Einleitung.*

Зороастром, и решил для этой цели отправиться в Индию к представителям этой религии, гебрам. Не имея средств для совершения этого путешествия, он в 1754 г. записался на службу французской ост-индской компании и поступил простым солдатом на корабль, отправлявшийся в Индию. Однако ему пришлось пройти солдатом только расстояние от Парижа до берега моря; еще до отплытия корабля его намерение сделалось известным королю Людовику XV; по повелению короля Анкетилю была назначена пенсия в размере 500 ливров в год; со стороны директора компании он также встретил полное сочувствие и был освобожден от военной службы, причем ему был обеспечен даровой проезд в отдельной каюте и обед за капитанским столом. После прибытия в Индию компания назначила ему жалованье в размере 1400 ливров в год, что вместе с королевской пенсией составляло 1900 ливров. Посетив некоторые местности Индии, он в 1758 г. поселился в Сурате, где нашел гебров и получил возможность заниматься с ними; занятия его не были прерваны и после занятия Сурата англичанами (1759 г.). В 1761 г., после трехлетнего пребывания в Сурате, он вернулся в Англию, в 1762 г. — во Францию [33], в 1771 г. обнародовал полный перевод Зенд-Авесты — собрания книг, приписываемых Зороастру, язык которых в европейской науке еще долгое время спустя называли «зендским» (только впоследствии выяснилось различие между Авестой — подлинным сводом этих книг — и Зендом — толкованием к ним на так называемом пехлевийском, или среднеперсидском, языке).

Подвиг Анкетиля не всеми современниками его был оценен по достоинству: сомневались даже в подлинности привезенных им рукописей; некоторые ученые утверждали, что переведенные им тексты были сознательной подделкой если не его самого, то тех лиц, от которых он получил свои сведения. Несправедливость этих обвинений давно доказана, и труд Анкетиля, положивший начало объяснению Авесты, в XIX в. нашел себе продолжателей, постепенно устранивших недостатки первого опыта. Трудности, с которыми связано изучение мертвого языка Авесты и перевод текстов, объясняемых современными гебрами иногда совершенно неправильно, не вполне преодолены и до сих пор; при Анкетиле научные методы, благодаря которым европейские филологи могут критически относиться к теориям восточных ученых, еще не вполне были выработаны. Сверх того Анкетиль, по-видимому, не всегда правильно понимал своего учителя; при выполнении работы, как и при составлении плана путешествия, им руководили не столько строгие требования науки, сколько нетерпеливое увлечение пионера. Объяснению темных мест Авесты впоследствии содействовала близость языка Авесты к санскритскому; успехами санскритоведения, которое в эпоху Анкетиля едва началось (сам

[33] О путешествии Анкетиля предисловие к его книге *Zend-Avesta*; о трудах по изучению Авесты: GIPh, Bd II, S. 40—42. Заглавия других трудов Анкетиля: *Recherches historiques*; *L'Inde*.

Анкетиль в Индии также научился санскритскому языку от брахманов), воспользовались переводчики XIX в., начиная с датского ученого Раска (в 20-х годах) и французского ученого Евгения Бюрнуфа (в 30-х). Раск совершил в 1819—1822 гг. путешествие из России через Кавказ сухим путем в Персию и Индию. Его заслуги были настолько признаны современниками, что русский профессор Погодин писал о нем: «Он мог бы для сравнительной филологии быть тем, что Риттер для географии» [34].

Другие труды Анкетиля (ум. в 1805 г.), именно его «Географические и исторические разыскания об Индии» и «Индия в отношении к Европе», не оставили большого следа в науке. В этих трудах он был более публицистом, чем ученым, восхвалял преимущества индийской культуры и нападал на разорительную для туземцев систему английского управления; в годы старости он подражал брахманам даже в своем личном образе жизни. Нельзя отрицать, что в деятельности Анкетиля кроме искреннего научного энтузиазма проявляется также значительная доля личного тщеславия, ярко выразившегося и в предисловии к его Зенд-Авесте.

Совершенно иной характер, чем труд Анкетиля, имели труды других ученых путешественников XVIII в., Нибура и Вольнея. Нибур принял участие в ученой экспедиции, снаряженной датским правительством по мысли геттингенского профессора Михаэлиса; целью экспедиции было добыть материал главным образом для разъяснения некоторых мест Библии. Число вопросов, требовавших разрешения, список которых был составлен Михаэлисом, доходит до ста [35]; кроме того, французскими учеными была составлена для членов экспедиции записка о задачах, связанных с изучением Юго-Западной Аравии, Йемена (по инструкции, составленной от имени короля Фридриха V, путешественники должны были провести в Йемене два или три года). Изучение современной культурной жизни Аравии не предполагалось; по отношению к исламу предписывалось только воздерживаться от нападок на него. В состав экспедиции вошли Нибур, в качестве математика, ориенталист Христиан фон Хавен, ученик Михаэлиса, врач, физик и живописец. Путешественники отправились в 1761 г., посетили Сирию, Египет, Аравию и прибыли в Бомбей; четверо членов экспедиции умерли в дороге (последний — в 1764 г. в Бомбее); Нибур один отправился из Бомбея в Маскат и оттуда через Персидский залив в Персию, посетил Шираз и развалины Персеполя, вернулся к берегу залива, оттуда проехал морем на остров Харак и в Басру, из Басры сухим путем через Багдад в Палестину, из Палестины на остров Кипр и оттуда в Малую Азию, через Малую Азию в Константинополь, откуда в 1767 г. вернулся на родину [36].

Благодаря систематическому определению астрономических пунктов

[34] Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. VII, стр. 38.

[35] Michaelis, *Recueil de questions.*

[36] Путешествия Нибура: Niebur, *Beschreibung von Arabien*; idem, *Reisebeschreibung nach Arabien.* Об их значении: Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 546—550.

путешествие Нибура имело большое значение для картографии; сверх того, он после смерти своих товарищей старался исполнить все те работы, которые были возложены на них, в том числе и работы ориенталиста; для этой цели он уже в дороге научился арабскому языку. После Вартемы он был первым европейцем, посетившим значительную часть арабского полуострова. На всем пространстве от Египта до Индии им были сделаны копии с надписей, как мусульманских и греческих, так и с надписей древнего Востока; одной из этих копий впоследствии воспользовался Гротефенд, автор первой удачной попытки разбора древнеперсидских клинообразных письмен.

Датская экспедиция может быть рассматриваема как результат успехов возникшей в XVIII в. немецкой филологической науки. Первоначально успехи востоковедения в Германии больше всего были связаны с успехами протестантского богословия; так и теперь слушателями профессоров-ориенталистов чаще всего являются студенты богословского факультета, иногда потом изменяющие богословию ради востоковедения. Богословом был и Михаэлис (1717—1791); его современник Рейске (1716—1774) был филологом и посвятил греческой литературе не меньше работ, чем арабской; но и Рейске говорил о пользе знания арабского языка для объяснения Библии [37]. Немецким ориенталистам приходилось больше заботиться об усовершенствовании методов исследования и об извлечении новых выводов из материала, уже приведенного в известность другими, чем об обогащении науки новым материалом. В отличие от Франции, Англии и Голландии в Германии тогда не было собраний восточных рукописей; Михаэлис был вынужден командировать фон Хавена для ознакомления с восточными рукописями в Рим; Рейске «утолял свой голод» по восточным рукописям в Лейдене. Несоответствие между стремлениями ученых и средствами к их осуществлению отметил еще в 1791 г. Гердер; по его словам, «у немецких ученых есть усердие и познания, но нет поддержки для издания текстов, как следует; в других странах, где есть богатые учреждения и пожертвованные капиталы, спят ученые» [38].

Результатами путешествия Нибура воспользовался еще один из ученых путешественников XVIII в. — Франсуа Вольней. Вольней родился в 1757 г., получил в Париже основательное и разностороннее образование; доставшимся ему небольшим наследством он решил воспользоваться для путешествия на Восток и провел три года (1783—1786) в Египте и Сирии. До своего отъезда он основательно изучил литературные сведения об этих странах, как сведения античных авторов, особенно Геродота, так и европейскую литературу; из новейших трудов он кроме описания путешествия Нибура пользовался также картой д'Анвиля. В Си-

[37] О Рейске: Крачковский, *Хамāса Бухтурī и ее первый исследователь*, стр. 030 и сл.; мнение об арабском словаре и Библии: Бартольд, *Игнац Гольдциер*, стр. 153; <ниже, стр. 723>.

[38] Herder, *Zur Philosophie und Geschichte*, Bd VI, S. 250.

рии он провел восемь месяцев в одном арабском монастыре в стране друзов, чтобы усовершенствоваться в знании арабского языка.

«Путешествие по Сирии» Вольнея [39] заключает в себе только описание виденных им стран, без всяких сообщений о переездах и приключениях самого путешественника. Автор обращает особенное внимание на быт населения и на причины, вызвавшие экономический упадок Египта и Сирии под турецким владычеством. Замечательно, что уже Вольней боролся с теми взглядами, которые еще теперь не вполне оставлены, об изменении в историческое время климата восточных стран, о влиянии жаркого климата на упадок энергии и работоспособности и об умеренном климате Европы как причине культурных успехов европейцев. Вольней справедливо доказывает, что климатические условия Египта теперь приблизительно те же, как в эпоху древнеегипетской культуры, что древними народами Востока при тех же климатических условиях была выполнена огромная культурная работа и что зной оказывает влияние только на работоспособность людей, привыкших к более умеренному климату, но не на работоспособность туземцев. Сам Вольней объясняет упадок мусульманского Востока исключительно дурным управлением и вредным влиянием мусульманской религии на народную психологию. Как современник французской революции, он не мог смотреть на ход экономической и политической истории как на результат закономерного процесса; предостережения, с которыми он в конце книги обращается к своим соотечественникам, показывают, что и будущность европейской культуры находилась, по его мнению, исключительно в зависимости от хорошего или дурного управления государей и министров. Из мер, которые могли бы поднять экономический уровень мусульманского Востока, Вольней упоминает и о прорытии канала через Суэцкий перешеек, но находит этот план неосуществимым.

Путешествия Нибура и Вольнея занимают совершенно исключительное место среди путешествий европейцев в Азии в XVIII в., но, конечно, эти путешествия далеко не единственные имеющие научное значение. Географических открытий в Передней Азии в XVIII в. не было, и все путешествия совершались в местности, уже посещавшиеся европейцами раньше; но эти путешествия не оставались бесплодными ни для изучения памятников прошлого, рукописных и вещественных, ни для изучения современной жизни. Еще в XVII в. граф Марсильи, когда после 1683 г. началось первое наступление европейцев на Турцию, воспользовался как случаями, представлявшимися во время войны, так и дипломатической поездкой в Константинополь для составления собрания восточных рукописей, находящихся теперь в Болонье [40]. К концу XVII и к началу

[39] *Voyage en Syrie*; замечания о Ричарде Пококе: t. I, p. 52; о состоянии Нила в древности и теперь: t. I, p. 24; о влиянии климата на энергию: t. II, pp. 267–271; о Суэцком канале: t. I, p. 124.

[40] О Марсильи и его коллекции: Rosen, *Remarques sur les manuscrits.*

XVIII в. относятся долголетние путешествия голландского живописца Корнелия Лебрена (фамилия пишется Le Bruyn, Le Bruin, Lebrun, de Bruyn и т. д.), одно (1674—1693 гг.) по областям Передней Азии и Северной Африки, другое (1701—1708 гг.) через Россию в Персию, Индию и на Зондские острова [41]. Сделанные им в 1704 г. копии персепольских надписей не вполне утратили свое значение даже после копий Нибура. Кратковременное возвышение Персии при Надир-шахе (1736—1747), когда персами были завоеваны узбецкие ханства Средней Азии, привлекло туда из России некоторых английских торговцев, сообщивших потом краткие сведения об этих областях, не посещавшихся западными европейцами после Дженкинсона [42].

К XVIII в. относится также обширный труд об Османской империи и в связи с этим о мусульманском мире. Автор его, Мураджа д'Оссон (1740—1807), по происхождению турецкий армянин, перешел на шведскую службу; в 1784 г. он покинул Турцию и прибыл в Париж, где в 1788 г. обнародовал свой труд [43], над которым работал 22 года, и где прожил до конца жизни.

Ко второй половине XVIII в. относится событие, имевшее существенное влияние на дальнейший ход изучения европейцами Востока, именно утверждение английского владычества в Индии.

Первое поселение было основано англичанами в 1611 г. с разрешения правительства Великих Моголов в Сурате; индийское правительство придавало этому так мало значения, что император Джехангир (1605—1628) в своих записках даже не упоминает об этом событии, хотя упоминает о победе, одержанной близ Сурата в 1615 г. английским флотом над португальским (первое известие об англичанах в индийской литературе) [44]. В 1661 г., по случаю брака Карла II с португальской царевной, португальцы уступили англичанам Бомбей, гавань которого не была оценена никем из владетелей Индии до англичан. В 1690 г. была основана Калькутта. Решительная борьба между Англией и Францией за Индию совпала, как мы видели, с путешествием Анкетиля; приблизительно в то же время англичане овладели Бенгалией; договор 1765 г. с Великим Моголом Шах-Алемом предоставил всю фактическую власть ост-индской компании, обеспечив за императором только некоторую сумму дохода [45]. Отношение компании к британскому правительству было определено в 1784 г.,

[41] О путешествии Лебрена: GIPh, Bd II, S. 57 sq., там же заглавие голландского издания 1714 г. (Амстердам) <de Bruins, *Reizen over Moskovie. — A. M.*>; в Амстердаме же было французское издание 1718 г. <Le Brun, *Voyages par la Moscovie. — A. M.*>, в Гааге (La Haye) издание 1732 г. в пяти томах, из которых два посвящены первому путешествию (Le Bruyn, *Voyages au Levant*), три — второму (Le Bruyn, *Voyages par la Moscovie en Perse*).

[42] Hanway, *An historical account.*

[43] M. d'Ohsson, *Tableau général de l'Empire Othoman.*

[44] О событии 1615 г.: Elliot, *The History of India*, vol. VI, p. 340.

[45] О договоре 1765 г., напр.: Elliot, *The History of India*, vol. VIII, p. 182.

и с этого года началось управление английских губернаторов или вице-королей в Калькутте. Впервые западноевропейскому народу удалось подчинить себе одну из культурных стран Востока; изучение Индии с тех пор происходило при несравненно более благоприятных условиях, чем изучение других восточных стран, чем, конечно, более всего воспользовались хозяева страны, англичане. Кроме того, обладание Индией создавало для англичан политические интересы как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, чем были вызваны многочисленные английские посольства и путешествия в различные страны как с разведочной целью, так и для заключения торговых и политических договоров. С положением англичан в Индии до некоторой степени может быть сравнено положение голландцев на Зондских островах, где впервые (в 1779 г. в городе Батавии) возникло европейское научное общество на Востоке. Бенгальское азиатское общество в Калькутте образовалось только в 1784 г. [46].

К числу первых английских трудов, посвященных отдельным частям Индии, относится книга Персиваля о Цейлоне (1803 г.) [47]; автор в 1797 г. прибыл на Цейлон с английским отрядом и в 1800 г. стоял во главе посольства к туземному владетелю. Сношения Индии с метрополией происходили, конечно, почти исключительно морем; но уже к XVIII в. относится одно путешествие из Индии в Англию сухим путем, именно путешествие Джорджа Форстера (1783—1784 гг.), проехавшего из Бенгалии через Кашмир, Кабул, Кандагар и Герат к Каспийскому морю, оттуда на русском корабле в Астрахань [48]. Карта к книге Форстера составлена Вильфордом, обладавшим, как сказано в предисловии, обширными географическими познаниями; тем более карта свидетельствует о крайней сбивчивости географических познаний того времени, в особенности по отношению к Средней Азии. К таким же сбивчивым представлениям привели Форстера собранные им на пути расспросные сведения; так, он полагал, что Ургенч находится на реке Урале и что русские суда приходят туда из Астрахани. Уже в XVIII в. начались также попытки англичан вступить из Индии в сношения с Тибетом. Посол Джордж Богль в 1774 г. был принят одним из главных представителей тибетского духовенства, Тешу-ламой, или Баньчанем; этому посольству европейцы были обязаны первыми научными сведениями в стране за Гималаями. В 1811 г. Томас Маннинг проник даже в Лхасу, где прожил четыре месяца (с декабря 1811 до апреля 1812 г.) [49].

---

[46] О научных обществах: Babinger, *I. J. Schmidt*, S. 17.

[47] Persival, *Beschreibung der Insel Ceylon*.

[48] Путешествие Форстера: Forster, *A journey from Bengal to England*; об Ургенче: vol. II, pp. 68 и 251.

[49] О Богле: Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете*, стр. 147—151; о Богле и Маннинге: Кюпер, *Описание Тибета*, ч. I, вып. 1, стр. 45—53.

Глава X

Успехи востоковедения в XIX в. определяются отчасти развитием европейской колониальной политики, отчасти успехами, вообще достигнутыми в эту эпоху европейской научной мыслью, притом еще больше в области гуманитарных наук, чем в области естествознания. Европейскими натуралистами в XIX в. был добыт богатый фактический материал, особенно благодаря успехам техники и усовершенствованию способов наблюдения и опыта, были предложены новые гипотезы для объяснения явлений, но методы исследования в этой области в общем оставались те же, которые были установлены прежними учеными. В области языкознания, истории и этнографии только в XIX в. были выработаны те методы исследования, благодаря которым эти отрасли знания впервые получили характер научных дисциплин. Постепенно была сознана необходимость применить те же методы к изучению восточных языков, истории и быта восточных народов, хотя и до сих пор это требование, в теории теперь никем не оспариваемое, еще не вполне проведено в жизнь.

По изучению стран Дальнего Востока, особенно Китая, главные работы в эту эпоху были выполнены англичанами. После утверждения английского владычества в Индии вопрос об установлении торговых сношений с Китаем имел для англичан существенное значение; с этой целью были отправлены посольства Макартнея (1792—1794 гг.) и Амхерста (Amherst, 1816 г.) [1], но безуспешно. Для торговли с иностранцами, в том числе и с англичанами, оставался открытым только Кантон, причем и здесь европейцы подвергались многочисленным стеснениям. Материалы о Китае, добытые во время посольства Макартнея, были обработаны секретарем посольства Стаунтоном (Staunton) в двух больших томах in quarto; этот труд положил начало английской научной литературе о Китае. Одновременно с отправлением в Китай посольств началась и деятельность в Китае английских миссионеров, которые, подобно своим предшественникам иезуитам, помимо своей миссионерской деятельности собирали также материал для изучения языка, литературы и народного быта. Миссионером Моррисоном был со-

[1] О посольстве Макартнея: Staunton, *An authentic account* (есть русский перевод: <Стонтон, *Путешествие во внутренность Китая*>); <дневник Макартнея см.: Cramer-Byng, *An Embassy to China. — A. M.*>. О посольстве Амхерста: Abel-Rémusat, *Sur l'ambassade du Lord Amherst.*

ставлен, в шести томах, словарь китайского языка (1815—1823 гг.) [2]. Из светских лиц Дэвис, прибывший в Китай вместе с Амхерстом и оставшийся в Кантоне, после двадцатилетнего пребывания в стране издал труд о китайцах [3] (1836 г.); впоследствии, после открытия для европейцев некоторых гаваней Китая, тот же Дэвис был полномочным министром (plenipotentiary) английского правительства в Китае и после своей отставки издал новый труд о «Китае во время войны и со времени заключения мира» [4] (1853 г.). В ту же эпоху (1830 г.) совершил путешествие в Китай немецкий ориенталист К. Ф. Нейман, перешедший к изучению Дальнего Востока от изучения Передней Азии (по своей первоначальной специальности он был арменистом). Нейман собрал богатую библиотеку китайских книг (до 10 000 томов), которая перешла в собственность Мюнхенского университета, где Нейман с 1833 г. был хранителем библиотеки и профессором. Им же была составлена история войны 1840—1842 гг. и история событий следующих лет до пекинских договоров 1860 г. [5].

До 1834 г. торговля между Британской Индией и Китаем была монополией ост-индской компании; с этого года надзор за этой торговлей был поручен британскому чиновнику с титулом «высшего надзирателя» (superintendant; с конца 1834 г. эту должность некоторое время занимал Дэвис). Представители английского правительства возобновили попытку добиться отмены тех стеснений, с которыми ради выгод торговли мирились купцы; под влиянием этих требований китайское правительство стало относиться к иностранцам еще более враждебно, чем прежде. Война между Англией и Китаем из-за торговли опиумом (1840—1842 гг.) окончилась открытием пяти китайских гаваней для европейской торговли и уступкой Англии в полное владение острова Гонконга. Под влиянием этих событий английская литература о Китае обогатилась рядом новых трудов; кроме путешествий Форбса (1842—1847 гг.) [6], описавшего Южный Китай, особенно город Шанхай, и Сэрра [7] (Sirr) замечательна деятельность немецкого миссионера Гюцлафа (Gützlaff), большей частью писавшего на английском языке. Гюцлаф, прибывший в Макао в 1828 г., находился сначала на голландской, потом на английской службе, с 1835 г. был переводчиком английского консульства; в 1844 г., одновременно с основанием в Базеле общества для распространения христианства в Китае, им с той же целью было образовано общество на острове Гонконге исключительно из китайцев. В отличие от большинства других миссионеров Гюцлаф мечтал об обращении китайского народа в христианство при помощи миссионеров из его собственной среды и о создании китайской национальной церкви. В 1849 г.

---

[2] <Morrison, *A dictionary. — A. M.*>. О Моррисоне: Neumann, *Die Sinologen.*

[3] <Davis, *The Chinese. — A. M.*>

[4] <Davis, *China during the war. — A. M.*>

[5] Главный труд Неймана: *Ostasiatische Geschichte.*

[6] <Forbes, *Five years in China. — A. M.*>

[7] <Sirr, *China and the Chinese. — A. M.*>

он вернулся в Европу, но уже в 1851 г. вновь прибыл в Гонконг, где в том же году умер. Присланный им из Китая краткий очерк истории страны (на немецком языке) в 1847 г. был напечатан Нейманом [8]. Приблизительно к тому же времени (с 1833 г.) относится деятельность американского миссионера Виллиамса, автора одного из лучших трудов о Китае, выдержавшего большое число изданий [9]. Во внутренние области Китая проникли между 1840 и 1860 гг. только очень немногие путешественники [10].

Кроме английских и американских миссионеров в Китае в эту эпоху действовали французские; особенной продолжительностью отличалось пребывание в Китае Гюка (Huc), принадлежавшего к ордену лазаристов (1838—1852 гг.). Вместе с другим французским миссионером, Габе (Gabet), Гюк в 40-х годах совершил путешествие из Маньчжурии через Монголию и провинцию Сычуань в Тибет, оттуда через долину реки Янцзыцзяна до Кантона и Макао. В 1845 г. Гюк и Габе прожили несколько месяцев в Лхасе; со времени Маннинга до английской экспедиции 1904 г. они были единственными европейцами, посетившими этот город. Результатом путешествия были два сочинения Гюка: «Воспоминание о путешествии в Тартарию, Тибет и Китай» и «Китайская империя» [11] (Габе несколько раньше умер в Бразилии). Книги Гюка заключают в себе так много невероятных подробностей, что самый факт путешествия Гюка и Габе и в особенности факт пребывания их в Лхасе вызывали сомнение; впоследствии, однако, эти сведения были подтверждены рассказами самих тибетцев; кроме того, после ближайшего ознакомления европейцев с Тибетом некоторые из сообщений Гюка, раньше возбуждавшие сомнения, оказались соответствующими истине. По сведениям Рихтхофена, ценные результаты путешествия составляют главным образом заслугу Габе; Гюку принадлежала только литературная обработка материала. Неточность некоторых рассказов Гюка объясняется не сознательным искажением фактов, но принятым в его книгах способом литературного изложения.

Стеснение английской торговли в Китае и убиение французского миссионера вызвали поход на Китай англо-французских войск (1856—1860 гг.); по миру, заключенному в Пекине, для европейской торговли был открыт еще ряд других гаваней Китая; кроме того, европейские державы впервые получили право иметь в Китае постоянное дипломатическое представительство. С тех пор Китай сделался гораздо более доступным для европейских путешественников и исследователей, чем прежде. Среди обширной

---

[8] Gützlaff, *Geschichte des Chinesischen Reiches.*

[9] Williams, *The Middle Kingdom.*

[10] Tiessen, *China*, T. I; Richard, *Comprehensive geography of the Chinese Empire*; там же упомянуты не бывшие мне доступными труды: Forbes, *Five years in China* и Sirr, *China and the Chinese*. Подробности о других путешественниках см.: Richthofen, *China*, Bd I, S. 705 sq.

[11] Книги Гюка: *Souvenirs d'un voyage*; *L'Empire Chinoise*. Отзыв: Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете*, стр. 137.

литературы о Китае, появившейся с того времени, особенно выдаются отчет о прусской экспедиции начала 60-х годов [12] и классический труд Рихтхофена [13], впрочем имевший больше значения для изучения страны в естественноисторическом, особенно в геологическом отношении. Из Китая европейские путешественники нередко проникали и в области, находившиеся в вассальной зависимости от китайской империи, в том числе и в северные области Тибета; из этих путешествий особенно замечательны два путешествия американского ученого Рокхилла (W. Rockhill, 1889—1890 и 1892—1893 гг.) [14], предварительно изучившего китайский и тибетский языки. Несмотря, однако, на многочисленность путешествий, первое географическое описание Китая в целом вышло в Западной Европе только в 1905 г. (труд Л. Ришара на французском языке) [15], тогда как на русском языке такое описание, во многих отношениях более совершенное, появилось уже в 1888 г. [16].

Наука о китайском языке и литературе — синология — еще в 1814 г. сделалась предметом университетского преподавания во Франции (первым профессором был Абель-Ремюза), впоследствии также в Англии и Германии; подобно другим ориенталистам, синологи находят теперь в европейских библиотеках более обширный материал по своей специальности, чем в библиотеках Востока; тем не менее синологами до настоящего времени еще в меньшей степени, чем представителями других отраслей востоковедения, усвоены методы исследования, выработанные европейской наукой [17]. Изучение китайского языка и грамоты связано с такими трудностями, что европейскому синологу редко удается овладеть языком настолько, чтобы без труда разбирать китайские тексты без помощи ученых китайцев. Вместе с трудностями грамоты обширность китайской литературы также затрудняет производство самостоятельных исследований по первоисточникам; синологи еще в большей степени, чем другие ориенталисты, склонны довольствоваться теми извлечениями из первоисточников, которые они находят в трудах позднейших компиляторов, тем более что китайская литература обладает бóльшим числом сборников сведений по самым разнообразным предметам, чем какая-либо другая из литератур Востока. Строй китайского языка существенно отличается от строя языков, при изучении которых были выработаны методы европейского языкознания; беспристра-

[12] *Die Preussische Expedition nach Ost-Asien.* Автор отчета, по Рихтхофену (*China*, Bd I, S. 697), — A. Berg.

[13] Richthofen, *China*; в первом томе глава X (стр. 395 до конца тома) посвящена истории изучения Китая европейцами.

[14] Два главных труда Рокхилла: *The Land of the Lamas*; *Diary of a Journey through Mongolia and Tibet.* Некролог Рокхилла: Hippisley, *W. W. Rockhill*; там же список его трудов.

[15] <Richard, *Géographie de l'empire de Chine. — А. М.*>

[16] <Матусовский, *Географическое обозрение. — А. К.*>

[17] <Эта характеристика действительна только для времени, когда В. В. Бартольд составлял первую редакцию настоящего труда. — *А. М.*>

стное и всестороннее понимание своеобразной культуры Дальнего Востока, независимое как от местных традиций, так и от европейских предрассудков, достигается с гораздо бóльшим трудом, чем понимание культуры Передней Азии, восходящей к тем же источникам, как западноевропейская культура. В противоположность тому поклонению китайской культуре, которым проникнуты труды иезуитов, путешественники второй половины XVIII и первой XIX в. большею частью относились к китайскому государству и народу резко отрицательно; влияние той и другой крайности до сих пор проявляется в трудах специалистов. Несмотря на все успехи синологии, до сих пор нет почти никаких трудов, авторы которых ставили бы себе целью применить методы европейского языкознания к изучению наречий китайского языка или проверить путем применения методов европейской исторической критики традиции китайской историографии.

Совершенно исключительное место среди трудов, посвященных истории и археологии Китая, занимают труды Эд. Шаванна, умершего в 1918 г. [18]; эти труды, может быть, более всего способствовали тому, что синология с начала XX в. признавалась по преимуществу «французской наукой». Предпринятый Шаванном, хотя и не доведенный им до конца перевод с обширными комментариями древнейшей из дошедших до нас китайских летописей — «Исторических записок» Сыма Цяня [19] является единственной до сих пор попыткой дать полный перевод и объяснение одного из больших китайских исторических сочинений. Обыкновенно переводились из таких трудов только отдельные отрывки на определенную тему; одни и те же отрывки переводились несколько раз, причем каждый новый переводчик резко отрицательно отзывался о попытках своих предшественников, что, конечно, объясняется прежде всего трудностями китайского языка. Археологическое изучение Китая сделало еще некоторые успехи после Шаванна; найдены более древние произведения китайского искусства (хотя только до 250 г. до н. э.); подвергаются более подробному изучению гораздо более древние керамические находки в провинции Хэнань и сближаются с остатками древнейших западных культур [20]. В противоположность Индии, где до европейцев археологические изыскания никем не производились, европейцам в Китае и в этой отрасли науки приходится считаться с работами туземных ученых. За последние десятилетия китайцы в связи с другими реформами делают попытки усвоить в своих филологических и исторических трудах приемы европейской науки; как везде на Востоке, туземные ученые в таких случаях склонны преувеличивать достигнутые ими результаты и не вполне сознают, сколько усилий и времени

[18] О трудах Шаванна: Бартольд — Ольденбург, *Эдуард Шаванн*, стр. 1767—1782; <ниже, стр. 629—641>.

[19] <Chavannes, *Mémoires historiques*. — *А. М.*>

[20] О новейших трудах по синологии и археологических открытиях: Бартольд, «Анналы», т. II, стр. 261; его же, *Научная поездка*, стр. 7; <ниже, стр. 568—569>. О китайской археологии: Алексеев, *Судьбы китайской археологии*, стр. 49 и сл.

требуется для отказа от средневековых научных традиций и усвоения современных научных методов [21].

Наиболее подробные обзоры литературы о Китае принадлежат французскому ориенталисту Кордье [22], хотя и эти обзоры страдают довольно многочисленными пробелами. За последние годы к этому присоединились еще другие справочники по разным отраслям синологии (как и справочники о современном Китае). В 1917 г. была сделана попытка издать общую энциклопедию по китаеведению — «Encyclopaedia Sinica» С. Каулинга (Couling) [23]. О текущих успехах синологии можно следить по периодическим органам, как международный журнал по синологии «Тун бао» («T'oung-pao»), редактируемый в Париже и издающийся в Лейдене, и ряд органов в отдельных странах, как «Ostasiatische Zeitschrift» в Германии [24].

Другие страны Дальнего Востока, находившиеся под влиянием китайской культуры, именно Япония и Корея, еще дольше, чем Китай, оставались закрытыми для европейцев. Попытка миссионеров Гюцлафа и Виллиамса привезти в Японию семь японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов Китая (1837 г.), окончилась неудачно, как и все другие попытки в том же направлении. Не имело последствий также письмо голландского короля Вильгельма II на имя сёгуна в 1844 г. [25]. Только посредством военной силы, хотя и без кровопролития, коммодор Перри заставил японцев заключить торговый договор с Североамериканскими Соединенными Штатами (1854 г.), за которым последовали такие же договоры с другими державами. Первому английскому послу в Японии Алькоку, прибывшему в Японию в 1859 г., принадлежат лучшие описания Японии; на английском языке составлен также труд Адамса, заключающий в себе историю Японии с 1853 до 1871 г., с кратким обзором судеб страны до половины XIX в. С тех пор о Японии и японцах появилось довольно значительное число трудов на многих европейских языках [26]; но изучение

---

[21] О трудах китайских ученых статья: Алексеев, *Китайское издание старых текстов*, стр. 189 и сл. <Интенсивное изучение китайского языка и его диалектов на основе методики современной лингвистики началось в 20-х годах нашего столетия. В 50-х годах в него особенно активно включились китайские ученые. Одним из очень важных направлений в этой области является исследование исторической фонетики. Основополагающие работы здесь принадлежат Б. Карлгрену, создавшему наиболее общепринятую систему ее реконструкции. Несколько иная система реконструкции предложена в 1962 г. Э. Пуллиблэнком. Основную литературу см.: Yang, *A bibliography of Chinese language*. — *А. М.*>

[22] Cordier, *Bibliotheca Sinica*; о новейшей литературе (1886—1902 гг.) его же статьи: *Les Études chinoises*, I—III. <Новые библиографические издания: Скачков, *Библиография Китая*; Yuan Tung-Li, *China in western literature*; Lust, *Index Sinicus*. — *А. М.*>

[23] Об «Encyclopaedia Sinica»: Алексеев, *Энциклопедия*.

[24] <Издание журнала «Ostasiatische Zeitschrift» прекратилось в 1944 г. — *А. М.*>

[25] О письме голландского короля: Siebold, *Urkundliche Darstellung*, S. 9 sq.

[26] Из литературы о Японии: Alcock, *The capital of the Tycoon*; idem, *Art and art industries*; Adams, *The history of Japan*; Rein, *Japan*; Brinkley, *Japan* (12 томов, первые 8 — о Японии, последние 4 — о Китае). Библиография Японии: Wenckstern,

японской письменности связано для европейцев с такими же трудностями, как изучение китайской, вследствие чего и в этой отрасли востоковедения филологические и исторические методы до сих пор получили мало применения. По словам русского специалиста, высказанным в 1923 г., крупных японологов-историков, труд которых имел бы всеобщее значение, мы в Европе не знаем. После усвоения японским правящим классом европейской науки можно было ожидать, что эта задача будет выполнена учеными японского происхождения; в самой Японии возникли ученые учреждения и общества по образцу европейских; но общий закон, по которому методы гуманитарных наук вырабатываются и усваиваются гораздо медленнее, чем методы естествознания, оказался справедливым и в этом случае. До настоящего времени, насколько известно, труды японских филологов и историков в гораздо меньшей степени, чем труды японских натуралистов, врачей и т. п., удовлетворяют требованиям европейской науки [27].

Корейский полуостров сделался доступным для европейцев еще позже, чем Япония. Попытки французов (1866 г.) и американцев (1871 г.) принудить корейцев силою к заключению торгового договора не имели успеха; европейские миссионеры, однако, проникали в страну, и история их деятельности составила предмет особого труда (Dallet) под заглавием «История корейской церкви». Только в 1882 г. был заключен первый договор (с американцами). С тех пор на европейских языках появился ряд сочинений о Корее, сведения о которых можно найти в труде, изданном в 1900 г. в С.-Петербурге министерством финансов под заглавием «Описание Кореи» [28]. Со времени утверждения в Корее японского влияния и с 1910 г. японского господства много сведений о Корее появилось в японских сочинениях; на русском языке эти сведения изложены проф. Н. В. Кюнером [29].

Кроме того, в 1895—1896 гг. (еще «supplément» в 1901 г.) на французском языке был издан, под заглавием «Bibliographie Coréenne», свод сведений о корейской литературе (Courant).

Для изучения Индии и ее прошлого европейской наукой в настоящее время сделано больше, чем для изучения какой-либо другой страны Востока. За исключением кратковременного восстания (1857—1858 гг.), охватившего только небольшую часть страны, господство англичан ни-

---

A bibliography of the Japanese Empire (второй том, где библиография доведена до 1906 г., издан в Японии). Библиография по истории Японии: Конрад, *Япония*, стр. 163 и сл. <Из новых библиографий см.: Cordier, *Bibliotheca Japonica*; Nachod, *Bibliography*; idem, *Bibliographie von Japan*; Praesent—Haenisch, *Bibliographie von Japan*; *Библиография Японии. — А. М.*>

[27] <За последние 40 лет в Японии гуманитарные науки, в том числе филология и история, сделали большой шаг в своем развитии. См.: Подпалова, *Изучение истории*; К. Попов, *Материалы по истории японского языкознания*; его же, *Библиография работ советских ученых. — А. К.*>

[28] Библиография Кореи: Приложение XIV к «Описанию Кореи». О миссионерах в Корее еще: Huc, *Le Christianisme en Chine*, t. IV, pp. 272—320.

[29] *Статистико-географический и экономический очерк Кореи.*

кем не оспаривалось; европейские исследователи имели возможность путешествовать по Индии с такой же безопасностью (если не считать непривычных климатических условий) и пользоваться теми же средствами сообщения, как в Европе. Начатые еще в XVIII в. статистические работы привели к составлению сводов статистических данных (gazetteer) для отдельных провинций; в 1869 г. была предпринята «статистическая съемка» (statistical survey) всей империи, результатом которой было издание сборника сведений об Индии (Hunter, *The Imperial Gazetteer of India*, в 14 томах). Сборник заключает в себе только сокращенное изложение материала, добытого при производстве работ [30]; тем не менее и такого свода данных нет на европейских языках ни для одной из других стран Дальнего или Ближнего Востока. В тот же сборник вошли также данные об индийских религиях, о местном обычном праве, о землеустройстве и т. п.; кроме того, все эти стороны местной жизни были предметом специальных исследований. Были выполнены также обширные картографические работы, главным образом связанные с так называемой «тригонометрической съемкой» (trigonometrical survey).

Изучение языков и литературы Индии было предметом деятельности целого ряда ученых обществ, из которых одно (Бенгальское Азиатское общество) было основано еще в XVIII в. Еще в XVII в. были примеры изучения европейцами санскритского языка для миссионерских целей; но только в XIX в. санскритский язык сделался предметом университетского преподавания во всех европейских странах и получил для европейской науки несравненно большее значение, чем какой-либо другой из восточных языков; сопоставление форм санскритского языка с формами языков европейских положило начало сравнительному языкознанию как науке. Уже в первой половине XVIII в. отмечалось сходство санскритских слов с персидскими и латинскими; в XVIII в., особенно в работах Джонса (1746—1794) [31], сопоставление санскритских форм и слов с европейскими производилось в более обширных размерах; но только классический труд Франца Боппа, вышедший в 1816 г. [32], определил филологическое значение санскритского языка. Художественные достоинства санскритской литературы сделались впервые известными в Европе по драме Калидасы «Сакунтала», переведенной на английский язык Джонсом в 1789 г. Джонсу

[30] Hunter, *The Imperial Gazetteer*, 14 томов — краткое изложение результатов «статистической съемки» Индии (о ходе этой работы предисловие к т. I), составивших 128 печатных томов; т. VI. *India* (конспект содержания всего труда); ср. отзыв С. Ф. Ольденбурга в ЗВОРАО, т. I, стр. 336—337. Третье издание «Gazetteer» (в 26 томах) начато печатанием в 1907 г.; первые два тома (1907—1908) посвящены общему очерку Индии и ее истории. <Издание закончено в 1909 г.>

[31] <О нем см.: Arberry, *Asiatic Jones. — A. M.*>

[32] <Bopp, *Über das Conjugationssystem.* Существенное влияние на формирование взглядов Фр. Боппа оказал Фр. Шлегель; подробнее см.: Дельбрюк, *Введение в изучение языка. — А. К.*>. Об изучении санскритского языка: Oldenberg, *Aus Indien und Iran*, S. 1 sq.; Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 333 sq.

принадлежит также издание в печати первого санскритского текста (другого произведения того же Калидасы) в 1792 г. Продолжателем трудов Джонса был Кольбрук (1765—1837), который первым дал твердое основание санскритской филологии как науке. Памятники индийской литературы вызвали значительное число изданий, переводов и исследований в Европе, особенно в Англии (в самой Индии с 1846 г.); появилась целая серия таких изданий под общим заглавием «Bibliotheca Indica», причем в эту серию вошли сочинения как на санскритском языке, так и на других литературных языках, распространенных в Индии, особенно на персидском. Кроме этой серии есть еще ряд других серий текстов, издаваемых туземными учеными на средства местных владетелей и богачей. Произведения мусульманских летописцев, большею частью написанные на персидском языке, являются главным источником для изучения истории Индии, о которой до начала мусульманских вторжений (XI в.) имеются только самые скудные сведения, так как туземное население Индии, как уже было упомянуто (стр. 210), не создало исторической литературы; есть только небольшое число летописей. Памятники мусульманской исторической литературы, касающиеся Индии, были собраны и переведены на английский язык Эллиотом, но изданы только после его смерти, с некоторыми дополнениями другим ученым, Доусоном, в восьми томах [33]. Несмотря на все недостатки и пробелы этого издания, оно остается до сих пор единственным в европейской литературе о Востоке; ни для одной из других восточных стран мы не имеем такого свода исторического материала. Составление этого свода, по словам Эллиота, облегчалось тем, что в Индии всегда можно было найти достаточное число людей для исполнения за очень скромное вознаграждение таких работ, как переписка текстов, сличение рукописей, составление указателей и т. п., хотя грамотность в Индии не была распространена; даже среди мужчин в 1901 г. грамотных считалось всего 10% (среди женщин — меньше 1%). В 1911 г. на 315 млн. населения приходилось грамотных всего $18^1/_2$ млн. (17 млн. мужчин и $1^1/_2$ млн. женщин) [34].

В Индии раньше, чем в других странах, были приняты меры для приведения в известность восточных рукописей, как находящихся в общественных библиотеках, так и принадлежащих частным лицам. Труды в этом направлении, как и попытки библиографического обзора литературы об Индии, принадлежат немецким ученым, но издавались на английском языке; знание этого языка широко распространено и среди туземных ученых, привлеченных к участию в научной работе; поэтому на том же языке большею частью издают свои труды об Индии ученые других национальностей, чтобы иметь более обширный круг читателей, хотя в последние годы XIX в. было приступлено к изданию на немецком языке коллективного труда под

---

[33] Elliot, *The History of India*; о переписчиках — vol. I, p. XVII.

[34] О грамотности в Индии (данные 1911 г.): «Contemporary Review», 1921, Febr., p. 173.

заглавием «Grundriss der Indo-Arischen Philologie», который должен был заключать в себе свод результатов, достигнутых наукою по изучению языка, литературы и культуры арийской Индии [35]. Еще раньше, в 40-х годах, такая попытка была сделана, также на немецком языке, Лассеном [36].

На изучение вещественных памятников индийской культуры английские правители долгое время обращали гораздо меньше внимания, чем на изучение памятников письменности; при возведении новых построек были случаи такого же варварского уничтожения памятников старины, как в некультурных странах Востока. Тем не менее и в области археологии для изучения Индии сделано больше, чем для изучения других восточных стран, причем главные труды как по регистрации и описанию памятников, так и по собиранию литературных сведений о них связаны с именами Каннингэма (Cunningham), Бэрджеса (Burgess), Флита (Fleet) и в новейшее время сэра Джона Маршалла (Marshall), при котором археологическое изучение Индии сделало большие успехи [37]; при нем впервые были произведены обширные и систематические раскопки, особенно в развалинах Таксилы, упоминаемой в истории Александра Македонского [38]. Инженер Александр Каннингэм положил начало «археологической съемке» Индии (первый том вышел в 1871 г.), т. е. составлению археологической карты страны, периодически проверяемой и дополняемой [39]. Подобной регистрации археологических памятников нет до сих пор ни в одной из других областей Востока. С изучением археологии связано также изучение надписей; тому же Каннингэму принадлежит попытка составить «Corpus inscriptionum indicarum», в котором первый том (вышедший в 1877 г.) был посвящен надписям буддийского царя Ашоки (III в. до н. э.) [40], разобранным

---

[35] О плане издания «Grundriss»: Ольденбург, *Индийская и иранская секции*, стр. 071; его же, *Первая индийская филологическая энциклопедия*, стр. 234.

[36] *Indische Alterthumskunde.*

[37] Об отношении к археологии в Индии слова бар. А. А. фон Сталь-Гольстейна в *Сюань-Дзан*, стр. 011; Ольденбург, *Организация археологического изучения Индии*: <Очень большое внимание изучению археологических памятников уделяется и после провозглашения Индии республикой, причем наблюдается тенденция к преимущественному исследованию ранних памятников. Обзор проведенных работ см.: Lal, *Indian archaeology. — A. M.*>

[38] Marshall, *A guide to Taxila*; рец.: Dames, JRAS, 1920, p. 108 sq. О находке в Таксиле надписи V или IV в. до н. э.: Barnett, *An Aramaic Inscription*, p. 340 sq. О других надписях в Таксиле: Marshall, *The date of Kanishka*, p. 191 sq.; Thomas, *Sir J. H. Marshall's Kharosthi inscription*, p. 531 sq. <Полный отчет о раскопках в Таксиле см.: Marshall, *Taxila*. Изложение результатов исследований этого города: Ильин, *Древний индийский город. — A. M.*>

[39] Отчеты об «археологической съемке» Индии появлялись под различными заглавиями: *Progress Report of the Archaeological Survey of Western India*; *Epigraphia Indica and Record of the Archaeological Survey of India*. Об изданиях «Archaeological Survey» еще: Тизенгаузен, *Материалы*, стр. 0143 и сл.

[40] <Cunningham, *Inscriptions of Aśoca. — A. M.*>

еще в 30-х годах Принсепом; надписи впоследствии переиздавались несколько раз. Впоследствии вместо продолжения «Corpus» (второй том не вышел, третий был издан в 1888 г.)[41] возник ряд периодических изданий, существующих и до сих пор («Epigraphia Indica» и др.) и имеющих целью приведение в известность эпиграфического материала. Кроме археологических учреждений существует также комиссия для издания исторических текстов (Indian Historical Records Commission) [42]. К научным работам привлекается все большее количество туземцев. По английскому образцу возникли учреждения для издания памятников древности также в индийских вассальных княжествах. Кроме археологической «съемки» производилась и лингвистическая; издание ее результатов, рассчитанное на 18 томов, началось только в XX в. и после выхода нескольких томов было прервано на довольно продолжительный период. В 1922 г. недоставало только двух томов; в настоящее время издание, по всей вероятности, закончено [43].

Несмотря на все старания обеспечить полноту библиографических обзоров, еще в 1902 г. на одном из съездов ученых была высказана жалоба, что издания текстов, появившиеся в Индии, остаются неизвестными в Европе [44]. Европейские научные методы еще не усвоены в достаточной степени ни туземными учеными, ни лицами европейского происхождения, работающими вдали от научных центров, так что и в этой отрасли востоковедения специалисты не могут относиться с полным доверием к трудам любителей, собирающих сведения на местах. Образование (по постановлению римского конгресса ориенталистов 1899 г.) международного фонда для изучения Индии (India Exploration Fund) не имело никаких практических результатов [45]. Наконец, и в этой области, несмотря на сравнительное обилие научных сил, судьба обширных коллективных предприятий часто находится в зависимости от судьбы отдельного человека. Издание «Grundriss der Indo-Arischen Philologie» было предпринято по инициативе проф. Бюлера, который во время семнадцатилетнего (1863—1880) пребывания в Индии приобрел обширные познания по всем отраслям индийской

---

[41] <Fleet, *Inscriptions of the early Gupta kings*. Второй том вышел в 1929 г.: Konow, *Kharoshthi inscriptions*. — *A. M.*>

[42] Известия о ходе работ в годовых отчетах (*Annual Report*) Королевского Азиатского общества, <печатавшихся в его журнале J RAS>; о новейших изданиях по Индии и Средней Азии: T. Bailey, *Books on India*, p. 281.

[43] О лингвистической серии <*Linguistic Survey of India*>: T. Bailey: 1) BSOS, vol. II, p. 134 sq.; 2) BSOS, vol. II, p. 137 sq.; 3) BSOS, vol. II, p. 558. <В серии вышли на протяжении 1903—1922 гг. т. 1—11. Издание закончено в 1927 г.>

[44] О библиографии ср. замечание Гольдциера: *Protokollarischer Bericht*, S. LXVIII sq. <Все индийские издания учитывались в «Quarterly Catalogues of Books published by the Indian local government», издававшихся с 1867 по 1947 г. (см.: Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, p. XVII).>

[45] Об India Exploration Fund: Ольденбург, *Индийская и иранская секции*, стр. 069 и сл.

филологии; после его преждевременной смерти (он утонул в 1898 г. в Боденском озере) его дело согласились продолжать другие ученые; тем не менее издание до сих пор еще остается неоконченным (следующий редактор, проф. Кильхорн, умер в 1908 г.) [46]. Недостатки организации изучения Индии особенно наглядно проявились на совещании, созванном в 1911 г. в Симле с целью выработать меры для повышения в Индии уровня востоковедения [47]. На обсуждение был поставлен и после обмена мнениями принят проект учреждения в Калькутте исследовательского института по образцу французского института в Ханое. Во время прений европейским ученым был отмечен факт, что сравнительное языкознание, в основу которого в Европе положено изучение классического языка Индии, в самой Индии почти не существует; таким же образом было указано, что археология остается в Индии чисто европейской наукой и туземные ученые с успехом принимают участие только в разборе надписей. С другой стороны, в Индии почти не было университетских кафедр по востоковедению, которые бы были заняты европейскими учеными. Мусульмане относились с недоверием к европейской науке по религиозным соображениям; индийцы находили, что преимущества европейских научных методов преувеличены и что для туземного студента в Индии учиться санскритскому языку у европейского ученого так же оскорбительно, как было бы оскорбительно для англичанина в Оксфорде учиться английской литературе у индийца. Высказывалось также опасение, что изучение мусульманских языков вредно отзовется на изучении санскритского. Проект учреждения института в Индии не осуществился; вместо этого в 1917 г. была учреждена «школа востоковедения» в Лондоне [48]. В Индии местопребывание правительства перенесено из созданной англичанами Калькутты в старую столицу Великих Моголов, Дели, где в 1921 г. было созвано первое индийское законодательное собрание. Факт признания за туземным населением избирательных и законодательных прав наравне с другими фактами, указывающими на пробуждение индийского народа, отзовется, вероятно, и на успехах науки [49].

На Индокитайском полуострове европейцы также застали значительную культуру, сложившуюся под различными влияниями, главным обра-

[46] <В 1898—1915 гг. издано три тома>. Некролог Бюлера: Ольденбург, *Памяти профессора Бюлера.*

[47] О совещании в Симле: Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 441 и сл.

[48] <Школа востоковедения (The School of Oriental Studies) в 1938 г. была преобразована в Школу востоковедения и африканистики; см.: Солнцев, *Лондонская школа востоковедения. — А. К.*>

[49] <В настоящее время исторические, филологические и лингвистические исследования ведутся индийскими учеными в широких масштабах на основе современной методики. Последние два десятилетия (после провозглашения Индии республикой в 1950 г.) характеризуются заметным ростом научной литературы различного направления и появлением обобщающих трудов, в которых делаются попытки по-новому осветить прошлое страны. Основными центрами исследований в области гуманитарных наук являются многочисленные востоковедные и исторические институты, а также университеты, издающие свои журналы и серии монографий. — *А. М.*>

зом под влиянием Индии и Китая, и значительное число памятников старины. Со второй половины XIX в. полуостров сделался предметом колониальной политики Франции; утвердив свою власть в юго-восточной части полуострова, французы предпринимали экспедиции в глубь Индокитая как для изучения самой страны, так и для исследования торговых путей в китайскую империю [50]. Изучению страны в географическом и этнографическом отношении более всего способствовала экспедиция немецкого ученого Бастиана (1861—1863 гг.) [51] и французская Меконгская экспедиция Лагре и Гарнье (1866—1868 гг.) [52]. Значительный материал как по географии Индокитая, так в особенности по этнографии, лингвистике и народной литературе собран в многочисленных томах, изданных научной миссией, действовавшей под главенством Августа Пави, одного из представителей дипломатического ведомства (1879—1895 гг.) [53]. Тот же Кордье, которому принадлежит библиография трудов по синологии, издал также библиографический обзор трудов об Индокитае под заглавием «Bibliotheca Indo-Sinica» [54]. В новейшее время английскими деятелями был произведен ряд исследований в Бирме, присоединенной к англо-индийской империи; так, на Бирму распространены действия «археологической съемки». В Сиаме [55], единственном государстве полуострова, до сих пор сохраняющем свою независимость, туземным правительством также принимаются меры для развития научной деятельности; так, на средства сиамского короля издан один из важнейших источников для изучения южноиндийского буддизма (палийская Трипитака).

Французская литература об Индокитае по обширности и разносторонности значительно уступает английской литературе об Индии; зато наука обязана Франции созданием учреждения, какого нет до сих пор ни в Британской Индии, ни в других странах Востока, кроме Египта, именно «Французской школы Дальнего Востока» (École française d'Extrême Orient), открытой в 1900 г. в Сайгоне и впоследствии перенесенной в Ханой [56]. Школа была создана по образцу таких же ученых школ (институтов), существующих в Каире, Константинополе, Афинах и Риме и имеющих

---

[50] Об истории изучения Индокитая: Clifford, *Further India*; в конце перечень трудов об Индокитае с 1625 г. (Purchas his pilgrimes) до 1900 г., причем приняты во внимание только литературы английская и французская, с умолчанием о Бастиане и других немецких экспедициях. <Новую литературу см.: *Библиография Юго-Восточной Азии*; *A survey of bibliographies.* — *А. М.*>

[51] Bastian, *Die Völker des Östlichen Asiens.*

[52] De Lagrée — Garnier, *Voyage d'exploration en Indo-Chine.*

[53] *Mission Pavie.*

[54] Библиография Кордье печаталась сначала в «T'oung Pao», в 1903—1908 гг.; отдельное издание: Cordier, *Bibliotheca Indo-Sinica. Essai* (известно мне только по рецензии: Finot, JA, sér. 10, t. XII, pp. 488—489). <Полный вариант: Cordier, *Bibliotheca Indosinica. Dictionnaire.* — *А. М.*>

[55] <Ныне Таиланд.>

[56] О французской школе статья: Ольденбург, *Французская школа.*

целью изучение памятников древнего Востока и классического мира. Не имея ни определенных программ преподавания, ни постоянного состава слушателей, такие школы являются учреждениями не столько учебными, сколько учеными, где приводится в известность и разрабатывается научный материал и где лица, приезжающие в край для научных работ, находят все необходимые пособия и указания. Существование такого института лучше всего обеспечивает правильность и последовательность научной работы и более всего содействует приготовлению кадра исследователей, вооруженных всеми методами, выработанными наукой. В периодическом органе («Bulletin») французской школы появилось большое число ценных работ не только об Индокитае, но вообще о Дальнем Востоке.

Из Британской Индии преимущественно совершались экспедиции для изучения прилегающих к Индии областей — Тибета, Восточного Туркестана и Афганистана.

В 40-х годах англичанами было предпринято исследование прилегающих к Индии (к Кашмиру и Ладаку) окраин Тибета, причем первыми пионерами этого дела были братья Стрэчи (Strachey). В половине XIX в. в Тибет и Восточный Туркестан (1854—1858 гг.) проникли из Индии немецкие путешественники братья Шлагинтвейты, из которых один, Адольф, был убит в Восточном Туркестане (1857 г.)[57]. Благодаря мерам, принятым тибетским правительством, Тибет сделался настолько недоступным для европейцев, что английское правительство для изучения страны решило воспользоваться услугами ученых индийцев, так называемых пандитов (pundit). По мысли кап. Монтгомери, заведовавшего «тригонометрической съемкой» Индии, из среды пандитов был выработан кадр исследователей, научившихся производить топографические съемки и астрономические наблюдения. От пандитов европейцы даже о столице Тибета, Лхасе, получили такие подробные сведения, что этот город, совершенно закрытый для европейцев, в то же время был им известен лучше, чем бóльшая часть других городов Востока. Наиболее подробное описание Лхасы принадлежит Сарат Чандра Дасу, прожившему в этом городе две недели (1881 г.)[58]. Английская военная экспедиция 1903—1904 гг., окончившаяся занятием Лхасы, только подтвердила правильность сведений, собранных пандитами, и не доставила науке почти никаких новых данных.

Материал для изучения языка и литературы тибетцев до настоящего времени собирался не столько в самом Тибете, сколько в местностях с тибетским населением, прилегающих к нему со стороны Индии или со стороны Китая. Наиболее подробный обзор литературы о Тибете составлен на русском языке Н. В. Кюнером и составляет первый выпуск его труда

---

[57] Schlagintweit-Sakünlünski, *Reisen in Indien* (сокращенное изложение более полного отчета, изданного на английском языке, в девяти томах).

[58] Дас, *Путешествие в Тибет*; ср. отзыв: Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете*, стр. 129, 140, 145—147.

«Описание Тибета» [59]. Из областей англо-индийской империи, пограничных с Тибетом, особенное значение в настоящее время приобрел Канджут; язык местного племени вершиков, до сих пор признававшийся загадочным, является, по исследованию Н. Я. Марра, единственным в Средней Азии остатком яфетических языков [60].

Восточный Туркестан во второй половине XIX в. на короткое время (в 60-х и 70-х годах) отделился от Китая и составлял самостоятельное государство под властью Я'куб-бека. К Я'куб-беку в 1870 и вторично в 1873 г. было отправлено английское посольство, во главе которого стоял Форсайт; в 1875 г. вышло описание путешествия этого посольства [61]; в эту книгу вошел также очерк истории страны, составленный д-ром Белью и не обладающий никакими научными достоинствами, но до сих пор не замененный в западноевропейской литературе более основательным исследованием. Еще раньше, в 1868—1869 гг., Восточный Туркестан посетил Шоу (Shaw), собравший, между прочим, и лингвистический материал [62]. Путешествия англичан из Индии в Восточный Туркестан продолжались и после восстановления китайского владычества; наиболее обширное путешествие совершил Кэри (Carey, 1885—1887 гг.) [63]. Открытие в 1890 г. английским офицером Боуэром (Bower) [64] в месте Шах-яр, к югу от Кучи, санскритской рукописи на березовой коре положило начало изучению домусульманской культуры Восточного Туркестана — задаче, которой в настоящее время принадлежит одно из первых мест среди задач востоковедения как науки. Восточный Туркестан с давних времен находился под культурным влиянием Индии, Китая и Передней Азии; благодаря необыкновенно сухому климату здесь сохранились рукописи и произведения стенной живописи,

---

[59] Кюнер, *Описание Тибета*; рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0177 и сл. <Работе Н. В. Кюнера предшествовал перевод с китайского, выполненный о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным): *Описание Тибета. — А. К.*>

[60] Мнение о принадлежности вершикского и других неарийских наречий Гиндукуша к яфетическим высказано Н. Я. Марром в 1918 г.: ИАН, 1918, стр. 1735 и сл. <изложение доклада>. О наречии «бурушаски» и его изолированном положении: Marquart, *Untersuchungen*, H. II, S. 141; там же попытка объяснить эту изолированность посредством сближения с каспиями, область которых некогда простиралась далеко на восток. <Вопрос о месте этого наречия в системе известных языков пока остается неясным; отнесение к числу «яфетических» не решает его, поскольку понимание последних как стадии развития языков вообще ныне лингвистикой не принимается. — *А. М.*>. <Ср.: Зарубин, *Вершикское наречие*; его же, *Н. Я. Марр и канджутский язык. — А. К.*>

[61] Forsyth, *Report of a mission.* <Об этой миссии см.: Dabbs, *History of the discovery*, p. 59 sq. — *А. М.*>

[62] Shaw, *Visits to High Tartary*; idem, *A sketch of the Turki language.*

[63] Carey, *A journey*; <русский перевод: Кери, *Путешествие. — А. М.*>; Morgan, *Journey of Carey.* О современном Восточном Туркестане и его недавнем прошлом еще: Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd I, S. 195 sq.; idem, *Chinesisch-Turkestan.*

[64] Об открытии Боуэра: Ольденбург, ЗВОРАО, т. VI, стр. X; <Hoernle, *An instalment. — А. М.*>.

на которых отразились все эти культурные влияния. Для изучения индийской культуры ученые находили здесь материал, которого нет в самой Индии, где вследствие разрушительного климата не может быть никаких старых рукописей. Из памятников переднеазиатской культуры европейские ученые здесь впервые нашли подлинные произведения литературы манихеев [65] — последователей Мани, религиозного реформатора III в. н. э., в учении которого древнеиранские религиозные идеи соединялись с христианскими. Манихеи подвергались как в христианском, так и в мусульманском мире настолько ожесточенным гонениям, что были уничтожены все манихейские книги и самое учение манихеев до открытий, сделанных в Восточном Туркестане, было известно нам только по христианским и мусульманским источникам, большею частью полемическим. Найденные в Восточном Туркестане памятники литературы (буддийской, христианской и манихейской) не только доставили богатый материал для изучения иранских и турецких наречий, но обнаружили существование таких литературных языков, о которых раньше не было никаких сведений [66], в том числе языка, принадлежавшего к числу индоевропейских, но при этом стоявшего ближе к языкам Европы, чем к индийским и иранским [67]. Научное значение открытий, сделанных в Восточном Туркестане (особенно в Куче и Турфане), было так велико, что для изучения памятников этой культуры в начале XX в. образовался особый международный союз ученых с особыми комитетами в отдельных странах, причем центральным комитетом признавался русский [68]. Были снаряжены три немецкие экспедиции и три английские (сэр Орель Стейн; последняя закончилась в 1916 г.) [69]. Как

[65] О христианской и манихейской литературе см. выше, стр. 265—266, прим. 5—8; ср. еще статью: Ольденбург, *Исследование памятников.*

[66] <Здесь в первую очередь следует отметить хотаносакский, относящийся к иранской группе языков. Групповая принадлежность его была установлена в 1907 г. Лейманном (Leumann, *Über die einheimischen Sprachen*), связь с саками обоснована в 1913 г. Людерсом (Lüders, *Die Śakas*). В исследовании этого языка первостепенную роль сыграли труды Конова (Konow, *Khotansakische Grammatik*; idem, *Primer of Khotanese Saka*); на протяжении последних десятилетий ведущее место принадлежит Бейли, который, в частности, ведет систематическую публикацию текстов (H. Bailey, *Khotanese texts*). — *А. М.*>

[67] <Имеются в виду два родственных друг другу языка, условно именуемых тохарскими (А и Б). С известными по античным источникам тохарами они, по всей вероятности, не связаны. Традиционно сохраняющееся неточное название, впервые предложенное в 1908 г. Зигом и Зиглингом (Sieg — Siegling, *Tocharisch*), основано на спорном толковании колофона одной уйгурской рукописи. Об этих языках существует обширная литература, см.: «Тохарские языки»; Schwentner, *Tocharische Bibliographie.* — *А. М.*>

[68] <См. статью В. В. Бартольда о Русском комитете ниже, стр. 503—509.>

[69] О последней экспедиции Стейна (1913—1916 гг.): Stein, *A third journey*; кратко: Мушкетов, *Английская экспедиция А. Штейна.* <Полные отчеты об его исследованиях в Восточном Туркестане: Stein, *Ancient Khotan*; idem, *Serindia*; idem, *Innermost Asia.* Очерк истории изучения Восточного Туркестана см.: Dabbs, *History of the discovery.* — *А. М.*>

во многих других областях, так и в этой международное сотрудничество прекратилось после мировой войны. Некоторыми из этих экспедиций, предпринятых для исследования памятников прошлого, обращалось внимание и на вопросы современной жизни, в том числе на вопрос о возможности восстановления средневековых каналов. Этот вопрос иногда решался в положительном смысле; не без успеха принимались меры для расширения хлопководства; но для более широкого использования богатств какой-либо страны теперь необходимо включение ее в мировую железнодорожную сеть, что для Восточного Туркестана по географическим причинам едва ли возможно [70]. Поэтому Восточный Туркестан является только страной прошлого, но не страной будущего.

Одним из первых английских посольств в Афганистан было посольство Эльфинстона (Elphinstone, 1808 г.) [71], вызванное, как и посольство Малькольма в Персию, прибытием в Тегеран посольства от Наполеона I. Эльфинстону принадлежит описание этой страны, до сих пор считающееся лучшим. При менее благоприятных условиях путешествовали в 20-х и 30-х годах Муркрофт, Требек и Мэссон. Более значения для науки имело путешествие Александра Бернса (Burnes, 1832 г.) [72], который из Афганистана проехал в Бухару и пробыл там около месяца; из Бухары он через Мерв проехал в Персию; в 1836 г. он вернулся в Афганистан. Из лиц, сопровождавших Бернса во время его второго путешествия (1836—1838 гг.), расширению географических познаний европейцев более всего способствовал Вуд, посетивший верховья Аму-Дарьи — местность, до тех пор совершенно неизвестную европейцам [73].

Бернс погиб в 1841 г., во время несчастной для Англии войны с Афганистаном. Под влиянием тех же политических событий бухарский эмир в 1842 г. велел казнить английских агентов Стоддарта и Конолли (Конолли перед этим повторил в обратном направлении путешествие Форстера, проехав из Англии через Россию, Персию и Афганистан в Индию) [74]. Казнь Стоддарта и Конолли осталась неотомщенной; избиение англичан в Афганистане вызвало в 1842 г. победоносный поход англо-индийских войск; англичане отомстили опустошением страны за смерть своих соотечественников, но не сделали попытки прочно подчинить Афганистан своей власти.

---

[70] <Это мнение В. В. Бартольда основано на уровне технических возможностей, существовавших в начале XX в. В настоящее время через Восточный Туркестан проложена железная дорога. — *А. М.*>

[71] Elphinstone, *An account.*

[72] Burnes, *Travels*; первое издание вышло в 1834 г. (есть русский перевод: <Бернс, *Путешествие в Бухару*>). О пребывании Бернса в Мерве еще: Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 96.

[73] <Wood, *A journey.*> О <нем и> других английских путешественниках в Афганистан: Минаев, *Сведения*; Аристов, *Об Афганистане*; его же, *Англо-индийский «Кавказ»*; И. Мушкетов, *Туркестан*, стр. 105—114 (изд. 2, стр. 116—126).

[74] Conolly, *Journey to the North of India.* О Стоддарте и Конолли еще: <Wolff, *A narrative.*

С тех пор Афганистан сохранял свою политическую независимость и оставался недоступным для европейских исследователей, в том числе и для английских. Даже постоянный представитель англо-индийского правительства в Кабуле должен был быть из мусульман. Работы по изучению Афганистана могли беспрепятственно производиться англичанами только при исключительных политических обстоятельствах, как во время военных действий 1878—1881 гг. и во время действий англо-русской разграничительной комиссии 1885—1886 гг. [75]. В конце XIX в. англичане утвердили свою власть в прилегающих к Афганистану местностях к северо-западу от Индии, между прочим в Читрале, откуда ведут наиболее удобные пути в горную область к югу от Гиндукуша, Кафиристан [76], страну кафиров или сияхпушей, вследствие своей недоступности остававшуюся до последнего времени вне влияния мусульманской культуры. В Кафиристан проникли очень немногие из английских путешественников. В 1839—1840 гг., во время занятия Кабула англичанами, кафиры сами приглашали англичан в свою страну, но последние, не желая раздражать афганцев, отклонили предложение. В 1849—1850 гг. английский исследователь Раверти, живший в то время в Пешавере, отправил в Кафиристан одного кандагарца, пробывшего там около двух лет, и с его слов составил описание страны [77]. В 1885 г. Локхарт из Читраля проник в Кафиристан, но пробыл там только несколько дней. Единственный английский исследователь, имевший возможность более подробно изучить страну, — Робертсон, проживший там около года (1890—1891 гг.) [78]. В последние годы XIX в. в Кафиристане с согласия английского правительства утвердил свою власть афганский эмир.

Из путешественников неанглийского происхождения, посетивших Афганистан, можно упомянуть французского путешественника Ферье (Ferrier, 1845—1846 гг.), проникшего в Афганистан из Персии [79].

Английскими исследователями произведены топографические съемки для всего края, но среди этих исследователей не было лиц, обладавших свободным временем и необходимой подготовкой для подробного изучения края в лингвистическом, этнографическом и археологическом отношениях; по всем этим отраслям наука до настоящего времени располагает только

---

[75] Из новейших трудов: Yate, *Northern Afghanistan*; idem, *Khurasan and Sistan*; Tate, *Seistan*.

[76] <После 1896 г. официально именуется Нуристан. — *А. М.*>

[77] Raverty, *Notes on Kafiristan*; его же статья о языке кафиров: *The language*.

[78] Robertson, *The Káfirs*. <На протяжении последних четырех десятилетий Нуристан и его население весьма активно изучались исследователями различных специальностей. Об истории изучения см.: Fazy, *L'exploration du Kafiristan*; аннотированная библиография: S. Jones, *An annotated bibliography*. — *А. М.*>

[79] Ferrier, *Voyages*. К литературе о стране еще: Geiger, *Geographie von Iran*, S. 372. <Библиографии по Афганистану: Wilber, *Annotated bibliography*; Кухтина, *Библиография Афганистана*. — *А. М.*>

самыми скудными сведениями об Афганистане [80]. Язык и литература самих афганцев уже были предметом некоторых работ [81], но о наречиях других народностей, населяющих Афганистан и большею частью принадлежащих (как и афганцы) к иранскому племени, нет почти никаких данных [82]. Характерно, что в статье о Газне, напечатанной в 1914 г. [83], о гробнице знаменитого султана Махмуда говорится только по описанию, составленному в 1836 и напечатанному в 1840 г.; надпись на воротах гробницы была впервые издана, по точному эстампажу, в 1918 г. [84]. Политическое положение Афганистана, как известно, изменилось с 1919 г., когда Афганистан был признан независимым и в своих внешних делах и получил право вести переговоры со всеми державами непосредственно, а не через Англию. В Кабуле теперь находятся представители многих держав, но в связи с общей обстановкой, образовавшейся после мировой войны, научные исследования по-прежнему связаны с большими затруднениями [85]. Остается открытым и вопрос о проложении через Афганистан европейско-индийского рельсового пути. Из научных работ последнего времени, по-видимому, особенное значение будут иметь археологические изыскания французского ученого Фушэ [86], знатока греко-буддийского искусства, в Северном Афганистане; о результатах этих работ в России еще не получено сведений.

---

[80] <За последние десятилетия в этих направлениях достигнуты значительные успехи. Ср.: Habibi, *A glance at historiography.* — *А. М.*>

[81] О языке афганцев (с указанием литературы вопроса): Geiger, *Die Sprache der Afghanen*; <см. также: Morgenstierne, *Neu-iranische Sprachen*, S. 169; см. еще выше, стр. 122, прим. 99. — *А. М.*>.

[82] <В настоящее время опубликован ряд работ о языке и литературе народов, населяющих Афганистан. См., например, последние работы на русском языке, в которых читатель может почерпнуть и библиографические сведения: Л. Н. Киселева, *Очерки по лексикологии языка дари*, М., 1973; А. Л. Грюнберг, *Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык.* Тексты, словарь, грамматический очерк, Л., 1972; Д. И. Эдельман, *Дардские языки*, М., 1965; В. А. Ефимов, *Язык афганских хазара. Якаулангский диалект*, М., 1965; З. М. Калинина, *Очерки лексикологии современного литературного пушту*, М., 1972; А. С. Герасимов, Г. Ф. Гирс, *Литература Афганистана. Краткий очерк*, М., 1963. — *Н. Т.*>

[83] Dames, *Ghazna.*

[84] О надписи на гробнице Махмуда: Flury, *Das Schriftband.*

[85] <В Кабуле, столице независимого Афганистана, в 1931 г. учреждена Академия наук, открыты музей (в 1922 г.), университет (в 1932 г.) и другие учебные заведения. — *А. К.*>

[86] <Корректурное примечание В. В. Бартольда: «О работах Фушэ в настоящее время опубликованы: 1) в „Journal Asiatique“ 1923 г., т. 202, письмо Фушэ из Кабула от 30 дек. 1922 г., стр. 354—368, о работах в Бамиане; 2) в „Journal Asiatique“ 1924 г., т. 205, статья Фушэ о работах в Хайтане, стр. 139—153; в „Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions etc.“ за 1924 г. доклад Годара (Godard) о работах в Газне (<заседание> 7.XI.<19>24), стр. 312; отчет (Rapport) Э. Сенара о работах экспедиции в Балхе за первое полугодие 1924 г., стр. 342—346. В общем отчеты экспедиции проникнуты некоторым чувством разочарования». О последующих работах французских археологов в Афганистане см.: Мандельштам, *О некоторых результатах.* — *А. М.*>

Глава XI

В областях Передней Азии европейские исследователи в XIX в. уже не встречали тех препятствий, как в Средней и Восточной Азии. Местные правительства не делали никаких попыток закрыть какую-нибудь страну для дипломатических представителей европейских держав или для европейских купцов и ученых.

О Персии в XIX в. появился целый ряд трудов, больше всего на английском языке [1]. В начале XIX в. в Персии происходила борьба за политическое влияние между Англией и Францией; одновременно с генералом Гарданом (Gardanne), послом Наполеона I (1808 г.), в Персии был английский посол сэр Харфорд Джонс и англо-индийский посол Малькольм (совершивший поездку в Персию с поручением от англо-индийского правительства еще в 1800 г.), впоследствии (1815 г.) издавший историю Персии, до сих пор не утратившую своего значения [2]. Секретарем при Харфорде Джонсе, как и при следующем после, сэре Г. Аузли, был Мориер, издавший описание своих двух путешествий, но еще более прославившийся своим романом «Хаджи-Баба» [3]. Роман Мориера дает наглядное представление о быте страны, особенно об условиях управления. Для изучения страны в археологическом отношении были особенно важны путешествия Кер Портера (1817—1820 гг.), подробно описавшего развалины городов в областях Закавказья, северо-западной Персии и восточной части Азиатской Турции [4], Аузли (Sir W. Ouseley, 1810—1812 гг.), сопровождавшего в качестве частного секретаря своего брата-посла и также посвятившего много внимания памятникам древности, о которых в его книге приводятся известия из письменных источников, частью остающихся и до сих пор неизданными [5]. Фрезер (Fraser), определивший высоту Иранского плоско-

---

[1] Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*; там же библиографические сведения; более подробная библиография: Curzon, *Persia.* <См. также: Gabriel, *Die Erforschung Persiens.* — *А. М.*>

[2] Malcolm, *History of Persia.* <Оценка значения этого труда, даваемая В. В. Бартольдом, соответствует уровню развития науки в первые десятилетия настоящего столетия. — *А. М.*>

[3] Morier, *A journey through Persia*; idem, *A second journey through Persia.* Вольный перевод романа Мориера был сделан бароном Брамбеусом (О. И. Сенковским): *Мирза Хаджи Баба Исфагани*, изд. 2, СПб., 1845 (четыре небольших тома).

[4] <Ker Porter, *Travels.* — *А. М.*>

[5] <Ouseley, *Travels in various countries.* — *А. М.*>

горья, описал в двух книгах свои путешествия в Хорасан и в области по южному берегу Каспийского моря [6]. По отзыву Керзона, в течение долгого времени все, что знали в Англии о Персии, основывалось на трудах Мориера, Аузли и Фрезера. Из новейших путешественников можно упомянуть Сайкса (Sykes), совершившего с 1892 г. несколько путешествий по Персии, особенно по южным областям, и окончательно разрешившего географический вопрос о границе между внутренними бассейнами Ирана и бассейном Индийского океана [7]. Тем же путешественником была издана в 1915 г. «История Персии», которая, по намерению автора, должна была заменить устаревший труд Малькольма; но эта книга во многих отношениях неудовлетворительна, хотя и вышла вторым изданием в 1921 г. [8]. Сведения о современном состоянии Персии с наибольшей подробностью собраны в книге лорда Керзона (Curzon, 1892 г.), совершившего путешествие в Персию в 1889—1890 гг. в качестве корреспондента газеты «Таймс» [9].

Из памятников древности в Персии для европейских исследователей представляли особенный интерес памятники эпохи Ахеменидов с их надписями. Разбору последних более всего способствовал Генри Ролинсон (Rawlinson), открывший и списавший самую длинную из надписей, надпись Дария на Бисутунской скале (1836—1844 гг.). Развалины Персеполя были исследованы (1840—1841 гг.) французскими художниками, живописцем Фланденом (Flandin) и архитектором Костом (Coste), издавшими подробное описание развалин с атласом. Новый труд о Персеполе издал в 1882 г. на немецком языке д-р Штольце; его работы были связаны с экспедицией, снаряженной в 1874 г. в Исфахан для наблюдения прохождения Венеры перед Солнцем. Прикомандированный к экспедиции иранист Андреас мог прибыть в Персию только в 1876 г. Работы в Персеполе были произведены в 1878 г. перед возвращением экспедиции в Европу. Книга Штольце заключает в себе только атлас и краткие объяснения к нему проф. Нёльдеке; за исключением одной фотографии 1860 г., это были первые фотографические снимки с персепольских надписей; после этого несколько раз делались лучшие снимки. Для установления текста на Бисутунской скале была снаряжена английская экспедиция в 1904 г., результатом которой было в 1907 г. издание исправленного текста [10]. Как памятник искус-

[6] <Fraser, *Khorasān*; idem, *Travels and adventures. — A. M.*>

[7] Sykes, *Ten thousand miles.* <См. также: Gabriel, *Die Erforschung Persiens*, S. 246—253. — *A. M.*>

[8] Sykes, *A history of Persia*; рец.: <Бартольд>, ИИРГО, т. LIII, стр. 182 и сл.; <наст. изд., т. VII, стр. 409—412>.

[9] <Curzon, *Persia. — A. M.*>

[10] Weissbach, *Die Keilinschriften*; King — Thompson — Budge, *The sculptures and inscriptions of Darius*; рец., напр.: Weissbach, ZDMG, Bd 61, S. 722—733; Prášek, OLZ, Jg. XI, 1908, S. 371—377. <По средневековому арабскому чтению — Бехистунская надпись Дария I (522—486 гг. до н. э.), см.: Оранский, *Введение*, стр. 108—109; библиография, стр. 406—408. — *А. К.*>

ства, персепольские и другие персидские барельефы были рассмотрены в большом труде Зарре и Херцфельда (1910 г.). Для изучения архитектуры Персии, древней и мусульманской, большое значение имели путешествия супругов Дьелафуа (Dieulafoy, 1881, 1884—1886 гг.). Недавно скончавшийся Марсель Дьелафуа был автором нескольких трудов по архитектуре Персии и ислама; путешествие 1884—1886 гг. было описано его женой Джейн (Jane) Дьелафуа [11].

Книга г-жи Дьелафуа заключает в себе ценный фактический материал и превосходные фотографические снимки, но высказываемые в книге исторические соображения обнаруживают полное незнакомство с письменными источниками. То же самое отчасти приходится сказать о работах следующего французского исследователя, де Моргана, увенчавшихся несколькими счастливыми открытиями [12]. За французской «научной миссией» по договору 1900 г. была признана монополия производства археологических исследований в Персии; исследования производились исключительно на крайнем юго-западе страны, в Хузистане — области, которая по географическому положению и культурно-историческим связям теснее примыкает к бассейну Тигра, чем к Иранскому плоскогорью. Целью этих исследований являлось почти исключительно открытие памятников древнейшей культуры страны, тесно связанной с Вавилоном; не только памятники мусульманского периода, но и памятники эпохи Ахеменидов признавались не заслуживающими внимания [13]. Таким образом, оставлялись без внимания памятники, изучение которых в связи с изучением современных им письменных источников могло бы привести к точным историческим выводам, тогда как блестящие открытия в области так называемой «доисторической» археологии, за редкими исключениями, доставляют материал только для бездоказательных гипотез [14].

Те же причины — пристрастие к древней культуре Ближнего Востока и пренебрежение к истории современных восточных народов — отразились и на состоянии «иранской филологии» в обширном смысле, что ясно обнаружилось при попытке, предпринятой в конце XIX в., представить в коллективном труде свод результатов, добытых этой наукой [15]. Из современ-

---

[11] Sarre — Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*; M. Dieulafoy, *L'Église et la Mosquée*; <idem, *L'art antique de la Perse*; J. Dieulafoy, *La Perse*. — *А. М.*>; о других трудах по искусству Персии: Орбели, *Сасанидское искусство*, стр. 142.

[12] De Morgan, *Mission*; ср. рецензию: Mann, MSOS, Jg. II, Abt. II, S. 256—274.

[13] О способе и результатах дальнейших работ: de Morgan, *Les recherches archéologiques*. Договор 1900 г.: *Франко-персидский договор*. О ходе работ и о дворце экспедиции: Минорский, *Турецко-персидская граница*, стр. 278 и сл. <Работы французских археологов продолжаются в Иране и до настоящего времени; за последние десятилетия исследовано множество памятников различных периодов. — *А. М.*>

[14] <Это мнение В. В. Бартольда отражает уровень исследований археологических памятников Ирана, существовавший в начале настоящего столетия. — *А. М.*>

[15] «Grundriss der iranischen Philologie» <GIPh>.

ных иранских наречий исследованы только немногие (наречия турецких народностей, живущих в южной части Персии, никем на Западе не изучены) [16]. В Лондоне, Париже и некоторых других городах находятся богатые собрания персидских рукописей; но из этих произведений персидской литературы только незначительная часть доступна в печатных изданиях. Политическая и литературная история Персии мусульманского периода большею частью излагается европейскими учеными на основании позднейших восточных компиляций; исследований, составленных по первоисточникам и удовлетворяющих требованиям исторической критики, почти не существует. О современном состоянии науки ирановедения дает понятие коллективное издание на немецком языке, начатое в 1894 г. и законченное в 1904 г., под заглавием «Grundriss der iranischen Philologie» [17]; о новейшей истории Персии и о языке современного населения в нем сообщаются несравненно более скудные данные, чем о древнейшей эпохе. Новоперсидской литературе посвящено только немногим больше места, чем литературам домусульманского Ирана, хотя никакого сравнения между объемом литературы до и после ислама не может быть. В очерке персидской литературы главное место отведено поэзии, о прозаической литературе сообщаются только самые краткие сведения. После появления «Grundriss'a» вышел еще ряд книг о Персии. Американский иранист Вильям Джексон во время своих двух путешествий обращал внимание преимущественно на памятники домусульманского Ирана, в особенности зороастрийского культа, в том числе и на современную жизнь зороастрийских общин [18]. Из трудов по истории искусства труды Зарре и Херцфельда посвящены не только домусульманским, но и мусульманским архитектурным памятникам. В рецензии на труд Зарре покойный Макс ван Бершем настаивает на необходимости скорейшего изучения построек, еще сохранившихся на поверхности земли, отложив производство раскопок [19]. Появилось несколько трудов по истории Персии, преимущественно домусульманской; из событий новейшей истории более всего обращает на себя внимание религиозное движение бабидов (свод западноевропейской литературы по этому предмету сделан в 1910 г. в книге пастора Рэмера)

---

[16] <О работах в этом направлении, ведущихся в последние десятилетия, см.: Ромаскевич, *Песни кашкайцев*; Minorsky, *The Turkish dialect*; Oberling, *The Turkic Tribes of South-western Persia*. См. еще: Doerfer, *Das Chaladsch — eine archaische Türksprache*, эта статья переведена на турецкий язык: Doerfer, *Halaççа — Orta İran'da arkaik bir Türk dili*. — *А. К.*>

[17] <См. теперь еще: «Handbuch der Orientalistik», Bd IV. Основная библиография по иранской филологии приведена в кн.: Оранский, *Введение*, стр. 398—452; также наст. изд., т. VII. — *А. К.*>

[18] Jackson, *Persia*; idem, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam*.

[19] Sarre, *Denkmäler*, и рецензия: van Berchem, «Journal des Savants», 1911, Févr. О более новых работах: Бартольд, *Восточноиранский вопрос*. <Новейшая литература указана в библиографии: Afshar, *Index Iranicus*. — *А. М.*>

и революция 1905—1909 гг. Последней посвящен труд проф. Э. Брауна [20]. Тому же проф. Брауну принадлежит наиболее подробный очерк истории персидской литературы [21].

Участие образованных персов в деле изучения истории своей страны пока остается незначительным [22]; некоторый материал по археологии мусульманской Персии находится в трудах шаха Насир ад-дина и в особенности его министра Сани' ад-даула, впоследствии носившего титул И'тимад ас-салтана [23]. Попытка ввести в Персии книгопечатание имела мало успеха; книги и даже газеты чаще издавались литографским способом; число литографированных изданий, вышедших в Тегеране, довольно значительно.

Из областей Азиатской Турции Малая Азия представляет интерес не только для ориенталистов, но и для исследователей классического мира. Специалистом по классической филологии был Людвиг Росс, посетивший Малую Азию в 1844 г. и издавший подробное описание края в этнографическом и археологическом отношениях [24]. Кроме этих научных задач его путешествие имело еще другую цель: доказать, что в Малой Азии нашли бы благодарное поприще для своей деятельности представители германской промышленности и другие эмигранты из Германии. Археологии восточной части Малой Азии, вместе с прилегающими к ней областями Кавказа и Персии, был посвящен труд Тексье; тот же Тексье составил свод сведений о Малой Азии для предпринятого в Париже издания «L'Univers» [25]. Материал, собранный прежними путешественниками, был обработан также в двухтомном «Историческом и географическом описании Малой Азии» Вивьен де С.-Мартена (1845 г.); тот же ученый в своем географическом словаре дает библиографию литературы о Малой Азии до 60-х годов [26]. Из новейших исследователей Малой Азии в историко-географическом от-

---

[20] Roemer, *Die Bābī-Behā'ī*; рец.: Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 425 и сл.; <наст. изд., т. VI, стр. 387—399>; <ср. теперь: М. Иванов, *Бабидские восстания. — Н. Т.*>; Browne, *The Persian revolution.* <Из новой литературы: М. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 гг. — Н. Т.*>

[21] Browne, *A Literary history.* Краткая библиография литературы по ирановедению (до 1890 г.) в кн.: Залеман — Жуковский, *Краткая грамматика.* <См. теперь еще: Сафа, *История литературы*; Pagliaro — Bausani, *Storia della letteratura persiana*; Rypka, *Iranische Literaturgeschichte. — Н. Т.*>

[22] <Теперь см.: Афшар, *Фихрист-нāме*; Афшар, *Китāбхā-йи Йрāн*; Afshar, *Index Iranicus. — Н. Т.*>

[23] Литографированные издания сочинений *Сафар-и Хурāсāн* (шаха Насир ад-дина) и *Маṭла' аш-шамс* (министра Сани' ад-даула) <были выполнены в Тегеране в 1869 и 1884—1886 гг. соответственно.—*Н. Т.*>. Об И'тимад ас-салтана статья Жуковского *Мухаммед-Хасан-хан.*

[24] L. Ross, *Kleinasien.*

[25] Texier, *Description de l'Asie Mineure*; idem, *Description de l'Armenie*; подробности: Тизенгаузен, *Материалы*, стр. 0134.

[26] Vivien de Saint-Martin, *Description*; idem, *Nouveau dictionnaire*, vol. I, под словом *Anatolie*, <pp. 129—134>.

ношении можно упомянуть английского ученого Рамсея (Ramsay) [27]. Из памятников средневековой истории Малой Азии особенный интерес представляют постройки сельджукских султанов (владевших Малой Азией с конца XI до начала XIV в.) в Конье, древнем Иконии; для описания этих памятников и издания сохранившихся на них надписей более всего сделал французский ориенталист Юар (Clement Huart) [28]. Юару принадлежат несколько статей о Малой Азии в «Энциклопедии ислама»; эти статьи, по замечанию немецкого путешественника Гроте [29], отличаются слишком книжным характером, и потому описание не всегда соответствует современной действительности. В новейшее время в Малой Азии были обнаружены еще гораздо более древние памятники, чем памятники классического мира, именно остатки культуры хеттитов [30] — народа, владевшего некогда кроме Малой Азии северными областями Месопотамии и Сирии и успешно выдерживавшего борьбу с египетскими и ассирийскими царями. Центром этой культуры было место Богаз-кёй в северной части полуострова, где в 1906 г. были произведены раскопки ассириологом Винклером, причем были найдены многочисленные клинописные таблички [31]. Культура хеттитов, как и культура царства Урарту в нынешней Армении (главным памятником последней культуры являются надписи близ города Вана), возникла под влиянием ассиро-вавилонской культуры. Еще в 1898—1899 гг. в Армению была совершена немецкая экспедиция Белька и Лемана, результатом которой было открытие значительного числа надписей; о приемах работы экспедиции, в особенности о ее раскопках, русские специалисты большей частью отзывались отрицательно [32]. Такие же

---

[27] Статьи: *The geographical conditions*; *Cilicia*, *Tarsus*; также книга: *The historical geography*. Еще статья: Hogarth — Munro, *Modern and ancient roads*.

[28] Huart, *Epigraphie arabe*. Заметки об этом труде: Chavannes, *Rapport*, p. 136; JA, sér. 9, t. VIII, 1896, p. 336 <протокол заседания от 17 августа 1896 г.>; Drouin, JA, sér. 9, t. VIII, 1896, p. 356; Huart, *Konia* (заметки: JA, sér. 9, t. IX, 1897, p. 133, <протокол заседания от 9 августа 1897 г.>; Drouin, *Notices bibliographiques*, p. 352); Huart, *Inscription arabe*; van Berchem — Edhem, *Matériaux pour un corpus*.

[29] Grothe, «Orientalisches Archiv», Bd II, S. 207.

[30] <Современный термин — хетты; народность, говорившая на языке индоевропейской семьи и составившая ядро хеттского царства. — *И. Д.*>

[31] О раскопках Винклера: Lichtenberg, *Ausgrabungen*, S. 101 sq., по MDOG, Bd 35; Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 13 и сл., 322 и сл.; заглавия более новых трудов: Бартольд, *Восточноиранский вопрос*, стр. 363 и сл.; <наст. изд., т. VII, стр. 419 и сл.>. <Раскопки в столице Хеттского царства Хаттусасе (совр. Богаз-кёй) и в ряде других центров хеттской культуры, обнаруженных позже, продолжаются поныне. Они дали разнообразный материал по истории культуры догреческой Малой Азии и ввели в научный обиход большой клинописный архив хеттских царей. Документы этого архива на хеттском и ассиро-вавилонском языках публикуются в сериях: «Keilschrifttexte aus Boghazköi» (с 1916 г.) и «Keilschrifturkunden aus Bogasköi» (с 1921 г.). Обстоятельная сводка материала о хеттах и библиография даны в работе: Goetze, *Kleinasien*. Об искусстве хеттов см.: Akurgal, *The art of the Hittites*. — *И. Д.*>

[32] Об Урарту: Тураев, *История Древнего Востока*, т. II, стр. 46 и сл.; об экспедиции Белька и Лемана еще: Минорский, *Келяшин*, стр. 151; Орбели, *Поездка в Ванский*

способы «экстенсивного» исследования часто применялись в первые десятилетия XX в. немецкими экспедициями, что наряду с обилием ценных находок вредно отзывалось на сохранности памятников, требовавших более продолжительного исследования.

Научные задачи, связанные с изучением Малой Азии, еще далеко нельзя признать выполненными. До некоторой степени может считаться выполненным географическое изучение полуострова, хотя местность между Кютахьей и Анкарой, являющаяся родиной османской державы, впервые была посещена европейцами только в 30-х годах [33]. Чтение надписей, оставленных культурными народами древнего Востока, еще вызывает большие сомнения, и вопрос о племенном происхождении этих народов остается спорным. Раскопки на месте греческих городов едва начались; до последнего времени оставалось неизвестным даже местоположение Милета доперсидской эпохи, того города, где получила начало греческая наука. Средневековая история Малой Азии в связи с историей получившей здесь начало Османской империи еще недостаточно изучена; единственным трудом по истории Османской империи, составленным по первоисточникам, остается до настоящего времени труд Хаммер-Пургшталя [34], совершенно не удовлетворяющий требованиям исторической критики. О наречиях малоазиатских турок имеются только скудные сведения [35]. Для изучения прошлого Турции турками сделано несколько больше, чем персами для изучения Ирана. Книгопечатание упрочилось в Турции еще в начале XVIII в. и тогда же вызвало значительное число изданий; в XIX в. турецким правительством были приняты такие меры, как образование археологического музея и издание каталога рукописей, хранящихся в библиотеках при константинопольских мечетях (кроме того, существует и публичная библиотека, также имеющая каталог) [36]. Для изучения турецкой нумизматики турецкими исследователями сделано больше, чем европейскими [37]; в последнее время в Константинополе возникло историческое общество, издающее свой журнал на турецком языке [38]; в настоящее время издает свои

вилайет, стр. LXXIX. <Урартские клинописные памятники обнаружены также в Советской Армении. Сводные публикации урартских источников см.: Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*; Дьяконов, *Урартские письма и документы*. По истории Урарту см.: Пиотровский, *Ванское царство*. — *И. Д.*>

[33] Hogarth, *Problems in Exploration*; ссылка у Grothe, *Meine Vorderasien-Expedition*, Bd II, S. 1; Schweiger-Lerchenfeld, *Armenien*, S. 147.

[34] Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*.

[35] <Изучением турецких диалектов Малой Азии последние 40 лет усиленно занимались европейские и турецкие ученые; см.: Векилов, *Изучение турецких диалектов*; Caferoğlu, *Die anatolischen und rumelischen Dialecte*. — *А. К.*>

[36] О рукописях и каталогах: Horn, *Persische Handschriften*; Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*.

[37] Edhem, *Essai de numismatique Ottomane*; рец.: Чахотин, ЗВОРАО, т. VI, стр. 364—370.

[38] «Revue historique», publiee par l'Institut d'histoire Ottomane (на турецком языке, с 1 (14) апреля 1910 г.).

труды литературный факультет (адабийят факультеси) константинопольского университета. Но до сих пор работы турецких филологов и историков еще не обнаруживают достаточного знакомства с методами европейской науки; особенно крупными недостатками отличаются турецкие издания текстов и каталог константинопольских рукописей; это относится и к многочисленным изданиям текстов в современной Турции [39]. Работы европейских ученых вообще встречали со стороны прежнего турецкого правительства полное содействие; к посещению европейцами мечетей суннитское население Турции относится гораздо спокойнее, чем шиитское население Персии.

В Палестину в XIX в. совершались экспедиции как специалистами по физической географии и геологии, главным образом для изучения впадины Мертвого моря, так и археологами, главным образом для изучения памятников священной истории Ветхого и Нового завета. В том и другом отношениях наиболее ценные результаты были достигнуты экспедицией герцога де Луиня (1864 г.) [40]; отчет об этой экспедиции был положен в основание при дальнейших работах как по изучению Мертвого моря, так и по изучению библейской археологии. Богатый материал по библейской археологии был собран также американцами Робинсоном и Смитом (1838 и 1852 гг.) [41]. Для дальнейшего изучения Палестины в археологическом отношении в 1865 г. был образован в Англии особый фонд. Изучение Палестины составляет цель нескольких научных организаций, в том числе германского Palästina-Verein, издающего свои труды в периодическом органе и отдельных книгах; имеются также научные школы в Иерусалиме. Свод сведений о путешествиях в Палестину (с 333 г. н. э.) был составлен Тоблером [42], впоследствии его дополнил и продолжил до 1878 г. Рерихт [43]. С 1908 г. в Германии издавалась библиография литературы о Палестине [44]; в первом томе была помещена библиография за годы 1895—1904.

[39] <В современной Турции положение резко изменилось к лучшему. Турецкие филологи и историки в полной мере владеют современными научными методами. Изучением истории и археологии успешно занимается Türk Tarih Kurumu (Турецкое историческое общество; основано в 1931 г.), изучением турецкого языка и его диалектов — Türk Dil Kurumu (Турецкое лингвистическое общество; основано в 1932 г.). О научной и издательской деятельности исторического и лингвистического обществ можно составить полное представление по следующим изданиям: U. İğdemir, *Cumhuriyetin 50 yılında Türk Tarih Kurumu*, Ankara, 1973 (полный список изданий общества); *Türk Dil Kurumunun 40 yılı*, Ankara, 1972 (полный список изданий общества). О состоянии современного турецкого литературоведения см.: Kenan Akyüz, *La littérature moderne de Turquie*, — PhTF, Bd II, 1964, стр. 465—634 (обширная библиография). — *А. К.*>

[40] De Luynes, *Voyage d'exploration* (коллективный труд участников экспедиции).

[41] Robinson, *Palästina*; idem, *Neuere biblische Forschungen.*

[42] *Bibliographia geographica Palaestinae.*

[43] *Bibliotheca geographica Palaestinae.*

[44] О «Bibliographie der Palästinaliteratur» заметки: Thomson, *Dringende Bitte*; об этом труде и более новых еще: Ростовцев, *Русская археология в Палестине*, стр. 255. <Новую литературу см.: *Die Palästina-Literatur. — А. М.*>

С изучением Палестины тесно связано изучение Финикии. Археологические работы на месте древних финикийских городов с наибольшим успехом производились (с 1860 г.) экспедицией Э. Ренана, снаряженной во время занятия края войсками Наполеона III. Экспедиция Ренана и другие исследования способствовали выяснению топографии финикийских городов; но весь археологический и эпиграфический материал, добытый до настоящего времени, относится к временам не ранее подчинения Финикии персам [45]. Наука не располагает до сих пор ни памятниками, ни надписями той эпохи, к которой относится наибольший расцвет морского могущества и культурного влияния Финикии. Более древнему времени приписывают только финикийские надписи, найденные на Кипре [46].

Изучение арабского полуострова было связано для европейцев с несравненно бóльшими трудностями, чем изучение других стран Ближнего Востока. Священные города ислама, Мекку и Медину, европейцы могли посещать только под видом мусульман, с опасностью для жизни; чтобы проникнуть в оазисы, расположенные внутри полуострова и до XIX в. остававшиеся даже в географическом отношении совершенно неисследованными, приходилось преодолеть все трудности путешествия по песчаным пустыням и по владениям полудиких бедуинов.

Первым европейцем, посетившим Мекку после Вартемы, был швейцарец Иоанн Буркгардт [47], путешествовавший по поручению лондонского африканского общества под именем мусульманина Ибрахима. Перед этим он прожил некоторое время в Сирии, где основательно изучил арабский язык и откуда по восточному берегу Мертвого моря и мимо Синайского полуострова в конце 1812 г. прибыл в Египет. Из Египта он отправился вверх по Нилу в Донголу, в будущем хотел отправиться с караваном в Судан; путешествие в Мекку было предпринято им (из Суакима) только для получения звания хаджи, т. е. паломника, посетившего священные города ислама, что впоследствии могло оказать ему пользу при дальнейших путешествиях по мусульманским странам. Условия для путешествия из Египта в Мекку в то время были благоприятнее, чем прежде. В начале XIX в. священные города находились во власти пуританской секты ваххабитов, возникшей в Средней Аравии и объявившей войну официальному исламу (секта получила название по имени своего основателя, Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба); только в 1812 г. египетский паша Мехмед-Али, основатель ныне правящей в Египте династии [48], вытеснил ваххабитов из Медины, в 1813 г. — из Мекки. Занятие священных городов египетскими войсками значительно облегчало путешествие Буркгардта,

---

[45] Тураев, *Очерк истории изучения*; его же, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 42; т. II, стр. 8 и сл., 276 и сл. <О раскопках финикийских городов и известных сейчас надписях см. гл. I и II настоящей работы. — *А. М.*>

[46] О кипрских надписях: Winckler, *Auszug*, S. 78.

[47] Burckhardt, *Travels in Arabia*.

[48] <С 1953 г. Египет — республика. — *А. К.*>

тем более что положение европейцев в Египте в то время было благоприятнее, чем в других областях ислама; Мехмед-Али понимал преимущества европейской культуры и старался использовать их для поднятия своего могущества. Буркгардт в 1814 г. совершил в Мекке все обряды паломничества, в начале 1815 г. был в Медине, откуда вернулся в Египет, где умер в 1817 г., готовясь к путешествию в Судан. Приобретенные Буркгардтом арабские рукописи были завещаны Кэмбриджскому университету; описание его путешествий было издано после его смерти сначала на английском, потом на немецком языке.

В 1853 г. в Мекку и Медину проник под видом афганского шейха, также из Египта, по поручению Лондонского географического общества Бэртон (Burton) [49], впоследствии прославившийся своими африканскими путешествиями. Еще более значения имело путешествие голландского ориенталиста Снук-Хургронье (1884—1885 гг.), прожившего в Мекке значительно дольше своих предшественников; его книга «Мекка» [50] заключает в себе подробный очерк жизни священного города, притом не только во время паломничества, но и в другое время года.

Из путешествий, совершенных для изучения арабского полуострова в географическом отношении, можно привести прежде всего путешествие Садлера, впервые проехавшего через весь полуостров от востока к западу, от Катифа, расположенного на берегу Персидского залива, до Ямбо, гавани Медины (1819 г.). Результаты этого путешествия оставались государственной тайной английского правительства до 1866 г., когда был обнародован только маршрут путешественника без всяких сведений о посещенной им стране. Наибольшее значение имело путешествие англичанина Пальгрева (Palgrave, 1862—1863 гг.) [51], совершенное на средства французского правительства. Пальгрев проехал через полуостров по диагонали от берега Мертвого моря до прибрежья Персидского залива. Путешественник кроме научно-географической цели имел в виду также миссионерскую — выяснить, насколько возможно обратить население полуострова в христианство, которое до возникновения ислама имело в Аравии значительное число последователей. Враждебным отношением к исламу и особенно к ваххабитам объясняются некоторые тенденциозные выводы Пальгрева, как преувеличенная оценка культурного уровня христианских арабов и преувеличенное представление о влиянии ислама на упадок культуры; поэтому его наблюдения должны быть принимаемы с осторожностью [52].

---

[49] Burton, *Personal narrative.*

[50] Snouck-Hurgronje, *Mekka.*

[51] *Reise in Arabien*; сокращ. франц. перевод: Palgrave, *Une année*; там же о других поездках. <Первоначальное английское издание: Palgrave, *Narrative.* — *А. М.*>

[52] Ср. отзыв о наблюдениях Пальгрева: Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen*, S. 185, Note.

Менее подробны отчеты о путешествиях в Центральную Аравию: Пелли, английского резидента в Бушире, посетившего Риад и определившего астрономическое положение этого города; немецкого доктора Вецштейна, описавшего Сирию и Северную Аравию; итальянца Гуармани, закупавшего арабских лошадей для французского правительства. Наиболее подробный очерк быта бедуинов дал английский путешественник Доти (Doughty), объездивший из Дамаска некоторые области «пустынной Аравии» (1876—1878 гг.) [53]. Большое значение, в особенности для географического изучения Аравии, имело совершенное во время мировой войны (1917—1918 гг.) путешествие английского агента Филби [54]. Результаты этого путешествия показали, что внутренние области Аравии до сих пор изображались на картах столь же неправильно, как, например, области Туркестана в начале XIX в.; вместе с тем была окончательно доказана недостоверность сообщений Пальгрева.

Из археологических памятников Аравии предметом исследований европейцев были некоторые постройки в северо-западной части полуострова, в так называемой «каменистой Аравии» (Arabia Petraea), относящиеся к эпохе влияния греко-римской культуры (развалины города Петры по своему значению для историка мало уступают развалинам Пальмиры) [55], и в особенности памятники культуры, возникшей задолго до ислама в юго-западной части Аравии, в Йемене [56], под влиянием морской торговли между Египтом и Передней Азией, с одной стороны, и Индией — с другой. Богатый материал по изучению этой культуры, преимущественно эпиграфический, собрали французские ориенталисты Арно (Arnaud, 1843 г.) [57], Халеви (Halevy, 1869 г.) и в особенности австрийский ориенталист Глазер (в 80-х годах).

Арабский язык, как язык ислама и язык культуры, оказавшей несомненное влияние на культуру Западной Европы, всегда привлекал к себе наибольшее число исследователей среди европейских ориенталистов; научные успехи, достигнутые этою отраслью знания, значительно пре-

---

[53] Doughty, *Travels in Arabia Deserta.*

[54] Philby, *The Heart of Arabia.*

[55] Основной труд о Петре: Brünnow — Domaszewski, *Die Provincia Arabia*; к этому: Dalman, *Petra* (рец. Brünnow, ZDPV, Bd XXXII, S. 247 sq.); Dalman, *Neue Petra-Forschungen* (рец.: Kahle, ZDPV, Bd XXXVI, S. 318 sq.); Kahle, *Petra.* <Об истории Петры см.: Heichelheim, *Geschichte Syriens*; литературу о новых исследованиях см. там же, стр. 279—280. — *А. М.*>

[56] Относительно литературы о Йемене: Бартольд, ЗВОРАО, т. XX, стр. 077; к этому еще: Weber, *Eduard Glasers Forschungsreisen* (ссылка в DI, Bd I, S. 356). <Об истории Йемена см.: Dietrich, *Geschichte Arabiens.* Новую литературу об археологических и эпиграфических памятниках — там же, стр. 332—334. О проблематике, стоящей в связи с исследованием надписей, см.: Лундин, *Государство мукаррибов* (приведена обширная библиография). — *А. М.*>

[57] О надписях, собранных Арно: Arnaud, *Pièces relatives aux inscriptions Himyarites*; тогда же ими интересовался Риттер.

восходят успехи других отраслей востоковедения. Если по истории арабского государства и арабской культуры пока еще слишком мало исследований, основанных на первоисточниках и удовлетворяющих требованиям исторической критики, то материал для таких исследований приведен в известность и доступен в печатных изданиях в несравненно большей степени, чем материал для истории Персии и Турции. В создании арабской культуры население, оставшееся в Аравии, принимало только второстепенное участие; культурная работа преимущественно происходила в покоренных арабами искони культурных странах — в Сирии, Месопотамии и Египте. Центром арабской учености в настоящее время является Каир [58], где теперь кроме библиотек при мечетях существует публичная библиотека, обладающая богатым собранием арабских рукописей и вполне доступная для специалистов всех национальностей. Каир, город, всецело созданный арабами, остается и теперь самым многолюдным городом всей Африки; сохранившиеся в нем памятники мусульманской архитектуры (IX—XV вв.) возбудили в европейском научном мире такой интерес, которому не мог повредить даже интерес к памятникам древней египетской культуры. Та же самая французская научная миссия, связанная с походом Наполеона, которая положила начало египтологии, положила начало изучению исторической топографии Каира. По истории Египта мы имеем большее число как печатных изданий текстов, так и европейских исследований, чем по истории какой-либо другой мусульманской страны. Со второй половины XIX в., со времени утверждения французской власти в Алжире, Тунисе и Марокко, французскими учеными издано и переведено большое число текстов, относящихся к этим странам, и положено начало изучению их истории и культуры, в особенности архитектурных памятников [59]. Сравнительно мало успели сделать итальянцы для изучения «Ливии», т. е. областей, уступленных турками в 1912 г., хотя были произведены некоторые археологические работы и был основан музей в Бенгази [60]. В издающемся с 1921 г. в Риме итальянском ежемесячнике о современном Востоке (Oriente Moderno) об итальянских владениях говорится очень мало.

В Сирии, в городе Бейруте, католическими миссионерами в 1902 г. был учрежден факультет восточных языков при местном университете св. Иосифа, существующем с 1881 г. [61]. Факультет обогатил науку рядом ценных

[58] О Египте и Каире см. статьи Беккера в EI <Becker, *Egypten*; idem, *Cairo*>.

[59] О французских работах: Смогоржевский, *Из научной деятельности*; Hartmann, *Der Islam*, 1907, S. 215 sq., 248 sq. <В последние десятилетия в этих странах производилось интенсивное изучение археологических и архитектурных памятников различных периодов. Ежегодные библиографии археологической литературы с 1953 г. публикуются в журнале «Libica», суммарные за несколько лет с 1967 г. — в журнале «Bulletin d'archéologie algérienne». О сводках литературы, касающейся архитектурных памятников, см.: Pearson, *Bibliography*. — *А. М.*>

[60] О музее в Бенгази: Paribeni, *Le richerche archeologiche*, p. 107.

[61] О бейрутской школе: Bouvat, *La faculté orientale*; Крачковский, *Восточный факультет*.

трудов об исламе и арабской культуре, хотя на отношении авторов этих трудов к исламу и в особенности к личности Мухаммеда не могли не отразиться миссионерские задачи школы. На местное население школа не оказала большого влияния, не исключая и арабов-христиан; однако среди последних теперь заметно проявляется стремление к литературному возрождению и к усвоению европейской культуры, от которой их в меньшей степени, чем арабов-мусульман, отделяют религиозные традиции. Из всех мусульманских областей только в Сирии положено начало объединению мусульман и христиан на почве национальной идеи. Национально-культурные стремления с особенной силой проявились после мировой войны и отделения от Турции, хотя Сирия под французской опекой не получила ни политического единства, ни даже той степени независимости, как Египет и Месопотамия. Культурное первенство Сирии в арабском мире было закреплено основанием в 1919 г. арабской национальной академии, правильная деятельность которой началась после окончания смут, в 1921 г. [62].

Европейские и американские миссионеры действовали также в Месопотамии, причем и там религиозной пропаганде подвергались не столько мусульмане, сколько восточные христиане; деятельность миссионеров и в этом случае не имела больших результатов. Изучению быта восточных христиан более всего способствовали путешествия английских миссионеров Бэджера [63] и Флетчера (1842—1844 и 1850 гг.). Начиная с 40-х годов XIX в. Месопотамия приобрела для европейской науки первостепенное значение благодаря открытию памятников культуры, которую многие исследователи были склонны считать древнейшей культурой земного шара. Но в Месопотамии памятники древности не могли, как в Персии, совершенно уничтожить интерес к памятникам мусульманской культуры. Внимание ученых было обращено не только на Вавилон, Ниневию, Асур (из трудов исследователей этих городов особенную популярность получил труд Лейярда [64]) и другие города древности, но и на столицы аббасидских халифов, Багдад и Самарру, и другие крупные центры ислама, как Мосул [65]; топография этих городов и памятники их прошлого были предметом таких исследований, каких нет в западноевропейской литературе ни об одном из городов Ирана. Кроме того, в Месопотамии изучение памятников прошлого находится в более тесной связи, чем где бы то ни было, с надеждами на будущее возрождение страны. Восстановлением значения сухопутной торговли благодаря железным дорогам и прорытием канала через Суэцкий перешеек устранена одна из главных причин, вызвавших после XIV в.

---

[62] Об академии в Дамаске: N., *L'accademia scientifica*; Крачковский, *Арабская академия*, стр. 134 и сл.

[63] *The Nestorians.*

[64] *Early adventures*; по отзыву Херцфельда (*Die Genesis der islamischen Kunst*, S. 106) «das unerreichte Muster aller orientalischer Reisebücher».

[65] Streck, *Die alte Landschaft Babylonien*; Le Strange, *Baghdad*; Herzfeld, *Samarra*; Schwarz, *Die Abbasiden-Residenz Samarra.*

экономический упадок областей Ближнего Востока. Вопрос о поднятии и использовании естественных богатств этих областей вновь приобретает первостепенное значение для мировой торговли и промышленности; в связи с проектом багдадской железной дороги возникает проект восстановления той густой оросительной сети, благодаря которой древняя Вавилония еще в первые века ислама оставалась самой доходной областью Передней Азии, хотя климатические и физико-географические условия были в Передней Азии и тогда приблизительно те же, как теперь. Работы по изучению Месопотамии производились в конце XIX и в начале XX в. преимущественно немецкими учеными, собравшими богатый материал для изучения как памятников прошлого, так и современного состояния страны [66]. Из работ по изучению памятников прошлого особенно богатые результаты дали раскопки Херцфельда (с 1911 г.) в Самарре [67], городе, где все выдающиеся постройки относятся к одной и той же эпохе (IX в.), вследствие чего исследование развалин приводит к более ясным и наглядным результатам. Во время мировой войны и после ее окончания раскопки велись англичанами преимущественно на местах древнейших вавилонских поселений. Англичанами продолжались также работы по восстановлению сети каналов, и в промежуток между 1918 и 1921 гг. культурная площадь увеличилась вдвое [68].

Вопрос о месте мусульманского мира среди других народов Востока с особой категоричностью был поставлен с 30-х годов французским ученым Седилло [69]. Он старался доказать, что надежды европейцев найти богатые сокровища мысли в Индии и Китае не осуществились, тогда как все более выясняется, что из всех восточных народов только арабы по своим научным заслугам могут соперничать с греками, что другой науки, кроме греческой и арабской, никогда не было и от этих двух народов находится в зависимости вся наука других стран. Седилло был прав, когда настаивал на историческом значении мусульманской науки и на необходимости ее изучения, но его взгляды не были свободны от преувеличения; даже из памятников арабской литературы видно, что индийцы были не только учениками, но и учителями арабов. Обобщения Седилло оказали некоторое влияние на взгляды А. Гумбольдта.

---

[66] Grothe, *Geographische Charakterbilder* (альбом фотографий); idem, *Meine Vorderasien-Expedition* (рец.: Graefe, DI, Bd III, 1912, S. 192 sq.); Sarre — Herzfeld, *Archäologische Reise*, <Bd I, III>; рецензия Беккера в DI, Bd III, S. 201 sq.; еще два тома <Bd II, IV>, рец.: H. Ritter, DI, Bd XII, S. 141 sq.

[67] О раскопках Херцфельда: *Expedition Samarra*; Becker, DI, Bd IV, S. 199; Sarre, *Die Kleinfunde von Samarra*, S. 180 sq. <Основные публикации результатов раскопок в Самарре: Herzfeld, *Der Wandschmuck*; Sarre, *Die Keramik von Samarra*; Herzfeld, *Die Malereien von Samarra*. — *А. М.*>

[68] О новейших работах: Бартольд, *Научная поездка*, стр. 7 и сл.; <ниже, стр. 566 и сл.>; об увеличении культурной площади: «Contemporary Review», 1921, Febr., p. 202.

[69] Биография Седилло: Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. I, pp. 121—142.

Успехи изучения Азии в географическом отношении вместе с успехами востоковедения должны были вызвать попытку привести в систему добытый материал, сопоставить географические особенности отдельных частей материка с бытом их населения и таким образом выяснить значение географических условий как основной причины, которой определяется судьба отдельных стран и народов. Эти попытки связаны с именами двух великих немецких ученых, Александра Гумбольдта и Карла Риттера [70], создавших науку «землеведения» (Erdkunde) в обширном смысле, одинаково тесно связанную с естествознанием и с гуманитарными науками.

Гумбольдт (1769—1859) был учеником Вернера, впервые определившего последовательность геологических формаций и этим установившего связь между историей земной поверхности и историей органической жизни. Многочисленные путешествия Гумбольдта по различным странам Америки и Азии не сопровождались географическими открытиями; но произведенные им наблюдения отличались несравненно большей полнотой и разнообразием, чем наблюдения прежних путешественников; успехи, достигнутые в то время геологией и метеорологией, дали ему возможность осветить географический материал, доступный и прежним ученым, с совершенно новых точек зрения. Во время своих путешествий он систематически при помощи барометра определял высоту отдельных мест; при составлении географических карт он впервые стал обращать внимание на вертикальное расчленение материка, тогда как прежние картографы заботились только об установлении внешних очертаний земной поверхности — береговых линий, рек, горных хребтов и т. п. Вертикальному расчленению материка Гумбольдт отводил выдающееся место среди причин, определивших ход истории человечества. Им впервые было указано, насколько существование впадины Средиземного моря оказало влияние на судьбу стран Европы, Азии и Африки, прилегающих к этой впадине; насколько движение среднеазиатских кочевых народов определялось направлением террас земной поверхности; насколько географическое положение Индии оказало влияние на судьбу этой страны, из которой не вышло ни одного завоевательного движения и которая всегда была только предметом чужих завоевательных стремлений. Путешествием Гумбольдта в азиатские владения России (1829 г.) было вызвано появление его книги о Средней Азии (1843 г.), которая долго сохраняла значение классического труда, хотя в действительности она может считаться скорее завершением прошлого, чем началом новой эпохи в науке. Наука во второй половине XIX в. шла иными путями, и, когда в 1915 г. появился русский перевод книги Гумбольдта, казалось, что им вызваны тени отдаленного прошлого [71].

---

[70] О Риттере и Гумбольдте: И. Мушкетов, *Туркестан*, стр. 118—138; 2-е изд., стр. 129—149; Peschel, *Geschichte der Erdkunde*, S. 570—574, 808—814.

[71] О переводе *Asie Centrale* Гумбольдта рец. Богдановича в ИРГО, т. LII, стр. 114 и сл.

Еще более широкие обобщения были предложены, отчасти под влиянием взглядов Гумбольдта, его младшим современником К. Риттером (1779—1859). По представлению Риттера, выяснение связи между устройством земной поверхности и жизнью органического мира, в том числе и человечества, должно было быть предметом особой науки — «сравнительного землеведения» или «прагматической географии»; эта наука должна была служить «верным основанием изучения и преподавания физических и исторических наук» [72]. Сам Риттер называет основателем «сравнительного землеописания» Гумбольдта; кроме того, предшественником Риттера иногда называли Геерена (Heeren, 1760—1842), еще в конце XVIII в. сделавшего попытку выяснить историю древнего мира в зависимости от успехов международной торговли. Геерену, который в свое время пользовался громкой славой, а впоследствии признавался только «способным дилетантом», иногда удавалось с бóльшим успехом, чем Риттеру, предсказывать будущее; таково замечание Геерена, что атлантический берег Соединенных Штатов скоро покроется таким же рядом торговых гаваней, как в древности восточный берег Средиземного моря [73]. Сведения о географических условиях внеевропейских стран и об истории их населения были доступны Риттеру только из вторых рук; помимо чтения книг он собирал сведения путем личного общения с учеными; для его познаний в области востоковедения особенное значение имела его поездка в Париж в 1845 г. На восток он не совершал никаких путешествий, кроме посещения Константинополя и берега Малой Азии в 1837 г. Даже этого путешествия было достаточно, чтобы поколебать его мнение о коренном различии между Азией и Европой; на берегах Босфора он вынес впечатление, что эти части света только дополняют друг друга. Он не знал ни одного из восточных языков; в своих теориях он довольно часто прибегал к лингвистическим сближениям, обнаруживающим полное незнакомство с методами языкознания. Риттер разделял взгляд, возникший во второй половине XVIII в., по которому Средняя Азия была родиной индоевропейского племени и родиной человеческой культуры, и старался подкрепить этот взгляд физико-географическими доводами. Среди причин, определивших дальнейший ход развития культуры в отдельных частях света, Риттер отводил первое место расчленению материка и изрезанности береговой линии; культурное первенство Европы и культурная отсталость Африки, по его мнению, прежде всего объясняются устройством поверхности и очертаниями берегов той и другой части света. С открытием Америки центр морских торговых сношений был перенесен далее на запад; европейский запад по отношению к Амери-

[72] Риттер, *Землеведение Азии*, т. I, стр. 6—11; Введение к книге: Риттер, *Иран*, ч. I; C. Ritter, *Einleitung*; Kramer, *C. Ritter*.

[73] Первое издание книги Heeren, *Ideen über Politik* вышло в 1791—1796 гг.; слова о Соединенных Штатах — изд. 1805 г., Bd I, S. 110; о Геерене как предшественнике Риттера: Березин, ЖМНП, ч. 91, отд. VI, стр. 43. Отзыв о Геерене: Шебунин, *Западноевропейские влияния*, стр. 194.

канскому материку сделался востоком; будущее принадлежит Америке, прежде всего Мексике, которая из всех американских областей обладает лучшим географическим положением и лучшими климатическими условиями.

Теории Гумбольдта и Риттера, как всякие гениальные, хотя бы и преждевременные обобщения, принесли большую пользу успехам человеческой мысли, но в настоящее время сохраняют только историческое значение. Нетрудно видеть, что как у Гумбольдта, так в особенности у Риттера физико-географические доводы служат только для подтверждения заранее составленного взгляда на ход истории человечества, причем современные им исторические условия и современный им ход исторической эволюции рассматривались как окончательный результат жизни человечества, предопределенный самой природой. Как для Страбона образование Римской империи было естественным последствием географического положения Италии, как, по мнению арабов, культурное первенство мусульманского мира было естественным последствием климатических преимуществ того пояса, в котором находятся Багдад и Исфахан, так и для Риттера культурное первенство Европы было естественным последствием географических особенностей этой части света. Ни одно из этих обобщений не считалось с фактом, что *физико-географические* причины оказывали то или другое влияние на судьбу страны только в определенный момент ее исторического существования, в зависимости от хода *исторической* эволюции. По своему физико-географическому положению Индия не отличается от Италии; в средние века между судьбой обоих полуостровов действительно замечается большое сходство, но в древности те же физико-географические условия не помешали Италии объединить вокруг себя все области по берегам Средиземного моря. В отдельных областях Европы культура развивалась не в зависимости от изрезанности береговой линии, но в зависимости от большей или меньшей близости к культурным странам древнего Востока, причем, несмотря на благоприятные физико-географические условия, прошло более 2000 лет от первых успехов культуры на материке Европы до приобщения к культуре последнего из европейских народов, от микенской эпохи (более 1000 лет до н. э.) до принятия христианства литовцами (XIV в. н. э.). Таким же образом Риттер был убежден, что Англия своим географическим положением с самого начала (von Anfang an) была предназначена к господству над морями, хотя это господство началось, как известно, только в XVII в. Как в Африке, так и в Европе побережье Атлантического океана вследствие большей отдаленности от культурных центров восприняло культуру значительно позже, чем многие области внутри материка. Столь же мало оправдались предсказания Риттера относительно будущего. Мексика, которой Риттер предсказывал культурное первенство вследствие благоприятных условий для морской торговли, была самой культурной страной в Северной Америке именно в то время, когда морских сношений еще не было, и в новейшей истории

Америки не могла выдержать соперничества с Соединенными Штатами. Кроме того, исторические факты, которых Риттер не мог предвидеть, именно развитие железных дорог и прорытие Суэцкого канала, неожиданно изменили ход исторической эволюции, и Американский материк утратил часть своего значения для мировой торговли в пользу старых культурных областей Ближнего Востока.

Более плодотворны были обобщения Риттера, касавшиеся физико-географических особенностей отдельных стран и влияния этих особенностей на развитие органического мира. В этом отношении некоторые из его взглядов сохраняют значение и теперь; но вообще фактический материал, бывший доступным Риттеру в первой половине XIX в., настолько незначителен по сравнению с тем, что́ сделалось известным во второй половине того же столетия, что нуждается не только в дополнениях и поправках, но в совершенной переработке; поэтому взгляды Риттера на общий характер географических условий и на общий ход исторических судеб отдельных стран большею частью уже не соответствуют современному состоянию науки. Этим объясняется судьба предприятия, задуманного еще в 1850 г. Имп. Русским географическим обществом (капитал для этой цели был пожертвован Голубковым), — перевести на русский язык «Землеведение» Риттера, присоединив к нему в качестве «дополнений» данные, добытые новейшими путешественниками и исследователями. Были изданы только отдельные части «Землеведения», переведенные П. П. Семеновым, В. В. Григорьевым и Н. В. Ханыковым, причем «дополнения» неизбежно принимали характер опровержения переведенного текста. Трудно понять, каким образом академиком Миддендорфом в 1881 г. могло быть высказано мнение, что и через полстолетия после появления томов труда Риттера, посвященных Средней Азии, нельзя было бы указать почти ни одного источника, который бы не был ему известен [74].

Вопрос о продолжении перевода «Землеведения Азии» был в последний раз возбужен в 1916 г.; на этот раз речь шла о переводе и дополнении главы, посвященной Азербайджану [75].

Сам Риттер признавал, что предложенные им обобщения могут показаться преждевременными, но ему казалось, что для прогресса науки такие попытки обобщений необходимы и что только этим «смелым путем» после целого ряда заблуждений может быть достигнута истина. Несомненно, что иначе относились к его взглядам его слушатели и читатели. Вторая четверть XIX в. вообще была временем, когда в различных отраслях науки признавалось необходимым переходить от собирания материала к установлению окончательных выводов и когда в философии создавались догматические системы. Несостоятельность этих систем скоро была признана,

---

[74] Мнение Миддендорфа о труде Риттера: Middendorff, *Einblikke*, S. 362; русский перевод: <Миддендорф>, *Очерки Ферганской долины*, стр. 368.

[75] О предложении дополнить главу об Азербайджане: Журнал заседания, стр. 1.

и в 1860 г. Эрнест Ренан писал об их крушении [76]. В философии догматическое направление снова уступило место критическому; в отдельных науках, как в естествознании, так и в истории, собирание и специальная разработка материала снова заняли первое место.

Задачи, которые ставили себе Гумбольдт и Риттер, едва ли мог бы поставить себе современный ученый; все более укрепляется сознание, что в области истории Востока так же, как в других отраслях исторической науки, необходимо перейти от экстенсивных исследований к интенсивным, от широких обобщений — к развитию специализации и тщательному изучению по первоисточникам истории отдельных стран, народов и эпох. Вследствие обилия материала составление «всеобщей географии» или «всемирной истории» теперь редко предпринимается одним лицом; исключение представляет, например, «Всеобщая география. Земля и люди» (в русском переводе слова «земля и люди» поставлены впереди) Элизе Реклю (1875—1894 гг.) и «Всемирная история» Теодора Линднера (1901—1917 гг.). В первом труде книги, посвященные восточным странам, заключают в себе много ошибок, которые отчасти исправлены в русском переводе (1876—1896 гг.). В труде Линднера [77] Востоку отводится больше места, чем в большей части европейских трудов по всемирной истории; попытка сопоставить жизнь восточных народов с жизнью европейцев представляет большой интерес для ориенталистов, хотя в основу этого сопоставления положена не вполне научная расовая теория. После 1914 г. на востоковедении, как и на других отраслях научной работы, отразилось ослабление культурной связи между народами. Больше всего пострадали от этого такие международные предприятия, как издающаяся в Голландии «Энциклопедия ислама», которая должна была быть закончена к 1920 г., но могла быть доведена к 1924 г. только до буквы К [78].

Совершенно прекратилась с 1914 г. доведенная только до 1910 г. международная библиография по Востоку, издававшаяся в Германии с 1887 г. («Orientalische Bibliographie») [79].

---

[76] Renan, *Dialogues philosophiques*, p. 257 sq.

[77] О труде Линднера: Бартольд, *Мусульманский мир*, стр. 86 и сл.; <наст. изд., т. VI, стр. 291 и *сл.*>.

[78] <«Энциклопедия ислама», издававшаяся на английском, немецком и французском языках, была закончена печатанием в 1934 г.; дополнения к ней — в 1939 г. С 1960 г. выходит на английском и французском языках второе издание; с 1941 г. выходит в Турции — «İslâm Ansiklopedisi». — *А. К.*>

[79] О первом томе «Orientalische Bibliographie»: Розен, ЗВОРАО, т. II, стр. 321. <В последующее время общие библиографии по востоковедению не издавались. На протяжении последних десятилетий вышел в свет целый ряд обширных сводок литературы по отдельным его отраслям и странам. Для Переднего Востока наиболее значительными остаются: Pearson, *Index Islamicus*; idem, *Index Islamicus Supplement*; Afshar, *Index Iranicus*; Афшар, *Фихрист-нāме*; Ṣabā, *Bibliographie*. Для Дальнего Востока см.: Lust, *Index Sinicus*. Общий обзор библиографий ср.: Pearson, *Bibliography*. — *А. М.*>

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Глава XII

Переходим теперь к истории сношений между Россией и азиатскими странами и к обзору русских трудов по изучению Востока.

Равнина Восточной Европы уже по своему географическому положению должна была подвергаться влиянию Востока в гораздо большей степени, чем западноевропейские страны. Совершенно ошибочно представление, будто Россия до монгольского нашествия была такою же составною частью Европы, как, например, Германия или Франция, и будто только это нашествие на несколько веков отделило Россию от мира европейской культуры. Насколько Россия уже в XI в. отличалась в этом отношении от остальной части Европы, видно из применения турецкого титула «каган» к Владимиру Святому в церковной проповеди митрополита Илариона [1]; подобный факт не мог бы иметь места в эту эпоху ни в Византии, ни в западноевропейских государствах. Русский каган даже упоминается в истории раньше, чем русский князь; послы русского кагана прибыли еще в 839 г. из Византии к императору Людовику в Ингельхейм [2]. Несомненно, что то русское владение, послы которого пришли к Людовику, находилось на севере, в новгородском районе; титул «каган» показывает, что даже до этих пределов доходило влияние хазарского царства [3].

Еще до образования русского государства через Восточную Европу, кроме известного водного пути «из варяг в греки», от берегов Балтийского моря к берегам Черного, проходил другой торговый путь, также водный, из Европы в Азию. По мнению покойного акад. Шахматова, путь из варяг в греки был проложен только в IX в., тогда как каспийско-балтийский путь (через Волгу) существовал гораздо раньше и даже для варягов

[1] Слова митрополита Илариона у С. Соловьева, *История России*, кн. I, стр. 260.

[2] О событии 839 г., напр.: Шахматов, *Введение*, стр. 69, где высказано мнение, что «едва ли можно усомниться в том, что эта Русь прибыла в Константинополь из южной России», но в другом своем труде (*Древнейшие судьбы*, стр. 58) Шахматов от этого мнения отказался. <Текст хроники см.: *Annales Bertiniani*, ed. Waitz, pp. 19—20. — *А. М.*>

[3] <Несколько иное толкование этого факта см.: Артамонов, *История хазар*, стр. 366. — *А. М.*>

первоначально имел главное значение; на острове Готланде найдено больше арабских монет, чем в какой бы то ни было стране Европы и Азии [4]. Древнейшее известие об этом пути принадлежит арабскому географу Ибн Хордадбеху [5]. Товары отправлялись «по славянской реке», т. е. по Дону (у другого арабского автора, Ибн Хаукаля, и у анонимного персидского географа X в. Дон называется «рекою русов») [6], оттуда по Волге (очевидно, лодки в самом узком месте между Доном и Волгой переносились «волоком») до города Итиля (близ устья Волги), столицы хазарской державы, дальше по Каспийскому морю до области Джурджан (древней Гиркании); иногда русские купцы из Джурджана везли свои товары на верблюдах в Багдад. Главными предметами вывоза из Восточной Европы в Азию были в то время меха пушных зверей, мед и воск, впоследствии также лен. Товары привозились в Итиль не только по Дону, но и по верхнему и среднему течению Волги. Ближайшими соседями России, принявшими ислам и подчинившимися влиянию мусульманской культуры, были волжские болгары, занимавшие страну по среднему течению Волги и по нижнему течению Камы. Из областей Средней Азии к северной части Каспийского моря ближе всего находился Хорезм, впоследствии Хивинское ханство, где в то время сосредоточивались торговые сношения мусульман со среднеазиатскими кочевниками и откуда нередко отправлялись как караваны, так и посольства в Восточную Европу — к хазарам, болгарам, печенегам и русским. Каспийское море в русских летописях называется «Хвалисским» или «Хвалимским» — название, образованное от названия области «Хорезм» (древнейшее название — Хуваразми, у арабов — Хуваризм). Замечательно, что из всех относящихся к Азии географических названий, встречающихся в русских летописях, только название Каспийского моря не было заимствовано из греческих источников.

Состояние культуры в Восточной Европе в то время было настолько низким по сравнению с культурой мусульманского мира, что этими торговыми сношениями могли воспользоваться только мусульмане для получения сведений о народах России, но не наоборот. Мусульманские авторы сообщают сведения не только о быте русских и о торговле с ними, но даже о русских военных походах на Восток, о которых в русских летописях нет ни слова. Сюда относятся опустошения, произведенные русскими в областях по западному и южному побережью Каспийского моря в 913 и 943—944 гг.[7]. Есть также сведение об опустошительном погроме, кото-

[4] Шахматов, *Древнейшие судьбы*, стр. 44.

[5] Ибн Хордадбех, пер., 115.

[6] Ибн Хаукаль, 276, 16; слова перс. географа: Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 137.

[7] О походах русских за Каспийское море: Григорьев, *Россия и Азия*; Khanykov, *Lettre*; Дорн, *Каспий*; Westberg, *Ibrâhîm's-Ibn-Jàḳûb's Reisebericht*; idem, *Beiträge*; Вестберг, *К анализу восточных источников*; Marquart, *Streifzüge*; Barthold, *Bulghār*,

рому около 969 г. подверглись со стороны русских царства болгарское и хазарское; находили хронологическое противоречие между арабскими, греческими и русскими источниками, и потому отношение этого погрома к походу Святослава не могло быть выяснено. В действительности противоречие только кажущееся и возникло под влиянием неясности выражений Ибн Хаукаля; указанная им дата 969 г. относится к тому времени, когда он в Джурджане узнал о погроме, и только по небрежности в других местах отнесена им к самому погрому. Из слов самого Ибн Хаукаля видно, что между погромом и тем временем, когда он о нем узнал, прошло несколько лет; бежавшие из Приволжья думали туда вернуться и жить там под властью русских, которую они, по-видимому, считали прочно установленной. Вопреки словам Ибн Хаукаля очень вероятно, что разгромлено было только хазарское царство; дальнейшие события показывают, что из этого разгрома волжские болгары извлекли больше выгод, чем русские. Вопреки ожиданиям бежавших Святослав ушел из хазарских земель под влиянием просьбы византийского императора о помощи против дунайских болгар. Для истории России этот факт имел большое значение; если бы русские тогда остались на Волге, они, наверное, подчинились бы мусульманской культуре; Святослав пожертвовал бы Киевом для Итиля, как потом хотел пожертвовать им для Переяславца.

Вообще история каспийских походов явно свидетельствует о постепенном укреплении в России в X в. начала государственности. Первый поход явно был только беспорядочным грабительским набегом; он охватил большее пространство, чем последующие походы, но никаких мер для рационального использования военных успехов принято не было; целью набега был только захват возможно большего количества добычи. Второй поход имел целью захват самого большого и богатого города мусульманского Закавказья Берда'а; после взятия города были приняты меры для восстановления в нем порядка и мирной жизни, и только восстание жителей было причиной разгрома города. Третий поход был завоевательной войной против хазарского царства; покорив все земли хазар, русские пробыли там несколько лет, не трогая соседних земель; Апшеронский полуостров, куда русские в 913 г. свозили свою добычу, теперь был безопасным убежищем для бежавших из Поволжья. Последнее военное предприятие русских в прикаспийских областях, о котором говорят мусульманские авторы и не упоминают русские источники, произошло около 1175 г.: русский флот, состоявший из 70 кораблей, был разбит ширваншахом, т. е. правителем области Ширван, приблизительно соответствовавшей

S. 823; <наст. изд., т. V, стр. 517>; о еврейском документе об Олеге статья Коковцова *Новый еврейский документ.* <Из новой литературы о походах на Каспий и отношениях Руси с хазарами см.: Бартольд, *Арабские известия о русах*; Якубовский, *Ибн-Мискавейх*; его же, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях*; Артамонов, *История хазар*, стр. 370 и сл. — *А. М.*>

Бакинской губернии. Этот поход, по всей вероятности, был делом вольницы без участия князей.

До нас дошли не только письменные известия о торговых сношениях между Россией и Востоком в первые века ислама, но и вещественные следы этих сношений в виде многочисленных кладов восточных монет, найденных в пределах России до Балтийского побережья и даже в Скандинавии [8]. Монеты исключительно серебряные (дирхемы) и относятся к периоду от VIII до начала XI в. Эти клады показывают, что восточные деньги оставались в России в большом количестве, т. е. что торговый баланс был в пользу России, из чего, конечно, нельзя сделать вывода о каком-либо культурном или экономическом превосходстве России того времени перед мусульманским Востоком. Очень часто именно народы высшей культуры принуждены расплачиваться деньгами за товары, приобретаемые от менее культурных народов, так как предметы промышленности культурных стран не соответствуют ни потребностям этих народностей, ни степени их экономического благосостояния. Торговля с Россией приносила восточным купцам большие выгоды, так как русские товары приобретались ими по очень дешевой цене; по словам географа Ибн Русте, писавшего в X в., мех лисицы стоил $2^1/_2$ дирхема (ок. 50 коп.) [9]. С другой стороны, народы России получали от восточных купцов необходимую им звонкую монету. В подражание арабским дирхемам чеканились также монеты в пределах России; в Государственном Эрмитаже хранится каменная форма для чеканки таких монет, найденная в Витебской губернии. Когда русские великие князья (начиная с Владимира Святого) стали чеканить серебряную монету со своим именем, эти монеты чеканились по весу арабских дирхемов [10]. В XI в. положение изменилось; в областях мусульманского Востока произошел серебряный кризис, и чеканка серебряной монеты на некоторое время совершенно прекратилась; торговые сношения России с Востоком продолжались по-прежнему, но теперь русские в обмен на свои товары получали от восточных купцов также товары, а не монету [11]; потребность в звонкой монете удовлетворялась в России путем ввоза серебра из Западной Европы (выпуск золотой и серебряной монеты русскими великими князьями прекратился вследствие политического распадения России). Сами арабы, насколько известно, не ездили к русским; сведения о стране русских получались ими сначала от Византии, потом от волжских болгар. На Волге, в стране болгар или хазар, видел русских Ибн Фадлан, участник посольства ха-

---

[8] Марков, *Топография кладов.* <О более новых находках см.: Янин, *Денежно-весовые системы. — А. М.*>

[9] Ибн Русте, 142.

[10] О монете в России: И. Кауфман, *Русский вес.* <О современных взглядах на этот вопрос см.: Янин, *Денежно-весовые системы. — А. М.*>

[11] О монетах и товарах, привозившихся с Востока, см. замечание Лихачева, *Чистопольский клад*, стр. 62; также замечание Пахомова, *Монеты Грузии*, стр. 80.

лифа Муктадира к болгарам (922 г.), автор известного рассказа о русском погребении [12].

Вследствие своего географического положения Восточная Европа подвергалась культурному воздействию и религиозной пропаганде с трех сторон: со стороны Византии, католического Запада и мусульманского Востока. Вопрос о том, которому из этих влияний было суждено одержать верх, долгое время мог казаться сомнительным; отголоском этих колебаний является, по-видимому, легенда о посольствах, отправленных Владимиром Святым для испытания вер. Независимо от этой легенды, хотя, может быть, под влиянием тех же причин, возник другой легендарный рассказ, сохранившийся у персидского писателя начала XIII в. Ауфи [13]; по этому рассказу русский властитель Буладмир (т. е. Владимир; Ауфи ошибочно считал это имя титулом) сначала принял христианство от греков, потом отказался от христианства и принял ислам: военные набеги русских на греческие области после принятия христианства становились невозможными, тогда как учение ислама о священной войне было как нельзя более благоприятно для этих набегов, без которых русские, не занимавшиеся никаким мирным трудом, не могли жить. Возможно, что мусульманская легенда является отголоском похода на Константинополь Владимира Ярославича (1043 г.). По рассказу Ауфи, мусульманские миссионеры пришли в Россию из Хорезма.

Принятие христианства от греков надолго определило дальнейший ход развития русской культуры. Вместе с христианством насаждалось в России книжное образование, имевшее, конечно, исключительно богословское направление. Как в Византии и Западной Европе того времени, так и в России единственной страной Востока, представлявшей интерес для образованного общества, сделалась Святая Земля. «Хождения» в Святую Землю были первыми русскими путешествиями на Восток, от которых остались следы в русской литературе. Путешествия совершались морским путем через Константинополь; первым паломником, оставившим описание своего путешествия, был игумен Даниил [14], посетивший Палестину в начале XII в., когда Иерусалим находился во власти крестоносцев, при первом «иерусалимском короле» Балдуине. Даниил был хорошо принят Балдуином, провел в Палестине 16 месяцев и осмотрел все святые места. Как Даниил, так и следующие авторы «хождений» сообщали

---

[12] О труде Ибн Фадлана: Розен, *Пролегомена*, стр. 39 и сл.; там же литература предмета. <Русский перевод текста и комментарии к нему: Ковалевский, *Книга Ахмеда ибн-Фадлана*. — *А. К.*>

[13] О рассказе Ауфи: Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских.*

[14] О хождениях в Святую Землю и других путешествиях: Сахаров, *Сказания русского народа.* Паломничество игумена Даниила <см.> также: *Житье и хоженье Данила*, изд. Веневитинова; в том же <«Православном Палестинском> Сборнике» несколько других «хождений». <Из новой литературы см.: Данциг, *Русские путешественники*, стр. 11 и сл. — *А. М.*>

о своем путешествии только те сведения, которые были важны для паломников: сведения о путях к христианским святыням с указанием числа дней, необходимых для путешествия, описание самых святынь и обрядов поклонения им. О политическом состоянии страны, о быте населения и т. п. они не сообщают ничего; Даниил рассказывает, как его принял «князь Балдуин», но при этом не говорит ни слова ни о происхождении, ни о состоянии его государства.

Из позднейших «хождений» наиболее известны хождения митрополита Пимена, три раза совершившего паломничество в Святую Землю; сохранилось описание третьего путешествия, совершенного в 1389 г. вместе с диаконом Игнатием (автором записки о путешествии) [15]; паломники проехали в Черное море по Дону (через Азов). Другим путем (по Днестру) проехал иеродиакон Зосима, совершивший паломничество в 1420 г.

Все паломничества совершались через Константинополь (Царьград), с которым у русских людей, естественно, установилась более тесная связь, чем с Западной Европой. О завоевании Византии турками (1453 г.) существует на русском языке рассказ очевидца «Нестора-Искендера», по-видимому находившегося во время осады в турецком войске; в своем рассказе он употребляет множество восточных слов [16].

О других странах Востока в русских источниках вплоть до XVI в. нет почти никаких сведений, хотя в это время между Россией и восточными народами происходили как военные столкновения (с печенегами, половцами и болгарами), так и мирные сношения. Главный город Хорезма Гургандж (близ нынешнего Куня-Ургенча), бывший в конце XII и в начале XIII в. столицей обширного государства, посещался, по свидетельству Плано Карпини, и русскими купцами; в русских летописях он упоминается под именем «Орначь» [17]. Памятники русской литературы того времени, как «Слово о полку Игореве», показывают, что в русский язык уже тогда вошло много восточных слов [18]; можно думать, что были случаи изучения русскими людьми для практических целей восточных

---

[15] <*Хождение Игнатия Смолиянина*, изд. Арсеньева; Данциг, *Русские путешественники*, стр. 17—18. — *А. М.*>

[16] *Повесть о Царьграде*, изд. архим. Леонида; рецензия: Кобеко, ЗВОРАО, т. II, стр. 147—149.

[17] Что «Орнас» или «Орначь» есть Ургенч, а не город при устье Дона, как полагал Плано Карпини, доказывается сообщаемой у самого Плано Карпини подробностью о затоплении города (Плано Карпини, изд. Языкова, стр. 152); из известий русских летописей особенно ясно указывают на Ургенч слова Никоновской летописи о взятии Органча у Тохтамыша Тимуром в 1387 г. (Карамзин, *История*, т. V, стр. 60, прим. 137).

[18] Статьи П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»: *Турецкие элементы; Вторая статья о турецких элементах.* О восточных словах в других памятниках домонгольского периода статья его же *Заимствованные восточные слова.* <Из новой литературы по данному вопросу см.: Малов, *Тюркизмы*; Menges, *The oriental elements.* — *А. М.*> <Дмитриев, *О тюркских элементах*; Poppe, *A survey of studies of Turkic loan-words.* — *А. К.*>

языков, хотя сведений об этом не сохранилось. Слова «Поучения Владимира Мономаха» о пяти языках, которые изучил великий князь Всеволод Ярославич (во второй половине XI в.), часто толковались в том смысле, что к числу этих пяти мог принадлежать и один из восточных языков, например половецкий [19]; но слова «Поучения» (*дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ*) ясно показывают, что речь идет о книжных занятиях, предметом которых в России того времени едва ли могли быть языки Востока. Отсутствие сведений о культурных странах Востока отчасти объясняется изменением русской политики со времени Владимира; вместо происходившего в X в. наступления на Византию и на мир мусульманской культуры начинается стремление к колонизации земель дикарей. Приписанные летописью Добрыне слова о людях в сапогах и о лапотниках сохранили память об этой перемене политики. Русские даже не делали попыток утвердиться на Черном, или «Русском», море; Владимир добровольно вернул грекам занятый им Корсунь; впоследствии была утрачена и Тмутаракань. На Волге ко времени монгольского нашествия пограничным городом России был Нижний Новгород, основанный только в 1221 г.

Монгольское нашествие застало Россию на иной стадии политического и экономического развития, чем Западную Европу. На Западе в XI и XII вв. происходило постепенное укрепление государственности, развивались торговые сношения с культурным Востоком и приготовлялась почва для дальнейших экономических и политических успехов; для России период от смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) до монгольского нашествия был периодом все большего распадения; удельная система и связанные с ней междоусобия уменьшили безопасность, необходимую для успехов торговли. О культурной отсталости России [20] по сравнению с Западом свидетельствует самый факт, что образование монгольской империи не вызвало в России, как в Западной Европе, расширения географического кругозора. Россия вошла в состав монгольской империи; русские князья и представители духовенства часто совершали путешествия в Монголию, ко двору великих ханов; русские военнопленные (об одном из них, мастере Кузьме, упоминает Плано Карпини) долгое время жили в монгольской столице; тем не менее в русской литературе нет ни одного описания путей в Монголию и Китай, никаких сведений о дворе монгольских императоров и об устройстве монгольской империи; даже сведения о Золотой

---

[19] Мнение Карамзина о языках, известных Всеволоду Ярославичу, в *Истории*, т. II, прим. 233.

[20] <Это утверждение находится в очевидном противоречии с содержанием следующего абзаца: «Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, *но и дальнейшим успехам русской культуры*» (курсив мой. — *А. К.*). По компетентному утверждению Б. Д. Грекова, уже Киевская Русь была очагом блестящей культуры; см. Греков, *Киевская Русь*; его же, *Культура Киевской Руси*. — *А. К.*>

Орде, о местоположении и внешнем виде ее городов крайне скудны и не могут выдержать никакого сравнения со сведениями западноевропейских и мусульманских путешественников [21].

Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, даже влиянию европейской культуры Россия в московский период подвергалась в гораздо большей степени, чем в киевский. В самой Европе начиная с XIII в. происходило постепенное передвижение центров промышленности и торговли с юга на север, в местности, находившиеся в более близком расстоянии от России; образовался Ганзейский союз, в состав которого вошли также Новгород и Псков. В XIII и XIV вв. через Россию часто проезжали европейские путешественники (послы, миссионеры и купцы) на пути в Монголию и Китай; с XV в., после усиления османской державы и в особенности после падения Константинополя, через Московское царство вел главный путь из Западной Европы в Персию. Уже при Иоанне III (1453—1505), при котором было положено начало независимости и могуществу московской державы, мы находим на русской службе западноевропейских ученых и художников, как архитектора Фиоравенти, хотя русские по примеру восточных народов называли тогда всех европейцев «франками» (по-русски «фрязин, фрягове, фряжский»). Татарские традиции дольше всего отразились на русской внешней политике и на посольском церемониале [22]. После исчезновения или ослабления татарских ханств на русского царя отчасти была перенесена татарская государственная идея; его стали называть «великим беком, белым ханом». Но и в этот период между Россией и мусульманским миром не было никакого литературного общения; на русский язык были переведены некоторые произведения арабской философии, но только через посредство западноевропейских переводов, причем посредниками были евреи. Вообще на русском языке уже в московский период была обширная переводная литература с западноевропейских языков; в числе таких книг были и книги о Мухаммеде и исламе, но переводов непосредственно с мусульманских языков не было [23]. Переводились на русский язык для практических целей только официальные документы; из них

---

[21] Бартольд, *Восток и русская наука*; <ниже, стр. 534—545>; Вернадский, *О движении русских на восток*; <стр. 55 и сл. — высказывается мнение, противоположное утверждению В. В. Бартольда об отсутствии расширения географического горизонта в период монгольского владычества. — *А. М.*>.

[22] Веселовский, *Татарское влияние*.

[23] Соболевский, *Переводная литература Московской Руси*; Коковцов, *К вопросу о «Логике Авиасафа»*. Против мнения о монгольском владычестве как причине культурной отсталости России высказывался еще Погодин в 1832 г. (Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. IV, стр. 63).

самыми ранними являются так называемые «ханские ярлыки» русскому духовенству, дошедшие до нас только в русском переводе [24].

При Иоанне III Россия не только освободилась от монгольского ига, но и начались стремления подчинить русской власти некоторые области распавшейся монгольской империи. Казанское ханство на некоторое время было приведено в зависимость от Москвы; в 1483 г. состоялся первый русский поход на Сибирь, к низовьям Иртыша и Оби [25]. Снова начались, по Волге и Каспийскому морю, сношения между Россией и передне-азиатскими государствами. Сведения русских источников об этих сношениях все еще остаются неполными; так, персидский историк Абд ар-Раззак говорит о прибытии русских послов в Герат в 1464 г.[26]; венецианские послы Барбаро и Контарини в 1475 г. встретили в Тебризе, тогдашней столице Персии, русского посла Марка Руфа (Marcus Rufus), впоследствии (1491 г.) строителя Грановитой палаты; ни о том, ни о другом посольстве русские источники ничего не говорят; но уже в эту эпоху мы иногда находим в русских источниках сведения о восточных посольствах в Россию, о которых не упоминают восточные авторы. Так, в 1490 г. в Москве был посол гератского владетеля султана Хусейна Урус-богатырь с предложением «о дружбе и о любви» [27]. Возможно, что в этом случае и в некоторых других мнимые послы в действительности были купцами, не имевшими никакого дипломатического поручения; но с некоторыми восточными владетелями действительно был обмен посольствами. С одним из этих посольств было связано первое русское путешествие в Индию.

В 1466 г. в Москву прибыло посольство ширваншаха (владетеля Шемахи и Баку) Фаррух-Ясара; со своей стороны, Иоанн III в том же году отправил в Ширван ответное посольство, во главе которого стоял Василий Панин. Вместе с посольством отправились и купцы, в том числе тверской купец Афанасий Никитин [28]. На пути русские несколько раз подвергались нападениям: на Волге со стороны татар, отнявших у купцов часть их товаров, на берегу Дагестана со стороны кайтаков, тоже захвативших часть людей и имущества, но потом по желанию ширваншаха возвративших награбленное. В Шемахе послы и купцы были хорошо приняты,

---

[24] О ярлыках последнее исследование: Приселков, *Ханские ярлыки*; там же о предшествующих работах; опущено замечание Сахарова в письме Погодину в 1843 г. о григорьевском издании: «В одной Москве шесть рукописей с ярлыками. А он ссылался только на печатные» (Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. VII, стр. 245). Рец.: Веселовский, ЖМНП, н. с., ч. 68, стр. 118—130.

[25] О походе 1483 г.: Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 1422.

[26] О посольстве 1464 г.: Тизенгаузен, *Первое русское посольство в Герате*.

[27] О посольстве султана Хусейна: Соловьев, *История России*, кн. I, стр. 1442.

[28] Об Афанасии Никитине исследования: Минаев, *Старая Индия*; Срезневский, *Хожение за три моря*; Stübe, *Ein altrussischer Reisebericht*; Любимов, *Загадочная страна Шабот*. <Новое издание текста: Никитин, *Хожение за три моря*. — *А. К.*>

но, когда они хотели вернуться обратно и попросили ширваншаха дать им конвой, им в этом было отказано под предлогом, что их самих много. После этого, по выражению Никитина, из купцов, «у кого есть что на Руси, пошел на Русь, а кто был должен (т. е. приобрел в кредит товары, с которыми отправился в Ширван), тот пошел туда, куда очи понесли». К числу последних принадлежал и Никитин. Из Шемахи он вернулся в Дербент, откуда по Каспийскому морю поехал сначала в Баку, потом в Мазандеран, из этой области сухим путем в Рей, Кашан и Йезд. В Персии ему рассказали о тех выгодах, которые извлекают купцы из торговли с Индией; он отправился в гавань Ормуз (на острове того же имени), оттуда в Индию, где высадился сначала в Диу, потом в Чауле, из Чауля отправился внутрь страны через Джунейр и Бидар к берегу Кришны; последним из посещенных им мест был город Парвата. Пробыв некоторое время в Индии, он вернулся в Персию, оттуда в Россию через Трапезунт и Черное море, вследствие чего назвал свое путешествие «хождением за три моря» (Каспийское море, Индийский океан и Черное море). Не доехав до Твери, Никитин умер в Смоленске, вследствие чего его дневник остался необработанным. Его путешествие продолжалось шесть лет (1466—1472).

Как торговец Никитин не нашел в Индии того, чего ожидал; индийские товары оказались неподходящими для России. Еще в Джунейре он писал: «Мене залгали псы Бесермены, а сказывали, много всего нашего товару, ано нет ничего на нашу землю, все товар белой, на Бесерменьскую землю, перец да краска». Этим объясняется, что путешествие Никитина не имело никакого значения для успехов русской торговли и что ни один из русских купцов не воспользовался проложенными им путями, несмотря на обстоятельное описание этих путей и самой страны. Никитину, по-видимому, везде удавалось в короткое время овладеть местными языками настолько, чтобы объясняться с туземцами; в свой рассказ он вставляет много слов и выражений из турецкого (татарского), персидского и индустанского языков. По мнению проф. Минаева, посвятившего дневнику Никитина подробное исследование, рассказ русского купца об Индии и ее жителях во многом заслуживает предпочтения перед рассказом образованного венецианца Николо Конти, несколькими десятилетиями раньше посетившего приблизительно те же местности. В дневнике Никитина приводятся также расспросные сведения о других местностях, где он сам не был; так, упоминаются Каликот (Каликут, в то время главная гавань на западном берегу Индии), Силян (остров Цейлон), Певгу (область Пегу на Индокитайском полуострове), Чин да Мачин (южная часть Китая) и Китай.

В XVI в. в Москве не имели никаких сведений об Индии. В сентябре 1532 г. московское правительство было удивлено приездом индийского купца «Хози Уссеина» (ходжи Хусейна), называвшего себя послом султана Бабура, будто бы желавшего вступить в «дружбу и братство» с мо-

сковским царем [29]. Бабур, основатель империи Великих Моголов, умер еще в 1530 г. (21 декабря), так что путешествие ходжи Хусейна из Индии в Москву продолжалось не менее двух лет; по всей вероятности, это был купец, путешествовавший только с торговой целью и получивший от своего правительства только охранную грамоту, причем едва ли эта грамота могла содержать в себе прямое обращение к московскому царю. В Москве «послу» ответили согласием на торговые сношения между Индией и Россией, но о «братстве» царь «не приказал», потому что неизвестно, принадлежит ли султан Бабур к независимым государям и можно ли сноситься с ним, как с равным.

Несколько обстоятельнее были сведения о Западной Азии, как показывает следующий рассказ о землях за Араратом, сохранившийся в летописном сборнике XVI в.[30]:

«Стоит гора Арарат за Кавкасийскими и Иверскими горами, промеж трех морей: Черного, Бакинского и Индийского, на границе трех царств: Иверского, Турского и Персидского. Из-под нее вытекли реки во все три моря: в Черное море — Карась река, в Бакинское — Курская река, а Евфрат и Тигр потекли в Индийское море. Пройдя на запад от Арарата по Турским землям, можно прийти в Трапезонт, Цареград, Шам (арабское название Сирии) и Иерусалим; пойдя на восток от Арарата и Гурза (Грузии) по Хорасанским землям, можно прийти в Тиверись и в Спаган и в дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень в Вавилонское царство, можно прийти в Багдад, Сафат и в Аламаз...

Между Евфратом и Тигром большое междуречие, много земли, гор, пустых полей и лесу; а дорога в рай заперта, потому что всеми теми землями владеют неверные; на Тигре бьются персы и турки за Магометова внука, а на Евфрате сидят арапы и мучат христиан-пустынников. Реки (Тигр и Евфрат) потекли на полдень и на полдне сошлись в одну реку; где сошлись оне, там граница трех царств: Арапского, Турецкого и Персидского. Тут было царство Вавилонское и город Вавилон, о котором голос ангела небесного сказал: „падет, падет Вавилон великий, и народы поучатся“. Теперь не видно, где и стоял он. Когда овладели неверные этими землями, то их цари построили город Багдад из камней Вавилона. Но и они по своему неверию, созидая на песке, не твердо строили основания. Они будут биться друг с другом, пока не поразятся все одни другими; тогда свет истины разольется по всему миру. А что теперь безбожные овладели Святою Землею и Цареградом, то это для того, чтобы поучились христиане своими собственными муками и очистили себя от грехов».

Несмотря на некоторые баснословные сведения и на несомненное влияние географических представлений, заимствованных из Библии,

---

[29] О посольстве от Бабура: Карамзин, *История*, т. VII, стр. 97 и прим. 317.

[30] Срезневский, *Хожение за три моря*, стр. 5—6.

этот рассказ свидетельствует о некотором знакомстве с географией Передней Азии и с происходившими там политическими событиями, например с начавшимися в XVI в. религиозными войнами между суннитами-турками и шиитами-персами.

В половине XVI в., после завоевания Казани (1552 г.) и Астрахани (1554 г.), начались сношения России со среднеазиатскими ханствами. Почин в этом деле принадлежал не России и не ханствам, но англичанину Дженкинсону [31]. Выше (стр. 306) были изложены причины появления в России английских мореплавателей и торговых агентов; торговые сношения с Англией приняли такие размеры, что благодаря им на берегу Белого моря мог возникнуть такой город, как Архангельск. Попытка Дженкинсона найти через Среднюю Азию путь в Китай не имела успеха и более не возобновлялась; но прибытие из Средней Азии вместе с Дженкинсоном в 1559 г. посольств из Бухары, Балха и Ургенча (тогдашней столицы Хивинского ханства) было началом дипломатических сношений между узбецкими ханствами и Россией. Перед этим известия о делах Средней Азии доходили до московского правительства через посредство ногайских князей, с которыми в XVI в. велись оживленные сношения. Статейные списки ногайских дел, хранившиеся в архиве московской коллегии иностранных дел (впоследствии московский главный архив министерства иностранных дел) [32], составляли 12 томов; документы, изданные в конце XVIII в. Академией наук, обнимают время с 1534 до 1575 г.[33]. Нуждаясь, как все кочевники, в произведениях оседлых стран, в особенности в предметах одежды, ногайцы тогда получали эти предметы частью с севера, из России, частью с юга, из Бухары; князь Исмаʿил писал своему брату Юсуфу: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; а только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, и мертвым не на что будет саванов шить» [34]. Колебание между экономической (вследствие этого и политической) зависимостью от севера и юга было характерно для среднеазиатских степей и в последующие века. Влияние Средней Азии должно было усиливаться по мере укрепления в степи ислама; в XVI в. среди ногайцев фанатичного настроения не было, и князья в 1551 г. писали Ивану Грозному: «Бог вас сотворил христьяны, а нас сотворил мусульманы» [35].

Главною целью последующих русских посольств было освобождение русских невольников, находившихся в большом числе в городах Средней

---

[31] <О вероятности более ранних торговых сношений и роли Дженкинсона ср. также: П. Иванов, *Очерки*, стр. 76. — *А. М.*>

[32] <Ныне Центральный Государственный Архив древних актов СССР, г. Москва.>

[33] «Ногайские дела» <см.>: *Грамоты великого князя Иоанна Васильевича к нагайским мурзам.*

[34] Письмо Исмаʿила Юсуфу: Соловьев, *История России*, кн. II, стр. 92.

[35] Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 1, стр. 320.

Азии [36]; по большей части это были рыбаки и торговцы, захваченные на Каспийском море туркменами; четверо таких невольников были освобождены уже Дженкинсоном. Среднеазиатские ханы отправляли послов в Россию для получения принадлежностей охоты: ружей, свинца, пороха, но больше всего кречетов. Об этих посольствах говорится как в русских, так и в среднеазиатских источниках [37]. Хафиз-и Таныш, биограф знаменитого бухарского хана Абдуллы, самого могущественного из узбецких властителей, рассказывает о бухарском посольстве, которое в 1583 г. на обратном пути из России (с кречетами) было задержано в Ургенче и освобождено только по настоянию Абдуллы. В этом рассказе упоминается Москва как «столица франкских (т. е. европейских) султанов» [38]. В русских источниках упоминается посольство, прибывшее в 1589 г. ко дворцу царя Федора Иоанновича; в грамоте, привезенной послом Махмет-Али, московское правительство заметило некоторое умаление царского титула; кроме того, в ней совершенно не упоминалось о Борисе Годунове. На то и другое упущение было обращено внимание в ответной грамоте, составленной по царскому указу Годуновым.

Средоточием дипломатических и торговых сношений России с Персией и Средней Азией оставалась до XVIII в. Астрахань. Передовым военным постом России на границе со Средней Азией было яицкое казачье войско, фактически не зависимое от Москвы. Яицкими казаками предпринимались грабительские набеги на Каспийском море, как днепровскими и донскими на Черном; но эти набеги не имели того завоевательского характера, как движение казаков на Сибирь. Только один раз (в 1603 г.) яицкие казаки под начальством атамана Нечая предприняли набег на Хивинское ханство сухим путем; им удалось застигнуть врасплох и разграбить столицу ханства Ургенч, но потом они были истреблены ханом Араб-Мухаммедом. Об этих событиях кроме рассказа хивинского историка Абулгази (сына Араб-Мухаммеда) [39] сохранились известия в русских источниках; из них первыми по времени являются сведения, собранные И. Д. Хохловым во время его посольства в Бухару (1620—1622 гг.). По рассказу Хохлова, вместе с отрядом Нечая погиб купец Леонтий Юдин, который перед этим «былъ для торгу въ Бухарѣхъ и въ Индѣѣ

---

[36] <Наряду с этой официальной целью имелись значительно более существенные цели политического и экономического характера. — *А. М.*>

[37] С. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой*; рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 341—343. <См. также: Веселовский, *Прием среднеазиатских послов*; Уляницкий, *Сношения России с Средней Азией*; Панков, *К истории торговли Средней Азии с Россией*; *Торговля с Московским государством* (сборник документов); Фехнер, *Торговля русского государства со странами Востока*. — *А. М.*>

[38] Слова Хафиз-и Таныша о посольстве 1583 г. по рук. Аз. муз. 574 age <D 88>, л. 380 и сл.

[39] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона; <Кононов, *История приобрѣтения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази*. — *А. К.*>.

семь лѣтъ» [40]. К сожалению, об этом пионере русской торговли нет, повидимому, никаких других сведений.

Иван Данилович Хохлов еще в 1600 г. сопровождал на родину из Казани персидского посла. В 1613 г. он отправился в Персию из Астрахани в качестве посла атамана Заруцкого, захватившего в то время город. В 1641 г. новый царь, Михаил Федорович, отправил послами в Персию Михаила Тихонова и Алексея Бухарова [41]; так как Астрахань находилась еще во власти Заруцкого, они должны были ехать необычной дорогой из Самары через степь в Хивинское ханство и оттуда в Хорасан. В Ургенче они были приняты ханом Араб-Мухаммедом. Ко времени прибытия послов в Персию московским войскам удалось покончить с восстанием казаков; Астрахань была взята, Заруцкий бежал на Яик, был выдан и казнен; шах Аббас согласился выдать московским послам Хохлова и его товарищей, причем царь обещал помиловать их и принять к себе на службу.

В 1619 г. в Москве были послы ханов бухарского (Имам-Кули) и хивинского (Араб-Мухаммеда); когда надо было отправить их на родину и с ними ответное посольство, выбор московского правительства пал на того же Хохлова. По обычаю Хохлов вез ханам кречетов; но в это время Араб-Мухаммед был низложен своими сыновьями Ильбарсом и Хабашем, причем Ургенч находился в руках Хабаша; Хохлов отказался иметь с ним дело и дать ему подарки. Бухарский хан Имам-Кули принял послов в Самарканде. «Статейный список», т. е. отчет о посольстве Хохлова, заключает в себе подробное описание этой аудиенции и подробные сведения как о путешествии посольства, так и о состоянии ханств. Главная цель всех посольств в Среднюю Азию — освобождение русских невольников — была достигнута Хохловым в большей степени, чем другими послами; из Бухарского ханства с ним отпустили 31 человека, из Хивинского — 13. Хохлов уговорил одного из хивинских царевичей, Авган-Султана, приехать в Россию и поступить на царскую службу, что, по мнению самого Хохлова, должно было служить «к большой чести и повышенью государева имени». Об отъезде Авган-Султана в Россию (он умер в 1648 г. в Касимове) говорит и его старший брат Абулгази, хивинский историк; по словам Абулгази, Авган-Султану было в то время всего десять лет. Кроме того, из слов Хохлова можно бы было заключить, что это был первый случай поступления хивинского царевича на московскую службу; между тем еще в конце XVI в. в Москве был хивинский царевич Махмет-Кул (Мухаммед-Кули, дядя Авган-Султана) и даже принимал участие в походе Бориса Годунова против татар (в 1598 г.).

---

[40] О посольстве Хохлова: *Статейный список посольства в Бухарию*; о Леонтии Юдине, стр. 396; там же, стр. 446 и сл. — «Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею (до 1743 г.)»; Веселовский, *Иван Данилович Хохлов*.

[41] О посольстве Тихонова и Бухарова: ПДТС, т. II, стр. 151—312 (слова об индейском после и об Испании стр. 298).

Географические сведения о Востоке, добытые первыми посольствами, были еще крайне смутны. Тихонов и Бухаров называют индийского посла, которого они видели в Ардебиле, «индейским из черные Арапские земли послом». Те же послы, упоминая о военных действиях между персами и португальцами (Португалия в то время была подчинена испанскому королю), так описывают страну, с которой шах вел войну: «Государство на Белом море, словет Великая Спания, а по ним словут Фрянки, а та де земля на море, промеж Турской и Индейской земли». Ошибка объясняется тем, что «между Турцией и Индией» действительно находились те португальские (или в то время испанские) колонии на берегу Персидского залива, где происходили военные действия.

К середине XVII в. географические представления становятся отчетливее; на посольства, отправлявшиеся в Среднюю Азию, возлагается новая задача — добыть сведения о торговых путях в Индию. Такое поручение было дано еще Анисиму Грибову, ездившему в Бухару еще при Михаиле Федоровиче и вторично в 1646 г.[42]; на этот раз ему не удалось достигнуть Бухары вследствие происходивших в Туркестане смут. В 1669 г. из Астрахани ездил в Хиву Иван Федотов; в 1670 г. состоялось посольство братьев Пазухиных (Бориса и Семена), доставившее более обильные сведения; главой посольства был Борис Пазухин [43]. Послы в марте 1670 г. выехали из Астрахани; вместо обычного пути морем до Мангышлакского полуострова они проехали сухим путем на Яик и оттуда в Хиву, из Хивы в Бухару, где они прожили 16 месяцев; из Бухары через Чарджуй, Мерв и Мешхед к берегу Каспия, оттуда через Баку и Шемаху в Астрахань, куда вернулись в 1672 г. Послы были радушно приняты как хивинским ханом Анушей (сыном Абулгази), так и бухарским ханом Абд ал-Азизом. В статейном списке Пазухиных особенно подробно описывается прием у Абд ал-Азиза; описывается церемониал приема, угощение, питье кумыса. Между прочим, послам по приказанию хана показали какого-то большого черного зверя (слона или носорога) и спросили их, водятся ли такие звери в России; не желая сознаться, что бухарский хан может обладать такими предметами, которых нет у русского царя, Борис Пазухин ответил, что сам он таких зверей не видел, но владения русского царя так обширны, что никто не может сказать, какие звери в них водятся.

Посольством были собраны сведения о числе русских невольников, находившихся у среднеазиатских ханов; по этим сведениям, таких было всего 300 человек: 150 — в Бухаре, 50 — в Хиве и 100 — в Балхе. Число людей, находившихся во владении частных лиц, оставалось неизвестным.

---

[42] <Ср.: Преображенский, *Из истории сношений. — А. М.*>

[43] Отчет о посольстве Пазухиных: *Наказ Борису и Семену Пазухиным*; статьи: Tcharykow, *Un voyage dans l'Ouzbekistan* и Кобеко, *Старорусское известие о Мерве*; Кобеко, ЗВОРАО, т. IX, стр. 291.

Послы привезли в Россию всего 31 человека, из которых 9 были выкуплены бухарским ханом, остальные — самими послами.

Чтобы получить сведения о путях в Индию, Пазухины из Бухары отправили своих толмачей, Никиту Медведева и Семена-Измаила, в Балх, где правил брат Абд ал-Азиза Субхан-Кули-хан. Из двух толмачей только один, Медведев, вернулся к послам и рассказал, что «индийская дорога из Балху жилыми месты и никакого дурна и грабительства и налога не бывает». Из Балха надо было ехать в «Хенжон» (Хинджан), оттуда через Перван, Кабул и Пешавер в Дели, столицу Индии. Между «Хенжоном» и Перваном находились «Индейские горы» (Гиндукуш); прямой дорогой через горы было всего шесть дней пути, «в объезд около гор» — четыре недели. Через несколько лет (в 1679 г.) Борис Пазухин был отправлен послом в Крым и по дороге был убит мятежными казаками, разграбившими казну посольства [44].

Еще раньше были попытки найти путь в Индию (по примеру Афанасия Никитина) через Персию; русскими в Персии были добыты некоторые сведения о направлении этих путей; было известно, что между персидскими и индийскими войсками происходит борьба за пограничный ород Кандагар. Но пропустить русских послов и купцов в Индию персидское правительство отказалось.

После возвращения братьев Пазухиных московским правительством была сделана попытка проникнуть в Индию через Среднюю Азию. Когда в 1675 г. возвратился на родину бухарский посол ходжа Фарик, с ним были отправлены Василий Александрович Даудов (перс, принявший христианство в 1653 г. в Казвине, когда там было русское посольство, и поступивший на русскую службу) и казанский татарин (мусульманин) Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) Касимов [45]. Первый должен был проехать только до Бухары и добиться освобождения русских пленных; второму было поручено разузнать, «сухим ли путем или водяным или горами в Индею путь», и по возможности проникнуть к «индейскому восточному шаху», узнав о его имени и титулах. Касимов должен был обратить особенное внимание на водные пути, которые для расширения русской торговли и русских владений всегда имели наибольшее значение. Московскому правительству было известно существование в Средней Азии большой реки Аму-Дарьи; Касимов должен был «проведать, откуль та река Дарья вышла и в которых пределах путь свой имеет, и какие по той реке поселены народы, и какие промыслы и ходы и которых государств люди по той реке имеют». С посольством были отправлены из Казани

[44] О гибели Б. Пазухина: Веселовский, *Неудавшееся посольство в Крым.*

[45] *Автобиография Даудова*; исследование о нем: Селифонтов, *Очерк служебной деятельности.* <Более ранние взгляды В. В. Бартольда о национальной принадлежности Даудова см.: *История изучения Востока*, изд. 1, стр. 158; его же, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 343, прим. 10; наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 421, прим. 10. О посольстве Касимова: Минаев, *Сведения*, стр. 217—228; ср. также: *Наказ Касимову.* — *А. М.*>

«татарских языков толмачи Анисим Васильев и Иван Горский», из Астрахани — «переводчик астраханский татарин Мурметка».

Статейный список посольства Даудова и Касимова, к сожалению, утрачен; в московском архиве министерства иностранных дел, где хранились все дела по внешним сношениям России до 1800 г., об этом статейном списке была только отметка, что он «при ревизии 1806 г. на месте не оказался». Некоторое понятие о путях, пройденных послами, и о достигнутых ими результатах дают сохранившиеся сведения о их расходах. С Даудовым было отпущено из Бухары пять человек пленных; кроме того, он выкупил 33 человека. Касимов в 1677 г. вернулся в Москву, проехав только до Кабула. Из Бухары он проехал в Балх через Карши и Келиф; о его пути через Гиндукуш известно только, что он проехал не по той дороге (через Хинджан), о которой говорится в статейном списке Пазухиных, так как на пути между Балхом и Кабульской долиной посетил Гурбенд. Из Гурбенда в Кабул он ехал обычной дорогой через Чарикар и Исталиф. Из Кабула он хотел отправиться в «Анабат» (т. е. Джеханабад, около Дели), столицу Индии, но ему было предписано вернуться обратно, так как «шах в дружбе и любительных ссылках с великим государем быть не захотел, ибо с давнего времени послов к нему от российского государства не было». Касимову как мусульманину предлагали оставить русскую службу и поступить на службу к мусульманскому государю Индии, причем ему указывали на пример толмача Пазухиных, Семена-Измаила, или, как называет его Касимов, «Сеньки-Жидовина», жившего в то время в Кабуле, получавшего довольно большое жалованье и имевшего под своим начальством до 500 человек. Других сведений об этом авантюристе, носившем одновременно христианское и мусульманское имя и происходившем, судя по прозванию «Жидовин», из евреев, мы не имеем. Пазухиными он был отправлен в Балх, конечно, тайно, без официального поручения; пользуясь этим, Касимов объявил индийским властям, что «Сенька-Жидовин» никогда не состоял на русской службе, что это был «торгового человека шемахинца садовник, купленный человек, и приехал из Астрахани для торгового дела с торговыми людьми в Бухары, а из Бухар в Индию»; между тем по статейному списку Пазухиных Семен-Измаил присоединился к Пазухиным в Астрахани «по приказу боярина и воеводы кн. И. С. Прозоровского». Сам Касимов решительно отказался последовать примеру Сеньки и изменить своему государю. Потеряв надежду быть принятым при дворе индийского императора Ауренгзеба, он продал подарки, предназначенные для «индейского шаха», и вырученные деньги употребил на выкуп русских пленных, которых ему удалось освободить до 18 человек.

Касимов был одним из тех деятелей татарского происхождения, которые в XVII и XVIII вв. оказали России большие услуги при сношениях с переднеазиатскими и даже с восточноазиатскими государствами. Благодаря находившимся на русской службе татарам русское правительство

для сношений с правительствами мусульманских стран располагало готовым кадром переводчиков; этим отчасти объясняется, почему переднеазиатские языки еще в XVIII в. изучались в России менее, чем языки Восточной Азии. Татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией. Грамоты на персидском языке также переводились в России, вероятно, татарами и излагались слогом русских официальных бумаг; некоторые из таких переводов сохранились в архиве министерства иностранных дел вместе с подлинными грамотами, что́ дает возможность судить о том, насколько переводчики отступали от подлинника. Однако уже в 40-х годах XVII в. были переводчики и из русских. В документе 1644 г. говорится о «подъячем Полуекте Звереве, из новгородской четы», что он «обучался в Астрахани татарскому, арапскому и фарсовскому языкам» [46].

После целого ряда неудач русским торговцам наконец удалось проникнуть в Индию, но и этот успех не имел никаких дальнейших последствий. В 1695 г., уже при Петре Великом, с этой целью был отправлен купец Семен Маленький [47], или, по архивным документам, «Семен Малинков и Сергей Аникеев с товарищи для торгу». Семен Маленький отправился в Индию через Персию и в декабре 1696 г. проехал морем из Бендер-Аббаса в Сурат; был в Агре и Дели и был принят императором Ауренгзебом; из Индии он вернулся тем же путем в Персию, в гавань Бендер-Аббас, и на пути из Персии в Россию умер в Шемахе. Из всех участников путешествия в Астрахань прибыл только один слуга, который только 22 февраля 1716 г. был допрошен в канцелярии сената, куда он явился сам [48]; ни сам Маленький, ни его товарищи не оставили каких-либо записок. Таким образом, сношения со среднеазиатскими ханствами в XVII в., несмотря на все усилия московского правительства, не привели ни к освобождению пленных, ни к открытию торгового пути в Индию.

---

[46] *Царская грамота*, стр. 493 и сл.

[47] Заглавие <архивного> дела о Маленьком: Минаев, *Сведения*, стр. 223.

[48] Показания слуги (Андрея Семенова): Дело 1714—1718 годов, стр. 215—220.

Глава XIII

Успешнее были действия московского правительства в Сибири и на границе с Китаем, хотя в этом случае правительство только воспользовалось результатами стихийного движения землеискателей из казаков. Почти все походы предпринимались казаками на собственный страх, без какого-либо поручения от московских властей; только после окончания похода являлись московские приказные люди и объявляли о присоединении новой земли к владениям государя [1].

При завоевании Сибири казаки могли воспользоваться такими же «водяными» путями, к которым они привыкли у себя на родине. Ни Уральский хребет, ни водоразделы между великими сибирскими реками не представляли препятствий для перенесения лодок «волоком». Из Обской губы казаки проникли в Таз (торговым пунктом сделался в 1601 г. город Мангазея, в 200 верстах выше устья Таза) и Енисей; истоки рек системы Енисея близко подходят к истокам рек системы Лены; из рек системы Лены некоторые отделены только небольшим расстоянием от притоков Амура. При покорении сибирских народов казаки каждый раз прежде всего подчиняли себе низовья реки, где со стороны полярных народностей встречали меньше всего сопротивления, заставляли население платить дань (ясак) русскому царю, строили города и уже после этого двигались на юг вверх по течению. Этим объясняется, что на Енисее Туруханск был выстроен раньше Енисейска (1607 г.), Енисейск — раньше Красноярска; последний, основанный в 1628 г., долго оставался пограничным городом русских владений, хотя расположенный к югу от него Минусинский край отличается гораздо большим плодородием. Огнестрельное оружие («огненный бой») давало русским такое преимущество перед туземцами, что отряда в несколько десятков человек иногда было достаточно для покорения обширного края; только на крайнем юге Сибири казаки встретили врага, обладавшего тем же оружием, и здесь исход борьбы был иной. Даже покорение бурят потребовало много времени. Первые известия о бурятах

[1] О завоевании и исследовании Сибири и о посольствах в Китай (кроме *Истории России* Соловьева и других общеизвестных пособий) введение Арсеньева к книге <Спафарий, *Путешествие*>, там же ссылки на издания путешествий и «Азиатская Россия»; рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 337—340; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643—646>. <Теперь еще: Токарев, *История русской этнографии*, гл. 2—3; Мирзоев, *Историография Сибири. — Н. Т.* О народном характере движения русских на Восток см. также: Александров, *Россия на дальневосточных рубежах*, стр. 24—25; РКО, т. I, стр. 9. — *Редколл.*>

и их нападениях на русских «ясачных людей» были получены в 1609 г.; экспедиции в страну бурят начались с 1622 г.; первый острог в бурятской земле был построен в 1631 г. при впадении Оки в Ангару [2]. На берегу Великого океана русские появились приблизительно через 60 лет после похода Ермака, т. е. для покорения всего огромного пространства Сибири потребовалось только время двух поколений.

Еще в XV в. утверждение русской власти в бассейне Камы и Печоры вызвало столкновение с Сибирским царством, столица которого находилась близ впадения Тобола в Иртыш. Уже в 1483 г. русский отряд действовал на берегах Иртыша и Оби. После падения Казани и Астрахани прибыли послы из Сибири с предложением подданства (1555 г.); по русским источникам, послы утверждали, что в их государстве до 30 700 «черных людей» и что Сибирь может давать государю в качестве ясака по одному соболю на каждого жителя. В Сибирь был отправлен русский посол Димитрий Куров; когда он вернулся в Москву, с ним приехал посол Боянда, но привез всего 700 соболей. Царь наложил на Боянду «опалу»; в Сибирь были отправлены «служивые татары с грамотою, чтобы во всем исправились». В 1557 г. прибыли новые послы и привезли 1106 соболей с обещанием ежегодной дани, которое, однако, не было исполнено. Сибирские татары не только не подчинились России, но даже угрожали русским промыслам, устроенным в Пермском крае Строгоновыми. Уже в 1564 г. прошел слух, что «сибирский салтан идет на Пермь войной». В 1571 г. был заключен первый договор с сибирским ханом Кучумом. В 1573 г. начались враждебные действия царевича Махмет-Кула, сына Кучума; между прочим, им был убит «государев посланник, шедший в киргиз-кайсацкую орду». После этого Строгоновы получили дозволение вести наступательную войну с Сибирью и для этой цели приняли на свою службу казаков, совершавших грабежи на Волге под начальством атамана Ермака Тимофеевича.

Действия Ермака (1581—1585 гг.), несмотря на временное занятие Сибири (столица Кучума Искер была взята 25 октября 1583 г.), окончились неудачно; но проложенным им путем воспользовались войска царя Федора Иоанновича (1584—1597). Уже в 1587 г. был основан близ развалин города Сибири, или Искера, город Тобольск, долгое время остававшийся столицей всего края; еще в то же самое царствование были построены Березов, Пелым, Сургут, Тара, Нарым и Кетский острог. В начале XVII в. русские утвердились на Енисее; в 1620 г. появились первые отряды на Лене; в 1632 г. был основан Якутск.

На основании одного из дошедших до нас документов можно было полагать, что еще до похода Ермака была сделана попытка составить «роспись государствам за Сибирью». Под этим названием сохранился отчет о путешествии в 1567 г. казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша

[2] М. Богданов, *Из истории бурят.*

Ялычева. В действительности русские посланцы были отправлены в Монголию и Китай в XVII в. тобольским воеводой. Первым из таких посланцев был Василий Тюменец, отправленный в 1616 г.; за ним последовали Иван Петлин и Андрей Мундов (1618—1620 гг.). Отчет Петлина повторяет почти дословно мнимый отчет Петрова и Ялычева; сравнивая эти отчеты, Карамзин пришел к выводу, казавшемуся вполне естественным, что Петлин буквально списал отчет своих предшественников и сам не был ни в Китае, ни даже в Монголии. Однако этот вывод оказывается неверным, так как рассказ о Монголии, находящийся в обоих отчетах, вполне соответствует положению страны в начале XVII в. и никак не мог быть написан в 1567 г. В настоящее время выяснено, что как имена Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, так и 1567 г. поставлены каким-то переписчиком по недоразумению. Иван Петров был спутником Тюменца; послов «Алтына-царя» провожал в Москву и обратно пристав Бурнаш Никонов; донесение Петлина скрепил дьяк Иван Булычев; может быть, от этих двух лиц было образовано имя «Бурнаш Ялычев». Томский казак Иван Петлин первым из русских послов прибыл в Пекин (после 4 сентября 1618 г.), где он пробыл больше месяца (до 11 октября) [3]. Петлин привез в Тобольск китайскую грамоту, которой там никто прочесть не мог; грамота осталась в Тобольске; Спафари при проезде через этот город нашел там китайца и узнал от него, что в грамоте было сказано: «Валли китайский царь» [4]. Китайским императором в то время был Вань-ли (1573—1620) из династии Мин. Путешествие Петлина сделалось известным даже в Западной Европе и было переведено на языки английский, французский и голландский.

Московское правительство в то время само добивалось сведений о путях в Китай, отчасти под влиянием английского купца Джона Уильяма (по-русски Иван Ульянов) Мерика, несколько раз приезжавшего в Россию, в первый раз еще в XVI в.; в 1602 г. с ним были отправлены русские люди в Англию учиться. При Михаиле Федоровиче Мерик добивался пропуска английских купцов по Волге в Персию и по Оби в Индию и Китай; правительство решило из дружбы к английскому королю «послать в сибирские города нарочно к воеводам, велеть проведать, откуда Об река вышла, куда пошла, в какое море, какими судами можно по ней ходить, какие орды у верховьев Оби, какие реки в нее впали, где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться» [5]. После посольства Петлина московское правительство пришло к заключению, что от торговли с Монголией и Китаем выгод ждать нельзя, «потому что те государства дальные, и торговым людем ходити от них в наши государства далеко, а Алтын царь — кочевные орды, люди воинские, а нашим государствам

[3] Покровский, *Путешествие Петлина*. О Петлине еще: Палладий, *Заметки о путешествии Петлина*.

[4] Любимов, *Некоторые документы*.

[5] Об отправлении русских в Англию: Карамзин, *История*, т. XI, прим. 126. О переговорах с Мериком: Соловьев, *История России*, кн. II, стр. 1126.

прибыли от них, кроме запросов, никакие нет и вперед не чаяти» [6]. Таким же образом до Петра Великого не имели большого значения сношения с последним могущественным кочевым государством в Средней Азии, ойратской державой; в 1646 г. тюменьскому воеводе было предписано прекратить всякие сношения с ойратами, даже торговые; все сношения должны были сосредоточиваться в Тобольске [7].

На отдаленном севере Сибири в 1644 г. было основано зимовье при устье Колымы, впоследствии город Нижне-Колымск. Отсюда в 1648 г. казак Семен Дежнев проехал морем до устья реки Анадыри, где прожил шесть лет [8]. Дежнев, таким образом, первый достиг северо-восточной оконечности Азии, только в новейшее время названной по его имени мысом Дежнева. Описание путешествия Дежнева только в 1736 г. было найдено в Якутске акад. Миллером; но слухи о том же путешествии, по-видимому, дошли до пленного шведского офицера Страленберга [9], который на своей карте при устье Колымы сделал отметку, что отсюда русские «с большим трудом и опасностью для жизни» отправляются «через ледяные глыбы в страну Камчатку». Если бы плавание Дежнева сделалось известным раньше, то вопрос о проливе между Азией и Америкой, разрешение которого было возложено на Беринга (по его имени, как известно, пролив впоследствии был назван), мог бы считаться разрешенным еще в XVII в.

В 1647 г. казаки из бассейна Лены достигли Великого океана близ устья Ульи (по сведениям Миллера, первое появление казаков на Улье относится еще к 1639 г.); несколько севернее этого места ими была построена крепость Охотск, в 1654 г. сожженная тунгусами, но потом восстановленная. До присоединения Амурского и Уссурийского краев Охотск оставался главной русской гаванью на берегу Великого океана.

В 1643 г. отряд казаков под начальством Василия Пояркова двинулся водой из Якутска вниз по Лене и вверх по Алдану и его притокам, перенес лодки «волоком» в Зею, по Зее достиг Амура и проплыл по этой реке до устья, где перезимовал; обратный путь был совершен по Великому океану до устья Ульи, из Ульи волоком в Маю, по Мае, Алдану и Лене в Якутск. Важнее по своим последствиям было плавание Ерофея Павловича Хабарова (1649 г.), избравшего другой путь: вверх по Олекме и Тунгирю, отсюда волоком в Урку, принадлежащую к системе Амура.

---

[6] Решение московского правительства после посольства Петлина см. в работе Покровского *Путешествие Петлина*, стр. 301.

[7] О сношениях с ойратами: Котвич, *Русские архивные документы*, стр. 791—822, 1071—1092, 1193—1214; на стр. 1081 документ от 1 января 1597 г. по какому-то недоразумению приписан Михаилу Федоровичу.

[8] О путешествии Дежнева: G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 5—20 (отдельные части *Sammlung russischer Geschichte* появились также в русском переводе в <журнале> «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», <издававшемся> в 1755—1764 гг.). <См. библиографию к настоящему тому: *Описание морских путешествий.*>

[9] <О нем см.: Новлянская, *Ф. И. Страленберг. — А. К.*>

В бассейне Амура казаки нашли совершенно иные условия, чем в остальной части Сибири; Хабарову раньше рассказали, что «на устье реки Уры в двух местах серебряная руда, одна в утесе, а другая в воде; да на той же реке Шилке внизу медная и свинцовая руда, а хлеба всякого много». Кроме возможности захватить хлебородный край казаков привлекали также рыбные богатства большой реки [10].

Попытка Хабарова утвердить на Амуре русскую власть сначала имела успех; местный князь Лавкай подчинился русским; но уже в 1650 г. местные дауры ответили казакам, требовавшим от них ясака: «Даем мы ясак богдойскому царю (китайскому императору), а вам какой ясак у нас?»[11] Впервые русские в Сибири вступили в область, на которую кроме них заявляла свои права другая сильная держава, обладавшая огнестрельным оружием. В 1652 г. Хабарову уже пришлось иметь дело с «силой богдойской», т. е. с китайским войском, причем китайцы потерпели поражение. Завоевание Амура казалось достигнутым; в 1653 г. из Москвы прибыл для принятия края под власть русского царя дворянин Зиновьев; Хабаров уехал; на Амуре был оставлен Онуфрий Степанов в качестве «приказного человека великой реки Амура новой Даурской земли».

Китайское правительство в первые годы после этого события ограничилось тем, что предписало жителям (в 1654 и 1656 гг.) покинуть занятую русскими область. В это самое время в Пекин прибыло посольство царя Алексея Михайловича; во главе посольства находился боярский сын Федор Исакович Байков. Послы выехали из России в 1654 г., проехали водным путем вверх по Иртышу, оттуда сухим путем через Монголию и в 1656 г. достигли Пекина. Здесь они, однако, не были приняты императором, так как отказались подчиниться требованиям китайского этикета; московское правительство всегда давало своим послам точные указания, как им надо вести себя, чтобы «царской чести не порушить», и эти указания были несовместимы с унизительными обрядами поклонения, которых требовали в Пекине от иноземных послов. Байков и его товарищи должны были уехать, не повидав императора, и увезти обратно свои подарки. Из отчета Байкова можно заключить, что переговоров с китайскими чиновниками о политических делах тоже не было, так как в составе посольства не было ни людей, знавших восточные языки, ни образованных лиц, которые могли бы, как делалось впоследствии, объясняться по-латыни с находившимися на китайской службе иезуитами и другими европейцами

---

[10] G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd II, S. 293—448 — о русских на Амуре.

[11] <Как показывают документы, до прихода русских местное население Приамурья никому дани не платило. Утверждение дауров было скорее попыткой избежать обложения данью ссылкой на то, что они якобы уже платят дань другому правителю (см.: РКО, т. I, стр. 10). Нельзя также с уверенностью отождествлять «богдойского царя» с китайским императором; речь могла идти о ком-либо из маньчжурских ханов (см.: Мелихов, *Маньчжуры*). — *Редколл.*>

(к Байкову китайцы для этой цели присылали «голландских немцев»). Однако китайцы впоследствии уверяли Спафари, что с Байковым были переговоры об амурских делах и что Байков будто бы назвал казаков, завоевавших Амур, ворами и разбойниками, до которых русскому царю нет никакого дела и с которыми китайское правительство может расправиться по своему усмотрению[12].

Во всяком случае, китайцы тотчас после посольства Байкова двинули на Амур военную силу, которой удалось в 1658 г. уничтожить русских, причем погиб и Онуфрий Степанов, чем, однако, не были прерваны мирные сношения между обоими правительствами. Вскоре после отъезда Байкова в Пекин прибыли боярский сын Иван Перфильев и «бухарец» (выходец из Средней Азии) Сеиткул Аблин, посланные из Сибири. Впоследствии при ссылках на это посольство и на отчет о нем как русские, так и китайцы упоминали только об Аблине, а не о Перфильеве. Политических результатов посольство не достигло, и привезенная им грамота была возвращена китайцами обратно как непонятная для них. Участники посольства, однако, могли вывезти из Китая некоторые товары; между прочим, ими впервые были привезены в Москву несколько пудов чая.

События 1658 г. уничтожили все результаты походов Пояркова и Хабарова; но в это время русские уже подходили к берегам Амура с другой стороны, из бассейна Енисея. Енисейские воеводы издавна направляли своих посланцев в Монголию; один из западномонгольских владетелей, Алтан-хан, теснимый калмыками, перешел с озера Упсы к берегам Абакана, в 1634 г. принял русское подданство и предложил свои услуги на случай военных походов или на случай отправления русских посольств «на китайские, тунгузские и аргунские земли», но вскоре снова откочевал на верховья Енисея, за Кемчик; сношения с ним продолжались, но не имели для России большого значения. В 1640 г. экспедиция, снаряженная из Енисейска под начальством Максима Перфильева, принесла известие о каком-то тунгусском князе Ботоге, у которого было много соболей и серебра; но только в 50-х годах, после упорной борьбы с бурятами, русские владения были распространены по Ангаре до Байкала. Еще в 1650 г. на берегу Байкала у мыса, который и теперь называется «Посольским», был убит бурятами русский посол. В 1656—1658 гг. енисейский воевода Афанасий Пашков из бассейна Енисея проник в бассейн Амура, причем лодки были перенесены «волоком» из Хилока в Ингоду. В бассейне Амура Пашковым был построен Нерчинск, где долгое время сосредоточивались пограничные сношения с Китаем. В Нерчинск в 1666 г. прибыл первый китайский посланец; с 1670 г. стали приезжать и торговцы. Фактической границей русских владений уже в то время сделалась река Аргунь, остающаяся и теперь границей между Россией и Китаем. Игнатий Милованов,

[12] <О миссии Байкова, во время которой действительно не было никаких переговоров о событиях на Амуре, см. подробно: Демидова, Мясников, *Первые русские дипломаты в Китае*, стр. 94. — *Редколл.*>

посланный в 1670 г. нерчинским воеводой Даниилом Аршинским, доносил, что за Аргунью «государевых ясачных людей нет». Ниже места слияния Шилки и Аргуни у казаков была крепость Албазин, основанная Хабаровым, разрушенная в 1658 г. и восстановленная Никифором Черниговским, бежавшим в этот край после того, как им в 1665 г. был убит близ Киренска илимский воевода Обухов.

Пример Никифора Черниговского показывает, что и во второй половине XVII в., как при Ермаке, распространителями русских владений в Сибири иногда являлись люди, совершившие на родине преступление и спасавшиеся от преследования. Сам воевода Афанасий Пашков был лишен своей должности как мятежник, задумавший основать в Сибири самостоятельное царство.

Действиями казаков не только был присоединен к России обширный край, но были открыты для европейской науки новые земли, о которых не было никаких сведений ни в античной, ни в средневековой географии. О Сибири были некоторые сведения у китайцев; еще в истории династии Тан (618—907) говорится о долгих летних днях и коротких ночах в стране к северу от Байкала. В монгольский период как в китайской истории монголов (*Юань-ши*), так и у Рашид ад-дина упоминается название Сибири — Ибир-Сибир; упоминается также река Ангара. Сибирь под названием «Тюлес» упоминается в истории Тимура и под названием «Тура» — в рассказе османца Сейфи о русском завоевании; но до Западной Европы эти сведения не доходили [13]. Картографические работы, исполненные в Москве по грубым чертежам казаков, большею частью не дошли до нас (сохранились только объяснительные записки к ним), но тогда же обратили на себя внимание западноевропейской науки и сохранились в западноевропейских копиях.

Первой из таких картографических работ был «Большой чертеж», законченный в 1600 г., но заключавший в себе сведения разных эпох начиная с XV в. Самый чертеж утрачен; сохранилась только составленная в 1627 г. «Книга, глаголемая Большой чертеж» — объяснительная записка, из которой мы можем видеть, какие географические данные были нанесены на карту [14]. Сведения, относившиеся к Западной Сибири, отличались сравнительной подробностью и точностью; о географии Средней Азии, даже о течении Аму-Дарьи и Зеравшана, имели только самое смутное представление, несмотря на ряд посольств в Бухару и Ургенч. Аральское море упоминается под названием «Синего»; говорится, что в нем «вода солона»

---

[13] Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. Китайские известия у Иакинфа: Бичурин, *Собрание сведений*, ч. I, стр. 440; текст Рашид ад-дина, изд. Березина, стр. 101 и 168; слова *Юань-ши* у Бретшнейдера, *Researches*, vol. II, pp. 37, 88. Рассказ Сейфи в лейденской рук. № 917; известие из истории Тимура см.: Barthold, *Dūghlāt*, S. 1127; <наст. изд., т. V, стр. 530>.

[14] <См. библиографию к настоящему тому; последнее издание 1950 г. озаглавлено: «Книга Большому чертежу». — *Н. Т.*>

и тем не менее из него проводится «река Арзас» в Хвалимское, т. е. Каспийское, море. Сыр-Дарья, по представлению составителей чертежа, впадала в «Синее море», Аму-Дарья — в Арзас.

Во второй половине XVII в. географический кругозор русских, особенно благодаря завоеваниям в Сибири, значительно расширился; явилась потребность в новой карте; в 1667 г. тобольский воевода Петр Ив. Годунов получил предписание «всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища и всему учинити чертеж». Карта тогда же была напечатана в Москве и в 1672 г. вышла вторым изданием; сохранилось, однако, только «описание», впоследствии изданное Спасским во «Временнике Московского общества истории и древностей» (1858 г.). Но в Стокгольмском архиве оказались копии карты Годунова, сделанные капитаном Пальмквистом, членом шведских посольств Кронемана (1668—1669 гг.) и Оксеншерна (1673—1674 гг.); кроме того, в Германии была напечатана копия Г. Шлессингом, прожившим в России (начиная с 1684 г.) около трех лет, под заглавием: «Вновь открытая Сибирия с картой этой страны». Русскими сведениями о Сибири воспользовался голландец Николай Корнелиссон Витсен, проживший в Москве несколько лет (в 60-х годах), впоследствии, после возвращения на родину, сделавшийся амстердамским бургомистром и встретившийся с Петром Великим во время его заграничного путешествия. Витсеном была издана по русским источникам в 1687 г. «Новая карта севера и востока Азии и Европы», в 1692 г. — книга «Северная и Восточная Тартария», имевшая несколько изданий и переведенная на несколько языков [15]. Из приложенной к книге карты видно, что сведения о Средней Азии, собранные Витсеном в Москве, не представляли никакого прогресса по сравнению с данными «Большого чертежа».

Этими шведскими, немецкими и голландскими копиями впоследствии пришлось воспользоваться русскому ученому при собирании «Материалов для истории русской картографии» [16]. Если западноевропейская наука уже в XVII в. воспользовалась географическими открытиями русских, то сопоставление этих сведений с западноевропейскими сведениями о южных частях Азии в то время еще представляло непреодолимые трудности. Еще не была исправлена ошибка Птолемея, на карте которого Азиатский материк имел слишком большое протяжение к востоку; с другой стороны, авторы русских чертежей впали в противоположную ошибку, и указанное ими протяжение Сибири с запада на восток было меньше действительного.

О собранных русскими картографических материалах еще раз упоминается при снаряжении нового русского посольства в Китай. Главой посольства на этот раз был Николай Гаврилович Спафари, ученый грек из Молдавии, находившийся на русской службе. В Москве в то время уже

---

[15] Сведения Витсена о Средней Азии: Берг, *Аральское море*, стр. 37—40.

[16] Кордт, *Материалы*.

знали, что переговоры в Пекине будут ведены с учеными европейцами на латинском языке и что поэтому во главе посольства должен стоять образованный человек. Посольство было отправлено в 1675 г., в том же году, когда состоялось отправление Касимова в Индию. Для Спафари были истребованы все чертежи Сибири и земель к югу от нее «до китайских высоких стен»; упоминаются даже чертежи более южных местностей; так, было два чертежа, сделанных тобольским боярским сыном Степаном Поляковым: один — Селенгинскому острогу, другой — «Енисейску и Селенгинскому и иным острогам и даурам и мугалам и китайскому и никанскому государствам» (под «никанским государством» понимали Южный Китай, покоренный маньчжурами несколько позже, чем Северный). Московское правительство имело сведения и о деятельности западноевропейских миссионеров и купцов в Восточной Азии; в инструкции Спафари говорится о путешествиях иезуитов из Индии в Китай через Тибет, о событиях в Японии и на острове Формозе (остров с 1624 до 1662 г. принадлежал голландцам, потом был отнят у них китайским предводителем, не зависимым от пекинского правительства, и ко времени посольства Спафари еще не был покорен маньчжурами). Обо всем этом Спафари должен был подробно разузнать [17].

Посольство ехало водными путями вплоть до китайской границы: из Оби вверх по Кети, оттуда волоком в Енисейск, вверх по Енисею и Ангаре до Байкала, из Байкала вверх по Селенге и Уде, волоком в Ингоду, через Нерчинск вниз по Шилке и вверх по Аргуни. Отчет Спафари о путешествии по Западной Сибири иногда буквально воспроизводит текст «Книги, глаголемой Большой чертеж». Таким же образом он при описании Китая широко пользовался «Атласом» Мартини, делая к нему только некоторые добавления. Интересно, между прочим, замечание о городе Сокчи (Сучжоу), где, как известно, сосредоточивалась торговля с Китаем мусульман: «да в том же городе и наши тобольские русские люди приходили и купили ревень и прочее». Таким образом, и здесь, как на пути в Индию, были русские, независимо от правительства пользовавшиеся торговыми путями. Интересно тоже замечание о Японии: «Писано же мало нечто и о сем острове Японском, которого описание имеется здесь в России особливая пространнее книжица». В бассейне Амура Спафари в своих предположениях выдвигал границу русских владений несколько дальше к востоку, чем где она была проведена впоследствии; естественной границей, «где предел меж Сибирского государства и Китайского учинится», пред-

[17] О Спафари (кроме упомянутого выше издания Арсеньева: Спафарий, *Путешествие*): Сырку, *Спафарий*; его же, *Николай Спафари до приезда в Россию*; Ивановский, *Посольство Спафари* (текст и перевод маньчжурского отчета о переговорах); АИАК и *Дополнения* к ним (см. указатель к пяти томам *Актов* и к десяти томам *Дополнений*); Спафарий, *Описание Азии*, во введении — литература предмета. < См. теперь еще: Скачков, *Библиография Китая*, стр. 598; ИИН, № 11042—11053. — *А. К.*>

ставлялся ему «Таргачинский» хребет (Хинган) [18]. Во всяком случае, ему казалось несомненным, что все народы этой части Азии должны будут подчиняться одной из двух держав; встретив на речке Гане (правом притоке Аргуни) людей, еще не принадлежавших ни к русским, ни к китайским подданным, он убеждал их, что «невозможно им жить самовольно меж рубежа Великого Государя и Китайского хана».

Передовые китайские посты были им встречены только на реке Нонни, откуда посольство проследовало в Пекин. Несмотря на все чертежи, география Северного Китая в то время была малоизвестна; Спафари считал возможным, что от Далай-Нора впоследствии будет найден «водяной путь до Китая».

Переговоры со Спафари в Пекине, о которых до нас дошли как русские, так и китайские известия, и на этот раз не привели ни к каким результатам. Кроме действий казаков на Амуре китайское правительство видело нарушение добрососедских отношений в принятии русскими тунгусского князя Гантемира, китайского подданного, бежавшего в 1667 г. в Нерчинск, и требовало его выдачи. Вопрос об Амуре на этот раз касался только Албазина и местности по Зее; местности около устья реки тогда еще не придавали значения ни русские, ни китайцы, и вопрос о значении Амура для судоходства, поднятый в XVIII в., тогда еще не существовал, хотя Спафари знал, что в устье Амура «не токмо большие суды возможно делать, но и великие корабли». Казаки впоследствии обвиняли Спафари в излишней уступчивости китайским требованиям; он будто бы согласился признать китайскими подданными тунгусов, живших по берегу Зеи, и дал албазинским казакам «указныя памяти, чтобы не ходили по Амуру и Зее» [19].

Уступки Спафари, если они действительно были сделаны, не предотвратили военных действий. Китайцы требовали очищения Албазина; два раза (1684 и 1686 гг.) китайское войско осаждало эту крепость, захватило в плен значительное число людей, которые были отведены в Пекин, но окончательно вытеснить казаков не удалось. В 1689 г. в Нерчинск съехались для заключения мира уполномоченные обеих сторон: со стороны русских — окольничий Федор Головин, со стороны китайцев — иезуиты Жербильон и Перейра. Об этих переговорах и о заключении трактата до сих пор нет исследования, в котором были бы использованы все источники, русские и китайские. В отчете Головина ход переговоров передан, во всяком случае, неточно. Китайцам приписывается притязание, чтобы граница была установлена по Байкалу, так как страна к востоку от этого озера принадлежала Китаю еще со времени Александра Македонского. Этого, конечно, не могли бы сказать ни китайцы, ни иезуиты (хотя Миллер считал возможным, что китайцы узнали об Александре Македонском от Жербильона);

[18] О Сокчи: Спафарий, *Описание Азии*, стр. 91; о Японии и об устье Амура там же, стр. 202.

[19] Baddeley, *Russia, Mongolia, China*; Ульяницкий, *Албазин и албазинцы*.

о действиях Александра Македонского у Байкала говорится только в русских книжных сказаниях того времени, на основании которых, очевидно, и было сочинено требование, приписанное китайским уполномоченным. На карте Ремезова (см. ниже) при устье Амура отмечено: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал, колокол оставил».

В полученной Головиным инструкции предписывалось требовать установления границы по Амуру до его устья; если этого не удастся достигнуть, согласиться на проведение границы по Зее, во всяком случае, отстаивать Албазин. Китайцы настаивали на разрушении Албазина и на отказе русских от левого берега Амура. Слух о приближении тридцатитысячного китайского войска заставил Головина уступить; из китайских документов о заключении трактата видно, что такого войска в действительности не существовало и что слух был нарочно распущен с целью добиться от русских необходимых уступок, что́ и удалось[20]. Границей между Россией и Китаем была признана река Аргунь от слияния с Шилкой вверх «до самых вершин», т. е. до Далай-Нора; в действительности река осталась границей России только до того места, где впоследствии был построен Абагайтуевский караул. В местности к северу от Амура граница была установлена по реке Горбице, впадающей в Шилку, несколько ниже речки Черной. Русские очистили Албазин и отказались от притязаний на берега Амура и его притоков ниже Горбицы. По берегу Великого океана границей русских владений признавалась Удская бухта; точное определение границы между Горбицей и Удской бухтой признавалось излишним ввиду безлюдности края. Не была установлена также граница между Монголией и русскими владениями за Байкалом. Был определен порядок торговых сношений между китайцами и русскими в пограничных пунктах [21].

В течение следующих двух столетий после Нерчинского трактата между русскими и китайцами не было никаких военных действий; все спорные вопросы решались путем дипломатических переговоров, хотя ведение их иногда было связано со значительными затруднениями и приводило к цели только после ряда неудачных попыток. Вопрос о торговых сношениях и после 1689 г. продолжал вызывать споры; обе стороны обвиняли друг друга в неисполнении договора. Для обсуждения торговых интересов русских подданных хотели иметь в Пекине постоянного представителя России; кроме того, под предлогом поддержания в православии «албазинцев» и их потомков от китайцев требовали, чтобы они дали разрешение на пребывание в Пекине представителей русского духовенства; предполагалось, что

---

[20] <Вновь опубликованные документы подтверждают наличие войска численностью до 15 000 человек, с помощью которого китайцы оказали давление на русское посольство. См.: РКО, т. II, стр. 45—47 и иллюстрацию между стр. 676 и 677. — *Редколл.*>

[21] О нерчинских переговорах: G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd I, S. 495—515; доклад Любимова, *Новые маньчжурские материалы*, ср. ЗВОРАО, т. XIX, стр. XIII.

деятельность этой духовной миссии вызовет в китайском народе и в самом богдыхане расположение к православию и к России.

Первое посольство в Китай при Петре Великом было отправлено еще в 1692 г.; послом был Эверт-Избранд Идес (по-русски Елизарий Елизариев сын Избрант), голштинец, еще в молодости приехавший в Россию по торговым делам. Помимо вопроса о торговых сношениях посол должен был поднять вопрос о постройке в Пекине для албазинцев православной церкви на средства русского правительства. Посольство вернулось в Россию в 1695 г., не достигнув своей цели. Научным результатом посольства были некоторые дополнения и поправки к карте Витсена. Описание путешествия Избранда было издано в 1704 г. в Амстердаме на голландском языке под редакцией Витсена; раньше о нем было напечатано только краткое извлечение на немецком языке в приложении к книге Менцеля (Mentzel) о китайской хронологии (1696 г.) [22].

Вопрос о духовной миссии был поставлен более широко в указе Петра от 18 июня 1700 г. — *первом по времени распоряжении русского правительства об обучении русских людей восточным языкам.* Предполагалось при замещении вакантной в то время кафедры сибирского митрополита (в Тобольске) отправить с ним «добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись»; этим они потом должны были воспользоваться для изучения религиозных учений китайцев и монголов и для распространения среди них православия, чтобы таким образом содействовать политическим и торговым интересам России.

Ученые монахи и священники в то время были только среди малороссийского духовенства, из среды которого и пришлось избрать как митрополита, так и миссионеров. Первым главой духовной миссии был Иларион Лежайский, отправленный в 1707 г. в Монголию, в 1714 г. — в Пекин, куда он прибыл в 1716 г.; уже в следующем году он умер, но его ученики остались в Пекине, чем фактически было положено начало духовной миссии, хотя существование ее только десять лет спустя было обеспечено договором [23].

Петр Великий еще не имел намерения, как это было сделано впоследствии, возложить на духовную миссию и дипломатическое представительство; предполагалось иметь в Пекине особого политического агента из светских лиц. В 1719 г. был отправлен послом в Китай капитан Измайлов и с ним поступивший на русскую службу швед Ланге, который должен был остаться в Пекине в качестве постоянного агента. Пространство между Тобольском и Байкалом было пройдено посольством зимой 1719/20 г.; в Илимске в то время было разветвление дорог на Якутск и на Иркутск (последний был основан в 1661 г.). Из Селенгинска послы проехали в Пекин новой дорогой через Монголию, незадолго перед тем заменившей прежнюю, более удобную, но более длинную дорогу от Нерчинска к берегу

[22] <См. теперь: Идес, *Записки о русском посольстве в Китай.* — *Н. Т.*>

[23] <О Пекинской духовной миссии см. ниже, стр. 388.>

Нонни. Как прежде на Амуре, так теперь в Монголии китайцы хотели создать нейтральную полосу между Китаем и Россией; послы нашли пастбища на Орхоне покинутыми, так как монголам было запрещено подходить к русской границе. Как на Амуре первоначально предполагалось присоединить к России местность между Аргунью и Хинганом, впоследствии оставшуюся в пределах Китая, так и в Монголии граница, по первоначальным русским предположениям, должна была пройти по реке Толе, т. е. значительно южнее, чем она была установлена впоследствии.

В ноябре 1720 г. посольство достигло Пекина и было принято императором; вопрос об этикете был разрешен в том смысле, что посол подчинился обычаям страны, причем китайское правительство обещало, что в случае отправления в Россию китайского посольства китайский посол также подчинится всем обычаям, принятым при русском дворе. В Пекине близ восточной стены в то время уже существовала православная часовня для албазинцев. В марте 1721 г. Измайлов покинул Пекин, не добившись никаких результатов; Ланге пробыл в Пекине до июля 1722 г., когда должен был уехать по требованию китайского правительства. По полученной им инструкции он должен был пользоваться каждым случаем для получения сведений как о самом Китае, так и о соседних с ним странах; исполняя это предписание, он в конце февраля 1722 г. вступил в сношения с прибывшими в Пекин представителями Кореи — государства, находившегося в то время в вассальной зависимости от Китая. Это было одним из обстоятельств, вызвавших неудовольствие китайцев и имевших последствием вынужденный отъезд русского агента [24].

Достигнуть разрешения спорных вопросов удалось графу Савве Владиславичу Рагузинскому, который в 1725 г. был отправлен послом в Китай и в 1727 г. заключил с Китаем Буринский трактат, подтвержденный Кяхтинским договором 14 июня 1728 г.[25]. По этому договору была определена граница между Китаем и Россией от Абагайтуевского караула на Аргуни до перевала Шабин-дабага; с тех пор эта граница не подвергалась изменениям [26]; споры возбуждались только по поводу Урянхайского края, области между хребтами Саянским и Танну-Ола, которая по договору, по-видимому, должна была оставаться нейтральной[27]. Россия получила

[24] Об Измайлове и Ланге: Bell d'Antermony, *Voyages depuis de St.-Petersbourg*. Ср. еще: Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел*; Трусевич, *Посольские и торговые сношения*.

[25] Юзефович, *Договоры России с Востоком*. <В действительности договор заключен 21 октября 1727 г.; у В. В. Бартольда указана дата его ратификации («размена»). См.: *Русско-китайские отношения. 1689—1916*, стр. 11—22. — *Редколл.*>

[26] <Граница от Абагайтуевского караула до перевала Шабин-дабага сохранилась доныне без изменений. Сейчас это — граница между СССР и Монгольской Народной Республикой в ее восточной части. — *Л. М.*>

[27] <В ходе разгрома Джунгарского ханства территория Тувы была захвачена войсками Цинской империи. В результате национально-освободительной борьбы тувинский народ обрел независимость; в 1944 г. Тува добровольно вошла в состав СССР. См.: *История Тувы*, т. I—II. — *Редколл.*>

право иметь в Пекине духовную миссию, на которую было возложено и дипломатическое представительство. Предполагалось, что миссия будет сменяться каждые десять лет (в действительности некоторые миссии пробыли в Пекине более продолжительное время); светский пристав провожал новую миссию в Пекин, после чего прежняя в сопровождении того же пристава возвращалась в Россию. Миссии совершали путь в Пекин и обратно по дороге через Монголию, открытой незадолго до посольства Измайлова; пограничный пункт на этой дороге со стороны России — Кяхта (против которого с китайской стороны находится селение Маймачен) — был единственным местом, где по договору могли происходить торговые сношения между Россией и Китаем. В Кяхте, как центре русско-китайской торговли, приносившей русским купцам огромные выгоды, выработались своеобразные условия жизни, резко отличавшие Кяхту от других сибирских городов. Памятником прежней роскоши остается великолепный Кяхтинский собор.

Кяхтинский договор, которым надолго были определены отношения между обеими державами, давал России большие преимущества перед западноевропейскими государствами. Россия сделалась единственной державой, имевшей постоянные торговые сношения с Китаем и постоянное представительство в Пекине. Существование «российской духовной миссии в Пекине» создавало исключительно благоприятные условия для русских научных работ о Китае, особенно после эдиктов против иезуитов. К миссии могли быть прикомандированы и светские лица для научных работ, в том числе для изучения китайского языка и литературы. Если существование миссии не было использовано русской наукой в той степени, как можно было ожидать, то это объясняется низким состоянием в то время русской культуры, в частности низким уровнем образования русского духовенства. Среди членов миссий пьянство было обычным пороком; и в других отношениях образ жизни большей части их, вопреки надеждам Петра Великого, не мог увеличить уважения китайцев к русским. В лучшем случае члены миссии, основательно изучившие китайский язык, являлись переводчиками китайских сочинений, но не исследователями языка, литературы и истории Китая с точки зрения требований европейской науки; ученость их, по отзыву одного из русских ученых, была только ученостью китайских мандаринов. Несмотря на это, существование миссии имело большое значение для русской науки. Когда, по мысли Петра Великого, в 1725 г. его преемницей была учреждена в Петербурге Академия наук, мы видим при академии в качестве переводчиков с китайского и маньчжурского языков лиц, научившихся этим языкам во время пребывания в Пекине при миссии; лицами из той же среды воспользовались в XIX в., после учреждения кафедр языков Дальнего Востока, русские университеты. Мы видим несколько примеров, что лица, отправившиеся в Пекин вместе с миссией в качестве врачей или астрономов, во время пребывания в Пекине станови-

лись синологами и впоследствии посвящали свою жизнь этой отрасли знания [28].

К первым годам царствования Петра Великого относится завоевание Камчатки, с которым была связана попытка Петра, отчасти осуществленная при его преемниках, ввести в России изучение японского языка. Камчатка была завоевана русскими из Анадырского острога, куда был послан в 1695 г. пятидесятник Владимир Атласов во главе небольшого отряда. В следующем году на полуостров проник помощник Атласова Лука Морозко; в 1697 г. сам Атласов довершил завоевание. Атласов в 1701 г. прибыл в Москву, где представил подробный отчет о своих успехах; на обратном пути он на реке Лене разграбил несколько русских судов, за что временно подвергся опале, но потом снова был назначен на прежнюю должность; в 1711 г. он был убит собственными казаками.

На Камчатку часто выбрасывались бурей японские суда, плававшие по Охотскому морю. Уже Лука Морозко нашел несколько японских рукописей; Атласов встретил в Камчатке японца Денбея, потерпевшего кораблекрушение, и говорит о нем как о «толковом и учтивом парне». О дальнейшей судьбе Денбея известно только, что Атласов хотел его взять с собой в Якутск, но должен был оставить в Анадырске, так как у японца от непривычного бега на лыжах опухли ноги. Во время пребывания в Москве в 1701 г. Атласов, очевидно, рассказал и о Денбее; 16 апреля 1702 г., в тот же день, как известным указом о вызове иностранцев было положено начало насаждению в России европейской культуры, последовал царский указ о том, чтобы прислать из сибирского приказа в артиллерийский «японского государства иноземца Денбея для обучения русскому языку и грамоте, и как он Денбей русскому языку и грамоте изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти». Насколько известно, мысль Петра не была осуществлена при его жизни, хотя в 1705 г. последовал новый царский указ с запросом о том, выполнен ли указ 1702 г., и хотя в 1710 г. на берег Камчатки был выброшен другой японец, Санима, которого в 1714 г. привезли в Петербург и расспросили о его родине. В некоторых русских научных работах можно встретить утверждение, будто еще в 1705 г. в Петербурге была основана японская школа и будто в этой школе преподавал Денбей, к которому потом присоединился Санима; но о такой школе не говорит ни один из источников XVIII в.

Школа для изучения японского языка была учреждена только в 1736 г. при Академии наук. В 1729 г. около берегов Камчатки снова потерпели

---

[28] МИРДМ, вып. 1. <См. еще: Скачков, *Библиография Китая*, № 4876, 4877, 4920, 4977, 4996, 5129, 5137, 5138, 5156, 17899. Примером превращения астрономов в синологов могут служить: К. А. Скачков (1821—1883), по образованию агроном, заведовал метеообсерваторией в миссии, прекрасно овладел китайским языком; Д. А. Пещуров (1833—1913), окончил физико-математический факультет Петербургского университета, заведовал обсерваторией миссии в Пекине, преподавал китайский язык. — *А. К.*>

крушение два японских судна; спасшиеся на берег японцы подверглись нападению со стороны пятидесятника Андрея Штинникова, причем были перебиты все, кроме двоих, Созы и Гонзы, обращенных в рабство; все имущество японцев было разграблено. За такой поступок Штинников потом был заключен в тюрьму и казнен; японцев в 1734 г. привезли в Петербург, представили императрице Анне Иоанновне и обратили в православие; при крещении Соза получил имя Кузьмы Шульца, Гонза — имя Демьяна Поморцева. Было решено воспользоваться японцами для обучения русских людей японскому языку; набрали солдатских детей и поручили японцам обучать их; надзор за школой был вверен помощнику библиотекаря Академии наук Андрею Богданову, под руководством которого японцы обучались русскому языку; Богданов должен был содержать японцев «во всяком страхе» и заботиться о том, чтобы они и их ученики усердно исполняли свои обязанности. Шульц умер уже в том же, 1736 г., 43-х лет, Поморцев — в 1739 г., 21-го года. Даровитый юноша, по отзывам современников, хорошо объяснялся по-русски и успешно преподавал свой язык; в библиотеке академии сохранились рукописи учебников, составленных им под руководством Богданова; этих книг три: «Вокабулы и дружеские разговоры», «Грамматика» и хрестоматия под заглавием: «Orbis pictus или свет в лицах». Японские тексты везде написаны русскими буквами, причем в предисловии объяснено, что сам Поморцев, покинувший свою родину 11 лет от роду, не знал японских письмен, которые «трудностью подобны хинским» (китайским). После смерти обоих японцев художником Конрадом Оснером по распоряжению академии были сделаны с их лиц восковые маски, хранящиеся теперь в этнографическом музее академии [29].

Ранняя смерть Демьяна Поморцева нанесла школе непоправимый удар. Его ученики из солдатских детей должны были сами, без преподавателя, продолжать изучение японского языка и обучать ему других; через несколько лет (1745 г.) в школу снова были доставлены из Камчатки потерпевшие крушение японцы, что потом повторялось еще несколько раз; большей частью это были простые рыбаки, от которых трудно было ожидать успешной педагогической деятельности; такой исключительной личности, как молодой Поморцев, среди них больше не было. Школа оставалась до 1753 г. в Петербурге, потом продолжала существовать еще до 1816 г. в Иркутске; за все это время она не подготовила никаких знатоков японского языка и не оставила никаких следов в истории русского востоковедения.

---

[29] Веселовский, *Сведения о преподавании*; Бартольд, *Обзор деятельности факультета* (о японцах и японской школе стр. 1—5, 14—19; <см. выше, стр. 24—27, 34—39. Там же ссылка на новую литературу. — *А. К.*>.

Глава XIV

С царствования Петра Великого начинается новая эпоха в истории отношений России не только к Дальнему Востоку, но и к мусульманскому миру. Политические и коммерческие задачи, унаследованные от XVII в., были поставлены при нем с большей определенностью и широтой; кроме того, с именем Петра связаны первые русские работы научного характера в области изучения Востока. На пути в Персию Петр в 1722 г. осмотрел развалины города Булгара, принял меры для их охраны и велел своим переводчикам списать и перевести татарские и армянские надписи[1]. Во время персидского похода было составлено собрание рукописей, которые потом были привезены в Петербург.

Один из татарских переводчиков, переводивших булгарские надписи, Юсуп Ижбулатов, потом в Реште перевел с персидского, но с многочисленными вставками от себя, сочинение по истории Дербента, персидский подлинник которого впоследствии был утрачен; перевод Юсупа был приготовлен для печати, но остался в рукописи[2]. Сочинение по истории Дербента (*Дербенд-нāме*) известно теперь только в нескольких турецких (азербайджанских) версиях [3].

Политические предприятия Петра на Востоке имели только временный успех. Завоевания его на берегу Черного моря были возвращены Турции вследствие неудачного Прутского похода 1711 г. По С.-Петербургскому договору 1723 г. Персия уступила России все свои прикаспийские области как на западном, так и на южном берегу Каспийского моря, но этот договор не был ратифицирован и дальше Гиляна русские владения никогда не распространялись. Даже фактически занятые персидские области не были удержаны, хотя по договору 1724 г. Россия и Турция поделили между собой северные пограничные области Персии и обязались действовать заодно в случае отказа персов уступить той или другой стороне ка-

[1] Пекарский, *Наука и литература в России.* <См. также: Юсупов, *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. — А. К.*>

[2] Березин, *Булгар на Волге.* Сочинение, переведенное «города Казани ориентальных языков перевотчиком Юсупом», сохранилось в деле Московского архива 219/379, в бумагах Г. Ф. Миллера; из дела видно, что Миллер предполагал перевести труд Юсупа на немецкий язык и включить в *Sammlung russischer Geschichte.*

[3] О *Дербенд-нāме*: Козубский, *Опыт библиографии*, в особенности № 394; Barthold, *Derbend*, S. 985; <наст. изд., т. III, стр. 425; т. VIII, стр. 470—481; Стори, *Биобиблиографический обзор*, ч. II, стр. 1274—1277. — *А. К.*>.

кие-нибудь из выговоренных провинций. Вскоре после этого Персия вновь усилилась под властью Надир-шаха, которому удалось отобрать у турок все их завоевания оружием; русские постепенно (по двум рештским договорам 1729 и 1732 гг. и по Гянджинскому договору 1735 г.) добровольно возвратили персам все свои завоевания [4].

Страна к востоку от Каспийского моря, где политические и коммерческие интересы России успели определиться еще в московский период, в конце XVII в. была известна русским лучше, чем прежде. В 1696 г. тобольскому боярскому сыну Семену Емельяновичу [5] Ремезову было приказано составить «Чертежную книгу Сибири»; Ремезов (известный также составлением тобольской летописи) закончил свой труд в 1701 г. Ремезов лично привез свой атлас в Москву в ноябре 1698 г., где ему за его труд было пожаловано пять рублей. Вошедшая в книгу карта Средней Азии, датированная 1697 г., представляет значительный шаг вперед по сравнению с «Большим чертежом» и с картой Витсена; Аральское море впервые упомянуто под этим названием и впервые изображено в виде самостоятельного бассейна, не связанного с Каспием [6]. Новые сведения главным образом были добыты посольством 1694 г. к киргизскому хану Тявке (см. гл. XV). В начале XVIII в. были добыты еще более подробные сведения о Каспийском и Аральском морях; эти сведения частью устно (во время пребывания в Париже в 1717 г.), частью письменно были сообщены Петром Делилю, который воспользовался ими при одном из последних изданий своей знаменитой карты (1723 г.)[7]. Исправление данных античной географии о Каспийском море и странах к востоку от него было одним из первых результатов русских исследований, принятых западноевропейской наукой.

Отношения к ханствам в то время были иные, чем прежде. Как в Бухарском ханстве после Абд ал-Азиза, так и в Хивинском после Ануши начинается время внутренних смут и частой смены ханов; представители узбецкой родовой аристократии вступают в борьбу с престолом, что привело к распадению Бухарского ханства и к ослаблению Хивинского [8]. При Петре русский царь уже не сносился с ханами, как равный с равными; хивинский хан был признан русским подданным, и в этом смысле были составлены грамоты к хану Шах-Ниязу (1700 г.) и к хану Араб-Мухаммеду (1703 г.). Впоследствии у Петра явилась мысль — воспользо-

---

[4] О договорах: Юзефович, *Договоры России с Востоком*, см. выше о рукописи, связанной с договорами с Турцией; Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, стр. 926; <наст. изд., т. VIII, стр. 344>.

[5] <Ульяновичу; см.: Гольденберг, *С. У. Ремезов. — А. К.*>

[6] О картах: Берг, *Аральское море*, стр. 40—45. О карте Ремезова еще: Миддендорф, *Путешествие на север*, ч. I, стр. 34—39; *Письма и бумаги Петра Великого*, т. I, стр. 372—373; т. II, стр. 190—191 и 496.

[7] <Ср. наст. изд., т. III, стр. 16—17 и 333. — *Н. Т.*>

[8] <См. теперь: Салахетдинова, *Походы Ануша-хана*. — *Н. Т.*>

ваться борьбой между ханами и узбецкой аристократией для действительного подчинения ханств русской власти. Предполагалось поместить с согласия ханов в Хиве и Бухаре русские военные отряды, которые содержались бы на счет ханов и помогали бы им против их врагов. Такая мера укрепила бы власть ханов над их подданными, но в то же время поставила бы ханов в полную зависимость от русского правительства.

Такой план был составлен Петром Великим под влиянием тех новых известий о Средней Азии, которые в то время были получены в России. В 1713 г. туркмен Ходжа Нефес рассказал в Астрахани, что Аму-Дарья впадала прежде в Каспийское море и только незадолго перед тем была отведена хивинцами в Аральское из страха перед русскими; то же самое подтвердил хивинский посол Ашур-бек. При таких условиях представлялось вполне возможным путем возвращения Аму-Дарьи в ее прежнее русло восстановить тот водный путь между Индией и Каспийским морем, о котором писали античные географы. Сверх того сибирский губернатор князь Матвей Гагарин около того же времени прислал донесение о существовании в Средней Азии, близ какого-то города «Еркети», на реке «Дарье», богатых золотых россыпей. Впоследствии было доказано, что имелся в виду город Яркенд в Восточном Туркестане; но в то время о местоположении города имели совершенно неправильное представление; из инструкции, данной в 1716 г. среднеазиатской экспедиции, ясно видно, что «Еркеть» (или Эркеть) помещали на Сыр-Дарье [9].

Таким образом, план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи. Во главе предприятия был поставлен князь Александр Бекович-Черкасский, происходивший из кавказских горцев и носивший мусульманское имя Девлет-Гирей [10]. Экспедиция началась в 1714 г.; на первый раз Бекович ограничился исследованием восточного берега Каспийского моря от Тюп-Карагана (гавань на Мангышлаке, упоминающаяся еще в XVII в.) до старого русла Аму-Дарьи и убедился в существовании такого русла; в 1715 г. экспедиция вернулась в Астрахань [11]. В 1716 г. Бекович получил в свое распоряжение более значительные силы; ему была дана подробная инструкция из 13 пунктов как по вопросу о предложении военных отрядов ханам, так и по вопросу об устройстве крепостей на Каспийском и Аральском морях, о разрушении плотин и возвращении реки в старое русло. С берега Аральского моря предполагалось отправить «купчину» вверх по Сыр-Дарье до Эркети. Кроме того, была дана особая инструкция из пяти пунктов поручику Кожину, которому было поручено отыскать

[9] G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd IV, S. 183—274 (о «Еркети», Бековиче и иртышских походах).

[10] Ibid., Bd VII, S. 156 sq. <О нем см. еще: Княжецкая, *Судьба одной карты.* — *А. К.*>

[11] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*; Макшеев, *Исторический обзор Туркестана*; Терентьев, *История завоеваний Средней Азии*, т. I.

и описать водный путь в Индию [12]. В распоряжении Бековича было около 4000 человек регулярного войска. Кожин уклонился от возложенного на него поручения, за что потом был привлечен к суду, но, по-видимому, прощен. Кожин отрицал существование сухого русла Аму-Дарьи и утверждал, конечно без всякого основания, будто Бекович изменнически хотел передаться хивинскому хану «и единственно для сего подтверждал о существовании сей реки».

Бекович в 1716 г. снова проехал по Каспийскому морю и построил крепости в трех местах: у Тюп-Карагана между Александровским заливом (Бехтир-лиманом) и заливом Киндерли (это место и на современных картах отмечается под названием Девлет-Гирей) и у Красных Вод, т. е. у Балханской бухты (где ныне город Красноводск), около места впадения в Каспийское море Узбоя — сухого русла Аму-Дарьи. В феврале 1717 г. он вернулся в Астрахань и весною того же года предпринял поход на Хиву, двигаясь, по-видимому, вдоль западного берега Аральского моря (на это указывают развалины носящей его имя и, по-видимому, построенной им крепости Девлет-Гирей). Отряду удалось достигнуть Хивы и вступить в переговоры с ханом. По сведениям, впоследствии дошедшим до русского правительства, Бекович дал себя обмануть; хан уговорил его разделить свои силы на пять отдельных отрядов под предлогом, что трудно было бы доставить в одно место провиант для всего войска; как только разделение войска состоялось, хивинцы по приказанию хана набросились на отдельные отряды и истребили их; сам Бекович был убит в городе Порсу. Вскоре после этого хивинцами были уничтожены также крепости, построенные Бековичем на берегу Каспийского моря.

О походе «Девлет-Гирея» говорится и в хивинской официальной истории, причем хивинский рассказ вполне подтверждает известия русских источников: по словам хивинцев, отряд удалось истребить «хитростью», без открытой битвы [13]. О плане отвести воду Аму-Дарьи хивинский рассказ не упоминает; по мнению хивинского историка, отряд имел целью завоевать Хивинское ханство ради золота, добывавшегося в горах Шейх-Джели.

Несмотря на неудачный исход, предприятие Бековича не осталось без результатов для науки. В походе принимали участие некоторые из пленных шведов и немцев, которые впоследствии были отпущены хивинцами; их рассказами воспользовался пленный шведский офицер Страленберг, долго живший в Сибири и после своего возвращения на родину издавший

---

[12] Инструкция Бековичу и Кожину: ПСЗ, № 2993 и 2994 (14 февраля 1716 г.).

[13] Хивинский рассказ о походе Бековича: рук. Аз. муз. 590 оа <С 571>, лл. 74б—75а — сочинение Муниса (Шир-Мухаммеда) *Фирдаус ал-икбал*; Бартольд, *События перед хивинским походом*, стр. 4; <наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 405>; Попов, *Сношения России с Хивою*. О Кожине еще: Н. Муравьев, *Путешествие в Туркмению и Хиву*, ч. II, стр. 11. О деле Бековича еще: МВУА, т. I, стр. 197—506.

книгу (на немецком языке) о «Северной и восточной частях Европы и Азии». Карта Страленберга заключает в себе некоторые данные о бассейнах Каспия и Арала, которых нет на прежних картах[14]. С именем Страленберга связано также открытие сочинения хивинского хана Абулгази (ум. в 1663 г.) по истории турецких племен. Научное использование этого открытия в то время было невозможно; не было ученых, которые могли бы понять и перевести подлинник. Бухарский ахунд (духовное лицо), знавший по-русски, продиктовал перевод русскому писцу; с русского был сделан немецкий перевод шведом Шёнстремом, изданный в 1780 г. под именем Мессершмидта (о нем см. дальше; зимой 1720/21 г. он в Сибири познакомился со Страленбергом, носившим тогда, до приобретения шведского дворянства, фамилию Табберт). С немецкого был сделан французский перевод, изданный в 1726 г., с французского — русский перевод Тредьяковского. Научные издания и переводы сочинения Абулгази появились только в XIX в. Появление книги в 1726 г. объясняется тем, что Страленберг с 1722 г. был в Петербурге, где собранный им материал сделался известен иностранцам; географические сведения Страленберга также отчасти уже были опубликованы за границей до появления, в 1730 г., его собственного труда[15].

Переговоры со среднеазиатскими ханствами при Петре Великом вообще не привели ни к каким результатам. В том же, 1717 г. в России был бухарский посол; когда он возвращался на родину, с ним был отправлен Флорио Беневени, «секретарь ориентальной экспедиции посольского приказа». Беневени проехал в Бухару через Кавказ и Персию, прожил некоторое время в Бухаре, куда он прибыл в 1721 г., потом в Хиве, был принят ханами, но из обоих городов был вынужден спасаться бегством; только в 1725 г. он вернулся в Россию. Им были собраны некоторые сведения о реке Аму-Дарье и о богатстве одной из областей по верхнему течению этой реки, Бадахшана; по словам Беневени, там добывалось и золото. Вообще Беневени были доставлены несколько преувеличенные сведения о богатствах Средней Азии; так, он писал, что «за пять ден от Бадакшана горы суть, в которых всякое удовольство, ни Хиве, ни Бухарам не пример»; о Сыр-Дарье им сообщалось, что «по упомянутой Сыр-реке везде можно золото сыскати, но в Индиджане (Андижане) и Мергалане (Маргелане) зело довольно». Хивинский хан Ширгази в разговоре с Беневени старался оправдать свой поступок с Бековичем поведением самого несчастного военачальника; Бекович, по словам хана (несомненно, не имевшим никакого основания), изменил русскому государю и хотел завоевать Хивинское ханство для себя. Дневник Беневени о пребывании в Хиве на итал-

---

[14] Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia.*

[15] Об открытии труда Абулгази: Саблуков, *Предисловие переводчика.* <См. выше, стр. 369, прим. 39. — *А. К.*>

янском языке (из Шемахи, Тегерана и Бухары им присылались донесения по-русски) был обнародован только в 1853 г.[16].

Еще до возвращения Беневени, в 1720 г., в Россию прибыл посол хивинского хана Вейс-Мамбет (собственно Айваз-Мухаммед); в отмщение за гибель русского отряда его посадили в крепость, где он в следующем году умер; только один из участников посольства был отпущен в Хиву с грамотой на имя хана. Впоследствии отпущенные из Хивы русские пленные рассказывали, что хан, получив грамоту, растоптал ее ногами.

Одновременно с походом Бековича была сделана попытка достигнуть «Эркети» с другой стороны, со стороны Сибири. Пограничным пунктом русских владений на Иртыше считалось Ямышево озеро, куда приезжали с разных сторон промышленники для добывания соли и где в определенное время года происходила ярмарка. Еще Спафари советовал построить здесь крепость, но до XVIII в. это не было исполнено и не было никаких внешних признаков, что местность действительно входит в состав России. К Западной Сибири примыкало на юге калмыцкое, или джунгарское, государство, последнее из могущественных государств, образованных среднеазиатскими кочевниками; калмыки относили к своим владениям берега Иртыша до Оми, впадающей в Иртыш значительно ниже Ямышева[17].

Под влиянием слухов об Эркети Петр теперь решил построить крепость в Ямышеве и оттуда двинуть к Эркети военный отряд. Исполнение этой задачи было возложено на подполковника Ивана Бухгольца; ему было приказано взять в Тобольске 1500 человек, «с оным войском иттить в новопостроенную крепость Ямышеву и, перезимовав, иттить к калмыцкому городку Еркетю и оный городок достать и укрепить, и проведать на Дарье реке, как калмыки промышляют песочное золото»[18].

Бухгольц двинулся в 1715 г. с более значительными силами (по словам самого Бухгольца — 2450 человек, по некоторым известиям — до 4500), но поход был столь же неудачен, как экспедиция Бековича. Калмыки утверждали, что крепость Ямышева построена на их земле, и зимой 1715/16 г. осадили ее. После долгого сопротивления и больших потерь Бухгольц был вынужден очистить крепость и отойти к устью Оми, где построил крепость Омск; калмыки его не преследовали. С Бухгольцем вернулось всего 700 человек, из чего можно заключить, что русские потеряли более 1500, хотя по сведениям, впоследствии собранным Унковским, потери были менее значительны — 133 убитых или умерших от ран и 419 пленных, причем в это число включены также офицеры и солдаты другого отряда, шедшего на соединение с Бухгольцем; отряд был окружен

---

[16] Дневник Беневени был опубликован А. Поповым в приложении к его статье *Сношения России с Хивою*, стр. 319—324. <Теперь ср. также: Маслова, *Обзор путешествий в Среднюю Азию*, где приводятся библиографические сведения. — *В. П.*>

[17] <См. теперь: Pelliot, *Notes critiques d'histoire kalmouke*. — *Н. Т.*>

[18] Письмо Бухгольца кн. Меншикову см.: Соловьев, *История России*, кн. IV, стр. 931—934.

калмыками и должен был сдаться в плен. Пленные были уведены в Семиречье и Восточный Туркестан и освобождены только в 1733 г. В числе их был шведский штык-юнкер Иоанн-Густав Ренат, который вылил для калмыков шесть пушек и три мортиры и даже устроил в их стране типографию.

По сведениям, добытым через Унковского, пленные русского происхождения также содействовали развитию промышленности в Восточном Туркестане; так, ими были устроены два кожевенных завода. Ренату приписывалась интересная карта калмыцкого государства, найденная в 1879 г. в шведской королевской библиотеке в Линчёпинге (Linköping). В настоящее время доказано, что Ренат только использовал и перевел на шведский язык калмыцкую карту, полученную им от ойратского владетеля Галдан-Цэрэна, причем латинская транскрипция калмыцких названий была сделана в Петербурге при участии русского знатока калмыцкого языка Василия Бакунина[19].

Неудача Бухгольца не заставила Петра отказаться от своего плана, но было ясно, что до похода на Эркеть необходимо укрепить русскую власть на Иртыше; самому же Бухгольцу было приказано в 1716 г. «иттить до Зайсан-Нор-озера и на оном озере построить город немалой». Исполнение этого приказания казалось Бухгольцу совершенно невозможным, и поход не состоялся; но в следующие годы русскими на Иртыше были достигнуты значительные успехи. Офицеры Мстигорев и Ступин проникли значительно дальше Ямышева; Ступин в 1718 г. основал Семипалатинск; в 1719 г. майор Иван Лихарев с небольшим отрядом (всего 440 человек) достиг Зайсана и даже проплыл оттуда еще некоторое расстояние по Черному Иртышу. Действия Лихарева все еще были связаны с исканием дорог в Эркеть; ему было поручено построить крепость на Зайсане и проведать «о пути от Зайсан озера к Эркетю, как далеко и возможно ли дойти; также, нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану и впали в Дарью-реку или в Аральское море». Поручение построить крепость на Зайсане осталось невыполненным, но на обратном пути Лихарев выстроил на Иртыше выше Семипалатинска крепость Усть-Каменогорск, последнюю из русских крепостей на Иртыше. Так возникла «Иртышская линия» укреплений, долгое время остававшаяся границей Сибири со стороны Средней Азии.

Калмыки не могли препятствовать этим успехам русских; их государство подвергалось в то время более существенной опасности со стороны войск китайского императора Канси. Затруднениями калмыков в борьбе с китайцами воспользовался казацкий старшина Иван Чередов, посланный к калмыцкому владетелю Цэван-Рабтану, и уговорил этого владетеля признать себя русским подданным, чтобы получить от русских военную

[19] Ренат, *Карта*; Baddeley, *Russia, Mongolia, China* (о карте Ремезова p. CLVII и др.; о карте Рената pp. CL, XVI и др.); Котвич, *Русские архивные документы*, стр. 797 и сл.

помощь против китайцев. С таким поручением был отправлен в Россию калмыцкий посол Борокурган, принятый сначала в Тобольске, потом в Петербурге. Предложения, сделанные послом от имени своего государя, вполне соответствовали планам Петра Великого: калмыки предлагали русским отправить из Семипалатинска войско в 20 000 человек и построить крепость «выше озера, где сошлись два Иртыша», т. е. на Верхнем Иртыше, у места слияния Черного Иртыша с Синим. Для окончательного разрешения вопроса к калмыкам было отправлено новое русское посольство, во главе которого был капитан Иван Унковский (1722—1724 гг.); цель посольства кроме переговоров с Цэван-Рабтаном заключалась в осмотре «тех мест, где удобно крепостям быть, а особливо, чтоб в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо ж водяным путем»[20]. Унковский проехал с берега Иртыша на Или и оттуда до речек Тюп и Джаргалан, впадающих с юго-востока в озеро Иссык-Куль. Отчет его содержит подробное описание его маршрута; всему краю, по которому он проехал, он составил чертеж, на который были нанесены также расспросные сведения о городах Восточного Туркестана. Как было принято в России вообще, Унковский называет всех оседлых жителей Туркестана, как нынешнего русского, так и нынешнего китайского, бухарцами. Уже д'Эрбело знал, что русские называют Бухарой всю страну между владениями русского царя и китайскими[21]. Политические условия ко времени посольства Унковского успели измениться; император Канси умер в 1722 г., и опасность для калмыцкого государства со стороны Китая временно была устранена; в помощи русских калмыки более не нуждались и не желали ни появления русских отрядов, ни постройки русских крепостей. Поэтому Унковский на вопрос о городах получил от Цэван-Рабтана ответ: «Ныне городы мне не надобны». Калмыки даже жаловались на действия русских на Иртыше и возобновляли свои притязания на берега Иртыша вплоть до Оми.

Вместе с Унковским прибыл в Россию в 1724 г. новый калмыцкий посол Дорчжи; из переговоров с ним выяснилось, что ему «о подданстве не приказано просить», а только о согласии. В таком смысле и была составлена ответная грамота; в ней уже не было упоминания о подданстве, и только выражение «мы вас в нашей И. В. высокой милости содержать не оставим» показывало, что калмыцкий «контайша» (так был переделан русскими титул калмыцких владетелей — *хун-тайчжи*) не признается равным русскому государю.

Ряд предприятий, вызванных слухами об «Эркети», закончился посольством плац-майора Угримова (1732—1733 гг.). Ему удалось добиться полного освобождения всех русских пленных, захваченных во время несчастного похода Бухгольца, и выяснить вопрос о золотых россыпях.

---

[20] Унковский, *Посольство.*

[21] D'Herbelot, *Bibliothèque orientale.*

Оказалось, что золото добывалось в Восточном Туркестане, притом не столько около главного города страны Яркенда, сколько около города Керии, где и теперь существуют золотые прииски. С тех пор как было определено географическое положение рудников, мысль о военном походе с целью завладения ими более не возникала; когда четверть века спустя калмыцкое государство было завоевано китайцами, это совершилось без всяких препятствий со стороны России. О путешествии Унковского в то время были сообщены в печати только краткие сведения; подробный дневник его и другие документы, касавшиеся сношений с калмыками до посольства Угримова, были напечатаны только в 1887 г.

Последним из предприятий в Азии, мысль о которых принадлежала Петру Великому и которые были осуществлены после его смерти, было исследование северных и восточных берегов материка; главным из географических вопросов, требовавших разрешения, был вопрос о проливе между Азией и Америкой [22]. До Петра у русских, если не считать плавания казаков из Колыми в Анадырь и с устья Амура к устью Ульи, не было судов на Великом океане; в 1716 г. шведскими пленными по поручению Петра были построены суда в Охотске. В 1725 г. при личном участии царя был составлен план экспедиции, впоследствии получившей название «первой камчатской» [23], для разрешения вопроса о проливе; руководство экспедицией было поручено датчанину Витусу Берингу, состоявшему на русской службе с 1704 г.; из русских моряков в ней принимали участие Чириков, Шпангберг и Чаплин. Беринг только в 1728 г. начал свое плавание из Охотска и в 1730 г. вернулся обратно, причем им был открыт остров св. Лаврентия. Достигнуть берега Америки ему на этот раз не удалось, но он проследил берег Азии до его северо-восточной оконечности и убедился в том, что отсюда береговая линия направляется на запад, в чем видел достаточное доказательство, что материки Азии и Америки отделены один от другого морем.

Приблизительно в то же время, в 1726 г., в Петербурге была снаряжена экспедиция в землю чукчей под начальством казачьего головы Афанасия Шестакова из Якутска, откуда и раньше доставлялись сведения о Северо-Восточной Азии. Шестаков привез несколько карт, на которых, между прочим, был обозначен берег Аляски под названием «Большая земля». Шестаков выехал из Петербурга в 1727 г. и в 1730 г. погиб в стычке с чукчами; его подчиненный, подштурман Иван Федоров, в 1732 г. достиг берега «Большой земли», хотя и не высаживался там. Федоров умер на Камчатке в 1733 г.; сведения об экспедиции впоследствии, в 1741 и 1743 гг., были сообщены ее участником, геодезистом Гвоздевым, которому поэтому часто приписывалась честь открытия. Берег Америки был обозна-

---

[22] Берг, *Известия о Беринговом проливе.*

[23] О двух камчатских экспедициях: G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 112—304.

чен уже на карте Страленберга под не вполне объясненным до сих пор названием Puchochotski или Pogukotzki.

Несколько раньше, в 1716 г., был заключен контракт с д-ром Мессершмидтом, обязавшимся составить подробное описание Сибири не только в естественноисторическом, но также в этнографическом и археологическом отношениях. Мессершмидт отправился в Сибирь в 1720 и вернулся в Россию в 1727 г.; представленный им дневник (на немецком языке) остался в рукописи; только в 1888 г. из него были напечатаны (в русском переводе) некоторые извлечения В. В. Радловым [24]. Мессершмидт умер в 1735 г.

Мысль Петра Великого об описании Сибири и изучении отдаленного Севера легла в основу обширной экспедиции, план которой был составлен одним из главных сподвижников Петра — сенатским обер-секретарем Кирилловым. Эта «великая северная экспедиция», называемая также «первой академической» и «второй камчатской», по обширности выполненных ею задач и до настоящего времени не имеет себе равной среди научных экспедиций, когда-либо снаряженных каким-либо правительством. Районом работ экспедиции были берега Европы и Азии от Архангельска до Японии; кроме того, был совершен ряд поездок в Сибирь сухим путем для изучения страны во всех отношениях. Достигнутые экспедицией результаты были куплены тяжкими жертвами. Члены экспедиции должны были выполнять возложенные на них поручения, соединенные с тяжелыми лишениями, не ожидая ни наград, ни каких-либо выгод; некоторые из них поплатились жизнью. На население местностей, где происходили работы, возлагались такие обременительные натуральные повинности, что целые народности были доведены ими до состояния нищеты.

Для исследования берегов Сибири было совершено несколько экспедиций. Одна из них исследовала береговую полосу от Архангельска до устья Оби, причем для путешествия туда и обратно потребовалось пять лет (1734—1739); другая направилась от устья Оби к устью Енисея (после нескольких неудачных попыток в 1737 г. удалось пройти это пространство), третья — от устья Енисея на полуостров Таймыр; две экспедиции были отправлены с устьев Лены: одна — на запад, к северной оконечности Азии, другая — на восток, к Шелагскому мысу, получившему такое название от вымершего народа шалагов, о котором первые сведения были сообщены Атласовым. Северная оконечность материка была достигнута в 1742 г. на санях штурманом Челюскиным, который назвал этот мыс северо-восточным; достижение этой цели было связано с такими трудностями, что впоследствии высказывалось сомнение в достоверности отчета Челюскина; только в 1878 г. экспедиция Норденшельда, которой впервые удалось достигнуть того же места морским путем, дока-

[24] Радлов, *Сибирские древности.* <См. еще: Новлянская, *Даниил Готлиб Мессершмидт.* — *А. К.*>

зала полную правдивость этого отчета, после чего мыс получил новое название по имени русского исследователя[25].

Во главе всех морских работ экспедиции находился Беринг, взявший на себя лично выполнение главной задачи — исследование пролива между Европой и Азией. В 1740 г. он покинул Охотск с кораблями «Петр» и «Павел» и приплыл к Камчатке, где открыл превосходную гавань, получившую от его кораблей название Петропавловска. В 1741 г. он из Петропавловска отправился дальше и достиг берега Америки. На обратном пути ему пришлось зимовать на Беринговом острове, причем от цинги погибла большая часть экипажа; сам Беринг умер в конце 1741 г. Для исследования полярной природы эта зимовка имела большое значение благодаря участию адъюнкта Стеллера, сохранявшего бодрость даже при этой тяжелой обстановке; произведенные им наблюдения представляли большую цену; между прочим, им описан вид полярного животного («морская корова»), теперь уже не встречающийся.

Наконец, в 1739 г. была отправлена экспедиция из Камчатки к берегам Японии под начальством капитана Шпангберга (участника первой камчатской экспедиции) и лейтенанта Вальтона. Им удалось достигнуть цели; несмотря на закон, запрещавший сношения с иностранцами, русские везде были хорошо приняты населением, но не могли объясняться с ним и не знали названий тех мест, куда приставали; сведения об этом мы находим только в японских источниках[26]. Результаты экспедиции Шпангберга и Вальтона настолько противоречили географическим представлениям того времени, что было признано необходимым совершить ту же поездку вторично; на этот раз были отправлены из Петербурга для участия в экспедиции солдатские дети Шенаныкин и Фенев, ученики Демьяна Поморцева. С ними Шпангберг и Вальтон отправились вторично в 1742 г., но на этот раз их суда вследствие бурь и туманов не могли проникнуть дальше Курильских островов.

Общее руководство исследованиями на суше было возложено на натуралиста Иоанна-Георга Гмелина; кроме того, Делиль де ля Круаер (сын знаменитого французского географа Делиля) заведовал астрономическими работами, Герхард-Фридрих Миллер, пробывший в Сибири десять лет (1733—1743), — собиранием исторического материала. Гмелин в 1745 г., недовольный действиями секретаря академии Шумахера, покинул Россию; собранный им ботанический материал впоследствии был издан Палласом под заглавием «Flora Sibiriae»; сам Гмелин издал на немецком языке в Геттингене описание своего путешествия.

Астрономические наблюдения произвел вместо Делиля, умершего в 1741 г. на Камчатке, его ученик Красильников. Из отдельных областей

---

[25] Nordenskiöld, *Die Umsegelung Asiens und Europas*, Bd I, S. 309; Bd II, S. 174—194.

[26] Японские известия о плавании русских: Д. Позднеев, *Материалы по истории северной Японии*, т. II, ч. 2, стр. 18—20.

Сибири подробнее всего была изучена Камчатка; этой области был посвящен труд Стеллера, изданный в 1774 г. на немецком языке (сам Стеллер умер от горячки на обратном пути в Тюмени), и труд его помощника студента Крашенинникова «Описание земли Камчатки», напечатанный в 1755 г. Миллер, труды которого являются главным источником по истории деятельности Академии наук в первые десятилетия ее существования и по истории Северной Сибири, еще в бассейне Волги собрал сведения об инородцах края, главным образом о их быте и языках; в Сибири им были исследованы местные архивы и собран исторический материал. На русском языке была напечатана только первая часть составленного Миллером «Описания Сибирского царства и всех происшедших в нем дел» (1750 г.); сочинение было найдено слишком обширным, чтобы быть напечатанным полностью [27]. Составление на основании собранного Миллером материала более краткой «Сибирской истории» принял на себя проф. Фишер, сочинение которого вышло в 1768 г. на немецком, в 1774 г. — на русском языке [28]. Труд Миллера теперь является первоисточником по истории Сибири, так как архивные документы, по которым он был составлен, большею частью утрачены; к сожалению, рассказ как в подлинном труде Миллера, так и в обработке Фишера доведен только до начала 60-х годов XVII в. В руки Фишера, также совершившего путешествие в Сибирь (1739—1747 гг.), кроме исторического материала, собранного Миллером, перешел и лингвистический материал, собранный еще при Петре Великом Татищевым, заведовавшим уральскими горными заводами. Татищев разослал по сибирским воеводствам список русских слов с предписанием доставить перевод этих слов на языки инородческого населения соответствующих местностей [29]. Получив рукопись этого труда, Фишер впоследствии передал ее историку Шлёцеру, который после отъезда из России увез ее с собой и подарил библиотеке Геттингенского университета, где она находится и до сих пор [30].

Результатом топографических и астрономических работ, произведенных экспедицией, был академический атлас России с ее азиатскими владениями, изданный в 1745 г. Руководителем работ по составлению атласа был при-

---

[27] <Справку о публикации в XVIII в. этого труда Миллера см.: Токарев, *История русской этнографии*, стр. 85, прим. 30; см. еще: Г. Миллер, *История Сибири*; Кюнер, *Китайские известия*; Кызласов, *Начало сибирской археологии. — А. К.*>

[28] Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I (биографические сведения о Миллере и Фишере); *Sibirische Geschichte* Миллера в *Sammlung russischer Geschichte*, Bd VI, S. 109—565; Bd VIII, S. 1—458 (с некоторыми сокращениями против русского текста). О судьбе материалов Фишера также: Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, .S 265.

[29] Сведения о черемисах, чувашах и вотяках (в списке слов, кроме того, слова татарские, мордовские, пермяцкие и зырянские) в *Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 305—412; вторично издано в 1791 г. под заглавием *Описание живущих в Казанской губернии языческих народов.*

[30] <См. выше, стр. 40, прим. 83.>

глашенный на русскую службу географ Делиль (один из сыновей знаменитого французского географа). Карта северного берега Сибири до Шелагского мыса, впервые установленная экспедицией, не подвергалась впоследствии почти никаким изменениям; только экспедицией Норденшельда (1878—1879 гг.) были внесены некоторые поправки. Географические сведения о северо-восточной части Сибири и о некоторых областях внутри страны отличались меньшею точностью, отчасти вследствие излишнего недоверия академиков, особенно Миллера, к карте, составленной Шестаковым. В этом отношении академическая карта уступала карте Делиля (другой сын знаменитого Делиля, оставшийся во Франции), воспользовавшегося картой Шестакова [31].

[31] Свенске, *Материалы для атласа.* Отзыв Миллера о карте Шестакова: G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte*, Bd III, S. 49 sq. <См. еще: *Народы Сибири*; *Историко-этнографический атлас Сибири.* — *А. К.*>

Глава XV

С именем того же сенатского обер-прокурора Кириллова, которому принадлежал план великой северной экспедиции, связана попытка утвердить русскую власть в Средней Азии с помощью так называемых «киргиз-кайсацких орд».

Название *киргиз*, собственно, принадлежит народу, известному теперь у русских под названием «кара-киргизов», «дикокаменных киргизов» или «бурутов» (последнее название было заимствовано у калмыков и встречается у Унковского)[1]. Эти киргизы жили в средние века по верхнему течению Енисея, где еще русские застали в XVII в. остатки этого народа; бóльшая часть его постепенно (первое известие о таком движении относится еще к X в.) переселилась на юго-запад, в нынешнюю Семиреченскую область и прилегающие к ней земли, где они живут до настоящего времени. В XVI в. эти киргизы тесно сблизились с частью узбецкого народа, отделившейся от своих ханов и оставшейся в степи в то время, когда ханы с остальными узбеками предприняли завоевательное движение против культурных областей бассейна Аральского моря. Узбекам, оставшимся в степи, было присвоено название «казаков»[2]. Турецкое слово *казак* (этимологическое его происхождение остается спорным) применялось к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений. «Казаком» становился хан, потерпевший поражение в борьбе за свой престол и спасшийся бегством с горстью преданных ему людей; «казаками» были и подданные, недовольные своим ханом и ушедшие из-под его власти, чтобы на свой страх искать счастия в другом месте. Тот же турецкий термин присвоила себе русская «вольница», не захотевшая примириться с порядками Московской Руси и покинувшая свою родину[3].

---

[1] См. специальную работу В. В. Бартольда *Киргизы*; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 471—543 и прим. 1. Ср.: Петров, *К этимологии термина «кыргыз»*; Баскаков, *К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз»*. — *А. К.*>.

[2] О слове «казак» см.: *Пословицы крымских татар*, стр. 54; Марр, *Кавказский культурный мир*, стр. 286. <Об этнониме «казах» см. еще: наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 116, прим. 134; Hamilton, *Togus-oγuz*, p. 43; Gabain, *Kasakentum*; Gabain, *Kazaklik*; Krader, *Ethnonymy of Kazakh*; Курышжанов, *Семантика слова «казах»*. — *А. К.*>

[3] Об истории киргизов и казаков: Бартольд, *Очерк истории Семиречья*; о сношениях киргиз-казаков с русскими: Левшин, *Описание*, ч. II; Вельяминов-Зернов, *Исторические известия*; Чулошников, *Очерки*; Витевский, *И. И. Неплюев и Оренбург-*

Узбецкие казаки уже в начале XVI в. были могущественным народом, имевшим своих ханов и нередко одерживавшим победы над своими соплеменниками, владевшими Самаркандом и Бухарой. Мы не имеем точных сведений о том, как произошло распадение этого народа на три орды: Большую, Среднюю и Малую (или Старшую, Среднюю и Младшую), из которых каждая имела своего хана. Кочевья этих орд располагались в порядке с востока на запад (Большая занимала самую восточную часть степи, Малая — самую западную); орды получили свое название не по числу принадлежавших к ним кочевников (Малая орда была самой многочисленной), но по старшинству входивших в их состав родов. К казакам всех трех орд русские неправильно отнесли не принадлежавшее им название киргизов (сами казаки и до сих пор никогда себя так не называют) и в отличие от настоящих киргизов назвали их «киргиз-кайсаками», причем слово *кайсак* является только искажением слова *казак*.

В начале XVIII в. казаки всех трех орд, подобно настоящим киргизам, подвергались нападениям калмыков и по временам бывали вынуждены признать над собой власть калмыцких владетелей. Притеснения со стороны калмыков заставили киргиз-кайсаков искать помощи у русских; в 1717 г. все три хана — Тявка, Каип и Абулхайр — признали себя подданными Петра Великого[4] (хан Тявка еще в 1694 г. принимал у себя в городе Туркестане русских посланцев, казаков Фед. Скибина и Матв. Трошина, отправленных из Тобольска), но это подданство оставалось столь же номинальным, как подданство хивинского хана или несколько лет спустя подданство самого калмыцкого владетеля Цэван-Рабтана. Но в 1730 г. ближайший сосед России, хан Малой орды Абулхайр, вторично предложил свое подданство. Его посланцы были приняты в Уфе и Петербурге; предложение казалось очень заманчивым, и для принятия присяги от новых подданных был отправлен в степь татарин Мурза Тевкелев. Тевкелев пробыл в степи два года (1731—1733), причем доходил вместе с Абулхайром до устья Сыр-Дарьи. Выполнить возложенное на него поручение оказалось не так легко, как можно было ожидать. Абулхайру, как и другим среднеазиатским владетелям, подданство, казалось только выгодной сделкой, благодаря которой слабейший становился под покровительство сильнейшего и в то же время не принимал на себя никаких обязанностей. Предлагая русским свое подданство, он имел в виду только личные цели; с помощью русских он надеялся укрепить и упрочить свою власть, может быть, даже стать во главе всего киргизского народа. Власть степного хана над своими подданными не соответствовала русскому представлению о правителе, имеющем право заключить договор от имени своего народа; предводитель кочевого народа не имеет иной власти, кроме той, которую

ский край. <В настоящее время существует обширная литература по истории этих народов; см. обобщающие труды: *История Казахской ССР*, *История Киргизии*.—*Н. Т.*>

[4] О посольстве к Тявке: АИАК, Дополнения, т. X, стр. 375 и сл.

дают ему его личные качества, и в этом отношении обаяние Абулхайра не стояло высоко. Тевкелеву пришлось убедиться, что народ вовсе не считал для себя обязательными обещания Абулхайра; пришлось вести переговоры о подданстве не только с ханом, но и с народом. При этих переговорах Тевкелев обнаружил большое дипломатическое искусство и в конце концов достиг цели. Не только Младшая орда, во главе которой находился Абулхайр, но и часть Средней, с ханом Шемякой, согласились принести присягу. Абулхайр отправил с Тевкелевым новое посольство, во главе которого находился его сын Эр-Али; хан желал, чтобы русские для укрепления его власти построили два города: один — к северу от степи, на реке Ори, притоке Урала (тогда называвшегося Яиком), другой — к югу от нее, при устье Сыр-Дарьи.

В Петербурге в это время под влиянием ослабления Турции и среднеазиатских ханств составлялись обширные завоевательные проекты. Профессор арабского языка Кер, состоявший в то время при Академии наук, в 1733 г. подал проект учреждения особой восточной академии, в котором ссылается на составленные им раньше планы завоевания Турции и завоевания Средней Азии; при этом была высказана надежда, отчасти оправдавшаяся в XIX в., что при завоевании Самарканда и Бухары будет найдено много восточных рукописей [5]. Успех Тевкелева возбудил самые широкие надежды; на необходимости принять подданство Абулхайра и исполнить все его желания особенно настаивал Кириллов; он доказывал, что в противном случае «не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим». Из последних слов видно, что и в Средней Азии, как прежде в Маньчжурии и в Монголии, составлявшиеся в то время проекты присоединяли к России области, которые и потом оставались вне пределов Российской империи: «богатое место Бодокшан», т. е. область Бадахшан, входит в настоящее время в состав Афганистана.

Записка Кириллова была одобрена правительством, и ему самому в качестве начальника «Оренбургской экспедиции» (в первые годы экспедиция называлась только «известной», и уже потом ей было присвоено название «Оренбургской») было поручено привести в исполнение свои планы (1734 г.). Ближайшая цель кроме основания городов к северу и к югу от степи состояла в том, чтобы «на Аральском море российский флаг объявить»; вновь был поднят вопрос о торговом пути через среднеазиатские ханства в Индию.

Из всех проектов Кириллова осуществилось только устройство линии укреплений вдоль северо-западной границы «киргиз-кайсацких степей». В 1735 г. Кирилловым был построен на реке Ори город Оренбург в том

[5] О проекте Кера: Савельев, *Предположения*. <Ср. выше, стр. 33.>

месте, где теперь находится Орск. Место оказалось выбранным неудачно; в 1739 г. город был перенесен на новое место, где теперь Красногорская станица, в 1742 г. — на третье место, где он находится в настоящее время. В этот третий Оренбург были перенесены из Уфы правительственные учреждения; в 1744 г. была образована Оренбургская губерния, в состав которой вошла и нынешняя Уфимская. До завоевания Туркестана и учреждения Туркестанского генерал-губернаторства Оренбург оставался центром управления киргизскими степями и всех торговых и дипломатических сношений со Средней Азией; в этом отношении к нему перешла роль, до тех пор принадлежавшая Астрахани. Оренбург получил от хивинцев название Янги-кала (новая крепость) [6]. Кроме Оренбурга и Орска был основан на Урале и в прилегающей к нему местности ряд других укреплений или станиц; несмотря на номинальное подданство киргизов, Оренбургская линия вместе с Иртышской долгое время оставалась фактической границей России. Линией русских укреплений были отделены друг от друга два народа, одинаково считавшиеся русскими подданными, но враждовавшие между собой, башкиры и киргизы. Борьба между этими народами продолжалась и после устройства Оренбургской губернии; оренбургским властям даже было предписано в зависимости от обстоятельств усмирять один народ при помощи другого, чтобы щадить русскую кровь. В 50-х годах, при первом оренбургском губернаторе Неплюеве, среди башкир руками киргизов был произведен страшный погром, от которого башкирский народ уже не мог оправиться.

Проект утверждения русской власти в самих степях и в особенности к югу от них в XVIII в. не был выполнен; не удалось даже построить город у низовьев Сыр-Дарьи. Кириллов умер в 1737 г.; его преемник Татищев отправил на Сыр-Дарью с разведочной целью поручика Гладышева, геодезиста Муравина и переводчика Назарова [7]. Когда они прибыли к низовьям Сыр-Дарьи, то оказалось, что Абулхайр, которого они надеялись там найти, отправился в Хиву, где его избрали ханом. Гладышев и Муравин последовали за ним и в 1740 г. прибыли в Хивинское ханство, которое в это время подвергалось нашествию персидского шаха Надира. Русские посланцы известили шаха, что Абулхайр — русский подданный и что поэтому управляемое им ханство находится под покровительством России; Надир выразил согласие заключить договор с Абулхайром, если тот явится к нему, но в это время Абулхайр покинул своих хивинских подданных и спасся бегством в свои родные степи. Тогда же (в 1740 г.) инженером Назимовым был сделан план Хивы [8]. Хивинское ханство было занято войсками шаха, который оставил здесь своего наместника; но тотчас после

---

[6] Столпянский, *Город Оренбург*; о Янги-кала: Н. Муравьев, *Путешествие в Туркмению и Хиву*, ч. II, стр. 142.

[7] Гладышев — Муравин, *Поездка в Хиву*.

[8] Назимов, *План города Хивы*.

удаления Надира хивинцы вернули себе независимость и призвали на престол сына Абулхайра, Нур-Али. От этого хана русские посланцы (те же Гладышев и Муравин, вторично посланные в августе 1741 г. и в январе 1742 г. видевшие Абулхайра в низовьях Аму-Дарьи) также потребовали присяги, как от русского подданного, и прислали ему присяжный лист, но Нур-Али отказался принять его (1742 г.)

Киргизы по-прежнему нападали на караваны, направлявшиеся в Россию или из России в ханства (так, в 1739—1740 гг. в Ташкенте был караван под начальством поручика Миллера). Абулхайр умер в 1748 г.; ему наследовал с помощью русских его сын Нур-Али, уже несколькими годами раньше изгнанный из Хивы; вместо него в Хиве после некоторого перерыва сделался ханом Каип (Гаиб), сын соперника Абулхайра, султана Батыра. Соперничество между Нур-Али и Батыром еще более затрудняло движение караванов; вновь высказанная в 1752 г. надежда на распространение русской торговли до Индии оставалась столь же неосуществимой, как прежде. Не удалось даже обезопасить торговые сношения с Хивинским ханством, ближайшим к России; в 1753 г. хивинский караван, отправленный в Россию, был разграблен киргизами из числа подданных Нур-Али, и последний откровенно признался, что это было сделано по его приказанию за то, что караван шел не по его владениям, а по владениям его соперника Батыра. Тем не менее Неплюев в том же, 1753 г. отправил в Хиву через владения Нур-Али купеческий караван с переводчиками Гуляевым и Чучаловым; во главе каравана находился самарский купец Даниил Рукавкин, представивший после своего возвращения краткое описание ханства [9]. Караван был на долгое время задержан в Хиве притеснениями хана.

Русское правительство причисляло к своим подданным не только Малую орду, но и две другие, хотя киргизы в то же время поддерживали сношения с калмыцким государством. Насколько различны были понятия о подданстве у киргизов и у русских, показывает факт, что Средняя орда уже при Екатерине II (1775—1776 гг.) вновь предложила России свое подданство, на что от имени императрицы последовал ответ, что в этом нет никакой надобности, так как все три киргиз-кайсацкие орды давно уже состоят в подданстве России. Столь же мало последствий имели предложения со стороны прикаспийских туркмен об устройстве русских крепостей на восточном берегу Каспийского моря. Еще в 1744 г. туркменские послы предложили «устроить крепость для торга» на Мангышлакском полуострове; впоследствии намечались другие местности, устье Эмбы и даже Огурчинские острова, расположенные недалеко от старого русла Аму-Дарьи; но ни одно из этих предложений не было осуществлено. В московском главном архиве имеется дело о «трухменцах», к которым были посланы капитан Копытовский и штурман Лебедев, сообщивший журнал своего путешествия; этих туркмен было всего 2500 кибиток. На просьбу туркмен

[9] Рукавкин, *Описание.*

о подданстве последовала резолюция «о заслужении ими впредь милости быть принятыми в покровительство России через безобидную с пограничными купцами торговлю, через пропуск и вспоможение проезжающих от Мангышлака с товарами в Хиву и Бухары и через всегдашнее возвращение российских пленных».

Политическое положение сделалось еще более запутанным, когда калмыцкое государство было разгромлено и завоевано китайцами, причем среди калмыцкого народа было произведено страшное избиение (1756—1758 гг.). Тогда же возник ряд китайских пикетов, расположенных теперь между принадлежащей Китаю Джунгарией и русскими владениями (Семипалатинской областью и северной частью Семиреченской). На обширное степное пространство между русскими и китайскими пограничными укреплениями заявляли притязание обе стороны. Начальник китайских пикетов носил титул «главнокомандующего поколениями заграничных ханов»; в степь отправлялись китайские посланцы, иногда и военные отряды, и требовали подданства и дани не только от кара-киргизов, но и от трех киргиз-кайсацких орд. Русское правительство, считавшее киргиз-кайсаков своими подданными, обвиняло китайцев в том, что они, «нарушая мир, учинили на наши сибирские границы наступление». Русское правительство, однако, не ответило на это «наступление» военными действиями, хотя только в XIX в. пограничный спор был разрешен в пользу России. В XVIII в. киргизы исполняли требования русского правительства только тогда, когда им это было выгодно. Когда в 1771 г. значительная часть калмыков, живших в южнорусских степях, решила покинуть Россию и уйти в китайские пределы, киргизы охотно приняли участие в преследовании беглецов, нанесли им страшный урон и захватили значительную добычу. Во время Пугачевского бунта киргизы оставались нейтральными.

В течение всего этого периода в Оренбурге как центре управления обширным краем сосредоточивались сведения как о самом крае, так и о соседних областях Средней Азии. Уже в 1744 г. была основана в Оренбурге татарско-калмыцкая школа для приготовления переводчиков этих языков. Из попыток обработать собранный в Оренбурге географический и исторический материал особенно замечательны труды Рычковых, отца (Петра Ив.) и сына (Николая Петровича); первому принадлежит составление «Истории оренбургской» (1759 г.), «Топографии оренбургской» (1762 г.) и «Опыта Казанской истории» (1767 г.) [10]. Для татар Оренбург сделался центром, откуда принимались меры для укрепления ислама в киргизских степях, где кочевники до тех пор были мусульманами только по имени. 1740-е годы были временем ожесточенного гонения на ислам. Начало этому гонению было положено именным указом 11 сентября 1740 г. казанской ново-крещенской конторе, в котором предписывалось распространять христианство без принуждения, но в то же время освобождать крещеных от податей,

[10] Пекарский, *Жизнь Рычкова*.

и рекрутчины, возлагая то и другое на некрещеных [11]. Сенатским указом 19 ноября 1742 г. было разрешено оставить мечети только в тех деревнях, где не было ни русских, ни новокрещеных; в Казанской губернии к июню 1744 г. из 536 мечетей было разрушено 418; от полного уничтожения мечетей воздержались потому, что слух об этом мог дойти до мусульманских стран и вызвать там разрушение церквей. Религиозное гонение было одной из причин башкирского восстания 1755 г., после которого политика правительства несколько изменилась. В 1755 г. было разрешено основание в небольшом расстоянии к северу от Оренбурга так называемого Сеитовского посада (у татар — Каргала) для 200 семейств, освобожденных от податей и повинностей, причем, по словам Рычкова, была построена «мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет». Сеитовский посад оставался до последнего времени центром мусульманской науки; колонией его является Стерлибаш [12], учреждение с той же целью в Уфимской губернии, к юго-западу от основанного в 1767 г. города Стерлитамака. Неуспех правительственных мер отчасти объясняется тем, что муллы резко выделялись среди народных масс своею ученостью и пользовались общим уважением, тогда как невежественное православное духовенство не имело никакого влияния на своих прихожан.

Сведения о среднеазиатских ханствах получались частью от приходивших в Оренбург среднеазиатских торговцев, частью от русских людей, захваченных в плен киргизами и проданных в рабство. Подобные случаи бывали и по Оренбургской линии, причем захвату в плен подвергались не только русские поселенцы, но и русские солдаты. Из числа таких невольных путешествий особенно замечательно путешествие унтер-офицера Филиппа Ефремова (1774—1782 гг.) [13]. Около Оренбургской линии он во время Пугачевщины был захвачен в плен сначала яицкими казаками, потом киргизами, которые увезли его в Бухару, где он благодаря своим познаниям в военном деле приобрел некоторое значение при дворе местного правителя (*аталыка*) Данияр-бека; по поручению аталыка он ездил в Хиву и Мерв, потом, покинув бухарскую службу, бежал в Коканд, из Коканда проехал через Кашгар, Яркенд и Тибет в Индию, откуда через Англию вернулся в Россию. Благодаря знанию восточных языков и своему официальному положению при бухарском дворе он мог собрать ценные сведения и, вернувшись на родину, издал книгу о своем «Странствовании в Бухарии, Хиве, Персии и Индии». Книга настолько заинтересовала современников, что выдержала три издания (1786, 1794 и 1811 гг.).

Официальных посольств из Оренбурга в среднеазиатские ханства в XVIII в., если не считать отправления торговых караванов, было только

---

[11] Указ 1740 г.: ПСЗ, № 8236; Фирсов, *Инородческое население*.

[12] <О мечети в Стерлибаше В. В. Бартольдом была написана не опубликованная им статья, см.: Архив АН СССР, ф. 68, ед. хр. 379. — *Н. Т.*>

[13] Отзыв о книге Ефремова <*Странствование*> см.: И. Мушкетов, *Туркестан*, стр. 73—74 (изд. 1915 г. — стр. 84).

одно, именно посольство переводчика Мендияра Бекчурина в Бухару в 1780—1781 гг.[14]; им были добыты некоторые интересные сведения; между прочим, у него едва ли не в первый раз упоминается о делении узбеков на 92 рода. Кроме того, из Оренбурга было совершено путешествие глазного врача Бланкеннагеля (1793—1794 гг.), посланного в Хиву по просьбе правителя Хивинского ханства для исцеления глаз ослепшего дяди правителя. По прибытии в Хиву Бланкеннагель нашел больного неизлечимым, за что в Хиве подвергся большой опасности, и только с трудом спас свою жизнь. По отзыву издателя его отчета, проф. Григорьева, Бланкеннагель «в течение одного месяца пребывания в степи понял ее лучше, нежели множество администраторов, десятки лет имевших дело с киргизами» [15].

Из бухарских послов, приезжавших в Россию не через Оренбург, особенно известен Ир-Назар-бай Максютов (в 1774 и вторично в 1779 г.). Имя Ир-Назара носило одно из бухарских медресе, вследствие чего распространилось мнение, совершенно неосновательное, будто деньги на постройку этого медресе были даны Екатериной. Ир-Назар был пропущен через Россию в Константинополь и умер в Конье в 1781 г.; в 1785 г. в Россию приезжал его сын Шериф.

В противоположность царствованию Елизаветы Петровны царствование Екатерины было благоприятно для ислама. Присоединение в 1783 г. Крыма, где еще в 1736 г. русскими был сожжен Бахчисарай, имело последствием издание в 1785 г. грамоты о веротерпимости, текст которой в XIX в. вошел в основные законы. В 1786 г., после утверждения устава народных училищ, барону Игельстрому, наместнику симбирскому и уфимскому, было поручено озаботиться введением таких училищ в киргизских степях; было предписано, чтобы учебные книги печатались на киргизском языке вместе с российским. Эта мера привела к утверждению в степи не русской, а средневековой мусульманской культуры, так как на преподавательские должности ввиду отсутствия подходящих кандидатов среди русских и киргизов назначались казанские муллы. В то же царствование были приняты меры для распространения знания восточных языков среди русских; в 1769 г. был введен татарский класс в Казанской гимназии; указом 27 сентября 1782 г. было предписано ввести преподавание арабского языка в народных училищах тех губерний, которые «лежат в стороне татарской, персидской и бухарской», и китайского в училищах Иркутской губернии и Колыванской области.

Одновременно с действиями в Средней Азии продолжались также работы по изучению Сибири, особенно ее северной части, и прилегающих к ней

---

[14] О посольстве Бекчурина: С. Жуковский, *К истории сношений.*

[15] Бланкеннагель, *Замечания*; по замечанию <издателя> Григорьева, записки Бланкеннагеля уже за 40 лет до того (следовательно, около 1818 г.) были напечатаны «в одном из русских журналов, кажется, „Соревнователе Просвещения и Благотворения“».

государств. К этому периоду относится первое известное путешествие из пределов России в священную столицу Тибета — Лхасу. С XVII в. Россия имела в числе своих подданных приверженцев ламаизма (тибетской формы буддизма) — калмыков и бурят, хотя среди последних ламаизм окончательно утвердился только в царствование Екатерины II при содействии русского правительства, как ислам среди киргизов, причем, однако, ревнители ислама, насколько известно, не прибегали к насильственным мерам, тогда как ревнители буддизма, несмотря на более мирный характер этой религии сравнительно с исламом, «жгли, вешали, рубили и грабили шаманистов». Столица Тибета для всех представителей этой религии является местом паломничества; один из бурятских паломников, Заяев, совершивший паломничество в 1741 г., впоследствии признанный главой буддийского духовенства среди бурят и в 1767 г. бывший в числе депутатов комиссии для издания законов, составил описание своего путешествия на бурятском и тибетском языках [16]. Важность изучения Тибета в то время еще не сознавалась ни правительством, ни обществом, и потому путешествие Заяева прошло незамеченным.

Главное внимание по-прежнему было обращено на Сибирь. Из политических вопросов, связанных с Сибирью, еще в 50-х годах был поднят вопрос о судоходстве по Амуру. При заключении Нерчинского трактата значение Амура как судоходной реки еще не сознавалось; теперь, когда выяснилась необходимость связать русские владения на Великом океане более удобным путем с остальной частью Сибири, русское правительство, не возбуждая вопроса об изменении установленных трактатом границ, хотело только заключить с китайцами договор об открытии Амура для плавания русских судов. Китайцы упорно отказывались от заключения такого договора, и в 1764 г. русское правительство решило отказаться от дальнейших попыток в этом направлении.

Около этого времени были возобновлены работы по изучению русских владений в Азии. Внешним поводом для этого было астрономическое явление — прохождение Венеры перед Солнцем, ради которого были отправлены ученые экспедиции в некоторые города Сибири. Явление происходило в 1761 и 1769 гг.; в первый раз его наблюдал в Тобольске французский астроном Клод Шапп д'Отерош, написавший книгу о России, вызвавшую резкий ответ императрицы Екатерины («Антидот»); во второй раз ради его наблюдения была снаряжена так называемая «вторая академическая экспедиция» [17]. Ввиду связанных с экспедицией значительных расходов было решено не ограничиться изучением астрономического явления, продолжающегося несколько минут, но собрать материал для всестороннего изучения природы края и его естественных богатств. Лингвистические

[16] Позднеев, *К истории буддизма*; о Заяеве еще: Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете*, стр. 142.

[17] О второй академической экспедиции, в особенности о заслугах Палласа: И. Мушкетов, *Туркестан*, стр. 74 и сл. (в изд. 1915 г. — 85 и сл.).

и исторические работы, подобные тем, какие были произведены членами первой академической экспедиции, при этом не имелись в виду; может быть, это объясняется тем, что регламент 1745 г.[18] придал Академии наук характер учреждения, посвященного исключительно естественным и физико-математическим наукам [19]. В экспедиции принимали участие только натуралисты, но некоторые из них помимо работ по своей специальности добровольно собрали также материал для изучения языков, быта и истории сибирских инородцев.

Главой экспедиции считался Самуил Гмелин, племянник Иоанна-Георга Гмелина, в 1774 г. взятый в плен в Дагестане и умерший в плену. Результатом его шестилетнего путешествия (1768—1774) была книга на русском и немецком языках «Путешествие по России для исследования трех царств естества». В те же годы совершил свое путешествие ботаник Петр-Симон Паллас; крайним пунктом, достигнутым им, было место Акша на Ононе; кроме Сибири он посетил также Среднюю Азию и в Оренбурге пользовался ценным содействием некоторых местных деятелей, например Рычковых. В истории изучения природы России гениальные теории Палласа имеют большое значение; так, им впервые был выяснен характер Арало-Каспийской равнины как высохшего дна обширного внутреннего моря. Кроме того, Паллас из всех членов экспедиции посвятил больше всего внимания собиранию этнографического и исторического материала; кроме описания своего «Путешествия по разным провинциям Российской Империи» (на немецком и русском языках) он издал (на немецком языке) «Собрание исторических известий о монгольских народностях». В своих исторических теориях он, как и следовало ожидать, был менее счастлив; так, сходство уйгурского письма с сирийским казалось ему чисто случайным, исторические известия о миссионерской деятельности сирийцев в Средней Азии — недостоверными [20].

Из других участников экспедиции можно назвать Лепехина (посетившего восточную часть европейской России и Западную Сибирь, 1767—1771 гг.; он первым издал сделанный при Петре перевод надписей города Булгара на Волге) и Гильденштедта, совершившего трехлетнее путешествие (1770—1773) по Южной России, Кавказу и Грузии и собравшего также материал для изучения Кавказа в лингвистическом отношении [21].

В связи с русскими путешествиями в Азию можно упомянуть о двух путешествиях на Восток, совершенных в конце XVIII в. из пределов Кавказа, именно о путешествиях армянских приказчиков братьев Атана-

---

[18] <1747 г. — *А. К.*>

[19] Регламент академии 1747 г.: ПСЗ, № 9425. <Регламент Имп. Академии наук и художеств в Санктпетербурге был утвержден Елизаветой Петровной 20 июля 1747 г., см.: *История АН СССР*, т. I, стр. 436 и сл. — *А. К.*>

[20] О несторианах и алфавите: Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten*, T. II, S. 362.

[21] Лепехин, *Дневные записки*; Güldenstädt, *Reisen durch Russland.*

совых (1790 г.) и грузинского дворянина Рафаила Данибегова (1795—1813 гг.). Кавказ во время начала этих путешествий не входил в состав России, но путешественники вернулись на родину через русские владения, и в России были обнародованы сведения об их путешествиях. Маршрут в обоих случаях был приблизительно один и тот же: через Персию в Индию, оттуда через западную часть Тибета и Восточный Туркестан на Иртышскую линию, в Семипалатинск. Рассказ братьев Атанасовых был записан с их слов в Семипалатинске и впоследствии (1818 г.) напечатан в «Сибирском Вестнике» Спасского; описание путешествия Данибегова было составлено им самим на грузинском языке и им же в 1815 г. издано в Москве в русском переводе [22]. В 1820 г. в связи с проектом разведения в Сибири кашмирских коз из Семипалатинска в Тибет был послан коммерции советник Мехти Рафаилов [23]; в 1822 г. пришло известие, что он умер в Тибете, в трех днях пути от Кашмира; его спутники вернулись в Россию, его имущество не удалось разыскать.

Независимо от работ второй академической экспедиции были возобновлены с 1760 г. работы по изучению отдаленного севера. Уже в 60-х годах были открыты и присоединены к России Алеутские острова; в 1770 г. Ляхов открыл часть архипелага Новосибирских островов [24], именно острова Ближний (Ляхов), Малый и Котельный (главный остров архипелага, Новая Сибирь, был открыт только в 1806 г.). Ценные сведения о берегах Сибири были собраны полковником Плениснером (главный начальник Анадырска ⟨в⟩ 1760—1772 гг., умер в 1778 г. в Петербурге), сообщены императрице и Академии наук и использованы при составлении карт Сибири. В 80-х годах Григорий Шелехов, мещанин города Рыльска (в Курской губернии), исследовал берег полуострова Аляски и прилегающие к нему острова; здесь им были устроены русские промыслы, и весь край был объявлен присоединенным к России; в 1799 г. для эксплуатации его была учреждена «Российско-Американская компания» [25].

Работами первой академической экспедиции было установлено очертание северного берега Сибири до Шелагского мыса; в дополнение к этому в 1785 г. была снаряжена так называемая «секретная» экспедиция для исследования пространства между Шелагским мысом и Беринговым проливом, хотя эта полоса берега отчасти уже была исследована во время плавания Кука (1778 г.). Начальником экспедиции был назначен английский капитан Биллингс, поступивший на русскую службу по предложению русского посла в Англии графа Воронцова. Биллингс сделал две попытки (1787 и 1791 гг.) проникнуть через Берингов пролив к Шелагскому мысу,

---

[22] Данибегов, *Путешествие в Индию*. ⟨Ср.: Токарев, *История русской этнографии*, стр. 163. — *Н. Т.*⟩

[23] О Рафаилове: Маев, *Материалы*, вып. IV, стр. 90 и сл.

[24] О Ляхове и других: Nordenskiöld, *Die Umsegelung Asiens und Europas*, Bd I, S. 379 sq., Bd II, S. 197 sq.

[25] Шелехов, *Странствование*.

но оба раза льды заставили его вернуться обратно, не достигнув цели; он доходил с востока до острова Колючина. Сведения о путешествиях Биллингса были напечатаны русским помощником его лейтенантом Сарычевым (впоследствии адмиралом) в двух книгах; в первой из них приводятся также данные о языке населения [26]. Съемка берега от устья Индигирки до острова Колючина была произведена Врангелем (1821—1823 гг.), чем было закончено исследование северных берегов Азии.

После основания русских промыслов на берегу Америки вопрос о развитии русской торговли на Великом океане имел для России еще большее значение, чем прежде; в связи с этим находился также вопрос об установлении торговых сношений с Японией. Сама императрица Екатерина не придавала этому вопросу большого значения и находила, что ввоз японских товаров не принесет России никаких существенных выгод; тем не менее она дала согласие на представленный ей проект: вернуть в Японию несколько рыбаков-японцев, выброшенных на берег Камчатки, и воспользоваться этим для установления дружественных отношений к их родине. Проект принадлежал акад. Эрику Лаксману, с 1781 г. жившему в Сибири и в 1790 г. получившему от одного из японцев, живших в Иркутске, карту Японии; выполнение проекта было поручено его сыну Адаму. Посольство Адама Лаксмана (1792—1793 гг.) не имело существенных результатов; сношения с японцами затруднялись отсутствием лиц, знавших японский язык; с Лаксманом был один из воспитанников японской школы, Туголуков, но его японский язык оказался для японцев непонятным. Лично Лаксман произвел на японцев хорошее впечатление и был принят ими вежливо; от переговоров о торговле японцы отказались под предлогом, что по японским законам единственной гаванью, где разрешены сношения с иностранцами, является Нагасаки (Лаксман прибыл в гавань Нэмуро на острове Иесо); русским даже дали разрешительное свидетельство для посещения этого порта [27].

Научные результаты, достигнутые в XVIII в. русскими учеными экспедициями, оказались возможными только благодаря участию в этих экспедициях иностранных ученых, находившихся на русской службе. К поступлению на русскую службу этих ученых помимо материальных выгод могла побуждать также важность научных вопросов, связанных с изучением русских владений в Азии и сопредельных с ними стран. Важность открытия России для науки сознавали уже современники Петра Великого, как Витсен и философ Лейбниц; помимо ожидавшихся географических и естественноисторических открытий, внимание ученых было привлечено

---

[26] Сарычев, *Путешествие по Сибири*; его же, *Путешествие Биллингса*; Берг, *Известия о Беринговом проливе*, особенно стр. 53 и сл.

[27] О посольстве Лаксмана: Д. Позднеев, *Материалы по истории северной Японии*. т. II, ч. 2, стр. 38—88; < о нем см. еще: Раскин — Шафрановский, *Эрик Густавович Лаксман. — А. К.*>; о Туголукове еще: Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 163.

разноплеменным составом населения империи; было ясно, что изучение этих многочисленных народностей доставит богатый материал для наук о человеке, в особенности для языкознания. Методы и задачи этой последней науки в то время и в Западной Европе еще не были установлены; при рассмотрении вопроса о родстве между собой различных языков и о происхождении человеческой речи вообще ограничивались простым сопоставлением слов, заимствованных из возможно большего числа языков, причем обращали внимание только на сходство звукового состава, не стараясь объяснить, как произошло это сходство и по каким законам совершаются переходы и перемещения звуков. Среди сборников лингвистического материала, составленных по этой системе, одно из главных мест принадлежит сборнику, составленному в России при личном участии Екатерины II и потому получившему заглавие: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы». Екатерина занималась словарем, еще будучи великой княгиней, под руководством Дюмареска (Dumaresque), капеллана английской фактории в Петербурге. Книга Дюмареска упоминается под заглавием французским («Vocabulaire comparatif des langues orientales») и английским («Comparative Vocabulary of the Eastern Languages»). По-видимому, книга не была напечатана и рано исчезла; уже Фр. Аделунг, писавший в 1815 г., не мог ее найти [28]. Издание словаря было поручено Палласу; в этом первом издании, вышедшем в 1786 или в 1787 г.[29], помещены слова 200 языков (51 европейского и 149 азиатских); в дополненном и переработанном издании Ф. И. Янковича де Мириево к числу этих языков присоединены еще несколько других. Материал в издании Янковича расположен по «азбучному порядку», т. е. соединены вместе заимствованные из различных языков слова, сходные по звуковому составу, хотя бы совершенно различные по значению; при распределении материала не обращено никакого внимания ни на общий характер отдельных языков, ни даже на географическое соседство народов. Из ученых-ориенталистов в составлении словаря принимал участие Бакмейстер, помощник библиотекаря Академии наук. Вообще число ориенталистов, находившихся на русской службе во второй половине XVIII в., было крайне незначительно. В Академии наук гуманитарные науки, как мы видели, после регламента 1747 г. утратили всякое значение; вопрос о высшем образовании в XVIII в. еще не был разрешен, несмотря на представление ряда проектов, из которых в некоторых, как в трех проектах Ломоносова (1754—1755, 1759 и 1764 гг.), была предусмотрена и кафедра восточных языков [30]. Учрежденный в 1755 г. Московский университет, где в состав «философского» факультета входили только четыре кафедры

[28] Adelung, *Catherinens der Grossen Verdienste.*

[29] <Словарь Палласа издан в 1787 г., латинское предисловие помечено 1786 г.; см. выше, стр. 41.—*А. К.*>

[30] О работах и проектах второй половины XVIII в.: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 20—22; там же ссылки на источники; <см. выше, стр. 40—41>.

(философии, физики, истории и красноречия), не мог иметь значения для успеха гуманитарных наук. Восточные языки в царствование Екатерины преподавались только в практических школах, имевших целью подготовление переводчиков. Кроме некоторых учебников, предназначенных для тех же школ, некоторых переводов, принадлежавших членам Пекинской миссии, и нескольких небольших списков слов на разных восточных языках в России в то время не было никакой литературы по востоковедению [31].

[31] Рождественский, *Очерки*, т. I, стр. 640 и сл.; Булич, *Очерк истории языкознания*, т. I.

Глава XVI

В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе. За это время совершенно изменились условия научной работы. В Академии наук уже с первых лет XIX в. гуманитарным наукам, в том числе и востоковедению, было отведено более значительное место, чем прежде, хотя только в 1830 г. академии был дан новый устав, по которому к числу специальностей, представленных в академии, должны были принадлежать и восточные языки [1]. Вопрос о соединении в одной академии гуманитарных наук с точными еще признавался спорным; даже по проекту С. С. Уварова в 1841 г. предполагалось сохранить в Академии наук только точные науки и учредить рядом с ней еще две академии: академию русской словесности, или словесно-русскую, и академию истории и филологии [2]. Только резолюция Николая I решила вопрос в пользу одной академии с тремя отделениями. Вопрос об организации высшего образования был разрешен первым университетским уставом 1804 г.; по этому уставу в числе кафедр историко-филологического факультета должна была быть кафедра восточных языков, под которыми тогда в России, как и на Западе, понимали языки Библии и мусульманских народов; но вскоре после этого предметом университетского преподавания сделались и языки Дальнего Востока. Центром университетского преподавания востоковедения сделался во время попечительства М. Н. Мусина-Пушкина (1826—1845 гг.) Казанский университет. По университетскому уставу 1835 г. во всех русских университетах кроме преподавания мусульманских языков должно было быть введено преподавание языков монгольского и калмыцкого; это требование устава не удалось осуществить на деле, но в Казани при Мусине-Пушкине кроме упомянутых языков преподавались еще языки китайский, армянский и санскритский. Университетское преподавание востоковедения получило еще большее развитие в С.-Петер-

[1] <По регламенту Имп. Академии наук от 23 июля 1803 г. среди наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», названы «история, статистика и экономия политическая» (§ 3). 30 января 1830 г. были утверждены «Дополнительные пункты к регламенту» 1803 г., на основании которых «восточная словесность и древности» получили в Академии наук права гражданства; «Устав Имп. Санктпетербургской Академии наук» (от 8 января 1836 г.) закрепил это положение (§ 4). — *А. К.*>

[2] Об организации востоковедения: Веселовский, *Сведения о преподавании*; МИФВЯ, т. I, II и IV; Бартольд, *Обзор деятельности факультета*. Проект Уварова: Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. VI, стр. 242 и сл.; там же (кн. XVII, стр. 329, 351, 368 и сл., 383) о проектах 60-х годов.

бурге, где в 1854 г. был учрежден факультет восточных языков[3]. Возникнувшие в 60-х годах проекты об учреждении университетов в Саратове, Астрахани, Тифлисе и в Крыму, причем в Тифлисе предполагалось учредить кафедру истории мусульманского Востока, тогда не получили осуществления.

Успехам изучения Востока кроме Академии наук и университетов способствовало образование при содействии правительства ряда научных обществ, из которых некоторые, как Имп. Русское географическое общество (в С.-Петербурге) [4] и Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (в Москве), имели отделы в азиатских владениях России и этим способствовали организации местных научных сил.

Одним из научных вопросов, унаследованных XIX в. от предшествующего столетия, был вопрос об отношении Японского архипелага к берегам Азии; с этим вопросом был связан и экономический вопрос об установлении торговых сношений с японцами, имевший особенное значение для российско-американской компании. Изучение берегов Японии было одной из главных целей первого кругосветного плавания, предпринятого из России (1803—1806 гг.). Начальником этой экспедиции был назначен капитан (впоследствии адмирал) Крузенштерн; для дипломатических переговоров с японцами в экспедиции принимал участие камергер Резанов [5], зять Шелехова и преемник его по должности директора российско-американской компании. Экспедиция Крузенштерна выполнила свою научную задачу и впервые выяснила расположение островов японского архипелага; но попытки вступить в сношение с японцами не имели успеха, хотя русские прибыли для этой цели в Нагасаки — гавань, указанную самими японцами, — и воспользовались свидетельством, данным Лаксману. По-видимому, на отказ японцев от сношений с русскими оказали некоторое влияние голландцы, которым было выгодно сохранить свою монополию; кроме того, Резанов не получил должной поддержки от Крузенштерна, с которым у него были личные недоразумения (подобно Екатерине II, Крузенштерн находил, что для России вопрос об установлении торговых сношений с Японией не имеет большого значения). Резанов был так раздражен упорством японцев, что приказал двум офицерам, Хвостову и Давыдову, произвести набег на берега Японии и разграбить некоторые прибрежные селения, чем, конечно, вызвал среди японцев еще большее раздражение против русских. Поступок Резанова угрожал ему тяжкой ответственностью, которую он пытался возложить на офицеров; на обратном пути через Сибирь он умер в Красноярске. Хвостов и Давыдов, счастливо избежавшие мести японцев, впоследствии погибли в Петербурге, переправляясь ночью через Неву во время разводки мостов.

---

[3] <См.: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, гл. IV—V (выше, стр. 67—140). — *Н. Т.*>

[4] П. Семенов, *История Имп. РГО.*

[5] Об экспедиции Крузенштерна и Резанова: Д. Позднеев, *Материалы по истории северной Японии*, т. II, ч. 2, стр. 90—236; Крузенштерн, *Путешествие вокруг света*,

Следующая экспедиция в Японию, отправленная в 1811 г., имела еще более неудачный исход; начальник экспедиции Головнин был взят в плен японцами и только в 1813 г. освобожден своим помощником капитаном Рикордом. Как Головниным, так и Рикордом были изданы записки о своих плаваниях; записки Головнина о «приключениях в плену у японцев», кроме того, заключают в себе некоторые сведения о стране и народе и некоторый материал для изучения японского языка [6].

Следующее русское кругосветное плавание, совершенное в 1826—1829 гг. под начальством Литке, не коснулось берегов Японии и было посвящено только изучению берегов Маньчжурии и Камчатки и островов Берингова пролива. Только кругосветная экспедиция адмирала Путятина, отправленная в 1853 г. (плавание экспедиции, как известно, описано Гончаровым, принимавшим в ней участие), заставила японское правительство заключить торговый договор с Россией. Экспедиция достигла Нагасаки в то время, когда японское правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики и заключить договоры с Американскими Соединенными Штатами и несколькими европейскими государствами; такой же договор, хотя и не без затруднений, удалось заключить адмиралу Путятину (в январе 1855 г.) [7].

Российско-американской компании не пришлось извлечь выгод из этого договора; в 1865 г. действия компании прекратились, в 1867 г. Россия продала свои американские владения Соединенным Штатам. Вообще сношения с Японией не имели тех результатов, которых можно было ожидать при географической близости Японских островов к России, особенно после присоединения к России Амура и Уссурийского края. Несмотря на то что Россия имела в Японии своих дипломатических представителей и консулов наравне с другими государствами, несмотря на то что в некоторых пунктах, как в Хакодате, только одна Россия учредила консульство, число русских трудов о Японии и японцах, об их языке, литературе и истории остается крайне незначительным; в этом отношении русская научная литература не могла бы выдержать никакого сравнения с английской. Важность изучения японского языка так мало сознавалась русским правительством, что ходатайство факультета восточных языков об учреждении кафедры японской словесности, впервые возбужденное в 1871 г., было удовлетворено только в 1898 г., после целого ряда отказов. Фактически японский язык преподавался во Владивостоке раньше, чем в Петербурге. Одним из владивостокских японологов, В. М. Мендриным, был предпринят перевод с комментариями обширного японского сочинения по истории сёгуната — труд, который, по отзыву специалиста, если бы был доведен до конца, «составил бы эпоху развития европейского японоведения» [8]. В настоящее время преподавание японского языка и изучение

[6] Головнин, *Записки*; Рикорд, *Записки о плавании.*

[7] <См.: Петрова, *Адмирал Путятин. — А. К.*>

[8] О трудах В. М. Мендрина: Конрад, *Япония*, стр. 164.

японской истории организовано в Ленинграде и в Москве [9]; из специальных научных задач О. О. Розенбергом, к сожалению рано умершим, было поставлено на очередь изучение японского буддизма [10].

Кроме морских экспедиций к берегам Сибири мы в XIX в. видим довольно значительное число путешествий с научною целью из Европейской России в Сибирь сухим путем. Экспедиции первой половины XIX в. большею частью были снаряжены Академией наук или при ее участии; так, в 1830 г. астроном Фус, сопровождавший русскую миссию в Пекин, на пути до Кяхты определил ряд астрономических пунктов в Сибири. Академией же была снаряжена большая экспедиция для исследования Крайнего Севера и востока Сибири, во главе которой стоял профессор Киевского университета Миддендорф, впоследствии академик [11].

По своим научным результатам экспедиция Миддендорфа (1842—1845 гг.) до сих пор занимает первое место среди ученых путешествий в Сибирь, совершенных в XIX в. Помимо изучения края в естественноисторическом отношении Миддендорфом было обращено внимание и на изучение ее населения; не будучи лингвистом по специальности, он собрал значительный материал для изучения языка и народной словесности якутов и тунгусов [12].Материалом Миддендорфа воспользовался для своего труда о якутском языке акад. Бётлингк (1851 г.) [13], но значительная часть этого материала и до сих пор остается неиспользованной.

Результаты путешествия Миддендорфа оказали влияние и на политические действия русского правительства. Миддендорфом снова было обращено внимание на важность присоединения к России Амурского края и на отсутствие каких-либо фактических доказательств, что край входит в состав китайской империи. Вопрос о возвращении России Амура был поднят русским правительством еще в первые годы XIX в.; такова была одна из целей отправления в Китай во главе русского посольства графа Головкина (1805 г.), но посольство в этом отношении, как и во всех других, потерпело полную неудачу. Столь же неудачны были последующие попытки В 1832 г. полковник Ладыженский совершил плавание по Амуру до Албазина и составил проект военного занятия Амурского края; этот проект был в руках у Миддендорфа [14]. После экспедиции Миддендорфа сделалось яс-

---

[9] <Японский язык в настоящее время преподается в университетах Москвы, Ленинграда и Владивостока. — *А. К.*>

[10] Розенберг, *О миросозерцании буддизма* (в действительности говорится только о японском буддизме).

[11] Middendorff, *Reise in Sibirtens* (о русском переводе см. выше, <гл. XIV>).

[12] Э. Пекарский, *Миддендорф и его якутские тексты.* <О нем см. еще: Леонов, *Александр Федорович Миддендорф.* — *А. К.*>

[13] <Böhtlingk, *Über die Sprache der Jakuten.*> <Основную литературу об Оттоне Николаевиче Бётлингке (1815—1904) см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 494—495; Убрятова, *Очерк истории*; см. ниже, стр. 463, прим. 58. — *А. К.*>

[14] О полковнике Ладыженском: Миддендорф, *Путешествие на север*, ч. I, стр. 164 и сл.

ным, что край мог быть занят русскими без всякого столкновения с Китаем, так как в нем не было ни китайских гарнизонов, ни органов китайского управления. Таким путем и было совершено присоединение Амура. В 1849 г. в Татарский пролив и оттуда в устье Амура вошел русский корабль под начальством Невельского (впоследствии адмирала); встретив там только дикарей-гиляков, оказавших русским полное содействие, Невельской решился водрузить здесь русский флаг. Невельской действовал таким образом без каких-либо официальных полномочий; но когда в Петербурге был поднят вопрос о последствиях этого поступка, император Николай объявил, что там, где раз был поднят русский флаг, он уже не может быть спущен. В 1851 г. на низовьях Амура были основаны военные посты Николаевский и Мариинский; в 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев (впоследствии граф) воспользовался пребыванием у берегов Восточной Сибири эскадры адмирала Путятина, чтобы совершить плавание по Амуру от Шилкинского завода до Мариинска и этим фактически присоединить весь край к России, хотя только в 1858 г. этот факт был подтвержден заключением договора с Китаем (Айгунского трактата). Тотчас после фактического присоединения края, еще до юридического разрешения вопроса, Академия наук командировала туда для научных исследований своего члена — Шренка (1854—1856 гг.) [15].

Граница между Россией и Китаем со стороны Маньчжурии окончательно была определена Пекинским договором 1860 г. Кроме левого берега Амура к России отошел и так называемый Уссурийский край, область между рекой Уссури, правым притоком Амура, и берегом океана. Вместе с этим краем Россия приобрела одну из лучших гаваней на берегу Великого океана, где в 1860 г. был основан Владивосток (объявлен городом в 1880 г.); кроме того, в этот край намеревались направить переселенческое движение из Европейской России. После первых неудачных попыток колонизации генерал-губернатором Восточной Сибири была снаряжена экспедиция для подробного изучения края (1867—1869 гг.), причем эта задача была возложена на Пржевальского, впоследствии прославившегося своими путешествиями в Западный Китай. Результатом этой экспедиции было превосходное описание Уссурийского края [16].

Из путешествий в Сибирь, предпринимавшихся для лингвистических исследований, наиболее замечательно путешествие финляндского ученого Кастрена (1845—1849 гг.). Предметом его особого внимания были наречия остяков и других финских народностей Сибири [17]; кроме чисто научных интересов им руководила естественная симпатия к менее счастливым соплеменникам своего народа. В то же время, однако, его лингвистические

[15] Schrenck, *Reisen und Forschungen im Amur-Lande* (часть вышла и в русском переводе <Шренк, *Об инородцах Амурского края*>).

[16] Пржевальский, *Путешествие в Уссурийском крае.*

[17] Заглавия русских трудов об уральских финнах см. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона под словами «Зыряне» и «Пермяки»; Castrén, *Reiseberichte.*

занятия имели в виду и более широкие задачи. Кастрену принадлежит теория (еще и теперь не вполне оставленная) об «урало-алтайской» семье языков, разделяющейся на пять групп: самоедскую, финскую, турецкую, монгольскую и тунгусскую. Кастрен в этом случае отчасти шел по стопам немецкого ученого Вильгельма Шотта, еще в 1836 г. старавшегося доказать родство между собой маньчжуров, монголов, турок, финнов и «гипербореев», т. е. народов Крайнего Севера [18]. Кроме материала по финским наречиям Кастреном был собран также материал для изучения самоедов и турецких народностей Сибири; помимо чисто лингвистического материала он записывал также произведения народной словесности, например эпические сказания так называемых минусинских татар. Наконец, им был выяснен характер наречия небольшого народа, известного под именем «енисейских остяков»; оказалось, что этот народ говорит на совершенно особом языке, не находящемся ни в каком родстве с урало-алтайскими наречиями. Впоследствии о енисейских остяках появился ряд работ В. И. Анучина.

Кастрен производил свои исследования независимо от русских ученых учреждений [19]; но издание приведенных им материалов составляет заслугу Академии наук, возложившей эту задачу на одного из своих членов — Шифнера [20]. И впоследствии, когда ученые экспедиции большею частью снаряжались не академией, а географическим обществом, академия часто брала на себя издание добытого этими экспедициями лингвистического материала. Для изучения финских наречий работы русских исследователей не имели большого значения; этой отраслью языкознания в России вне Финляндии занимались мало (есть несколько трудов на русском языке

[18] О Кастрене и Шотте: Бартольд, *Памяти Радлова*, стр. 167; <ниже, стр. 668>. <Отцом этой теории следует считать шведа Ф. Страленберга, который в своем труде *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia* делит так называемые татарские народы на шесть групп: 1) уйгуры (так он называет финно-угров); 2) тюрко-татары; 3) самодийцы; 4) монголы и маньчжуры; 5) тунгусы; 6) племена между Черным и Каспийским морями. Подробнее см.: Рясянен, *Материалы*. — *А. К.*>

[19] Castrén, *Nordische Reisen*. <Экспедиция М. А. Кастрена (1845—1848 гг.) с целью изучения Сибири в этнографо-лингвистическом отношении была предпринята на средства и по инициативе Петербургской Академии наук; с этой целью Кастрен «был определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной со времени отправки в экспедицию до представления окончательного отчета», — *История АН СССР*, т. II, стр. 225. О Кастрене см. еще сб. «Памяти М. А. Кастрена». — *А. К.*>

[20] <«Кастрен обследовал почти всю Сибирь, за исключением ее крайнего северо-востока, и собрал огромный научный материал, который из-за болезни полностью обработать не успел. Академики Шёгрен, Бётлинг и Шифнер приняли на себя труд редактирования этих материалов. . . Издание трудов Кастрена в обработке Шифнера содержит двенадцать томов (СПб., 1853—1858); семь последних томов посвящены языкам Сибири и содержат двадцать грамматик различных языков и диалектов» (*История АН СССР*, т. II, стр. 225—226). Основную литературу о Шифнере (1817—1879) см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 508; Ливотова — Португаль, *Востоковедение*, № 918—921. — *А. К.*>

о наречиях приуральских финских народностей) [21]. Даже учреждение кафедры финских наречий при Казанском университете мало отразилось на успехах науки, и кафедра часто оставалась вакантной. Финляндские ученые по примеру Кастрена считали изучение финского племени своим национальным долгом, причем распространяли свои исследования и на другие группы урало-алтайской семьи [22]. В том же направлении работали ориенталисты, принадлежавшие к другому культурному финскому народу [23], венгерскому. Венгерскими учеными для этой цели был предпринят ряд исследований в пределах России при содействии русской Академии наук; к числу таких исследователей принадлежал уже один из современников Кастрена—Регули [24].

Особое место среди русских трудов по изучению Сибири занимает труд П. А. Чихачева о Восточном Алтае (1845 г.) [25]. Чихачев был командирован в 1842 г. горным ведомством для исследования минеральных богатств Алтая; результатом его путешествия был труд на французском языке, во многом дополнявший и исправлявший вышедший двумя годами раньше на том же языке труд Гумбольдта о Средней Азии. Книга Чихачева об Алтае, как и вся деятельность этого ученого, гораздо теснее связана с западноевропейской, чем с русской научной литературой; последующие труды Чихачева, к которым нам еще придется вернуться, были изданы тоже на французском языке; по завещанию (он умер в 1890 г.) он оставил значительный капитал (100 000 фр.) французской Академии наук. Изучению языка и быта жителей Алтая больше всего способствовали работы В. В. Радлова [26], после которых, отчасти под его влиянием, появился ряд других. Изучение Алтая сделало такие успехи, что в 1912 г. об этой стране мог появиться путеводитель, в состав которого входит и этнографический очерк.

В деятельности основанного в 1845 г. Русского географического общества работы по изучению Сибири занимают одно из главных мест. Еще в 50-х годах обществом была организована экспедиция в Сибирь под руководством астронома Шварца; экспедиция произвела ряд астрономических наблюдений и собрала значительный материал для изучения орографии и гидрографии как самой Сибири, так и некоторых местностей Монголии

---

[21] Анучин, *Предварительный отчет*; его же, *Очерк шаманства*.

[22] Орган финской этнографии — «Finnisch-Ugrische Forschungen», т. XV вышел в 1915 г. Ср.: Бартольд, *Научная поездка*, стр. 4 <см. ниже, стр. 565 и сл.>.

[23] <Финно-угорскому. — *А. К.*>

[24] О Регули и его деятельности в России см. автобиографию: Baer, *Nachrichten*, S. 651—658.

[25] Tchihatcheff, *Voyage scientifique*. <Об Алтае см. также:> Сапожников, *Пути по Алтаю*; о населении работа Потанина <*Очерки северо-западной Монголии*>. <См. теперь: Потапов, *Очерки по истории алтайцев*; Цыбульский, *Чихачев — исследователь Алтая*; его же, *П. А. Чихачев*, где на стр. 151—158 — список основных трудов Чихачева. — *А. К.*>

[26] <См. ниже, стр. 435, прим. 15. — *А. К.*>

(по верхнему Енисею). После этого по поручению общества был произведен целый ряд исследований на всем пространстве Сибири, от Урала до Камчатки и до Берингова пролива, со включением островов Северного океана, причем эти исследования кроме различных отраслей географической науки в тесном смысле касались также изучения края в этнографическом, лингвистическом и экономическом отношениях. В 1851 г. был открыт в Иркутске Сибирский отдел общества; впоследствии вместо него были учреждены несколько других для изучения отдельных частей страны: отдел Западной Сибири с подотделами Алтайским (в Барнауле) и Семипалатинским, отдел Восточной Сибири с Красноярским подотделом, отдел Приамурский в Хабаровске с отделением во Владивостоке, носящим название «Общество изучения Амурского края»; кроме того, при этом же отделе находился Читинский подотдел с Троицкосавско-Кяхтинским отделением; позднее был учрежден Якутский отдел. Образование отделов, получающих от центрального общества поддержку в финансовом отношении и посылающих ему отчеты о своей деятельности, способствовало организации местных научных сил, выяснению научных задач, которые могли быть ими выполнены, и созданию необходимых условий для плодотворной научной работы, в том числе учреждению местных библиотек и музеев. Среди последних особенно выдается музей, основанный в 1877 г. Н. М. Мартьяновым в городе Минусинске, уезд которого из всех местностей Сибири представляет, может быть, наибольший интерес в археологическом отношении. К сожалению, в Сибири, как и в других частях Российской империи, кроме столиц и немногих университетских городов, было слишком мало культурных сил, чтобы устроить на прочных основаниях жизнь местных ученых обществ и в особенности жизнь местных библиотек и музеев. Отделы Географического общества иногда в течение нескольких лет не присылали в Петербург отчетов и ничем не проявляли своего существования; музеи приходили в упадок тотчас после смерти или отъезда основателей; не находилось лиц, которые могли бы позаботиться о сохранности существующих коллекций, не говоря уже о дальнейшем обогащении музея [27]. Значительная часть местных научных деятелей вышла из среды невольных жителей края — политических ссыльных, трудом которых в широкой степени воспользовались Академия наук, Географическое общество и его отделы. Академией наук преимущественно издавались тексты и вообще лингвистические материалы, обнимающие большое число народов до крайнего северо-востока Азии («Материалы по изучению чукотского языка» В. Г. Богораза) и до бассейна Амура («Материалы по изучению гиляцкого языка» Л. Я. Штернберга); но значительная часть материалов, доставленных в академию, ос-

[27] По вопросу о музеях ср. состояние Семипалатинского областного музея при приеме его Семипалатинским подотделом ИРГО: обнаружилось, что «в сущности никакого музея нет, а есть остатки некогда бывшего музея» (*Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. Отдела имп. РГО за 1902 г.*, стр. 27); *Двадцатипятилетие Красноярского музея.*

тается неизданной [28]. Не окончено до сих пор печатание едва ли не самого монументального из этих лингвистических трудов — «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, составлявшегося 25 лет (1882—1907) и печатающегося с 1907 г.[29]. Высшие учебные заведения в Сибири — университет в Томске и Восточный институт во Владивостоке [30] — возникли только в конце XIX в.; кроме того, деятельность Восточного института по характеру возложенных на него задач была направлена почти исключительно на изучение областей, входящих в состав китайских и японских владений.

Условия изучения Сибири существенно изменились после революции; возник новый университет в Иркутске, преобразован в университет бывший институт во Владивостоке [31]. Возникло несколько национальных республик, из которых едва ли не самую оживленную культурную деятельность проявляет Якутская; по инициативе Якутского правительства возбужден вопрос о всестороннем исследовании Якутской республики большой академической экспедицией [32]. Национальные стремления, как всегда, соединяются с любовью к родной старине, так что образование национальных республик и автономных областей, вероятно, будет способствовать успехам исторической науки. В настоящее время представление даже самых образованных туземцев о прошлом своих областей крайне смутно; этим объясняется, например, принятие минусинскими турками народного названия *хакас* (в действительности это неправильное произношение китайских иероглифов, которыми обозначалось название некогда живших на верхнем Енисее киргизов) и жителями Восточного Туркестана народного названия *уйгур* (в действительности язык современного населения этой страны не имеет ничего общего с наречием средневековых уйгуров, остатки которых сохранились в Западном Китае, к югу от дороги между городами Сучжоу и Ганьчжоу) [33].

[28] Перечень трудов о Сибири: Межов, *Сибирская библиография*. Перечень академических изданий до 1918 г. — в *Каталоге академических изданий* и *Прибавлении* к нему. <См. теперь: Вдовин — Терещенко, *Очерки истории изучения палеоазиатских языков*; Горцевская, *Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков*; Баландин, *Изучение обско-угрских языков*. — *А. К.*>

[29] <Закончен печатанием в 1930 г.; переиздан фотомеханическим способом в 1958—1959 гг. О Пекарском см.: *Эдуард Карлович Пекарский*. — *А. К.*>

[30] <См.: Григорцевич, *Из истории востоковедения*. — *А. К.*>

[31] <В 1958 г. создано Сибирское отделение АН СССР (Новосибирск). Среди многочисленных естественно-технических институтов есть также и институты гуманитарного профиля: Институт географии Сибири и Дальнего Востока, Институт истории, филологии и философии, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт и др., а также Институт языка, литературы и истории при Якутском филиале Сибирского отделения АН СССР. Созданы университеты в Омске, Новосибирске, успешно продолжает свою деятельность университет в Томске. — *А. К.*>

[32] О Якутии см.: Самойлович, «Восток», кн. 4, стр. 185—186. <См. еще: *Библиография Якутской АССР*, т. 1; Н. Петров, *Якутский язык (указатель литературы)*. — *А. К.*>

[33] <См.: Clauson, *The name Uyğur*. Эта статья переведена на русский язык: Клосон, *О названии «уйгур»*. — *А. К.*>

Глава XVII

С изучением Сибири было тесно связано изучение Средней Азии, особенно киргизских степей. Иртышская линия наравне с Оренбургской была исходным пунктом целого ряда посольств, научных экспедиций и военных походов для исследования степей и для подчинения их русской власти. В «Сибирском Вестнике» Спасского, издававшемся в 1818—1824 гг., были обнародованы некоторые сведения о прежних путешествиях в эти страны.

В первой половине XIX в. внимание правительства было обращено преимущественно на западную часть степей; действиями оренбургских властей постепенно было достигнуто большее подчинение киргизов [1] русской власти, чем прежде. Ханская власть постепенно была уничтожена, и в 1822 г. было выработано новое положение об управлении киргизами. После уничтожения ханской власти правительство стремилось к уничтожению привилегий так называемой «белой кости», или султанов, и к слиянию их с народной массой. При этом киргизскому народу было даровано некоторое самоуправление, но выборы должны были происходить исключительно по территориальным единицам, независимо от родовых делений, к которым привык народ. При организации управления киргизами было решено не признавать родовых делений и заменить их территориальными, чтобы тем самым содействовать разложению родового строя; таков был основной принцип русской политики по отношению к киргизам, впоследствии также по отношению к другим кочевникам, принявшим русское подданство; но искусственные территориальные деления совершенно не соответствовали условиям действительной жизни; народу при таких условиях было трудно сознательно осуществлять свои права, и открывался широкий простор выборным интригам.

Подчинение киргизов русской власти было необходимым условием для движения через степи русских караванов и научных экспедиций. Караван Гавердовского, отправленный в 1803 г. в Бухару, еще должен был вернуться обратно, не достигнув цели; результатом его было только описание части степей. В 1825 г. состоялась большая экспедиция под начальством полковника Берга для исследования возвышенности Устюрт, между Аральским и Каспийским морями. Сопровождавший экспедицию военный отряд был так многочислен, что хивинцы смотрели на эту экспедицию как

[1] <Здесь и далее в этой главе под «киргизами» имеются в виду казахи.>

на военный поход против Хивы. Действительный поход, предпринятый из Оренбурга зимой 1839/40 г. Перовским, окончился неудачно; отряд вследствие глубоких снегов должен был вернуться обратно с большими потерями. В 1842—1846 гг. степи были подробно исследованы в топографическом отношении (с определением астрономических пунктов) Леммом. Результатом всех предшествующих исследований была книга Левшина «Описание Киргиз-Кайсацких орд и степей» (1832 г., три части) и небольшой труд Ягмина «Киргиз-Кайсацкие степи и их жители» (1845 г.).

До 1840-х годов сохранял свое значение ряд укреплений, которым Россия защищала себя от степи, разделенный на четыре линии: Уральскую, Оренбургскую, Ишимскую и Иртышскую. Укрепления начинались от Гурьева, недалеко от места впадения Урала (Яика) в Каспийское море, шли на север до Уральска, оттуда на восток до Орска, от Орска на север до Петропавловской, оттуда на восток до Омска, от Омска на юго-восток вверх по Иртышу до Бухтарминской. В 1835 г. от Орска была проведена новая передовая линия на северо-восток, к нижнему течению Уи; в 1836 г. вдоль этой линии начали вести непрерывный вал со рвом, но потом это намерение было оставлено.

Только в 1847 г. была осуществлена задача, намеченная еще в 1734 г. Кирилловым, — построить укрепление на низовьях Сыр-Дарьи и в связи с этим «на Аральском море российский флаг объявить». В этом году на Сыр-Дарье было построено Раимское укрепление, в 1851 г. переименованное в Аральское, в 1855 г. упраздненное, в 60 верстах от моря; туда же были доставлены из Оренбурга в разобранном виде суда «Николай» и «Константин». В связи с этим капитан Бутаков и прапорщик Поспелов произвели первое подробное исследование Аральского моря (1848—1850 гг.), благодаря которому не только русская, но и западноевропейская наука получила первые достоверные и подробные сведения об этом бассейне. К 40-м годам относятся также работы Иванина по описанию Каспийского моря; продолжателями его были Ивашинцев (1856 г.) и Пущин (1874 г.). Благодаря всем этим работам Каспийское море из всех русских морей теперь считается наиболее подробно исследованным [2]. На Аральском море была оборудована флотилия, местом стоянки которой был форт № 1 на Сыр-Дарье, построенный в 1853 г. и в 1867 г. переименованный в уездный город Казалинск. Туда же был переведен в 1855 г. гарнизон из упраздненного Аральского укрепления. Флотилия была упразднена в 1883 г.

В том же году (1847), когда Оренбургская линия вследствие основания укрепления на Сыр-Дарье утратила свое прежнее значение пограничной черты, Иртышская линия также была выдвинута вперед от Семипалатинска на юг основанием станиц Сергиопольской и Копальской (впоследствии города Сергиополь и Копал) в нынешней Семиреченской (Джетысуйской)

[2] О русских работах по изучению киргизских степей, Аральского и Каспийского морей ср.: И. Мушкетов, *Туркестан*; Берг, *Материалы*.

области, в бассейне озера Балхаша [3]. При образовании новых линий и устройстве казачьих станиц нередко грубо нарушались земельные права туземного населения. В связи с движением русских отрядов с Иртыша в Семиречье находились попытки заключить договор с китайскими властями в Кульдже относительно пограничной торговли. Еще в 1811 г. с этою целью был отправлен на реку Или из Семипалатинска переводчик Путимцев; в 1851 г. в Кульджу ездили Ковалевский и инженер Влангали, причем на этот раз результатом переговоров было заключение Кульджинского трактата, которым был разрешен вопрос о пограничных торговых сношениях между русскими и китайцами в этой местности; для русской торговли были открыты города Кульджа и Чугучак.

За основанием первого русского укрепления на Сыр-Дарье последовали военные действия против Кокандского ханства. Среднеазиатские ханства в XIX в. уже не находились больше в том состоянии, которым был вызван проект Кириллова о «подобрании бухарских и самаркандских рассыпанных провинций». В Бухаре и Хиве возникли новые династии, которым вновь удалось установить здесь более прочную государственную власть; в то же время на крайнем востоке узбекских владений, в Ферганской долине, местные узбецкие князья (беки) приняли ханский титул и положили начало новому ханству, столицей которого сделался город Коканд. Первым из кокандских беков, принявшим ханский титул, был Алим-хан, которому удалось кроме Ферганской долины подчинить своей власти Ташкент; при его преемнике Омар-хане (ум. в 1822 г.) был присоединен город Туркестан и почти все течение Сыр-Дарьи до Аральского моря; при Мадали-хане (1822—1843) кокандцами был основан ряд поселков и укреплений вдоль северного склона Александровского хребта, между реками Талас и Чу; начальниками этих крепостей взимались подати также с кочевого населения соседних степей, кара-киргизов и киргиз-кайсаков [4]. Таким образом, русские при дальнейшем движении как на Сыр-Дарье, так и в Семиречье должны были прийти в столкновение с кокандцами. Примирить русские и кокандские притязания на киргизские степи было невозможно; русское правительство должно было сделать выбор между двумя решениями: или совершенно отказаться от власти над степями, или вытеснить оттуда кокандцев. Присоединение к России культурных областей бассейна Аральского моря первоначально не имелось в виду. Еще в ноте, посланной в 1864 г. всем великим державам, министр князь Горчаков говорил только об установлении прочной и безопасной государственной границы как о единственной цели военных действий; для этой

[3] Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области*. О Семиречье: Масальский, *Туркестанский край*, стр. 321.

[4] Об истории Кокандского ханства: Наливкин, *История Кокандского ханства*. Ср. отзывы Веселовского (ЗВОРАО, т. I, стр. 227—228) и бар. Розена (ЗВОРАО, т. IV, стр. 126—128); также статьи в ЗВОРАО: Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек*; Бартольд, *Извлечение* и статьи Маллицкого: *Несколько страниц* и *К истории Ташкента*.

цели признавалось необходимым подчинить России кочевников, с которыми не могло быть никакого прочного соглашения, и расширить пределы русских владений до ближайших культурных государств, с которыми казалось возможным установить добрососедские отношения [5]. В действительности результат событий был иной, что объясняется отчасти личным честолюбием некоторых русских генералов, действовавших вопреки полученным ими инструкциям, отчасти происходившими в Кокандском ханстве политическими раздорами, при которых присоединение края к России казалось единственным возможным исходом [6]. Раздоры, как и в других ханствах, были вызваны борьбой между престолом и узбецкой аристократией, на стороне которой было также духовенство. Против аристократии ханы пользовались частью народными массами, частью — вооруженными отрядами из других кочевников и из горцев; при таких условиях борьба между враждебными друг другу элементами населения иногда принимала, особенно в Кокандском ханстве, такой характер, что сами ханы были только подставными лицами в руках предводителей враждующих партий. Помимо внутренних раздоров Кокандское ханство подвергалось нашествиям со стороны войск бухарского эмира, пользовавшегося этими междоусобиями для своих целей. Кроме политических смут, облегчавших действия русских войск, на стороне последних были, конечно, все преимущества военной дисциплины и лучшего вооружения. Ни в открытом поле, ни за своими глинобитными стенами среднеазиатцы не могли оказать русским сколько-нибудь серьезного сопротивления; даже малочисленные отряды могли одерживать верх над большими скопищами с ничтожными потерями для себя.

Наиболее дорого обошелся русским первый успех — взятие крепости Ак-Мечеть на Сыр-Дарье (1853 г.). К этой крепости, которая, по утверждению русских, была выстроена кокандцами на русской земле, русские войска под начальством Бларамберга безуспешно приступали еще в 1852 г.; только в 1853 г. крепость была взята Перовским и по его имени получила новое название (форт Перовский, ныне город Перовск [7]). Еще не зная своего врага, русские подвергли крепость правильной осаде и вследствие этого понесли сравнительно большие потери; впоследствии, когда вошло в обыкновение после первой бреши идти на приступ, взятие крепостей обходилось гораздо дешевле.

Одновременно с взятием Ак-Мечети русские войска в Семиречье перешли через реку Или; в 1854 г. было основано укрепление Верное (впоследствии город Верный, после революции неудачно переименованный в Алма-

---

[5] Нота Горчакова в английском переводе в книге: Skrine — Ross, *The Heart of Asia*, pp. 417—423.

[6] О русских и кокандских притязаниях еще: Radloff, *Aus Sibirien*, 2. Ausg., Bd II, S. 417 sq.

[7] <Ныне город Кзыл-Орда.>

Ата; действительное туземное название — Алматы). Этими действиями был определен дальнейший ход завоеваний. Было признано необходимым вместо прежних линий, Оренбургской и Иртышской, образовать сплошную линию укреплений к югу от степей, от Сыр-Дарьи до Или, для чего было необходимо соединение оренбургского отряда с сибирским. В 1860 г. началось движение с обеих сторон; в Семиречье кокандцы были разбиты при Узун-Агаче; еще раньше пали кокандские укрепления в долине реки Чу; на Сыр-Дарье после нескольких небольших укреплений начальником оренбургского отряда Веревкиным в 1864 г. был взят город Туркестан; в то же время Черняев, начальник сибирского отряда, взял Аулие-Ата; оба отряда сошлись у города Чимкента (впоследствии переименованного в Черняев) [8], который был взят в том же году, после чего Черняев сделался начальником всех военных сил, действовавших в Средней Азии [9].

Взятием Чимкента была достигнута цель, указанная в циркуляре князя Горчакова, но русские войска на этом не остановились. Черняев еще в том же году сделал неудачную попытку овладеть большим городом Ташкентом, которую в следующем году возобновил с полным успехом. В 1866 г. война с Кокандским ханством считалась оконченной, хотя в это время русские овладели городом Ходжентом, входившим в состав этого ханства. Кокандский хан сохранил из всех своих владений только Ферганскую долину; фактически он и этой областью продолжал править только в качестве русского вассала, хотя даже в договоре 1868 г. о зависимости ханства от России не упоминалось [10].

В том же, 1866 г. Черняева сменил Романовский. Еще до его назначения начались военные действия против Бухарского ханства. Во время войны с Кокандом Черняев старался извлечь выгоду из враждебных отношений между кокандским ханом и бухарским эмиром и предложил эмиру занять южную часть ханства, в то время как русские займут северную. Эмир, которому незадолго перед тем удалось на короткое время овладеть Кокандом, считал своею собственностью все ханство; даже в Ташкенте, в то время когда происходило нападение русских, начальствовал бухарский бек. После взятия Ташкента русские владения непосредственно соприкасались с владениями эмира, которому принадлежал город Джизак; было необходимо разрешить вопрос о границе и о торговых сношениях между обоими государствами; но вследствие притязаний эмира эти вопросы не могли быть разрешены без вооруженной борьбы. Вопрос о том, какие

---

[8] <Ныне город Чимкент.>

[9] О действиях кокандцев в Семиречье, например: Коншин, *Материалы степного края*, V, особенно стр. 93 и сл. О ходе завоеваний — книги Макшеева <*Исторический обзор Туркестана*> и Терентьева <*История завоевания Средней Азии*>; Веселовский, *Киргизский рассказ*; Лобысевич, *Поступательное движение*; Barthold, *Bukhārā*, о русской политике S. 816 sq.; <наст. изд., т. III, стр. 392—393>, там же литература предмета.

[10] Договоры еще у С. В. Жуковского, *К истории сношений*.

города относятся к Бухарскому и какие к Кокандскому ханству, был неясен для самих русских; этим объясняется, что разрыв с эмиром прежде всего вызвал взятие русскими Ходжента, принадлежавшего кокандскому хану, с которым незадолго перед тем были восстановлены мирные отношения, хотя окончательное заключение мирного договора последовало только в 1868 г. В 1866 г. Романовскому, однако, удалось разбить бухарские войска и взять принадлежавшие эмиру города Джизак и Ура-Тюбе.

В 1867 г. из завоеванных среднеазиатских областей было образовано особое генерал-губернаторство, одинаково независимое от Оренбурга и от Сибири, с главным городом Ташкентом. Первым генерал-губернатором был назначен К. П. фон Кауфман, управлявший краем номинально в течение 15 лет (1867—1882; фактически 13 л. 5 мес., так как с марта 1881 г., когда его поразил удар, он не приходил в сознание). Прежде всего ему предстояло окончить войну с Бухарой, что и было достигнуто в 1868 г.; эмир должен был заплатить контрибуцию и уступить России часть своих владений по верхнему течению Зеравшана с городом Самаркандом. После 1868 г. границы России со стороны Бухары не подвергались изменениям. Часть местности, уступленной эмиром, пришлось занять с оружием в руках, именно горную область в верховьях Зеравшана, где население фактически было совершенно независимо от Бухары; русские войска действовали и против некоторых других беков, не признававших власти эмира, но завоеванные ими города были присоединены к бухарским владениям. Та же судьба постигла впоследствии области в верховьях Аму-Дарьи (Дарваз, Рошан и Шугнан), отторгнутые от Афганистана по памирскому разграничению, состоявшемуся в 1895 г. после переговоров между Россией и Англией. Отношение ханства к России было определено «договором о дружбе» 1873 г. Учреждением в Бухаре русского политического агентства (в 1886 г.) зависимость ханства от России получила более определенное выражение, но зато эмир сделался более независимым по отношению к туркестанскому генерал-губернатору; между политическим агентством в Бухаре и управлением генерал-губернатора в Ташкенте происходили постоянные ведомственные трения. В большей степени господство России над ханством было обеспечено проведением железной дороги через пределы ханства, устройством (с 1894 г.) русской таможенной линии на Аму-Дарье вдоль его южной границы (с Афганистаном), основанием в некоторых местах этой линии (переправа Керки, развалины города Термеза, пост в Шугнане) укреплений с русскими гарнизонами и устройством пароходного сообщения вверх по реке до Термеза. Несмотря, однако, на русский протекторат, бухарская государственность сохраняла свой средневековый характер; ни для устранения произвола эмира и чиновников, ни для установления правильного государственного бюджета ничего сделано не было; сверх того русские власти не отказывались, за немногими исключениями, от щедрот эмира. Как было написано мною еще в 1912 г., нельзя отрицать, что русская политика могла иметь только неблагоприятные последствия

как для благосостояния народа, так и для престижа России в Средней Азии.

Революцией 1920 г. была создана Бухарская советская республика. Вместе со всем Туркестаном Бухаре [11] пришлось пережить период крайнего разорения, от которого она теперь начинает медленно оправляться [12].

Одновременно с военными действиями ханств происходило занятие русскими восточного берега Каспийского моря, отделенного от ханств степным пространством. В эту местность русские отряды посылались частью из Астрахани, частью из Кавказа; после утверждения здесь русской власти Закаспийская область долго оставалась под управлением кавказских властей и только впоследствии была соединена в административном отношении с Туркестанским краем.

Еще в 1839 г. было основано на берегу Мангышлакского полуострова Ново-Петровское укрепление, переименованное в 1859 г. в форт Александровский; в 1869 г. основанием Красноводска был выполнен план Петра Великого — построить укрепление на берегу Балханского залива, около старого устья Аму-Дарьи. Жившие здесь туркмены фактически были совершенно независимы как от хивинского, так и от персидского правительства; тем не менее правительство персидского шаха считало основание Красноводска нарушением своих прав.

Благодаря этим событиям генерал-губернатор Кауфман с бóльшим успехом, чем в 1839 г. Перовский, мог предпринять движение против Хивинского ханства, владетель которого по-прежнему отказывался освободить русских пленных и продолжал посылать отряды в киргизские степи, в местности, считавшиеся присоединенными к России. Хивинцы утверждали, что границу между ханством и Россией составляет река Сыр-Дарья; русские считали своими владениями как правый, так и левый берег реки. Еще труднее было бы определить границу в местности между Аральским и Каспийским морями.

В 1873 г. против Хивинского ханства были отправлены отряды с четырех сторон: из Оренбурга (под начальством Веревкина), из Ташкента (во главе этого отряда находился сам Кауфман), из Мангышлака и из Красноводска. Из этих отрядов три первых (четвертый не мог преодолеть трудностей похода через песчаные степи и был вынужден вернуться обратно) достигли цели и после ничтожного сопротивления заняли ханство. При заключении мира хивинский хан должен был признать свою зависимость от России в более категорической форме, чем ханы бухарский и кокандский; по первому пункту договора хан признал себя «покорным слугою императора всероссийского». Часть ханства к востоку от Аму-Дарьи была непосредственно присоединена к русским владениям; здесь был основан

[11] <С 1924 г. город Бухара и область входят в состав Узбекской ССР.>

[12] О положении после революции особенно: Колычевский, *Бухара*; С. Х., *Гражданская война в Бухаре*; Тер Погос-Аветисов, *Взаимоотношения с Бухарой*.

город Петро-Александровск (ныне Турткуль), где были сосредоточены сношения между ханством и русскими властями, без учреждения агентства в самой Хиве.

Таким образом, ханства Бухарское и Хивинское сохранили свое существование, хотя и были приведены в полную зависимость от России. В Кокандском ханстве в 1875 г. снова произошли смуты, связанные с восстанием против русских; после усмирения восстания и занятия городов ханства русскими войсками существованию ханства в 1876 г. был положен конец и в Ферганской области было введено русское управление.

С присоединением Семиречья Россия приобрела край, на который в XVIII в. изъявляло притязание китайское правительство. Для обеспечения новых приобретений было необходимо заключить договор с Китаем и определить границу между Россией и китайской империей, что и было достигнуто Чугучакским договором 1864 г. Около того же времени в Илийском крае, как и в Восточном Туркестане, произошло кровопролитное восстание мусульманского населения против китайцев; господство китайцев было уничтожено, и возникли новые мусульманские государства[13]. Одно из них, Кульджинское султанство, в 1871 г. вследствие пограничных недоразумений было занято русскими войсками, причем русское правительство объявило, что не оспаривает прав китайского правительства на эту область и вернет ее Китаю, как только последний будет в состоянии поддерживать здесь порядок. Кульджинский край оставался под русским управлением до 1882 г.; в это время китайцам удалось покончить с мусульманским восстанием в Восточном Туркестане; китайское правительство требовало выполнения обещания, данного в 1871 г. После некоторых колебаний был заключен С.-Петербургский трактат (в 1881 г.), по которому Кульджа была возвращена Китаю и вновь была установлена граница между обоими государствами, причем к России отошла только небольшая часть бывшего Кульджинского султанства; возвращение Китаю остальной части состоялось в 1882 г.[14].

После завоевания кокандских крепостей в Семиречье и по Сыр-Дарье изучение русскими киргизских степей уже не встречало препятствий. Уже в 1865 г. был издан обширный статистический труд Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства»; к концу 60-х годов относится также путешествие турколога Вас. Вас. Радлова, впоследствии академика, которым был собран обширный материал по народной литературе киргиз-кайсаков, кара-киргизов и других турецких народов, представленный через акад. Шифнера Академии наук и изданный ею в подлиннике и немец-

[13] О событиях в Кульджинском крае: Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 286—415 *Воспоминания илийского сибинца*; там же, на стр. 236, библиографические замечания В. Л. Котвича.

[14] О крае под русским управлением: Пантусов, *Сведения о Кульджинском районе*. О положении после восстановления китайского владычества: Велецкий, *Приилийский Кульджинский край*.

ком переводе[15]. На этом материале и на лингвистических исследованиях В. В. Радлова основаны почти все дальнейшие успехи туркологии как науки; в то же время отчет о путешествии Радлова, также напечатанный на немецком языке, значительно обогатил наши сведения по этнографии среднеазиатских турок. Из всех народов турецкого происхождения особенное внимание исследователей обращали на себя по своей многочисленности и по обширности занимаемой ими территории киргиз-кайсаки; об этом народе на русском языке существует обширная литература, рассеянная по различным периодическим изданиям[16]. Оренбург после образования генерал-губернаторства Туркестанского и Степного (учрежденного в 1882 г.) утратил свое прежнее административное значение, но благодаря деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии и издававшимся ею «Трудам» в нем отчасти и потом сосредоточивались работы по изучению киргизских степей, в особенности их прошлого, о котором в оренбургском архиве хранится, по-видимому, еще много неизданного материала. Такое же значение имеют издающиеся теперь в Оренбурге, как в центре Киргизской Советской Республики, «Труды Общества изучения Киргизского края»[17].

Кроме вопросов этнографических и лингвистических русскими исследователями был разрешен также один из вопросов физической географии Средней Азии, который до тех пор был для западноевропейских ученых только предметом догадок и предположений, именно вопрос о характере среднеазиатских горных систем, в особенности главной из них, известной под китайским названием Тянь-Шань («Небесные горы»). Благодаря целому ряду астрономических, геологических, топографических и других работ характер хребтов Тянь-Шаня был вполне выяснен, причем была доказана несостоятельность гипотезы Гумбольдта о вулканическом характере этой системы. Исследование Тянь-Шаня признается одной из важнейших заслуг русской науки в деле изучения земного шара. Представители русской науки, особенно деятели Географического общества, придавали этой задаче такое значение, что экспедиции с этой целью предпринимались, с опасностью для жизни исследователей, тотчас после первых успехов русского оружия, задолго до окончательного замирения края. Уже в 1856—1857 гг. П. П. Семенов первым через Семиречье достиг Тянь-Шаня. В 1859 г. капитан Голубев

[15] Библиографический обзор трудов В. В. Радлова до 1906 г. (К. Г. Залемана) в юбилейном издании: *Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова*, СПб., 1907; *Материалы для биографического словаря*, ч. II, стр. 129 и сл.; о его деятельности: Бартольд, *Памяти Радлова*; <ниже, стр. 665—688. См. теперь: Дулина, *Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем. — А. К.*>.

[16] К литературе о киргизах см.: Мелиоранский, *Краткая грамматика*, ч. I, стр. 5—6; Харузин, *Библиографический указатель*; Веселовский, *Дополнительный указатель*; Крахилев, *Дополнение*; Алекторов, *Указатель книг о киргизах*.

[17] <С апреля 1925 г. Киргизская Советская Республика стала именоваться Казахской АССР, которая в 1937 г. была преобразована в Казахскую ССР. Научным центром Казахской ССР является Академия наук (основана в 1945 г.) в г. Алма-Ате. — *А. К.*>

совершил путешествие вокруг озера Иссык-Куль. В 1861 г. артиллерийским офицером Венюковым было составлено описание новых приобретений России под заглавием «Очерки Заилийского края». Изучению Тянь-Шаня и Памирской возвышенности, где ныне сходятся границы владений русских, китайских и англо-индийских[18], более всего способствовали труды Северцова; главные его путешествия относятся к 1864—1867 гг., но его первые экскурсии были совершены гораздо раньше; еще в 1858 г. он во время одной из таких экскурсий был взят в плен кокандцами и пробыл в плену около месяца.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства путешествие для исследования Тянь-Шаня совершил в 1869 г. барон Каульбарс. В том же году начались исследования Федченко. После изучения верховьев Зеравшана он в 1871 г. перенес свои работы в пределы Кокандского ханства; им впервые была исследована местность между Ферганской долиной и Памирской возвышенностью, причем были открыты снежные хребты Алайский и Заалайский и расположенная между ними Алайская долина. Федченко погиб в 1874 г. при восхождении на один из швейцарских ледников, не успев обработать своих трудов, которые были изданы уже после его смерти.

Работы по изучению края встречали со стороны генерал-губернатора Кауфмана полное содействие, иногда даже предпринимались по его инициативе. На этой стороне деятельности Кауфмана нам придется подробнее остановиться в следующей главе; мы увидим, как велики были и в этом отношении заслуги первого туркестанского генерал-губернатора, за которым вообще упрочилась слава «устроителя Туркестанского края», хотя некоторые из вопросов, имевших для края жизненное значение, были разрешены только после него. К числу таких вопросов прежде всего принадлежал вопрос о путях сообщения между Туркестаном и коренными русскими областями. При жизни Кауфмана единственной дорогой, соединявшей Туркестан с Европейской Россией, оставался оренбургский почтовый тракт. В следующие годы, уже при генерал-губернаторе Черняеве (1882—1884), возник спор о том, вести ли железную дорогу в Туркестан от Оренбурга или от берега Каспийского моря, именно от Балханской бухты. Вопрос был разрешен в пользу второго направления, отчасти в связи с возобновлением старого проекта снова направить реку Аму-Дарью в Каспийское море; горячим сторонником этого проекта, впоследствии признанного несостоятельным, был и Черняев. Кроме того, в деятельности Кауфмана, конечно, были недостатки, связанные с общим направлением русской государственной жизни того времени. Как в Литве, так и в Туркестане Кауфман представлял себе свою задачу в виде постепенной подготовки края к слиянию с остальной Россией. Мусульманская культура казалась ему

[18] <В настоящее время в районе Тянь-Шань — Памирская возвышенность близко соседствуют границы СССР, КНР, Афганистана, Индии и Бангладеш. — *А. К.*>

обреченной на гибель, причем для этой цели, по его мнению, было достаточно предоставить ее самой себе [19]. Жизнь скоро опровергла это мнение; в Туркестан была принесена волжскими татарами и встретила там довольно благоприятную почву мысль о преобразовании мусульманской школы в духе современных требований, но без утраты национальной и религиозной основы. В настоящее время учреждением Туркестанской республики создана почва для национального возрождения на более широкой основе [20].

Проведение железной дороги было возможно только после окончательного покорения туркмен, занимавших страну между Каспийским морем и берегом Аму-Дарьи и до начала 80-х годов сохранявших свою независимость. Война с туркменами, начавшаяся в 1879 г., остается до настоящего времени последним значительным военным предприятием России в Средней Азии. Кочевники-туркмены еще в меньшей степени, чем узбеки, обладали государственной организацией и были еще хуже вооружены; артиллерии у них не было совсем; в их стране не было ни городов, ни постоянных крепостей; были только временные укрепления, служившие оплотом при нашествии врага и покидавшиеся населением, когда опасность была устранена. Тем не менее русские войска в стране туркмен встретили гораздо более упорное сопротивление, чем в остальной части Средней Азии. Первый поход (1879 г.) окончился совершенной неудачей; в следующем году против туркмен был отправлен лучший из русских генералов, Скобелев, и ему в 1881 г. после правильной осады со значительными потерями удалось взять главное туркменское укрепление Геок-тепе. Во время осады был случай потери русским отрядом при неожиданной вылазке туркмен знамени и двух пушек, чего не случалось с русскими ни при одном из других среднеазиатских походов. Для туркмен падение Геок-тепе было соединено со страшными потерями, совершенно сломившими их сопротивление; присоединение остальной части туркменских земель, закончившееся в 1884 г. присягою мервских туркмен, было достигнуто без военных действий [21]. Туркменские земли граничили с Персией и с Афганистаном, причем граница ни в том, ни в другом случае не была точно определена. Установление государственной границы России с Персией было достигнуто путем непосредственных переговоров между обоими государствами; установление границы с Афганистаном, находившимся в сфере английского влияния,

[19] А. А. Семенову принадлежит подробная биография Кауфмана во введении к «Кауфманскому сборнику» (1910) <*Покоритель и устроитель Туркестанского края*>. Характеристика деятельности Кауфмана еще: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. III, стр. 266—328.

[20] <Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика существовала с 30 апреля 1918 г. до 18 октября 1924 г. В результате национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии (октябрь 1924 г.) она была преобразована, и теперь на ее территории находятся: Узбекская ССР с Кара-Калпакской АССР, Туркменская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР. — *А. К.*>

[21] Семенов, *Очерки.* <Ср.: Тихомиров, *Присоединение Мерва к России. — Н. Т.*>

было связано с большими затруднениями. В 1885 г. насильственное вытеснение афганского отряда русскими из спорной территории едва не было причиной войны между Россией и Англией; но потом удалось достигнуть соглашения, и граница была установлена англо-русской разграничительной комиссией.

Только после этих событий мог быть осуществлен проект железной дороги между берегом Каспийского моря и культурными областями Аральского бассейна. Первый участок этой железной дороги, до Кизыл-Арвата, был закончен еще в 1881 г., но только в 1887 г. дорога была доведена через Мерв до Самарканда, причем впоследствии была выстроена ветвь от Мерва к афганской границе.В последние годы XIX в. дорога от Самарканда была продолжена до Ташкента и Андижана. К этому времени успела выясниться нецелесообразность направления, избранного в начале 80-х годов, вследствие которого железнодорожное сообщение между Европейской Россией и Туркестаном прерывалось переездом через Каспийское море. В начале XX в. Ташкент был соединен железной дорогой с Оренбургом, чем было установлено непрерывное железнодорожное сообщение от Петербурга до афганской границы. В 1916 г. была открыта железная дорога из Бухары через Карши в Термез, потом разрушенная во время революции, но теперь восстановленная.

Глава XVIII

Изучение русскими среднеазиатских ханств достигло значительных успехов уже в первой половине XIX в., еще до подчинения ханств русской власти. Путешествия в Бухару и в Хиву в то время совершались обыкновенно из Оренбурга, путешествия в Кокандское ханство — из пунктов Иртышской линии. Результаты этих путешествий могли быть использованы для науки в большей степени, чем прежде, отчасти благодаря деятельности профессоров-ориенталистов, представителей учрежденных в начале XIX в. университетских кафедр восточных языков [1].

В 1820 г. в Бухару было отправлено посольство Негри; путешествие из Оренбурга в Бухару было описано двумя участниками посольства: офицером генерального штаба Мейендорфом (секретарем посольства) на французском языке и натуралистом Эверсманом на немецком; последний кроме сведений о стране сообщил также список слов афганского языка. Труд Мейендорфа был напечатан в Париже, труд Эверсмана — в Берлине. Негри получил в подарок от эмира рукопись исторического сочинения (*Та'рӣх-и Муḳӣм-хӑнӣ*), которое было издано и переведено на французский язык профессором Сенковским [2] и долгое время оставалось для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства; ненадежность этого источника теперь доказана, но материал для его проверки и теперь еще не приведен в известность в достаточной степени.

В 1834 г. учитель татарского языка в оренбургском училище барон Демезон [3], впоследствии директор учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел, совершил путешествие из Оренбурга в Бухару, переодетый татарским муллой. Для науки этот смелый подвиг, хотя и совершенный ученым-ориенталистом, имел столь же мало резуль-

---

[1] Литература о Средней Азии рассмотрена в книге И. Мушкетова *Туркестан.* <Теперь см. также: Халфин, *Присоединение Средней Азии к России*, библиография на стр. 445—467. — *Н. Т.*>

[2] *Supplément.* <Теперь также: *Та'рӣх-и Муḳӣм-хӑнӣ*, пер. Семенова. — *Н. Т.*> <Основную литературу об Осипе Ивановиче Сенковском (1800—1858) см.: Кононов, *История изучения тюркских языков в России*, стр. 139—143. — *А. К.*>

[3] <О Петре Ивановиче Демезоне (1807—1873) см.: Веселовский, *Сведения о преподавании*, стр. 108, 109; его же, *История РАО*, стр. 23—26; Чабров, *Поездка в Бухару;* Кононов, *История изучения тюркских языков в России*, стр. 163—165. — *А. К.*>

татов, как 30 лет спустя такой же подвиг венгерского ориенталиста Вамбери [4].

Следующее путешествие было совершено при иных условиях; на этот раз русские люди могли отправиться в Бухарское ханство совершенно открыто, по приглашению самого эмира, нуждавшегося в горных инженерах для разработки естественных богатств его страны. Первое путешествие, вызванное просьбой эмира, именно путешествие Ковалевского и Гернгросса (1839 г.), не достигло цели; более успешно было путешествие инженеров Бутенева и Богословского, которых сопровождали молодой ориенталист-автодидакт Ханыков, воспитанник Царскосельского лицея, и натуралист Леман (1841—1842 гг.) [5]. Главным результатом путешествия была книга Ханыкова «Описание Бухарского ханства» (1843 г.). В книге даются подробные сведения о стране, о населении, в особенности об административном устройстве, подробно описываются, с приложением планов, города Бухара и Самарканд и т. п. С тех пор многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства, за исключением восточных областей, присоединенных к бухарским владениям только после русского завоевания и тогда же впервые посещенных русскими. Исключительные достоинства книги Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год. Ханыковым было приобретено также значительное количество рукописей, впоследствии переданных в Имп. (ныне Государственную) Публичную библиотеку [6].

Записки Лемана о том же путешествии на немецком языке после его смерти (он умер в 1842 г. на обратном пути из Бухары) были переданы Академии наук и изданы по ее распоряжению, причем издатель (Helmersen) воспользовался также книгой Ханыкова. Кроме части страны, описанной Ханыковым, Леман впервые посетил и описал местность по верховьям Зеравшана; из археологических памятников им, между прочим, описан караван-сарай Рабат-и Мелик (в степи между культурными полосами Самарканда и Бухары), построенный, как было доказано впоследствии, во второй половине XI в.[7]. После рисунков Лемана только в 1906 г. были сделаны новые изображения (фотографические) этого здания [8].

[4] <Об Арминии (Германе) Вамбери (1832—1913) см.: СИЭ, т. 2, стр. 947. — *А. К.*>

[5] О посольствах в Бухару и Хиву в особенности книга С. Жуковского <*Сношения России с Бухарой и Хивой*>. <О Николае Владимировиче Ханыкове (1822—1878) см.: ИИН, № 6940—6944. — *А. К.*>

[6] <Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде).>

[7] О времени постройки Рабат-и Мелик см.: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 259 и 336; <наст. изд., т. I, стр. 378, 592>.

[8] Снимки И. А. Беляева в Азиатском музее Академии наук.

Некоторое значение для науки имело посольство в Хиву и Бухару Игнатьева (1858 г.); при посольстве находился командированный Академией наук ориенталист Лерх [9], приобревший некоторое число рукописей для Азиатского музея академии и монет для Эрмитажа и Археологического общества. Еще более значительное количество рукописей перешло в собственность русского правительства во время военных действий 1868—1869 г.; рукописи были переданы в Имп. Публичную библиотеку, где составили так называемую «коллекцию Кауфмана» [10]. Между прочим, в Самарканде был приобретен один из древнейших списков Корана; как и некоторые другие древние списки, эта рукопись выдается за экземпляр Корана, находившийся в руках халифа Османа, когда к нему ворвались убийцы, и сохранивший следы крови халифа (после революции этот Коран был возвращен в Туркестан) [11]. Богатое собрание рукописей было добыто при взятии города Шахрисябза. Одним из владетелей Шахрисябза, Джурабеком, поступившим на русскую службу, впоследствии снова было составлено собрание рукописей, с которым в 1902 г. имел возможность ознакомиться один из русских исследователей [12].

События 1868 г. сделали Бухарское ханство вполне доступным для русских исследователей. Начиная с 70-х годов был совершен ряд поездок в восточную часть ханства, особенно в горные области по верховьям Аму-Дарьи, прилегающие к Памирской возвышенности. В географическом отношении край был исследован довольно подробно. Еще в 30-х годах край был известен русским лучше, чем западным европейцам; Бернс только на русских картах нашел правильно обозначенным течение Зеравшана, который на западноевропейских картах изображался как приток Аму-Дарьи. Более подробны были сведения Вуда и др.; наиболее подробной и точной английской картой Средней Азии до русского завоевания была карта Уокера (Walker); русскими исследователями и эта карта была во многих отношениях исправлена и дополнена. Некоторыми путешественниками сверх того был собран этнографический и лингвистический материал; как по особенностям своего быта, так и по языку население некоторых горных областей существенно отличается от остальных жителей ханства. В 1898 и 1901 гг. эти области посетили гр. А. А. Бобринской [13] и ориенталист (воспитанник Лазаревского института восточных языков)

[9] <О Петре Ивановиче Лерхе (1828—1884) см.: Тизенгаузен — Веселовский, *П. И. Лерх* (*некролог*); ИИН, № 10896—10900; Лунин, *Средняя Азия в востоковедении*, стр. 86—88. — *А. К.*>

[10] Краткое описание коллекции Кауфмана (П. И. Лерха и В. Д. Смирнова) в Отчетах Имп. Публичной библиотеки за 1871 г., стр. 14—22; за 1874 г., стр. 72—92; за 1876 г., стр. 100—168; за 1877 г., стр. 49—79.

[11] О самаркандском Коране см. статью А. Шебунина *Куфический Коран.*

[12] О собраниях рукописей в Средней Азии: Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* (*1902 г.*); <наст. изд., т. VIII, стр. 119—210; один из русских исследователей — это Бартольд, см. его статью *Собрание рукописей Джурабека. — А. К.*>.

[13] Бобринской, *Горцы верховьев Пянджа.*

А. А. Семенов [14]; гр. Бобринскому принадлежит также статья об остатках некогда могущественной секты исмаилитов [15], сохранившихся в тех же областях. Впоследствии появилось еще несколько работ как о языке и быте горцев, так и о распространенных среди них религиозных учениях [16].

Для изучения Бухарского ханства в других отношениях со времени подчинения его русской власти сделано меньше, чем можно было ожидать. Книга Ханыкова до сих пор не заменена другим, столь же подробным и всесторонним описанием ханства в его нынешнем состоянии. Несколько книг о Бухарском ханстве издал Д. Н. Логофет, проживший в пределах ханства более десяти лет, но эти книги, даже независимо от незнакомства автора с языком страны, не удовлетворяют научным требованиям [17]. Нет также обзора истории ханства, составленного по первоисточникам [18]; большею частью эти источники даже не изданы, и время узбецкого владычества остается одним из самых темных периодов в истории Средней Азии. В пределах ханства не было ни археологических, ни историко-географических исследований; не выяснена даже топография средневековой Бухары, хотя условия для такого исследования как нельзя более благоприятны, так как Бухара в отличие от большей части других среднеазиатских городов всегда находилась на том же месте, как теперь, и о топографии города до нас дошли такие подробные письменные известия, как ни об одном из других городов края [19]. После революции были приняты меры для основания необходимых для научных работ учреждений в самой Бухаре, прежде всего библиотеки и музея.

Путешествия из Оренбурга в Хиву, несмотря на бóльшую близость расстояния, были связаны еще с бóльшими затруднениями, чем путешествия в Бухару; отношение хивинского правительства к России было еще более враждебно; до завоевания русскими Средней Азии Хива оставалась главным рынком, на котором продавались в рабство русские пленные; требование освободить этих пленных, предъявлявшееся всеми русскими посольствами, здесь встречало наибольшие затруднения.

Посольство, отправленное из Оренбурга в Хиву в 1818—1819 гг., не достигло места назначения; но в 1819 г. в Хиву удалось проникнуть

---

[14] <Об Александре Александровиче Семенове (1873—1958) см.: Литвинский — Акрамов, *Александр Александрович Семенов. — А. К.*>

[15] Бобринской, *Секта Исмаилья.*

[16] Семенов, *Этнографические очерки* (рец.: Максимов, ЭО, 1903, № 3, стр. 180—182); его же, *Из верований шугнанских исмаилитов*; его же, *О мерванитах*; В. Иванов, *Исмаилитские рукописи*; Зарубин, *Материалы по этнографии.* <Теперь также: Биснек — Зельдович, *Этнография народов Памира. — А. М.*>

[17] Из новейших общедоступных описаний Бухары: Логофет, *Бухарское ханство.*

[18] Нершахи, пер. Лыкошина.

[19] Умняков, *О топографии средневековой Бухары.* <См. теперь: Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары*; ее же, *К истории*; Чехович, *Бухарские документы. — А. М.*>

русскому посольству с другой стороны, из Кавказа. Капитан Николай Муравьев (впоследствии Муравьев-Карсский) совершил путешествие в Хиву по поручению главноначальствующего на Кавказе Ермолова; после Бековича он первым высадился около Балханской бухты, места впадения Узбоя (старого русла Аму-Дарьи), и оттуда через кочевья туркмен достиг Хивы, где сначала встретил неблагоприятный прием, даже был подвергнут заключению, но потом все-таки был принят ханом и возвратился к Ермолову в сопровождении хивинских послов. Результатом этого путешествия была книга о Хивинском ханстве, тотчас же переведенная на французский и немецкий языки и долгое время остававшаяся для европейских читателей почти единственным источником сведений об этом узбецком владении [20].

После похода Перовского (1839 г.) отношения ханства к России на короткое время сделались несколько более дружественными; несмотря на неудачу похода, хивинцы поняли угрожавшую им опасность, тем более что в Оренбурге тотчас после возвращения Перовского начались приготовления к новому походу. Русские послы Никифоров (1841 г.) и Данилевский (1842 г.) были приняты ханом лучше, чем их предшественники; второму даже удалось заключить договор с ханством относительно торговых сношений (русские пленные были освобождены еще раньше). Данилевским было составлено описание ханства, изданное только в 1851 г. Географическим обществом [21]. Другое описание ханства на немецком языке составил один из спутников Данилевского — натуралист Базинер. По замечанию Я. Ханыкова, маршрут Никифорова был основой карты Хивы, изданной в 1845 г. в Берлине под именем Базинеровской и впоследствии приложенной самим Базинером к отчету о его путешествии.

Договор, заключенный Данилевским, не был выполнен; отношения вновь приняли прежний характер; в Хиву снова стали доставляться русские пленные. Вопрос о Хиве, как мы видели, был разрешен только походом 1873 г. Участниками этого похода были произведены также работы (топографические и др.) для изучения ханства и для исправления его карты; в этих работах принимал деятельное участие воспитанник факультета восточных языков А. Л. Кун [22], статьи которого кроме сведений о современном состоянии страны заключают в себе также сведения о памятниках древности. Кроме того, им во время похода были приобретены некоторые рукописи, впоследствии купленные у его наследников Азиатским музеем Академии наук. В числе их находится полный экземпляр офи-

---

[20] <Муравьев, *Путешествие.*>

[21] Данилевский, *Описание Хивинского ханства*; Ханыков, *Пояснительная записка*; План Хивы у Базинера <*Reise*>, стр. 120; о путешествии Базинера еще: Савельев, *Путешествие Базинера.*

[22] <Об Александре Людвиговиче Куне (1840—1888) см.: Лунин, *Средняя Азия в востоковедении*, стр. 114—125; ИИН, № 1259, 8912, 8916. — *А. К.*>

циальной истории ханства, составленной в XIX в. несколькими авторами и доведенной до 1872 г.[23].

Как приготовления к походу, так и результаты его вызвали довольно обширную литературу, в том числе и некоторые труды ориенталистов; свод сведений об истории ханства составили в 1873 г. на немецком языке Лерх, в 1877 г. на русском языке Н. И. Веселовский [24]. Тем не менее для изучения Хивинского ханства при русском владычестве сделано столь же мало, как для изучения Бухарского. Полного описания ханства также не существует; находящийся в Азиатском музее Академии наук экземпляр официальной истории ханства остается неизданным и еще никем не был использован. Как в туркестанских, так и в столичных изданиях о Хивинском ханстве после 70-х годов были напечатаны только отдельные статьи [25]. Еще в последние годы дореволюционного периода в Хиве принимались некоторые меры для поднятия культуры; русские ученые и техники встречали полное содействие; был составлен план снаряжения экспедиции по вопросу об ирригации и вместе с тем для производства археологических исследований. Успеху культуры вредили постоянные внутренние междоусобия между хивинцами и туркменами, продолжавшиеся и при русском владычестве, даже после революции [26].

Путешествия в Ташкент и Коканд совершались, как мы видели, преимущественно из пограничных городов Сибири, из которых главным был Петропавловск, или, как его называли туземцы, Кызыл-джар. В самом конце XVIII в. ташкентский владетель, как 40 лет спустя бухарский эмир, обратился к русским властям с просьбой прислать знатоков горного дела; из Семипалатинска в 1800 г. были посланы в Ташкент горные чиновники Бурнашев и Поспелов (Бурнашев еще в 1794 г. ездил в Бухару) с поручением «удовлетворить настояние тамошнего владетеля, в рассуждении открытых близ Ташкента рудных приисков». Бурнашев и Поспелов между прочим сообщили некоторые сведения о происходивших в то время войнах между владетелями Ташкента и Коканда; несколько лет спустя Алим-хану кокандскому (он первый из узбецких владетелей Ферганы принял ханский титул) удалось завоевать Ташкент [27]. В 1813—1814 гг. в Коканд, уже при Омар-хане, ездил из Петропавловска переводчик Филипп Назаров; результатом этого путешествия были «Записки о некоторых

---

[23] Статьи Куна: *От Хивы до Кунграда*; *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*; *Поездка по Хивинскому ханству*, стр. 57; Бартольд, *События перед хивинским походом*.

[24] Lerch, *Khiva oder Khârezm*; Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*.

[25] Несколько статей А. Н. Самойловича, особенно *Краткий отчет о поездке в Ташкент, Бухару и Хивинское ханство*; Калмыков, *Хива*. <Переводы из источников по истории Хивинского ханства см. теперь: МИТТ, I—II; «официальную историю ханства» — *Фирдаус ал-икбāл* Муниса — МИТТ, II, стр. 323—426. — *Н. Т.*>

[26] О новейших движениях: Михайлов, *Хивинский фронт*; Хромых, *Созидание фронта*; Тер Погос-Аветисов, *Взаимоотношения с Бухарой*.

[27] *Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии*.

народах и землях Средней части Азии». В 1830 г. хорунжий Потанин сопровождал кокандское посольство, возвращавшееся из России на родину, и тоже составил описание ханства [28]. В конце 40-х годов, перед началом военных действий, были собраны сведения о ханстве от находившихся в Оренбурге кокандских купцов, и на основании этих сведений была составлена особая записка. К числу трудов о Кокандском ханстве принадлежат некоторые из трудов В. В. Вельяминова-Зернова [29], выдающегося исследователя Средней Азии, первого из русских ориенталистов, избранного в Академию наук (1858 г.). Вельяминов-Зернов приготовил к печати целый ряд обширных работ, но после болезни, постигшей его в 1871 г., больше не возвращался к трудам по востоковедению, хотя прожил до 1904 г.[30]. После присоединения ханства к русским владениям Ферганская область, как и другие области Средней Азии, была предметом ряда исследований. Изучению края в географическом отношении более всего способствовали упомянутые выше труды Федченко; из трудов, посвященных изучению быта населения, выдаются «Очерки Ферганской долины» акад. Миддендорфа, посетившего область в 1878 г. по предложению П. П. Семенова, когда Кауфманом был поднят вопрос об изучении области в сельскохозяйственном и экономическом отношениях, и в особенности «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» супругов Наливкиных, проживших несколько лет в кышлаке (селении) Нанай (Наманганского уезда), причем их жизнь по внешней обстановке ничем не отличалась от жизни туземцев. В. П. Наливкину принадлежит также составление «Краткой истории Кокандского ханства» по первоисточникам; книга имела такой успех, что впоследствии была переведена на французский язык, но не исключает необходимости дальнейших исследований по истории ханства, тем более что ссылки автора на свои источники не всегда ясны и его труд далеко не вполне удовлетворяет требованиям исторической науки [31]. Кроме произведений туземных историков он пользовался и официальными документами, причем некоторые из документов, отнесенных им к первым векам хиджры, в действительности относятся к периоду узбецкого владычества. Из его источников до сих пор издан только один [32], притом далеко не самый ценный; другие до настоящего времени остаются в рукописи. Таким образом, для изучения Кокандского ханства

[28] Записки Н. И. Потанина переизданы: Катанаев, *Потанин и его предшественники.*

[29] <О Владимире Владимировиче Вельяминове-Зернове (1830—1904) см.: Лунин, *Средняя Азия в востоковедении*, стр. 91—94; Ливотова, *Основная литература*, стр. 496; ИИН, № 4036[a]—4038. — *А. К.*>

[30] Веселовский, *В. В. Вельяминов-Зернов.*

[31] Рецензии: Веселовский, ЗВОРАО, т. I, стр. 319—320. Об истории Кокандского ханства см. выше, стр. 429, прим. 4; также: Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 272; <наст. изд., т. VIII, стр. 206>; о грамотах Карасканского мазара там же, стр. 275; <наст. изд., т. VIII, стр. 209>.

[32] Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ.* К этому: Бартольд, *Извлечение.*

и его прошлого также сделано до сих пор гораздо меньше, чем еще остается сделать.

Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время благодаря Кауфману вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях; но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого [33]. Изданный при Кауфмане «Туркестанской альбом» [34] заключает в себе, между прочим, отделы этнографический и археологический; учрежденный в Ташкенте музей — некоторый материал по археологии края; для «Туркестанской публичной библиотеки», также основанной при Кауфмане, в то время старались приобрести по возможности все сочинения, касавшиеся Туркестана, в том числе и изданные в Европе произведения восточных историков и географов. При библиотеке находится также собрание восточных рукописей, приобретенных в Туркестане [35]. Под руководством Межова, известного автора «Сибирской библиографии», было положено начало «Туркестанскому сборнику», в котором предполагали соединить все статьи о Туркестане, появлявшиеся в различных периодических органах [36]. Значительное количество статей по изучению края было помещено в официальной газете «Туркестанские ведомости», основанной в 1870 г.[37]. Была сделана первая попытка организации местных научных сил посредством учреждения Туркестанского отдела Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, открытого в 1870 г.[38]. Возникшая в Петербурге мысль о привлечении на службу в Туркестанском крае молодых людей, окончивших курс факультета восточных языков, встретила со стороны Кауфмана полное сочувствие.

---

[33] Костенко, *Туркестанский край*; Масальский, *Туркестанский край*; рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 198—206; Бартольд, *Орошение*.

[34] О «Туркестанском альбоме» в *Отчете Имп. Публичной библиотеки 1883 г.*, прилож., стр. 47—51.

[35] <Собрание восточных рукописей Туркестанской Публичной библиотеки (Ташкент, 1870), преобразованной после создания УзССР в Государственную Публичную библиотеку УзССР (с 1948 г. — им. А. Навои), собрание рукописей Фундаментальной библиотеки АН УзССР, остатки библиотеки хивинских ханов и некоторых хивинских конфессиональных учреждений, а также сотни восточных рукописей, приобретенных покупкою, были переданы в созданный при организации АН УзССР (3 ноября 1943 г.) Институт по изучению восточных рукописей АН УзССР, ныне — Институт востоковедения АН УзССР, где ведется систематическая работа по описанию, изучению и изданию восточных рукописей. См.: *Собрание восточных рукописей АН УзССР. — А. К.*>

[36] О «Туркестанском сборнике»: Розен, ЗВОРАО, т. I, стр. 38; А. С., ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0191—0193.

[37] О «Туркестанских ведомостях»: *Двадцатипятилетие «Туркестанских ведомостей»*; <Бетгер, *Роспись статьям и заметкам*; см. еще: *Русская периодическая печать в Туркестане. — А. К.*>.

[38] <См.: Лунин, *Научные общества Туркестана. — А. К.*>

После смерти Кауфмана условия совершенно изменились, и дело изучения края не получило такого развития, как можно было ожидать. При первом преемнике Кауфмана, Черняеве, даже было принято решение уничтожить Туркестанскую публичную библиотеку; при следующем генерал-губернаторе это решение было отменено, и библиотека была восстановлена, но больше уже не принималось мер для того, чтобы библиотека заключала в себе все издания, касающиеся Средней Азии, в том числе и издания ориенталистов. В этом отношении библиотека получила существенное приращение только в начале XX в. благодаря подарку вел. князя Николая Константиновича, пожертвовавшего ей свою частную библиотеку, в которой с большой полнотой были собраны произведения английской литературы о Средней Азии. Отдел рукописей также оставался в том же виде, как при Кауфмане, кроме случайного приобретения — конфискованной в 1898 г. библиотеки минтюбинского ишана, руководителя Андижанского восстания. После революции в библиотеку поступили некоторые собрания рукописей, но мер для систематического обогащения рукописного отдела до сих пор, насколько известно принято не было[39]. Еще более печальной была участь музея, не только не обогатившегося новыми приобретениями, но даже утратившего часть своего прежнего имущества[40]. Как библиотека, так и музей после революции были приведены в несравненно лучшее состояние; заведование тем и другим учреждением уже не является синекурой офицеров и чиновников, но поручено любящим свое дело специалистам. Составление «Туркестанского сборника» было прервано после 1887 г. и возобновлено только в 1907 г. С 1910 г. издавался составленный полк. А. Г. Серебренниковым «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края», причем на первых четырех томах сделана надпись: «Не подлежит оглашению». С т. V этой надписи нет, и самое заглавие несколько изменено: «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания». Вышли томы I—VIII (документы

[39] Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи*; рец.: Розен, ЗВОРАО, т. V, стр. 123—124. <25 апреля 1933 г. СНК УзССР принял постановление «Об объединении республиканских рукописных фондов», по которому Отдел восточных рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ташкенте был объявлен центральным хранилищем рукописей УзССР. Одновременно с учреждением Академии наук УзССР (3 ноября 1943 г.) Отдел восточных рукописей был преобразован в Институт по изучению восточных рукописей АН УзССР — ныне Институт востоковедения АН УзССР, который издает *Собрание восточных рукописей АН УзССР*; см. также: К. Мунировв, В. Носиров, *Алишер Навоий асарларининг ЎзССР Фанлар Академиясы шарқшунослик институти тўпламидаги қўлёзмалари*, Тошкент, 1970; подробнее см.: С. А. Азимджанова, В. Г. Вороновский, *Собрание восточных рукописей АН УзССР*, — сб. «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза», М., 1963, стр. 110—127. — *А. К.*>

[40] История библиотеки и музея: Добросмыслов, *Ташкент*, стр. 253—281. О библиотеке в настоящее время: Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*; Бетгер, *Туркестанская гос. библиотека*; его же, *Отчет Туркестанской гос. библиотеки за 1923 г.* (там же указатель литературы о библиотеке).

1839—1852 гг.) и XVII—XXII (1864—1866 гг.). Это издание заключает в себе большое число интересных документов, и можно только пожалеть, если оно останется неоконченным.

Несмотря на все это, работы по изучению края, конечно, продолжались, и даже были достигнуты некоторые успехи в деле организации этих работ. В это время были образованы местные статистические комитеты, в которых сосредоточивались работы по изучению края не только в статистическом, но также и в географическом, этнографическом и историческом отношениях. Сыр-Дарьинский статистический комитет приступил к печатанию своих трудов уже с 80-х годов, самаркандский и ферганский — с 90-х [41]. Туркестанский отдел Общества любителей естествознания фактически прекратил свою деятельность с 1893 г., но вместо него возникли другие ученые общества: в 1895 г. — Туркестанский кружок любителей археологии, в 1897 г. — Туркестанский отдел Русского географического общества, причем тем и другим обществом были основаны периодические органы для издания своих трудов [42]. В городе Самарканде, где сохранилось больше всего памятников прошлой жизни Туркестана, благодаря местному статистическому комитету учрежден в 1896 г. второй в Туркестанском крае музей; такой же музей возник в 1898 г. в Асхабаде (ныне Полторацке) [43]. Издававшиеся в Самарканде работы В. Л. Вяткина занимают совершенно исключительное место среди работ по истории Туркестана [44]. Как в Самарканде, так и в других местах производились архео-

[41] Главные периодические издания (кроме того, комитетами издавались и отдельные сочинения) статистических комитетов: «Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1887—1888 гг.», Ташкент, 1888 (рец.: Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 121—122); «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» (т. I в 1891 г., т. XII в 1905 г.); «Справочная книжка Самаркандской области» (вып. I в 1893 г., вып. IX в 1907 г., вып. X в 1912 г.; рецензии на отдельные выпуски: Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0122—0125; Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 050—056; Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0181—0191; Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0143—0145; «Материалы для статистики Ферганской области» (вып. I в 1897 г.); «Ежегодник Ферганской области» (т. I в 1902 г., рец.: Веселовский, ЗВОРАО, т. XV, стр. 045—046).

[42] Относительно ПТКЛА см. рец.: Ольденбург, ЗВОРАО, т. XII, стр. 027—028; Бартольд, ЗВОРАО, т XIII, стр. 0113—0115; Бартольд, ЗВОРАО, т. XX, стр. 067—073; Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 217—226. <О деятельности Общества: Лунин, *Из истории востоковедения*; его же, *Указатели к ПТКЛА*; его же, *Средняя Азия в востоковедении. — А. К.*> См. еще: ИТОРГО (рец.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII, стр. 0115—0117), т. IX в 1913 г. О современной жизни Туркестанского отдела Географического общества и новых научных обществ: *Научная жизнь Туркестана*; Бюллетень 1-го САГУ, отдел «Жизнь научных обществ» (с № 2, декабрь 1923 г.); *Краткий указатель литературы по Туркестану.*

[43] <Ныне: Ашхабад. О краеведческой работе в Ашхабаде см.: Литвинский, *К истории Закаспийского кружка. — А. К.*>

[44] О значении трудов В. Л. Вяткина: Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0122—0125; Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 050—056; Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0181—0191; Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0143—0145. <См. теперь: А. Аббасов, *В. Л. Вяткин*; здесь же статья Г. Н. Чаброва о разных аспектах научной деятельности В. Л. Вяткина. — *А. К.*>

логические изыскания (как в смысле раскопок, так и в смысле изучения развалин построек) под руководством несколько раз приезжавшего в Туркестан Н. И. Веселовского, печатавшего статьи и в местных органах [45]. Кроме развития газетного дела были попытки, хотя и не имевшие большого успеха, издавать ежемесячные журналы, в которых могли бы быть помещены более значительные по объему научно-популярные статьи по изучению края. Наконец, в Туркестанский край по-прежнему снаряжались научные экспедиции из Европейской России как для разрешения физико-географических вопросов (напр. для изучения ледников), так и для изучения памятников прошлого. Особенный интерес для археологов представляет город Самарканд; в самом городе сохранились, хотя и сильно пострадавшие от времени, архитектурные памятники эпохи Тимура и Тимуридов; к северу от города расположено городище Афрасиаб, ныне совершенно пустынное и лишенное орошения; городище соответствует Самарканду домусульманского периода, окончательно покинутому жителями только после монгольского нашествия. Таким образом, раскопки на месте старого города здесь могут производиться без нарушения чьих-либо имущественных прав (только в недавнее время некоторые места Афрасиаба стали засеиваться под дождь), вследствие чего в Самарканде условия столь же благоприятны для археологических исследований, как в Бухаре для историко-топографических. Необходимость воспользоваться такими благоприятными условиями в том и другом случае мало сознавалась. Южная часть Афрасиаба еще до русского завоевания была обращена в кладбище, и при русском владычестве не было принято мер для устройства кладбища в другом месте, дальше от города; остальной части городища угрожала опасность быть обращенной в свалочное место. В последние годы до революции были приняты меры для охраны Афрасиаба, но все обязательства прежних властей были уничтожены революцией; пишущий эти строки в 1920 г. видел на Афрасиабе, в его северо-западной части, свалочное место и убедился в том, что кладбища не только остались на прежнем месте вопреки обещанию прежних властей, но даже значительно увеличены. Как для раскопок на Афрасиабе, так и для изучения самаркандских архитектурных памятников было снаряжено несколько экспедиций бывшей Имп. археологической комиссией, впоследствии также Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии [46]; после революции в самом Ташкенте возникло центральное учреждение для охраны памятников старины [47]; тем не менее до настоящего

[45] Очерк деятельности Н. И. Веселовского и перечень его работ: Бартольд, *Веселовский как исследователь Востока*; <см. ниже, стр. 648—664>; Латышев, *Список трудов Н. И. Веселовского.*

[46] <Об истории исследования Самарканда см.: Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда*; Шишкин, *К истории.* См. также выше, стр. 258, прим. 21. — *А. М.*>

[47] <23 мая 1921 г. в составе Народного комиссариата просвещения ТАССР был образован Туркомстарис — позднее Средазкомстарис, Узкомстарис — Комитет по

времени исполнена только небольшая часть работ, необходимых для выполнения этих научных задач. Существование в Ташкенте в настоящее время высших учебных заведений (университета и Восточного института) [48] должно, конечно, способствовать успеху научных исследований, если только исполнится пожелание, высказанное в местной печати еще в 1922 г.: «Взамен реорганизации прежде всего должен наступить период длительной стабилизации».

Завоевание Туркмении и последующие события также не прошли бесследно для науки. Наиболее подробное описание военных действий было составлено Гродековым; ряд статей о новых русских приобретениях напечатал инженер Лессар в «Известиях» Русского географического общества. Для поднятия культуры края русское завоевание в этом случае имело еще больше значения, чем в остальной части Средней Азии. Все города, существовавшие здесь в древности и в средние века, задолго до русского завоевания были обращены в развалины; вместо них были только аулы кочевников-туркмен; существующие теперь города Асхабад, Мерв и Кизыл-Арват возникли уже при русских. Для изучения памятников прошлого края проф. Жуковским по поручению Имп. археологической комиссии были совершены две поездки (в 1890 и 1896 гг.); результатом первой поездки был капитальный труд о развалинах Старого Мерва, заключающий в себе кроме описания самих развалин исследование о прошлом города, составленное по первоисточникам, какого нет до сих пор ни в одной из европейских литератур ни для одного из городов Средней Азии или Персии [49]. И в этом случае надо надеяться, что даровитый туркменский народ, получив в той или иной форме возможность самостоятельно устроить свою судьбу, отведет подобающее место изучению памятников прошлого [50].

Поднятые в конце 70-х годов вопросы о направлении железной дороги и о старом русле Аму-Дарьи требовали целого ряда исследований, касавшихся не только физико-географических условий, но и исторического

делам музеев, а позднее — памятников старины, искусства и природы. См.: М. Массон, *Изучение Средней Азии в археологическом отношении*, ч. I. — *А. К.*>

[48] <В составе Академии наук УзССР в настоящее время имеются: Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка и литературы, Институт востоковедения; в Ташкенте и Самарканде открыты университеты, во всех областных городах УзССР — государственные педагогические институты. — *А. К.*>

[49] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, к этому статьи: Туманский, ЗВОРАО, т. IX, стр. 300—303; Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI, стр. 327—333; Бартольд, *К истории Мерва*. О работах 1896 г.: *Отчет Имп. Арх. комиссии за 1896 г.*, СПб., 1898, стр. 104—105.

[50] <С 1951 г. в АН ТССР действует Институт истории, археологии и этнографии им. Ш. Батырова. В 1946 г. при Туркменском филиале АН СССР была создана Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция (ЮТАКЭ) во главе с М. Е. Массоном; подробнее см.: А. Каррыев, А. Росляков, *Историческая наука*, — сб. «Развитие науки в Советском Туркменистане», Ашхабад, 1971, стр. 11—32. — *А. К.*>

прошлого страны. Первые работы по изучению так называемых старых русел реки были произведены еще в связи с хивинским походом 1873 г. бароном Каульбарсом, продолжавшим свои исследования в следующие годы; результаты этих исследований с наибольшей полнотой изложены им в статье, напечатанной в «Записках географического общества по общей географии» 1887 г.; Каульбарс старался доказать, что течение Аму-Дарьи постепенно отклонялось с запада на восток под влиянием работы самой реки, а не под влиянием плотин или других человеческих сооружений. Для изучения Аму-Дарьи и ее так называемого старого русла, Узбоя, был снаряжен еще ряд других экспедиций, как аму-дарьинская экспедиция 1874 года, снаряженная Географическим обществом, под руководством генерала Столетова; «Самарская ученая экспедиция для исследования направления средне-азиатской железной дороги и исследования реки Аму-Дарьи» 1879 г. под руководством вел. князя Николая Константиновича; экспедиции Обручева, Коншина, Глуховского и др. Об Узбое кроме мнения Каульбарса были высказаны и другие мнения; некоторые, как Обручев, поддерживали прежнее мнение об Узбое как о речном русле, из которого вода была отведена посредством сооружения плотин; другие, как Коншин и проф. Мушкетов, доказывали, что Узбой является только морским проливом, образовавшимся во время отделения от Каспийского моря Арало-Сарыкамышского бассейна (котловина Сарыкамыш, к юго-западу от Аральского моря, в настоящее время совершенно суха, кроме двух небольших озер, сохранившихся на дне ее ниже уровня Каспия), и никогда не был речным руслом. Было также высказано мнение (проф. Богдановичем, ген. Комаровым и др.), что русло Узбоя было образовано дождевыми потоками и столь же ошибочно считается прежним руслом Аму-Дарьи, как образовавшиеся таким же путем «вади» в Тропической Африке руслами Нила. Данные, относящиеся к этому вопросу, собраны в книге Л. С. Берга об Аральском море, которое было им исследовано по поручению Туркестанского отдела Географического общества [51]. Эти данные едва ли позволяют сомневаться в том, что с XIII до XVI в. часть вод Аму-Дарьи направлялась в Сарыкамышскую котловину и оттуда по Узбою в Каспийское море, так что Узбой, каковы бы ни были причины его первоначального образования, в течение некоторого времени был руслом Аму-Дарьи [52].

---

[51] Берг, *Аральское море*, там же подробные сведения о литературе предмета кроме мнения А. В. Комарова, приведенного в ЗВОРАО, т. XIV, стр. XI—XII; о новейших мнениях: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 357—361.

[52] <Работы последних десятилетий и в особенности комплексные исследования древних русел Аму-Дарьи и Сарыкамышской впадины, проведенные в 1950—1955 гг. Хорезмской экспедицией АН СССР под руководством С. П. Толстова, подтвердили правильность точки зрения В. В. Бартольда о происхождении Узбоя и позволили более точно реконструировать историю его возникновения и функционирования. См.: *Низовья Аму-Дарьи. — А. М.*>

Глава XIX

Для изучения областей Дальнего Востока, входивших в состав китайской империи, русскими учеными в XIX в. также был предпринят ряд исследований, увенчавшихся полным успехом.

Со времени Кяхтинского договора особенное значение для России имела Монголия; на монгольской границе происходили торговые сношения между русскими и китайцами; через Монголию совершали путь в Китай члены Пекинской духовной миссии в сопровождении приставов; последними иногда составлялись описания этих путешествий, в которых сообщались сведения и о Монголии. Из таких трудов можно назвать труд Тимковского, совершившего путешествие в 1820 и 1821 гг., и труд Ковалевского (миссия 1849 г.), причем последний иногда повторял, без указания источника, сведения своих предшественников [1]. Переводные труды членов миссии касались иногда и Монголии; так, в числе трудов о. Иакинфа Бичурина [2], посвященных различным областям китайской империи, находятся также «Записки о Монголии» (описание путешествия через Монголию, статистические сведения о стране, очерк ее истории, перевод уложения, на основании которого страна управляется при маньчжурах). Для пограничных сношений требовались знатоки не только китайского, но и монгольского языков, вследствие чего знавшие эти языки принимались на службу в качестве переводчиков. Когда было решено ввести преподавание монгольского языка в университетах, один из местных знатоков языка, Игумнов [3], сделался учителем будущих профессоров монгольской словесности. Монгольский язык изучался русскими также при сношениях с астраханскими калмыками; таким путем приобрел свои первые познания в этом языке Я. И. Шмидт (1779—1847), совершивший свою первую поездку к калмыкам в 1804 г., избранный в 1829 г. академиком и издавший в 1831 г. в Петербурге на немецком языке первую монгольскую грамматику [4].

---

[1] Матусовский, *Географическое обозрение* (там же много сведений о литературе предмета); Тимковский, *Путешествие в Китай*; Е. Ковалевский, *Путешествие в Китай*.

[2] <О Никите Яковлевиче Бичурине (о. Иакинфе) (1777—1853) см.: Скачков, *Библиография Китая*, стр. 588—591; ИИН, № 10659—10701. — *А. К.*>

[3] <О нем см.: Пучковский, *Игумнов*. — *А. К.*>

[4] I. Schmidt, *Grammatik*. <Русский перевод был издан в 1832 г.: Я. Шмидт, *Грамматика*. — *А. М.*> Биография Шмидта: Babinger, *I. J. Schmidt*. <О нем см. выше, стр. 58, прим. 32. — *А. К.*>

Решение учредить кафедру монгольского языка в Казанском университете было принято в 1828 г. по мысли попечителя Мусина-Пушкина. В качестве кандидатов для занятия кафедры были намечены Ос. Мих. Ковалевский [5] и Ал. Вас. Попов [6]; оба впоследствии, после возвращения из Забайкалья и сдачи экзамена при Академии наук, были назначены профессорами и продолжительное время преподавали свой предмет в Казани, Попов сверх того еще несколько лет в Петербурге после учреждения факультета восточных языков [7]. Деятельность Ковалевского, сделавшегося ориенталистом против своего желания (до 1824 г. он был преподавателем латинского языка в Виленской гимназии, за участие в тайном обществе был уволен и командирован в Казань для изучения восточных языков), имела значительное влияние на дальнейшие успехи востоковедения; синолог В. П. Васильев [8] считал его своим главным учителем; изданный Ковалевским «Монголо-русско-французский словарь» (1844—1846 гг.) не устарел и до настоящего времени. По уставу 1835 г. предполагалось ввести преподавание монгольского языка во всех русских университетах, но это предположение не осуществилось; монгольский язык по-прежнему преподавался только в Казани, притом кроме университета еще в одной из гимназий. С 1855 г. преподавание этого языка в Казани было прекращено; кафедра была перенесена в Петербург, где представителем ее сделался ориенталист казанской школы Голстунский [9], преемником которого был его ученик Позднеев [10].

Во второй половине XIX в., когда области китайской империи вновь сделались доступными для европейских путешественников, Русское географическое общество снарядило в Монголию несколько экспедиций. Кроме экспедиций, для которых изучение Монголии было главной задачей, сведения о Монголии и монголах были собраны также многими путешественниками, направлявшимися в Китай или Тибет. Изучению страны более всего способствовали первое путешествие Пржевальского (1870—1873 гг.), результатом которого была книга о «Монголии и Тангуте»,

---

[5] <Об Осипе Михайловиче Ковалевском (1801—1878) см.: Kotwicz, *Józef Kowalewski*; ИИН, № 10798—10809; Шамов, *Научная деятельность О. М. Ковалевского.* — *А. К.*>

[6] <Об Александре Васильевиче Попове (1808—1880) см.: Загоскин, *Попов*; Кауфман, *Русские словари*, стр. 689 (указатель имен). — *А. К.*>

[7] О кафедре монгольского языка в Казани и С.-Петербурге: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 30—31, 59 и 186; <см. выше, стр. 48—49, 74—75, 181>.

[8] <О Василии Павловиче Васильеве (1818—1900) см. выше, стр. 75—79, 183—184 и ниже, стр. 619—628; Скачков, *Библиография Китая*, стр. 591; ИИН, № 10702—10723. — *А. К.*>

[9] <О Константине Федоровиче Голстунском (1831—1899) см. некролог Ивановского *Памяти К. Ф. Голстунского.* — *А. К.*>

[10] <Об Алексее Матвеевиче Позднееве (1851—1920) см.: ИИН, № 10987—10992. — *А. К.*>

и два путешествия Потанина [11] (1876—1877 и 1879—1880 гг.), результатом которых был четырехтомный труд «Очерки северо-западной Монголии», заключающий в себе кроме описания путешествия богатый материал по археологии и этнографии страны, в особенности по народной литературе. Одним из участников первого путешествия Потанина был монголист Позднеев, оставшийся в Монголии до 1879 г. и приобревший большое число монгольских рукописей для библиотеки С.-Петербургского университета. Проф. Позднеевым впоследствии была совершена еще другая экспедиция в Монголию (1892—1893 гг.), на средства министерства иностранных дел; результатом этого путешествия должен был быть капитальный труд о Монголии и монголах в семи томах, из которых вышли в свет только два [12]. В XX в. к изучению монгольского письменного языка присоединилось изучение монгольских живых наречий и народной литературы; такова была главная цель экспедиций, снаряжавшихся Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии [13]. В собирании материалов по народной литературе и быту монголов принимали участие и работавшие в Монголии русские торговцы [14]. Из сибирских городов торговыми сношениями с Монголией больше всего дорожил Бийск. Бийск был исходным пунктом экспедиции, снаряженной в 1910 г., результатом которой было подробное исследование о русско-монгольской торговле [15].

В 1889 г. в Монголии было сделано русским исследователем Ядринцевым важное археологическое открытие [16]. На берегу реки Орхон были открыты памятники, поставленные в 733 и 735 гг. китайскими мастерами турецкому хану Могиляну и его брату Кюль-тегину, с надписями на двух языках, китайском и турецком, причем во втором случае письмена ока-

---

[11] <О Григории Николаевиче Потанине (1835—1920) см.: Скачков, *Библиография Китая*, стр. 595; ИИН, № 6116—6142. — *А. К.*>

[12] Позднеев, *Монголия и монголы* (в предисловии биография автора и перечень его трудов).

[13] Отчеты об экспедициях Русского комитета в его «Известиях»; один из результатов их — издание Академии наук: Жамцарано, *Произведения народной словесности бурят*; Владимирцов, *Монголо-ойратский героический эпос.* Из работ о современных монгольских наречиях самая значительная — Руднев, *Материалы по говорам Восточной Монголии.*

[14] О коллекции А. В. Бурдукова: *Азиатский музей*, стр. 79. <О Бурдукове (1883—1943) и его деятельности по собиранию фольклора, ксилографов и предметов культового и этнографического характера см. также: Бурдуков, *В старой и новой Монголии*, стр. 12 и др.; Е. М. Даревская, *Алексей Васильевич Бурдуков* (*О роли русских поселенцев в изучении Монголии*), — ОИРВ, сб. VI, 1963, стр. 187—217. — *А. М.*>

[15] Боголепов — Соболев, *Очерки русско-монгольской торговли.* Ср. также «Труды Томского общества изучения Сибири», т. III, вып. 1, и рецензию: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 419—420.

[16] <Ядринцев, *Отчет экспедиции на Орхон.* — *А. М.*> О значении открытия Ядринцева статья Розена *По поводу дешифровки.* <О Николае Михайловиче Ядринцеве (1852—1894) см.: ИИН, № 7444—7457. — *А. К.*>

зались теми же самыми, как в надписях, открытых еще в XVIII в. в долине верхнего Енисея и остававшихся неразобранными. Теперь исследователи вместо кратких енисейских надписей получили в свое распоряжение гораздо более обширный материал (главная надпись на памятнике Кюльтегина заключает в себе 40 строк), притом из китайской надписи было известно, к каким лицам и событиям надписи относятся, что давало надежду открыть ключ к чтению письмен, хотя содержание китайского и турецкого текстов, как потом оказалось, не было тожественным. Для получения точных снимков и копий с надписей были снаряжены две экспедиции: одна — из Финляндии, другая — из С.-Петербурга, от Академии наук, под руководством академика Радлова [17]. Последней экспедиции, получившей название «Орхонской» (1891 г.), кроме приготовления эстампажей с надписей, открытых Ядринцевым (сам Ядринцев тоже принимал участие в экспедиции), удалось открыть несколько новых надписей, частью еще более древних; кроме того, ею впервые были подробно описаны развалины Каракорума, столицы монгольских ханов XIII в., и открыты некоторые надписи в самом городе и его окрестностях [18]. Благодаря атласам, обнародованным обеими экспедициями (финляндской и академической), датскому ученому Томсену [19] удалось в 1893 г. найти ключ к чтению енисейских и орхонских письмен [20]. Таким образом европейская наука получила доступ к изучению древнейших памятников турецкого языка; кроме того, впервые был найден новый, туземный источник для истории кочевых государств, о которых раньше черпали сведения только из китайских летописей. Орхонские надписи вызвали обширную литературу, преимущественно на немецком языке; из русских ученых в деле разбора надписей кроме акад. Радлова принял участие проф. Мелиоранский [21]. Некоторый новый материал как по монгольским, так и по турецким орхонским древностям был добыт экспедицией В. Л. Котвича в 1912 г.[22]. Успехи русского монголоведения позволяют надеяться, что приобщение монгольского народа к европейской культуре, поставленное на очередь деятелями современной Монгольской республики, произойдет при содействии русской науки.

---

[17] <См. выше, стр. 435, прим. 15. — *А. К.*>

[18] О Каракоруме и результатах экспедиции В. В. Радлова в «Сборниках трудов Орхонской экспедиции», т. I, II и V; русский перевод надписи: Радлов — Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники* и Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина.*

[19] <О Вильгельме Томсене (1842—1927) см.: сб. «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928; Dilâçar, *Thomsen.* — *А. К.*>

[20] Перевод статьи Томсена: Томсен, *Дешифровка.*

[21] <О Платоне Михайловиче Мелиоранском (1868—1906) см. ниже, стр. 585—588.>

[22] Об экспедиции Котвича: Котвич, *Поездка в долину Орхона.* < О Владиславе Людвиговиче Котвиче (1872—1944) см.: Lewicki, *Władisław Kotwicz.* — *А. К.*> <Обзоры истории открытия и изучения древнетюркских надписей см.: Бернштам, *Социально-экономический строй*, стр. 11—29; Кляшторный, *Древнетюркские руничекие памятники*, стр. 5—12. — *А. М.*>

Изучением Китая [23], китайской и маньчжурской литературы занимались в России в первой половине XIX в. исключительно члены Пекинской духовной миссии и лица, причисленные к ней. Наибольшие заслуги в этом отношении принадлежат о. Иакинфу Бичурину, находившемуся во главе 9-й миссии (1806—1821 гг.); им был переведен с китайского целый ряд трудов, преимущественно географического и исторического содержания [24]. Как было упомянуто выше, Пекинская миссия кроме своих религиозных задач служила также целям министерства иностранных дел, и последнее в большей степени, чем главы духовенства, умело ценить важность познаний, приобретенных бывшими членами миссий во время пребывания в Пекине. Многие из таких лиц, в том числе и о. Иакинф Бичурин, после возвращения из Китая нашли приложение своим познаниям только благодаря учрежденному в 1819 г. Азиатскому департаменту министерства.

Впоследствии, когда возникла мысль о введении в России преподавания китайского и маньчжурского языков, услугами бывших членов миссии в широкой степени воспользовалось и министерство народного просвещения. Проект распространить университетское преподавание восточных языков на языки Дальнего Востока впервые был представлен в 1811 г. Харьковским университетом, но тогда не получил осуществления; предполагалось учредить должность адъюнкта «татарско-маньчжурского» языка, причем указывалось на возможность ознакомиться посредством маньчжурских переводов с произведениями китайской исторической литературы; очевидно, изучение подлинных произведений китайской литературы признавалось невозможным, хотя на русский язык еще в XVIII в. были переведены некоторые китайские сочинения. Кафедра китайского языка впервые была учреждена в 1837 г. в Казанском университете [25]; первым представителем ее был архимандрит Даниил Сивиллов, член 10-й Пекинской миссии, от которого университет несколько раньше приобрел библиотеку китайских сочинений (в состав ее, как мы видели, входила и библиотека прежней иезуитской миссии). Этим не ограничилось значение миссии для развития университетского преподавания восточных языков. Преемник о. Даниила Войцеховский, преподававший в Казани кроме китайского также маньчжурский язык, научился этим языкам в Пекине, в должности врача при миссии; преемник Войцеховского Вас. Павл. Васильев в молодости пробыл десять лет (1840—1850) в Пекине вместе с духовной миссией, к которой он был причислен по желанию попечителя Мусина-Пушкина для изучения тибетского и китайского

---

[23] <См.: Скачков, *Библиография Китая. — А. К.*>

[24] Об Иакинфе Бичурине часто <говорится> в *Жизни Погодина* Барсукова, особенно кн. III, стр. 131 и сл.; кн. X, стр. 386. Ср. еще биографию, составленную Н. И. Веселовским: Веселовский, *Иакинф.* <См. также: Бернштам, *Н. Я. Бичурин*, где приведена основная литература. — *А. М.*>

[25] <О кафедре китайского языка Казанского университета, о Д. Сивиллове и И. П. Войцеховском (1793—1850) см.: Шофман—Шамов, *Восточный разряд.*—*А. К.*>

языков [26]. Впоследствии в Петербургском университете преподавали бывшие члены миссии Скачков, Пещуров (магистр астрономии, причисленный к миссии для астрономических наблюдений) и Захаров, бывший первым и до настоящего времени единственным в России профессором маньчжурского языка [27]. Продолжительная научная деятельность В. П. Васильева составила ему громкую славу; но его крайний научный скептицизм не позволил ему создать школу; современные русские синологи более примыкают к западной синологии, особенно к направлению Шаванна, чем к традициям Васильева. Больше всего следа в науке оставили труды Васильева о буддизме. Некоторые статьи Васильева о Китае второй половины XIX в. настолько сохранили свой интерес, что в 1909 г. были изданы в немецком переводе [28]. Изучение маньчжурского языка и родственных ему тунгусских наречий не имело до настоящего времени большого успеха. И в этом случае, как в области монголоведения, на очередь было поставлено изучение живых наречий, причем и эта работа производилась на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, но собранный материал еще не нашел исследователей.

После Пекинского договора 1860 г. уже не было основания возлагать дипломатические обязанности на духовную миссию, и последняя после учреждения светской миссии (1861 г.) лишилась своего прежнего значения и существовала только как пережиток прошлого. В истории научной деятельности Пекинской миссии именно этот период можно признать самым блестящим; во главе миссии стоял (1849—1859 гг. и вторично с 1864 г.) о. Палладий Кафаров (ум. в 1878 г.), один из лучших синологов, автор известного словаря, впоследствии дополненного и изданного П. С. Поповым. Кроме словаря о. Палладию принадлежит ряд ценных статей исторического (особенно о распространении в Китае религий христианской и мусульманской) и историко-географического характера (объяснения к путешествию Марко Поло, «Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию» и «Дорожные заметки на пути по Монголии») [29]. При о. Палладии члены миссии в первый и в последний

---

[26] О трудах Васильева: А. Иванов, *Васильев как синолог*; Ольденбург, *Памяти Васильева*. <См. также ниже, стр. 619—628; см. еще: ИИН, № 10702—10723. — *А. М.*>

[27] <О Дмитрии Алексеевиче Пещурове (1833—1901) см.: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 388—389; Скачков, *Библиография Китая*, № 18634. — *А. К.*> О Захарове и его трудах: Ивановский, *Захаров*; <см. также: ИИН, № 10764—10770; Конаков, *Маньчжуристика*; Пашков, *Вклад русских ученых*. — *А. К.*>.

[28] <Васильев, *Открытие Китая*; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas.*>

[29] Палладий, *Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска*; его же, *Дорожные заметки на пути по Монголии*; ср. рец. бар. Розена в ЗВОРАО, т. VII, стр. 360—361; Палладий, *Комментарий на путешествие Марко Поло*; его же, *Китайская литература магометан*; кроме того, его статьи в «Восточном сборнике» и в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине». <Об архимандрите Палладии (Петре Ивановиче Кафарове) (1817—1878) см.: ИИН, № 10793—10797. — *А. М.*>

раз за время ее существования начали издавать свои «Труды» (издание было начато в 1852 г., прекратилось на 4-м томе, вышедшем в 1866 г.).

После договоров, заключенных в 50-х и 60-х годах, кяхтинская торговля утратила свое прежнее монопольное значение; для русской торговли были открыты и другие пути в китайские владения. Изучение новых торговых путей было целью нескольких экспедиций, из которых по обширности своих задач выдается экспедиция Сосновского, Матусовского и Пясецкого (1874—1875 гг.) для исследования пути от города Ханькоу на Янцзыцзяне, главного центра чайной торговли, до Зайсанского поста. Одним из участников этой экспедиции, Матусовским, впоследствии было составлено географическое описание китайской империи, лучшее на русском языке и в то время единственное в Европе [30]. К 70-м годам относятся также два путешествия Певцова; в первое путешествие (1876 г.) он прошел с караваном из Зайсанского поста в Гучэн и обратно; в 1878—1879 гг. он сопровождал другой караван, отправленный русскими купцами из города Кобдо (в Западной Монголии) на юго-восток через пустыню Гоби; достигнув города Куку-хото, экспедиция вернулась в Россию через Восточную Монголию. Результатом первого путешествия был труд Певцова «Путевые очерки Чжунгарии», напечатанный в «Записках Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.» (1879 г.); второе путешествие описано Певцовым в труде «Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая» (1883 г.). Торговые интересы России на Дальнем Востоке, отчасти в связи с агрессивными стремлениями, вызвавшими потом войну с Японией, были причиной появления обширных компилятивных трудов о Маньчжурии и Корее, изданных при участии и под редакцией специалистов министерством финансов [31].

Начиная с 70-х годов было несколько экспедиций в китайскую империю, снаряженных Русским географическим обществом; главная цель их была изучить в физико-географическом отношении малоисследованные области Восточного Туркестана, Тибета и часть собственного Китая, населенную главным образом тибетцами, хотя в политическом отношении не входящую в состав Тибета. Таковы третье путешествие Потанина (1884—1886 гг.), результатом которого была книга о «Тангутско-тибетской окраине Китая», путешествия братьев Грум-Гржимайло (1889—1890 гг.), Обручева (1893—1894 гг.), три путешествия Пржевальского (1876—1878, 1879—1880, 1883—1885 гг.) и путешествия его преемников — Певцова (1889—1890 гг.), Роборовского (1893—1895 гг.) и Козлова (1899—1901 и 1907—1909 гг.) [32]. Все эти путешествия коснулись только север-

---

[30] Матусовский, *Географическое обозрение.*

[31] *Описание Маньчжурии*; *Описание Кореи.*

[32] Грум-Гржимайло, *Описание путешествия*; Обручев, *Центральная Азия.* Путешествия Пржевальского (кроме первого): Пржевальский, *От Кульджи за Тянь-шань*; его же, *Третье путешествие*; его же, *Четвертое путешествие.* Труды Тибетской экспе-

ной, почти безлюдной части Тибета; некоторые из путешественников, как Пржевальский, пытались проникнуть в Центральный Тибет и даже в главный город страны Лхасу, но были вынуждены вернуться обратно, не достигнув цели. Во время второй экспедиции П. К. Козлова были подробно исследованы развалины небольшого города Хара-Хото (у низовьев реки Эцзин-гол, в южной части Монголии, прилегающей к китайской провинции Ганьсу), причем было найдено богатое собрание памятников китайской, тибетской и тангутской письменности; этими находками впервые был доставлен материал для дешифровки так называемого тангутского письма, применявшегося в государстве династии Си Ся, уничтоженной монголами [33].

О Тибете на русском языке еще в первой половине XIX в. были два переводных сочинения, именно переведенные с китайского о. Иакинфом Бичуриным «Описание Тибета» и «История Тибета и Хухунора». В конце XVIII в. (1792—1795) ново-патрасский митрополит Хрисанф, переселившийся из Турции в Индию, оттуда (из Бенгалии) через Тибет и Среднюю Азию проехал в Сибирь, причем будто бы посетил и Лхасу; но описание его путешествия настолько неясно и сбивчиво что становится сомнительным, был ли он вообще когда-либо в столице Тибета (между прочим, он уверяет, что в Лхасе не менее $1^1/_2$ миллиона жителей, что у далайламы до 300 000 пехоты и конницы и 2000 слонов) [34]. В новейшее время Лхаса и вся прилегающая к ней местность были, безусловно, закрыты для европейцев, в том числе и для русских. Подобно тому как англичане для изучения этой местности прибегли к услугам «пандитов», так и русские могли получать сведения о Лхасе от паломников-буддистов из русских подданных — калмыков и бурят. Из путешествий калмыцких паломников наиболее важно путешествие База-бакши (1891—1894 гг.), описание которого было переведено на русский язык проф. Позднеевым [35]. Еще больше значения имело путешествие Цыбикова (1899—1902 гг.), по происхожде-

---

диции Певцова <Певцов, *Путешествие*; Богданович, *Геологические исследования*; Роборовский — Козлов, *Экскурсии. — А. М.*>. Труды экспедиции по Центральной Азии Роборовского <Роборовский, *Отчет*; Козлов, *Отчет*; *Научные результаты экспедиции Роборовского. — А. М.*>. *Монголия и Кам* <Козлов, *По Монголии*; его же, *Кам и обратный путь*; Казнаков, *Мои пути по Монголии. — А. М.*>. О результатах второй экспедиции П. К. Козлова <предварительные сообщения>: Козлов, *Вести из экспедиции*; А. Иванов, *К вопросу о тангутском языке*; Ivanov, *Zur Kenntniss der Hsi-hsia Sprache*. Ср. также: П. Семенов, *История Имп. РГО*; Козлов, *Монголия и Амдо*; Владимирцов, «Восток», кн. 3, стр. 171—175. <См. также: Овчинникова, *П. К. Козлов. — А. К.*>

[33] <О тангутском письме см.: Невский, *Очерк истории тангутоведения*; его же, *Тангутская филология*; Горбачева, *Новый этап*; Конрад, *О тангутском языке. — А. К.*>

[34] О митрополите Хрисанфе статья Кобеко, *Поездка митрополита Хрисанфа*; о его рассказе отзыв Ольденбурга, *Новейшая литература о Тибете*, стр. 138.

[35] *Сказание о хождении в Тибетскую страну.*

нию бурята, воспитанника факультета восточных языков, впоследствии и. д. профессора Восточного института во Владивостоке [36]. Цыбикову удалось проникнуть в Лхасу и прожить там некоторое время; благодаря полученной им специальной подготовке его наблюдения могли охватить все стороны местной жизни и в этом отношении выгодно отличаются от наблюдений участников английской военной экспедиции 1903—1904 гг. Есть полное основание надеяться, что этим не ограничится участие русских подданных-буддистов, получивших европейское образование, в деле изучения Тибета и в особенности тибетской культуры. Ценные в научном отношении результаты имело путешествие Барадийна (1905—1907 гг.), также происходящего из бурят, впоследствии и. д. лектора С.-Петербургского университета, который после нескольких лет специальной подготовки был командирован в Тибет Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, хотя он на первый раз посетил только монастыри, расположенные к северу от границ собственного Тибета [37]. Даже в настоящее время тибетский фонд Азиатского музея Академии наук по богатству превосходит все другие европейские собрания, что позволяет надеяться на дальнейшие успехи русской науки в этой отрасли востоковедения, значение которой помимо других причин определяется влиянием тибетского буддизма на целый ряд народов [38].

Из русских трудов о Тибете необходимо еще упомянуть о компилятивном труде проф. Кюнера «Описание Тибета»; о Тибете, в особенности об истории его изучения европейцами, в этом труде собраны сведения, которых нельзя найти в такой полноте ни в одном из западноевропейских сочинений.

В Восточный Туркестан в XIX в. было отправлено несколько экспедиций и посольств из Сибири и Средней Азии. Еще в 20-х годах в города Иртышской линии проникли сведения о происходившем тогда восстании против китайцев; сведения об этом восстании, сохранившиеся в архиве города Семипалатинска, впоследствии были изданы Семипалатинским статистическим комитетом. Еще больше значения имело восстание 50-х годов, когда Восточный Туркестан на короткое время совершенно отделился от Китая. Для получения сведений об этих событиях и о самой стране из Сибири был командирован состоявший на русской службе киргиз [39] Чокан Валиханов, которому и удалось проехать по стране под видом торговца (1858—1859 гг.). Как составленное им описание страны, так и другие работы даровитого киргизского султана [40] возбудили большие

---

[36] Цыбиков, *О Центральном Тибете*; его же, *Буддист паломник у святынь Тибета*.

[37] Барадийн, *Путешествие в Лавран*.

[38] О тибетском фонде Академии наук: *Азиатский музей*, стр. 76.

[39] <Здесь В. В. Бартольд следует принятому ранее ошибочному наименованию казахов киргизами (собственно киргизы именовались кара-киргизами). — *Н. Т.*>

[40] Валиханов, *Сочинения*. <О первом выдающемся казахском ученом Чокане Чингизовиче Валиханове (1835—1865) см.: ИИН, № 8952—8981. — *А. К.*>

надежды, но вскоре после этого Валиханов отказался от условий культурной жизни и вернулся в свой родной аул, где и умер [41].

Китайцы в 1858 г. восстановили свою власть, но вскоре были изгнаны новым восстанием (1863—1865 гг.); образовалось мусульманское государство, просуществовавшее до 1878 г. От первоначальных руководителей восстания, ходжей (термин, обозначающий потомков пророка; в Восточном Туркестане из ходжей вышла династия, в конце XVII в. захватившая в свои руки и светскую власть), господство перешло к кокандскому выходцу Я'куб-беку [42]. Русские владения в Семиречье граничили непосредственно с владениями Я'куб-бека; было необходимо установить границу между обоими государствами и заключить договор о торговых отношениях. С этой целью к Я'куб-беку были отправлены Рейнталь (1868 и вторично 1875 г.) и Каульбарс (1872 г.), которому и удалось добиться заключения торгового договора. После присоединения к России Кокандского ханства (1876 г.) сделалось необходимым определить границу с государством Я'куб-бека и со стороны Ферганской долины. При китайском владычестве граница оставалась совершенно неопределенной, и китайцы даже позволяли сборщикам кокандского хана собирать подати в городах Восточного Туркестана; Я'куб-бек, напротив, присоединил к своим владениям всю горную полосу; одно из его передовых укреплений находилось даже в местности, географически принадлежащей не к Восточному Туркестану, а к бассейну Сыр-Дарьи. Для разрешения вопроса о границе был отправлен из Ташкента капитан (впоследствии военный министр) Куропаткин (1876—1877 гг.); пользуясь затруднительным положением Я'куб-бека в борьбе с китайцами, ему удалось добиться от этого владетеля значительных уступок; но вследствие смерти Я'куб-бека и завоевания его государства китайцами эти уступки не имели практического значения, и граница с Китаем, установленная на основании С.-Петербургского трактата 1881 г., была гораздо менее выгодна для России.

Еще до посольства Куропаткина на русском языке появилась книга о Восточном Туркестане, представлявшая свод сведений об этой стране. При переводе на русский язык, по постановлению Географического общества, «Землеведения» Риттера отдел о Восточном Туркестане был поручен проф. Григорьеву, который в 1869 г. издал перевод текста Риттера со своими критическими примечаниями, в 1873 г. — особый дополнительный выпуск, заключающий в себе историко-географический обзор Восточного Туркестана с древнейших времен до 1872 г.[43]. Многие из взглядов,

---

[41] <«Весной 1861 г. тяжелая болезнь заставила Чокана Валиханова оставить Петербург. По совету врачей он отправился в родную степь с надеждой поправить свое ослабленное здоровье» (Маргулан, *Очерк жизни и деятельности Валиханова*, стр. 84). — *А. К.*>

[42] <О восстании 1863—1865 гг. и Я'куб-беке см.: Гейнс, *О восстании*; Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек*; Тихонов, *Восстание 1864 г.* — *А. М.*>

[43] Риттер — Григорьев, *Восточный Туркестан.*

высказанных в этой книге, уже не соответствуют современному состоянию науки, но, как свод исторических данных о Восточном Туркестане, труд проф. Григорьева сохраняет свое значение и теперь; до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой. Тем не менее исторические сведения, приведенные в книге Куропаткина о «Кашгарии» [44], заимствованы не из книги Григорьева, но из гораздо менее удовлетворительной в научном отношении английской книги Белью [45].

После восстановления в Восточном Туркестане китайского владычества и определения границы с Россией из Туркестана было еще несколько путешествий в эту страну, как путешествие д-ра Зеланда (1886 г.) из Семиречья и путешествие подполковника Корнилова (1899—1900 гг.) из Ташкента [46]. Последним было составлено ценное описание края, изданное туркестанским военно-топографическим отделом.

В конце XIX в. в Восточном Туркестане были сделаны те археологические открытия, о которых мы упоминали в X главе; успеху науки в этом отношении много способствовала деятельность русского генерального консула Петровского [47], которым было составлено единственное по своему научному значению собрание древностей края, впоследствии переданное частью в Эрмитаж, частью в музей Русского археологического общества [48]. Из русских путешественников некоторые сведения о памятниках древности сообщили братья Грум-Гржимайло [49]; специально для изучения края в археологическом отношении были совершены путешествия Клеменца [50] (1898 г.), Березовского [51] (1906—1907 гг.) и акад. Ольденбурга [52] (1909—1910 и 1914—1915 гг.) — первое на средства Академии наук, остальные на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

---

[44] Куропаткин, *Кашгария.*

[45] <Bellew, *Kashmir and Kashghar*; русский перевод: Беллью, *Кашмир и Кашгар.* — *А. М.*>

[46] Зеланд, *Кашгария*; Корнилов, *Кашгария*; Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0131—0137.

[47] Некролог: Ольденбург, *Памяти Петровского.* <О Николае Федоровиче Петровском (1837—1908) см.: ИИН, № 10983—10986. — *А. М.*>

[48] <Издания коллекции Петровского см.: Кизерицкий, *Хотанские древности*; Дьяконова — Сорокин, *Хотанские древности.* — *А. М.*>

[49] <О Григории Ефимовиче Грум-Гржимайло (1860—1936) см.: ИИН, № 8890—8894а. — *А. К.*>

[50] Klementz, *Turfan*; рец.: Ольденбург, ЗВОРАО, т. XIII, стр. 065—068. <О Дмитрии Александровиче Клеменце (1848—1914) см.: ИИН, № 4946—4958. — *А. К.*>

[51] <О результатах экспедиции Березовского опубликованы лишь краткие сведения, см.: Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция*; его же, *Русские археологические исследования*, стр. 27. — *А. М.*>

[52] Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция.* <О Сергее Федоровиче Ольденбурге (1863—1934) см.: ИИН, № 10960—10969. — *А. К.*>

Тем же комитетом были снаряжены в Восточный Туркестан две лингвистические экспедиции С. Е. Малова [53] (1909—1911 и 1913—1915 гг.). Русскими же учеными был разрешен вопрос о местоположении уйгурского города Бишбалыка и найдены его развалины [54].

Менее значительно было участие русских путешественников и ученых в деле изучения Индии. Столь же случайно, как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев, прибывший в Англию в свите русского посольства и оттуда из страсти к путешествиям отправившийся в Индию, где пробыл 12 лет (1785—1797). Продолжая заниматься своим искусством, он в то же время изучал санскритский язык и в особенности современные индийские наречия, главным образом бенгальское. Из Индии он вернулся сначала в Англию, где в 1801 г. издал на английском языке грамматику индийских наречий, в том числе и санскрита, потом в С.-Петербург, где по повелению императора Александра I устроил типографию с санскритским шрифтом и в 1805 г. напечатал «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов» [55]. Еще меньше значения для науки имели два путешествия в Индию художника-любителя кн. Салтыкова (1841—1843 и 1844—1846 гг.), аристократа-англомана, издавшего в Париже описание своих путешествий и собрание сделанных им рисунков [56].

Увлечение индийской культурой, проявляющееся в Западной Европе в конце XVIII и в начале XIX в., не миновало и России, как показывает проект учреждения Азиатской академии, представленный в 1810 г. с.-петербургским попечителем Уваровым (впоследствии министром и графом), и речь, произнесенная им же в 1818 г. при открытии преподавания восточных языков в главном педагогическом институте (преобразованном в 1819 г. в С.-Петербургский университет) [57]. Тем не менее изучение санскритского языка не сделало в России особенных успехов; долгое время представителями этой специальности в университетах и в академии оставались иностранные ученые, приглашенные на русскую службу [58]. Одним из

---

[53] <О Сергее Ефимовиче Малове (1880—1957) см.: Убрятова, *О научной и общественной деятельности Малова*; ее же, *Малов*; ее же, *С. Е. Малов.* — *А. К.*>

[54] О Бишбалыке: Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка.*

[55] О Лебедеве: Булич, *Очерк истории языкознания*, т. I, стр. 501, 504—505, 618—625. <О Герасиме Степановиче Лебедеве (1749—1817) см.: ИИН, № 10878—10888. — *А. К.*>

[56] Soltykoff, *Voyages*; Soltykoff — Trayer, *Habitants de l'Inde* (последняя книга мне не была доступна); Салтыков, *Путешествие в Персию*; его же, *Письма об Индии.* О Салтыкове еще: Барсуков, *Жизнь Погодина*, кн. X, стр. 371 и сл.

[57] О речи Уварова см. выше, стр. 54—55.

[58] <Русская санскритология представлена рядом крупных имен. Первым санскритологом был Роберт Христианович Ленц (1808—1836); о нем см.: Зограф, *Ленц.* Выдающимся санскритологом и тюркологом был академик Оттон Николаевич Бётлингк (1815—1904), вошедший в историю мировой санскритологии как инициатор и основной издатель *Большого Петербургского санскритского словаря* (1852—1875) и

первых русских санскритистов был проф. Петров, начавший в 1841 г. преподавание санскритского языка в Казанском университете, впоследствии, с 1852 до 1875 г., занимавший кафедру в Москве [59].

Европейская наука в начале XIX в. интересовалась произведениями санскритской литературы главным образом как древнейшими памятниками языка и культуры индоевропейцев. Впоследствии выяснилось сверх того значение санскритоведения для изучения одной из мировых религий — буддизма. В работах по изучению буддизма, среди которых выдающееся место принадлежит трудам русских синологов и монголистов, приняли участие и русские санскритисты; проф. Минаевым, в противоположность господствующему в Западной Европе мнению о древности палийского канона (собрания священных текстов, принятого цейлонскими буддистами), была высказана самостоятельная теория о большей древности северного буддизма [60]. Работы по изучению индийского буддизма продолжались и учеником Минаева Ф. И. Щербатским, которому принадлежит ряд трудов о буддийской философии [61]. Проф. Минаев был первым из русских ученых, совершившим с научною целью путешествие в Индию, которую ему удалось посетить три раза (1874—1876, 1879 и 1885 гг.); результатом этих путешествий кроме ряда специальных статей, отчасти напечатанных только после смерти автора, было популярное сочинение «Очерки Цейлона и Индии, из путевых заметок русского» (1878 г.) и две статьи в «Вестнике Европы» 1875 и 1887 гг. Впоследствии путешествие в Индию с научною целью совершили русские санскритисты бар. фон Сталь-Гольстейн (1903—1904 гг.) и проф. Щербатской (1909—1910 гг.) [62].

Еще меньше сделано в России для изучения Афганистана и афганцев [63], несмотря на то что в С.-Петербургском университете некоторое время (1855—1857 гг.) читались лекции по афганскому языку акад. Дорном [64], еще раньше (в 1847 г.) издавшим в С.-Петербурге, хотя и под английским заглавием, первую афганскую хрестоматию. Два раза рус-

---

как составитель *Малого Петербургского словаря* (1879—1889); литературу о нем см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 494—495. См. теперь еще: Кальянов, *Об изучении санскрита*; Бескровный, *Из истории изучения живых индийских языков.* — *А. К.*>

[59] Биография Петрова: Булич, *Петров.* <О Павле Яковлевиче Петрове (1814—1875) см. еще: ИИН, № 10976—10982. — *А. К.*>

[60] Минаев, *Буддизм.* Биография Минаева: Булич, *Минаев*; ср. также: Ольденбург, *Памяти Минаева.* <Об Иване Павловиче Минаеве (1840—1890) см. еще: ИИН, № 10946—10959; *Минаев.* (Сб. ст.). — *А. К.*>

[61] О работах Ф. И. Щербатского: Ольденбург — Коковцов — Марр — Бартольд, *Записка об ученых трудах.* <О Федоре Ипполитовиче Щербатском (1866—1942) см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 508—509; ИИН, № 11079—11082. — *А. К.*>

[62] Сталь-Гольстейн, *Путевые впечатления.* <Щербатской, *Краткий отчет.* — *А. М.*>

[63] <Ср.: Ромодин, *Из истории изучения афганцев.* — *А. К.*>

[64] <О Борисе Андреевиче Дорне (1805—1881) см.: Ливотова, *Основная литература*, стр. 497—498; ИИН, № 1489, 5278, 10746—10747а. — *А. К.*>

ское правительство или лица, действовавшие от его имени, пытались включить Афганистан в сферу русского влияния; результат в обоих случаях был один и тот же: разрыв между Афганистаном и англо-индийским правительством и вступление в страну англо-индийских войск, причем афганский эмир не получил со стороны России той помощи, на которую рассчитывал [65]. В первый раз (1837—1839 гг.) в Афганистане действовал по поручению русского посла в Персии гр. Симонича ссыльный поляк Виткевич, еще раньше, в 1835 г., совершивший путешествие в Бухару. Пребывание Виткевича в Афганистане не доставило России никаких сведений об этой стране; вернувшись в 1839 г. в С.-Петербург, Виткевич, когда министерство иностранных дел приняло его как авантюриста, превысившего свои полномочия, покончил с собой, предварительно уничтожив свой дневник [66].

Во второй раз в Афганистан было отправлено от имени туркестанского генерал-губернатора русское посольство, во главе которого находился генерал Столетов (1878—1879 гг.). Англия в то время угрожала России войной из-за Сан-Стефанского договора, которым закончились военные действия на Балканском полуострове. Посольство в Афганистан имело целью воспользоваться недоразумениями между англо-индийским правительством и эмиром Шир-Али, чтобы создать для Англии затруднения на северо-западной границе Индии. Результатом пребывания в Афганистане посольства Столетова был двухтомный труд участника посольства д-ра Яворского «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству» (1882—1883). Тогда же (в 1878 г.) были совершены из Туркестана поездки полковников Гродекова (впоследствии туркестанского генерал-губернатора) через северо-западную часть Афганистана до стен Герата и Матвеева в Бадахшан [67]; сведения об этих поездках были напечатаны в секретном военном издании; в общедоступные сочинения вошли только краткие извлечения из отчетов обоих офицеров.

Действия англо-русской разграничительной комиссии 1885—1886 гг., о которой было упомянуто в XVII главе, ничем не отразились на русской литературе об Афганистане. Некоторыми из английских членов комиссии впоследствии были напечатаны труды, заключающие в себе кроме отчета о переговорах сведения о стране, где происходили работы комиссии, в том числе и о памятниках древности; с русской стороны не было произведено никаких научных исследований или наблюдений. Из новейших русских исследователей Афганистаном и афганцами занимался Н. А. Ари-

[65] <Ср.: Массон — Ромодин, *История Афганистана*, т. II, гл. V—VII.— *Н. Т.*>

[66] О Виткевиче еще: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 109 и сл. Маршрут Виткевича (со слов его проводника) приведен Бларамбергом, *Статистическое обозрение Персии*, стр. 335—346.

[67] О Столетове, Гродекове и Матвееве см.: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 466—513; маршрут Гродекова у Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 168—178. <Гродеков, *Поездка*; Матвеев, *Поездка*. — *А. М.*>

стов, работавший, однако, исключительно по английским источникам [68]. После установления прямых дипломатических сношений между Россией и Афганистаном изучение Афганистана было поставлено на очередь Всероссийской научной ассоциацией востоковедения в Москве (ныне Научная ассоциация востоковедения Союза ССР) [69], издавшей в 1924 г. сборник «Афганистан», в котором наибольший интерес представляет последняя статья — «Археологические памятники в Афганистане» М. Г. Вечеслова, совершившего в 1922 г. поездку в Афганистан преимущественно с целью изучения памятников буддийской культуры.

[68] Об Афганистане и трудах Аристова см. выше, стр. 335 и прим. 73. <Оценку трудов Николая Александровича Аристова (1847—?) см.: Ромодин, *Из истории изучения афганцев*, стр. 175—180. — *А. К.*>

[69] <В 1921 г. декретом ВЦИК была создана Всероссийская (с 1925 г. Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения. — *А. К.*>

Глава XX

Русская литература о Передней Азии далеко не отличается тем богатством, как можно было бы ожидать по географическому положению России и по составу ее населения. Что на русском языке мало работ об Индии и Афганистане, отчасти объясняется скудостью материала, находящегося в распоряжении русских исследователей по сравнению с западноевропейскими, особенно с английскими; но бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки [1]. Столь же характерно, что в России, где мусульмане составляют такую значительную часть населения, до сих пор не появилось почти ни одного труда об исламе, который в свое время представлял бы шаг вперед в науке [2].

Как уже было упомянуто, под «восточными языками», преподавание которых было введено в русских университетах уставом 1804 г., первоначально понимались языки библейского и мусульманского Востока. Кроме лекций профессоров, приглашенных из-за границы, успехам изучения в России языков арабского, персидского и турецкого содействовала продолжительная преподавательская деятельность Болдырева в Москве (1811—1837 гг.), Сенковского в С.-Петербурге (1822—1847 гг.), Казем-Бека в Казани (1826—1845 гг.) и в С.-Петербурге (1845—1870 гг.) [3]. Болдырев был автором учебных пособий по арабскому и персидскому языкам, употреблявшихся в русских университетах до последних десятилетий XIX в. Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение [4]: почти все русские ориенталисты следующих поколений

[1] <Обширный перечень работ на русском языке, изданных в последние годы, см.: Сверчевская, *Библиография Ирана. — Н. Т.*>

[2] О новейших русских трудах об исламе: Бартольд, *Ислам*; кроме того еще: Шмидт, *ʿАбд ал-Вахха̄б аш-Шаʿра̄нӣ;* рец.: Крачковский, ЖМНП, ч. 56, стр. 388—400. <Теперь см. также: Смирнов, *Очерки истории изучения ислама. — А. К.*>

[3] О деятельности Болдырева, Сенковского и Казем-Бека см.: Бартольд, *Обзор деятельности факультета.* <Об Алексее Васильевиче Болдыреве (1780—1842) см.: Крачковский, *Очерки*, стр. 79—86; Стариков, *Восточная филология.* О Сенковском см. выше, стр. 56, 439, прим. 2. К оценке его деятельности ср.: Данциг, *Изучение Ближнего Востока*, стр. 50 и сл. Об Александре Касимовиче (Мирза Мухаммед Али) Казем-Беке (1802—1870) см.: ИИН, № 10778—10792; Рзаев, *Мирза Казем-Бек. — А. К.*>

[4] <Говоря об основоположниках русского востоковедения, нельзя не упомянуть первого из них — Х. Д. Френа (1782—1851); о нем см. выше, стр. 43 и сл., прим. 10; стр. 56, прим. 18. — *А. К.*>

были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников. Кроме того, русская наука обязана Сенковскому таким неоценимым приобретением, как ардебильское собрание персидских рукописей, ныне находящееся в Ленинграде в Публичной библиотеке. Ардебильская библиотека обязана своим происхождением шаху Аббасу Великому (в начале XVII в.); после взятия города Ардебиля русскими войсками (в начале 1828 г.) Сенковским было обращено внимание на ценность библиотеки, и по его настоянию она была перевезена в С.-Петербург [5].

Несмотря на существование в Персии русской дипломатической миссии и нескольких консульств, несмотря на такое обилие материала в самом Петербурге, в русской литературе долгое время не было ни исследований о прошлом Персии, ни очерков современного состояния страны [6]. Некоторую литературу о Персии вызвали события конца 30-х годов; одновременно с деятельностью Виткевича в Афганистане, в Персии под русским влиянием также возникло враждебное движение против Англии и был предпринят поход на Герат (1837 г.), в то время принадлежавший особому владетелю, независимому от афганского эмира. Переход Герата в руки персов, к которому стремились русские, не соответствовал желаниям англо-индийского правительства, считавшего Герат ключом Индии. Английский офицер Эльдред Поттинджер руководил обороной против персидского войска, при котором находились русский уполномоченный граф Симонич (этот авантюрист, выходец из Сербии, самовольно присвоил себе графский титул, изменив таким образом свою двойную фамилию Гра-Симонич) [7]; кроме того, в Персидском заливе появилась английская эскадра, и шах был вынужден отозвать свое войско от Герата (1838 г.). Из русских, бывших в то время в Персии, статьи об этой стране и о своем пребывании в ней напечатали Дюгамель, преемник Симонича, Муравьев, ездивший в 1839 г. в Тегеран с депешами к Дюгамелю и в 1840 г. посетивший Исфахан и Хамадан, откуда он через Тебриз вернулся в Россию, и Бларамберг, участвовавший в гератском походе [8].

В 1840—1841 гг. некоторые области Персии посетил секретарь русской миссии барон Боде; результатом этой поездки был двухтомный труд на английском языке о путешествии в Луристан и Аравистан (между прочим, в малоизвестную страну бахтияров) и несколько статей в «За-

[5] <«. . . по Туркманчайскому договору 1828 г. России были уступлены персидские рукописи знаменитой библиотеки, некогда учрежденной шахом Аббасом I в городе Ардебиле» — см. выше, стр. 58. — *А. К.*>

[6] Краткий очерк сношений России с Персией в XIX в.: Риттих, *Персия*, стр. 222—280.

[7] О Гра-Симониче: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 118. <См. теперь еще публикацию его записок: Симонич, *Воспоминания полномочного министра. — Н. Т.*>

[8] Дюгамель, *Автобиография*; Н. Муравьев, *Письма русского из Персии*, рец. <анонимного автора> в «Библиотеке для чтения», т. 63, стр. 26—30; Бларамберг, *Статистическое обозрение Персии*.

писках» Русского географического общества и в журнале «Библиотека для чтения» [9]. Барон Боде интересовался преимущественно памятниками ахеменидского периода и письменными известиями о той же эпохе; им же было составлено собрание археологических предметов.

В конце 40-х и в 50-х годах в жизни Персии вновь произошли события, в которых приняли участие русские. В 1849—1852 гг. действовала международная комиссия по установлению границы между Турцией и Персией; одним из русских членов комиссии, Чириковым, был составлен «Путевой журнал», изданный в 1875 г. его спутником Гамазовым [10], впоследствии занимавшим должность директора учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел. В начале 50-х годов служившим в то время на Кавказе Н. В. Ханыковым была совершена поездка в персидский Курдистан и составлена карта Азербайджана. Во время Крымской кампании персидское правительство склонялось в пользу России, хотя и не принимало участия в военных действиях. Враждебное отношение к Англии выразилось в новом походе на Герат, который на этот раз был отнят персами у афганцев (1856 г.); англичане ответили на этот поход военными действиями со стороны Персидского залива, и по договору 1857 г. персы были вынуждены очистить Герат и исполнить все требования англичан. В следующем, 1858 г. была снаряжена русская научная экспедиция в Хорасан и соседние области; во главе экспедиции стоял ориенталист Ханыков (автор известной книги о Бухаре) [11]; результаты экспедиции были обнародованы на французском языке на средства Парижского географического общества [12]. Из позднейших трудов о Персии представителей русской дипломатии можно привести работы Ходзько (на французском и английском языках) и статью о Сеистане Миллера (1906 г.), бывшего в течение нескольких лет русским консулом в этой пограничной области Персии, потом в Кермане, о котором он также написал статью [13]. В XX в. министерство иностранных дел издало два выпуска «Материалов по изучению Востока» (1909—1915 гг.), но эти выпуски считались секретными. Много ценного материала об экономической жизни Персии заключали в себе «Сборники консульских донесений».

Некоторые поездки по Персии были совершены по поручению министерства финансов (напр., поездка М. Л. Томары в 1893—1894 гг., результатом которой была «первая попытка у нас изучения Персии в экономиче-

---

[9] Bode, *Travels in Luristan* (мне недоступно); Боде, *Путевые заметки*; его же, *Путешествие в Луристан.*

[10] Чириков, *Путевой журнал.* <О деятельности комиссии и журнале Чирикова см.: Данциг, *Русские путешественники*, стр. 195—199. — *А. М.*> Библиография работ о пограничной полосе: *Библиографические указания.*

[11] <Ханыков, *Описание Бухарского ханства. — А. К.*>

[12] Khanikoff, *Mémoire*; idem, *Mémoire sur l'ethnographie.*

[13] Chodzko, *Specimens*; idem, *Grammaire persane*; idem, *Théatre persan*; Миллер, *Прошлое и настоящее Сеистана*; его же, *Малиат.*

ском отношении»), военного ведомства (напр., поездка кап. Туманского в 1894 г. от Каспийского моря к Ормузскому проливу и обратно), Академии наук (первое путешествие Зарудного 1896 г.) и Географического общества (путешествия Зарудного 1898 и 1900—1901 гг. по восточной пограничной полосе Персии до города Чахбара на берегу Индийского океана) [14]. В 1900 г. на частные средства (В. А. Саханским) была организована экспедиция через Персию к Персидскому заливу и Индийскому океану. Все эти путешествия относятся к тому времени, когда русское правительство предполагало проложить русской торговле путь через Персию к Индийскому океану; Чахбар должен был быть конечным пунктом русской железной дороги. Этим стремлениям положило конец англо-русское соглашение 1907 г. Некоторые статьи об экономическом состоянии Персии появлялись и впоследствии, из которых можно упомянуть очерк Хащаба (1912 г.) [15].

Путешествия в Персию с чисто научною целью, совершенные по поручению Академии наук и университетов, не были многочисленны. В 1842—1845 гг. Казанским университетом были командированы в Персию для приготовления к занятию кафедры магистры Диттель и Березин [16]. Первый умер в 1848 г. от холеры, не успев использовать добытый им материал (краткий очерк его путешествия был напечатан в «Библиотеке для чтения», 1849 г.); Березиным (впоследствии профессором С.-Петербургского университета) было издано «Путешествие по Востоку» в двух томах, причем первый том посвящен Дагестану и Закавказью, второй — Северной Персии. Интересному содержанию книги Березина не вполне соответствует форма изложения; книга была предназначена для широкого круга читателей и потому написана тем слогом, которого в то время считали необходимым придерживаться авторы популярно-научных сочинений о Востоке (также писал Сенковский).

К 1860—1861 гг. относится путешествие акад. Дорна [17] и магистра

---

[14] Томара, *Экономическое положение Персии* (отзыв А. Г. Туманского, ЗВОРАО, т. IX, стр. 299—300); Туманский, *От Каспийского моря к Хормузскому проливу*. <Некролог Александра Григорьевича Туманского (1861—1920): Крачковский, *А. Г. Туманский*; см. еще: Крачковский, *Очерки*, стр. 192; БСЭ, изд. 2, т. 43, стр. 388; Лунин, *Средняя Азия в востоковедении*, стр. 138—141. — *А. К.*> Зарудный, *Несколько слов*; его же, *Экскурсия по восточной Персии*; его же, *Предварительный отчет*; подробнее <о поездке 1900—1901 гг.>: его же, *Третья экскурсия*.

[15] *Экономическое положение*. <О А. Ф. Хащабе (род. в 1874 г.) см.: Крачковский, *Очерки*, стр. 197. — *А. К.*>

[16] Березин, *Путешествие по Востоку*. <О Вильяме Францевиче Диттеле (1816—1848) см.: Савельев, *Диттель*. Об Илье Николаевиче Березине (1818—1896) см. выше, стр. 172, прим. 209. — *А. К.*>

[17] Описание путешествия Дорна: *Bericht über eine wissenschaftliche Reise*. Статьи Дорна под общим заглавием: *Beiträge*, I—V; idem, *Auszüge*. Заглавия других трудов о прикаспийских областях и их наречиях см.: Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 344—346; Залеман — Жуковский, *Краткая грамматика*; Тизенгаузен, *Материалы*, стр. 0138 и 0254.

(впоследствии доцента) Мельгунова [18] в прикаспийские области Персии; результатом этого путешествия были труды, остающиеся и до сих пор наиболее полным сводом исторического и лингвистического материала, относящегося к этим областям. Трехлетнее пребывание в Персии магистра (впоследствии профессора) Жуковского (1883—1886) обогатило науку ценным материалом для изучения персидских наречий, персидской народной литературы и религиозных верований народа [19]. Работы по изучению персидской народной литературы продолжали после Жуковского его ученики, А. А. Ромаскевич [20] и В. А. Иванов [21]. Из русских трудов, возникших под влиянием трудов Жуковского, о персидских религиозных верованиях можно упомянуть о труде В. Ф. Минорского о секте «Людей истины» [22]. Основание в Персии секты бабидов вызвало в России целый ряд трудов, много способствовавших выяснению этого религиозного движения. Еще в 60-х годах появилось исследование о бабидах проф. Казем-Бека, тогда же переведенное на французский язык; впоследствии изучение секты было облегчено основанием бабидской общины в пределах России, в Асхабаде, где и произвел свои исследования о бабидах Туманский, впоследствии издавший кроме нескольких отдельных статей одну из священных книг бабидов — *Китāб-и акдес* с приложением русского перевода. Ряд других статей и изданий, касающихся бабизма, принадлежат бар. Розену и проф. Жуковскому; первым было также описано довольно значительное количество бабидских рукописей [23].

Число восточных рукописей, находящихся в Ленинграде, настолько значительно, что Ленинграду в этом отношении принадлежит одно из первых, если не первое место среди европейских городов. Кроме Публич-

---

[18] <О Григории Валерьяновиче Мельгунове (1834—1873) см.: Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 383—384; Веселовский, *Мельгунов*. — *А. К.*>

[19] Жуковский, *Материалы*; его же, *Образцы*; его же, *Секта «Людей истины»*; его же, *Российский консул Ф. А. Бакулин*. Некрологи В. А. Жуковского: Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*; <см. ниже, стр. 689—703>; Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия*. Перечень его трудов: Ромаскевич, *Список трудов*.

[20] Ромаскевич, *Персидские народные четверостишия*. О материалах А. А. Ромаскевича еще: Ромаскевич, *Persica*, стр. 451 и сл. <Некролог А. А. Ромаскевича (1885—1942) см. в кн.: Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. III, стр. 5—6. — *А. К.*>

[21] В. Иванов, *Несколько образцов*. <Владимир Алексеевич Иванов (1886—1970) — питомец факультета восточных языков СПб. университета. — *А. К.*>

[22] Минорский, *Материалы*; Minorsky, *Notes*; там же перечень других работ автора (заглавия во французском переводе). <Владимир Федорович Минорский (1877—1966), питомец Лазаревского института (окончил в 1900 г.), с конца 20-х годов жил в Англии (Кембридж). — *А. К.*>

[23] Казем-Бек, *Баб и бабиды* (франц. перевод: Kazem-Beg, *Bab et les Babis*); Туманский, *Китабе Акдес*. О работах по бабизму бар. Розена и его учеников: Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток*, стр. 11—12. <О Викторе Романовиче Розене (1849—1908) см. ниже, стр. 589—595. Из новых работ по бабизму см. еще: М. Иванов, *Бабидские восстания*; Кузнецова, *К истории изучения бабизма*. — *А. К.*>

ной библиотеки, Азиатского музея Академии наук и университета богатым собранием восточных рукописей владело учебное отделение восточных языков при министерстве иностранных дел, основанное в 1823 г. для приготовления молодых людей к дипломатической службе на Ближнем Востоке. Предполагалось, что в этом учебном заведении будущие дипломаты под руководством преподавателей, проживших долгое время на Востоке, получат возможность усвоить необходимые для их службы практические сведения, в дополнение к теоретическим познаниям по востоковедению, полученным в университете или в других высших учебных заведениях. В действительности преподавание в учебном отделении часто поручалось ориенталистам-теоретикам, иногда тем же самым, которые занимали кафедры в университете. Вопрос о том, насколько учебным отделением достигалась цель, намеченная при его учреждении, еще с 50-х годов вызывал споры между представителями министерств иностранных дел и народного просвещения; столь же спорной представлялась целесообразность меры, принятой в 1890 г., когда на учебное отделение была возложена новая задача: обучать восточным языкам офицеров для потребностей военного ведомства [24]. Независимо от вопроса, насколько учебное отделение выполняло свои педагогические задачи, нельзя отрицать, что образование при учебном отделении богатого собрания восточных рукописей составляет большую заслугу перед русским востоковедением, тем более что это собрание (поступившее после революции в Азиатский музей Академии наук) остается до настоящего времени единственным в России, для которого существует так называемый «catalogue raisonné» (описание рукописей с подробными данными о их содержании). Арабские и персидские рукописи учебного отделения описаны бар. Розеном [25], турецкие — проф. Смирновым [26]. Для других собраний кроме некоторых устарелых каталогов (акад. Дорна, проф. Готвальда и др.[27]) имеются только краткие списки рукописей и краткие сведения о новых приобретениях [28]. Из ру-

---

[24] О спорах по вопросу об учебном отделении см.: МИФВЯ, т. I—II.

[25] Rosen, *Les manuscrits arabes*; idem, *Les manuscrits persans.*

[26] *Manuscrits turcs.* <О Василии Дмитриевиче Смирнове (1846—1922) см.: Самойлович, *Памяти В. Д. Смирнова*; Dmitrijev, *V. D. Smirnov*; Гордлевский, *Смирнов*; ИИН, № 11039—11041. — *А. К.*>

[27] Dorn, *Catalogue*; Готвальд, *Описание арабских рукописей*; <см. также: Ливотова, *Основная литература. — А. М.*>.

[28] <См. теперь: Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей*, вып. 1—2; Баевский, *Описание таджикских и персидских рукописей*, вып. 4—5; *Персидские и таджикские рукописи ИНА (краткий каталог)*; Халидов, *Каталог арабских рукописей*, вып. I; Михайлова, *Каталог арабских рукописей*, вып. 2—3; *Описание тюркских рукописей ИНА*; Мугинов, *Описание уйгурских рукописей*; Пучковский, *Монгольские рукописи*; Руденко, *Описание курдских рукописей*; Пигулевская, *Каталог сирийских рукописей*; Р. Орбели, *Грузинские рукописи*, вып. 1; Зограф, *Описание рукописей хинди*; Горбачева — Кычанов, *Тангутские рукописи и ксилографы*; Петрова, *Описание письменных памятников корейской культуры*; *Описание японских рукописей*; Волкова,

описей на языках Передней Азии персидские рукописи представлены в Ленинграде в наибольшем числе. Из среды слушателей учебного отделения вышел самый подробный на русском языке труд (анонимный) о персидской революции, доведенный только до смерти шаха Музаффар ад-дина (в начале января 1907 г.) [29]. О событиях в Персии после мировой войны есть несколько статей в журналах «Военная мысль» и «Новый Восток» [30].

Попытки составить свод сведений о Персии на русском языке не было; имеются только справочные пособия компилятивного характера [31]. Перевод соответствующих глав «Землеведения» Риттера взял на себя Ханыков, но изданная им в 1874 г. книга «Иран» заключает в себе перевод (с дополнениями) только небольшой части отдела о Персии. Географическое общество приняло меры к составлению перевода остальных глав, но этот труд не был выпущен в свет [32].

Еще меньше было на русском языке трудов, посвященных областям Азиатской Турции. Лучшее на русском языке описание Малой Азии вышло в свет еще в 30-х годах [33]. К этому периоду относится самый крупный успех русской дипломатии в истории сношений с Турцией: в 1833 г. в Хункяр-Искелеси (на берегу Босфора) между Россией и Турцией был заключен оборонительный союз на восемь лет, и Турция секретной статьей обязалась закрыть Дарданеллы для судов иностранных держав. Русское войско в это время находилось на азиатском берегу Босфора для защиты султана от войск мятежного египетского паши Мехмед-Али. При таких условиях русские офицеры могли беспрепятственно изучать малоазиатский полуостров; одним из этих офицеров, капитаном Вронченко, впоследствии было издано в двух томах «Обозрение Малой Азии, в нынешнем ее состоянии» (1839—1840 гг.).

Впоследствии в Малой Азии в течение 16 лет (1847—1863) совершил ряд путешествий Чихачев (автор известной книги об Алтае) [34]. Обширный труд Чихачева о Малой Азии, посвященный преимущественно геологическому описанию страны (1853—1869 гг.), был издан на французском языке и, как и другие произведения этого ученого, не может быть причислен к русской научной литературе [35]. В 1886 г. в Малой Азии был известный русский путешественник д-р Елисеев, посетивший во время

Описание маньчжурских рукописей; *Описание рукописей Дуньхуанского фонда.* — *А. К.*>

[29] *Последнее политическое движение в Персии.*

[30] <Литературу, изданную после 1917 г., см.: Сверчевская, *Библиография Ирана.* — *А. М.*>

[31] Л. Богданов, *Персия.* <Ср. справочник: *Современный Иран.* — *Н. Т.*>

[32] Риттер, *Иран.* О переводе остальной части: *Отчет Имп. РГО за 1908 г.*, стр. 47.

[33] <Вронченко, *Обозрение Малой Азии.* — *А. К.*>

[34] <Tchihatcheff, *Voyage scientifique.* — *А. М.*>

[35] Tchihatcheff, *Asie Mineure*, I—IV.

своих странствий целый ряд областей Азии и Африки [36]. Участие русских ученых в деле археологического изучения Малой Азии не было значительным; так, можно упомянуть о поездке Я. И. Смирнова в 1883—1884 гг.)[37]; кроме того, некоторые работы были произведены по почину Русского археологического института, учрежденного в Константинополе в 1895 г.[38]. Материал по изучению турецких наречий собирали в Малой Азии Максимов [39] (в 60-х годах), Писарев и Мартинович [40]. Другие путешествия русских ориенталистов в Константинополь и соседние с ним области Малой Азии имели целью главным образом изучение и приобретение турецких рукописей.

Предметом университетского преподавания османский язык впервые сделался в С.-Петербурге [41], где он преподавался Сенковским вместе с арабским и персидским, в качестве самостоятельного предмета — учеником Сенковского Мухлинским, первым представителем кафедры турецкого языка; впоследствии турецкий язык преподавался также в московском Лазаревском институте. Благодаря трудам профессоров Смирнова, Крымского [42] и Гордлевского [43] русская наука обладает такими подробными очерками истории турецкой литературы, каких на русском языке еще нет по истории литературы арабов и персов.

Путешествия в Палестину были связаны преимущественно с изучением святых мест; особенно выдаются путешествия А. Н. Муравьева (1830 г.) и Норова (1835 г.); кроме того, книгу о Сирии и Палестине издал в 1842 г. Базили, бывший в течение 15 лет консулом в Яффе и задавшийся целью

---

[36] О путешествиях Елисеева см.: П. Семенов, *История Имп. РГО*, стр. 947—950, 1195—1197.

[37] О работах Я. И. Смирнова: Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, стр. 41. <По окончании университетского курса, в 1891 г., Я. И. Смирнов принял участие в археологической экспедиции Н. П. Кондакова в Сирию и Палестину. В 1894—1895 гг. он был в Греции, осенью 1895 г. совершил большую археологическую поездку по Малой Азии. См.: Жебелев, *Яков Иванович Смирнов*. На протяжении многих лет Я. И. Смирнов вел изыскания на Кавказе — в Ани, Гарни и др. См.: Орбели, *Работы Я. И. Смирнова на Кавказе. — К. Ю.* >

[38] Русский археологический институт с 1896 г. издавал свои «Известия»; о работах в Малой Азии ср., например: *Отчет о деятельности за 1895 г.*, *Отчет о деятельности в 1896 г.* и статьи: Погодин — Вульф, *Никомидия*; <Регель, *Об учреждении Русского археологического института*. Институт основан в 1894 г., прекратил свою деятельность в 1915 г. О нем см.: ИИН, № 1824—1835. — *А. К.*>.

[39] *Опыт исследования.*

[40] Писарев, *Несколько слов о требизондском диалекте*; Мартинович, *Отчет по командировке*. <См. теперь: Векилов, *Изучение турецких диалектов. — А. К.*>

[41] <См.: С. Иванов, *Кафедра тюркской филологии. — А. К.*>

[42] В. Смирнов, *Очерк истории турецкой литературы;* Крымский, *История Турции и ее литературы*; его же, *Історія Туреччини.*

[43] *Очерки.* <Теперь см. еще: Гордлевский, *Избранные сочинения*, т. II, стр. 350—436; Алькаева, *Очерки по истории турецкой литературы*; Бабаев, *Очерки турецкой литературы*; Гарбузова, *Поэты Турции*; Фиш, *Турецкая поэзия*; его же, *Писатели Турции. — А. К.*>

описать положение страны под турецким владычеством [44]. Изучению Палестины много способствовала деятельность «Православного Палестинского общества», основанного в 1882 г.[45]. Еще до учреждения общества его будущий председатель Хитрово (скончавшийся в 1903 г.) издал (для 3-го международного съезда ориенталистов) библиографический обзор оригинальных и переводных трудов о Святой Земле на русском языке [46]. По почину общества уже в 1883 г. были произведены в Иерусалиме археологические работы арх. Антонином и местным ученым К. Шиком; в 1891 г. была снаряжена в Сирию и Палестину археологическая экспедиция, в составе акад. Н. П. Кондакова и А. А. Олесникова, в 1898 г. на средства общества в тех же странах производил археологические исследования Ф. И. Успенский [47]. В научных работах общества принимали деятельное участие и некоторые ориенталисты (Марр, Медников, Цагарели, Коковцов и др.); проф. Медниковым по поручению общества были собраны и разработаны известия арабских источников о Палестине со времени арабского завоевания до крестовых походов [48]. Общество с 1886 г. издавало свои «Сообщения», с 1904 г. обращенные в четырехмесячник [49]. В 1900 г. при обществе были организованы «собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран» [50], — одна из немногих попыток образования в России общества ориенталистов со специальными научными задачами. Собеседования прекратились уже в 1902 г. Еще меньше успеха имела попытка организовать (в 1907 г.) при историческом обществе, существовавшем при С.-Петербургском университете, подсекцию для изучения семитской культуры [51]. Узкорелигиозное направление Палестинского общества (членами могли быть только православные) и недостаточная культурность православного духовенства и в Палестине, также производившего археологические исследования, иногда вредно отражались на интересах науки. В 1912 г. была выражена мысль о необходимости назначения в Палестину представителя Константинопольского института [52]. В 1915 г., во время мировой войны, в связи с отделением Палестины от Турции был разработан проект организации

[44] Муравьев, *Путешествие*; Норов, *Путешествие*; Базили, *Сирия и Палестина*. <О Константине Михайловиче Базили (1809—1884) см.: ИИН, № 10618—10621; Смилянская — Аствацатурян, *Научные труды К. М. Базили*. — *А. К.*>

[45] <Ныне: Российское Палестинское общество; издает журнал «Палестинский сборник». О нем см.: ИИН, № 2302—2307. — *А. К.*>

[46] Хитрово, *Библиографический указатель*.

[47] Кондаков, *Археологическое путешествие*. <О Федоре Ивановиче Успенском (1845—1928) см.: ИИН, № 10053—10073. — *А. М.*>

[48] Медников, *Палестина*.

[49] Дмитриевский, *Палестинское общество*.

[50] *Собеседования по научным вопросам*.

[51] О положении русских семитологов замечание П. К. Коковцова в ЗВОРАО, т. XIV, стр. X.

[52] <Русский археологический институт в Константинополе (1894—1915 гг.); см. выше, стр. 474, прим. 38. — *А. К.*> О работах в Палестине: Ростовцев, *Русская*

изучения Палестины на более широких началах с учреждением комитета палестиноведения в Петрограде и Археологического института в Иерусалиме [53]. В Москве этому проекту М. В. Никольским при поддержке московского археологического общества был противопоставлен более широкий проект учреждения «Российского Передне-Азиатского общества» [54]. По ходу политических событий русская наука после 1914 г. уже не могла принимать участия ни в изучении Палестины, ни в изучении Передней Азии; остается даже открытым вопрос об имуществе как бывших русских палестинских учреждений, так и Константинопольского института [55].

Норов, автор книги о Палестине, был также в Египте и Нубии (1834—1835 гг.) и описал свое путешествие в эти страны как введение к путешествию в Палестину [56]. В 1846—1848 гг. некоторые страны Востока (Египет, Сирию, Палестину, Алжирию и Тунис) посетил по распоряжению правительства для изучения вопроса о чуме д-р Рафалович, описавший свое путешествие в Египет [57]; в Александрии он научился арабскому языку и вообще старался собрать сведения о современном состоянии страны в противоположность большинству путешественников, обращавших внимание почти исключительно на памятники древности. Путешествия русских ориенталистов (Сенковский, Гиргас и др.) в Сирию и Египет большею частью были только поездками начинающих ученых, изучавших арабский язык для приготовления к занятию кафедры. Русских путешествий на арабский полуостров не было (если не считать некоторых местностей Каменистой Аравии, посещенных Елисеевым); не было также русских путешествий в Месопотамию, которые представляли бы интерес в научном отношении. Вообще русские семитологи (кроме арабистов) только в редких случаях имели возможность знакомить представителей западноевропейской науки с новым материалом.

О южной части Месопотамии на русском языке имеется обширный труд А. Адамова [58], написанный на основании долголетнего знакомства с краем,

---

археология в Палестине. Для русской литературы по археологии Передней Азии и Кавказа ср. также соответствующие отделы издания: Тизенгаузен, *Материалы*.

[53] Е. П. Ковалевский, *Русские научные интересы в Палестине*.

[54] Никольский, *По вопросу о задачах*.

[55] <В настоящее время бумаги и документы Константинопольского института хранятся в Архиве АН СССР (ф. 127 — см. «Труды Архива АН СССР», вып. 1, Л., 1933, стр. 49—50); рукописи находятся в рукописных отделах Библиотеки АН СССР (см.: И. Н. Лебедева, *Греческие рукописи*, — «Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. 5, Л., 1973) и ЛО ИВАН; памятники материальной культуры находятся в Государственном Эрмитаже. Книги из библиотек Константинопольского института и Палестинского общества в Иерусалиме влились в общий фонд Библиотеки АН СССР в Ленинграде. — *Н. Т.*>

[56] <Норов, *Путешествие по Египту*. В 1861 г. он совершил второе путешествие на Передний Восток: Норов, *Иерусалим и Синай*. — *А. М.*>

[57] Рафалович, *Путешествие по Нижнему Египту*.

[58] *Ирак Арабский*.

но в своей исторической части находящийся в полной зависимости от западных пособий и заключающий в себе много неточностей.

Больше внимания было обращено русскими учеными на Синайский полуостров с его многочисленными надписями и древним монастырем, обладающим богатыми собраниями рукописей. Для изучения монастыря и надписей особенное значение имели путешествия архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия (с 1845 г.) [59]. Впоследствии синайский монастырь посетили с тою же целью ориенталисты Цагарели, Марр, Васильев и кн. Джавахов; поездка проф. Марра (1902 г.), кроме того, имела целью изучение грузинских рукописей в Иерусалиме [60].

Изучение христианского Востока вообще составляет одну из главных задач, которые по географическому положению и историческим преданиям России преимущественно должны быть выполнены русскими учеными, особенно русскими арабистами. Из ученых трудов русских арабистов, относящихся к этой области, выдаются труды бар. Розена, которому принадлежат также большие заслуги по выполнению двух других задач, лежащих на представителях этой специальности в России: по описанию арабских рукописей, входящих в состав русских библиотек, и по исследованию известий арабских писателей о русском народе [61]. Из русских работ по истории христианского Востока выдаются работы В. В. Болотова (ум. в 1900 г.) [62]. С 1912 до 1917 г. при Академии наук издавался периодический орган «Христианский Восток», посвященный изучению «христианской культуры народов Азии и Африки» [63].

В деле изучения древнего Востока русские ученые до сих пор принимали мало участия; экспедиций с этою целью из России отправлено не было. Из отдельных представителей этой специальности в России можно назвать ассириолога Никольского [64], египтологов Лемма, Голенищева и Тураева [65].

---

[59] Порфирий, *Первое путешествие*; его же, *Второе путешествие*; его же, *Путешествие по Египту*; Цагарели, *Порфирий о грузинских древностях*. Описание рукописей и книг из собрания Порфирия: *Краткий обзор собрания рукописей*. <О роли архимандрита Порфирия Успенского в изучении Востока см.: Коростовцев — Ходжаш, *Востоковедная деятельность Порфирия Успенского. — А. М.*>

[60] Цагарели, *Памятники грузинской старины*; Марр, *Предварительный отчет о работах на Синае*; его же, *Отчет о работах на Синае*; А. Васильев, *Поездка на Синай*.

[61] Главный труд бар. Розена: *Император Василий Болгаробойца*; о его значении и результатах: Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток*; <см.> также: Крачковский, *Список трудов Розена*.

[62] Некролог В. В. Болотова и перечень его трудов: Тураев, *Памяти В. В. Болотова*.

[63] О задачах «Христианского Востока» редакционная статья: *От редакции*, — ХВ, т. I, стр. 1—5; рец.: Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 412—425.

[64] О деятельности М. В. Никольского: Тураев, *Отзыв*.

[65] Перечисление главных трудов проф. Тураева см. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. XXXIV, стр. 84. О значении его *Истории Древнего Востока*: Бартольд, *Отзыв о труде Б. А. Тураева*. Некрологи Б. А. Тураева: Коковцов, *Б. А. Тураев*; Жебелев, *Б. А. Тураев*.

Голенищевым было составлено ценное собрание египетских древностей, ныне находящееся в московском историческом музее. Исследовательская и преподавательская деятельность умершего в 1920 г. Б. А. Тураева, автора первого на русском языке общего обзора «Истории Древнего Востока», составленного специалистом, создавшего целую школу исследователей этой отрасли исторической науки [66], до сих пор не могла иметь тех последствий, которые она имела бы в периоды более спокойной политической жизни [67]. В изучении древностей Египта принимали участие и представители классической филологии, как проф. Ростовцев [68].

События XIX в. усилили в России интерес к кавказоведению, по которому еще в XVIII в. был собран некоторый материал Гильденштедтом и Гмелином. В 1801 г. была присоединена Грузия; по договорам с Персией в Гюлистане (1813 г.) и Туркманчае (1828 г.) русские владения были расширены до Аракса и Арарата. Для управления вновь присоединенными областями требовались люди, знающие языки армянский и грузинский; в то же время облегчалась возможность изучить эти языки и их литературы с чисто научною целью. Европейские ученые в начале XIX в. интересовались главным образом армянской исторической литературой, в которой надеялись найти новый материал по истории Передней Азии. Языки кавказских народностей, не имевших литературы, представляли большой интерес для лингвистов по загадочности своего происхождения и по своему своеобразному строю. Все эти причины вызвали еще в 1807—1808 гг. ученое путешествие на Кавказ ориенталиста Клапрота, в то время бывшего членом русской Академии наук [69]. Клапрот принял деятельное участие в составлении упомянутого выше проекта «азиатской академии», представленного в 1810 г. Уваровым [70]; ему принадлежит включенный в проект перечень важнейших научных задач по различным отраслям востоковедения, в том числе и по изучению кавказских языков.

За исключением истории Грузии митрополита Евгения [71], составленной главным образом по сведениям, полученным от находившихся в то время (после 1801 г.) в С.-Петербурге «грузинских посланников и депута-

---

[66] Статьи учеников Б. А. Тураева в ИГАИМК, сборниках «Восток» и «Новый Восток»; <например>, о первом съезде русских египтологов: Франк-Каменецкий, *Первый съезд*; Бороздин, *Первый Всероссийский съезд*.

[67] <Русские ученые —исследователи истории древнего Востока создали свою школу, которая особенно успешно развивалась в послеоктябрьский период. См.: Струве, *Изучение истории Древнего Востока* (эта статья является продолжением работы Тураева, *Русская наука о Древнем Востоке*); Авдиев, *Советская наука о Древнем Востоке*; Струве, *Б. А. Тураев*; его же, *Значение В. С. Голенищева для египтологии*; Редер, *Научная деятельность М. В. Никольского*; Кацнельсон, *Материалы по истории египтологии*. — *А. К.*>

[68] *Поездка в Египет.*

[69] Klaproth, *Reise in den Kaukasus*; idem, *Voyage au Mont Caucase.*

[70] *Проект.*

[71] *Историческое изображение Грузии.*

тов», «Новейших географических и исторических известий о Кавказе» Броневского (1823), «Грузии и Армении» А. Н. Муравьева (1848) и некоторых других трудов, работы по кавказоведению в России и в течение следующих десятилетий производились главным образом иностранными учеными. Успехам в России грузиноведения, отчасти и арменоведения, более всего содействовала деятельность французского ориенталиста Броссе. Броссе, избранный в академию в 1836 г., прибыл в Россию в 1837 г. и впоследствии (1847—1848 гг.) совершил ученое путешествие на Кавказ. Труды Броссе (он умер в 1880 г.) [72] положили начало изучению грузинской литературы и истории не только в России, но и в Европе. В России под его влиянием было введено преподавание армянского и грузинского языков (в 40-х годах, в С.-Петербургском университете); его деятельность оказала влияние и на ход научных работ в самой Грузии, хотя Броссе еще не имел возможности отнестись критически к тому построению грузинской истории, которое в последние столетия существования Грузии было выработано в грузинских интеллигентных кругах и, как потом было доказано, мало соответствовало действительности.

Научному изучению кавказских языков, не имеющих литературы, положили начало труды бар. Услара [73], собранные в одно целое и сделавшиеся доступными для более обширного круга читателей только много лет после смерти исследователя (ум. в 1875 г.). Западноевропейской науке результаты работ Услара сделались известными раньше благодаря статьям акад. Шифнера на немецком языке. Когда на Кавказе возникли научные общества и научные издания, в этих изданиях стал помещаться и лингвистический материал; научные учреждения империи уделяли этой отрасли кавказоведения мало внимания. Для самого Услара изучение кавказских языков должно было быть только средством для изучения истории страны (в 1858 г. он получил высочайшее повеление составить историю Кавказа).

Преподавателями языков армянского и грузинского в университетах со времени учреждения кафедр этих языков всегда были природные армяне и грузины. Таков же был первоначально характер специального учебного заведения — Лазаревского института восточных языков в Москве, в котором впоследствии было введено преподавание и других языков Ближнего Востока [74]. Ученым армянского и грузинского происхождения русская наука была обязана как распространением в России научных взглядов, выработанных в армянских и грузинских кругах, так и впослед-

---

[72] L. Brosset, *Bibliographie*; рец.: Розен, ЗВОРАО, т. II, стр. 317—321; Марр, *К столетию дня рождения М. И. Броссе.* <О Броссе см. выше, стр. 69, прим. 13.>

[73] *Этнография Кавказа*, I—VI. < О Петре Карловиче Услере (1816—1875) см.: Загурский, *П. К. Услар и его деятельность на Кавказе*; Дешериев, *Значение научного наследия П. К. Услара.* — *А. К.*>

[74] *Тридцатилетие специальных классов.* <См. также: Базиянц, *Лазаревский институт.* — *А. К.*>

ствии исправлением этих взглядов на основании методов европейской науки. Ими же были определены новые научные задачи грузиноведения и арменоведения [75]. Выяснению прошлого как Армении, так и Грузии много способствовало изучение развалин города Ани, столицы армянских царей X—XI вв., сохранившей свое значение и после падения царства Багратидов, до XVI в. Территория развалин со времени Туркманчайского договора находилась в нескольких верстах от русской границы, со времени войны 1877—1878 гг. входила до 1918 г. в состав русских владений; поэтому они могли быть посещены из России без особенных затруднений и посещались учеными различных национальностей, но только раскопками проф. Марра (с 1892 г.) был выяснен действительный характер истории города в связи с общим ходом политической и культурной истории Передней Азии [76].

Изучение Кавказа в естественноисторическом отношении было целью нескольких экспедиций, снаряженных Академией наук и Географическим обществом. Особенно важны труды акад. Абиха [77], имевшие значение и для археологии края; им был составлен план развалин Ани (1844 г.), которым пользовались еще при новейших раскопках. Географическим обществом с первых лет его деятельности (в 1851 г.) был образован на Кавказе особый отдел. Много данных по географии, этнографии, статистике и истории края имеется в сборниках на русском языке, изданных в Тифлисе, в особенности в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшемся управлением кавказского учебного округа. Музей города Тифлиса принадлежал к лучшим русским провинциальным музеям; с музеем была связана и библиотека, заключающая в себе, между прочим, небольшое собрание восточных рукописей [78]. Изучение края и его населения составляло также цель нескольких местных обществ, издающих свои труды на местных языках; среди них выдавалось грузинское общество распространения грамотности в Тифлисе. После революции и образования в Грузии особой республики, сначала

[75] Марр, *К вопросу о задачах арменоведения*; его же, *Возникновение и расцвет.*

[76] Библиографию работ об Ани см. в статьях: Barthold, *Ānī*; см. также *Список печатных работ, появившихся в свет в связи с археологическим исследованием Ани и его окрестностей* на обложке Анийской серии, № 5. Общая оценка археологических работ: Бартольд — Смирнов, *Отзыв о трудах Н. Я. Марра.* Краткие сведения об отдельных памятниках можно найти и в № 4 той же серии (Орбели, *Краткий путеводитель*). <Раскопки в Ани производились в 1892—1893 и 1904—1917 гг. См.: Марр, *Ани*; Орбели, *Развалины Ани*; Арутюнян, *Город Ани.* — *К. Ю.* >

[77] <Герман Васильевич (Вильгельм-Герман) Абих (1806—1886), академик, геолог; о нем см.: *История АН СССР*, т. II, стр. 102, 104—106.— *А. К.*>

[78] Берже, *Краткий каталог.* О кавказском сборнике и указателе к 20 первым выпускам рец.: Розен, ЗВОРАО, т. IX, стр. 292—295. <В. В. Бартольд имеет в виду бывш. Кавказский музей, основанный в 70-х годах прошлого века, ныне Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа. Восточные рукописи хранились в рукописном отделении музея, в настоящее время преобразованном в Институт рукописей АН ГрузССР им. К. С. Кекелидзе. — *К. Ю.*>

буржуазной, потом советской, Тифлис остался центром грузинской национальной науки, но связь с русским востоковедением была прервана [79]. После Тифлиса важнейшим просветительным центром на Кавказе был монастырь Эчмиадзин [80], местопребывание католикоса всех армян; после революции получила большое значение Эривань как столица Армянской Советской Республики. Среди мусульманского населения Кавказа интерес к своему прошлому до последнего времени был развит в гораздо меньшей степени; русская и европейская наука также уделяла кавказским мусульманам гораздо меньше внимания, чем армянам и грузинам, хотя наиболее распространенное среди кавказских мусульман наречие (так называемое адербиджанское, т. е. азербайджанское) долгое время преподавалось в С.-Петербургском университете. Центры исторической жизни кавказских мусульман, именно города Дербент, Гянджа (Елисаветполь) [81], Баку и др., до сих пор не подвергались подробному изучению, и не было принято достаточных мер для того, чтобы спасти от разрушения сохранившиеся в этих городах архитектурные памятники прежних веков [82]. Несмотря на экономическое процветание Баку, в нем не было никакой культурной жизни; еще в 1916 г. в этом городе не было ни музея, ни библиотеки. Положение изменилось только с тех пор, как Баку сделался столицей Азербайджанской Республики. Ряд культурных начинаний местного правительства позволяет надеяться, что культурной отсталости этой части Кавказа скоро будет положен конец [83]. К изучению мусульманского Кавказа относится также Дагестанско-Чеченская экспедиция, снаряженная в 1923 г. Всероссийской научной ассоциацией востоковедения и давшая интересные результаты [84].

---

[79] <После восстановления советской власти в Грузии связь грузинского и русского востоковедения никогда не прерывалась. — *А. К.*>

[80] Ссылки на литературу об Эчмиадзине в <работе> L. Brosset, *Bibliographie* (см. указатель под словами *Bibliothèques* и *Edchmiadzin*).< В конце XIX — начале XX в. духовная академия при Эчмиадзинском монастыре имела богатое собрание рукописей (более 4000). Впоследствии в это собрание влился ряд других коллекций; в 1939 г. рукописи были перевезены в Ереван и в настоящее время (в количестве более 10 000 — армянских и других) составляют собрание Матенадарана. См.: Абгарян, *Матенадаран. — К. Ю.*>.

[81] <Ныне Кировабад.>

[82] <Все исторические памятники как на Кавказе, так и во всех других местах СССР состоят под охраной государства. — *А. К.*>

[83] <В Баку, столице Азербайджанской ССР, в 1945 г. была учреждена Академия наук АзССР, в составе которой имеются и гуманитарные институты: Институт истории, археологии и этнографии, Институт народов Ближнего и Среднего Востока. В 1920 г. в Баку был открыт университет; в областных городах открыты педагогические институты, созданы музеи, театры и другие культурно-просветительные организации. — *А. К.*>

[84] Библиография трудов о Дагестане в трудах Е. И. Козубского: *Памятная книжка Дагестанской области*; *Дагестанский сборник*; *История Дербента*. О Дагестано-Чеченской экспедиции: Яковлев, *Новое в изучении Северного Кавказа*. <Краткий

Обзор русских трудов по изучению Востока показывает, что русской наукой в этом отношении достигнуты, особенно в XIX в., значительные успехи, но что эти успехи большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого. Несмотря на достигнутые успехи, состояние русского востоковедения, как и русской науки вообще, все-таки является красноречивым доказательством общей отсталости русской культуры, что отражается и на судьбе трудов русских востоковедов. Более чем спорно мнение, высказанное одним из выдающихся русских востоковедов (С. Ф. Ольденбургом): «Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» [85]. С бóльшим правом можно было бы сказать: «Сосед Востока, Россия, несмотря на это соседство, часто предпочитала чтение плохих западных книг о Востоке непосредственному изучению Востока»; в особенности это относится к Востоку мусульманскому. Сам С. Ф. Ольденбург признает, что «наших ориенталистов больше знают и ценят на Западе, чем у нас, во всяком случае, лучше читают». Тем не менее в настоящее время русской наукой почти во всех отраслях востоковедения созданы определенные традиции, и дальнейшие успехи русского востоковедения могут быть достигнуты только путем дальнейшего развития и углубления этих традиций; в этой работе, надо надеяться, примут участие и представители восточных народностей, которым теперь уже нет основания опасаться обрусительных стремлений. Кроме того, для успехов востоковедения, как и всякой другой отрасли научного познания, необходимо открытие доступа к нему возможно большему числу людей.

очерк развития востоковедения в Азербайджане в советский период см.: Сумбатзаде, *Востоковедение. — А. М.*>

[85] Мнение С. Ф. Ольденбурга: «Восток», кн. 2, стр. 149 и сл.

СТАТЬИ

НОВОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В ТАШКЕНТЕ [1]

11 декабря минувшего ⟨1893⟩ года в заседании Туркестанского отдела Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии был поднят вопрос об учреждении здесь «кружка любителей археологии», который имел бы целью охранение существующих древностей и производство дальнейших археологических изысканий. В настоящее время устав кружка готов и будет отправлен на утверждение в Археологическую комиссию, без согласия которой, как известно, не могут производиться никакие археологические работы в пределах империи. Мы не сомневаемся в том, что комиссия признáет полезность привлечения к подобным работам местных сил и что с ее стороны препятствий не встретится, тем более что подобные археологические общества существуют уже во многих городах. Единственное, что может быть причиной преждевременной смерти нового общества, это — равнодушие местной интеллигенции и недостаток материальных средств; одно находится в тесной связи с другим, так как средства кружка, как и всякого другого научного общества, главным образом будут состоять из членских взносов.

В последнее время даже в столичной печати нередко встречаются комплименты по адресу ташкентского общества; особенно часто повторяется на все лады мысль, что щедринские «господа ташкентцы» давно отошли в область предания, что нынешнее ташкентское общество по живости умственных интересов превосходит население почти всех городов Европейской России. Мы имели случай убедиться в том, что эти и тому подобные комплименты на лицах лучших представителей местного общества вызывают только краску стыда. Им лучше всего известно, как мало сделано до сих пор местными силами для всестороннего изучения края. Туркестанский отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии не издает никаких трудов; заседания его происходят крайне редко и отличаются довольно строгой замкнутостью; этнографические статьи, печатаемые в «Сборнике Статистического комитета», остаются совершенно неизвестными не только читающей публике, но и большей части ученых

[1] ⟨Речь идет о Туркестанском кружке любителей археологии; первое заседание инициативной группы (с участием В. В. Бартольда) состоялось 11 декабря 1893 г., первое общее собрание — 11 декабря 1895 г. — *А. К.*⟩

учреждений; туземные наречия изучаются только очень немногими, и научных лингвистических трудов нет совсем; для изучения истории края не сделано ровно ничего. В этом отношении Ташкент далеко отстал даже от таких захолустных городов, как, например, Пермь. Из всего этого видно, что количество научных сил здесь не так велико, как полагают панегиристы края.

Надо надеяться, что «кружок любителей археологии» не будет понимать свои задачи слишком узко. Строгая специализация возможна в таких центрах просвещения, где почти каждая наука разрабатывается особым обществом; провинциальные научные общества для успеха дела должны широко открывать свои двери всем желающим сделать сообщение, имеющее какое-либо, хотя бы самое отдаленное отношение к специальности общества. Археология, если не смотреть на нее как на вспомогательную науку для других отраслей знания, легко может обратиться в мертвое дело, способное заинтересовать только самое незначительное число лиц. Мы позволим себе обратить внимание на проект «Смоленского общества истории, археологии и этнографии», мысль о котором возникла всего за несколько месяцев до возбуждения вопроса о «Ташкентском кружке любителей археологии». В этом проекте, между прочим, говорится: «Общество имеет в виду, что история, археология и этнография захватывают определенные области знания, что эти три науки строго неразделимы, одна другую восполняют, и что, наконец, в провинции деятельность во всех трех сферах может привлечь больший кружок исследователей, а следовательно и содействовать возрастанию успеха этой деятельности, возрастанию интереса к ней, скрепить самое общество бóльшим участием в нем научных сил; общество сознает также, что отбросить хоть одну из названных наук значит оставить пробел в своей деятельности, который будет ждать, и может быть долго, своих исследователей, а между тем этот пробел будет чувствителен для самих же членов общества» [2].

Мы надеемся, что «кружок любителей археологии» сохранит тесную связь с тем обществом, в среде которого возникла мысль об учреждении кружка, что он всегда будет иметь в виду ту пользу, которую может принести археология антропологии и этнографии, и не забудет также истории. Только при такой широкой постановке дела кружок может несколько поднять общий умственный уровень населения — цель, которую, по-видимому, имеют в виду его учредители. Уже в заседании 11 декабря, по инициативе барона А. Б. Вревского, было решено, чтобы в число членов кружка одинаково принимались русские и туземцы; в развитие этой мысли составители устава включили в него параграф, по которому членами кружка могут быть все лица, без различия национальности, звания и пола. Заседания кружка будут публичны, и присутствовать на них могут все желающие, без всяких формальностей. Если окажется возможным,

[2] «Смоленский вестник», 1893, № 1.

то в более значительных городах края будут открыты отделения кружка; мысль об этом тоже принадлежит барону А. Б. Вревскому.

Производство чисто археологических работ, например раскопок, конечно, требует специальной подготовки; но в других отношениях кружку могут принести много пользы и лица, не имеющие специально-научного образования. До сих пор нет даже карты, на которой были бы отмечены все находящиеся в крае развалины, курганы и т. п.; составление этой карты будет одной из первых задач кружка. Особенное внимание, конечно, будет обращено на развалины городов и на те из курганов, о которых сохранились какие-нибудь предания среди местного населения. Подобных сведений кружок ожидает от тех лиц, которым во время охоты, разъездов по службе и т. п. пришлось основательно ознакомиться с какой-нибудь местностью.

ПОЛОЖЕНИЕ НАУКИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

До русского завоевания Туркестан был почти совершенно закрыт для научных исследований; эта неизвестность еще более увеличивала интерес ученого мира и вообще образованных людей к своеобразному и во всех отношениях замечательному краю. Вследствие этого, как только сделалось возможным мирное изучение края, последнее стало делать необыкновенно быстрые успехи, и целый ряд работ, преимущественно по географии, этнографии и естественным наукам, содействовал ознакомлению русского общества с Туркестаном. Но за периодом кипучей деятельности по обыкновению наступил период затишья. Благодаря трудам прежних исследователей, большею частью собранным в «Туркестанском сборнике», работы по изучению края уже утратили обаяние новизны; кроме того, на сцену выступил целый ряд практических вопросов, естественно отодвинувших вопросы чисто научные на задний план. Единственное в крае научное общество (Туркестанский отдел Имп. Общества естествознания, антропологии и этнографии) стало собираться гораздо реже, так что в течение пяти лет не было ни одного заседания; последние тома «Туркестанского сборника» в отношении полноты и аккуратности стоят несравненно ниже прежних, составленных покойным В. И. Межовым; публичная библиотека, заключавшая в себе при К. П. Кауфмане почти все сочинения, важные для изучения края в каком-нибудь отношении, выписала только самую незначительную часть трудов, вышедших после смерти этого незабвенного деятеля.

В последнее время заметны некоторые признаки возрождения интереса к научным работам. Мысль Д. М. Левшина об образовании в Ташкенте «учено-архивной комиссии, и при ней исторического общества для разработки археологического и архивного материала», нашла себе сочувственный отклик в местной печати [1]. В заседании Туркестанского отдела Общества естествознания, по мысли Н. П. Остроумова, был поднят вопрос об образовании «кружка любителей археологии»; наконец, в № 47 «Окраины» была напечатана статья г-на Л. К. Ю. «Лучше поздно, чем никогда», в которой автор, по поводу открытия Приамурского отдела Имп. Русского географического общества, напоминает предложение

[1] См.: «Окраина», № 4, статья г. В. Сотнурского <*Археология и архивные комиссии*>.

К. П. Кауфмана об основании такого же отдела в Ташкенте, сделанное уже в 1870 г. Несмотря на то что эта мысль тогда же была одобрена советом общества и что К. П. Кауфман обязался покрыть все расходы, могущие встретиться на первых порах существования отдела, план этот почему-то до сих пор не приведен в исполнение. Убедительными доводами г-н Л. К. Ю. доказывает, что в открытии отдела чувствуется настоятельная необходимость. Дальше в статье говорится о том, что отдел Географического общества здесь, на окраине, «в силу местных условий, понятных и без объяснения», не может ограничиться «географическими, этнографическими и статистическими» исследованиями, составляющими цель географического общества вообще, но по примеру Западно-Сибирского отдела должен включить в сферу своей деятельности также геологические, естественноисторические, археографические, археологические и архивные работы.

Все эти проекты, по справедливому замечанию г-на Сотнурского, показывают, что наши научные деятели сознают необходимость «сплотиться для совокупной деятельности». На наш взгляд, эта необходимость у нас в крае еще настоятельнее, чем в других местах; только постоянное общение между людьми, интересующимися одной и той же наукой, может до некоторой степени восполнить пробелы, необходимо вытекающие из тех условий, при которых приходится работать местным труженикам. За одним исключением (о нем будет речь ниже), у нас в крае совсем нет лиц, которые могли бы отдать науке все свое время; все наличные интеллигентные силы заняты службой и могут посвятить науке только свой досуг; при таких условиях всестороннее изучение хотя бы одной только отрасли какой-нибудь науки почти совершенно невозможно. Существование в крае нескольких научных обществ невозможно уже по чисто материальным причинам; известно, что даже единственное существующее теперь научное общество сильно стеснено недостатком денежных средств. Следовательно, необходимо образование такого общества, которое могло бы объединить в себе все научные силы края. Нам кажется, что осуществление этой задачи скорее всего возможно в той форме, которую предлагает г-н Л. К. Ю. География, если понимать ее так, как ее понимали Риттер и Гумбольдт, имеет более универсальный характер, чем все остальные отрасли знания, и обнимает собой не только естественные, но и так называемые гуманистические науки. Если будущий Туркестанский отдел Географического общества, согласно предложению г-на Л. К. Ю., при составлении своего устава возьмет за образец положение о Западно-Сибирском отделе, он легко может заменить собой как «кружок любителей археологии», так и архивную комиссию; как видно из статьи г-на Л. К. Ю., названный отдел, между прочим, «отыскивает и приводит в известность собранные уже и хранящиеся в местных архивах и у частных лиц сведения о Западной Сибири и соседних с нею странах». Во всяком случае, лиц, интересующихся географией и этнографией, всегда будет больше, чем лиц, интересующихся

археологией. Конечно, «кружок любителей археологии» тоже мог бы расширить сферу своей деятельности, но уже самое название кружка, особенно на первых порах, будет отвлекать от него лиц, не питающих особенного сочувствия к археологии. Если когда-нибудь интерес к науке разовьется в Ташкенте до такой степени, что окажется возможным одновременное существование нескольких научных обществ, то к образованию отдельного археологического кружка и отдельной архивной комиссии препятствий, вероятно, не встретится.

В положении о Западно-Сибирском отделе, между прочим, сказано, что работы его производятся «под ближайшим руководством генерал-губернатора». Параграф этот, без сомнения, войдет и в устав будущего Туркестанского отдела; желательно только, чтобы не был применяем так узко и буквально, как в Туркестанском отделе Общества естествознания, заседания которого, как известно, устраиваются только в доме г. Главного Начальника края и только под его личным председательством. Между тем свободного времени у представителей нашей высшей администрации очень немного, так что они только изредка могут почтить своим присутствием заседание ученого общества; если не допустить возможности заседаний вне их присутствия, то заседания по необходимости будут происходить крайне редко, как мы и видим это в Туркестанском отделе Общества естествознания, которое не собиралось с 11 декабря минувшего года. При таких условиях живая и плодотворная деятельность общества совершенно немыслима. Кроме того, желательно, чтобы заседания научного общества, если его программа действительно будет иметь указанные размеры, были доступны не только его членам и их знакомым, но носили более публичный характер и могли влиять на поднятие умственного уровня нашей интеллигенции. Эта цель может быть достигнута в том случае, если заседания будут устраиваться в каком-нибудь обширном помещении, например в зале одной из наших гимназий.

Работы, имеющие не только научное, но и административное значение, в особенности экспедиции для географических, этнографических и статистических исследований, всегда будут производиться под руководством высшей власти в крае; что касается работ, имеющих значение только для науки, то возлагать заботу о производстве таких работ и о приискании для них подходящих лиц на местную администрацию, как это нередко случается теперь, кажется нам несправедливым. У нас в России немало учреждений, которых прямая обязанность — заботиться о производстве научных изысканий; от администрации, не обремененной другими делами, можно ожидать только содействия трудам таких исследователей, в чем, насколько известно, никогда не бывает отказа. Как было указано в статье г. Сотнурского, администрация даже позаботилась о том, чтобы в крае было хоть одно лицо, имеющее возможность всецело посвятить себя научным трудам; с этой целью «одному из чиновников особых поручений при Главном Начальнике края поручено ведать археологической частью».

Нам кажется очень желательным, чтобы эта важная должность замещалась по рекомендации соответствующих ученых учреждений, т. е. Восточного отделения Имп. Археологического общества и восточного факультета С.-Петербургского университета.

Тесная связь между столичными и местными научными деятелями вообще кажется нам необходимой для тех и других. Пройдет, вероятно, много времени до тех пор, пока наша библиотека будет заключать в себе все печатные издания, важные для изучения края; но даже тогда столичные деятели относительно знакомства с письменными источниками, благодаря имеющемуся у нас под руками рукописному материалу, будут находиться в более благоприятных условиях, чем местные. С другой стороны, столичные деятели несамолично получат много полезных указаний от лиц, имеющих возможность производить изыскания на месте. Дружная, совместная работа при правильном разделении труда скорее всего положит конец грустным пререканиям между столицами и провинцией, нередко имеющим место теперь, даже по отношению к Туркестану.

Образование живого и деятельного научного общества, несомненно, способствовало бы пополнению существенных пробелов нашей библиотеки. Следить за развитием науки и заботиться о своевременном приобретении необходимых пособий не может ни канцелярия генерал-губернатора (в ведении которой теперь находится библиотека), ни библиотекарь; эта цель может быть достигнута только в том случае, если об этом будут заботиться представители различных специальностей. Можно надеяться, что со временем заведование библиотекой и музеем всецело будет поручено отделу Географического общества как наиболее компетентному учреждению.

В последнее время и среди туземного населения стал проявляться некоторый интерес к науке; появились даже отдельные деятели из туземцев. Когда возникла мысль об образовании «кружка любителей археологии», то, по инициативе барона А. Б. Вревского, было решено, чтобы в число членов кружка принимались и лица туземного происхождения. Мы надеемся, что и будущий отдел Географического общества позаботится о привлечении к делу туземных научных сил, что было бы очень полезно как для самих туземцев, так и для их русских собратьев. Последним указания туземцев, несомненно, будут очень полезны при изучении различных явлений туземной жизни; с другой стороны, туземцы, под влиянием своих европейских сочленов, могут постепенно усвоить себе главные научные приемы, выработанные европейскими. Вследствие незнакомства с этими приемами теории туземцев в настоящее время, конечно, страдают большими недостатками; между тем эти теории, за отсутствием русских исследователей, нередко принимаются без всякой критики и получают господство среди местного общества, особенно когда они касаются прошлого страны. Совместная работа русских и туземных деятелей, несомненно, даст более ценные результаты.

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА

Статья С. Ф. Ольденбурга о необходимости учредить высшую школу востоковедения в Ташкенте нашла себе сочувственный отклик в передовой статье «Туркестанских ведомостей» (№ 24). Идея С. Ф. Ольденбурга близко касается предмета моих специальных занятий; поэтому я надеюсь, что мне будет дана возможность высказать о ней свое мнение на страницах той же газеты, хотя это мнение расходится с мнением редакции. Вполне сочувствуя идее уважаемого академика, я полагаю, что в настоящее время еще нет в наличности условий, необходимых для ее осуществления, и что попытка теперь же осуществить ее в полном объеме могла бы привести только к печальным результатам. Учреждение вдали от существующих научных центров новой «ученой школы» возможно, как мне кажется, только при наличности следующих условий: 1) если важность научных задач и невозможность жертвовать ими ради достижения непосредственных практических результатов сознаются не только специалистами, но и обществом; 2) если та отрасль знания, для которой предполагается учредить школу, уже достигла такого развития, что представители этой специальности и вдали от общения с представителями других наук могут работать с прежним успехом, не подчиняясь влиянию односторонней специальности в ущерб правильному пониманию общих научных задач и методов; 3) если имеется достаточное количество серьезных научных сил.

Насколько признается в настоящее время важность научных задач русского востоковедения, известно каждому, кто следит за газетными статьями о факультете восточных языков и его недостатках. Далеко не всеми признается, что деятельность восточного, как и всякого другого, университетского факультета должна определяться исключительно научными, а не политическими или коммерческими задачами. Каждый факультет выпускает только очень незначительное число специалистов-ученых; огромное большинство получивших университетское образование вступают на разнообразные поприща практической деятельности и пользуются пройденной научной школой для того, чтобы быстрее усваивать и глубже понимать необходимые для их будущей деятельности практические сведения. При теоретическом знании восточных языков, при знакомстве с литературой, историей и географией восточных стран будущему дипломату, чиновнику или коммерсанту нетрудно в короткое время приобрести практиче-

ское знание нужного ему языка, ознакомиться с вопросами текущей политики, изучить условия коммерческой деятельности на Востоке и т. п. Жертвовать полнотой научного образования ради того, чтобы в будущем избавить молодых людей от несложной самостоятельной работы, значило бы вредить интересам не только науки, но и жизни. Все это, конечно, азбучные истины, но в применении к задачам востоковедения постоянно нарушаемые. Даже в статьях, претендующих на серьезное значение, профессорам восточного факультета ставится в упрек, что они ради изучения «литературных окаменелостей» пренебрегают современностью и «проглядели» такие явления, как бабизм и младотурецкое движение. Еще никто не обвинял профессоров всеобщей истории в том, что они «проглядели» образование франко-русского союза; между тем ориенталист — тот же лингвист, филолог или историк, только работающий над другим материалом. Если существует стремление подчинить даже программы восточного факультета узкопрактическим целям, то несомненно, что подобные требования в еще более категорической форме будут предъявлены к новой высшей школе. Владивостокский институт, на который как на образец для проектируемого ташкентского учебного заведения указывают «Новое время» (№ 9339) и отчасти «Туркестанские ведомости», пошел навстречу этим требованиям; в речи, произнесенной при открытии института его директором и потом напечатанной в «Известиях» института, «науке для науки», составляющей предмет университетского преподавания, противополагается «практическая наука», которой будет заниматься институт. Будущее покажет, насколько возможно соединить в одном учебном заведении научные задачи с узкопрактическими; появившиеся до сих пор выпуски «Известий» института, содержащие подробный отчет о первых годах его деятельности, едва ли дают повод к радужным надеждам. Для нашей цели достаточно отметить факт, что подобное учебное заведение не имеет ничего общего с той ученой школой, о которой говорится в статье С. Ф. Ольденбурга.

Непонимание задач научного востоковедения вообще и восточного факультета в частности проявляется также в статьях тех публицистов, по мнению которых факультет с таким же успехом мог бы существовать отдельно от университета, в качестве самостоятельного института, притом не в Петербурге, а где-нибудь на Востоке, хотя бы в Порт-Артуре. Ориенталист, желающий работать на Востоке, должен обладать серьезной общенаучной подготовкой, чтобы, изучая язык, литературу или историю восточного народа, не подчиняться безусловно своим источникам, а вносить в исследование их приемы европейской науки, оставаясь европейским, а не азиатским ученым. Еще в 1829 г. Сенковский, Шармуа и Френ, подавая проект учреждения в Петербурге факультета восточных языков (тогда не получивший осуществления), отметили превосходство работ западноевропейских ориенталистов, часто не выезжавших из Европы, над работами отечественных синологов, иногда десятки лет живших в Пекине. Отдавая

полную справедливость основательности познаний этих тружеников, авторы проекта в то же время указывали на то, что их ученость была «ученостью китайских мандаринов», а не представителей европейской науки, что развитие научного ориентализма возможно только в таких центрах, где прочно установился правильный взгляд на требования, которым должна удовлетворять всякая научная работа независимо от предмета исследования. Существующий теперь уже около полувека восточный факультет положил начало школе русского научного ориентализма; но эта школа еще далеко не достигла той степени развития, при которой начинающие деятели могут усваивать приемы научного исследования исключительно из трудов своих учителей и предшественников; студенты восточного факультета, желающие посвятить себя научной деятельности, обыкновенно слушают также некоторые лингвистические или исторические курсы, читаемые на историко-филологическом факультете.

Едва ли можно сделать серьезное возражение против перенесения в Ташкент высших восточных школ, куда поступают молодые люди, не нуждающиеся в сложной теоретической подготовке или уже приобревшие таковую; мы имеем в виду, между прочим, и учебное отделение восточных языков при министерстве иностранных дел с его официальными классами (мысль о перенесении последних в Ташкент давно уже была высказана на страницах «Туркестанских ведомостей»); но ученая школа востоковедения в Ташкенте едва ли осталась бы на высоте своей задачи. Если бы нашлись свободные средства и научные силы, то с точки зрения интересов науки на первую очередь, как мне кажется, следовало бы поставить осуществление не идеи С. Ф. Ольденбурга, а мысли, давно уже высказанной бароном В. Р. Розеном: учредить кафедры восточных языков при историко-филологических факультетах всех русских университетов.

Но существуют ли эти научные силы и можно ли надеяться на появление их в близком будущем? С. Ф. Ольденбург не сомневается в том, что «у нас есть люди, чтобы осуществить это дело».

Мне кажется, что нам не только в области востоковедения, но и в других областях недостает научных деятелей не только для открытия новых, но даже для поддержания на должной высоте существующих научных учреждений. Не так давно профессор русской истории С. Ф. Платонов печатно отмечал факт, что вследствие недостаточного числа научных работников «у нас каждого сколько-нибудь сносного молодого ученого положительно рвут на части». Даже в Петербурге в различных научных обществах приходится встречать все одних и тех же лиц, на которых лежит огромное количество работы. В каждом из русских университетов есть значительное число вакантных кафедр; несколько кафедр остаются незанятыми и на факультете восточных языков. Число студентов этого факультета теперь не уступает числу студентов-филологов того же университета, но склонность и способность к научной деятельности обнаруживают немногие; лучшие студенты, которым факультет предлагает остаться при

университете для приготовления к занятию кафедры, часто отдают предпочтение более выгодной в материальном отношении карьере. При таких условиях трудно разделить надежду «Туркестанских ведомостей» на возможность процветания в Ташкенте высшей школы «с несколькими равноправными и разносторонними специалистами-профессорами, с толпою жаждущей знания молодежи».

Редакция «Туркестанских ведомостей» не одобряет «академически-равнодушного» замечания С. Ф. Ольденбурга, что в случае недостатка материальных средств для открытия новой ученой школы можно временно ограничиться учреждением должности ученого корреспондента Академии наук. Мне кажется, что только это предложение может быть осуществлено в близком будущем. Нет надобности доказывать, насколько присутствие в крае лица, имеющего возможность отдать науке все свое время, может поддержать и оживить деятельность местных тружеников, посвящающих научным интересам часы своего досуга. Такое лицо, даже если это будет не ученый корреспондент академии, а начинающий деятель, хотя бы в той скромной должности, которую занимал покойный Е. Ф. Каль, несомненно, встретит поддержку на месте, если только этот деятель будет стоять на высоте своей задачи и в достаточной степени будет проникнут строгостью к себе и снисходительностью к неизбежным ошибкам дилетантов. Присутствие в крае такого деятеля лучше всего могло бы подготовить почву для проведения в жизнь «блестящей идеи» С. Ф. Ольденбурга, в настоящее время, по моему убеждению, неосуществимой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТУРКЕСТАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Постоянные заботы устроителя Туркестана К. П. фон Кауфмана о всестороннем изучении края выражались, как известно, не только в широком содействии экспедициям и исследованиям путешественников, но и в принятии мер к тому, чтобы Туркестан в меньшей степени, чем другие отдаленные от центров просвещения местности, страдал от недостатка книжных пособий. По мысли К. П. фон Кауфмана, Туркестанская публичная библиотека должна была заключать в себе по возможности всю литературу по разным отраслям знания, посвященную краю и сопредельным с ним странам. В значительной степени эта мысль получила осуществление; так, библиотека в то время заключала в себе почти все известные тогда источники и пособия для изучения истории края, между прочим и подлинные сочинения восточных географов и историков, частью в изданиях европейских и индийских ориенталистов, частью в тегеранских и бомбейских литографиях. Наконец, при библиотеке составилось довольно ценное собрание рукописей, преимущественно местного происхождения; каталог этого собрания был составлен Е. Ф. Калем.

Прерванные смертью К. П. фон Кауфмана заботы о пополнении основанного им книгохранилища возобновились только по прошествии более десяти лет. Во время моего пребывания в крае, в 1893 г., я указал (на страницах «Туркестанских ведомостей») на необходимость выписывать для библиотеки издаваемый в Германии, при сотрудничестве ориенталистов разных стран, ежегодник «Orientalische Bibliographie». В этом ежегоднике, как показывает его название, перечисляются все вышедшие в соответствующем году сочинения по востоковедению. Как я с удовольствием убедился теперь, ежегодник с 1893 г. аккуратно получается библиотекой, и лица, от которых зависит пополнение ее состава, имеют возможность своевременно узнавать о появлении новых работ, посвященных краю, и новых изданий первоисточников. Образование Туркестанского кружка любителей археологии и Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества не могло не содействовать той же цели; между прочим, в Туркестанском отделе Географического общества возникла мысль (пока не получившая осуществления) принять на себя продолжение некогда составлявшегося покойным Межовым «Туркестанского сборника». Наконец, ино-

странный отдел библиотеки недавно значительно расширился путем приобретения ценного собрания книг его императорского высочества великого князя Николая Константиновича; в состав этого собрания входят, между прочим, многочисленные труды английских исследователей истории Индии и Афганистана. Если эти труды и не могут во всех отношениях служить образцом для современных ученых, то все-таки мы можем извлечь из них много поучительного; пройдет еще много времени, прежде чем дело изучения истории подчиненного нам края и в особенности дело отыскания, хранения и обнародования исторических источников будет поставлено у нас на такую прочную научную почву, как организованы у англичан соответствующие работы по изучению прошлого Индии.

Рукописный отдел библиотеки после составления каталога Е. Ф. Каля почти не пополнялся, если не считать приобретения рукописей миньтюбинского ишана. Сколько-нибудь научно составленного списка последних мы до сих пор не имеем; к сожалению, в Ташкенте даже ориенталист не мог бы взять на себя выполнение подобной работы за отсутствием необходимых пособий. К числу таковых прежде всего принадлежат каталоги восточных рукописей, хранящихся в больших европейских библиотеках, в особенности каталоги арабских, персидских и турецких рукописей Британского музея, составленные покойным д-ром Рьё. Нельзя не пожалеть о том, что в библиотеке до сих пор нет этих пособий, безусловно необходимых для каждого, кому приходится заниматься рассмотрением какого-либо собрания восточных рукописей. Подобные собрания, по всей вероятности, будут поступать в библиотеку; по крайней мере мы должны приложить к этому все старания, если хотим сохранить для русской науки существующие в крае еще никем не исследованные книжные сокровища. В настоящее время в крае не производится систематических работ для отыскания и приобретения рукописей вследствие отсутствия компетентных лиц, имеющих возможность отдавать науке все свое время; не принимается также мер к тому, чтобы собрания, принадлежащие частным лицам, после смерти их владельцев не поступали вновь по частям на книжные базары, а приобретались каким-нибудь общественным учреждением, преследующим научные цели. С другой стороны, Британский музей при содействии постоянных агентов из туземцев успешно пополняет свои собрания, между прочим и собрание среднеазиатских рукописей. По правилам Британского музея принадлежащие ему рукописи не могут высылаться за пределы Англии, что крайне затрудняет пользование ими для русских ученых. Пока в крае нет компетентного лица, на которое можно было бы возложить исполнение соответствующей обязанности, Туркестанская публичная библиотека могла бы, как нам кажется, взять на себя заботу о сохранении для русской науки местных рукописных сокровищ и даже, может быть, посредничество между местными владельцами рукописей и петербургскими учеными учреждениями, например Азиатским музеем Императорской Академии наук. Рукописи, особенно такие, точное опре-

деление которых на месте было бы невозможно, могли бы присылаться в Петербург; те рукописи, которые оказались бы необходимыми для Азиатского музея, могли бы быть приобретены последним, остальные должны бы быть возвращены в Ташкент и поступить в Туркестанскую публичную библиотеку; последняя могла бы также пользоваться правом получать проверенную копию рукописи, поступившей в Азиатский музей, если эта рукопись по своему содержанию имеет выдающееся значение для изучения Туркестана и если нельзя ожидать в близком будущем ее обнародования для общего сведения. При всем уважении к бескорыстным трудам местных деятелей мы полагаем, что еще долго не наступят те условия, при которых можно будет без ущерба для науки оставлять в Ташкенте вновь открытые экземпляры сочинений, раньше бывших совершенно неизвестными или считавшихся утраченными. Нам кажется, что подобные драгоценности могут храниться только при учреждениях с твердо установившимися традициями и с будущим, обеспеченным, насколько это вообще возможно, от всяких неожиданных потрясений. Как всем известно, Туркестанской публичной библиотеке приходилось переживать очень тяжелые времена; должно надеяться, что повторение этих испытаний теперь было бы невозможно; тем не менее судьба библиотеки и до сих пор, особенно при отсутствии ученых специалистов, всецело находится в зависимости от степени добросовестности лица, в данное время стоящего во главе этого учреждения, и от степени внимания, которое могут уделить научным интересам, при своих многочисленных обязанностях, представители высшей администрации края. Увеличение состава книжных и особенно рукописных собраний библиотеки вызовет, вероятно, некоторое усиление забот о сохранности книг и рукописей. Мы не имеем основания сомневаться в том, что со стороны лиц, в заведовании которых библиотека находится в настоящее время, будут приняты в этом отношении необходимые меры, но позволяем себе высказать убеждение, что эти меры могут иметь успех только в том случае, если будут опираться на точно установленные, не допускающие никаких исключений правила [1].

[1] <См. теперь: *Ташкентская библиотека до и после Октября*, — «Труды Государственной публичной библиотеки УзССР», т. 1. Юбилейный. 1870—1935, Ташкент, 1935, стр. 7—12. — *А. К.*>

К ПРОЕКТУ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

Приказом бывшего Главного Начальника края за № 353 («Туркестанские ведомости», № 141) вновь поставлен на очередь вопрос, возникавший уже в 1902 г., — об учреждении в Ташкенте высшего учебного заведения с восточными языками по образцу Восточного института во Владивостоке. Вопрос в первый раз был возбужден газетами («Туркестанские ведомости» и «Новое время») по поводу статьи академика С. Ф. Ольденбурга в «Журнале Министерства народного просвещения» (март 1902 г.), хотя С. Ф. Ольденбург предлагал совершенно другое — учредить в Ташкенте «ученую школу» по типу французской школы крайнего востока в Сайгоне (переведенной потом в Ханой). Из русских учреждений к этому типу ближе всего подходит археологический институт в Константинополе. Задачи подобных «школ» не столько педагогические, сколько специально-научные. Не имея ни определенных программ преподавания, ни постоянного состава учеников, они оказывают содействие и дают указания каждому исследователю, который к ним обращается.

Как бы ни смотреть на возможность существования подобной школы в Ташкенте, нельзя не признать, что этот проект не имеет ничего общего с проектом открытия высшего учебного заведения, имеющего цели чисто практические. Напрасно поэтому в своде мнений, высказанных по вопросу о распространении знания местных языков среди служащих в крае [1], защитником проекта Восточного института наряду с «Туркестанскими ведомостями», правлением Ташкентского отделения Общества востоковедения, советом Общества востоковедения и Н. Ф. Сайфи назван и С. Ф. Ольденбург.

Главным аргументом Ташкентского отделения Общества востоковедения, повторенным теперь в статьях Н. Ф. Сайфи [2] и И. Д. Ягелло [3], является уверенность, что с открытием в Ташкенте высшего учебного заведения туда направится вся молодежь, оканчивающая курс в местных средних учебных заведениях и теперь вынужденная терпеть лишения в университетских городах Европейской России. Оставшись в крае, эти молодые

[1] Ягелло, *Об изучении местных языков*; его же, *Сводка мнений.*

[2] *Выписка из записки.*

[3] *Восточный институт в Ташкенте.*

люди, по мнению отделения Общества востоковедения, «могли бы быть весьма полезны во всех отраслях службы».

По поводу этих надежд, возлагаемых на будущий институт, мне хотелось сказать несколько слов, не касаясь других сторон статьи Н. Ф. Сайфи, в том числе и его нападок на факультет восточных языков, у которого он предлагает отнять кафедру турецко-татарской словесности. Факультет, к счастью, не нуждается в защите от подобных нападок и не имеет оснований опасаться за целость своего достояния [4].

Прежде всего следовало бы собрать сведения о том, на какие факультеты преимущественно направляется туркестанская молодежь и так ли велико у нее стремление изучать восточные языки. Едва ли можно ожидать, что молодые люди, чувствующие влечение, например, к математическим наукам, отдадут предпочтение Восточному институту ради удовольствия получить высшее образование на родине. Туркестанские отцы лучше меня знают, с какой радостью местная молодежь, окончив курс в местных учебных заведениях, собирается «в Россию» продолжать свое образование и как мало она боится ожидающих ее лишений. Можно бы также справиться, много ли воспитанников восточносибирских учебных заведений видел в своих стенах владивостокский институт [5].

Кроме того, представляется сомнительным, возможно ли вообще в одном и том же учебном заведении готовить людей для «всех отраслей службы», даже если исключить сферы деятельности, безусловно требующие специальных познаний (медицина, инженерные работы, работы по орошению и т. п.). Составители устава владивостокского института питали такие же надежды; воспитанники по уставу готовятся «к службе в административных и торгово-промышленных заведениях»; чтобы на всякий случай быть готовыми к той и другой деятельности, они слушают одновременно предметы коммерческие (счетоводство и товароведение) и юридические (политическую экономию, международное право, обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав, основы гражданского и торгового права и судопроизводства [6]). Первый директор института направлял своих воспитанников на летние каникулы, между прочим,

---

[4] Не нахожу также удобным, как товарищ и друг покойного профессора П. М. Мелиоранского, защищать его память от нападок г. Сайфи. В Туркестане в настоящее время находятся и другие ученики покойного профессора, сохранившие, вероятно, несколько иное воспоминание о своем учителе.

[5] В 1901 г. таких было принято двое (один из владивостокской, другой из иркутской гимназии), а в 1902 г. — ни одного («Известия Восточного института», т. III, протоколы <заседаний конференции Восточного института>, стр. 60; т. IV, стр. XVII.

<Уважаемый автор совершенно прав. Из числа бывших питомцев Ташкентской мужской гимназии можно насчитать не более двух лиц, поступивших в высшие учебные заведения с восточными языками. — *Прим. ред. Т. В.*>

[6] Насколько преподавание этих предметов отличается от университетского, можно видеть из того, что преподавание всех юридических наук возлагается на одно лицо.

в конторы чайных фирм в Ханькоу, чтобы они там практиковались не только в китайском языке, но и в упаковке чаев [7]. Не трудно понять несообразность обучения в одной и той же специальной высшей школе, по одной и той же программе — будущих дипломатов и будущих приказчиков чайных фирм.

Каждой специальной школе по востоковедению, желающей открыть своим воспитанникам путь к государственной службе, приходится вводить у себя преподавание некоторых юридических предметов сообразно с будущим назначением воспитанников. Из таких школ вполне определенное назначение имеет только учебное отделение восточных языков при министерстве иностранных дел, готовящее для министерства будущих деятелей на Ближнем Востоке. Можно сомневаться в целесообразности такого способа приготовления дипломатов, но нельзя отрицать, что определенность задач школы значительно облегчает установление программ и требований. Нельзя этого сказать о других высших школах по востоковедению, начиная с факультета восточных языков, который первоначально учрежден был с чисто практическими целями, и кончая офицерскими курсами, воспитанники которых после прохождения международного права на французском языке получали места участковых приставов в Закаспийской области. Факультет восточных языков придумал выход из затруднения — выход, казалось бы, единственно возможный (если смотреть на факультет как на школу будущих чиновников). А именно: студент сообразно с тем, готовит ли он себя к научной, дипломатической, административной или судебной деятельности, избирает для слушания или два предмета историко-филологического факультета (русскую словесность и русскую историю), или одну из трех групп юридических предметов. Формально этот порядок действует до сих пор, но только формально.

Вопрос о введении дополнительных предметов, в интересах будущей карьеры воспитанников факультета, был поднят факультетом уже в первые годы его существования [8]. Начало осуществлению этой мысли было положено в 1870 г., причем первоначально имелись в виду потребности управления Туркестанским краем. (Программы юридических предметов, установленные после переписки с К. П. фон Кауфманом, только впоследствии были распространены на студентов китайско-монголо-маньчжурского разряда.) В 1876 г. К. П. фон Кауфман просил присылать ему ежегодно список тех из воспитанников факультета, которые «познаниями и нравственностью могут быть рекомендованы для службы в крае», предполагая назначить их «на должности уездных судей и следователей, если они прослушали курс юридических наук, и на должности младших чиновников особых поручений, переводчиков, судебных приставов и, по ближайшем

[7] Переписка по этому вопросу своевременно была напечатана в «Известиях Восточного института».

[8] Вопрос о дополнительных предметах обсуждался факультетом уже в ноябре 1866 г. (МИФВЯ, т. I, стр. 385 и сл.).

с ними ознакомлении, на должности в канцеляриях и областных правлениях». Министерство народного просвещения пошло навстречу желаниям генерал-губернатора; на все существующие на факультете стипендии этого министерства, числом 11, было предписано назначать исключительно тех из студентов, кто изъявит желание «поступить на службу в Туркестанский край» [9]. Казалось бы, что полное согласие между министерством народного просвещения, факультетом и туркестанским начальством должно было обеспечить успех принятых мер, и все-таки последние остались мертвою буквой. Списки для генерал-губернатора, насколько мне известно, никогда не составлялись, и стипендии не получали определенного для них назначения. По всей вероятности, это происходило отчасти потому, что молодой человек при поступлении в университет обыкновенно еще не знает, какой служебной деятельности больше соответствуют его склонности и способности, отчасти же потому, что ни в Туркестане, ни в других местностях России нет точно выработанных и последовательно применяемых правил о том, что́ должен знать будущий чиновник по тому или другому ведомству. Студенты факультета почти все избирают ту из трех юридических групп (первоначально установленную для будущих дипломатов), где меньше всего предметов. И воспитанники факультета с такими дипломами действуют на самых различных поприщах — от профессорской кафедры (пишущий эти строки может засвидетельствовать это по собственному опыту) до должности податного инспектора. При существующих условиях это вполне естественно. Мне случалось встречать в Туркестане опытных инспекторов с дипломом физико-математического факультета. Очевидно, эти лица были подготовлены к исполнению своих обязанностей не в большей степени, чем воспитанники восточного факультета, готовившиеся к дипломатической карьере. Факультет еще в 1864 г. был убежден, что скоро настанет конец тому положению, при котором «математики служат в административных, а филологи в судебных учреждениях»; между тем такой порядок, в общих чертах, продолжает господствовать и в 1906 г., и изменить его можно только путем изменения всех условий русской жизни, а не путем создания в Ташкенте специального института.

Надо надеяться, что вопреки проекту, теперь рассматриваемому в комиссии, в Ташкенте не будут повторены старые ошибки и что при наступлении благоприятных условий инициаторы вернутся к проекту, по-видимому наиболее осуществимому, — учредить в Ташкенте коммерческое училище с преподаванием восточных языков. Если наряду с этим будут сохранены курсы местных языков для военных и гражданских служащих, то потребность края в знающих местные языки деятелях на различных поприщах государственной и частной службы будет удовлетворена без таких дорогостоящих и, по-видимому, заранее обреченных на неудачу опытов, как учреждение «восточного института».

[9] Документы напечатаны во втором томе МИФВЯ.

РУССКИЙ КОМИТЕТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ 1903—1909 гг. [1]

Мысль об учреждении в России особого комитета для изучения Средней и Восточной Азии возникла в 1899 г. на XII (римском) международном съезде ориенталистов в связи с тогда же выяснившейся необходимостью принять меры для скорейшего изучения памятников прошлого в этих странах. Прочитанные на съезде доклады об археологических открытиях в Турфане и Хотане наглядно показали, что в Средней Азии сохранились предметы давно исчезнувшей культуры, когда-то возникшей под влиянием Индии, Китая и Передней Азии. Изучение этой культуры было признано одной из тех исключительных по своему значению научных задач, выполнение которых необходимо облегчить и ускорить путем международных переговоров и соглашений. Тем же, XII съездом ориенталистов была учреждена международная ассоциация для изучения Индии; по тому же типу было постановлено выработать к следующему съезду проект ассоциации для изучения Средней и Восточной Азии. Центром второй ассоциации должен был быть С.-Петербург, подобно тому, как центром первой был избран Лондон.

Проект, представленный XIII (гамбургскому) съезду ориенталистов и принятый им, был, однако, выработан на несколько иных началах, чем устав India Exploration Fund. Составители проекта отказались от мысли

[1] <Русский комитет функционировал до 1918 г. Председателем комитета был избран В. В. Радлов, после его смерти (5 мая 1918 г.) до конца 1918 г. — С. Ф. Ольденбург; товарищ председателя: Ф. И. Щербатской, секретари: В. В. Бартольд и Л. Я. Штернберг. Подавляющее большинство путешествий, совершенных в районы Средней и Восточной Азии, осуществлялось на средства комитета. Русский комитет издавал «Известия» (I серия, № 1—10, СПб., 1903—1910; II серия, № 1—3, СПб., 1912—1914). В 1903—1911 гг. кроме «Известий Русского комитета» выходил «Bulletin de l'Association internationale pour l'exploration historique. . . de l'Asie Centrale et de l'Extrême Oriente, publié par la Comité russe». С 1912 г. «Известия» и «Bulletin» слились в одно издание в виде серии II. Одновременно, с 1903 по 1914 г., печатались «Протоколы заседаний Русского комитета». — *А. К.*>

о центральном денежном фонде и центральном органе для управления всеми делами ассоциации, с участием представителей всех отделений. «Международный Союз для изучения Средней и Восточной Азии» должен был состоять из ряда «местных комитетов», по одному в каждой стране, причем каждому комитету было предоставлено «организоваться совершенно самостоятельно» и расходовать находившиеся в его распоряжении средства по своему усмотрению, без всяких обязательств денежного характера по отношению к «центральному (петербургскому) комитету». Последний должен был служить только «объединяющим центром деятельности и компетентным источником сведений по всем вопросам, касающимся деятельности союза», сосредоточивать в себе все сведения о работах и планах местных комитетов и быть посредником при организации таких предприятий, к которым предполагалось бы привлечь научные силы нескольких стран. Не было оговорено в уставе, но с первых лет существования союза было проведено в жизнь право местных комитетов включать в круг своей деятельности помимо целей, вызвавших учреждение союза, также выполнение задач, определявшихся географическим положением данной страны и ее научными традициями.

Вполне самостоятельно решая вопросы о личном составе каждого комитета и его отношении к государственным учреждениям, учредители местных комитетов исходили, однако, от некоторых общих соображений, определявшихся основными задачами союза. Цель союза заключалась не в увеличении числа существовавших ученых обществ, но только в объединении представителей всех организаций, заинтересованных в успехе изучения Средней и Восточной Азии, с привлечением также отдельных специалистов для решения чисто деловых вопросов о том, какие памятники и пережитки прошлого прежде всего должны быть спасены для науки, какими средствами может быть достигнута эта цель и могут быть устранены препятствия. Такие вопросы, конечно, могли быть разрешены не в многолюдных собраниях ученых обществ, а в деловых комитетах, состоявших из небольшого числа лиц. Так как вопрос о степени осуществимости той или другой экспедиции решался не только на основании научных, но и на основании политических соображений, то в состав этих комитетов кроме представителей науки должны были войти также представители соответствующих ведомств государственного управления.

Русский комитет по уставу, высочайше утвержденному 2 февраля 1903 г., состоит из представителей пяти научных учреждений и обществ (Академии наук, факультета восточных языков С.-Петербургского университета, Императорской Археологической комиссии, Императорского Русского археологического и Императорского Русского географического обществ) и шести министерств (императорского двора, иностранных дел, военного, финансов, внутренних дел и народного просвещения). Вследствие значения комитета как центрального органа международного союза

и вследствие необходимости постоянных сношений с дипломатическими агентами как русского, так и иностранных правительств было признано необходимым, чтобы комитет состоял при министерстве иностранных дел. Комитету предоставлено право приглашать в свой состав отдельных ученых, в количестве не более семи. Первоначально в состав комитета вошли, без особых выборов, ученые, принимавшие участие в составлении проекта устава; вступление нового члена в комитет путем избрания комитетом до настоящего времени имело место только один раз. Параграф 6 устава (п. *а*) дает комитету право «открывать филиальные отделения и иметь постоянных представителей и членов-корреспондентов во всех пунктах территорий, подлежащих его изучению». До настоящего времени комитетом были избраны только члены-корреспонденты, в количестве 12; филиальных отделений учреждено не было. Из научных организаций, существующих в азиатских владениях России, постоянные сношения с комитетом имел только Туркестанский кружок любителей археологии, неоднократно получавший от комитета денежную поддержку в своих предприятиях (300 руб. в 1903 г., столько же в 1904 г., 200 руб. в 1907 г., 400 руб. в 1909 г., всего 1200 руб.). Несомненно, что эта сторона деятельности комитета должна быть значительно расширена.

В первый год своей деятельности комитет имел в своем распоряжении всего 5000 руб., отпущенных ему на основании высочайшего повеления от 28 февраля 1903 г. по докладу министра финансов. В 1904 г. комитету на основании высочайшего повеления от 16 января было отпущено из фонда на непредусмотренные сметами надобности 10 000 руб.; в таком же размере пособие комитету на основании высочайше утвержденного 22 ноября 1904 г. мнения государственного совета было включено на пять лет (1 января 1905 г.— 1 января 1910 г.) в смету министерства иностранных дел. Комитету с самого начала было ясно, что этих средств едва достаточно для производства необходимых и неотложных работ в пределах Российской империи. Главную цель учреждения союза составляло изучение памятников культуры в областях Китайского Туркестана; участие центрального комитета союза в исследовании этих областей, непосредственно прилегающих к границам России, признавалось крайне желательным; но достижение этой цели было возможно только при условии учреждения особого фонда. Тем же высочайшим повелением от 16 января 1904 г. было предусмотрено удовлетворение и этой потребности; комитет уже имел возможность снарядить экспедицию в Китайский Туркестан, давшую ценные результаты; по высочайшему повелению от 30 января 1909 г. средства, находившиеся в распоряжении комитета для этой специальной цели, были значительно увеличены и в настоящее время вполне достаточны для успешного продолжения начатых работ.

В настоящее время цель комитета заключается в сохранении и упрочении за ним средств, предоставленных в его распоряжение для производства работ в других областях Средней и Восточной Азии, преимущест-

венно в азиатских владениях России. Эти работы также потребуют значительных средств как вследствие обширности района, подлежащего исследованию, так и вследствие разнообразия задач, возлагаемых на комитет его уставом. Комитету вменяется в обязанность заботиться о сохранении для науки всего, что осталось от материальной и духовной жизни прежних веков и чему угрожает разрушение от времени или от руки человека, т. е. не только древних построек, городищ, курганов, рукописей и т. п., но также черт языка, быта и устной словесности народов, вымирающих или утрачивающих свои национальные особенности. Работы комитета, таким образом, связаны с разрешением вопросов, имеющих отношение к нескольким научным дисциплинам — истории, археологии, языкознанию и этнографии. Предшествующими работами русских ориенталистов в областях мусульманской культуры были поставлены на очередь преимущественно вопросы археологические, в областях Дальнего Востока — историко-литературные, лингвистические и этнографические — обстоятельство, которое не могло не отразиться на характере деятельности комитета.

В мусульманской части Средней Азии наибольший интерес возбуждал город Самарканд с его великолепными постройками XIV—XVII вв. и с примыкающим к нему городищем домонгольского периода, где еще при раскопках 1885 г. были обнаружены предметы домусульманского искусства, находившегося под явным влиянием греческого. Комитетом были приняты меры как для описания и фотографической регистрации быстро разрушающихся памятников средневековой архитектуры, так и для продолжения топографических работ и раскопок в окрестностях города. Была произведена топографическая съемка остатков стен, окружавших в первые века ислама город вместе с его пригородами; были разрешены основные вопросы, относящиеся к топографии старого города (местоположение соборной мечети, способ проведения в город воды и т. п.); наконец, в 1908 г. путем раскопки была открыта знаменитая обсерватория Улугбека. Землетрясение 8 октября 1907 г. еще раз напомнило о необходимости ускорить работы по составлению научного описания построек Тимура и его преемников; для этой цели комитет сверх собственных средств мог располагать суммами, назначенными министерством финансов (3000 руб.), военным министерством (1500 руб.) и музеем имени императора Александра III (1000 руб.). Расходы на производство работ в Самарканде и его окрестностях (эти работы в настоящее время еще далеко не закончены) к концу 1908 г. достигли цифры 10 431 р. 35 к.

Из других архитектурных памятников Русского Туркестана на средства комитета было произведено исследование знаменитой мечети в г. Туркестане, построенной Тимуром; для этой цели комитетом были назначены 3000 руб., из которых в настоящее время израсходованы 2600 руб. Небольшая поездка в Бухару, совершенная в конце 1906 г. (И. А. Бе-

ляевым) с иною целью (собрать сведения о бухарских собраниях рукописей) и стоившая комитету всего 100 руб., доставила русской науке превосходные снимки с исключительной по своему значению постройки Рабат-и Мелик (в пределах Бухарского ханства), единственного сохранившегося памятника XI в.; об этой постройке в европейской литературе не было сведений после 40-х годов прошлого столетия.

Работы лингвистического характера, произведенные по поручению комитета в мусульманских областях, главным образом находились в связи с задачами той отрасли востоковедения, которая издавна имела в России выдающихся представителей, именно туркологии. Ввиду тесного родства между диалектами турецких племен, как оставшихся в среднеазиатских степях, так и выселившихся в другие страны, комитет при производстве этих работ не мог ограничиться географическими пределами Средней Азии; кроме диалектов каракалпаков, туркмен и хивинских узбеков по поручению комитета был собран материал для изучения диалектов крымских ногайцев и малоазиатских турков. Тем не менее все эти предприятия обошлись комитету всего в 1150 руб. Более значительная сумма (2063 руб.) была израсходована комитетом на экспедицию К. Г. Залемана с целью пополнения собранных им материалов по иранским наречиям Средней Азии.

Из лингвистических предприятий комитета, относившихся к народностям Восточной Азии, некоторые также были вызваны задачами туркологии. Внимание комитета не могли не обратить на себя турецкие народности, оставшиеся вне влияния ислама; кроме поездки (студента С. Е. Малова) в Томскую и Енисейскую губернии для изучения языка алтайцев, обошедшейся комитету всего в 200 руб., комитет содействовал изучению языка и быта якутов. Экспедиции для этой последней цели снаряжено не было, но в качестве пособия составителю якутского словаря (Э. К. Пекарскому) и вознаграждения разным лицам за переписку и приведение в порядок материалов по языку, народной словесности и быту якутов комитетом был израсходован всего 3631 руб.

Работы по изучению языка и народной словесности монголов, производившиеся как в Астраханской губернии (среди калмыков) и Забайкальской области (среди бурят), так и в пределах Монголии, обошлись комитету в 4979 р. 70 к. На собирание и обработку материалов по изучению маньчжурских и тунгусских наречий в Илийском крае и по нижнему течению Амура комитетом до настоящего времени израсходовано 1700 руб.

Самые значительные, по израсходованным суммам, лингвистические и этнографические предприятия комитета относились к так называемым палеоазиатам — народностям загадочного происхождения, остаткам некогда многочисленных и могущественных племен, впоследствии вытесненных так называемыми алтайскими или урало-алтайскими (финскими, турецкими, монгольскими и тунгусскими) народами. По поручению ко-

митета Б. О. Пилсудский исследовал язык и быт айнов, живущих на о. Сахалине и по нижнему течению Амура, В. И. Анучин — язык и быт енисейских остяков, живущих в Туруханском крае. Те и другие работы продолжались несколько лет; всего комитетом было израсходовано в первом случае 2549 р. 82 к., во втором — 7677 р. 90 к.

Одной из естественных задач русского востоковедения является изучение тибетского буддизма — область, в которой труды русских ученых издавна занимали одно из первых мест. Комитет с первого года своего существования готовил в лице бурята Б. Б. Барадийна собирателя письменных памятников буддийской литературы и исследователя жизни современных центров буддийской учености. В 1905 г. комитет воспользовался пребыванием в Урге далай-ламы, чтобы командировать в эту местность вместе с Б. Б. Барадийном приват-доцента Ф. И. Щербатского. Причины дипломатического характера не позволили комитету в полной мере воспользоваться вниманием далай-ламы к русским ученым; Ф. И. Щербатской был лишен возможности принять приглашение далай-ламы и последовать за ним в Тибет; Б. Б. Барадийн после изучения жизни буддийских монастырей Забайкалья работал только в одном из центров буддийской учености — в монастыре Лавране (в области Амдо). Двухлетняя поездка Б. Б. Барадийна (1905—1907 гг.) обогатила науку ценным материалом, за который Совет Императорского Русского географического общества присудил ему золотую медаль. Расходы на экспедиции Ф. И. Щербатского и Б. Б. Барадийна вместе с расходами по подготовке второго исследователя и по обработке привезенных им материалов достигли к концу 1908 г. цифры 8249 р. 80 к.

Из археологических задач, относившихся к Восточной Азии, одной из самых важных признавалось исследование надписей и изображений, сохранившихся на берегах Енисея,— задача, вновь поставленная на очередь в конце XIX в. вследствие открытия (в 1889 г.) знаменитых орхонских памятников, благодаря которому был найден датским ученым проф. Томсеном (в 1893 г.) ключ к чтению надписей. Исследование енисейских писаниц, производившееся на средства комитета с 1904 г. А. В. Адриановым, привело в 1907 г. к открытию единственного в своем роде памятника — каменного столба с надписью одного из уйгурских ханов VIII в. н. э., не имевшей, в противоположность всем открытым прежде надписям, характера надгробной эпитафии. Сверх израсходованных на эти работы до конца 1908 г. 1875 р. 10 к. комитет назначил тому же исследователю еще 600 руб. на 1909 г., с тем чтобы в течение этого года исследование писаниц было закончено.

Приведенными сведениями далеко не исчерпываются результаты экспедиций, снаряженных комитетом; так, лицами, командированными для собирания лингвистического материала, попутно приобретались рукописи, делались фотографические снимки с архитектурных памятников и т. п. Расходы, произведенные комитетом, также не определяются только

стоимостью экспедиций; сверх того комитет печатал протоколы своих заседаний, издал восемь номеров «Известий» на русском языке и семь номеров «Bulletin» на французском, приобретал фотографические принадлежности и т. п.

Обширность и разнообразие задач, определяемых уставом комитета, необходимость в настоящую эпоху быстрого исчезновения остатков прошлого на всем пространстве Средней и Восточной Азии принимать меры к спасению для науки всего, что еще может быть спасено,— все это побуждает комитет ходатайствовать о сохранении и упрочении за ним, путем внесения в смету министерства иностранных дел без ограничения временем, ежегодного пособия из средств государственного казначейства в том же размере, в каком это пособие получалось комитетом с 1905 г., т. е. в размере 10 000 руб.

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНА

Туркестан, собственно *Туркистан*, означает по-персидски 'Страна тюрков'; так сейчас в Европе называются страны от Каспийского моря до границы собственно Китая, населенные преимущественно народами, говорящими на тюркских языках (о происхождении этого обозначения и о различных значениях, которые в него вкладываются, см. ниже). Для европейской науки эти страны стали доступными только в результате политических событий XIX столетия и соперничества между Англией и Россией, особенно благодаря успехам России во второй половине столетия. Еще А. фон Гумбольдт [1] создал теорию о строении Тянь-Шаня (важнейшей горной цепи Средней Азии, образующей в настоящее время южную границу России), которая, как оказалось позднее, находилась в полном противоречии с фактами. Первым европейцем нового времени, который описал часть Тянь-Шаня по собственным наблюдениям, был (в 1857 г.) недавно умерший русский географ П. Семенов (позднее Семенов-Тян-Шанский) [2].

Географическое изучение Туркестана (в самом широком смысле слова) сейчас близко к завершению; гораздо меньше сделано для изучения населения, в особенности его прошлого. И в этой области прежде всего русские ученые имеют неоспоримые заслуги; тем не менее судьба до сих пор не благоприятствовала этим исследованиям. Лучшие силы были преждевременно отозваны, хотя у них не было замены. Двум ученым, которые сделали изучение истории Средней Азии делом своей жизни, русскому Вельяминову-Зернову и немцу Ферд. Тейфелю, обстоятельства (одному болезнь в 1872 г.[3], другому смерть в 1884 г.) помешали осуществить свои намерения; задачи, которые Тейфель поставил перед наукой

---

[1] *Asie Centrale.*

[2] <О нем см.: Алдан-Семенов, *Семенов-Тян-Шанский. — А. М.*>

[3] Здесь можно упомянуть факт, который, может быть, заслуживает интереса с психологической точки зрения. Ученый, заболевший в результате перенапряжения, позднее восстановил свое здоровье и даже работоспособность, но до конца своей жизни (1904 г.) сохранял непреодолимое отвращение к предмету своих прежних исследований. Мне неизвестно, есть ли другой пример такого же рода в истории какой-либо науки.

в предисловии к первой (и последней) части своей работы [4], большей частью остались невыполненными по сегодняшний день.

До XIX в. Средняя Азия была известна в Европе главным образом как «Тартария», как родина диких «тартар»[5], которые время от времени нападали на культурные области Востока и Запада. Само собой разумеется, что эти народы не пользовались доброй славой в культурном мире, где утверждалось, что они в своих действиях подобны хищным животным, поэтому их история заслуживает так же мало внимания, как, скажем, история волков их степей. С этим представлением должен был бороться уже Дегинь, автор первого крупного труда по истории среднеазиатских кочевников [6]. Несмотря на все предрассудки, не рассеянные и по сей день, нельзя было отрицать, что монголы и другие народы Центральной Азии оказали решающее влияние как на историю Китая, так и на историю мусульманского мира и сами подверглись влиянию как китайской культуры, так и культуры Запада. Синолог здесь вынужден рассчитывать на помощь арабиста (соответственно ираниста и тюрколога) и vice versa. В качестве дополнения («Supplément») к труду арабиста д'Эрбело [7] были опубликованы сведения, собранные Висделу (Visdelou) из китайских источников; в качестве дополнения («Supplément») к историческому сочинению синолога Дегиня арабист Сенковский издал отрывок из новооткрытого источника по поздней истории мусульманской Средней Азии (1824 г.). В обоих направлениях работа еще далека от завершения. Мы не имеем полного издания и перевода ни главного китайского (*Юаньши*), ни главного мусульманского сочинения (Рашид ад-дин) [8]; русскими (Березин, Иакинф, Палладий и др.) и западноевропейскими учеными (Катрмер, Дуглас, Бретшнейдер, Блоше) были опубликованы лишь отдельные части и сокращенные изложения. Востоковеды (д'Оссон, Хаммер-Пургшталь, Эрдман и др.) и невостоковеды (Вольф, Ховорс, Каён) неоднократно предпринимали попытку воссоздать полную картину истории монгольской империи и возникших на ее обломках государств. Эти попытки большей частью не имели особого успеха. Главной работой в этой области считается благодаря своему объему труд Ховорса [9], который на самом деле представляет собой компиляцию, не имеющую самостоятельной ценности. Невостоковеды, такие, как Каён и Ховорс,

[4] Teufel, *Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chânate.*

[5] Как известно, это слово было образовано в Западной Европе в XVIII в. от слова «татары» (из-за сходства по звучанию со словом «Tartarus»); первоначально это название относилось к монголам, а во времена монгольского владычества было перенесено на тюркские племена.

[6] Deguignes, *Histoire générale des Huns.* Ср.: <Бартольд, *Речь перед защитой диссертации*; наст. изд., т. I, стр. 604. — *А. М.*>.

[7] *Bibliothèque orientale*, изд. 2.

[8] <Ср. теперь: Hambis, *Le chapitre CVII du Yuan Che*; idem, *Le chapitre CVIII du Yuan Che*; Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — *Н. Т.*>

[9] *History of the Mongols.*

изображали основателя монгольской империи и его преемников в весьма благоприятном свете; по мнению выдающихся востоковедов (д'Оссон, А. Мюллер, Хаутсма и др.), монгольское господство не принесло завоеванным странам ничего, кроме упадка; другими, такими, как Гобино и Браун, было показано, что по крайней мере в Персии в монгольский период, несмотря на неизбежные последствия, к которым приводит любое варварское владычество, далеко не во всех отношениях можно наблюдать застой или регресс. Редко [10] упоминался тот факт [11], что во всех странах, которые входили в состав монгольской империи, от Китая до Западной Азии и России, мы, начиная с монгольской эпохи, видим более прочные и лучше организованные политические образования, чем прежде; видимо, следует считать само собой разумеющимся, что здесь не обошлось без влияния неоспоримого организаторского таланта Чингизхана [12]. Пониманию таких явлений, как возникновение великих кочевых империй, существенным образом способствовали наблюдения, сделанные в русской Средней Азии, в особенности блестящие путевые отчеты и заметки В. В. Радлова [13]. Еще более важным является открытие (Ядринцевым в 1889 г.) и дешифровка (В. Томсеном в 1893 г.) древнетюркских надписей (VIII в.) из Монголии, благодаря которым мы получили сведения о деятельности одной из таких правящих династий из уст ее представителя.

История культурных областей Средней Азии и история таких кочевых империй представляют собой одно, почти неразрывное целое. С древнейших времен кочевые народы, сначала индогерманского, затем тюркского происхождения, подчиняли себе эти страны, основывали в них династии и постепенно усваивали культуру покоренных народов. Последний тюркский народ, занимавший господствующее положение в Средней Азии, узбеки, избрал резиденцией своих правителей Бухару. Отношения с этим государством поддерживала, за редкими исключениями, только Россия; Бухара была для России средоточием среднеазиатской культуры, в особенности среднеазиатской караванной торговли. Тот же взгляд мы обнаруживаем в Европе, когда там в XVIII в. стали известны рус-

[10] Например: Blochet, *Introduction.*

[11] Само собой разумеется, что здесь не место говорить подробнее о трудах автора этих строк и о его взглядах (в Германии это сделано, например, Р. Штюбе: *Tschinghiz-Chan*). Можно ограничиться указанием на вышедшие по-русски работы: *Туркестан* и *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, а также на статьи в выходящей сейчас в свет «Энциклопедии ислама».

[12] <Оценка последствий монгольского завоевания, даваемая В. В. Бартольдом, имеет черты идеализации и не принята большинством современных исследователей. Ср.: Петрушевский, *Предисловие*,— наст. изд., т. I, стр. 32—33. О современных взглядах по этому вопросу см.: Тихвинский, *Татаро-монгольские завоевания*; Петрушевский, *Поход монгольских войск в Среднюю Азию*; его же, *Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов. — А. М.*>

[13] См.: *Aus Sibirien*; *Кутадгу билик*, изд. Радлова (Einleitung).

ские сведения о Средней Азии; было изобретено название «Бухария», которое произвольно переносилось на все культурные области Средней Азии, даже на совершенно независимые от Бухары области к югу от Тянь-Шаня, которые в противоположность подлинной, или «Великой», Бухарии именовались «Малой Бухарией».

Мнения о том, как следует представлять себе эту культурную жизнь в прошлом и в настоящее время, были, разумеется, крайне смутными. Знали, что там побывал еще Александр Македонский, что название упоминаемого греками города «Мараканда» сохранилось в названии «Самарканд», что Бухара и Самарканд еще в первые столетия после возникновения ислама были цветущими городами и имели для международных сношений совсем иное значение, чем в узбекскую эпоху. Со времени открытия Авесты и древнеиндийской культуры к этому прибавилось еще представление, что в Средней Азии следует искать родину азиатских арийцев, даже вообще индогерманцев; была даже предпринята попытка [14] доказать, что вся человеческая культура началась в «Высокой Азии».

Благодаря утверждению русского господства появилась возможность непосредственно заняться разработкой этих вопросов и на месте собирать необходимый для их решения материал. Как это часто случалось в других местах (например, в Персии), меньше всего внимания было уделено самым близким задачам — исследованию судеб страны в период господства ислама и непосредственно, без раскопок, доступных памятников этой эпохи. Из письменных источников до сих пор были опубликованы лишь немногие, почти столь же мало их было использовано в исторических исследованиях. Первым после Сенковского, еще до завоевания, в печати выступил Вельяминов-Зернов; позднее монографии об отдельных частях страны опубликовали Григорьев, Лерх, Кун, Веселовский, Наливкин и др. В Западной Европе после смерти Ф. Тейфеля для изучения истории Средней Азии было сделано еще меньше. Попытку Э. Д. Росса [15] дать краткий очерк истории Туркестана с древнейших времен до русского завоевания следует рассматривать как заслуживающую уважения пионерскую работу; однако один французский рецензент [16] в полном противоречии с фактами утверждал, будто автор использовал все источники, как изданные, так и рукописные. Уже совсем недавно В. Рикмер-Рикмерс [17] утверждал, что книга Скрайна и Росса содержит «все важное» (everything important) о прошлом Туркестана.

---

[14] Bailly, *Lettres sur l'Atlantide de Platon.*

[15] Skrine — Ross, *The Heart of Asia.* (Главы исторического содержания принадлежат только второму автору). <Ср. также: Бартольд, ЗВОРАО, т. XII, стр. 0130—0138; наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 627—634. — *А. М.*>

[16] Drouin, «Revue critique d'histoire et de litterature», N. S., T. XLVIII, pp. 121—122.

[17] *The Duab.* <Ср. также: Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII, стр. 228—231; наст. изд., т. III, стр. 294—296. — *А. М.*>

По истории культуры этой страны особенно ценный материал содержат сообщения арабских географов X в. н. э.; в Западной Европе эти сообщения были собраны и обработаны — правда, неудовлетворительно — Г. Ле Стрэнджем [18].

С изучением остатков материальной культуры дело обстоит так же, как и с изучением исторической традиции; здесь достаточно отметить только самое главное. Из старых описаний путешествий особенно хорошо были известны постройки времен Тимура и его преемников в Самарканде; известно было также, что эти прекрасные памятники архитектуры находятся в состоянии безнадежного запустения. После завоевания Туркестана русский генерал Кауфман распорядился принять меры для охраны архитектурных памятников; Ригистан, центральная часть Самарканда, который использовался раньше в качестве базарной площади и по которому прежде до самых стен старинных строений тянулись ряды лавок, в будущем должен был быть расчищен. В. В. Радлов в своем путевом отчете, составленном в год покорения Туркестана (1868), с понятным удовлетворением отметил: «Итак, только теперь, когда в город вступили кафиры, эта великолепная площадь пользуется заслуженным уважением и удивлением». К сожалению, похвальное намерение не было осуществлено; Ригистан и сейчас, как до завоевания, используется в качестве базарной площади; разрушение построек и при русском владычестве неудержимо продолжалось, и его теперь уже, видимо, нельзя остановить. Для того чтобы спасти памятники хотя бы для науки, Императорская Археологическая комиссия предприняла издание альбома «Мечети Самарканда» (фотографии, чертежи, цветные зарисовки с текстом на русском и французском языках). В свет вышел только один выпуск этого дорогостоящего издания (в 1905 г.), а необходимые для него работы на месте еще далеки от завершения и не ведутся уже в течение ряда лет [19].

К северу от современного Самарканда расположено городище Афрасиаб; как свидетельствуют сообщения арабских географов и результаты ведущихся здесь с 1885 г. раскопок, там находился тот Самарканд, который арабы застали в VIII в. н. э.; вероятно, это же городище соответствует также самому древнему поселению, известному со времен похода Александра. В эпоху господства ислама город постепенно перемещался на юг, однако окончательно старый город был покинут населением только после разрушения его монголами (в 1220 г.). Самый верхний слой, содержащий остатки сожженной монголами мечети (следы пожара прослеживаются отчетливо), относится к XIII в., а самые древние из раскопанных до

---

[18] *The Lands.* <Ср. также: Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0102—0107; наст. изд., т. III, стр. 277—281. — *А. М.*>

[19] <Второй выпуск этого издания должен был быть посвящен соборной мечети Тимура (Биби-ханым), но не был издан. Об истории изучения и охраны архитектурных памятников Самарканда см.: *История Самарканда*, т. 1, гл. VIII. — *А. М.*>

сих пор развалин — к эпохе Саманидов (IX—X вв.) [20]. Отдельные предметы имеют, вероятно, еще более древний возраст, например глиняные фигуры (изображения человека и животных с явными следами влияния греческого искусства) и в особенности найденный летом 1913 г. (к сожалению, не сохранившийся) фрагмент фрески, изображающей буддийских или манихейских клириков,— единственная до сих пор находка такого рода в Русском Туркестане (копия этого изображения находится в Музее антропологии и этнографии Петербургской академии) [21]. О раскопках пока были напечатаны лишь короткие сообщения; также мало делается для того, чтобы сохранить это важное городище для науки. Южная часть Афрасиаба ныне используется местным населением как кладбище. Его северная часть, еще не занятая могилами, в той мере, в какой это возможно без орошения, используется под земледелие.

Наряду с Афрасиабом особого внимания заслуживают развалины Старого Мерва, который окончательно был заброшен только в XVIII в. Эти развалины, среди которых некогда всемирно известный мавзолей султана Санджара (ум. в 1157 г.) — он считался, хотя и ошибочно, самым высоким строением в мусульманском мире домонгольского периода,— в 1890 г. были исследованы и позднее (в 1894 г.) интерпретированы на основании письменных источников проф. Жуковским. Его работа является до сих пор единственным трудом такого рода, посвященным средневековому городу в Туркестане или Персии. И здесь — так же как в Самарканде — выяснилось, что самое древнее городище (в Мерве теперь именуемое Гяур-кала) совпадает с городом, который застали арабские завоеватели, и что в мусульманский период он постепенно пустел. Строго научные раскопки здесь до настоящего времени не производились [22]. Примечателен тот факт, что в 1904 г. экспедиция Пампелли, снаряженная институтом Карнеги, вела там раскопки, не ознакомившись ни с книгой Жуковского, ни с ее источниками.

Памятники старины, найденные в Туркестане помимо этого, относятся

---

[20] < В настоящее время установлено, что поселение на месте Афрасиаба, по-видимому, непрерывно существовало начиная с VII—VI вв. до н. э. Об археологических работах здесь см.: Шишкин, *К истории*; его же, *Кала'и Афрасиаб. — А. М.*>

[21] <В настоящее время сюжетные и орнаментальные стенные росписи известны на ряде памятников Средней Азии (в основном относящихся к раннему средневековью): в Пянджикенте, Варахше, Шахристане (городище Кахкаха II), Багалык-тепе, Халчаяне, Аджине-тепе. В 1965 г. они обнаружены также на Афрасиабе. См.: *Живопись древнего Пянджикента*; *Скульптура и живопись древнего Пянджикента*; Шишкин, *Варахша*; Негматов—Хмельницкий, *Средневековый Шахристан*; Пугаченкова, *Халчаян*; Альбаум, *Балалык-Тепе*; Литвинский—Зеймаль, *Аджина-Тепе*; Шишкин, *Афрасиаб. — А. М.*>

[22] <Систематические археологические исследования древнего Мерва ведутся с 1946 г. Об истории изучения его см.: М. Массон, *К изучению прошлого Старого Мерва*. Основные результаты работ опубликованы в «Трудах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. XI (1962), XII (1963), XIV (1969). — *А. М.*>

или к результатам пробных раскопок, или к числу случайных находок (например, при полевых работах). Даже на основе этих скудных находок и еще недостаточно изученных письменных источников можно доказать, что восточная окраина халифата имела определенное значение для культурной жизни мусульманского мира. Здесь под влиянием Китая, Индии и даже древней (доримской) греческой культуры (как известно, после Александра греческое господство сохранялось в восточноиранских странах дольше, чем в Западной Персии) создавались культурные ценности, которые позднее проникали в другие мусульманские страны. Приблизительно в середине VIII в. в Самарканде научились у китайских пленных изготовлять бумагу. Как доказал Карабачек [23], именно из Самарканда бумага начала свое победное шествие по мусульманскому миру и позднее по Европе. Мусульманская высшая школа (медресе) впервые упоминается в восточных провинциях, и, по-видимому, образцом для нее послужила буддийская вихара. Вывезенные из Средней Азии пленные выполняли ирригационные работы даже в окрестностях Мекки, что свидетельствует о высоком уровне совершенства, которого уже тогда достигло искусство орошения в Средней Азии. В какой мере здесь играли роль западные (римская техника, проникавшая через Сасанидскую империю) и восточные (Индия) культурные влияния, остается под вопросом. Почти так же неясен вопрос, в какой степени сказались на развитии искусства в остальных мусульманских странах следы влияния греческого искусства, которые сохранились в Средней Азии с бактрийской эпохи. Об этом было много споров [24], однако имеющийся материал, по-видимому, еще не достаточен для того, чтобы прийти к окончательному суждению.

В вопросах, касающихся домусульманской истории Туркестана, исследователь вынужден опираться почти исключительно на остатки материальной культуры, так как дошедшие до нас предания почти ничего не дают. Многое было добыто основанным в 1895 г. Туркестанским кружком любителей археологии. Сюда относится открытие древнетюркских надписей (1896 г.) и в особенности находки (начиная с 1899 г.) так называемых «костехранилищ» (оссуариев) — небольших погребальных урн из глины овальной или четырехугольной формы, в которых можно было хоронить только кости умершего после отделения от них мяса. Последняя крупная находка такого рода была сделана в 1908 г. у Катта-Кургана (западнее Самарканда). Сами погребальные урны, а также нанесенные на них изображения и украшения свидетельствуют о своеобразных религиозных обычаях и о своеобразном искусстве, возникшем главным образом под греческим влиянием. За пределами Русского Туркестана подобные урны до сих пор обнаружены не были [25].

[23] *Das arabische Papier.*

[24] В полемике участвовали, например, М. Хартман, Ф. Зарре и др. на страницах «Orientalistische Literaturzeitung» (1906).

[25] Ср. рисунки в ПТКЛА, особенно 8, 11 и 13-й годы издания.

Предметы древности, найденные в Русском Туркестане, в целом не выходят за рамки эпохи существования греко-бактрийского царства. К значительно более раннему времени относятся остатки культуры, найденные в 1904 г. экспедицией Пампелли при раскопках курганов близ селения Анау (в Закаспийской области) [26]. Была предпринята попытка связать их с культурой «шумерской» Месопотамии. Вопреки своему первоначальному намерению американская экспедиция не продолжила свои работы после 1904 г. По этой причине многое осталось неясным. Эти находки до сих пор не послужили разрешению вновь поднятых вопросов об отношении между шумерской и китайской культурами [27] (пытаются даже доказать родство между языками обоих народов). Если бы такое родство (что, впрочем, представляется более чем сомнительным) когда-нибудь действительно было бы доказано, то происхождение обеих культур, конечно, следовало бы искать в Средней Азии. От взгляда на Среднюю Азию как на родину индогерманцев в последние десятилетия отказались, и только благодаря археологическим открытиям в Китайском Туркестане (о них см. ниже) он снова в какой-то мере вызывает интерес.

Подробность, с которой арабские географы эпохи Саманидов описывают сегодняшний Русский Туркестан, является в истории этой страны единственной в своем роде. Сведения не только о более ранних, но и о более поздних периодах несравненно более скудны. Эта неравноценность источников, разумеется, сказывается на исторических исследованиях; поэтому остается еще во многом неясным, как в истории этой страны эпоха Саманидов соотносится с более поздними периодами. Со времени падения Саманидов (конец X в.) страна постоянно находилась под властью чужеземных, в основном варварских народов. Само собой разумеется, что это отрицательно сказывалось на культуре, однако этому факту придавали слишком большое значение; даже и в худшие для Туркестана времена, когда страна была под властью узбеков, экономическое положение вовсе не было всегда таким безнадежным, каким его часто считают. Даже в таком разбойничьем государстве, как Хива, сельское хозяйство процветало; русский посол Муравьев (1819 г.) уверяет, что он нигде, не исключая даже Германии, не видел такого тщательного использования возделываемой земли. В Фергане в первой половине XIX в. возникли большие города, были проведены великолепные оросительные работы. Этими фактами, между прочим, опровергается утверждение [28], что на всем протяжении истории Туркестана там будто бы прослеживается быстро прогрессирующий процесс усыхания и что этими климатическими причинами

[26] Pumpelly, *Explorations.*

[27] Еще совсем недавно в работе: Ball, *Chinese and Sumerian.*

[28] Ср. в особенности: Schwarz, *Turkestan*, а также взгляды, положенные в основу работ экспедиции Пампелли.

были обусловлены все политические изменения (завоевания, миграции и т. д.). Как в отношении Персии [29], так и в отношении Туркестана можно доказать, что для этого процесса, если он вообще имеет место (многие географы теперь это оспаривают), «даже тысячелетие представляет собой короткий отрезок времени» и что этот вопрос, таким образом, имеет значение только для геолога, а не для историка. Как и в Месопотамии, прошлое здесь также может оказаться поучительным для будущего. Если количество воды в настоящее время приблизительно такое же, как в прошлые столетия, то средствами современной европейской техники, конечно, можно добиться гораздо большего, чем тогда. Таким образом, изучение истории культурной жизни Русского Туркестана, в особенности истории сельского хозяйства, имеет значение не только для научного познания, но и для экономических интересов России. В последние годы это стало ясно также и русскому правительству. Князь Масальский, начальник Отдела земельных улучшений при Главном управлении земледелия, является одним из лучших знатоков Туркестана, и он опубликовал (в 1913 г.) описание страны с учетом исторических сведений, которое представляет собой, по-видимому, лучшую книгу о Туркестане на европейском языке. По желанию того же Отдела земельных улучшений автор этих строк подготовил находящуюся в печати специальную записку, в которой собраны сведения исторических источников об оросительных системах в Туркестане [30].

В противоположность русскому Туркестанскому генерал-губернаторству области с тюркским населением, находящиеся под китайским управлением, именуются «Восточным» или «Китайским» Туркестаном. Утверждают [31], что название «Туркестан» относится собственно к этим землям и что лишь русскими оно произвольно было перенесено на завоеванную ими страну. Действительно, во времена арабских географов, когда культурная область Мавераннахр (собственно, ʿто, что по ту сторону реки', т. е. Окса) еще не была тюркизирована, «страна тюрок» начиналась только за Мавераннахром. Однако иначе дело обстояло в XIX в.; как в Персии, так и в Афганистане страна, находившаяся под властью тюркских узбеков, называлась «Туркистан»; первыми среди европейцев с этим словоупотреблением познакомились англичане; не русским, а англичанам научная география обязана тем, что название «Великая Бухария» (этот термин употреблялся еще Сенковским) было заменено «Туркестаном». Здесь достаточно напомнить названия старых английских путевых отчетов [32].

---

[29] Tomaschek, *Zur historischen Topographie.*

[30] <Имеется в виду работа Бартольда *Орошение*>.

[31] Hartmann, *Chinesisch-Turkestan* и другие его работы.

[32] Например: R. Burslem, *A peep into Toorkistan*; J. Walker, *Turkestan, with the adjoining portions of the British and Russian Territories* [s. l.], [1868] (лучшая карта этих местностей до русского завоевания).

В китайской империи, в противоположность империям русских и афганцев, отсутствует административный район, который бы назывался «Туркестан»; поэтому нельзя надежно определить географические границы «Китайского Туркестана». По этнографическим соображениям под этим названием можно объединить все страны от Хотана на юге до Чугучака на севере, от Кашгара на западе до Хами на востоке. В общем климат здесь еще более сухой, имеющееся в наличии количество воды еще более ограничено, население еще более редкое, чем в Русском Туркестане. И здесь в исторический период не удается наблюдать никакого процесса усыхания. Как уверяют знатоки этой страны, плодородные участки и в настоящее время не испытывают недостатка в воде. Здесь тоже, как в Русском Туркестане, регресс в культуре был вызван не климатическими, а политическими причинами, больше всего, быть может, развитием морской торговли и упадком караванной торговли в XV в. Возможность того, что эта страна в обозримом будущем вернет себе свое прежнее значение, по-видимому, исключена, хотя существует и противоположное мнение [33]. Сухопутная торговля между Европой и Восточной Азией вынуждена обходиться, разумеется, только сибирской дорогой, с которой уже в ближайшие годы будет связан также и Русский Туркестан. Такое предприятие, как строительство второй железнодорожной линии через такую обездоленную страну, как Китайский Туркестан, едва ли нашло бы сочувствие в финансовых кругах [34].

Таким образом, Китайский Туркестан представляет собой не страну будущего, а всего лишь страну прошлого. Однако в таком качестве он, быть может, в еще большей степени заслуживает внимания ученых-историков. С II в. до н. э. до XV в. н. э. здесь соприкасались самые различные культурные влияния. К этому еще следует добавить тот факт, установленный лишь в последнее десятилетие прошлого столетия, что сухой климат Китайского Туркестана оказался необыкновенно благоприятным для сохранения памятников глубокой древности. Вслед за санскритской рукописью на бересте, открытой лейтенантом Бауэром (Bower) в 1890 г., последовало большое число подобных находок. Начиная с 1898 г. (экспедиция Клеменца, снаряженная русской Академией наук) археологические экспедиции из разных стран подробно описали городища, уже упоминавшиеся прежними путешественниками, и добыли новый материал, благодаря которому перед наукой неожиданно открылись новые перспективы. Не говоря уже о документах и литературных отрывках на известных прежде языках (санскрит, китайский, тюркский, среднеперсидский, си-

---

[33] Hartmann, *Chinesisch-Turkestan.*

[34] <В новой ситуации, сложившейся после победы революции в Китае, роль Восточного Туркестана в экономике страны значительно возросла. Уже в 30-х годах здесь началось строительство железной дороги с целью связать между собой основные центры и соединить ее с железнодорожной сетью СССР. — *А. М.*>

рийский и др.), были открыты три новых письменных языка, которым пока[35] дали названия: согдийский, северноарийский и тохарский. Первый из этих языков — иранский; второй принадлежит к той же самой «арийской» ветви индогерманской семьи языков, что и индийский и иранский, хотя сам не является ни чисто иранским, ни чисто индийским; третий, наконец, как полагают, представляет собой только индогерманский, не арийский язык, более близкий к европейским ветвям индогерманской семьи, чем к языкам азиатских индогерманцев [36]. Последний факт, если бы он окончательно подтвердился, оказался бы чрезвычайно важным. Больше нельзя бы было отстаивать господствующие в настоящее время в науке точки зрения на происхождение и миграции отдельных индогерманских народов; уже была сделана попытка вернуться на основании этих языковых открытий к старой теории, согласно которой Средняя Азия была родиной индогерманцев [37].

Среди найденных в Восточном Туркестане литературных фрагментов есть тексты буддийского, манихейского и христианского содержания. Оказывается, что в империи Сасанидов персы, принявшие христианство, совершали богослужение на своем родном языке, что имелся перевод Нового завета на новооткрытый иранский литературный язык (согдийский). Мы теперь можем изучать манихейское учение, известное нам до сих пор только из христианских и мусульманских сочинений в основном полемического содержания, на основании сочинений его приверженцев. Значение этих открытий [38] выходит далеко за рамки интересов отдельных отраслей востоковедения, даже за пределы интересов востоковедения вообще. Восточный Туркестан благодаря своему климату тоже обещает стать, подобно Египту, сокровищницей остатков материальной культуры самых разных культурных народов.

Лучшим изложением истории этой страны до сего дня продолжает оставаться работа В. В. Григорьева [39]. Эта книга ввиду прогресса в науке, и

---

[35] Против этих названий были высказаны в известной степени не лишенные основания возражения; но этот вопрос не может быть здесь рассмотрен.

[36] <В настоящее время для второго из этих языков принято название хотаносакский; третий язык, как выяснилось впоследствии, не связан с известными по историческим источникам тохарами — завоевателями греко-бактрийского царства, но за ним традиционно сохраняется приведенное здесь название. — *А. М.*>

[37] Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen.* <Эта гипотеза в настоящее время уже не имеет сторонников. — *А. М.*>

[38] Назовем только самые важные работы: Grünwedel, *Bericht*; idem, *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan*; F. Müller, *Neutestamentliche Bruchstücke*; Radloff, *Chuastuanit*; Le Coq, *Chuastuanift*; Sieg — Siegling, *Tocharisch.*

[39] *Восточный Туркестан* (по-русски, в качестве приложения к переводу соответствующей части «Географии» К. Риттера). <Оценка работы В. В. Григорьева остается в известной мере правильной, поскольку заменяющего ее более полного и основанного на обширных новых материалах исследования не имеется. Нет также сводных работ, обобщающих итоги открытий в Восточном Туркестане. — *А. М.*>

в особенности открытий последних десятилетий, давно уже устарела, однако до сих пор не была сделана попытка дать общую картину результатов этих открытий; такая работа была бы еще, вероятно, и преждевременной. Здесь не может быть предметом обсуждения, как следует подготавливать эту работу; достаточно только указать на взаимосвязь этих исследований с изучением Русского Туркестана. В обеих частях Туркестана жили народы одного и того же происхождения и действовали одни и те же культурные факторы. Если в Восточном Туркестане имеется большее количество археологических остатков материальной культуры и они там достижимы легче, иногда даже без помощи лопаты, то в Русском Туркестане более благоприятны условия для диалектальных исследований. Уже установлено, что изучение живых диалектов в Русском Туркестане способствует пониманию письменных памятников из Восточного Туркестана [40].

[40] Ср. в особенности: R. Gauthiot, *Compte-rendu de sa mission au Turkestan russe.*

ЗАДАЧИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

Как ни далеко в настоящее время человечество от мирной культурной работы, перед каждой страной остаются прежние культурные задачи, которые могут быть временно отложены, но не могут быть забыты, даже на короткое время, без ущерба не только для достоинства страны, но и для ее непосредственных государственных интересов. Для России к числу таких задач принадлежит изучение разноплеменных народностей, входящих в состав населения империи, и сохранившихся в ее пределах памятников культуры исчезнувших народов. Достоинство России и положение русского народа среди других подданных государства властно требуют, чтобы в деле выполнения этих научных задач первое место принадлежало русским научным силам.

Владения России еще в 40-х годах XVII в. достигли Великого океана, но до начала XIX в. среди подданных России не было восточных народностей с культурным прошлым. Присоединением Закавказья в первой и Туркестана во второй половине XIX в. Россия впервые приобрела земли, где мусульманская культура достигла высокой степени развития задолго до принятия русским народом христианства. Изучение таких стран, их настоящего и прошлого, требовало участия гораздо большего числа специалистов по различным отраслям знания, чем изучение некультурных и малокультурных народностей Восточной России, Сибири и среднеазиатских степей; по мере ознакомления с бытом Закавказья и Туркестана, с вещественными памятниками прежней культурной жизни обеих стран, с трудами их писателей и ученых перед наукой выступают все новые задачи.

Как о Закавказье, так и о Туркестане первые дошедшие до нас письменные известия относятся к значительно более поздней эпохе, чем начало местной культуры, и вопрос о происхождении этой культуры может быть решен только с помощью доисторической археологии и лингвистической палеонтологии. Применение этих методов к изучению прошлого Закавказья уже дало, как известно, ценные результаты; в Туркестане до сих пор не обнаружено почти никаких остатков доисторического прошлого, если не считать двух курганов близ селения Анау в Закаспийской области, раскопанных в 1904 г. американской экспедицией. Мы знаем только, что культурные области бассейнов Аму-Дарьи, Зеравшана и Сыр-Дарьи в VI в.

до н. э. входили в состав первой мировой империи, которую знает история, именно империи персидских царей. В IV в. до н. э. те же области благодаря походам Александра Македонского подверглись влиянию европейской античной культуры; двумя веками позже в крае появились первые представители культуры Дальнего Востока, причем из их рассказов видно, что страна еще раньше вступила в культурное общение с Индией, В то же время начинаются нашествия среднеазиатских кочевников, сначала арийских, потом турецких; в VI в. н. э. впервые является в историю народ, называвший себя турками; к туркам переходит политическое господство в стране, и области за Аму-Дарьей получают от персов название «Туркестан», т. е. «страна турок». В VII и VIII вв. край, впервые после походов Александра Македонского и его преемников, подвергается завоевательному нашествию с запада; завоеватели, арабы, приносят с собой новую религию, ислам, который быстро становится религией большинства населения и постепенно вытесняет как национальную религию Ирана зороастризм, так и иноземные религии, проникшие в край до него, — буддизм, христианство и манихейство. Турки снова оттесняются в степи; культурные области за Аму-Дарьей, или, как их называли арабы, «Мавераннахр» («Заречье»), становятся неразрывной частью переднеазиатского культурного мира и получают большое значение для общей культурной жизни мусульманских стран. Достаточно сказать, что в X в. Бухара была столицей династии Саманидов, с господством которой связано возрождение персидской литературы. К этому же времени относятся самые подробные сведения о местной культурной жизни, какие вообще дошли до нас; эти сведения наглядно показывают, что первые столетия мусульманской эры были для края временем быстрого прогресса, быстрого развития промышленности и городской жизни.

В конце X в. край снова был завоеван турками; с тех пор одни завоеватели сменяли других, но господство уже не переходило больше к коренному иранскому населению. В отличие от домусульманского турецкого господства завоеватели не остаются в своих степях, но поселяются внутри страны и постепенно переходят к оседлости; появляется турецкая географическая номенклатура; культурные связи с Персией ослабевают. Влияние персидской культуры вновь усиливается при Тамерлане и его первых преемниках, когда культурные области за Аму-Дарьей вновь объединяются с Персией под властью одних и тех же правителей; памятником этой эпохи являются великолепные постройки, воздвигнутые в столице Тамерлана, Самарканде, и некоторых других городах. Но прекратившееся уже при последних потомках Тамерлана политическое объединение с Персией окончательно исчезает при новых завоевателях, узбеках; страна, откуда турецкие узбеки и туркмены совершают набеги на Иран, вновь становится для иранского населения Персии и Афганистана «страною турок», Туркестаном; в Персии и Афганистане этот термин усваивается английскими путешественниками и вводится ими в научную географическую тер-

минологию взамен употреблявшегося прежде русскими и западными европейцами названия «Великая Бухария», по имени столицы главных узбекских династий («Малой Бухарией» называли области, известные теперь под именем «Китайского» или «Восточного» Туркестана).

По своему географическому положению Туркестан еще в меньшей степени, чем другие мусульманские страны, мог подвергаться влиянию Западной Европы, к которой в XVII в. окончательно перешло первое место в мировой культурной работе. Число европейцев, проникавших в край до русского завоевания, крайне незначительно, и некоторым из них пришлось за свою смелость поплатиться жизнью. Как всякая неизведанная страна, край манил к себе исследователей; труды Гумбольдта и Риттера, создателей современной географической науки, выяснили настоятельную необходимость пополнения именно этого пробела в наших географических познаниях; даже строение главного хребта Средней Азии, Тянь-Шаня, могло быть определено только предположительно, так как в распоряжении ученых не было ни одного описания европейского исследователя. Русский ученик Гумбольдта и Риттера, П. П. Семенов, ныне покойный, тогда же дал себе слово воспользоваться первым случаем, чтобы достигнуть Тянь-Шаня, и в 1857 г. мог выполнить свое обещание.

Энтузиазм географов не мог не передаться ориенталистам, для которых с занятием Туркестана русскими также открывалось обширное поприще. Сношения русского правительства с туркестанскими ханствами и прежде давали русским ученым возможность получать о Туркестане и его прошлом такие сведения, каких не было в Западной Европе; уже в 1824 г., когда Туркестан еще был «Великой Бухарией», в Петрограде был издан и обработан один из источников для истории Бухарского ханства, по рукописи, полученной русским послом от бухарского эмира [1]. В начале 40-х годов такой же случай позволил молодому ориенталисту-автодидакту Н. В. Ханыкову провести несколько месяцев в Бухарском ханстве и после возвращения в столицу издать ценное описание этого государства, причем им были использованы также известия о прошлом страны, извлеченные из вновь открытых письменных источников. Занятие края русскими давало возможность производить исследования при несравненно более выгодных условиях, и еще до окончания военных действий начались командировки и поездки в край ученых-ориенталистов. В 1867 г., через два года после завоевания Ташкента, Императорской Археологической комиссией был командирован в Туркестан со специальной археологической целью ориенталист П. И. Лерх; в 1868 г., во время войны с Бухарой, при армии генерала Кауфмана находился будущий академик В. В. Радлов; результатом его участия в этом походе было подробное описание долины Зеравшана и ее главного города Самарканда с его строительными памятниками. В том

[1] <Подробнее см.: Бартольд, *История изучения Востока*, гл. XVIII, и прим. 2 к этой же главе; выше, стр. 439. — *Н. Т.*>

же, 1868 г. маститый ориенталист Казем-Бек внес в факультет восточных языков подробный план изучения Туркестана; он предлагал, во-первых, извлечь из трудов арабских географов известия о культурных областях за Аму-Дарьей, во-вторых, в течение нескольких лет командировать в Туркестан, на летнее вакационное время, трех или четырех молодых ориенталистов под руководством опытного профессора для изучения памятников древности и для собирания рукописного, лингвистического, этнографического, нумизматического и эпиграфического материала.

К сожалению, научный энтузиазм конца 60-х годов не имел тех последствий, которых можно было ожидать. Русское востоковедение, по-видимому, не располагало достаточным количеством сил для осуществления этих планов, и научные задачи, намеченные почти полвека тому назад, до сих пор остаются неисполненными. Деятельность устроителя Туркестанского края К. П. фон Кауфмана (1867—1882), составившая эпоху в деле географического изучения края, для успехов русского востоковедения прошла почти бесследно, если не считать увеличения числа восточных рукописей в столичных библиотеках. Не были исследованы также памятники прежней культуры края. Было известно, что центром политической и культурной жизни оставался до XVI в. город Самарканд; вследствие этого не могло не обратить на себя внимание расположенное к северу от современного Самарканда городище, известное теперь у туземцев под названием «Афрасиаб», по имени мифического героя иранского эпоса. Не могло быть сомнения в том, что исследование этого городища дало бы ценный материал для изучения древней культуры Туркестана, но ввиду отсутствия научно подготовленных исследователей генерал Кауфман мог только принять меры к ограждению Афрасиаба и других остатков прежних поселений от хищнических раскопок. Преемник Кауфмана М. Г. Черняев и в этом случае, как во всех других, принял решение, противоположное решению его предшественника: в 1883 г. тому же писателю В. В. Крестовскому (занимавшему при Черняеве должность чиновника особых поручений), по докладу которого была обречена на гибель Туркестанская публичная библиотека, было поручено раскопать Афрасиаб.

Раскопки действительно были начаты; в местной печати тотчас появились сведения о ценных находках; эти сведения обратили на себя внимание Императорской Археологической комиссии, принявшей меры к приостановлению работы неподготовленных лиц, для чего было необходимо ускорить изучение тех же памятников древности специалистами. Комиссия возложила эту задачу на проф. Н. И. Веселовского, которым и были произведены археологические работы в 1885 г. Не располагая в то время подробными сведениями ни об Афрасиабе, ни о других памятниках древности, комиссия только в самых общих чертах могла определить задачи исследователя. На Афрасиабе предполагалось снять весь культурный слой до материковой земли, что, конечно, было невыполнимо; другие изыскания имели целью «вообще исследовать Туркестанский край в археологическом

отношении». Вполне естественно, что проф. Веселовский как на Афрасиабе, так и в других местах ограничился пробными раскопками. Работы проф. Веселовского показали, какие научные сокровища заключает в себе культурный слой старых городов и селений, обнаружили следы влияния на местную жизнь греческого искусства, развившейся под влиянием грекоримского запада стеклянной промышленности и т. п.; но воспользоваться добытыми данными для систематического продолжения работ не оказалось возможным. В последующие годы археологические открытия в Туркестане по-прежнему были только результатом случайных находок, из которых, конечно, не все становились известны ученому миру. Наибольшее внимание обратили на себя глиняные гробики овальной или четырехугольной формы, найденные в довольно значительном количестве на пространстве от Аулие-Ата до Асхабада. Гробики по своим размерам могли служить только оссуариями — хранилищами для костей расчлененного трупа после очищения их от мяса. Такой обычай погребения, несомненно, был связан с предписаниями национальной религии Ирана — зороастризма, но оссуарии обоих указанных типов до сих пор нигде, кроме Русского Туркестана, найдены не были. По художественной отделке оссуарии, найденные в долине Зеравшана, центре местной культуры, значительно превосходили все прочие; детальное изучение и объяснение фигур, находящихся на оссуариях, и их атрибутов как памятника религии и искусства местного населения есть одна из задач будущего. Находки, приведенные в известность до настоящего времени, еще не дают достаточно материала для такого исследования; кроме того, ни одному исследователю до сих пор не удалось видеть кладбище с оссуариями, найденными in situ и не потревоженными до прибытия компетентных лиц.

Из других случайных находок особенно важны для изучения домусульманской культуры края находки 1913 г.: найденная на Афрасиабе, близ Самарканда, фреска буддийского или манихейского типа, к сожалению несохранившаяся (копия ее находится в Музее антропологии и этнографии при Академии), и найденная в Хивинском ханстве, близ развалин Старого Ургенча, половинка изразца с человеческими фигурами того же типа. Эти находки в Русском Туркестане, пока единственные, относятся к тому же культурному миру, который стал известен науке за последние двадцать пять лет благодаря многочисленным находкам в пределах Китайского Туркестана. Со II в. до н. э. до XV в. н. э. караванный путь, проходивший через эту страну, был одним из главных путей мировой торговли; за купцами следовали миссионеры различных религий — буддисты из Индии и Китая, христиане и манихеи из Западной Азии; благодаря своему сухому климату страна могла сохранить следы влияния всех этих культурных элементов, как памятники искусства, так и произведения письменности, особенно религиозные тексты. Найдены были переводы отрывков из Нового завета на один из местных языков, до тех пор бывший нам совершенно неизвестным; на другом наречии того же языка найдены

памятники манихейской литературы. В Западной Азии и Европе все памятники этой литературы были уничтожены христианами и мусульманами, и самое учение было известно нам только по христианским и мусульманским сочинениям, преимущественно полемическим; благодаря открытиям в Китайском Туркестане ученые впервые получили возможность изучать религию манихеев по сочинениям ее последователей. Для изучения памятников вновь открытой культуры был предпринят ряд научных экспедиций, из которых первая была снаряжена еще в 1898 г. русской Академией наук; по инициативе академика В. В. Радлова образовалась международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, в которой место центрального комитета занял русский. Международная работа шла не так дружно, как можно было желать; главным источником разлада и здесь, как и в других случаях, был Берлин; все же экспедиция следовала за экспедицией, и даже в настоящую минуту в глубине Средней Азии работает экспедиция, снаряженная русским комитетом ассоциации, под руководством академика С. Ф. Ольденбурга.

Связь этой культурной жизни с жизнью Русского Туркестана еще не вполне установлена, но едва ли может подлежать сомнению. Арабские завоеватели в восточной части нынешнего Бухарского ханства застали господство буддизма, в Самарканде и других местностях — господство зороастризма, христианства и манихейства; в Самарканде и его окрестностях все три религии имели многочисленных последователей еще в X в. У местных буддистов была своя письменность; при описании области Вашгирд, главный город которой находился на месте нынешнего Файзабада, между Вахшем и Кафирниганом, арабский автор XII в. говорит о «письменах, существовавших здесь в начале ислама, известных, записанных в книгах». Из других местных языков имели письменность языки Согда, т. е. долины Зеравшана, и Хорезма, т. е. нынешнего Хивинского ханства; на хорезмийском языке, непонятном для прочих иранцев, писались документы еще в XI в. Говорится также о согдийских колониях в глубине нынешнего Китайского Туркестана. По мнению западноевропейских иранистов, немногие согдийские слова, сообщаемые мусульманскими авторами, обнаруживают такое сходство с языком найденных в Китайском Туркестане христианских и манихейских фрагментов, что этот язык можно назвать «согдийским». Подтвердить или опровергнуть это мнение могли бы только рукописи домусульманского происхождения, найденные в Русском Туркестане, чего до сих пор не было; из неизвестных прежде литературных произведений дотурецкого периода найдено только одно — приобретенная в 1890 г. А. Г. Туманским в Бухаре рукопись географического труда X в. на персидском языке, составленного, впрочем, в пределах нынешнего Афганистана.

Систематические археологические работы, вероятно, дадут еще некоторый материал для изучения домусульманской культуры края; но эти работы неразрывно связаны с изучением исторической и географической литературы мусульманского периода. Развалин городов и селений, кото-

рые бы относились всецело ко времени до арабского завоевания, в Туркестанском крае нет; даже городище Афрасиаб, как доказано раскопками, было окончательно покинуто населением только после монгольского нашествия 1220 г. Кроме того, те же раскопки показали, что культурный слой, относящийся к первым векам ислама, отнюдь не может быть оставлен без внимания, и вполне подтвердили сказанное нами выше о быстром прогрессе страны при первых мусульманских династиях. Это особенно важно помнить в настоящее время, когда под влиянием открытий в Китайском Туркестане ученые, специально занимающиеся древними культурами Азии, более чем когда-либо склонны преувеличивать разрушительную деятельность мусульманских завоевателей и отрицать за ними всякое культурное творчество.

Состояние наших знаний уже теперь давало бы возможность приступить к производству систематических изысканий на месте старых городов Туркестана в более широких размерах, чем это до сих пор делалось.

Об одном из бывших городов, Мерве, из письменных источников извлечены настолько подробные сведения, что почти все вопросы, касающиеся топографии города в домонгольский период, могут считаться разрешенными и план раскопок мог бы быть составлен на основании вполне определенных данных.

Довольно хорошо изучены также сведения о топографии Самарканда и Бухары; в Самарканде этими сведениями можно было бы воспользоваться для продолжения систематических раскопок на Афрасиабе, тем более что мы имеем здесь редкий случай, когда городище, занимающее первое место среди древних поселений края, может быть исследовано без всякого ущерба для экономических интересов современного населения. Со времени монгольского нашествия городище лишено орошения и, кроме южной части, обращенной в кладбище, не имеет для жителей Самарканда и его окрестностей никакого значения. В Бухаре, где город всегда находился на том же месте, как теперь, и всегда отличался такой же теснотой, раскопки едва ли возможны; здесь внимание исследователя должно быть обращено на изучение топографии современного города, вероятно мало отличающегося по своему устройству от города первых веков ислама. Несмотря на частые военные погромы, в Средней Азии в городах происходило мало перемен, если они не меняли своего местоположения. Вполне доказано, что в Самарканде в XV в. даже второстепенные улицы имели то же направление, как в эпоху русского завоевания. Бухара и тысячу лет тому назад, как теперь, была окружена глинобитной стеной с 11 воротами; очень вероятно, что и расположение улиц тогда было такое же. Производство этих изысканий еще облегчается тем, что по счастливой случайности до нас дошло такое подробное описание средневековой Бухары, какого мы не имеем ни для одного из других средневековых городов. Кроме развалин городов заслуживают внимания также так называемые «жилые курганы» — укрепленные жилища прежних землевладельцев — «дихка-

нов», господствовавших здесь до ислама и в последний раз упоминаемых в качестве рыцарского сословия в XI в. Изучение этих курганов было бы важно для бытовой истории, хотя ценных археологических находок в этих оставленных своими владельцами жилищах можно ожидать так же мало, как в развалинах европейских средневековых замков.

Для производства археологических исследований было бы, однако, необходимо предварительно принять меры к обеспечению сохранности всего, что будет добыто при раскопках и что было бы невозможно или нежелательно увезти. В Туркестане нет, как на Кавказе, местного общества, которое бы дорожило памятниками древности родного края, и только от представителей русской власти наука могла бы получить необходимые ей гарантии. Опыт прошлого, к сожалению, внушает некоторые сомнения; до сих пор не разрешена даже важнейшая задача — спасти для науки еще не занятую мусульманскими могилами часть Афрасиаба и с этой целью перенести на другое место постепенно подвигающееся на север кладбище.

Если мусульман часто называли варварами, только уничтожавшими прежние религии и связанные с ними культурные ценности, то еще чаще и, казалось, с большим основанием такое обвинение высказывалось против турок как племени. Несмотря на крайнюю шаткость положений «расовой психологии», пристрастные, в ту или другую сторону, суждения о расах пользуются в настоящее время среди образованного общества всех стран еще бóльшим успехом, чем пристрастные суждения о религиях. Преувеличенное представление о культурных заслугах арийцев и варварстве турок не могло не отразиться на понимании научных задач России в Туркестане; в 1895 г., при открытии действий местного археологического кружка, высшим представителем русской власти в крае кружку была предложена задача изучить древнюю арийскую культуру края, уничтоженную варварами-турками и подлежащую восстановлению при господстве других арийцев — русских. С этой точки зрения весь период от последних лет X в. до 60-х годов XIX в. мог казаться временем сплошного варварства и полного упадка культуры. Между тем к середине этого периода, к концу XIV и к XV в., относятся величественные сооружения Тамерлана и его преемников, составляющие, по выражению современного исследователя, «гордость Туркестана». Можно было спорить о том, в какой степени эти сооружения, воздвигнутые в такую эпоху, когда правители Туркестана широко пользовались услугами пришлых мастеров, являются памятниками местной культуры; но было ясно, что для культурной страны, владеющей Туркестаном, охрана и изучение этих построек, хотя бы они принадлежали Туркестану только по месту своего нахождения, есть дело чести. Тотчас после занятия Самарканда генералом Кауфманом были приняты меры к приведению самаркандской площади Регистан в достойный памятников прошлого вид; сообщая об этих мерах, В. В. Радлов с понятной гордостью мог писать: «Итак, только теперь, когда в город вступили кафиры, эта великолепная площадь пользуется заслуженным уважением

и удивлением». К сожалению, дальнейшая судьба самаркандских построек мало оправдала эти слова. Регистан снова был занят лавками базарных торговцев; меры, принятые для охраны прилегающих к площади зданий, не достигали цели, и разрушение их продолжалось и при русском владычестве. Голос русских ученых оказывался бессильным; только письмо шведского архитектора Мартина министру финансов С. Ю. Витте, с просьбой «во имя науки» принять меры для поддержания и описания самаркандских построек, в 1895 г. побудило правительство отпустить необходимые для этой цели средства. В том же году было приступлено к детальному изучению зданий, с производством необходимых обмеров, рисунков и чертежей. Работы отчасти были выполнены; было предпринято издание альбома архитектурных рисунков и чертежей, но до сих пор издание ограничилось одним выпуском, посвященным только одному зданию и вышедшим в свет еще в 1905 г. Научного описания, с подробным разбором письменных источников, нет до сих пор ни для одной из построек этого периода; еще меньше, конечно, выяснена связь этих построек с общей культурной жизнью данной эпохи.

Связь эта, по-видимому, была все же более тесной, чем думали некоторые исследователи. Самаркандские постройки по типу принадлежат к памятникам персидской архитектуры, но по своим грандиозным размерам далеко превзошли свои персидские образцы; на местную архитектурную традицию они оказывали некоторое влияние; по мнению знатоков, даже постройки XVII в., как медресе Ширдар, еще вполне сохраняют характер построек XV в., хотя политические и культурные связи с Персией давно были прерваны. В 1908 г. одним из местных деятелей[2] был открыт новый грандиозный памятник туркестанской культуры XV в. — остатки обсерватории, построенной внуком Тамерлана Улугбеком. Астрономические исследования производились учеными, призванными из Персии, но они имели в Самарканде учеников даже помимо самого Улугбека; один из таких местных астрономов, после разрушения обсерватории переселившийся в Турцию, в своих астрономических сочинениях продолжал дело Улугбека и его учителей[3].

Если даже грандиозные постройки XV в. не привлекли к себе того внимания, которого заслуживали, то еще меньше могла быть оценена по достоинству та незаметная культурная работа, которая продолжалась и под турецким владычеством, и та несложная, но все же культурная жизнь, которую застали русские завоеватели. Больше всего посчастливилось наименее культурным народностям края, как иранским, так и турецким. Те и другие не могли не привлечь к себе внимания лингвистов и этнографов,

[2] <Василием Лаврентьевичем Вяткиным (1869—1932); о нем см.: Б. В. Лунин, *Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки*, Ташкент, 1974, стр. 138—145. См. также выше, стр. 258, прим. 21. — *А. К.*>

[3] <Имеется в виду Али Кушчи; ср.: Бартольд, *Улугбек*, — наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 136—138. — *Н. Т.*>

для которых так называемые «первобытные» народы представляют еще больший интерес, чем культурные. Изучение иранских народностей представляло интерес еще в других отношениях; доказано, что одно из сохранившихся до наших дней иранских наречий, ягнобское (названное по имени речки, впадающей в Зеравшан), находится в близком родстве, с одной стороны, с языком кавказских осетинов, с другой — с так называемым «согдийским» языком, сохранившимся в литературных памятниках Китайского Туркестана; наконец, в горах Средней Азии нашли убежище последние представители некогда широко распространенной в мусульманском мире секты исмаилитов и даже, как доказано в недавнее время, последние приверженцы низвергнутой в половине VIII в. династии халифов Омейядов. Среди турецких народностей, живущих теперь в Русском Туркестане, мы не видим живых представителей такой отдаленной старины; только вдали от пределов России, в глубине китайской Средней Азии [4], найдены последние народности, язык которых сохранил особенности домусульманских письменных турецких языков, известных нам по надписям и рукописям, открытым в пределах Китайского Туркестана, Монголии и Сибири (в Русском Туркестане пока найден только один памятник этой письменности — надпись, открытая в 1896 г. в горах Аулиеатинского уезда). Тем не менее изучение турецких кочевников Средней Азии является для лингвиста и этнографа столь же благодарной задачей, как изучение иранских горцев. Иранисты и туркологи не могли не оценить того материала, который доставляет Туркестан этим отраслям востоковедения; задачи науки намечены; если выполнение их идет не так быстро, как можно было бы желать, то это объясняется главным образом слишком малым числом подготовленных исследователей.

Менее привлекательным и плодотворным представляется, на первый взгляд, изучение быта и литературы оседлых жителей края, говорящих по-персидски и по-турецки, так называемых таджиков и сартов. Не сохранив ни чистоты языка, ни «первобытности» нравов, эти народы в то же время не дали миру даже тех культурных ценностей, как другие народы мусульманской Азии, жившие при более счастливых условиях, вдали от постоянных нашествий степняков. Только ближайшее ознакомление с историей Туркестана показывает, что изучение прошлой и современной жизни туркестанских мусульман не было бы бесплодно ни для практических задач русской культуры, ни для понимания жизни мусульманского мира в целом.

Русское правительство в настоящее время поставило на очередь меры к развитию сельскохозяйственной культуры края, руководясь вполне справедливым убеждением, что минеральные богатства, не использованные настоящим поколением, сохранятся для потомства, тогда как не добытые в настоящее время продукты сельского хозяйства теряются безвозвратно.

[4] <Имеется в виду Синьцзян.>

Поднятие сельскохозяйственной культуры возможно в Туркестане только при условии производства оросительных работ; возможность и полезность таких работ подвергались сомнению; многие представители естественных наук считали научно доказанным фактом, что в Туркестане как в прошлом, так и в настоящем замечается процесс непрерывного и быстрого усыхания, вследствие чего страна в прошлом представляет только картину непрерывного упадка и не имеет экономической будущности. Изыскания ориенталистов-историков показали, что это мнение совершенно неосновательно, что как Персия, так и Туркестан тысячу лет тому назад располагали не бóльшим количеством вод, чем теперь. Те же изыскания выяснили, что как в истории всего Туркестана, так и в истории отдельных его областей за периодами упадка, в зависимости от политических условий, следовали периоды нового расцвета культуры, что эпоха, предшествовавшая русскому завоеванию, была временем высокого экономического благосостояния страны по сравнению со смутной эпохой XVIII в., когда даже такие большие города, как Самарканд и Хива, почти совершенно опустели. В конце XVIII в. вновь проникло в Бухару и Фергану из Персии и Китая давно исчезнувшее шелководство; в XIX в. до русского завоевания были произведены обширные оросительные работы. Если на Зеравшане работы сводились почти исключительно к поддержанию или восстановлению оросительной системы, унаследованной от домусульманского периода, то в Хивинском ханстве, вследствие изменения течения Аму-Дарьи, пришлось провести новые магистральные каналы; в Фергане впервые были проведены грандиозные каналы из двух истоков Сыр-Дарьи — Кара-Дарьи и Нарына, тогда как до тех пор, не исключая и первых веков ислама, пользовались для орошения только водою речек, направляющихся к Сыр-Дарье с севера и с юга.

Более сложен вопрос о духовной культуре; для выяснения его требуется еще целый ряд исследований ориенталистов, но уже теперь можно сказать, что эти исследования не будут бесплодными. Трудолюбивыми местными исследователями собрано значительное количество данных о современной деятельности местных низших и высших школ, мектебов и медресе, отчасти также о местном дервишизме; но ими, конечно, не могло быть установлено, что слово «мектеб» есть перевод персидского «дабиристан», восходящего к домусульманскому Ирану и употреблявшегося в Туркестане еще в XII в.; что мусульманская высшая школа, медресе, впервые, по-видимому, возникла в Туркестане под влиянием традиций буддизма и уже отсюда была перенесена в другие области ислама; что в Туркестане наряду с дервишескими орденами, возникшими в Бухаре и Хорезме под влиянием религиозных движений Западной Азии, некогда был свой дервишеский орден в Термезе, прежнем центре распространения буддизма, сохранявшем долгое время религиозное значение и для мусульманского Туркестана. Из существующих в крае медресе старейшие были основаны еще Улугбеком; известия о той эпохе показывают, что если представители

точных наук приглашались из Персии, то мусульманская богословская школа всецело основывалась на местных традициях.

Заканчивая свою речь, позволяю себе в двух словах коснуться мнения, не существующего, конечно, для ученых, но еще не вполне отвергнутого в кругах, от которых зависит будущность не одного только Туркестана: что изучать инородческую культуру и охранять ее памятники — значит вредить интересам русской культуры и установлению ее господства на всем пространстве империи. С гораздо бóльшим основанием можно утверждать, что знание неприкрашенной правды о прошлом лучше всего предохраняет от увлечения этим прошлым. Ученый, знакомый с историей Туркестана, не поверит сказкам о сплошной культурной полосе, некогда простиравшейся, вместо нынешних бесплодных степей, от Джизака до Чиназа, от Чиназа до Казалинска; отвергнет мнение современных представителей турецкого национализма в России о Туркестане как искони турецкой стране; не одобрит и официального проекта сооружения памятника Улугбеку и не поверит красивой легенде о внуке Тамерлана, будто бы всецело отдавшем себя науке. Жизнь бесконечно далеко ушла от средних веков, и прославлять памятниками средневековый восточный деспотизм и средневековую науку едва ли есть основание, хотя бы деспот и ученый случайно соединились в одном лице. Долг великой страны вести все свое население, без различия национальностей, не назад, а вперед; но тщательное изучение культуры былых времен и бережная охрана памятников этой культуры остаются одними из основных признаков культурного государства.

ВОСТОК И РУССКАЯ НАУКА

Происходящими на наших глазах мировыми событиями вновь поставлен на очередь ряд вопросов, связанных с географическим положением России и составом ее населения. Не подлежит сомнению, что после окончания кровопролития стране предстоит не отдых, а тяжелый труд, что перед Россией, единственной из европейских держав, для которой азиатские владения составляют одно целое с европейскими, встанет ряд новых задач на всем протяжении ее границ, от Великого океана до Балтийского моря. Вопрос о том, как будут выполнены эти задачи, не может не волновать даже далеких от жизни кабинетных ученых. Если решение вопросов внешней и внутренней политики не возлагается и не должно возлагаться на ученых-теоретиков, то для страны все-таки необходимо, чтобы ее представители могли решать эти вопросы во всеоружии знания. А потому выполнение русским народом его исторического призвания на Западе и на Востоке находится в тесной зависимости от состояния русской науки.

I

Русское государство по своему географическому положению с первых веков своей жизни подвергалось культурным влияниям как с Запада, так и с Востока, но в жизни России не было периода, когда она входила бы в состав азиатского культурного мира. Периодом наиболее тесной культурной связи с Востоком был для России, по-видимому, самый ранний, дохристианский период ее истории. Бассейн Волги в то время находился под непосредственным влиянием переднеазиатских культурных элементов — христианских, еврейских и мусульманских; живший при устье Волги хазарский каган владел некоторое время всей Южной Россией; Россия вела оживленную торговлю с областями Багдадского халифата, в то время самого культурного государства в мире, и халифские серебряные монеты в большом количестве оставались в Восточной Европе; арабские географы, не имевшие почти никаких сведений о Западной Европе, сообщают довольно подробные сведения о русских и о других восточноевропейских народах. Освободившись от власти хазар, русские совершали по Волге и Каспийскому морю опустошительные набеги на мусульманские области [1];

[1] <Первый из достоверно известных походов русов на южный берег Каспийского моря состоялся в 913—914 гг.; см.: Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях*, стр. 463; Минорский, *Русь в Закавказье*. — *А. К.*>

в 943 или 944 г. ими был разорен главный в то время город мусульманского Кавказа, Барда (недалеко от впадения Тертеря в Куру); около 965 г. подверглась полному разгрому хазарская держава; жители низовьев Волги были убеждены, что их страна навсегда перешла под власть русских; совершенно неожиданно для них русские покинули берег Волги ради неудачного движения на Балканский полуостров. Еще в XII в. грузины-христиане и ширванцы-мусульмане вместе защищали северную границу переднеазиатского культурного мира против врагов, среди которых были и русские. Обо всем этом мы, однако, знаем почти исключительно со слов мусульманских писателей; отголоском этих событий в русской письменности являются только краткие летописные сведения о хазарах и о победах Святослава, не дающие никакого представления о действительном разгроме хазарской державы; известные слова митрополита Илариона о «кагане земли нашей» Владимире, летописное сказание об испытании вер и, наконец, старое русское название Каспийского моря — едва ли не единственный относящийся к Востоку географический термин, встречающийся в русских летописях и не заимствованный из греческой литературы. В рукописях это название приводится в различных видах — Хвалиськое, Хвалимское, Хвалынское море; в связи с ним упоминается народ «хвалисы» как близкие родственники волжских болгар. Несомненно, что название моря заимствовано от названия страны Хорезм (у арабов *Хуваризм*), нынешнего Хивинского ханства, пограничной области мусульманского культурного мира в Средней Азии. Под влиянием торговых сношений с этой областью в русскую письменность проникло также название ее главного города Гурганча (ныне Ургенч), переделанное русскими в «Орнач». Никаких подробностей ни об области, ни о городе русские источники, однако, не сообщают, хотя название моря удержалось в русской письменности от Петра Великого и было заменено греческим термином только под влиянием западноевропейской науки.

Все остальные географические сведения о Востоке в русской литературе домонгольского периода заимствованы из греческих книжных источников; русский летописец говорит о Вавилоне, Месопотамии, Мидии и т. п., как будто даже не зная о существовании Багдада и халифата. Кроме Византии христианская Русь, как известно, имела сношения с латинской Европой; но о сношениях с культурным Востоком и ознакомлении с этой культурой сведений нет. Удельная Русь, отрезанная кочевниками от Черного моря, осталась в стороне от крестовых походов и вызванного ими ознакомления с мусульманской культурной жизнью; немногие русские паломники, проникавшие в Палестину, не могли сообщить об этой жизни никаких сведений. Для историков русской культуры представляет большой интерес вопрос, какие именно пять языков изучил, «дома седя», великий князь Всеволод Ярославич, по словам его сына Владимира Мономаха. Загадка, заданная в этих словах русским исследователям, решалась различно; предполагали, что в число языков могли входить

языки восточных народов, но едва ли основательно. С такими языками могли знакомиться во время походов или торговых сношений, но, «дома седя», восточных языков на Руси в то время не изучали.

Положение не изменилось и тогда, когда Россия снова подчинилась на некоторое время власти восточного народа. На государственном устройстве России татарское владычество оставило более прочные следы, чем некогда хазарское; специалисты доказывают, что все подробности посольского церемониала, строго соблюдавшегося в Московской Руси, заимствованы с Востока и что даже брак Ивана III с Софьей Палеолог не внес в этот церемониал никакой «европейской струи» [2]. Все же византийская культурная традиция была уже настолько сильна, что московского великого князя не могли называть в его столице, как некогда киевского, восточным титулом. Восточные народности перенесли на московского великого князя свою государственную идею; для них он сделался «великим беком, белым ханом»; в глубине Средней Азии, в Алтае, туземцы называли русского императора «великим беком» еще в 60-х годах XIX в., но для русских их государь уже не мог быть ни беком, ни ханом. Русскими летописцами даже на золотоордынского хана был перенесен византийско-болгарский титул «царь»; когда татарские ханства были присоединены к России, русский государь сделался не ханом, а царем казанским, астраханским и сибирским, как в XIX в. не королем, а царем польским. Даже в тот период, когда русские князья ездили на поклон к монгольскому великому хану, власть которого распространялась на ряд культурных областей Дальнего и Ближнего Востока, в русскую письменность не проникло почти никаких сведений о Востоке и его культуре. Научной любознательности еще не было; не было также почвы для развития торговых сношений; предприимчивый тверской купец Афанасий Никитин, посетивший во второй половине XV в. Индию, пришел к заключению, что в Индии товаров на русскую землю нет. Культурное общение затруднялось религиозной рознью. Даже произведения персидской астрономической литературы, переведенные в XIV в. на греческий язык, не сделались известными в России. Немногие памятники арабской и еврейской философской литературы, переведенные еще в средние века на русский язык, проникли в Россию из Западной Европы в связи с распространением ереси жидовствующих [3]. В допетровской Руси, как в современной, переводная литература была «несравненно богаче, чем оригинальная» [4]; как теперь, так и в XVII в. в России, несмотря на соседство с мусульманским миром, переводились плохие иностранные книжки о Мухаммеде и его учении [5]. Географические сведения, добытые во время сибирских походов и сно-

[2] Веселовский, *Татарское влияние.*

[3] Коковцов, *К вопросу о «Логике Авиасафа».*

[4] Слова А. И. Соболевского в предисловии к его исследованию *Переводная литература Московской Руси.*

[5] Примеры приведены в том же исследовании А. И. Соболевского.

шений со среднеазиатскими владетелями, представляли совершенно новый материал не только для русской, но и для мировой географической науки; только при Петре Великом, однако, эти сведения были окончательно приведены в систему и сделались доступными для западноевропейских ученых.

Гению Петра Великого были одинаково близки и понятны задачи России на Западе и на Востоке; по замечательному совпадению им в один и тот же день (16 апреля 1702 г.) были изданы указ о вызове иностранцев из Западной Европы, положивший начало насаждению в России западноевропейской культуры, и указ о поручении «японского государства иноземцу» Денбею «учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти» — первое распоряжение русского правительства об обучении русских людей в столице восточной письменности. Указ тогда не был приведен в исполнение, и японская школа была открыта много позже, уже в новой столице, при основанной по мысли Петра Академии наук.

II

Таким образом, несмотря на давнишние сношения между Россией и Востоком, русское востоковедение ведет свое начало от Петра Великого и является такой же «западной» наукой, как другие отрасли научного познания. Этим объясняется, что и дальнейшие судьбы русского востоковедения [6] гораздо теснее, чем можно было бы думать по специальности предмета, были связаны с общими условиями культурной жизни в России. Отношением правительства к русской научной мысли вообще определялось и его отношение к русскому научному востоковедению. Мысль, высказанная в проекте учреждения «Азиатской академии» (1810 г.) С. С. Уваровым (впоследствии министром и графом), что изучение Востока может «дать мудрое применение волнению умов» [7], т. е. отвлечь умы от более опасных наук, стоит совершенно одиноко и была опровергнута уже лет десять спустя эпохой Рунича и Магницкого, когда востоковедение было подчинено такому же строгому надзору, как другие науки, когда профессора могли «только слегка» касаться ислама и должны были учить, что «в арабской мудрости нет ничего особенного», так как она «почерпнута от греков и есть не что иное, как философия Аристотеля, пламенным воображением арабов искаженная».

---

[6] Подробности об этом можно найти в *Материалах для истории факультета восточных языков* <МИФВЯ>, изданных по поводу пятидесятилетия факультета (т. I и II, 1905—1906 гг., заключают в себе собрание документов, т. IV, 1909 г. — *Обзор деятельности факультета* <составлен В. В. Бартольдом>; т. III — биографический словарь воспитанников факультета — еще не вышел в свет <о МИФВЯ, т. III, см. выше, стр. 5, прим. 1>).

[7] «Donner un sage emploi à l'agitation des esprits». <Подробнее о проекте Уварова см.: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, гл. III. — *А. К.*>

Если действия правительства в эпохи реакции отражались на русском востоковедении в такой же мере, как на других отраслях научной мысли, то востоковедению было еще труднее, чем другим наукам, приобрести сочувствие общества и найти в нем опору во время переживавшихся им затруднений. Казалось бы, что в России, по составу ее населения и по ее культурным задачам, было бы легче всего понять неразрывную связь между востоковедением и другими отделами гуманитарных наук; между тем именно в России знание восточных языков еще дольше, чем в Западной Европе, казалось никому не нужной экзотической ученостью. В XVIII в. немецкого ориенталиста Кера, автора проекта учреждения «академии или общества наук и языков восточных» (1733 г.), считали «большим чудаком, почитавшим выше всего свою восточную ученость» [8]. В конце XIX в. «восточная ученость» русского специалиста по церковной истории В. В. Болотова (1854—1900), профессора духовной академии, вызывала к себе такое же насмешливое отношение, проявившееся даже после его смерти в газетных воспоминаниях о нем некоторых из его учеников.

С такими явлениями необходимо считаться каждому добросовестному историку русской науки. Попытки объяснить случай неудач и разочарования русских ученых засильем иноземцев и произволом бюрократов представляют отголосок прежнего, «упрощенного» способа решения исторических вопросов [9], когда ключи к объяснению событий искали только в подвигах и преступлениях отдельных лиц. Никакие враги просвещения не могут иметь успеха, если не находят себе опоры в обществе; при равнодушии или вражде общества работа культурного деятеля остается бесплодной, каковы бы ни были его успехи в борьбе с внешними препятствиями.

Общеизвестен факт, что решение Петра «сделать академию» широко открыло двери в Россию иностранным, преимущественно немецким, ученым, большею частью остававшимся до конца чуждыми русскому народу. Менее известно, что такой результат еще в 1723 г., до учреждения академии, был предсказан знаменитым немецким философом Христианом Вольфом (правда, в том же году изгнанным из Пруссии за вольнодумство под угрозой виселицы); он понимал, что целью академии будет только заслужить «рукоплескания иностранцев» (adplausum exterorum), советовал учредить университет и вернуться к мысли об учреждении академии только тогда, когда можно будет назначать академиков из русских ученых. Затруднение было не только в отсутствии ученых русского происхождения,

---

[8] <Ср. выше, стр. 33—34.>

[9] На это указал еще в 1909 г. Н. Я. Марр в <статье> *Иоанн Петрицкий*, стр. 107—108, прим. 1 по поводу слов П. В. Безобразова (*Византийский писатель*, стр. IV): «Не турки погубили Византию, она сама себя погубила; погубили ее чиновники, не имевшие ничего общего с народом». Н. Я. Марр напомнил, что в царствование Алексея Комнина (1081—1119) «народ с непокрытой головой» приветствовал провозглашенную с церковного амвона анафему «свободе философского мышления» <*Иоанн Петрицкий*, стр. 106>.

но и в отсутствии спроса на ученые труды, написанные на русском языке. Представители правящего класса и образованного сословия, усвоившие внешний лоск западноевропейской культуры, естественно, были склонны предпочитать и в этой области, как в литературе, «оригиналы спискам», хотя не обладали достаточным образованием, чтобы среди иностранцев отличить авантюристов от действительно полезных для России людей, среди русских — бездарных подражателей от людей, не только вполне овладевавших наукой, но и двигавших ее вперед. Ломоносов вел борьбу не только с Шумахером и Таубертом, но также с Тредьяковским и Сумароковым. Из его биографии, обнародованной академией по случаю двухсотлетия его рождения [10], можно видеть, что в академии немецкое засилье не мешало ему в конце концов достигать всех своих целей. Интриги его немецких врагов разрушались истинными представителями немецкой науки; в ответ на письмо Шумахера, с препровождением работы Ломоносова и с просьбой своим отзывом положить конец «невыносимому высокомерию» русского ученого, Эйлер прислал в академию «весьма благоприятный отзыв» о переданном на его суд труде. Труднее было найти в России читателей работ Ломоносова и продолжателей его дела. Теперь доказано, что Ломоносов как химик более чем на столетие опередил свое время; но при его жизни его научные труды не получили в России никакого распространения; высказанные в них взгляды много лет спустя проникли в Россию из Западной Европы и в самой России считались результатом открытий западноевропейских ученых XIX в. Не немецким засильем вызваны горькие слова, сказанные Ломоносовым за несколько дней до смерти своему другу, немцу-академику Штелину: «Теперь, при конце жизни моей, должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною».

Ломоносов далеко опередил свое время не только как специалист-ученый; лучше, чем его современники, он понимал значение науки вообще и отдельных отраслей научного познания, хотя бы далеких от его личных интересов; в составленных им проектах преобразования академии и университета он едва ли не первый из русских ученых указал на необходимость учреждения особой кафедры «ориентальных языков и древностей». Мысль Ломоносова и в этом случае осуществилась только много лет после его смерти, в царствование Александра I [11]. В XVIII в. Россия имела устных и письменных переводчиков даже для восточноазиатских языков, особенно благодаря учреждению духовной миссии в Пекине, но не имела ученых-ориенталистов из русских; ученые-ориенталисты из иностранцев не встречали сочувствия и не имели учеников; многие из них возвращались на родину. Политика русского правительства по отношению к восточным инородцам менялась несколько раз; миссионерские стремле-

[10] Меншуткин, *М. В. Ломоносов.*

[11] <См. выше, стр. 42—51.>

ния елизаветинской эпохи привели к неожиданному результату — к укреплению ислама и к образованию в пределах России, на границе со степью, под покровительством русских властей, нового центра мусульманской науки; в царствование Екатерины II правительство сознательно содействовало распространению ислама и буддизма. Все эти сложные вопросы решались в зависимости от более или менее случайных причин, без всякого участия голоса науки. Отдельные русские люди уже тогда обращали внимание на противоположность между высоким положением представителей религии и знания в мусульманском обществе и приниженностью русского духовенства, оставлявшего в полном невежестве своих прихожан, в том числе и крещеных инородцев.

III

В XIX в. русское востоковедение развивалось не только под немецким влиянием. Рядом с представителем немецкого ориентализма, Френом, существенные услуги оказали русской науке приглашенные из Франции Шармуа и Броссе [12]; польский Виленский университет, где едва ли не впервые было указано на необходимость изучать Восток для понимания европейской культуры, дал России О. И. Сенковского, основателя школы петроградских ориенталистов, и монголиста О. М. Ковалевского [13], которого впоследствии основатель русской синологии В. П. Васильев называл своим главным учителем в смысле усвоения научных идеалов. Как в других отраслях науки и общественной жизни, выразителями культурных стремлений, опережавших взгляды современников, в том числе и взгляды правительства, были уже не отдельные лица, а целые группы лиц; но в области востоковедения, по ее специальному характеру, победа прогрессистов над устарелыми взглядами достигалась еще с бóльшим трудом и требовала еще больше времени. Еще в 1829 г. Сенковским при участии Френа и Шармуа был составлен проект учреждения «полного класса восточных языков», где впервые были ясно определены задачи востоковедения как «нераздельной части университетского преподавания», где предлагалось основать рассадник русского научного востоковедения, достойный европейской державы, где доказывалось, что для выполнения культурных задач России на Востоке необходимы не ученики «китайских мандаринов», но европейски образованные знатоки языков, литературы и истории восточных народов [14]. Насколько авторы проекта опередили свое время, видно хотя бы из того, что еще в 1910 г. в серьезном журнале [15] могла появиться статья о «наших востоковедах», где высказывалось недоверие к востоковедам «с русскими и немецкими фамилиями» и где автор находил,

[12] <О Шармуа и Броссе см. выше, стр. 54 и 127.>

[13] <О Сенковском и Ковалевском см. выше, стр. 56 и 453, прим. 5.>

[14] <См. выше, стр. 60.>

[15] Игнатьев, *Наши востоковеды*.

что в Лазаревском институте преподавание восточных языков ведется несравненно лучше, чем на восточном факультете, уже по одному тому, «что оно поставлено там более практически и поручено людям восточного происхождения» [16].

Понятно, как далека была от идеалов Сенковского современная ему русская действительность, когда в официальном проекте для целей правительства признавалось достаточным основать училище для обучения восточным языкам питомцев воспитательного дома. От проекта Сенковского существенно отличался и тот проект сосредоточения в одном месте всех русских кафедр по востоковедению, с прекращением преподавания восточных языков во всех других местах, который был проведен в жизнь в последние годы царствования Николая I. Первоначально предполагалось основать специальный институт с узкоутилитарными целями; только из соображений экономии институт был заменен университетским факультетом [17] без всякого изменения задач учреждения и без всякой попытки установить связь между этими задачами и общими целями университетского преподавания. Еще в 1862 г. сами профессора находили, что восточный факультет «состоит в зависимости от университета единственно в отношении помещения».

Положение русского востоковедения в царствование Николая Павловича определяется общим характером этой эпохи. Вместо откровенного обскурантизма Рунича и Магницкого мы видим стремление соединить строгую опеку над мыслью с внешним уважением к науке, особенно к иностранным ученым, и едва ли когда-нибудь громче раздавались «рукоплескания иностранцев», в том числе и ориенталистов. Французский историк ориентализма Дюга находил, что русское правительство «по-царски служит интересам науки»: приглашает к себе на службу лучших ориенталистов из Франции, Германии и восточных стран, охотно увеличивает число кафедр восточных языков, щедро награждает выдающихся ориенталистов пенсиями и орденами, предоставляет в распоряжение ученых экспедиций свои суда и свою казну. С таким же восторгом писал знаменитый немецкий арабист Флейшер, по поводу учреждения восточного факультета, о «величественном создании императора Николая».

Первые годы царствования Александра II, один из немногих периодов русской истории XIX в., когда правительство шло впереди общества, были исключительным временем и для русского востоковедения. Только в эти годы были возможны такие факты, как предложение попечителя заботиться о «гармонической стройности каждого факультета», требовать от студентов «занятия наукой не из каких-либо посторонних видов, но основательного и с любовью к ней» и ответ декана восточного факультета,

---

[16] <О Лазаревском институте см.: Базиянц. *Лазаревский институт.* — *А. К.*>

[17] <Факультетом восточных языков СПб. — Петроградского университета. — *А. К.*>

что «назначение факультета есть чисто-практическое» и что «ученая цель должна занимать факультет настолько, насколько это необходимо для приготовления нужных для него преподавателей языков азиатских» [18]. Столь же характерны представления факультета и совета о распределении стипендий по разрядам факультета «сообразно действительным потребностям различных ведомств в чиновниках, знающих восточные языки», и ответ министра, что для успеха научных занятий необходимо считаться с «наклонностями и способностями» самих молодых людей.

Все это резко изменилось еще в 60-х годах. Устав 1863 г. ввел в факультет новую кафедру истории Востока; первый представитель этой кафедры, В. В. Григорьев, ученик Сенковского, был горячим поклонником университетской науки[19] и сумел убедить своих товарищей, что восточный факультет должен находиться «в неразрывной связи с прочими факультетами, вследствие солидарности всех отраслей науки». В 1862 г. профессора выражали «сожаление», что мысль об учреждении «Азиатского института» в свое время не могла быть осуществлена; в 1864 г. факультет писал о той же мысли, что она, «благодарение Богу, не осуществилась».

Трагическое для русской науки положение заключалось в том, что в это самое время взгляды правительства изменились в противоположную сторону. Под влиянием общей реакции возобновилось прежнее недоверие к русской научной мысли, прежнее преклонение перед иностранными учеными в ущерб русским. Предположения ученых встречали поддержку со стороны представителей ведомств только в той мере, в какой это признавалось полезным по узкоутилитарным соображениям, причем и в этих случаях средства, назначавшиеся на удовлетворение таких целей, доводились до возможного минимума. Молодое русское востоковедение, горячо желавшее работать на пользу родной страны, встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки [20].

Еще в 1865 г. факультетом, по инициативе синолога В. П. Васильева, был выработан проект издания «Азиатского обозрения», предназначавшегося не только для специалистов, но и для широкой публики; средств для этого издания не нашлось. Самому В. П. Васильеву пришлось испытать, по выражению автора его некролога [21], «полное трагизма» положение

---

[18] <Здесь приведено мнение декана факультета восточных языков А. К. Казем-Бека; см. выше, стр. 168. — *А. К.*>

[19] Увлечение Григорьева университетской наукой доходило до крайности. А. В. Никитенко рассказал в своем дневнике, как неловко чувствовали себя во время празднования юбилея 1869 г. хозяева торжества, когда делегатам от высших специальных учебных заведений приходилось выслушивать юбилейную речь Григорьева об университете как единственной истинной высшей школе.

[20] Дальнейшее заимствовано из документов, опубликованных во всеобщее сведение (в МИФВЯ). Автор, конечно, не считал себя вправе приводить факты, известные ему только по его служебному положению как профессору и бывшему секретарю факультета.

[21] Ольденбург, *Памяти Васильева.*

ученого, не находящего для своих работ ни издателей, ни читателей; поставленные им на очередь научные задачи на его глазах выполнялись независимо от него западноевропейскими учеными. Тем же В. П. Васильевым еще в начале 70-х и снова в конце 80-х годов был поднят вопрос о необходимости расширить преподавание языков, литературы и истории Дальнего Востока и Индии: ввести новые кафедры для преподавания нескольких языков, в том числе японского, и к преподаванию языка древней индийской культуры, санскрита, присоединить преподавание языка современной Индии — индустани [22]. Проект встретил некоторое сочувствие со стороны министерства иностранных дел, признавшего, что «на интересах службы» невыгодно отзывается «невозможность возлагать на студентов миссии в Токио в первые годы их службы обязанности, требующие знания местного языка», и что министерство находится в затруднении «каждый раз, когда в оное поступают какие-либо бумаги, писанные на одном из индустанских наречий». Сочувственно отнесся к проекту и министр финансов, покойный С. Ю. Витте (в 1895 г.), находивший только «желательным ограничить расход казны на эту надобность возможно меньшею суммою и с этой целью учредить в названном университете не должности профессоров, а лекторов сих языков». Результатом этих прений был факт, что Россия при наступлении событий 1904—1905 гг. не имела ни одного вполне подготовленного специалиста по японоведению.

Столь же мало соответствовало достоинству России и русской культуры положение других отраслей русского востоковедения. Изучение Востока входит, конечно, в число задач общих русских научных учреждений и обществ; но попытки образовать для этой цели специальные научные общества не имели успеха, и вместо существующих в западноевропейских странах, при поддержке правительств, «азиатских» или «восточных» научных обществ в России могли образоваться только общества с узкопрактическими целями, почти без участия специалистов-ученых. Русское научное востоковедение нашло приют в археологических обществах Петрограда и Москвы, причем органы этих групп ориенталистов, несмотря на трудности, связанные для иностранцев с изучением русского языка, имеют едва ли не больше читателей за границей, чем в России. Появление на русском языке (в 1912 г.) журнала по исламоведению было встречено сочувственно во Франции и Германии; в России существование журнала[23] уже к концу первого года было признано излишним, и его бывшему редактору (пишущему эти строки) пришлось выслушать от сановника с чисто русской фамилией слова: «Если нам чужно что-нибудь научное, мы находим это в заграничных изданиях» [24]. В дей-

[22] <Хинди. — *А. К.*>

[23] <«Мир ислама», 1912 г., издан один том. — *А. К.*>

[24] <Слова министра внутренних дел А. А. Макарова, см. архив В. В. Бартольда (Архив АН СССР, ф. 68, ед. хр. 430). — *Н. Т.*>

ствительности иностранная наука не давала никаких сведений именно о той части мусульманского мира и о тех мусульманских движениях, которые ближе всего касались России; кроме того, русское правительство и общество при таких условиях не имели никакой возможности разобраться в массе противоречивых данных, черпавшихся из западноевропейских трудов, большею частью устарелых, из полемических трактатов миссионеров казанской школы и их учеников, наконец, из сочинений самих мусульман в защиту своей религии и культуры. В результате русское влияние в деле распространения среди русских мусульман европейской культуры не имело того значения, как можно было ожидать, и усвоение европейского образования не всегда сближало мусульман с европейскими завоевателями — русскими. Представители русской власти нередко видели главную опасность для русского господства именно в прогрессивных элементах мусульманского общества, оказывали поддержку мусульманам-староверам, считая только их верными подданными России, и принимали от них доносы против их прогрессивных единоверцев.

Будущее покажет, насколько подъемом национального самосознания будет устранено прежнее пренебрежительное отношение к русской науке, насколько победа над немецким засильем во всех отраслях русской жизни действительно будет победой добра над злом. К сожалению, есть основание опасаться, что и России придется считаться с тем же настроением, как Франции 70-х годов, когда Эрнест Ренан должен был защищать научные методы, «которые принято называть немецкими, чтобы иметь предлог отвергать их»[25]. Уже теперь делаются попытки свалить вину с больной головы на здоровую, обвинить в уклонении от работы на пользу своей страны именно ученых, которым до сих пор приходилось испытывать на себе справедливость слов о пророке в своем отечестве, и объявить «немецким злом» для России едва ли не всю западноевропейскую науку, отнюдь не немецкую по своему происхождению, хотя и проникавшую в Россию, по географическим причинам, главным образом из Германии. Устранение этого «зла» могло бы только способствовать повторению в будущем таких обидных для русского самолюбия фактов прошлого, как рабское подчинение русских ученых, по воле русского правительства, их западноевропейским коллегам и приоритет Германии в отраслях знания, которые, казалось бы, прежде всего должны были найти себе место в России. Не далее как в 1911 г. «немецкая во всех отношениях академия наук», как теперь называет ее один из ее членов-корреспондентов[26], тщетно возражала[27] против учреждения при иностранных университетах под

[25] «Il y a plus de préjugés que jamais contre des méthodes qu'on est convenu d'appeler allemandes, afin d'avoir un prétexte pour les repousser» (Renan, *Mélanges d'histoire*, préf., p. V).

[26] Шляпкин, *Немецкое зло*, стр. 5.

[27] Постановление академии было опубликовано в общедоступных академических «Известиях» за 1911 г., стр. 960 и сл.

руководством иностранных профессоров особых семинарий для русских «профессорских стипендиатов», тщетно указывала на «все шире распространяющеес я признание цивилизованным миром заслуг русской науки» и на право русской высшей школы «с самостоятельной независимостью относиться к иноземному учительству». Не «немецкое зло» виной, что в Германии, а не в России появились первые специальные органы по византиноведению («Byzantinische Zeitschrift») и даже по славянской филологии («Archiv für slavische Philologie»). Чтобы такие факты сделались невозможными в будущем, необходимо упрочение во всех отраслях знания, между прочим и в востоковедении, той «веры в силу и значение русской науки», без которой, как писала еще в 1911 г. Академия наук, «не может быть и могучего русского государства».

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

Завоевания России в Средней Азии в XIX в. имели такие же последствия для успехов европейской науки, как всякое расширение русских пределов в Азии со времени насаждения в России европейского образования и привлечения европейских ученых сил. В состав России в Средней Азии в отличие от Сибири вошли области древней культуры, через которые когда-то проходили первостепенные по своему экономическому и культурному значению торговые пути из стран Дальнего Востока в Переднюю Азию и в Европу; но с XV в. успехи европейского мореплавания, открытие Америки и морского пути из Европы в Индию дали новое направление мировой торговле, и области Средней Азии оставались после того совершенно в стороне от международного культурного общения. Во время процветания сухопутной торговли Китая через Среднюю Азию с Западом научная и вообще культурная работа сосредоточивалась не в европейском христианском мире, но в мусульманском; мусульманская географическая литература, преимущественно на арабском языке, заключает в себе богатый запас сведений о Средней Азии, представляющий огромный шаг вперед по сравнению со сведениями греков; но европейской географической науке этот материал оставался еще в XVIII в. почти совершенно неизвестным; все, что знали тогда в Европе о среднеазиатских реках, горных системах и т. п., было извлечено из произведений античной географии; большею частью употреблялись даже античные географические названия, из которых в современной науке сохранилось только одно — название Каспийского моря, некогда данное морю греками по имени народа, не существовавшего уже во время Помпея.

Ознакомление европейской науки со Средней Азией шло в XVIII в. с трех сторон: со стороны севера, где Россия со времени занятия Поволжья и Сибири имела в Средней Азии торговые и политические интересы; со стороны востока, где иезуитскими миссионерами были в Китае произведены обширные картографические работы; наконец, со стороны юга после утверждения английского владычества в Индии и английской торговли в Персии. Ознакомление со Средней Азией со стороны России началось раньше и дало больше всего научного материала. Еще при Петре Великом был установлен и сообщен западноевропейским ученым факт существования Аральского моря и впадения в него Аму-Дарьи и Сыр-

Дарьи вопреки европейским картам того времени, основанным на греческих сведениях; тогда же было доставлено очертание Каспийского моря, также неправильно изображавшегося на европейских картах по данным античной географии. Ряд других географических фактов также был выяснен русскими, посещавшими Туркестан, задолго до его завоевания; так в 30-х годах XIX в. английским путешественником Бернсом был отмечен факт, что на всех европейских картах, кроме русских, Зеравшан еще тогда изображался в виде протока Аму-Дарьи, хотя река не доходила до Аму-Дарьи даже в эпоху Александра Македонского. В это же время, однако, европейская наука и в особенности научная терминология находились под влиянием исследований, производившихся с востока и с юга, и с этой терминологией потом пришлось считаться русской науке, когда после завоевания Туркестана были произведены географические работы в более широких размерах. Сюда принадлежит китайское название Тянь-Шань, т. е. 'Небесные горы', данное среднеазиатской горной системе, и даже самый термин «Туркестан» — персидское слово, означающее «Страна турок» и применявшееся в средние века к различным областям, в зависимости от передвижения турецких народностей. Для тех персов и афганцев, от которых заимствовали этот термин англичане, «Туркестаном» по преимуществу была территория узбеков и туркмен; этому «Туркестану» впоследствии противопоставлялся «Китайский», или «Восточный», Туркестан, т. е. населенные говорящими по-турецки народностями области китайской империи. В таком значении термин «Туркестан» был принят, еще до завоевания края, русской наукой вместо употреблявшегося раньше, в связи с торговым значением Бухары, термина «Бухария», причем тогда территорию узбекских народностей называли «Великой Бухарией», а населенные турками области китайской империи — «Малой Бухарией», хотя эти области не находились ни в какой зависимости от Бухары.

Первой задачей русской науки в завоеванном Туркестане было, конечно, более подробное географическое изучение края, в особенности горной системы Тянь-Шаня, которая была уже нанесена на карту по китайским сведениям, но которой ни один европейский исследователь не видел. Благодаря появлению в 50-х годах русских отрядов в Семиречье молодой тогда ученый Петр Петрович Семенов получил возможность осуществить намерение, высказанное им ранее корифеям европейской науки Гумбольдту и Риттеру, и первым из европейцев XIX в. совершил путешествие к подножию Тянь-Шаня. Задача изучения Тянь-Шаня была блестяще выполнена уже к началу 80-х годов, затем проф. Мушкетовым было предложено деление среднеазиатских горных цепей на три системы: Тарбагатайскую, Тяньшанскую и Памиро-Алайскую, благодаря чему термин «Тянь-Шань» получил более определенное значение, чем прежде. Уже тогда можно было говорить, что Туркестан географически изучен лучше, чем многие области Европейской России. Картографические ра-

боты, производившиеся преимущественно топографическим отделом Туркестанского военного округа, не закончены, однако, и до сих пор; существующие карты во многом требуют дополнения и исправления. Для всего края вместе с среднеазиатскими областями Персии, Афганистана, Индии и Китая составлена сорокаверстная карта, много раз переиздававшаяся, которой пользовались едва ли не все путешественники, причем приходилось убедиться, что даже направление рек и горных цепей на карте не всегда указано правильно; лично мне во время поездки в Семиречье в 1894 г. пришлось установить неправильное обозначение нескольких речек бассейна Чу и неправильное обозначение гор там, где в действительности простирается равнина; пришлось также установить, что карты более ранних изданий отличаются в этом отношении большею точностью, чем позднейшие. Начатая десятиверстная съемка, насколько мне известно, не была закончена до революции и не продолжалась после революции; для отдельных местностей существуют еще двухверстные карты. Необходимо, чтобы продолжение картографических работ и исправление прежних взял на себя военный комиссариат, может быть, совместно с Туркестанским отделом Русского географического общества, чтобы результаты работ были доступны для общего пользования и сосредоточивались в Туркестанской Государственной библиотеке, куда до сих пор передавались далеко не все карты. Желательно также, чтобы вместо неудобных для пользования и легко рвущихся больших листов карты издавались в виде атласов. В той же форме, в виде атласов, должны бы быть обнародованы также результаты других работ по изучению края как в области естествознания, так и в области гуманитарных наук. Необходимо при производстве этих работ с самого начала стремиться к такой точности, при которой результаты работ могли бы быть нанесены на карту, хотя к составлению самих карт можно будет приступить после целого ряда предварительных исследований.

По справедливому замечанию автора новейшего описания Туркестанского края Масальского, изучение природы Туркестана, органической и неорганической, если не закончено, то уже доведено до той ступени, при которой главные факты могут считаться установленными и остается выяснить только детали, тогда как для изучения населения Туркестана, его современной жизни и его прошлого до сих пор сделано несравненно меньше, чем предстоит сделать.

Как страна древней культуры, где были города во всяком случае уже в IV в. до н. э. и, вероятно, даже гораздо раньше, Туркестан сохранил много памятников своей прежней культурной жизни, хотя самые ранние из существующих остатков городов и поселений относятся только к тому Туркестану, который застали в VII в. н. э. арабские завоеватели. Это относится также к тем городищам, которым фантазия туземных книжников присвоила имя мифического Афрасиаба, вследствие чего местные исследователи были склонны относить их к доисторической старине. Вообще

из памятников Туркестанского края к доисторическому человечеству могут быть отнесены, по-видимому, только два кургана близ селения Анау в Закаспийской области, раскопанные американской экспедицией Пампелли в 1903 и 1904 гг.; но эти раскопки не были закончены, и выводы исследователей едва ли могут считаться достаточно доказанными. При таком сравнительно позднем происхождении туркестанских памятников все предположения о значении Туркестана в истории передвижения древних рас и народов остаются голословными гипотезами. Трудноразрешимая и при других условиях задача — установить связь между доисторическими и историческими эпохами — исследователями Туркестана пока должна быть оставлена совершенно в стороне. В области археологии на очереди должен быть поставлен ряд других задач, материал для разрешения которых отчасти подготовлен, причем наиболее неотложным, кстати, должно быть признано изучение того материала, который грозит исчезнуть в близком будущем. И в этой области туркестанским исследователям, вероятно, придется на время отказаться от разрешения таких задач, которые при иных условиях казались бы наиболее заманчивыми. Надо надеяться, что в близком будущем Ташкент как университетский город будет обладать силами и средствами для выполнения всяких научных работ, в особенности работ по изучению Туркестана; но в настоящее время для ученого, работающего в Ташкенте, не говоря уже о других туркестанских городах, многие работы окажутся невыполнимыми вследствие отсутствия необходимых пособий. До некоторой степени этот недостаток может быть устранен восстановлением и упрочением тесной связи со столичными научными учреждениями, хотя и в столицах России уровень научной работы неизбежно должен будет понизиться, если не удастся в сколько-нибудь близком будущем восстановить связь с западноевропейскими научными центрами.

При таких условиях исследователям в области археологии часто придется ограничиваться собиранием, охраной и внешним описанием научного материала. Попытки точно определить значение этого материала как исторического источника были бы преждевременны, пока остается неизученным большинство письменных источников, в настоящеее время только отчасти доступных туркестанским исследователям, даже знающим восточные языки. Было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей — Кастанье. Попытки составить атлас исторических карт, т. е. карт Туркестана разных эпох, с указанием местоположения исчезнувших городов, границ прежних государств, границ расположения прежних народов, были бы преждевременными, хотя необходимо теперь же подготовлять материал для такого издания, в состав которого, конечно, войдут и планы исторических городов и поселений разных эпох.

От доисторической жизни Туркестана, как было сказано выше, известен до сих пор только один памятник — курганы близ Анау; вполне возможным и желательным представлялось бы продолжение и окончание раскопок американской экспедиции для проверки выводов ее участников. Может быть, впоследствии другие находки покажут, что эти курганы среди памятников Туркестана стоят не так одиноко, как можно полагать по произведенным до сих пор исследованиям.

Среди развалин исторических городов на территории современного Туркестана особое положение занимают развалины Мерва, в своей исторической жизни, подобно всей Закаспийской, ныне Туркменской области, более примыкавшего к восточным областям Персии, чем к Туркестану. Производство раскопок в Мерве подготовлено в большей степени, чем в каких-либо других городах Средней Азии и Персии. Мерву посвящен классический труд покойного проф. Жуковского «Развалины Старого Мерва»; в этой книге вместе с поправками и дополнениями к ней, предложенными в моей статье «К истории Мерва», напечатанной в XIX томе «Записок Восточного отделения Русского археологического общества», собрано едва ли не все, что можно извлечь из письменных источников об исторической топографии этого города; мы знаем не только, к какой эпохе относится каждое из существующих городищ, но также где жили домусульманские правители города, где было местопребывание христианского епископа, где в мусульманский период были главные мечети и медресе, где был дворец халифа Мамуна. Раскопки в Мерве, таким образом, могли бы быть произведены на основании собранных и исследованных исторических данных, чего нельзя сказать ни об одном другом туркестанском городе.

Местом археологических исследований до настоящего времени преимущественно был Самарканд с городищем Афрасиаб. Раскопки на Афрасиабе были начаты при б. генерал-губернаторе Черняеве, еще до появления первых работ по исторической топографии Самарканда, когда древность городища, под влиянием имени Афрасиаба, измерялась тысячелетиями. В настоящее время доказано, что Афрасиаб был тем городом Самаркандом, который застали в VII в. арабы и о котором мы имели китайские сведения с V в.; находился ли в том же месте город Мараканда греческих авторов, разрушенный Александром и до V в. в китайских источниках не упоминавшийся, остается невыясненным. В мусульманский период Самарканд постепенно переносился на юг; окончательно старый город был покинут только после нашествия Чингиз-хана в 1220 г., и к этой эпохе относятся остатки культуры, находимые в верхнем слое. Соответственно этому изменились и задачи исследователей; было определено местоположение соборной мечети, оставшейся на одном и том же месте от первой постройки, относящейся к 712 г., до Чингиз-хана, причем последнее здание, сгоревшее при монгольском нашествии, было построено в XIII в., незадолго до появления монголов. По истории Самарканда

мы до сих пор не имеем такого труда, как по истории Мерва; все же использованы известия арабских географов X в., классической эпохи в истории арабской географической литературы; благодаря письменным памятникам этой эпохи наши сведения о Туркестане X в. в значительной мере превосходят все то, что мы знаем о культурной жизни края в другие периоды, не только более ранние, но и более поздние. Этот материал должен быть положен в основу при исследовании не только мусульманского, но и домусульманского Самарканда; мы знаем, что на месте соборной мечети раньше был храм идолов, что западные ворота города назывались Наубехарскими, от термина «Наубехар» — так назывались буддийские храмы, и недалеко от местоположения этих ворот, внутри городища, при случайных раскопках была открыта буддийская фреска. Производство систематических раскопок на Афрасиабе, несомненно, должно быть поставлено на очередь; но эти раскопки потребуют значительных средств, заготовления большого числа хороших фотографических пластинок, привлечения нескольких специалистов как в области истории, так и в области археологической техники, чтобы не повторился такой случай, как с буддийской фреской, исчезнувшей почти тотчас после извлечения ее из земли. Одними местными силами и средствами такая задача в близком будущем, конечно, выполнена быть не может.

То же самое относится к еще более неотложной задаче — к подробному изучению самаркандских архитектурных памятников, относящихся к XIV и последующим векам. Средства на изучение и поддержание этих быстро разрушающихся построек были впервые назначены в 1895 г. в распоряжение бывшей Имп. Археологической комиссии; ассигнование средств прекратилось в 1904 г., после начала русско-японской войны; впоследствии удалось вновь получить некоторые средства через Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии[1]. Были произведены обмеры, чертежи, фотографические снимки, кальки и т. п. для нескольких зданий: Гур-эмир, Биби-ханым, Шах-и зинде. Но кроме Самарканда изучения требует еще ряд других памятников, в частности Бухары, до сих пор надлежаще не обследованной. Между тем Бухара и Самарканд до 1868 г. почти всегда жили одной жизнью, не только культурной, но и политической, и находились под властью одних и тех же правителей. В пределах бывшего Бухарского ханства строились постройки такого характера, какие в Туркестане исчезли бесследно; так, не сохранился ни один из дворцов, построенных Тимуром и его потомками в окрестностях Самарканда; такого же характера отчасти и дворец Ак-сарай, построенный для Тимура в Шахрисябзе мастерами, вывезенными из Хорезма, т. е. из пределов позднейшего Хивинского ханства. Как свидетельствует, между прочим, этот

[1] Ныне ассигнуются на это средства в распоряжение Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). <О более поздних исследованиях Самарканда см. выше, стр. 449, прим. 46.>

факт, Хорезм, оазис низовьев Аму-Дарьи, был в средние века важным культурным центром, имевшим влияние как на другие области Туркестана, так и на бассейн Волги; в пределах Хорезма сохранились великолепные архитектурные памятники XIV в., упоминавшиеся путешественниками и еще никем из специалистов не изученные, по времени предшествовавшие самаркандским памятникам того же столетия; в той же местности сохранились минареты начала XI в., едва ли не самые ранние датированные постройки в Туркестане. При современных отношениях между Туркестаном и республиками Бухарской и Хивинской не представило бы затруднений составление общего плана исследований, которые бы обнимали как территорию Туркестана, так и территорию обеих соседних республик. На первую очередь можно было бы поставить издание альбома сохранившихся на поверхности земли построек в хронологическом порядке, начиная с интересного мавзолея в Бухаре, не датированного, но приписываемого народным преданием Исма'илу Самаркандскому, т. е. относимому к началу X в.; более ранние архитектурные сооружения в Туркестане едва ли найдутся. По архитектурным подробностям, особенно по характеру орнамента, этот мавзолей действительно можно отнести к более раннему времени, чем другие немногочисленные памятники домонгольского периода. К XI в. относятся хорезмийские минареты и караван-сарай Рабат-и Мелик, в нескольких верстах от станции Мелик в Бухаре; к XII в. — мавзолей султана Санджара в Мерве, большой бухарский минарет, простоявший 800 лет, не требуя ремонта, и пострадавший только при последних бухарских событиях, также мавзолей и минарет в Узгенде Ферганской области; к началу XIII в. — развалины мечети в Мешхед-и мисриян Закаспийской, ныне Туркменской области, соответствующем средневековому городу Дехистану. В некоторых случаях, когда здание ничего не говорит о себе, т. е. когда на нем нет никаких надписей или когда нет ни года постройки, ни имени строителя и когда о постройке ничего не говорится в известных до сих пор письменных источниках, пришлось бы довольствоваться приблизительной датировкой, по характеру архитектурных подробностей. Сюда относится башня Бурана близ Токмака Семиреченской области, до революции вместе с соседним несторианским кладбищем пользовавшаяся некоторой охраной; меры, принятые для охраны памятников прошлого после революции, еще не коснулись Семиреченской области, и, как недавно было сообщено одному из местных деятелей, все, кому нужен кирпич, выламывают его из Бураны.

Право на внимание археологов имеют, конечно, не только остатки прежних городов и вообще постройки, но и другие памятники прошлого, например курганы. Особенный интерес представляют так называемые «жилые курганы» — остатки укрепленных жилищ представителей земельной аристократии дихканов, занимавших в крае господствующее положение в домусульманский период и постепенно утративших свое значение

при исламе под влиянием успехов торговли, промышленности и городской жизни. Местность, где, по письменным известиям, дольше всего держалось это дихканство, именно долина Ангрена, к югу от Ташкента, сохранила и наибольшее число таких курганов. Крайне желательно было бы подвергнуть подробному исследованию некоторые из них, со снятием фотографий и производством обмеров для определения устройства жилищ и для сопоставления их с теми из современных построек, которые по характеру и назначению более всего приближаются к ним — именно с курганами, особенно многочисленными в пределах Хивинского ханства. Кроме жилых курганов интерес представляют, конечно, и погребальные курганы, хотя при исследовании почти все они оказываются пострадавшими от грабителей. До сих пор остается невыясненным противоречие между письменными известиями и археологическими данными о погребальных обрядах турецких народов; китайские письменные известия говорят о трупосожжении, турецкие курганы указывают на обычай хоронить труп в земле[2]. Не выяснены также обряды погребения местных иранских народностей, придерживавшихся религии Зороастра, которым принадлежат так называемые оссуарии — небольшие глиняные урны, четырехугольные или овальные, в которые клали кости трупов после отделения их от мяса. Некоторые из этих оссуариев украшены рельефными фигурами, частью греческого типа, с определенными атрибутами, представляющими, конечно, большой интерес для науки; но данных для объяснения этих фигур и атрибутов мы пока не имеем. До сих пор ни одно из кладбищ оссуариев не было подвергнуто исследованию в нетронутом виде; всегда ко времени прихода исследователей гробики и кости уже оказывались потревоженными и первоначальное их положение было трудно установить. Желательно, чтобы при будущих находках этот пробел мог быть восполнен.

Вообще, по современному состоянию среднеазиатской археологии, во многих случаях придется довольствоваться установлением охраны существующих памятников и возможно тщательного наблюдения за случайными находками. Последние, может быть, дадут указания, которыми можно будет воспользоваться для систематических раскопок и которые только в редких случаях можно найти в письменных источниках. Даже из городов края мы только о Мерве, Бухаре и Самарканде располагаем такими подробными известиями, что по ним можно было бы составить историю этих городов; написать историю какого-нибудь другого города, не исключая и Ташкента, было бы невозможно за отсутствием материала в источниках.

Самые подробные топографические известия, которые мы вообще имеем, относятся к Бухаре, что особенно важно ввиду того, что Бухара — единственный из больших городов Туркестанского края, всегда находившийся

---

[2] <Ср.: В. В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов*, — наст. изд., т. IV, стр. 377—396. — *Н. Т.*>

на том же месте, где находится теперь, так что даже известия о топографии Бухары первых времен ислама могут быть проверены посредством изучения современного города. Желательно было бы ускорить производство этих работ, пока город, в общем, сохранил свой средневековый вид; желательно не застраивать вновь цитадели «арк» и местности, прилегающей к площади Ригистан, опустошенной во время событий конца августа и начала сентября 1920 г., пока там не будут произведены некоторые раскопки [3].

Предположенные археологические исследования представляли бы интерес не только для специалистов по истории Востока, но и для представителей других специальностей, особенно истории искусств; исследователи античной культуры могли бы найти в них материалы для выяснения жизни такого отдельного угла греческого мира, каким было греко-бактрийское государство, в состав которого входила и часть Туркестана с бассейном Зеравшана. Не говорим уже о тех указаниях, которые может дать местоположение старых поселений, каналов, рудников и т. п. для современной жизни. Не одни ориенталисты были бы заинтересованы также в изучении остатков прошлого, сохранившихся в современной жизни туркестанских народностей, иранских и турецких. В общем, в изучении жизни оседлых узбеков, известных в европейской литературе под именем сартов, до сих пор одиноко стоит труд покойных Наливкиных «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», авторы которого непосредственно изучили жизнь сартов, живя в кишлаке, по образу жизни ничем не отличаясь от своих соседей-туземцев. Мы имеем специальные монографии о «сартах» и «таджиках», но эти монографии — труд преимущественно компилятивный; автор их уже по незнанию языков не мог изучать жизнь непосредственно. О кочевниках — туркменах и киргизах — существует значительная литература; по научному изучению, например, юридического быта кочевников только положено начало в труде Ломакина о туркменах, и в особенности в труде о киргизах и кара-киргизах Сыр-Дарьинской области Гродекова, материал для которого был собран в степи даровитым, но, к сожалению, почти без пользы сгубившим свои дарования Вышнегорским. Еще меньше сделано для выяснения других сторон духовного быта — жизни дервишеских орденов, отношения действительной жизни мусульман, частной и общественной, к теоретическим положениям шариата и т. п. В области материальной культуры следовало бы поставить на очередь изучение бытовых условий Хорезма, где, несмотря на раннее отуречение населения, сохранились некоторые остатки иранской старины, которых нет в других равнинных местностях: хуторное хозяйство, расположение жилища землевладельца посреди принадлежавшего ему имения, первоначальный вид арбы и т. п. Сравнительно лучше изучен экономический быт, изучение которого признава-

[3] <Ср. специальную статью Бартольда, *Бухара*. — *Н. Т.*>

лось особенно важным для государственных, особенно для фискальных целей; но и в этой области многое остается невыясненным; так, остается темным многое в подробностях водного хозяйства туземцев и его терминологии. Не говоря уже о таких задачах, даже для составления этнографической карты Туркестана, со включением республик Бухарской и Хивинской, необходим еще ряд исследований; границы распространения многих народностей остаются недостаточно выясненными, и перепись 1897 г., произведенная почти без участия знатоков местных языков, не дала в этом отношении почти никакого материала. Особенно неотложным представлялось бы изучение исчезающих народностей, например туркестанских арабов, в настоящее время, если не ошибаюсь, всецело утративших свой язык, но еще сохранивших остатки национального самосознания и некоторые бытовые особенности[4]. О туркестанских арабах до сих пор, насколько мне известно, нет ни одной специальной работы.

В своем очерке я не касался научных задач, доступных только специалистам-востоковедам — лингвистам, филологам и историкам. Выполнение этих задач, хорошо известных специалистам, зависит, конечно, от постановки преподавания востоковедения в нашем молодом университете. Наше Общество, надо надеяться, объединит в себе не только университетские, но и другие местные силы и будет способствовать организации планомерных работ в области изучения края, руководясь принципом, все более проникающим в сознание европейских научных кругов,— что в науке, особенно в деле собирания материала, единоличный труд все более должен уступать коллективному. Успех работы в конечном итоге, разумеется, зависит от вопроса, насколько удастся в близком будущем восстановить или вновь создать, на новых началах, те необходимые объективные условия, без которых ни в области науки, ни в других областях не может быть правильной и последовательной деятельности.

[4] <В 1924 г. в связи с национальным размежеванием среднеазиатских республик В. В. Бартольдом была составлена в практических целях специальная инструкция по переписи населения; см.: Архив АН СССР, ф. 68, ед. хр. 432. — *Н. Т.*>

ТУРКЕСТАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И МЕСТНАЯ МУСУЛЬМАНСКАЯ ПЕЧАТЬ [1]

Книгохранилище, основанное в Ташкенте в 1871 г. устроителем Туркестанского края К. П. фон Кауфманом, помимо общих задач большой городской библиотеки должно было сосредоточить в себе литературу по изучению Туркестана. В первое время эта задача понималась очень широко; тщательно собиралось все, что выходило в свет в самом Туркестане, и выписывалось из центра России и из Западной Европы все, что имело отношение к изучению края, в том числе издававшиеся европейскими учеными труды восточных историков и географов. В состав библиотеки вошло небольшое, но довольно ценное собрание рукописей, преимущественно произведений местной литературы; описание этих рукописей (87 номеров; число сочинений несколько больше, так как одна рукопись иногда заключает в себе несколько сочинений) было издано в 1889 г. Е. Ф. Калем. Можно было ожидать, что эта сторона деятельности библиотеки получит дальнейшее развитие, что заведующим библиотекой будет вменено в обязанность следить как за литературою по Туркестану и сопредельным странам, так и за находящимися в Туркестане собраниями восточных рукописей; при таких условиях библиотека помимо непосредственной пользы для края по своему общенаучному значению не уступала бы большим библиотекам Индии. Эти ожидания не осуществились прежде всего потому, что на должность библиотекаря далеко не всегда назначались компетентные лица; часто заведование библиотекой поручалось офицерам и чиновникам, не обладавшим никакой подготовкой и смотревшим на свою должность как на синекуру. Пишущему эти строки не раз приходилось говорить в печати о печальном состоянии библиотеки, между прочим об отсутствии в ней многих периодических изданий, важных для изучения Туркестана. Не все эти указания прошли бесследно; так, библиотекой стали выписываться главное библиографическое пособие по европейскому

[1] Статья составлена в 1920 г. и всецело относится к тому времени, не касаясь происшедших с тех пор перемен, о которых автор располагает только отрывочными сведениями. <Ташкентская публичная библиотека, позднее Средне-Азиатская Государственная библиотека, ныне Государственная библиотека Узбекской ССР имени Алишера Навои, основана в 1870 г. Начало ей было положено в 1867 г. покупкою в С.-Петербурге книг «по азиатской литературе» (Буров, *Историческая справка*). — *А. К.*>

востоковедению — «Orientalische Bibliographie» и главный орган русского научного востоковедения — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества». Но все это носило более или менее случайный характер, и многие пробелы остаются незаполненными до сих пор. Из томов «Orientalische Bibliographie» в библиотеке имеются полностью томы I—XIII, XV—XVI, XVIII—XXI; в т. XIV недостает указателя; томов XVII и XXII нет совсем; из соединенного тома XXIII—XXIV, за 1909—1910 гг., имеются первые два выпуска. Из томов «Записок Восточного отделения» недостает т. XII (есть только первый выпуск), XV, XXI и следующих.

Случаев приобретения библиотекой рукописей путем покупки после 80-х годов долгое время не было. В библиотеку поступило в 1898 г. конфискованное собрание рукописей минтюбинского ишана, руководителя так называемого «андижанского восстания»; список этих рукописей и других приобретений библиотеки в области восточной рукописной литературы составлялся А. А. Семеновым, которому вообще принадлежат большие заслуги в деле упорядочения библиотеки и соединенного с ней в то время музея, и доведен до настоящего времени; к печатанию этого списка приступлено не было. Большая часть перечисленных в нем рукописей относится к собранию минтюбинского ишана (№ 1—183, 196, 218—227); относительно некоторых других рукописей, представляющих большой интерес (так № 191 — экземпляр *Та'рӣх-и Ғāзāнӣ*, составленной в начале XIV в. Рашид ад-дином истории монголов), уже в 1916 г. не могло быть установлено, когда и при каких условиях они поступили в библиотеку (№ 188, 191, 194, 195, 198, 199, 201—206, 208—210, 212, 216, 217).

Из собраний, поступивших в библиотеку после революции, можно указать, например, на собрание М. Гаврилова, бывшего воспитанника факультета восточных языков, работавшего в Коканде; характерно, что одна из рукописей этого собрания (экземпляр *Хафт иқлӣм* Амин Ахмеда Рази — персидского географического сочинения конца XVI в.) принадлежала прежде, как видно из надписи, известному деятелю 70—80-х годов и последующего времени Г. А. Арандаренко. Из этого видно, что даже рукописи, собиравшиеся в Туркестане русскими деятелями, после смерти собирателей снова переходили в частные руки (вероятно, путем покупки у наследников), а не поступали в библиотеку. Помимо отсутствия новых приобретений недостаточно внимательное отношение к библиотеке отражалось также на сохранности как печатных книг, так и рукописей. Еще в 1916 г. мною был установлен факт утраты некоторых рукописей, отмеченных в каталоге Каля. В настоящее время мною установлены еще некоторые другие факты в том же роде. В библиотеке недостает рукописи № 45 (исторический труд Сейида Ракима, начала XVIII в.), находившейся в пользовании покойного Л. А. Зимина [2]; из рукописи № 46 (*Туҳфат*

[2] Рукопись, как я потом узнал, сохранилась в целости у вдовы покойного.

ал-хāнī, исторический труд Мухаммед-Вефа Керминеги, XVIII в.) злонамеренно вырваны многие листы (7—30, 44—49, 51—58, 187—202).

После революции библиотека переменила свое название и сделалась из «публичной» сначала «народной», потом «государственной». Помещение значительно увеличилось благодаря отделению от библиотеки музея, переведенного в особое здание (бывший дворец генерал-губернатора); как музей, так и библиотека перешли в ведение преданных своему делу специалистов. От общего отдела (A) отделены книги по Туркестану и вообще по географии и истории Востока (B) и по восточной филологии, т. е. книги на восточных языках и о восточных языках (C). Составлены два карточных каталога, один алфавитный, по фамилиям авторов, другой систематический, по специальностям, на основании так называемой десятичной системы. Сверх общей читальни учреждены особая читальня для детей и читальня для мусульман (*мусульманча караатхана*) с коврами для сидения и низкими столами, как, например, в библиотеках при константинопольских мечетях. В общем библиотека теперь производит на посетителя несравненно более приятное впечатление, чем в дореволюционное время, хотя благим начинаниям не всегда соответствует фактическое выполнение. Деление на отделы A, B и C не вполне выдержано; так, к отделу A отнесены некоторые сочинения, переведенные с восточных языков, например монгольская летопись *Эрденийн-Эрихе* (A 8350) и китайская «История Тибета и Хухунора» (A 8576 — 77). Еще труднее было последовательно провести при составлении карточного каталога сложную десятичную систему. Выяснение состава библиотеки и дубликатов затрудняется тем, что экземпляры одной и той же книги занесены в каталог под различными шифрами (напр., история Средней Азии Абд ал-Керима бухарского в переводе Шефера — B 82 и B 470). Шифр относится не к целому сочинению или изданию, но к отдельному тóму; шифру соответствует, конечно, место тома на полке; оттого различные томы одного сочинения или издания стоят в различных местах; в особенности это относится к томам научных периодических изданий, где новый том иногда выходит в свет только через несколько лет после предшествующего и потому заносится под совсем другим шифром. На карточках часто встречаются ошибки и описки. В библиотеке и теперь не удается сосредоточить все издания, выходящие в свет в Туркестане; особенно ощутительно отсутствие карт, хотя в мусульманской читальне висит довольно подробная карта Туркестанского края. Картографические работы военно-топографического отдела после революции не продолжались; прежние карты считаются теперь еще более секретными, чем в дореволюционное время, хотя в библиотеку поступил теперь изданный по случаю пятидесятилетия завоевания Туркестана и упомянутый в отчете о моей командировке 1916 г. сборник архивных документов, первые части которого прежде были секретными. Сборник составлен полковником А. Г. Серебренниковым; первые четыре тома (т. I, 1908 г., документы 1839 г.; т. II и III, 1912 г., документы 1840 и 1841 гг.; т. IV,

1914 г., документы 1842—1843 гг.) вышли под заглавием «Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края» и с надписью: «не подлежит оглашению»; последующие томы были выпущены без такой надписи и под несколько измененным заглавием («Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания»). В 1914 г. вышли томы V (1844—1846 гг.), VI (1847 г.), VII (1848—1850 гг.), VIII (1851—1852 гг.), XVII (1864 г., ч. I), XVIII (1864 г., ч. II), XIX (1865 г., ч. I) и XX (1865 г., ч. II), в 1915 г. — XXI (1866 г., ч. I) и XXII (1866 г., ч. II); томы IX—XVI не вышли и до сих пор, хотя материал для них, как мне говорили, приготовлен к печати. Крайне желательно было бы появление в свет продолжения и окончания этого издания и указателя к нему. В столичные библиотеки сборник, если не ошибаюсь, не доставлялся.

Наконец, журналы, газеты и листовки, издававшиеся и издаваемые местными органами управления, не всегда, по словам библиотекарей, удается выписывать даже за плату, хотя они должны были бы доставляться в библиотеку бесплатно.

Особенный интерес представляют издания на местных языках, выходившие в свет в Ташкенте, Самарканде и Асхабаде и сосредоточенные в мусульманской читальне. Органом туркестанской администрации на местном (среднеазиатско-турецком) языке в дореволюционное время была «Туркестанская туземная газета», основанная еще в 1871 г., одновременно с «Туркестанскими ведомостями», и впоследствии долгие годы издававшаяся под редакцией Н. П. Остроумова [3], посвятившего этой газете особую главу в своем известном труде о сартах. После революции газета получила название «Наджат» («Спасение»); первых семи номеров в библиотеке недостает; в номерах 8 (19) и 9 (20) редакторами названы В. Наливкин и Мунаввар-Кары Абд ар-Рашид-хан-оглу; с № 10 (21), от 28 апреля 1917 г., имя Наливкина исчезает. «Наджат» считался продолжением «Туркестанской туземной газеты», и потому в заголовке отмечался «год издания XLVII» (в № 16 вместо этого «сорок шестой год издания»). В № 20 (30), от 18 июня 1917 г., помещено объявление от редакции, что газета «Наджат», до сих пор издававшаяся «Туркестанским государственным комитетом», передается центральному совету мусульман Туркестана и, как орган центрального совета, будет выходить под новым названием «Кингаш» («Совет»). В библиотеке находятся номера «Кингаша» от 1 (25 июня 1917 г.)

---

[3] Тем более странно, что в № 232 «Известий» (13 октября 1920 г.), в статье Г. Сафарова «Ударная задача», «господа Остроумовы» причислены к тем «царским чиновникам и православным миссионерам», по мнению которых, туземцам как «быдлу» не нужно было «ни культурных работников, ни книг, ни наборщиков». Миссионеры школы Ильминского и вышедший из той же школы, хотя и не бывший миссионером, Н. П. Остроумов именно тем и отличались от «царских чиновников», т. е. представителей министерства народного просвещения, что стояли за распространение среди инородцев просвещения (конечно, как они его понимали) на местных языках, тогда как, по мнению их противников, орудием просвещения должен был быть только русский язык.

до 14 (8 сентября 1917 г.), причем недостает номеров 2 и 7. Редактором был сначала известный татарский деятель (башкирского происхождения) Ахмед-Зеки Валидов (с № 4 русская форма Валидов заменена арабской Валиди), с № 88 (11 августа) — прежний редактор «Наджата» Мунаввар-Кары Абд ар-Рашид-хан-оглу, или Абд ар-Рашид-ханов (с этим русским окончанием фамилия редактора названа в № 20 «Наджата»).

Еще прежде (первый номер вышел 25 апреля 1917 г.) начал издаваться «Улуг Туркистан» («Великий Туркестан»), орган бюро обществ татар Туркестанского края, связанный с книжной фирмой бр. Бакировых и К°; контора помещалась в магазине фирмы (Махрамский, 24; с № 10, от 14 июня, — Ирджарская, 29), где и теперь сохранилась надпись с названием газеты, хотя помещение занято в 1919 г. «Коммунистом». Газета должна была выходить 2—3 раза в неделю (фактически выходила в первое время только один раз) и отстаивать культурные интересы не одних татар, но также сартов, казаков (киргизов), туркмен, узбеков и других национальностей, с целью подготовлять их к учредительному собранию. В библиотеке недостает № 29; после № 148 имеется только № 153 (26 ноября 1918 г.); бóльшая часть других номеров имеется в двух или в трех экземплярах. С № 11 до № 19 даты выхода газеты в свет отмечались только по мусульманскому календарю, с № 20 было восстановлено обозначение дат также по русскому календарю. Газета производит хорошее впечатление содержанием и внешностью и, по-видимому, обладала большими средствами; для будущего историка революционного движения в Туркестане она, вероятно, будет одним из самых важных источников. В № 41 помещена передовая статья «Свобода Туркестана» («Туркистан мухтарийети»), где рассказывается о красном съезде туркестанских мусульман 20—25 ноября 1917 г.; при этом отмечается, что присутствовали не одни мусульмане, так что съезд мог бы быть назван «съездом живущих в Туркестане народностей» («Туркистандаги миллетлер»). С № 42 в заголовке газеты появляется девиз «да здравствует свобода Туркестана» (*яшасун Туркистан мухтарийети*), замененный с № 72 (до № 105) девизом «да здравствует свобода народностей» (*яшасун миллетлер мухтарийети*). В № 68 и сл. (март 1918 г.) помещен рассказ о кокандской смуте (*Хоканд фаджиаси*), именно о событиях 30 января — 10 февраля, окончившихся победой красной гвардии над «мусульманами, сторонниками свободы» (*мухтарийет тарафдари мусульманлар*). С № 106 (18 июня 1918 г.) газета была объявлена изданием «мусульманской секции союза рабочих печатного дела».

21 июня 1918 г. вышел первый номер «Коммуниста» или «Коммунистов»; название газеты приводится, как и до сих пор, по-русски в единственном числе, по-мусульмански во множественном — «Иштиракийюн». Первые 33 номера (в библиотеке недостает № 9) выходили только на среднеазиатско-турецком, так называемом «тюркском» языке; газета выходила за подписью сначала ответственного редактора А. Келиблиева (? фамилия

приводится арабским шрифтом в различных видах), потом (с № 22) временного редактора А. Донского, с № 32 — ответственного редактора Ташходжи Ашурходжаева. С № 34 (7 октября 1918 г.) до 51 (1 декабря) газета издавалась параллельно по-русски и по-среднеазиатско-турецки; с № 52 (4 декабря) она снова сделалась чисто туземной и остается таковой до сих пор. В библиотеке недостает № 40 и 42. Редакция помещалась на Уратюбинской улице, в гостинице «Старая Россия»; с № 41 (30 октября) она была перенесена в номера Касыма (по той же улице), где оставалась до конца 1918 г. Из номеров «Коммуниста» за 1919 г. в библиотеке имеются только номера со 137 (19 июля); газета тогда уже занимала нынешнее помещение (Ирджарская, 29). С № 43 (7 ноября; в заголовке опечатка: «октября») вместо подписи единоличного редактора появляется подпись «редакционной коллегии» комиссариата по национальным делам; в 1919 г. редакционная коллегия не упоминается и газета только называется «изданием комиссариата по национальным делам».

Органами советской власти являются также периодические издания в Самарканде на языках среднеазиатско-турецком («Голос трудящихся» — «Михнеткешляр тауши») и персидском («Пламя революции» — «Ши'ля-и-Инкиляб») [4]; там же издавался другой «Голос трудящихся» («Миннеткешляр ухи») на азербайджанском наречии. При первом «Голосе трудящихся» издается с 1 января 1920 г. предназначенная, по-видимому, для более широких слоев «Дубина» («Таяк»). В Асхабаде (ныне переименованном в Полторацк [5]) выходило в свет на турецком языке «Знамя справедливости» («Байрак-и адалят»), в Хиве — «Солнце революции» («Инкиляб куяши»); те же партийные цели преследовались многочисленными изданиями телеграмм РОСТА, в том числе «Туркменистаном» (в заголовке по-русски неверно: «Туркменстан»), органом Закаспийского революционного комитета; сюда же относится ташкентская киргизская газета «Новое направление» («Жанга урс») [6]. Листовки, издававшиеся поездом «Красный Восток» («Кызыл шарк»), в библиотеку не доставлялись.

Заведующие библиотекой стараются сосредоточить в ней также мусульманские издания, выходящие в свет вне пределов Туркестана, в России и за границей; так, имеются бакинские газеты «Известия» («Ахбар», в заголовке неверно: «Ихбар») и «Красный Азербайджан» («Кырмызы Азербайджан»), органы правительства Азербайджанской республики. Не коммунистическим, а националистическим характером отличается индийский журнал «Заминдар» («Землевладелец»), издающийся параллельно на языках персидском и индустанском (урду) под редакцией Абд ал-Меджида;

[4] В № 50 и сл. этого журнала помещены интересные статьи об эмирах мангытской династии.

[5] <С 1924 г. — Ашхабад.>

[6] Как видно из одного места упомянутой выше статьи Г. Сафарова <*Ударная задача*>, где предлагается принять меры, «чтобы киргизская газета не дышала на ладан», газета до сих пор не обеспечена необходимыми силами и средствами.

девиз журнала: «Обиженные народы Востока, ваше спасение заключается в единстве действия». Не столько политические, сколько литературно-просветительные, отчасти также экономически-прогрессивные цели преследуются мешхедской «Новой весной» («Наубахор»), выходящей в свет два раза в неделю под редакцией местного главы поэтов (*мелик аш-шуара*), и афганским журналом, носившим при эмире Хабибулле (по прозванию Эмир Сирадж ад-дин 'Светоч веры') название «Сирадж ал-ахбар» («Светоч известий»), при новом эмире Аманулле — название «Аман-и авган» («Благополучие афганцев»). В 1916 г. журнал «Сирадж ал-ахбар» еще не проникал в пределы Туркестанского генерал-губернаторства и получался только в Бухаре, в русском политическом агентстве. Журнал (извлечения из него иногда помещались в парижской «Revue du monde musulman»), сообщая интересные данные о внутренней жизни Афганистана, давал некоторое понятие и о внешних политических стремлениях; характерно, что известия о событиях мировой войны приводились в явно германофильском освещении. После установления официальных и непосредственных сношений с Афганистаном журнал стал получаться и в Ташкенте; впоследствии он был закрыт афганским правительством, как говорят, за резкие нападки против англичан [7]; после этого продолжала выходить только листовка под тем же названием, прежде составлявшая приложение к журналу.

В самом Туркестане, в связи с недостатком бумаги и другими причинами ⟨...⟩ прекратились даже просветительные органы, издававшиеся советской властью, как выходивший в 1919 г. (первый номер вышел 1 декабря 1918 г.) журнал «Маариф» («Познания»). Кратковременным было также существование органа народных университетов («Хальк адра ал-футуни»), первый номер которого вышел 31 мая 1918 г.[8]. Еще менее могли рассчитывать на прочный успех частные издания в том же направлении. Еще в дореволюционное время, в 1915 г., был основан тенденциозно-мусульманский журнал «Ислях» («Исправление»), выходивший раз в две недели под редакцией Сейях-Абдуррахмана, сына Садика; для направления журнала характерна статья (в № 1) «Ислам» муллы Кеми Ташкенди (известного русским востоковедам по статьям А. Н. Самойловича) с эпиграфом в персидских стихах: «Процветание кабака основано на нашем расстройстве, объединение разврата — на нашей разбросанности; ислам

---

[7] В мусульманской читальне лежит, по-видимому, последний номер этого журнала за № 4 (июль 1919 г.).

[8] Почти столь же недолговечными были просветительные издания на русском языке. В 1917 и 1918 гг. издавался «Туркестанский учитель», в 1918 г. — «Народный университет» (80 номеров, с апреля по август) и «Еженедельник народного университета» (вышли с июня по август только четыре номера). «Народный университет» был заменен «Просвещением», органом комиссариата народного просвещения, но и этот орган прекратился на № 77 (1 дек.).

по своей сущности такой же, как был; все недостатки заключаются в нашем мусульманстве». После революции, при временном правительстве, два раза в неделю выходил прогрессивный журнал «Туран» под редакцией Абдуллы Ауляни; в № 2 была помещена статья Мир Мухсина с резкими нападками на мусульманскую схоластическую науку; в приписке, сделанной в библиотечном экземпляре, говорится о «бойкоте» газеты, проклятии (*пефрет*) редактора и наказании (*джаза*) автора по шариату (об этой статье и ее последствиях для автора мною упоминалось в статье, напечатанной в № 7—8 «Туркестанского учителя» за 1917 г.) [9]. Значительно развила свою деятельность после революции асхабадская община бабидов (бехаистов), издававшая в 1918 г. параллельно на персидском и турецком языках журнал «Вахдет» («Объединение»).

Будущий историк, который пожелал бы воспользоваться как источником мусульманской периодической печатью, вероятно, пожалеет о том, что номера этих газет и журналов почти не высылались за пределы Туркестана (в Петрограде их не всегда получала даже Академия наук) [10] и в самом Туркестане не были сосредоточены в одном месте. Пополнить дефекты в настоящее время едва ли возможно. На будущее время следовало бы осуществить в Туркестане мысль, высказанную в Петрограде С. Ф. Ольденбургом, и печатать хотя бы один экземпляр каждого номера на лучшей бумаге, чтобы он мог дойти хотя бы до ближайших поколений. Местом хранения таких экземпляров, конечно, должна была бы быть Туркестанская Государственная библиотека.

Надо надеяться, что сосредоточение в Ташкенте в связи с открытием Туркестанского университета разнообразных научных сил облегчит библиотеке выполнение ее научных и просветительных задач, что наладится научная жизнь, возобновится и получит дальнейшее развитие деятельность местных научных обществ, будет возобновлена и упрочена связь с центральными русскими научными учреждениями, особенно с Российской Академией наук ⟨...⟩

---

[9] Бартольд, *Европейская наука и русская школа.*

[10] В марте 1922 г., по карточному каталогу, в Азиатском музее академии имелись, *большею частью неполные*, комплекты следующих газет и журналов, упоминаемых в настоящей статье: امان افغان، الوغ ترکستان، الاصلاح، اشتراکیوّن انقلاب قویاشی، نجات، تورکمنستان، (только 1920 г.) تایاق.

НАУЧНАЯ ПОЕЗДКА В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Под влиянием все еще продолжающейся, хотя несколько ослабевшей, культурной изоляции России и теперь от ученого, которому удается провести несколько месяцев в Западной Европе, ждут не только, как прежде, извлечения новых материалов из библиотек и архивов, но прежде всего сведений об общих условиях если не жизни, то научной работы в западноевропейских странах. Считаю поэтому нужным предупредить, что я лишен возможности дать такую живую и яркую картину западноевропейской научной жизни, какую дала О. А. Добиаш-Рождественская в своих «Впечатлениях от академического Парижа». Виною этому прежде всего мое недостаточное практическое знание языка той страны, где мне пришлось главным образом работать, Англии, и другие причины личного характера, на которых я, конечно, не буду останавливаться. Сверх того, главной целью моей командировки было подготовление к печати английского перевода моей книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», вышедшей еще в 1900 г. и требовавшей теперь, конечно, большого числа поправок и дополнений. На эту работу уходила бóльшая часть моего времени; почти все остальные часы были посвящены столь же специальным занятиям: составлению курса из шести лекций по истории среднеазиатских кочевников для прочтения в King's College (по предложению Лондонского университета) и изучению вновь приобретенных восточных рукописей, преимущественно в Британском музее. Наиболее благоприятный случай ознакомиться с общим характером европейской научной жизни представлял состоявшийся в Брюсселе в апреле 1923 г. съезд деятелей исторических наук; но и там я, по характеру своих специальных занятий и интересов, сравнительно мало принимал участия в деятельности тех секций, где преимущественно сосредоточивалась работа съезда.

О своих специальных занятиях я сделал доклад в Восточном отделении Русского археологического общества. Настоящая статья [1] посвящена материалу менее новому, но интересному для более обширного круга: прочитанным мною книгам по археологии, истории искусства и т. п., также моим впечатлениям от прослушанных мною докладов и прений и, наконец, от занятий брюссельского конгресса.

[1] Основу ее составляет доклад, прочитанный в заседании Российской Академии истории материальной культуры 18 июля <1924 г.>. <См. еще: В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Западную Европу*, — наст. изд., т. VIII, стр. 397—412. — *А. К.*>

1

После переезда через финляндскую границу (21 октября 1922 г.) и двухнедельного заключения на станции Келломяки в карантине, имевшем только политическое, а не санитарное значение, я прожил несколько дней в Гельсингфорсе (до отъезда парохода в Англию), встречая самое предупредительное отношение со стороны финляндских ученых, из которых мне был до тех пор лично знаком только один, проф. Ю. Ю. Миккола. Население тоже ничем не проявляло враждебного отношения к русским. Ученые сами обращали мое внимание на факт, что все улицы Александра, Николая, Владимира и т. п. сохранили свои прежние названия. В магазинах свободнее и охотнее, чем до войны, говорили по-русски. Жизнь в Финляндии постепенно налаживается, и финляндская марка становится все устойчивее. Вопросы, связанные с организацией высшей школы и вообще научной жизни, еще не вполне разрешены. Научные силы довольно скудны, что сознают и сами финляндцы; со стороны ученых поэтому не вызывает сочувствия открытие рядом с прежде существовавшим университетом в Гельсингфорсе двух новых в Або, финского и шведского. Сравнительно с прежним временем научные силы еще уменьшились вследствие возникшей после отделения от России необходимости дипломатического представительства в странах Запада и Востока; за отсутствием других подходящих лиц эти должности отчасти были замещены специалистами-учеными. По примеру скандинавских государств много внимания уделяется музеям.

Известно, что главная заслуга финляндской науки заключается в лингвистических и этнографических работах по изучению народов, объединявшихся прежде в урало-алтайскую семью. Такова и теперь деятельность едва ли не главной научной организации Финляндии, Финно-Угорского общества (Suomalais-Ugrilainen Seura). По желанию Общества и его председателя проф. E. N. Setälä мною в заседании Общества был прочитан на немецком языке доклад о последних русских работах по изучению Туркестана; меня заранее просили говорить по возможности раздельно и внятно, так как значительная часть аудитории не вполне понимает немецкую речь. Из бесед с членами Общества я убедился, что и в этой области науки еще не вполне восстановлено общение между различными европейскими странами. Одним из главных фактов в истории туркологии за последние годы является открытие в одной из библиотек Диярбекра в Курдистане [2] и издание в Константинополе трехтомного труда о турецком языке (заключающего в себе также богатый материал по этнографии, исторической географии и народной литературе), составленного во второй поло-

[2] <Речь идет о «Диване — Своде тюркской лексики» Махмуда Кашгарского, который был куплен на книжном рынке в Стамбуле турецким библиофилом Али Эмири родом из Диярбекра; подробнее см.: A. Ülkütaşir, *Büyük Türk dilcisi*, Ankara, 1973, стр. 39—62. — *А. К.*>

вине XI в. на арабском языке Махмудом Кашгарским. Об этом памятнике было несколько статей в немецкой научной литературе [3]; между тем о его существовании ничего не знали в Финляндии и даже, как я потом убедился, в Англии.

Взоры Финно-Угорского общества по-прежнему обращены в сторону России, где только и может собираться лингвистический и исторический материал по интересующим Общество вопросам. От меня старались узнать, насколько теперь возможно отправление из Финляндии в Россию научных экспедиций с такими целями. С особенным нетерпением ждет возможности продолжать свои исследования Кай Доннер, установивший, как он мне сообщил, новый факт относительно народности камасинцев в Енисейской области, к которым он совершил путешествие в 1911—1913 гг. и снова в 1914 г. Камасинцы во время путешествия Кастрена, в 1848 г., говорили по-самоедски; Радлов, посетивший их через 15 лет, в 1863 г., уверял, что к тому времени они были совершенно отуречены [4]; но Доннер полвека спустя нашел среди камасинцев еще восемь человек, говоривших по-самоедски, из чего видно, что процесс отуречения не вполне закончен и до сих пор. В своей печатной статье [5], посвященной специальному бытовому вопросу (о местных санях), Доннер даже называет камасинцев самоедским племенем (tribu samoyède), тогда как другие, вполне отуреченные самоеды, карагасы, названы у него татарами.

2

Еще в Гельсингфорсе я ознакомился с вышедшими во время войны книжками главных немецких изданий по востоковедению, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» и «Der Islam» (книжки, вышедшие после окончания войны, отчасти уже имелись в то время в Ленинграде). На этих изданиях должны были отразиться, хотя и в меньшей степени, чем на популярной литературе, политические и экономические стремления немцев во время мировой войны, в особенности союз Германии с Турцией. Статьи, помещенные в ученых журналах, конечно, существенно отличались от статей популярного журнала «Die Islamische Welt», о котором мне пришлось говорить в другом месте [6]; все же ученые статьи в общем не соответствуют прежнему уровню немецкой науки. В своей статье о во-

[3] Особенно статьи К. Брокельмана: *Maḥmūd al-Kāšgaris Darstellung*; *Altturkestanische Volksweisheit*; *Altturkestanische Volkspoesie*, <а также *Mitteltürkischer Wortschatz*. — *Н. Т.*>. <Труд Махмуда Кашгарского переведен на узбекский язык С. Муталлибовым; издан в Ташкенте в 1960—1963 гг. — *А. К.*>

[4] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 205.

[5] K. Donner, *Quelques traîneaux primitifs*. Печатание этого издания было задержано во время войны распространенным и на Финляндию запрещением писать по-немецки, после войны — недостатком денежных средств. Оттого т. XIV и XV за 1914—1915 гг. фактически вышли только в 1922 г., библиография доведена только до 1906 г.

[6] ЗВОРАО, т. XXV, стр. 451—452.

сточноиранском вопросе я привел мнение Мартина Хартмана (M. Hartmann), что углубление в мелочные подробности не способствует, а только препятствует пониманию основных признаков явлений и их взаимной связи [7]. Как я потом узнал, М. Хартмана в то время уже не было в живых; над его могилой было сказано, на страницах «Der Islam», что он не был типичным немецким профессором, что в нем выработалась привычка, естественная для журналиста, но пагубная для ученого — писать так, как будто бы его ждал наборщик, и еще сырыми посылать свои статьи в типографию [8]. Во время войны и в послевоенные годы эта привычка получила широкое распространение, между прочим, и в Германии, отражение ее мы нередко видим на страницах того же «Der Islam», в первые годы своего существования (он выходит с 1910 г.) старавшегося высоко держать знамя строгой научности. Довольно много статей поместил в этом журнале за последние годы, преимущественно о турецком исламе, Франц Бабингер, в 1921 г. читавший в Берлинском университете вступительную лекцию об исламе в Малой Азии, напечатанную потом в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» [9]. Об этой лекции патриарх немецких и вообще европейских ориенталистов Теодор Нёльдеке поместил статью в «Der Islam», где, с похвалой отзываясь об учености лектора, в то же время отметил его крайне некритическое отношение к источникам и вытекающие отсюда односторонние и преувеличенные выводы [10]. В той же книжке того же журнала напечатана статья Фр. Бабингера «Zur Frühgeschichte des Naqschbendi-Ordens», где небрежность в пользовании источниками доведена до последней степени [11]; о получившихся вследствие этого несообразностях мною послана заметка в редакцию «Der Islam».

Статья Нёльдеке главным образом заключает в себе возражения, конечно совершенно основательные, против мнений Бабингера о широком распространении в Малой Азии шиитства и вообще об истории шиитских сект. Несмотря на отдельные недосмотры, статья свидетельствует о редкой свежести мысли, до сих пор сохраненной ученым, родившимся в 1836 г. Еще реже бывает, что ученый, достигший такого возраста, способен изменять свои мнения под влиянием чужих трудов; так, Нёльдеке, очевидно главным образом под влиянием труда Ю. Вельхаузена [12], признает теперь, что ошибался в своей прежней оценке халифа Омара II и его царствования [13]. Но такое исключительное явление не уничтожает значения факта, что среди немецких востоковедов быстрее обыкновенного происходит исчезновение ученых старого поколения без замены их равноценными силами.

---

[7] Бартольд, *Восточноиранский вопрос*, стр. 384; <наст. изд., т. VII, стр. 437>.
[8] Becker, *M. Hartmann*, S. 228.
[9] Babinger, *Der Islam.*
[10] Nöldeke, *Zur Ausbreitung des Schiitismus.*
[11] Dl, Bd XIII, S. 105—107.
[12] *Das Arabische Reich.*
[13] Ср. об этом халифе мою статью *Халиф Омар II.*

За последнее восьмилетие немецкое и вообще среднеевропейское востоковедение кроме уже упомянутых М. Хартмана и Вельхаузена лишилось Гольдциера, Зейбольда, Швалли, Фр. Делича, Я. Барта, Штрака, Бецольда, де Грота [14], специалиста по истории искусства Макса ван Бершема и специалиста по арабской математике Генриха Сутера (перечень, вероятно, неполон).

Из перечисленных имен историкам-неориенталистам, вероятно, ближе всего имя Макса ван Бершема, этого, как сказано в его некрологе, «великого светила на небе востоковедной науки», одного из лучших, если не лучшего, специалиста по мусульманскому искусству и эпиграфике. В том же некрологе, составленном Е. Херцфельдом [15], отмечено, что Макс ван Бершем, женевец по рождению, по своему воспитанию и всей своей научной деятельности одинаково близкий двум враждующим народам, французскому и немецкому, более многих других страдал от прекращения международного сотрудничества в науке и в минуты упадка духа говорил о бесцельности работы для человечества, снова погружающегося в варварство.

Несомненно, что в области истории искусства и вообще истории культуры, где все основано на сравнительном изучении памятников различных стран и народов, больше, чем во многих других областях, сознается необходимость скорейшего восстановления международного сотрудничества. Из тех произведений западной науки, с которыми мне удалось ознакомиться, я постараюсь выделить, отчасти в связи с прочитанными мною лекциями о кочевниках, отчасти в связи с упомянутой статьей о «Восточноиранском вопросе», те книги и статьи, которые посвящены вопросу о культурных связях между Ближним и Дальним Востоком.

3

Известно, что древность дошедших до нас вещественных памятников культуры Китая и Индии не находится ни в каком соответствии с древностью самих культур. Древнейшими известными памятниками китайского пластического искусства считались до последнего времени памятники II в. н. э.[16]; в 1914 г. экспедиции Сегалена удалось открыть в провинции Шэньси статую коня перед гробницей китайского полководца, умершего в 117 г. до н. э.[17]. Еще более ранние памятники были открыты, приблизительно в то же время, немецкой экспедицией Г. Миллера (Herbert

[14] Он скончался 24 сентября 1921 г. (ср. теперь: Фрейман, *Востоковедение в Германии*, стр. 163), следовательно, в то время когда была напечатана моя рецензия в «Анналах» <*Китайские источники о гуннах*>, его уже не было в живых.

[15] *Max van Berchem.*

[16] Ср. мою статью (некролог Эд. Шаванна), стр. 1773; < ниже, стр. 634>.

[17] Pick — Schubring, *Chronik*, S. 651, со ссылкой на Rev. Or., 1914, t. I, p. 480; t. II, p. 20.

Müller, 1912—1914) в провинции Шаньдун: глиняные фигуры коней, относящиеся, судя по найденным вместе с ними монетам, к 250 г. до н. э.

В области изучения Передней Азии продолжается стремление дойти непременно до древнейших остатков культуры; поэтому Британский музей в 1918 г. возложил на кап. Р. Кемпбелла Томпсона продолжение прерванных еще в половине XIX в.[18] раскопок на месте древнейшего, как полагают, сумерийского города Эриду, ныне холма Абу-Шахрейн, или Абу-Шухур. Вслед за отчетом о раскопках в том же органе [19] помещена статья оксфордского проф. С. Лэнгдона о происхождении и расовых особенностях сумерийцев. И Томпсон, и Лэнгдон сближают находки в Эриду с керамикой курганов около Анау, в Закаспийской (ныне Туркменской) области (с которой сближали также находки в Сузах); оба склонны относить ануские находки к более раннему времени, чем находки в Эриду, и поэтому предполагают переселение народа с востока на запад [20]. Лэнгдон высказывает такое предположение о самих сумерийцах; по его словам, в области языка, религии и культуры есть факты («certain philological, religious and cultural evidence») в пользу происхождения сумерийцев из современного Русского Туркестана; в Северной Месопотамии они появились не позже 5000 г. до н. э. По мнению Томпсона, предметы, обнаруживающие сходство с ануской керамикой, принадлежат не сумерийцам, а народу совсем другой расы, находившемуся в родстве с доисторическим населением Суз; этот народ, а не сумерийский, выселился в древности из Памира и Гиндукуша.

Английские статьи не скоро сделались известными в Германии; еще в 1922 г. в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» об английских раскопках говорится: «Nähere Nachrichten über die Ergebnisse sind noch nicht bekannt geworden» [21]. О тех же раскопках и своих собственных ассириолог Х. Р. Холл, хранитель египетских и ассирийских древностей Британского музея, предполагал сделать доклад [22] на брюссельском съезде, на который он, однако, не мог прибыть; устроитель секции истории Востока на съезде, проф. Л. де ла Валле-Пуссен, изложил краткое резюме доклада. Х. Р. Холл в 1919 г. производил раскопки в Уре, продолженные в 1922 г. другими лицами; об этих и предшествующих раскопках им была напечатана газетная статья [23], где был отмечен факт, что раскопками Томпсона впервые было установлено существование в Вавилонии неолитической или по крайней мере ранней хальколитической

[18] О раскопках 1855 г. см.: Тураев, *История Древнего Востока*, изд. 2, т. I, стр. 77.

[19] «Archeologia or miscellaneous tracts relative to antiquity published by Society of Antiquaries of London», vol. LXX, Second series, vol. XX, 1920.

[20] О других мнениях ср.: Бартольд, *Восточноиранский вопрос*, стр. 362 и сл.; <наст. изд., т. VII, стр. 418 и сл.>.

[21] Meissner, *Die gegenwärtigen Hauptprobleme*, S. 97.

[22] Под заглавием: «The recent excavations at Ur and Eridu and the early History of the Babylonian Civilisation».

[23] «Observer», 25.III и 1.IV.1923.

культуры; на черепках был тот же геометрический орнамент, который применялся в те времена от Хэнани в Китае [24] через Туркестан, Персию, Месопотамию и Анатолию до Фессалии. Руководитель раскопок 1922 г. Вулли до конца марта 1923 г. еще не возвращался в Англию [25]. В той же газетной статье говорится об отсутствии средств у правительства и общественных учреждений в эти трудные времена; вся надежда возлагается на частных меценатов, незадолго перед тем давших Британскому музею средства для производства интересных раскопок в Кархемыше. Вообще большие расходы, связанные с мандатом на управление Месопотамией, все больше вызывают неудовольствие английского плательщика податей (tax-payer), и все громче раздается требование как можно скорее покинуть Месопотамию.

4

Не раз уже высказывавшееся мнение о кочевниках как посредниках в культурном взаимодействии между Востоком и Западом повторялось и в последние годы; таково было и общее направление журнала «Turan», выходившего в Венгрии в 1918 г. Золтан де Такаш доказывает в статье «Huns et Chinois», что гунны ознакомили Европу с китайским искусством; тому же автору принадлежит крайне отрицательный отзыв об «Altai-Iran» Стржиговского [26]. Известный исследователь Средней Азии А. фон Лекок поместил в том же журнале статью о четвертой немецкой экспедиции в Турфан (1913—1914 гг.), где высказывается мнение, что другие кочевники, юечжийцы (индоскифы), ознакомили китайцев со скифской бронзовой культурой. Фон Лекоку принадлежит также статья о позднеантичном кувшине из Хотана.

Культурным сношениям не могли не способствовать основанные кочевниками обширные империи, подвергавшиеся культурному влиянию с востока — из Китая, с запада — из Передней Азии, с юга — из Индии. Двум самым обширным кочевым империям, турецкой VI в. и монгольской XIII в., и образовавшимся после их распадения государствам преимущественно были посвящены мои лекции о среднеазиатских кочевниках. Содержание шести лекций, прочитанных в King's College, было потом изложено мною более кратко в докладе «The Nomads of Central Asia, their past and present», прочитанном 27 марта в Royal Antropological Institute. В основу мною были положены взгляды покойного академика В. В. Рад-

[24] О найденных там (еще в 1899 г.) предметах см. теперь: Hopkins, *The Roya Genealogies.*

[25] Сведения об этих последних раскопках, вероятно, вошли в доклад: H. R. Hall, *The British Museum excavation at Ur, El-Obeid und Shehrei, further discoveries*, прочитанный 17 июля 1923 г. на юбилейном празднестве Royal Asiatic Society.

[26] Об этой книге см.: Бартольд, *Восточноиранский вопрос*, стр. 361 и сл.; <наст. изд., т. VII, стр. 417 и сл>.

лова [27]; кроме того, вследствие популярности в настоящее время, в особенности в Англии, «Кембриджской средневековой истории» («Cambridge medieval history»), я довольно подробно остановился на вошедшем в 1-й том этой истории очерке Т. Пейскера, посвященном кочевникам и кочевой жизни, как «Asiatic background» европейской истории. Слушатели вполне согласились с моими возражениями против двух мнений Пейскера: что началом приручения животных было содержание их в ограде для жертвоприношений и что существует только одна местность, где мог сложиться быт конных кочевников — «турано-монгольские степи» (Turanian-Mongolian steppes and deserts). Более спорными представлялись собранию мои возражения против одностороннего представления Пейскера о кочевниках как врагах и разрушителях всякой культуры и мои попытки доказать, что упадок благосостояния Персии, и в особенности Туркестана, происходил не в эпоху высшего могущества монгольской империи, но в эпоху ее распадения и вызванной этим анархии и что на всем пространстве бывшей монгольской империи, от Китая до России, мы в послемонгольскую эпоху видим больше политической устойчивости, чем до монгольского завоевания.

С историей кочевых империй отчасти связано распространение на востоке переднеазиатских религий, христианства, манихейства и впоследствии ислама, отражавшееся также в области искусства и литературы. Китай VII—IX вв. представляет картину тесного взаимодействия различных религий, переднеазиатских и восточноазиатских, как между собой, так и с китайским государственным культом.

В этом взаимодействии приняло участие и христианство, как видно из христианско-китайского памятника — надписи 781 г. в Сианьфу, где, несмотря на резкие нападки на буддизм и даосизм, проявляется несомненное влияние буддийской и даосийской терминологии. К обширной литературе об этой надписи за последние годы прибавилось несколько новых трудов; сюда относятся статья Лайонела Джайлса [28] в бюллетене английской школы восточных языков 1917—1920 гг. и вышедшая в 1916 г. книга японского профессора Саэки [29]. Заметки Л. Джайлса чисто филологические и касаются исключительно толкования отдельных мест; в заключение воздается должное учености автора надписи, его «изящной мозаике намеков и цитат из всей китайской литературы», но произносится суровый приговор («not a real religion, but a sham») над китайским несторианством и его беспринципным эклектизмом. В труде Саэки привлечен некоторый новый материал из китайских сборников надгробных надписей, где рассказывается о карьере в Китае полководца из персидских христиан, умершего

---

[27] Особенно в книге «Aus Sibirien» и в предисловии к изданию Радлова *Кутадгу билик*; по-русски <статья напечатана под заглавием> *К вопросу об уйгурах.*

[28] *Notes on the Nestorian Monument.* I—IV.

[29] *The Nestorian Monument in China.*

в 710 г.[30]. Проф. Саэки[31] напоминает также о факте, уже приведенном в известность другим японским ученым, Такакусу[32], именно о совместном переводе буддийской сутры на китайский язык индийцем Праджной и персом-христианином Адамом (его китайское имя было Kingtsing), автором надписи в Сианьфу: труд был поднесен китайскому императору Дэ-цзуну (Te Tsung, 780—805), отозвавшемуся об эклектизме в области религии столь же резко, как теперь Джайлс. Говорится, что Праджна не знал по-китайски, Kingtsing не знал ни санскритского языка, ни буддизма и вводил в перевод буддийского текста христианские представления; между тем, по мнению императора, религиозное учение ценно и благотворно только тогда, когда оно преподается в чистом виде, без примеси чужих верований.

5

Временем наиболее тесного сближения Запада и Востока была, как известно, эпоха монгольского владычества. Несмотря на сравнительно большое число трудов, посвященных монгольской империи, многое еще остается неясным и продолжаются попытки привлечения новых материалов или иного освещения прежних. По смелости вывода обращает на себя внимание статья Е. Херцфельда «Alongoa»[33]. Известно, что Алонгоа, собственно Алань-хоа, была, по монгольской легенде, матерью Бодунчара, отдаленного предка Чингиз-хана. Бодунчар и двое из его братьев родились без отца; их мать забеременела от луча света, проникшего к ней через верхнее отверстие юрты. По версии монгольского эпического сказания[34], наиболее подробной, Алань-хоа рассказывала, что таким путем приходил к ней «человек золотистого цвета» и гладил ее по брюху; исходивший от него свет проник в ее утробу; уходя, он «взбегал по лучам светил, словно желтый пес»[35]. Все это мало похоже на рассказ Плутарха о видении Олимпиады, матери Александра, где говорится о поражении царицы молнией, о поднятии из раны пламени, разделившегося на языки. Тем не менее Херцфельд считает зависимость монгольской легенды от греческой несомненным фактом, и даже в имени Алань-хоа (имеющем вполне ясную монгольскую этимологию) он видит только искажение имени Olimpias, с обычной в арабском алфавите заменой буквы *ф*, часто выражающей

[30] Ibid., p. 257 sq.

[31] Ibid., p. 72.

[32] *The name of «Messiah»*, p. 589. См. также: Chavannes — Pelliot, *Un traité*, pt. II, p. 134.

[33] DI, Bd VI, S. 317—327.

[34] Переведено с китайского (впоследствии был открыт монгольский подлинник) под названием *Юань-чао би-ши* («Секретная история монголов») <*Сокровенное сказание*> Палладием Кафаровым; часть переведена: Blochet, *Introduction*, pp. 272—298.

[35] Так по переводу Палладия <Кафарова> (стр. 26); по переводу Blochet, <*Introduction*>, p. 279: «Il partait a la lumiere du soleil et de la lune en rampant comme un chien iaune».

звук *n*, буквой *k* (*q*); предполагается, что при дворе Чингиз-хана читалось сказание об Александре с таким искажением имени его матери и что отсюда возникла монгольская легенда. Попутно греческая легенда сопоставляется и с евангельским рассказом о рождении Христа; но для христианской легенды зависимость от греческой признается только вероятной, для монгольской — несомненной.

Автор во время написания своей статьи находился в действующей армии и потому не мог произвести той работы, которая казалась бы необходимой. Им не выяснена зависимость всех мусульманских версий монгольской легенды от труда Рашид ад-дина, где легенда сообщается в нескольких вариантах [36]. Не выяснена и судьба легенды об Александре на мусульманской почве. Херцфельд слышал в 1913 г. курдский рассказ, в котором легенда об Александре соединена с легендой о Мидасе, и этот рассказ представляется ему новым фактом, которому будто бы нет параллели в литературе [37]; между тем эта версия легенды об Александре приводилась и по устным рассказам (армянским и турецким) [38], и даже со ссылкой на литературный источник — одно из сочинений плодовитого арабского писателя Суюти (ум. в 1505 г.[39]). У армян [40] есть и легенда об Александре, несколько более, чем рассказ Плутарха, хотя все же очень мало, похожая на рассказ об Алань-хоа; по этой легенде, настоящим отцом Александра был колдун, приходивший к Олимпиаде в образе дракона. Несмотря на крайнюю шаткость теории Херцфельда, в пользу ее высказываются теперь авторитетные ученые, как Эд. Мейер [41] и, по-видимому, К. Г. Беккер [42]. Заслуживает внимания заключительное замечание Херцфельда, что легенды о сверхъестественном рождении мировых завоевателей и основателей религий — восточного происхождения, но что все мысли древнего Востока были заимствованы Востоком послеалександровским только через посредство эллинизма. В такой общей форме это утверждение, может быть, преувеличено, но, несомненно, заключает в себе значительную долю истины. Еще в 1912 г. мною было отмечено [43], что Багдад, политический и культур-

[36] В одном месте (Рашид ад-дин, изд. Березина, II, 9) сказано только: «через отверстие кибитки вошел свет и в живот ее вошел»; несколько ниже (там же, стр. 10) сказано, что она видела во сне, как к ней приходил «некто светлорусый и голубоокий»; по другому месту (там же, стр. 49) приходил свет в образе живого человека.

[37] Herzfeld, *Alongoa*, S. 325: «wie ich glaube, literarisch unbelegte Vermischung der Alexandersage mit der Midassage».

[38] Доклад Минас Чераса на Первом международном съезде по истории религий; ср.: Tchéras, *La legende d'Alexandre-le-Grand chez l'arméniens* со ссылкой на статью Е. Лалаяна в журнале «Azgagracan Handés».

[39] Ссылка на Суюти у Исма'ила Хакки в его Комментарии на Коран, III, 624; откуда заимствована Н. П. Остроумовым, в <статье> *Искандар Зуль-карнайн*, стр. 34.

[40] В той же статье Tchéras, *La legende d'Alexandre-le-Grand chez l'arméniens*; указанием на нее я обязан Ю. Н. Марру.

[41] *Ursprung und Anfänge des Christentums*, Bd I, S. 55.

[42] *Der Islam*, S. 23.

[43] Бартольд, *От редакции*, стр. 5; <наст. изд., т. VI, стр. 368>.

ный центр ислама в лучшую для него эпоху, отстоит всего на 100 верст с небольшим от Вавилона, культурной столицы древнего Востока; и все же те астрономические и географические представления, которые когда-то перешли из Вавилона к грекам, были известны мусульманам только в их греческой форме и обозначались греческими терминами.

Более достоверный характер имеют относящиеся к монгольской эпохе данные, извлеченные из китайских источников профессором-синологом П. Пельо; но и этот материал в том виде, как он опубликован в настоящее время, еще не вполне сделался достоянием науки. Пельо совершил в 1908 г. экспедицию в Среднюю Азию; результатом ее должен быть многотомный труд «Publications de la Mission Pelliot», в котором два или три тома будут посвящены истории распространения в Китае персидского несторианства. Но эти томы, по словам самого автора, появятся еще не скоро, и потому им в 1914 г. была напечатана статья [44] с изложением главных результатов его исследования, почти без ссылок на источники; вследствие этого читатель не всегда получает возможность судить о том, насколько выводы автора могут быть признаны доказанными. Ограничусь одним примером, наиболее близким мне по моим собственным исследованиям. При монгольском дворе в Китае во второй половине XIII в. был сановник-христианин, которого китайская история называет Ай-се (Ngai-sie), мусульманские источники — Исой (среднеазиатское произношение имени Иса—Айса); по китайской истории, он был франком и принимал участие в деятельности китайских ученых учреждений. Среди писем папы на имя монгольских государей и сановников того времени есть письма на имя знатного пизанца Изола, собравшего в стране татар большие средства, очевидно посредством торговли, и пользовавшегося своим влиянием для покровительства своим единоверцам. Под влиянием совпадения времени и сходства имен должно было возникнуть предположение, которое и было высказано мною [45], что сановник Ай-се, или Иса, и пизанец Изол — одно и то же лицо; для культурной истории не только Востока, но и Европы представлял бы интерес факт, что европеец XIII в., притом недуховного звания (у Ай-се были жена и дети), мог, подобно иезуитам XVII в., наравне с мусульманами быть членом китайских ученых учреждений. Пельо решительно отвергает мое мнение и полагает, что Иса был христианином из Западной Сирии, природным языком которого был арабский. Главный его довод — что отец и дед Ай-се носили имена арабских христиан; между тем эти имена до сих пор никем не были приведены, не приводит их и Пельо и не говорит, где он их нашел. Только из его частного письма от 7 февраля 1923 г. я знаю, что имена находятся в надгробной надписи Ай-се, составленной китайским ученым Чэн Цзюй-фу (Tch'eng kiu-fou) и сохранившейся в собрании сочинений этого ученого; имя отца было Бу-лу-ма-ше (Pou-lou-ma-che),

[44] Pelliot, *Chrétiens.*

[45] В двух статьях: 1) *Пизанец Исол*; 2) *Европеец XIII в.*

имя деда — Бу-а-ли (Pou-a-li). Пельо не мог определить, какие арабские имена приводятся в этих транскрипциях, но считал несомненным, что словом *Бу* передается арабское *Абу*. Едва ли этого достаточно, чтобы утверждать, что «les noms du père et du grand-père de Ngai-sie sont les noms de chrétiens arabes».

25 октября 1922 г. Пельо в соединенном собрании пяти парижских академий произнес речь: «Mongols et papes aux XIII-e et XIV-e siècles». Эта речь, опубликованная Institute de France, также показывает, что Пельо располагает новым и интересным материалом о сношениях между Европой и монгольской империей. Между прочим, подтверждаются слова Иоанна де Плано Карпини, что данную ему и его спутникам в 1246 г. при дворе Гуюка татарскую грамоту «переписали по-саррацински» [46]; оказывается, что до сих пор в архиве Ватикана сохранился персидский текст грамоты с печатью великого хана, сделанной, по словам Плано Карпини, русским мастером Кузьмой [47]. С тех пор документ уже обнародован [48]; надо надеяться, что в не слишком отдаленном будущем выйдут в свет и другие работы Пельо, о которых было объявлено в печати; сюда относится исчерпывающее исследование о надписи в Сианьфу [49] и издание монгольского текста «секретной истории монголов». Выполнить эту последнюю работу в сравнительно недавнее время предполагал в России покойный проф. А. М. Позднеев [50]; потом ее взял на себя Пельо, писавший в 1920 г., что надеется «publier ce travail prochainement» [51].

6

Я могу сказать только несколько слов об изучении западной части мусульманского мира, более близкой читателям-неориенталистам, но более далекой от моих личных занятий. В статье, посвященной памяти главного исследователя мусульманской Испании, Дози, мною было указано, что Дози не обратил никакого внимания на вопрос о преемственности развития городской жизни в римскую эпоху, при вестготах, при арабах и после; при этом мною было высказано предположение, что уровень культуры Испании в эпоху арабского завоевания был не так низок, как можно было бы заключить из слов Дози [52]. В таком направлении, по-видимому,

---

[46] Плано Карпини, пер. Малеина, стр. 58.

[47] Там же, стр. 57.

[48] Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*.

[49] L. Giles, *Notes on the Nestorian Monument*. IV, p. 16.

[50] Ссылка на неоконченное литографированное издание *Юань-чао би-ши* встречается в русской литературе уже в 1912 г., ср.: Владимирцов, *Турецкие элементы*, стр. 161. Вопрос об издании был вновь поднят <Н. И. Веселовским> в 1914 г. (ЗВОРАО, т. XXII, стр. XXXV).

[51] Pelliot, *A propos des Comans*, p. 132.

[52] Бартольд, *Памяти Дози*, стр. 238; <ниже, стр. 713>.

теперь и выясняется этот вопрос благодаря четырехтомной истории Испании Альтамиры (Altamira), вышедшей вторым изданием в 1911 г.[53], причем в 1918 г. содержание этого труда было вкратце изложено на английском языке американским ученым [54]. При вестготах не только удержались провинциальные и муниципальные советы римского периода, но их положение даже улучшилось вследствие освобождения их от ответственности за уплату податей. Другими словами, при вестготах в Испании не было того упадка городской жизни, как при франках в Галлии.

Большой отклик имела и вызвала целую литературу [55] попытка Д. Мигель Асин Паласиоса [56] доказать зависимость «Божественной комедии» Данте от мусульманских, особенно аверроистских [57], эсхатологических представлений.

Наконец, позволяю себе коснуться в нескольких словах предмета, совершенно чуждого мне, но близкого читателям «Аннал», именно деятельности Альфонса Олара (Aulard), организатора коллективной работы по изучению французской революции. Сведения о нем, приведенные во второй книжке «Аннал», прерываются на 1917 г., когда Олар от имени Франции приветствовал русскую революцию и оканчивал свое приветствие девизом: «Лишь одна любовь созидательна, ненависть бесплодна» [58]. Тот же девиз был положен в основу лекции, прочитанной Оларом в марте 1923 г. в Кембридже, на которой я имел возможность присутствовать. Лектор старался доказать, что творческим периодом во французской революции был только период, предшествовавший террору. Об организации изучения французской революции и об изданиях Société de l'histoire de la révolution française Оларом был сделан доклад также на брюссельском съезде.

7

Выбор Брюсселя как места съезда одобрялся не всеми учеными, даже в союзной с Бельгией Англии; указывалось, во-первых, на отсутствие в Брюсселе интересных исторических памятников, во-вторых, на слишком свежие воспоминания о недавней войне. Первый довод едва ли был справедлив; экскурсии в Брюгге и на поле битвы при Ватерлоо, в которых мне удалось принять участие, были умело устроены и поучительны едва ли не для всякого историка. С другой стороны, опасения, связанные с политической атмосферой Бельгии, оправдались вполне; достаточно сказать, что в приветственных речах бельгийских ученых самый факт приезда ино-

[53] Altamira, *Historia de España.*

[54] Chapman, *History of Spain.*

[55] Becker, *Der Islam*, S. 27. К перечисленной там литературе можно прибавить статью: Cabaton, *La Divine Comédie et l'Islam.*

[56] *La escatología Musulmana.*

[57] Ibid, p. 333 (La filosofia dantesca es avicennista-averroista, mejor due tomista).

[58] Глаголева-Данини, *Научное изучение Великой Революции*, стр. 57.

странных гостей рассматривался как выражение симпатии к Бельгии и ее политике. На других речах политического характера, произнесенных на съезде, особенно при его закрытии, я не буду останавливаться.

Россия была представлена на съезде слабее, чем предполагалось. Из трех делегатов Академии наук только я один имел возможность пробыть на съезде все время; Е. В. Тарле не прибыл совсем; Н. П. Оттокар, живший во Флоренции, прибыл со значительным запозданием вследствие позднего получения французской визы, но все-таки успел прочитать свой доклад «Sur le rôle de la Commune et de la charte communale dans l'histoire des villes françaises au moyen âge». Из других русских ученых были И. И. Любименко, прибывшая из Парижа, где находилась в командировке, и прочитавшая доклад о проекте англо-русского союза в XVI и XVII вв., также несколько человек из наших бывших коллег, ныне постоянно живущих за границей, в том числе академик М. И. Ростовцев. Выдающийся московский историк А. Н. Савин, специалист по истории английских учреждений, предполагавший прибыть на съезд из Лондона, где он находился в командировке и занимался в архивах, скончался в Лондоне 29 января 1923 г.

Совершенно не будучи знаком с деятельностью прежних съездов, я не имею возможности судить о том, насколько отрицательные стороны брюссельского съезда были присущи и другим. Большое число докладов и секций неизбежно приводило к разбросанности. Секций было 13, но многие из них были разделены на подсекции; несколько секций, в дополнение к предусмотренным программой, образовались уже на самом съезде. Труднее всего было следить за работами других секций членам секции истории Востока, собиравшейся в отдаленном Palaise du Cinquantenaire, тогда как другие секции работали в Palaise des Académies или в помещениях, расположенных вблизи его.

В секции истории Востока был прочитан мой доклад: «L'orientation des premières mosquées», основанный на статье, напечатанной мною по-русски в 1922 г.[59]; доклад не вызвал прений. В той же секции, в день моего председательства, был прочитан доклад М. И. Ростовцева: «La Russie méridionale et la Chine», иллюстрированный диапозитивами, в общем представляющий изложение и дальнейшее развитие уже известных русским ученым теорий докладчика о связи древней культуры Южной России с культурой Дальнего Востока.

На других докладах, прочитанных в секции истории Востока, я не вижу надобности останавливаться: они перечислены в печатной программе съезда; сборник резюме докладов также был напечатан и роздан участникам съезда до начала его занятий. Едва ли также представляет интерес факт, что некоторые доклады были прочитаны не в той секции, для которой

[59] Бартольд, *Ориентировка мечетей.*

предназначались, или были перенесены из секций в общее собрание [60].

Перехожу к имевшим отношение к Востоку докладам в секции истории средних веков; сюда относятся доклады Л. Хальфена «Les origines asiatiques des grandes invasions» и А. Пиренна «Un contraste historique: Mérovingiens et Carolingiens». Содержание первого доклада определяется его заглавием. Мысль о связи между среднеазиатскими событиями и так называемым «великим переселением народов», конечно, не новая; но докладчиком едва ли не впервые было высказано предположение о связи событий второй половины IV в. с событиями, происходившими в Средней Азии на полвека раньше. Утверждение, что ориенталисты и общие историки до сих пор работают без всякого общения между собой, притом по различным методам, значительно преувеличено и едва ли применимо к таким ориенталистам, как покойный Эдуард Шаванн, и к таким общим историкам, как Теодор Линднер. Интересна была для меня личная беседа с докладчиком, которому поручено редактирование предпринимаемого во Франции коллективного труда по всемирной истории в 20 томах; по его словам, он все более переходит «avec armes et bagages» в стан исследователей истории Востока, убеждаясь в значении ее для мировой истории.

В основу доклада Анри Пиренна положена мысль, выраженная им в двух статьях, напечатанных во вновь основанном в 1922 г. органе: «Revue Belge de philologie et d'histoire» [61]. Вторая статья носит то же заглавие, как доклад, первой было дано несколько громкое заглавие: «Mahomet et Charlemagne». По мнению Пиренна, деятельность Карла Великого, тесно связанная с перенесением центра не только политики, но и культуры из бассейна Средиземного моря в бассейн Северного, была прямым последствием завоевания Сирии и Египта мусульманами, вследствие чего прекратились торговые сношения между юго-восточным углом Средиземного моря и Южной Францией, остававшиеся довольно оживленными еще и в VI в. Вследствие этого эпоха Меровингов должна быть отнесена еще к эпохе античного мира, и только с эпохи Каролингов устанавливаются условия, характерные для средних веков.

Критическое рассмотрение этой, во всяком случае интересной, мысли должно быть предоставлено специалистам. Для неспециалиста не вполне ясно, насколько мнение докладчика может быть согласовано с хорошо известным фактом быстрого исчезновения в эпоху Меровингов остатков римской цивилизации; сам Пиренн говорит об этом: «Ce qui subsistait encore de la civilisation romaine s'y dissout avec une rapidité surprenante. La barbarie y domine partout» [62]. Не затрагивается вопрос, не может ли упадок

[60] Сюда относится доклад J. Capart, *Les fouilles récentes de la Vallée des Rois*, иллюстрированный превосходными диапозитивами. Ср. о тех же раскопках статьи: В. Струве, *Новые открытия* и В. Викентьев, *Фараон Тутанхамон*.

[61] Pirenne, *Un contraste économique*; idem, *Mahomet et Charlemagne*.

[62] Pirenne, *Mahomet et Charlemagne*, p. 83.

торговли Марселя находиться в связи с первыми проблесками торгового значения итальянских городов. Наконец, представление Пиренна о быстроте мусульманских завоеваний сильно преувеличено; по его словам, потребовалось немногим больше 50 лет, чтобы были захвачены области «de la mer de Chine à l'Océan Atlantique» [63]. Известно, что до «mer de Chine» мусульманские завоеватели вообще не доходили.

Мне удалось присутствовать также на двух заседаниях секции византийской истории; среди прослушанных мною докладов был интересный доклад Габриэля Милле о первоначальном виде купола св. Софии. Докладчик дает новое толкование тексту Агафия [64] и доказывает, что первоначальный купол, обрушившийся 7 мая 558 г., имел эллиптическое основание и покрывал всю среднюю часть здания; пандативы, заполняющие теперь промежутки между четырьмя большими арками и основанием купола, возникли только при перестройке.

Габриэль Милле в той же секции прочитал доклад, присланный по его просьбе Н. Я. Марром (находившимся в то время в Париже): «Sur quelques termes désignant l'arc et la voûte». Я не мог присутствовать при чтении доклада и слышал только часть прений, из которых было видно, что присутствовавшие имели совершенно неправильное представление о лингвистических теориях Н. Я. Марра и считали их основанными на подобном сближении культурных слов. Наконец, в той же секции известный деятель [65] из иезуитов-болландистов патер П. Питерс прочитал доклад: «Sur la nécessité d'un dictionnaire onomastique de l'Orient médiéval».

При чтении доклада мне не пришлось присутствовать: в личной беседе с докладчиком я высказал ему свои сомнения, своевременна ли такая работа теперь, когда восточные тексты большею частью еще остаются неизданными. По мнению докладчика, это не является препятствием к выполнению работы, если руководство ею будет возложено на Н. Я. Марра. Насколько мне известно, Н. Я. Марр такого предложения до сих пор не получал.

Из докладов, прочитанных в общем собрании, можно упомянуть о докладах М. И. Ростовцева «La crise politique et sociale du III-e siècle après Jêsus-Christ», Ф. Ф. Зелинского «La Sybille et la fin de Rome» и сэра Вильяма Рамсея «Anatolian influence in developing Hellenism». Особенный интерес представлял для меня последний доклад в связи с известной мне частью теорий Н. Я. Марра. Докладчик остановился, между прочим, на слове *dulos* 'раб', не имеющем, по его словам, индоевропейской этимологии [66], и привел известные слова Исихия (Hesychios), что *dulos* значит

[63] Ibid., p. 84 sq.

[64] Агафий, V, 9.

[65] О его заслугах: И. Крачковский, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0106.

[66] Ср.: Johansson, *Indische Miszellen*, p. 232, где предложено, едва ли удачно, сближение с санскр. dâra «Haus, Weib» и толкование «Haus, als Kollektiv für das (weibliche) Hauspersonal».

oikia 'дом'. М. И. Ростовцев остановился преимущественно на внутренней жизни Римской империи, особенно на господстве солдатчины; главной причиной кризиса было, по его словам, восстание крестьян против городов. Ф. Ф. Зелинский проследил историю Сивиллы от отожествления ее с Кассандрой до возникновения христианства.

Дать общий свод прочитанных на съезде докладов на основании опубликованных резюме едва ли было бы возможно; слишком разнообразны были темы докладов при полном отсутствии какого-либо общего плана занятий. Трудно было бы также установить связь между предметами занятий съезда и очередными задачами науки. Известно, что один из главных боевых вопросов современной исторической науки — вопрос о происхождении микенской, или эгейской, культуры и о месте ее в мировой истории. Между тем этой области был посвящен только один доклад, именно доклад греческого ученого М. Н. Кипариссиса по специальному вопросу об «Итаке» Одиссея. Докладчик склоняется в пользу Кефалонии, где раскопки последних лет привели к открытию большого числа предметов последнего периода микенской культуры, тогда как ни на Итаке, ни на Левкаде не найдено «de vestiges vraiment importants d'une civilisation mycénienne».

Остается еще упомянуть о постановлениях съезда, объявленных на его последнем заседании 15 апреля. Эти постановления касались: 1) возобновления международной библиографии исторических наук (взамен немецких «Jahresberichte über die Fortschritte der Geschichtswissenschaft»), согласно предложению венгерского профессора Хорвата, едва ли не единственного представителя стран прежней среднеевропейской коалиции, принимавшего участие в съезде; 2) издания международного органа по византиноведению («Etudes Byzantines») вместо «Byzantinische Zeitschrift» при участии М. И. Ростовцева; предложение внес бельгийский ученый Грегуар, насколько мне известно, оно уже приводится в исполнение; 3) издания «Revue internationale d'histoire économique»; предложение внес страсбургский профессор Люсьен Февр; 4) централизации архивного дела без ущерба для самостоятельности отдельных архивов.

Главным языком съезда, конечно, был французский, хотя и английскому было отведено значительное место; на немецком языке не было ни одного доклада, хотя этот язык был, конечно, допущен правилами съезда; итальянский, как всегда, был слабо представлен. Сверх того, едва ли не в первый раз был допущен испанский язык, на котором было заявлено два доклада, именно доклад Р. Баллестера из Вальядолида о Каталонской хронике XVIII в. и (в секции истории медицины) доклад д-ра Фернандеса де Алькаде из Мадрида: «Misión civilizadora in Nuova España del Obispo Don Franz Antonio del Alcalde, reinando Carlos III». Были ли эти доклады фактически прочитаны, мне неизвестно. О допущении славянских языков не было речи, хотя местом следующего съезда в частных разговорах намечались Прага и Варшава. Официальное решение этого вопроса было отложено на три года, до 15 апреля 1926 г.

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОКА — ГЛАВНЕЙШАЯ ЗАДАЧА АКАДЕМИИ

В состав СССР вошли северные окраины нескольких восточных культурных миров прошлого и настоящего — древневосточного, восточно-христианского, мусульманского и буддийского; Россия и теперь СССР ближе всего стоят к среднеазиатскому культурному миру, значение которого заключается не столько в собственных достижениях, сколько в результатах взаимодействия различных культурных влияний с юга, запада и востока.

Средней Азией интересовались и интересуются не одни русские ученые, но во многих отношениях Средняя Азия была открыта для науки русскими, и без русских работ изучение Средней Азии остается и до сих пор невозможным.

Не случайно первый вошедший в состав академии ученый [1] В. В. Вельяминов-Зернов (избран в 1858 г.) был специалистом по истории Средней Азии. Гораздо раньше среднеазиатский культурный мир, почти неизвестный на Западе и более всего доступный из России, привлекал к себе находившихся на русской службе ученых иностранцев.

Будущий академик Френ в начале XIX в. был профессором в Казани и в 1809 г. представил проект учреждения там «восточного училища», притом не в самом городе, а в одной из татарских слобод, чтобы «студенты воображали, что живут на Востоке». Впоследствии, уже в звании академика, Френ продолжал интересоваться успехами изучения татар и их культуры и выдвинул научную задачу, не выполненную и до сих пор, — составления истории Золотой Орды [2].

Татарскому и вообще среднеазиатскому культурному миру посвятил годы своей молодости другой русский академик — В. В. Радлов, собравший лингвистический и этнографический материал для изучения турецких народностей, материал, остающийся и до сих пор основой всяких дальнейших изысканий в этой области. Известно, что Радлов был не только книжным ученым, но одним из талантливейших непосредственных наблюдателей жизни; его книга о Сибири чрезвычайно популярна. Картины

---

[1] <Первый *русский* ученый. — *А. К.*>

[2] <Ср. теперь: Греков — Якубовский, *Золотая Орда*. — *Н. Т.*>

природы и быта Средней Азии нарисованы так, как может рисовать их только человек, испытывающий истинное наслаждение в общении с природой и близкой к природе жизнью. Недаром Радлов в предисловии называет годы, проведенные в степях Средней Азии, лучшими годами своей жизни.

Работы Радлова представляют лучшее доказательство, что академическая книжность не всегда исключает способность понимать и передавать жизнь так, как она была и есть, притом передавать в форме, понятной и интересной не для одних только книжных людей.

Насколько академия в этом отношении поддерживает традиции Радлова, об этом менее всего было бы удобно говорить мне как представителю изучения Средней Азии в академии, хотя ясно, что деятельность академии не исчерпывается деятельностью академиков и что академия может работать с успехом только в тесном общении с деятелями высшей школы и вообще с исследователями, работающими на местах.

В частности, для востоковедения необходимо широкое развитие гуманитарных наук, необходима постановка вопросов исключительно в зависимости от требования научной мысли и научной правды, без подчинения предвзятым теориям и без уступки временным тенденциям, особенно националистическим.

Что во всех этих отношениях, если не в академии, то вообще в русском востоковедении, не все обстоит благополучно, с этим, вероятно, согласится всякий, кто за последние годы имел общение с Поволжьем, Кавказом и Туркестаном. Достаточно сказать, что в Казани, некогда средоточии русского востоковедения, теперь в местной печати выражается скромное пожелание, чтобы гуманитарные науки были вновь допущены в университет.

Нет сомнения, что это пожелание, если не теперь, то в близком будущем, будет удовлетворено и что на успехах науки на долгое время не отразится ни временное исключение ее из университетов, ни попытки отдельных ученых в угоду националистическим тенденциям изображать воинов Чингиз-хана и Батыя в виде людей необыкновенно высокой культуры.

PERSONALIA

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ

Некролог

16 мая скоропостижно скончался в С.-Петербурге, на 38-м году жизни, профессор турецко-татарской словесности Платон Михайлович Мелиоранский [1]. Покойный родился в ноябре 1868 г. и получил среднее образование в школе при лютеранской церкви св. Екатерины, а высшее — в петербургском университете, на факультете восточных языков, где кончил курс в 1891 г. и тогда же был оставлен при университете по кафедре турецко-татарской словесности. В 1894 г. П. М. Мелиоранский начал читать лекции в петербургском университете в качестве приват-доцента, в 1899 г. был удостоен степени магистра, в 1901 г. — степени доктора и тогда же был назначен экстраординарным, а в декабре 1905 г. — ординарным профессором. В 1902 г. он был назначен секретарем факультета восточных языков и в 1905 г. по введении автономии утвержден в этой должности по избранию факультета.

Еще будучи студентом, в 1890 г., П. М. Мелиоранский был командирован в Оренбургскую губернию для изучения на месте киргизского [2] наречия и собирания материала по фольклору; плодом этой командировки был его первый печатный труд — «Киргизские пословицы и загадки» (ЗВОРАО, т. VII). В 1893 г. факультет командировал его на Запад для исследования некоторых рукописей западноевропейских библиотек, особенно в Лондоне и Оксфорде. Результатом этой последней командировки явились статья «Сказание о пророке Салихе» («Сборник статей учеников барона В. Р. Розена», СПб., 1897), докторская диссертация «Араб-филолог о турецком языке» (СПб., 1900) и ее продолжение «Араб-филолог о монгольском языке» (ЗВОРАО, т. XV). Приступив к чтению лекций, П. М. Мелиоранский должен был озаботиться обновлением устарелых учебных пособий по своей специальности; кроме переиздания некоторых текстов им была напечатана «Краткая грамматика казак-киргизского языка» (ч. I. Фонетика и этимология, СПб., 1894; ч. II. Синтаксис, СПб., 1897); на этой работе главным образом основывается его известность среди

[1] <См.: Самойлович, *Памяти Мелиоранского* (список трудов — отд. отт., стр. 15—20); ИИН, № 10908—10910; Дулина, *Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем.* — *А. К.*>

[2] <Казахского.>

неспециалистов. Тему как для вступительной лекции, так и для магистерской диссертации [3] дало П. М. Мелиоранскому событие, составившее эпоху в истории его специальности, именно открытие датским лингвистом В. Томсеном (в 1893 г.) ключа к орхонско-енисейским надписям. В последние годы своей жизни покойный, продолжая внимательно следить за работами основанной Томсеном новой школы туркологов, в то же время был занят разрабатыванием темы, предложенной на премию Академией наук, — определить, какие слова турецко-татарского происхождения перешли в русский язык еще в домонгольский период. Несколько небольших статей на эту тему он успел напечатать в «Известиях» академии по отделению русского языка и словесности.

Таковы в общих чертах итоги его кратковременной научной деятельности, насколько она проявлялась в печатных трудах, но эти итоги далеко не определяют собою результатов всей его деятельности как ученого. Кропотливые кабинетные изыскания никогда не заставляли его забывать о главной задаче профессора — быть вдохновителем и руководителем чужих трудов, и трудно сказать, которая из этих двух сторон его деятельности имела больше значения в его жизни, тем более что для него судьба закрыла путь к тем самым изысканиям, которые он сам считал наиболее плодотворными и необходимыми. Он вполне сознавал и не раз высказывал в печати, что, пока целый ряд турецко-татарских наречий остается неисследованным, главной задачей турколога должно быть собирание возможно большего количества лексического материала, что только после этого возможно будет поставить на твердую почву изучение письменных памятников, большею частью сохранившихся только в плохих и поздних списках. Состояние его здоровья не позволяло, однако, ему подвергнуть себя тем трудностям и лишениям, с которыми связаны поездки с научною целью в страны, населенные народами турецко-татарского племени. Вынужденный отказаться от изучения на месте живых турецких наречий, П. М. Мелиоранский пользовался каждым случаем, чтобы оказать содействие чужим трудам в этой области. При его деятельном участии печатался (еще не оконченный) монументальный труд академика В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий»; под его руководством производили свои исследования целый ряд молодых ученых, как В. Н. Писарев и теперь Н. Н. Мартинович в Малой Азии, Н. З. Бравин среди крымских ногайцев, А. Н. Самойлович среди туркмен и И. А. Беляев среди каракалпаков и кара-киргизов. Местные деятели, оренбургские, казанские и ташкентские, часто обращались к П. М. Мелиоранскому за советом и всегда встречали с его стороны полную готовность оказать возможное содействие их трудам.

Приведенными трудами молодых ученых достаточно определяются заслуги П. М. Мелиоранского как университетского преподавателя.

[3] *Памятник в честь Кюль-Тегина.*

Можно только удивляться результатам, достигнутым им в такой короткий срок, особенно если вспомнить положение его специальности в университете до него и те условия, при которых пришлось учиться ему самому. Лекций по туркологии, кроме османского наречия, строго говоря, не было совсем; престарелый профессор И. Н. Березин, давно отставший от науки, читал только небольшое число лекций в год; только благодаря личной любезности В. В. Радлова, не занимавшего преподавательской должности, но всегда охотно отдававшего свое время руководству молодыми силами, П. М. Мелиоранский вообще имел, хотя и вне университета, руководителя по своей специальности. Из всех университетских учителей П. М. Мелиоранский, как и все его сверстники, более всего был обязан барону В. Р. Розену, но и указания последнего дали направление только небольшой части его работ, именно той, которая связана с его командировкой 1893 г. Восстановить значение туркологии как предмета университетского преподавания было нелегко, тем более что среди студентов факультета этот предмет всегда был наименее популярным — как по своей трудности, так и по своей непригодности для карьеры дипломата, к которой обыкновенно стремятся более даровитые из студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда. Заинтересовать студентов историей народа или его литературы было бы еще возможно, но П. М. Мелиоранский всегда был и сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения. Трудность и неблагодарность задачи, однако, не заставили П. М. Мелиоранского отказаться от своего призвания; не довольствуясь внесением лингвистической точки зрения (совершенно для студентов непривычной [4]) в преподавание своей специальности, он с 1900 г. ввел на факультете еще необязательные занятия по общему языкознанию, и попытка эта увенчалась неожиданным успехом. Необязательный курс каждый год находил слушателей. Несмотря на это, из школы П. М. Мелиоранского не вышло лингвистов в собственном смысле слова; его неоконченные работы чисто лингвистического характера, как его последние изыскания о вошедших в русский язык турецко-татарских словах, едва ли найдут продолжателей. Ученики П. М. Мелиоранского, записывавшие по его указаниям турецко-татарские тексты, увлекались этой работой не как материалом для изучения малоисследованных наречий, а как памятником

[4] Среди русских ориенталистов всегда было всего менее чистых лингвистов. Как мало были понятны лингвистические задачи туркологии для ориенталистов старого поколения, видно из официального требования, обращенного к факультету в 1894 г. по представлению В. В. Вельяминова-Зернова, — прекратить совершенно «чтение по плохо установленным текстам песен и сказок на наречиях мало исследованных и не имеющих почти вовсе литературы». Таким образом, степень важности наречия определялась исключительно существованием на нем письменной литературы, и требовалось исключение из программы преподавания всех произведений народного творчества.

народного творчества и источником для изучения народного быта. В этом отношении школа, созданная П. М. Мелиоранским, дала блестящие результаты, и для развития туркологии в России его одиннадцатилетняя преподавательская деятельность была несравненно плодотворнее, чем сорокалетняя деятельность его предшественника по кафедре [5].

Подробно говорить о Платоне Михайловиче Мелиоранском как о человеке и товарище едва ли удобно для пишущего эти строки: при тесных дружеских отношениях, существовавших между нами со времени нашего одновременного поступления в университет в 1887 г., мне неизбежно пришлось бы при этом говорить о себе самом. Не могу, однако, не вспомнить с благодарностью о том, чем было для меня товарищеское сочувствие покойного в тяжелое время моей жизни, особенно во время несчастия, случившегося со мной при моей первой командировке в Туркестанский край. Такие же отношения соединяли П. М. Мелиоранского с прочими старшими и младшими товарищами от студенческой скамьи до профессорской кафедры, и все пережившие его, несмотря на все разнообразие своих взглядов и на коренное несогласие их со взглядами покойного, с неподдельным горем услышали весть о его безвременной кончине. Для факультета восточных языков эта смерть является незаменимой потерею на многие годы.

[5] <На отдельном оттиске этой статьи (очевидно, авторском экземпляре) рукой В. В. Бартольда приписано в этом месте в квадратных скобках карандашом: И. Н. Березин. — *Н. Т.*>

БАРОН В. Р. РОЗЕН И РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ОРИЕНТАЛИЗМ

Отношение покойного барона В. Р. Розена к различным отраслям русского ориентализма определялось не только широтой его научных интересов, но и его взглядом на русское востоковедение как один из важнейших факторов русской культуры. Покойный, как было отмечено в одном из его некрологов, принадлежал к числу патриотов-националистов [1], но не в смысле требования особых преимуществ для русского народа и угнетения других национальностей. Виктор Романович понимал, что как положение России среди культурных стран, так и первенство русского народа в созданной им империи может быть обеспечено только при условии осуществления представителями этого народа культурных задач, определяемых географическим положением России и составом ее населения. Будущее значение для европейской науки русских трудов по востоковедению было ясно уже для современников той эпохи, когда в России по воле Петра Великого возникали первые научные учреждения европейского типа [2]; для того же преобразователя России была уже вполне ясна тесная связь между знанием Востока и возможностью оказывать на него влияние, т. е. между развитием русского ориентализма и осуществлением политических и культурных задач России на Востоке [3].

Виктор Романович сознавал, что для успехов русского востоковедения, как и других факторов русской культуры, необходимо устранение противоположности между кипучей работой в столицах и «вековой тишиной в глубине России». Мысль о централизации русского востоковедения, проведенная в жизнь в половине XIX в., посредством учреждения факультета восточных языков при С.-Петербургском университете не пользовалась сочувствием Виктора Романовича; им неоднократно [4] высказывалось в печати убеждение, что интересы русского востоковедения требуют

---

[1] Коковцов, *Барон В. Р. Розен*, стр. 172. <О В. Р. Розене (1849—1908) и библиографию его работ см. теперь: Ливотова, *Основная литература*, стр. 503—504. См.: *История АН СССР*, т. II, стр. 622—624; ИИН, № 11016—11027; Крачковский, *Очерки*, стр. 139—143. — *А. К.*>

[2] Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft*, S. 264.

[3] Ср., например: ПСЗ, № 1800 (1700 г.).

[4] В первый раз в ЗВОРАО, т. IV, стр. 115—121.

учреждения кафедры восточных языков при историко-филологических факультетах всех русских университетов, прежде всего Московского, где осуществление этой мысли, по местным условиям и историческим традициям, встретило бы меньше всего затруднений [5]. Когда в 1893 г. возникла мысль о перенесении двух кафедр — тюркско-татарских и финских наречий — из Казанского университета в С.-Петербургский, на факультет восточных языков, Виктор Романович категорически высказался против такой меры, которая, по его мнению, «лишила бы провинцию весьма немаловажного культурного фактора в пользу несравненно более богатой культурными факторами столицы» [6].

Заботясь о насаждении в провинции университетского преподавания восточных языков, ожидая действительного «углубления, расширения и движения вперед русского востоковедения» только «от тех адептов его, которые свою жизнь ему посвящают и при этом применяют приемы, выработанные филологическою и историческою наукой» [7], Виктор Романович следил с живым сочувствием и за теми работами русских провинциальных ориенталистов, которые, не обладая необходимой подготовкой и работая вдали от научных центров, были вынуждены ограничиваться собиранием сырого материала. Виктор Романович горячо приветствовал каждую попытку организации научных сил на азиатских окраинах России, от Туркестана, где в 1895 г. образовался «кружок любителей археологии» [8], избравший Виктора Романовича в 1898 г. своим почетным членом, до Амурского края, которому Виктор Романович в 1890 г. предсказывал великую будущность [9]. Правда, покойного, по свойствам его личного характера, еще больше радовали немногочисленные случаи проявления самостоятельной инициативы в этом отношении, те случаи, когда серьезные научные работы выполнялись людьми, приступавшими к своим задачам не только независимо от предписаний начальства, но и помимо всяких обществ и кружков, иногда без руководителей, часто при полном равнодушии окружающей их среды. Многие, вероятно, помнят, как был доволен Виктор Романович, когда такие деятели (среди них был, например, воспитанник Туркестанской учительской семинарии, добровольно прошедший также курс медресе [10]), приехав на короткое время в Петербург, посещали заседания нашего отделения, и как охотно он давал место подобным работам на страницах «Записок» отделения, что, к сожалению,

[5] Розен, *О восточном факультете*, стр. 165.

[6] МИФВЯ, т. II, стр. 286.

[7] Розен, *О восточном факультете*, стр. 163.

[8] О приветствии, посланном кружку Восточным отделением РАО по предложению Виктора Романовича, см.: ЗВОРАО, т. X, стр. XII. Ср. также письмо Виктора Романовича, напечатанное в протоколе заседания того же кружка 10 ноября 1897 г. <ПТКЛА, год III>, стр. 5.

[9] Розен, ЗВОРАО, т. V, стр. 323.

[10] <Речь идет о Михаиле Степановиче Андрееве; о нем см.: Писарчик, *М. С. Андреев. — А. К.*>

происходило далеко не так часто, как было желательно для самого Виктора Романовича.

Покойному были близки и понятны всякие научные стремления местных деятелей, как бы ни был далек предмет этих стремлений от круга его собственных занятий; одно до конца жизни оставалось для него непонятным — равнодушие значительной части русского общества на окраинах к вопросам, касающимся местности, где им приходилось жить и действовать, и ее населения. Виктор Романович не удивлялся тому, что деятели, поселившиеся в крае уже в зрелом возрасте, не всегда успевали в достаточной степени ознакомиться даже с языком коренных жителей; но он не раз выражал свое удивление, что и сыновья таких деятелей, родившиеся в том же крае, не всегда научались объясняться с туземцами.

Основанный Виктором Романовичем в 1885 г. орган русского востоковедения по первоначальному плану должен был служить еще в большей степени интересам популяризации знаний, чем интересам разработки научных вопросов специалистами. Предполагалось, что объем всего издания не превысит десяти печатных листов в год, что в нем не будет печататься других научных исследований, кроме рефератов, читанных в заседаниях Восточного отделения Археологического общества [11], и что в нем особенно значительное место будет отведено библиографическому отделу. Жизнь уже в первый год издания «Записок Восточного отделения» заставила изменить этот план. Статьи по отдельным научным вопросам оказались гораздо многочисленнее и обширнее, чем ожидали, и объем всего издания был значительно увеличен; с другой стороны, библиографический отдел знакомил русских читателей с успехами западноевропейского ориентализма далеко не в той полноте, которая признавалась желательной, не исключая и отрасли знаний, составлявшей предмет специальных занятий покойного редактора «Записок» [12]. «Записки» заняли почетное место среди органов европейского ориентализма; западноевропейские ориенталисты в большей степени, чем прежде, стали считаться с работами русских ученых; но среди русских читателей «Записки» не пользовались сколько-нибудь широким распространением, и даже обмен изданиями был установлен далеко не со всеми периодическими органами, выходившими в азиатских владениях России [13].

В первые годы существования «Записок» Виктор Романович, как было указано в одном из его некрологов [14], должен был вести библиографический отдел почти без сотрудников и составлять отзывы даже о таких изданиях, которые не имели никакого отношения к предмету его специаль-

[11] ЗВОРАО, т. I, стр. I—II.

[12] Ср. об этом слова самого Виктора Романовича в ЗВОРАО, т. VIII, стр. 170 и сл.

[13] Так, обмен с «Туркестанскими ведомостями» (мнение Виктора Романовича о значении этого органа см.: ЗВОРАО, т. IX, стр. 243) был установлен только в 1898 г.

[14] Веселовский, *Барон В. Р. Розен*, стр. 183; отд. отт., стр. 19.

ных занятий, например об изданиях, выходивших в Восточной Сибири. Такие рецензии часто заключали в себе кроме кратких сведений о содержании книг только выражение сочувствия культурной работе местных деятелей; но иногда Виктор Романович пользовался и этими рецензиями для выражения своего мнения по принципиальным вопросам, одинаково важным для всех провинциальных изданий, независимо от специальности. Так им была отмечена склонность некоторых редакций помещать рядом со статьями на русском языке оглавление или даже резюме тех же статей на одном из иностранных языков. Доказывая нецелесообразность такого приема, Виктор Романович в той же рецензии указывал на наиболее действительное средство для ознакомления иностранных читателей с русскими работами — доставление в иностранные журналы рефератов о русских работах по той или другой специальности, появившихся за определенный период времени [15].

Гораздо более полезных указаний заключали в себе, конечно, рецензии Виктора Романовича на труды, близкие к его специальности, особенно на казанские и ташкентские издания. Особенное значение Виктор Романович придавал тем сведениям об исламе и о быте мусульманских народностей, которые могли сообщить своим читателям непосредственно знакомые с этим бытом казанские и туркестанские исследователи. Не будучи безусловным почитателем ислама, вполне признавая «сравнительную скудость мухаммедовой религии» [16], Виктор Романович, однако, считал изучение ислама «настоящей и благодарнейшей задачей арабиста-историка», несравненно более важной, чем изучение арабской поэзии и литературы и даже арабской науки. Ислам, по его мнению, — «настоящий аттестат зрелости, если можно так выразиться, арабской народности, главный вклад ее в культурную историю человечества, центр, из которого исходят все лучи арабского просвещения, и фокус, в котором они в большей или меньшей степени отражаются» [17].

Уже в I томе «Записок» Виктор Романович посвятил несколько рецензий трудам представителей Казанской духовной академии. Миссионерской цели этих трудов Виктор Романович сочувствовал далеко не вполне; для «духовного слияния инородческих элементов с господствующей народностью» миссионерская «полемика о коране и мусульманской догматике с учеными муллами» казалась ему менее действительным средством, чем «распространение среди мусульман обще-русского образования и привлечение молодежи в русские школы». Но миссионеры заботились и об изучении ислама, хотя исключительно для целей борьбы с ним, и в этом отношении их труды, по признанию Виктора Романовича, заслуживали внимания и тех, «которые посвятили себя изучению мусульманской истории и литературы независимо от какой бы то ни было практической миссионерской или политической цели» [18]. С этой точки зрения

[15] Розен, ЗВОРАО, т. VII, стр. 343. [16] Розен, ЗВОРАО, т. III, стр. 153.
[17] Розен, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 173. [18] Розен, ЗВОРАО, т. I, стр. 39.

Виктору Романовичу неоднократно приходилось разбирать труды казанских и отчасти ташкентских исследователей ислама. В этих рецензиях им отмечалась несостоятельность попыток решать сложные исторические вопросы без необходимой подготовки и без применения выработанных наукою методов [19], но в то же время указывалось на возможность обогащения науки новыми ценными данными даже при полном отсутствии книжной учености, только при наличности терпения, наблюдательности и умения снискать доверие туземцев [20]. Как на особенно заманчивую задачу Виктор Романович указывал на изучение туркестанских дервишеских орденов [21]. В этом отношении Виктору Романовичу не пришлось видеть плоды своих трудов; как в начале его деятельности, так и до сих пор русская наука не обладает ни одним сколько-нибудь обширным оригинальным трудом по изучению ислама, который бы мог быть признан шагом вперед в науке, за исключением некоторых работ, посвященных бабизму.

Кроме изучения ислама была еще одна задача, поставленная на очередь русскими арабистами задолго до основания ЗВОРАО, при осуществлении которой можно было рассчитывать на участие местных деятелей, именно собрание арабских известий о Средней Азии. Из собственных трудов Виктора Романовича этой задаче была посвящена только студенческая работа, оставшаяся ненапечатанной [22], но еще в 1895 г., по поводу изданного в Ташкенте Н. Ф. Петровским перевода книги Шпренгера «Die Post- und Reiserouten des Orients», им указывалось на необходимость и возможность осуществления давно задуманного плана и на важность участия в этом деле лиц, непосредственно знакомых с природой края и в особенности с его географической номенклатурой. Виктор Романович понимал, что сопоставление арабских географических названий с современными может привести к более достоверным результатам, чем собрание даже самого большого количества рукописных вариантов [23]. До некоторой степени эта надежда впоследствии осуществилась главным образом благодаря работам самаркандского деятеля В. Л. Вяткина [24].

Кроме работ, посвященных изучению ислама и другим специальным научным задачам, Виктор Романович, конечно, приветствовал появление и таких трудов местных деятелей, которые имели целью приведение в известность литературного, лингвистического и этнографического материала независимо от тех выводов, которые на основании этого материала будут сделаны учеными.

---

[19] Ср. особенно: Розен, ЗВОРАО, т. II, стр. 283—301.

[20] Розен, ЗВОРАО, т. X, стр. 210.

[21] Розен, ЗВОРАО, т. II, стр. 158 и т. X, стр. 211.

[22] Об этой работе (об Абу Дулефе) см.: *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 54.

[23] Розен, ЗВОРАО, т. IX, стр. 297.

[24] Ср.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 052.

Среди собственных трудов Виктора Романовича труды по каталогизации восточных рукописей занимают, как известно, значительное место, причем эти труды не ограничивались областью его специальных занятий. Составленный им каталог персидских рукописей учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел остается до настоящего времени образцовой и даже единственной в своем роде работой; описанное в каталоге Виктора Романовича собрание остается единственным в России собранием персидских рукописей, имеющим подробный catalogue raisonné. Из трудов туркестанских ориенталистов Виктор Романович мог отметить только одну попытку в этом направлении, именно каталог персидских, арабских и турецких рукописей Туркестанской публичной библиотеки, составленный в 1889 г. учеником Виктора Романовича, покойным Е. Ф. Калем. Надеждам, выраженным в отзыве Виктора Романовича об этом труде [25], не суждено было осуществиться; ранняя смерть уже в 1891 г. прекратила деятельность молодого ориенталиста [26]; найти ему преемника, который мог бы работать при тех же условиях, также оказалось невозможным. Е. Ф. Каль остается до настоящего времени единственным из работавших в Туркестане ориенталистов [27], имевшим возможность посвящать науке не только часы досуга, но все свое время.

Виктор Романович интересовался, конечно, и отдельными восточными рукописями, которые могли быть найдены в Туркестане и среди которых могли оказаться экземпляры сочинений, совершенно неизвестных или считающихся в Европе утраченными. Переданная ему в 1893 г. А. Г. Туманским рукопись вновь открытого географического сочинения X в. на персидском языке [28] тогда же была им переписана полностью. В 1894 г. им была выражена надежда, что в Средней Азии будут найдены экземпляры важного для культурной истории Средней Азии сочинения *Мулхакāт ас-Сурāх*, составленного в начале XIV в. Джемалем Карши [29]. В этом случае указание Виктора Романовича оказалось пророческим; Азиатский музей Академии наук в настоящее время обладает двумя рукописями этого сочинения, приобретенными в Туркестане [30].

Из туркестанских работ лингвистического характера Виктором Романовичем были отмечены изданные в Ташкенте словари таджикского («Русско-персидский словарь» В. П. Наливкина) и узбекского («Карманный русско-узбецкий словарь» Сер-Али Лапина) языков. По поводу словаря В. П. Наливкина им было высказано пожелание, чтобы в подобных

[25] Розен, ЗВОРАО, т. V, стр. 124.

[26] ЗВОРАО, т. VI, стр. VI; Веселовский, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 165.

[27] Мы, конечно, не говорим о лицах, командированных в Туркестан с ученою целью, вообще о приезжавших в край на короткое время.

[28] Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 123.

[29] Петровский, *Башня «Бурана»*, стр. 353, прим.

[30] Бартольд, *Мулхакāт-ас-Сурāх*, стр. 283; его же, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 271; <наст. изд., т. VIII, стр. 98 и 205 соответственно>.

трудах слова, заимствованные из живой речи, отделялись от слов, заимствованных из литературных памятников, и чтобы составитель тщательно указывал свои литературные источники [31].

Из этнографических работ туркестанских ориенталистов Виктор Романович дал отзыв об издании Н. П. Остроумова «Сарты». По поводу второго выпуска этого издания, посвященного сказкам сартов, Виктор Романович указал на необходимость «систематического собирания вариантов одной и той же сказки в разных местах» [32].

Все статьи и рецензии Виктора Романовича, на которые мы ссылались в настоящем очерке, появились в печати до 1897 г.[33]. В последующие годы семья русских ориенталистов, отчасти благодаря педагогической деятельности самого Виктора Романовича, значительно разрослась; Виктору Романовичу уже не было необходимости, как прежде, посвящать свое время трудам, находившимся вне круга его специальных занятий. Но круг его научных интересов оставался столь же широким, как прежде; не изменился и его взгляд на значение русского востоковедения как фактора русской культуры. Те из учеников Виктора Романовича, кому в эти годы приходилось проводить продолжительное время в Туркестане, могли бы засвидетельствовать, с каким интересом относился Виктор Романович к их письмам с этой окраины и как много полезных указаний они находили в его ответных письмах [34]. Как о всей деятельности Виктора Романовича, так и о пользе, принесенной им делу изучения азиатских владений России и их населения, его печатные труды могут дать только слабое представление; но для выяснения того влияния, которое было оказано им на ход этих работ путем частной переписки с работавшими на месте лицами, едва ли скоро наступит время. Пишущему эти строки, даже помимо собственного опыта, известно, что ученики Виктора Романовича, проводившие более или менее продолжительное время на Востоке, получали от своего учителя кроме сведений, необходимых для их собственных работ, также указания, с какими из местных деятелей им прежде всего следует сойтись. Вполне сознавая трудность совместной работы людей разных поколений и разного воспитания, особенно в тех случаях, когда представители младшего поколения сознавали за собой преимущество лучшей теоретической подготовки, Виктор Романович старался (к сожалению, не всегда успешно) внушить своим ученикам правило, в шутливой форме выраженное в одном из его писем ко мне (в январе 1894 г.) в следующих словах: «Хорошие люди есть везде, и даже в „нехороших“ обыкновенно есть кое-что хорошее, все дело только в том, чтобы отыскать это хорошее».

[31] Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 125.

[32] Розен, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 168.

[33] <Перечень изданных трудов В. Р. Розена см.: Крачковский, *Список трудов Розена*; его же, *Дополнения к библиографии. — Н. Т.*>

[34] <См. специальную статью: Крачковский, *Русские письма академику В. Р. Розену*; ср.: его же, *Рукописное наследие. — Н. Т.*>

ПАМЯТИ И. Т. ПОСЛАВСКОГО

Бывший секретарь Туркестанского кружка любителей археологии Л. А. Зимин обратился ко мне с просьбой составить для напечатания в «Протоколах» кружка краткий очерк деятельности покойного И. Т. Пославского [1]. Заслуги покойного по отношению к кружку известны туркестанским членам кружка, разумеется, лучше, чем мне, и оценка их не может входить в мою задачу; еще меньше можно было бы ожидать от меня полного обзора долголетней деятельности покойного на пользу края. Предметом моего очерка будут только статьи и заметки покойного о сделанных в Туркестане археологических находках и вообще о памятниках древности, сохранившихся в пределах края и в соседних с ним землях.

Покойный Илья Титович не был, как известно, специалистом ни в области востоковедения, ни в области археологии, его интересовало не столько прошлое, сколько будущее Туркестана, в связи с мерами для расширения политического могущества России и для поднятия экономического благосостояния среднеазиатских владений.

Как образованный человек, покойный не мог, однако, не сознавать, что в Туркестане, где благосостояние населения во все времена зависело прежде всего от запасов влаги, решение вопросов, касающихся современной жизни, тесно связано с изучением остатков прошлого. Осмотр развалин Термеза в 1895 г. привел Илью Титовича к выводу о «возможности и сравнительной легкости» оросительных работ на Суркане и о необходимости поместить в окрестностях Термеза русский военный отряд [2]. С другой стороны, изучение современных оросительных систем и современного направления рек и каналов в зависимости от рельефа местности позволяло Илье Титовичу давать полезные указания лицам, интересовавшимся прежней жизнью края. Когда весной 1913 г. в заседании кружка обсуждался вопрос о Пайкенде, покойный, ссылаясь на свои наблюдения 1887 г., заметил, что «вода из Зерафшана могла быть отведена для Пайкенда только выше Бухары по течению, причем сомнительно, чтобы

---

[1] <Об И. Т. Пославском (2.VIII. 1853—14. XI. 1914) см.: Лунин, *Из истории востоковедения*, стр. 77. — *А. К.*>

[2] Доклад о Термезе, прочитанный в заседании кружка 26 февраля 1896 г., был напечатан в журнале «Среднеазиатский вестник» (декабрь 1896 г.)

вода могла доходить до самого города» [3]. Из сочинений арабских географов известно, что голова главного канала, отведенного к Пайкенду, действительно находилась выше Бухары (канал пересекал дорогу из Самарканда в Бухару в 4 фарсахах от последнего города) и что вода не всегда доходила до Пайкенда; окрестности Пайкенда получали воду из другого канала, голова которого также находилась выше Бухары, непосредственно к востоку от города, у нынешних Каршинских ворот [4]. Этот пример показывает, что данные об оросительных системах, собранные Ильей Титовичем в Бухаре, представляли бы большой интерес для науки; к сожалению, они, насколько мне известно, не были обработаны им для печати, результатом его поездки 1887 г. был только официальный отчет, посвященный почти исключительно военным и политическим вопросам и напечатанный в секретном издании военно-ученого комитета Главного Штаба [5].

Из памятников прошлого, сохранившихся на поверхности земли, внимание Ильи Титовича, как и других исследователей, прежде всего должны были обратить на себя самаркандские постройки времени Тимура и Тимуридов. Покойный посвятил этим постройкам несколько докладов [6], в которых старался выяснить, что техника мастеров не находилась в соответствии с высокими художественными замыслами строителей, что «исполнители плана этих грандиозных построек не могли справиться с техническими трудностями работы» [7]. И в этом случае вывод Ильи Титовича находится в полном согласии с данными письменных источников. Из рассказа Ибн Арабшаха видно, что даже при Тимуре во время богослужения в мечети Биби-ханым, бывшей тогда соборной мечетью города, падение камня иногда вызывало панику среди молившихся [8].

Еще большее значение для науки имела статья Ильи Титовича о здании Гумбез-и Кабус (в статье «Гумбет-Кабуз») на Гюргене, в пределах Персии, древнейшей датированной персидской постройки мусульманского периода [9]. Об этой постройке уже имелись некоторые сведения в трудах английских путешественников, но эти сведения не могли бы выдержать никакого сравнения с подробным отчетливым описанием Ильи Титовича, совершившего поездку на Гюрген в 1900 г. Не зная арабского языка, Илья Титович тем не менее с такой точностью срисовал

---

[3] Заседание 30 апреля 1913 г. (ПТКЛА, год XVII, 57).

[4] См. мой труд *Орошение*, стр. 120 и сл.; <наст. изд., т. III, стр. 201—202; там же ссылки на источники>.

[5] *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*, вып. 47.

[6] Один из них был прочитан в заседании кружка 11 декабря 1899 г.

[7] ПТКЛА, год IV, 164.

[8] Ибн Арабшах, каирск. изд., 165.

[9] Пославский, *Из поездки*.

надписи, что они могли быть прочитаны без труда. Статья доставила автору известность за пределами России; в 1911 г. ею воспользовался один из лучших знатоков мусульманской архитектуры и эпиграфики, М. ван Бершем, правда упомянувший при этом, что только благодаря содействию автора и пишущего эти строки смог получить в свое распоряжение этот opuscule introvagle [10]. К сожалению, протоколы кружка, насколько мне известно, и теперь не поступают в продажу и остаются недоступными не только для иностранных, но и для большинства русских ученых.

Покойный интересовался также отдельными предметами древности и во время своей продолжительной службы в крае собрал богатую коллекцию таких предметов, с которой охотно знакомил специалистов и других интересовавшихся ею лиц. На страницах протоколов кружка он поместил несколько статей о подобных археологических находках. Статьи Ильи Титовича о туркестанских оссуариях нашли отклик в Петрограде и обсуждались на страницах «Записок Восточного отделения Имп. Русского археологического общества» [11]; если не все взгляды покойного были приняты наукой, то за ним остается бесспорная заслуга обнародования и приведения в систему богатого фактического материала. Им впервые были точно сформулированы особенности двух главных типов оссуариев — «корзинообразных овальной формы и четырехугольных, в форме ящика» [12] — и указано на различия в географическом распространении обоих типов.

В работах покойного Ильи Титовича, конечно, найдутся ошибки, от которых не застрахованы труды не только любителей, но и специалистов; но положительные стороны его работ и достигнутые им результаты дают ему полное право на благодарность всех интересующихся прежней культурной жизнью Туркестана.

---

[10] Van Berchem, *L'architecture musulmane.*

[11] Веселовский, *Еще об оссуариях*; Иностранцев, *Туркестанские оссуарии*; его же, *К изучению оссуариев.*

[12] ПТКЛА, год XII, 82.

КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ ЗАЛЕМАН
1849—1916

30 ноября 1916 г. скончался академик Карл Германович Залеман, состоявший членом Русского археологического общества с 29 октября 1882 г.

К. Г. родился 28 декабря 1849 г. в Ревеле в небогатой немецкой семье, принадлежавшей к эстляндскому дворянству. Прежние представители семьи, переселившейся в XVII в. из Германии, большею частью были пасторами; отец К. Г., кончивший курс Дерптского университета действительным студентом, был зачислен в 1831 г. унтер-офицером в 1-й морской полк, принимал участие в усмирении польского восстания и удостоился знака военного отличия, в 1832 г. был произведен в прапорщики, ко времени рождения своего единственного сына был штабс-капитаном и исправляющим должность лесничего, в 1860 г. был уволен от службы подполковником с пенсией 157 р. 25 к. в год и вскоре после этого назначен окружным надзирателем эстляндского акцизного управления [1].

В 1859 г. К. Г. поступил в ревельскую Ritter- und Domschule, где кончил курс в 1867 г. Школьным товарищем К. Г. был барон В. Р. Розен; много лет раньше (1807—1810) в той же школе учился Карл фон Бер, который в своей автобиографии, составленной в 1884 г. по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности, дал подробный очерк истории школы, ее устройства и программ преподавания, причем проводил сравнение между педагогическими идеалами начала XIX в. и 60-х годов не всегда в пользу последних [2].

К. фон Бер не мог не сознавать, что 60-е годы не только в области педагогии были переходным временем для «Остзейского края», как тогда назывались прибалтийские губернии даже русскими. В своей автобиографии [3] он посвящает несколько горьких строк положению балтов, которых называли русскими в Германии и немцами в России, обвиняли в сепаратизме и в то же время не хотели допускать к участию в общерусской жизни,

---

[1] Сведения заимствованы из формулярного списка К. Г., находящегося в архиве Петроградского университета. <Теперь о Залемане см.: ИИН, № 10759—10763; Периханян, *Карл Германович Залеман. — А. К.*>

[2] Baer, *Nachrichten*, S. 65 sq.

[3] Ibid., S. 548 sq.

считая это участие вредным с точки зрения прогрессивных идеалов. В глазах Бера лучшим исходом из этого противоречия было подняться «in die hellen und ruhigen Regionen des Lichtes», т. е. в сферу стоящей выше национальных перегородок научной работы. Этот исход был доступен немногим, но даже эти немногие не могли быть только учеными, не могли не подвергаться влиянию современных им событий, когда в одно и то же время создавалась новая Россия, призванная к жизни реформами Александра II, и новая Германия под главенством Пруссии. Сам Бер, по его собственному признанию [4], во время своей службы в Кенигсберге незаметно для себя становился прусским патриотом и охладел к Пруссии только под влиянием начавшейся в 30-х годах политической борьбы, не внушавшей ему симпатии. Многими балтами прусский патриотизм был усвоен более прочно; некоторые другие, как бар. Розен, еще в школе посвящавший свободные часы самостоятельному изучению русского языка [5], вошли в состав русского общества и перестали чувствовать себя инородцами. К. Г. не сделал ни того ни другого и до конца жизни оставался балтом и русским немцем, чужим в Германии (это известно тем, кто видел его за границей или слышал его разговоры с приезжавшими в Россию немецкими учеными) и не вполне своим в России. В Петрограде он был близок к тем кругам, органом которых была «St.-Petersburger Zeitung», оставался до смерти членом совета немецкой Екатерининской церкви, причем принимал особенно деятельное участие в обсуждении школьных вопросов как ревностный сторонник классической системы [6]. После 1905 г. К. Г. примкнул к немецкой группе союза 17 октября и подписывал ее воззвания, составленные на немецком языке, хотя не вполне сочувствовал программе союза. Политическим идеалом К. Г., правда выраженным только в частных разговорах, было федеративное устройство Российской империи с самостоятельными представительными учреждениями в отдельных областях, в том числе и в Прибалтийском крае.

Как и бар. Розен [7], К. Г. еще в школе занимался восточными языками (предметом занятий К. Г.[8] были санскрит и так называемый зенд, т. е. язык Авесты) и по той же причине, как бар. Розен (желание посвятить себя изучению сравнительно малоисследованной области), предпочел восточные языки классической филологии. Этим было вызвано его поступление в 1867 г. в С.-Петербургский университет, на единственный в России факультет восточных языков, на разряд арабско-персидско-турецко-татарский.

---

[4] Ibid., S. 337 sq., 541 sq.

[5] Лично сообщено покойным бар. Розеном автору этих строк.

[6] Из речи пастора над гробом К. Г.

[7] Веселовский, *Барон В. Р. Розен*, отд. отт., стр. 4.

[8] По его curriculum vitae, составленному для магистерского диспута 1875 г. (в делах факультета восточных языков).

Факультет, как было отмечено Н. И. Веселовским в некрологе бар. Розена [9], переживал тогда блестящий период по составу своих слушателей. Одним курсом старше К. Г. были бар. Розен, В. Д. Смирнов и В. А. Теплов; товарищами К. Г. по курсу были М. И. Казас и Н. Н. Пантусов [10]. Менее удовлетворительно было преподавание языков, в частности персидского, составлявшего предмет специальных занятий К. Г. Представителем кафедры был А. К. Казем-Бек, преподавание которого, имевшее в виду только практическое изучение языка, давно уже не соответствовало требованиям науки; после его болезни и смерти в 1870 г. преподавание было поручено сначала доценту Г. В. Мельгунову, потом С. И. Черняеву [11]. С другой стороны, факультет располагал в то время блестящим лектором персидского языка в лице мирзы Шафи (1861—1878 гг.), о котором К. Г. вспоминал впоследствии как о редком знатоке своей родной литературы.

Во время прохождения курса К. Г. не писал сочинений на медаль и ограничивался выполнением факультетских требований, причем его отметки на переводных испытаниях только в редких случаях были выше [12], иногда ниже [13] отметок его товарищей. Избранный им разряд не мог удовлетворить его склонности к чисто лингвистическим занятиям; этим, по его собственным словам [14], объясняется, почему он кроме предметов своего разряда стал слушать лекции проф. Коссовича по языкам санскритскому и «зендскому» и проф. Патканова по армянскому. «Зендскому языку» проф. Коссович посвящал только одну лекцию в неделю, и то не всегда [15]; пособием на лекциях служило издание проф. Коссовича: «Decem Sendavestae excerpta», которым в первые годы своей преподавательской деятельности пользовался на своих лекциях и К. Г.

Весной 1871 г. К. Г. кончил университетский курс, сдав испытания по двум разрядам, арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритско-персидскому, причем его успехи были признаны отличными по всем предметам, кроме истории Востока, русской истории и французского языка [16].

---

[9] Веселовский, *Барон В. Р. Розен*, отд. отт., стр. 5.

[10] О дальнейшей судьбе обоих см.: МИФВЯ, т. III, стр. 59 и сл. (цитируется по отпечатанным листам; том ко времени составления этого некролога еще не выходил в свет). <Ср. выше, стр. 5, прим. 1.>

[11] Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 149; <выше, стр. 149>.

[12] Так, в 1869 г. при испытании по азербайджанскому языку К. Г. получил 5, Казас и Пантусов — по 4.

[13] В 1870 г. К. Г. получил по арабскому языку 4, по арабской литературе — 3 (Казас получил 4 и 5, Пантусов — 5 и 5), по татарскому языку — 4 (Казас и Пантусов — по 5); особенно характерно, что в том же году по персидскому языку К. Г. получил отметку 4, оба его товарища — по 5.

[14] В упомянутом curriculum vitae.

[15] Так в программах 1869/70 г. упоминается только «сравнительная грамматика санскритского и зендского языка», а не специальные чтения по зендскому языку.

[16] Диплом приложен к формулярному списку К. Г. (в университетском архиве). Дальнейшие сведения извлечены из факультетских дел.

25 мая им было подано прошение о назначении ему стипендии для специального изучения персидского языка. Факультет 29 мая постановил ходатайствовать об оставлении его на 5-й год с назначением стипендии министерства народного просвещения и иметь его в виду осенью при назначении кандидатской стипендии. 14 октября факультетом была рассмотрена кандидатская диссертация К. Г. «О составе и флексии глаголов осетинского языка». Факультет признал диссертацию удовлетворительной, но располагал только одной кандидатской стипендией, на которую имелись три кандидата: А. Стельснер (товарищ бар. Розена и В. Д. Смирнова), Н. Н. Пантусов и К. Г.; большинством 6 голосов против 4 стипендия была присуждена Н. Н. Пантусову. В 1872 г. стипендия освободилась за переходом Н. Н. Пантусова на службу в Туркестанский край и была присуждена К. Г. единогласным постановлением факультета 18 сентября.

Часть своей кандидатской диссертации К. Г. обработал для печати и поместил в 1874 г. в «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung» под заглавием: «Versuch über die Conjugation im Ossetischen». К. Г. остановился на формах спряжения потому, что в них яснее всего проявляется иранский характер языка; от прежних работ статья К. Г. отличалась привлечением материалов по восточноосетинскому диалекту (тогда называвшемуся тагаурским) [17], обнародованных в 60-х годах. Работа прошла незамеченной; имя К. Г. получило известность в ученом мире только несколько лет спустя, благодаря работам, обнародованным им уже в качестве приват-доцента университета.

Еще раньше, в 1871 г., К. Г. вступил в число членов Deutsche Morgenländische Gesellschaft, но в противоположность большинству русских ориенталистов, в том числе бар. Розену, не поехал учиться за границу, хотя начало 70-х годов было периодом блестящей деятельности нескольких немецких иранистов: Рота в Тюбингене, Хауга в Мюнхене, де Лагарда в Геттингене. К. Г. совершил свое первое заграничное путешествие только в 1887 г., уже академиком.

После окончания университетского курса К. Г. занимался иранскими наречиями под руководством ориенталиста, стоявшего вне факультета, но в 1871 г. выдержавшего магистерский экзамен, П. И. Лерха. К. Г. сдал испытание на степень магистра персидской словесности в марте 1873 г., через полгода после получения кандидатской стипендии, и после этого работал над магистерской диссертацией «Четверостишия Хакани». Диссертация и приложенный к ней литографированный текст были разрешены факультетом к печатанию 23 ноября 1874 г., литографирование было закончено 23 января 1875 г.; 16 марта того же года [18] состоялся дис-

[17] О неправильности этого названия: W. Miller, *Die Sprache der Osseten*, S. 2.

[18] Указание на месяц январь в автобиографической записке К. Г. (*Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 258; МИФВЯ, т. III, стр. 58 < о МИФВЯ, т. III см. выше, стр. 5, прим. 1>) — ошибка или опечатка. Утверждение К. Г. в степени

пут, причем оппонентами должны были быть С. И. Черняев и бар. Розен; первый по болезни не явился, и вместо него, как сказано в протоколе публичного заседания факультета, «оппонировал декан факультета орд. проф. В. В. Григорьев».

Внимание К. Г. остановилось на четверостишиях Хакани, вероятно, потому, что это сочинение могло быть издано по трем петроградским рукописям; кроме того, К. Г. придавал VI веку хиджры, или XII веку н. э., большое значение в истории персидской поэзии, процветанию которой содействовали политическое распадение страны, соперничество мелких династий и стремление каждой династии возвысить блеск своего двора. Из некоторых мест введения к диссертации К. Г., и в особенности из его рецензии на магистерскую диссертацию В. А. Жуковского [19], можно видеть, как глубоко понимал и как высоко ценил К. Г. персидскую поэзию; положения его диссертации, однако, не содержат выводов эстетического или историко-литературного характера; говорится только о необходимости изучения персидских поэтов для обогащения «имеющихся пока у нас грамматик и словарей персидского языка». Диссертация К. Г. осталась единственным его трудом, посвященным персидской поэзии; после этого на русском языке были еще две работы о персидском поэте, именно магистерская диссертация В. А. Жуковского [20], защищенная в 1883 г., и статья его же об Омаре Хайяме (1897 г., в «Сборнике статей учеников бар. Розена»); с тех пор до настоящего времени в русской научной литературе не было ни монографий о персидских поэтах, ни магистерских диссертаций по персидской словесности. Новоперсидская литература не нашла себе места даже во «Всеобщей литературе» Корша и Кирпичникова [21].

В том же, 1875 г. К. Г. приступил к чтению лекций в университете, но не по персидской словесности, а по «зендскому» и пехлевийскому языкам. 5 и 8 ноября им были прочитаны пробные лекции на темы: «О причинах разнообразия в чтении и транскрипции пехлевийских письмен» (по назначению факультета) и «Краткий обзор истории древне- и среднеиранских наречий» (по собственному выбору); с января 1876 г. он начал читать лекции для студентов и с тех пор до самой смерти ежегодно объявлял в обозрениях преподавания курсы по языкам «зендскому», или

магистра последовало только 28 апреля (формулярный список и *Протоколы заседаний совета*, № 12, стр. 36).

[19] ЖМНП, ч. 230, 1883, отд. II, стр. 160—176.

[20] *Али Аухадэддин Энвери.*

[21] <В настоящее время персидским поэтам и прозаикам посвящены десятки монографий; обобщающие труды по истории персидской и таджикской литературы, с приведением обширной библиографии, см.: Брагинский — Комиссаров, *Персидская литература*; Pagliaro — Bausani, *Storia della letteratura persiana*; Rypka, *Dějiny perské a tádžické literatury* (имеется сокращенный перевод последнего с чешского языка на русский: Рипка, *История персидской и таджикской литературы*). — *Н. Т.*>

авестскому [22], и пехлевийскому (всего три или две лекции в неделю), фактически не всегда читавшиеся. Лекции К. Г. были обязательны только для студентов санскритско-персидского разряда, на котором далеко не всегда были слушатели, вследствие чего даже в преподавании санскритского языка не всегда чувствовалась потребность [23]. Иногда, но не всякий год К. Г. в университете или у себя на дому (в последнем случае авестские или пехлевийские тексты иногда заменялись новоперсидскими) [24] имел добровольных слушателей в лице студентов, оставленных при университете, и приват-доцентов, специально посвящавших себя изучению иранской филологии [25] или близких к ней отраслей востоковедения. В последний год своей жизни К. Г., в связи с образованием при факультете нового разряда иранской филологии, предполагал значительно расширить свою преподавательскую деятельность; но обстоятельства военного времени, значительно уменьшившие число студентов факультета, и болезнь К. Г. помешали осуществлению его планов. По отзыву всех своих слушателей, К. Г. был превосходным преподавателем; тексты и грамматические правила объяснялись им с необыкновенной ясностью; при чтении текстов он всегда считался с толкованиями восточных комментаторов, хотя был далек от рабского подчинения этим толкованиям; слушатели выносили из его лекций отчетливое представление о духе языка и литературы. Помимо слушания лекций К. Г. многие из молодых ориенталистов пользовались его советами как ираниста и лингвиста; К. Г. всегда охотно соглашался читать корректуры чужих работ и выполнял эту работу с редким вниманием; столь же охотно он сообщал молодым ученым свои мысли и собранный им научный материал [26], не придавая никакого значения своему приоритету.

В течение десяти лет, отделяющих избрание К. Г. в академию (1886 г.) от начала его преподавательской деятельности, вполне определился характер его научных исследований. Авесте и древнеперсидским надписям К. Г. посвятил только популярный очерк, вошедший в 1-й том «Всеобщей литературы» Корша и Кирпичникова и составленный настолько удачно, что им более 30 лет спустя мог воспользоваться русский специалист

---

[22] Неправильный термин «зендский язык» употреблялся в обозрениях преподавания до 1906/07 г. включительно, хотя К. Г. писал еще в 1880 г., что «наша привычка называть язык Авесты зендским лишена всякого основания, и правильнее называть этот язык просто авестским» (*Очерк истории древне-персидской литературы*, стр. 170).

[23] Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 186 и сл.; <выше, стр. 181>.

[24] Пишущий эти строки слушал лекции К. Г. весной 1895 г. (чтение «Вис и Рамин») вместе с Н. Я. Марром и С. Ф. Ольденбургом.

[25] Одним из последних по времени слушателей К. Г. был А. А. Ромаскевич, ныне приват-доцент Петроградского университета. <О нем см. выше, стр. 471, прим. 20.>

[26] Пишущему эти строки К. Г. передал выписанные им из *Луғат-и Шāх-нāме* Абд ал-Кадира (до издания этого источника) сведения о встречающихся у Фирдауси среднеазиатских титулах и этнографических названиях.

по истории древнего Востока [27]. Последние страницы того же очерка посвящены «иранской литературе от Александра Македонского до мусульманского вторжения», т. е. пехлевийской, или среднеперсидской, которой К. Г. занимался несравненно более, но о которой не мог и не хотел подробно говорить в книге, предназначенной для большой публики. По определению К. Г., пехлевийская литература «так пропитана схоластическим духом и жреческим педантизмом, что занятие ею не очень привлекательно. . . Кроме специалистов, вряд ли кто интересуется этой литературой».

Малопривлекательная по содержанию, пехлевийская литература представляет большой интерес для лингвиста; в противоположность едва ли не всем другим переднеазиатским литературам переводы в этом случае были связаны с меньшими затруднениями и потому появлялись чаще [28], чем издания текстов в подлинном виде или в звуковой транскрипции. Именно эту цель — установление текста и его произношения — ставил себе К. Г. в своих работах над пехлевийскими рукописями, начиная с прочитанного 24 августа 1876 г. на 3-м (петербургском) международном съезде ориенталистов [29] доклада о зороастрийской рукописи, считавшейся тогда единственной в России. Доклад был напечатан в 1879 г. в трудах съезда [30] и положил начало ученой известности К. Г. в Западной Европе; описание рукописи было признано настолько удачным, что Э. Захау выразил пожелание, чтобы К. Г. была предоставлена возможность описать таким же образом все зороастрийские рукописи, находящиеся в европейских библиотеках [31]. К. Г.-чем действительно был задуман «Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе», для которого им много лет собирались материалы [32]; в 1879—1880 гг. по его просьбе были выписаны в библиотеку университета рукописи из Копенгагена [33]. Столь же выгодное для К. Г. впечатление произвел разбор надписи на пехлевийской монете, напечатанный им в 1879 г. в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» [34].

---

[27] Тураев, *История Древнего Востока*, изд. 2, т. II, стр. 213.

[28] По поводу переведенного Нёльдеке «Карнамака» К. Г. неоднократно (*Iran, Armenien und Kaukasusländer*, S. 141; *Mittelpersische Studien*, S. 208) выражал пожелание, чтобы за переводом последовало издание текста; текст был издан только в 1896 г. в Индии. Столь же тщетно было пожелание самого Нёльдеке (*Das iranische Nationalepos*, S. 134) по поводу переведенного Гейгером *Yatkari Zariran*: «Hoffentlich schenkt uns der Uebersetzer bald auch eine Textausgabe».

[29] ТТМСО, т. I, стр. LXXVII <Протоколы>.

[30] Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift* (с 3 таблицами).

[31] Так по записке об избрании К. Г. в академию, представленной в 1886 г.

[32] Залеман, *О результатах поездки*, стр. 2.

[33] По формулярному списку К. Г. в университетском архиве.

[34] Salemann, *Ueber eine pehlevisch-arabische Münze*. Отзыв Нёльдеке об этой статье приведен в упомянутой академической записке.

Доклад о зороастрийской рукописи был первой работой К. Г., напечатанной на немецком языке в России. Уже в этой работе мы находим ту своеобразную орфографию, которой К. Г. потом упорно придерживался до конца жизни, но которая не допускалась редакторами и корректорами в работах, печатавшихся в Германии. Пишущему эти строки сообщают, что К. Г. усвоил себе такую орфографию еще в школе, под влиянием своего учителя немецкого языка. Принципы этой орфографии восходят к Якову Гримму; орфография К. Г. довольно близко подходит к орфографии де Лагарда.

В том же заседании 3-го съезда ориенталистов русским ориенталистам была поставлена еще другая задача: Э. Захау выразил пожелание, чтобы были изучены наречия среднеазиатских народностей иранского происхождения. Учитель К. Г.-ча П. И. Лерх ответил, что начало этой работе уже положено; в 1870 г. А. Л. Кун, состоявший при экспедиции ген. Абрамова, собрал некоторый материал по интересному наречию жителей долины Ягноба, одного из притоков Зеравшана [35]. Может быть, под влиянием Лерха К. Г. усердно занялся этими материалами и в 1884 г., через посредство В. В. Радлова, представил в Академию наук основанные на этих и других материалах [36] «Ягнобские этюды»; в эти этюды он предполагал также внести новые материалы по ягнобскому языку, доставленные в ту же университетскую библиотеку, где находились материалы Куна, в 1885 г. Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским, в 1887 г. Е. Ф. Калем.

Едва ли не главной своей научной задачей К. Г. считал изучение персидской лексикографической литературы, так называемых «фарханг»ов. Свои взгляды на этот предмет К. Г. выразил в 1884 г. в рецензии [37] на появившиеся в том же году «Persische Studien» де Лагарда и в 1887 г. в одной из своих первых академических работ [38]. По цельности содержания, по ясности и законченности выводов эти две статьи, может быть, превосходят все другие работы К. Г.; кроме того, в них более всего отразилось его научное credo. К. Г. отмечает медленность успехов персидской филологии после Вуллерса, отмечает также несправедливость нападок на этого ученого, раздававшихся со стороны тех, кто имел возможность извлекать для себя уроки не только из достигнутых им результатов, но и из его ошибок. Вполне определенно высказывая свое отвращение к самоуверенному невежеству, выдающему себя за знание, К. Г. в противоположность господствовавшему тогда среди немецких и других ориента-

---

[35] ТТМСО, т I, стр. LXXX—LXXXI <Протоколы> (где по ошибке А. А. Кун).

[36] О них ср. слова К. Г. в <работе> *Новые материалы по ягнобскому языку* и в <рецензии>: «Восточные заметки», стр. 272.

[37] LOPh, Bd II, S. 74—86.

[38] *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Jamâlî.* Представлено 17/29 ноября 1887 г., напечатано в 1888 г.

листов резкому полемическому тону [39] старается отдать справедливость каждой научной заслуге, каждому искреннему стремлению к правде.

Резкость нападок де Лагарда на иранистов вообще и петербургских в частности не помешала К. Г. по достоинству оценить его научные заслуги и ограничиться пополнением собранных им сведений по персидской лексикографии данными о петербургских рукописях. К. Г. считал нужным подчеркнуть, какой богатый материал по персидской филологии, ждущий научно подготовленных исследователей, имеется в России. В своей академической работе К. Г. называет издание и изучение первоисточников персидской лексикографической традиции «одной из прекраснейших задач персидской филологии» [40]; только всестороннее исследование этой туземной традиции, по мнению К. Г., создаст почву для дальнейшего изучения языка в Европе. Чтобы положить начало выполнению этой задачи, К. Г. составил хронологический список фарханго́в, как дошедших до нас, так и известных только по названию. С тех пор изданы некоторые сочинения, тогда остававшиеся в рукописи, найдены некоторые памятники, тогда считавшиеся утраченными, но вообще работа К. Г. вполне сохраняет свое значение до настоящего времени.

К. Г. наметил к изданию один из старейших фарханго́в *Миʿйа̄р Джама̄ли* Шемса Фахри, по рукописи Азиатского музея, впервые им определенной (до тех пор труд считался утраченным). Для этого издания им выписывались в университет рукописи двух других словарей из Императорской Публичной библиотеки и рукопись другого сочинения того же автора из Вены [41]; текст был отпечатан в Казани в 1885 г., выпущен в свет в Петербурге в 1887 г.[42].

В труде де Лагарда кроме лексикографической литературы было обращено внимание еще на другую категорию важных для лингвиста памятников — на литературу персидских евреев. Рецензия К. Г. и в этом случае внесла некоторые дополнения в данные, собранные у де Лагарда; впоследствии, уже будучи академиком, К. Г. посвятил еврейско-персидской литературе целый ряд трудов.

Несмотря на свои труды в области иранской филологии, К. Г. находил время для занятий еще другим восточным языком. Им были переведены на татарский язык для Британского и Иностранного Библейского общества Евангелия от Матфея (1882 г.) и от Марка (1886 г.). Готовясь к этой работе, К. Г. летом 1880 г. испросил себе отпуск в «Казанскую и другие

---

[39] Ср. речь Г. Ролинсона на лондонском съезде (1874 г.) о genus irritabile ориенталистов; об этом: Veit, *Festschrift zur Haug-Feier*, S. 32; *Report of the proceedings of the second international congress of orientalists*, p. 56; *Transactions of the second session of the international congress of orientalists*, p. 445.

[40] Eine der schönsten Aufgaben, welche der persischen Philologie zu erfüllen ob ligt (Salemann, *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i J̌amâlî*, p. 431).

[41] Так по формулярному списку К. Г. в университете.

[42] Шемс Фахри, изд. Залемана.

губернии» [43]; в Казани преподавателем его был [44] один из отцов современного татарского литературного языка — Каюм Насыров [45] (собств. Абд ал-Каюм, сын Абд ан-Насыра).

Помимо чтения лекций К. Г. в эти годы занимал должность сначала помощника библиотекаря, потом библиотекаря в университете. К библиотечным занятиям его, по-видимому, привлек его учитель П. И. Лерх, служивший в университетской библиотеке с 1866 г.[46]. К. Г. еще 11 августа 1875 г. отправил из Ревеля прошение о назначении его помощником библиотекаря; второе прошение было подано им перед баллотировкой 7 ноября, в промежуток между двумя пробными лекциями [47]; баллотировка состоялась в заседании совета 24 ноября, причем К. Г. был избран большинством 24 голосов против 17 [48]. Избрание его на должность библиотекаря состоялось 25 октября 1879 г. большинством 30 голосов против 13 [49]. Библиотечные занятия отнимали у К. Г. много времени, необходимого для его научных работ, но вполне соответствовали его наклонностям и принесли несомненную пользу делу; благодаря ему были составлены инвентари приобретений университетской библиотеки начиная с 1877 г. и список восточных рукописей, напечатанный в настоящих «Записках». Кроме того, К. Г. воспользовался своей библиотечной службой для выполнения других библиографических работ, в особенности для ознакомления западноевропейского ученого мира с русской научной литературой. Когда в Германии было решено издавать, в качестве приложения к «Zeitschrift der Deutschen Morgenländishcen Gesellschaft», ежегодные отчеты о работах по различным отраслям востоковедения, К. Г. составил три статьи для отчета за 1876—1877 гг. (*Central-Asien*; *Neu-Iran*; *Armenien*) и две статьи для отчета за 1878 г., вышедшего в свет только в 1883 г. (*Central-Asien*; *Iran, Armenien und Kaukasusländer*). В первой статье, по поводу книги Гладстона «Bulgarian horrors and Russia in Turkestan», упоминается о «не вполне несправедливом» осуждении действий русских при завоевании Туркестана. Слова К. Г. относятся к одной из самых печальных страниц истории завоевания — кровавой расправе с турк-

---

[43] По формулярному списку.

[44] По устному сообщению В. В. Радлова, тогда находившегося в Казани.

[45] О нем: В. Смирнов, *Мусульманские издания*, стр. 101, и Ашмарин, *Очерк*, стр. 1 и сл., 47 и сл., также несколько попыток характеристики его деятельности в татарской литературе, напр.: Дж. Валидов, *Очерк татарской литературы*, стр. 53 и сл., и статьи в журнале «Шӯрā», 1913, № 3, 8 и 10. Насыров скончался в 1902 г., прожив 77 лет. <См. теперь: *Каюм Насыри. 1825—1945. — А. К.*>

[46] Григорьев, *Петербургский университет*, стр. 394; прим. на стр. 90.

[47] По формулярному списку.

[48] *Протоколы заседаний совета*, № 13, стр. 39. В автобиографической записке (*Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 258) и МИФВЯ, т. III, стр. 58, <о МИФВЯ, т. III см. стр. 5, прим. 1> неверно указан февраль 1875 г.

[49] *Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 54.

менами в 1873 г.[50]; за всю жизнь К. Г. это едва ли не единственный случай, что им было высказано в печати мнение о политических событиях. Знакомым К. Г. известно, что он никогда не сочувствовал насильственному культуртрегерству европейцев на Востоке, может быть, даже не понимал его исторической необходимости; одинаково резко осуждались им действия немцев и их тогдашних союзников во время усмирения боксерского восстания и действия итальянцев в Триполи.

К середине 80-х годов вполне определилась ученая известность К. Г. как разностороннего лингвиста и одного из лучших в Европе иранистов, и на 37-м году жизни перед ним открылись двери Академии наук. Академическое востоковедение тогда переживало кризис; после смерти Шифнера (1879 г.), Броссе (1880 г.), Дорна (1881 г.) и ухода бар. Розена (1882 г.) из прежних академиков-ориенталистов оставался только О. Н. Бётлингк, и тот с 1868 г. жил в Германии. Возрождение академического «разряда восточной словесности» в значительной степени было заслугой В. В. Радлова, избранного академиком в 1884 г. В. В. Радлов старался привлечь в академию лучшие силы факультета восточных языков, руководясь в этом случае советами бар. Розена [51]; по совету бар. Розена им были предложены и проведены в 1886 г. кандидатуры сначала В. П. Васильева, потом К. Г. Записку о научных заслугах К. Г. подписали кроме составителя В. В. Радлова О. Н. Бётлингк и В. П. Васильев. По мысли подписавших записку, К. Г. должен был заменить в академии как иранист скончавшегося Б. А. Дорна; не будучи иранистами, они обратились к Т. Нёльдеке с просьбой высказать свое мнение о предложенной ими кандидатуре. Нёльдеке в своем ответе вполне присоединился к сделанному составителями записки выбору и высказал свое убеждение, что никакой другой кандидатуры и не могло бы быть предложено. К. Г. был избран единогласно 29 апреля 1886 г. в Отделении исторических наук и филологии, 16 августа в Общем собрании; 27 сентября последовало утверждение, и уже 28 октября К. Г. представил Отделению свои «Mittelpersische Studien».

Почти половину своей жизни — 30 лет — К. Г. посвятил академии, горячо принимал к сердцу ее интересы и всеми силами старался служить ей своими знаниями и опытом. Им был выполнен и отчасти напечатан целый ряд работ по иранской филологии и несколько работ по туркологии; как лингвист, он принимал деятельное участие в выработке академической транскрипции, наблюдал за печатанием транскрибированных текстов по самым разнообразным языкам; через его руки прошел и был представлен им к напечатанию в академических изданиях богатый материал по живым иранским наречиям, от языков курдского и осетинского до па-

[50] Об этом, например: Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 267 и сл.

[51] Так по устному сообщению самого В. В. Радлова.

мирских диалектов. Кроме своих специальных познаний К. Г. предоставил в распоряжение академии также свой опыт в деле хранения и каталогизации книг, приобретенный в университетской библиотеке; с января 1890 г. он был директором Азиатского музея, с ноября того же года, кроме того, директором II Отделения академической библиотеки (избрание на эту должность заставило его отказаться от должности библиотекаря университета). К. Г. заботился, насколько позволяли средства, о приобретении рукописей для Азиатского музея и о своевременном описании таких приобретений. Ряд таких описаний новых коллекций был напечатан им в академических изданиях; впоследствии им был составлен оставшийся в рукописи обширный «Catalogus catalogorum» персидских рукописей [52].

Тем не менее результаты академической деятельности К. Г. были не таковы, как можно было ожидать при его обширных познаниях, энергии и горячей преданности делу. К. Г. брал на себя больше работы, чем физически мог бы выполнить; в последние годы своей жизни он не всегда мог даже помнить о переданных в его распоряжение и печатавшихся под его наблюдением материалах. Переходя от одной научной задачи к другой, он был вынужден оставлять незаконченными начатые работы. Кроме того, среди представителей иранской филологии, как среди многих других русских ученых, иногда замечалось преждевременное ослабление интереса к собственным работам, под влиянием отсутствия учеников и читателей. В некоторых случаях, несомненно, печатание замедлялось вследствие строгих требований, всегда предъявлявшихся К. Г. к своим и чужим работам, в особенности к работам, печатавшимся в академических изданиях.

Академическая деятельность К. Г. начиналась при необыкновенно счастливых условиях, и сам К. Г. писал об «исключительно благоприятной судьбе» академических предприятий по изучению новоиранских языков [53]. Прерванное смертью Дорна печатание прежних материалов могло продолжаться под руководством энергичного ученого, находившегося в цвете сил, который еще до своего вступления в академию принес ей свои «Ягнобские этюды»; в то же самое время в академию поступил новый богатый материал в виде результатов трехлетнего (1883—1886) пребывания в Персии В. А. Жуковского. Представленные академии К. Г-чем «Материалы для изучения персидских наречий» В. А. Жуковского предполагалось напечатать в пяти томах. Первый том вышел в свет в 1888 г.[54] и вместе с работами К. Г., казалось, надолго обеспечил за Петроградом

---

[52] По сообщению С. Ф. Ольденбурга. <О рукописном каталоге К. Г. Залемана и его использовании в дальнейшей работе по составлению каталога мусульманских рукописей см.: *Персидские и таджикские рукописи ИНА (краткий каталог)*, стр. 21—22.—*Н. Т.*>

[53] *Bericht über des Žukovski Materialien*, p. 257.

[54] Жуковский, *Материалы*.

первенство в деле изучения иранских языков. Когда в Германии было предпринято издание серии грамматик восточных языков, под общим заглавием «Porta linguarum orientalium», то составить для этой серии персидскую грамматику было предложено К. Г-чу и В. А. Жуковскому. Грамматика вышла в свет в 1889 г.[55]; составителями были использованы выписки словарного и грамматического характера из *Шāх-нāме* Фирдауси [56], сделанные когда-то бар. Розеном; к грамматике была приложена хрестоматия, в которую вошли и некоторые неизданные тексты, по двум университетским рукописям. К. Г. отдался этой работе с редким увлечением; из всех его работ это — едва ли не единственная, где автор в предисловии говорит об удовольствии, которое он испытывал при ее составлении [57]. Когда был составлен план издания «Grundriss der iranischen Philologie», казалось столь же несомненным, что составление грамматики среднеперсидского (пехлевийского) языка должно быть предоставлено К. Г. и что очерк живых персидских наречий нигде не может быть написан так, как в Петрограде [58]. К. Г. доставил для «Grundriss'a», хотя и со значительным запозданием [59], грамматический очерк среднеперсидского языка; еще до его выхода в свет К. Г. в особой академической статье [60] была сделана поправка к одному из параграфов, основанная на одной из еврейско-персидских рукописей Императорской Публичной библиотеки; впервые было установлено, что еврейско-персидские тексты могут дать материал и для изучения пехлевийского языка. К. Г. предполагал издать текст полностью, но не осуществил своего намерения, как не выпустил в свет и своего «Библиографического обзора парсийских рукописей, хранящихся в Европе», хотя поездка в Копенгаген в 1889 г. дала ему возможность, по его словам, «приступить к окончательной обработке» этого обзора [61]. Обзор пехлевийской литературы составил для «Grundriss'a» английский ученик Хауга Уэст, которого Нёльдеке еще в 1887 г. назвал «лучшим из находящихся в живых знатоков пехлевийского языка» [62]. От составления обзора живых иранских наречий русские

[55] Salemann — Shukovski, *Persische Grammatik*. На русском языке вышла в 1890 г., в изданиях факультета восточных языков в несколько переработанном виде, но без хрестоматии и словаря.

[56] Так по предисловию к немецкому изданию; в предисловии к русскому говорится только о «полезных указаниях и советах» бар. Розена. О студенческом труде бар. Розена см.: *Протоколы заседаний совета*, № 2, стр. 134 и сл.

[57] В предисловии к русскому изданию этих слов нет.

[58] Geiger, *Kleinere Dialekte*, S. 287.

[59] Отдел «Mittelpersisch» был напечатан только в 1901 г.; печатание предшествующих ему отделов было закончено в 1896 г. <Ср:> GIPh, Bd I, Abt. 1, S. 247.

[60] Salemann, *Zum mittelpersischen Passiv*.

[61] Залеман, *О результатах поездки*, стр. 2.

[62] Nöldeke, *Aufsätze zur persischen Geschichte*, S. 154, № 4. Об отношении Уэста к Хаугу см.: Veit, *Festschrift zur Haug-Feier*, S. 32. К. Г. при всем уважении к «altmeister der Pahlavi» (*Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums*, стр. 16 и сл.) все-таки противополагал его принципам чтения пехлевийских текстов свои.

ученые отказались, и работа была выполнена проф. В. Гейгером, в значительной степени по материалам, полученным от К. Г.[63]. Не вышел в свет и давно подготовлявшийся К. Г. к изданию пехлевийский словарь.

Изучение еврейско-персидских текстов благодаря К. Г. приобрело новый интерес; ему удалось впервые установить факт существования еврейско-персидской литературы небогословского содержания. За изданной им поэмой «Худайдат» [64] должны были последовать другие памятники в том же роде; в ученом мире с интересом ждали их появления [65]; но первый выпуск серии «Judaeo-Persica» при жизни К. Г. оставался последним, хотя было отпечатано довольно много листов второго и третьего.

Не вышли в свет и «Ягнобские этюды», хотя К. Г. для проверки и дополнения своих записей совершил две поездки в Туркестан (1897 и 1908 гг.) и хотя еще до этих поездок было отпечатано десять листов. Поездка 1897 г. привела к установлению двух говоров ягнобского наречия [66] — наблюдение, подтвержденное в 1913 г. французским исследователем (в 1916 г. павшим жертвою войны) Р. Готьо [67]. Результатом поездки 1908 г. был интересный доклад К. Г. в октябрьском заседании Восточного отделения Русского археологического общества, причем слушатели посредством фонографа были ознакомлены с записанными текстами (это был первый случай применения фонографа на заседании отделения); предполагалось напечатать доклад в «Записках» отделения [68], но это обещание не было исполнено.

Небольшая заметка К. Г. о «Новых материалах по ягнобскому языку» [69] и несколько более обширная статья его же о «Шугнанском словаре Д. Л. Иванова» [70], как сознавал, конечно, и сам К. Г., более возбуждали, чем удовлетворяли любопытство. Последняя статья, по мысли К. Г., должна была дать «некоторые указания» будущим исследователям, прежде всего тем, кому «суждено будет побывать в Шугнане и Рошане». Появление таких исследователей К. Г. всегда горячо приветствовал и охотно отдавал в их распоряжение свой труд и свое время. Когда в 1903 г. возник Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, К. Г. сделался его деятельным членом и в 1914 г. принял на себя руководство предпринятыми комитетом лингвистическими работами в восточной части Бухарского ханства; ему обязан своей научной лингвистической подготовкой исследователь, работающий в этом крае и в настоящее время, — И. И. Зарубин. Иногда приходилось ограничиваться пожеланием, чтобы

---

[63] Geiger, *Kleinere Dialekte.*
[64] Salemann, *Judaeo-Persica.*
[65] Nöldeke, ZDMG, Bd LI, S. 553.
[66] ИАН, сер. V, т. VIII, 1898, Протоколы, стр. VIII.
[67] CRAIBL, 1913, p. 675 <Протоколы>.
[68] ЗВОРАО, т. XIX, стр. XVI—XVII.
[69] ЗВОРАО, т. III, стр. 128—129.
[70] «Восточные заметки», стр. 269—320.

явились продолжатели прерванных работ; так, в речи, произнесенной 31 января 1914 г. в Русском географическом обществе и посвященной памяти исследователя осетинского языка В. Ф. Миллера, К. Г. выражал надежду, что среди молодых русских ученых найдутся продолжатели трудов покойного академика. В то же время, однако, отчасти по вине К. Г., отчасти помимо его воли, в рукописях, корректурах и отпечатанных листах на долгие годы был погребен богатый материал по изучению иранских наречий, уже находившийся в распоряжении академии. Сюда относятся и бумаги более раннего исследователя осетинского языка, академика Шёгрена, и материалы по составлению осетинского словаря, собранные В. Ф. Миллером и после его смерти поступившие в распоряжение академии; для обработки этих материалов академией по предложению К. Г. еще в ноябре 1914 г. было приглашено особое лицо, но до настоящего времени эти материалы в печать не поступали. На гораздо более долгий срок нередко откладывалось печатание других материалов по ирановедению. Вышедшая в свет в 1888 г. 1-я часть «Материалов» В. А. Жуковского остается и до сих пор единственной; части 2-я и 3-я были отпечатаны, но (не по вине К. Г.) не выпущены; таким же образом не было выпущено в свет продолжение (т. II, вып. II и т. III) «Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen» Дорна. К. Г. в первые годы своей академической деятельности закончил печатание «Kurdische Sammlungen» Прима и Социна; но многие другие курдские материалы остались под спудом; не вышла в свет 3-я часть «Forschungen über die Kurden» Лерха. Академия еще в 1897 г. по предложению К. Г. постановила напечатать отдельным изданием книгу Гуго Макаша «Kurdische Texte im Kurmânji Dialekte aus der Gegend von Märdin»; это издание не появилось. В феврале 1915 г. один из русских ученых обратил внимание академии на факт, что изучение курдов, долгое время сосредоточивавшееся в России, начинает переходить к немцам и англичанам [71]. Остались под спудом и некоторые материалы по другим иранским наречиям, как «Образцы народной словесности иранских племен Средней Азии» М. С. Андреева.

Фрагментарными остались даже работы К. Г. в области персидской лексикографии, в изучении которой он, как было сказано выше, видел одну из лучших задач иранской филологии. Во время печатания последних листов труда Шемса Фахри по петроградской университетской рукописи, заключавшей в себе только четвертую часть, К. Г. узнал от С. Ф. Ольденбурга о существовании в Париже полного экземпляра того же труда. К. Г. напечатал в академическом «Bulletin» предисловие к этому сочинению по списку, сделанному С. Ф. Ольденбургом [72]; в 1888 г. рукопись была доставлена в Петроград и полностью переписана В. А. Жуковским; тем не менее обещание К. Г., что за первым выпуском после-

[71] <В. Ф. Минорский>. См.: ИАН, сер. VI, т. IX, 1915, стр. 577, <Протоколы>.
[72] Salemann, *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i J̌amâlî*, p. 433 sq.

дует (предполагалось — еще в 1888 г.) второй, который будет заключать в себе варианты к тексту по парижской рукописи и предисловие со сведениями о жизни и сочинениях автора, осталось невыполненным. В 1895 г. К. Г. издал другой, более поздний персидский лексикографический труд, словарь Абд ал-Кадира багдадского к *Шāх-нāме* Фирдауси [73]. И в этом случае предполагалось, что за первым выпуском последуют другие; вторая часть 1-го тома должна была заключать в себе текст другого сочинения того же автора, второй том — примечания и реестр слов. Все издание должно было быть началом серии, в которую предполагалось включить «несколько важных первоисточников персидской лексикографии». Ни обещанному продолжению издания, ни дальнейшим выпускам предполагавшейся серии не суждено было появиться [74].

Археологические открытия, сделанные в начале XX в. в Китайском Туркестане, предъявили к иранской филологии новые требования, на которые такой иранист, как К. Г., не мог не отозваться. К известным раньше пехлевийским текстам присоединились новые, христианского и манихейского содержания, более свободные от традиционных искажений, чем тексты зороастрийские; особенный интерес представляли манихейские тексты, так как в них все семитические идеограммы заменены иранскими словами; этим окончательно была доказана правильность мнения, которое отстаивал и К. Г., что пехлевийский язык не был языком смешанным и что написанные по-арамейски слова произносились по-персидски [75]. Как с понятным удовлетворением мог установить К. Г.[76], новооткрытый источник «неопровержимо доказал, что мы при объяснении пехлевийского языка находились на верном пути». Тем же археологическим исследованиям наука обязана открытием древнейшего еврейско-персидского документа [77] и в особенности открытием новых литературных среднеазиатских языков, среди них одного иранского, так называемого «согдийского», на котором сохранились кроме деловых документов буддийские, манихейские и христианские тексты; согдийский язык представлял для К. Г. особый интерес ввиду его несомненной близости к ягнобскому и установленной К. Г. близости обоих к осетинскому [78]. После удачной дешифровки манихейского шрифта Ф. В. К. Миллером в 1904 г.[79] К. Г. посвя-

---

[73] Абд ал-Кадир Багдадский, изд. Залемана.

[74] К. Г. предполагал издать древнейший памятник персидской лексикографической литературы, словарь Асади, но этому помешало спешное издание этого памятника (в 1897 г.) Хорном (сообщение С. Ф. Ольденбурга).

[75] О таком значении восточнотуркестанских археологических открытий ср.: Veit, *Festschrift zur Haug-Feier*, S. 34.

[76] *Manichaeische Studien*, S. V.

[77] Ему посвящена статья К. Г. *По поводу еврейско-персидского отрывка.*

[78] Salemann, *Manichaica*, II, S. 532.

[79] F. Müller, *Handschriften-Reste*. По поводу ошибочного термина «Estrangelo», принятого также В. В. Радловым (напр., *Die vorislamitischen Schriftarten*, стр. 843)

тил «манихейским» и другим отрывкам ряд статей; в некоторых опубликована и разобрана небольшая часть материала, доставленного в Азиатский музей русскими исследователями [80], в других [81] приведены в исправленной транскрипции тексты, уже опубликованные за границей; последние два выпуска серии «Manichaica» [82] посвящены сопоставлению доставленного текстами словарного и грамматического материала. Переиздание уже изданных и переведенных текстов вызвало некоторое неудовольствие в Берлине [83], но К. Г. мог быть вполне удовлетворен пожеланием французского ученого [84], чтобы такие тексты «après un premier éditeur tel que M. F. W. K. Müller soient étudiés encore par un maître comme M. Salemann». Последний выпуск «Manichaica» дает материал для ряда культурно-исторических сближений и потому, по отзыву Н. Я. Марра [85], «своим значением выходит за пределы чисто-лингвистических интересов». О таких же широких научных интересах и такой же неослабленной работоспособности свидетельствует последняя работа К. Г. по ирановедению, статья «Eranica» [86], где рассматриваются вопросы, относящиеся к чтению ахеменидских надписей, Авесты и пехлевийских текстов.

Первая статья серии «Manichaica» заключает в себе и турецкий лингвистический материал. К. Г. в период своей академической деятельности посвятил туркологии несколько работ; из них самая обширная касается так называемых «сельджукских стихов» [87], к которым К. Г. вернулся еще раз в статье, поднесенной В. В. Радлову ко дню его восьмидесятилетия; дожить до этого дня и до выхода в свет приуроченного к нему сборника статей К. Г.-чу не пришлось. Преимущественно туркологический материал заключает в себе напечатанная в 1898 г. статья К. Г. «Легенда про Хаким-Ата» [88]; наконец, К. Г. в 1910 г. принял участие в изучении одного из важнейших памятников турецкого языка — так называемого «Codex Comanicus» [89].

Вместе с В. В. Радловым К. Г. старался содействовать опубликованию и изданию всяких других лингвистических материалов, в том числе

и К. Г. (*Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums*, стр. 1), см. замечания П. К. Коковцова в <статье> *К сиро-турецкой эпиграфике*, стр. 779, <прим. 1>.

[80] Упомянутая статья <*Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums*>, также I-я и III-я статьи *Manichaica*.

[81] Salemann, *Manichaeische Studien*; idem, *Manichaica*, II.

[82] *Manichaica*, IV—V.

[83] F. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal*.

[84] Meillet, JA, sér. 10, т. XIII, p. 314; приведено В. В. Радловым в *Chuastuanit*, S. 51.

[85] «*Согдийская*» *версия св. Писания*.

[86] <См. библиографию в конце тома.>

[87] *Die Seldschukischen Verse*.

[88] <См. библиографию в конце тома.>

[89] *Zur Kritik des Codex Comanicus*.

кавказских [90] и сибирских. В. В. Радловым и К. Г. еще в 1888 г. была составлена инструкция для лингвистических работ А. В. Адрианова в Нарымском крае. Академией по представлению К. Г. были напечатаны гиляцкие и гольдские материалы В. Грубе [91]; печатание поступившего в начале 1897 г. «Goldisch-Deutsches Wörterverzeichniss» было постановлено закончить до мая того же года, так как к этому времени должно было начаться путешествие автора в Китай; в действительности книга вышла только в 1900 г. В 1898 г. академией был принят для напечатания лингвистический материал, собранный снаряженной на средства И. М. Сибирякова Якутской экспедицией Русского географического общества. Материал касался языков якутского (собиратели В. Г. Богораз и Э. К. Пекарский), юкагирского (В. И. Иохельсон) и гиляцкого (Л. Я. Штернберг); печатание происходило под наблюдением К. Г., еще в 1915 г. возобновившего печатание окончательно приобретенных академией материалов В. И. Иохельсона, присоединившего за это время к своим юкагирским записям также записи по языкам алеутскому и камчадальскому. Предполагалось, что под руководством К. Г. будут обработаны и напечатаны также материалы по языку енисейских остяков, собранные В. И. Анучиным на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1905—1907 гг.). Во всех этих случаях К. Г. предлагал собирателю ряд вопросов по заранее выработанной программе, чтобы убедиться, насколько собиратель овладел языком и усвоил его дух; после этого К. Г-чу легко удавалось усвоить строй языка настолько, насколько это было необходимо для чтения корректур, исправления опечаток и недосмотров. Автор этих строк и другие лица слышали от самих собирателей, что без помощи К. Г. их материалы вышли бы в свет в гораздо менее исправном виде. К сожалению, и в этом случае по различным причинам при жизни К. Г. была напечатана только небольшая часть материала, поступившего в академию; в некоторых случаях вопрос о продолжении печатания до сих пор остается открытым.

Богатое научное наследие, оставленное К. Г.-чем, нуждается в оценке и использовании специалистами; едва ли это может быть выполнено в близком будущем.

В последние годы у К. Г. оставалось для научных занятий еще меньше

[90] В 1887 г. попечителем Кавказского учебного округа был прислан в академию материал по мингрельским говорам, собранный А. Н. Греном; на основании отзыва В. В. Радлова и К. Г. академия постановила одобрить этот материал к печатанию после обработки и выразила пожелание, чтобы собирателю для этой цели была дана возможность прибыть на более продолжительное время в Петербург. К. Г. живо интересовался изучением цыганских диалектов и еще в 1887 г. в ЗВОРАО (т. II, стр. 149—157) напечатал подробный отзыв с ценными грамматическими замечаниями о труде К. П. Патканова «Цыганы». В академических изданиях под наблюдением К. Г. были изданы материалы Финка (Finck, *Die Sprache*) и Добровольского (*Киселевские цыгане*).

[91] Приложение к III тому «Reisen und Forschungen» Шренка (вып. 1 и 2).

времени, чем прежде. Приходилось посвящать еще более времени библиотекам, особенно после того, как возник проект постройки нового библиотечного здания. Проект был выработан при непосредственном участии К. Г., которым был прочитан о нем доклад на Первом Всероссийском съезде по библиотечному делу летом 1911 г. Здание было выстроено; перенесение туда библиотеки ожидалось в близком будущем; летом 1914 г. К. Г. собирался поехать за границу для посещения «некоторых вновь выстроенных библиотек, для собирания практических указаний относительно перевоза и внутреннего оборудования новой академической библиотеки». Все эти планы были расстроены военными событиями, и построенное здание на время получило иное назначение.

Войной было разрушено также другое дело, над осуществлением которого работал К. Г. и крушение которого было для него тяжким ударом, может быть ускорившим его смерть. Еще в 1899 г., когда немецкими учеными был составлен проект образования международной ассоциации ученых учреждений, К. Г., вместе с А. С. Фаминцыным, был командирован академией в Висбаден на конференцию, созванную для обсуждения этого проекта; после этого К. Г. несколько раз ездил за границу на заседания комитета и Общего собрания ассоциации, принимал горячее участие в ведении дел ассоциации, когда настала очередь России, и в созыве Общего собрания, состоявшегося в Петербурге весной 1913 г. Лично для К. Г. только со времени учреждения ассоциации началась эпоха заграничных ученых отличий, на которые его научные заслуги могли бы дать ему право гораздо раньше: в 1902 г. он был возведен Гиссенским университетом в степень доктора философии honoris causa, в 1904 г. избран членом-корреспондентом британской академии, в 1908 г. — иностранным членом-корреспондентом венгерской академии и почетным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне.

К. Г. и в своих сношениях с иностранными учеными учреждениями и отдельными лицами оставался тем же, чем был всегда, — беспристрастным ученым, которому дорого только то, что служит к чести и славе науки. В 1908 г. им и по его докладу академией была решительно отвергнута критическая заметка молодого немецкого ираниста по поводу одного из английских изданий; признавая некоторые замечания автора правильными, К. Г. находил, что «тон, в котором они высказываются, и постоянно повторяющиеся указания на высокое достоинство собственных статеек автора придают этой заметке характер, неподходящий для „Известий“ Академии». В связи с приведенным раньше отзывом К. Г. о нападках на Вуллерса эти слова показывают, что не личные дружеские связи побудили К. Г. в 1910 г. (в статье «Zur Kritik des Codex Comanicus») выступить против нападок на одного из его товарищей по академии [92].

[92] <Немецкий тюрколог В. Банг (1869—1934) позволял себе делать резкие и необоснованные выпады против В. В. Радлова, см.: Периханян, *Карл Германович*

В 1910 г. К. Г. сделал в академии доклад об одном из предприятий ассоциации — издании «Энциклопедии ислама». Дороговизна этого издания объясняется решением выпускать его в свет одновременно на трех языках, вследствие чего кроме гонорара за статьи приходится платить гонорар двум переводчикам. Приостановить издание английское и французское было невозможно, так как только под условием печатания на английском и французском языках правительства Индии и Франции согласились назначить «Энциклопедии» субсидию; академия уполномочила К. Г. по его собственному предложению внести в комитет ассоциации заявление о желательности приостановить, впредь до более благоприятного времени, печатание немецкого издания. Ассоциацией это предложение не было принято, вероятно, потому, что, как известно пишущему эти строки, значительное большинство статей представляется в редакцию «Энциклопедии» именно на немецком языке; но самым фактом предложения лучше всего опровергается мнение тех, кто видел в К. Г. прежде всего немецкого ученого.

Остается сказать несколько слов о почившем учителе многих, старшем товарище почти всех наших сочленов как о человеке. К. Г. оставался до конца человеком, по немецкому выражению, aus einem Guss. До щепетильности корректный в товарищеских отношениях, он до резкости отстаивал то, что казалось ему справедливым, не допускал никаких компромиссов, никакого заискивания перед власть имущими, расходясь в этом с большинством своих соплеменников в России [93]. Внешняя суровость и требовательность не мешали сердечной доброте, которую испытали многие, прежде всего те из его близких, кому он наряду с наукой посвятил свою жизнь; но личное горе и личные страдания он любил переносить наедине с самим собой. Из прежних русских академиков немецкого происхождения более всего походил на К. Г. А. А. Куник; К. Г. всегда говорил с редким уважением не только о жизни и трудах этого ученого, но и о его мужественной борьбе со смертью. Подобно Кунику, К. Г. до конца боролся со смертельным недугом, неохотно прибегал к помощи врача и близких и умер один.

Залеман, стр. 101; см. еще статью В. В. Бартольда, *Памяти В. В. Радлова*, ниже стр. 687, прим. 139. — *А. К.*>

[93] Автор этих строк имел случай наблюдать, какое впечатление произвели на К. Г. характерные для его предшественника Дорна документы, напечатанные в МИФВЯ, т. I, стр. 138 и сл.; 188 и сл.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ В. П. ВАСИЛЬЕВА

Гениальный исследователь Дальнего Востока, память которого мы сегодня чествуем, придавал своим трудам по истории Китая такое же значение, как трудам по изучению буддизма; «иначе (подразумевается: чем прежние ученые) я взглянул на буддизм, иначе на историю Китая» — говорится в его автобиографии. В области изучения буддизма сделанное Василием Павловичем, как только что было выяснено, составляет только небольшую часть задуманного; все же среди этих работ имеется классический труд, занимающий вполне определенное место в истории науки. К сожалению, нельзя сказать того же самого о работах по истории Китая. Лекции, читавшиеся Василием Павловичем много лет в университете, не были обработаны для печати и не получили распространения хотя бы в виде литографированных курсов. Его специальные монографии исторического и географического содержания, как бóльшая часть исторических трудов русских и западных синологов, посвящены не истории собственно Китая, но истории живших по соседству с Китаем инородцев и вышедших из их среды династий.

Взгляды Василия Павловича на исторические судьбы китайского народа известны нам отчасти по его литографированному курсу о китайской литературе и китайских религиях, но больше всего по его популярным статьям, из которых некоторые тотчас после его смерти, в 1900 г., были соединены в сборник, изданный «Вестником всемирной истории» [1] и в 1909 г. вышедший в немецком переводе с примечаниями немецкого профессора-синолога А. Конради [2].

Своим пониманием требований науки, и в особенности своим исключительно широким для того времени миросозерцанием, Василий Павлович, по его собственным словам, был обязан своему учителю О. М. Ковалевскому. Еще не оценено по достоинству влияние, оказанное на русскую культуру закрытым в 1832 г. польским Виленским университетом, где кроме польских профессоров читали лекции немецкие, как Гроддек.

[1] Васильев, *Открытие Китая*.

[2] Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*. Ср. рецензию А. Иванова на русское и немецкое издания (ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0209—0213) и рецензию на немецкое издание (Hartmann, ZDMG, Bd LXVI, S. 506—512).

Виленский университет, насколько известно, не привлекал к себе, как немецкие, студентов из русских; но его польские воспитанники, работавшие потом в России, несомненно, содействовали успехам русской культуры, что ярче всего, может быть, выразилось в судьбах русского ориентализма. Лекциям Лелевеля и Гроддека был обязан своим широким миросозерцанием арабист Сенковский, родоначальник петербургской школы ориенталистов, автор совершенно исключительного по широте положенных в его основу идей проекта образования «полного класса восточных языков», представленного в 1829 г. [3]. Ученик тех же профессоров, О. М. Ковалевский [4], сделавшийся ориенталистом поневоле, когда за принадлежность к тайному обществу был удален из Вильны и командирован в Казань для изучения восточных языков, применил те же идеи к изучению культуры Дальнего Востока и сумел внушить их даровитейшему из своих учеников.

Еще во время пребывания в Пекине Василий Павлович издал большую карту Китая на китайском языке, впоследствии переданную им в Петербургский университет, и составил исторические карты Китая при 12 последовательных династиях [5]; последняя работа, насколько мне известно, осталась неизданной. По мнению Василия Павловича, «для того, чтоб исторические данные были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географию страны, сперва новую, потом древнюю» [6]. Методологический принцип, выраженный в последних словах и сводящийся к требованию восходить от более известного к менее известному, применялся им и в исторических трудах; хорошо знакомая ему современная жизнь Китая чаще давала ему ключ к объяснению прошлого, чем наоборот. Василий Павлович понимал, что без современной географии нельзя знать историческую, без исторической географии нельзя знать историю; но он понимал также сложность причин, которыми определяется ход исторической жизни, и решительно восставал против попыток объяснять все явления этой жизни из географических и этнографических данных [7]. Мнение, высказанное в примечании к одной из статей Василия Павловича проф. А. Конради [8] и вызвавшее отпор со стороны немецкого рецензента — dass die Geschichte von der Geographie gemacht wird, — было бы столь же решительно отвергнуто самим Василием Павловичем.

Свои первые впечатления от китайской жизни Василий Павлович впоследствии [9] выразил в следующих словах: «Я видел перед собой страну

---

[3] Напечатан в МИФВЯ, т. I, стр. 96 и сл.

[4] О нем: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 30 и сл.; <выше, стр. 48—49 и 453, прим. 5>.

[5] См.: Васильев, *Автобиография*, стр. 156.

[6] Васильев, *Записки о Нингуте*, стр. 79.

[7] Васильев, *Три вопроса*, стр. 38.

[8] Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 236; ср.: Hartmann, ZDMG, Bd LXVI, S. 507.

[9] Васильев, *Автобиография*, стр. 153.

богатую, с многочисленным, трудолюбивым, способным населением и между тем погруженную в классическую дребедень, которая хуже невежества, потому что искажена». Последние слова показывают, что отзыв о «классической дребедени» относится не столько к содержанию китайских классиков, сколько к тому употреблению, которое было из них сделано. Мы знаем из «Очерка истории китайской литературы» Василия Павловича [10], что вначале сравнительная сухость и скудость идей конфуцианства оттолкнула Василия Павловича от более подробного изучения его памятников, к которому он обратился уже после начала своей преподавательской деятельности. Впоследствии он признавал достоинства теоретических положений, составляющих основу китайской культуры, но продолжал полагать, что лучшие книги становятся вредными, когда из предмета изучения обращаются в предмет культа и слепого преклонения, лучшие теории могут губительно отозваться на жизни народа, когда общество под их влиянием «носится в заоблачных пространствах и не желает ниспуститься на землю, чтоб осмотреться с действительными потребностями», когда оно увлекается отвлеченными теориями, забывая, «что у него есть народ, к которому заявляют требования другие народы» [11].

Еще в 1859 г. по поводу «открытия Китая» договорами 1858 г. для европейской торговли Василием Павловичем был высказан замечательный в то время взгляд, к которому он потом возвращался несколько раз, что страны Передней Азии в культурном отношении составляют одно целое со странами так называемого «Запада» и что настоящим «Востоком» является только Дальний Восток, т. е. «нынешние китайские владения с югом в Индии и севером в Сибири». Открытие этого Востока для европейской культуры, совпавшее по времени с проведением электрического кабеля по дну Атлантического океана, казалось Василию Павловичу началом «новой истории», т. е. новой эпохи в истории земного шара [12]. Мнение Василия Павловича в настоящее время может считаться общепринятым; в последнем по времени труде по всемирной истории, в «Weltgeschichte seit der Völkerwanderung» Линднера, конец 50-х годов также признается началом новой мировой эпохи, neue Weltzeit [13], причем кроме фактов, отмеченных Василием Павловичем, приняты во внимание также события западноевропейской истории — война за освобождение Италии и повсеместные либеральные реформы.

Василию Павловичу в то время казалось, что до половины XIX в. Восток и Запад жили каждый своей особенной жизнью; только в немно-

---

[10] *Очерк*, стр. 4.

[11] Васильев, *Китайский прогресс*, стр. 10; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 36.

[12] Васильев, *Открытие Китая* (отд. отт.), стр. 3 и сл.; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 51 sq.

[13] Lindner, *Weltgeschichte* (см. заключительные слова 8-го тома).

гих случаях события, происходившие на Востоке, оказывали влияние на жизнь Запада; такими событиями были вызваны великое переселение народов и монгольские завоевания; только в XIX в. Запад «начинает платить визиты Востоку». Несмотря на предложенное им употребление термина «Запад», Василий Павлович оставался и впоследствии под влиянием одностороннего отождествления «Запада» с Европой. Ему казалось, что пустыни, населенные только кочевниками, отделяют «мир классический Запада (Европу)» от «классического мира Востока (Китая и Индии)» [14], и такое представление, неверное и для настоящего времени, переносилось им в прошлое, не без влияния китайского взгляда на отношение всех без различия «инородцев» к китайской империи. Открытие западного края во II в. до н. э. было и для Василия Павловича, как для китайцев, «подчинением Китаю всей Средней Азии до Бактрианы» [15]; даже сасанидская Персия была в его глазах только «дружественной и вассальной державой танской династии» [16].

Еще труднее синологам признать, что и ближайшие соседи Китая, народы Средней и Северной Азии, историю которых мы до последних десятилетий знали исключительно по китайским источникам, не находились под влиянием одной только китайской культуры. В своих специальных исследованиях, посвященных географии и истории среднеазиатских стран, Василию Павловичу редко приходилось касаться этого вопроса; эти работы частью вызывались непосредственными потребностями данного момента, частью имели целью пополнить явный пробел в русской науке. К первой категории относятся самые ранние из печатных работ Василия Павловича, статьи о Средней Азии, о Маньчжурии и бассейне Амура, составленные по китайским официальным источникам и печатавшиеся главным образом в изданиях Географического общества 50-х годов, когда на очередь был поставлен вопрос о присоединении Амурского края к России. Переведенная Василием Павловичем еще в Пекине с тибетского «География Тибета» вышла в свет только в 1895 г., когда этот труд уже не мог иметь того значения, какое имел бы, если бы вышел полвеком раньше [17]. Исключение представляет первая по времени печатная статья Василия Павловича «Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях», появившаяся в 1852 г.[18]. В этой небольшой по объему, но капитальной статье дано определение Центральной Азии как «страны спертых вод, окруженной со всех сторон системами рек и озер, доходящими до океанов». Даже в русской научной литературе [19]

---

[14] Васильев, *Три вопроса*, стр. 63.

[15] Васильев, *Религии Востока*, стр. 74.

[16] Васильев, *О магометанстве*, стр. 10 и сл.; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 88.

[17] Ср. рецензию С. Ф. Ольденбурга (ЗВОРАО, т. X, стр. 202).

[18] <См. библиографию в конце тома.>

[19] И. Мушкетов, *Туркестан*, изд. 1, стр. 5; также изд. 2.

приоритет такого определения приписывается Рихтхофену; что русским ученым было дано такое же определение за 25 лет до появления труда Рихтхофена, до сих пор не было отмечено. Среди исторических монографий самая обширная, вышедшая еще в 1857 г.[20] под заглавием «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века», тесно примыкает, по словам самого Василия Павловича, к трудам о. Иакинфа Бичурина. Переводные труды о. Иакинфа обнимали историю среднеазиатских народностей до эпохи танской династии включительно и историю первых монгольских ханов; оставался пробел для истории периода от X до XII в.; пополнение этого пробела и имел целью труд Василия Павловича. Более интересна в методологическом отношении докторская диссертация Василия Павловича «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин», где отчетливо поставлен вопрос о критическом отношении к китайской официальной истории. Но и в этом труде, как в других своих сочинениях [21], Василий Павлович принимает на веру слова китайских ученых, объяснявших из китайского языка монгольские и другие народные названия и титулы. Отношение среднеазиатских языков к китайскому не могло быть вполне ясно Василию Павловичу вследствие отсутствия лингвистической методологии; уже им было начато то сопоставление китайских корней с индоевропейскими [22], которое потом довел до крайности его ученик С. М. Георгиевский [23]. Кроме того, Василий Павлович, как его сверстник турколог И. Н. Березин, оставался на почве «Recherches sur les langues tartares» Абель-Ремюза (1820 г.) и продолжал объяснять из китайского языка турецкие грамматические окончания [24]. Наконец, он предполагал непосредственное участие китайцев, будто бы в большом количестве переселявшихся в степь, в движениях кочевых народов [25]. При таких условиях естественно, что влияние Китая на жизнь среднеазиатцев в трудах Василия Павловича несколько преувеличивалось. Василий Павлович, конечно, знал, что среднеазиатские народы кроме влияния китайцев подвергались также влиянию западной культуры, особенно западных религий; тем не менее даже «уйгурская ученость» была в его глазах «не более, как усвоением китайского образования» [26].

---

[20] Васильев, *История и древности*.

[21] Ср., напр.: Васильев, *Вопросы и сомнения*, стр. 379.

[22] Васильев, *Очерк*, стр. 11 и сл. Уже в статье 1852 г. о Центральной Азии при названии «Небесных гор» Циляньшань автор ставит в скобках, с вопросительным знаком, латинское coelum (Васильев, *Центральная Азия*, стр. 130).

[23] Ср. его докторскую диссертацию *Анализ иероглифической письменности китайцев* и рецензию: Ивановский, ЗВОРАО, т. III, стр. 279—285.

[24] См. особенно статью: Васильев, *Об отношениях китайского языка к среднеазиатским*.

[25] Васильев, *Китайский прогресс*, стр. 5; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 30.

[26] Васильев, *О магометанстве*, стр. 15; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 93.

Вопрос об отношении культуры самого Китая к культуре Запада всегда интересовал Василия Павловича, но не мог быть им вполне выяснен. Предания о древности культур индийской и китайской им решительно отвергались, причем он исходил из положения, которое считал несомненным, что без письменности не может быть и истории [27]. Столь же решительно им впоследствии ставился вопрос: «Когда это видано, чтобы какая-нибудь религия, или даже хоть кто-нибудь из принадлежащих к религии, умалял ее древность?» [28]. Василия Павловича этот довод приводил к отрицательной оценке буддийских преданий; исследователей религии Заратустры тот же довод заставлял принимать на веру хронологию парсов, несмотря на ее позднее происхождение и явную искусственность. Происхождение китайской письменности Василий Павлович, как и многие до него, был склонен объяснять влиянием Запада, именно Египта (существование в Передней Азии столь же древней письменности, как египетская, в то время еще не было установлено) [29], но не делал попыток подробно обосновать свой взгляд; его крайний скептицизм заставлял его сомневаться даже в древности египетских памятников [30]. Василий Павлович признавал, что в историческое время Китай не всегда был закрыт для иностранного влияния, хотя его замечания по этому вопросу не свободны от противоречий. В статье о китайском прогрессе говорится, что «предшествовавшая маньчжурам туземная династия» (т. е. минская) «не выказывала такого игнорирования европейских усовершенствований, не была так недоступна иностранцам» [31]; в статье о движении магометанства в Китае, наоборот, именно минская династия обвиняется в том, что «поставила себя во враждебные отношения ко всем соседям, желая отделиться от остального мира» [32]. Некоторые другие неясности, противоречия и парадоксы во взглядах Василия Павловича на отношения между Западом и Востоком объясняются тем, что он, подобно большинству ориенталистов, преувеличивал значение религии в жизни народов вообще и азиатских народов в особенности. Василий Павлович правильно отметил активную роль Запада и пассивную роль Востока, т. е. Индии и Китая, в сношениях между обоими культурными мирами, указал даже на основную, чисто материальную причину этого явления: «Индия и Китай не находятся по дарам природы в такой же зависимости от других

---

[27] Васильев, *Религии Востока*, стр. 18.

[28] Васильев, *Заметки по буддизму*, стр. 127.

[29] Васильев, *Очерк*, стр. 14 и сл. Ср. также: его же, *Религии Востока*, стр. 10 и сл.: «Не на западе ли китайцы познакомились впервые с алфавитом и стали, с помощью его, глубже всматриваться в свой язык?»

[30] Васильев, *Очерк*, стр. 25.

[31] Васильев, *Китайский прогресс*, стр. 6; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 31.

[32] Васильев, *О магометанстве*, стр. 17; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 96.

стран, как другие от них» [33]. Тем не менее он старается проследить эти характерные черты Запада и Востока главным образом в области религиозной пропаганды и ставит вопрос: «Слыхано ли было, чтобы кто-нибудь из жителей Запада обращался в поклонника Конфуция или Будды, Лаоцзы?» [34]. В блестящей по основным идеям, хотя парадоксальной в частностях, статье о движении магометанства в Китае Василий Павлович видит преимущество ислама именно в его западном происхождении и потому считает мусульманство единственным достойным и опасным соперником европейской культуры в Китае; «не религиям Востока, — замечает он, — вытеснить жар, поселенный в сердцах идеями Запада» [35]. В действительности историей буддизма, безусловно, опровергается мнение Василия Павловича, что мировое значение могут иметь только религиозные идеи Запада; для спасения своей теории Василий Павлович был вынужден предположить, что буддизм возник под влиянием западной культуры, и надеялся доказать, что Будда жил не раньше Александра Македонского [36], хотя в своем литографированном курсе по истории китайской литературы Василий Павлович уже отказывается от своей теории и признает, что основы религиозной жизни были одни и те же на Западе и на Востоке, так как «в общечеловеческой натуре лежат одинаковые законы стремления человека: национальный иудаизм выработал из себя две общечеловеческие религии, магометанство и христианство; точно так же на Востоке народности не могли довольствоваться одним брахманизмом и конфуцианством» [37]. Факты истории ислама в Китае, однако, столь же трудно было бы привести в согласие с теорией Василия Павловича и вообще с господствующим до сих пор мнением об исключительной силе в Азии религиозных идей; для объяснения этих фактов не только Василий Павлович, но и его современный немецкий комментатор прибегают к крайне рискованным предположениям. Казалось непонятным, что в Китае еще в VIII в. были мусульманские колонии и в то же время не было в домонгольскую эпоху, судя по молчанию источников, никакой пропаганды ислама. Василий Павлович полагал, что мусульмане в танскую эпоху были в Китае только временными гостями [38]; проф. Конради основательно отверг это мнение [39], но, со своей стороны, тоже считает невозможным присутствие мусульман в Китае без пропаганды их религии и, очевидно, объясняет отсутствие известий о такой пропаганде случайным пробелом в источниках. Все эти рискованные предположения о судьбах буддизма и ислама становятся излишними, если приз-

[33] Васильев, *Религии Востока*, стр. 10.
[34] Там же, стр. 11.
[35] Васильев, *О магометанстве*, стр. 24.
[36] Там же, стр. 25.
[37] Васильев, *Материалы*, прил. I, стр. 7.
[38] Васильев, *О магометанстве*, стр. 12; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 90.
[39] Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 224 sq.

нать, что и в Азии, как в Европе, такие факты, как возникновение религии, широкая пропаганда религии и приобретение политического и культурного влияния исповедниками определенной религии, могли быть явлениями разного порядка, возникавшими от разных причин. Буддизм существовал до Александра, но сделался мировой религией только под влиянием установившихся для Индии благодаря грекам культурных связей; Ашока отправлял свои посольства только на запад, в государства диадохов. Мусульманские купцы, захватившие в свои руки торговые пути в Китай на суше и на море, столь же мало думали о религии, как представители современной западноевропейской торговли; часто мусульманское духовенство даже говорило о них как о своих врагах [40]. Этим вполне объясняется, что на китайском языке уже в VIII в. возникли литературы манихейская и христианская [41], тогда как мусульманская возникает только в XVII в., хотя пришлые мусульманские элементы, наверное, и в VIII в. не уступали по численности манихейским и христианским, хотя в руках мусульман находились в монгольскую эпоху главные государственные должности и хотя еще в XIV в. мусульманами переводились на китайский язык астрологические и медицинские трактаты [42]. Замечателен самый факт появления в Китае мусульманской религиозной литературы именно в ту эпоху, когда представители ислама и вообще азиатские народы были вынуждены отказаться в пользу европейцев от господства над путями мировой торговли.

Василий Павлович не сознавал, по-видимому, этой основной причины того торжества Европы и унижения Азии, о которых он в красноречивых выражениях говорит в своей речи о китайском прогрессе [43]. Причиной отсталости восточных народов была, в его глазах, система образования, господствующая на всем Востоке, Дальнем и Ближнем, и связанная с исключительным преобладанием чисто теоретических, бесполезных для жизни знаний [44]. Переходя от прошлого и настоящего к будущему, Василий Павлович не сомневался в том, что эта отсталость — временное историческое явление, не связанное ни с расовыми свойствами народов [45], ни с сущностью религиозных учений, что над восточным человечеством, под влиянием приобщения его к мировой культурной работе, взойдет

---

[40] Ср. о роли Хабаш-Амида в чагатайском государстве: Бартольд, *Очерк истории Семиречья* (отд. отт.), стр. 46 и сл.; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 62—67>.

[41] Это выяснено особенно статьями: Chavannes — Pelliot, *Un traité*. Ср. особенно: ibid., pt. II, pp. 127, 133 sq.

[42] Ср. слова арх. Палладия (*О магометанах*, стр. 446; *Китайская литература магометан*, стр. 185).

[43] Васильев, *Китайский прогресс*, стр. 1 и сл.; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 27.

[44] Васильев, *Три вопроса*, стр. 125 и сл.

[45] Васильев, *Китайский прогресс*, стр. 8, о «ложной теории, которая распределяет силу умственных способностей по расам»; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 34.

«заря обновляющего объединения» [46]. «Просвещать Восток», по мнению Василия Павловича, было прежде всего «призвание России» [47] уже потому, что из всех европейских государств только для России ее азиатские владения составляют географически одно целое с коренными областями государства. Василий Павлович не сомневался в том, что эта цель будет достигнута; несмотря на свой крайний скептицизм в научных вопросах, он сумел сохранить до преклонных лет горячую веру в человечество, в свой народ и в свои собственные силы. Для выполнения культурной миссии России Василий Павлович призывал русский народ к всестороннему использованию своих естественных богатств, к широким реформам во всех областях жизни, особенно в системе образования, без рабского подражания готовым образцам, без «настойчивого поддержания однажды принятых взглядов» [48]. Василий Павлович стоял за широкое привлечение всех живых сил страны, отвергая всякие привилегии и монополии [49] и не признавая иной аристократии, кроме аристократии ума и таланта. Известный девиз французской революции он заменял девизом: «Свобода и справедливость (каждому свое)» [50]. Интересно, что еще в 1878 г. Василием Павловичем была высказана и обоснована мысль, к которой вернулись в последние годы, о замене классовой системы преподавания предметной [51]. И здесь, как в научных работах Василия Павловича, необходимо отличать широту и глубину основных идей от парадоксов, противоречий и даже отсталых взглядов в частностях.

Горячо веря в свой народ, Василий Павлович не мог не верить в конечное торжество того, что казалось ему правдой. Он был убежден [52], что не только «положил начало науке по своей специальности», но «в то же время указывал России ее надлежащий путь» и что то и другое когда-нибудь будет всеми признано. С трогательной заботливостью он принимал меры к тому, чтобы в тот день было воздано должное и его учителю — О. М. Ковалевскому.

Судьба русской науки в первые годы после смерти Васильева не оправдала тех ожиданий, на которые, казалось бы, давала право продолжительная деятельность гениального ученого. Василий Павлович, как было отмечено после его смерти в академическом некрологе [53], не создал школы; его крайний скептицизм скорее ослаблял, чем усиливал рвение его учеников. Может быть, не без влияния этого скептицизма его непосредствен-

---

[46] Васильев, *Религии Востока*, стр. 9.

[47] Там же, стр. 3.

[48] Васильев, *Три вопроса*, стр. 83.

[49] Ср. заключительные слова статьи: Васильев, *Открытие Китая*; Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas*, S. 79.

[50] Васильев, *Три вопроса*, стр. 48.

[51] Там же, стр. 149.

[52] См.: Васильев, *Автобиография*, стр. 154.

[53] Ольденбург, *Памяти В. П. Васильева*.

ные преемники по кафедре, заменившие его еще при его жизни, впали в противоположную крайность и не допускали сомнения ни в подлинности и древности памятников китайской культуры, ни в достоверности китайской официальной историографии. Не мне говорить о будущих судьбах русской синологии и о том, какое место в этих судьбах займет деятельность Василия Павловича. Не подлежит, однако, сомнению, что русская синология и русская наука вообще, как часть общечеловеческой научной мысли, оправдают слова учителя Василия Павловича — О. М. Ковалевского [54]: «Бесспорно, никакая идея не погибает в умственном мире; рано или поздно она воскреснет среди вражеских ударов и снова увлечет за собою толпу своих обожателей». Насколько эти слова, сказанные о торжестве правды в мире идей, применимы к торжеству правды в жизни, насколько в них могут находить утешение человек и народ в переживаемых испытаниях, этого вопроса я предпочитаю не касаться [55].

[54] О. Ковалевский, *О знакомстве европейцев с Азией*, стр. 27.

[55] <О В. П. Васильеве теперь см.: Горбачева и др., *Русский китаевед В. П. Васильев* (с библиографией изданных и неопубликованных работ его и литературой о нем); Скачков, *Библиография Китая*, стр. 591; ИИН, № 10702—10723. — *А. К.*>

ЭДУАРД ШАВАНН

Некролог

29 января 1918 г. наступило время вечного отдыха для «неутомимейшего из синологов», как назвал Эдуарда Шаванна немецкий профессор синологии Отто Франке [1]. По счастливому стечению обстоятельств неутомимейший из синологов был в то же время, по выражению того же ученого [2], самым выдающимся синологом нашего времени, самым блестящим представителем той плеяды ученых, которыми в начале XX в., как с полным правом было заявлено в 1909 г. в заседании одного из парижских ученых обществ, синология была сделана французской наукой по преимуществу [3]. Покойный Шаванн был одним из тех редких ученых, к деятельности которых не подходят известные слова о multum и multa, которым плодовитость не мешает в каждой новой работе обогащать науку ценными материалами и выводами.

Шаванн, родившийся 5 октября 1865 г. в Лионе и окончивший курс École Normale Supérieure, впервые выступил в ученом мире в 1890 г. с переводом трактата о жертвоприношениях фэн-шань из «Исторических записок» Сыма Цяня; перевод, с подробным введением и комментарием, был напечатан в журнале Пекинского восточного общества [4] (автор в то время состоял при французской миссии в Пекине). Уже этой работой вполне определялись как главный предмет научных интересов молодого синолога, так и его приемы исследования. Труд Сыма Цяня, «отца истории в Китае» [5], положившего начало достоверной историографии и непрерывному историческому преданию своей страны, естественно, сделался исходным пунктом исследований европейского синолога, целью которого было критическое изучение истории Китая, преимущественно его духовной культуры, как по письменным источникам, так и по вещественным памятникам. Стараясь отделить в повествовании Сыма Цяня о прошлых веках легендарный элемент от достоверных известий, Шаванн доказывает, что достоверностью обладают только известия по истории

---

[1] *Zwei Werke von E. Chavannes*, S. 354.
[2] Franke, *Ostasiatische Neubildungen*, S. 370.
[3] Ibid., S. 371.
[4] Chavannes, *Traité de sacrifices.*
[5] Ibid., p. IV.

удела Цинь, так как только для относящихся к этому уделу источников было сделано исключение во время сожжения книг при Цинь Ши-хуанди [6]. Многое из того, что китайским преданием, в том числе и самим Сыма Цянем, относится к глубокой древности, в действительности впервые возникло в эпоху Сыма Цяня; сюда принадлежит и государственный религиозный культ в том виде, как он соблюдался при следующих династиях вплоть до настоящего времени. Еще в III в. до н. э. в Китае были человеческие жертвоприношения; согласно с общешаманскими верованиями, при погребении государей дома Цинь убивали их жен и слуг, чтобы они служили умершему на том свете. Только во II в. до н. э., при династии Хань, эти кровавые обычаи были отменены [7]. Дом Цинь, впервые установивший в Китае единодержавие, объединил в одно целое религиозные обряды разных уделов, и потому можно сказать, что только в эту эпоху в Китае была установлена общегосударственная религия [8]. При ханьской династии эта религия подверглась преобразованию под влиянием философских теорий; пять небесных императоров сделались символами пяти мировых стихий; культ отдельных небесных божеств уступил место культу единого Неба; то же самое произошло с культом Земли; таким образом «система дуалистической философии заменила собой верования древности» [9]. При всех этих переменах оставался, однако, неизменным основной характер китайских религиозных верований, определявшийся психологическим складом китайца, вполне удовлетворявшегося земной жизнью. Религия в Китае не была создана ни страхом, ни мистическим идеализмом; в китайском пантеоне нет ни грозных, ни величественных образов; боги — те же люди древности, удостоившиеся божеских почестей за свои заслуги перед своими согражданами; все их обязанности сводятся к обеспечению земного счастья своих почитателей и продолжения этого счастья за гробом [10].

Приблизительно те же взгляды развивались Шаванном в его дальнейших исследованиях. Значительное место в этих исследованиях принадлежало труду Сыма Цяня; этому труду был посвящен один из курсов, читавшихся им в Collège de France, с которым подробно ознакомил русских читателей В. М. Алексеев [11]; предпринятый, хотя и не оконченный, Шаванном полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня является самой обширной не только из его собственных работ, но вообще из работ европейских синологов в области перевода и толкования китайских исторических текстов. Посетив впоследствии могилу Сыма Цяня, Шаванн

[6] Ibid., p. XII.

[7] Ibid., p. XIV.

[8] Ibid., p. XIII: «En realité donc c'est avec la dynastie des T'sin que se constitua en Chine une religion de l'empire».

[9] Ibid., p. XXX.

[10] Ibid., p. XXIX.

[11] *Заметки об изучении Китая* (отд. отт.), стр. 57 и сл.

упоминает как о примере «удивительной непрерывности китайской цивилизации» [12] о культе, который до сих пор воздается отцу китайской историографии как великому человеку, почти как божеству в месте его рождения и погребения, в провинции Шэньси, к югу от реки Вэй, в уезде города Ханьчэн, в 40 *км* от прохода Лунмынь с его знаменитыми буддийскими изваяниями V и следующих веков.

Шаванн отмечает, конечно, и отрицательные стороны, связанные с такой непрерывностью культурных традиций. Чрезмерное уважение к старости установило в Китае, по его замечанию, своего рода «геронтократию» и дало слишком много влияния на государственные дела людям, которых их преклонный возраст делает врагами всякого новшества, что является одной из причин «столь враждебного отношения Китая ко всякому прогрессу» [13]. Столь же ясна была для Шаванна скудость идей Конфуция, которому он посвятил одну из своих популярных статей [14]. Как замечает по поводу этой статьи один из других французских синологов, Пельо, никто не видел бы в Конфуции одного из великих мыслителей человечества, если бы не то влияние, которое оказывает его мысль в течение двадцати четырех веков на четвертую часть населения земного шара [15]. По словам Шаванна, влияние на судьбу человечества оказывают не столько представители отвлеченной мысли, сколько те, кто просто говорит нерешительной толпе: «Следуйте за мною, я покажу вам хороший путь» [16]. Путь, указанный конфуцианством, вполне удовлетворил китайский народ, потому что соответствовал его расовым свойствам; китайцам, «столь же резко отличающимся от нас душой, как и телом», нужна была и другая мораль, чем наша [17].

Это мнение, с научной точки зрения едва ли состоятельное, но разделяемое до сих пор многими ориенталистами, притом не только синологами [18], о неизменности расовых свойств и их решающем влиянии на судьбу народов отразилось также на суждениях Шаванна о народах, имевших сношения с китайцами. В орхонских надписях турецкие каганы VIII в., по его словам, только передали векам свою мечту о «зверской славе» [19]. Махаянистическое направление в буддизме возникло, по его мнению, под влиянием расовых свойств турок, утвердившихся

---

[12] «Admirable continuité de la civilisation chinoise» (*Voyage archéologique*, p. 511 sq.).

[13] Chavannes, *De l'expression des vœux*, p. 204.

[14] *Confucius.*

[15] Pelliot, BEFEO, т. III, p. 342.

[16] Chavannes, *Confucius*, p. 833 sq.

[17] Chavannes, *Les saintes instructions*, p. 551.

[18] Ср. слова немецкого арабиста Беккера (*Steuerpacht und Lehnswesen*, S. 92) о «Rassenpsychologische Tatsachen» как «der tiefste Grund für die ganz andersartige Lösung der Agrarproblems» в мусульманском мире, чем в европейском.

[19] «Rêve de gloire brutale» (Chavannes, *Notice*, p. 384).

в местности к северу от Инда [20]. Из последнего мнения видно, как стремление объяснить исторические события расовыми свойствами народов приводило к преждевременному решению вопроса о принадлежности определенного народа к той или иной расе. В одной из своих статей Шаванн едва ли удачно старается доказать турецкое происхождение так называемого животного цикла; турками же этот цикл, по его мнению, был принесен в долину Нила, притом еще в древности. Предвидя возражение, что некоторые из животных цикла, как обезьяны, не водятся в населенных турками странах, Шаванн отвечает на это, что уже в I в. н. э. в Индии, где обезьяны водятся, правил «турецкий царь Канишка», причем очень вероятно, что и до него там были «князья, известные под названием индоскифских, или другие турецкие государи» [21]. В настоящее время мнение о турецком происхождении Канишки и вообще так называемых индоскифских царей (сам Шаванн считал термин «индоскифы» неподходящим [22], но не заменил его другим) может считаться окончательно опровергнутым.

Предвзятое мнение о влиянии расовых свойств не вполне, однако, определило взгляд Шаванна на историю Китая, которая рассматривалась им не как история одной расы, но как часть истории человечества. Возражая против мнения Ренана, что для мировой истории, в сущности, имеет значение только история Греции, евреев и Рима, Шаванн доказывает, что нельзя понять историю человечества без изучения такой его части, какой является Китай. Помимо оказывающихся все более многочисленными и важными точек соприкосновения китайской культуры с культурами других стран поучительны также примеры «глубокой аналогии» между культурами Запада и независимой от них культурой Дальнего Востока. Составление истории Китая кажется ему «одной из величайших и прекраснейших задач, которые еще остается выполнить науке». Шаванн понимал, что выполнение этой задачи будет возможно только для будущих поколений; «мы можем только сеять, — замечает он, — другие соберут жатву» [23]. Подобно немецкому синологу Хирту [24], Шаванн считал необходимым замену экстенсивного способа работы, свойственного «прежней синологии» (ancienne sinologie), интенсивным; по его словам, необходимы монографии, необходимо при изучении каждого вопроса собирать и полностью переводить, в хронологическом порядке, точно датированные тексты [25]. Шаванн имел счастье, даже помимо своих соб-

---

[20] «Influence de la race turque établie au nord de l'Indus» (Chavannes, *Voyage de Song Yun*, p. 386).

[21] Chavannes, *Le cycle turc*, p. 122.

[22] «L'empire improprement appelé Indo-scythe» (*Les pays d'Occident*, p. 150).

[23] «T'oung Pao», sér. 2, t. IX, p. 606 sq.

[24] *Nachworte*, S. 4: «Die intensive Arbeitsmethode, die ich von jeher für die Sinologie in Anspruch genommen habe».

[25] JA, sér. 10, t. II, p. 529.

ственных многочисленных трудов, до некоторой степени видеть исполнение своих желаний. В начале XX в. возник первый европейский исследовательский институт, в области гуманитарных наук, на Дальнем Востоке, французская школа в Сайгоне, впоследствии перенесенная в Ханой, уже в первые годы своей деятельности поставившая себя, по словам Шаванна, на один уровень с учреждениями той же нации в Афинах, Риме и Каире, имевшими за собой долгое и славное прошлое. Из трудов представителей этой школы Шаванн отмечает как образец «строгой точности и хорошего метода» исследование Пельо о царстве Фунань [26]. С 1904 г. Шаванн был одним из редакторов издающегося в Париже (хотя печатающегося в Лейдене) международного органа синологии — «Тун бао». На страницах этого органа он с тех пор печатал бóльшую часть своих работ, реже прежнего помещая статьи в общем органе французского ориентализма, «Journal asiatique», хотя принимал деятельное участие в жизни издающего этот орган французского Азиатского общества и с 1894 г. был его секретарем. На страницах «Тун бао» он несколько раз имел случай приветствовать обогащение синологии новыми трудами и новыми деятелями, из которых некоторые, как Масперо, успели еще при жизни Шаванна вполне оправдать возлагавшиеся на них надежды. Считая необходимым отмечать каждый успех науки, Шаванн поместил на страницах «Тун бао» и других научных органов большое число рецензий, часто строгих, хотя всегда благожелательных, но среди его трудов нет ни одного ответа на рецензию, ни одной полемики. Разумеется, он не останавливался перед признанием собственных ошибок; так, в работе о манихеях, изданной им в 1913 г. вместе с Пельо [27], указывается на полную несостоятельность прежнего мнения Шаванна, высказанного в 1897 г., что под мо-ни китайских источников следует понимать не манихеев, но мусульман [28]. Охотно отзываясь на просьбы других исследователей, Шаванн неоднократно выполнял для чужих трудов работу, требовавшую специальных познаний синолога, переводил и объяснял китайские тексты и документы, собирал известия из китайских источников.

Одновременно с успехами изучения письменных источников предметом изысканий ученых, по замечанию Шаванна, наконец сделалась и археология Китая. Шаванн выражает надежду, что и в этой области исследования установится правильная научная работа и что прежние соображения общего характера будут заменены выводами, основанными

---

[26] Ibid., p. 528.

[27] Chavannes — Pelliot, *Un traité*. Ср. особенно pt. II, p. 373: «cette assertion. . . ne tient pas contre les témoignages anciens et formels dont nous disposons aujourd'hui».

[28] *Le nestorianisme*; особенно p. 79: «aucun texte chinoise ne nous permet de supposer que les Mo-ni soient des manichéens; nous savons, au contraire, que, dès l'époque des Song, l'expression „religion de Mo-ni" désignait l'islamisme». В противоположность этому Шаванн писал в 1900 г. (*Documents*, p. 302 sq.), что прибывший в Китай в 719 г. астроном Ta-mou-che был «prêtre d'une religion qui paraît être le manichéisme».

на достаточном числе фактов, хорошо засвидетельствованных и точно определенных во времени и в пространстве [29]. Неблагоприятным для науки обстоятельством является сравнительно позднее происхождение дошедших до нас памятников, не находящееся в соответствии с древностью китайской культуры. Древнейшие известные нам памятники китайской скульптуры, исследованные Шаванном в 1890 г.[30], относятся ко II в. н. э., и даже с этого времени мы не имеем непрерывной традиции; пробел обнимает два века, III и IV; к V в. относятся древнейшие из буддийских скульптур в проходе Лунмынь [31]; с VIII и IX вв. памятники становятся более многочисленными. К IX в. относятся древнейшие памятники в эпиграфическом музее города Сианьфу, известном под названием «леса стел». На этих стелах, между прочим, был вырезан текст 12 классических книг (Шаванн доказывает, что стелы имели влияние на изобретение книгопечатания) [32]; более поздние стелы того же музея сохранили нам древнейшие дошедшие до нас произведения китайской картографии [33], относящиеся к XII в., хотя по литературным сведениям карты были в Китае уже в III в. до н. э.; Пэй Сю, отец научной китайской картографии, жил в III в. н. э.[34].

Утрата древнейших археологических и эпиграфических памятников отчасти возмещается теми сборниками надписей, которые издавна составлялись в Китае. Те же сборники и комментарии к ним являются необходимым пособием при разборе надписей. В этой области исследования еще более, чем в области изучения литературных памятников, сказываются преимущества той начитанности, которой обладают туземные ученые и которую почти невозможно приобрести в такой же степени синологу-европейцу. Одна из статей Шаванна [35] посвящена поддельной надписи; эстампажи, по его словам, были предложены ему в трех городах, Тайаньфу, Сианьфу и Тайюаньфу, но о месте нахождения надписи давались сбивчивые сведения; по проверке оказалось, что поддельщик (решившийся на такое дело исключительно ради денежной выгоды) воспроизвел в искаженном виде одну из надписей прохода Лунмынь, причем, однако, в одном случае, что не могло быть сделано европейским

[29] Chavannes, *Voyage archéologique*, p. 528.

[30] Darmesteter, *Rapport*, p. 145 sq. (Результатом этой экспедиции был труд: Chavannes, *La sculpture en Chine*). В этой же статье (в годовом отчете за 1892/93 г., составленном Дармстетером) выражена надежда, что этот труд «fera de l'archéologie et de l'épigraphie chinoise une branche indépendante de la sinologie». Там же говорится, что труд о китайской культуре «a contribué à ouvrir à son jeune auteur les portes du Collège de France».

[31] Chavannes, *Voyage archéologique*, p. 527.

[32] JA, sér. 9, t. XX, p. 7. О памятниках в проходе Лунмынь см.: Chavannes, *Le défilé de Long-men.*

[33] О них см. статью Шаванна *Les deux plus anciens specimens.*

[34] Ibid., p. 241: «père de la cartographie scientifique en Chine».

[35] *Un faux archéologique.*

ученым, дал правильное чтение сильно поврежденного и трудно поддававшегося разбору текста. Таким образом, в Китае и археология не могла бы сделаться, как в Индии, европейской наукой по преимуществу, в которой европейские ученые могли бы подчинить своему руководству представителей туземной ученой традиции.

Применение европейских методов исследования более всего необходимо при рассмотрении вопроса о влиянии на Китай иноземных культур, об иноземном происхождении некоторых из тех культурных явлений, в которых китайское предание видит отголосок мифической древности самого Китая, и о степени успеха в позднейшем историческом Китае иноземных идей, в том числе проникавших в Китай с юга и с запада мировых религий. По поводу трудов своего предшественника Деверия Шаванн отмечает влияние этой религиозной пропаганды, посредством которой «в древнюю империю» медленно, капля за каплей просачивались «идеи и страсти, захватывающие сердца и умы народной толпы и грозящие когда-нибудь разрушить устарелое здание конфуцианской морали»[36]. Шаванн в своих трудах останавливался особенно подробно на путешествиях буддийских паломников из Китая в Индию, с чем был связан перевод на китайский язык буддийских священных книг, «одно из великих событий эволюции идей в мировой истории»[37]. Один из паломников, сочинения которых были переведены Шаванном, И-цзин, принес священные книги из Индии в Китай морским путем, вообще имевшим довольно большое значение в истории торговых и культурных сношений Китая с Индией и Персией [38]; тем не менее Шаванн несколько односторонне связывал как проникновение в самый Китай маздеизма, христианства и манихейства и в пограничные с Китаем области ислама, так и возрождение в Китае буддизма с караванными путями через Среднюю Азию и с турецкими кочевыми империями VI—VIII вв.[39]. О более древних культурных связях Шаванн высказал свое мнение по поводу статьи проф. Конради о влиянии Индии на Китай в IV в. до н. э.[40]. Шаванн считает несомненным самый факт раннего влияния на Китай иноземной культуры, но, по его мнению, неправильно приурочивать это влияние к какому-нибудь одному источнику, будь ли то Халдея, как хотел доказать Терьен де Лакупери, или Индия, как доказывалось в статье проф. Конради. «Действительность бесконечно более сложна, чем могло бы показаться по этим упрощающим системам (systèmes simplistes); наряду с астрономическими и хронологическими познаниями, происходящими, по-видимому, из древней Халдеи, мы наблюдаем в Китае целый ряд по-

[36] Chavannes, *Notice*, p. 386.
[37] Chavannes, *Voyage de Song Yun*, p. 385 sq.
[38] Ср. Чжао Жу-гуа, пер. Хирта—Рокхилла, 9.
[39] Chavannes, *Documents*, p. 303.
[40] Conrady, *Indischer Einfluss.*

следовательных заимствований, из которых некоторые, как даосизм, принесены из Индии, другие, как гамма Пифагора, обнаруживают греческое происхождение, третьи, как изображение скачущего коня на шаньдунских барельефах и животный цикл, идут от турок, четвертые вышли из ахеменидской Персии. Кто хочет определить ход возникновения и развития китайской цивилизации, должен тщательно различать эти разнообразные влияния»[41]. Но для историка важен не столько вопрос о первоначальном происхождении тех или иных культурных элементов, сколько вопрос о тех путях, которыми они проникли в Китай. Исторические известия, по-видимому, указывают на Индию как на страну, ранее других имевшую культурное общение с Китаем; вполне возможно, что то, что исходило из Халдеи, Греции или ахеменидской Персии, проникло в Китай только через посредство Индии.

Торжество западной религиозной пропаганды и падение устарелой системы Конфуция казались Шаванну необходимым условием присоединения Китая к общечеловеческой культурной жизни. В то же время им вполне сознавалась трудность этой задачи; по его словам, написанным в 1903 г., за 2380 лет, прошедших со времени смерти Конфуция, его авторитет, может быть, никогда не пользовался таким уважением, как в наши дни [42]. Мнение китайцев о современных европейцах вполне соответствует, по словам Шаванна, отзыву о западных народах писавшего в V в. н. э. Фань Е, автора «Истории младших Хань»: религия излишня для Китая, у которого есть наставления Конфуция, но нужна народам Запада, у которых этих наставлений нет; «если отнять у них их религию, о чем им тогда будет заботиться и чем они будут сдержаны?»[43].

Работы Шаванна о сношениях Китая с Западом во многом соприкасались с работами русских ученых; к сожалению, в синологии не было почти никакого общения между представителями русской и западноевропейской науки, к явному ущербу для обеих сторон. Как отметил один из специалистов на страницах органа русского востоковедения, наши ученые, «создав вполне самостоятельно русскую науку китаеведения, очень мало интересовались тем, что делалось в этой области на Западе»[44]. Еще меньше интересовались на Западе работами русских синологов. Для Шаванна написанное на русском языке как бы не существовало, что пришлось отметить [45] даже по поводу работы, представленной в 1900 г. Академии наук и напечатанной в ее изданиях в 1903 г. Еще через несколько лет, в 1907 г., Шаванном был напечатан перевод главы о западном крае из «Истории младших Хань»; в предисловии сказано, что сведения из этой главы приводились многими учеными, но полного пере-

[41] Chavannes, «T'oung Pao», sér. 2, t. VII, p. 402.
[42] Chavannes, *Confucius*, p. 827.
[43] Chavannes, *Les pays d'Occident*, p. 222.
[44] Котвич, ЗВОРАО, т. XV, стр. 047.
[45] Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0174; <наст. изд., т. V, стр. 352>.

вода никем сделано не было [46]; между тем в русской синологической литературе такой перевод существует с 1854 г.[47]. Только в одной из своих последних работ, исполненной в сотрудничестве с Пельо [48], Шаванн благодаря этому сотруднику мог принять во внимание и русские труды.

Военные события последних лет не отвлекли знаменитого синолога, находившегося в полном расцвете своих сил, от привычных занятий. В «Тун бао» за 1916 г.[49] им помещена работа о царствах У и Юе (IX—X вв.), в которой приведены новые факты по истории китайских верований и религиозных обрядов [50]; рассказ о вооруженной борьбе с речным духом при постройке плотины в 910 г. позволил установить, что в Китае еще в X в. н. э. сохранялись очень древние религиозные верования, напоминающие рассказ «Илиады» о борьбе Ахилла с Ксанфом и рассказ Геродота о наказании Ксерксом Геллеспонта [51]. Автор предполагал в одной из следующих книжек того же журнала поместить статью о религиозных обрядах даосистов в том же X в. Упоминается о том значении, которое имели царства У и Юе в истории китайского буддизма, также пользовавшегося покровительством обладателей этих царств; относительно подробностей Шаванн отсылает читателя к отчету Масперо о его археологической экспедиции в провинцию Чжэцзян и к обещанному тем же ученым более подробному труду на ту же тему [52]. Преждевременная смерть Шаванна, несомненно, лишила науку ряда ценных работ, которые были бы исполнены покойным синологом как собственными силами, так и в сотрудничестве с товарищами по специальности [53].

Непрерывная работа и почти непрерывное научное творчество — вот о чем прежде всего думаешь, когда вспоминаешь о Шаванне. И не потому, что он написал много книг и много статей; можно, наверное, назвать ряд ученых, написавших и напечатавших больше, чем он, а потому, что у Шаванна именно воспринимание и претворение в собственном созидании были как-то поразительно соединены. Я хорошо сознаю, что эти слова могут быть приняты как чрезвычайно отрицательная характеристика именно ученого, потому что как иначе характеризовать скороспелые выводы, как не немедленное созидание из только что воспринятого? Это было бы действительно справедливо, если бы решающим моментом в творчестве не была личность, именно сам воспринимающий и творящий; от того, кто он, и зависит положительное или отрицательное в том, что

---

[46] Chavannes, *Les pays d'Occident*, p. 151.

[47] Бичурин, *Собрание сведений*, ч. III, стр. 100—189.

[48] Chavannes — Pelliot, *Un traité*.

[49] Chavannes, *Le royaume de Wou et de Yue*.

[50] Ibid., p. 140: «récit qui nous ouvre des aperçus nouveaux sur croyance religieuses des Chinoise».

[51] Ibid., p. 249.

[52] Ibid., p. 140 sq.

[53] <Дальнейший текст статьи принадлежит С. Ф. Ольденбургу.>

я сказал. У Шаванна был именно этот ясный, методический ум, всегда готовый при восприятии отделить немедленно существенное от несущественного, без потери времени, без лишних справок. Несомненно, что такой склад ума создает и большие опасности на пути исследования: опасность недостаточно ценить сложность исследуемых явлений, не суметь в каждом отдельном случае уловить ту грань, где различие количественное переходит уже в качественное, рождая таким образом новые процессы, которые мы обязаны принять во внимание. В этом, конечно, и лежит всегда причина успеха или неуспеха научного исследования— в понимании исследователем того, что может и должно быть отброшено как именно для данного случая или вопроса несущественное, и того, что должно непременно быть учтено. Как часто мы видим, что неопытному или неудачному исследователю необходимой акрибией представляется то, что на самом деле ненужная, а значит, обыкновенно и вредная для научной работы мелочь. А с другой стороны, мы часто видим, что существенное оставляется в стороне и считается ненужной мелочью.

Шаванн обладал в широкой мере этим пониманием различия между нужным и ненужным при исследовании; в значительной степени это, разумеется, было результатом его громадных знаний и поразительной начитанности, но в гораздо большей мере характерной особенностью его ума, я бы сказал, особенностью специально французского, выдающегося ума.

В связи с этим я бы поставил и другую характеризующую Шаванна черту: его понимание необходимости тесного и постоянного сотрудничества различных научных дисциплин, вред для правильного развития науки от крайней индивидуализации отдельных ученых. Он с удивительной чуткостью понимал, что если отдельные мировые гении и могут и даже иногда должны идти своим одиноким путем, чтобы их исключительно драгоценное время не затрачивалось на то, что не нужно непосредственно для их великого творчества, для их гениальных обобщений, то даже для больших ученых такое обособление, такое одиночество только вредно, как для общего развития науки, так и для них самих. Необыкновенный рост науки в XIX столетии сделал совершенно необходимыми организацию и планомерность в научной работе, и те дисциплины, которые еще недостаточно восприняли эту, казалось бы, самоочевидную истину, являются уже в настоящее время отсталыми.

Мы видим, что Шаванн с редким пониманием научных потребностей своего времени и среды, в которой работал, рядом с чисто личной работой в том направлении, которое ему представлялось отвечающим научным запросам его специальности — синологии, вел ряд исследований совместно с другими специалистами — индианистами, туркологами и др. Те, кто имел счастье лично знать Шаванна, помнят, с каким поразительным вниманием он относился ко всякому научному запросу, предъявленному к нему как к синологу, как только видел, что запрос связан с опре-

деленной работой. Нередко бывало, что из таких ответов на запросы вырастало исследование, ибо, повторяю, у Шаванна созидание было всегда близко к восприниманию.

Таковым мне представляется общий облик Шаванна как ученого; перейду теперь к его работам в тех областях, о которых я считаю себя компетентным судить, его исследованиям в области буддизма и искусства Дальнего Востока.

Начатое в свое время В. П. Васильевым исследование китайских и тибетских источников буддизма, продолженное для тибетских источников Шифнером, получило надлежащее развитие лишь в конце XIX столетия, причем мы имеем право сказать, что этому возбуждению интереса к так называемому северному буддизму много способствовала книга И. П. Минаева о буддизме, давшая обстоятельную критику так называемого палийского течения в исследовании учения Будды и указавшая на его односторонность. В Париже в научном кружке, в центре которого стоял С. Леви, ученый совершенно исключительно разносторонний и даровитый, этот интерес к изучению так называемого северного буддизма принял форму систематического исследования, издания и перевода первоисточников. Шаванн горячо примкнул к работе своих товарищей и обратил свое внимание на китайских паломников-буддистов. Выбор его, чрезвычайно удачный, пал на сочинение китайского паломника VII в. И-цзина [54], давшего ряд биографий своих современников монахов-паломников; это почти все лица неизвестные или малоизвестные, и, может быть, именно потому они дают нам такое превосходное понятие об этом блестящем периоде буддизма как мировой религии. За этой книгой последовал перевод Сун-юна (VI в.) [55], У-куна [56] (VIII в.) и издание и разбор буддийского эпиграфического материала в Будда-Гае, относящегося главным образом к XI в.[57], очень ценный указаниями на оживление сношений буддийского Китая с Индией в период, когда буддизм уже угасал на своей родине.

Из целого ряда работ, посвященных буддизму и написанных в большинстве случаев в сотрудничестве с С. Леви, мы отметим одну из последних, обстоятельно трактующую любопытный вопрос о серии 16—18 архатов [58]. Вопрос изучен с тем исключительным знанием первоисточников, который присущ обоим названным ученым, и раскрывает интересную страницу буддийского культа, бросая вместе с тем свет на запутанный вопрос о буддийских канонах и каноне.

Чрезвычайно характерно, как Шаванном, вместе с С. Леви, было использовано объяснение некоторых специальных терминов монастыр-

[54] Chavannes, *Les religieux éminents.*
[55] Chavannes, *Voyage de Song Yun.*
[56] Lévi — Chavannes, *L'Itinéraire d'Ou-k'ong.*
[57] Chavannes, *Les inscriptions chinoises.*
[58] Lévi — Chavannes, *Les seize Arhat.*

ского обихода [59] для того, чтобы показать глубокий внутренний переворот в буддийской общине в связи с переменой взгляда на собственность. Из других статей укажем на заметку в связи с открытиями в Восточном Туркестане [60] и на статью о буддийских храмах [61].

Но самым крупным трудом в области буддизма является превосходный перевод целого ряда рассказов из китайских буддийских сборников [62]. Эти три больших тома составляют драгоценнейший вклад в изучение сложного мира буддийской легенды; четвертый том остался ненапечатанным, хотя и должен был выйти в 1911 г. Из личных бесед с Шаванном я знаю, что он отложил издание примечаний, которые должны были составить этот том, желая их значительно расширить, особенно в области чисто буддийской.

Не менее значительным является вклад Шаванна в дело изучения китайского и буддийского искусства и археологии. О его труде по ханьской скульптуре уже было сказано выше В. В. Бартольдом. Замечательные находки Штейна в той области, которая являлась китайским limes, нашли себе достойного истолкователя в лице Шаванна. Это были древнейшие из до сих пор известных китайских бумажных рукописей, древнейшие бумажные рукописи вообще, так как они относятся ко II в. н. э.; найденные с ними документы на дереве еще древнее и относятся к I в. до н. э. Они, таким образом, имеют первостепенное значение для истории китайской письменности, и с этой точки зрения они всесторонне изучены Шаванном, снабдившим свою книгу [63] ценными снимками. Но эти документы имеют и большой историко-бытовой интерес, ибо они дают картины жизни гарнизонов на далеких окраинах Китая две тысячи лет тому назад. Для тех, кто видел развалины этих сторожевых башен — «дунов» — в пустыне, работа Шаванна особенно привлекательна своим историческим комментарием и любопытными иллюстрациями из исторических и литературных памятников; Шаванн заставляет ожить эти листки и деревяшки, записанные сухими административными заметками военного или продовольственного характера, удачным подбором литературных ссылок; как красноречивы, например, эти слова знаменитого Ли Бо (VIII в.):

«На высокой сторожевой башне в эту ночь
Не прекращаются вздохи воинов-изгнанников».

Набег — и сколько из этих воинов погибнет, а в родном, далеком Китае и не будут знать, что их уже нет в живых, тех, чьи трупы лежат на песке пустыни.

---

[59] Lévi — Chavannes, *Quelques titres.*

[60] Lévi — Chavannes, *Ressemblances entre un sûtra du Tripiṭaka chinois et un texte sanscrit* publié par M. Stonner (сообщение: JA, sér. 10, t. V, p. 139).

[61] Chavannes, *Quelques temples bouddhiques de la Chine septentrionale* (сообщение о работе: JA, sér. 10, t. XII, p. 7).

[62] Chavannes, *Cinq cents contes.*

[63] Chavannes, *Les documents chinois.*

По богатству комментария и по тщательности издания эта книга Шаванна особенно ценна, и приходится пожалеть, что она пока еще мало использована.

Шаванн не дожил до издания всего текста к великолепным альбомам его археологической экспедиции в Китай. Мы не знаем, что сохранилось для этого в его материалах, но надеемся, что спутник его, В. М. Алексеев, найдет возможность, с своей стороны, издать свой дневник, веденный им во время экспедиции Шаванна [64]. Изданные альбомы по богатству нового археологического и эпиграфического материала исключительно ценны, они являются новым этапом в истории изучения китайской древности.

Длинный ряд статей в редактированном Шаванном журнале «T'oung Pao» говорит нам о многих вопросах китайского искусства: к искусству Шаванн подходил более всего с точки зрения теории, он мало доверял своим непосредственным впечатлениям, будучи по природе, скорее всего, человеком рассудка. Несравненный знаток Китая, он во всем, что им написано по китайскому искусству, знакомит нас с китайским пониманием этого искусства. Кроме указанных статей особенно важно помещенное им в издании нашего соотечественника Голубева «Ars Asiatica».

Чрезвычайно характерным для всей работы Шаванна и для того, что он сделал в синологии, является то обстоятельство, что об его работах имеют полное право говорить и не синологи, настолько широко была поставлена Шаванном его научная работа; он, безусловно, один из главных вождей той новой школы китаеведения, которая исходит из основного положения, чуждого старой школе, что китаец мыслит, как всякий другой человек, и что в тех случаях, когда его слова звучат для нас непонятно, виновато не его особое мышление, а виновато только наше непонимание истинного значения его слов; душа китайца, может быть, и иная во многом, чем наша душа, как на это указано выше со ссылкой на Шаванна, но ум китайца, конечно, все тот же — человеческий ум. Новая школа, одним из главных вождей которой мы, безусловно, должны признать Шаванна, нашла доступ за эту «Китайскую стену» непонимания Китая, в создании которой был больше виноват Запад, чем Восток, и в этом вечная заслуга перед наукой таких людей, как Эдуард Шаванн, павший жертвой своей преданности науке, работать на которую он не хотел перестать даже тогда, когда настоятельно необходим ему был отдых. Молодое поколение синологов пойдет по путям, проложенным Шаванном, и откроет наконец тот истинный, великий своей культурой Китай, без знания которого, как Шаванн справедливо утверждал, нельзя понять истории человечества. Шаванн скромно говорил про себя, что только сеет семена; нет сомнения, что научная жатва этого посева велика и обильна.

[64] <В 1958 г. дневник был издан. См.: Алексеев, *В старом Китае*. — *В. П.*>

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ

Некролог

12 апреля (30 марта) текущего ⟨1918⟩ года скончался на 70-м году жизни член-корреспондент академии (с 1914 г.), заслуженный профессор Петроградского университета Николай Иванович Веселовский.

Более чем сорокалетняя научная деятельность покойного тесно примыкает к тому направлению в русском ориентализме, главным представителем которого был его учитель и предшественник по кафедре В. В. Григорьев. Специализации в области востоковедения повсюду предшествовал период более экстенсивной, чем интенсивной, работы, цели которой в каждой стране определялись различно, в зависимости от более общих научных интересов, прежде всего интересов отечественной истории. Внимание русских ориенталистов не могли не привлечь к себе кочевые народы Средней Азии и южнорусских степей. С историей этих народов тесно связана история самой России; научный материал доступен русским исследователям в большей степени, чем западноевропейским, и русской науке в этой области, как в области изучения Дальнего Востока, было легче встать на самостоятельный путь, чем в области изучения культурной Передней Азии. Другим преимуществом этой отрасли востоковедения было сравнительное обилие этнографического и археологического материала, быстрее, как казалось, приводившего к обобщениям, чем требовавшие долголетней подготовки и кропотливых изысканий литературные источники. Казалось возможным восстановить картину исторической жизни исключительно по археологическим данным; еще покойный Николай Иванович находил вполне правильным метод проф. Григорьева, который в своем труде «О куфических монетах, как источниках для древнейшей отечественной истории», «не обращаясь ни к каким письменным источникам, заставил монеты говорить за себя»[1]. Над изучением письменных источников иногда были склонны преждевременно ставить крест: проф. Григорьев еще в 1860 г. писал, что «на увеличение нашего запаса сведений об истории Золотой Орды» путем открытия новых «бумажных памятников нет почти никакой надежды», тогда как «каждый большой, становящийся известным клад из золотоордынских монет уве-

[1] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 276.

личивает этот запас новыми датами, именами новых ханов и городов и другими данными первостепенной важности»[2]. Впоследствии выяснилось, как ненадежны были эти данные, благодаря которым наукой были созданы никогда не существовавшие ханы, как Бердибек II и Джанибек III [3]. С другой стороны, мнение Григорьева о «бумажных памятниках» через двадцать лет с лишком было опровергнуто «Сборником материалов, относящихся к истории Золотой Орды» бар. В. Г. Тизенгаузена, причем этим сборником широко воспользовался для своих статей о Золотой Орде ученик Григорьева Н. И. Веселовский.

Занятия Николая Ивановича в этой области начались еще на студенческой скамье; в 1873 г. он был удостоен золотой медали за сочинение на тему, предложенную проф. Григорьевым, о податях и повинностях, взимавшихся монголами с покоренных народов [4]. К вопросам, связанным с историей татарского владычества, Николай Иванович впоследствии возвращался много раз, начиная со статьи о Куликовской битве, напечатанной в «Древней и Новой России» 1880 г. по случаю пятисотлетия этого события, и кончая рецензией на труд М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам», помещенной в мартовской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» 1917 г. В некоторых из этих статей, как и в работах Григорьева, затрагиваются общие вопросы, относящиеся не только к татарам, но вообще к государственной жизни и религиозным верованиям среднеазиатских кочевников-шаманистов. Для разрешения этих вопросов ученым чаще всего приходится обращаться к сведениям монгольского периода, так как этими сведениями, благодаря исключительной обширности монгольских завоеваний и сравнительному обилию источников, объясняются многие из дошедших до нас отрывочных данных о более ранних кочевых народах. Такой характер имеет, например, статья Николая Ивановича «О религии татар по русским летописям»[5]. Даже для выяснения таких памятников преимущественно домонгольской эпохи, как «каменные бабы», незаменимым источником оказалось сочинение монгольского периода, описание путешествия Рубрука [6]. Археологических изысканий на месте золотоордынских городов Николай Иванович не производил, хотя в его статьях о Золотой Орде затрагивались и археологические вопросы, как вопрос о местоположении города Гюлистана [7]. Из личных бесед с покойным мне известно, что он придавал большое значение развалинам Сарая и находил, что постройки этого

---

[2] Григорьев, *Жизнь и труды Савельева*, стр. 240. Ср. слова бар. Розена в работе *Памяти Тизенгаузена*, стр. 234.

[3] Ср. предисловие к *Инвентарному каталогу* А. Маркова.

[4] Отзыв об этой работе напечатан в *Протоколах заседаний совета*, № 7, стр. 121 и сл.

[5] <См. библиографию в конце тома.>

[6] Ср. статью Николая Ивановича *Современное состояние вопроса*.

[7] *О местоположении Гюлистана*; *Загадочный Гюлистан*.

города, в противоположность среднеазиатским, дают материал и по истории русской архитектуры. В печати этот взгляд, насколько мне известно, им выражен не был.

Время окончания Николаем Ивановичем университетского курса совпало с хивинским походом 1873 г. Под влиянием современных ему событий молодой ученый, оставленный при университете для приготовления к занятию кафедры истории Востока, избрал темой для своей магистерской диссертации «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». Как отмечает и сам автор в предисловии, истории средневекового культурного Хорезма в этом труде отведено гораздо меньше места, чем истории Хивинского ханства при узбецком владычестве, составленной главным образом по рассказам русских послов и путешественников и собиравшимся в России расспросным сведениям.

Такой же характер носили и впоследствии труды Николая Ивановича по истории среднеазиатских государств. Капитальных исторических исследований, которые могли бы быть поставлены рядом с трудами Григорьева, и в особенности Вельяминова-Зернова, мы среди этих трудов не находим; уровень познаний Николая Ивановича в восточных языках не давал ему возможности производить самостоятельные изыскания по первоисточникам; в тех случаях, когда ему приходилось издавать и переводить восточные тексты, он обыкновенно обращался к содействию представителей соответствующих лингвистических специальностей. С другой стороны, сношения России с восточными государствами в московский период и в XVIII в. оставались одним из главных предметов его занятий с 1881 г., когда им в первый раз была получена научная командировка в Москву для занятий в главном архиве министерства иностранных дел, до конца его жизни [8]. Значительный интерес представляют также собранные Николаем Ивановичем во время годичной командировки 1884—1885 гг. и последующих поездок в Туркестан наряду с археологическим и этнографическим материалом народные предания и рассказы современников об исторических событиях [9].

Годичная командировка 1884—1885 гг. была получена Николаем Ивановичем от Императорской Археологической комиссии и имела целью производство археологических изысканий на месте исторических городов Туркестана. Среди научных заслуг Николая Ивановича раскопкам 1885 г.[10] принадлежит одно из первых мест. Археологическое изучение Туркестана впервые было поставлено на правильную почву; впервые

---

[8] Главным трудом Николая Ивановича в этой области были изданные им три тома «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией».

[9] Ср. его труды *Киргизский рассказ* и *Бадаулет Якуб-Бек*.

[10] Ср. Отчет Имп. Археологической комиссии за 1882—1888 гг., стр. XI и сл., и ряд статей Николая Ивановича в ЗВОРАО, особенно *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?* и *Заметка о курганах*.

были собраны точные и достоверные сведения о находимых в крае археологических предметах и определено время, к которому они относятся; некоторыми находками, особенно статуэтками, указывающими на влияние греческого искусства, и предметами стеклянного производства [11] были внесены новые факты в историю мирового культурного общения. Находки, сделанные в Туркестане впоследствии, большею частью подтверждали соображения Николая Ивановича, не переставшего следить за этими находками с живым интересом и еще в 1916 г. посвятившего им один из своих докладов в Восточном отделении Русского археологического общества [12].

В том же отделении Николаем Ивановичем был прочитан в марте 1886 г. доклад об одном из самаркандских архитектурных памятников — Шах-и зинде [13]; из этого видно, что им тогда же наряду с производством раскопок было обращено внимание на необходимость изучения памятников, сохранившихся на поверхности земли. Средства, назначенные для этой цели из государственного казначейства, позволили Николаю Ивановичу в 1895 г. приступить к работам в более широком масштабе; результатом кроме первого и до сих пор единственного выпуска роскошного издания «Самаркандские мечети»[14] было несколько докладов Николая Ивановича в Восточном отделении Русского археологического общества [15]. В этой части своей деятельности Николай Иванович был несколько менее счастлив, чем в своих раскопках; его догадки о происхождении и назначении построек основывались на недостаточном материале и не всегда были удачны [16]; не удавалось также привлечь необходимые силы и получить необходимые средства для собирания, изучения и издания материала. До настоящего времени мы ни для одного из архитектурных памятников Туркестана не имеем полного научного описания; еще менее можно было бы надеяться, в близком будущем, на более широкую постановку вопроса об изучении этих построек XIV—XV вв. как памятников не только искусства, но всей культурной жизни соответствующей эпохи.

С 1889 г. начались раскопки Николая Ивановича, также по поручению Археологической комиссии, в Таврической губернии, перенесенные с 1896 г. в Кубанскую область. Предметом раскопок были так на-

---

[11] Ср. об этом работу Николая Ивановича *Заметка о стеклянном производстве.*

[12] ЗВОРАО, т. XXIV, стр. XVIII (доклад *О греческих изображениях на туркестанских оссуариях*).

[13] ЗВОРАО, т. I, стр. IX.

[14] Ср. об этом издании: Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0181—0184.

[15] О мазаре Кутби-Чаардегум (14 марта 1896 г., ЗВОРАО, т. X, стр. XIV); о надгробии Тимура (1 мая 1903 г., ЗВОРАО, т. XVI, стр. XI); о первоначальном месте погребения Тамерлана (22 января 1904 г., там же, стр. XX); о первом выпуске альбома самаркандских мечетей (29 сентября 1905 г., ЗВОРАО, т. XVII, стр. XIII).

[16] Ср.: Бартольд, *О погребении Тимура.*

зываемые скифские курганы; результаты обратили на себя внимание всего ученого мира и были предметом ряда докладов и статей как самого Николая Ивановича, так и других ученых. Спор о тиаре Сайтаферна, перешедший на страницы общей печати и кончившийся полной победой Николая Ивановича, наглядно доказал правильность методов, выработанных русской археологической наукой. Находки относились к различным периодам, начиная с эпохи домикенской культуры [17], и изучение их требовало целого ряда сложных исследований. В статье о курганах Кубанской области [18] Николай Иванович находил нужным отстаивать значение археологии как самостоятельной науки, а не «служанки других наук», и доходил до несколько рискованного утверждения, что факт господства римлян на Северном Кавказе мог бы быть установлен путем курганных находок, даже если бы о нем не было никаких письменных известий. По поводу другого вопроса, о Тмутараканском камне, сам Николай Иванович в одной из своих последних по времени статей [19] указал на ошибки исследователей, не считавшихся «с тем влиянием, какое имели Болгария и Византия на южно-русский язык и письменность», т. е. с таким культурно-историческим фактом, который мог быть установлен только путем изучения литературных данных.

В истории русской археологической науки, несомненно, оставит след преподавательская деятельность Николая Ивановича с 1892 г. в Археологическом институте, во главе которого он стоял в последние годы своей жизни. Вообще деятельность Николая Ивановича в ученых учреждениях и обществах благодаря его отзывчивости, широте его научных интересов и общему уважению, которым он пользовался, далеко выходила за пределы его собственных работ. В Русском географическом обществе он с 1887 до 1910 г. состоял помощником председательствующего в отделении этнографии и был редактором нескольких изданий Общества [20]; в Русском археологическом обществе он принимал почти такое же деятельное участие в работах отделения русской и славянской археологии [21], как в работах Восточного отделения, избравшего его в 1908 г. своим управляющим. Помимо деятельности в этих Обществах и в Археологической комиссии, в которой он состоял с 1892 г. сверхштатным, с 1895 г. старшим членом, Николай Иванович с 1909 г. был председателем разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества, в изданиях которого им в 1914 г. были напечатаны труды:

---

[17] Веселовский, *Алебастровые статуэтки.*

[18] Веселовский, *Курганы Кубанской области.*

[19] Веселовский, *К истории Тмутараканского камня.*

[20] Унковский, *Посольство*; Валиханов, *Сочинения.*

[21] В 1898 г. им совместно с А. А. Спицыным была представлена в отделение записка о возобновлении раскопок, прерванных с 1886 г.; с того времени обоими учеными ежегодно представлялись проекты о том, какие раскопки должны быть поставлены на очередь в данном году.

«Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юаньши» (вместе с проф. А. И. Ивановым) и «Военно-исторический очерк города Анапы» [22]. Как и его учитель В. В. Григорьев, Николай Иванович был автором ряда трудов не только по истории русского востоковедения [23], но и русской науки вообще [24].

Если для Николая Ивановича, как и для его учителя и предшественника, не было научных интересов вне интересов родины, то для него не было также ни политических, ни патриотических стремлений, враждебных интересам науки и культуры. Примыкая по своим политическим взглядам к крайнему консерватизму, он принимал участие в чествовании профессоров, удаленных из университета произволом властей; будучи патриотом-националистом, он открыто и решительно осуждал такие антикультурные действия, как переименование исторических городов и урочищ. Столь же редкой и ценной в настоящее время чертой была его исключительная преданность долгу. Николай Иванович не допускал для себя никакой синекуры не только в элементарном, денежном, но и в более широком смысле. Для него не существовало права, хотя бы почетного, без обязанностей; так, избрание в члены-корреспонденты Академии наук налагало на него, по его мнению, обязанность принять участие в научной деятельности академии, чем и было вызвано представление им нескольких статей для академических изданий.

Несомненно, что движение русской науки во многих отношениях пойдет иными путями, чем пути, которыми шел Николай Иванович. Успехи науки неразрывно связаны со специализацией и с переходом от экстенсивной работы к интенсивной; археологическими открытиями в Китайском Туркестане истории Средней Азии как науке поставлены новые задачи; представление об археологии как самостоятельной науке все более уступает место представлению об археологии как неразрывной части общей исторической науки. Но будущие историки и археологи, конечно, не забудут, чем они обязаны трудам своих предшественников, в том числе и их ошибкам. Независимо от благодарности покойному Н. И. Веселовскому за его долголетнюю научную и преподавательскую деятельность его образ останется в памяти тех, кто имел счастье его знать, как образ человека культуры и человека долга в лучшем смысле этого слова [25].

---

[22] Оба труда напечатаны в «Записках разряда военной археологии и археографии».

[23] Главный из них — *Сведения о преподавании*. Ср. также МИРДМ, вып. I.

[24] Им составлена *История РАО*.

[25] <О Н. И. Веселовском см. еще: СИЭ, т. 3, стр. 393; Фармаковский, *Н. И. Веселовский — археолог. — А. К.*> <См. также: Латышев, *Список трудов Н. И. Веселовского*. В. В. Бартольд проверил и дополнил этот список, судя по его пометке карандашом в экземпляре ЗВОРАО, ныне хранящемся в Иранском кабинете ЛО ИВАН. — *Н. Т.*>

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ВОСТОКА И ИСТОРИК РУССКОЙ НАУКИ [1]

12 апреля (30 марта) текущего ⟨1918⟩ года скончался Николай Иванович Веселовский, с 1908 г. стоявший во главе нашего отделения, принимавший деятельное участие в жизни нашегоОбщества в целом, в котором с 1881 г. состоял членом-сотрудником, с 1889 г.— действительным членом.

Николай Иванович был учеником и преемником первого представителя кафедры истории Востока в нашем университете, проф. В. В. Григорьева, также принимавшего деятельное участие в жизни Археологического общества и его Восточного отделения, в котором был управляющим с 1867 г. до своей смерти, последовавшей в 1881 г. О научных заслугах В. В. Григорьева и о его влиянии на молодое поколение исследователей Востока писали многие, но Николай Иванович своей книгой «В. В. Григорьев по его письмам и трудам», изданной в 1887 г. Археологическим обществом, поставил своему учителю памятник, какого не имеет до сих пор ни один из других русских ориенталистов [2]. В этой книге ясно очерчено, со всеми своими достоинствами и недостатками, то научное направление, главным представителем которого был Григорьев и к которому еще в студенческие годы примкнул покойный Николай Иванович.

По замечанию Николая Ивановича, «преподавание восточных языков первоначально возникло в наших университетах из подражания Западной Европе», тогда как «кафедра истории Востока — учреждение наше собственное, оригинальное, возникшее органически»[3]. Первым профессором истории Востока было суждено сделаться ученому, более чем за четверть века до учреждения этой кафедры указавшему на необходимость такого учреждения. Николай Иванович не прибавляет, что в 1837 г., когда Григорьев представлял в университете свой проект [4], кафедра истории Востока существовала если не в университете, то в учебном отделении восточных языков при министерстве иностранных дел. За все время

---

[1] Читано в заседании Восточного отделения 23/10 мая 1918 г.

[2] До некоторой степени с этой книгой может быть сопоставлена изданная в том же году работа L. Brosset, *Bibliographie*, составленная по другому плану и имевшая другую цель.

[3] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 231.

[4] О нем там же, стр. 332 и сл.

существования кафедры в учебном отделении (1835—1843) ее занимал будущий академик Б. А. Дорн [5]; его лекции мог слушать и Григорьев, принадлежавший к числу студентов учебного отделения с октября 1834 до марта 1836 г.

Как указывает в своей книге Николай Иванович, обобщающий культурно-исторический курс должен был установить связь между разрозненными лингвистическими специальностями и дать студентам тот «общий взгляд на Азию», которого не могли давать лингвистические кафедры. В учебном отделении, где преподавались только языки арабский, персидский и турецкий, предметом такого обобщающего курса могла быть только история мусульманского Востока, которая и читалась Дорном [6]; в факультете задачи курса были поставлены шире и должны были обнять всю Азию. Личной собственностью Григорьева можно признать, по-видимому, те политические соображения, которые приведены в пользу учреждения кафедры в проекте 1837 г.: «лучшее средство противодействовать влиянию Запада — это опереться на изучение Востока», так как «распространение и усиление в России восточных занятий» сделает «горизонт наших сведений и соображений шире, чем у мыслителей и деятелей Западной Европы».

В устах такого ученого, каким был проф. Григорьев, слова о «противодействии влиянию Запада» не имели того антикультурного и реакционного смысла, какой можно было бы приписать им по их буквальному значению. Григорьев не мог не сознавать, что в России XIX в. каждая научная мысль, хотя бы предметом ее был Восток, была неразрывно связана с западноевропейской культурой. Он мог называть свой родной Петербург самым нерусским городом из русских городов [7], но достаточно было ему в том же 1837 г. побывать в Москве, чтобы писать оттуда своему другу Савельеву: «теперь только я начинаю понимать цену той европейской холодности Петербурга, которой укоряют его москвичи»[8]. Для Григорьева борьба с влиянием Запада сводилась, по крайней мере в области науки, к борьбе с рабской зависимостью от этого влияния. Лучшим средством борьбы, как указывалось не одним Григорьевым и не только в области востоковедения, было самостоятельное изучение первоисточников, преимущественно тех, которые русским ученым были ближе и доступ-

[5] По формулярному списку Дорна (в архиве Академии наук) он, «при введении при учебном отделении восточных языков министерства иностранных дел преподавания истории и географии Азии, определен в ведомство сего министерства по Высочайшему повелению 1834 г. 28 августа»; приступил к исполнению своих обязанностей 1 ноября 1835 г.; «при назначении к увольнению его из учебного отделения Азиатского департамента Всемилостивейше пожаловано ему единовременное пособие 4000 р. сер. 1843 г. 4 дек.».

[6] Так по записке Николая Ивановича <Веселовский, *Сведения о преподавании*>, стр. 134.

[7] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 1.

[8] Там же, стр. 24.

нее, чем западноевропейским; но, конечно, необходимым условием было предварительное усвоение западноевропейских научных методов и создание в России научной школы, которая бы не уступала западноевропейским. С несколько преувеличенным рвением оберегая достоинство и самостоятельность русской науки, Григорьев не всегда сознавал несоответствие между вполне законными национально-культурными стремлениями и теми средствами к их достижению, которыми располагали его современники. Если Академия наук в 1911 г. имела право протестовать против подчинения русской высшей школы «иноземному учительству»[9], то едва ли Григорьев имел основание требовать в 1866 г., чтобы «посылка за границу молодых людей собственно для приготовления к профессуре» была «вовсе отменена»[10]. Несмотря на долговременное существование кафедры арабской филологии, прочные традиции были созданы в России в этой области востоковедения только в 70-х годах деятельностью бар. Розена; еще труднее было прочно организовать в России преподавание такого нового предмета, каким была история Востока.

Предлагая в 1837 г. свой проект обобщающего курса, Григорьев бессознательно подчинялся влиянию Западной Европы, где в 30-х годах господствовало стремление к синтезу, тогда же получившее в России несколько уродливое выражение в известных «Философических письмах» Чаадаева [11]. К 60-м годам, когда проект получил осуществление, в европейской науке, в том числе и в востоковедении, уже произошел поворот в сторону специализации. Вместо предполагавшегося проектами 20-х и 30-х годов преподавания истории Востока одним лицом, даже не равноправным с представителями лингвистических кафедр [12], уставом 1863 г. было предусмотрено деление истории Востока на три специальности — историю семитических народов, историю Северо-Восточной Азии и историю арийских народов Азии, чтобы каждая специальность «обнимала историю известного числа соплеменных азиатских народов»[13]. Предметом лекций проф. Григорьева кроме общего введения была «история северо-восточной Азии», т. е. история народов той предполагавшейся семьи языков, которую Григорьев в годы своей молодости называл «чудьской»[14]. Общее введение, в котором профессор сначала ставил себе го-

[9] Приложение к протоколу Общего собрания АН 20 мая 1911 г., стр. 962.

[10] МИФВЯ, т. II, стр. 36.

[11] Особенно характерны выражения второго письма (не напечатанного при жизни Чаадаева); автору казалось, что фактов «собрано довольно»; «исторический материал теперь почти истощен, и истории остается только размышлять» (Пыпин, *Характеристики*, стр. 165).

[12] Проектом 1832 г. предполагалось создать шесть ординатур для шести восточных языков и одну экстраординатуру «для истории, географии и археологии восточных». Ср.: МИФВЯ, т. I, стр. 137; Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 46; <выше, стр. 62>.

[13] МИФВЯ, т. I, стр. 381.

[14] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 13.

раздо более широкие задачи, скоро превратилось в обзор истории постепенного ознакомления европейцев с различными частями Азии [15].

Коренным недостатком этого деления было приурочение его не к культурно-историческим группам или периодам, но к группам лингвистическим; между тем народы, родственные по языку, могли не иметь между собою по своим историческим судьбам ничего общего. При чтении лекций по истории Северо-Восточной Азии этот недостаток не был ощутителен; для народов Северо-Восточной Азии кочевой быт был еще более реальным связующим звеном, чем предполагавшееся лингвистическое родство. Выяснению фактов, повторяющихся в исторической жизни кочевников всех рас и периодов, Григорьев посвятил одну из своих лучших статей [16]. Для России, по ее историческим судьбам, изучение истории кочевников и основанных ими государств имело особенное значение. Еще до появления национальной русской науки работавшими в России иностранными учеными [17], ориенталистами и даже неориенталистами, были поставлены на очередь вопросы, связанные с изучением кочевых государств, в состав которых некогда входила Россия, именно государств хазарского и монгольского; по мере развития сношений между Россией и среднеазиатскими ханствами к этому присоединилось изучение истории тех завоеванных кочевниками культурных областей Средней Азии, которые для западноевропейских ученых были в то время почти совершенно недоступны. Академия наук и в то время, когда в ее среде еще не было ориенталистов из природных русских, обратила внимание на эти научные задачи, старалась направлять в эту сторону работы русских исследователей и использовать для этой цели наличные силы. Покойным Николаем Ивановичем [18] отмечен факт, что первым ориенталистом из природных русских, избранным (в 1858 г.) в академию, был специалист по изучению Средней Азии, В. В. Вельяминов-Зернов.

По замечанию Григорьева, из всех государств Европы, кроме России, только Испания пережила «иго азиатских завоевателей, но роль Испании в отношении к Востоку кончена, а наша продолжается в обратном смысле: Восток покоряется теперь нам» [19]. Сопоставление России с Испанией было сделано еще в 1832 г. в записке Френа [20], причем было указано другое различие между обеими странами: Испания находилась под властью культурного мусульманского народа, оставившего о себе подробные сведения в своих летописях, тогда как по истории Золотой Орды в восточных литературах нет ни одного труда. К этому можно

[15] Там же, стр. 234 и сл.; Бартольд, *История изучения Востока*, предисловие <к первому изданию; выше, стр. 199—204>.

[16] Григорьев, *Об отношениях между кочевыми народами.*

[17] Ср.: Тизенгаузен, *Предисловие к СМИЗО.*

[18] Веселовский, *В. В. Вельяминов-Зернов*, стр. 203.

[19] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 232.

[20] *Программа задачи.*

было бы прибавить, что владевший Россией восточный народ не мог оставить после себя и таких вещественных памятников, как памятники мавританской архитектуры в Испании, хотя бахчисарайский дворец и называли иногда татарской Альгамброй. Только при завоевании Туркестана во власть России перешла область с такими же грандиозными памятниками восточной культуры, как постройки испанских арабов; только тогда в России могло быть предпринято, по почину Николая Ивановича, такое издание, как альбом «Самаркандские мечети», которому, по замечанию самого Николая Ивановича, из заграничных изданий соответствовали только «Monumentos arquitectonicos de España»[21].

Студенческие годы Николая Ивановича (1869—1873) были временем «апогея учено-литературной деятельности и расцвета умственных сил» проф. Григорьева, как отметил сам Николай Иванович в некрологе бар. Розена[22]. Независимо от чтения лекций Григорьев поддерживал живое общение со студентами, которые все более или менее подчинялись его влиянию. Яркую картину этого общения мы находим в записке самого Григорьева, относящейся к осени 1870 г.[23]. Студенты могли обращаться к профессору ежедневно от 7 до $8^1/_2$ часов вечера. Не назначая практических занятий в определенное время, Григорьев старался возбудить в студентах стремление к самостоятельной разработке научных вопросов, не стесняя их в выборе темы: «Пусть каждый пишет о том, что кажется ему интереснее, лишь бы писал наукообразно и предмет относился до Азии». Но, предлагая студентам темы для соискания наград медалями, Григорьев, конечно, руководился своими собственными научными интересами в области изучения истории монгольской империи и среднеазиатских народов. Одна из таких тем, о податях и повинностях, взимавшихся монголами с покоренных народов, была разработана Николаем Ивановичем, труд которого в 1873 г. был удостоен факультетом, на основании отзыва Григорьева[24], золотой медали.

Занятия Николая Ивановича еще раньше обратили на себя внимание профессоров; осенью 1870 г. факультет предполагал назначить ему стипендию министерства иностранных дел как студенту, «по своим занятиям и недостаточности средств вполне заслуживающему такого ходатайства факультета»[25]. Выбор им специальности помимо влияния Григорьева мог быть определен также личными причинами. Происходя из материально необеспеченной мещанской семьи[26], получив среднее обра-

---

[21] Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0183.

[22] Веселовский, *Барон В. Р. Розен*, стр. 170.

[23] Помещена в *Протоколах заседаний совета*, № 3, стр. 52 и сл.

[24] Отзыв напечатан в *Протоколах заседаний совета*, № 7, стр. 121 и сл.

[25] *Протоколы заседаний совета*, № 3, стр. 16.

[26] В одном из документов, находящихся в деле Н. И. Веселовского (в университетском архиве), упоминается увольнительное свидетельство, полученное его отцом из московской ремесленной управы.

зование в провинциальной, именно в Вологодской, гимназии, Николай Иванович, естественно, не владел иностранными языками в такой степени, как молодые люди, выросшие при более благоприятных условиях, и потому должен был отдать предпочтение специальности, в которой он менее всего зависел от западной науки. Николай Иванович оставался и впоследствии более русским, чем европейским, ученым; деятельный участник едва ли не всех русских археологических съездов, начиная с 6-го (одесского), он до конца жизни не совершил ни одной поездки в Западную Европу и не имел сколько-нибудь оживленных сношений с западным ученым миром.

В факультетском отзыве о медальном сочинении Николая Ивановича указывается, что молодой автор не вполне правильно понял тему; имелась в виду чисто филологическая цель — выяснить точное значение монгольских и турецких слов, встречающихся в ханских грамотах и относящихся к податям и повинностям; автор поставил свою задачу шире и старался по источникам «выяснить монгольскую систему податей и повинностей». По-видимому, приходится в этом случае признать взгляд ученика более правильным, чем взгляд учителя; выполнение филологической задачи едва ли было возможно без изучения реально-исторических условий, без выяснения той стороны государственной жизни, к которой относятся встречающиеся в грамотах термины. Вполне естественно, что эта работа, не выполненная и до сих пор, оказалась непосильной для студента. О редкой добросовестности, с которой молодой автор старался сделать все, что было в его силах, свидетельствуют слова факультетского отзыва, что в представленной работе нельзя было найти ни одного исторического, географического или хронологического промаха — слова, которые довольно редко приходится читать в отзывах о студенческих работах вообще и о работах студентов-ориенталистов в особенности.

К истории Золотой Орды и монгольской империи Николай Иванович возвращался впоследствии много раз, начиная со статьи о Куликовской битве, напечатанной в «Древней и Новой России» 1880 г. по случаю пятисотлетия со дня битвы, и кончая рецензией на изданный в 1916 г. труд М. Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам». В этой области Николай Иванович успешно продолжал труды своего учителя, которому уступал по дарованиям и широте научного кругозора, но которого превосходил трезвостью суждений и стремлением иметь под ногами твердую почву. По справедливому замечанию Николая Ивановича, «у Григорьева не было той эрудиции, которая приобретается кропотливым собиранием фактов, но он обладал ясным взглядом на исторические события, имел широкий полет мысли, оттого его выводы и заключения иногда смелы, но всегда ценны»[27]. Принявшись еще в молодости, под руководством Френа и Сенковского, за составление истории Золотой

[27] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 277.

Орды [28], Григорьев впоследствии дал об этом предмете ряд блестящих этюдов, но самая история не была написана, как остается ненаписанной и до сих пор. Николай Иванович и впоследствии предъявлял к трудам в этой области такие же строгие требования, как в своей студенческой работе; его не удовлетворял даже талантливый «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» И. Н. Березина, так как в этом труде не выяснено, «действительно ли существовали в Золотой Орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках, и существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах» [29]. Своими собственными работами Николай Иванович не подвинул, однако, вперед этой задачи; превосходя своего учителя усидчивостью и выдержкой, он тем не менее дал нам о татарах и монголах только ряд статей сравнительно небольшого объема, притом составленных главным образом на основании словарного материала и переведенных на русский язык источников. Не владея при поступлении в университет ни одним языком, кроме русского, Николай Иванович не усвоил и восточных языков в той степени, в какой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий по первоисточникам, может быть, именно потому, что принимался за изучение слишком большого числа языков; кроме языков арабско-персидско-турецко-татарского разряда им изучался и китайский. Как в последние, так уже в первые годы своей научной деятельности [30] Николай Иванович для издания и перевода восточных текстов был вынужден обращаться к помощи представителей лингвистических специальностей. Ряд пробелов и ошибок в работах Николая Ивановича о монгольской империи и связанных с ней государствах объясняется невозможностью пользоваться подлинными текстами летописей и официальных документов [31].

До некоторой степени этой недостаток возмещался тщательным использованием этнографического и археологического материала. Интерес к этнографии, по-видимому, проявился у Николая Ивановича раньше, чем интерес к археологии; Николай Иванович еще в 1879 г. вступил в число членов Географического общества и только в 1881 г. сделался

[28] Там же, стр. 22 и сл.

[29] Веселовскоий, ЖМНП, н. с., ч. 68, стр. 120.

[30] В том числе в статье *Куликовская битва*, для которой перевод двух песен о Мамае был доставлен В. Д. Смирновым (стр. 21—23 ук. статьи). Первая песнь, о которой в статье Николая Ивановича сказано, что она «имеется в печатном сборнике», напечатана в хрестоматии М. Османова (*Ногайские и кумыкские тексты*, СПб., 1883, стр. 63); вторая, извлеченная из «тетради Османова», по содержанию отчасти, но не вполне, соответствует тексту хрестоматии на стр. 64.

[31] Ср., например, статью Николая Ивановича *О слове тыш* и статью А. Н. Самойловича *Тийишь* (*тишь*) *и другие термины*. Ср. также статью Веселовского *Заметки по истории Золотой орды*, в которой из летописных известий использованы только источники, вошедшие в СМИЗО бар. Тизенгаузена, и совершенно оставлен в стороне очерк истории Золотой Орды в труде Рашид ад-дина, который уже в то время был доступен в печатном издании.

членом-сотрудником Археологического общества. В статьях о Золотой Орде он касался и археологических вопросов, как вопроса о местоположении упоминаемого на золотоордынских монетах Гюлистана; но в гораздо большей степени им был использован для этих статей этнографический материал, особенно сведения о шаманстве, с которыми было необходимо считаться и при разрешении такого археологического вопроса, как вопрос о каменных бабах. Этот вопрос и другие вопросы, связанные со среднеазиатскими религиозными верованиями, касались не только монголов и их современников, но и более ранних кочевых народов; литературный материал, который помимо этнографических и археологических данных было необходимо привлечь для таких исследований, относился, однако, главным образом к монгольскому периоду, так как о кочевых народах того времени источники дают гораздо более сведений, чем о прежних кочевых государствах. Истории последних Николай Иванович в своих печатных работах мало касался; его статья по вопросу о гуннах стоит среди его работ совершенно одиноко; к мимоходом высказанной в конце этой статьи гипотезе, что среди народов волжского бассейна потомками гуннов являются башкиры, он потом не возвращался. Как этнографическим, так и археологическим материалом Николай Иванович в этой части своих исследований пользовался только из вторых рук; ни этнографических, ни археологических исследований в волжском бассейне он не производил, даже, насколько известно, не посещал развалин золотоордынских городов.

После окончания университетского курса Николай Иванович был оставлен при университете для приготовления к занятию кафедры истории Востока. С 1 июня 1873 по 1 января 1876 г. он пользовался стипендией, потом еще полгода считался оставленным при университете без стипендии; с июля 1876 г. связь его с университетом была прервана и возобновилась только осенью 1877 г., после защиты им магистерской диссертации. К этому неблагоприятному в жизни Николая Ивановича времени относится 3-й международный съезд ориенталистов, состоявшийся в Петербурге в августе 1876 г. Участие Николая Ивановича в заседаниях съезда ограничилось представлением статьи одного из его старших товарищей, М. Н. Ростиславова, «Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае», напечатанной потом в «Трудах» съезда [32]. Для тех же «Трудов», вышедших в свет только в 1879 г., Николаем Ивановичем были собраны, в обширной статье, «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России». Статья потребовала от автора большой кропотливой работы и до сих пор остается незаменимым пособием для всех изучающих историю русского востоковедения.

Тема для магистерской диссертации была выбрана Николаем Ивано-

[32] ТТМСО, т. I, стр. 329 и сл. О представлении статьи там же, стр. VII.

вичем не из области истории монгольской и других кочевых империй, но из области истории новейших среднеазиатских ханств. Эта область тоже была близка проф. Григорьеву, посвятившему одной из стран Средней Азии, не вошедшей в состав России, но соседней с Россией, именно Восточному Туркестану, капитальное историко-географическое исследование в виде дополнений к соответствующей части труда К. Риттера. Григорьев не ожидал для России больших экономических выгод от завоевания Туркестана, но понимал, что для управления вошедшей в состав России культурной страной необходимо знать ее историю. Его поражало «отсутствие исторического элемента» в статьях о будущности этого края, «точно будто бы он существует со вчерашнего дня, точно будто бы в прошлых судьбах его нет никаких указаний относительно настоящего его положения» [33]. Студентам для соискания наград медалями несколько раз предлагались темы, относящиеся к истории Туркестана; одна из таких тем — о географической литературе арабов, «с обозначением, как далеко простирались сведения арабских географов в глубь Средней Азии и какого достоинства эти сведения», была разработана Н. Н. Пантусовым, сочинение которого было удостоено в 1871 г. золотой медали [34]; в том же году Н. Н. Пантусов был оставлен при университете (по кафедре истории Востока), но в 1872 г. перешел на службу в Туркестан [35]. 1873 год, год окончания Николаем Ивановичем университетского курса, был годом хивинского похода (приготовления к которому также отразились на русских работах по востоковедению). Студентам в этот год для соискания наград медалями было предложено «изложить исторический ход постепенного распространения европейских сведений о странах в бассейне Аму-дарьи» [36]; в «Russische Revue» за тот же год было напечатано историко-географическое исследование ориенталиста П. И. Лерха «Khiva oder Khârezm». Вероятно, не без влияния Лерха, о котором он упоминает в предисловии как о своем руководителе наравне с проф. Григорьевым, Николай Иванович предметом своей диссертации избрал «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего». Зависимость от Лерха не ограничилась выбором темы; в тексте книги [37] повторена ошибка Лерха [38], полагавшего, что с конца XIV до второй половины XV в. мы не имеем о Хорезме никаких сведений.

---

[33] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 237.

[34] Факультетский отзыв напечатан в *Протоколах заседаний совета*, № 3, стр. 132 и сл.

[35] Ср.: Бартольд, *К. Г. Залеман*, стр. 240; <выше, стр. 602>.

[36] Факультетский отзыв об удостоенной серебряной медали работе А. Романова (служившего потом в Туркестане, ср. сведения о нем в МИФВЯ, т. III, стр. 71) напечатан в *Протоколах заседаний совета*, № 9, стр. 95 и сл. <О МИФВЯ, т. III ср. выше, стр. 5, прим. 1.>

[37] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 87.

[38] *Khiva oder Khârezm*, S. 40; сведения из *Матла' ас-са'дайн* Абд ар-Раззака Самарканди задолго до появления труда Лерха были сообщены даже на французском языке Катрмером, см.: Абд ар-Раззак, пер. Катрмера.

По плану работа Николая Ивановича, однако, существенно отличается от работы Лерха. Вопреки заглавию диссертации, автор говорит в предисловии, что «избегал, по возможности, всяких географических исследований» [39], тогда как в работе Лерха географическим вопросам отведено значительное место. Для Лерха «Хива» была прежде всего старым культурным «Хорезмом»; Николай Иванович обращает внимание не столько на этот Хорезм, о котором кроме работы Лерха в то время уже существовала работа Э. Захау, сколько на «новую историю Хивы, именно с начала XVI столетия, с утверждения в ней узбеков», причем главным источником были для него сообщения русских послов и путешественников [40].

Этим в значительной степени определяются достоинства и недостатки не только магистерской диссертации Николая Ивановича, но и других его трудов по истории культурной Средней Азии. Подробное ознакомление с восточными источниками было в этом случае еще более необходимо, чем при изучении истории кочевников, и недостаточность познаний Николая Ивановича в восточных языках не могла не отражаться на результатах его деятельности прежде всего в количественном отношении; капитальных исторических трудов, требовавших сложных изысканий по первоисточникам, он не мог нам дать. Довольно часто им высказывались предположения, от которых он отказался бы при сколько-нибудь подробном ознакомлении с первоисточниками; таково, например, высказанное в диссертации мнение, что мусульманские владетели Хорезма до XII в. не могли называть себя хорезмшахами и что «арабские писатели» дают им этот титул только «по недостатку отчетливости» [41]. Той же причиной объясняются некоторые ошибки Николая Ивановича в области внешней исторической критики, как отстаивание подлинности явно подложной автобиографии Тимура [42]. С другой стороны, «нетрудное, но кропотливое» [43], по выражению Николая Ивановича, дело собирания и критического исследования рассказов русских послов и путешественников выполнялось им в совершенстве. В этом отношении как исследователи истории Средней Азии, так и русские историки еще долго будут находиться в зависимости от работ Николая Ивановича, не только от изданных им архивных материалов, но и от его подробных и тщательных комментариев к летописным и другим известиям.

Особое место среди работ Николая Ивановича по истории Средней Азии занимают его рецензии; в них он подробнее, чем в своих собственных исследованиях, высказывал свое мнение о задачах русской науки и рус-

[39] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. VI.

[40] Там же, стр. VII <работа Захау: *Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm.* — *Н. Т.*>.

[41] Там же, стр. 60 и сл.

[42] ЗВОРАО, т. VI, стр. 345, и ЖМНП, ч. 303, стр. 226—227.

[43] Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. VII.

ской правительственной власти. Отзывы о чужих трудах писались им с полным уважением к каждому добросовестному исследованию или собиранию материалов; только если автор ясно обнаруживал свое незнакомство с предметом, о котором говорил, тон рецензента становился резким, иногда слишком резким. Кроме того, Николай Иванович не выносил «патетических разглагольствований, которые в сущности ничего не говорят, но читать которые как-то противно» [44]. Подобно Григорьеву, Николай Иванович не разделял «иллюзий насчет необыкновенных богатств» [45] присоединенного к России Туркестанского края и в своем скептицизме шел, может быть, даже слишком далеко. Из научных задач Николаю Ивановичу менее всего были понятны чисто лингвистические, особенно работы лингвистов новейшей школы, что нашло себе отражение если не в печатных рецензиях Николая Ивановича, то в его публичных выступлениях, например на университетских диспутах. В тех же выступлениях, отчасти и в печатных статьях, Николай Иванович не всегда проявлял достаточно объективное отношение к тем элементам, которыми определяется культурное прошлое Востока — исламу, буддизму, дальневосточной и среднеазиатской государственности. Николай Иванович видел в этих элементах силы, враждебные современной русской и европейской культуре; им справедливо осуждались такие действия русской власти, как укрепление ислама [46] и буддизма в XVIII в. и укрепление такого обломка средневековой государственности, как власть бухарского эмира, в конце XIX в. [47]. Но под влиянием такого отношения к современности он был склонен преувеличивать и в прошлом отрицательные стороны этих культурных факторов и не вполне оценивал их заслуги.

Особенно значительны заслуги Николая Ивановича в деле археологического изучения Туркестана. Не вполне ясны причины увлечения Николая Ивановича археологией; можно было бы предполагать и в этом случае влияние Лерха, тем более что и Лерх, как впоследствии Николай Иванович, интересовался археологией не только как исследователь Востока; еще в 1862 г., за несколько лет до своей археологической поездки в Туркестан, Лерх напечатал статью об орудиях каменного и бронзового веков в Европе. Но Николай Иванович стал заниматься археологией только в 80-х годах, когда Лерха в России уже не было. В 70-х годах и в начале 80-х Николай Иванович еще не посещал археологических съездов, хотя именно эти съезды, казанский (1877) и тифлисский (1881), по месту своего созыва имели больше значения для востоковедения, чем последующие. Первым по времени признаком интереса к археологии была его поездка в Москву в декабре 1882 г. для участия в работах комитета, подготовлявшего созыв 6-го, одесского археологического съезда,

[44] Веселовский, ЗВОРАО, т. VI, стр. 344.
[45] Веселовский, ЗВОРАО, т. II, стр. 279.
[46] Об исламе особенно: Веселовский, ЗВОРАО, т. V, стр. 118.
[47] Веселовский, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 164—165.

состоявшегося в августе 1884 г. В ноябре того же, 1884 г. Николай Иванович получил от Археологической комиссии (средства на поездку были назначены также университетом) годичную командировку в Туркестан для исследования городища Афрасиаб близ Самарканда и некоторых других памятников древности. Результатам раскопок помимо отчета, опубликованного Археологической комиссией, Николай Иванович посвятил впоследствии ряд статей и докладов, но не сделал их предметом исчерпывающего исследования; не был опубликован также атлас находок, сделанных на Афрасиабе и впервые установивших факт существования в домусульманском Туркестане искусства, находившегося под влиянием греческого. Вообще раскопками был добыт богатый материал для изучения домусульманского прошлого этого края и возбужден ряд научных вопросов, впоследствии разъяснявшихся отчасти посредством новых археологических находок, но главным образом путем привлечения литературного материала. По одному вопросу, именно по вопросу о стеклянном производстве в Средней Азии, письменное свидетельство (из переведенных на русский язык китайских источников) было сообщено самим Николаем Ивановичем; в остальных случаях это было сделано другими. Догадка Николая Ивановича о принадлежности найденных на Афрасиабе черепков к «глиняным гробам до-мусульманского периода» [48] блестяще подтвердилась; но от археологического довода в пользу своего мнения (указание на аналогию с кавказскими глиняными гробами) Николай Иванович впоследствии сам отказался; гораздо более важными оказались приведенные другими учеными письменные известия о погребальных обрядах последователей религий Зороастра вообще и населения Туркестана в частности. Раскопки Николая Ивановича на Афрасиабе доказали, что Афрасиаб был покинут только в XIII в., после монгольского нашествия; но только показания арабских географов дали возможность выяснить историческую топографию домонгольского Самарканда и то место, которое занимает в истории этого города Афрасиаб [49]. Николаем Ивановичем был установлен факт существования в Туркестане курганов, служивших не для погребения, но представляющих остатки укрепленных жилищ прежних жителей; сходство некоторых из этих курганов с могильными курганами юга России навело его на догадку, «не были ли первоначально все курганы могильными, и уже потом, в мусульманский период, население придумало утилизировать их для стратегических целей» [50]. Впоследствии, когда из арабских источников были извлечены известия об укрепленных жилищах местных землевладельцев — дихканов, Николай Иванович отказался от своей прежней догадки и убедился, что курганы должны быть признаны остатками замков дихканов, хотя

[48] Ср. по этому вопросу мою статью *К вопросу об оссуариях* (с указанием литературы предмета); <наст. изд., т. IV, стр. 154—171>.

[49] ЗВОРАО, т. XVI, стр. XXXVI и сл.

[50] Веселовский, *Заметка о курганах*, стр. 224.

это убеждение, несомненно правильное (это видно уже из того, что именно в долине Ангрена [51], где дольше всего сохранялся прежний землевладельческий строй [52], курганы особенно многочисленны), было высказано им только на лекциях; в печати его впервые высказал один из туркестанских исследователей (ныне покойный) [53], находившийся, как мне известно, в переписке с Николаем Ивановичем.

Николай Иванович интересовался культурной жизнью Туркестана не только в домусульманский период, но и при исламе, до новейших времен включительно. Его внимание и в этом случае, как в его работах о кочевниках, по тем же причинам привлекали к себе не столько письменные источники, сколько наблюдения над современной жизнью и вещественные памятники прошлого. Николаем Ивановичем читались в Восточном отделении Археологического общества доклады не только археологического, но и этнографического содержания; им был собран в Туркестане даже некоторый лингвистический материал, переданный К. Г. Залеману [54]; кроме того, им собирались и приводились в известность рассказы о недавних политических событиях, из уст участников этих событий. Но вообще в работах Николая Ивановича о Туркестане, в противоположность его работам о кочевниках, этнографический материал и наблюдения над современной жизнью занимали гораздо меньше места, чем материал археологический. Еще во время командировки 1885 г., как показывает прочитанный им в марте 1886 г. доклад о Шах-и зинде, он наряду с производством раскопок на местах древних городищ обратил внимание на необходимость изучения архитектурных памятников, сохранившихся на поверхности земли. Ассигнование средств на этот предмет в 1895 г. из государственного казначейства, по докладу министра финансов С. Ю. Витте, позволило Археологической комиссии в том же году приступить к выполнению намеченных работ в широких размерах, причем на Николая Ивановича, по его собственным словам, было возложено «ближайшее наблюдение и исполнение плана работ» [55]. В действительности Николаю Ивановичу, как известно многим, принадлежало не только выполнение, но в значительной степени также составление плана работ, связанных с производством обмеров, изготовлением чертежей, эстампажей, рисунков в красках и т. п. Работы возобновлялись несколько раз и были выполнены на средства Археологической комиссии для зданий Гур-эмир и Биби-ханым, отчасти для медресе Улугбека. Когда Археологическая комиссия была вынуждена прервать эти работы по недостатку

---

[51] Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, стр. 23.

[52] Ср. об «илакском дихкане» В. Бартольд, *Туркестан*, т. II, стр. 243 и 327; <наст. изд., т. I, стр. 292—293 и 370>.

[53] Е. Смирнов, *Развалины города Канка*, стр. 178.

[54] Ср.: Бартольд, *К. Г. Залеман*, стр. 245; <выше, стр. 606>.

[55] Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0182

средств в связи с японской войной, Николаем Ивановичем в 1905 г. были произведены такие же работы на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в мечети города Туркестана; на средства того же комитета в 1908 г. были возобновлены работы в Самарканде, причем предметом их был на этот раз мазар Рухабад. Весь материал поступил в распоряжение Археологической комиссии, которой было предпринято издание альбома «Самаркандские мечети» с текстом на русском и французском языках. Издание альбома требовало больших средств, которыми комиссия не располагала; до сих пор появился только один выпуск, вышедший в свет еще в 1905 г. и посвященный только одному зданию Гур-эмир, причем и это здание в нем далеко не исчерпано. На тексте этого выпуска, как вообще на работах Николая Ивановича о Туркестане, не могло не отразиться недостаточное изучение литературных источников. Николаем Ивановичем было издано полностью историко-топографическое сочинение о Самарканде одного из туземных авторов XIX в.[56] (русский перевод этого сочинения еще раньше был напечатан в Самарканде); довольно значительное число выписок из других источников по обыкновению было передано им для перевода представителям лингвистических кафедр, но этот материал потом частью был утерян; кроме того, этот способ работы в данном случае не мог привести к цели. Необходим был не перевод отдельных текстов, но связное историческое исследование по первоисточникам; только такое исследование могло бы выяснить истинное значение архитектурных и других терминов в данной местности и в данную эпоху. Пока эта работа не выполнена, не может быть и научного описания построек эпохи Тимура и Тимуридов. Отчасти, но не в достаточной степени, это сознавал и Николай Иванович. В своей статье о «Подробностях смерти узбецкого хана Мухаммеда Шейбани» он приводит свидетельство персидских историков, что из черепа павшего при Мерве в 1510 г. хана была сделана чаша, и рассказ самаркандского уездного начальника Г. А. Арандаренко о перенесении на новое место ханской гробницы, причем скелет Шейбани оказался без черепа. По замечанию Николая Ивановича, «настоящий случай свидетельствует, как история нуждается в содействии археологии. Но не менее того нуждается и археология в помощи истории»[57]. Едва ли правильно такое сопоставление истории и археологии как двух самостоятельных, хотя и связанных между собою наук. Археология как дисциплина, посвященная изучению одной из категорий исторических источников, именно вещественных памятников, составляет неразрывную часть единой исторической науки; только посредством изучения источников всех категорий может быть выполнена задача историка, причем

[56] <Имеется в виду публикация: *Самария*. Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским, СПб., 1904. На стр. III Предисловия имеется справка о переводе этого сочинения на русский язык, выполненном В. Л. Вяткиным. — *Н. Т.*>

[57] Веселовский, *Подробности смерти Шейбани*, отд. отт., стр. 8.

это изучение, конечно, может быть результатом не только единоличного, но и коллективного труда. Русская наука располагала бы вполне достаточными силами для изучения самаркандских построек не только с точки зрения археолога и художника, но в связи с общими задачами культурной истории; организацией и выполнением таких работ был бы поставлен лучший памятник Николаю Ивановичу.

Защита магистерской диссертации открыла Николаю Ивановичу доступ в университет, тем более что в том же, 1877 г. был постигнут неизлечимой болезнью П. И. Лерх, не успевший окончить свою диссертацию, хотя еще в 1871 г. блестяще выдержавший магистерский экзамен. По свидетельству Николая Ивановича, проф. Григорьев, отправляясь на этот экзамен, говорил: «Иду экзаменовать по истории Востока человека, который лучше меня знает эту историю» [58]. В 1878 г., тотчас после избрания Николая Ивановича доцентом, Григорьев покинул университет, причем в своем прощальном письме на имя ректора упоминал о том, что оставил кафедру «не прежде, чем приготовил себе преемника» [59]. Как университетский преподаватель, Николай Иванович, конечно, не мог заменить своего предшественника, что лучше всего сознавалось им самим. Молодежь всегда относилась к Николаю Ивановичу с полным уважением; но его университетские лекции не принадлежали к числу таких, которыми могут увлекаться студенты. Среди собственных научных интересов Николая Ивановича история Востока все более отходила на второй план по сравнению с археологией, и своим лекциям в Археологическом институте он, вероятно, и сам придавал больше значения, чем лекциям в университете. Не только общие программы, но и содержание курсов Николая Ивановича мало отличались от курсов Григорьева, за исключением тех случаев, когда приходилось касаться новых научных открытий, например дешифровки орхонских надписей. Неоднократно Николаем Ивановичем предлагались для соискания наград медалями темы, в свое время предлагавшиеся его предшественником [60]. Из печатных трудов бывших слушателей Николая Ивановича мне известен только один, в котором автор называет своим непосредственным руководителем Николая Ивановича, именно книга С. В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие» (1915 г.); при разработке такой темы, конечно, лучшего руководителя, чем Николай Иванович, не могло быть. Самому Николаю Ивановичу было совершенно чуждо стремление направлять молодежь на тот путь, которым он шел сам. Как мне известно по собствен-

---

[58] Веселовский, *Предисловие.*

[59] Веселовский, *В. В. Григорьев*, стр. 270.

[60] Вопрос о хуннах и хун-ну был поставлен Григорьевым в 1866 г., Николаем Ивановичем — в 1898 г. Предложенная Григорьевым в 1871 г. тема «Опыт обзора степных законодательств от Модэ-шаньюя до Батора Хонтайдзи» вполне соответствует теме, предложенной Николаем Ивановичем в 1902 г., — «Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия».

ному опыту, он предостерегал оставленных при университете по кафедре истории Востока от увлечения археологией, чтобы археологические разыскания не отняли у них времени, необходимого для научно-исторических трудов и приобретения высшей ученой степени. Столь же мало он был доволен, когда его ученики вместо изучения истории Востока по восточным источникам выбирали для своих исследований тему из истории сношений России с восточными государствами.

Своим отношением к чужим трудам и к деятельности других ученых Николай Иванович показал себя достойным учеником автора исторической записки, составленной ко дню пятидесятилетия С.-Петербургского университета. Составленная Николаем Ивановичем биография К. П. Патканова показывает, с каким вниманием и любовью он следил за деятельностью специалистов даже по таким отраслям востоковедения, которые были далеки от его собственных занятий. Еще более замечательны тот такт и то беспристрастие, с которыми Николай Иванович в некрологе бар. Розена сопоставил деятельность и влияние на студентов этого ученого с деятельностью и влиянием Григорьева; редко деятельность представителя нового направления, пришедшего на смену старому, встречала такую сочувственную оценку со стороны преданного ученика руководителя прежней школы. Такое же беспристрастие и такую же широту взгляда Николай Иванович обнаруживал в тех своих трудах по истории русской науки, в которых ему приходилось выступать за пределы востоковедения, как в «Истории Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования». Николай Иванович никогда не уклонялся от кропотливого труда, связанного с такими изданиями. Он был фактическим редактором «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета» за 1869—1894 гг.; им же редактировался третий (биографический) том «Материалов для истории факультета восточных языков» [61]; он же, наконец, взял на себя редактирование биографического материала и материала по истории отдельных кафедр для сборника, который предполагалось издать ко дню столетия Петроградского университета [62].

Николай Иванович не оставил по себе преемника, который был бы продолжателем его деятельности в такой же мере, как сам он был продолжателем деятельности Григорьева. Научное направление, одним из главных представителей которого был Григорьев, все более отходит в прошлое. Несомненно, что об этом прошлом и представители новых направлений не раз вспомнят с сожалением; по мере того как условия жизни вообще и условия деятельности ученого в частности становятся все более сложными и противоречивыми, среди русских ученых все реже будут встречаться такие цельные люди, какими были, в остальном, конечно, не-

[61] ⟨Не был издан; см. выше, стр. 5, прим. 1.⟩

[62] ⟨МИСПб. ун-та, т. I. — *А. К.*⟩

похожие друг на друга, В. А. Жуковский и Н. И. Веселовский. Если в этом случае приходится мириться с отрицательными сторонами каждого прогресса, то труднее примириться с опасностью, угрожающей самостоятельности русского востоковедения и тем его традициям, которые вполне заслуживали бы сохранения. По мере сближения русского ориентализма с западноевропейским среди молодых ученых замечается естественное стремление изучать первоисточники и первоначальные основы каждой культуры; в этом отношении их более привлекает изучение культуры Передней Азии в древности и в мусульманский период, чем изучение памятников древней и средневековой культуры Кавказа и Туркестана, более привлекает изучение буддизма в Индии, Китае и Японии, чем изучение буддизма бурят и калмыков. Как бы ни было ценно участие русских ученых в общеевропейской, не связанной с отдельными национальными интересами научной работе, едва ли этим искупается ущерб от невыполнения задач, составляющих обязанность русской науки, по географическому положению России и составу ее населения. Отказываясь от изучения северных окраин древневосточного, мусульманского и буддийского мира ради изучения основ каждой культуры, русское востоковедение вместе с тем отказывается от внесения в европейскую науку нового материала и соглашается довольствоваться разработкой материала, уже затронутого западноевропейскими учеными. В интересах русской культуры и в интересах мировой науки одинаково следует желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные с историей России и входящих в нее стран, вновь нашли себе большее число исследователей среди молодых русских ориенталистов и чтобы последние пользовались своим лучшим знанием западноевропейской науки и ее методов не для перехода от прежних научных задач к новым, но для дальнейшего развития и углубления трудов своих предшественников.

ПАМЯТИ В. В. РАДЛОВА
1837—1918

12 мая н. ст. скончался академик Василий Васильевич Радлов, состоявший действительным членом Русского географического общества с 1886 г., но гораздо раньше, с 1868 г., помещавший статьи в изданиях Общества [1].

В. В. Радлов был едва ли не последним по времени русским академиком иностранного происхождения, но его избрание в академию не было вызвано ученой известностью, приобретенной за границей. Свою родину, Германию, Радлов покинул в 1858 г., тотчас после окончания курса в Берлинском университете и еще до окончательного выбора научной специальности, которая определилась уже после его переезда в Россию. В России Радлов сделался лингвистом-туркологом и трудами в этой области приобрел себе славу первоклассного мирового ученого. Лингвистический материал, впоследствии разрабатывавшийся им в его ученом кабинете, большею частью был собран им самим во время продолжительных и трудных путешествий, почти ежегодно совершавшихся им из Барнаула, где он прожил 12 лет (1859—1871) преподавателем немецкого и латинского языков в местном высшем горном училище. Эти путешествия ознакомили его с жизнью среднеазиатских турецких народностей до Тобольска на север, до Самарканда на юг, до Тюмени на запад и до Канска (Енисейской губ.) на восток. Записывая лингвистические тексты, Радлов в то же время изучал современную жизнь народов и предания об их прошлом, письменные и устные; посредством раскопок им добывались памятники более отдаленного прошлого. Путешествия В. В. Радлова и его последующие, основанные на этих путешествиях, труды представляют, таким образом, первостепенный интерес не только для лингвиста, но и для географа, историка и археолога. Здесь мы остановимся преимущественно на заслугах В. В. Радлова как исследователя Средней Азии и ее населения, предоставляя специалистам-туркологам дать оценку его заслуг как лингвиста [2].

[1] Общество с 1868 г. «находилось в постоянных ученых сношениях» с Радловым и после того, до 1871 г. дважды присуждало ему серебряную медаль (П. Семенов, *История Имп. РГО*, стр. 116, 263 и 485). ⟨Литературу о В. В. Радлове и библиографию его трудов см.: Дулина, *Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем.* — *А. К.*⟩

[2] См. небольшую статью А. Н. Самойловича (*Радлов как турколог*).

I

Считаем нужным предпослать очерку деятельности Радлова несколько слов о той научной школе, из которой он вышел [3]. Радлов родился в Берлине 5/17 января 1837 г. и в 50-х годах (1854—1858) получил высшее образование в университете своего родного города, за исключением двух семестров, проведенных в Галле, где он слушал одного из корифеев индоевропейской лингвистики — Августа-Фридриха Потта.

Берлинский университет в то время еще пользовался той научной славой, которой он был обязан своему основателю Вильгельму фон Гумбольдту и его сотрудникам. Биограф Карла Риттера Г. Крамер отмечает факт, что Берлин, по внешнему виду и числу населения занимавший тогда более скромное место среди европейских столиц, тем не менее в 1820 г., когда началась университетская деятельность Риттера, в гораздо большей степени, чем в 1870 г., был средоточием умственной жизни всей Пруссии, даже всей Германии [4]. Среди других наук блестяще было представлено и языкознание. Берлинскому университету принадлежала с 1821 г. преподавательская деятельность Франца Боппа, основателя сравнительного языкознания, которого еще застал Радлов (он читал лекции до 1864 г.). Если для Боппа конечной целью науки было установление родства языков на основании анализа грамматических форм, если для Якова Гримма изучение лингвистических законов было прежде всего средством к более глубокому познанию прошлого своего родного народа, то Вильгельм фон Гумбольдт был основателем лингвистической философии (Sprachphilosophie), рассматривавшей язык как одно из проявлений духовной жизни людей и народов. Продолжателями Вильгельма фон Гумбольдта были из учителей Радлова Потт и Штейнталь, существенно, однако, расходившиеся между собою в основных своих положениях. Поттом был переиздан в 1876 г. посмертный труд Гумбольдта «О различии строя человеческого языка и о влиянии этого различия на духовное развитие человеческого рода», вышедший в первый раз в 1835 г. Потт предпослал своему изданию в качестве первого тома пространное введение «Вильгельм фон-Гумбольдт и языкознание» [5]. Под тем различием, о котором говорится в заглавии труда, имеется в виду не различие между высшими и низшими расами, способными и не способными к культуре народами, но то бесконечное разнообразие явлений культурной жизни, без которого самая культурная работа потеряла бы значительную долю своей привлекательности. Для Гумбольдта достоинство человека и общие черты чело-

[3] Биографические факты в значительной степени заимствованы из очерка Л. Я. Штернберга (*Из жизни Радлова*). Ср. также биографию В. В. Радлова (Штернберг, *Радлов В. В.*).

[4] Kramer, *C. Ritter*, T. II, S. 4.

[5] Humboldt, *Über die Verschiedenheit*; Pott, *Humboldt und Sprachwissenschaft*, — в кн.: Humboldt, *Über die Verschiedenheit*, 2. Aufl.

веческой духовной жизни стоят гораздо выше всех различий между людьми и народами; кроме того, Гумбольдт отмечает факт, что степень развития языка не всегда находится в соответствии со степенью развития культуры, что язык так называемых варварских народов иногда обладает, в смысле стройности и богатства, бóльшими достоинствами, чем язык народов культурных. К этим взглядам всецело примыкал Потт, посвятивший особый труд [6] опровержению противоположных взглядов Гобино на основное «неравенство человеческих рас» [7]. Труду Гобино и всей его деятельности было суждено дать лишнее доказательство шаткости суждений о чертах народной психологии. Легкомыслие, которым, несмотря на отдельные талантливые мысли, проникнут весь труд Гобино, казалось Потту характерным для его народа, и в конце своей критики он противополагает словам француза слова «серьезного немца» (Риля, автора книги «Естественная история народа как основа немецкой социальной политики»). В настоящее время, чего Потт не мог предвидеть, деятельность Гобино осуждается на его родине даже с преувеличенной резкостью, тогда как в Германии его идеи пользуются такой популярностью, что образовалось общество его имени, взявшее на себя переиздание его трудов [8].

Вильгельм фон Гумбольдт, как признает и Потт, находится под влиянием философии Канта; другие видели в установленных им принципах также влияние философии Шеллинга и Гегеля. Штейнталь, которого Потт считал во многом продолжателем Вильгельма фон Гумбольдта, также искал ключа к объяснению лингвистических явлений в явлениях душевной жизни, но вместо отвлеченных принципов немецкой философии примкнул к «реалистической» и «точной» школе Гербарта, который казался ему основателем научной психологии. Дальнейшему развитию этих взглядов был посвящен издававшийся Штейналем, вместе с Лацарусом, журнал «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft».

В студенческие годы у Радлова был кратковременный период увлечения «гербартианством», может быть, под влиянием лекций Штейнталя; в своей дальнейшей деятельности, по-видимому еще на студенческой скамье, он более примыкал к лингвистике Потта, чем к лингвистике Штейнталя, и связывал лингвистические явления с чертами общечеловеческой индивидуальной психологии, а не с чертами психологии народной [9]. Кроме лекций по сравнительному языкознанию Радлов слушал

---

[6] Pott, *Ungleichheit.*

[7] Gobineau, *Essai.*

[8] См. попытку B. M. (JA, sér. 9, т. XIV, p. 568) доказать, что Гобино по духу стоит ближе к Германии, чем к Франции: «il a le goût de la haute spéculation, le large idéal et en même temps le vague l'imprécis des penseurs d'outre — Rhin».

[9] См.: Radloff, *Phonetik*, S. 51, — возражения против теории Штейнталя о «geistige Trägheit» как причине гармонии гласных; Radloff, *Einleitende Gedanken*, с замечаниями «о технике языка» по наблюдениям над детьми.

лекции по нескольким восточным языкам; из берлинских профессоров-ориенталистов главным учителем его был Вильгельм Шотт (1802—1889), исследования которого обнимали языки Северной и Восточной Азии, от финских и самоедских наречий до языков китайского и японского. Шотт еще до Кастрена, создателя теории об «урало-алтайской» группе, или семье, народов, старался установить по лингвистическим признакам родство между собой маньчжуров, монголов, турок, финнов и «гипербореев», т. е. народов Крайнего Севера Европейской и Азиатской России [10]; доказательная сила этих доводов была признана Поттом [11], хотя Шотту при обосновании своей теории приходилось отступать от некоторых догматов индоевропейской лингвистики, например от мнения, что в родственных языках простейшие понятия должны обозначаться одними и теми же словами.

Шотт, конечно, понимал, что исследователь «татарских» языков (подобно Абель-Ремюза, Шотт объединял под этим термином все языки Средней Азии, хотя и предлагал заменить его еще менее удачным термином «верхне-азиатские», встречающимся и в некоторых работах Радлова) еще долго не будет чувствовать под собою такой твердой почвы, как исследователи языков семитических и индоевропейских. По замечанию Шотта, высказанному в 1836 г., «из многочисленных языков обширной Тунгусии нам ближе известен только маньчжурский язык; с монгольским нас чуть не впервые ознакомил Я. И. Шмидт, и даже из многочисленных турецких наречий только по немногим использован фактический материал, ни одно не подвергалось филологическому исследованию». Как медленны были в этом случае успехи науки, видно из того факта, что некоторые из этих замечаний могли быть повторены Радловым более 60 лет спустя, в 1899 г.; по словам Радлова, науке и тогда были известны «только один тунгусский язык, именно письменный маньчжурский, и два монгольских, именно письменные восточномонгольский и западномонгольский, причем фактический материал даже этих двух письменных языков еще не подвергался никакому научному разбору» [12].

Обладая темпераментом инициатора и пионера, Радлов, естественно, увлекся наименее исследованной областью языкознания и думал посвятить себя изучению тунгусских наречий. Ему удалось овладеть маньчжурским языком настолько, что еще в 1870 г., через много лет после перемены специальности, он мог объясняться на этом языке с китайским амбанем города Кобдо [13]. С выбором специальности в этом случае был связан и выбор страны, где предстояло работать. Движение России в Сред-

---

[10] Его статья появилась еще в 1836 г. (см.: Schott, *Versuch*).

[11] *Ungleichheit*, S. 232, где среди ученых, объединивших в одну семью языки тунгусский, монгольский, турецкий, самоедский и финский, на первом месте назван Шотт, на последнем — Кастрен.

[12] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 74.

[13] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 219.

нюю Азию и утверждение русской власти на Амуре открывало новое поприще для мировой науки, чем не мог не воспользоваться и немецкий ученый мир, в то время вообще обращавший особенное внимание на Россию. С именем берлинского профессора физика Эрмана, во время своего кругосветного путешествия (1828—1830 гг.) проехавшего через всю Сибирь до Камчатки, было связано основание в Берлине (в 1841 г.) специального органа для изучения России («Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland»), где впоследствии было напечатано несколько сообщений, присланных из России Радловым. Заслуги России в области языкознания неоднократно отмечались Поттом [14]; обращало на себя также внимание «величественное», по выражению знаменитого арабиста Флейшера [15], научное «создание императора Николая» — факультет восточных языков в Петербурге.

Склонность к изучению малоизвестных, в частности восточных, стран и народов могли вызвать в Радлове также лекции Карла Риттера, имевшие, как известно, большое обаяние на его слушателей. Несколько раньше, в 1851—1852 гг., П. П. Семенов (впоследствии Семенов Тянь-Шанский) получил от Гумбольдта и Риттера благословение на путешествие во «Внутреннюю Азию» до Тянь-Шаня; несмотря на высказанные обоими учеными сомнения, Семенов «в беседах с этими корифеями науки почерпнул, однако же, твердую решимость во что бы то ни стало, несмотря ни на какие препятствия, сделать попытку дойти до вечных снегов Тянь-Шаня» [16].

Риттер в своем «Землеведении» и своих университетских курсах, из которых один, изданный после его смерти, был посвящен истории географических открытий, выяснил зависимость человеческой жизни от климатических условий и вообще географической среды; заслуги его в этом отношении были признаны и Поттом [17]. Польза, принесенная «сравнительным землеведением» Риттера наукам о человеке, в том числе и лингвистике, была настолько значительна, что лингвисты, по-видимому, мирились с такими приемами Риттера, как произвольное, совершенно не считавшееся с требованиями лингвистической и филологической науки толкование географических названий и других разноязычных терминов. Даже Радлов впоследствии называл принятое Риттером сближение усуньского титула *гуньмо*, или *гунь-ми*, с германским *Kining* только

---

[14] *Humboldt und Sprachwissenschaft*, S. 142, о влиянии Лейбница: «und hat der hier von ihm ausgegangene Antrieb in jenem über und über mit Völkern und Völklein der allerverschiedensten Zunge besäeten Reiche, in Russland bis auf den heutigen Tag, fort und fort aus dem Boden der Linguistik die reichsten und herrlichsten Blüthen und Früchte hervorgelockt». Ibid., Bd I, S. 409: о «Russland, welchem Lande die Sprachwissenschaft so ungemein viel verdankt».

[15] Предисловие к брошюре Д. А. Хвольсона (*Statistische Nachrichten*).

[16] Риттер, *Землеведение Азии*, т. II, стр. 16.

[17] *Ungleichheit*, S. 82, 140.

«рискованной гипотезой» [18]. Ссылки на взгляды Риттера встречаются в книге «Aus Sibirien» довольно часто, хотя при этом отмечаются также ошибки и увлечения знаменитого географа, например его мнение о возможной будущности Телецкого озера [19]. Радлов даже говорит об Алтайской горной системе как о понятии, установленном Риттером [20], хотя сам Риттер в этом случае ссылался на определение, данное А. фон Гумбольдтом [21].

Космополит в молодости [22], Риттер под влиянием наполеоновских войн сделался немецким, в частности прусским, патриотом, но, конечно, интересовался судьбой своей научной специальности и вне пределов Германии. В 1832 г. он с радостью писал о том интересе, который вызвали его берлинские лекции в России, Франции, Англии и Голландии [23]. В конце своей жизни, в 1856 г., он упоминает в одном письме о поданных ему надеждах на учреждение кафедры географии при австрийских и русских университетах [24]. Несколько односторонне противополагая Запад Востоку, Европу Азии [25], называя конечною целью своего «Землеведения» описание Европы [26] (известно, что этой заключительной части своего труда Риттеру написать не удалось), Риттер в то же время указывал на необходимость довершить изучение земного шара, переходя от географических открытий к более подробному изучению уже известных земель и народов [27]. При этом им доказывалось, что в будущем для исторических судеб человечества могут приобрести значение местности, географическое положение и естественные богатства которых до сих пор оставались неиспользованными [28]; для торговых сношений на суше технические усовершенствования могут приобрести такое же значение, как прежде для морской торговли [29], что

[18] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 123: «gewagte Hypotese». См. гораздо более резкий отзыв о таких сближениях, принадлежащий В. В. Григорьеву (Риттер—Григорьев, *Восточный Туркестан*, вып. I, стр. 346 и сл., 392 и 425).

[19] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 97. Однако словами «Eine reiche Zukunft voraussagt» Риттеру приписывается больше, чем им сказано в действительности. Сопоставляя Телецкое озеро с Лаго-Маджиоре и Комо, Риттер говорит только, что «на берегах Телецкого озера еще нет ни городов, ни вилл, ни виноградников, ни садов, ни альпийских хижин» [Риттер, *Землеведение Азии*, т. III, стр. 402; ср. подлинный текст (C. Ritter, *Die Erdkunde*, Bd II, S. 983)].

[20] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 2: «dem grossen Altaischen Bergsystem, wie es Ritter genannt hat».

[21] C. Ritter, *Die Erdkunde*, Bd II, S. 472 sq.

[22] Kramer, *C. Ritter*, T. I, S. 130.

[23] Ibid., T. II, S. 66.

[24] Ibid., S. 61.

[25] Особенно: C. Ritter, *Einleitung*, S. 127, 232. Это не помешало самому Риттеру, когда он в 1837 г. был на Босфоре, признать искусственность разграничения Азии и Европы. См.: Kramer, *C. Ritter*, T. II, S. 241.

[26] Kramer, *C. Ritter*, T. II, S. 149.

[27] Заключительные слова его книги: C. Ritter, *Geschichte der Erdkunde*, S. 265.

[28] Напр., C. Ritter, *Einleitung*, S. 174.

[29] Заключительные слова той же книги.

западной науке во всякое, но особенно в наше время необходимо иногда возвращаться к знаниям Востока [30].

По-видимому, на установленных Риттером принципах в значительной степени основаны мнения Потта об отношении географии и этнологии к истории. Потт считал этнологию третьей, после географии и хронологии, вспомогательной наукой истории; география и хронология создали основу для определения исторических событий в пространстве и времени; этнология, в противоположность истории в собственном смысле слова, распределяет людей не по группам, созданным самим человеком, но по группам, созданным природой, на основании как телесных, или физиологических, так и психических, или лингвистических, признаков. Если географию и хронологию называли глазами истории, то этнология обнимает все содержание исторической науки, с той разницей, что этнолог кладет в основу своих исследований естественные и более прочные, независимые от человеческого произвола различия людей, тогда как для историка на первом месте стоит принцип движения и изменчивости во временно́й последовательности, и потому главное внимание обращается на создаваемое самим человеком, на его достижения и страдания [31].

II

Таковы были приблизительно те взгляды на задачи лингвистической науки и на связь этих задач с задачами географии и этнографии, которые могли внушить Радлову его наставники до его приезда в Россию. В 1858 г. Радлов был удостоен Йенским университетом степени доктора философии, защитив диссертацию «О влиянии религии на народы Азии». Экземпляров этой диссертации нет в Петрограде; не установлено даже, была ли она вообще напечатана [32]; остается поэтому неизвестным, какие взгляды на этот предмет были высказаны молодым ученым, едва достигшим совершеннолетия, и насколько эти взгляды отразились на его деятельности. Когда Радлову вместо предполагавшейся им раньше поездки на Амур пришлось отправиться на Алтай и сделаться туркологом, перед ним тотчас же стал вопрос о влиянии религии на язык народа. Уже в своей первой статье, напечатанной (в 1863 г.) в органе Академии наук, он говорит об избранном им для изучения алтайском диалекте, что «только этот диалект не подвергался влиянию ислама, который всех своих чужих исповедников подчиняет игу арабской и персидской учености и грамматики» [33].

Мы видели, что Радловым во время службы в Барнауле было совершено большое число поездок в степные и горные местности, причем он имел воз-

[30] Предисловие Риттера в кн.: Истахри, пер. Мордтмана.

[31] Pott, *Ungleichheit*, S. 142 sq.

[32] Докторская диссертация Радлова не названа в списке, составленном ко дню семидесятилетия В. В. Радлова К. Г. Залеманом в 1907 г. (Залеман, *Труды Радлова*).

[33] Radloff, *Kurzer Bericht*, p. 534.

можность ознакомиться с целым рядом народностей, принадлежащих к одной лингвистической группе (турецкой), но находившихся на различной ступени культурного развития. Эти путешествия часто были связаны с большими трудностями. Жизнь в Сибири в то время, даже в городах, мало походила на современную; достаточно сказать, что в Бийске при Радлове было от 2000 до 3000 жителей [34], по переписи 1897 г. — 17 213, а в настоящее время — до 30 000 [35], может быть, даже до 40 000 [36]; число жителей Семипалатинска, по описанию Радлова, было около 6000 [37], по переписи 1897 г. — 26 246, в настоящее время — около 35 000 [38]. Местности Алтая, удаленные от городов, были малоизвестны даже в географическом отношении; до Риттера вся местность к востоку от Телецкого озера была terra incognita [39]; источником для дополнений к труду Риттера, сделанных Семеновым и Потаниным, кроме путевых очерков Радлова были путевые очерки его предшественника Гельмерсена, посетившего этот край в 1834 г. [40]; о некоторых местностях, как о юго-восточной части Чуйской степи, дневники Радлова были для Семенова и Потанина самым ранним источником [41]. Научный энтузиазм, которым был проникнут молодой ученый, в значительной степени помогал ему переносить лишения, связанные с такими путешествиями; все же эти лишения были так велики, что, вернувшись на короткое время в культурную обстановку, под свежим впечатлением всего перенесенного, Радлов писал в 1864 г. о «несказанных тягостях и страданиях», которых стоил ему собранный им материал [42].

Через двадцать лет, когда успело изгладиться воспоминание о трудностях путешествия и осталось только воспоминание о радостях исследователя-пионера, Радлов называл годы, проведенные в Алтае, лучшим временем своей жизни [43].

Предшественниками Радлова в деле изучения алтайских народностей были члены алтайской миссии, особенно протоиерей В. Вербицкий, заслуги которого были вполне признаны Радловым [44], часто ссылавшимся

---

[34] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 35.

[35] По *Азиатской России*, т. I, стр. 348, к 1911 г. — 28 038.

[36] Такая цифра указана В. В. Сапожниковым (*Пути по Алтаю*, стр. 32).

[37] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 105.

[38] По *Азиатской России*, т. I, стр. 351, к 1911 г. — 34 363.

[39] C. Ritter, *Die Erdkunde*, Bd II, S. 985.

[40] Гельмерсеном впоследствии были напечатаны некоторые заметки к «письмам из Алтая» Радлова (Helmersen, *Bemerkungen*); приведено К. Г. Залеманом (*Труды Радлова*, стр. 5).

[41] П. Семенов—Потанин, *Алтайско-Саянская система*, стр. 335.

[42] Radloff, *Proben*, Bd I, S. XXIV (предисловие). В русском переводе предисловия (Радлов, *Образцы*, ч. I) эта заключительная фраза выпущена.

[43] Radloff, *Aus Sibirien* (предисловие).

[44] См. его рецензию на «Словарь» Вербицкого (Радлов, ЗВОРАО, т. III, стр. 138—141).

в своих работах на труды этого миссионера. Между прочим, Вербицким в 1870 г. было опубликовано в Томске единственное значительное собрание заклинаний алтайских шаманов; Радлов знал о существовании этого собрания еще с 1861 г., но тогда не мог, несмотря на свою просьбу, получить к нему доступ [45]. Взгляд Радлова на задачи исследователя религиозного верования, конечно, существенно отличался от взглядов миссионеров. Протоиерей Вербицкий искренно верил, что шаманы совершают свои действия при непосредственной помощи нечистой силы; для Радлова шаманы были «носителями этической идеи своего народа» [46]. Тем не менее Радлов отдает справедливость заслугам миссионеров, особенно заслугам основателя алтайской миссии, архимандрита Макария, стоявшего во главе миссии почти 14 лет (1830—1843) и «не только внешним образом крестившего туземцев, но обратившего значительную часть их в истинных христиан» [47], также заслугам монаха Смарагда, в четыре года создавшего культурное поселение около устья речки Ангодай [48], впадающей в Урусул [49], приток Катуни [50]. Радлов отмечает недоверие туземцев к миссионерам, объясняет и причины этого явления. Миссия, по его словам, кажется алтайцу учреждением, враждебным его быту; на туземца, принявшего христианство, смотрят как на изменника своему народу, тем более что новообращенный переменяет имя и одежду и отказывается от кочевой жизни [51]. Поверхностное усвоение цивилизации иногда вредно отражается на народной нравственности; честность и прямота туземцев [52] быстро исчезают там, где кочевники переходят к оседлости и образу жизни русских крестьян; воровство и обман становятся обычным явлением. Переход к оседлости ведет к обеднению алтайцев, так как они переносят в новую жизнь свою привычную лень [53]. Кроме того, из слов Радлова видно, что распространение культуры в Алтае не всегда было связано с распространением христианства. На Лебеди население занималось земледелием, хотя и в небольших размерах, и жило в деревянных срубах; между тем христианство туда еще не проникало, хотя и шаманов там почти не было [54]. Кумандинцы на Бии отличались более высоким уровнем культуры и потому могли оказывать влияние на менее культурных черневых татар; между тем, по отзыву миссионеров, именно кумандинцы крепче всего держались народных обычаев, и хри-

---

[45] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 19.

[46] Ibid., S. 56 sq.

[47] Ibid., Bd I, S. 332.

[48] У Сапожникова (*Пути по Алтаю*, стр. 61 и сл.) Онгудай.

[49] У Сапожникова (*Пути по Алтаю*) везде Урсул, но на карте Урусул.

[50] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 325, 327.

[51] Ibid., S. 326.

[52] «Ни у какого турецкого народа Северной Азии не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев» (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 310).

[53] Ibid., S. 324.

[54] Ibid., S. 359.

стианство не имело среди них никакого успеха [55]. В общем, однако, Радлов дал о деятельности миссионеров более благоприятный отзыв, чем, например, Г. Н. Потанин, находивший, что «ни купцы, ни миссионеры не послужили к распространению в Алтае оседлости и культуры» и что «решения этой задачи следует ожидать от разрешения селиться в Алтае крестьянам» [56].

Алтайскому шаманству Радлов посвятил одну из лучших глав своей книги «Aus Sibirien», хотя вопрос о шаманстве не мог быть им поставлен во всей его широте. Радлов почти не касается вопроса о происхождении шаманства и о тех переменах, которым подвергались шаманские верования и обряды в связи с изменением бытовых и культурных условий. Для Радлова шаманство — первоначальная религия всех тунгусских, монгольских и турецких племен; вопрос об отношении этого шаманства к более первобытному шаманству полярных народов им не затрагивается. Из трех упомянутых племен более всего, по замечанию Радлова, сохранили верность шаманству тунгусы; из всех тунгусских народностей только среди маньчжур шаманство вытеснено китайской государственной религией и буддизмом. Турки, раньше тунгусов и монголов покинувшие Среднюю Азию, более всего отдалились от шаманства, сохранившегося только среди небольшого числа турецких народностей — алтайских горных калмыков, телеутов, черневых татар и шорцев, причем и в этих горных областях шаманство подвергалось влиянию христианства, буддизма [57] и даже персидской культуры; так, среди всех восточных «татарских» племен распространено персидское название божества — *кудай*, принятое и миссионерами для обозначения христианского Бога [58]; но только в одном месте алтайские шаманы, совершающие свои обряды в одежде, мало отличающейся от обыкновенной, или вовсе не имеющие особой одежды, сопоставляются с шаманами «оленных тунгусов и других восточносибирских народностей», одетыми в своеобразный костюм с железными привесками в виде изображений животных [59]. Почти столь же мало сопоставляется шаманство современных сибирских народностей с шаманством тех народов прошлого, о которых до нас дошли письменные известия. Последние, конечно, были малодоступны Радлову во время его пребывания в Сибири, но и потом были использованы им только в слабой степени. Так, в книге «Aus Sibirien» говорится, что турецкое название шамана — *кам* — встречается в древнейшем (известном в то время) письменном памятнике турецкой литературы, *Кутадгу билик* (XI в.) в двух местах [60]; в своем словаре [61] Радлов

[55] Ibid., S. 362 sq.

[56] П. Семенов—Потанин, *Алтайско-Саянская система*, стр. 391.

[57] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 1 sq.

[58] Ibid., Bd I, S. 351.

[59] Ibid., Bd II, S. 17.

[60] Ibid., S. 67. Эти места соответствуют $46_{,20}$ и $125_{,10}$ изд. факсимиле (*Кутадгу билик*, факс.).

[61] Радлов, *Словарь*, т. II, стр. 477.

приводит пять таких мест, но при этом одно из мест, указанных в «Aus Sibirien», не приводится, так что в действительности слово *кам* встречается в *Кутадгу билик* в шести местах. Найти в литературных памятниках названия алтайских турецких божеств Радлову удалось только после открытия орхонских надписей VIII в. Сюда относятся божество Йерсу (буквально: 'земля—вода') [62], как теперь у алтайцев называются, в собирательном смысле, духи гор (в орхонских надписях Йерсу, по-видимому, противополагается Небу как индивидуальное божество), и Умай, «добрый дух», хранитель младенцев [63], по верованию алтайцев, с которым турецкий хан VIII в. сравнивает свою мать. Совершенно не указывается, что название злых божеств — *айна* [64] — было известно монголам XIII в.[65]. Не отмечается также факт, что уже в монгольский период шаманство сохранялось во всей своей чистоте только у так называемых «диких», или «лесных», татар, вследствие чего классической страной шаманства считалось Забайкалье [66]. Возникновение шаманства связано, таким образом, не с кочевым, а с охотничьим бытом.

III

Народности, бывшие предметом исследований Радлова, находились на различных ступенях кочевого быта. Вопросу о трех стадиях развития человеческих обществ — охотничьем, кочевом и земледельческом быте — и о переходе от одной стадии к другой посвящены несколько страниц как в книге «Aus Sibirien» [67], так и в исследовании Радлова об уйгурах [68]. Говоря об охотничьих народах, он имел в виду преимущественно народы «тундр и лесов северной Сибири»; первой ступенью перехода к кочевой жизни было, по его мнению, приручение северного оленя. Переход совершался только под давлением экономической необходимости; без такого давления «обитатели лесов целыми столетиями остаются на той же ступени развития». Та же экономическая необходимость и борьба за существование с другими народами являются и для кочевника единственным

---

[62] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 7, 206.

[63] См.: Радлов, *Словарь*, т. I, стр. 1788, со ссылкой на наречие шорцев и на Вербицкого (*Словарь*). В *Aus Sibirien* это божество не упоминается.

[64] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 351.

[65] Соответствующий текст персидского автора Джувейни впоследствии был приведен Радловым, см.: *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XLVI; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 60.

[66] Известие приведено мною (по Рашид ад-дину): Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 108; <наст. изд., т. V, стр. 256>.

[67] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 414 sq.

[68] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LI и сл.; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 65 и сл.

побуждением к прогрессу [69]; только нужда и уменьшение количества свободной земли обращают кочевника в оседлого земледельца [70].

И в этом случае Радлов мог бы найти в истории монгольского периода красноречивые примеры, каким невыносимым рабством представлялась зверолову жизнь кочевника, кочевнику — жизнь горожанина. Радлов, по-видимому, полагал, что если не на возникновение, то на прочность бытовых форм может оказывать влияние расовое происхождение; так, о племени карагасов говорится, что об его самоедском происхождении напоминает занятие охотой и оленеводством [71]. Отмечаются также разнообразные формы кочевой жизни, но не в зависимости от расового происхождения, а в зависимости от окружающей обстановки; так, горные кочевники ведут иную жизнь, чем степные [72]; Радлов находил черты сходства в быте степных кочевников, не имеющих между собой по происхождению ничего общего, например киргизов и бедуинов [73].

Радлов не касается вопроса, возможен ли непосредственный переход от охотничьего быта к земледелию и оседлости; ему не был известен факт, установленный впоследствии покойным С. К. Паткановым [74], что в Сибири «бродячие инородцы, главным образом тунгусы, переходя к более высокой культуре, обыкновенно обходят эту промежуточную ступень культурного развития (т. е. кочевой быт) и прямо садятся на землю».

Несколько неясны, даже противоречивы, мысли Радлова о том, насколько переход к оседлости составляет необходимое условие прогресса. Радлов признает, что черневые татары, жившие у миссионерской станции на берегу Бии, в 12 верстах ниже Телецкого озера, находились на гораздо более низком уровне культуры, чем соседние с ними алтайцы, хотя занимались земледелием, правда в незначительных размерах [75]. Очень низок был также уровень культуры оседлых, хотя и живших в лесах шорцев; Радлов полагал, что некогда они обладали более высокой культурой, которую утратили, когда были оттеснены в леса; только этим, по его мнению, можно было объяснить, что шорцы при сношениях с русскими легко усваивают русскую культуру, тогда как алтайцы могут жить рядом с русскими десятки лет, не изменяя своего образа жизни [76]. Противополагая алтайцам других кочевников, кара-киргизов и киргиз-казаков, выработавших себе благодаря частым войнам с соседями более развитое на-

---

[69] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 368: «es ist eben nur die Noth, die den Menschen zum Fortschritte zwingt».

[70] См. ссылку на Рашид ад-дина в моей статье: Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 108; <наст. изд., т. V, стр. 256>.

[71] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 206.

[72] См. поучительное сопоставление алтайца с киргизом (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 504, 511).

[73] Ibid., S. 408.

[74] *О приросте населения*, стр. 172.

[75] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 328 sq.

[76] Ibid., S. 358.

циональное самосознание, Радлов отмечает факт, что благосостояние этих кочевников увеличивалось в беспокойный период войн и падало в связи с установлением мира и порядка. Состояние «неустойчивости» (Flüssigkeit), гибельное для земледельца, для кочевника, по мнению Радлова, составляет основу его благосостояния [77]. Черты военного быта больше всего отразились на жизни кара-киргизов — благодаря войнам с калмыками кара-киргизский народ создал народный эпос, какого нет ни у одного из других турецких народов Средней Азии; в противоположность сказочному эпосу абаканских татар, где герои поднимаются на небеса и опускаются в ад, кара-киргизские певцы воспевают подвиги своих богатырей в их земной боевой жизни [78]. В начале 60-х годов эта боевая жизнь еще не успела отойти в прошлое; кара-киргизские роды еще сохраняли свое единство и не распадались, как киргиз-казацкие, на небольшие аулы; целый род жил одним аулом, тянувшимся иногда на 20 верст и больше [79]. Радлов подчеркивает, что и для кара-киргизов, как и для других кочевников, состояние войны является необходимым условием благосостояния, что благодаря войнам размножились их стада, главный предмет их богатства [80]; тем не менее, несмотря на симпатию Радлова к чертам характера, вырабатывающимся боевой жизнью, история кара-киргизов приводит его к резко отрицательной оценке кочевого быта. По словам Радлова, известия о прошлом кара-киргизов показывают, что уровень культуры этого народа теперь гораздо ниже, чем был тысячу лет тому назад, что́ можно объяснить только кочевой жизнью, при которой народ остается в состоянии варварства и не может достигнуть никакого прогресса [81]. Войны кочевников являются «бесполезной тратой сил», так как каждому следующему поколению приходится бороться за то же самое, за что боролись его предки [82]. Даже отмечаются благоприятные последствия установления русской власти и «упорядоченного управления» [83]. Иной отзыв о кочевой жизни дается по поводу киргиз-казаков, самого многочисленного из турецких кочевых народов, в жизни которого черты кочевого быта получили наиболее полное развитие, хотя черты характера, отмечаемые Радловым [84]

[77] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 517; также *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LV; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 73.

[78] Радлов, *Образцы*, ч. V, стр. VII. Ср. теперь поучительное сопоставление бурятских *улигеров* (героического эпоса, причем герои «являются божественными, а не обыкновенными смертными») с *тули* или *такули* («историческими сказаниями») и *туже* («более или менее правдоподобными историческими повествованиями») у Жамцарано (*Произведения народной словесности бурят*, вып. 1, стр. XVII и сл.).

[79] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 527.

[80] Радлов, *Образцы*, ч. V, стр. VI.

[81] Radloff, *Observations*, p. 328: «la vie nomade, qui maintient un peuple dans l'abrutissement, sans lui permettre aucun progrès».

[82] Радлов, *Образцы*, ч. V, стр. X.

[83] «Wohlthaten einer geordneten Regierung» (Radloff, *Beobachtungen*, S. 167); *Aus Sibirien*, Bd I, S. 533.

[84] *Aus Sibirien*, Bd I, S. 504—510.

(живость воображения, разговорчивость, «военный и, можно сказать, рыцарский дух»), свойственны, как видно из его слов [85], и кара-киргизам, только с жизнью последних исследователь не имел возможности так подробно ознакомиться [86]. Радлов утверждал, что в значительной части степи по условиям природы не может быть другой жизни, кроме кочевой; неизбежным последствием попытки обратить кочевников в оседлых поселенцев были бы регресс и уменьшение числа населения. Русской системе управления кочевниками Радлов предпочитает китайскую. Россия тратит ежегодно значительные суммы на своих степных подданных, Китай взимает с подчиненных ему кочевников значительный доход, но не вмешивается в их внутренние дела и не стесняет их передвижения. «Гуманные стремления русского правительства вследствие стеснения необходимой для кочевников свободы причинили благосостоянию народа больше вреда, чем значительно более высокая подать, взимаемая китайцами со своих подданных» [87]. Как ни велик был вред, причиненный народу насильственным, неумелым и непоследовательным вмешательством в его жизнь, едва ли, однако, непригодность отдельных местностей для земледелия исключает возможность перехода от кочевой жизни к усовершенствованному скотоводству, вполне совместимому с установлением мирных условий жизни и усвоением европейской культуры.

Благодаря изучению современной жизни киргиз-казаков Радлов лучше большинства других исследователей мог понять жизнь кочевых народов прошлого и процесс образования исторических кочевых государств. На наблюдениях, произведенных среди киргиз-казаков [88], основаны блестящие страницы исследования об уйгурах, где говорится о родовом быте кочевников, происхождении власти биев и ханов, быстром образовании и столь же быстром распадении огромных кочевых империй. Сказанное там вполне подтвердилось, когда наука получила в свое распоряжение подлинный памятник турецкой империи VI—VIII вв. — орхонские надписи [89]. Радлов был едва ли не последним исследователем, которому удалось быть свидетелем образования среди киргиз-казаков новой политической единицы. К северу от Бухтармы киргиз-казацкий род Каратай оставался в то время независимым как от России, так и от Китая; вокруг влиятельного бия объединилась группа людей, принявшая имя бия и сохранившая это имя даже после его смерти [90]. Последние остатки неза-

---

[85] Напр., *Образцы*, ч. V, стр. III: «Redegewandheit».

[86] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 532 — о характере народа: «ich erlaube mir kein Urtheil, da ich zu wenig bei den schwarzen Kirgisen gelebt habe».

[87] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 522 sq. См. также: ibid., S. 410.

[88] См.: Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 513; *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LII и сл.; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 68 и сл.

[89] Напр.: Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. XIV sq.; idem, *Alttürkische Studien*, IV, S. 300 sq.; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 135 sq.

[90] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LIV; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 70.

висимых киргиз-казаков исчезли уже в ближайшие годы после пребывания среди них Радлова; можно только пожалеть о том, что произведенные им ценные наблюдения не изложены и даже не упомянуты в книге «Aus Sibirien» [91] и, по-видимому, пропали для науки [92].

На некоторых исторических теориях Радлова отразилось, однако, обычное увлечение путешественника, считающего возможным судить о прошлом исключительно по наблюдениям над современной жизнью и по добытым им лично материалам, причем все известия письменных источников, несогласные с такими выводами, признаются недостоверными. Так, Радлову казалось несомненным, что, вопреки свидетельству китайцев, среди турок VI в. не могло быть кузнецов [93], что раскопанные им могильники медного и бронзового веков, как и стоящие у некоторых могильников изваяния и сделанные на скалах писаницы, принадлежат оседлому, т. е. не турецкому, народу [94] (Радлов был склонен приписать эти могильники сначала народу угро-самоедского происхождения [95], потом [96] — так называемым «енисейцам» или «енисейским остякам»). Только по недоразумению китайцы говорят об изваяниях, будто бы ставившихся у могил турецких богатырей по числу убитых врагов, как Рубрук по недоразумению приписал половцам изваяния, в действительности относящиеся к эпохе за несколько столетий до вторжения турок в Европу [97]. Все это подробно излагается в книге «Aus Sibirien», даже во втором издании, хотя ко времени появления в свет этого издания (1893 г.) автор уже успел убедиться в ошибочности своего прежнего мнения. В отчете об Орхонской экспедиции 1891 г., напечатанном в 1892 г., Радлов признает, что, как доказали сохранившиеся в Монголии и исследованные экспедицией памятники турецких ханов, «обычай ставить каменные бабы у могил распространен был у тукюесцев (древних тюрков), что и изъясняет распространение баб до южной России», и что «рунообразное письмо до VIII века распространено было у тукюесцев; это и изъясняет распространение этой письменности до Енисея и Тарбагатая» [98].

[91] При перечислении киргиз-казацких родов Средней Орды (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 236 sq.) род Каратай даже не назван; ibid., Bd II, S. 191; в записи 1870 г. говорится о подчинении каратайцев России.

[92] Соответствующей части дневников Радлова в его посмертных бумагах не оказалось.

[93] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 128.

[94] Ibid., Bd II, S. 96 sq., также S. 129.

[95] Радлов, *Древние аборигены Сибири*, особенно стр. 9. Эта статья (1884 г.) пропущена в перечне трудов Радлова, как составленном покойным К. Залеманом (*Труды Радлова*), так и у Штернберга (*Радлов В. В.*). <Исправление: «угро-самоедского» вместо ранее ошибочно напечатанного (ИРГО, т. LIV, 1918, стр. 180): «уйгурско-самоедского» сделано В. В. Бартольдом в более поздней работе — *Томсен и история Средней Азии*; см. ниже, стр. 759, прим. 5. — *В. П.*>

[96] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 99, 142.

[97] Ibid., Bd II, S. 122.

[98] Радлов, *Предварительный отчет*, стр. 8.

IV

Под влиянием таких же увлечений Радлов несколько раз изменял свои мнения о классификации турецких наречий [99], о взаимоотношениях турецких народностей, о среде, к которой должен быть приурочен в географическом и хронологическом отношении тот или иной литературный памятник [100], причем почти каждое мнение предлагалось читателям как «очевидный» или «несомненный» вывод исследователя. Столь же решительно, как о прошлом народов, Радлов высказывался об их будущем, в связи с современным состоянием их культуры, и вообще о политических вопросах, касающихся Средней Азии. Симпатии Радлова были на стороне всего, в чем он видел проявление жизненных сил, энергии и жизнерадостной бодрости [101]; с другой стороны, народы и общества, малодушно отказывавшиеся от борьбы за существование или находившиеся во власти подавляющего все здоровые инстинкты изуверства, не вызывали в нем даже чувства сожаления. С прямолинейной суровостью, не одобрявшеюся в таких случаях его учителем Поттом [102], Радлов говорит о предстоящей гибели таких народов и обществ как о неизбежном и законном явлении[103]. К народностям, обреченным на гибель, Радлов причисляет и оседлых барабинских татар, которым под напором русских приходилось удаляться все в менее плодородные местности [104]; по-видимому, этот вывод подтверждается цифровыми данными ревизий и переписей [105]. Почти столь же безнадежным казалось Радлову экономическое состояние татар Тобольского уезда, положение которых в лесах этой местности становилось все более плачевным [106]. Еще к более определенному выводу о вымирании тобольских татар и бухарцев пришел Ядринцев, но, как доказывает покойный С. К. Патканов, этот вывод следует признать ошибочным [107]. Не вполне свободны от противоречий замечания Радлова об исламе и его влиянии на народную жизнь. Из четырех степных мусульманских народов

[99] См. слова самого Радлова (*Alttürkische Studien*. IV, S. 305).

[100] О *Кутадгу билик* Радлов писал в 1901 г.: «Es ist in einem bestimmten einheitlichen Ostdialekt geschrieben» (Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*, S. 441), в 1910 г.: «Wenn die Reime des Kudatku-Bilik einerseits beweisen, dass Jusuf Chass-Hadschib sein Werk in der Türksprache von Belasaghun, die der Sprache der Orchoninschriften und der südlichen Litteratursprache näher stand als dem Uigurischen, verfasst hat, so zeigt andererseits und die Orthographie der Herater Handschrift, dass dieses Werk später für den Gebrauch der Uiguren umgearbeitet worden ist» (см.: *Кутадгу билик*, изд. Радлова, II, стр. 555).

[101] См. его слова о якутах (*Alttürkische Studien*. V, S. 451), о телеутах (*Aus Sibirien*, Bd I, S. 334), о таранчинцах (ibid., Bd II, S. 345).

[102] *Ungleichheit*, S. 53.

[103] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 285, 371.

[104] Ibid., S. 241—244.

[105] С. Патканов, *О приросте населения*, стр. 62.

[106] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 245.

[107] С. Патканов, *О приросте населения*, стр. 61.

Средней Азии — киргиз-казаков, кара-киргизов, каракалпаков и туркмен — Радлов имел возможность ознакомиться с первыми двумя [108] (впоследствии им и его учениками были приняты меры для изучения двух других). О влиянии ислама на киргизов говорится, что мусульманство подняло народ на более высокую ступень культуры, что проявляется во всем его образе жизни и образе мыслей. «Больший порядок в одежде и устройстве жилища, опрятность, более упорядоченные семейные отношения, более развитое этическое сознание — всем этим киргизы, безусловно, обязаны влиянию мусульманской религии» [109]. Не только в степи, но и в одной из культурных местностей принятие ислама, по словам Радлова, принесло несомненную пользу населению; «только исламу илийские татары обязаны тем, что так мало пострадали от влияния китайцев и других жителей, тогда как калмыки и даурцы подверглись влиянию господствующего племени (китайцев) в значительной степени» [110]. С другой стороны, Радловым отмечается в киргизской степи разлагающее влияние мусульманской религиозной пропаганды на народное творчество (исследователь не прибавляет, что в других странах на произведениях народной словесности столь же гибельно отражалось распространение христианства или буддизма). Создаваемые и распространяемые исламом литературные произведения действуют как «медленный яд»; под их влиянием грамотная часть населения становится совершенно чуждой духу своего народа [111]. Еще в более резких словах говорится о влиянии мусульманской образованности на оседлое население Туркестана. По словам Радлова, «как ни бесспорно, в общей форме, положение, что умственные занятия развивают ум и укрепляют силу суждения», в Средней Азии мы видим обратное: «здравое суждение и некоторую остроту ума можно найти только у людей совершенно необразованных». Необразованный киргиз «владеет своим языком с таким искусством, подобное которому мы встречаем в Европе только у французов и русских». Речь каракалпаков, туркмен и сельских узбеков долины Зеравшана «уже более неуклюжа», чем речь «необразованного кочевника»; но самые беспомощные и скучные собеседники — представители образованных классов городского населения [112]. Прогресс для населения Туркестана казался Радлову возможным только при том условии, чтобы принесенная русскими европейская культура оказала поддержку «народному турецкому» течению против «мусульманского персидско-арабского»: «теперь, когда дух народности еще сохраняет в степи свою силу, это не трудно, но помощь нужна быстрая» [113].

---

[108] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 406.
[109] Ibid., S. 470.
[110] Ibid., Bd II, S. 341.
[111] Ibid., Bd I, S. 497.
[112] Ibid., Bd II, S. 469.
[113] Ibid., S. 471.

Радлову не было суждено действовать в этом направлении в киргизской степи; в других местностях ему пришлось убедиться на собственном опыте, что распространение среди инородцев европейской культуры на их языке встречает препятствие не только со стороны представителей мусульманского фанатизма и косности. Уже в Алтае Радлов тщетно старался доказать миссионерам, что вместо основания русских школ следовало бы стремиться к сохранению крещеными туземцами их национальности, так как только через их посредство можно оказать влияние на некрещеных [114]. Радлову удалось отчасти осуществить свои идеи, когда он был назначен (в 1872 г.) инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа [115]. До некоторой степени для него подготовили почву, хотя и совершенно с иными целями, миссионеры Казанской школы, именно Ильминский [116] и приверженцы его системы. Задумав издать для туземцев серию общепонятных пособий и учебников по предметам европейской образованности, Радлов сначала хотел привлечь к этому делу образованных мусульман, но убедился, что под влиянием усвоенного ими искусственного письменного языка они не в состоянии написать хотя бы небольшой рассказ на народном наречии. Тогда он обратился к учителям из крещеных татар, совершенно не знавшим письменного языка, поручил им написать нужные книжки русскими буквами, и в таком виде текст был продиктован шакирдам (ученикам медресе) [117]. Деятельность Радлова в Казани встретила противодействие с разных сторон: миссионерские круги не сочувствовали идее европеизации школьного преподавания без религиозной пропаганды; мусульмане-староверы видели в той же реформе опасность для своей религии; наконец, многим из деятелей министерства народного просвещения казалось, что создание для туземцев популярно-научной литературы на их языке будет содействовать укреплению национально-культурного сепаратизма, что представлялось более опасным, чем укрепление средневековой по духу и потому враждебной современной культуре мусульманской образованности [118]. Тем не менее цель отчасти была достигнута. Изданная Радловым еще в 1872 г. татарская книга для чтения под названием «Билик» ('Знание') имела большое влияние на татарскую прогрессивную литературу и ее язык. Автор вышедшей в 1912 г. (на татарском языке) «Истории татарской изящной литературы» Джемаль ад-дин Валидов называет «Билик» Радлова, наравне с изданным еще в 1859 г. в Казани «Диваном татарских рассказов» Куклашова (препода-

---

[114] Ibid., Bd I, S. 325.

[115] Об этом периоде деятельности В. В. Радлова см. статью Л. Я. Штернберга (*Из жизни Радлова*, стр. XVIII и сл.).

[116] О системе и деятельности Ильминского см.: Чичерина, *Просвещение*, стр. 592 и сл.

[117] Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*, S. 437 sq.

[118] Такие мнения пишущему эти строки пришлось слышать на Волге и Урале (в 1913 г.) от лиц, занимавших очень высокое служебное положение.

вателя Оренбургского кадетского корпуса), «дедом» татарской изящной и учебной литературы.

Еще более отрицательно, чем к среднеазиатской образованности, относился Радлов к среднеазиатской государственности. По его мнению, «разбойничьи кочевые народы», прекратившие культурную связь Туркестана с Персией, были причиной застоя или, вернее, регресса, сказывающегося здесь гораздо сильнее, чем в Китае. Фанатизм дошел до такой крайности, что считалось преступлением, если иноверец осмеливался ступить на священную почву; благочестивое воодушевление было вытеснено лицемерием и самообманом; были утрачены всякие устои нравственности; под личиной строгого правоверия скрывались своекорыстие, безнравственность, ложь и обман. Жители продолжали прилежно заниматься земледелием и ремеслами, но только в тех пределах, в каких это было необходимо для самой страны. Между отдельными ханствами (Кокандом, Бухарой и Хивой) происходили постоянные войны; различные племена правоверных беспрерывно грабили друг друга. Мирные отношения между Россией и такими государственными образованиями казались Радлову совершенно невозможными. От завоевания Туркестана Радлов не ожидал для России никаких экономических выгод; по его мнению, лучше было бы отказаться даже от киргизской степи, если только это вообще было возможно [119]. Но в уничтожении «исконных очагов фанатизма и деспотизма» Радлов видел большую заслугу России перед цивилизованным миром: «для Англии могло бы быть только выгодно, если бы Россия когда-нибудь сделалась ее соседкой в Афганистане» [120]. Радлов считал существенной ошибкой русской политики, что Россия не оказала поддержки Китаю во время восстания его мусульманских подданных: «к несчастью, русская торговля с западным Китаем была прервана мусульманским восстанием. Беспристрастному наблюдателю совершенно непонятно то равнодушие, с которым отнеслись к этому нарушению торговых интересов русские пограничные власти. Спокойно дали образоваться здесь у границы вместо столь выгодного для спокойствия наших границ китайского господства во всех отношениях враждебному нам мусульманскому государству, стремление которого с самого начала было направлено к тому, чтобы привлечь на свою сторону своих мусульманских соседей, живших на русской территории. Равнодушно смотрели, как уничтожалось богатство страны, представлявшей столь выгодное место сбыта для русской торговли. Как можно было предвидеть [121], враждебное течение в мусульманском Кульджинском

[119] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 416 sq.

[120] Ibid., S. 486.

[121] В 1869 г., за два года до Кульджинского похода, Радлов писал в своем отчете Географическому обществу: «Если исчезнет надежда на восстановление китайской власти, то мы, безусловно, будем вынуждены занять долину Или до реки Каш, так как Тянь-Шань представляет по крайней мере естественную границу» (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 119).

государстве наконец все-таки заставило русское правительство временно занять страну; но с благоразумной осторожностью правительство сознало свою прежнюю ошибку и возвратило долину Или китайцам. Единственными выгодными для России соседями в Азии издавна являются китайцы» [122].

Во всем этом было, конечно, много правды. Некоторая односторонность замечаний Радлова объясняется частью теми условиями, при которых ему пришлось знакомиться с бытом оседлого населения Туркестана, частью обычным для путешественника слишком решительным перенесением картин современной жизни в прошлое и будущее. Радлов посетил долину Зеравшана в 1868 г., тотчас после взятия Самарканда; военные обстоятельства, по его собственным словам, не позволяли ему удаляться хотя бы на несколько верст от армии или отдельных отрядов [123]. Не могло быть речи ни о записывании текстов, ни вообще о лингвистических исследованиях. В своей «Фонетике» Радлов называет туркестанские, или так называемые «джагатайские», диалекты, в том числе «диалект узбеков долины Зеравшана», фонетически неисследованными [124]. Даже географические названия турецкого происхождения иногда передаются Радловым неправильно.

Радловым дано крайне неточное определение самого термина «сарты»: «оседлое турецкое население долины Чу и городов Токмака, Мерке, Аулие-Ата, Чимкента и Ташкента и часть турецких жителей Ходжента, Джизака [125], Ура-Тюбе и Замина» [126]; таким образом, в число местностей, где живут сарты, не включена Фергана, где это народное название особенно распространено. Столь же неверно мнение Радлова, что в Хиве сарты говорят по-персидски. О подробном ознакомлении с народною жизнью при тех условиях, при которых путешествовал Радлов, не могло быть речи, чем объясняется и резко отрицательный характер его отзыва о жителях Туркестана. Радлов невольно подтвердил этим сказанное им самим по поводу различных мнений об алтайцах: отрицательные стороны бросаются в глаза каждому путешественнику, даже при самом поверхностном ознакомлении с народом; хорошие качества узнаешь только при более продол-

---

[122] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 237.

[123] Ibid., S. 419.

[124] Radloff, *Phonetik*, S. 290. На стр. 12 Радлов говорит, что исследовал только один среднеазиатский диалект, таранчинский, но убедился, что другие от него по вокализации мало отличаются. Из сказанного на стр. 122 о согласных видно, что сообщения Радлова о среднеазиатских диалектах основаны на наблюдениях Вамбери, производившего свои исследования, как известно, при еще менее благоприятных условиях.

[125] В другом месте (Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 465) сказано, что Джизак населен почти исключительно таджиками. По переписи 1897 г., в Джизаке было 15 710 жителей, из которых на сартском языке говорили 14 701 человек, на таджикском — всего 14 (в уезде — 4829). См.: Вирский, *Самаркандская область*, стр. 320 и сл.

[126] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 224; idem, *Phonetik*, S. XXXVI sq.

жительной совместной жизни. Даже при описании кочевых киргиз-казаков и кара-киргизов Радлов упоминает о значении искусственного орошения; при описании долины Или оросительные системы описываются им более подробно; он проникся уважением к трудолюбию и познаниям земледельцев-китайцев [127], отмечает также тот тяжелый труд и те лишения, с которыми связана жизнь земледельца-таранчинца, и видит в этом одну из причин, способствовавших укреплению сил этого небольшого народа [128]. Еще большее восхищение вызвал в нем вид орошенных пашен Зеравшанской долины; по его замечанию, там использована последняя капля воды и нельзя основать даже ничтожнейшее новое поселение, не причинив вреда прежним жителям [129]; благодетельное влияние воды, обращающей степь в рай, дает себя чувствовать так, как нигде в другом месте [130]. Тем не менее Радлов, слишком поддаваясь внешнему впечатлению, говорит о «флегматичности и лени» земледельцев-узбеков [131]. Радлову не было известно, что самые крупные оросительные работы в Туркестанском крае были произведены хивинскими и кокандскими ханами XIX в., что политическими смутами XVIII в. Туркестан был приведен в состояние полного разорения и только укрепление ханской власти, при всех ее отрицательных сторонах, дало ему возможность снова подняться до того уровня благосостояния и культуры, на котором его застали русские завоеватели. Слова Радлова о целесообразности возвращения Кульджи китайцам находятся в некотором противоречии с его собственным отзывом о недостатках китайского управления, о полном расстройстве путей сообщения и т. п.[132].

В 1862 г., за год до начала восстания в Илийском крае, Радлов писал: «Горе маньчжурам, если ненависть к ним когда-нибудь окажется сильнее, чем ненависть племен друг к другу; если соединятся хотя бы два племени, то господство маньчжуров навсегда будет уничтожено» [133]. Несмотря на отсутствие у китайцев религиозного фанатизма, восстановление китайского господства в Кульдже крайне печально отразилось на русских культурных начинаниях; впоследствии одному из русских исследователей пришлось рассказывать, как «присланные из Пекина фанатически настроенные войска нашли нужным смести даже следы русской культуры в крае» [134]. Труднее было предвидеть в 60-х и даже в 80-х годах, что европейский империализм, конечно против своей воли, будет способствовать насаждению империализма в Китае, как прежде в Японии, и что в печати будут появляться статьи о Китае «реформаторском и воинственном» [135].

[127] Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, S. 306.
[128] Ibid., S. 343.
[129] Ibid., S. 423.
[130] Ibid., S. 430.
[131] Ibid., S. 473.
[132] Ibid., S. 308.
[133] Ibid., S. 327.
[134] Велецкий, *Приилийский Кульджинский край*, стр. 151.
[135] D'Ollone, *A propos de Chine*; ⟨ср.: d'Ollone, *La Chine*⟩.

Изменившиеся обстоятельства вызвали полный разрыв с теми традициями русской политики в Азии, которые отстаивались Радловым; при решении монгольского вопроса мы вместо прежнего стремления установить непосредственное соседство между Россией и Китаем видим стремление русского правительства создать между русскими и китайскими пределами так называемое «буферное» государство.

V

Слишком быстро и категорично решая спорные вопросы, не всегда считаясь с недостаточностью материала, Радлов никогда не требовал преклонения перед своими выводами, охотно выслушивал даже резкие возражения и не раз открыто признавался в своих ошибках [136]. В посвященном ему академическом некрологе Радлов назван основателем турецкой филологии [137]; сам Радлов в предисловии к своему главному лингвистическому труду называет этот труд продолжением работы Бётлингка о якутском языке, проложившей, по его словам, путь для грамматического изучения турецких языков. Один из трудов последнего периода своей жизни, перевод *Кутадгу билик*, он закончил признанием, что этот труд получил бы несколько иной вид, если бы к печатанию его было приступлено позже, но в таком случае он вследствие преклонности лет автора не был бы доведен до конца. «Я не мог работать иначе, — прибавляет Радлов, — за свою долгую жизнь я был свидетелем зарождения и развития новой науки, туркологии, и по мере сил способствовал ее успехам. Поэтому мои работы не могут давать ничего иного, как только отдельные строительные камни для возведения здания этой науки, чтобы помочь другим продолжать разработку туркологии» [138]. В действительности Радловым уже по количеству приведенного им в известность материала впервые была создана почва для изучения не только турецких наречий, но и турецких народностей вообще. Исключительные научные заслуги Радлова, создавшего новую отрасль языкознания и обогатившего этнографическую науку огромным количеством материала, были вполне признаны его современниками; редко кто из ученых, в особенности из ориенталистов, достигал такой славы и удостаивался такого числа научных отличий.

Только в последние годы своей жизни Радлову пришлось испытать на себе отрицательные стороны долголетия. Условия, при которых создавались его труды, стали забываться; среди народившегося, в значительной степени благодаря этим трудам, нового поколения ученых неизбежные недостатки работ пионера науки обращали на себя больше внимания, чем

---

[136] См. его слова в 1909 г.: «Ich selbst habe mich stets nur als einen Arbeiter betrachtet, der die Wahrheit sucht und leider oft auf einen falschen Weg gerathen ist» (Radloff, *Chuastuanit*, S. 48).

[137] Ольденбург, *В. В. Радлов*, стр. 1235.

[138] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, II, стр. 560.

их достоинства. Исследования Радлова, даже составленные в первые годы его деятельности, далеко еще не успели устареть; к тому же их автор продолжал деятельно работать до последнего дня своей жизни и уже потому не мог подвергнуться обыкновенной участи пережившего свою славу ученого — забвению. Но вместо прежнего, почти единодушного одобрения его труды стали подвергаться критике, далеко не всегда справедливой: предметом резких нападок были не только вновь выходившие работы Радлова, но даже труды, выпущенные в свет полвека тому назад, при совершенно ином состоянии науки и уровне ее требований. Нельзя не признать заслуженной отповедь, данную одному из таких критиков покойным К. Г. Залеманом: «Где были бы теперь постепенно появляющиеся туркологи, если бы Радлов в свое время не пошел смело вперед? Неужели критик думает, что отдает долг благодарности неутомимому изыскателю, когда, идя по следам проложившего дорогу, с насмешливым злорадством бросает ему вслед камни, о которые когда-то спотыкались нащупывавшие почву ноги? Мы все знаем, что люди, призвание которых было содействовать развитию молодой науки посредством тягостных изысканий в далеких диких странах, редко имели возможность оставаться в постоянном общении с научной жизнью у себя на родине. У них вырабатывается особый, самодержавный метод исследования, к которому нельзя подходить с той же меркой, как к работам обыкновенных смертных. Те могут спокойно сидеть дома и черпать свою мудрость из словарей, грамматик и текстов, составленных или записанных учеными первого типа» [139].

Теперь, после смерти В. В. Радлова, его память едва ли нуждается в защите от каких бы то ни было нападок. Оставленное им научное наследие говорит само за себя, хотя это наследие далеко не ограничивается печатными трудами и нелегко поддается обзору. Радлову не было суждено сделаться преподавателем высшей школы; но по его темпераменту для него составляло еще более непреодолимую потребность влиять на молодое поколение живым словом и быть организатором коллективной работы, чем быть автором специальных научных исследований. Молодые ученые, обращавшиеся к Радлову за руководством и советом, всегда находили с его стороны радушный прием; нередко он предупреждал их просьбы, по собственной инициативе предлагая им читать с ними тот или иной текст или обсуждать те или иные научные вопросы. Резкие нападки против его трудов не вызывали в Радлове враждебного чувства к авторам; насколько было возможно, он старался заменить полемику, признававшуюся им более вредной, чем полезной, для успехов науки, совместной работой, при которой ученые до появления своих работ в печати могли бы обмениваться взглядами и делиться материалами. Создание благоприятных условий для ученых работ было одной из главных целей деятельности Радлова в Академии наук;

[139] Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus*, S. 950. ‹Речь идет о В. Банге, см. также выше, стр. 617 и прим. 92. — *А. К.*›

едва ли не самой крупной заслугой его в этом направлении следует признать расширение и полную реорганизацию академического Музея антропологии и этнографии. Радлов в 1894 г. принял в свое ведение музей, состоявший из двух тесно заполненных зал, имевших только одного ученого хранителя [140], и оставил академии богатое собрание разнообразных этнографических коллекций, вверенных попечению специалистов. Надо надеяться, что созданный стараниями Радлова музей сделается ядром будущего русского государственного музея этнографии, который займет подобающее место среди больших музеев Европы, и что образовавшийся при музее в память Радлова, под именем «Радловских вечеров», научный кружок сумеет использовать богатое наследие, оставленное Радловым этнографической науке [141].

[140] Штернберг и др., *Музей Антропологии и Этнографии*, стр. 30 и сл.

[141] ‹По инициативе В. В. Бартольда при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого АН был учрежден «Радловский кружок» (1918—1930 гг.), имевший «целью, — как сказано в § 1 Положения (о кружке), — способствование развитию тех научных дисциплин, которым была главным образом посвящена деятельность академика В. В. Радлова», т. е. филологии, этнографии и истории тюркских народностей. — *А. К.*›

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО [1]

4/17 января 1918 г. скончался наш сочлен, профессор Валентин Алексеевич Жуковский, долголетний участник работ нашего отделения, прочитавший в нем свой первый доклад в январе 1887 г., свой последний доклад — в феврале 1917 г.

Имя покойного В. А. Жуковского навсегда останется в русской науке как имя первого русского специалиста по изучению мусульманской Персии.

Специализация установилась в востоковедении позже, чем в других отраслях научной мысли, в области изучения мусульманского мира — позже, чем в других отраслях востоковедения. В России специализация сверх того затрудняется малочисленностью русских научных и вообще культурных сил. Одним и тем же ученым приходилось и приходится обращаться от одних научных материалов к другим, часто также от вопросов чистой науки к вопросам, связанным с политическими и экономическими интересами России.

Покойный В. А. с первых лет своей деятельности наметил себе круг задач, которому оставался верен до конца жизни. В. А. не вполне сочувствовал той специализации, сторонниками которой теперь являются большинство представителей факультета восточных языков, именно специализации по трем главным отраслям филологической науки — лингвистики, филологии в тесном смысле и истории. Самому В. А. приходилось работать во всех трех областях, и в каждой из них его труды были крупным шагом вперед в науке. Но среди его печатных работ нет ни одной, которая не была бы посвящена Ирану, притом Ирану мусульманскому, если не в современных, то в средневековых его границах; нет также ни одной статьи по политическим или экономическим вопросам.

В семье русских востоковедов покойный занимал особое место еще в другом отношении. В отличие от русских работ по изучению Дальнего Востока русские работы по изучению мусульманского мира всегда тесно примыкали к работам западноевропейских ученых; исключение не пред-

[1] Читано в заседании Восточного отделения ⟨РАО⟩ 12/25 апреля 1918 г. ⟨О В. А. Жуковском (1858—1918) см.: ИИН, № 10748—10758; Бушев, *Жизнь и деятельность В. А. Жуковского*; см. еще ОИРВ, V (сборник, посвященный памяти В. А. Жуковского). — *А. К.*⟩

ставляли даже работы профессора азиатского происхождения Казем-Бека, с первых лет своей деятельности сделавшегося членом западноевропейских ученых обществ и издавшего многие из своих трудов на западноевропейских языках, английском и французском. Как ученик барона Розена, В. А. прошел на факультете восточных языков вполне европейскую научную школу и вполне овладел европейскими научными методами, но до конца думал и писал только по-русски. Западноевропейскими языками он владел настолько, насколько было необходимо для изучения научной литературы, но не говорил ни на одном языке, кроме русского и персидского, и не совершил ни одного путешествия в Западную Европу. В работах В. А. нет следа широкого, независимого от специальности, европейского образования, нет признаков подробного ознакомления с западноевропейской изящной литературой, хотя бы в лице ее классических писателей.

В связи с этим, может быть, находится факт, что В. А. во всех областях, в которых ему приходилось работать, довольствовался деятельностью собирателя материалов, предоставляя более широко образованным специалистам, лингвистам, филологам, этнографам, историкам и другим, определить место этих материалов среди других и их значение как памятников культурной жизни человечества [2]. Отношение В. А. к собиравшимся им материалам, однако, не было безразличным; во всех его работах чувствуется влияние вполне определенной идеи. Как переводчик и исследователь памятников литературы, изящной и народной, и в особенности как исследователь религиозных верований, В. А. проявлял тонкий художественный вкус, глубокое понимание основных свойств человеческой души и человеческой мысли. Преобладание в душевной жизни самого В. А. русских элементов над западноевропейскими придает этим качествам его работ особенную цену в глазах русского. Кроме индивидуальных качеств В. А. здесь могло отразиться его происхождение из местности, давшей России Кольцова и Никитина.

В. А. кончил курс по факультету восточных языков в 1880 г. На студенческой скамье им было представлено сочинение по турецкой словесности, удостоенное факультетом, на основании отзыва представителя кафедры [3], золотой медали. Предложенная факультетом задача заключалась в извлечении из *Кунх ал-ахбар*, сочинения османского автора XVI в. Али Челеби, или Али-эфенди, известий о славянах, причем эти известия должны были быть сопоставлены с известиями других османских источников и переведены на русский язык с примечаниями. В отзыве отмечены достоинства труда молодого автора, «меткость и категори-

[2] Ср., например, труды Жуковского *Материалы*, стр. XIX (о «задаче», которая «по силам настоящему иранисту») и стр. 247; также *Персидские версии*, стр. 178, о «специалистах, занимающихся сравнительным изучением странствующих рассказов и повестей».

[3] Отзыв напечатан в *Протоколах заседаний совета*, № 21, стр. 175 и сл.

ческая точность» его суждений, его начитанность в европейской литературе по славянской истории, обширность его примечаний, иногда приобретавших характер монографий по поводу затронутых в них вопросов, и в особенности достоинства перевода, в котором точность передачи текста соединялась с «безукоризненной правильностью» и даже «изяществом русской речи». Студенческий труд В. А. не был напечатан, и к трудам по османской литературе он более не возвращался. Ссылки на произведения славянских литератур встречаются в трудах В. А. довольно часто; вообще как русская литература, так и славянская были изучены им подробнее, чем большинством неспециалистов. В этом смысле его студенческая работа не осталась, по-видимому, без влияния на его деятельность как ученого.

Первой печатной работой В. А. была вышедшая в 1883 г. магистерская диссертация «Али Аухадэддин Энвери [4]. Материалы для его биографии и характеристики». На этом труде и на других работах В. А. по персидской литературе я не буду останавливаться, так как о них будет речь в другом докладе [5].

Впоследствии В. А. интересовался преимущественно мистической поэзией, притом более ради выраженных в ней религиозных идей, чем как памятником изящной литературы. В. А. имел в виду посвятить особую монографию «гератскому старцу» Абдаллаху Ансари, мистику XI в., песни которого были изданы и переведены им в сборнике «Восточные заметки» [6]; но это намерение не было исполнено. Не вышло в свет также обещанное [7] В. А-чем исследование о произведениях Баба-Тахира хамаданского, которому В. А. раньше посвятил небольшую статью в «Записках» [8]. По отношению к другим мистическим поэтам В. А. довольствовался ролью издателя и переводчика. Так, им была издана и переведена «Песнь Насири-Хосрова» как лучшее и самое «простое выражение мыслей персидского пантеизма». Вопрос о личности и деятельности поэта ка-

---

[4] Произношение «Энвери», принятое, однако, не одним В. А-чем (ср. в его диссертации, стр. II, ссылку на рукопись Азиатского музея; впоследствии Е. Ферте также писал «Enveri»), вызвало возражения в рецензии К. Г. Залемана ⟨ЖМНП, ч. 230, отд. II, стр. 160—176⟩. Сам В. А. впоследствии писал «Анвери» (например: Жуковский, *Омар Хайам*, стр. 343, 351, 357).

[5] ⟨Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия.*⟩

[6] Жуковский, *Песни Хератского Старца*; о монографии стр. 113. В бумагах В. А. сохранился черновик относящегося к 1895 г. письма на имя Э. Брауна (на персидском языке). Посылая экземпляр книги, В. А. просил внести две поправки на стр. 100 наверху, именно читать بکی خواهیم вместо یکی خواهیم и ڭوبد کردم вместо ڭوبد ڭردم, соответственно, конечно, должен быть исправлен перевод на стр. 101. В печати эти поправки, насколько мне известно, не были приведены. ⟨Об архивных материалах В. А. Жуковского см. теперь: Борщевский, *К характеристике рукописного наследия. — Н. Т.*⟩

[7] Ср. *Годичные отчеты СПб. ун-та за 1904 г.*, стр. 120, и за 1905 г., стр. 79.

[8] Жуковский, *Кое-что о Баба-Тахире.*

зался В. А-чу уже достаточно выясненным трудами западноевропейских ориенталистов; впоследствии, однако, Э. Брауну удалось извлечь из дивана поэта еще несколько интересных исторических и географических фактов [9]. В последнее время своей жизни В. А. работал над давно задуманным им [10] изданием и переводом дивана Баба-Кухи и в день смерти остановился на стихе: «Доколе ты, подобно ослу, будешь пребывать в этой вонючей луже мира? Подобно Иисусу, стремись вверх».

Из всех работ В. А. кроме его диссертаций, магистерской и в особенности докторской, о которой будет речь ниже, наибольшую известность в Западной Европе получила его статья об Омаре Хайяме, поэте, пользующемся, как известно, широкой популярностью в Англии и Америке, хотя обширная литература о знаменитых «четверостишиях» не имеет никакого отношения к изучению персидской поэзии и вообще персидской литературы. В. А. еще в феврале 1895 г. в актовой речи, произнесенной в С.-Петербургском университете [11], высказал свое убеждение, что «Омар Хайам в том виде, в каком он доступен большому кругу читателей, не одно лицо, а несколько», так как одни и те же четверостишия приписываются то Хайяму, то другим поэтам более ранней или более поздней эпохи [12]. Этот взгляд был подробно обоснован В. А. в статье, напечатанной в 1897 г. в «Сборнике статей учеников барона Розена» [13] и почти тотчас же переведенной на английский язык [14]. Английский издатель четверостиший Омара Хайяма, Уинфилд, полагал, что из четверостиший Омара до 500 должны быть признаны несомненно подлинными; В. А. доказал, что число «странствующих», т. е. приписываемых разным авторам, четверостиший гораздо значительнее и вопрос о подлинности может быть поставлен по отношению к каждому четверостишию в отдельности, вследствие чего приходится отказаться от попытки дать характеристику творчества Омара как индивидуального поэта. Мнение В. А. было принято наукой; Этэ в «Grundriss» еще не успел воспользоваться работой В. А. и повторяет мнение Уинфилда [15], но Браун доказывает, что число «странствующих» четверостиший еще более значительно, чем полагал В. А.; по мнению Брауна, несомненным остается факт, что Омар Хайям сочинял четверостишия, но ни о каком отдельном четверостишии, кроме немногих исключительных случаев, нельзя утверждать, что его сочинил именно Омар Хайям [16]. Из ученых, писавших по этому вопросу после В. А., только

---

[9] Browne, *A Literary history*, vol. II, p. 220.

[10] Ср.: ЗВОРАО, т. XV, стр. XVII.

[11] Жуковский, *Человек и познание.*

[12] Там же, стр. 101.

[13] Жуковский, *Омар Хайам.*

[14] Ross, *Al-Muzaffariyé.*

[15] Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 276 («etwa 500 authentische Nummern»).

[16] Browne, *A Literary history*, vol. II, p. 257. Неясно, какие «few exceptional cases» имеются в виду.

Кристенсен [17] выдвинул новый принцип и считал возможным признать если не доказанной, то более или менее вероятной подлинность 14 четверостиший: 12, в которых названо имя Хайяма как автора, и двух, на которые ссылается автор XIII в. Неджм ад-дин Рази [18].

Среди «странствующих» четверостиший действительно нет ни одного, в котором было бы названо имя Хайяма как автора; но, как указывает сам Кристенсен, одно из приписываемых Хайяму четверостиший передается также, в другой редакции, от имени поэта Афдаля Кеши, так что факт упоминания имени поэта не является вполне достоверной гарантией подлинности. В. А. вместо этого положительного критерия предложил только отрицательный, ненадежность которого, конечно, сознавалась и им самим. Наибольший процент странствующих четверостиший падает на четверостишия эпикурейского содержания, наименьший — на четверостишия, проникнутые мистицизмом, философскими рассуждениями, свободомыслием и мусульманским вольнодумством; следовательно, больше всего сомнений возбуждают эпикурейские черты Омара, и с наибольшей уверенностью можно говорить о нем как о враге официального ислама, мистике в духе Газали и поборнике греческой философии в духе Авиценны [19].

Для выяснения личности Омара Хайяма существовал, конечно, еще другой путь: собрать и критически рассмотреть биографические сведения о поэте. В. А. вступил и на этот путь, но не достиг вполне надежных результатов, так как в его распоряжении не было рассказов современников, видевших Омара Хайяма и говоривших с ним. Впоследствии такие рассказы были извлечены Брауном из *Чахар макала* Низами Арузи [20] и немецкими учеными Якобом и Видеманом [21] из *Татимма Сиван ал-хикма* Абу-л-Хасана Бейхаки. Якоб и Видеман располагали всем материалом об Омаре Хайяме, но не воспользовались биографией Абу-л-Хасана Бейхаки в 5-м томе *Иршад ал-арīб* Якута, в то время уже изданном, и потому, как и Браун, не могли вполне оценить смысл рассказа Бейхаки о своей встрече с Омаром Хайямом в 507 г., когда Омар предложил

---

[17] *Recherches*. Рецензия К. Юара в JA, sér. 10, t. V, pp. 179—183. Диссертация Кристенсена вышла на датском языке еще в 1903 г., см.: Hartmann, WZKM, Bd XVII, S. 366—374.

[18] Christensen, *Recherches*, pp. 32—35.

[19] Кристенсен (*Recherches*, p. 10) не понял доводов В. А.; М. Хартман (WZKM, Bd XVII, S. 367) приписал В. А-чу приблизительно обратное тому, что им говорится в действительности: «dass sich aus dem Prozentsatze gewisser Gruppen der „Wandergedichte", die als sicheres Material anzusehen seien, ein Schluss auf die Persönlichkeit des Dichters ziehen lasse».

[20] Привлечено Брауном еще в 1899 г. (Browne, *Yet more Light on Umar-i-Khayyām*). Ср. текст Низами Арузи: *Чахар макала*, изд. Казвини, стр. 62 и сл.; пер. Брауна, p. 806 (отд. отт., стр. 100 и сл.).

[21] Jacob — Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm*. О соответствующем сочинении: Якут, *Иршад*, V, 212; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 324.

ему несколько вопросов по грамматике, по поводу одного из стихов «Хамасы», и по геометрии и удивился его ответам [22]. Бейхаки родился в 499 г.[23], в 507 г. ему, следовательно, было всего 8 лет. Омар, по словам Бейхаки, был известен своим «дурным нравом», т. е. суровостью и неучтивостью; но знаменитый ученый, экзаменующий пришедшего к нему по поручению отца восьмилетнего мальчика, — картина, свидетельствующая скорее о напускной, чем о действительной суровости. Тот же Бейхаки противополагает суровости Омара Хайяма приветливый нрав его современника, астронома Асфизари (или Исфизари); оба ученых, однако, по-видимому, были связаны тесной дружбой, как видно из рассказа Низами Арузи об их совместном приезде в Балх в 506 г., когда их видел Низами Арузи. Омар Хайям, несмотря на свою суровость, внушал горячую любовь своим ученикам, как видно из рассказа Низами Арузи о слезах, пролитых им в Нишапуре над могилой Хайяма, своего несравненного учителя. Рассказами Бейхаки вполне подтверждается мнение В. А. об Омаре Хайяме как поклоннике Авиценны; но суфием в обычном тогда смысле Омар Хайям не был и в своем вольнодумстве, несомненно, шел гораздо дальше, чем такие суфии, как Газали и его последователи. Последний, как враг философии Авиценны, не сочувствовал и Омару Хайяму [24]. Все эти черты создают довольно цельный образ, и едва ли кто-нибудь сумел бы воспроизвести его перед нами лучше В. А., если бы он тогда располагал необходимыми источниками.

Во время своего трехлетнего (1883—1886) пребывания в Персии В. А. собрал обширный научный материал, главным образом по изучению живых наречий, народных верований и народной литературы. Собранные В. А. лингвистические материалы предполагалось, как известно [25], издать в пяти томах, из которых при жизни автора вышел только один, напечатанный еще в 1888 г. и доставивший автору степень доктора [26]. Эта работа и другие лингвистические труды В. А. будут предметом особого доклада, почему я не буду их касаться. В кругу научных интересов В. А. лингвистические вопросы, по-видимому, не занимали большого места; довольствуясь изданием части своих лингвистических материалов, он не делал никаких попыток привлечь к ним внимание хотя бы ориенталистов; среди докладов, сделанных им в нашем отделении, нет ни одного лингвистического.

---

[22] В статье В. А. (*Омар Хайам*) этот рассказ приводится из сочинения XV в., где дана неверная дата — 505 г.

[23] Якут, *Иршад*, V, 208.

[24] Ср. рассказ о беседе между ними в ⟨статье⟩ Jacob — Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm*; в статье В. А. Жуковского (*Омар Хайам*, стр. 328 и 330) тот же рассказ приводится по *Нузхат ал-арвах* Шахразури.

[25] Бартольд, *К. Г. Залеман*, стр. 250; ⟨выше, стр. 610—611⟩.

[26] Жуковский, *Материалы*.

Почти столь же кратковременный характер имели занятия В. А. в области истории и археологии, давшие столь же ценный результат для науки. В 80-х годах, после войны с туркменами, в состав России вошла часть исторического Ирана с развалинами одного из главных центров иранской и вообще домонгольской мусульманской культуры, Мерва. В. А. в 1890 г. совершил туда поездку на средства Археологической комиссии; результатом этой поездки был доклад в нашем отделении, прочитанный в ноябре того же года [27], и книга о «Развалинах Старого Мерва», вышедшая в 1894 г.[28]. Археологическое общество, на основании отзыва барона В. Г. Тизенгаузена, в 1896 г. удостоило этот труд большой золотой медали [29]. Кроме подробного описания городищ и построек, из которых самая замечательная — гробница султана Санджара (XII в.), В. А. дал нам очерк исторических сведений о Мерве; благодаря этому он имел возможность установить происхождение отдельных городищ, и в этом отношении выводы труда В. А. не могли быть поколеблены. Если некоторые из главных вопросов, связанных с исторической топографией Мерва, например вопрос о направлении каналов, орошавших площадь города, остались невыясненными, то это объясняется основной методологической ошибкой, которую впоследствии признавал сам В. А.: исторический материал был собран и изучен им не до осмотра развалин, а после. Несмотря на свои высокие достоинства и на более чем сочувственные отзывы специалистов, книга о Мерве не получила в научном мире такой известности [30], как лингвистический труд В. А., отчасти потому, что историей мусульманского Ирана до сих пор еще мало интересуются, отчасти, может быть, вследствие слабого вообще распространения изданий Археологической комиссии.

После исследования развалин Мерва В. А. летом того же, 1890 г. совершил из Закаспийской области поездку в Хорасан, для осмотра Мешхеда и Туса. Результатом этой поездки была статья о могиле Фирдауси [31], которой, между прочим, воспользовался Т. Нёльдеке в своем известном исследовании о персидском национальном эпосе [32]. Среди работ В. А. нет исследований, которые были бы посвящены эпической литературе, кроме юмористических пародий на эпос [33] и переделки эпоса под влиянием религиозных тенденций [34]; но из отдельных замечаний видно, как высоко он ценил творчество Фирдауси, его эпос и в особенности его «чу-

[27] ЗВОРАО, т. V, стр. X.

[28] ⟨См. библиографию в конце тома.⟩

[29] Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI, стр. 327.

[30] Ср.: Бартольд, *К истории Мерва.*

[31] Жуковский, *Могила Фирдоуси.*

[32] Nöldeke, *Das iranische Nationalepos*, S. 210.

[33] Жуковский, *Образчик персидского юмора*; его же, *Юмор.* Существование этого рода литературы тогда считалось неизвестным; ср. теперь: Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 266 (о пародиях).

[34] Жуковский, *Мусульманство Рустема Дастановича.*

деснейшую»[35] сатиру против султана Махмуда. Статья о могиле Фирдауси полна горьких слов по поводу неуважения персидского народа к памяти своего великого певца.

Условия, при которых был погребен Фирдауси, в статье не вполне были выяснены. Тот же недоступный тогда источник, из которого впоследствии были извлечены ценные сведения об Омаре Хайяме, *Чахар маḳала* Низами Арузи, дал также ценные сведения о месте погребения Фирдауси; из его рассказа мы узнаем, что певцу языческих богатырей не хотели дать места на общем мусульманском кладбище и он был похоронен в принадлежавшем ему саду[36]. Еще не вполне выяснена в научной литературе личность великого национального поэта, на старости лет отрекавшегося от своего произведения и старавшегося загладить свои грехи поэмой на благочестивую, заимствованную из Корана тему, но этим не примирившего с собой своих противников и после смерти лишенного могилы среди своих единоверцев. И в этом случае приходится пожалеть, что не В. А-чу, который мог бы выполнить эту задачу лучше всякого другого, было суждено воспроизвести перед нами этот трагический образ.

В. А. еще раз совершил поездку с археологической целью в Закаспийскую область в 1896 г., также на средства Археологической комиссии. Предметом исследования на этот раз были развалины городов Неса с его окрестностями, Абиверда и Мейхене. Предполагалось и в этом случае издать описание развалин вместе со сводом историко-географических данных[37], но это намерение не было выполнено, и В. А. после этого до конца жизни уже не возвращался ни к историческим, ни к археологическим вопросам[38].

Главным предметом занятий В. А. со времени его первого путешествия в Персию до конца жизни была религиозная жизнь персидского народа в прошлом и настоящем, но и в этом отношении опубликованное им в печати составляет только часть задуманного, отчасти даже обещанного. Одной из главных сект Персии, «Людям истины», был посвящен его первый доклад в нашем отделении[39]; доклад был напечатан во 2-м томе «Записок»[40], и по отзыву Н. Я. Марра[41], должен быть признан «редким по содержательности источником» для дальнейших работ в этой области. Шаг вперед в изучении этого вопроса был, однако, сделан русской наукой только почти через четверть века после статьи В. А., когда в 1911 г.

---

[35] Выражение В. А. в ⟨работе⟩ *Толкование притчи*, стр. 263.

[36] *Чахар маḳала*, изд. Казвини, текст, стр. 51; частичный пер. Брауна, отд. отт., стр. 84; Nöldeke, *Das iranische Nationalepos*, S. 157.

[37] Отчет ИАК 1896 г., стр. 105.

[38] Исключение представляют только примечания В. А. к статье А. А. Семенова *Надписи на портале*.

[39] ЗВОРАО, т. II, стр. II.

[40] Жуковский, *Секта «Людей истины»*.

[41] *Барон В. Р. Розен и христианский Восток*, стр. 12, прим. 1.

В. Ф. Минорский опубликовал тексты, собирание которых было начато им еще в 1902 г., всецело под влиянием работы В. А., из которой он только и узнал о существовании сектантов [42].

Из других докладов В. А. два [43] были посвящены бабидам и истории их изучения, один, прочитанный в ноябре 1896 г.[44] и прослушанный, как я помню, с живейшим интересом, но, к сожалению, ненапечатанный, дал необыкновенно яркий, художественно очерченный образ одного из главных хорасанских суфиев XI в. — шейха Абу Са'ида Мейхенейского. В. А. впоследствии издал текст двух биографий Абу Са'ида [45] и нескольких толкований на его четверостишия [46], но не дал нам характеристики личности знаменитого суфия [47]. Ненапечатанными (за исключением краткого резюме в протоколах) остались также доклад о современных дервишах Персии, по личным беседам с ними, прочитанный в ноябре 1899 г.[48], по возвращении В. А. из его последней поездки в Персию, и доклад об одном из важнейших источников для истории суфизма *Кашф ал-махджӯб* Джуллаби, прочитанный в январе 1906 г., причем докладчик обещал «в самом непродолжительном времени» издать текст этого источника [49]. Обещание осталось невыполненным; сочинение Джуллаби сделалось доступным для исследователей в 1911 г. благодаря сокращенному английскому переводу Р. А. Никольсона [50]. В. А. воспользовался сочинением Джуллаби еще в 1895 г. при составлении своей актовой речи [51] «Человек и познание у персидских мистиков», интересной попытки установить основные начала учения суфиев по древнейшим литературным памятникам персидского суфизма [52], почти не затрагивавшимся прежними

---

[42] Минорский, *Материалы*, стр. VII.

[43] Октябрь 1891 г. (ЗВОРАО, т. VI, стр. IX; статья: *Недавние казни бабидов*) и декабрь 1913 г. (ЗВОРАО, т. XXII, стр. XXI; статья: *Российский консул Ф. А. Бакулин*).

[44] ЗВОРАО, т. X, стр. XX.

[45] *Тайны единения* и *Жизнь и речи*.

[46] Одно вошло в книгу *Тайны единения*, другие — в статью *К истории старца*.

[47] Ср. попытку такой характеристики, главным образом по изданиям В. А., в брошюре Семенова *Мусульманский мистик*.

[48] ЗВОРАО, т. XII, стр. XXIII.

[49] ЗВОРАО, т. XVII, стр. XXIII.

[50] *Кашф ал-махджӯб*, пер. Никольсона. В бумагах покойного В. А. сохранились некоторые критические замечания по поводу этого перевода. ⟨Посмертная публикация была подготовлена А. А. Ромаскевичем в 1926 г.; см. библиографию: *Кашф ал-махджӯб*, изд. Жуковского. — *Н. Т.*⟩

[51] О ней см. выше, стр. 692.

[52] В. А. в 1895 г. считал необходимым, чтобы «в основу суждения» о суфизме были положены «труды, в известной системе без символов и аллегорий излагающие воззрения суфиев». Ср. противоположное мнение Г. Якоба, высказанное в 1914 г. (Jacob, *Vorwort*), что мистика «konnte ihren klassische Ausdruck nur bei den Dichtern, nicht in Lehrsystemen finden». Г. Якоб едва ли прав; как ни переиначивались основы суфизма в трудах мусульманских теоретиков, старавшихся примирить его с правове-

исследователями; по замечанию В. А., его европейские предшественники по изучению суфизма основывались всецело на сравнительно поздних, не ранее XIII в., памятниках. В. А. сознательно отказывался в своей речи от решения вопроса о происхождении суфизма и его составных частей, от сравнительной оценки влияния «встречных идей запада и востока», т. е. Передней Азии с Грецией и Индии. Кроме приведенного в речи факта, что еще не исследованы имеющиеся на персидском и арабском языках первоисточники по суфийской догматике, В. А-ча, может быть, удерживало также соображение, что для решения таких вопросов необходимо подробно ознакомиться с религией и философией всего древнего мира, западного и восточного, вследствие чего эта задача не может быть выполнена специалистом по изучению одной страны и одной литературы. Но если В. А. по характеру своей научной подготовки не мог бы дать нам исчерпывающее исследование о суфизме как религиозно-философской системе, то едва ли кто-нибудь мог бы дать более яркую картину жизни и деятельности отдельных суфиев и их влияния на народные массы, чем В. А., с его чутким пониманием человеческой души вообще и религиозных потребностей в особенности. Тем труднее примириться с тем, что так много из обещанного В. А. в этой области осталось невыполненным [53].

Кроме религиозных верований В. А. интересовался и другими сторонами духовной жизни персидского народа, как она выражалась в его песнях и вообще в популярной литературе. В нашем отделении им был сделан в 1888 г. доклад о персидских колыбельных песнях [54], напечатанный потом в ЖМНП [55], в Этнографическом отделении Русского географического общества в феврале 1889 г. — доклад «Персидская свадьба в песнях» [56], оставшийся ненапечатанным. Несколько докладов и статей были посвящены так называемым «странствующим сюжетам» мировой литературы, поскольку они отразились в литературе персов [57]. Научная ценность этих работ, и в особенности изданного В. А. в 1902 г. сбор-

рием, все же эти труды дают нам более ясное представление о первоначальных, домусульманских источниках мусульманской мистики, чем стихи поэтов.

[53] Из бумаг В. А. видно, что им подготовлялось к изданию и переводу сочинение еще другого мистика XI в., *Нур ал-ʿулум* Абу-л-Хасана Харакани (об этом труде: Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 274).

[54] ЗВОРАО, т. III, стр. 11.

[55] Жуковский, *Колыбельные песни.*

[56] См. краткое изложение содержания доклада в ИИРГО, т. XXV, вып. III, 1889, Приложения (Действия общества), стр. 28—29. Соответствующий материал потом вошел в ⟨его⟩ *Образцы* (ср. там стр. 119, прим.).

[57] В январе 1890 г. о Шемякином Суде (ЗВОРАО, т. V, стр. I; статья ⟨*Персидские версии*⟩ там же, стр. 157—178); в апреле 1892 г. о повести *Джумджума-наме* (ЗВОРАО, т. VII, стр. IV; статья ⟨*Легенда об Иисусе*⟩ там же, стр. 63—72); в марте 1906 г. о персидском изводе «Варлаама и Иоасафа» (ЗВОРАО, т. XVII, стр. XXXI). В. А. не говорил в печати, что им уже летом 1897 г. был приготовлен полный перевод персидского «Варлаама и Иоасафа». См. еще ⟨его⟩ статью *Соловей и муравей.*

ника «Образцов персидского народного творчества», удостоенного, на основании отзыва С. Ф. Ольденбурга [58], большой золотой медали Русского географического общества, будет выяснена в особом докладе. И в этом случае В. А. выполнил не все, что им было намечено; между прочим, не появился в свет предположенный им к изданию сборник персидских романсов из коллекции Ханыкова, находящейся в Публичной библиотеке [59].

Особое место занимают доклады В. А. о персидской популярной литературе, связанной с современной политической жизнью страны. Сюда относятся доклады: о «Персидском базарном стихотворстве на современные темы» (1893 г.) [60], о «Последних днях шаха Насир-ад-дина» (1901 г.) [61], о «Чертах современного положения Персии в ее литературных произведениях» (1903 г.) [62]. Дорожа своими связями в Персии, в том числе и в официальных кругах [63], В. А. не мог в то время отдать в печать собранный им материал, обработанный им в докладах с такой же любовью и таким же умением, как другие материалы по народной литературе персов. В памяти, может быть, не одного слушателя докладов сохранились красноречивые слова, приписанные убийце шаха Насир ад-дина и обращенные к персидским вельможам: «Насир-ад-дин был старым гнилым деревом; теперь в ваших руках молодой росток, шах Музаффар; берегите его и не давайте ему расти криво, иначе и для него найдется такой же топор, каким был я для Насир-ад-дина» [64].

После 1902 г. произошел продолжительный перерыв в научной деятельности В. А., насколько эта деятельность проявлялась в печатных трудах. С 1903 до 1916 г. включительно В. А. не выпустил в свет ни од-

[58] Напечатан в *Отчете Имп. РГО за 1902 г.*, ч. I, прилож., стр. 045—048.

[59] В бумагах В. А. сохранилась часть этой работы (переписанный текст и перевод).

[60] ЗВОРАО, т. VIII, стр. IV.

[61] ЗВОРАО, т. XIV, стр. VII.

[62] ЗВОРАО, т. XVI, стр. XVI. Заметки для доклада и персидские брошюры, служившие для него источником, сохранились в бумагах В. А. ‹Об архивных материалах В. А. Жуковского см. выше, стр. 691, прим. 6.›

[63] Заслуги перед наукой одного из деятелей официальной Персии, Сани‘ ад-даула, или И‘тимад ас-салтана, были предметом одной из статей В. А. в ЗВОРАО ‹Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан*›, ср. также отзыв о труде *Матла‘ аш-шамс* (Жуковский, *Название сектантов*). Об этом уместно вспомнить теперь ввиду появившихся в татарском журнале «Шӯрā» (1918, № 23—24) сетований на русских ориенталистов, будто бы не желающих знать восточных ученых; автор ссылается на слова сотрудника ЗВОРАО А. З. Валидова, рассказавшего ему, что такой специалист по Персии, как В. А., не знал о существовании Джемал ад-дина Афгани. В действительности Джемал ад-дин был хорошо известен русским мусульманистам и во время пребывания в Петербурге в 1888 г. посетил одно из заседаний нашего отделения (ЗВОРАО, т. III, стр. III).

[64] В бумагах В. А. сохранился текст и перевод труда Али-хана Каджарского о последнем времени Насир ад-дина и начале царствования Музаффара; из этого труда преимущественно был извлечен материал для доклада. ‹Издание труда Али-хана см.: ОИРВ, сб. V, 1960, стр. 63—114. — *Н. Т.*›

ной статьи; с 1909 до 1912 г. включительно не читал и докладов в отделении. Несомненно, что В. А-чем в это время готовились к печати и даже печатались некоторые работы, но никакие сведения о них не доходили до ученого мира; с 1907 до 1916 г. включительно В. А. не давал о себе и своих работах никаких сведений даже в университетских отчетах. В истории русского востоковедения это продолжительное молчание лучшего знатока одной из стран мусульманского мира, вероятно, будет признано одним из самых печальных фактов. Мы не будем входить в рассмотрение причин этого факта. В. А., конечно, не охладел к предмету своих исследований, но возможно, что в нем, несмотря на сочувственные отзывы специальной критики, под влиянием равнодушия общества к трудам русских востоковедов несколько ослабело желание обращаться к читателям.

Необходимо отметить также факт уклонения В. А. от всякой печатной полемики, даже от составления отзывов о чужих трудах. Несомненно, что В. А. никогда не переставал внимательно следить за литературой по своей специальности; его молчание вызывалось иными мотивами, ближе всего, по всей вероятности, соответствующими девизу современного арабского писателя, с которым нас недавно познакомил И. Ю. Крачковский [65]: «Скажи слово свое и иди». Как бы мы ни были расположены сочувствовать этому девизу, едва ли состояние русской науки дает право русскому ученому им руководствоваться.

В первые годы своей деятельности В. А., по-видимому, смотрел на этот вопрос так же, как другие русские ориенталисты. Низкий уровень культурности русского общества, в особенности низкий уровень познаний о Востоке, побуждал русских ориенталистов на страницах своих периодических изданий давать отзывы о таких книгах, которые на Западе вообще не были бы удостоены внимания научной печати. Несколько таких рецензий наряду с отзывами о серьезных научных трудах поместил на страницах «Записок» нашего отделения и В. А., но все напечатанные им рецензии помещены в небольшом числе томов, от 2-го до 7-го; издания, о которых давал отзыв В. А., все относятся к четырехлетнему периоду 1887—1891 гг. В. А. после 1891 г. ничем не отзывался даже на появление научных трудов, близко касавшихся предметов его специальных занятий; им не было дано отзыва ни об «Истории персидской литературы» Э. Брауна, ни об английском переводе *Кашф ал-махджӯб*, ни о «Материалах для изучения персидской секты „Люди истины“» В. Ф. Минорского. В последние годы им только в редких случаях делались в заседаниях отделения доклады о вновь вышедших трудах или вновь опубликованных материалах; сюда относятся прочитанный в феврале 1913 г. доклад о путешествии d'Allemagne «Du Khorasan au pays des Bakhtiaris», причем обещание дать печатный отзыв об этом труде [66] не было исполнено, и про-

[65] *Амин Рейхани.*

[66] ЗВОРАО, т. XXII, стр. IV—V.

читанное в октябре 1914 г. сообщение «Рассказ современника о Халладже» [67]. При жизни такого знатока Персии и литературы о ней, как В. А., никто другой из членов нашего отделения не решился бы взять на себя обязанности знакомить читателей с новыми трудами в этой области; поэтому отдел критики и библиографии в «Записках» отделения, не удовлетворявший и в других отношениях тем требованиям, которые могли бы быть предъявлены к нему русской наукой, не давал почти никаких сведений о трудах, посвящавшихся после 1891 г. Ирану.

В мою задачу не входит дать полную оценку деятельности В. А., которой, конечно, будет принадлежать видное место в истории русской науки, хотя ее итоги, как и итоги деятельности большинства других русских ученых, по крайней мере в количественном отношении, далеко не соответствуют тому, чего можно было ожидать по ее блестящему началу [68]. Не касаюсь вопроса, насколько это явление в данном частном случае связано с общими условиями русской жизни и насколько оно должно быть объяснено условиями личной жизни и личными свойствами нашего покойного сочлена. Не касаюсь малоизвестной мне деятельности покойного в учебном отделении восточных языков, во главе которого он стоял с 1906 г., и вообще в министерстве иностранных дел. Не буду вдаваться в оценку заслуг покойного как университетского преподавателя и участника жизни факультета восточных языков, в котором он десять лет был секретарем (1892—1902) и девять лет деканом (1902—1911). Лично я имел счастье слушать лекции В. А. в первые годы его деятельности, когда он приступал к своей задаче со свежими силами и надеждами и еще не подвергался действию того разочарования, о котором он впоследствии, как всем известно, не раз говорил в кругу товарищей. Не могу не вспомнить с благодарностью о В. А. как внимательном и строгом официальном оппоненте, каким ему пришлось выступить на моем диспуте, в первый и в последний раз за всю свою продолжительную преподавательскую деятельность. Как дороги были В. А-чу интересы факультета, с каким знанием дела и любовью он принимал участие в обсуждении волновавших факультет вопросов, об этом едва ли есть надобность говорить. Известно, что В. А-чем было составлено от имени всех учеников барона Розена обращение к их общему учителю, в котором они называют себя «неразрывно связанными», благодаря барону Розену, «с университетом и наукой». Памятна мне также речь покойного в факультете после переизбрания его деканом в 1905 г., в которой он назвал себя в полном смысле слова воспитанником факультета, «воспитанником не только своих учителей, но и своих учеников». Ограничиваюсь приведением этих подлинных слов покойного, наглядно показывающих, как тесно он считал себя связанным со своими старшими и младшими товарищами; совершенно не ка-

[67] Там же, стр. XXXVI.

[68] ⟨Перечень изданных работ Жуковского см.: Ромаскевич, *Список трудов*. — *Н. Т.*⟩

саюсь вопроса, каких учеников В. А. прежде всего имел в виду, в чем особенно ярко выразилось его согласие с ними и в чем он, наоборот, особенно в последние годы своей жизни, с ними расходился. Каковы бы ни были эти разногласия и чем бы они ни были вызваны, В. А. сохранил до конца любовь к русской культуре, к русскому востоковедению и к своей собственной научной специальности. Не буду останавливаться на том, что особенно влекло к В. А. всех имевших с ним дело: на той душевной теплоте, которая не только проявилась в его печатных трудах, но постоянно чувствовалась в его отношениях к людям, старшим и младшим, несмотря на кажущуюся суровость. Помимо изучения прошлого Персии, составлявшего главный предмет его личных занятий, В. А. призывал своих учеников, работавших в Персии, к изучению современной жизни этой страны. Что этот призыв не всегда оставался без отклика, лучше всего показал доклад В. А. о «Чертах современного положения Персии в ее литературных произведениях», прочитанный в нашем отделении в ноябре 1903 г. на основании материала, присланного В. А-чу из Персии его учениками и друзьями. В этом докладе В. А. говорил о политическом моменте, переживавшемся тогда Персией, о памятниках народной литературы, в которых отражалось политическое движение и которые и до сих пор остаются совершенно неиспользованными [69]; в выражениях, полных достоинства и в то же время скромности, В. А. упоминал о заслугах своих учеников в деле собирания ценного для будущего историка материала и выражал надежду, что этому примеру последуют будущие поколения воспитанников факультета. Позволяю себе привести из бумаг В. А-ча эту заключительную часть доклада, в которой ярко отразилась личность покойного профессора: «Как изволят видеть члены Отделения, памятники ценные; к сожалению, для обработки и опубликования их не настало еще время; важно лелеять добрососедские отношения с Персией. Предстоит теперь копить малое; оно, по словам Сa'ди, образует поток и многое и сослужит большую службу будущему историку Персии за время конца XIX и начала XX столетия. Картины не новые: взяточничество, полный произвол разнузданного правительства, прогрессирующий в зависимости от ступени, на которой находится народный вопль от тягостей. Картины, известные всем, непосредственно соприкасавшимся с Персией или читавшим путешествия, но не персидским периодическим изданиям, выбрасываемым на персидский рынок. Тут все благополучно: справедливость шаха, изобилие плодов земных, времена мира и благополучия и молитвы — можно подумать, что в раю. Картины не новы — ново (и то относительно) отражение в литературных произведениях, шире или у́же рисующих действительность, отвечающих на самые разнообразные запросы и злобы дня. Литература трех родов:

[69] О них упоминается ни в книге Э. Брауна *The Persian revolution*, ни в русской работе М. А⟨рдатова⟩ *Последнее политическое движение в Персии.*

устная, в списках по рукам в разных местах и выходящая из-под литографского станка (что совершенно ново) — добыть ее так же трудно, как археологический памятник, зарытый в земле. Нужно сидеть на месте, следить и уметь добывать. Если мне на далеком от Персии севере выпало счастье получить этот ценный материал, образованный маленькой горстью из моих бывших учеников по университету и лиц, связанных со мною узами дружбы по моим поездкам в Персию, которые при сложных служебных обязанностях находили время и охоту не порывать в моем лице связи с университетом и отчасти по собственному почину, отчасти по моим указаниям и покорнейшей просьбе, по крохам, собирать ценный материал — Власова, Батюшкова, Барановского и Гирса я считаю долгом с благодарностью вспомнить: они, собственно, являются докладчиками, а я только راوی, передатчик. Нужно пожелать, чтобы горсть эта разрасталась и нашла себе подражателей в нарастающем поколении слушателей восточного факультета» 〈. . .〉

ПАМЯТИ Р. ДОЗИ
1820—1920

21 февраля исполнилось сто лет со дня рождения великого голландского ориенталиста Рейнгарта Дози, хорошо известного России, принадлежавшего в последние годы своей жизни (1878—1883) к числу членов-корреспондентов нашей Академии наук.

Внешними фактами жизнь Дози [1] беднее, чем жизнь большинства других ориенталистов. Он не только не совершал никаких путешествий по мусульманским странам, не исключая и страны, бывшей предметом его главных исторических работ, — Испании [2], но вообще редко покидал пределы своей родины. Годы учения он провел в своем родном Лейдене, которому посвятил и всю свою преподавательскую деятельность; его биографы говорят только о двух совершенных им путешествиях — свадебном путешествии в Германию в 1844 г. и путешествии в Англию в 1845 г. Дози знал большое число европейских языков, печатал труды кроме своего родного голландского языка на языках французском, немецком и латинском, писал, кроме того, по-английски, по-испански и по-португальски, читал еще в последние годы по-итальянски, после своего назначения профессором истории усвоил, насколько нужно было для изучения источников, языки датский, шведский и исландский, предполагая читать курс по истории норманнов в различных европейских странах. Дози придавал большое значение форме изложения и потому в общем отдавал предпочтение французским книгам перед немецкими, хотя, по замечанию его ученика и биографа де Гуе [3], когда ему приходилось пользоваться чужими трудами для своих собственных работ, труды немецких ученых вновь получали в его глазах некоторое преимущество. Он находился в переписке с несколькими французскими учеными;

[1] Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. II, pp. 42—65; de Goeje, *Biographie de R. Dozy*. Де Гуе во многих местах пользуется книгой Дюга; по его словам, вошедшая в эту книгу биография Дози «там, где говорится о фактах, обладает всем авторитетом автобиографии». Ср. еще: Крымский, *История мусульманства*, стр. IV и сл.

[2] Поэтому он по историко-географическим вопросам не решается вступать в спор с Симонэ, который «a examiné les localités les textes arabes en main», тогда как сам Дози располагал только неполными и неудовлетворительными картами, хотя и лучшими из существовавших (Dozy, *Recherches*, t. I, p. 326).

[3] *Biographie de R. Dozy*, p. 41.

несмотря, однако, на знание языка и любовь к французской литературе, он ни разу в жизни не был во Франции.

Арабский язык Дози начал изучать еще в гимназии, по предложению и под руководством директора Гельдера; интерес к Востоку был связан в нем с интересом к средним векам и «романтизму», как его понимали тогда в Германии [4]. В Лейденском университете, куда он поступил в 1837 г., он продолжал свои занятия в области востоковедения под руководством проф. Вейерса, идеального преподавателя и превосходного филолога, хотя именно потому, что почти все свое время он посвящал преподавательским обязанностям, оставившего только небольшое число собственных работ [5] (к тому же он прожил всего 38 лет). Помимо слушания университетских лекций Дози брал у Вейерса частные уроки; до педантизма строгое отношение учителя к требованиям филологической науки оказало благотворное влияние на ученика, в котором, по словам его биографов, была некоторая наклонность к дилетантизму. Помимо арабского языка он занимался еврейским и сирийским. При чтении текстов им составлялись заметки словарного характера, по образцу работ Катрмера; этими заметками он воспользовался для ответа на тему, предложенную в 1841 г. на премию, по инициативе Вейерса, Голландским королевским институтом: «Об одеждах арабов обоего пола в разное время и в разных странах». Премия в 1843 г. была присуждена Дози; его труд был напечатан в 1845 г.; за ним последовал ряд других работ лексикографического характера, из которых главная, обширное «Дополнение к арабским словарям» («Supplément aux dictionaires arabes»), законченная только в 1881 г., остается до сих пор незаменимым пособием для всех арабистов.

Также еще в студенческие годы и также под влиянием его учителя определилась для Дози другая научная задача, выполнение которой было потом главным делом его жизни, — изучение истории испанских арабов. Читая со своими слушателями арабские исторические тексты, Вейерс отдавал предпочтение испанским историкам. Дози при этом ознакомился, сначала в немецком переводе, с трудом Конде по истории Испании, вышедшим в свет в год рождения Дози и считавшимся в то время авторитетным руководством. Слава Конде впоследствии была совершенно разрушена Дози, доказавшим, что Конде крайне небрежно и даже недобросовестно пользовался своими источниками, что он «с беспримерным бесстыдством подделывал даты сотнями, выдумывал факты тысячами, все время делая вид, будто дает точный перевод арабских текстов» [6]. Поле-

[4] Dugat, *Histoire des orientalistes*, t. II, p. 45.

[5] Дози в своей диссертации часто (*Dissertatio*, p. I, 2, 4, 8 и мн. др.) ссылается на тексты, изданные и объясненные Вейерсом в его трудах (Weyers, *Specimen*; idem, *Commentarii*); ссылки на *Commentarii* встречаются также в ⟨работе⟩ Dozy, *Recherches* (t. II, p. 413).

[6] Dozy, *Recherches*, t. I, p. XII (где воспроизведен отрывок из предисловия к 1-му изданию, 1849 г.); ⟨ср.: Conde, *Historia*⟩.

мические выражения Дози по адресу Конде впоследствии казались некоторым из его читателей и критиков слишком резкими. Нельзя, однако, не признать, что Дози в своих отзывах о чужих трудах всегда был гораздо более щедр на похвалы, чем на слова порицания, всегда был готов отдавать справедливость достоинствам даже таких книг [7], общее направление которых не внушало ему сочувствия, и неохотно, только под влиянием очевидности, убеждался в том, что книга не обладает никакими достоинствами. Труд Конде не был в этом отношении исключением. Еще в 1846 г., во введении к своим «Аббадидам», Дози писал о недостатках труда Конде в несравненно более мягких выражениях, чем в 1849 г.[8]. Дози вначале был склонен объяснять несообразности книги Конде ошибками немецкого переводчика и в 1841 г. принялся за изучение испанского языка, чтобы читать книгу в подлиннике. Об этом времени впоследствии вспоминал сам Дози как о начале своих исследований в данной области; в 1861 г., в предисловии к своему классическому труду, он писал, что занимается историей испанских мусульман уже двадцать лет.

Может показаться странным, что Дози предметом своего специального изучения избрал историю страны, которая из всех мусульманских стран должна была быть ему, по крайней мере в некоторых отношениях, наименее симпатичной. Дози жил в эпоху ожесточенной борьбы между либералами и клерикалами в Голландии; его симпатии были всецело на стороне либеральной партии, остававшейся в меньшинстве до переворота 1848 г., и потому он только после этого переворота мог занять кафедру в Лейденском университете. Ректорскую речь, составленную им в 1869 г. на латинском языке, Дози посвятил вопросу о причинах «упадка культуры и образования у мусульман по сравнению с христианами». Главную причину он видел в победе в мусульманском мире вечного врага всякого прогресса — клерикального засилья. Указывая на этот факт как на предостережение для других народов, оратор призывал Лейденский университет стоять на страже свободы научного исследования, чтобы история могла отметить заслуги в этом отношении университета даже в случае окончательной победы темных сил, мощь которых, по мнению оратора, за последние годы перед тем, видимо, увеличилась [9]. Этот несколько односторонний и примитивный взгляд на ход исторического процесса напоминает известные заключительные слова «Путешествия по Сирии и Египту» Вольнея, который тоже видел в упадке Востока,

---

[7] Сюда принадлежит книга: Muir, *The Life of Mahomet*, к которой относятся слова Дози (*Essai*, p. 123; ср.: Крымский, *История мусульманства*, стр. 160). Это не помешало Дози в другом месте назвать некоторые соображения Мьюра «полными проницательности» (*Essai*, p. 94; Крымский, *История мусульманства*, стр. 78).

[8] Dozy, *Abbadides*, vol. I, p. 1: «Pro suo enim tempore multa praestitit Condeus, at tam parum criticam secutus est rationem, tam multa commisit menda, ut complura posteris facienda relinqueret».

[9] De Goeje, *Biographie de R. Dozy*, p. 34.

под влиянием победы деспотизма, предостережение для европейских народов [10]. Эти взгляды отражались и на научных трудах Дози, иногда в ущерб правильному и всестороннему освещению фактов. Дози считает возможным говорить о «клерикализме» в мусульманских странах, даже о мусульманских «священниках», несмотря на отсутствие у мусульман рукоположенного духовенства и организованной иерархии. Победа правоверия была в его глазах всегда победой нетерпимости, хотя как в Византии, при императорах-иконоборцах, так и в халифате, при халифах-мутазилитах, торжество антиклерикализма, предъявлявшего свои требования от имени знания, сопровождалось еще бо́льшим насилием над совестью людей, чем торжество правоверия. Нисколько не считаясь с историческими фактами, Дози говорит о торжестве правоверия при халифе Мутеваккиле в выражениях, не вполне достойных специалиста-ученого и более напоминающих так называемые «общие места» публицистической литературы. Первые девять аббасидских халифов «в своем ослеплении» не поняли той истины, что деспоту кроме солдат нужны священники, десятый, Мутеваккиль, понял это и потому перешел на сторону правоверия. Правда [11], в тех случаях, когда Дози писал о событиях, хорошо изученных им по первоисточникам, беспристрастие историка одерживало верх над односторонним антиклерикализмом. В одной из своих последних по времени статей, «Le faux Turpin», вошедшей только в 3-е издание его этюдов, он брал под свою защиту двух пап [12]; по этому поводу его друг, пишет Симонэ, даже выражал надежду, что Дози суждено войти в лоно единой истинной церкви [13].

Испания была, в глазах Дози, классической страной господства религии и ее представителей как после победы христианства, так и в мусульманский период. Сравнительному свободомыслию мусульманского Востока противополагается фанатизм западных областей, Африки и Испании, причем испанцы, по замечанию Дози, слепой ревностью к учению Мухаммеда превзошли даже берберов. Убеждение, что клерикализм всегда и везде убивает всякую культурную жизнь, привело Дози к явно несправедливому обобщению, что Испания во все времена была самой отсталой страной в Европе [14]. Обобщение не соответствовало бы фактам и в том случае, если бы мы ограничились сопоставлением христианской Испании с остальной христианской Европой, мусульманской — с остальной

[10] «Leur exemple peut nous servir de leçon. . . l'imprudence ou le crime de ceux qui gouvernent trouve son châtiment dans le malheur même de ceux qui sont gouvernés» (Volney, *Voyage en Syrie*).

[11] Dozy, *Essai*, p. 247.

[12] Dozy, *Recherches*, t. II, p. 372 sq. и особенно p. 396 («discussion de la date seule, à laquelle l'honneur d'un pape est interessé»), p. 414 («Légèreté incroyable» и «infâmes calomnies»), p. 420 (о заслугах папы Каликста II), p. 426 и сл. (о подложном письме папы Иннокентия II).

[13] De Goeje, *Biographie de R. Dozy*, p. 41.

[14] Dozy, *Essai*, p. 345: «Ç'a de tout temps été le pays le plus retardé de l'Europe».

ными областями мусульманского мира; сверх того, слова Дози в такой форме находятся в противоречии с фактами, установленными им самим, что в связи с общим в то время культурным превосходством мусульманских стран над христианскими нигде в средневековой Европе не писали так много, как в мусульманской Испании, где почти все умели читать и писать, тогда как в остальной Европе самые знатные люди, за исключением духовных лиц, были неграмотны [15]; нигде не стоял так высоко уровень исторической науки [16], ни один христианский летописец не написал такого ясного и точного очерка истории какого-нибудь мусульманского государства, как составленный Ибн Халдуном очерк истории испанских христиан и их соседей [17].

Из области истории мусульманской Испании Дози избрал себе тему для докторской диссертации, причем эта тема, история династии Аббадидов [18], также была указана ему Вейерсом, по-видимому понимавшим, что этот эпизод более всего соответствует вкусам и симпатиям его ученика [19].

И впоследствии, когда Дози расширил свою задачу и сделал предметом своих исследований историю мусульманской Испании в целом, он с особенной любовью останавливался на жизни небольших андалусских дворов конца XI в., жизни, полной поэтических грез, где предавались утонченным культурным удовольствиям, «не думая ни о вчерашнем, ни о завтрашнем дне». Все это, по замечанию Дози, было слишком хорошо для того, чтобы долго продолжаться, и не могло устоять в борьбе с суровой действительностью, выразителями которой были варвары, чуждые культуры, но сохранявшие давно утраченную андалусскими городами воинскую доблесть, — христианские короли Кастилии и африканские Алморавиды [20]. Завоевание Андалусии Алморавидами было торжеством клерикализма и варварства [21]. Представители павших династий воспевали

---

[15] Dozy, *Histoire*, t. III, p. 109; idem, *Geschichte*, Bd II, S. 69.

[16] Dozy, *Recherches*, t. I, p. X.

[17] Ibid., p. 90. Ср. также слова проф. Зейбольда (*ʿAbd al-Raḥmān*), что арабская Испания при Абд ар-Рахмане III и его преемниках была «das civilisierteste und bestverwaltete Land des ganzen Mittelalters».

[18] Дози хотел написать историю Аббадидов сначала на латинском, потом на французском языке; обзор истории Испании до XI в. первоначально должен был составлять введение к этому труду, но это введение разрослось до размеров четырехтомного труда, в котором история Аббадидов составляет только часть (Dozy, *Abbadides*, предисл. ко 2-му тому). Отрывком из предполагавшегося сочинения является, по-видимому, помещенный в конце 3-го тома «Аббадидов» рассказ о Румайкии.

[19] Вейерс и сам издавал и комментировал тексты по истории Аббадидов; ср. выше, стр. 705, прим. 5. Труд посвящен памяти Вейерса; в предисловии Дози выражает уверенность, что если бы труд вышел при жизни Вейерса и мог бы, как предполагалось, быть посвящен ему самому, то было бы устранено большое число ошибок.

[20] Dozy, *Recherches*, t. I, p. 265.

[21] Ср. особенно ibid., p. 348: «La civilisation céda la place à la barbarie, l'intelligence, à la superstition, la tolérance, au fanatisme».

свое несчастье в стихах, по поводу которых Дози писал: «Сердце разрывается, когда видишь, как эту благородную расу оскорбляли варвары и наглые выскочки, расу, сохранявшую даже в несчастии свое знание приличий и аристократические манеры и пользовавшуюся последними искрами своего гения, чтобы изливать свое горе в поэтических жалобах» [22].

Эти строки могут дать некоторое понятие как о главных достоинствах, так и о главных недостатках исторических работ Дози. Дози приступал к своей задаче с полным сознанием ответственных обязанностей историка, в смысле собирания и критического изучения материала. Редактор немецкого перевода главного труда Дози совершенно основательно считает главным достоинством этого труда наряду с «Kunst der Composition und Darstellung» также «Gründlichkeit des Quellenforschung». Связному изложению истории испанских мусульман до 1110 г., т. е. до взятия Алморавидами последнего города на Пиренейском полуострове, Сарагоссы, он предпослал ряд изданий текстов, переводов и критических этюдов; ко многим вопросам, затронутым в этих этюдах, он возвращался и после окончания «Истории испанских мусульман», вносил в свой труд поправки [23], дополнял серию прежних этюдов новыми. Бо́льшую часть источников ему пришлось изучать по рукописям; между прочим, еще Вейерсом была получена для Дози из Азиатского музея нашей академии рукопись сочинения автора начала XII в., Ибн Хакана. Совершенно разрушив авторитет своих предшественников, Дози дал будущим исследователям ряд проверенных фактов и дат, до сих пор мало поколебленных; так мало было сделано после Дози в смысле привлечения новых источников. Уже Дюга отметил, что главная задача будущих исследователей — изучение трудов историка XI в. Ибн Хайяна, одного — в 60-ти, другого — в 10-ти томах, из которых в Европе имеется, притом только в одном экземпляре, в Оксфорде, только один 3-й том второго сочинения, заключающий в себе историю эмира Абдаллаха (888—912). Ибн Хайяну придавал большое значение и Дози, называвший его величайшим историком арабской Испании [24], издавший ряд отрывков из сохранившегося тома и ряд цитат из трудов Ибн Хайяна, встречающихся у других историков. Дюга, по-видимому, предполагал, что более полный экземпляр труда Ибн Хайяна будет найден в африканских библиотеках, куда вообще, вследствие варварского обращения христианских завоевателей Андалусии с мусульманами и их литературой, приходится обращаться в поисках утраченных арабских источников [25]; но этот вопрос оставался невыяс-

[22] Ibid., p. 276.

[23] В предисловии к 3-му тому «Аббадидов», вышедшему в 1863 г., уже после «Истории испанских мусульман», Дози говорит о 1-м томе как о юношеском труде, смелости которого он сам удивляется, но в котором много ошибок, в том числе и таких, которых он теперь стыдится.

[24] Dozy, *Recherches*, t. I, p. 232.

[25] Об этом: Seybold, *Al-Andalus*, S. 367.

ненным и после. В первом томе «Истории арабской литературы» Брокельмана [26], вышедшем в свет через 15 лет после смерти Дози, все еще говорится (со ссылкой на статью, появившуюся еще в 50-х годах), что 60-томный труд Ибн Хайяна «soll sich in der grossen Moschee zu Tunis befinden» и что десятитомный труд находится «gleichfalls in Tunis». Брокельману осталось неизвестным, что предположение о существовании рукописи трудов Ибн Хайяна в Тунисе было опровергнуто еще в 1884 г.[27]; зато через несколько лет в Константине был открыт еще один том второго труда Ибн Хайяна; из оглавления этого тома видно, что в нем на 130 листах излагается история событий 970—975 гг.[28], которым в труде Дози посвящено всего несколько страниц [29].

В 1874 г. Дози воспользовался выходом в свет немецкого перевода «Истории испанских мусульман» [30], чтобы внести в свой труд некоторые дополнения и поправки, но их немного, и они касаются больше мелочей [31]. Без всяких изменений переведен список использованных источников; не указано, какие из источников, которыми Дози пользовался в рукописи, между 1861 и 1874 гг. были изданы [32], какие из прежних изданий текстов были заменены новыми, более критическими [33]. Без изменений вошла в немецкое издание также хронологическая таблица мусульманских князей XI в.; из приведенных там дат наиболее сомнительны, по-видимому, даты, относящиеся к династии Джахваридов [34].

После смерти Дози стараниями испанских и других ученых, в том числе одного русского [35], были полностью изданы некоторые памятники, преимущественно по культурной истории, из которых Дози перевел небольшие отрывки; были открыты и изданы некоторые новые источники,

---

[26] Brockelmann, GAL, Bd I, S. 338.

[27] Codera, *Manuscritos.*

[28] Codera, *Aben Hayyan.*

[29] Dozy, *Histoire*, t. III, pp. 124—131.

[30] Dozy, *Geschichte.*

[31] В тексте они не выделены, и, чтобы найти их, приходится сравнивать немецкий перевод с подлинником. Ср., например: Dozy, *Geschichte*, Bd I, S. 4, где Mobarrad 112 вм. Mobarrad 71, как Dozy, *Histoire*, t. I, p. 5; *Geschichte*, Bd I, S. 13, где прибавлено несколько ссылок против *Histoire*, t. I, p. 19; *Geschichte*, Bd II, S. 412, где прибавлено примечание против *Histoire*, t. I, p. 392, с поправкой к *Geschichte*, Bd I, S. 217, *Histoire*, t. I, p. 342; *Geschichte*, Bd II, S. 391, где вставлена фраза, которой нет в *Histoire* (t. IV, p. 260): «Nach einem glaubwürdigen Geographen (при этом ссылка на Идриси) erhoben die Almoraviden, wenigstens in ihrer Hauptstadt, Steuern von fast allen Waaren».

[32] Так как Дози (*Recherches*, t, I, p. 40) по поводу اخبار مجموعة упоминает о вышедшем в 1867 г. издании Lafuente (см. *Ахбар маджму'а*).

[33] Напр., издание Истахри (BGA, I).

[34] Ср. сопоставление дат Дози и Лэн-Пуля в статье Зейбольда (*Djahwar*). Зейбольд не говорит, который из двух списков заслуживает больше доверия.

[35] Ибн Хазм, *Тауқ ал-хамама*, изд. Петрова. <Теперь также и перевод М. Салье.> Переведенный Дози отрывок (*Histoire*, t. III, p. 344 sq.; *Geschichte*, Bd II, S. 212 sq.) соответствует стр. 102 и сл. издания Д. К. Петрова.

в том числе труд Ибн ал-Фаради, которому издатель Фр. Кодера отводит первое место в арабско-испанской биографической литературе [36]; но в общем факты и даты, установленные Дози, не были поколеблены. Более шаткими, судя по отзыву современного немецкого специалиста по истории мусульманской Испании проф. Зейбольда, были выводы Дози в области исторической географии. Несмотря на то что Дози включил в свои «Recherches» ряд этюдов [37] историко-географического характера, Зейбольд находит, что для географического изучения арабской Испании старания Дози прошли почти бесследно [38].

Из четырех томов «Истории испанских мусульман» только два последних посвящены всецело Испании и мусульманам. В первом томе в 9-ти главах (из 16-ти) говорится о событиях, происходивших в Передней Азии, в особенности о гражданской войне между арабскими племенами; первая глава второго тома посвящена Испании при римлянах и вестготах. Подражая французским историкам Мишле [39], Кине и в особенности Огюстену Тьерри (под влиянием трудов этого ученого Дози, по его собственным словам, стал представлять себе историю Востока совершенно иначе, чем прежде) [40], Дози стремился не столько к изложению и объяснению, сколько к яркому изображению хода исторической жизни, останавливаясь иногда и на мелких фактах, если они представлялись ему характерными для нравов данной эпохи.

При таком способе изложения существовала опасность, что цели художника получат перевес над целями ученого, и этой опасности Дози не сумел вполне избежать. Дози считал себя по призванию больше историком, чем ориенталистом-филологом, занимал в Лейденском университете кафедру всеобщей истории, читал лекции и печатал исследования по различным темам истории Европы в средние века и в новое время (среди них была и статья о России в XVII в.); он находил, что исполнение обязанностей, связанных с кафедрой всеобщей истории, создает более благоприятные условия для продолжения его трудов в области истории Востока, чем если бы ему пришлось обучать грамматике молодых студентов. Все это отчасти справедливо; тем не менее можно пожалеть о том, что историком-ориенталистом сделался общий историк французской, а не немецкой школы, для которого на первом месте стояло не научное объяснение исторической эволюции, но художественное изображение картин исторической жизни. В своей истории испанских мусульман

---

[36] Codera, *Manuscritos*, p. 10 и предисловие к изданию: Ибн ал-Фаради, изд. Кодеры, II.

[37] Об изучении географических вопросов говорится Дози (*Recherches*, t. I, p. 297) как об «études attrayantes et indispensables pour bien connaître l'histoire».

[38] Seybold, *Al-Andalus*.

[39] Ср. во 2-м томе *Histoire*, p. 26; *Geschichte*, Bd I, S. 263 цитату из Мишле о средневековых сочинениях против евреев.

[40] De Goeje, *Biographie de R. Dozy*, p. 22.

Дози создал ряд цельных и ярких образов, личных и коллективных [41], до сих пор производящих неотразимое впечатление на читателя, но эта цельность и яркость, несомненно, куплена ценой несколько одностороннего освещения материала и слишком широкого пользования такими рассказами, которые явно носят характер так называемых исторических анекдотов. Вопросов, на которые мы прежде всего ожидали бы ответа от историка-ориенталиста, являющегося в то же время общим историком, Дози почти не касается. В одном месте своих «Recherches» он приводит слова Истахри, по которым все города мусульманской Испании, кроме Альмерии, были наследием домусульманской эпохи; Истахри при этом обращает внимание на многочисленность городов в Испании [42]; по словам Дози, города в общем оставались романскими не только по названию, но и по составу населения [43]. Отсюда мог бы быть сделан вывод, что уровень культуры в эпоху арабского завоевания был не так низок, как можно было бы заключить из слов самого Дози [44]. О преемственности культурной жизни свидетельствуют некоторые отрасли промышленности, как выделка оружия в Толедо, существовавшие еще в римскую эпоху [45] и переходившие по наследству от домусульманского периода к арабам, от арабов к новейшей Испании. На преемственность в развитии городской жизни указывает и значение бывшей готской столицы Толедо при арабах и после. При взятии Толедо арабами патриции бежали в Галицию, глава церковной иерархии — в Рим [46]; тем не менее город остался тем же, чем был раньше, и выделялся среди других испанских городов мятежным духом и упорством, с которым жители отстаивали свои республиканские вольности против сильных арабских властителей [47], как и впоследствии Толедо был впереди в борьбе за вольность коммун против Карла V. Дози

---

[41] Личность любимцев Дози, Аббадидов, по-видимому, была ярко очерчена даже в книге Конде, судя по словам самого Дози: «Legentes secundum volumen operis Condei, non possumus non summa horum principum admiratione affici, et calamitates, quas passi sunt, et quae imperio eorum finem imposuerunt, deplorare» (Dozy, *Abbadides*, vol. I, p. 1).

[42] Ср. Истахри (BGA, I), p. 41, 2.

[43] Dozy, *Recherches*, t. I, p. 295 sq.

[44] Ср. описание последствий германского завоевания в 1-й главе 2-го тома, хотя автор признает, что варвары не были «insensibles aux avantages de l'ordre et de la civilisation» <Dozy, *Histoire*, t. II, p. 20> и что Севилья оставалась при вестготах центром «de la science et de la civilisation romaines» (ibid., p. 232); ср. *Geschichte*, Bd I, S. 259 и 392 (во втором случае слова «von der Zeiten der Westgothen her» не совсем верно передают слова подлинника «du temps Visigoths»).

[45] Forbiger, *Handbuch*, Bd III, S. 68 sq., со ссылкой на Gratii *Cynegeticon*, 341.

[46] Dozy, *Histoire*, t. II, p. 36; idem, *Geschichte*, Bd I, S. 269.

[47] Dozy, *Histoire*, t. II, p. 348; idem, *Geschichte*, Bd I, S. 467, где по ошибке «vier und zwanzig» вм. «achtzig» (quatre-vingts). Замечательно, что еще в другом месте немецкого перевода (*Geschichte*, Bd I, S. 264; ср. *Histoire*, t. II, p. 27), вообще очень хорошего, «quatre-vingts» переведено «vierundzwanzig», хотя выше (*Geschichte*, Bd I, S. 263; *Histoire*, t. II, p. 26) «quatre-vingt-dix mille» правильно переведено «neunzigtausend».

в ярких красках описывает политические и культурные успехи Испании в X в. при Абд ар-Рахмане III и Хакиме II, но все это изображается как результат деятельности этих властителей; в конце очерка царствования Абд ар-Рахмана III, создателя испанского халифата, автор даже замечает, что личность творца внушает еще больше удивления и восхищения, чем его творение [48]. Насколько Кордова была подражателем Багдаду и Самарре, насколько культурные успехи Испании были связаны с относящимся к тому же времени культурным прогрессом в Египте, в Византии, об этом ничего не говорится; в своих «Recherches» Дози даже высказывает мнение, во всяком случае несостоятельное и опровергаемое многими местами его собственного труда, будто Испания в X в. была как бы изолирована от остального мира и не имела никаких связей ни в Европе, ни в Азии [49]. Столь же мало отмечается несомненная для каждого историка связь между развитием городской жизни и распадением испанского халифата. Говорится, что главные города, Кордова и Севилья, сразу сделались республиками [50], что впоследствии такие же городские республики возникали в других местах, что везде республиканские учреждения скоро уступали место единовластию [51]; но не рассматривается вопрос, какое место занимают эти явления в истории городской жизни вообще; мусульманские городские республики и княжества XI в. не сравниваются с республиками и княжествами Италии XIV и последующих веков, не говорится и что в испанских городах, как впоследствии в итальянских, утонченная культурная жизнь соединялась с крайним развратом; правители, окружавшие себя поэтами и учеными и сами писавшие трогательные стихи о своих злоключениях, в то же время не останавливались для достижения своих целей ни перед какими убийствами, даже собственноручными [52].

[48] Dozy, *Histoire*, t. III, p. 93; idem, *Geschichte*, Bd II, S. 59.

[49] Dozy, *Recherches*, t. I, p. 156.

[50] Dozy, *Histoire*, t. IV, p. 3; idem, *Geschichte*, Bd II, S. 233.

[51] Dozy, *Recherches*, t. II, p. 145 sq.

[52] Ср. характерный рассказ самого Дози (*Histoire*, t. IV, p. 188; *Geschichte*, Bd II, S. 347) о том, как Му'тамид севильский собственноручно убил своего везира Ибн Аммара. Характеристику Му'тамида см.: *Histoire*, t. IV, p. 287, *Geschichte*, Bd II, S. 407 («nul autre n'avait dans l'âme tant de sensibilité, tant de poésie»); *Recherches*, t. I, p. 266 («le brillant, le chevaleresque Motamid de Séville»). У Му'тамида было до 800 жен и наложниц (*Abbadides*, vol. II, p. 63) и около 100 детей (ibid., p. 137). Не удивительно, что этой многочисленной семье было тесно на том корабле, на котором она была отправлена с Му'тамидом в Африку (*Abbadides*, vol. I, pp. 59, 306; пер. pp. 136, 342). Слова Дози о Румайкии (*Histoire*, t. IV, p. 139: celle qui était déstinée à devenir la compagne de sa vie; 274 son épouse) дают не вполне правильное представление о семейной жизни севильского князя. Дози в *Histoire* почему-то не упоминает о том, что Му'тамид пережил Румайкию (*Abbadides*, vol. II, p. 151), не приводит также красивого рассказа о том, как дочь Му'тамида и Румайкии Бусайна (بثينة), по красоте походившая на мать, писала родителям из Севильи в Агмат о своем обручении и получила их согласие на брак (ibid., p. 153 sq). Может быть, рассказ был опущен потому, что нарушил бы впечатление от трагических подробностей жизни в Агмате.

По свойствам своего таланта и того направления, к которому он примыкал, Дози не мог выяснить хода истории Испании в том виде, как он определялся не столько личными качествами правителей, сколько общим ходом мировой истории; блестящими качествами своего труда он невольно затруднил выполнение этой задачи другим; казалось, что писать после Дози историю омейядского халифата и других испанских владений значит писать «Илиаду» после Гомера [53]. По той же причине история Испании от Алморавидов до падения Гранады ждет еще, по выражению Зейбольда [54], второго Дози, хотя сам Дози в своих этюдах не остановился на той эпохе, которой заканчивается его «История»; им было издано, переведено и исследовано несколько текстов, относящихся к событиям XII, XIII и XIV вв.

Соотечественники Дози, на которых произвело неприятное впечатление появление его классического труда на французском языке, отчасти были вознаграждены, по словам де Гуе [55], появлением в 1863 г.[56] на голландском языке очерка истории ислама, составленного Дози для издававшейся в Гарлеме Круземаном серии трудов по истории главных мировых религий и только в 1879 г. вышедшего во французском переводе [57]. На долю этой книги, хорошо известной русским читателям [58], выпал почти такой же внешний успех, как на долю «Истории испанских мусульман»; ее научное значение несравненно меньше уже потому, что с нею не были связаны изыскания в области первоисточников. По доступному в то время материалу Дози дал блестяще написанный, хотя несколько поверхностный, очерк истории ислама как религии, развивавшейся постепенно и в том виде, как она исповедуется теперь сотнями миллионов людей, существенно отличающейся от учения арабского пророка VII в., вопреки мнению Гиббона, полагавшего, что ислам, в противоположность христианству, до сих пор сохранил свою первоначальную простоту [59]. Жизнь и учение пророка излагаются по книге Шпренгера, считавшейся авторитетной не только в то время, но и гораздо позже; Дози разделял также слишком доверчивое, как потом оказалось, отношение Шпренгера к хадисам, собранным в сборнике Бухари и других [60]. Благодаря широкой популярности книги Дози его отзывы о Мухаммеде, Коране и мусульманских вероучениях, в общем отрицательные, сделались известными

[53] Слова А. Мюллера (*Der Islam*, Bd II, S. 433).

[54] *Al-Andalus.*

[55] *Biographie de R. Dozy*, p. 29.

[56] Де Гуе упоминает о 2-м издании 1880 г. (De Goeje, *Biographie de R. Dozy*) А. Е. Крымский (*История мусульманства*) — о 3-м издании 1900 г.

[57] Dozy, *Essai.* Слово «Essai» принадлежит переводчику; буквальный перевод голландского заглавия «Het islamisme» был бы «L'islamisme».

[58] Кроме труда А. Е. Крымского (*История мусульманства*) ср. также отзыв бар. Розена (ЗВОРАО, т. III, стр. 386).

[59] Gibbon, *The History*, vol. IX, p. 311 sq.

[60] Об этом Goldziher, *Muhammedanische Studien*, T. II, S. 5.

и в мусульманских кругах. Не делая различия между миссионерской полемикой против ислама и независимыми суждениями, основанными на уровне научного познания в данную эпоху, мусульманские публицисты впоследствии часто называли Дози врагом мусульман, хотя Дози был только врагом того, что объединялось им под термином «клерикализм». Христианские «клерикалы» не имели в его глазах никаких преимуществ перед мусульманскими; за исламом он признавал такую же жизнеспособность, как за другими религиями, и не верил ни в возможность успеха христианского миссионерства среди мусульман, ни в возможность замены ислама новым вероучением [61]. В этом отношении взгляды Дози не поколеблены и до сих пор; что касается взглядов на возникновение и историю мусульманских вероучений и сект, то в этом отношении книга давно уже не соответствует современному уровню науки ни по количеству материала, привлеченного к исследованию, ни по методам самого исследования.

При составлении первой главы своей книги Дози обратил внимание на крайнюю неразработанность вопроса о верованиях домусульманских арабов и решил посвятить этому вопросу особое исследование, которое и вышло в 1864 г. сначала по-голландски, потом по-немецки под заглавием: «Израильтяне в Мекке от эпохи Давида до V века нашей эры». Автор старался доказать, что вероучение, приписанное в Коране Аврааму и халифам, в действительности было вероучением евреев колена Симеона, часть которого переселилась в Аравию [62] еще до воцарения Давида (об этом переселении говорится и в Библии, I Парал. IV, 42) и сохранило прежние, доиудейские, верования израильского народа с почитанием священных камней и изображений. Симеониты были основателями Мекки и строителями Ка'бы; самое название Мекки есть библейское *макка* 'избиение', 'рана'; *Макораба* Птолемея — библейское выражение *макка рабба* (Числа XI, 13; II Парал. XIII, 17) 'великое избиение', 'великое поле битвы' [63]. В вавилонскую эпоху в Мекку пришли еще другие евреи — горкумы; им приписывается надпись неизвестными письменами, приведенная арабским летописцем IX в. н. э. Факихи [64] на камне, называвшемся у арабов «стоянкой Авраама», مقام ابراهيم. Дози пытается читать эту надпись по единственной известной рукописи Факихи, относящейся к XV в., по-еврейски и выписывает из нее известие о переселении людей из Иерусалима в какой-то город Нергальдад, название которого образовано из имени вавилонского бога Нергала и персидского *дад* 'дал' [65]. Заключительный вывод автора: ислам всецело вышел из еврейства; даже та часть мусульманского вероучения, которой до сих пор

[61] Dozy, *Essai*, pp. 527, 532.
[62] Об этом еще: Cassel, *Lehrbuch*, S. 4.
[63] Dozy, *Die Israeliten*, S. 73.
[64] О нем: Brockelmann, GAL, Bd I, S. 137.
[65] Dozy, *Die Israeliten*, S. 160.

приписывали языческое, арабское происхождение, в действительности происхождения израильского.

Из всех трудов Дози труд о меккских израильтянах единственный, причинивший автору тяжелое разочарование. Автор придавал своему открытию большое значение и полагал, что ему суждено затмить даже лучший из его этюдов по истории Испании, этюд о Сиде; восторг автора вполне разделял его ученик де Гуе, писавший, что труд Дози начинает собою новую эру в истории изучения Израиля [66]. Ожидания не оправдались; несмотря на восторженные отзывы некоторых критиков, книга в общем вызвала больше нападок, чем сочувствия, не оказала почти никакого влияния на дальнейший ход научных исследований, не имела и того внешнего успеха, как другие работы Дози. По характеру темы автор не нашел в ней благодарного поприща ни для своего таланта в области критики источников, ни для своего блестящего таланта рассказчика. Вместо блестящей, основанной на первоисточниках картины действительной жизни, как в «Сиде» [67], мы видим тщетную попытку, при полном отсутствии достоверного материала в источниках, путем более или менее остроумного толкования отрывочных намеков и легенд установить, что происходило в действительности. В отличие от «Истории испанских мусульман» и «Ислама» книга была предназначена для ученых кругов; автор и в этой книге не вполне пренебрегал заботой о внешней форме; по мнению де Гуе, эта забота уже несколько повредила стройности научной аргументации; но столь же несомненно, что ход научной аргументации, с постоянными уклонениями в область грамматики и корнесловия, не мог не отразиться на способе изложения. По крайней мере в немецком переводе «Израильтяне в Мекке» читаются не так легко, как «История испанских мусульман» и «Ислам». Что касается научной оценки работы, то де Гуе писал в 1883 г., что последнее слово об «Израильтянах в Мекке» будет сказано только тогда, когда будет найден ключ к чтению надписей Мекки и ее окрестностей и когда будут читать с уверенностью надпись на «стоянке Авраама» [68]. Приведенные в *Фихристе*, сохранившемся в нескольких рукописях, алфавиты различных народов заставляют, однако, сомневаться в том, можно ли вообще с надеждой на успех разбирать неизвестные письмена по копиям арабских средневековых авторов, особенно в тех случаях, когда перед нами не автограф, а рукопись, относящаяся к гораздо более позднему времени, чем время жизни автора. Во всяком случае, современная наука [69] вопреки предположениям Дози ищет ключ к объяснению арабского язычества в йеменских, отчасти в набатейских и

[66] De Goeje, *Biographie de R. Dozy*, p. 30.

[67] Ср. об этом этюде: Renan, *L'Espagne musulmane.*

[68] Снук-Хургронье (*Mekka*, Bd I, S. 11) говорит об этом камне как о «священном камне языческого времени, который только мусульманами посредством различных легенд был приведен в связь с патриархом» Авраамом.

[69] Ср.: Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*; Caetani, *Annali.*

сирийских, эпиграфических памятниках, ключ к объяснению ханифства и первоначального ислама — в иудействующем христианстве, а не в чистом еврействе. Дози вернулся к истории ислама в своем последнем по времени труде, предназначавшемся для лейденского конгресса ориенталистов и законченном уже его учеником де Гуе, где из рукописного источника извлечены некоторые новые сведения о харранских сабиях. В общем, однако, Дози по вопросу о сабиях всецело разделял взгляды Д. А. Хвольсона, и только де Гуе, следуя указаниям Нёльдеке, сделал по поводу этих взглядов несколько оговорок.

Ученик и биограф Дози находит, что редко чья-нибудь жизнь настолько приближалась к идеалу полного счастья, как жизнь его учителя и друга. Ему было дано наслаждаться до последних лет жизни несокрушимым здоровьем, безоблачным счастьем, полной материальной обеспеченностью, полным и заслуженным признанием своих научных трудов; единственным испытанным им тяжелым личным горем была смерть четырехлетнего сына [70]. К этому можно прибавить, что ему было суждено умереть, находясь на вершине своей славы, которой нисколько не повредила неудача «Израильтян в Мекке». Отзывы современных нам ученых об «Истории испанских мусульман» показывают, что Дози не пережил бы своей славы, даже если бы дожил до наших дней; все же многие страницы даже этой книги, не говоря уже об «Исламе», утратили свое научное значение, когда было опровергнуто мнение об исконной расовой вражде между кайситами и кельбитами [71], вообще было разрушено прежнее доверие к рассказам арабских источников о начальной истории ислама и в особенности о домусульманской Аравии [72].

Такт и беспристрастие, вероятно, не изменили бы Дози, если бы ему было суждено прочитать страницы трудов Снук-Хургронье, Гольдциера и даже Вельхаузена [73], где говорится о Дози и его взглядах; все же для его счастья и спокойствия, вероятно, было лучше, что эти страницы вышли не при его жизни.

---

[70] De Goeje, *Biographie de R. Dozy*, p. 44 (ср. ibid., p. 22).

[71] Ср.: Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 112, где ссылка на: Goldziher, *Muhammedanische Studien*, T. I, S. 78.

[72] Ср., например, слова Брокельмана (GAL, Bd I, S. 134).

[73] Wellhausen, *Das Arabische Reich*, особенно S. 102: «Dozy lässt vielmehr bloss seiner Phantasie und seiner Rhetorik die Zügel schiessen, er hat dadurch auch seinen Nachfolgern den Kopf verwirrt»; S. 113: «. . . Erbitterung die Dozy vollkommen unhistorisch als ein Urphänomen betrachtet und in die Ewigkeit zurückschiebt»; S. 141: «Die Späteren haben die Neigung, alle handelndem Personen in der einen oder in der anderen Rubrik unterzubringen, und Dozy macht es ihnen nach».

ИГНАЦ ГОЛЬДЦИЕР
1850—1921

Некролог

13 ноября 1921 г. скончался на 72-м году жизни в Будапеште Игнац Гольдциер (Goldziher), состоявший членом-корреспондентом академии с 1897 г. (с четырехлетним перерывом, 1916—1920, вызванным событиями мировой войны). Имя Гольдциера принадлежало к числу самых популярных в России имен иностранных ученых; по поводу одного из последних трудов Гольдциера («Vorlesungen über den Islam», Heidelberg, 1910) в иностранной печати [1] даже было отмечено, что вследствие «огромного значения» (das ungeheure Ansehen), которое получила в России эта работа, были приняты без достаточной критики и более слабые ее стороны. От некоторого преувеличения, может быть, не свободны слова автора предисловия к русскому переводу другого, несколько более раннего труда Гольдциера [2], что «все предшествующие работы автора всегда открывали новую эпоху в науке, безразлично, затрагивали они историю ислама («Muhammedanische Studien», 2 тома, Halle, 1889 [3]—1890) или историю арабской литературы («Abhandlungen zur arabischen Philologie», 2 тома, Halle, 1896—1899). Каковы бы ни были достоинства, не раз отмечавшиеся в печати, других трудов Гольдциера, только его труды по исламоведению доставили ему славу первоклассного ученого, и только в этом смысле можно говорить об «эпохе Гольдциера», как в русской научной литературе было предложено называть конец XIX и начало XX в.[4].

Первоначально для Гольдциера, как для многих других ученых, научная известность которых основана главным образом на трудах о мусульманстве, ислам не был главным предметом научного интереса. Гольдциер родился в 1850 г. в венгерском городе Штульвейссенбурге в еврейской семье [5], по-видимому небогатой; свою докторскую диссертацию он в 1870 г. посвятил своим «великодушным благодетелям», бар. Josef v. Eötvös и проф. Вамбери.

---

[1] Hartmann, WI, Bd I, S. 145.

[2] *Ислам*, СПб., 1911 (подлинник вышел в 1906 г.).

[3] На внутреннем заглавном листе — 1888 г.

[4] Крачковский, ЖМНП, н. с., ч. 56, стр. 388—400.

[5] В одном из писем к бар. Розену приводится его еврейское имя — Исаак.

Получил ли Гольдциер первоначальное образование в общегосударственной или в конфессиональной еврейской школе, мне не известно; возможностью получить высшее образование он, во всяком случае, предполагал воспользоваться для изучения своего народа (евреев) и племени (семитов). Писать на венгерском языке он начал еще в ранней молодости [6]. Первоначально Гольдциер учился в Будапештском университете; более благоприятную почву для своих научных интересов он нашел в Берлине, где слушал, между прочим, лекции Штейнталя и Штейншнейдера; последнему он был обязан темой диссертации, которую он писал в 1869 г. в Берлине и представил в 1870 г. уже в Лейпциге [7], где он сделался учеником Флейшера. Предмет диссертации относился к области так называемой еврейско-арабской литературы; автором была рассмотрена деятельность (с изданием нескольких фрагментов) одного из писавших по-арабски средневековых еврейских филологов — Танхума иерусалимского. За этим изданием должен был последовать ряд других. Вспоминая впоследствии, по поводу дошедших до него известий о научных планах П. К. Коковцова, об этом периоде своей собственной деятельности, Гольдциер писал бар. Розену [8], что навсегда сохранил интерес к этого рода литературе и читал все, что о ней появлялось, хотя сам мало работал в этой области, с тех пор как еще в Лейпциге «телом и душой перешел в мусульманский лагерь».

Вопрос об этом переходе, совершившемся, по-видимому, не так легко и просто, может быть затронут здесь только в общих чертах, как вообще здесь не может быть дан полный обзор полувековой научной деятельности Гольдциера. Оставленное Гольдциером научное наследие не только чрезвычайно обширно и разнообразно, но разбросано по большому числу периодических изданий. Возникшая еще при жизни Гольдциера мысль [9] объединить эти статьи в одном сборнике (вроде «Kleinere Schriften» Флей-

[6] В 1868 г., по письму на имя бар. Розена 15 мая 1877 г. В библиографии трудов Гольдциера, составленной его учениками, помещенной в изданном в его честь сборнике «Keleti Tanulmányok» (Budapest, 1910), на первом месте поставлена работа, напечатанная еще в 1866 г. (перевод двух сказок с турецкого на венгерский) в журнале «Hazankes a Külföld» и получившая от редакторов журнала заглавие «Шестнадцатилетний ориенталист»; дальше идут уже работы 1869 г. По некрологу Гольдциера, составленному Л. Массиньоном (см. ниже), Гольдциер еще 12-ти лет издал свой первый труд «Szihasz Jiczhok» («Le passetemps d'Isaac») «opuscule sur l'importance de la prière, introuvable aujourd'hui».

[7] Goldziher, *Studien über Tanchûm*. Предисловие помечено 10 февраля 1870 г.

[8] 10 апреля 1895 г.

[9] Она была выражена в письме бар. Розена, на которое Гольдциер отвечал 22 октября 1896 г.; речь шла, впрочем, только о собрании «Abhandlungen über Islam und arabische Cultur». Гольдциер соглашался, что такой сборник мог бы быть издан, с поправками и дополнениями к прежним работам, в виде особого тома «Muhammedanische Studien» или «Abhandlungen zur arabischen Philologie», но все-таки находил для себя неудобным «wollte ich nach Art der „grossen Männer" meine Sprächen sammeln und vor Untergang schützen».

шера или Гутшмида) едва ли будет осуществлена и теперь. Изданная в 1910 г. венгерскими учеными библиография трудов Гольдциера уже заключает в себе 453 номера [10]; с тех пор им было напечатано еще некоторое число научных работ. Значительная часть работ Гольдциера написана на венгерском языке и потому недоступна большинству ученых, в том числе и автору этих строк. Кроме того, составителю обзора деятельности Гольдциера было бы необходимо располагать сведениями не только о его печатных работах, но и об его университетских лекциях и публичных курсах, по возможности также о его личности [11]. Из современных русских востоковедов этим условиям больше всего удовлетворял бы А. Э. Шмидт, живший некоторое время в Будапеште, куда он был направлен, ради Гольдциера, своим учителем бар. Розеном и где он, как видно из писем Гольдциера к бар. Розену, пользовался искренним расположением его самого и его семьи.

Возможностью пользоваться письмами Гольдциера, переданными после смерти бар. Розена (в 1908 г.) его вдовой в Азиатский музей академии, конечно, значительно облегчалась моя задача. Письма (всего 134) обнимают период от 1871 до 1907 г. и дают чрезвычайно ценный материал для характеристики обоих ученых, между которыми установилась тесная дружба еще на студенческой скамье, в 1870 г., когда оба вместе слушали Флейшера (для Флейшера Гольдциер был, по отзыву бар. Розена [12], одним из «любимейших учеников»), и в одно и то же время сделались членами Немецкого союза ориенталистов [13], хотя только в 1887 г. (вероятно, после свидания на состоявшемся в сентябре 1886 г. конгрессе ориенталистов в Вене [14]) они стали писать друг другу на *ты*. Сочувствие обоих ученых друг другу в области научных взглядов и интересов проявляется в этой переписке еще ярче, чем в их печатных трудах [15]. Так, из письма от 6—7 сентября 1885 г. видно, что свои будущие «Muhammedanische Studien» Гольдциер представлял себе в то время в виде серии, которая бы издавалась им совместно с бар. Розеном; там же было предложено заглавие: «Abhandlungen über muhammedanische Cultur- und Religionsgeschichte. Herausgegeben von Baron Dr. Rosen und Dr. Goldziher.

---

[10] Правда, сюда вошли и работы, к которым Гольдциер только сделал примечания, вошли также под отдельными номерами переводы трудов Гольдциера. По Л. Массиньону, всех работ Гольдциера — 566.

[11] При чтении корректуры я мог пользоваться двумя статьями о Гольдциере: Becker, *Ignaz Goldziher* и Massignon, *Ignace Goldziher*.

[12] Розен, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 172, прим.

[13] В порядке поступления их имена в списке членов «Deutsche Morgenländische Gesellschaft» стояли рядом (№ 757 и 758).

[14] О командировке бар. Розена на конгресс в Вену см.: *Протоколы заседаний совета*, № 35, стр. 3; о его докладе, посвященном бывшему конгрессу, — ЗВОРАО, т. I, стр. XVII.

[15] Гольдциер посвятил бар. Розену свой первый классический труд по исламоведению *Die Zâhiriten*.

1. Heft: Die Nationalitäten im Islam und die Shu'ûbijja-Bewegung». К следующим выпускам предполагалось привлечь Снук-Хургронье. Помимо своих научных планов Гольдциер откровенно писал бар. Розену и о своих личных переживаниях. Но для свободного пользования этими письмами едва ли уже настало время.

1

Период преподавательской деятельности Флейшера был едва ли не последним периодом в истории арабской филологии, когда голос, раздававшийся с кафедры одного учебного заведения, признавался авторитетным арабистами всех стран Европы. Молодые ученые, ездившие в Лейпциг учиться у Флейшера, как прежде ездившие в Париж учиться у Сильвестра де Саси, признавали себя и потом учениками и продолжателями своего «шейха». Французский ученик лейпцигского профессора, Гартвиг Деранбур, писал в 1895 г. о себе и своих современниках: «Nous continuons Fleischer, comme il continué Sacy». Преемника Флейшеру в этом смысле уже не было, в чем, конечно, надо видеть прогресс науки, неразрывно связанный с прогрессом специализации. Научные интересы учеников Флейшера были уже настолько разнообразны, что общепризнанного главы среди них не могло быть. Строго методическое изучение арабской грамматики, на которое направлял их учитель, было для них не столько целью, сколько средством; их последующая деятельность часто имела мало общего с написанными в молодости под непосредственным влиянием Флейшера филологическими, в тесном смысле слова, трудами. «Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit bei den Arabern» (1871—1873) молодого Гольдциера имели почти столь же мало отношения к его последующим работам, как магистерская диссертация бар. Розена «Древнеарабская поэзия и ее критика» (1872) к трудам, впоследствии составившим славу русского арабиста. Образ их общего «шейха», вероятно, сделался бы для них более бледным, если бы не его личное обаяние, о котором часто говорится и в письмах Гольдциера, для которого верность традициям лейпцигской школы помимо области научного исследования выражалась также в готовности ее представителей всячески приходить на помощь друг другу, жертвуя для этого своим временем и не заботясь о своем научном приоритете (письмо от 16 мая 1872 г.).

Гольдциер уже в первых своих работах, по отзыву бар. Розена [16], проявил «те качества, которые впоследствии должны были его поставить в ряды первоклассных ученых». Привлекая к исследованию огромный материал, он всегда умел оставаться в нем «полновластным хозяином»; никогда его не осиливала «собственная эрудиция, как бы она ни была громадна». Благодаря «блестящему литературному таланту, обширному

[16] ЗВОРАО, т. VIII, стр. 172.

и разнообразному общему образованию» ему удавалось извлекать из находившегося в его распоряжении материала и в удобочитаемой форме сообщать читателям «самое важное и существенное». Почти то же самое сказал о Гольдциере много лет спустя, в предисловии к сборнику, изданному к сорокалетию его деятельности, Т. Нёльдеке, упоминающий о редком умении Гольдциера «aus weitläufigen, abstrusen und ermüdenden Schriften die Quintessenz herauszusuchen und in anziehender Form darzustellen». Такой талант Гольдциера тем более замечателен, что его главные труды написаны преимущественно на немецком языке, которым он владел не так свободно, как своим родным венгерским. Недостатки немецкого стиля Гольдциера были отмечены самим Нёльдеке в рецензии на второй том «Muhammedanische Studien» [17]; бар. Розен не высказывался об этом в печати, но на лекциях, как я помню, предупреждал студентов, что книги Гольдциера читать нелегко, особенно когда и для читателя немецкий язык не родной. С этим, вероятно, связано и замечание одного из французских критиков [18] «Vorlesungen über den Islam», что единственный недостаток этой книги — «c'est de manquer parfois de car clarté».

При всех своих достоинствах первые труды Гольдциера, однако, показали, что изучение филологических, и в особенности грамматических, вопросов не является его настоящим призванием. Средневековые грамматические теории представляли для него интерес не в связи с изучением языка и грамматики, но как документальный памятник истории человеческой души и человеческой мысли. В своей диссертации он несколько смело заявляет, будто в арабской филологии нет никаких следов сознания, что арабский язык принадлежит к семье семитских языков, тогда как еврейские филологи понимали необходимость привлечения родственных диалектов для объяснения своего языка; из этого делается вывод, что арабские евреи опередили своих мусульманских учителей [19]. Сам Гольдциер уже в 1872 г.[20] нашел и отметил текст Тарсуси (XII в.) о семи основных языках, среди которых нет арабского, но назван сирийский как «язык ангелов», древнейший, по мнению арабов, язык той группы, которая в Европе была впоследствии названа «семитской» и существование которой было известно арабам гораздо раньше [21]. Кроме таких вопросов особый интерес представляла для Гольдциера личность самих филологов; в промежуток между первым и вторым «Beiträge» к истории арабского языкознания молодой ученый напечатал [22] мастерски написанный этюд о жизни и литературной деятельности одного из филологов —

[17] Nöldeke, WZKM, Bd V, S. 49.

[18] E. M., — RHR, t. LXIII, p. 368.

[19] Goldziher, *Studien über Tanchûm*, S. 12.

[20] Goldziher, *Linguistisches*, S. 785.

[21] Ср. особенно Мас'уди, *Танбйх*, 79, 9 и сл., где арабский язык назван ближайшим после еврейского к сирийскому.

[22] Goldziher, *Zur Charakteristik.*

Суюти; в статье размером менее чем в $1^1/_2$ печатных листа он сумел дать характеристику писателя, плодовитость которого даже в арабской литературе, по отзыву ее историка Брокельмана, остается беспримерной [23].

Характер деятельности Гольдциера в 70-х годах заставляет полагать, что при переходе в «новый лагерь» речь для него шла не столько о переходе от одних предметов исследования к другим, сколько о расширении поля исследования, о привлечении нового материала для ответа на те же вопросы по культурной истории евреев и семитов. Зависимость еврейской филологии от арабской была, конечно, ясна для него с самого начала; ему было известно также стремление ориенталистов XVIII в. найти в языке, литературе и быте арабов ключ к объяснению Библии; им приводится [24], хотя как пример увлечения, высказанное в 1779 г. мнение Рейске, что один словарь Джаухари полезнее для понимания Ветхого завета, чем все произведения синагоги. Предметом едва ли не первой из его работ, посвященных мусульманской богословской литературе, был полемический трактат Ибн Хазма против евреев [25]. Колебания между интересом к прежним предметам своих исследований и интересом к исламу отражались и на его преподавательской деятельности, к которой он приступил в 1872 г. В первой из представленных им (еще в конце 1871 г.) программ кроме трех лекций по арабскому языку упоминаются 2 часа введения в таргумы, 1 час — по библейской экзегетике и 1 — publicum по культурной и религиозной истории семитов [26]. Начало чтения лекций было назначено на 25 апреля 1872 г., причем и число и предметы были несколько изменены; лекции по введению в таргумы и предполагавшийся publicum были заменены одной лекцией по мусульманской культуре [27]. Из этого не следует, чтобы Гольдциер окончательно исключил «семитскую» культуру из круга своего университетского преподавания; главный труд его о «семитизме», его «Mythos bei den Hebräern» (1876) [28], как видно из предисловия [29], первоначально был составлен на венгерском языке ради его университетских лекций.

---

[23] Brockelmann, GAL, Bd II, S. 144. О «трезвом» Суюти Гольдциер упоминает уже в «Танхуме» (*Studien über Tanchûm*, S. 12 sq.) как о «славном исключении» среди арабских грамматиков, которых «sprachwissenschaftlicher Afterpatriotismus» заставлял «selbst indogermanischen Wörtern eine arabische Etymologie aufzuzwingen». Такое мнение, как и многие другие обобщения, было основано на недостаточности материала, бывшего доступным в то время. Ср. теперь, например, слова Хорезми, автора *Мафатих*, стр. 233, об арабской этимологии греческих слов как об جحل و سخف.

[24] Goldziher, *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit*, II, S. 587.

[25] *Proben muhammedanischer Polemik gegen den Talmud* (Jeschurun, VIII, 1871, Deutsche Abt., 76—104).

[26] Письмо от 28 декабря 1871 г.

[27] Письмо от 16 апреля 1872 г.

[28] Полное заглавие: «Der Mythos bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwickelung. Untersuchungen zur Mythologie und Religionswissenschaft».

[29] Goldziher, *Der Mythos*, S. IX.

Среди трудов Гольдциера его «Mythos» занимает по объему одно из первых мест, хотя сам автор говорит о нем как о «Schriftchen» [30]. Значение этой книги в истории науки, по-видимому, не было велико [31], хотя она уже в следующем году была переведена на английский язык; но для характеристики научной деятельности Гольдциера она представляет первостепенный интерес и наглядно показывает, насколько он еще в то время находился под влиянием своих берлинских учителей, насколько еще и в то время изучение прошлого евреев и семитов было главной целью его работ, изучение литературы арабов и мусульман — одним из средств для достижения этой цели. В арабской литературе он видит богатейший источник для изучения психологии семита, его мыслей и чувств [32], и пользуется ею для освещения еврейской мифологии, следы которой он находил не только в ветхозаветном каноне, но и в раввинской традиции [33]. Мифы рассматриваются им с точки зрения методов «сравнительной мифологии», созданных Адальбертом Куном и Максом Мюллером [34] и впервые примененных к изучению семитов Штейнталем, положившим начало, по словам Гольдциера [35], научной мифологии в области гебраистики. Гольдциер не сомневался в возможности научно установить черты психологии семита и с этой точки зрения рассматривал факты начальной истории ислама, иногда без достаточной критики источников; так, Гольдциер [36] видит в халифе Омаре еще более «типичного семита», чем в Мухаммеде, основываясь, между прочим, на никогда не существовавшем, как теперь доказано, запрещении арабам заниматься в покоренных странах земледелием. Много места (по признанию самого автора [37], с некоторым нарушением симметричности расположения материала) отводится переходу евреев от мифологических представлений к чистому единобожию, возникшему в эпоху пророков. Гольдциер вполне признает [38], что на эту часть его книги помимо научных выводов оказало влияние субъективное чувство исповедника еврейской веры; он высказывает свое «святое убеждение» (heilige Ueberzeugung), что очищение высшего религиозного идеала от всяких остатков мифологических представлений необходимо не только в интересах науки, но и в интересах религиозной жизни нашего времени [39].

---

[30] Ibid., S. XXV.

[31] Ссылки на нее, конечно, встречаются; так, еще на римском конгрессе 1899 г. П. Хаупт опровергал мнение Гольдциера (*Der Mythos*, S. 224) о херувимах как олицетворении грозовых туч (ЗВОРАО, т. XII, стр. 090).

[32] Goldziher, *Der Mythos*, S. 97.

[33] Ibid., S. 34 sq.

[34] Ibid., S. VIII.

[35] Ibid., S. XXII.

[36] Ibid., S. 99.

[37] Ibid., S. 369.

[38] Ibid., S. XX sq.

[39] Ibid., S. XXIII sq.

Неуспех книги, которой он придавал такое значение, не мог не огорчить Гольдциера; это огорчение выразилось и в некоторых его письмах к бар. Розену, в особенности в письме от 15 августа 1876 г. Какова бы ни была несправедливость упоминаемых там нападок с точки зрения богословского правоверия, трудно было бы не признать справедливым отзыв, данный через 20 лет проф. Тиле [40]: «Во всем, что пишет Гольдциер, видны основательные познания и остроумие, но, несмотря на эти преимущества, его мифологические гипотезы неубедительны». Возможно, что и на взглядах самого Гольдциера отразилось общее разочарование ученого мира в методах сравнительной мифологии. Здесь не место разбирать, как произошло это разочарование и насколько ему способствовало доведение до абсурда мифологических теорий вообще и теорий о солнечном мифе в особенности слишком усердными последователями. Гольдциеру [41] в 1888 г. пришлось разбирать один из таких трудов, в котором библейский Самсон сближался с египетским Гор-Ра. Среди его рецензий, всегда благожелательных и сдержанных, этот отзыв представляет редкое исключение. Критик говорит о том «ужасе», который при чтении такой книги должны испытывать ученые, если есть повод, по их прежним трудам, смешивать их с авторами таких работ [42].

Для исчерпывающего ответа на вопрос, чем объясняется постепенная специализация Гольдциера в области исламоведения и насколько эта специализация находится в связи с его разочарованием в мифологических, вероятно также в расовых теориях, было бы необходимо ознакомиться со всеми трудами Гольдциера, в том числе с его трудами на венгерском языке. Гольдциер и впоследствии, едва ли не до конца жизни, возвращался иногда к научным вопросам из области гебраистики; но в его последующих работах по истории ислама нет и тени желания использовать свои открытия в этой области для выяснения психологии семита. Едва ли в них встречается самое слово «семит»; история ислама рассматривается исключительно как явление культурной истории человечества, без всякой связи с расовым происхождением народов. И прежде Гольдциер со свойственным ему тактом избегал выступать защитником семитов против нападок на них с «арийской» точки зрения. Даже в ранней молодости (в 1871 г.) он говорил о явно неверном утверждении де Лагарда: «Von den Muhammedanern, welche in der Wissenschaft etwas geleistet haben,

[40] *Geschichte der Religion*, Bd I, (1896), S. 444. Голландский подлинник вышел в 1893 г.

[41] WZKM, Bd II, S. 344—345.

[42] Гольдциер, может быть, имел в виду свое собственное мнение о солнечном характере мифа о Самсоне; в этом смысле им объяснялись слова таргума о Самсоне как отце Голиафа: «so kann wohl sehr leicht der Mythos sagen, dass die Sonne (Shimshôn) der Vater dieses feindseligen Nachtriesen ist, sowie die Sonnengestalten gar häufig als Vater oder Mutter der Nacht vorgeführt werden» (Goldziher, *Der Mythos*, S. 36). По словам Беккера (*Ignaz Goldziher*, S. 217), Гольдциер впоследствии вообще не хотел ничего слышать о своем *Mythos*.

ist keiner ein Semit» только как об «einer Einschränkung bedürftige Bemerkung» и тут же приводит как такое же преувеличение мнение Хаммера о научном превосходстве араба над персом и турком [43]. С таким же тактом, исключительно ссылкой на фактические данные, Гольдциер в 1899 г. опровергал мнение Б. Карра де Во о борьбе в исламе génie sémitique и génie aryen как о борьбе «ortodoxie étroite et inflexible» и «pensée libre et large» [44]. Не касается Гольдциер и мнений Кремера о «Raubsucht und Habgier» как «zwei echt semitische National-Eigenschaften» [45] и о существовавшем у араба «Begriff der Ehre, der allen seinen Stammesverwandten, wie allen Asiaten überhaupt gänzlich fehlte» [46].

Труды Кремера, может быть, еще в большей степени, чем лекции лейпцигских профессоров, увлекли Гольдциера на путь изучения мусульманской культуры. Книга Кремера «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams» (1868), которой, по мнению бар. Розена [47], было положено начало «истории внутреннего развития ислама» как «новой научной дисциплине», отмечена и в одной из статей молодого Гольдциера [48] как «bahnbrechendes Werk». В 1875 г. Гольдциер напечатал в дополнение к статье Кремера об Абу-л-Ала Ma'арри [49] в том же журнале статью о том же философе [50]. В письме к бар. Розену от 9 января 1890 г. мы находим крайне характерную для самого Гольдциера оценку работ Кремера (незадолго перед тем умершего), которую мы позволяем себе привести полностью: «In Kremer habe ich den Mann verloren, dessen Arbeiten unter allen Schriften über mein Fach mich am meisten zur Weiterforschung angeregt haben. Er hat eine frische Luft in unsere Studien gebracht und Niemand wird nach einzelnen kleinen Irrthümern beurtheilen einen Mann, der durch weite Conception den Gesichtskreis unserer Studien auffrischte. Mit seinen Büchern beginnt doch eine neue Epoche in der Behandlung des Islam und ich ziehe da auch seine älteren Werke (Mittelsyrien, Aegypten) hinein. Wie oft habe ich in meinen Arbeiten erfahren, wie gewaltig Kremer vorgearbeitet hat! Das innere Leben im Chalifate hat er aufgeschlossen; vor Dozy, dem Unsterblichen, Grossen, hatte er den Vorzug subjectiver Theilnahme an den Objecten seiner Forschung. Er hat einen unvergleichlichen Sinn für das Wichtige und Hauptsächliche, man lernt von ihm die Resignation, der selbstgefälligen Verhimmlung von Kleinigkeiten zu ent-

---

[43] Goldziher, *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit*, I, S. 207.
[44] Goldziher, ZDMG, Bd LIII, S. 380—387.
[45] Kremer, *Culturgeschichte*, Bd II, S. 136.
[46] Ibid., S. 227.
[47] ЗВОРАО, т. VIII, стр. 171.
[48] *Beiträge zur Literaturgeschichte der Šî'â*, S. 524.
[49] Kremer, *Ein Freidenker.*
[50] Goldziher, *Abû-l-'Alâ al-Ma'arrî.* Известно, что Кремер впоследствии посвятил Абу-л-Ала особый этюд *Ueber die philosophischen Geschichte.* Ср.: Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 150.

sagen. Nur ein Mann, der in den grossen Interessen actuellen Staatslebens mitzuwirken berufen war, konnte als Gelehrter so weite Höhen besteigen».

Многое в этом отзыве с таким же правом могло бы быть отнесено к самому Гольдциеру, как к Кремеру; во всяком случае, из него видно, насколько Гольдциер был увлечен широкими задачами в области исламоведения, поставленными на очередь в трудах Кремера и других. Некоторое поощрение он должен был найти и в благоприятной оценке специалистами уже первых его шагов на этом поприще. Та же, посвященная одному шиитскому трактату статья, где Гольдциер упоминает о «bahnbrechendes Werk» Кремера, дала повод редактору немецкого журнала ориенталистов, исследователю шиитства О. Лоту, употребить слово «bahnbrechend» по отношению к исследованиям самого Гольдциера [51]. Рукопись трактата была добыта во время единственного [52] научного путешествия Гольдциера на Восток в 1873—1874 гг. (в Сирию, Палестину и Египет), которое также должно было углубить его интерес к мусульманскому миру. Им уже в то время ставились на очередь, в статьях на венгерском языке, новые задачи по выяснению истории ислама; избранный в 1876 г. членом-корреспондентом венгерской академии, он посвятил свою вступительную речь африканско-испанскому исламу и тогда же писал бар. Розену [53], что он собирается рассмотреть эту часть мусульманской культурной истории в ее отношении к Востоку с такой точки зрения, с которой ее до тех пор еще не рассматривали. Из слов Гольдциера в предисловии к его «Zâhiriten» можно заключить, что ближайшие задачи науки определились для него еще яснее во время составления общего очерка об исламе, также изданного венгерской академией («Az Iszlám», 1881). К этой книге, по-видимому, относятся слова о «zusammenhängende Studienreihe» в области истории мусульманства, причем автору пришлось выделить несколько вопросов, рассмотрение которых было невозможно в книге, предназначенной для большой публики, и в то же время необходимо для основательного познания ислама. На Гольдциера, таким образом, могли бы быть распространены слова бар. Розена [54] о Кремере и А. Мюллере как составителях общих очерков, преждевременных по состоянию науки, но полезных уже тем, что благодаря им для самих авторов выяснились важнейшие пробелы науки и определились темы специальных монографий.

---

[51] Loth, ZDMG, Bd XXIX, S. 681.

[52] Если не считать кратковременной поездки в Египет зимой 1895/1896 г., о которой сам Гольдциер говорит как об «Erholungsreise» (открытка от февраля 1896 г.). В письме от 22 октября 1896 г. он замечает, что за 25 лет преподавательской деятельности им были пропущены только 2 семестра из-за путешествия на Восток.

[53] Письмо от 15 августа 1876 г.

[54] ЗВОРАО, т. IV, стр. 129, и *Август Мюллер*, стр. 332.

2

Результаты исследования о захиритах еще до выхода книги в свет были доложены шестому (лейденскому, 1883 г.) съезду ориенталистов; с тех пор Гольдциер постоянно выступал на этих съездах с докладами по исламоведению, до последнего из состоявшихся до сих пор общеевропейских съездов, афинского (шестнадцатого, 1912 г.), где им был сделан доклад о самом выдающемся представителе мусульманского богословия эпохи после Газали — Фахр ад-дине Рази [55].

Такое же деятельное участие Гольдциер принимал в конгрессах по истории религий, начиная от первого — парижского (1900 г.) до четвертого — лейденского (1912 г.). Этим выступлениям и связанным с ними лекциям и публичным курсам (так, в 1904 г. им был прочитан курс по исламу в Америке, в 1913 г.— курс по истории толкования Корана в Упсале) Гольдциер наряду со своими книгами был обязан своей мировой известностью.

Оценка первых классических трудов Гольдциера в этой области, упрочивших за ним славу первоклассного ученого, этюдов о захиритах [56] и Алмохадах [57] и двух томов «Muhammedanische Studien», объединена бар. Розеном [58] в уже упомянутой сводной рецензии, едва ли не лучшей из всего, что было написано о Гольдциере. К сказанному там о главных выводах Гольдциера можно теперь прибавить несколько слов об отношении этих выводов к предшествующим и последующим стадиям в развитии науки.

Точное установление хронологической последовательности взглядов Гольдциера несколько затрудняется тем, что многое из сказанного на страницах его классических немецких трудов было выражено им раньше в статьях «Revue de l'histoire des religions», и в особенности в статьях на венгерском языке. Сюда относится вступительная статья первого тома «Muhammedanische Studien»—«Muruwwa und Dîn», где подверглись переработке некоторые страницы из «Az Iszlám». Главный этюд этого тома посвящен мусульманским националистам — шу'убитам; о том же движении Гольдциер много лет раньше написал работу на венгерском языке (также изданную венгерской академией), на которую ссылался еще в 1873 г.[59].

---

[55] Goldziher, *Aus der Theologie.*

[56] Goldziher, *Die Zâhiriten.*

[57] Goldziher, *Materialien.* Этот труд был представлен венскому конгрессу. Дополнением к нему было вышедшее в 1903 г. издание *Мухаммед б. Тумерт.* Ср. обстоятельную рецензию: de Goeje, ZDMG, Bd LVIII, S. 463—484.

[58] ЗВОРАО, т. VIII, стр. 170—194.

[59] *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit*, III, S. 530. См. также слова бар. Розена (*Zur arabischen Literaturgeschichte*, p. 750).

В статье «Muruwwa und Dîn» и в целом ряде других работ Гольдциер в противоположность обычному мнению, разделявшемуся и Кремером [60], что в исламе нашел себе яркое выражение арабский национальный характер, отмечает полную противоположность между мировоззрением домусульманского араба и мировоззрением, созданным религией Мухаммеда. Гольдциер и впоследствии часто возвращался, даже на страницах специально этнографических изданий [61], к вопросу об арабском язычестве и его пережитках в мусульманскую эпоху, вопросу, относящемуся более к области этнографии, чем к области истории, но больше всего его интересовал чисто исторический вопрос о столкновении языческого мировоззрения с мусульманским и о психологии деятелей переходной эпохи. Сюда принадлежит его обширная работа [62] о поэте Хутайе (Джарваль ибн Аус, I в. хиджры).

Гольдциер уже в одной из первых своих работ [63] употребил слово «арабы» для обозначения всех ученых последователей ислама, для которых арабский язык был языком взаимных сношений по вопросам науки и литературы. Теперь предметом его исследования сделалась культурная эволюция этого «арабского» мира, причем почти не ставился вопрос о племенных и национальных задатках; даже национализм рассматривался как общемусульманское культурное течение, которому одинаково подчинялись люди разных национальностей. Нёльдеке [64] видит одну из главных заслуг Гольдциера в выяснении взаимодействия трех великих переднеазиатских религий; сам Гольдциер придавал не меньше значения своим выводам в области сближения ислама с национальной религией Ирана, парсизмом [65]. Продуктом того же культурного взаимодействия была обширная литература «хадисов», которой посвящена большая часть второго тома «Muhammedanische Studien». Выяснение происхождения и истинного характера «хадисов» более всего отличает направление Гольдциера и его школы от трудов Дози и Кремера. Выводы Гольдциера казались настолько смелыми, что не сразу были приняты. Нёльдеке, по его собственным словам (не столько в рецензии на «Muhammedanische Stu-

[60] *Culturgeschichte*, Bd II, S. 248: «der durch und durch dem arabischen Volksgeiste angepasste und aus demselben in seinem wesentlichen Inhalte hervorgegangene Islam». Правда, этому несколько противоречат слова Кремера (ibid., S. 355) о гибели, после распространения ислама, старой поэзии: «die Lebensart, die Denkungweise waren anders geworden».

[61] Goldziher, *Ueber Geberden*; idem, *Über Tageswählerei.*

[62] Goldziher, *Der Dîwân des Ġarwal b. Aus.* Ср.: Крачковский, *Поэтическое творчество*, стр. 75.

[63] Goldziher, *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit*, I, S. 207.

[64] В предисловии к сборнику в честь Гольдциера.

[65] В письме от 9 марта 1902 г. он по поводу своей статьи *Islamisme et parsisme* говорит о влиянии парсизма на ислам как об «ein bisher unbeachtetes Problem»; в самой статье отмечаются некоторые прежние попытки в этом направлении — замечания Дармстетера и Блоше. В печати Гольдциер впоследствии ссылался на ту же свою статью по «Actes du I Congres d'Histoire des Religions», pt. I, pp. 119—147.

dien», сколько в отзыве о более позднем труде Гольдциера «Abhandlungen zur arabischen Philologie»[66] и в предисловии к сборнику в честь Гольдциера), сначала находил скептицизм Гольдциера по вопросу о подлинности хадисов преувеличенным и только впоследствии подчинился силе его доводов.

Более всех других теорий Гольдциера и его школы теория о происхождении хадисов оказала влияние на ученых следующего поколения, во многом шедших иными путями и отводивших более значительное место экономическим и политическим условиям. Во вступительной статье к журналу «Der Islam», составленной редактором журнала, одним из главных представителей новой школы, проф. Беккером, выясненная Гольдциером «погоня за хадисами» (طلب الحديث) названа бесконечно важным фактором в деле установления духовного единства мусульманского мира, с оговоркой, что действие этого фактора проявилось только после того, как сделали свое дело экономические и политические силы [67].

Едва ли нужно останавливаться на том, что именно в этой наиболее популярной из всех теорий Гольдциера его научный приоритет скорее всего мог бы быть оспариваем. Вопрос находится в связи с другим, который едва ли было бы своевременно рассматривать теперь, хотя впоследствии он, вероятно, будет представлять интерес для истории науки: в каком отношении находятся труды Гольдциера к трудам Снук-Хургронье, вступившего на научное поприще приблизительно в одно и то же время с появлением первых классических трудов Гольдциера в области исламоведения. Обоими учеными рассматривались одни и те же научные вопросы в одном и том же направлении, иногда в одно и то же время; из них вопрос о происхождении хадисов был не только поставлен, но подробно рассмотрен Снук-Хургронье, хотя и с меньшим числом ссылок на первоисточники [68], значительно раньше выхода в свет второго тома «Muhammedanische Studien». Самим Гольдциером [69] отмечается статья Снук-Хургронье о происхождении хадисов, напечатанная уже в 1884 г. Вообще, если успех трудов Гольдциера несколько отразился на оценке заслуг Снук-Хургронье, то в этом менее всего повинен Гольдциер, с самого начала отдававший полную справедливость трудам Снук-Хургронье [70] и часто ссылавшийся на них даже по тем вопросам, которые были рассмотрены и им самим, притом независимо от трудов голландского ученого [71]. Личными свойствами обоих ученых и их тесной взаим-

[66] Nöldeke, WZKM, Bd X, S. 339.

[67] Becker, *Der Islam als Problem.*

[68] О большом материале, собранном Гольдциером сравнительно с Снук-Хургронье, говорится и в рецензии Нёльдеке (WZKM, Bd V, S. 43).

[69] *Islamisme et parsisme*, p. I; ссылка на статью Снук-Хургронье в LOPh, I, 1884, S. 417.

[70] Ему посвящен первый том «Muhammedanische Studien».

[71] Ср.: Goldziher, *Die Religion des Islams*, S. 105 (Гольдциер, *Ислам*, стр. 19) — слова о выяснении характера *иджмā'* как об «одной из великих заслуг Снук-Хург-

ной дружбой, к счастью, исключалась всякая возможность споров о приоритете.

Вообще эволюция науки исламоведения за последние десятилетия, в которой Гольдциеру принадлежит такое видное место, представляет редкую в истории науки картину смены направлений без резкой полемики между современниками и без резких нападок на умерших, если исключить некоторые резкости против Шпренгера, Дози, Кремера и А. Мюллера в трудах Вельхаузена.

Помимо личных свойств ученых это, может быть, находится в связи со скудостью данных, которыми располагали даже авторы лучших исследований по сравнению с общим количеством материала, подлежавшего привлечению. При таком состоянии науки ученые не могли не сознавать, что и их труды, как и труды их предшественников, могут иметь только временное значение. Если бар. Розен в одном месте [72] говорит, что «истории внутреннего развития ислама» как «новой научной дисциплине» было «положено основание» вышедшей в 1868 г. книгой Кремера, то тот же ученый, может быть, был ближе к истине, когда в 1889 г.[73] называл даже преемников Кремера, именно Гольдциера и Снук-Хургронье, «самыми выдающимися представителями *возникающей* (курсив наш) новой науки об исламе». Другими словами, трудом Кремера было положено начало не науке, а процессу возникновения науки и до сих пор, по нашему мнению, еще далеко не законченному.

Гольдциеру было дано работать для науки еще тридцать лет после появления его главных трудов. Не отказываясь от работы в других областях, когда-то занимавших первое место в его научных интересах, он с особенной любовью продолжал заниматься вопросами исламоведения, все более расширяя круг своих исследований и привлекая к рассмотрению все новые стороны идейной жизни представителей мусульманской культуры. Дать оценку всех этих работ не было бы никакой возможности; успехи науки исламоведения по сравнению с работами пионеров в этой области, может быть, нагляднее всего выразились в том, что писал Гольдциер в 1912 г.[74] о рационалистах ислама, мутазилитах, односторонне идеализованных Кремером. Помимо области религии и тесно связанной с нею области мусульманского права Гольдциер интересовался и судьбами, в истории мусульманской культуры, философской мысли. Им был составлен в 1913 г. для издания «Kultur der Gegenwart» очерк средневековой философии мусульман и евреев [75]. Из его переписки с бар. Ро-

ронье в исламологии». О том же вопросе: Goldziher, *Die Ẓâhiriten*, S. 32 sq., ср. с замечанием (S. 34, Note 2), что эта работа была составлена еще до появления работы Снук-Хургронье.

[72] Розен, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 171.

[73] Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 419.

[74] Goldziher, *Aus der Theologie*, S. 213.

[75] Есть и в русском переводе, изд. товарищества «Обществ. польза»: ‹Гольдциэр, *Исламская и еврейская философия*›.

зеном [76] видно, что он после своего избрания в члены-корреспонденты Академии наук считал своим долгом поместить в академических изданиях какое-нибудь научное исследование и к 1906 г. приготовил для этой цели арабский текст (еврейскими буквами) еврейского неоплатонического сочинения XI или XII в. (по единственной известной рукописи, парижской) с примечаниями и экскурсами на немецком языке. Мне неизвестно, почему это намерение не осуществилось и почему предлагавшееся русской академии издание появилось в 1907 г. в геттингенских «Abhandlungen»[77]. Предметом последнего по времени из известных мне трудов [78] Гольдциера был другой рукописный unicum, именно рукопись Британского музея, содержащая один из ранних трактатов «оживителя ислама» Газали. Книга вышла в Лейдене в 1916 г.[79], уже во время войны, тем не менее экземпляры, по распоряжению автора, были доставлены некоторым русским ученым, в том числе мне.

И. Ю. Крачковскому я обязан сообщением, что в 1915 г. Гольдциером была напечатана [80] «обстоятельная рецензия на издание, опубликованное русским ученым уже во время войны»[81]. В 1915 г. появились в шведском переводе (перевод принадлежит одному из шведских учеников Гольдциера — Тор Андрае) читанные Гольдциером в 1913 г. в Упсале лекции по истории толкования Корана [82]. Немецкий подлинник появился только в 1920 г. в значительно дополненном виде, вследствие чего это издание по размерам почти вдвое превосходило шведское. По словам И. Ю. Крачковского [83], этой работе, «несомненно, суждено занять такое же место в научном наследии Гольдциера, как „Muhammedanische Studien“, „Abhandlungen zur arabischen Philologie“, „Vorlesungen über den Islam“».

Как ни расширялась область исследований Гольдциера, все же исключительным предметом этих исследований оставался до конца мир идей; эволюция идей рассматривалась исключительно как самостоятельное

---

[76] Письма от 2 апреля 1899 г., 7 декабря 1904 г., 1 февраля 1906 г.

[77] Цитируется самим Гольдциером в *Die islamische und die judische Philosophie.*

[78] В том же, 1916 г. вышла еще известная мне только по ссылке Макса ван Бершема (Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 106) статья в «Abhandlungen» Берлинской академии «Stellung der antiken Wissenschaften». Последняя чисто филологическая статья Гольдциера была напечатана уже после его смерти ⟨Goldziher, *Zwei Schwerter*⟩ в DI, Bd XII, S. 198—201, с отметкой, что автору уже не пришлось читать корректуру. В томе XI (1921) помещена заметка Гольдциера о бабизме ⟨Goldziher, *Kleine Mitteilungen*⟩.

[79] Goldziher, *Streitschrift des Gazāli.*

[80] Goldziher, ZDMG, Bd LXIX, S. 192—207. С самой рецензией я ознакомился уже после составления настоящего некролога, во время командировки за границу.

[81] Ибн Хазм, *Ṭauḳ ал-ḥамāма*, изд. Петрова.

[82] Ср. Бартольд, «Мусульманский мир», стр. 53.

[83] Ссылающегося при этом на DI, Bd XII, S. 114—122 (рецензия, подписанная H. Ritter), где приводится заглавие книги Гольдциера: *Die Richtungen.* В кавычках здесь и ниже приводятся слова записки, любезно составленной для меня И. Ю. Крачковским. Самой рецензией я мог пользоваться только при чтении корректуры.

явление, без всякой связи с явлениями хозяйственной и политической жизни. Таким же образом мы находим среди трудов Гольдциера много попыток характеристики литературного деятеля по его сочинениям, но едва ли хотя бы одну биографию в настоящем смысле слова. Этим отчасти объясняется, что Гольдциер иногда давал ввести себя в заблуждение своим источникам, когда эти известия не могли быть опровергнуты другими памятниками идейной литературы, но только фактами жизни. Так, Гольдциер [84] был убежден в равнодушии омейядских халифов к вопросам вероисповедания, тогда как в действительности ни при одном из аббасидских халифов не было такого ожесточенного преследования еретиков, как преследование кадаритов при халифе Хишаме и даже при нечестивом, по своему личному образу жизни, Валиде II [85].

С этой односторонностью взглядов Гольдциера, вероятно, было связано искание другими учеными, преимущественно в XX в., новых путей. Во-первых, получалось впечатление, может быть не совсем верное, что в мусульманском мире «люди пера», несмотря на свое взаимное соперничество и взаимные нападки, находились под господством одних и тех же установившихся схем, не дававших простора личности, и что людей с ярко выраженными личными стремлениями и страстями можно было найти только среди «людей меча»[86]. Это могло способствовать переходу от изучения культурной истории ислама к изучению политической. Кроме того, в печати была отмечена (в 1913 г.) односторонность построений Гольдциера о начале ислама, так как исследователь искал объяснения исторического процесса исключительно в сфере самого процесса и даже при этом оставлял без внимания некоторые существенные элементы, как элемент внушения [87]. Несомненно, что, исключительно выдвигая факты идейной жизни, Гольдциер из трудов Кремера более примыкал к «Geschichte der herrschenden Ideen des Islams», чем к «Culturgeschichte des Orients». Несомненно тоже, что в некоторых отношениях новое направление, направление Вельхаузена, Беккера, Каэтани и Ламменса, представляет шаг вперед по сравнению с направлением Гольдциера; но вместе с тем чрезмерная решительность и догматичность исследователей политической истории, особенно немецких, заставляет иногда с сожалением вспоминать о научной объективности, философском спокойствии и терпимости людей идейного миросозерцания. Одностороннее изучение идейной эволюции вне связи с окружающей бытовой средой все же лучше, чем мнимо научные выводы, в основу которых положены такие неопределенные понятия, как в области жизни природы — процесс

[84] Напр.: Goldziher, *Islamisme et parsisme*, p. 9: «indifférentisme confessionel des Omayyades».

[85] Об этом потом: Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 217, 222. Из источников особенно Табари, II, 1733 и 1777. О призывании «султана», т. е. светской власти против еретиков при Омейядах, Табари, III, $2492_{\bullet 17}$.

[86] Becker, *Eine kritische Maqrīzīausgabe*, S. 405.

[87] M. Hartmann, WI, Bd I, S. 145.

изменения климата, в области человеческой жизни — факты расовой психологии. При таком освещении материала переход с почвы идей на почву фактов не всегда способствовал, как следовало бы ожидать, ясности представления о том, что происходило в действительности. Не говорим уже о таком безвредном для конечных итогов науки, но временно вносящем в понятия некоторую смуту явлении, как стремление некоторых правительств и под их влиянием некоторых ученых приспособить выводы науки к задачам текущей политики. Гольдциеру, насколько мне известно, не приходилось касаться этой литературы, вызванной мировой войной, в возможность которой он до самого ее наступления отказывался верить; его книга о Газали, вышедшая в 1916 г., не заключает в себе и намека на военные события и связанные с ними теоретические споры, тогда как Снук-Хургронье, в свое время осмеявший стремление англичан добиться от мусульманских авторитетов признания, что Индия есть دار الاسلام, теперь с такой же иронией писал о «священной войне made in Germany»[88]. Только в упомянутой выше книге, вышедшей в 1920 г., которую он в предисловии, по словам И. Ю. Крачковского, назвал своей «лебединой песнью», Гольдциер «обрисовал те тяжелые условия, в которых ему приходилось работать после войны и революции»[89]. Венгерской Академией наук, где Гольдциер «уже много лет был председателем историко-филологической секции», тогда же было организовано празднование исполнившегося семидесятилетия Гольдциера; это празднество, конечно, «не рассеяло его грустного настроения», и в письме к Снук-Хургронье он говорил о нем как о «Vorbereitung des Begräbniss»[90].

В своих взглядах на будущее мусульманского мира Гольдциер оставался тем же несколько односторонним теоретиком, каким он был в своих исследованиях о прошлом; ему казалось, что мусульманский мир будет в состоянии подняться на более высокую ступень религиозной жизни только в том случае, если его идейные представители от тенденциозной апологии и антиисторического рационализма перейдут к рассмотрению документальных источников своей религии в исторической перспективе[91]. Едва ли можно было бы привести хотя бы один пример религиозной реформы, которая была бы вызвана исключительно объективными исследованиями ученых-историков.

Таковым представляется мне научный облик Гольдциера, насколько

[88] Ср. рецензию Шмидта («Мусульманский мир», стр. 55—61).

[89] В статье Massignon, *Ignace Goldziher*, кроме того, упоминается письмо Гольдциера в журнале «Magyar Figyelon» (Bd IV, 1916, S. 250—254) *Der Krieg und die Solidarität der Gelehrten.*

[90] По статье Massignon, *Ignace Goldziher*. Гольдциер отказался от председательства в академической секции под влиянием гонения на евреев, поднятого правительством Хорти. Венгерское правительство постаралось загладить этот инцидент торжественным празднованием семидесятилетия Гольдциера в 1920 г. и устройством торжественных похорон в 1921 г.

[91] Гольдциэр, *Ислам*, стр. 45 (в подлиннике стр. 132).

он может быть установлен по его печатным трудам. На страницах научных изданий, вероятно, уже появились попытки дать характеристику Гольдциера как преподавателя и лектора [92]. При его жизни об этом в печать проникало мало сведений; из участников сборника по случаю сорокалетия его научной деятельности с университетским преподаванием Гольдциера связывает свою статью только один, А. С. Яхуда [93], по-видимому, талантливый ученый, обладающий сведениями в арабской диалектологии, в еврейской и мусульманской религиозной литературе [94]. В сборнике уже не участвовал другой, более ранний ученик Гольдциера, д-р Мартин Шрайнер, составитель указателей к двум томам «Muhammedanische Studien», впоследствии преподаватель (Docent) при берлинской Lehranstalt für Wissenschaft des Judentums, напечатавший в 90-х годах ряд превосходных статей по истории мусульманских религиозных движений, но впоследствии, по-видимому, более не выступавший на научном поприще; когда и по каким причинам прекратилась его деятельность, мне не удалось установить [95]. По мере роста научной известности Гольдциера в Будапешт специально для него стали приезжать молодые исследователи мусульманской культуры; в письмах Гольдциера названы несколько имен таких ученых; Гольдциер занимался с ними особо, совершенно независимо от своих университетских лекций, остававшихся, по его словам, и в то время [96] на крайне элементарном уровне. Вследствие этой же научной известности к Гольдциеру обратились в 1894 г., на женевском конгрессе, с предложением принять на себя, вследствие смерти Робертсон-Смиса, дело организации издания мусульманской энциклопедии [97]. Гольдциер принял поручение и впоследствии, по-видимому, оказал некоторое влияние на перенесение всего дела в Лейден и возложение обязанностей главного редактора на проф. Хаутсма (последний в предисловии к изданному в 1899 г. «Spécimen» энциклопедии упоминает о том, что поручение было принято им «à la demande de M. Goldziher»); но вообще Гольдциер, несмотря на свой несомненный такт и на свои дружеские связи с большим числом ученых, фактически не принимал большого участия в организации ни этого, ни других международных предприятий, отчасти, вероятно, по недостатку времени [98].

---

[92] В статьях Беккера и Массиньона об этом не говорится.

[93] «Festschrift für I. Goldziher», S. 345.

[94] Ср. отзыв о другой его работе, вышедшей в том же, 1912 г. (Horten, WI, Bd I, S. 244).

[95] В списки членов DMG его имя было внесено в 1887 г. (№ 1105), когда он был раввином в Csurgó <Чурго>, и в последний раз названо в 1903 г. (т. LVII), в списке за 1904 г. (т. LVIII) его уже нет, хотя в «Personalnachrichten» оно не названо ни среди имен умерших, ни среди имен, вышедших из состава Общества. Последние работы его, отмеченные в «Orientalische Bibliographie», относятся к 1900 г.

[96] Письмо от 22 октября 1896 г. [97] Письмо от 5 ноября 1894 г.

[98] На парижском съезде ориенталистов (1897 г.) Гольдциер красноречиво защищал идею издания «Энциклопедии» против ее противников, находивших преждевременным

В противоположность большинству крупных ученых Гольдциеру не была суждена ни университетская, ни другая научная карьера, которая доставила бы ему материальное обеспечение. В университете он не получал содержания ни в качестве приват-доцента, ни даже после своего утверждения, только в 1894 г., ординарным профессором; избрание в академию столь же мало доставило ему средств к существованию; поэтому им в начале 1876 г. была принята административная должность секретаря будапештской еврейской общины, отнимавшая у него от шести до семи часов в день [99], должность, к которой он считал себя совершенно неспособным и которой страшно тяготился [100]. Несмотря на свой венгерский патриотизм, Гольдциер с самого начала мечтал о более обеспеченной карьере немецкого профессора; о том же, по-видимому, мечтали для Гольдциера его друзья. Нёльдеке в конце своей рецензии на второй том «Muhammedanische Studien» выражает недоумение, почему не воспользовались представившимся случаем призвать Гольдциера на освободившуюся незадолго перед тем кафедру [101]. Этим желаниям не было суждено сбыться. Первоклассный ученый считал себя неудачником на жизненном поприще; об этом говорится во многих из его писем, которые, вероятно, дадут ценный материал будущему составителю его полной биографии. Со своей стороны, ограничусь установлением факта, что при всей горечи настроения, которым проникнуты эти письма, в них столь же мало, как в печатных трудах Гольдциера, можно было бы найти признаки пессимистических взглядов на жизнь и людей.

Надо надеяться, что будущее поколение получит возможность оценить не только научные заслуги, но и подвиг жизни великого ученого [102], остававшегося, по-видимому, и в жизни тем же идеалистом, каким он был в своих научных исследованиях.

издание такого свода данных по такой малоисследованной области, как область мусульманской культуры. Гольдциер доказывал, что и современное поколение нуждается в таком справочном пособии, которое, конечно, будет иметь только временное значение и впоследствии будет заменено другими, более совершенными (устное сообщение С. Ф. Ольденбурга).

[99] Письмо от 18 января 1876 г.

[100] Об этом говорится в большом числе писем, особенно в письме от 20 августа 1879 г. По словам Массиньона, Гольдциер 30 лет (1874—1904) был секретарем «de la communauté israelite réformiste de Pest».

[101] Nöldeke, WZKM, Bd V, S. 49.

[102] По словам Л. Массиньона, монографию о Гольдциере готовит Хеллер в Будапеште. Интересно также сообщение Массиньона, что Гольдциер мечтал о примирении арабов с евреями в Палестине и на юбилейном празднестве 1920 г. сказал своему ученику, арабу — христианину из Мосула: «Для твоего и своего народа я жил, если ты вернешься на свою родину, расскажи об этом своим братьям». ⟨Упомянутая В. В. Бартольдом работа Хеллера вышла в свет в 1927 г.: Heller, *Bibliographie de Goldziher*. О Гольдциере см. еще: Крачковский, *Памяти Игн. Гольдциера*; Nemeth, *Goldzihers Jugend*. — *А. К.*⟩

И. Н. БЕРЕЗИН КАК ИСТОРИК [1]

Ориенталист того поколения, к которому принадлежал И. Н. Березин, не мог быть только специалистом, не мог тоже ограничиться чисто филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интереса был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов, что неизбежно приводило к рассмотрению вопросов, составляющих предмет исторической науки. Во вторую половину долгой жизни Березина русское востоковедение находилось уже на иной стадии развития и ставило себе целый ряд специальных задач; но эти перемены мало отразились на трудах Березина, для которого период деятельной и плодотворной работы в сущности закончился вместе с 60-ми годами. По той же причине научное мировоззрение Березина не представляет картины постепенной эволюции; не только как филолог, но и как историк, он успел себе выработать вполне определенные взгляды уже в первые годы своей учебной и ученой деятельности, и эти взгляды потом не подвергались существенным изменениям. Как сложилось это мировоззрение, мне не удалось вполне выяснить; в противоположность своему сверстнику В. П. Васильеву Березин мало говорит в печати о своих студенческих годах и своих учителях. Нет также полной библиографии его трудов, чем затрудняется выяснение деталей его взглядов, особенно в области исторических вопросов, которых он касался во многих статьях, рассеянных по периодическим изданиям, но которым не посвящал специальных исследований.

I

Из своих учителей Березин называл только Ф. И. Эрдмана [2] и А. К. Казем-Бека. Первый был автором целого ряда нумизматических и исторических работ, на которых, как на всей его деятельности, отразился не-

[1] Читано в заседании Восточного отделения Археологического общества 7 мая 1919 г. по случаю столетия со дня рождения Березина. ⟨Об И. Н. Березине см.: БСЭ, т. 4, стр. 638; СИЭ, т. 2, стр. 343—344; *Биографический словарь СПб. ун-та*, т. I, стр. 47—48; Самойлович, *И. Н. Березин как турколог*; Владимирцов, *И. Н. Березин — монголист*; Крачковский, *Мелочи*; Кузнецова—Данциг, *И. Н. Березин — путешественник*; Якубовский, *Из истории изучения монголов*, стр. 55—60. — *А. К.*⟩

[2] Березин, *Первое нашествие монголов*, стр. 224 («почтенный наставник»).

достаток научной подготовки, отмеченный в некрологе, посвященном Эрдману в органе немецкого востоковедения [3]. Лучше известно отношение Березина к Казем-Беку благодаря биографии этого последнего, составленной Березиным по случаю смерти своего учителя для протоколов заседаний Совета С.-Петербургского университета [4]. Березин был близок Казем-Беку еще в студенческие годы, с тех пор как попечителем Мусиным-Пушкиным был передан на суд Казем-Бека сделанный Березиным по собственному почину перевод персидской грамматики Жобера. Казем-Бек уже тогда сделал Березина своим личным секретарем, поручил ему свою переписку и исправление своих работ, писавшихся на русском языке. Те же обязанности Березин продолжал нести после окончания университетского курса, с июня 1837 г., когда был утвержден в степени кандидата, до июня 1842 г., когда началось его путешествие на Восток. Научная подготовка Березина не ограничивалась, однако, теми сведениями, которые он мог получить от Казем-Бека. Так, Казем-Бек, по замечанию его биографа, почти не знал немецкого языка и оставался совершенно чужд немецкой науке, тогда как работы Березина свидетельствуют об основательном знакомстве с немецкой литературой, беллетристической и научной. Где, как и под чьим влиянием им были приобретены эти познания, остается мне неизвестным.

В годы оставления при университете Березин покидал Казань, по-видимому, только один раз, для поездки в Астрахань и калмыцкие степи, причем эта поездка, по его словам [5], имела целью ознакомление с «персиянами и татарами». Очень вероятно, что она была совершена в 1839 г., когда в Астрахань для ревизии гимназии ездил Казем-Бек.

В феврале 1841 г. Березин был утвержден в степени магистра восточной словесности; тема его диссертации, по обычаю того времени оставшейся в рукописи, нигде не названа. В 1842 г. он был вместе с другим магистром, Вильгельмом Диттелем, командирован на три года на Восток. Оба магистра должны были посетить одни и те же страны и руководствоваться одной и той же инструкцией, составленной Казем-Беком, по словам его биографа, еще в 1840 г., рассмотренной Академией наук и утвержденной министром; самая поездка состоялась с высочайшего соизволения, последовавшего в 1841 г. Березин в одном из своих отчетов [6] с благодарностью упоминает о данных ему наставлениях, избавлявших его от необходимости «блуждать наудачу и ощупью отыскивать предметы»; в биографии Казем-Бека он, напротив, говорит об инструкции, что «ра-

[3] Gosche, *Wissenschaftlicher Jahresbericht*, S. 57. Ср.: Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 29; ⟨выше, стр. 47⟩. Более благоприятный отзыв об Эрдмане дан в последнее время Ф. Бабингером в ⟨статье⟩ *I. J. Schmidt*, S. 8 («trefflicher Orientalist»), ⟨см. выше, стр. 47, прим. 35; см. еще: Крачковский, *Очерки*, стр. 121.— *А. К.*⟩.

[4] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 100—130.

[5] Автобиография Березина в *Словаре русских писателей* Венгерова.

[6] Березин, *Извлечение из отчета*, I, стр. 23.

бота эта, конечно, по своей спешности к известному сроку, не принадлежит к числу тех, которые выказали ученость Казем-Бека с выгодной стороны» [7]. Инструкция требовала от обоих магистров, без всякого внимания к их специальным научным задачам, всестороннего изучения языков, литературы, современной жизни, в том числе «обычаев жителей, их религии и расколов», истории и памятников прошлого нескольких восточных стран, от Персии до Египта и на возвратном пути от Египта до Крыма включительно. Кроме того, им, как магистру Васильеву при его отправлении в Китай в 1840 г.[8], поручалось собирание семян, растений и других редкостей природы. Из дел архива Академии наук видно, что составленная Казем-Беком инструкция в июне 1841 г. была сообщена Академии наук, передана Конференцией на рассмотрение академиков Френа и Дорна и на основании их отзыва одобрена Конференцией в заседании 13 августа. В подлинном отзыве, написанном рукой Френа и подписанном им и Дорном, наряду с общим одобрением инструкции были предложены некоторые частные поправки. Академики находили желательным, чтобы путешественники обратили особое внимание на малоисследованные прикаспийские области, Гилян и Мазандеран. Предлагалось также усилить лингвистические занятия и занятия в библиотеках на счет занятий каллиграфией, более необходимых для будущих дипломатов, чем для будущих профессоров, и изучения мусульманских сект, связанного с большими трудностями. Эти пожелания, однако, не были повторены в постановлении Конференции.

В отчетах Березина о его путешествии [9] находятся, например, некоторые замечания о памятниках прошлого, представляющие несомненный интерес не только для своего времени и свидетельствующие не только о наблюдательности, но и о разносторонности дарований молодого ученого. Таково его замечание об ахеменидской клинописи как об «исключительной принадлежности двора» [10]. Столь же любопытны его слова о развалинах Рея как о памятнике исключительно мусульманской эпохи [11], между тем как не только его предшественник Кер Портер ставит вопрос, через какие ворота мог войти в Рей «небесный посланец книги Товита», но и современный иранист Джексон [12] ставит тот же вопрос о Дарии Кодомане и без достаточных оснований видит в сырцовых кир-

[7] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 110.

[8] Бартольд, *Обзор деятельности факультета*, стр. 64; ⟨выше, стр. 78⟩.

[9] Маршрут: Астрахань — Дербент — Баку — Ленкоран — Ардебиль — Тавриз — Тегеран — Исфаган — Шираз — Бендер-Бушир — Басра — Багдад — Мосул — Диарбекр — Алеппо — Антиохия — Лаодикея — Триполи — Бейрут — Сидон — Тир — Акра — Яффа — Иерусалим — Назарет — Дамаск — Баальбек — Бейрут — Александрия — Каир — Смирна — Константинополь — Одесса — Крым — Петербург.

[10] Березин, *Извлечение из отчета*, I, стр. 41.

[11] Там же, стр. 40.

[12] *Persia*, p. 434. Там же цитата из Ker Porter, *Travels*.

пичах существующих теперь валов признаки домусульманского происхождения. Столь же мало устарело, к сожалению, замечание Березина [13] о мусульманской персидской архитектуре как о «предмете высокого любопытства и до сих пор не обращавшем на себя надлежащего внимания». Известно, что недостаточное внимание к памятникам мусульманской архитектуры, под влиянием чрезмерного увлечения древностью и в особенности раскопками, отмечалось и в XX в.[14].

II

Последствием путешествия Березина кроме научных отчетов [15] были: популярное описание части путешествия (до Северной Персии включительно) и большое число очерков и статей [16], посвященных отдельным местностям, народностям, религиозным верованиям и т. п. Эти статьи доставили автору известность писателя с несомненным литературным талантом, что не раз отмечалось и специалистами-учеными [17], но, рассчитанные на широкий круг читателей, они скорее могут быть названы произведениями публицистической литературы, чем произведениями литературы научной, хотя бы популярной. Из них более всего относится к области истории статья «Восточные реформаторы», посвященная средневековым исмаилитам (ассасинам) [18]; но и на этой статье заметно влияние взглядов автора на современный ему Восток. Как знаток Востока и ученый, понимавший, что «дело веков поправлять нелегко», Березин не мог не относиться отрицательно к ходячим фразам и поверхностным суждениям о пробуждении и близком обновлении восточных народов и государств; но, несмотря на свое личное знакомство с Востоком, он был не чужд противоположного заблуждения ученых-теоретиков, склонных преувеличивать силу инерции прошлого и на основании принципа «так было и так будет» видящих в прошлом ключ к объяснению всех вопросов, связанных с будущим. Заблуждения такого рода отмечались не только в среде ориенталистов. В 1912 г. в органе немецких студенческих исторических обществ [19] был отмечен интересный факт, что события, связанные с объединением Италии, были верно предсказаны людьми, далекими от исторической науки, как Лассаль, и совершенно опровергли предска-

---

[13] *Извлечение из отчета*, I, стр. 44.

[14] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 147; ⟨выше, стр. 340⟩.

[15] Березин, *Извлечение из отчета*, I—II.

[16] Ср. перечень их у В. В. Григорьева, *Петербургский университет*, прим. на стр. 67 и сл.

[17] Отзыв Григорьева там же, стр. 266; сравнение «с лучшими произведениями Морьера и Сенковского».

[18] ⟨См. библиографию в конце тома.⟩

[19] «Mitteilungen des Leuchtenburg-Bundes Historischer Vereine an Deutschen Hochschulen».

зания таких ученых историков, как Раумер и Лебель (Loebell). Последний еще 31 марта 1859 г. доказывал перед многочисленной и внимательной аудиторией в Дюссельдорфе, что создание единой Италии — сумасбродная мечта, опровергаемая двухтысячелетней историей Апеннинского полуострова.

Историков-ориенталистов часто вводило в заблуждение неверное или, во всяком случае, одностороннее представление о коренном различии между психикой народов Востока и психикой народов Запада. В статье «Восточные реформаторы», где исмаилизм рассматривается только как неудачная попытка религиозной реформы, автор говорит, что «восточный человек отодвигает жизненные вопросы на второй план и больше стремится к миру невидимому, в постепенном соприкосновении с которым держат его и предания отцов и местная литература». Даже в те годы такого мнения о «восточном человеке» придерживались не все ориенталисты. В отзыве доцента Л. З. Будагова о диссертации Л. Лазарева «Разбор поэмы Мухаммеда Фузули Лейлэ-ве-Меджнун»[20], представленной в факультет в 1861 г., рецензент решительно отвергает «заключительное мнение» автора диссертации, будто «восточный человек живет, так сказать, в сфере фантазии и мало думает об окружающем мире». По мнению рецензента, «все перевороты в судьбах восточных государств представляют картину беспрерывного волнения страстей, прямо касающихся интересов окружающей обстановки, следовательно и мира. Восточный человек, точно так же, как и европейский, стремится к возможно большему пользованию благами земного счастья».

Для Березина Восток представлял «иной мир», как озаглавлена его статья о Бендер-Бушире[21]; в своих суждениях о прошлом, настоящем и будущем этого мира он исходил не из реальных фактов жизни, но из теоретических предписаний религии. С этой точки зрения написана его статья «Мусульманская религия в отношении к образованности», напечатанная в 1855 г.[22]. Поставленный в заглавии вопрос решается в неблагоприятном смысле не на основании исторических фактов, но на основании стихов Корана и изречений, приписанных Мухаммеду, который везде называется «лжеучителем». В конце статьи высказывается едва ли вполне состоятельное мнение, что «Ассирия и Персия были образованнее нынешних мусульманских держав», так что, «вопреки историческому совершенствованию, ислам, всегдашний анахронизм, отодвигает человечество назад». Автор как бы забывает, что то же самое мог бы сказать с бóльшим правом о христианстве наблюдатель IX или X в., сопоставляя жизнь современного ему христианского мира с жизнью языческой Римской империи.

---

[20] Дела факультета, 1861, № 4.

[21] «Русский вестник», т. IX.

[22] «Отечественные записки», т. 98.

На статье Березина об исламе, как и на статье его «Современная Турция»[23], могли отразиться обстоятельства, связанные с Крымской войной; но такое же мнение об исламе и его влиянии высказывалось Березиным впоследствии. В «Очерке внутреннего устройства улуса Джучиева» (1863) он замечает, что в Золотой Орде «наряду с исламом идет и оседлость, возникают большие города, но с введением этой религии является также множество условий, задерживающих общественное развитие, так что упадок Орды настает раньше появления в ней умственного движения»[24]. В биографии Казем-Бека[25] (1870 г.) он находит нужным особо отметить, что Казем-Бек «даже ислам не считал препятствием цивилизации, о чем он заявил в предисловии к последнему своему сочинению о бабидах», где Казем-Бек свое положение, что ислам «не может быть преградой цивилизации», подкрепляет ссылкой на факт, что «во времена Аббасидов все просвещение греков было перенесено в столицу ислама; оттуда, по берегу Африки и через Испанию, сушей и морем, войной или торговлей, все отрасли наук и искусств сообщены Европе»[26].

С другой стороны, и в работах Березина, написанных в годы Крымской войны, встречаются попытки объяснить исторические факты более реальными причинами; однако и в этих попытках едва ли можно найти следы действительного изучения фактов по первоисточникам. Таково, например, мнение о последствиях завоевания турками Византии. По словам Березина[27], «застав Византийскую империю во времена почти общего упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданию от первых воителей ислама, не могла возыметь особенного почтения к истинной религии, представители которой перед глазами мусульман были так слабодушны и развращены; очень естественно, что свежее, здоровое племя воителей поверило своему мусульманскому превосходству и только в исламе видело спасение». Едва ли уровень нравственности в Византии XV в. был ниже, чем в культурных мусульманских странах того же периода, например в Египте и Персии. Та доля правды, которая заключается в словах Березина, объясняется скорее догадками талантливого ученого, чем его знакомством с историей.

III

Многочисленные статьи и рецензии, напечатанные Березиным в 40, 50 и 60-х годах, свидетельствуют о широте его образования и его научных интересов, выходивших далеко за пределы мусульманского мира. По поводу выхода в свет санскритской антологии П. Я. Петрова он дает

[23] Там же, т. 104.

[24] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 96 и сл.

[25] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 126 и сл.

[26] Казем-Бек, *Баб и бабиды*.

[27] *Православные церкви*, стр. 1 и сл.

очерк успехов санскритоведения в Европе со времени Вильсона [28]. Вопрос о так называемом обновлении Востока ставится им и решается в отрицательном смысле не только в применении к мусульманскому миру, но и в применении к Китаю, в двух статьях о Китае и отношениях его к Европе [29]. В «Буддизме» Васильева он видел некоторое увлечение северным буддизмом в ущерб южному; в рецензии на тот же труд [30] он ставит вопрос об исторических заслугах буддизма, сопоставляя его с исламом. В согласии со своим общим мировоззрением, Березин видит заслуги буддизма перед человечеством в том, что буддизм спас те страны, где получил распространение, «от множества кровавых столкновений, какие внес ислам в западную Азию». Березину не мог быть известен факт, что тибетцы выступили в роли завоевателей именно после принятия буддизма и что, вопреки основному характеру обеих религий, буддизм в новейшее время распространялся в Забайкалье посредством применения грубого насилия [31], тогда как успехи ислама в ту же эпоху в киргизских степях были достигнуты исключительно средствами культурной борьбы. Для истории русского востоковедения характерно, что, в то время как специалист по изучению мусульманских народов отдавал предпочтение, по крайней мере в некоторых отношениях, буддизму перед исламом, специалист по буддизму говорил о вытеснении буддизма «со стороны Запада более чистым магометанством» и находил, что «не религиям Востока вытеснить жар, поселенный в сердцах идеями Запада» [32].

О широком общем образовании Березина свидетельствует, например, его рецензия на 1-й том «Землеведения» Риттера в переводе П. П. Семенова [33]. Признавая заслуги Риттера, но не разделяя «исключительного энтузиазма» его поклонников, рецензент находит, что «основания новейшей науки землеведения уже лежали в „Идеях Геерена“». Факт, отмеченный Березиным, по-видимому, не обратил на себя внимания других ученых, писавших о Риттере; между тем автор книги «Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker Alten Welt» действительно во многом предвосхитил идеи великого географа. Уже им были сделаны некоторые замечания, ставшие, после Риттера, общепризнанным достоянием географической науки, как мысль о принадлежности арабского полуострова, по его физической природе, скорее к Африке, чем к Азии. Иногда Геерену успешнее, чем Риттеру, удавалось предсказывать будущее [34].

---

[28] Березин, ЖМНП, ч. 54, отд. VI, стр. 229—236.

[29] Березин, *Китай*, I—II.

[30] Березин, «Отечественные записки», т. 113, стр. 104—121.

[31] А. Позднеев, *К истории буддизма*, стр. 171.

[32] Бартольд, *Труды В. П. Васильева*, стр. 556; <выше, стр. 625, где цитируется статья Васильева *О магометанстве*>.

[33] Березин, ЖМНП, ч. 91, отд. VI, стр. 43—55.

[34] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 158; <выше, стр. 353>.

Широким и разносторонним образованием Березина объясняется и тот интерес, который он проявлял к вопросам, касавшимся жизни русской высшей школы и повышения образовательного уровня русского общества. Уже в Казани Березин с 1852 г. был редактором официальных губернских ведомостей; по словам казанского биографа Березина [35], этот орган переживал при Березине, как и при его предшественнике Артемьеве, «цветущую пору» своего существования. После переезда в Петербург Березин вполне проникся идеями конца 50-х и начала 60-х годов; в духе этих идей написано им в 1858 г. письмо из Парижа, цели его первой поездки в Западную Европу, где яркими красками изображается оскорбительное отношение Второй империи, несмотря на внешнее покровительство науке, к достоинству ученых [36]. Столь же интересна и характерна статья [37] о центрах науки в Европе, составленная в 1865 г. по отчетам лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. В этой статье рассматривается научная жизнь в двух ее важнейших центрах, в Берлине и Париже, и вообще в Германии и Франции. Отмечается важность хранения в Германии университетских традиций; разбираются мнения отдельных выдающихся ученых, например мнение Ранке о реформации как событии, заложившем «будущие семена нового общества». Березин находит, что реформация имела такое значение для жизни Германии, но что в жизни человечества вообще еще больше значения имела французская революция.

Вполне естественно, что Березин в те годы принимал более деятельное участие в жизни Петербургского университета и вообще петербургского общества, чем другие профессора восточного факультета. В дневнике А. В. Никитенко под 16 октября 1857 г.[38] есть запись о вечере у Березина, где Никитенко был радушно встречен многими из университетских товарищей и литераторов. В том же дневнике Никитенко отмечает свою встречу и свои совместные прогулки с Березиным летом 1861 г. в Либаве [39]. С 1860 по 1863 г. Березин был членом, в 1861—1862 гг.— казначеем литературного фонда. В 1863 г. он был единственным из членов факультета, принимавшим участие в трудах ученого комитета по составлению нового университетского устава, и в том же году, после введения устава, был избран университетским судьей.

С влиятельным положением Березина в университете и в обществе связано предприятие, доставившее ему наиболее широкую известность,— издание «Русского энциклопедического словаря». С 1861 по 1863 г. он был редактором отдела истории и литературы Востока «Энциклопедиче-

[35] Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 220.
[36] Березин, *Письмо из Парижа*.
[37] *Нынешние центры*.
[38] Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 67, стр. 371.
[39] Там же, — РС, т. 69, стр. 66 и 70.

ского словаря, составленного русскими учеными и литераторами», не доведенного до конца (вышло пять томов на букву *А* и один том второго отделения на букву *Е*; потом предполагалось возвратиться к букве *Б*). Во главе всего предприятия стоял Краевский; из ориенталистов в нем принимали участие кроме Березина Валиханов, Васильев, Коссович, Мухлинский, Патканов, Пашино, Петров, Хвольсон, Чубинов. Березиным, между прочим, были написаны некоторые статьи по истории Персии и персидской литературе, в том числе статья о шахе Аббасе I, где говорится, что правление этого шаха привело «более к минутному величию Персии, чем к прочному ее процветанию», и что шах, «как человек, выросший среди грубых азиатцев, отличался страстными порывами жестокости». Статья «Азия» составлена Березиным вместе с П. П. Семеновым и Ф. Ф. Брантом.

В 70-х годах Березиным было предпринято и успешно закончено самостоятельное издание «Русского энциклопедического словаря». Васильев писал в 1879 г.[40], накануне окончания «Словаря», что к этому предприятию «теперь обращены взоры всей России». Н. И. Веселовский писал впоследствии в некрологе Березина: «Кто же не знал проф. Березина, как издателя Энциклопедического Словаря»[41]. По словам Васильева, товарищи Березина боялись за успех дела, «зная, что прежде предпринимавшие такой же труд с большими средствами и, по-видимому, с большими надеждами и рекомендациями, не могли довести его и до половины»; теперь до окончания осталось каких-нибудь два месяца; «успехом Березина, составляющим его гордость, может гордиться и самый наш Университет». Веселовский также находил, что «предприятие такого издания на склоне лет нельзя не считать очень смелым, а доведение его до конца, при отсутствии помощников и при существующих у нас условиях книжного рынка, по справедливости следует считать подвигом». Мне не известны условия издания словаря, и потому я не решаюсь судить о том, насколько справедливы слова об отсутствии помощников и кому, главному редактору или его сотрудникам, издание больше всего было обязано своим успехом. В списке редакторов на первом месте после главного редактора названо имя опытного публициста, будущего сотрудника «Голоса» В. Р. Зотова. Березину удалось привлечь к участию в словаре целый ряд университетских преподавателей, в том числе двенадцать ориенталистов: Васильева, Гиргаса, Хазарова, Коссовича, Лерха, Минаева, Петрова, Пещурова, бар. Розена, В. Д. Смирнова, Черняева, Чубинова. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке имен Григорьева и его ученика Н. И. Веселовского; вероятно, это объясняется личными отношениями между Березиным и представителем кафедры истории Востока. Статьи, за редкими исключениями, появлялись без подписи,

[40] *Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 98.
[41] Годичный акт 8 февраля 1897 г., стр. 4.

чем затрудняется определение степени участия в словаре отдельных ученых. Такие статьи, как «Аравия» бар. Розена, «Бухара» и «Мавераннагр» Лерха, были шагом вперед не только в популярной литературе и во многих отношениях стояли выше статей по тем же предметам в энциклопедических словарях последующего времени. В общем, однако, в словаре Березина востоковедению отведено меньше места, чем в словаре 60-х годов; так, нет статьи об Аббасе I. Березин иногда перепечатывал, но в значительно сокращенном виде, свои статьи из прежнего словаря; так, статья об Аббасе-мирзе, подписанная в словаре 60-х годов инициалами Березина, со значительными сокращениями вошла в «Русский энциклопедический словарь» (где появилась без подписи), причем некоторые места повторены буквально, например слова, что Аббас-мирза, «по недостатку образования и слабости характера, не принес большой пользы Персии». Кроме того, нельзя не отметить, что статьи словаря, больше всего связанные со специальностью главного редактора, принадлежат к числу самых слабых. О киргиз-кайсаках, киргизах, турецкой литературе, турецких племенах, турецком языке и т. п. сообщаются крайне скудные сведения; еще менее простительно было, даже в 1875 г., называть гуннов «азиатским кочевым народом калмыцкого происхождения».

Успешному окончанию дела помимо достоинств самого словаря способствовало, вероятно, и то сочувствие, с которым было встречено предприятие Березина в высоких сферах. Император Александр II подписался на словарь, наследнику-цесаревичу, будущему императору Александру III, словарь был посвящен; издание было одобрено министерством народного просвещения для приобретения библиотеками средних учебных заведений. Была ли эта поддержка достигнута стараниями главного редактора или его сотрудников, мне неизвестно.

IV

В записке, представленной в Совет университета по поводу баллотирования Березина на оставление в должности на ближайшее пятилетие, Васильев старался доказать, что работы, связанные с изданием «Словаря», нисколько не ослабили деятельности Березина как ученого-специалиста. Н. И. Веселовский, напротив, доказывал, что «подвиг» издания «Словаря» «подорвал силы Березина, который после того долго ничего не издавал». В последние два десятилетия жизни Березина мы действительно видим почти полное прекращение его деятельности как преподавателя и как специалиста-ученого. Ежегодно объявлявшиеся им университетские курсы фактически почти не читались; работы, начатые им в лучшие годы, остались незаконченными, в том числе и труд, составляющий его главную заслугу перед исторической наукой,— издание и перевод «Истории монголов» Рашид ад-дина.

Начало работ Березина в области истории монголов, по-видимому, связано с его пребыванием в Петербурге, куда он был вызван в 1845 г., после окончания заграничного путешествия; только в следующем году, после сдачи испытания в Академии наук и представления пробной работы [42], он был назначен профессором в Казань. Занимаясь в петербургских библиотеках (непосредственным плодом этих занятий было «Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга») [43], Березин помимо собирания материала для турецкой хрестоматии изучал также источники по истории монголов; по-видимому, та же цель имелась им в виду при занятиях, в 1847 г., в московском главном архиве министерства иностранных дел. Из биографических сведений о Березине не видно, приступил ли он к изучению истории монголов по собственному почину или под влиянием петербургских ориенталистов, особенно Френа, не переставшего обращать внимание на эту научную задачу с тех пор, как она по его инициативе была предложена Академией наук для соискания премии (в 1826 и 1832 гг.) [44].

В Казани Березиным было начато издание «Библиотеки восточных историков», первый том которой вышел в 1849 г. Издатель предполагал обнародовать «в подлиннике и переводе сказания восточных писателей о монголах, а также о тюркских и других племенах, обитавших в первобытной России, пополняя эти известия извлечениями из географов мусульманских». В статье о «Внутреннем устройстве Золотой Орды», напечатанной в 1850 г.[45], Березин выражает надежду, что в его «Библиотеке» будет «постепенно собрано все, что сообщают мусульманские писатели о монголах». В первую очередь было предположено издать и перевести несколько сочинений, которые все, в большей или меньшей степени, были основаны на труде Рашид ад-дина. Издавать этот последний труд Березин первоначально не предполагал; по его собственным словам [46], он тогда еще надеялся, что будет доведено до конца издание, предпринятое Катрмером. Предприятие Березина не было единоличным; в нем своим переводом Абулгази принял участие такой ученый, как Г. С. Саблуков, окончивший курс Казанского университета еще в 1830 г. и в 1844 г. напечатавший «замечательное», как оценивал его Березин в 1850 г.[47], исследование о «внутреннем состоянии Кипчакского царства» [48]; к сотруд-

---

[42] Предметом ее был грамматический обзор (revue grammaticale) «турецко-татарского» языка (*Протоколы АН*, 1846, IV, стр. 47). Для производства испытания Березину и Диттелю была избрана комиссия, в состав которой вошли Френ, Броссе и Дорн (там же, 1845, XIV, стр. 155).

[43] <См. библиографию в конце тома.>

[44] Ср.: Френ, *Программа задачи.*

[45] Березин, *Ханские ярлыки*, III.

[46] Березин, *Первое нашествие монголов*, стр. 223.

[47] Березин, *Ханские ярлыки*, II, стр. 45.

[48] <См. библиографию в конце тома.>

ничеству были привлечены и молодые силы: Д. Банзаров, в то время кандидат Казанского университета, и Н. И. Ильминский, в то время бакалавр Казанской духовной академии, окончивший в ней курс в 1846 г.

Одновременно с изданием «Библиотеки» Березин обращался к другим источникам по истории Золотой Орды — к ханским ярлыкам и к монетам. Работы Березина о ярлыках относятся к 1850 г.[49]; по ханским ярлыкам составлен и напечатан Березиным в 1850 г. очерк «внутреннего устройства Золотой Орды»[50]. Задуманный менее широко, чем работа Саблукова, этот очерк заключает в себе только сведения о званиях, сословиях, чинах, податях и налогах. Березиным было описано собрание монет Казанского университета [51] (он заведовал этим собранием с 1849 г.); описание считается неудачным [52], и сам Березин впоследствии писал, что по случаю перевода в Петербург «не успел окончательно обработать этого каталога и должен был издать его, так сказать, вчерне» [53].

Березин дважды, в 1846 и 1852 гг., посетил развалины Булгара на Волге; составленное им описание этих развалин [54], несомненно, должно быть признано одним из лучших и принесло много пользы при составлении, по случаю четвертого (казанского) археологического съезда, монографии Шпилевского [55], посетившего развалины в 1877 г., во время съезда, вместе с В. В. Радловым. Березин предполагал посвятить волжским болгарам целый ряд работ и даже составить «историческое обозрение» этого народа [56]; но вообще в его задачу не входило производство исторических исследований в собственном смысле слова; целью его было только доставление истории того материала, какого она имела право ожидать от филологии и археологии. Даже те из его работ, в которых по заглавию можно было бы предполагать исторические статьи, именно статьи «Первое нашествие монголов на Россию» и «Нашествие Батыя на Россию» [57], в действительности являются филологическими и заключают в себе главным образом перевод восточного текста, именно текста Рашид ад-дина. Сделанные переводчиком исторические примечания не свидетельствуют о тщательном изучении литературы предмета; так, город Матарха отожествляется, под вопросительным знаком, с Астраханью [58], хотя тожество Матархи с Тмутараканью было известно еще в XVIII в. Байеру [59].

[49] Березин, *Ханские ярлыки*, I—III.
[50] См. выше, стр. 747.
[51] Березин, *Нумизматический кабинет*.
[52] Отзыв Тизенгаузена в его *Обзоре трудов по нумизматике*, стр. 6.
[53] *Протоколы заседаний совета*, № 4, стр. 113.
[54] Березин, *Булгар на Волге*.
[55] *Древние города*.
[56] Березин, *Булгар на Волге*, стр. 3.
[57] <См. библиографию в конце тома.>
[58] Березин, *Первое нашествие монголов*, стр. 240.
[59] Карамзин, *История*, т. I, прим. 389.

Статья о битве при Калке прошла в русской исторической литературе едва ли не совсем бесследно; мнение автора о дате битвы было основано на предложенном еще Клапротом неверном толковании часто встречающегося в болгарских надписях выражения جيبات جور [60]. В статье о нашествии Батыя выяснено значение облавы как приема, перенесенного монголами из области охоты в область войны; эти рассуждения Березина использованы в «Истории России» Иловайского [61].

Изучение Рашид ад-дина началось для Березина еще в Казани, куда ему была прислана академическая рукопись [62]. Кроме статей о битве при Калке и нашествии Батыя мы находим перевод главы из Рашид ад-дина, именно главы о кераитах, в рецензии Березина на «Землеведение» Риттера в переводе Семенова [63]. В апреле того же, 1856 г. в заседании Восточного отделения Русского археологического общества, к которому Березин приписался еще до своего отъезда из Казани в качестве члена-корреспондента, было заслушано и одобрено представление Березина об издании труда Рашид ад-дина на средства отделения. Из представления [64] видно, что в то время был близок к окончанию перевод описания турецко-монгольских племен; этот перевод вышел в свет в 1858 г. и составил 14-й том «Записок» Общества или 5-й том «Трудов» отделения; текст вышел тремя годами позже. Впоследствии был издан еще текст и перевод истории Чингиз-хана, разделенный на две части. При печатании предполагалось, что в каждой части текст и перевод будут составлять особые томы; по этому расчету Березину было уплачено вознаграждение, по 200 руб. за том; по той же причине Васильев писал в 1879 г., что Березин «приводит к окончанию печатание 6-го тома» [65]. При выходе в свет, однако, текст и перевод были соединены каждый раз в один том и составили части трудов отделения 13-ю, вышедшую в свет в 1868 г., и 15-ю, вышедшую только через 20 лет, в 1888 г. Как мы только что видели, печатание этого тома уже в 1879 г. было близко к окончанию; выход его в свет, как было заявлено в заседании отделения в октябре 1887 г.[66], был задержан печатанием составленных В. А. Жуковским указателей к трем томам перевода —«указателя собственных имен» и «указателя слов монгольских и тюркских, приводимых в примечаниях». Еще в 1870 г. в биографии Березина, вошедшей во 2-й том «Histoire des orientalistes de l'Europe» Дюга [67], было печатно заявлено, что Березиным переведена

---

[60] Березин, *Первое нашествие монголов*, стр. 249. Ср.: Ашмарин, *Болгары и чуваши*, стр. 68, 89 и сл.

[61] *История России*, т. II, стр. 375 и 561.

[62] *Протоколы ОИФ АН*, 1851, XVII, 166.

[63] См. выше, стр. 743, прим. 33.

[64] Веселовский, *История РАО*, стр. 296 и сл.

[65] *Протоколы заседаний совета*, № 21, стр. 99.

[66] ЗВОРАО, т. II, стр. VI.

[67] *Histoire des orientalistes*, II, p. 20.

вся история Чингиз-хана и его преемников до истории персидских монголов. Перевод некоторых мест из той части этой работы, которую Березин не успел издать, вошел в его докторскую диссертацию, вышедшую в 1863 г.

Я не буду подробно останавливаться на достоинствах и недостатках выполненного Березиным монументального труда. Надежды известного своими историко-географическими работами синолога Бретшнейдера, что труд Березина благодаря знакомству переводчика с восточноазиатскими языками далеко оставит за собой прежние переводы [68], оправдались только отчасти. Березин не обладал строго филологической подготовкой, что не могло не отразиться на переводе и примечаниях. Одни и те же собственные имена и термины приводятся и объясняются в различных местах различно [69]; при толковании затруднявших его мест переводчик иногда допускает слишком свободное обращение с текстом. К счастью, несостоятельные с точки зрения филологической критики конъектуры вводятся только в перевод и примечания, но не в самый текст; кто имеет возможность проверять перевод по тексту, может, не прибегая к рукописям, исправлять толкование Березина. Некоторые из таких поправок были предложены или приняты самим Березиным. Так, отмеченная впоследствии Н. И. Веселовским [70] ошибка переводчика, создавшего небывалый чин «букаульного тамговщика», была исправлена еще в 1861 г. самим переводчиком при издании текста [71], что не помешало «букаульному тамговщику» вновь появиться в 1863 г. в диссертации Березина [72], откуда он перешел в словарь Будагова и даже, чего не заметил Веселовский, в словарь Радлова [73]. Еще легче могли быть введены в заблуждение такими ошибками неориенталисты.

Ни в предисловии, ни в примечаниях издателя не выполнены основные требования внешней исторической критики, которые могут быть предъявлены к издателю восточных исторических текстов. Вопрос об отношении Рашид ад-дина к другим источникам по истории монголов нередко затрагивается, но в крайне неясных и неточных выражениях. Так, Березин повторяет несколько раз, что Рашид ад-дин пользовался китайской историей [74], в частности отдельными «китайскими биографиями сподвижников Чингиз-хана»[75]. В действительности черты сходства между трудом Рашид ад-дина и китайской историей, скорее, должны быть объ-

---

[68] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 198.

[69] Ср. пример, приведенный мною в *Туркестане*, т. II, стр. 415, прим. 6; <наст. изд., т. I, стр. 453, прим. 2>.

[70] *Мнимая должность.*

[71] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, XI.

[72] *Очерк внутреннего устройства*, стр. 60.

[73] *Словарь*, т. IV, стр. 1803.

[74] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 158, 160, 163 и др.

[75] Там же, II, 261.

яснены зависимостью от одного и того же первоисточника — монгольского официального предания [76]. В состав последнего входили и приписанные Чингиз-хану изречения, обозначавшиеся турецким термином بيليك ('знание'), в переводе Березина — «нравоучительные мысли» [77]. Эти изречения следует, безусловно, отличать от ясы, т. е. от получивших силу закона норм обычного права. В своей диссертации [78] Березин только высказывает мнение, что в изречениях Чингиз-хана мы находим «некоторые дополнения к ясе» и что эти изречения, «может быть, также составляли часть ясы монгольского завоевателя». В примечаниях к переводу Рашид ад-дина он прямо называет те же изречения, без всяких доказательств, статьями ясы [79], чем потом был введен в заблуждение Васильев [80].

Что касается языка перевода, то в этом отношении труд Березина обладает большими достоинствами. Как мне сообщил А. Н. Самойлович, из находящихся в Азиатском музее академии бумаг Березина можно вывести заключение, что работа по переводу поручалась Березиным другим лицам, но в печатном переводе замечается такое единство стиля, что он вполне может быть признан произведением Березина. Переводчик, очевидно, оставался до конца верен принципу, выраженному в предисловии к I тому «Библиотеки восточных историков», где он говорит о своем старании «представить перевод не только буквальный, но и столько же безыскусственный, как и оригинал». Эта цель достигалась им с полным успехом; в этом отношении, как мне известно, высоко ценил перевод Березина такой знаток персидского языка и такой талантливый переводчик, как покойный В. А. Жуковский.

V

Упомянутая уже несколько раз диссертация «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева», вышедшая в 1863 г.[81], доставила Березину высшую ученую степень. Главное отличие этого «Очерка» от работы, вышедшей почти под тем же заглавием («Внутреннее устройство Золотой Орды») в 1850 г.[82], заключается в том, что в «Очерке» кроме ярлыков приняты во внимание также исторические тексты, особенно труд Рашид ад-дина. По собственным словам Березина, он «после знакомства с историей монголов Рашид-Эддина» отказался «от некоторых положений»

---

[76] У Березина — «официальная монгольская летопись» (например, там же, стр. 163).

[77] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 120; ср. перс. текст, III, 178.

[78] *Очерк внутреннего устройства*, стр. 32, 101 и сл.

[79] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 173 и сл.

[80] *Вопросы и сомнения*, стр. 381.

[81] Дата оттиска; входит в состав VIII части ТВОРАО, вышедшей в 1864 г.

[82] Березин, *Ханские ярлыки*, III.

своей первой работы [83]. К сожалению, не всегда эти поправки представляются удачными и обоснованными. Так, Березин отказался [84] от совершенно правильного [85] чтения и перевода выражения ايندر حقّى 'гуменная подать'[86], потому что у Рашид ад-дина будто бы встречается слово ايندرجق в смысле 'повинность'. В действительности в тексте Рашид ад-дина [87], как в начале 1865 г. писал Григорьеву Ильминский [88], стоит انقرجاق 'седло', что не имеет ничего общего с ايندر حقى ханских ярлыков. Столь же мало обосновано сближение [89] слов قو بور [90] в ярлыке Тимур-Кутлуга и قو بجور у Рашид ад-дина.

Вообще диссертация носит на себе следы крайней спешности, что объясняется теми условиями, в которых она писалась и печаталась. 13 сентября 1863 г. факультет постановил просить Совет университета об удостоении степени доктора Березина, Васильева, Коссовича и Хвольсона как лиц, приобревших общую известность учеными трудами [91]; в том же месяце в заседаниях Совета [92] выяснилось отрицательное отношение части профессоров к этому постановлению, что побудило Березина и Васильева добиваться той же степени путем представления диссертации. В конце ноября обе диссертации были представлены. 10 декабря были написаны отзыв Голстунского о диссертации Березина и отзыв Березина о диссертации Васильева, 15 декабря состоялась защита обеих диссертаций. Естественно, что установление текста и перевод отдельных мест из Рашид ад-дина в «Очерке» страдают еще более существенными дефектами, чем в других работах Березина. Перевод главы об администрации империи Хубилая представляет иногда шаг назад по сравнению со старыми переводами Клапрота [93] и д'Оссона [94]. Так, в обоих старых переводах правильно передана фраза, искаженная до неузнаваемости переводом Березина: «Прежде были там Туда и Зейтун» [95], где имя «Туда» явилось вместо глагольной формы بوده, а «Зейтун» из названия города обратилось в личное имя. Речь идет о временном переводе в Зейтун провинциальных правительственных учреждений [96].

[83] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 10.

[84] Там же, стр. 90.

[85] Потом восстановлено Радловым, *Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга*, стр. 34.

[86] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 17.

[87] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, 156.

[88] Веселовский, *Из письма Ильминского*, стр. 038.

[89] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 91.

[90] Осталось сомнительным и для Радлова (*Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга*, стр. 34).

[91] Дела факультета.

[92] 16 и 24 сентября; см. Никитенко, *Дневник*, — РС, т. 69, стр. 742 и сл.

[93] *Description de la Chine.*

[94] *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 633—640.

[95] *Очерк внутреннего устройства*, стр. III.

[96] Ср. текст Рашид ад-дина в изд. Блоше, p. 490. Правильный перевод в *Description de la Chine* <Клапрота>, p. 457, и в *Histoire des Mongols*, t. II, p. 638, <д'Оссона>.

О таких филологических промахах, конечно, не может быть двух мнений. Более спорной представляется оценка высказанных в «Очерке» взглядов на исторические события. В одной из своих ранних работ [97] я назвал «Очерк» Березина «прекрасным для того времени исследованием»; Н. И. Веселовский в 1917 г. в рецензии на труд М. Д. Приселкова о ханских ярлыках признал работу Березина «далеко не удовлетворительной», так как в ней не выяснено, «действительно ли существовали в Золотой Орде все те подати, которые перечислялись в ярлыках, существовали ли все те должности, которые упоминались в этих документах» [98]. В частности, Веселовский указывает на невероятность существования в России должности «пардусников». Упрек едва ли вполне справедлив: тот же вопрос был поставлен самим Березиным уже в его работе о ханских ярлыках, причем он допускал существование некоторых должностей не на деле, а только на бумаге, обратил внимание и на пардусников, указал, по Карамзину, на примеры дарения одним князем другому «барсов, как красивого и редкого зверя», упомянул о том, что пардусники, как и сокольники, были даже у русского духовенства, и выразил мнение, что в этом месте под этими названиями «должно разуметь звероловов, рыболовов и других промышленников» [99].

Каковы бы ни были недостатки «Очерка», некоторые из высказанных Березиным суждений представляются мне и теперь более правильными, чем мнения ученых, писавших после него. Так, Радлов в 1891 г.[100] объяснял продолжительную сравнительно с другими кочевыми империями жизнь монгольского государства тем, что оно «распалось не на отдельные колена, которые его образовали, а на ряд культурных государств (Китай, Средняя Азия, Персия и т. д.), находившихся под властью потомков Чингиз-хана». Между тем еще Березиным был выяснен факт, что наиболее продолжительное существование было суждено именно тому из монгольских государств, которое более всего сохраняло характер кочевой державы, — Золотой Орде [101].

VI

Из некоторых примечаний Березина к переводу Рашид ад-дина видно, что он надеялся не только довести до конца труд издания и перевода, но сверх того еще рассмотреть в особых статьях несколько исторических вопросов, как вопрос о происхождении народа и названия «Монгол» [102],

[97] Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 106; <наст. изд., т. V, стр. 254>.

[98] Веселовский, ЖМНП, н. с., ч. 68, стр. 120.

[99] Березин, *Ханские ярлыки*, II, стр. 32.

[100] Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 75; немецкий подлинник в *Кутадгу билик*, изд. Радлова, ч. I, S. LVI.

[101] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 21 и сл.

[102] Рашид ад-дин, изд. Березина, II, пер., 148, 194.

о походе Чингиз-хана на Запад [103], о летосчислении у Рашид ад-дина [104] и т. п. Все это осталось невыполненным отчасти, вероятно, под влиянием того ослабления интереса Березина к научным вопросам, которое замечается во второй половине 70-х годов. Обращает на себя внимание полное отсутствие имени Березина в списке участников петербургского съезда ориенталистов и в отчетах о заседаниях съезда; между тем Березин оставался летом 1876 г. в Петербурге или в его окрестностях, так как исполнял обязанности декана [105] и должен был заменять в случае необходимости ректора [106]. Возможно, что это объясняется теми же причинами личного характера, как отсутствие имени Григорьева в списке сотрудников «Русского энциклопедического словаря» (Григорьев был фактически председателем съезда); но характерен факт, что имя Березина, еще в 1849 г. ставшего членом «азиатских обществ в Париже и Лейпциге» и дорожившего этим званием, так как упоминает о нем на заглавном листе I тома «Библиотеки восточных историков», исчезло из списков членов Deutsche Morgenländische Gesellschaft еще в 1864 г., из списка членов Societe Asiatique — в 1877 г. Березин, однако, принимал участие в 1878 г. в IV съезде ориенталистов (во Флоренции) [107].

По-видимому, Березин никогда, даже в лучшие годы, не дорожил своей преподавательской деятельностью. Талантливый популяризатор, дороживший внешним успехом, не мог удовлетворяться теми условиями, в которых приходилось и приходится преподавать ориенталистам. В статье о европейских научных центрах [108] он говорит, что «трудно навязать русскому народу сухую, отвлеченную науку, которой дышит германский профессор», что у нас «никому нет охоты читать в пустой аудитории, перед двумя-тремя слушателями». Характерно, что Березиным за всю его долгую профессорскую деятельность ни разу не была предложена тема для соискания наград медалями. Не случалось ему, по-видимому, вдохновлять чужие труды; мне не известно ни одно имя ученого, который бы печатно назвал Березина своим главным учителем. По-видимому, вполне соответствует истине приведенное в дневнике Никитенко [109] после диспута 1863 г. сравнение между Березиным и Васильевым. Березин отличался большим «внешним образованием», Васильев более «любил свой предмет».

Сведения о курсах Березина довольно скудны. В Казани им, по записке Фойгта [110], читались кроме ханских ярлыков только османские

---

[103] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, 171.
[104] Там же, стр. 173.
[105] *Протоколы заседаний совета*, № 14, стр. 65.
[106] Там же, стр. 79.
[107] Вельяминов-Зернов, *Четвертый съезд ориенталистов*, стр. 6.
[108] Березин, *Нынешние центры*.
[109] РС, т. 69, стр. 759.
[110] *Обозрение*, стр. 12.

тексты; кроме того, он читал попеременно «историю тюркских племен, историю турецкой империи и историю турецкой литературы». В Петербурге он кроме чтения среднеазиатских турецких текстов читал курс исторического содержания, иногда, судя по экзаменационным программам 1859 г.[111], посвящавшийся китайским сведениям о турецких народностях до VIII в., иногда, как в обозрении преподавания 1863/1864 г.[112], заключавший в себе «исторический и этнографический обзор всех нынешних турецких племен в России и в Азии» в качестве «Введения в историю турецкой литературы». Этот обзор иногда назывался «этнографическим обозрением турецких племен», чаще — просто «обозрением турецких племен». Так был озаглавлен и курс, прослушанный мною в студенческие годы (около 1890 г.). Из сохранившихся у меня записок видно, что Березин в то время сообщал своим слушателям сведения о трех главных турецких кочевых народах — туркменах, кара-киргизах и киргиз-казаках. В некоторых местах курс носил на себе явные следы трудов Радлова, нигде, однако, не названных. Подробнее всего излагались меры, принимавшиеся русским правительством для умиротворения киргизских степей от Петра I до 1860-х годов. Подобно Радлову [113], Березин не одобрял политики генерал-губернатора Катенина (1857—1860 гг.), направленной к насаждению в степи хлебопашества в ущерб скотоводству, и находил сохранение степного скотоводства гораздо более выгодным и необходимым для России.

Как отмечено в некрологе Березина, составленном Н. И. Веселовским [114], Березин «в последнее время снова стал думать об ученых работах и отчасти осуществил их». Речь может идти только об издании в 1890 г. последних выпусков «Турецкой хрестоматии»; к историческим вопросам, интересовавшим его прежде, Березин уже не возвращался. Желание престарелого ученого еще чем-нибудь проявить себя в науке возникло, по-видимому, в связи с пятидесятилетием его деятельности, праздновавшимся 7 января 1890 г. Петербургский университет еще в декабре 1889 г. избрал Березина своим почетным членом. Своим поздравителям юбиляр сказал речь, в которой, как говорят, несколько неумеренно прославлял свои заслуги. В речи, сказанной нам, студентам, когда мы при входе его в аудиторию, в первый раз после юбилея, встретили его аплодисментами, Березин выразил убеждение, что ему удастся еще кое-что сделать для науки. Для славы и спокойствия престарелого профессора было только выгодно, что его намерение не осуществилось и что предполагаемые работы, на которых неизбежно отразились бы его преклонные годы и отсталость от науки, не явились в свет.

---

[111] МИФВЯ, т. I, стр. 347 и сл.

[112] Дела факультета.

[113] *Aus Sibirien*, Bd I, S. 523.

[114] Годичный акт 8 февраля 1897 г., стр. 4.

Березину сравнительно редко приходилось при жизни подвергаться нападкам критики; большею частью такие нападки не шли дальше частных разговоров и писем; некоторые из них, из переписки Григорьева [115], были опубликованы после его смерти. Отношение самого Березина к трудам товарищей по науке, по крайней мере в лучшие годы, было чуждо мелочного тщеславия. В 1863 г. он выражал надежду, что места ханских ярлыков, оставшиеся «сомнительными или темными» после его собственных работ, «объяснятся удовлетворительно при ожидаемом издании крымских дипломатических актов С.-Петербургскою Академиею Наук»[116]. В 1863 г. он вместе с Григорьевым подписал представление о возведении издателя этих актов, В. В. Вельяминова-Зернова, в степень доктора.

Заслуги того поколения ориенталистов, к которому принадлежит Березин, определяются не столько выполнением, сколько постановкой научных задач, и в этом отношении ученый, понявший, что «на русских ориенталистах лежит обязанность разъяснения» монгольского периода русской истории [117], и не только словом, но и делом доказавший сознание этой обязанности, издатель «Библиотеки восточных историков» и труда Рашид ад-дина, имеет полное право на благодарность потомства.

[115] Ср.: Веселовский, *Из письма Ильминского*, стр. 038.

[116] Березин, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 9.

[117] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., V (предисловие).

ТОМСЕН И ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Будущим историком европейской науки Вильгельм Томсен, вероятно, будет отмечен как один из величайших и в то же время один из счастливейших научных деятелей. К такому убеждению могли прийти люди, знавшие Томсена только по его печатным трудам, начиная с его знаменитой докторской диссертации (1869 г.), сразу доставившей ему одно из первых мест в ученом мире; такое же впечатление производят факты его личной жизни, собранные в посвященных ему некрологах [1]. В этой жизни, по-видимому, не было ни неудовлетворенных стремлений, ни неудач, ни разочарований, от которых не обеспечены и гениальные ученые. В ранней молодости Томсен мог учиться всему, что его интересовало; в более зрелых годах он производил свои исследования в лучших условиях, какие только были возможны. Ему была чужда так называемая работа «в поле», с ее неизбежной спешностью и недоделанностью; материал часто сам приходил к нему, и он мог работать над ним столько времени, сколько находил нужным. Мирное течение его жизни иногда нарушалось серьезными болезнями, и ему приходилось долгие годы беречь свое здоровье, но внимательный уход, которым он пользовался, позволил ему дожить до преклонных лет и сохранить до конца свою работоспособность. До конца своей долгой жизни он пользовался безграничным уважением и у себя на родине, и в европейских научных кругах; после его смерти первоклассные ученые говорили о нем в посвященных ему воспоминаниях как о «величайшем исследователе, которого до сих пор знала лингвистическая наука», даже как об «одном из самых значительных, может быть, самом значительном ученом в мире» [2].

Томсен не сочувствовал философскому языкознанию, к которому им причислялось и направление Вильгельма Гумбольдта; достижения лингвистической науки были для него не столько целью, сколько средством

---

[1] Напр., Schaeder, *V. Thomsen*; Bröndal, *L'œuvre de V. Thomsen*. Сообщением этого последнего некролога я обязан С. Ф. Ольденбургу. <О В. Томсене см. также сборник «Памяти Томсена» (особенно статью Самойловича, *Вильгельм Томсен и тюркология*); Айдаров, *125 лет со дня рождения В. Томсена*; Dilâçar, *Thomsen*. — *А. К.*>

[2] <Ссылку на> отзывы Ф. Андреаса и Ф. В. Мюллера, <помещенные в газете «Berlingske Tidengen» от 14 мая 1927 г.>, см.: Schaeder, *V. Thomsen*, S. 278.

для раскрытия древнейших исторических судеб народов; так, установленный им факт присутствия древнегерманских элементов в языках прибалтийских, финских и лапландском имел значение не только для лингвиста, но и для историка. Лингвистические исследования иногда приводили Томсена к новой постановке исторических вопросов, по которым уже существовала обширная литература и которые представляли интерес для широких кругов, как вопрос о происхождении русского государства. Но самым блестящим достижением Томсена считается открытие ключа к чтению остававшихся до тех пор загадочными надписей, найденных, частью уже в XVIII в.[3], в Южной Сибири и Монголии. Учеными давно выражалась надежда, что разбор надписей обогатит наши сведения о прошлом среднеазиатских народов; эти надежды отчасти оправдались, хотя и не в той степени, как некоторое время ожидали.

Надписи раньше всего были найдены в местности по верхнему Енисею и его притокам и по месту находки назывались енисейскими. Их находили в разных местах — на скалах, на отдельных камнях, на статуях, изображавших человеческие фигуры, мужские и женские; иногда рядом с надписями были изображения животных и другие рисунки. Внимание ученых обращали на себя также археологические находки, сделанные в той же местности. Под «сибирскими» древностями понимали преимущественно енисейские; издатель «Сибирских древностей», В. В. Радлов, доказывал, что окруженная пустынями территория от Красноярска до Саянских гор, от верховьев Юса до Канской тайги составляет географически и культурно-исторически одно самостоятельное целое: «Культурное зерно, случайно брошенное, может быть, с юга, нашло себе здесь удобную для дальнейшего развития почву, пустило в ней корни и, благодаря местным условиям, росло самостоятельно до тех пор, пока набеги соседей, ворвавшихся в эту страну, не уничтожили созданной здесь культуры».

Историю этой культуры, по мнению Радлова, можно было изучать только «путем сравнения развития различных форм изделий, так как нет ни монет, ни письменных памятников, могущих разъяснить исследователю мрак доисторической эпохи Сибири»[4]. Можно было предполагать, что надписи относятся к той же эпохе, как изделия, и что гениальный ученый, который бы заставил вновь заговорить надписи, тем самым доставил бы науке те письменные известия, которых ей недоставало.

Подобно всем загадочным памятникам письменности, енисейские надписи вызвали в ученом мире большое число догадок и предположений; история их вместе с историей открытия надписей изложена финляндским археологом Аспелином в изданном в 1889 г. в Гельсингфорсе финляндским

---

[3] Библиография собрана А. Н. Самойловичем (*Материалы для указателя*); см. также его статью: *Томсен как турколог.*

[4] Радлов, *Сибирские древности*, т. I, стр. III и сл.

археологическим обществом альбоме «Inscriptions de l'Iénisséï». Финляндские и близкие к ним скандинавские ученые издавна принимали выдающееся участие в лингвистическом, этнографическом и археологическом изучении Сибири. Шведские пленные, находившиеся в Сибири после Полтавской битвы, были первыми исследователями надписей; благодаря им надписи стали называть «руническими» или «рунообразными», и эти слова (правда, ставя их в кавычки как термин, освященный традицией, хотя по существу неподходящий) продолжали употреблять и потом, когда сходство с германскими и скандинавскими рунами было признано обманчивым. Финляндские ученые, кроме того, видели в изучении сибирских древностей свою национальную задачу в связи с теориями о происхождении и древнейших судьбах финского племени. Не только финские, но и русские ученые иногда были склонны приписывать памятники енисейской культуры финнам или родственным им народам; еще в 1884 г. Радлову угро-самоедское происхождение этой культуры казалось наиболее вероятным [5]. Даже после того как был доказан турецкий характер надписей, финляндские исследователи писали о важности для финляндцев изучения древностей Средней Азии как местности, где можно было предполагать колыбель финского народа [6].

Эпоху в изучении надписей составило открытие, сделанное в 1889 г. русским исследователем Н. М. Ядринцевым: далеко от бассейна Енисея, в Восточной Монголии, были найдены памятники, где рядом с «енисейскими» надписями находились китайские, причем последними точно устанавлялось, что памятники были поставлены в 730-х годах н. э. турецкому кагану и его брату. Самый факт постановки этих памятников уже был известен из китайской «Истории династии Тан», но не было известно, что памятники сохранились до нашего времени. Даже в 1890 г., когда открытие Ядринцева уже было сделано, но еще не во всех подробностях было известно в Петербурге, русский синолог мог только установить по китайским источникам, что «в конце XIII столетия монумент существовал еще в целости» [7].

По своим размерам и своему историческому значению надписи, открытые Ядринцевым и после него другими в Восточной Монголии, далеко оставляли за собой все, что было известно раньше. Было ясно, что ключ к разбору письмен могут дать только орхонские надписи, а не енисейские; научный интерес был перенесен с Енисея на Орхон, и письмена, прежде называвшиеся енисейскими, стали называть орхонскими. Были снаряжены экспедиции на Орхон, в 1890 г.— финляндская, в 1891 г.— русская; результатом обеих экспедиций были альбомы, изданные в 1892 г.,

[5] Статья: Радлов, *Древние аборигены Сибири*, особенно стр. 9. Слова «уйгурско-самоедского» в статье: Бартольд, *Памяти В. В. Радлова*, стр. 180, <ср. выше, стр. 679, прим. 95> — опечатка.

[6] Heikel, *Antiquités*, p. XVI.

[7] Кох, *О двух камнях*, стр. 156, прим.

независимо один от другого, в Гельсингфорсе [8] и Петербурге [9]; составители финляндского альбома постарались включить в него весь тот материал, который мог содействовать разбору письмен, в особенности исторический. Этого материала теперь приходилось искать в других источниках, чем прежде. Когда издавались енисейские надписи, никто не предполагал, что надписи имеют отношение к тем турецким народностям, о которых знали по китайским источникам; мнение, выраженное в свое время (в 1847 г.) Кастреном [10], что енисейские надписи принадлежат киргизам, решительно отвергалось [11]. После открытия Ядринцева связь надписей с турецкими народностями сделалась несомненной, и значительное место в финляндском альбоме было отведено известиям из китайской «Истории династии Тан», приведенным преимущественно по русскому переводу Иакинфа Бичурина. В тот же альбом вошла статья О. Доннера о енисейских надписях, где вопрос о языке последних не решался окончательно, но приводились доказательства, что енисейские и орхонские надписи написаны на одном и том же языке, т. е. на турецком. Когда этот вопрос благодаря открытию Томсена был решен с несомненностью, то и Томсен [12] и Радлов [13] признали почти столь же несомненным киргизское происхождение енисейских надписей.

25 ноября 1893 г. «в самый тревожный день своей мирной жизни», как говорит Брондаль [14], Томсен нашел разгадку енисейско-орхонских письмен; благодаря счастливой идее, основанной, конечно, на долгих предварительных изысканиях, ему удалось установить фонетическое значение почти всех письмен в течение одного часа. 15 декабря открытие было доложено датской Академии наук; еще до этого заседания Томсен в декабре сообщил о своем открытии частным письмом академику В. В. Радлову, и в январе 1894 г. Радлов представил в Академию наук, конечно со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей [15]. Заметка Томсена появилась в 1894 г. на французском языке в «Bulletin» датской академии [16] и в русском переводе бар. Розена в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» [17].

Интерес Томсена к надписям, вероятно, должен быть объяснен его занятиями в области финно-угорского языкознания и установленными

---

[8] *Inscriptions de l'Orkhon.*

[9] *Атлас древностей Монголии.*

[10] *Reiseberichte*, S. 328.

[11] Aspelin, *Découverte des inscriptions*, p. 8 sq.

[12] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 53, где слова «sans aucun doute».

[13] *Die alttürkischen Inschriften*, S. 300, где менее решительно «offenbar zum grössten Teil».

[14] *L'œuvre de V. Thomsen*, p. 296.

[15] Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 175 sq.

[16] Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions.*

[17] Томсен, *Дешифровка.*

им еще в молодости связями с научными кругами Финляндии. Томсен исходил при своей дешифровке из текста финляндского альбома; он пользовался и русским, но вообще предпочитал «воспроизведенный печатными литерами текст издания Финско-Угорского Общества тексту ретушированных таблиц атласа Радлова»[18]. В примечании к этому месту русским переводчиком было отмечено, что в атласе Радлова «есть и неретушированные таблицы всех больших надписей». В своем большом труде о надписях сам Томсен ставит эти неретушированные таблицы наравне с таблицами финляндского альбома [19].

Открытие Томсена поставило перед историками не ту задачу, которой ожидали исследователи енисейских надписей. Оказалось, что для выяснения вопроса о происхождении и развитии енисейской бронзовой культуры надписи не могут дать ничего; зато, как было сказано мной в другом месте [20], «европейская наука получила доступ к изучению древнейших памятников турецкого языка; кроме того, впервые был найден новый, туземный источник для истории кочевых государств, о которых раньше черпали сведения только из китайских летописей». Самый алфавит, как замечает Томсен [21], исчез бесследно, просуществовав несколько столетий. Конечно, источники, к которым открыл доступ ученому миру «Шампольон сибирских и монгольских письмен» [22], по своему значению для истории человечества ни в какой мере не могли бы выдержать сравнения с материалом, сделавшимся доступным науке благодаря настоящему Шампольону.

Среди трудов, имевших целью выполнение лингвистических и исторических задач, поставленных на очередь гениальным открытием Томсена, выдающееся место принадлежит трудам самого Томсена. В одном из посвященных Томсену некрологов [23] отмечается как единственный в своем роде факт в истории языкознания, что и дешифровка, и в общем окончательное толкование, филологическое и историческое, сделавшихся доступными благодаря дешифровке текстов были выполнены одним человеком. Автор другого некролога, В. Брондаль [24], называет Томсена историком божьей милостью и утверждает, что в Томсене великий филолог и великий историк сотрудничали с великим лингвистом [25].

---

[18] Там же, стр. 328.

[19] Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 90.

[20] Бартольд, *История изучения Востока*, изд. 2, стр. 270; <выше, стр. 455>.

[21] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 54.

[22] Выражение бар. Розена (*По поводу дешифровки*). Ср. приведенные А. Н. Самойловичем (*Томсен как турколог*, стр. 18) слова Гр. Спасского (1825 г.): «Может быть, и сибирские древности будут иметь когда-нибудь своего Шампольона» <Абель-Ремюза, «Аз. вестн.», 1825, кн. 4, стр. 295, прим. 12. — *В. П.*>.

[23] Schaeder, *V. Thomsen*, S. 283.

[24] *L'œuvre de V. Thomsen*, p. 291.

[25] Ibid., p. 315.

Не произойдет никакого ущерба для неувядаемой славы одного из величайших ученых всех времен, если эти отзывы будут отвергнуты как явно преувеличенные. Совершенно верно, что гениальное открытие Томсена вызвало еще больший восторг тем, что оно было сделано не специалистом-туркологом [26]; столь же верно, что не только гениальность Томсена, но и строгая методичность его научных приемов давали ему безусловное преимущество перед всеми учеными, занимавшимися после него разбором орхонских надписей; но было бы противно природе вещей, если бы ни на переводах Томсена, ни на его исторических соображениях совершенно не отразился факт, что Томсен до своего открытия никогда не занимался ни турецкими наречиями, ни историей Средней Азии. Я не буду здесь касаться вопроса, затронутого мною в другом месте [27], по другому поводу, действительно ли перевод Томсена везде ближе к истине, чем другие переводы, действительно ли после опубликования последнего перевода Томсена должен быть признан безусловно устаревшим перевод Радлова [28]. Здесь нас интересуют только исторические соображения Томсена. Вполне естественно, что наиболее удачными оказались те соображения, для которых не нужно было быть ни туркологом, ни специалистом по истории Средней Азии, как соображения по вопросу о происхождении и характере алфавита. Много по этому вопросу было написано после Томсена, но остается незыблемым установленный Томсеном [29] факт, что орхонско-енисейский алфавит восходит к арамейскому, вероятно к одной из его иранских разновидностей, причем заимствованный алфавит был превосходно приспособлен к звукам турецкого языка.

После выяснения этого основного культурно-исторического факта на очередь стала кропотливая и малопривлекательная, особенно для гениального мыслителя, работа сопоставления надписей с китайскими известиями о тех же событиях. Было необходимо выяснить, насколько надписями подтверждается и дополняется хронологическая канва, установленная переводчиками китайских летописей, и насколько надписи дают нам новые факты или новое освещение фактов по сравнению с тем, что могли дать китайцы. По вопросу о хронологической канве Томсен [30] пришел к заключению, что среди рассказанных в надписях событий, кроме смерти Кюль-тегина и, может быть, его отца, нет ни одного, которое бы можно было с полной уверенностью отожествить с каким-нибудь определенным событием, отнесенным в китайских летописях к определенной дате. Известно, что вышедшая скоро после этого работа Марк-

[26] Ibid., p. 297.

[27] В лекциях, читанных и изданных в Константинополе: Bartold, *Orta Asya Türk tarihi*. <Теперь см.: Бартольд, *Двенадцать лекций*, стр. 21—22.>

[28] Такое убеждение высказывает немецкий переводчик датского перевода Томсена Шедер (Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 135).

[29] *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 46 sq.

[30] Ibid., p. 95, Note 2.

варта [31] дала целый ряд таких отожествлений, причем результатом исторического исследования было установление нового лингвистического факта — своеобразной системы счисления некоторых турецких народностей того времени.

Надписи, как и следовало ожидать, дают нам более наглядную и живую картину быта кочевников, чем могли дать китайцы. Чтобы правильно оценить в этом отношении новый источник, было необходимо знакомство с настоящим и прошлым Средней Азии. Томсен знал социальный строй среднеазиатских кочевников и их верования по превосходным очеркам Радлова, к которым он вполне справедливо отсылал своих читателей [32]; но Радлов наблюдал жизнь кочевников в то время, когда среди них уже не было резкой социальной дифференциации; между тем самый характерный исторический факт, устанавливаемый надписями,— связь восстания против китайцев в 680-х годах с сословной борьбой между бегами, т. е. аристократией, и «черной народной массой» среди самих турок. Этот факт не был отмечен ни Радловым, ни Томсеном; в предисловии к своему последнему переводу Томсен говорит о резкой противоположности (scharfe Trennung) между дворянством и простым народом [33], но не отмечает значения этого факта для рассказываемых в надписях событий.

В работах Томсена о надписях выяснено много фактов и дат; все же внимание Томсена привлекали не столько сухие факты, сколько красивые выражения и образы. Отмечается [34], что язык надписей, сухой и монотонный в рассказах о походах, посольствах и т. п., иногда возвышается до выражения истинно глубоких и поэтических чувств; отмечается, что, как в произведениях турецкой поэзии и изящной литературы, удачно применяется и придает своеобразную прелесть стилю антитеза. В надписях, проникнутых узкодинастической тенденцией, Томсен склонен видеть «отдаленные отголоски национальной эпопеи». В исследовании, выпущенном в 1916 г.[35], Томсен посвящает красноречивые страницы личности мудрого Тоньюкука, советника трех ханов, приписывающего себе главную заслугу в деле турецкого политического возрождения (в ханских надписях об этой его роли нет ни слова). Родившийся в период китайского владычества над турками и как бы предназначенный к тому, чтобы сделаться китайцем (так Томсен понимает текст), Тоньюкук, по гипотезе синолога Хирта [36], принятой Радловым и Томсеном, не погиб, а только считался погибшим в одной из ранних битв, потом воскрес под своим турецким именем, еще долго стоял во главе турецкой империи и в своей надписи со справедливой гордостью говорит о своих подвигах как о при-

[31] *Die Chronologie.*

[32] Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 135, 143.

[33] Thomsen, *Alttürkische Inschriften*, S. 130.

[34] О языке и стиле: Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, p. 95 sq.

[35] Thomsen, *Turcica*. О личности Тоньюкука — p. 99.

[36] *Nachworte*, S. 7 sq.

мерах для подражания, данных будущим поколениям [37]. Эти и подобные же места в исследованиях Томсена заставляют нас еще более ценить в нем великого ученого и в то же время великого человека, которому ничто человеческое не чуждо. Но от будничной работы историка все это бесконечно далеко.

Само собой разумеется, что никакие возражения против отдельных мнений Томсена не могли бы омрачить его славу. Томсен имел перед собой более легкую задачу, чем Шампольон, и мог сразу достигнуть бóльших результатов; маловероятно, чтобы в этой отрасли науки когда-нибудь установились взгляды, которые бы отличались от взглядов Томсена в той же степени, как взгляды современных египтологов от взглядов Шампольона; но даже если бы это случилось, это бы нисколько не отразилось на славе гениального мыслителя, открывшего новое поприще филологической и исторической науке.

[37] <Современное чтение надписи Тоньюкука см.: Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники.* В работе приведена обширная библиография. — *В. П.*>

ФРИДРИХ ХИРТ

Некролог

8 января 1927 г. скончался на 82-м году жизни синолог Фридрих Хирт, бывший членом-корреспондентом академии с 1898 г.

Фр. Хирт (родившийся 16 апреля 1845 г. в селении Gräfentonna в Тюрингии) по образованию и по своему первому научному труду был классическим филологом [1]. Во главе гимназии в Готе, где он получал среднее образование, стоял в то время известный исследователь классической древности К. Марквардт; студенческие годы (1865—1869) Хирт провел в Лейпциге, Берлине и Грейфсвальде (однако его докторская диссертация «De interjectionum usu Plautino Terentianoque» была напечатана и, очевидно, защищена в Ростоке), где его наставниками были Ритшль (в Лейпциге), Хаупт (в Берлине) и Бухлер. После окончания университета Хирт считался кандидатом на высшие должности по школьному ведомству (Kandidat des höheren Schulamts), но обстоятельства сложились так, что он решил отказаться от ожидавшей его в Германии деятельности ради деятельности по ведомству морских таможен в Китае.

Причиной, побудившей его к такому решению, было предложение, полученное от устроителя названного ведомства, Роберта Харта (с 1882 г. Роберт Харт, как известно, прослуживший в Китае несколько десятилетий и нашедший там для себя второе отечество). Харт набирал для себя сотрудников, между прочим, и в Германии, не только из бывших таможенных чиновников и торговцев, но и из студентов, занимавшихся новыми языками, и даже из классических филологов. В объяснение последнего обстоятельства Хиртом приводится только факт, что Р. Харт сам был знатоком греко-римской литературы; его письма к своим подчиненным пестрили латинскими цитатами.

На китайской службе Хирт оставался 27 лет (1870—1897), причем эта служба три раза (1880—1882, 1888—1890 и 1895—1897 гг.) прерывалась двухлетними отпусками в Европу. Для его научной деятельности имели значение годы, проведенные в Кантоне (1870—1875), где он зани-

[1] Подробные сведения о жизни Хирта даны им самим <Hirth, *Biographisches*> в «Hirth anniversary volume» (об этом издании см. ниже). <Список трудов Фр. Хирта см.: «Festschrift für Friedrich Hirth», S. 1—6. — *А. К.*>

мался изучением местного наречия, местной географии и истории, и в Шанхае (1877—1888), где он нашел благоприятные условия для научной работы как в смысле доступа к библиотечным сокровищам, так и в смысле личных связей и где он написал свой главный труд «China and the Roman Orient» (1886 г.). Плодом пребывания в Кантоне и в Шанхае был сборник статей «Chinesische Studien», изданный в Германии в 1890 г., перед возвращением в Китай из второго отпуска.

Уже во время второго отпуска с Хиртом велись переговоры о профессуре в Берлине. Из третьего отпуска Хирт не вернулся к месту службы; получив отставку, он был избран членом баварской Академии наук. Тогда же, на почве научных интересов, вызванных открытием и дешифровкой орхонских надписей, произошло сближение Хирта с В. В. Радловым и некоторыми другими русскими учеными, к числу которых принадлежал и пишущий эти строки, насколько в последнем случае можно говорить о сближении при разнице в возрасте и в степени научной известности. Начались переговоры о приглашении Хирта в Петербург, по его словам, прежде всего (zunächst) для описания находившихся там китайских книжных сокровищ. Из этих слов видно, что Хирту было известно о существовании более обширных планов использовать его познания для оживления русской синологии, положение которой казалось в то время, после смерти В. П. Васильева (1900 г.), совершенно безнадежным. Хирт уже начал учиться русскому языку, когда ему в 1902 г. была предложена профессура в Columbia University в Нью-Йорке. Должность профессора в Нью-Йорке Хирт занимал до 1917 г., причем до 1914 г. каждый год пользовался летними каникулами для поездок в Европу. В 1917 г. он вышел в отставку и прожил в Америке еще три года; в 1920 г. он вернулся в Европу и поселился в Мюнхене.

Для науки американский период жизни Хирта не был особенно плодотворным. В автобиографических заметках Хирта много говорится о приятных сторонах американской жизни; с благодарностью им отмечается, что благодаря американским коллегам он и во время мировой войны не подвергался никаким неприятностям и что пенсия, назначенная ему от Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, благодаря высоким принципам этого учреждения, не допускавшим никаких ограничений в зависимости от религии, национальности или местопребывания, продолжала аккуратно выплачиваться и после его возвращения в Германию. Но Хирт почти ничего не говорит об установленных им в Америке научных связях, из которых значение для науки имело, повидимому, только сближение с В. Рокхиллом. Благодаря этому сближению Хирт вернулся к давно интересовавшему его [2] китайскому сочинению XIII в., важному для истории китайской морской торговли. Вместе

[2] Из статьи *Zur Geschichte des Orienthandels* <по-английски: *Contributions*> видно, что Хирт занимался этим сочинением еще в Шанхае (ср.: *Zur Geschichte des Orienthandels*, S. 33: «nach mehrjährigem Studium»).

с Рокхиллом Хирт теперь предпринял издание этого источника в английском переводе с подробным комментарием; этот труд был готов к печати в 1909 г., когда Рокхилл был назначен американским послом в Петербург, и благодаря этому обстоятельству появился в печати в Петербурге, в изданиях Академии наук [3]. Несмотря на отдельные пробелы и неточности, отмеченные мною в другом месте [4], этот труд по богатству содержания был вполне достоин имен Хирта и Рокхилла.

Из остальных работ Хирта этого периода можно назвать издание популярных лекций по китайской истории (только древний период, до III в. до н. э.) и литературе и несколько дополнительных статей, отчасти полемического характера, к его прежним трудам, именно к трудам о китайско-римских сношениях и о китайских известиях, относящихся к среднеазиатским народам. Наиболее интересна относящаяся еще к 1917 г. лебединая песнь Хирта — новый перевод рассказа пионера китайских исследователей как Западной, так и Средней Азии — Чжан Цяня [5]. Хирт имел в виду полное переиздание своего капитального труда о китайско-римских сношениях, но к этому обширному труду он во время пребывания в Америке, по-видимому, не приступал. Очевидно, несмотря на сохранение физического здоровья, лучшие годы для него прошли [6], не было прежней энергии и работоспособности. Был только готов, вероятно, собранный еще раньше материал для предположенного издания; на пути в Европу этот материал был похищен в Гамбурге вместе с пятью сундуками имущества Хирта; Хирт говорит об этом как о тяжком нравственном ударе (moralischer Zusammenbruch), от которого он уже не оправился. После этого статьи Хирта в печати больше не появлялись; его научные заслуги были отмечены двумя сборниками, изданными по случаю исполнившегося в 1920 г. семидесятипятилетия его жизни. Первый сборник [7], вышедший в свет еще в том же, 1920 г., в качестве 8-го тома «Ostasiatische Zeitschrift», был чисто немецким предприятием, и все статьи были написаны на немецком языке, хотя среди участников был один, живший в Амстердаме, и другой, живший в Христиании (ныне Осло). Более международный характер имел второй сборник [8], вышедший в 1923 г., изданный в Лондоне (хотя напечатанный в Лейпциге). Кроме немецкого языка

---

[3] Hirth — Rockhill, *Chau-Ju-Kua.* <См. библиографию под заглавием *Чжао Жу-гуа.*> В обоих посвященных Хирту сборниках в списке его трудов приводится несколько иное заглавие и иной год издания, *Chu-fan-chi* by Chau-Yu-Kua.

[4] Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0161, где год издания тоже 1912. Эта дата была на внешней стороне обложки и вошла в *Каталог академических изданий* <точнее: *Каталог изданий Имп. Академии наук*, ч. III, стр. 67>, № 526. На заглавном листе: 1911; дата подписи непременного секретаря: сентябрь 1911.

[5] Hirth, *The story of Chang K'ién.*

[6] Сам Хирт находил, что лучшее время жизни — «das hohe Alter» (Hirth, *Biographisches*, p. XLVI).

[7] «Festschrift für F. Hirth».

[8] «Hirth anniversary volume».

в нем представлены языки английский (даже в статьях некоторых немецких ученых) и французский (в статье шведского ученого). Сборник был издан как вступительный том к новому периодическому органу для изучения языков, искусства и цивилизации Дальнего Востока и Центральной Азии «Asia major». В редакционной статье говорится, что направление нового органа, чуждого всякого национализма и доктринерства, достаточно определяется именем того ученого, которому посвящен вступительный том — Фридриха Хирта, «идеального ориенталиста», в смысле «непоколебимого спокойствия и справедливости в суждениях о чужих народах».

Нельзя не признать, что научная объективность в суждениях о китайцах и других дальневосточных народах выгодно отличает Хирта даже от некоторых еще более крупных, чем он, синологов, например от Шаванна [9]. Среди китаеведов-филологов Хирт занимал особое место еще потому, что в меньшей степени, чем сам полагал, был филологом, в особенности классическим филологом. Филолог-классик мог бы отметить в этом отношении несомненное противоречие между взглядами и намерениями Хирта, с одной стороны, и их фактическим применением и выполнением — с другой.

Под влиянием пройденной им самим школы Хирт, может быть, более других синологов был убежден в том, что синология есть только примененная к языку и литературе Китая филология, что ее методы вполне покрываются методами классической филологии [10]. В таком убеждении, вынесенном со студенческой скамьи, Хирт примкнул в синологии к направлению, представителем которого был Ст. Жюльен, принялся за изучение работ Жюльена по китайскому синтаксису и задумал составить руководство по китайской грамматике. Это намерение не было выполнено и было окончательно оставлено после выхода в свет грамматики фон дер Габеленца, на которую Хирт в 1882 г. напечатал рецензию в Шанхае [11]. Исследования самого Хирта в области китайской грамматики ограничились некоторыми небольшими работами, из которых сам автор придавал больше всего значения своей статье о замене буквы (лучше было бы сказать: звука) *p* в именах иностранного происхождения [12]. Отказу от дальнейших работ в этом направлении, может быть, способствовало некоторое разочарование в методах Ст. Жюльена. Не присоединяясь к мнению ученых, совершенно отвергавших пользу теоретического изучения китай-

[9] Ср.: Бартольд — Ольденбург, *Эдуард Шаванн*, стр. 1770; <выше, стр. 631—632>.

[10] «Sinologie ist nach der Anschauung des Referenten weiter nichts als auf die chinesische Sprache und Literatur angewendete Philologie... Ihre Disziplinen und Methoden decken sich mit denen der klassischen Philologie» (Hirth, *Schantung und Kiau-tschóu*, S. 3).

[11] По списку трудов Хирта рецензия появилась в JCBRAS, NS, vol. XVII, pp. 237—246.

[12] Hirth, *Chinese equivalents of the letter «R»*.

ской грамматики, Хирт пришел к заключению, что китайские тексты не так легко переводить, по примеру греческих и латинских, с помощью словаря и грамматики, что для правильного перевода требуется начитанность в литературе той эпохи, к которой относится данный текст, что правильное толкование отдельного слова возможно только при условии точного определения предмета, к которому относится слово. Недостаточной начитанностью и недостаточными познаниями в области realia объясняются, по мнению Хирта, и ошибки, допущенные в переводах Жюльена [13].

В области изучения литературы Хирт признавал совершенно не существенными для синолога требования критики текста, занимающие такое значительное место в классической филологии. Китайские тексты в противоположность классическим не подвергались ни сознательному, ни бессознательному искажению; уважение к древности в Китае так велико, что никто не решается прикоснуться к тексту, признанному классическим; ошибки по невежеству тоже маловероятны, так как не было ни перерыва научных традиций, ни даже сколько-нибудь существенных изменений в области языка и правописания [14]. Однако в трудах как других синологов [15], так и самого Хирта [16] можно найти достаточное число доказательств, что сходство между собой различных иероглифов, имеющих совершенно различное значение, приводило к установлению в рукописях и печатных изданиях ошибочных чтений, особенно в собственных именах и иностранных словах. Раннее распространение книгопечатания должно было привести к раннему появлению опечаток, хотя, конечно, Хирт прав, когда требует, чтобы к предположению о существовании опечатки прибегали только в случаях крайней необходимости [17].

При современном состоянии науки приниматься за исследование безбрежного моря китайской литературы значило брать на себя работу, которой воспользуются только будущие поколения; говоря об этой работе, ее сравнивали с бросанием в землю семян без надежды собрать жатву [18] или с собиранием строительного камня без надежды увидеть постройку [19]. Выражение «Bausteine» употреблено и Хиртом в едва ли не единствен-

---

[13] О начитанности особенно: Hirth, *Nachworte*, S. 83, Anm. 1; о познаниях в realia: Hirth, *Die chinesische Porzellanindustrie*, S. 50 sq.; idem, *Die Länder des Islâm*, S. 5.

[14] Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 8 sq.; idem, *Die chinesischen Annalen*, S. 70.

[15] Примеры: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0168 и сл. Были и случаи замены утраченных глав одного сочинения главами, заимствованными из другого (Chavannes, *Documents*, p. 99).

[16] Hitrh, *Nachworte*, S. 47, Anm. 1; idem, *The ancient history*, p. 65 sq.

[17] Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 199 sq.

[18] Бартольд — Ольденбург, *Эдуард Шаванн*, стр. 1771; <выше, стр. 632>.

[19] Редакционная статья Schindler, *Vorwort*, S. LXXIII: «Die Zeitschrift. . . will Bausteine liefern, nichts als Bausteine aus dem grossen Gebäude der ostasiatischen Wissenschaft».

ной его статье по истории китайской литературы [20], написанной независимо от какой-либо специальной научной задачи. Вообще такая работа не соответствовала ни роду занятий Хирта в Китае, ни, по-видимому, его темпераменту. Каковы бы ни были его намерения в Германии, он после приезда в Китай показал себя человеком жизни, а не человеком книги. Если в предисловии к его главному труду говорится о составлении этого труда «amid the bustles of business life», то это не жалоба ученого, отвлекаемого деловыми обязанностями от научных исследований; отправляясь в последний раз в Китай в 1890 г., Хирт говорит о возвращении к обязанностям «eines zwar interessanten, aber den weitaus anstrengenderen Teil seiner Tätigkeit in Anspruch nehmenden Berufes»[21]. Этим обязанностям Хирт посвятил не только большую часть своей рабочей силы, но и несколько печатных статей [22]. В других работах, не связанных с его служебными обязанностями, посвященных вопросу о значении Китая в мировой культуре, преимущественно рассматриваются вопросы, связанные с теми же интересами практической жизни, в особенности с историей материальной культуры и торгового обмена. Хирт не говорит, подобно автору редакционной статьи связанного с его именем сборника, об ознакомлении европейцев с «вечными истинами мудрецов Дальнего Востока»[23], не касается переводов на китайский язык буддийских текстов, в которых Шаванн видел «одно из величайших событий эволюции идей в мировой истории»[24]. Его идеал — будущий второй Viktor Hehn из синологов, автор «не совсем лишенной интереса книги» под заглавием «Asiatische Kulturwanderungen», в которой цитаты из произведений китайской литературы займут то же место, как в книге Hehn'a «Kulturpflanzen und Haustiere» цитаты из греческих и римских классиков [25]. В духе таких стремлений сам Хирт посвятил одну из своих статей вопросу о распространении в Китае домашней кошки [26].

Из трудов Хирта, посвященных сношениям с Китаем других стран, больше всего успеха имел его главный труд «China and the Roman Orient». К этой книге относятся слова А. Стейна в посвященном Хирту сборнике, что для выяснения того влияния, которое начавшаяся во II в. до н. э. китайская торговля шелком оказала на цивилизацию как Востока, так и Запада, «никто не сделал больше, чем тот великий синолог, которому посвящен этот том»[27]. Для достижения таких результатов автором была

[20] Hirth, *Bausteine*.

[21] Предисловие к *Chinesische Studien* <Hirth, *Vorwort*>.

[22] Ср. особенно статью: Hirth, *Die Verwaltung der chinesischen Seezölle*.

[23] Schindler, *Vorwort*, p. LIX.

[24] Бартольд — Ольденбург, *Эдуард Шаванн*, стр. 1774; <выше, стр. 635>.

[25] Hirth, *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*, S. 18, 23. О труде Хена Хирт говорит также в *The story of Chang-K'ién*, p. 92.

[26] Hirth, *Die Geschichte der Hauskatze in China*, S. 140 sq.

[27] Stein, *Central-asian relics*, p. 367. Ср. также слова самого Хирта (*Zur Geschichte des antiken Orienthandels*, S. I) о совпадении его мнения о значении Сирии с мнением

выполнена большая филологическая работа, причем, однако, слабее всего были обоснованы и возбуждали больше всего споров выводы, основанные на применении лингвистических и филологических методов. Из взглядов, высказанных в главном труде Хирта, меньше всего сочувствия встретило предложенное им сближение термина «Фу-линь» с названием города Вифлеема [28]. Еще более обращает на себя внимание необоснованность лингвистических и филологических выводов в других исторических трудах Хирта. В свою теорию о передаче китайцами звука *р* иностранных слов самим Хиртом было внесено столько оговорок, что пользование ею для точных выводов становится почти невозможным [29]. Принятое Хиртом [30] мнение о происхождении китайского *пу-тао* от греческого βότρυς едва ли теперь имеет защитников. Окончательно опровергнутым, по-видимому, должно считаться мнение Хирта, что венгерский летописец XV в. Иоанн Туроч сохранил нам подлинные имена предков Аттилы и что эти имена совпадают с приведенными в китайских источниках именами хуннских владетелей [31]. В той же статье Хирт пытается объяснить из турецкого языка хуннское слово, приведенное в рассказе «Истории старших Хань» о событии 47 г. до н. э. То же самое слово Хирт потом нашел в рассказе *Ши-цзи* и *Чжоу-шу* о событии 1122 г. до н. э. и отмечает его как «the oldest Turkish word on record»[32]. Едва ли эти предположения будут иметь иную судьбу, чем высказанное в свое время мнение о слове ἄσχυ у Геродота (IV, 23) как «древнейшем тюркском слове, дошедшем до нас»[33].

Хирт не был археологом, но следил за открытиями в этой области и, как исследователь материальной культуры, придавал больше значения вещественным памятникам, чем письменным источникам. В его очерке древней истории Китая свидетельство бронзовых предметов эпохи династии Шан (1766—1122 гг. до н. э.) ставится выше, чем свидетельство «mere literary fabrications»[34]. В той же книге, несмотря на ее небольшой объем, подробно рассматриваются вопросы, связанные с историей в Ки-

Моммсена. Хирт упоминает в печати и о своих личных беседах с Моммсеном (Hirth, *Die Länder des Islâm*, S. 6).

[28] Hirth, *China and the Roman Orient*, p. 290.

[29] Ср.: Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 0171; <наст. изд., т. V, стр. 349>. К сказанному там можно было бы еще присоединить слова самого Хирта, что мы «doch recht oft den alten Laut, und besonders dialektische Abweichungen des alten Lauts im Chinesischen nicht feststellen können» (Hirth, *Die Länder des Islâm*, S. 52 sq.).

[30] Бартольд, *Греко-бактрийское государство*. По словам самого Хирта (*Mr. Kingsmill and the Hiung-nu*, p. 44), это мнение принадлежит Кингсмиллу (выше, p. 35, цитируется статья последнего в JCBRAS, vol. XV).

[31] Hirth, *Sinologische Beiträge*. Ср.: ЗВОРАО, т. XIII, стр. XXI, где приведено мнение бар. Розена о необходимости «подвергнуть тщательному пересмотру вопрос об источниках Иоанна Туроча».

[32] Hirth, *The ancient history*, p. 67.

[33] Браун, *Разыскания*, стр. 88.

[34] Hirth, *The ancient history*, p. 91.

тае материальной культуры и искусства. Железный век начался в Китае, по мнению Хирта, сравнительно поздно, лет за 500 до н. э.[35]. В вопросе о влиянии на Китай древних культур Хирт был «агностиком»; по его мнению, непосредственному сближению Китая с чужими культурами было положено начало только во II в. до н. э.[36]. Много работ Хирта посвящено вопросам истории искусства и промышленности (фарфор).

Хирту не было суждено редкое для ученого счастье — стоять в стороне от полемики. По своему темпераменту он не мог быть принципиальным врагом резкой полемики; даже знаменитая в истории синологии полемика Жюльена с Потье казалась ему «столь же страстной, как полезной»[37]. Полемика против Рихтхофена, по мнению самого Хирта, была причиной крушения его надежд на получение профессуры в Берлине [38]. В Шанхае Хирт стоял некоторое время во главе местной научной организации China Branch of the Royal Asiatic Society, за которой признает совершенно исключительное значение в истории своей собственной научной деятельности [39]. Лет двадцать спустя Хирт подвергся резким нападкам со стороны деятелей той же организации, совершенно отрицавших заслуги своего бывшего председателя и почетного члена, и отвечал на них в том же резком тоне [40]. В сборнике, поднесенном Хирту, однако, принял участие не только один из членов China Branch, принадлежащий к тому же поколению, как Хирт, Е. Паркер, но и один из бывших противников Хирта — Дж. Фергюсон.

Хирту не было суждено создать κτῆμα ἐς ἀεί; все же его печатными трудами еще несколько десятилетий будут с благодарностью пользоваться все интересующиеся историей культурной жизни и культурных связей Китая, в особенности в области материальной культуры. Перед лично знавшими покойного синолога надолго останется образ широко образованного, талантливого и энергичного деятеля науки, глубоко преданного своему делу, ставившему свое призвание выше всяких личных отношений.

---

[35] Ibid., p. 236.

[36] Hirth, *Zur Kulturgeschichte der Chinesen*, S. 8.

[37] Hirth, *Biographisches*, S. XI.

[38] Ibid., S. XXXIII.

[39] Ibid., p. XII: «In Shanghai geriet er in einen Kreis von Mitstrebenden, der ihm eine Fülle von Anregungen gewährte wie vielleicht kein anderer Platz der Welt». Среди этих «Mitstrebenden» назван и Kingsmill, впоследствии вступивший с Хиртом в полемику (он умер задолго до Хирта).

[40] Ср. особенно брошюру: Hirth, *Kingsmilliana*, изданную «for private circulation».

ВОСПОМИНАНИЕ О С. М. ДУДИНЕ

Я знал Самуила Мартыновича Дудина с 1893 г., когда Академия наук поручила ему отправиться вместе со мной в Среднюю Азию для ознакомления с памятниками старины, преимущественно в долинах рек Чу и Или. Экспедиция была предпринята по инициативе В. В. Радлова, который и в этом случае проявил стремительность своего темперамента. Ни тот, ни другой из нас не обладал необходимой подготовкой. Я успел приобрести некоторые, хотя в то время, конечно, очень скромные, познания в области письменных источников, но не имел никакого опыта в деле изучения материальных памятников; С. М. принимал участие в 1891 г. в Орхонской экспедиции В. В. Радлова и напечатал «Предварительный отчет поездки из Эрденицзу в Кяхту»[1], где описываются развалины построек и старые могилы, но был совершенно незнаком с литературой о Средней Азии, в том числе и о памятниках среднеазиатской архитектуры. Грандиозные самаркандские постройки произвели на него сильное впечатление; ничего подобного он не ожидал там встретить; только много лет спустя для него выяснилась зависимость среднеазиатской архитектуры от персидской. В общем, как видно и из сказанного в моем печатном отчете об экспедиции, С. М. был подготовлен для выполнения своей задачи лучше меня. При составлении отчета я не только воспользовался его фотографиями, эстампажами, чертежами и т. п., но воспроизвел из его записей, предоставленных им в мое полное распоряжение, описание многих памятников, даже таких, которые были осмотрены нами обоими.

В то время прямого железнодорожного сообщения с Туркестаном еще не было; мы ехали кружным путем через Москву, Нижний Новгород, на пароходе по Волге до Астрахани и по Каспийскому морю до Узун-Ада, оттуда по железной дороге в Самарканд, где тогда оканчивался рельсовый путь, из Самарканда в Ташкент на почтовых, из Ташкента верхом до Аулие-Ата и долины Таласа, где вследствие случившегося со мной несчастья (перелома ноги при падении с лошади) закончилось наше совместное путешествие. Из наших общих впечатлений в Европейской

[1] СТОЭ, т. I, стр. 24—27. <О С. М. Дудине (19.VIII.1863 — 9.VII.1929) см.: Карский, *Памяти С. М. Дудина* (здесь же список его печатных трудов); Э. Пекарский, *С. М. Дудин*; Ольденбург, *Памяти С. М. Дудина*. — *А. К.*>

России кроме осмотра построек приволжских городов, особенно Казани и Саратова с его Радищевским музеем, в моей памяти сохранилось впечатление от дней, проведенных в Москве, где тогда (в мае 1893 г.) праздновалось десятилетие коронования Александра III. Мы были свидетелями восторженных манифестаций, под впечатлением которых я сказал Дудину: «Можно подумать, что находишься в толпе сумасшедших». Он ответил: «Так оно и есть; сумасшедшие или мы, или они; в нашей нормальности сомнения быть не может; следовательно. . .»

Резкого революционного настроения у Дудина в то время уже не было. Он продолжал сочувствовать революционной работе, даже террористической, но для него самого период активной революционной деятельности уже миновал. Как след, оставленный ссылкой и в особенности этапным путешествием к месту ссылки, он тогда сохранял ненависть к солдатам. Не знаю, когда и в какой степени это чувство у него исчезло; знаю только, что он в противоположность многим другим бывшим революционерам не радовался поражениям царской армии в войне с Японией и видел в событиях этой войны позор для всех русских. Помню, как он после падения Порт-Артура спорил об этом с некоторыми товарищами по музею и сказал им: «Я чувствую себя так, как будто мне дали по роже».

Главным предметом мыслей С. М. было, конечно, искусство. По его мнению, первым шагом к установлению известности художника было принятие его картины на выставку передвижников; школы, еще господствовавшей тогда в б. Академии художеств, он не признавал. Когда господство перешло к передвижникам, С. М. работал в классе И. Е. Репина. Помню, как В. В. Радлов восторгался поступком С. М., когда он, уже имея возможность закончить свое обучение и получить диплом, добровольно решился остаться в классе И. Е. Репина еще на один год.

Этнографией вообще и бытом восточных народов в частности С. М. в то время не занимался; но у него уже тогда были некоторые мысли, если не ошибаюсь, не обнародованные им и впоследствии, о влиянии окружающей природы на цвет одежды людей. Между прочим, он говорил мне, что в Шварцвальде у населения должна быть особенная любовь к красному цвету. Я вспомнил о виденных мною в Шварцвальде красных жилетах мужчин, чем как бы подтверждалось мнение С. М.

Кто ездил с С. М. в экспедиции, тем известно, насколько его, при всем его благодушии и врожденном благородстве, раздражали неприятности, неразрывно связанные, особенно в то время, с путешествиями по Средней Азии. Не говоря уже о степных колодцах с полусоленой водой или о тех днях, когда у него выходили папиросы, С. М. приводила в крайнее раздражение обстановка переполненного вагона III класса, особенно в ночное время, и это отражалось как на его спутнике, так и на присутствующей публике. Иногда проходило несколько дней, прежде чем он становился вновь похожим на самого себя. Само собою разумеется, что

всякая мелочная раздражительность исчезала тотчас же, как только удавалось сделать какую-нибудь находку, казавшуюся нам интересной в научном отношении. Впоследствии С. М. приходилось участвовать в лучше задуманных и находившихся под руководством более опытных лиц экспедициях (я имею в виду особенно экспедиции в Западный Китай 1909 и 1914 гг.); его раздражительность и нетерпение проявлялись и там, но быстрее уступали место благодарности руководителю за возможность ознакомиться благодаря ему с выдающимися художественными памятниками культуры далекого прошлого.

После экспедиции 1893 г. и издания отчета о ней в 1897 г. у меня вновь установилось тесное и постоянное общение с С. М. только в послереволюционные годы, когда он был секретарем Туркестанской комиссии при Академии истории материальной культуры и Радловского кружка при Музее антропологии и этнографии. В дореволюционные годы мне пришлось быть одним из двух секретарей [2] учреждения (Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии), к которому имели некоторое отношение работы С. М., и в этом случае наши взгляды разошлись. Превосходный фотограф, С. М., может быть, несколько преувеличивал значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников. Председатель комитета В. В. Радлов вполне разделял увлечение С. М.; В. В. Радлову казалось, что фотографическая регистрация не только сохранит для науки то, что подвергалось опасности разрушения, но даст возможность привлекать к ответственности людей, по небрежности или злонамеренности которых происходили разрушения; казалось, что фотография значительно облегчит контроль и даст возможность при осмотре здания точно установить, какие разрушения произошли со времени изготовления снимка. Как средство контроля фотография едва ли могла быть использована, так как едва ли было возможно обязать сторожей зданий следить за каждым, даже самым мелким разрушением, которое могло быть устаповлено только фотографией. Не все члены комитета разделяли и увлечение фотографией как источником для научного изучения построек; некоторым казалось, что не меньшее значение имели и этюды в красках, чертежи и т. п., хотя, конечно, всеми признавалось, что фотографические работы могут быть только дополнены, но не заменены другими.

С. М. были выполнены для комитета две командировки в Самарканд с целью подробной фотографической регистрации местных архитектурных памятников, в 1905 и 1908 гг.; фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результатом

---

[2] Вторым был покойный Л. Я. Штернберг. Пользуюсь случаем, чтобы исправить ошибку, допущенную в Сборнике МАЭ, т. VII, стр. 63: ведение протоколов комитета было возложено не на Л. Я., но на меня. Все протоколы до конца существования комитета составлялись мной одним.

этих работ было собрание превосходных снимков, давно оцененных по достоинству. Работы 1905 г. были посвящены мавзолеям Шах-и зинде, работы 1908 г.— большему числу построек. Кроме того, С. М. предполагал в 1908 г. «во избежание расхищения декоративных украшений, отпавших со стен в последнее землетрясение с различных зданий, а также и декоративного украшения зданий, пришедших к полному разрушению»[3], собрать и вывезти в Петербург весь этот материал, т. е. не только то, что уже отпало, но и то, что только грозило упасть. И в этом случае предположения С. М. были вполне поддержаны В. В. Радловым. В столичных ученых кругах в то время не верили в возможность обеспечить сохранность научного материала в провинциальных и захолустных городах. Опыт прошлого, казалось, показывал, что судьба научных начинаний в таких городах находится в слишком большой зависимости от отдельных лиц; стоило приехать новому администратору, не склонному продолжать традиции своего предшественника, или уехать местному научному деятелю, которому не оказывалось преемника, чтобы забрасывались и обрекались на гибель ценные научные собрания. С другой стороны, по мере культурных успехов окраин местные деятели не хотели больше мириться с увозом в столицы всего ценного в научном отношении. В Самарканде в 1908 г. (С. М. отмечается разница между этим годом и 1905 г., когда ему никто не препятствовал) уже были местные ученые, было стремление создать местный музей, хранить и изучать на месте научный материал; С. М., как видно из его отчета [4], встретил со стороны администрации решительное сопротивление и не мог даже приступить к «сбору изразцов и мозаик для Русского музея». С этой неудачей С. М. не был склонен мириться, тем более что, по собранным им данным, самаркандские здания в промежуток между 1905 и 1908 гг. несколько пострадали: «особенно крупных обвалов не произошло», но «площадь декоративной уборки уменьшилась в довольно значительной степени», причем «обломки ее, свалившиеся во время землетрясения в разных зданиях, никем не собраны». Когда в том же, 1908 г. сенатору графу Палену было поручено произвести всестороннюю ревизию Туркестанского края, С. М. особой запиской ознакомил ревизующего сенатора с действиями самаркандской администрации по вопросу об охране памятников прошлого. В. В. Радлов и Л. Я. Штернберг хотели напечатать эту записку в «Известиях» Русского комитета; я познакомился с ней только в сверстанной корректуре (дело издания и корректирования «Известий» находилось в руках Л. Я. Штернберга); вполне признавая научную ценность записки, я, однако, не сочувствовал ни насильственному увозу из Самар-

[3] ИРКСА, № 9, 1909, стр. 3. <Извлечение из протоколов заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.>

[4] Дудин, *Отчет о поездке*, стр. 57.

канда, вопреки желанию местных деятелей, декоративного убранства зданий, ни обращению к ревизующему сенатору, что могло бы затруднить дальнейшие работы комитета в Самарканде, невозможные без содействия местной администрации. По моему настоянию, поддержанному С. Ф. Ольденбургом, В. В. Радлов согласился на исключение из «Известий» записки С. М.

С. М. до конца жизни оставался при своем мнении и жалел, что ему не удалось вывезти из Самарканда хранившийся там без достаточной, по его мнению, заботливости материал. Это разногласие, однако, не помешало установлению между нами той близости, которая соединяла нас в последние годы его жизни. За эти годы мои воспоминания о С. М. не омрачены ни одним неприятным впечатлением, ни одним неприятным словом с той или другой стороны. Как председатель Туркестанской комиссии при Академии истории материальной культуры и Радловского кружка, в течение короткого времени (в 1920 г.) также как директор Музея антропологии и этнографии, я находился в постоянном общении с С. М. как секретарем этих учреждений. По моим личным впечатлениям, С. М. именно в эти годы, когда многие под влиянием голода и других бедствий доходили до крайнего раздражения, становился более уравновешенным, чем прежде. Несмотря на неприятные стороны секретарских обязанностей, эти обязанности, видимо, привлекали его к себе и исполнялись им не только с безукоризненной добросовестностью, но и с любовью. Им аккуратно посещались заседания Академии истории материальной культуры, где им по поводу доклада А. Т. Федотова была напечатана статья «К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии»[5]. Независимо от вопроса (о котором я, как неспециалист, не решаюсь судить), насколько С. М. был прав в этой полемике, статья является образцом убедительной и в то же время сдержанной аргументации.

В моих воспоминаниях память о С. М. неразрывно связана с памятью о Радловском кружке. Как почитатель, хотя отнюдь не слепой, В. В. Радлова, С. М. принадлежал к числу более всего дороживших существованием кружка его имени. Когда я перестал быть директором Музея антропологии и этнографии, мне казалось необходимым уступить и председательство в Радловском кружке другому лицу, чтобы сделать возможным более тесное объединение деятельности кружка и музея. Если я потом отказался от своего намерения, то только по настоянию С. М., находившего (вероятно, ошибочно), что кружок может упрочить свое существование только под моим председательством (лично мне кажется, что при таком секретаре, каким был С. М., обязанности председателя мог исполнять каждый). Чтобы придать деятельности кружка характер постоянной научной работы, я предложил присоединить к публичным заседаниям, которых могло быть только несколько в год, ежемесячные заседания

[5] <См. библиографию в конце тома.>

с докладами в более тесном кругу. Эта мысль встретила горячее сочувствие со стороны С. М., который придумал для этих заседаний название: «Расширенное заседание правления», заботился о том, чтобы для каждого заседания заранее был обеспечен доклад, и в полном смысле слова был душой кружка.

Очень вероятно, что мне не удалось в этих воспоминаниях о дорогом Самуиле Мартыновиче выразить все то, что мне хотелось; надеюсь только, что и те места, где мне приходилось касаться наших разногласий, не оскорбят ни памяти покойного, ни чувств близких ему людей. Помимо признания заслуг покойного перед наукой мне хотелось, по мере сил, выразить чувство уважения и любви к хорошему человеку, которого не забудет никто из тех, кто имел счастье близко знать его.

ПАМЯТИ ИОСИФА МАРКВАРТА [1]
1864—1930

4 февраля 1930 г., в возрасте для немецкого ученого отнюдь не престарелом, скоропостижно погиб талантливый и заслуженный ориенталист-историк Иосиф Маркварт, по разносторонности своих научных интересов и познаний едва ли имевший себе равных среди современных востоковедов.

Подобно многим другим немецким ориенталистам, Маркварт первоначально был приведен к востоковедению богословскими интересами. Плодом этих занятий его была работа «Fundamente israelitischer und jüdischer Geschichte», посвященная его учителю Социну. В то время Маркварт уже успел опубликовать несколько работ по ирановедению, которому он потом посвятил едва ли не бóльшую часть своего времени. В одном и том же месяце, в августе 1896 г., были написаны предисловие к «Fundamente» и предисловие к первой части «Untersuchungen zur Geschichte von Ērān», напечатанной в т. 54 и 55 «Philologus», с посвящением Гутшмиду. В этом предисловии выражается сожаление, что автор знал Гутшмида только по его сочинениям и по рассказам его учеников и почитателей и что в свое время «theologische Engherzigkeit» помешала ему слушать его лекции.

Подобно другому ориенталисту-историку, умершему в 1884 г., Ф. Тейфелю, Маркварту пришлось испытать на себе все трудности и лишения, с которыми связана в Германии карьера материально необеспеченного ученого. В некрологе Тейфеля [2] Август Мюллер говорит о двух путях, открывающихся перед молодым ученым, которому необходимо возможно скорее приобрести известность в ученом мире: или он посвящает себя какой-нибудь одной специальности и в короткое время извлекает из узкой шахты более или менее значительное зерно чистого металла, или он пробует свои силы в одно и то же время в различных областях и обращает на себя внимание разносторонностью своего дарования и своей учености. Август Мюллер сам избрал для себя первый из этих путей; Маркварт с первых

[1] Доклад, прочитанный в б. Коллегии востоковедов 27 марта 1930 г.; для печати дополнен главным образом на основании некролога: Schaeder, *J. Markwart*. Материалы для библиографии трудов Марквarта любезно доставлены В. Ф. Минорским и дополнены мною. <См. также: Schaeder, *Vorwort*. — *А. К.*>

[2] A. Müller, *Nachwort*, S. 377.

шагов своей деятельности вступил на второй, и до конца для него оставалось характерным связанное с этим путем, по словам Мюллера, «unruhiges Umhertasten auf den mannigfachsten Gebieten».

Благодаря исключительным дарованиям Маркварта в его работах почти не проявляются отрицательные стороны такого «Umhertasten», казалось бы неизбежно ведущего к дилетантизму. Касаясь в своих работах самых разнообразных областей науки, Маркварт всегда старался дать себе отчет в стоявших на очереди научных задачах и в требованиях научной методологии. В работе по еврейской истории указывается на необходимость проследить постепенную утрату еврейским народом достоверного предания о своем прошлом и превращение истории в мидраш, т. е. в роман (?). Со своей стороны, автор избирает предметом своего исследования ряд текстов, близко стоящих по времени к изложенным в них событиям и дающих возможность «посредством строгого филолого-исторического метода как можно ближе подойти к первоначальному тексту». Выражается надежда, что и в области изучения еврейской литературы все более будет одерживать верх строгий филолого-исторический метод, وان كره المشركون (цитата не совсем точная: в обоих местах Корана, IX, 33 и LXI, 9, где находятся эти слова, стоит не ان, а لو). В работах по истории древнего Востока Маркварт старается оставаться на почве засвидетельствованных фактов и противополагает себя в этом отношении Винклеру и его школе[3]. Как историк Ирана, Маркварт отмечает, что все, что мы знаем об этой стране в древности и в средние века, взято из иностранных источников — греко-римских, армянских и сирийских, и даже иранские источники дошли до нас только через посредство арабских. Им ставится задача отделить друг от друга различные слои иранского эпоса и по возможности освежить его историческую основу. Им было задумано критическое исследование об источниках Геродота[4] и ряд исследований о начале армянской историографии[5]. Когда занятия Маркварта в деле изучения восточноиранских областей привели его в соприкосновение с китайскими источниками, им отмечается нарушение синологами обязанности объяснять тексты «zunächst aus sich selbst und lediglich nach sachlichen Gesichtspunkten» и делается общее замечание: «Es kann den Sinologen so wenig als den Numismatikern und Indologen der Vorwurf erspart werden, dass sie sich viel zu sehr durch scheinbare Namensanklänge beeinflussen lassen»[6].

Историку библейского и вообще древнего Востока необходимо основательное знание классических языков, в особенности греческого. Маркварт, по словам автора его некролога, владел обоими классическими языками, их исторической и географической литературой, «mit einer Sicher-

[3] Marquart, *Untersuchungen*, H. II, S. 197 (Suveräne Beiseiteschiebung der Überlieferung).

[4] Ibid., H. I, S. V.

[5] Marquart, *Ērānšahr*, S. 4, Anm. 1.

[6] Marquart, *Zur Chronologie von Kaśmīr*, S. 346.

heit, deren sich heute wohl kaum ein Orientalist mehr rühmen kann» — слова едва ли вполне справедливые, пока жив был Т. Нёльдеке. Знание классической литературы, несомненно, расширило круг научных интересов Маркварта и уже в первой по времени его работе, посвященной «Assyriaka» Ктесия, привело его от древних культурных стран Передней Азии к восточным окраинам государства Ахеменидов: в противоположность некоторым новейшим теориям, он представлял себе образование этого государства в виде движения с востока на запад, по аналогии с позднейшим движением парфян[7]. Маркварту не приходилось, подобно М. Хартману и Е. Херцфельду, ставить общий вопрос о культурной роли и культурных заслугах Восточного Ирана сравнительно с Западным[8]; но он и потом продолжал искать родину Авесты на востоке и решительно отказывался признать тождество Airjanəm vaeǧō с Арраном[9]. Таким же образом для него было ясно, что названия «Иран» и «иранцы» как политические термины первоначально относились к аршакидским владениям, в состав которых тогда еще не входили ни Мидия, ни Фарс[10].

Гораздо дальше на восток привело Маркварта, по словам автора его некролога, «великое событие» 1896 г. — выход в свет «Inscriptions de l'Orkhon» В. Томсена. В литературе, вызванной разбором орхонских надписей, одно из самых видных мест принадлежит небольшому по размерам, но блестящему по научным выводам исследованию Маркварта «Die Chronologie der alttürkischen Inschriften», где доказано, что по тому толкованию встречающихся в надписях чисел, которое тогда было принято, приходится отодвинуть на десять лет целый ряд встречающихся в надписях дат. Не будучи тюркологом, Маркварт не пошел дальше и не поставил вопроса, правильно ли толкуются учеными соответствующие числа; этот вопрос был не только поставлен, но и разрешен В. Бангом, доказавшим, на основании исследования Маркварта, что в надписях мы имеем особую систему счисления, не понятую прежними переводчиками. В числах, составленных из десятков и единиц, имеется в виду не предшествующий, а следующий десяток, так что «один-двадцать» значит не 21, а 11. Догадка Банга впоследствии подтвердилась многими примерами как из письменных источников, так и из одного живого наречия, которое было известно раньше, чем был открыт ключ к чтению надписей[11]. Маркварт своей работой блестяще доказал свою исключительную способность к научным комбинациям; как было отмечено в рецензии М. Т. Хаутсма, «wie er festzustellen suchte, dass es sein sollte, steht wirklich geschrieben»[12].

---

[7] Marquart, *Assyriaka*, S. 649.
[8] Бартольд, *Восточноиранский вопрос.*
[9] Marquart, *Ērānšahr*, S. 117 sq.
[10] Marquart, *Beiträge*, S. 629.
[11] Бартольд, *Система счисления.*
[12] Houtsma, GGA, 1899, S. 385.

В 1901 г. вышел в свет (предложенный к печати уже в 1899 г. — книга была закончена еще в 1897 г.) самый обширный из всех трудов Марквarта[13] — «Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i», по заглавию посвященный исторической географии Ирана, в действительности же ставивший себе еще более обширные задачи; по замечанию Т. Нёльдеке[14], здесь кроме Ирана говорится о различных варварских народах севера и востока и о географии и истории пограничных стран, частью полуиранских. Историческая география Ирана осталась, однако, главным предметом книги, и, по словам Нёльдеке, вклад Марквarта в эту отрасль знания должен быть признан самым значительным, который когда-либо был сделан. Многочисленные уклонения в сторону сделали изложение несколько бесформенным (formlos), т. е. запутанным, но подробное оглавление и тщательно составленные указатели значительно облегчают пользование книгой.

По словам Нёльдеке, даже если исключить из книги всю синологическую часть, Марквarт обладает такими обширными лингвистическими и историческими познаниями, что ни один рецензент не мог бы дать о его книге компетентного отзыва в полном ее объеме. Синологическая часть, исключенная из отзыва Нёльдеке, была предметом отзыва авторитетного ученого, Э. Шаванна[15], и этот отзыв оказался столь же благоприятным. Несмотря на полную зависимость Марквarта от печатных трудов и личных сообщений синологов, Шаванном отмечаются строго научный метод, остроумие гипотез, уверенность отождествлений. В труде Марквarта рецензент видит «une des contributions les plus importantes qui aient jamais été apportées à la géographie historique de l'Asie Centrale».

Еще студентом Марквarт был научным секретарем арабиста Е. Прима в Бонне и помогал ему при подготовке к изданию соответствующей части труда Табари (начало этой части вышло в свет в 1890 г.); с 1897 г. он был приват-доцентом в Тюбингене. Однако, несмотря на успех его печатных работ, профессуры для него в Германии не оказалось. В прежнее время, как известно, одной из стран, где находили себе поприще немецкие ученые, была Россия; но к концу XIX в. это время уже миновало, и попытки Марквarта поступить на русскую службу не увенчались успехом. Материальное обеспечение, хотя и гораздо более скромное, чем то, на которое он мог рассчитывать по приобретенной им научной известности, Марквarт нашел в другой стране, тоже издавна привлекавшей немецких ученых, — в Голландии. В 1900 г. он был назначен ассистентом, впоследствии консерватором при этнографическом музее в Лейдене; там же он с 1902 г. читал лекции по языкам христианского Востока (его учителем

[13] Шедер <в статье *J. Markwart*> называет таковым книгу «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge», где число страниц (с указателем 557) действительно больше, но формат много меньше (в *Ērānšahr* число страниц — 358).

[14] ZDMG, Bd LVI, S. 427—436.

[15] JA, sér 9, t. XVIII, pp. 550—558.

в области арменоведения был католический богослов проф. Веттер); в 1910 г. он был назначен помощником (Adjutor) по среднеазиатским языкам. В материальном отношении Голландия, по-видимому, не дала Маркварту того, на что он надеялся; в послесловии к своему труду о половцах он называет то время, когда он приступил к этому труду, т. е. первые месяцы 1910 г., самым несчастным временем своей жизни.

Тем не менее Марквартом в Лейдене был выпущен в свет целый ряд трудов самого разнообразного содержания. Сюда относятся, например, статья о хронологии Кашмира в сборнике в честь Керна; собрание этнологических и историко-топографических этюдов к истории IX и X вв. под общим заглавием «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge»; книга о Судане и Гвинее, в связи с рассмотрением так называемого бенинского собрания Лейденского музея. Кроме того, он на страницах двух изданий, «Известия Русского археологического института в Константинополе» и «T'oung Pao»[16], сделал попытку разрешить затронутый им еще в 1898 г., в одном из экскурсов книжки о хронологии орхонских надписей, вопрос о списке дунайско-болгарских князей с его явно неславянскими выражениями. Теория Маркварта, что мы имеем здесь девизы царствований, не встретила сочувствия в ученом мире. В предисловии к «Streifzüge» говорится о задуманных автором трех других трудах по этнологии Кавказа, Восточной Европы и Средней Азии; первый, как говорится в той же книге[17], должен был носить заглавие «Historische Ethnologie des Daghestan»; уже в «Ērānšahr»'е[18] говорится о предстоявшем в ближайшем времени (demnächst) выходе в свет труда по истории и исторической этнографии Дагестана. Ни этот труд, ни другие обещанные Марквартом труды не вышли в свет.

Рецензентами по-прежнему отмечалась обширная и разносторонняя эрудиция Маркварта, увеличивавшаяся, конечно, с каждым годом; отдавалась справедливость остроумию его выводов. Из тех же рецензий, однако, видно, что недостатки работ Маркварта с годами не только не исчезали, но становились все более заметными. В отзыве Нёльдеке об «Ērānšahr»'е о недостатках книги говорится только как о неизбежной оборотной стороне ее достоинств. Если книга вышла несколько «бесформенной», то это объясняется обилием материала и сжатостью изложения; к тому же этот недостаток, по мнению рецензента, искупается достоинствами оглавления и указателей. Признается вполне естественным, что автор иногда увлекается собственным остроумием и видит доказанный факт там, где мы в действительности имеем только более или менее обосно-

[16] Marquart, *Die altbulgarischen Ausdrücke*; idem, *Die nichtslawischen Ausdrücke* («T'oung Pao»), В «T'oung Pao» кое-что изменено и прибавлено, но по существу это одна и та же статья, напечатанная два раза, в обоих случаях с пометкой: Leiden, im Oktober 1910.

[17] Marquart, *Streifzüge*, S. 285.

[18] Marquart, *Ērānšahr*, S. 95.

ванное предположение; по мнению рецензента, в этом проявляется «höchstens ein Fehler seiner Jugend, seiner gewaltigen Spürkraft». В вышедших всего через два года после «Ērānšahr»'а «Streifzüge» уже гораздо более заметно увлечение автора шаткими гипотезами, от которых ему самому приходится отказываться на страницах той же книги; более заметна и крайняя запутанность изложения. На тот и другой недостаток было обращено внимание в докладе о книге Маркварта, прочитанном в 1904 г.[19] в Восточном отделении Русского археологического общества бар. Розеном и, к сожалению, оставшемся ненапечатанным; по отзыву Розена, книга Маркварта должна была в значительной степени разочаровать тех, кто возлагал большие надежды на талант Маркварта как историка и видел в нем второго Гутшмида. В отзыве Тураева об исследовании «Die Benin-Sammlung» говорится, что «оно разделяет особенности других трудов Маркварта: соединение огромной эрудиции с запутанностью изложения и недостатком критики»[20]. В книге о половцах, по отзыву Пельо[21], среди гипотез, столь рискованных, что сам автор отказывается от них на полпути, «jaillissent de temps à autre les éclairs d'une véritable divination»; кроме того, «l'ordre des livres de M. Marquart n'existe que dans la tête encyclopédique de M. Marquart lui même». Из этих отзывов можно заключить, что теперь в противоположность «Ērānšahr»'у недостатки работ Маркварта обращали на себя внимание рецензентов в такой же степени, как их достоинства.

Как отмечено и в рецензии Пельо, не все эти недостатки могут быть вменены в вину автору. Ему приходилось работать в малоблагоприятных условиях; часто у него не было необходимых книг; часто нужные ему книги доходили до него уже во время печатания его труда, и ему приходилось делать поправки и оговорки к уже отпечатанным листам. В конце предисловия к «Streifzüge» отмечено, что автору не всегда был доступен географический словарь Якута; в другом месте[22] говорится об отсутствии в Лейденской библиотеке «Byzantinische Zeitschrift». Маркварт, по-видимому, принадлежал к тем ориенталистам, которые не чувствуют потребности видеть Восток собственными глазами; он был бы удовлетворен, если бы у него было достаточное число книг и карт. Как видно из «Ērānšahr»'а, от скудости картографического материала ему приходилось страдать еще в Тюбингене; географические представления его были несколько смутными. Им повторяются, без оговорки, слова Томашека, по которым Чу вытекает из Иссык-Куля[23]; в «Ērānšahr»'е селение Чарманган помещается

---

[19] Розен, ЗВОРАО, т. XVI, стр. XXXI.

[20] Тураев, ХВ, т. III, стр. 215.

[21] *À propos des Comans*, p. 129.

[22] Marquart, *Die altbulgarischen Ausdrücke*, S. 5; idem, *Die nichtslawischen Ausdrücke*, p. 666.

[23] Marquart, *Historische Glossen*, S. 164.

«gegenüber von Tirmis auf dem nördlichen Oxusufer»[24], из чего можно заключить, что Термез, по представлению Маркварта, находился к югу от Аму-Дарьи. Маркварт до некоторой степени ознакомился с русским языком, но русские карты и вообще русская научная литература оставались ему малодоступными. В четырех сочинениях, от 1898 до 1915 г.[25], им повторяется ошибочное предположение, основанное на лингвистических теориях, о местности Qaj в Согде; в действительности правописание قی есть ошибка арабских переписчиков вместо فی; правильное произношение сохранилось до сих пор в слове «Нарпай» (نهر فی), названии одного из рукавов или каналов, вытекающих из Зеравшана[26].

В 1912 г. Маркварт наконец был назначен экстраординарным, в 1920 г. — ординарным профессором по кафедре иранской и армянской филологии в Берлине; в то же время он был одним из директоров индогерманского семинария. Но даже условия жизни и работы в Берлине не могли удовлетворить его. В это время его больше всего интересовала история Средней Азии; между тем, по его словам[27], в Берлине можно заниматься историей монголов и тех народностей, жизнь которых была связана с жизнью монголов, только при том условии, что имеешь соответствующие книги в собственной библиотеке. Мне известно, что Маркварт и в берлинский период своей жизни видел преимущество русских востоковедов в существовании Азиатского музея, книжные богатства которого им, по-видимому, преувеличивались. Говорит Маркварт и о личных неприятностях, которым подвергался в этот период; так, приглашение принять участие в сборнике в честь E. N. Setälä пришло к нему в такое время, когда он только что был изгнан из своей квартиры и еще не был в состоянии снова привести в порядок свои книги и рукописи[28]. Статья не могла быть прислана к сроку для помещения в сборнике, но вошла в следующий выпуск «Ungarische Jahrbücher»; предмет ее — известия о Северо-Восточной Европе, до полярных стран включительно, в X в. В этом отношении статья отчасти примыкает к «Streifzüge».

В связи с работами по истории Ирана, Средней Азии и Восточной Европы Маркварт издавна занимался также Кавказом, в особенности Арменией. В 1912 г. в «Handes Amsorya» появился армянский перевод экскурса из «Streifzüge», посвященного «иверским багратидам». Еще раньше, в 1911 г., в том же журнале и в сборнике в честь мхитаристов появились отдельные статьи Маркварта, частью в немецком подлиннике, частью в армянском переводе. Все работы Маркварта о прошлом армян проникнуты сочувствием к этому народу; во время мировой войны Маркварт

[24] Marquart, *Ērānšahr*, S. 92.

[25] Marquart, *Die Chronologie*, S. 60; idem, *Ērānšahr*, S. 29, Anm. 2; idem, *Komanen*, S. 197; Marquart — de Groot, *Das Reich Zābul*, S. 253.

[26] Бартольд, ЗВОРАО, т. XV, стр. 052; <наст. изд., т. III, стр. 270>.

[27] Marquart, *Komanen*, S. 208.

[28] Marquart, *Ein arabischer Bericht*, S. 261.

резко разошелся с немецким общественным мнением своей ненавистью к исламу и мусульманским туркам и симпатией к армянам и другим народам христианского Востока. Историческая роль турок определяется, по его мнению, отчасти грабительскими наклонностями кочевника, отчасти человеконенавистнической проповедью ислама. Научная добросовестность, однако, заставила его признать, что даже соединение турецкого происхождения с принятием ислама не всегда приводило к вредным последствиям; им признаются культурные заслуги волжских болгар, несмотря на принятие враждебной культурой религии арабского пророка [29]. В современных балканских болгарах мы, по словам Маркварта [30], видим счастливое соединение прямоты и турецких солдатских добродетелей со славянским терпением и любовью к земледелию. Симпатией к армянам и ненавистью к турецким завоевателям проникнута и последняя работа Маркварта в «Handes Amsorya», вышедшая в 1927 г.[31].

Среди работ по истории Средней Азии кроме исследования о половцах, печатание которого было закончено уже после переселения автора в Берлин, можно назвать еще ряд других. Особенно благоприятный отзыв нашла в печати [32] большая статья в вышедшем в 1915 г. сборнике в честь Э. Захау — «Das Reich Zābul und der Gott Žūn vom 6.—9. Jahrhundert»; статья написана в сотрудничестве с синологом де Гротом (в рецензии Пельо [33] на исследование о половцах доказывается, что это сотрудничество отражалось на работах Маркварта не всегда благоприятно) и посвящена культурным сношениям между Индией и Передней Азией; бог Жун — индийское, по мнению Маркварта — брахманское божество. По отзыву рецензента (И. Вайса), в этой статье снова появились «M's erstaunliche Gelehrsamkeit und sichere Kombinationsgabe».

Ряд статей Маркварта появился в венгерских изданиях, особенно в «Ungarische Jahrbücher»; в этом органе нашла себе место и едва ли не последняя по времени статья Маркварта «Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten» (1929 г.). Во всех этих работах, конечно, проявляется такая же ученость и такая же широта научных интересов, как в прежних. Автор по-прежнему не успевал выполнить все, что им было задумано; так, еще в последней его статье [34] читатели отсылаются к будущей работе о западных турках, по-видимому той же самой, которая должна была войти, но не вошла, в качестве приложения, в труд о половцах [35]. Исправляются некоторые ошибки, допущенные в прежних работах; так, в последней

---

[29] Marquart, *Komanen*, S. 191.
[30] Ibid., S. 193.
[31] Ср. особенно: Marquart, *Skizzen zur Topographie*, S. 863 sq.
[32] Weiss, DI, Bd VII, S. 125.
[33] *A propos des Comans*, pp. 130, 152.
[34] Marquart, *Analekten*, S. 89, Anm. 4.
[35] Marquart, *Komanen*, S. 72, Anm. 3, S. 208.

статье[36] автора отвергается предположение, высказанное в «Chronologie der alttürkischen Inschriften»[37], что слово «Итиль» и в восточнотурецких языках, как в чувашском и татарском, могло быть нарицательным в значении «река». Но в некоторых других местах повторяются прежние предположения, несостоятельность которых с тех пор была доказана новыми источниками. Как в статье о рассказе Джувейни об уйгурах (1912 г.), так и в 1929 г.[38] Марквартом на основании китайской транскрипции Ху-сэ-во-эр-до (у Маркварта Hu-izu wah-r-to или Ku-tsi-wah-r-to) высказывается предположение, что город Баласагун назывался также «ордой гузов», хотя из сочинения Махмуда Кашгарского[39] Маркварту могло быть известно название Баласагуна قوز اردو, не имеющее ничего общего с названием гузов или огузов. Обращают на себя внимание также крайне шаткие гипотезы, выдаваемые за достоверно доказанные факты. В работе о половцах[40] название области Чаганиан сближается с монгольским словом *цаган* 'белый', и по этому поводу говорится о первом с достоверностью, mit Sicherheit, как установленном монгольском слове на западе[41]. То же мнение повторено в последней статье Маркварта, где к первому открытому монгольскому слову присоединяется второе — Балхан[42]; это будто бы старая форма единственного числа от *balgat* 'города'. К этому присоединяются еще народные названия «der hephthalitischen كميجيان in Čagāniyān und der Kamičik Hep't'alk' im nördlichen Daghestan»[43], будто бы названные так «wohl nach ihrer Heimat am Käm (Jenissei)». Трудно поверить, что это говорится тем же ученым, которым в свое время так решительно осуждались этимологии, основанные только на «scheinbare Namensanklänge».

Маркварт, по-видимому, хорошо знал языки армянский, персидский и древнеиранские; при пользовании арабскими и турецкими источниками у него встречаются недоразумения[44].

Нет надобности говорить, что такому известному ученому, как Маркварт, иногда приписывались достижения, сделанные не им. Так, в венгерской научной литературе[45] говорится, что Маркварт первый обратил вни-

---

[36] Marquart, *Analekten*, S. 96; ср. также idem, *Ein arabischer Bericht*, S. 285.

[37] Marquart, *Die Chronologie*, S. 95.

[38] Marquart, *Analekten*, S. 97 sq.

[39] Махмуд Кашгарский, I, 112. Ссылка на Махмуда Кашгарского (по другому поводу) есть у самого Маркварта уже в <работе> *Ein arabischer Bericht*, S. 275.

[40] Marquart, *Komanen*, S. 71, Anm. 2.

[41] Marquart, *Analekten*, S. 97.

[42] Об этом слове еще: Marquart, *Ein arabischer Bericht*, S. 285.

[43] Ср.: Marquart, *Komanen*, S. 74.

[44] Например, перевод معدن الخوارج посредством «ein Bergwerk der Xārigiten» (Marquart, *Ērānšahr*, S. 197), ср.: Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, S, 183. В <работе> Marquart — de Groot, *Das Reich Zābul*, S. 275, Anm. 6, название турецкого племени الدراری толкуется как الدر اری «Männer der Tötens».

[45] К. S., — UJ, Bd VIII, S. 204.

мание на кембриджскую рукопись Гардизи, вопреки словам самого Маркварта[46], что он узнал о существовании этой рукописи из моего «Туркестана». Столь же естественно, что ссылка Маркварта[47] «Gurdēzī bei Barthold» заменяется в статье пользовавшегося книгой Маркварта ученого[48] ссылкой «Gurdēzī bei Marquart».

Остается упомянуть еще об одном факте, вероятно удивившем многих: Маркварт с 1924 г. нашел нужным переменить орфографию своей фамилии, что, конечно, недопустимо для крупного ученого, фамилия которого под прежним правописанием приобрела громкую известность.

Многое в жизни и деятельности Маркварта будет, вероятно, для нас яснее, когда будут собраны в большей полноте биографические и библиографические сведения о нем; яснее будут, вероятно, и причины отрицательных сторон его работ, хотя надо надеяться, что память о них исчезнет раньше, чем память о тех положительных результатах, которыми историческая наука обязана таланту и неустанному труду Иосифа Маркварта[49].

---

[46] *Komanen*, S. 89.

[47] *Streifzüge*, S. 161.

[48] Mordtmann, *Ḳara Deniz*, p. 782.

[49] <Первое издание этого некролога (см. Библиографическую справку) было снабжено составленным В. В. Бартольдом «Опытом библиографии работ Маркварта» (32 единицы); в нем приведено оглавление монографий и указано наличие переводов и рецензий. — *Н. Т.*>

АВТОБИОГРАФИЯ [1]

Я родился в Петербурге в буржуазной семье. Средства, собранные отцом и перешедшие по наследству к его детям (после 1917 г. никто из них не сделался эмигрантом и не сберег своего состояния), позволили мне не отвлекаться от научных занятий ради приискания заработка, не останавливаться перед крупными расходами для пополнения своего образования и для удовлетворения своей любознательности, в том числе перед расходами на путешествия. Не обладая обширным образованием (он кончил курс коммерческого училища старого времени), отец тем не менее сознавал значение науки; заметив во мне по первым детским наивным опытам некоторый талант историка, он вполне поддерживал мои стремления и говорил мне, что маловыгодное в материальном отношении поприще ученого дает нравственное удовлетворение, вполне заменяющее материальные выгоды.

После окончания курса гимназии для меня, при моей склонности к историческим наукам, могло быть колебание только между двумя университетскими факультетами: историко-филологическим и восточных языков. Историко-филологический факультет переживал тогда (во второй половине 80-х годов) тяжелое время; предъявлялись чрезмерные требования по древним языкам, и почти не оставалось простора для специализации; кроме того, передо мной был пример старшего брата (ныне покойного), мало удовлетворенного избранным им историко-филологическим факультетом. Я решился поступить на факультет восточных языков, еще ничего не зная ни о его программах, ни о составе его преподавателей. История Востока была представлена только одним преподавателем, проф. Веселовским, читавшим в качестве общего курса историю европейских путешествий по Востоку и, кроме того, несколько курсов по истории Средней Азии. Специалистом по истории Средней Азии был также учитель и предшественник Веселовского — проф. Григорьев. Традицию, установленную в этом отношении моими предшественниками, продолжал и я. Мне казалось вполне естественным, что русского востоковеда-историка привлекает

[1] <Ср. наст. изд., т. I, стр. 14—21 (статья И. П. Петрушевского). См. также: Н. М. Акрамов, *Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк*, Душанбе, 1963. — *Н. Т.*>

область, географически и исторически более близкая России, чем другие восточные страны, область, где русский ученый располагает материалом, гораздо менее доступным западноевропейскому. По мере общих успехов русской научной мысли русское востоковедение стало более примыкать к западноевропейским, чем к русским традициям. Для него теперь имел большее значение вопрос о важности той или другой области в истории мировой культуры, чем вопрос о специальных задачах русской науки, определяемых географическим положением СССР и составом его населения. Я и теперь, как в 1892 г., считаю, что это явление рядом с положительными сторонами имеет и отрицательные: «Отказываясь от изучения северных окраин древневосточного, мусульманского и буддийского мира ради изучения основ каждой культуры, русское востоковедение вместе с этим отказывается от внесения в европейскую науку нового материала и соглашается довольствоваться разработкой материала, уже затронутого западноевропейскими учеными».

На студенческой скамье мною была написана работа на тему, предложенную Веселовским: «Христианство в Средней Азии», удостоенная серебряной медали, но вообще я в своих университетских занятиях, подобно другим молодым востоковедам того времени, находился больше под руководством профессора-арабиста барона Розена. Талантливый и энергичный, он привлекал к себе начинающих востоковедов. Под влиянием Розена я находился и в университете, и в особенности после его окончания, когда по его совету поехал на год в Германию. Помимо научного руководства Розен видел в каждом ученике, в том числе и во мне, лично близкого ему человека, и эта близость продолжалась до его смерти.

Помимо преподавателей я был счастлив и в товарищах. В истории факультета выпуск, к которому принадлежал я, считается исключительным; едва ли был еще другой пример, чтобы все экзаменовавшиеся были удостоены диплома первой степени. Наши успехи были объяснены нашей малочисленностью и нашей сравнительной материальной обеспеченностью. Конечно, это объяснение было быстро опровергнуто последующими выпусками, столь же неудачными, как и предшествовавшие нам.

Из моих товарищей по курсу профессором одновременно со мной сделался турколог Мелиоранский, скончавшийся в 1906 г., с которым меня соединяла тесная дружба. Через Мелиоранского я после окончания университета познакомился и, насколько это было возможно при разнице в возрасте, близко сошелся с туркологом академиком Радловым. При тесной связи между туркологией и историей Средней Азии это сближение принесло большую пользу моим научным занятиям, но ближайшим его последствием были некоторые неудачные шаги. Радлов в то время приступил к переустройству Музея антропологии и этнографии при Академии наук и сделал попытку привлечь меня к музейной работе, к которой я оказался совершенно неспособным и от которой скоро отказался.

Под влиянием Радлова я был командирован Академией наук и уни-

верситетом в Среднюю Азию для разведочных археологических работ; эта экспедиция не принадлежала к числу удачных. Не вполне успешно была выполнена и более сложная археологическая задача, возложенная на меня в 1904 г. также не без влияния Радлова, — производство раскопок в Самарканде. Каждая новая попытка в этом направлении лишний раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ «в поле» над вещественными памятниками истории. Вполне в своей сфере я чувствовал и чувствую себя только во время кабинетной работы над письменными источниками. Из всех моих поездок в Среднюю Азию самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мною не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками. В области истории Востока вследствие обилия никем еще не использованного материала при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов. Правда, такое состояние науки имеет и отрицательные стороны. Один из классических филологов в ответ на замечание своего ученика: «История Востока гораздо интереснее, чем история Греции, так как она гораздо менее исследована», стал доказывать обратное: «Греческая история гораздо интереснее восточной именно потому, что она гораздо более исследована: более или менее закончена черная работа собирания и приведения в известность материала, готов, хотя и не вполне, фундамент, и можно возводить здание». Разумеется, каждый по-своему прав, и профессор, и его ученик, и субъективный вопрос об интересе допускает различные решения в зависимости от индивидуального темперамента.

Я не буду, конечно, касаться вопроса о результатах произведенной мною исследовательской работы, начиная с появления в печати в 1892 г. первых моих статей. Помимо петербургских научных учреждений эти работы были тесно связаны с деятельностью научных учреждений и отдельных исследователей в Туркестане. В Туркестане же была сделана в 1926 г. попытка общей характеристики моей научной деятельности. Характеристика до некоторой степени имеет юбилейный характер (она была приурочена к тридцатилетию моей преподавательской деятельности).

К сожалению, условия русской жизни никогда не давали возможности следовать известному английскому афоризму: «Лучшее дело, которое может делать человек, это то, которое он лучше всего может делать». Вследствие недостаточности научных сил едва ли не каждому русскому ученому приходилось брать на себя и такие обязанности, к которым он не чувствовал призвания. Помимо работы над письменными источниками мне всегда приходилось отдавать много времени преподавательской деятельности, судя по отзывам в печати, не совсем безуспешной, но, несомненно, не составляющей моего призвания; приходилось также принимать участие в работах по изучению памятников материальной культуры.

После превращения России в СССР, появления советских республик на Востоке и тесного сближения между СССР и новой республиканской

Турцией еще увеличился спрос на мою популяризаторскую деятельность, печатную и устную. Помимо увеличения преподавательских обязанностей в Ленинграде приходилось принимать приглашения со стороны и читать лекции в Ташкенте и Баку, и даже за рубежом — в Лондоне и Константинополе. Эти лекции потом большею частью появлялись в печати. Только что мною получена книга на турецком языке, содержащая лекции по истории среднеазиатских турок, читанные мною в Константинопольском университете в 1926 г.[2].

Общий характер моей научной деятельности остался прежний. И прежде, как было признано в печати, мною везде, где давали возможность источники, обращалось внимание на значение в истории экономического фактора и основанной на экономических причинах сословной борьбы. Насколько мои труды способствовали освещению той малоисследованной области, над которой мне приходилось работать (преимущественно история Средней Азии, отчасти также история Ирана и вообще мусульманского мира), об этом я предоставляю судить другим.

[2] <Теперь лекции опубликованы и на русском языке, см.: Бартольд, *Двенадцать лекций.*>

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Обзор деятельности факультета

Напечатано: Обзор деятельности факультета. 1855—1905, составленный В. В. Бартольдом. *С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.*, СПб., 1909, IV+206 стр. (Материалы для истории факультета восточных языков СПб. университета, т. IV.)

Резюме: Dostojevskij, *Barthold*, S. 123—124.

История изучения Востока в Европе и России

Первое издание: В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России.* Лекции, читанные в С.-Петербургском университете, СПб., 1911, XX+282 стр. (Издания фак. вост. яз. СПб. университета, № 38.)

Отзыв: Веселовский, ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. XXII—XXIV.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 195; Dostojevskij, *Bartohld*, S. 101—102.

Немецкий перевод (с сокращениями): W. Barthold, *Die geographische und historische Erforschung des Orients mit besonderer Berücksichtigung der russischen Arbeiten.* Übers. von E. Ramberg-Figulla. Mit einem Geleitwort von M. Hartmann, Leipzig, 1913, XIV+225 S. (Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde, Bd VIII.)

Турецкий перевод (гл. VI): *Avrupa ve Rusyada şarkı tetebbü tarihi*,— «Milli tetebbü'ler mecmuası», İstanbul, 1331, c. II, ss. 343—349 (араб. шрифт).

Второе издание: В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России.* Лекции, читанные в Университете и ЛИЖВЯ, изд. 2, Л., 1925, VII+318 стр. (Издания ЛИЖВЯ, 7.)

Рец.: Н. Попов-Татива, «Печать и революция», 1926, № 3, стр. 195; В. Гурко-Кряжин, НВ, 1926, № 16—17, стр. 387.

Резюме: БВ, I, № 5.

Французский перевод: V. V. Barthold, *La decouverte de l'Asie. Histoire de l'orientalisme en Europe et en Russie*, Paris, 1947.

Справка: J. D. Pearson, *Oriental and Asian Bibliography*, London, 1966, pp. 22—23.

Новое научное общество в Ташкенте

Напечатано: «Окраина» (газ.), Ташкент, 1894, № 16.

Положение науки в Туркестанском крае

Напечатано: «Окраина» (газ.), Ташкент, 1894, № 52.

По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга

Напечатано: ТВ, 1902, № 33.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 187; Dostojevskij, *Barthold*, S. 105—106.

Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке

Напечатано: ТВ, 1902, № 54.

К проекту Восточного института

Напечатано: ТВ, 1906, № 165.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг.

Записка, представленная в Министерство иностранных дел при ходатайстве о назначении Комитету вновь ежегодного пособия в прежнем размере.

Записка без подписи.

Напечатано: ИРКСА, 1910, № 10, стр. 26—33.

Состояние и задачи изучения истории Туркестана

Напечатано: W. Barthold, *Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan*, — «Die Geisteswissenschaften», Jg. 1, Leipzig, 1913—1914, H. 39, S. 1075—1080.

На русском языке публикуется впервые.

Задачи русского востоковедения в Туркестане

Речь, предназначавшаяся для произнесения в торжественном годовом собрании Академии 29.XII.1914.

Напечатано: *Отчет о деятельности имп. Академии наук по Физико-Математическому и Историко-Филологическому отделениям за 1914 год*, Пг., 1914, стр. 443—460.

Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 306.

Восток и русская наука

Напечатано: «Русская мысль», М. — Пг., 1915, кн. VIII, стр. 1—13.

Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 305.

Ближайшие задачи изучения Туркестана

Доклад академика проф. В. В. Бартольда на I-м публичном заседании Научного общества при гуманитарных факультетах ТГУ.

Напечатано: «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2, [разд.] Краеведение, этнография, педагогика, стр. 1—11.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 188; Dostojevskij, *Barthold*, S. 124—125.

Туркестанская Государственная библиотека и местная мусульманская печать

Напечатано: ЗКВ, 1925, т. I, стр. 97—105.

Научная поездка в Западную Европу

Напечатано: «Анналы», Л., 1924, № 4, стр. 3—19.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 193; БВ, I, № 1317.

Изучение Востока — главнейшая задача академии

Заглавие автора: «Из прошлого русского востоковедения» заменено редакцией.
Напечатано: «Красная газета», 6.IX.1925, № 203 (2247).

П. М. Мелиоранский
(некролог)

Напечатано: ТВ, 1906, № 81.
То же: «Страна» (газ.), 1906, № 74.
То же с приложениями: *Отчет о состоянии С-Пб. университета за 1906 год*, СПб, 1906, стр. 8—12.

Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVIII, 1909, приложение: «Памяти барона В. Р. Розена». Сообщения, читанные в заседании Отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена, стр. 31—38.
Изложение: там же, т. XIX, 1910, стр. XVII.
Резюме: Dostojevskij, *Barthold*, S. 125.

Памяти И. Т. Пославского

Напечатано: ТВ, 1915, № 4.
Без подписи.

Карл Германович Залеман
1849—1916

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 237—258.
Резюме: БВ, I, № 1428.

Исторические и географические труды В. П. Васильева

Речь, произнесенная в публичном заседании РАН 5 марта (20 февраля) 1918 г.
Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, стр. 549—560.
Резюме: БВ, I, № 1413.

Эдуард Шаванн
Некролог

Читан академиками В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом в заседании ОИФ 20 (7) ноября 1918 года.
Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, стр. 1767—1782 (стр. 1777—1782 принадлежат С. Ф. Ольденбургу).
Резюме: БВ, I, № 1464.

Николай Иванович Веселовский
Некролог

Читан в заседании ОИФ 24 (11) апреля 1918 г.
Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, стр. 809—816.
Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 318; Dostojevskij, *Barthold*, S. 125—126.

Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 337—355.
Резюме: БВ, I, № 1416; Dostojevskij, *Barthold*, S. 126.

Памяти В. В. Радлова 1837—1918

Напечатано: ИРГО, т. LIV, вып. 1, 1919, стр. 164—189.
Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 318.

Памяти В. А. Жуковского

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 399—414.
Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 126; Dostojevskij, *Barthold*, S. 126; БВ, I, № 1427.

Памяти Р. Дози 1820—1920

Доложено в заседании ОИФ 14 апреля 1920 г.
Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 229—244.
Замечания: Крачковский, ИАН СССР, 1934, стр. 10.
Резюме: БВ, I, № 1423.

Игнац Гольдциер 1850—1921 Некролог

Читан в заседании ОИФ 24 мая 1922 г.
Напечатано: ИРАН, сер. VI, т. XVI, 1922, стр. 147—168.
Замечания: Крачковский, ИАН СССР, ООН, 1934, стр. 10.
Резюме: БВ, I, № 1421.

И. Н. Березин как историк

Читано в заседании Восточного отделения Археологического общества 7 мая 1919 г., по случаю столетия дня рождения Березина.
Напечатано: ЗКВ, т. II, 1927, стр. 51—72.
Резюме: Dostojevskij, *Barthold*, S. 126.
Турецкий перевод: «Türk Yurdu», 1927, c. VI, № 31, ss. 716—720.

Томсен и история Средней Азии

Напечатано: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928, стр. 1—13 (Очерки по истории знания, IV).

Фридрих Хирт Некролог

Читан в заседании ОГН 11 января 1928 г.
Напечатано: ИАН СССР, сер. VII, ОГН, 1928, № 1, стр. 11—20.

Воспоминание о С. М. Дудине

Напечатано: СМАЭ, т. IX, Л., 1930, стр. 348—353.

Памяти Иосифа Маркварта
1864—1930

Напечатано: ИАН СССР, сер. VII, ООН, 1931, № 4, стр. 387—402.
Немецкий перевод в кн.: J. Markwart, *Wehrot und Arang*. . . Hrsg. von H. H. Schaeder, Leiden, 1938, S. 15—29.

Автобиография

Напечатано: «Огонек», 1927, № 40 (236).

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

«Аз. вестн.» — «Азиатский вестник», СПб.
АИАК — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1—5, СПб., 1841—1843. Дополнения к актам историческим, собран. и издан. Археографическою комиссиею, т. 1—12, СПб., 1846—1872.
АКАК — Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею, т. I—XII, Тифлис, 1866—1904.
БВ — «Библиография Востока», вып. I. История (1917—1925). Под общей ред. Д. Н. Егорова, М., 1928 (изд. Научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР).
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИРГО — «Вестник Имп. Русского географического общества», СПб.
ВЛГУ — «Вестник Ленинградского Государственного университета».
ВО — «Восточное обозрение. Газета литературная и политическая», СПб., 1885—1887.
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ДАН-В — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», серия В, Л.
ЕРИИИ — «Ежегодник Российского института истории искусств», Пг.
ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел», СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЖС — «Живая старина».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., ПГ.
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОИРГО — «Записки Кавказского отдела Имп. Русского географического общества», Тифлис.
ЗНОРАО — «Записки Нумизматического отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб.
ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.
ИАК — «Известия (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН АзССР — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», Баку.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад (Душанбе).

ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.— Л.
ИИН — «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период», М., 1965.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИРАИК — «Известия Русского археологического института в Константинополе».
ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», СПб., Пг., Л.
ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРГО — «Известия Русского географического общества», Пг.
ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.
«Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I^го», М., 1910.
КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М. — Л., М.
ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков.
ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при АН СССР.
МБС — «Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук», ч. I—II, Пг., 1915—1917 (Имп. Академия наук, 1889—1914, III).
МВУА — «Материалы военно-ученого архива Главного штаба», т. I, издан под ред. члена Археографической комиссии А. Ф. Бычкова, СПб., 1871.
МИИАН — «Материалы для истории Императорской Академии наук», т. I—X, СПб, 1885—1900.
МИРДМ — «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине», изд. под ред. Н. И. Веселовского, вып. I, СПб., 1905.
МИСПб. ун-та — «Материалы по истории С.-Петербургского университета», т. I, Пг., 1919.
МИТТ, I—II — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. «VII—XV вв. Арабские и персидские источники». Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II. «XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники». Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.
МИФВЯ — «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I, II, IV, СПб.
МСТ — «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Н. А. Маева, вып. I—V, СПб., 1872—1879.
«Ал-Музаффарийя» — «المظفّريّة. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
НВ — «Новый Восток», М.
н. с. — новая серия.
ОАК — «Отчеты (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
ОИРВ — «Очерки по истории русского востоковедения», М.
ОИФ — Отделение истории и филологии.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
ООН — Отделение общественных наук.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.

ПВ — «Проблемы востоковедения», М.

ПДТС, I—III — «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Изданы под ред. Н. И. Веселовского, т. I. Царствование Федора Иоанновича, СПб., 1890; т. II. Царствования Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича, СПб., 1892; т. III. Царствование Михаила Федоровича (продолжение), СПб., 1898 (ТВОРАО, ч. XX—XXII).

ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.

ПС — «Палестинский сборник», М. — Л.

ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи», СПб.

ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.

РКО — «Русско-китайские отношения в XVII веке». Материалы и документы в двух томах, т. I, 1608—1683, М., 1969; т. II, 1686—1691, М., 1972.

РС — «Русская старина», СПб.

СА — «Советская археология», М.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СВ — «Советское востоковедение», М.

СИППО — «Сообщения Имп. Православного Палестинского общества», СПб.

СИФ — Серия истории и философии.

СИЭ — Советская историческая энциклопедия.

СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области».

СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издание Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.

СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии при [Имп.] Академии наук», СПб., Л.

СМИЗО, I — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I. *Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.

СНВ — «Страны и народы Востока», М.

СОН — Серия общественных наук.

СТОЭ — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. I—VI, СПб.

СЭ — «Советская этнография», М. — Л., М.

ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.

ТВЛИВЯ — «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков».

ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», СПб.

ТГИМ — «Труды Государственного исторического музея», М.

ТИВАН — «Труды Института востоковедения АН СССР».

ТИИА — «Труды Института истории и археологии».

ТИИАЭ АН КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.

ТИИАЭ АН ТаджССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад (Душанбе).

ТИИАЭ АН УзССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.

ТТМСО — «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге», т. I, под ред. В. В. Григорьева, СПб., 1879—1880; т. II, под ред. барона В. Р. Розена, СПб. — Лейден, 1879.

ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.

УЗИАН — «Ученые записки Имп. Академии наук», СПб.

УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М. — Л., М.

УЗКУ — «Ученые записки Имп. Казанского университета».
УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета».
ХВ — «Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки», СПб., Пг.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
ЭБЕ — Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.
ЭО — «Этнографическое обозрение», М.
ABAW — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Abteilung, München.
AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Philologisch-historische Klasse.
AM — «Asia Major», Leipzig.
AO Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.
AOr — «Archiv Orientální», Praha.
APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin.
ASGW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig.
BÉFEO — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», Hanoï (Paris — Saïgon).
BGA — «Bibliotheca geographorum arabicorum». Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».
«Bulletin» — «Bulletin de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg».
CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague — Wiesbaden.
«China review» — «The China review: or Notes and Queries on the Far East», Hongkong.
CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances», Paris.
DI — «Der Islām», Strassburg— Berlin.
EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden — Leipzig (1908), 1913—1934.
«Festschrift für F. Hirth» — «Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16. April 1920», Berlin, 1920 (OAZ, Jg. 8).
«Festschrift Nöldeke» — «Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihrem Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.
GGA — «Göttinger gelehrte Anzeigen».
GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.
GJ — «The Geographical Journal», London.
GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.
«Handbuch der Orientalistik» — «Handbuch der Orientalistik». Hrsg. von B. Spuler, Leiden, Köln.
«Hirth anniversary volume» — «Hirth anniversary volume», London, 1923 (AM, Preliminary volume).
HJAS — «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge, Mass.
HS — Works issued by the Hakluyt Society.
JA — «Journal asiatique», Paris.
JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.
JASB — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
JCBRAS — «The Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», Shanghai.

JHSt — «Journal of Hellenic Studies».
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
KCsA — «Kőrösi Csoma-Archivum», Budapest.
KSz — «Keleti Szemle». Közlemények az ural-altaji nép-és nyelvtudomany köréből. (Revue orientale pour les études ouralo-altaiques), Budapest.
LOPh — «Litteraturblatt für orientalische Philologie», Leipzig.
Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».
«Mémoires» — «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg».
MIFAO — «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire».
MRDTB — «Memoirs of the Research Department of the Tôyô Bunko (Oriental Library)», Tokyo.
MSFOu — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».
N. F. — Neue Folge.
NJA — «Nouveau journal asiatique», Paris (=«Journal asiatique», sér. 2).
«Notices et extraits» — «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi (Impériale, Nationale) et autres bibliothèques», Paris.
NS — New Series.
NTS — «Norsk tidsskrift for sprogvidenscap», Oslo.
OAZ — «Ostasiatische Zeitschrift», Berlin.
OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Leipzig.
OTF — Oriental Translation Fund.
PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.
PhTF — «Philologiae turcicae fundamenta. Iussu et auctoritate Unionis universae studiosorum rerum orientalium. Auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis scientiae culturae ordinis». . ., t. I—II, [Wiesbaden], 1959—1964.
Pet. Mitt. — «Dr A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt», Gotha.
PRGS — «Proceedings of the Royal Geographical Society», London.
RHR — «Revue de l'histoire des réligions», Paris.
RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów, Kraków.
ROC — «Revue d'Orient chrétien», Paris.
SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der (königlich) Preussischen Akademie der Wissenschaften», Philologisch-historische Klasse, Berlin; «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.
SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München».
SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.
UAJ — «Ural-Altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
UJ — «Ungarische Jahrbücher», Berlin.
WI — «Die Welt des Islams», Berlin.
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.
ZDPV — «Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins», Leipzig.
ZGEB — «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin».

БИБЛИОГРАФИЯ

(цитированная литература) [1]

Абаев, *Скифский быт.* — В. И. Абаев, *Скифский быт и реформа Зороастра*, — AOr, т. XXIV, 1, 1956, стр. 23—56.

Аббасов, *В. Л. Вяткин.* — А. Аббасов, *Василий Лаврентьевич Вяткин*, — «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 11, стр. 40—41.

Абгарян, *Матенадаран.* — Г. В. Абгарян, *Матенадаран*, Ереван, 1962.

Абд ал-Кадир Багдадский, изд. Залемана. — *Abdulqâdiri Bagdâdensis Lexicon Šahnâmianum cui accedunt eiusdem auctoris in Lexicon Šâhidianum commentariorum turcici particula prima, arabici excerpta.* Ad fidem codicum manuscriptorum recensuit annotationibus indicibus instruxit edidit Carolus Salemann. Tomi I, Pars. I. Lexicon Šahnâmianum continens, Petropoli, 1895.

Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assadeïn ou-madjma-albahreïn* مطلع السعدين و مجمع البحرين *et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Saïd*, par M. Quatremère, Paris, 1843 (Notices et extraits, t. XIV, pt. 1).

Абель-Ремюза, «Аз. вестн.», 1825, кн. 4, [стр. 283—303]. — Ж. П. Абель-Ремюза, [рец. на:] Gr. Spassky, De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis, Petropoli, 1822. [Перевод из «Journal de savant» с примечаниями Г. Спасского], — «Аз. вестн.», 1825, кн. 4, стр. 283—303.

Абу-л-Фида, *Таḳвӣм*, изд. Рено — де Слэна. — *Géographie* d'Aboulféda. Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. le Bon Mac Guckin de Slane, Paris, 1840.

Абу-л-Фида, *Таḳвӣм*, пер. Рено. — *Géographie* d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud, t. I. Introduction générale à la géographie des orientaux, Paris, 1848; t. II, pt. 1, Contenant la première moitié de la traduction du texte arabe, Paris, 1848; t. II, pt. 2, Contenant la fin de la traduction du texte arabe et l'index général, Paris, 1883.

Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова. — А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского*, М. — Л., 1958.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons, t. I. Texte; t. II. Traduction, St.-Pbg., 1871—1874.

Абулгази, *Родословное древо тюрков*, пер. Саблукова. — *Родословное древо тюрков*, Сочинение Абул-Гази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова с послесловием и примечаниями Н. Ф. Катанова, Казань, 1906.

Авдиев, «Восток», кн. 4, [стр. 180—181]. — В. Авдиев, [рец. на:] В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, часть I, Восток, Петербург, 1923, — «Восток», кн. 4, М.—Л., 1924, стр. 180—181.

Авдиев, *Советская наука о Древнем Востоке.* — В. И. Авдиев, *Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет*, М., 1958.

[1] В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сносках и тексте) и в примечаниях составителей. Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоминается в сносках.

Автобиография Даудова. — *Автобиография В. А. Даудова*, — «Русский архив», год 27, 1889, кн. 2, стр. 5—20.

Агафий. — Agathiae *Historiarum libri. . .*, Bonn, 1828 (Corpus script. hist. Byz., III).

Адамов, *Ирак Арабский.* — А. Адамов, *Ирак Арабский. Бассорский вилайэт в его прошлом и настоящем*, СПб., 1912.

Азиатская Россия. — «Азиатская Россия». Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, т. I. Люди и порядки за Уралом; т. II. Земля и хозяйство; т. III. Приложения, СПб., 1914.

Азиатский музей. — *Азиатский Музей Российской Академии Наук 1818—1918. Краткая памятка*, Пг., 1920.

Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. — *Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*, М., 1972.

Айдаров, *125 лет со дня рождения В. Томсена.* — Ғ. Айдаров, *В. Томсеннің туғанына 125 жыл толуына (1842—1927)*, — ИАН КазССР, СОН, 1967, № 3, стр. 106—108.

Акрамова — Акрамов, *Востоковед М. С. Андреев.* — Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов, *Востоковед Михаил Степанович Андреев. (Научно-биографический очерк)*, Душанбе, 1973.

Алдан-Семенов, *Семенов-Тян-Шанский.* — А. И. Алдан-Семенов, *Семенов-Тян-Шанский*, М., 1965 [Жизнь замечательных людей, вып. 24 (415)].

Александров, *Россия на дальневосточных рубежах.* — В. А. Александров, *Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)*, М., 1969.

Алексеев, *В старом Китае.* — В. М. Алексеев, *В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г.*, М., 1958 (Русские путешественники в странах Востока).

Алексеев, *Заметки об изучении Китая.* — В. М. Алексеев, *Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии*, — ЖМНП, н. с., ч. V, 1906, сентябрь, [отд. наук], стр. 101—139; октябрь, стр. 277—340; то же: отд. отт., СПб., 1906.

Алексеев, *Китайское издание старых текстов.* — В. Алексеев, *Китайское издание старых текстов*, — «Восток», кн. 4, М. — Л., 1924, стр. 189—190.

Алексеев, *Судьбы китайской археологии.* — В. М. Алексеев, *Судьбы китайской археологии*, — ИРАИМК, т. III, 1924, стр. 49—80.

Алексеев, *Энциклопедия.* — В. А[лексеев], *Энциклопедия сведений о Китае*, — «Восток», кн. 2, М. — Пг., 1923, стр. 155.

Алекторов, *Указатель книг о киргизах.* — А. Е. Алекторов, *Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах*, — «Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете», т. XX, 1904.

Альбаум, *Балалык-Тепе.* — Л. И. Альбаум, *Балалык-Тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана*, Ташкент, 1960.

Алькаева, *Очерки по истории турецкой литературы.* — Л. О. Алькаева, *Очерки по истории турецкой литературы. 1908—1939*, М., 1959.

Альтман, *Исторический очерк.* — М. М. Альтман, *Исторический очерк города Гянджи*, ч. I, Баку, 1949.

Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении.* — М. С. Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 16—28.

Анучин, *Очерк шаманства.* — В. И. Анучин, *Очерк шаманства у енисейских остяков*, СПб., 1914 (СМАЭ, т. II, 2).

Анучин, *Предварительный отчет.* — В. И. Анучин, *Предварительный отчет о поездке к енисейским остякам в 1905 г.*, — ИРКСА, № 6, 1906, стр. 38—50.

Аристов, *Англо-индийский «Кавказ».* — Н. А. Аристов, *Англо-индийский «Кавказ». Столкновения Англии с авганскими пограничными племенами. (Этнико-исторический и политический этюд)*, — ЖС, год IX, 1899, вып. IV, стр. 436—486; год X, 1900, вып. I—II, стр. 3—150.

Аристов, *Об Афганистане.* — Н. А. Аристов, *Об Афганистане и его населении,* — ЖС, год VIII, 1898, вып. III—IV, стр. 247—319.

Аристотель, *Политика,* пер. Жебелева. — *Политика* Аристотеля. Пер. с греческого, с предисловием, примечаниями и приложением очерка: *Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля* С. А. Жебелева, СПб., 1911.

Артамонов, *История хазар.* — М. И. Артамонов, *История хазар,* Л., 1962.

Арутюнян, *Город Ани.* — В. Арутюнян, *Город Ани. Из истории градостроительства средневековой Армении,* Ереван, 1964.

А. С., ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0191—0193]. — А. С., [рец. на:] Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. 34 тома за 1907 год (т. 417—450), — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0191—0193.

Атлас древностей Монголии. — *Атлас древностей Монголии,* изданный по поручению Имп. Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1892 (Труды Орхонской экспедиции). [Тит. лист и предисловие на русском и немецком языках].

Афшар, *Китābхā-йи Йрāн.* — كتابهای ایران مجلهٔ سالیانهٔ کتابشناسی، گردآورده ایرج افشار تهران از سال ۱۹۵۵ ببعد.

Афшар, *Фихрист-нāме.* — ایرج افشار، فهرستنامه کتابشناسی های ایران، ایرانشناسی، شمارهٔ اول، تهران، ۱۳۴۱ [англ. название:] *A bibliography of bibliographies on Iranian studies* by Iraj Afshar. (Iranica. Bulletin of the center for the study of civilization and culture of Iran and the Middle East, vol. I, January 1963).

Аχбāр маджмӯ'а. — *Ajbar Machmuâ.* (Coleccion de tradiciones). Crónica anónima del siglo XI, dada á luz por primera vez, traducida y anotada por Don E. Lafuente y Alcántara, Madrid, 1867 (Coleccion de obras arábigas de historia y geografía, que publica la Real Academia de la historia, t. I).

Ахметова и другие, *Чокан Валиханов.* — *Чокан Валиханов.* (*Аннотированный указатель литературы*). Составители: М. Ахметова, С. С. Сафонова, Г. И. Семенюк, Алма-Ата, 1967.

Ашмарин, *Болгары и чуваши.* — Н. И. Ашмарин, *Болгары и чуваши. К вопросу о волжских болгарах и их отношении к нынешним чувашам,* Казань, 1902 (Известия общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете, т. XVIII, вып. 1—3).

Ашмарин, *Очерк.* — *Очерк литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880—1895 гг.* Сочинение Николая Ашмарина, изданное под ред. А. Е. Крымского, М., 1901 (ТВЛИВЯ, вып. IV).

Бабаев, *Очерки турецкой литературы.* — А. А. Бабаев, *Очерки современной турецкой литературы,* М., 1959.

Багров, *Материалы.* — Л. С. Багров, *Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря,* СПб., 1912.

Баевский, *Описание таджикских и персидских рукописей.* — С. И. Баевский, *Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР,* вып. 4—5, М., 1962—1968.

Базили, *Сирия и Палестина.* — К. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях,* ч. I—II, Одесса, 1862; изд. 2: СПб., 1875; изд. 3: М., 1962.

Базиянц, *Лазаревский институт.* — А. П. Базиянц, *Лазаревский институт.* (*Исторический очерк*), М., 1959.

Баландин, *Изучение обско-угорских языков.* — А. Н. Баландин, *Изучение обско-угорских языков в Советский период,* — «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 167, 1960, стр. 47—70.

Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел.* — Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году*, изд. В. М. Флоринским, Казань, 1882.

Барадийн, *Путешествие в Лавран.* — Б. Б. Барадийн, *Путешествие в Лавран (Буддийский монастырь на северо-восточной окраине Тибета). 1905—1907 гг.*,— ИИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 183—232.

Барсов, *Подробное описание.* — *Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах*, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого П. Барсов, — ЧОИДР, 1868, кн. 1, стр. I—XIV (предисловие переводчика), 1—76; кн. 2, стр. 1—102; кн. 3, стр. 103—226; кн. 4, стр. 227—388; 1869, кн. 1, стр. 389—530; кн. 2, стр. 531—692; кн. 3, стр. 693—796; кн. 4, стр. 797—920; 1870, кн. 2, стр. 921—1038.

Барсуков, *Жизнь Погодина.* — Н. Барсуков, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. I—XXII, СПб., 1888—1910.

Барт, *Философия истории.* — П. Барт, *Философия истории как социология.* Пер. с немецкого М. С. Моделя, СПб., 1902.

Бартольд, *Ани.* — см. Barthold, *Anī.*

Бартольд, «Анналы», т. II [стр. 261—267]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] J. J. de Groot, Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. I. Theil. Übersetz und erläutert von J. J. de Groot, Berlin und Leipzig, 1921, — «Анналы», т. II, 1922, стр. 261—267.

Бартольд, *Арабские известия о русах.* — В. В. Бартольд, *Арабские известия о русах*, — СВ, т. I, 1940, стр. 15—50. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 810—858.]

Бартольд, *Бухара.* — В. В. Бартольд, *Бухара. Ее памятники и их судьба.* — «Правда Востока», 1925, № 190 [790]. [Наст. изд., т. IV, стр. 280—281].

Бартольд, *Веселовский как исследователь Востока.* — В. Бартольд, *Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 337—355. [Наст. изд., т. IX, стр. 648—664.]

Бартольд, *Восток и русская наука.* — В. Бартольд, *Восток и русская наука*, — «Русская мысль», год 36, кн. VIII, 1915, стр. 1—13. [Наст. изд., т. IX, стр. 534—545.]

Бартольд, *Восточноиранский вопрос.* — В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 361—384. [Наст. изд., т. VII, стр. 417—437.]

Бартольд, *Греко-бактрийское государство.* — В. В. Бартольд, *Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток*, — ИАН, сер. VI, т. X, 1916, стр. 823—828. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 455—460.]

Бартольд, *Двенадцать лекций.* — В. В. Бартольд, *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии*, — наст. изд., т. V, стр. 17—192.

Бартольд, *Дербент* — см. Barthold, *Derbend.*

Бартольд, *Дуглат* — см. Barthold, *Dughlat.*

Бартольд, *Европеец XIII в.* — В. Бартольд, *Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях. (К вопросу о пизанце Изоле)*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1914, стр. 160—170. [Наст. изд., т. V, стр. 382—391.]

Бартольд, *Европейская наука и русская школа.* — В. В. Бартольд, *Европейская наука и русская школа в будущем Туркестане*, — «Туркестанский учитель», Ташкент, 1917, № 7—8, стр. 186—191.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XI [стр. 341—356]. — В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897 (отд. отт. из «Живой старины», вып. III и IV, 1896 г.), — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 341—356. [Наст. изд., т. V, стр. 266—279.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0122—0125]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1898. . . Вып. VI, Самарканд 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0122—0125. [Наст. изд., т. VIII, стр. 114—116.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0130—0138]. — В. Б[артольд], [рец. на:] F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia. . . London 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0130—0138. [Наст. изд., т. II, ч 1, стр. 627—634.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 0113—0115]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год пятый (11 декабря 1899 г.—11 декабря 1900 года). Ташкент. 1900, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0113—0115. [Наст. изд., т. IV, стр. 124—125.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 0115—0117]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического общества, т. I, 1899, вып. II. Ташкент. 1900,—ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0115—0117. [Наст. изд., т. III, стр. 244—245.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 050—056]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1902. . . Вып. VII, — ЗВОРАО, т. XV, 1903, стр. 050—056. [Наст. изд., т. III, стр. 268—273.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0131—0137]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Корнилов, генерального штаба подполковник. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. . . Ташкент 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0131—0137.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 0162—0185]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par — St.-Pétersbourg, 1903, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 0162—0185. [Наст. изд., т. V, стр. 342—362.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0102—0107]. — В. Бартольд, [рец. на:] G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate. . . Cambridge 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0102—0107. [Наст. изд., т. III, стр. 277—281.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906. . . Вып. VIII. Самарканд 1906, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191. [Наст. изд., т. VIII, стр. 254—264.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIX [стр. 0177—0190]. — В. [В.] Б[артольд], [рец. на:] Н. В. Кюнер. Описание Тибета. Часть I и II. Владивосток 1907—1908, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0177—0190.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XX [стр. 067—073]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. (Год четырнадцатый). Ташкент 1910, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 067—073. [Наст. изд., т. IV, стр. 196—201.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XX [стр. 073—082]. — В. [В.] Б[артольд], [рец. на:] Н. П. Остроумов, Исламоведение. I. Аравия, колыбель ислама (جزيرة العرب). Ташкент, 1910, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 073—082. [Наст. изд., т. VI, стр. 333—341.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0143—0145]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. Вып. X. . . Самарканд 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0143—0145. [Наст. изд., т. III, стр. 286—288.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0161—0169]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Chau Ju-Kua: His Work on the Chinese and Arab Trade. . . translated from the Chinese and annotated by Fr. Hirth and W. W. Rockhill. St. Petersburg 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0161—0169. [Наст. изд., т. VII, стр. 374—380.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 198—206]. — В. Б[артольд], [рец. на:] В. И. Масальский. Туркестанский край. . . СПб. 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. . .), — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 198—206. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 635—642.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 228—231]. — В. В. Б[артольд], [рец. на:] W. Rickmer Rickmers, The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. Cambridge, 1913, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 228—231. [Наст. изд., т. III, стр. 294—296.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 337—340]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Азиатская Россия. С.-Петербург 1914, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 337—340. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 643—646.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 341—343]. — В. Б[артольд], [рец. на:] С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград. 1915 (=Труды Общества Русских Ориенталистов, № 2), — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 341—343. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 419—422.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 357—361]. — В. Бартольд, [рец. на:] Albert Herrmann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin 1914, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 357—361. [Наст. изд., т. III, стр. 297—300.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 217—226]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год семнадцатый (читай: восемнадцатый). 11 декабря 1912 г.—11 декабря 1913 г. Год девятнадцатый. 11 декабря 1913 г.—11 декабря 1914 г. Год двадцатый. 11 декабря 1914 г.—11 декабря 1915 г., — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 217—226.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 419—420]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Труды Томского Общества Изучения Сибири. Т. III. Вып. 1. Под редакцией Г. Н. Потанина. Томск 1915, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 419—420.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXV [стр. 451—452]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Die islamische Welt. Illustrierte Monatsschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. Hrsg. Scheich Abdul Aziz Schauisch und Abdul Malik Hamsa Bey. №№ 2—5, Januar—März, 1917, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 451—452.

Бартольд, *Игнац Гольдциер*. — В. В. Бартольд, *Игнац Гольдциэр. 1850—1921. Некролог*, — ИРАН, сер. VI, т. XVI, 1922, стр. 147—168. [Наст. изд., т. IX, стр. 718—736.]

Бартольд, *Извлечение*. — В. В. Бартольд, *Извлечение из «Тарихи-Шахрохи»*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 105—114. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 350—358.]

Бартольд, ИИРГО, т. LIII [стр. 182—186]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] P. M. Sykes, A History of Persia. Vol. I—II, London, 1915, — ИИРГО, т. LIII, 1917, стр. 182—186. [Наст. изд., т. VII, стр. 409—412.]

Бартольд, *Ислам*. — В. В. Бартольд, *Ислам*, Пг., 1918. [Наст. изд., т. VI, стр. 79—139.]

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*. — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII, стр. 29—225.]

Бартольд. *История изучения Востока*. — В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911; изд. 2: Л., 1925. [Наст. изд., т. IX, стр. 197—482.]

Бартольд, *Карл Великий и Харун ар-Рашид*. — В. Бартольд, *Карл Великий и Харун ар-Рашид*, — ХВ, т. I, 1912, стр. 69—94. [Наст. изд., т. VI, стр. 342—364.]

Бартольд, *К вопросу о франко-мусульманских отношениях*. — В. Бартольд, *К вопросу о франко-мусульманских отношениях*, — ХВ, т. III, 1915, стр. 263—292. [Наст. изд., т. VI, стр. 432—461.]

Бартольд, *К вопросу об оссуариях*. — В. Бартольд, *К вопросу об оссуариях Туркестанского края*, — ИРКСА, № 8, 1908, стр. 47—69. [Наст. изд., т. IV стр. 154—171.]

Бартольд *К. Г. Залеман*. — В. Бартольд, *Карл Германович Залеман. 1849—1916*, — ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 237—258. [Наст. изд., т. IX, стр. 599—618.]

Бартольд, *К истории Мерва*. — В. Бартольд, *К истории Мерва*, — ЗВОРАО, т. XIX. 1910, стр. 115—138. [Наст. изд., т. IV, стр. 172—195.]

Бартольд, *К истории персидского эпоса*. — В. Бартольд, *К истории персидского эпоса*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 257—282. [Наст. изд., т. VII, стр. 383—408.]

Бартольд, *Киргизы.* — В. В. Бартольд, *Киргизы.* (*Исторический очерк*), Фрунзе, 1927; изд. 2: Фрунзе, 1943. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 471—543.]

Бартольд, *Китайские источники о гуннах.* — В. В. Бартольд, *Китайские источники о гуннах*, — «Анналы», т. II, 1923, стр. 261—267. [Наст. изд., т. V, стр. 409—418.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 56—107]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden—London, 1910, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 56—107. [Наст. изд., т. VIII, стр. 270—310.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 412—425]. — В. Бартольд, [рец. на:] Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том I. Выпуск 1. Издание Имп. Академии Наук. СПб., 1912, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 412—425. [Наст. изд., т. VI, стр. 377—386.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 425—441]. — В. Бартольд, [рец. на:] Dr. H. Roemer, Stadtpfarrer in Bietigheim. Die Bābī-Behā'ī, die jüngste muhammedanische Sekte. Verlag der Deutschen Orient-Mission. Potsdam 1912, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 425—441. [Наст. изд., т. VI, стр. 387—399.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 441—450]. — В. Бартольд, [рец. на:] The Conference of Orientalists, including Museums and Archaeology Conference, held at Simla July 1911. Simla. 1911. IV+146. 4°, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 441—450.

Бартольд, *Мулхакāт-ас-Сурāх.* — В. Бартольд, *Мулхакāт-ас-Сурāх* ملحقات الصراح, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 283—287. [Наст. изд., т. VIII, стр. 98—102.]

Бартольд, *Мусульманский мир.* — В. В. Бартольд, *Мусульманский мир*, Пг., 1922. (Введение в науку. История, вып. 22). [Наст. изд., т. VI, стр. 205—297.]

Бартольд, «Мусульманский мир», [стр. 53]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Ignaz Goldziher. Islam fordom och nu. Studier i korantolkkningens historia. Stockholm 1915, — «Мусульманский мир», № 1, 1917, стр. 53.

Бартольд, *Научная поездка.* — В. Бартольд, *Научная поездка в Западную Европу*, — «Анналы», IV, 1924, стр. 3—19. [Наст. изд., т. IX, стр. 564—580.]

Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских.* — В. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских*, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 262—267. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 805—809.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 923—930. [Наст. изд., т. VIII, стр. 340—349.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154. [Наст. изд., т. VIII, стр. 220—253.]

Бартольд, *О погребении Тимура.*— В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423—454.]

Бартольд, *О христианстве в Туркестане.* — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. (По поводу семиреченских надписей)*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302.]

Бартольд, *Обзор деятельности факультета.* — *Материалы для истории факультета восточных языков*, т. IV. *Обзор деятельности факультета 1855—1905*, составленный В. В. Бартольдом. *С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 г.*, СПб., 1909. [Наст. изд., т. IX, стр. 21—196.]

Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана.* — В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119. [Наст. изд., т. V, стр. 253—265.]

Бартольд, *Ориентировка мечетей.* — В. Бартольд, *Ориентировка первых мусульманских мечетей*, — ЕРИИИ, т. I, вып. 2, 1922, стр. 113—117. [Наст. изд., т. VI, стр. 537—542.]

Бартольд, *Орошение.* — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., [1914]. [Наст. изд., т. II, стр. 95—233.]

Бартольд, *От редакции.* — В. Бартольд, *От редакции <журнала «Мир ислама»>*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 1—15. [Наст. изд., т. VI, стр. 365—376.]

Бартольд, *Отзыв о труде Б. А. Тураева.* — *Отзыв В. В. Бартольда о труде Б. А. Тураева «История древнего Востока»*. Курс, читанный в СПб. университете, 2-е испр. и илл. изд. Ч. I, СПб., 1913. Ч. II, Пг., 1914. Указатель, Пг., 1915, — ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 259—268.

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.).* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* [лето 1902 г.], — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—280. [Наст. изд., т. VIII, стр. 119—210.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.).* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г.*, — ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 188—219. [Наст. изд., т. VIII, стр. 366—396.]

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV, стр. 19—91.]

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, — ПКСОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102; изд. 2: Фрунзе, 1943. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—206.]

Бартольд, *Очерк истории туркменского народа.* — В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 1—69. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 545—623.]

Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского.* — В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 399—414. [Наст. изд., т. IX, стр. 689—703.]

Бартольд, *Памяти Дози.* — В. В. Бартольд, *Памяти Р. Дози. 1820—1920*, — ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 229—244. [Наст. изд., т. IX, стр. 704—717.]

Бартольд, *Памяти В. В. Радлова.* — В. В. Бартольд, *Памяти В. В. Радлова. 1837—1918*, — ИРГО, т. LIV, вып. 1, 1919, стр. 164—189. [Наст. изд., т. IX, стр. 665—688.]

Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче.* — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, СПб., 1911 (Анийская серия, № 5). [Наст. изд., т. IV, стр. 313—338.]

Бартольд, *Писанец Исол.* — В. Бартольд, *Писанец Исол*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 327—329. [Наст. изд., т. V, стр. 233—235.]

Бартольд, *Речь перед защитой диссертации.* — В. В. Бартольд, *Речь перед защитой диссертации*, — наст. изд., т. I, стр. 604—610.

Бартольд, *Система счисления.* — В. Бартольд, *Система счисления орхонских надписей в современном диалекте*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0171—0173. [Наст. изд., т. V, стр. 363—364.]

Бартольд, *Собрание рукописей Джурабека.* — В. Бартольд, *Собрание рукописей Джурабека*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 036—037. [Наст. изд., т. VIII, стр. 313—314.]

Бартольд, *События перед хивинским походом.* — В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка*, — «Кауфманский сборник», стр. 1—19. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 400—413.]

Бартольд, *Томсен и история Средней Азии.* — В. Бартольд, *Томсен и история Средней Азии*, — в кн.: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928 (Очерки по истории знания, IV), стр. 1—13. [Наст. изд., т. IX, стр. 757—764.]

Бартольд, *Труды В. П. Васильева.* — В. Бартольд, *Исторические и географические труды В. П. Васильева*, — ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, № 7, стр. 549—566. [Наст. изд., т. IX, стр. 619—628.]

Бартольд, *Туркестан.* — В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I. *Тексты*, СПб., 1898; ч. II. *Исследование*, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 23—196.]

Бартольд, *Халиф и султан.* — В. Бартольд, *Халиф и султан*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 203—226, 345—400. [Наст. изд., т. VI, стр. 15—78.]

Бартольд, *Халиф Омар II.* — В. Бартольд, *Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности*, — ХВ, т. VI, 1922, стр. 203—234. [Наст. изд., т. VI, стр. 504—531.]

Бартольд — Ольденбург, *Эдуард Шаванн.* — В. В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург, *Эдуард Шаванн. Некролог*, — ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, № 16, стр. 1767—1782. [Наст. изд., т. IX, стр. 629—641.]

Бартольд — Смирнов, *Отзыв о трудах Н. Я. Марра.* — [В. В. Бартольд и Я. И. Смирнов], *Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 373—411. [Наст. изд., т. IV, стр. 202—235.]

Баскаков, *К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз».* — Н. А. Баскаков, *К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз»*, — СЭ, 1964, № 2, стр. 92—93.

Бациева, *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна.* — С. М. Бациева, *Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима»*, М., 1965.

Безобразов, *Византийский писатель.* — П. В. Безобразов, *Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл*, М., 1890.

Белинский, *Сочинения.* — В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений.* Под ред. и с прим. С. А. Венгерова и В. С. Спиридонова, т. I—XIII, СПб. — Л., 1900—1948.

Беллью, *Кашмир и Кашгар.* — Беллью, *Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873—1874 гг.*, СПб., 1877.

Берг, *Аральское море.* — Л. Берг, *Аральское море. Опыт физико-географической монографии*, — ИТОРГО, т. V. *Научные результаты Аральской экспедиции*, вып. 9, СПб., 1908.

Берг, *Известия о Беринговом проливе.* — Л. С. Берг, *Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука*, — «Из записок по гидрографии», т. II (XLIII), вып. 2, Пг., 1920.

Берг, *Материалы.* — Л. С. Берг, *Материалы для гидрологии Аральского моря (с картой Аральского моря). (Предварительный отчет Туркестанскому отделу Имп. Русского географического общества по поездке 1900 г.)*, — ИТОРГО, т. III. *Научные результаты Аральской экспедиции, снаряженной ТОИРГО*, вып. 1, 1902, стр. 1—62.

Березин, *Булгар на Волге.* — И. Березин, *Булгар на Волге. С рисунками булгарских древностей и надписей*, — УЗКУ, 1852, кн. III, стр. 74—160; то же: отд. отт., Казань, 1853.

Березин, *Восточные реформаторы.* — И. Березин, *Восточные реформаторы*, — «Современник», т. 65, 1857, № 10, октябрь [отд. II], стр. 93—122.

Березин, ЖМНП, ч. 54, отд. VI [стр. 229—236]. — И. Березин, [рец. на:] Санскритская антология. Издание исправляющего должность адъюнкта Павла Петрова. Отделение I. Казань 1846, — ЖМНП, ч. 54, 1847, апрель, отд. VI, стр. 229—236.

Березин, ЖМНП, ч. 91, отд. VI [стр. 43—55]. — И. Н. Березин, [рец. на:] Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. . . переведена, по поручению Имп. Русского Географического Общества, с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародованных с 1832 года, и составленными П. Семеновым, действ. чл. Имп. Русского Географического Общества, СПб., 1856, — ЖМНП, ч. 91, 1856, отд. VI, стр. 43—55.

Березин, *Извлечение из отчета*, I—II. — *Извлечение из годичного отчета путешествующего по Востоку магистра И. Березина.* I, — ЖМНП, ч. 46, 1845, отд. IV, стр. 23—50; II. *Извлечение из отчета магистра Березина*, — ЖМНП, ч. 48, 1845, отд. IV, стр. 19—28.

Березин, *Иной мир*. — И. Березин, *Иной мир*, — «Русский вестник», т. IX, 1857, май, кн. 2, стр. 201—231.

Березин, *Китай*, I—II. — И. Березин, *Китай и отношения к нему Европы*, — «Современник», т. 72, 1858. (Статья I — стр. 355—376; Статья II — стр. 485—506.)

Березин, *Мусульманская религия*. — И. Березин, *Мусульманская религия в отношении к образованности*, — «Отечественные записки», т. 98, 1855, отд. II, кн. 1 (январь), стр. 1—40; отд. II, кн. 2 (февраль), стр. 81—108.

Березин, *Нашествие Батыя*. — И. Березин, *Нашествие Батыя на Россию*, — ЖМНП, ч. 86, 1855, отд. II, стр. 79—114.

Березин, *Нумизматический кабинет*. — И. Н. Березин, *Нумизматический кабинет Имп. Казанского Университета*, — ЖМНП, ч. 87, 1855, отд. III, стр. 1—20.

Березин, *Нынешние центры*. — И. Березин, *Нынешние центры науки в Европе. По поводу издания: «Извлечения из отчетов лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу, для приготовления к профессорскому званию»*, т. I—III, СПб., 1863—1864, — «Библиотека для чтения», год 32-й, т. I, 1865, № 3, февраль, стр. 133—150; № 4, стр. 49—68.

Березин, *Описание турецко-татарских рукописей*, I—IV. — И. Березин, *Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга*, I, — ЖМНП, ч. 50, 1846, отд. III, стр. 33—48; II, — ч. 54, 1847, отд. III, стр. 33—56; III, — ч. 59, 1848, отд. III, стр. 1—24; IV, — ч. 68, 1850, отд. III, стр. 13—46.

Березин, «Отечественные записки», т. 113 [стр. 104—121]. — И. Березин, [рец. на:] Буддизм, его догматы, история и литература. Часть первая. Общее обозрение. Соч. В. Васильева, профессора китайского языка при Имп. СПб. Университете. СПб. 1857, — «Отечественные записки», т. 113, 1857, [отд.] II. Критика и библиография, стр. 104—121.

Березин, *Очерк внутреннего устройства*. — И. Березин, *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева*, — ТВОРАО, ч. VIII, 1864, стр. 387—494; то же: отд. отт.

Березин, *Первое нашествие монголов*. — И. Березин, *Первое нашествие монголов на Россию*, — ЖМНП, ч. 79, 1853, отд. II, стр. 221—250.

Березин, *Письмо из Парижа*. — И. Березин, *Письмо из Парижа*, — «Русский вестник», т. XVII, 1858, [отд.] Современная летопись, стр. 109—116.

Березин, *Православные церкви*. — И. Березин, *Православные и другие христианские церкви в Турции*, — «Библиотека для чтения», год 22-й, т. 133, 1855, сентябрь—октябрь, отд. III (Науки и художества), стр. 1—70.

Березин, *Предисловие* — см. Рашид ад-дин, изд. Березина, I.

Березин, *Путешествие по Востоку*. — И. Н. Березин, *Путешествие по Востоку*, I. *Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест*; II. *Путешествие по Северной Персии*, изд. 2-е, пополненное, Казань, 1850—1852.

Березин, *Современная Турция*. — И. Березин, *Современная Турция*, — «Отечественные записки», т. 104, 1856, кн. 1, стр. 29—58; кн. 2, стр. 397—424.

Березин, *Ханские ярлыки*, I—III. — *Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу*, Казань, 1850 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки*, I.]); II. *Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея*, с введением, переписью, переводом и примечаниями, изданные И. Березиным, Казань, 1851 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки*, II)]; III. *Внутреннее устройство Золотой Орды*. (*По Ханским ярлыкам*), СПб., 1850 ([И. Н. Березин, *Ханские ярлыки*, III]).

Берже, *Краткий каталог*, — А. Берже, *Краткий каталог Тифлисской Публичной Библиотеки (1846—1861)*, Тифлис, 1861.

Бернгейм, *Введение в историческую науку*, — Э. Бернгейм, *Введение в историческую науку*, пер. с немец. В. А. Вейнштока, под ред. В. В. Битнера, СПб., 1908.

Бернс, *Путешествие в Бухару*. — *Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии*

из Индии в Кабуль, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию Высшего Правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской Компанейской службы Александром Борнсом, ч. 1—2, М., 1848—1849.

Бернштам, *Н. Я. Бичурин.* — А. Н. Бернштам, *Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»*, — в кн.: Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2, т. I, стр. V—LV.

Бернштам, *Социально-экономический строй.* — А. Н. Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков*, М.—Л., 1946.

Бертельс, *История персидско-таджикской литературы.* — Е. Э. Бертельс, Избранные труды, [т. I]. *История персидско-таджикской литературы*, М., 1960.

Бескровный, *Из истории изучения живых индийских языков.* — В. М. Бескровный, *Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке*, — ВЛГУ, 1957, № 8, стр. 37—50.

Бетгер, *Отчет Туркестанской гос. библиотеки за 1923 г.* — Е. К. Бетгер, *Отчет Туркестанской государственной библиотеки за 1923 год*, Ташкент, 1924.

Бетгер, *Роспись статьям и заметкам.* — Е. К. Бетгер, *Роспись статьям и заметкам по истории и археологии Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования (28 апреля 1870—15 декабря 1917)*, Ташкент, 1927.

Бетгер, *Туркестанская гос. библиотека*, — Е. К. Бетгер, *Туркестанская государственная библиотека. 1918—1922*, — «Наука и просвещение», № 2, стр. 192—203.

Бетлинг, *О языке якутов.* — О. Бетлинг, *О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания*, — УЗИАН по 1 и 3 отд., 1853, т. I, вып. 4, стр. 377—446.

Библиографические указания. — *Библиографические указания некоторых печатных работ о границе*, — «Материалы по изучению Востока», вып. 2, СПб., 1915, стр. 534.

Библиография Юго-Восточной Азии. — *Библиография Юго-Восточной Азии. Дореволюционная и советская литература на русском языке, оригинальная и переводная.* Составители: А. Гришина и др., М., 1960.

Библиография Якутской АССР, т. 1. — *Библиография Якутской АССР. 1931—1955*, т. 1. *История изучения. История народов. Социалистическое строительство*, М., 1958.

Библиография Японии. — *Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г.* Составители: В. А. Власов и др., т. I—II, М., 1960—1965.

Биографический словарь Мск. ун-та. — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года*, ч. I—II, М., 1855.

Биографический словарь СПб. ун-та. — *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования*, т. I. А—Л; т. II. М—Я, СПб., 1896—1898.

Бируни, *Индия*, пер. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030.* An English Edition, with Notes and Indices, by E. C. Sachau, vol. I—II, London, 1888 (Trübner's Oriental Series). [New ed.: London, 1910.]

Бируни, *Индия*, пер. Халидова — Завадовского. — Абурейхан Бируни, *Избранные произведения*, II. *Индия*, пер. А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского, комментарии В. Г. Эрмана и А. Б. Халидова, Ташкент, 1963.

Биснек — Зельдович, *Этнография народов Памира.* — А. Г. Биснек, Н. М. Зельдович, *Этнография народов Памира. Список литературы на русском языке*, — СЭ, 1940, № 3, стр. 219—246.

Бичурин, *Записки о Монголии.* — *Записки о Монголии*, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I—II, СПб., 1828.

Бичурин, *Описание Тибета.* — *Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С картой дороги от Ченду до Хлассы.* Пер. с китайского [И. Бичурина], ч. 1—2, СПб., 1828.

Бичурин, *Собрание сведений.* — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.

Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 2. — Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.

Бланкеннагель, *Замечания.* — *Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793-94 гг.* С примечаниями действительного члена В. В. Григорьева, — ВИРГО, ч. XXII, СПб., 1858, стр. 87—116.

Бларамберг, *Статистическое обозрение Персии.* — *Статистическое обозрение Персии*, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 году, — ЗИРГО, кн. VII, 1853, стр. 1—358 [разд. паг.].

Бобринской, *Горцы верховьев Пянджа.* — [А. А. Бобринской], *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам* гр. А. А. Бобринского, М., 1908.

Бобринской, *Секта Исмаилья.* — А. А. Бобринской, *Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация*, — ЭО, кн. III, 1902, № 2, стр. 1—20.

Богданов, *О погорениях.* — А. И. Богданов, *О погорениях Санктпетербургския соборныя церкви Св. апостолов Петра и Павла*, — «Сын отечества», второе двадцатипятилетие, СПб., т. VIII, 1839, отд. VI, стр. 8—10.

Богданов, *Описание Санктпетербурга.* — А. И. Богданов, *Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год*, сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное. . . Васильем Рубаном, изд. 1, СПб., 1779.

Л. Богданов, *Персия.* — Л. Ф. Богданов, *Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении.* Пособие для слушателей Курсов востоковедения, СПб., 1909 (Имп. Общество востоковедения, 22).

М. Богданов, *Из истории бурят.* — М. Н. Богданов, *Из истории бурят*, — ЗИРГО, Зап.-Сиб. отд., т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 43—65.

Богданович, *Геологические исследования.* — К. И. Богданович, *Геологические исследования в Восточном Туркестане*, — «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова», ч. II, СПб., 1892.

Богданович, ИРГО, т. LII, 1916, [стр. 114—117]. — К. Богданович, [рец. на:] А.-Ф. Гумбольдт. Центральная Азия. Исследование о цепях гор и по сравнительной климатологии. Перевод с французского П. И. Бородзича. Под редакцией проф. Д. Н. Анучина. Том первый. Со вступительными статьями профессоров Д. Н. Анучина и В. А. Обручева, двумя картами и портретом А.-Ф. Гумбольдта, Москва, 1915, — ИРГО, т. LII, вып. I, 1916, стр. 114—117.

Боголепов — Соболев, *Очерки русско-монгольской торговли.* — М. И. Боголепов и М. И. Соболев, *Очерки русско-монгольской торговли*, — «Труды Томского общества изучения Сибири», т. I, 1911.

Богораз, *Материалы.* — В. Г. Богораз, *Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*, ч. I. *Образцы народной словесности чукоч.* Тексты с переводом и пересказы, СПб., 1900 (Труды якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, отд. 3, т. II, ч. 3).

Боде, *Путевые заметки.* — *Путевые заметки* статского советника барона К. Боде, члена Русского географического общества, бывшего первым секретарем Рос-

сийской Императорской миссии в Тегеране. *Из Исфагани в Гамадан*, — «Библиотека для чтения», т. 123, ч. 1, 1854, отд. III, стр. 1—54.

Боде, *Путешествие в Луристан.* — К. Боде, *Путешествие в Луристан и в Аравистан*, — «Библиотека для чтения», т. 125, ч. 2, 1854, отд. III—IV, стр. 117—166; т. 126, ч. 1, 1854, стр. 29—80; т. 130, ч. 1, 1855, стр. 1—40.

Бороздин, *Первый Всероссийский съезд.* — И. Бороздин, *Первый Всероссийский съезд египтологов. (Предварительный отчет)*, — НВ, кн. 2, 1922, стр. 543—551.

Борщевский, *К характеристике рукописного наследия.* — Ю. Е. Борщевский, *К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского*, — ОИРВ, сб. V, 1960, стр. 5—44.

Брагинский — Комиссаров, *Персидская литература.* — И. Брагинский, Д. Комиссаров, *Персидская литература. Краткий очерк*, М., 1963.

Браун, *Разыскания.* — Ф. Браун, *Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле*, СПб., 1899 (Сб. ОРЯС, т. LXIV, кн. 12).

Бретаницкий, *Зодчество Азербайджана.* — Л. С. Бретаницкий, *Зодчество Азербайджана XII—XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока*, М., 1966.

Бузескул, *Открытия XIX и начала XX века.* — В. П. Бузескул, *Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира*, ч. I. *Восток*; ч. II. *Древнегреческий мир*, Пг., 1923—1924.

Булич, *Минаев*, — С. Булич, *Минаев Иван Павлович*, — «Биографический словарь СПб. ун-та», т. II, стр. 49—55.

Булич, *Очерк истории языкознания.* — С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904.

Булич, *Петров*, — С. Б[ули]ч, *Петров (Павел Яковлевич)*, — ЭБЕ, т. XXIII, 1898, стр. 464—465.

Бурдуков, *В старой и новой Монголии.* — А. В. Бурдуков, *В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма*, М., 1969.

Буров, *Историческая справка.* — Н. А. Буров, *Историческая справка о времени основания Ташкентской Публичной библиотеки*, — сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 122—124.

Буслаев, *Мои воспоминания.* — Ф. Буслаев, *Мои воспоминания*, — «Вестник Европы», т. V, 1890, октябрь, кн. 10, стр. 645—684.

Бушев, *Жизнь и деятельность В. А. Жуковского.* — П. П. Бушев, *Жизнь и деятельность В. А. Жуковского*, — ОИРВ, сб. IV, 1959, стр. 116—136.

Дж. Валидов, *Очерк татарской литературы.* — وليدف ج ، تاتار ادبياتينك بارشى ، برنجى جز ، اورنبورغ ، 1912 .

Валиханов, *Сочинения.* — Ч. Ч. Валиханов, *Сочинения.* Под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX).

Васильев, *Автобиография.* — *Васильев, Василий Павлович. [Автобиография. Биографические данные]. Перечень учено-литературных трудов В. П. Васильева*, — Венгеров, *Словарь русских писателей*, т. IV, отд. 2, стр. 148—156.

Васильев, *Вопросы и сомнения.* — В. Васильев, *Вопросы и сомнения*, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 379—381.

Васильев, *География Тибета.* — *География Тибета.* Перевод из тибетского сочинения Миньчжул Хутукты В. Васильева, СПб., 1895.

Васильев, *Заметки по буддизму.* — В. П. Васильев, *Заметки по буддизму*, — ЗИАН, т. LV, кн. 2, 1887, стр. 122—131.

Васильев, *Записки о Нингуте.* — В. П. Васильев, *Записки о Нингуте*, — ЗИРГО, кн. XII, 1857, стр. 79—109.

Васильев, *История и древности.* — В. П. Васильев, *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 1—235.

Васильев, *Китайский прогресс.* — В. Васильев, *Современное положение Азии — китайский прогресс* (речь, приготовленная для прочтения на акте 8 февраля 1883 года в Санкт-Петербургском Университете), — Отчет по СПб. ун-ту за 1882 г., СПб., 1883. Приложение [разд. паг.].

Васильев, *Материалы.* — В. П. Васильев, *Материалы по истории китайской литературы.* Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского Университета В. П. Васильевым, СПб., 1903. [Литогр. изд.] [Прил. I — *История буддизма*, Прил. II — *Китайская география*, Прил. III — *Каталог книг.*]

Васильев, *О магометанстве.* — В. П. Васильев, *О движении магометанства в Китае*, [СПб., 1867].

Васильев, *О преподавании восточных языков.* — В. П. Васильев, *О преподавании восточных языков в России*, — ВО, 1886, № 7, стр. 7—10; № 8, стр. 8—10.

Васильев, *Об отношениях китайского языка к среднеазиатским.* — В. П. Васильев, *Об отношениях китайского языка к среднеазиатским*, — ЖМНП, ч. 163, 1872 [отд. II], стр. 82—124.

Васильев, *Открытие Китая.* — В. П. Васильев, *Открытие Китая и другие статьи*, СПб., 1900.

Васильев, *Очерк.* — В. П. Васильев, *Очерк истории китайской литературы*, — в кн.: «Всеобщая история литературы». Составлена по источникам и новейшим исследованиям при участии русских ученых и литераторов, под ред. В. Ф. Корша, т. I, ч. 1. *Литературы Древнего Востока*, СПб., 1880 (вып. III—IV), стр. 426—588.

Васильев, *Религии Востока.* — В. Васильев, *Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм*, СПб., 1873.

Васильев, *Три вопроса.* — В. П. Васильев, *Три вопроса. 1. Улучшенное устройство сельской общины. 2. Ассигнации — деньги. 3. Чему и как учиться?*, СПб., 1878.

Васильев, *Центральная Азия.* — В. Васильев, *Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях*, — ЖМНП, ч. 73, 1852, отд. II, стр. 117—132.

А. Васильев, *Карл Великий и Харун-ар-Рашид.* — А. А. Васильев, *Карл Великий и Харун-ар-Рашид*, — ВВ, т. XX, вып. 1, 1913, стр. 63—116; то же: отд. отт., Юрьев, 1913.

А. Васильев, *Лекции.* — А. А. Васильев, *Лекции по истории Византии*, т. I. *Время до эпохи крестовых походов (до 1081 г.)*, Пг., 1917.

А. Васильев, *Поездка на Синай.* — А. Васильев, *Поездка на Синай в 1902 г. (Путевые наброски)*, — СИППО, т. XV, вып. 3, 1904, стр. 173—252.

Вдовин — Терещенко, *Очерки истории изучения палеоазиатских языков.* — И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко, *Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков*, М., 1959 (История отечественного языкознания, вып. 3).

Векилов, *Изучение турецких диалектов.* — А. П. Векилов, *Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными*, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 291—302.

Велецкий, *Приилийский Кульджинский край.* — С. Н. Велецкий, *Приилийский Кульджинский край*, — ИИРГО, т. LI, вып. 3, 1915, стр. 149—176.

Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

Вельяминов-Зернов, *Исторические известия.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр-хана (1748—1765)*, т. 1—2, Уфа, 1853 (отд. отт. из «Оренбургских губернских ведомостей»).

Вельяминов-Зернов, *Четвертый съезд ориенталистов.* — *В. Вельяминов-Зернов, Четвертый международный съезд ориенталистов во Флоренции,* — ЖМНП, ч. 201, 1879, отд. VI (Современная летопись), стр. 1—13.

Венгеров, *Словарь русских писателей.* — С. А. Венгеров, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней),* т. I—VI, СПб., 1889—1904.

Вербицкий, *Словарь.* — В. Вербицкий, *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка,* Казань, 1884.

Вернадский, *О движении русских на восток.* — Г. Вернадский, *О движении русских на восток,* — «Научный исторический журнал», т. I, вып. 2, 1914, стр. 52—61.

Веселовский, *Алебастровые статуэтки.* — Н. И. Веселовский, *Алебастровые и глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе,* СПб., 1910 (отд. отт. из ИАК, вып. 35).

Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек.* — Н. И. Веселовский, *Бадаулет Якуб-Бек, аталык Кашгарский,* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 87—103.

Веселовский, *Барон В. Р. Розен.* — Н. И. Веселовский, *Барон В. Р. Розен (Некролог),* — ЖМНП, н. с., ч. 14, 1908, март, [отд. V]. Современная летопись, стр. 167—188; то же: отд. отт.

Веселовский, *В. В. Вельяминов-Зернов.* — Н. И. Веселовский, *В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904). (Некролог),* — ЖМНП, ч. 352, 1904, апрель, [отд. IV]. Современная летопись, стр. 197—212.

Веселовский, *В. В. Григорьев.* — Н. И. Веселовский, *Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881,* СПб., 1887.

Веселовский, *Военно-исторический очерк города Анапы.* — Н. И. Веселовский, *Военно-исторический очерк города Анапы,* Пг., 1914 (Записки разряда военной археологии и археографии Имп. Русского Военно-исторического общества, т. III).

Веселовский, *Дополнительный указатель.* — Н. И. Веселовский, *Дополнительный указатель литературы о киргизах и кара-киргизах,* — ЭО, год 3-й, кн. XI, 1894, № 4, стр. 285—289.

Веселовский, *Еще об оссуариях.* — Н. Веселовский, *Еще об оссуариях,* — ЗВОРАО, т. XVII, 1908, стр. 0176—0180.

Веселовский, ЖМНП, ч. 224 [стр. 123—137]. — Н. Веселовский, [рец. на:] Рюи Гонзалес де-Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под редакциею И. И. Срезневского, СПб., 1881, — ЖМНП, ч. 224, 1882, ноябрь, стр. 123—137.

Веселовский, ЖМНП, ч. 303 [стр. 224—227]. — Н. И. Веселовский, [рец. на:] Автобиография Тамерлана. Перевод с тюркского Нила Лыкошина. Издано Сыр-Дарьинским статистическим комитетом на средства, отпущенные туркестанским генерал-губернатором бароном А. Б. Вревским. Ташкент, 1894, — ЖМНП, ч. 303, 1896, январь, [отд. II]. Критика и библиография, стр. 224—227.

Веселовский, ЖМНП, н. с., ч. 68 [стр. 118—130]. — Н. И. Веселовский, [рец. на:] [М. Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, Пг., 1916, — ЖМНП, н. с., ч. 68, 1917, март—апрель, [отд. III]. Критика и библиография, стр. 118—130.

Веселовский, *Загадочный Гюлистан.* — Н. Веселовский, *Загадочный Гюлистан Золотой орды,* — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 53—64.

Веселовский, *Заметка о курганах.* — Н. Веселовский, *Заметка о курганах Туркестанского края,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 221—226.

Веселовский, *Заметка о стеклянном производстве.* — Н. Веселовский, *Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 137—138.

Веселовский, *Заметки по истории Золотой орды.* — Н. Веселовский, *Заметки по истории Золотой орды,* Пг., 1916 (отд. отт. из ИАН, ОРЯС, т. XXI, кн. 1).

Веселовский, ЗВОРАО, т. I [стр. 227—228]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Краткая история Кокандского ханства. — Составил В. Наливкин, Казань, 1886, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 227—228.

Веселовский, ЗВОРАО, т. I [стр. 319—320]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань 1886, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 319—320.

Веселовский, ЗВОРАО, т. II [стр. 279—280]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Сырдарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым, СПб., 1887, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 279—280.

Веселовский, ЗВОРАО, т. V [стр. 115—122]. — Н. Веселовский, [рец. на:] Н. И. Гродеков. Киргизы и Каракиргизы Сыр-дарьинской области. Том первый. Юридический быт, Ташкент, 1889, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 115—122.

Веселовский, ЗВОРАО, т. VI [стр. 343—346]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Жизнь Тимура. Соч. Л. Лянглэ. Перевел с французского Н. Суворов. Ташкент, 1890, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 343—346.

Веселовский, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 159—165]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] П. Шубинский. Очерки Бухары. СПб. 1892, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 159—165.

Веселовский, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0125—0128]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] И. И. Крафт. Из киргизской старины, Оренбург, 1900, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0125—0128.

Веселовский, ЗВОРАО, т. XV [стр. 045—046]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] Ежегодник Ферганской области. Том. I, вып. 1902 г. Новый Маргелан. Издание Ферганского областного статистического комитета, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 045—046.

Веселовский, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0181—0184]. — Н. Веселовский, [рец. на:] Самаркандские мечети. Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. I, Мечеть Гур-эмир. СПб., 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0181—0184.

Веселовский, *Иакинф*. — Н. Веселовский, *Иакинф* (*Никита Яковлевич Бичурин*), — «Русский биографический словарь», т. И—К, СПб., 1897, стр. 153—155.

Веселовский, *Иван Данилович Хохлов*. — Н. И. Веселовский, *Иван Данилович Хохлов* (*Русский посланник в Персию и в Бухару в XVII веке*), — ЖМНП, ч. 273, 1891, январь, [отд. II], стр. 48—72.

Веселовский, *Из письма Ильминского*. — Н. В[еселовский], *Из письма Н. И. Ильминского к В. В. Григорьеву, от 17-го января 1865 г.*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 038—039.

Веселовский, *История РАО*. — Н. И. Веселовский, *История Имп. Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896*, СПб., 1900.

Веселовский, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*. — Н. И. Веселовский, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. XVII—XVIII.

Веселовский, *К истории Тмутараканского камня*. — Н. И. Веселовский, *К истории открытия Тмутараканского камня*, Пг., 1917 (отд. отт. из «Вестника археологии и истории», издаваемого Имп. С.-Петербургским Археологическим Институтом, вып. XXII).

Веселовский, *Керопэ Петрович Патканов*. — Н. Веселовский, *Керопэ Петрович Патканов* (*1833—1889*), — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 243—263.

Веселовский, *Киргизский рассказ*. — Н. Веселовский, *Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае*. Текст, перевод и приложения, СПб., 1894.

Веселовский, *Куликовская битва*. — Н. Веселовский, *Куликовская битва* (*по поводу ее пятисотлетия*), — «Древняя и новая Россия», т. XVIII, 1880, сентябрь, СПб., стр. 5—23.

Веселовский, *Курганы Кубанской области*. — Н. И. Веселовский, *Курганы Кубанской*

области в период римского владычества на северном Кавказе, — «Труды XII археологического съезда в Харькове. 1902», т. I, М., 1905, стр. 344—373.

Веселовский, *Мельгунов*. — Н. Веселовский, *Мельгунов Григорий Валерианович*, — «Биографический словарь СПб. ун-та», т. II, стр. 15—16.

Веселовский, *Мнимая должность*. — Н. Веселовский, *Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 201—204.

Веселовский, *Неудавшееся посольство в Крым*. — Н. И. Веселовский. *Неудавшееся посольство в Крым стольника Б. А. Пазухина в 1679 году*, — «Записки Имп. Одесского общества истории и древностей», т. XXX, 1912, стр. 179—216.

Веселовский, *О местоположении Гюлистана*. — Н. Веселовский, *О местоположении Гюлистана при-Сарайского*, Киев, 1907.

Веселовский, *О религии татар*. — Н. Веселовский, *О религии татар по русским летописям. (Опыт комментария летописных известий)*, — ЖМНП, н. с., ч. 64, 1916, июль, [отд. II], стр. 81—101.

Веселовский, *О слове тыш*. — Н. Веселовский, *О турецко-татарском слове тыш («зуб») в дипломатических документах*, — ЖМНП, н. с., ч. 56, 1915, апрель, [отд. II], стр. 329—331.

Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*. — Н. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего*, СПб., 1877.

Веселовский, *Подробности смерти Шейбани*. — Н. Веселовский, *Подробности смерти узбецкого хана Мухаммеда Шейбани*, — «Труды Восьмого археологического съезда в Москве, 1890», т. III, М., 1897, стр. 290—299; то же: отд. отт.

Веселовский, *Предисловие*. — Н. Веселовский, *Предисловие*, — ТВОРАО, ч. XVIII, стр. I—III, СПб., 1875—1909.

Веселовский, *Прием среднеазиатских послов*. — Н. Веселовский, *Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива министерства иностранных дел*, — ЖМНП, ч. 234, 1884, август, отд. II, стр. 68—105.

Веселовский, *Сведения о преподавании*. — Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, — ТТМСО, т. I, стр. 97—256 и 605—606; то же: отд. отт.

Веселовский, *Современное состояние вопроса*. — Н. И. Веселовский, *Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах»*, Одесса, 1915 (отд. отт. из XXXII тома «Записок Имп. Одесского общества истории и древностей»).

Веселовский, *Список*. — [Н. И. Веселовский], *Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков Имп. бывшего Петербургского ныне Петроградского университета с 1819 года*, [Пг., 1916].

Веселовский, *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?* — Н. Веселовский, *Существуют ли в Средней Азии подделки древностей?* — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 110—114.

Веселовский, *Татарское влияние*. — Н. Веселовский, *Татарское влияние на посольский церемониал в Московский период русской истории*, — «Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского Университета за 1910 год», СПб., 1911, отд. X, стр. 1—19.

Веселовский — А. Иванов, *Походы монголов на Россию*. — Н. И. Веселовский — А. И. Иванов, *Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши*, СПб., 1914 (отд. отт. из «Записок Разряда военной археологии и археографии Имп. Русского военно-исторического общества»).

А. Веселовский, *История эпоса*. — А. Н. Веселовский, *История эпоса*, СПб., 1884—1886 (литогр.).

А. Веселовский, *Опыты*. — А. Веселовский, *Опыты по истории развития христиан-*

ской легенды, — ЖМНП, ч. 178, 1875, апрель, стр. 283—331; ч. 179, 1875, май, стр. 48—130.

К. Веселовский, *Историческое обозрение.* — К. С. Веселовский, *Историческое обозрение трудов Имп. Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетии*, — «Торжественное собрание Имп. Академии наук 29 декабря 1864 г.», СПб., 1865, стр. 53—60.

Вестберг, *К анализу восточных источников.* — Фр. Ф. Вестберг, *К анализу восточных источников о восточной Европе*, — ЖМНП, н. с., ч. XIII, 1908, январь, отд. II, стр. 364—412; ч. XIV, 1908, март, отд. II, стр. 1—52.

Викентьев, *Фараон Тутанхамон.* — В. Викентьев, *Фараон Тутанхамон и его гробница*, — НВ, кн. 3, 1923, стр. 362—371.

Вико, *Основания новой науки.* — Дж. Вико, *Основания новой науки об общей природе вещей*, М.—Л., 1940.

Вирский, *Самаркандская область.* — М. М. Вирский, *Самаркандская область по переписи 1897 г.*, — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 302—354.

Витевский, *И. И. Неплюев и Оренбургский край.* — В. Н. Витевский, *И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.*, вып. I—V, Казань, 1889—1897.

Владимиров, *Историческая записка.* — В. Владимиров, *Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие*, т. I—II, Казань, 1867—1868.

Владимирцов, *Анонимный грузинский историк.* — Б. Я. Владимирцов, *Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке*, — ИРАН, сер. VI, 1917, № 17, стр. 1487—1501.

Владимирцов, «Восток», кн. 3 [стр. 171—175]. — Б. Владимирцов, [рец. на:] Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского Географического Общества в Нагорной Азии П. К. Козлова, 1907—1909. М. — Пг., 1923, — «Восток», кн. 3, М. — Пг., 1923, стр. 171—175.

Владимирцов, *И. Н. Березин — монголист.* — Б. Я. Владимирцов, *И. Н. Березин — монголист*, — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 192—194.

Владимирцов, *Монголо-ойратский героический эпос.* — *Монголо-ойратский героический эпос.* Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова, Пг. — М., 1923.

Владимирцов, *Турецкие элементы.* — Б. Владимирцов, *Турецкие элементы в монгольском языке*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 153—184.

Волкова, *Описание маньчжурских рукописей.* — М. П. Волкова, *Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР*, М., 1965.

Воспоминания илийского сибинца. — *Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае*, пер. А. Дьякова, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1907, стр. 233—282.

Востоковедение в Ленинградском университете. — *Востоковедение в Ленинградском университете*, изд-во ЛГУ, 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13).

Вронченко, *Обозрение Малой Азии.* — *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником* М. В[ронченко], ч. 1—2, СПб., 1839.

Вяткин, *Отчет о раскопках обсерватории.* — В. Вяткин, *Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улуг бека в 1908 и 1909 годах*, — ИРКСА, сер. II, № 1, 1912, стр. 76—93.

Галстян, *Армянские источники.* — *Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв.* Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А. Г. Галстяна, М., 1962.

Гарбузова, *Поэты Турции.* — В. С. Гарбузова, *Поэты средневековой Турции*, Л., 1963.

Гейнс, *О восстании.* — А. К. Гейнс, *О восстании мусульманского населения или дунгеней в западном Китае*, — ИИРГО, т. II, 1866, отд. II, стр. 75—96.

Георгиевский, *Анализ.* — С. Георгиевский, *Анализ иероглифической письменности*

китайцев, как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа, СПб., 1888.

Глаголева-Данини, *Научное изучение Великой Революции.* — С. Глаголева-Данини, *Научное изучение Великой Революции. Сорокалетие журнала Олара «La Révolution française»*, — «Анналы», № 2, Пг., 1922, стр. 41—58.

Гладышев — Муравин, *Поездка в Хиву. — Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным*, — «Географические известия, издаваемые Имп. РГО под ред. В. В. Григорьева», СПб., 1850, вып. IV, стр. 519—599.

Гневушева, *Забытый путешественник.* — Е. И. Гневушева, *Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино*, М., 1958.

Головнин, *Записки. — Записки Василия Михайловича Головнина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах и жизнеописание автора*, СПб., 1851; то же: Сочинения и переводы В. М. Головнина, т. 2. *Записки. . . в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах*, СПб., 1864.

Голстунский. — К. Ф. Голстунский. Некролог, — «Исторический вестник», год 20, 1899, август, стр. 729.

Гольденберг, *С. У. Ремезов.* — Л. А. Гольденберг, *Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг.*, М., 1965.

Гольдциэр, *Ислам.* — *Ислам* (*Die Religion des Islams*) И. Гольдциэра (I. Goldziher). Пер. И. Крачковского. Под ред. и с предисловием А. Э. Шмидта, СПб., 1911.

Гольдциэр, *Исламская и еврейская философия.* — И. Гольдциэр, *Исламская и еврейская философия*, — в кн.: «Общая история философии», т. I, СПб., 1910, стр. 79—110.

Горбачева, *Новый этап.* — З. И. Горбачева, *Новый этап в развитии тангутоведения (К выходу в свет трудов Н. А. Невского по тангутоведению)*, — ПВ, 1959, № 6, стр. 163—169.

Горбачева и др., *Русский китаевед В. П. Васильев.* — З. И. Горбачева и др., *Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900)*, — ОИРВ, сб. II, 1956, стр. 232—340.

Горбачева — Кычанов, *Тангутские рукописи и ксилографы.* — *Тангутские рукописи и ксилографы. Список. . .* составители: З. И. Горбачева и Е. И. Кычанов, М., 1963.

Гордлевский, *Очерки.* — Вл. Гордлевский, *Очерки по новой османской литературе*, М., 1912 (ТВЛИВЯ, вып. XXXIX).

Гордлевский, *Смирнов.* — В. А Гордлевский, *Памяти В. Д. Смирнова (1846—1922)*, — Избранные сочинения, т. IV, М., 1968, стр. 408—414.

Горцевская, *Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков.* — В. А. Горцевская, *Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков*, Л., 1959 («История отечественного языкознания», вып. 2).

Готвальт, *Описание арабских рукописей.* — И. Готвальт, *Описание арабских рукописей, хранящихся в библиотеке Казанского Университета*, — УЗКУ, 1854, кн. II, стр. 43—171; кн. IV, стр. 1—67; 1855, кн. IV, стр. 1—118.

Готье, *Английские путешественники.* — *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* Пер. с английского Ю. В. Готье, Л., 1937.

Грамоты великого князя Иоанна Васильевича к нагайским мурзам. — *Грамоты великого князя Иоанна Васильевича к нагайским мурзам и их к великому князю Иоанну Васильевичу*, — «Продолжение Древней Российской вивлиофики», ч. 7, 1791, стр. 225—353; ч. 8, 1793, стр. 1—336; ч. 9, 1793, стр. 1—315; ч. 10, 1795, стр. 1—327; ч. 11, 1801, стр. 1—315.

Греков, *Киевская Русь.* — Б. Д. Греков, *Киевская Русь*, М.—Л., 1944.

Греков, *Культура Киевской Руси.* — Б. Д. Греков, *Культура Киевской Руси*, М.—Л., 1944.

Греков — Якубовский, *Золотая Орда.* — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950.

Григорцевич, *Из истории востоковедения.* — С. С. Григорцевич, *Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг.)*, — СВ, 1957, № 4, стр. 131—140.

Григорьев, *Восточный Туркестан* — см. Риттер — Григорьев.

Григорьев, *Жизнь и труды Савельева.* — В. В. Григорьев, *Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним*, СПб., 1861.

Григорьев, *Об отношениях между кочевыми народами.* — В. В. Григорьев, *Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами*, — ЖМНП, ч. 178, 1875, Отдел наук [III], стр. 1—27.

Григорьев, *Петербургский университет.* — В. В. Григорьев, *Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования.* Историческая записка, составленная по поручению Совета университета, СПб., 1870.

Григорьев, *Россия и Азия.* — [В. В. Григорьев], *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии*, написанных в разное время В. В. Григорьевым, ориенталистом, СПб., 1876.

Гродеков, *Поездка.* — [Гродеков], *Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году)*, — СМА, вып. V, 1883, стр. 58—107.

Грум-Гржимайло, *Описание путешествия.* — Г. Е. Грум-Гржимайло и М. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, т. I—III, СПб., 1896—1907.

Давидович, *Дело.* — Я. И. Давидович, *«Дело» Санкт-Петербургского Университета 1821 г.*, — ВЛГУ, 1947, № 3, стр. 145—155.

Дадашев — Усейнов, *Архитектурные памятники Баку.* — С. А. Дадашев, и М. А. Усейнов, *Архитектурные памятники Баку*, М., 1946.

Данибегов, *Путешествие в Индию.* — [Р. Данибегов], *Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова*, пер. с грузинского, М., 1815; нов. изд.: М., 1961; Тбилиси, 1963.

Данилевский, *Описание Хивинского ханства.* — Г. И. Данилевский, *Описание Хивинского ханства*, — ЗИРГО, кн. V, 1851, стр. 62—139.

Данциг, *Изучение Ближнего Востока.* — Б. М. Данциг, *Изучение Ближнего Востока в России (XIX—начало XX в.)*, М., 1968.

Данциг, *Русские путешественники.* — Б. М. Данциг, *Русские путешественники на Ближнем Востоке*, М., 1965.

Дас, *Путешествие в Тибет.* — Сарат Чандра Дас, *Путешествие в Тибет*, пер. с англ. под ред. Вл. Котвича, СПб., 1904.

Двадцатипятилетие Красноярского музея. — *Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889—1914)*, Красноярск, 1915.

Двадцатипятилетие «Туркестанских ведомостей». — *Двадцатипятилетие «Туркестанских ведомостей»*, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 243—262.

Дело 1714—1718 годов. — *Дело 1714—1718 годов, об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя Александра Бековича Черкасского на Каспийское море и в Хиву*, — МВУА, т. I, стр. 197—400.

Дельбрюк, *Введение в изучение языка.* — Б. Дельбрюк, *Введение в изучение языка (Einleitung in das Sprachstudium). Из истории и методологии сравнительного языкознания.* Перевод студентов С.-Петербургского университета с третьего исправл. издания 1893 г. под редакцией и при участии С. Булича, — в кн.: С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904, стр. 1—148 («Записки историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского университета», ч. 75).

Демидова, Мясников, *Первые русские дипломаты в Китае.* — Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, *Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова)*, М., 1966.

Дешериев, *Значение научного наследия П. К. Услара.* — Ю. Д. Дешериев, *Значение научного наследия П. К. Услара для советского кавказоведения*, — ВЯ, 1956, № 3, стр. 107—115.

Дёрфер, *О состоянии исследования халаджской группы языков.* — Г. Дёрфер, *О состоянии исследования халаджской группы языков*, — ВЯ, 1972, № 1, стр. 89—96.

Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке.* — И. А. Джавахов, *Об одном анонимном грузинском историке XIV века*, — ИАН, сер. VI, № 17, 1917, стр. 1483—1486.

Джумагулов, *Язык сиро-тюркских памятников.* — Ч. Джумагулов, *Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии.* Под ред. И. А. Батманова, Фрунзе, 1971.

Дмитриев, *О тюркских элементах.* — Н. К. Дмитриев, *О тюркских элементах русского словаря*, — «Лексикографический сборник», вып. III, М., 1958, стр. 3—47.

Дмитриевский, *Палестинское общество.* — А. А. Дмитриевский, *Императорское православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907).* Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества, СПб., 1907.

Добровольский, *Киселевские цыгане.* — *Киселевские цыгане.* Труд В. Н. Добровольского, [под ред. К. Г. Залемана], вып. I. *Цыганские тексты*, СПб., 1908.

Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области.* — А. И. Добросмыслов, *Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент*, Ташкент, 1912.

Добросмыслов, *Ташкент.* — А. И. Добросмыслов, *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*, Ташкент, 1912.

Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка.* — Б. В. Долбежев, *В поисках развалин Бишбалыка*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 77—121.

Дорн, *Каспий.* — Б. Дорн, *Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на прибрежья Каспийского моря*, СПб., 1875 (Прилож. к ЗИАН, т. XXVI, № 1).

Дудин, *К вопросу о технике изразцовых мозаик.* — С. М. Дудин, *К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии*, — ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 183—204.

Дудин, *Отчет о поездке.* — С. Дудин, *Отчет о поездке в Самарканд летом 1908 года*, — ИРКСА, № 10, 1910, стр. 54—60.

Дудин, *Предварительный отчет.* — С. М. Дудин, *Предварительный отчет поездки из Эрдени-Цзу в Кяхту*, — СТОЭ, т. I, 1892, стр. 24—27.

Дулина, *Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем.* — Н. А. Дулина, *Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем*, — «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 396—400.

Дулина, *Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем.* — Н. А. Дулина, *Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем*, — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 261—277.

Дьяконов, *Законы Вавилонии.* — *Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства.* Перевод и комментарий под редакцией И. М. Дьяконова, — ВДИ, 1952, № 3, Приложение, стр. 197—303.

Дьяконов, *История Мидии.* — И. М. Дьяконов, *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.*, М.—Л., 1956.

Дьяконов, *Общественный и государственный строй.* — И. М. Дьяконов, *Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер*, М., 1959.

Дьяконов, *Урартские письма и документы.* — И. М. Дьяконов, *Урартские письма и документы*, М., 1963.

Дьяконов, *Этнический и социальный факторы.* — И. М. Дьяконов, *Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера)*, — ВДИ, 1963, № 2, стр. 167—179.

Дьяконова — Сорокин, *Хотанские древности.* — Н. В. Дьяконова и С. С. Сорокин, *Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук*, Л., 1960.

Дюгальд, *Географическое описание.* — *Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии Китайския*, снабженное разными чертежами и разными фигурами, сочиненное Ж. Б. Дюгальдом, а с французского переведенное Игнатием де Теильсом, ч. I—II, СПб., 1774—1777.

Дюгамель, *Автобиография.* — *Автобиография А. О. Дюгамеля*, — «Русский Архив», год 23, 1885, кн. 5, стр. 82—126; кн. 6, стр. 222—256.

Евгений, *Историческое изображение Грузии.* — *Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии.* Сочинено в Александро-Невской Академии [Евгением Болховитиновым], СПб., 1802.

Ельницкий, *Знания древних.* — Л. А. Ельницкий, *Знания древних о северных странах*, М., 1961.

Ефремов, *Странствование.* — *Российского унтер-офицера Ефремова десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим*, СПб., 1786; нов. изд.: М., 1950.

Жамцарано, *Произведения народной словесности бурят*, вып. 1—3. — *Произведения народной словесности бурят.* Собрал Ц. Ж. Жамцарано. *Эпические произведения эхрит-булгатов*, вып. I. *Аламжи-мэрген* (*Былина*), СПб., 1913; вып. II. *Аайдурай-мэрген и Иренсей* (*Былины*), Пг., 1914; вып. III. *Ха-Ошир Хубун.* В 2-х редакциях (Былины), Пг., 1918 (Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты, т. I).

Жебелев, *Б. А. Тураев.* — С. Жебелев, *Борис Александрович Тураев*, — «Русский исторический журнал», кн. 7, 1921, стр. 3—6.

Жебелев, *Древняя Греция.* — С. А. Жебелев, *Древняя Греция*, ч. I—II, Пг., 1920—1922 (Введение в науку. История, вып. 6—7).

Жебелев, *Яков Иванович Смирнов.* — С. Жебелев, *Яков Иванович Смирнов*, Prague, 1928 (отд. отт. из: «Seminarium Kondakovianum», II).

Живопись древнего Пянджикента. — *Живопись древнего Пянджикента*, [отв. ред. А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов], М., 1954.

Жизнеописание Сюань Цзана, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Hoeï-li et Yen-thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien, Paris, 1853.

Жирмунский, *Народный героический эпос.* — В. М. Жирмунский, *Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки*, М.—Л., 1962.

Житье и хоженье Данила, изд. Веневитинова. — *Житье и хоженье Данила русьскыя земли игумена 1106—1108 гг.* Под ред. М. А. Веневитинова, — «Православный Палестинский сборник», т. I, вып. 3, СПб., 1883; т. III, вып. 3, СПб., 1885.

Жуковский, *Али Аухадэддин Энвери.* — В. А. Жуковский, *Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики*, СПб., 1883.

Жуковский, *Жизнь и речи.* — В. А. Жуковский, *Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского.* Персидский текст. СПб., 1899.

Жуковский, *К истории старца.* — В. Жуковский, *К истории старца Абу-Са'ида Мейхенейского*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 144—156.

Жуковский, *Кое-что о Баба-Тахире.* — В. Жуковский, *Кое-что о Баба-Тахире Голыше*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0104—0108.

Жуковский, *Колыбельные песни.* — В. А. Жуковский, *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии,* — ЖМНП, ч. 261, 1889, январь, отд. II, стр. 93—126.

Жуковский, *Легенда об Иисусе.* — В. Жуковский, جُمْجُمه نامه. *Легенда об Иисусе и черепе в персидском стихотворном сказе Аттара,* — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 63—72.

Жуковский, *Материалы.* — В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий,* ч. I, СПб., 1888; ч. II—III, Пг., 1922.

Жуковский, *Могила Фирдоуси.* — В. Жуковский, *Могила Фирдоуси.* (*Из поездки в Хорасан летом 1890 г.*), — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 308—314.

Жуковский, *Мусульманство Рустема Дастановича.* — В. Жуковский, *Мусульманство Рустема Дастановича,* — ЖС, [т. I], вып. IV, 1891, отд. I, стр. 109—117.

Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан.* — В. Жуковский, *Мухаммед-Хасан-хан* (*И'тимад-ал-сальтанэ*), — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 187—191.

Жуковский, *Название сектантов.* — В. Жуковский, *Ḱāлī* (غالی) — *название современных персидских сектантов,* — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 119—121.

Жуковский, *Недавние казни бабидов.* — В. Жуковский, *Недавние казни бабидов в городе Езде,* — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 321—327.

Жуковский, *Образцы.* — *Образцы персидского народного творчества* (*песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания*). Собрал и перевел В. А. Жуковский, СПб., 1902.

Жуковский, *Образчик персидского юмора.* — В. Жуковский, *Образчик персидского юмора,* — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 316—318.

Жуковский, *Омар Хайам.* — В. Жуковский, *Омар Хайам и «странствующие» четверостишия,* — «Ал-Музаффарийя», стр. 325—363.

Жуковский, *Персидские версии.* — В. Жуковский, *Персидские версии «Шемякина суда»,* — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 157—178.

Жуковский, *Песни Хератского Старца.* — В. А. Жуковский, *Песни Хератского Старца,* — сб. «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 79—113.

Жуковский, *Песнь Насири-Хосрова.* — В. Жуковский, *Песнь Насири-Хосрова,* — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 386—393.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва,* СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Жуковский, *Российский консул Ф. А. Бакулин.* — В. Жуковский, *Российский Императорский консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма,* — ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 33—90.

Жуковский, *Секта «Людей истины».* — В. А. Жуковский, *Секта «Людей истины» — Аhлі hakk — в Персии,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 1—24.

Жуковский, *Соловей и муравей.* — В. Жуковский, *Соловей и муравей,* — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 304—307.

Жуковский, *Тайны единения.* — В. А. Жуковский, *Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида. Толкование на четверостишие Абу-Са'ида. Персидские тексты,* СПб., 1899 (Издания факультета восточных языков Имп. СПб. Университета, № 1).

Жуковский, *Толкование притчи.* — В. Жуковский, *Толкование притчи в сатире Фирдоуси,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 263—266.

Жуковский, *Человек и познание.* — В. А. Жуковский, *Человек и познание у персидских мистиков,* СПб., 1895 (отд. отт. из: «Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности Имп. СПб. Университета за 1894 год», стр. 97—128).

Жуковский, *Юмор.* — В. Жуковский, *Юмор персидско-индийский,* — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 111—112.

С. Жуковский, *К истории сношений.* — С. В. Жуковский, *К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца XVIII века. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году*, — «Восточный сборник», кн. II, Пг., 1916, стр. 273—340.

С. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой.* — С. В. Жуковский, *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие*, Пг., 1915 (Труды Общества русских ориенталистов, № 2).

Журнал заседания. — *Журнал заседания Совета Имп. РГО. 6 февраля 1916 г.*, — ИРГО, т. LII, 1916, вып. III, [Действия Общества], стр. 1—2.

Загоскин, *За сто лет.* — Н. П. Загоскин, *За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского Университета (1804—1904)*, ч. I—II, Казань, 1904.

Загоскин, *История Казанского университета.* — Н. П. Загоскин, *История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804—1904*, т. I—IV, Казань, 1902—1904. [Т. I. Введение и часть первая (1804—1814); т. II, ч. 2 (1814—1819); т. III — окончание части 2-й и ч. 3-я (1814 и 1819—1827); т. IV — окончание ч. 3-й (1819—1827).]

Загоскин, *Попов.* — Н. П. Загоскин, *Попов, Александр Васильевич*, — в кн.: Загоскин, *За сто лет*, ч. I, стр. 237.

Загурский, *П. К. Услар и его деятельность на Кавказе.* — Л. Загурский, *Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе*, — «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. X, Тифлис, 1881, стр. I—LXXXIII.

Залеман, «Восточные заметки», стр. 269—320. — К. Г. Залеман, [рец. на:] Шугнанский словарь Д. Л. Иванова, — «Восточные заметки». Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Имп. СПб. Университета, СПб., 1895, стр. 269—320.

Залеман, ЖМНП, ч. 230, отд. II [стр. 160—176]. — К. Залеман, [рец. на:] В. А. Жуковский, Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики, СПб., 1883, — ЖМНП, ч. 230, 1883, ноябрь, отд. II, стр. 160—176.

Залеман, ЗВОРАО, т. II [стр. 149—157]. — К. З[алеман], [рец. на:] Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: Боша и Карачи. К. П. Патканова, СПб. 1887, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 149—157.

Залеман, *Легенда про Хаким-Атà.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Атà*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Залеман, *Новые материалы по ягнобскому языку.* — К. Залеман, *Новые материалы по ягнобскому языку*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 128—129.

Залеман, *О результатах поездки.* — К. Г. Залеман, *О результатах поездки, совершенной летом 1889 года в Копенгаген.* Донесение адъюнкта К. Г. Залемана, читанное в заседании историко-филологического отделения 3 октября 1889 года (отд. отт. из ЗИАН, 1889, стр. 1—5).

Залеман, *Очерк истории древне-персидской литературы.* — К. Г. Залеман, *Очерк истории древне-персидской или иранской литературы*, — в кн.: «Всеобщая история литературы». Составлена по источникам и новейшим исследованиям, при участии русских ученых и литераторов, под ред. В. Ф. Корша, т. I, ч. 1. *Литературы древнего Востока*, СПб., 1880, стр. 157—190.

Залеман, *По поводу еврейско-персидского отрывка.* — К. Залеман, *По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана*, — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 046—057.

Залеман, *Труды Радлова.* — К. Г. Залеман, *Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке. Radloff's Druckschriften in chronologischen Ordnung*, — в кн.: *Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. 5 января 1907 года*, СПб., 1907, стр. 3—25; [продолжение] в кн.: *Семидесятипятилетний юбилей дня рождения*

академика Василия Васильевича Радлова. 1837 г. 5 января — 5 января 1912 г., СПб., 1912, стр. 5—8.

Залеман — Жуковский, *Краткая грамматика. — Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии.* Составили К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, СПб., 1890.

Залеман — Розен, *Список рукописям библиотеки СПб. университета.* — К. Залеман — бар. В. Розен, *Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки Имп. СПб. университета*, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 241—262; т. III, 1889, стр. 197—220.

Зарубин, *Вершикское наречие.* — И. И. Зарубин, *Вершикское наречие канджутского языка. Очерк по диалектографии Гиндукуша*, — ЗКВ, т. II, 1927, стр. 275—364.

Зарубин, *Материалы по этнографии.* — И. И. Зарубин, *Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга*, — СМАЭ, V, вып. 1, 1918, стр. 97—148.

Зарубин, *Н. Я. Марр и канджутский язык.* — И. И. Зарубин, *Н. Я. Марр и канджутский (буришско-вершикский) язык*, — «Язык и мышление», т. VIII, М.—Л., 1937, стр. 165—170.

Зарудный, *Несколько слов.* — Н. Зарудный, *Несколько слов о поездке в Персию в 1896 году*, — ИИРГО, т. XXXIV, 1898, стр. 209—216.

Зарудный, *Предварительный отчет.* — Н. А. Зарудный, *Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1900—1901 гг.*, — ИИРГО, т. XXXVIII, 1905, стр. 127—170.

Зарудный, *Третья экскурсия.* — Н. Зарудный, *Третья экскурсия по Восточной Персии (Хорасан, Сеистан и Персидский Белуджистан). 1900—1901 гг.*, Пг., 1916 (ЗИРГО по общ. геогр., т. L).

Зарудный, *Экскурсия по восточной Персии.* — Н. Зарудный, *Экскурсия по восточной Персии*, СПб., 1901 (ЗИРГО по общ. геогр., т. XXXVI, № 1).

Зеланд, *Кашгария.* — *Кашгария и перевалы Тянь-шаня.* Путевые записки Н. Зеланда, Омск, 1888.

Зелинский, *Древние пути Памира.* — А. Н. Зелинский, *Древние пути Памира*, — СНВ, вып. 3, М., 1964, стр. 99—141.

Зограф, *Ленц.* — Г. А. Зограф, *Роберт Христианович Ленц (1805—1836). (К 150-летию со дня рождения)*, — УЗЛГУ, № 279, серия востоковедческих наук, вып. 9, Л., 1960, стр. 31—38.

Зограф, *Описание рукописей хинди.* — Г. А. Зограф, *Описание рукописей хинди и пенджаби Института востоковедения*, М., 1960.

Ибн Арабшах, *'Аджā'иб ал-маḳдӯр*, каирск. изд. — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور لشهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه ' مصر ' ١٣٠٥[= Каир, 1887].

Ибн ал-Кифти, изд. Липперта. — Ibn al-Qifṭī's *Ta'rīḫ al-Ḥukamā'*. Auf Grund der Vorarbeiten Aug. Müller's hrsg. von J. Lippert, Leipzig, 1903.

Ибн Русте. — *Kitâb al-a'lâk an nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте — стр. 1—229].

Ибн ал-Фаради, изд. Кодеры. — Aben Alfaradh, *Historia virorum doctorum Andalusiae (dictionarium biographicum)*, t. I—II, Madrid, 1882—1892 (Bibliotheca arabico-hispana, t. VII—VIII).

Ибн Хазм, *Ṭauḳ ал-ḥамāма*, изд. Петрова. — Abû-Muhammed-Alî-ibn-Hazm al-Andalusî, *Ṭauḳ al-ḥamâma*, publié. . . par D. K. Pétrof, St.-Pétersburg — Leide, 1914 (MFLU, vol. 119).

Ибн Хазм, *Ṭauḳ ал-ḥамāма*, пер. Салье. — Ибн Хазм, *Ожерелье голубки*, пер. с арабского М. Салье под ред. И. Ю. Крачковского, Л., 1933; изд. 2: М., 1957.

Ибн Халдун, *Муḳаддима*, пер. Розенталя. — Ibn Khaldûn, *The Muqaddimah. An Introduction to History*. Transl. from the Arabic by F. Rosenthal, vol. 1—3, New York, 1958 (Bollingen series, XLIII).

Ибн Халдун, *Муḳаддима*, пер. де Слэна. — *Prolégomènes historiques* d'Ibn Khaldoun. [Trad. M. G. de Slane], — «Notices et extraits», t. XIX—XXI, Paris, 1862—1868.

Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

А. Иванов, *Васильев как синолог*. — А. И. Иванов, *В. П. Васильев как синолог*, — ИРАН, сер. VI, 1918, № 7 стр. 561—566.

А. Иванов, ЗВОРАО, т. XIX, [стр. 0209—0213]. — А. Иванов, [рец. на:] W. P. Wassiljew. Die Erschliessung Chinas. Deutsche Bearbeitung von Dr. Rudolf Stübe mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady und zwei Karten. Leipzig, 1909, — ЗВОРАО т. XIX, 1910, стр. 0209—0213.

А. Иванов, *К вопросу о тангутском языке*. — А. И. Иванов, *К вопросу о тангутском языке* (*Си-ся*) [резюме доклада], — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XLVIII.

В. Иванов, *Исмаилитские рукописи*. — В. А. Иванов, *Исмаилитские рукописи Азиатского музея* (*собрание И. Зарубина, 1916 г.*), — ИАН, сер. VI, т. XI, 1917, стр. 359—386.

В. Иванов, *Несколько образцов*. — В. А. Иванов, *Несколько образцов персидской народной поэзии*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 33—59.

М. Иванов, *Бабидские восстания*. — М. С. Иванов, *Бабидские восстания в Иране* (*1848—1852*), М. — Л., 1939 (ТИВАН, XXX).

М. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 гг.* — М. С. Иванов, *Иранская революция 1905—1911 годов*, М., 1957.

М. Иванов, *Очерк истории Ирана*. — М. С. Иванов, *Очерк истории Ирана*, М., 1952.

П. Иванов, *Дополнительные сведения*. — П. Иванов, *Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам*, — ЖМНП, ч. 80, 1853, октябрь, отд. VII, стр. 28—29; то же: ВИРГО, ч. VIII, 1853, стр. 170—171.

П. Иванов, *Распоряжения Петра Великого*. — П. Иванов, *Распоряжения Петра Великого об обучении в России японскому языку*, — ВИРГО, ч. VIII, отд. VIII, 1853, стр. 4—5.

П. П. Иванов, *Очерки*. — П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии* (*XVI — середина XIX в.*), М., 1958.

С. Иванов, *Кафедра тюркской филологии*. — С. Н. Иванов, *Кафедра тюркской филологии*, — УЗЛГУ, № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13, 1960, стр. 69—78.

Ивановский, *Захаров*. — А. Ивановский, *Захаров Иван Ильич*, — «Биографический словарь СПб. ун-та», т. I, стр. 261—262.

Ивановский, ЗВОРАО, т. III [стр. 279—285]. — А. И[вановский], [рец. на:] С. Георгиевский, Анализ иероглифической письменности китайцев, как отражающий в себе историю жизни древнего китайского народа. СПб. 1888, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 279—285.

Ивановский, *Памяти К. Ф. Голстунского*. — А. О. Ивановский, *Памяти К. Ф. Голстунского. 1831—1899*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0109—0111.

Ивановский, *Посольство Спафари*. — А. О. Ивановский, *Посольство Спафари*, —

ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 81—124 — маньчжурский текст, 195—220 — перевод.

Игнатьев, *Наши востоковеды.* — С. И. Игнатьев, *Наши востоковеды. (По поводу возникновения нового «Общества русских ориенталистов в С.-Петербурге»)*, — «Исторический вестник», т. 121, СПб., 1910, август, стр. 603—613.

Идес, *Записки о русском посольстве в Китай.* — И. Идес, А. Бранд, *Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695)*. Вступительная статья, перевод и комментарии М. И. Казанина, М., 1967.

Идриси, пер. Жобера. — *Géographie d'Edrisi* traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Известия Восточного института. — *Известия Восточного института*, под ред. А. Позднеева, т. III—IV, Владивосток, 1902—1903.

Иловайский, *История России.* — Д. И. Иловайский, *История России*, т. I—V, М., 1876—1905.

Ильин, *Древний индийский город.* — Г. Ф. Ильин, *Древний индийский город Таксила*, М., 1958.

Иностранцев, *К изучению оссуариев.* — К. Иностранцев, *К изучению оссуариев*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 064—067.

Иностранцев, *Туркестанские оссуарии.* — К. Иностранцев, *Туркестанские оссуарии и астоданы*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 0166—0171.

Исидор Харакский, изд. Фабрициуса. — Isidori Characeni *Stathmos Parthicos*, recens. B. Fabricius, Dresdae, 1849.

Исидор Харакский, изд. Шоффа. — *Parthian Stations.* By Isidore of Charak. An account of the overland trade route between the Levant and India in the first century b. c. The Greek text with a translation and commentary by W. H. Schoff, Philadelphia, 1914.

Истахри.— *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

Истахри, пер. Мордтмана. — *Das Buch der Länder* von Schech Ebu Ishak el Farsi el Isztachri. Aus dem arabischen übers. von A. D. Mordtmann. Nebst einem Vorworte von prof. C. Ritter, Hamburg, 1845.

Историко-этнографический атлас Сибири. — *Историко-этнографический атлас Сибири.* Под ред. И. Г. Левина и Л. П. Потапова, М. — Л., 1961.

История АН СССР. — *История Академии наук СССР*, т. I (1724—1803), М. — Л., 1958; т. II (1803—1917), М. — Л., 1964.

История Казахской ССР. — *История Казахской ССР*, т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959.

История Киргизии. — *История Киргизии*, т. I—II, Фрунзе, 1956, нов. изд.: 1968.

История монголов по армянским источникам. — *История монголов по армянским источникам.* Перевод и объяснения К. П. Патканова. Вып. 1, заключающий в себе извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конетабля Сембата, СПб., 1873; вып. 2, заключающий в себе извлечения из истории Киракоса Гандзакеци, СПб., 1874.

История Самарканда. — *История Самарканда.* Отв. ред. И. М. Муминов, т. 1—2, Ташкент, 1969—1970.

История Тувы. — *История Тувы*, т. I—II, М., 1964.

История Туркменской ССР.— *История Туркменской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II, Ашхабад, 1957.

Истрин, *Возникновение и развитие письма.* — В. А. Истрин, *Возникновение и развитие письма*, М., 1965.

В. Истрин, *Сказание.* — В. М. Истрин, *Сказание об Индейском царстве*, — «Древности». Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества, т. I, М., 1895, стр. 1—75.

Каверин, *Барон Брамбеус.* — В. Каверин, *Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения»*, М., 1966.

Казем-Бек, *Баб и бабиды.* — А. Казем-Бек, *Баб и бабиды: религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 годах. Содержит: 1) Биографию Баба; 2) Историческое изложение о бабидах и 3) Обзор их учения*, СПб., 1865.

Казембек, *Речь.* — *Речь по случаю открытия в С.-Петербургском университете факультета восточных языков*, произнесенная деканом оного, орд. проф. Казембеком, — ЖМНП, ч. 88, 1855, [сентябрь], отд. II, стр. 12—22.

Казнаков, *Мои пути по Монголии.* — А. Н. Казнаков, *Мои пути по Монголии и Каму*, СПб., 1907 («Монголия и Кам». Труды экспедиции Имп. Русского Географического Общества, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова, т. II, вып. 1).

Какабадзе, *Грузинские документы.* — С. С. Какабадзе, *Грузинские документы Института народов Азии АН СССР*, М., 1967.

Калмыков, *Хива.* — А. Калмыков, *Хива*, — ПТКЛА, год XII, 1908, стр. 49—71.

Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи.* — Е. Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки*, Ташкент, 1889.

Кальянов, *Изучение санскрита в России.* — В. И. Кальянов, *Изучение санскрита в России*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 304, серия востоковедческих наук, вып. 14, 1962, стр. 151—152.

Кальянов, *Об изучении санскрита.* — В. И. Кальянов, *Об изучении санскрита в Советском Союзе*, — ВЛГУ, 1957, № 8, стр. 23—36.

Карамзин, *История.* — Н. М. Карамзин, *История государства Российского.* Печатано под наблюдением проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.

Карсавин, *Введение в историю.* — Л. П. Карсавин, *Введение в историю*, Пг., 1920.

Карский, *Памяти С. М. Дудина.* — Е. Ф. Карский, *Памяти С. М. Дудина*, — СМАЭ, т. IX, 1930, стр. 341—343.

Кары-Ниязов, *Улугбек.* — Т. Н. Кары-Ниязов, *Улугбек — великий астроном XV в.*, — в кн.: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965.

Каталог академических изданий. — *Каталог изданий Имп. Академии наук*, ч. III. *Отдельные издания на иностранных языках с 1726 года по 1-е марта 1916 года*, Пг., 1916.

Катанаев, *Потанин и его предшественники.* — Г. Е. Катанаев, *Н. И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии*, — ЗИРГО Зап.-Сиб. отд., т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 192—258.

Кауфман, *Русские словари.* — И. М. Кауфман, *Русские биографические и биобиблиографические словари*, М., 1955.

И. Кауфман, *Русский вес.* — И. И. Кауфман, *Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен*, — ЗНОРАО, т. I, вып. 1, 1906, стр. 92—183.

Кацнельсон, *Материалы по истории египтологии.* — И. С. Кацнельсон, *Материалы по истории египтологии в России*, — ОИРВ, сб. II, 1956, стр. 207—231.

Кашф ал-махджўб, изд. Жуковского. — В. А. Жуковский, *Раскрытие скрытого за завесой* («*Кяшф-аль-Махджуб*») Абу-ль-Хасана Али ибн Осман ибн-аби Али аль-Джулляби аль-Худжвири аль-Газнави. Персидский текст, указатели и предисловие. Посмертное издание, [подготовл. А. Ромаскевичем], Л., 1926.

Кашф ал-махджўб, пер. Никольсона. — *The Kashf al-Maḥjúb. The oldest Persian Treatise on Ṣúfiism* by 'Alí b. 'Uthman al-Jullábí al-Hujwírí, transl. from the text of the Lahore edition, compared with MSS. in the India Office an British Museum by R. A. Nicholson, Leiden — London, 1911 (GMS, XVII).

Каюм Насыри. 1825—1945. — *Каюм Насыри. 1825—1945.* (*Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения*), Казань, 1948.

Кери, *Путешествие.* — А. Д. Кери, *Путешествие вкруг Китайского Туркестана и вдоль северной границы Тибета,* — ИИРГО, т. 24, 1888, стр. 41—64.

Кизерицкий, *Хотанские древности.* — Г. Кизерицкий, *Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского,* — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 167—190.

Киселев и др., *Древнемонгольские города.* — С. В. Киселев и др., *Древнемонгольские города,* М., 1965.

Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).

Клосон, *О названии «уйгур».* — Дж. Клосон, *О названии «уйгур»,* — сб. «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965, стр. 209—220.

Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники.* — С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии,* М., 1964.

Книга Большому Чертежу. — *Книга Большому Чертежу.* Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной, М. — Л., 1950.

Книга, глаголемая Большой Чертеж. — *Книга, глаголемая Большой Чертеж,* изданная по поручению Имп. Общества истории и древностей российских Г. И. Спасским, М., 1846.

Княжецкая, *Судьба одной карты.* — Е. А. Княжецкая, *Судьба одной карты,* М., 1964.

Кобеко, ЗВОРАО, т. II [стр. 147—149]. — Д. К[обеко], [рец. на:] Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора-Искандера XV века. Сообщил Архимандрит Леонид. СПб. 1866, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 147—149.

Кобеко, ЗВОРАО, т. IX [стр. 291]. — Д. К[обеко], [рец. на:] Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч. 1669. Издан под ред. А. Н. Труворова. СПб. 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 291.

Кобеко, *Поездка митрополита Хрисанфа.* — Д. Кобеко, *Поездка митрополита Хрисанфа к Далай-ламе в 1792 году,* — «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, стр. 385—398.

Кобеко, *Старорусское известие о Мерве.* — Д. Кобеко, *Старорусское известие о Мерве,* — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 115—119.

Кобленц, *А. И. Богданов.* — И. Н. Кобленц, *Андрей Иванович Богданов. 1692—1766,* М., 1958.

Ковалевский, *Изучение Востока.* — А. Ковалівський, *Вивчення сходу в Харківському університеті та Харкові у XVIII—XX віках,* — «Антологія литератур сходу», Харків, 1961, стр. 9—122.

Ковалевский, *Книга Ахмеда ибн-Фадлана.* — А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.

Е. Ковалевский, *Путешествие в Китай.* — Е. Ковалевский, *Путешествие в Китай,* ч. 1—2, СПб., 1853.

Е. П. Ковалевский, *Русские научные интересы в Палестине.* — Е. П. Ковалевский, *Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях,* Пг., 1915.

О. Ковалевский, *О знакомстве европейцев с Азией.* — О. Ковалевский, *Речь, произнесенная в торжественном собрании Имп. Казанского университета в 8 день августа 1837 г.,* — «Обозрение преподавания наук в Имп. Казанском университете на 1837—1838 учебный год», Казань, 1837, стр. 20—36.

О. Ковалевский, *Обозрение преподавания.* — [О. Ковалевский], *Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Имп. Казанском университете до настоящего времени,* Казань, 1842; то же: ЖМНП, ч. 39, 1843, июль, отд. III, стр. 49—78.

Козлов, *Вести из экспедиции.* — *Вести из Монголо-Сычуань'ской экспедиции под на-*

чальством П. К. Козлова, — ИИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 171—181, 299—316, 453—466; т. XLV, 1909, стр. 121—195, 407—432.

Козлов, *Кам и обратный путь*. — П. К. Козлов, *Кам и обратный путь*, СПб., 1906 («Монголия и Кам». Труды экспедиции Имп. Русского Географического Общества, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова, т. I, ч. 2).

Козлов, *Монголия и Амдо*. — *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото*. Экспедиция Русского Географического общества в Нагорной Азии П. К. Козлова. 1907—1909, М. — Пг., 1923.

Козлов, *Отчет*. — *Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова*, действительного члена Императорского Русского географического общества, — «Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», ч. II, СПб., 1899.

Козлов, *По Монголии*. — П. К. Козлов, *По Монголии до границ Тибета*, СПб., 1905 («Монголия и Кам». Труды экспедиции Имп. Русского Географического Общества, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П. К. Козлова, т. I, ч. 1).

Козубский, *Дагестанский сборник*. — *Дагестанский сборник*. Составил действительный член-секретарь комитета Е. И. Козубский, вып. I—II, Темир-Хан-Шура, 1902—1904.

Козубский, *История Дербента*. — Е. И. Козубский, *История города Дербента. К столетию присоединения Дербента к Российской Империи*, Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский, *Опыт библиографии*. — Е. И. Козубский, *Опыт библиографии Дагестанской области за 1895—1902 гг.*, — в кн.: Козубский, *Дагестанский сборник*, вып. II, отд. II, стр. 373—415, XII—XVII.

Козубский, *Памятная книжка Дагестанской области*. — *Памятная книжка Дагестанской области*. Составил Е. И. Козубский, Темир-Хан-Шура, 1895.

Козьма Индикоплевт, изд. Минье. — Cosmas Indicopleustes, *Topographia Christiana, sive christianorum opinio de mundo*, — Patrologia Graecae ed. J. P. Migne, t. LXXXVIII, Paris, 1864, pp. 10—475.

Коковцов, *Б. А. Тураев*. — П. К. Коковцов, *Борис Александрович Тураев. Некролог*, — ИАН, сер. VI, т. XIV, 1920, стр. 169—176.

Коковцов, *Барон В. Р. Розен*. — П. К. Коковцов, *Барон В. Р. Розен (1849—1908). Некролог*, — ИАН, сер. VI, т. II, 1908, стр. 167—174.

Коковцов, *К вопросу о «Логике Авиасафа»*. — П. Коковцов, *К вопросу о «Логике Авиасафа»*, — ЖМНП, н. с., ч. 39, 1912, май, [отд. II], стр. 114—133.

Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике*. — П. К. Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, — ИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 773—796.

Коковцов, *Новый еврейский документ*. — П. Коковцов, *Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке*, — ЖМНП, н. с., ч. 48, 1913, ноябрь, отд. II, стр. 150—172.

Колычевский, *Бухара*. — И. Колычевский, *Бухара*, — «Военная мысль», Ташкент, кн. 1, 1920, стр. 299—309.

Конаков, *Маньчжуристика*. — А. П. Конаков, *Маньчжуристика в России и в СССР*, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, т. 6, вып. 5, стр. 417—424.

Кондаков, *Археологическое путешествие*. — Н. П. Кондаков, *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*, СПб., 1904.

Кононов, *История изучения тюркских языков в России*. — А. Н. Кононов, *История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период*, Л., 1972.

Кононов, *История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази*. — А. Н. Кононов, *История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок»*, — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 3—12.

Кононов, *Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-тӱрк»*. — А. Н. Кононов, *Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-тӱрк»*,— «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 1—17.

Конрад, *О тангутском языке*. — Н. И. Конрад, *О тангутском языке и тангутской письменности (К выходу из печати «Тангутской филологии» Н. А. Невского)*, — ВЯ, 1961, № 3, стр. 115—125.

Конрад, *Япония*. — Н. И. Конрад, *Япония. Народ и государство. Исторический очерк*, Пг., 1923.

Коншин, *Материалы степного края*. — Н. Коншин, *Материалы для истории степного края, V. К истории Каркаралинского и Аягузского округов в 30-х и 40-х годах XIX ст.*, с приложениями, — «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества», вып. 1, Семипалатинск, 1903.

Кордт, *Материалы*. — Кордт, *Материалы по истории русской картографии*, вып. I. *Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века*; вып. I, 2-я серия. *Карты всей России, северных ее областей и Сибири*; вып. II. *Карты всей России и западных ее областей до конца XVII века*, Киев, 1899—1910.

Корелин, *Ранний итальянский гуманизм*. — М. Корелин, *Ранний итальянский гуманизм*, М., 1912.

Корнилов, *Кашгария*. — Корнилов, ген. шт. полк., *Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания*. Под ред. начальника штаба Туркестанского военного округа ген.-лейт. Сахарова, Ташкент, 1903.

Коростовцев — Ходжаш, *Востоковедная деятельность Порфирия Успенского*. — М. А. Коростовцев, С. И. Ходжаш, *Востоковедная деятельность Порфирия Успенского*, — «Ближний и Средний Восток». Сборник статей, М., 1962, стр. 121—130.

Косминский, *Историография*. — Е. А. Косминский, *Историография средних веков*, М., 1907.

Костенко, *Туркестанский край*. — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

Костылев, *Очерк истории Японии*. — В. Я. Костылев, *Очерк истории Японии*, СПб., 1888.

Котвич, ЗВОРАО, т. XV [стр. 046—050]. — Вл. К[отвич], [рец. на:] Известия Восточного Института, под ред. А. Позднеева. Т. II, вып. IV. Владивосток, 1901, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 046—050.

Котвич, *Поездка в долину Орхона*. — В. Л. Котвич, *Поездка в долину Орхона летом 1912 года* [резюме доклада], — ЗВОРАО, т. XXII, 1914, стр. V—VII.

Котвич, *Русские архивные документы*. — В. Л. Котвич, *Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.*, I—III, — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 791—822, 1071—1092, 1193—1214; то же: отд. отт., Пг., 1921.

Кох, *О двух камнях*. — Э. Кох, *О двух камнях с китайскими надписями*, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 147—156.

Краткая историческая записка. — *Краткая историческая записка о состоянии и действиях Имп. Московского Университета с 1 июля 1835 по 10 июня 1836 года*, — в сб.: «Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского Университета 9 июня 1836 г.», М., 1836, стр. 103—120.

Краткий обзор собрания рукописей. — *Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшего преосвященному епископу Порфирию, а ныне хранящегося в Императорской Публичной библиотеке*, — «Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1883 г.», СПб., 1885, стр. 9—189; то же: отд. отт., СПб., 1885.

Краткий указатель литературы по Туркестану, — *Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану*, Ташкент, 1924.

Крахилев, *Дополнение.* — А. И. Крахилев, *Дополнение к указателю литературы о киргизах*, — ЭО, год 4-й, кн. XIII—XIV, 1892, № 2—3, отд. II, стр. 71—75.

Крачковский, *А. Г. Туманский.* — И. Кр[ачковский], *А. Г. Туманский*, — «Восток», кн. 1, Пг., 1922, стр. 112.

Крачковский, *Амин Рейхани.* — Амин Рейхани, *Избранные произведения.* Перевод и примечания И. Ю. Крачковского, Пг., 1917.

Крачковский, *Арабская академия.* — И. Крачковский, *Арабская академия в Дамаске и ее члены*, — «Восток», кн. 2, М. — Пг., 1923, стр. 134—136.

Крачковский, *Арабская географическая литература.* — И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*, М. — Л., 1957 (Избранные сочинения, т. IV).

Крачковский, *Восточный факультет.* — И. Крачковский, *Восточный факультет университета св. Иосифа в Бейруте*, — ЖМНП, ч. 25, 1910, февраль, [отд. IV], стр. 49—87.

Крачковский, *Дополнения к библиографии.* — И. Ю. Крачковский, *Дополнения к библиографии работ барона В. Р. Розена и материалов о нем*, — ЗКВ, т. III, 1929, стр. 267—278.

Крачковский, ЖМНП, н. с., ч. 56 [стр. 388—400]. — И. Крачковский, [рец. на:] А. Э. Шмидт, ʿАбд-ал-Ваххâб-аш-Шаʿрâний († 973/1565) и его Книга рассыпанных жемчужин, СПб., 1914, — ЖМНП, н. с., ч. 56, 1915, апрель, [отд. II], стр. 388—400.

Крачковский, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0106—0113]. — И. Крачковский, [рец. на:] Paul Peeters. Une version arabe de la Passion de Sainte Cathérine d'Alexandrie (Analecta Bollandiana, tomus XXVI, [pp.] 5—32), — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0106—0113; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 344—349.

Крачковский, ЗВОРАО, т. XIX [стр. 0102—0113]. — И. Крачковский, [рец. на:] كتاب الالفاظ الفارسيّة المعرّبة تاليف السيّد ادّى شير رئيس اساقفة سعرد الكلدانى • بيروت سنة ١٩٠٨ ' صفحاته ٠١٩٤ — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0102—0113; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 350—359.

Крачковский, *Мелочи.* — И. Ю. Крачковский, *Мелочи для характеристики И. Н. Березина*, — Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 215—228.

Крачковский, *Очерки.* — И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, — Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 7—192.

Крачковский, *Памяти Игн. Гольдциера.* — И. Ю. Крачковский, *Памяти Игн. Гольдциэра (1850—1921)*, — «Восток», кн. 2, 1923, стр. 162—163; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 211—214.

Крачковский, *Поэтическое творчество.* — И. Крачковский, *Поэтическое творчество Абӯ-л-ʿАтāһии (ок. 750—825 г.)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 73—112; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 15—51.

Крачковский, *Рукописное наследие.* — И. Ю. Крачковский, *Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет*, — Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 440—447.

Крачковский, *Русские письма академику В. Р. Розену.* — И. Ю. Крачковский, *Русские письма академику В. Р. Розену в Азиатском Музее Академии Наук СССР*, — ДАН-В, 1929, № 12, стр. 228—235.

Крачковский, *Список трудов Розена.* — И. Ю. Крачковский, *Список трудов барона Виктора Романовича Розена*, — «Памяти барона В. Р. Розена», СПб., 1909 (Прилож. к т. XVIII ЗВОРАО), стр. 39—47.

Крачковский, *Ҳамāса Бухтурӣ и ее первый исследователь.* — И. Крачковский, *Ҳамāса ал-Бухтурӣ и ее первый исследователь в Европе*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 022—033; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 128—138.

Крачковский, *Шейх Тантави.* — И. Ю. Крачковский, *Шейх Тантави, профессор С.-Петербургского университета (1810—1861)*, — Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 229—299.

Крашенинников, *Описание земли Камчатки.* — С. Крашенинников, *Описание земли Камчатки*, ч. I—IV, СПб., 1818—1819; нов. изд.: М.—Л., 1949.

Кримський, *Історія Туреччини.* — А. Кримський, *Історія Туреччини. . . Звідки почалася Османьска держава, як вона зростала й розвивалася і як досягла апогею своєї слави й могутности*, Київ 1924 (Укр. АН. Збірн. іст.-філ. від., № 10).

Крузенштерн, *Путешествие вокруг света.* — И. Ф. Крузенштерн, *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на кораблях «Надежде» и «Неве» . . .*, ч. 1—3, СПб., 1809—1812; нов. изд.: М., 1950.

Крымский, *История мусульманства.* — А. Крымский, *История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциэра*, изд. 2, значительно измененное и дополненное, ч. I—II, М., 1904 (ТВЛИВЯ, вып. XII и XVIII).

Крымский, *История Турции и ее литературы.* — А. Е. Крымский, *История Турции и ее литературы*, т. I. *От возникновения до начала расцвета*, М., 1916 (ТВЛИВЯ, вып. XXVIIIA); т. II. *От расцвета до начала упадка*, М., 1910 (ТВЛИВЯ, вып. XXIX, № 1).

Кузнецова, *Азиатский музей — ИВАН СССР.* — Н. А. Кузнецова, *Азиатский музей — Институт востоковедения Академии наук СССР*, М., 1969.

Кузнецова, *К истории изучения бабизма.* — Н. А. Кузнецова, *К истории изучения бабизма и бехаизма в России*, — ОИРВ, сб. VI, 1963, стр. 89—133.

Кузнецова — Данциг, *И. Н. Березин — путешественник.* — Н. А. Кузнецова, Б. М. Данциг, *И. Н. Березин — путешественник по Закавказью, Ирану и Ближнему Востоку*, — КСИВ, вып. XXII, 1956, стр. 92—100.

Кузнецова — Кулагина, *Из истории советского востоковедения.* — Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина, *Из истории советского востоковедения. 1917—1967*, М., 1970.

Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи.* — А. Л. Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*, — МСТ, вып. IV, стр. 223—259.

Кун, *От Хивы до Кунграда.* — А. Л. Кун, *От Хивы до Кунграда*, — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 203—222.

Кун, *Поездка по Хивинскому ханству.* — А. Л. Кун, *Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г.*, — ИИРГО, т. X, отд. 2, 1874, стр. 47—58.

Куропаткин, *Кашгария.* — А. Н. Куропаткин, *Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля*, СПб., 1879.

Курышжанов, *Семантика слова «казах».* — А. К. Курышжанов, *XIII. ғасырдың қолжазбасы және ондағы «қазақ» деген сөздің, мағынасы*, — сб. «Вопросы казахской филологии», Алма-Ата, 1964, стр. 176—183.

Кутадгу билик, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, T. I. *Der Text in Transscription*, St.-Pbg., 1891; T. II. *Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo*, St.-Pbg., 1900—1910.

Кутадгу билик, факс. — *Кудатку Билик.* Факсимиле уйгурской рукописи Имп. и Королевской библиотеки в Вене. Изд. по поручению Имп. С.-Петербургской Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1890.

Кухтина, *Библиография Афганистана.* — Т. Н. Кухтина, *Библиография Афганистана. Литература на русском языке*, М., 1965.

Кызласов, *Начало сибирской археологии.* — Л. Р. Кызласов, *Начало сибирской археологии*, — «Историко-археологический сборник», Изд-во МГУ, 1962, стр. 43—51.

Кюнер, *Исторический обзор.* — Н. В. Кюнер, *Исторический обзор отношений европейцев с Китаем с 1514 года по 1842 год*, [б. м.], [б. г.].

Кюнер, *Китайские известия.* — Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*, М., 1961.

Кюнер, *Описание Тибета.* — Н. В. Кюнер, *Описание Тибета. Часть I, Географическая*, вып. 1. *Имя, границы, обзор путешествий*; вып. 2. *Очерк физической географии Тибета. Часть II, Этнографическая*, вып. 1. *Состав и быт населения*; вып. 2. *Экономический очерк Тибета*, Владивосток, 1907—1908.

Кюнер, *Статистико-географический и экономический очерк Кореи.* — Н. В. Кюнер, *Статистико-географический и экономический очерк Кореи*, Владивосток, 1912.

Ланглуа — Сеньобос, *Введение в изучение истории.* — Ланглуа и Сеньобос, *Введение в изучение истории*, пер. с франц. А. Серебряковой, СПб., 1899 [Образовательная библиотека, серия 2-я, (1898 г.), № 3—4].

Лаппо-Данилевский, *Методология истории.* — А. С. Лаппо-Данилевский, *Методология истории*, — ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, № 5, стр. 239—260.

Латышев, *Список трудов Н. И. Веселовского.* — В. Латышев, *Список трудов Н. И. Веселовского*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 387—398.

Левшин, *Описание.* — А. Левшин, *Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей*, ч. I. *Известия географические*; ч. II. *Исторические известия*; ч. III. *Этнографические известия*, СПб., 1832.

Леонов, *Александр Федорович Миддендорф.* — Н. И. Леонов, *Александр Федорович Миддендорф*, М., 1967.

Лепехин, *Дневные записки.* — [И. Лепехин], *Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1772 гг.*, ч. I—IV, СПб., 1795—1805.

Ливотова, *Основная литература.* — О. Э. Ливотова, *Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения Академии наук СССР (1776—1954)*, — ОИРВ, сб. II, М., 1956, стр. 469—511.

Ливотова — Португаль, *Востоковедение.* — О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, *Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография*, М., 1966.

Лившиц — Оранский, *Изучение пашто в Афганистане.* — В. А. Лившиц, И. М. Оранский, *Изучение афганского языка (пашто) в Афганистане и за его пределами*, — УЗЛГУ № 117, 1949, стр. 179—204.

Лившиц — Оранский, *Изучение пашто в отечественной науке.* — В. А. Лившиц, И. М. Оранский, *Изучение афганского языка (пашто) в отечественой науке*, — «Ученые записки Сталинабадского гос. женского пединститута», т. I, Сталинабад, 1957, стр. 207—220.

Литвинский, *К истории Закаспийского кружка.* — Б. А. Литвинский, *К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока*, — ИАН ТаджССР. ООН, 1957, вып. 14, стр. 157—167.

Литвинский — Акрамов, *Александр Александрович Семенов.* — Б. А. Литвинский, Н. М. Акрамов, *Александр Александрович Семенов*, М., 1971.

Литвинский — Зеймаль, *Аджина-Тепа.* — Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, *Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура*, М., 1971.

Лихачев, *Чистопольский клад.* — А. Лихачев, *Чистопольский клад из куфических монет второй половины X века, открытый в 1885 г.*, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 33—62.

Лобысевич, *Поступательное движение.* — Ф. И. Лобысевич, *Поступательное движение в Средней Азии в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 г. (Из официальных источников)*, СПб., 1900.

Логофет, *Бухарское ханство.* — Д. Н. Логофет, *Бухарское ханство под русским протекторатом*, т. I—II, СПб., 1911.

Лундин, *Государство мукаррибов.* — А. Г. Лундин, *Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат)*, М., 1971.

Лунин, *Из истории востоковедения.* — Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)*, Ташкент, 1958.

Лунин, *Научные общества Туркестана.* — Б. В. Лунин, *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX в.*, Ташкент, 1962.

Лунин, *Средняя Азия в востоковедении.* — Б. В. Лунин, *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении*, Ташкент, 1965.

Лунин, *Указатели к ПТКЛА.* — Б. В. Лунин, *Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского Кружка любителей археологии (1895—1917 гг.)*, — сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 231—254.

Лурье, *Очерки древнеегипетского права.* — И. М. Лурье, *Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н. э. Памятники и исследования*, Л., 1960.

Любимов, *Загадочная страна Шабот.* — А. Любимов, *Загадочная страна Шабот в путевых записках А. Никитина (1466—1472)*, — «Восточный сборник», кн. II, Пг., 1916, стр. 142—165.

Любимов, *Некоторые документы.* — А. Любимов, *Некоторые маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 65—94.

Любимов, *Новые маньчжурские материалы.* — А. Е. Любимов, *Новые маньчжурские материалы для истории Амурского края с 1680 по 1812 год*, [резюме], — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XIII.

Магакия, пер. Патканова. — *История монголов* инока Магакии, XIII века. Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1871.

Маев, *Материалы.* — «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Н. Маева, вып. IV, СПб., 1876.

Мазитова, *Кафедра турецко-татарского языка.* — Н. А. Мазитова, *Кафедра турецко-татарского языка Казанского университета (первая половина XIX в.)*, — сб. «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 1, Казань, 1964, стр. 11—42.

Максимов, *Опыт исследования.* — В. Максимов, *Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании*, СПб., 1867.

Макшеев, *Исторический обзор Туркестана.* — А. И. Макшеев, *Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских*, СПб., 1890.

Маллицкий, *К истории Ташкента.* — Н. Г. Маллицкий, *К истории Ташкента под кокандским владычеством*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 126—137.

Маллицкий, *Несколько страниц.* — Н. Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие*, — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 158—177.

Малов, *Тюркизмы.* — С. Е. Малов, *Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве»*, — ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, вып. 2, 1946, стр. 129—140.

Мандельштам, *Материалы.* — А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII).

Мандельштам, *О некоторых результатах.* — А. М. Мандельштам, *О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане*, — СА, т. XIX, 1954, стр. 415—429.

Мандельштам, *Характеристика тюрок.* — А. М. Мандельштам, *Характеристика тюрок IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза*, — ТИИАЭ АН КазССР, т. I. Археология, 1956, стр. 227—250.

Маргулан, *Очерк жизни и деятельности Валиханова.* — А. Маргулан, *Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова*, — в кн.: Ч. Ч. Валиханов, *Собрание сочинений*, т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 9—103.

Марко Поло, изд. Юла — Кордье. — *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels of the East* transl. and ed., with notes by H. Yule. . . 3d ed., revised throughout in the light of recent discoveries by H. Cordier (of Paris). With a memoir of H. Yule by his daughter A. F. Yule, vol. I—II, London, 1903.

Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло.* Перевод старо-французского текста. Изд. Имп. РГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI); изд. 2; М., 1955 (редакция и вступительная статья И. А. Магидовича).

Марков, *Инвентарный каталог.* — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896 (литогр.).

Марков, *Топография кладов.* — А. Марков, *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*, СПб., 1910.

Марр, *Ани.* — Н. Я. Марр, *Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища*, М.—Л., 1934 (ИГАИМК, вып. 105).

Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток.* — Н. Я. Марр, *Барон В. Р. Розен и христианский Восток*, — «Памяти барона В. Р. Розена», СПб., 1909 (Прилож. к т. XVIII ЗВОРАО), стр. 8—30.

Марр, *Возникновение и расцвет.* — Н. Марр, *Возникновение и расцвет древне-грузинской светской литературы*, — ЖМНП, ч. 326, 1899, декабрь, [отд. II], стр. 223—252.

Марр, *Иоанн Петрицкий.* — Н. Марр, *Иоанн Петрицский, грузинский неоплатоник XI—XII века*, — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 53—113.

Марр, *К вопросу о задачах арменоведения.* — Н. Я. Марр, *К вопросу о задачах арменоведения*, — ЖМНП, ч. 324, 1899, июль, [отд. II], стр. 241—250.

Марр, *К столетию дня рождения М. И. Броссе.* — Н. Марр, *К столетию дня рождения М. И. Броссе*, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 073—078.

Марр, *Кавказский культурный мир.* — Н. Я. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, — ЖМНП, н. с., ч. 57, 1915, июнь, [отд. II], стр. 280—330.

Марр, *Книжная легенда.* — Н. Я. Марр, *Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении*, — ИРАИМК, т. III, 1924, стр. 257—287.

Марр, *Надгробный камень.* — Н. Марр, *Надгробный камень из Семиречья, с армянско-сирийской надписью 1323 г.*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 344—349.

Марр, *Об яфетической теории.* — Н. Марр, *Об яфетической теории*, — НВ, № 5, 1924, стр. 303—339; то же: Н. Я. Марр, Избранные работы, т. III, М. — Л., 1934, стр. 1—34.

Марр, *Отчет о работах на Синае.* — Н. Я. Марр, *Отчет о работах на Синае и в Иерусалиме во время поездки 1902 г. (апрель—ноябрь)* [изложение доклада], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. IV—VI.

Марр, *Предварительный отчет о работах на Синае.* — Н. Марр, *Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (апрель—ноябрь)*, — СИППО, т. XIV, ч. II, 1903, стр. 1—51; то же: отд. отт.

Марр, *«Согдийская» версия св. Писания.* — Н. М[арр], *«Согдийская» версия св. Писания*, — ХВ, т. II, вып. III, 1914, стр. 406—407.

Мартинович, *Отчет по командировке.* — [Н. Мартинович], *Отчет по командировке в Малую Азию в 1906 г. студента Н. Мартиновича*, — ИРКСА; № 7, 1907, стр. 52—53.

Масальский, *Туркестанский край.* — В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб.,

1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX).

Маслова, *Обзор путешествий в Среднюю Азию.* — О. В. Маслова, *Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию*, Ташкент, 1962.

М. Массон, *Изучение Средней Азии в археологическом отношении.* — М. Е. Массон, *Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении*, ч. I. (*До первой послевоенной пятилетки*), — «Археология Средней Азии», Ташкент, 1956 («Труды САГУ», н. с., вып. XXXI, кн. 12), стр. 4—40.

М. Массон, *К изучению прошлого Старого Мерва.* — М. Е. Массон, *К изучению прошлого Старого Мерва. (От редактора)*, — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 7—19.

М. Массон, *Обсерватория Улугбека.* — М. Е. Массон, *Обсерватория Улугбека*, Ташкент, 1941.

В. Массон — Ромодин, *История Афганистана.* — В. М. Массон, В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I. *С древнейших времен до начала XVI в.*; т. II. *Афганистан в новое время*, М., 1964—1965.

Мас'уди, *Танбйх.* — *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdî. . ., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Матвеев, *Поездка.* — *Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Авганским владениям в феврале 1877 г.*, — СМА, вып. V, 1883, стр. 1—57.

Материалы для биографического словаря. — *Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук*, ч. I—II, Пг., 1915—1917.

Матусовский, *Географическое обозрение.* — З. Матусовский, *Географическое обозрение Китайской империи*, с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте, СПб., 1888.

Махмуд Кашгарский. — كتاب ديوان لغات الترك مؤلفى: محمود ابن الحسين بن محمد الكاشغرى، تاريخ تأليفى ٤٦٦ سنهٔ هجريه، [مصحح كليسلى معلم رفعت]، جلد ١—٣، استانبول، ١٣٣٣—١٣٣٥ [= 1915—1917].

Махмуд Кашгарский, пер. Муталибова. — Махмуд Кошғарий, *Туркий сўзлар Девони (Девону луғотит турк)*, тарж. С. М. Муталибов, т. I—III, Ташкент, 1960—1963.

Медников, *Палестина.* — Н. А. Медников, *Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам*, т. I. *Исследование*, СПб., 1903; т. II, ч. 1—3. *Приложения*, СПб., 1897 [Православный Палестинский сборник, вып. 50=т. XVII, вып. 2 (1)—(4)].

Межов, *Сибирская библиография.* — В. И. Межов, *Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания*, т. I—III, СПб., 1903.

Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи.* — Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, М., 1960.

Мелиоранский, *Вторая статья о турецких элементах.* — П. Мелиоранский, *Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве». (Ответ Ф. Е. Коршу)*, — ИАН, ОРЯС, т. X, кн. 2, 1905, стр. 66—92.

Мелиоранский, *Заимствованные восточные слова.* — П. Мелиоранский, *Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени*, — ИАН, ОРЯС, т. X, кн. 4, 1905, стр. 109—134.

Мелиоранский, *Краткая грамматика.* — П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казак-киргизского языка*, ч. I. *Фонетика и этимология*; ч. II. *Синтаксис*, СПб., 1894—1897.

Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина.* — П. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 1—144.

Мелиоранский, *Турецкие элементы.* — П. Мелиоранский, *Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»*, — ИАН, ОРЯС, т. VII, кн. 2, 1902, стр. 273—302.

Мелихов, *Маньчжуры.* — Г. В. Мелихов, *Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.)*, М., 1974.

Меншуткин, *М. В. Ломоносов.* — Б. Н. Меншуткин, *Михайло Васильевич Ломоносов. Жизнеописание*, [СПб.], 1911.

Миддендорф, *Очерки Ферганской долины.* — А. Миддендорф, *Очерки Ферганской долины.* С приложением «Химических исследований почв и вод» К. Шмидта. Пер. с нем. М. И. Ковалевского, СПб., 1882.

Миддендорф, *Путешествие на север.* — А. Миддендорф, *Путешествие на север и восток Сибири*, ч. I, отд. I—II, СПб., 1860; ч. I, отд. III, СПб., 1862.

Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, [вып. 1. *Географические и космографические сочинения*]; вып. 2. *Биографические сочинения*, М., 1955—1961.

Миллер, *Малиат.* — А. Миллер, *Малиат Керманской области 1905 года*, — «Материалы по изучению Востока», вып. I, СПб., 1909.

Миллер, *Прошлое и настоящее Сеистана.* — А. Миллер, *Прошлое и настоящее Сеистана. Очерк*, — ЖС, год XV, 1906, вып. III, стр. 237—248; вып. IV, стр. 297—308.

Г. Миллер, *История Сибири.* — Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I—II, М.—Л., 1937—1941.

Г. Миллер, *Описание Сибирского царства.* — Г. Ф. Миллер, *Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена*, кн. I, СПб., 1750; изд. 2: СПб., 1787.

Г. Миллер, *Описание языческих народов.* — Г. Ф. Миллер, *Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то Черемис, Чуваш и Вотяков, с приложением многочисленных слов на семи языках, как то на Казанско-татарском, Черемисском, Чувашском, Вотяцком, Мордовском, Пермском и Зырянском и приобщенным переводом «Отче наш» на Черемисский и Чувашский языки*, СПб., 1791.

Минаев, *Буддизм.* — И. П. Минаев, *Буддизм. Исследования и материалы*, т. I, вып. 1—2, СПб., 1887.

Минаев, ЗВОРАО, т. II [стр. 310—317]. — И. М[инаев], [рец. на:] James Legge. A Record of Buddhistic kingdoms being an account by the Chinese Monk Fâ-hien of his Travels in India and Ceylon (A. D. 399—414) in search of the Buddhist books of discipline. Translated and annotated with a Corean recension of the Chinese text by. . . Oxford 1886, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 310—317.

Минаев, *Сведения.* — И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи*, СПб., 1879.

Минаев, *Старая Индия.* — И. Минаев, *Старая Индия. Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина*, — ЖМНП, ч. 215, 1881, июнь, стр. 165—241; ч. 216, 1881, июль, стр. 1—58; отд. изд.: СПб., 1881.

Минаев. (Сб. ст.). — *Иван Павлович Минаев.* Сборник статей, М., 1967.

Минорский, *Келяшин.* — В. Минорский, *Келяшин, стела у Топузава и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера*, — ЗВОРАО, т. XXIV, 1917, стр. 145—193.

Минорский, *Материалы.* — В. Ф. Минорский, *Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или Али-Илахи*, ч. I. *Предисловие, тексты и переводы*, М., 1911 (ТВЛИВЯ, вып. XXXIII).

Минорский, *Русь в Закавказье.* — В. Минорский, *Русь в Закавказье (новые данные)*, — AO Bud., III, 1953, стр. 207—210.

Минорский, *Турецко-персидская граница.* — *Турецко-персидская граница.* Донесения Российского императорского комиссара по турецко-персидскому разграничению надв. сов. В. Ф. Минорского, в 1914 году, — «Материалы по изучению Востока», вып. 2, 1915, стр. 219—480.

Мирзоев, *Историография Сибири.* — В. Г. Мирзоев, *Историография Сибири (XVIII век)*, Кемерово, 1963.

Миропов, *Каталог индийских рукописей.* — Н. Д. Миронов, *Каталог индийских рукописей*, вып. 1, Пг., 1914 (Каталоги Азиатского музея Императорской Академии наук, I).

Михайлов, *Хивинский фронт.* — С. Михайлов, *Хивинский фронт*, — «Военная мысль», 1920, кн. 1, стр. 249—252.

Михайлова, *Каталог арабских рукописей.* — А. И. Михайлова, *Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР*, вып. 2. *Географические сочинения*; вып. 3. *История*, М., 1961—1965.

Мугинов, *Описание уйгурских рукописей.* — А. М. Мугинов, *Описание уйгурских рукописей Института народов Азии*, М., 1962.

Мунис, *Фирдаус ал-иқбāл.* — Мунис, *Фирдаус ал-иқбāл*, рук. ИВАН С 571 (590 oa); рук. ИВАН Е 6—I (590 ob).

Муравьев, *Путешествие.* — А. Муравьев, *Путешествие по святым местам в 1830 г.*, ч. I—II, СПб., 1832.

Н. Муравьев, *Письма русского из Персии.* — Н. М[уравьев], *Письма русского из Персии*, СПб., 1844.

Н. Муравьев, *Путешествие в Туркмению и Хиву.* — [Н. Муравьев], *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах* гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. I—II, М., 1822.

Мушкетов, *Английская экспедиция А. Штейна.* — Д. Мушкетов, *Английская экспедиция А. Штейна (Aurel Stein) в Центральной Азии*, — ИИРГО, т. 52, вып. II, 1916, стр. 193—194.

И. Мушкетов, *Туркестан.* — И. В. Мушкетов, *Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г.*, т. I—II, СПб., 1886—1906; изд. 2: Пг., 1915.

Н. М., «Библиотека для чтения», т. 63, стр. 26—30. — Н. М., [рец. на:] Письма русского из Персии, СПб., 1844, — «Библиотека для чтения», т. 63, 1844, отд. VI, стр. 26—30.

Надель, *Списки трудов.* — Х. С. Надель, *Списки трудов русских и советских востоковедов*, — НАА, 1965, № 3, стр. 230—233.

Назимов, *План города Хивы.* — *План города Хивы*, снятый в 1740 году инженером Назимовым, — «Географические известия, выдаваемые от РГО», под ред. В. В. Григорьева, СПб., 1849, стр. 200.

Наказ Борису и Семену Пазухиным. — *Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенчь, 1669.* Издан под ред. А. Н. Труворова, — «Русская Историческая библиотека», т. 15, СПб., 1894, стр. 1—91, [разд. паг.].

Наказ Касимову. — *Наказ царя Алексея Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному в 1675 году к великому моголу Аурензебу.* Издал Д. Кобеко, СПб., 1884.

Наливкин, *История Кокандского ханства.* — В. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

Наливкин—Наливкина, *Очерк быта женщины.* — В. Наливкин, М. Наливкина, *Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы*, Казань, 1886.

Народы Сибири. — *Народы Сибири*, под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л., 1956.

Научные результаты экспедиции Роборовского. — *Научные результаты экспедиции В. И. Роборовского, действительного члена Императорского Русского Географического Общества*, — «Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества по центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», ч. III, СПб., 1899.

Невский, *Очерк истории тангутоведения.* — Н. А. Невский, *Очерк истории тангутоведения*, — ИАН, ООН, сер. VII, № 1, 1931, стр. 7—22.

Невский, *Тангутская филология.* — Н. А. Невский, *Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах*, М., 1960.

Негматов—Хмельницкий, *Средневековый Шахристан.* — Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий, *Средневековый Шахристан*, Душанбе, 1966.

Нершахи, пер. Лыкошина. — Мухаммад Наршахи, *История Бухары.* Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.

Низовья Аму-Дарьи. — Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения, М., 1960 (Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3).

Никитенко, *Дневник. — Повесть о самом себе.* Посмертные записки и дневник академика и профессора Александра Васильевича Никитенко, род. 1804 г., † 1877 г., — РС, т. 59, 1888 г., авг., стр. 305—341, сент., стр. 483—524; т. 60, 1888, окт., стр. 61—83, нояб., стр. 267—310, дек., стр. 549—582; т. 61, 1889, февр., стр. 293—314, март, стр. 506—523; т. 62, 1889, апр., стр. 107—130, июнь, стр. 577—598; т. 63, 1889, июль, стр. 27—60, авг., стр. 265—299, сент., стр. 519—558; т. 64, 1889, окт., стр. 103—122, нояб., стр. 323—334, дек., стр. 727—758; т. 65, 1890, янв., стр. 35—53, февр., стр. 371—406, март, стр. 629—653; т. 66, 1890, апр., стр. 25—48, май, стр. 271—297, июнь, стр. 611—638; т. 67, 1890, июль, стр. 133—160, авг., стр. 361—377, сент., стр. 575—626; т. 68, 1890, окт., стр. 137—186, нояб., стр. 383—422, дек., стр. 585—614; т. 69, 1891, янв., стр. 39—104; то же: отд. изд.: т. I—III, СПб., 1893; нов. изд.: А. В. Никитенко (1804—1877), *Дневник*, т. 1. *1826—1857*; т. 2. *1858—1865*; т. 3. *1866—1877*, М., 1955—1956.

Никитин, *Хожение за три моря. — Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг.* Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948 (Литературные памятники); изд. 2: М.—Л., 1958.

Никольский, *По вопросу о задачах.* — [М. В. Никольский], *По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке*, М., 1917.

Нильсен, *Архитектурный облик.* — В. А. Нильсен, *Архитектурный облик обсерватории Улугбека в Самарканде*, — ТИИАЭ АН УзССР, т. V. Обсерватория Улугбека, 1953, стр. 101—128.

Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ. — Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы.* Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изд. Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

Новиков, *Опыт исторического словаря.* — Н. И. Новиков, *Опыт исторического словаря о российских писателях*, СПб., 1772.

Новлянская, *Даниил Готлиб Мессершмидт.* — М. Г. Новлянская, *Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири*, Л., 1970.

Новлянская, *Ф. И. Страленберг.* — М. Г. Новлянская, *Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири*, М.—Л., 1966.

Норов, *Иерусалим и Синай.* — А. С. Норов, *Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток*, СПб., 1878.

Норов, *Путешествие.* — А. С. Норов, *Путешествие по Святой Земле в 1835 году*, ч. I—II, СПб., 1838; изд. 3, дополненное: СПб., 1853—1854.

Норов, *Путешествие по Египту.* — А. Норов, *Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 г., служащее дополнением к путешествию по Святой Земле*, ч. I—II, СПб., 1840; изд. 2: СПб., 1853.

Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии. — Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии, — ЗИРГО, кн. III, 1849, стр. 176—216.

Обручев, *Центральная Азия.* — В. Обручев, *Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань.* Отчет о путешествии, совершенном по поручению Имп. Русского Географического общества в 1892—1894 гг., т. I—II, СПб., 1900—1901.

Овчинникова, *П. К. Козлов.* — Т. Н. Овчинникова, *П. К. Козлов — исследователь Центральной Азии*, М., 1964.

Ольденбург, *В. В. Радлов.* — С. Ф. Ольденбург, *Василий Васильевич Радлов. 5.I.1837—1918 29.IV/12.V. Некролог*, — ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, стр. 1233—1236.

Ольденбург, «Восток», кн. 2, [стр. 149—151]. — С. Ольденбург, [рец. на:] «Новый Восток», журнал Всероссийской Научной Ассоциации Востоковедения. . ., кн. I, М. 1922, — «Восток», кн. 2, М.—Пг., 1923, стр. 149—151.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. I [стр. 336—337]. — С. О[льденбург], [рец. на:] Hunter W. W., The Imperial gazetteer of India; vol. VI. India. Second edition. London 1886, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 336—337.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. VI [стр. X]. — С. Ф. Ольденбург, [Заявление о находке Боуэра], — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. X.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. X [стр. 202—203]. — С. О[льденбург], [рец. на:] В. Васильев, География Тибета, перевод из тибетского сочинения Миньчжул Хутухты, СПб., 1895 г., — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 202—203.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. XII [стр. 027—028]. — С. О[льденбург], [рец. на:] Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии. Год третий (11 декабря 1897 года — 11 декабря 1898 года). Ташкент 1897—1898, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 027—028.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 065—068]. — С. О[льденбург], [рец. на:] Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, Heft I. С.-Петербург 1899, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 065—068.

Ольденбург, ЗВОРАО, т. XIV [стр. 0138—0143]. — С. Ф. Ольденбург, [рец. на:] M. A. Stein. Preliminary Report on a journey of archaeological and topographical exploration in Chinese Turkestan. London 1901, — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 0138—0143.

Ольденбург, *Индийская и иранская секции.* — С. Ольденбург, *Индийская и иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 068—075.

Ольденбург, *Исследование памятников.* — С. Ф. Ольденбург, *Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана*, — ЖМНП, ч. 353, 1904, июнь, [отд. II], стр. 366—397.

Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете.* — С. Ф. Ольденбург, *Новейшая литература о Тибете*, — ЖМНП, ч. 356, ноябрь, 1904, [отд. II], стр. 129—168.

Ольденбург, *Организация археологического изучения Индии.* — С. Ф. Ольденбург, *Организация археологического изучения Индии*, — ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 95—102.

Ольденбург, Отчет ИРГО за 1902 г., ч. I, приложения, [стр. 045—048]. — С. Ф. Ольденбург, [рец. на:] Образцы народного творчества. . . Собрал и перевел В. А. Жуковский, СПб., 1902, — «Отчет ИРГО за 1902 г.», ч. I, СПб., 1903. Приложения. Доклад комиссии по присуждению медалей отделения этнографии, стр. 045—048.

Ольденбург, *Очерки преподавания.* — С. Ф. Ольденбург, *Очерки преподавания восточных языков во Франции, Англии и Германии*, — ЖМНП, ч. 293, 1894, июнь, [отд. II], стр. 255—275.

Ольденбург, *Памяти Васильева.* — С. Ф. Ольденбург, *Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918*, — ИРАН, сер. VI, т. 12, 1918, стр. 531—548.

Ольденбург, *Памяти В. П. Васильева.* — С. Ольденбург, *Памяти Василия Павловича Васильева*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 047—049.

Ольденбург, *Памяти Минаева.* — С. Ольденбург, *Памяти Ивана Павловича Минаева*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 67—77.

Ольденбург, *Памяти Петровского.* — С. Ольденбург, *Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 01—08.

Ольденбург, *Памяти профессора Бюлера.* — С. Ольденбург, *Памяти профессора Георга Бюлера. 19-го июля 1837—8-го апреля н. с. 1898 г.*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 313—319.

Ольденбург, *Памяти С. М. Дудина.* — С. Ф. Ольденбург, *Памяти Самуила Мартыновича Дудина*, — СМАЭ, т. IX, 1930, стр. 353—358.

Ольденбург, *Первая индийская филологическая энциклопедия.* — С. Ф. Ольденбург, *Первая индийская филологическая энциклопедия*, — ЖМНП, ч. 311, 1897, июнь, [отд. II], стр. 480—484.

Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция.* — С. Ф. Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г.*, снаряженная по высочайшему повелению состоящим под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет, с 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С. М. Дудина и планом инженера Д. А. Смирнова, СПб., 1914.

Ольденбург, *Русские археологические исследования.* — С. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане*, — «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2, стр. 25—30.

Ольденбург, *Французская школа.* — С. Ф. Ольденбург, *Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне*, — ЖМНП, ч. 340, 1902, март, [отд. IV], стр. 47—51.

Ольденбург—Коковцов—Марр—Бартольд, *Записка об ученых трудах.* — С. Ольденбург, П. Коковцов, Н. Марр, В. Бартольд, *Записка об ученых трудах проф. Ф. И. Щербатского*, — ИРАН, сер. VI, т. 12, 1918, стр. 1713—1724.

Описание Кореи. — *Описание Кореи* (с картой). Составлено в канцелярии министра финансов, ч. 1—3, СПб., 1900.

Описание Маньчжурии. — *Описание Маньчжурии* (с картой). Составлено в канцелярии министра финансов под ред. Д. Позднеева, т. I—II, СПб., 1897.

Описание морских путешествий. [I—II]. — *Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных*, [I], — «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», [изд. Г. Ф. Миллер], т. VII, СПб., 1758, стр. 3—27, 99—120, 195—212, 291—325, 387—409; [II], — там же, т. VIII, СПб., 1758, стр. 9—32, 100—129, 195—232, 309—336, 394—424.

Описание рукописей Дуньхуанского фонда. — М. И. Воробьева-Десятовская и др., *Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии.* Под ред. Л. Н. Меньшикова, вып. 1, М., 1963.

Описание тюркских рукописей ИНА. — Л. В. Дмитриева и др., *Описание тюркских рукописей Института народов Азии*, I. *История.* Под ред. А. Н. Кононова, М., 1965.

Описание японских рукописей. — О. П. Петрова, В. Н. Горегляд и Г. Д. Иванова, *Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг*, вып. I—II, М., 1963—1964.

Оранский, *Введение.* — И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960.

Орбели, *Краткий путеводитель.* — И. А. Орбели, *Краткий путеводитель по городищу Ани*, СПб., 1910 (Анийская серия, № 4).

Орбели, *Поездка в Ванский вилайет.* — И. А. Орбели, *Поездка в Ванский вилайет*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. LXXVIII—LXXX.

Орбели, *Работы Я. И. Смирнова на Кавказе.* — И. А. Орбели, *Работы Я. И. Смирнова на Кавказе* (рукопись).

Орбели, *Развалины Ани.* — И. А. Орбели, *Развалины Ани*, — Избранные труды, т. I, Ереван, 1963, стр. 1—22.

Орбели, *Сасанидское искусство.* — И. Орбели, *Сасанидское искусство*, — «Восток», кн. 4, М. — Л., 1924, стр. 139—156.

Р. Орбели, *Грузинские рукописи.* — Р. Р. Орбели, *Грузинские рукописи Института востоковедения*, вып. I, М.—Л., 1956.

Остроумов, *Искандар Зуль-карнайн.* — Н. Остроумов, *Искандар Зуль-карнайн (В каком смысле Александр Македонский называется у мусульман Зуль-карнайном, т. е. двурогим?)*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, сентябрь, стр. 27—46.

Отчет о деятельности за 1895 г. — Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе за 1895 г., — ИРАИК, т. I, 1896, стр. 23—53.

Отчет о деятельности в 1896 г. — Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1896-м году, — ИРАИК, т. II, 1897, стр. 1—44.

Палладий, *Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска.* — Палладий, архимандрит, *Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска, чрез Маньчжурию, в 1870 году*, — ЗИРГО по общ. геогр., т. IV, 1871, стр. 329—458.

Палладий, *Дорожные заметки на пути по Монголии.* — Палладий, архимандрит, *Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.* С введением докт. Е. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. чл.-сотр. А. М. Позднеева, СПб., 1892 (ЗИРГО по общ. геогр., т. XXII, вып. 1).

Палладий, *Заметки о путешествии Петлина.* — Палладий, архимандрит, *Заметки о путешествии в Китай казака Петлина*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 305—308.

Палладий, *Китайская литература магометан.* — *Китайская литература магометан*, покойного о. архимандрита Палладия. Издал иеромонах Николай (Адоратский), — ТВОРАО, ч. XVIII, 1875—1909, стр. 163—496.

Палладий, *Комментарий на путешествие Марко Поло.* — [Палладий], *Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю* с предисловием Н. И. Веселовского, — ИИРГО, т. XXXVIII, 1905, стр. 1—46.

Палладий, *О магометанах.* — Палладий, *О магометанах в Китае*, — ТЧРДМ, т. IV, 1866, стр. 437—460.

Палладий, *Старинное китайское сказание.* — *Старинное китайское сказание о Чингисхане.* Перевод с кит. архим. Палладия, — «Восточный сборник», т. I, СПб., 1877, стр. 149—202.

Палладий, *Старинные следы христианства.* — Палладий, архимандрит, *Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам*, — «Восточный сборник», т. I, СПб., 1877, стр. 1—64.

Паллас, *Путешествие.* — П. С. Паллас, *Путешествие по разным местам Российского государства.* Перевел с нем. Ф. Томанский, ч. I—III, СПб., 1786—1788.

Паломничество по святым местам, изд. Помяловского. — [И. В. Помяловский], *Паломничество по святым местам конца IV века*, изданное, переведенное и объясненное И. В. Помяловским, СПб., 1889 (Православный Палестинский Сборник, т. VII, вып. 2).

Памяти В. Томсена. — «Памяти В. Томсена». К годовщине со дня смерти, Л., 1928 (Очерки по истории знания, IV).

Памяти М. А. Кастрена. — «Памяти М. А. Кастрена». К 75-летию со дня смерти, Л., 1927.

Панков, *К истории торговли Средней Азии с Россией.* — А. В. Панков, *К истории торговли Средней Азии с Россией. XVI—XVII вв.*, — «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927, стр. 20—47.

Пантусов, *Сведения о Кульджинском районе.* — Н. Н. Пантусов, *Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг.*, Казань, 1881.

Патканов, *Армянская география.* — К. Патканов, *Армянская география VII в. до Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому)*, СПб., 1877.

Патканов, *Цыганы.* — К. П. Патканов, *Несколько слов о наречиях закавказских цыган. Боша и Карачи*, СПб., 1887.

С. Патканов, *О приросте населения.* — С. Патканов, *О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен*, СПб., 1911.

Пахомов, *Монеты Грузии.* — Е. А. Пахомов, *Монеты Грузии*, ч. I (*Домонгольский период*), — ЗНОРАО, т. I, вып. IV, 1910, стр. 1—129.

Пашков, *Вклад русских ученых.* — Б. К. Пашков, *Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности*, — КСИВ, вып. XVIII, 1956, стр. 3—18.

Певцов, *Путешествие.* — *Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-луню, северной окраине Тибетского Нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах.* Отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М. В. Певцова, — «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова», ч. I, СПб., 1895.

Пекарский, *Жизнь Рычкова.* — П. Пекарский, *Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова*, СПб., 1867 (Сб. статей, читанных в ОРЯС, т. II, № 1).

Пекарский, *История Имп. Академии наук.* — П. Пекарский, *История Императорской Академии наук в Петербурге*, т. I—II, СПб., 1870—1873.

Пекарский, *Наука и литература в России.* — П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. 1—2, СПб., 1862.

Э. Пекарский, *Миддендорф и его якутские тексты.* — Э. Пекарский, *Миддендорф и его якутские тексты*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 044—060.

Э. Пекарский, *С. М. Дудин.* — Э. К. Пекарский, *С. М. Дудин*, — СМАЭ, т. IX, 1930, стр. 344—348.

Пендлбери, *Археология Крита.* — Дж. Пендлбери, *Археология Крита.* Пер. с англ. Я. М. Боровского. Общ. ред. и предисл. акад. В. В. Струве, М., 1950.

Периханян, *Карл Германович Залеман.* — А. Г. Периханян, *Карл Германович Залеман*, — ОИРВ, сб. IV, 1959, стр. 79—115.

Персидские и таджикские рукописи ИНА (краткий каталог). — О. Ф. Акимушкин и др., *Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (краткий алфавитный каталог).* Под ред. Н. Д. Миклухо-Маклая, ч. I—II, М., 1964.

Петров, *К этимологии термина «кыргыз».* — К. И. Петров, *К этимологии термина «кыргыз». (Цветовая древнетюркская топо-этнонимика Южной Сибири)*, — СЭ, 1964, № 2, стр. 81—91.

Н. Петров, *Якутский язык (указатель литературы).* — Н. Е. Петров, *Якутский язык (указатель литературы)*, Якутск, 1958.

П. Петров, *История Санкт-Петербурга.* — П. Н. Петров, *История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях 1703—1782*, СПб., 1885.

П. Петров, *Сборник материалов для истории Академии художеств.* — П. Н. Петров, *Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования*, изданный под ред. П. Н. Петрова и с его примечаниями, ч. I. *1758—1811*, СПб., 1864; ч. II. *1811—1843*; ч. III. *1852—1864*, СПб., 1866; [ч. IV]. *Указатель.* Составил А. Е. Юндолов, СПб., 1887.

П. Я. Петров, *Программа.* — П. Я. Петров, *Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Имп. Казанском университете*, — УЗКУ, 1842, кн. 2, стр. 77—95.

Петрова, *Адмирал Путятин.* — О. П. Петрова, *Адмирал Е. В. Путятин в бухте Хэда. (К истории русско-японских отношений в середине XIX в.)*, — СВ, т. VI, 1949, стр. 368—382.

Петрова, *Описание письменных памятников корейской культуры.* — О. П. Петрова, *Описание письменных памятников корейской культуры*, вып. I—II, М.—Л., 1956—1963.

Петрова, *Японский язык в России.* — О. П. Петрова, *Японский язык в России в первой половине XVIII века (по архивным материалам)*, — НАА, 1965, № 1, стр. 163—177.

Петровский, *Башня «Бурана».* — Н. Петровский, *Башня «Бурана» близ Токмака*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354.

Петрушевский, *Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов.* — И. П. Петрушевский, *Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256—1353)*, — сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 222—254.

Петрушевский, *Поход монгольских войск в Среднюю Азию.* — И. П. Петрушевский, *Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия*, — сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 100—133.

Пигулевская, *Каталог сирийских рукописей.* — Н. В. Пигулевская, *Каталог сирийских рукописей Ленинграда*, — ПС, вып. 6 (69), 1960.

Пиотровский, *Ванское царство.* — Б. Б. Пиотровский, *Ванское царство (Урарту)*, М., 1959.

Писарев, *Несколько слов о требизондском диалекте.* — В. Писарев, *Несколько слов о требизондском диалекте*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 173—201.

Писарчик, *М. С. Андреев.* — А. К. Писарчик, *М. С. Андреев (1873—1948)*, — в кн.: «Памяти М. С. Андреева». Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, Душанбе, 1960 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. 120), стр. 3—29.

Письма и бумаги Петра Великого. — *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. I—XI, СПб.—М.—Л., 1887—1964.

Плано Карпини, изд. д'Авезака. — *Relations des Mongols ou Tartares*, par le frère Jean du Plan de Carpin de l'ordre des Frère-Mineurs. . . Première édition complète publiée d'après les manuscrits de Leyde, de Paris et de Londres et précédée d'une notice sur les anciens voyages de Tartarie en général, et sur celui de Jean du Plan de Carpin en particulier, par M. D'Avezac, — «Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de Géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 397—779.

Плано Карпини, изд. Языкова. — *Собрание путешествий к татарам и другим восточным* [sic!] *народам, в XIII, XIV и XV столетиях.* I. *Плано Карпини.* II. *Асцелин*, [изд. текста и пер. Д. Языкова], СПб., 1825.

Плано Карпини, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны.* Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Плано Карпини — стр. 1—62].

Плетнев, *Первое двадцатипятилетие.* — *Первое двадцатипятилетие Императорского Санктпетербургского Университета.* Историческая записка по определению Университетского Совета, читанная ректором Университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8-го февраля 1844 г., СПб., 1844.

Повесть о Царьграде, изд. архим. Леонида. — *Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году)* Нестора-Искандера XV века. (По рукописи Троицко-Сергиевой лавры нач. XVI века, № 773). Сообщил архимандрит Леонид, СПб., 1866 (Памятники древней письменности и искусства, вып. LXII).

Погодин—Вульф, *Никомидия.* — П. Д. Погодин и О. Ф. Вульф, *Никомидия. Историко-археологический очерк*, — ИРАИК, т. II, 1897, стр. 77—184.

Подпалова, *Изучение истории.* — Г. И. Подпалова, *Изучение истории в японских высших учебных заведениях*, — НАА, 1965, № 5, стр. 242—243.

Позднеев, *К истории буддизма.* — А. Позднеев, *К истории развития буддизма в Забайкальском крае*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 169—188.

Позднеев, *Монголия и монголы.* — [А. Позднеев], *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. А. Позднеевым*, т. I. *Дневник и маршрут 1892 года*, СПб., 1896; т. II. *Дневник и маршрут 1893 года*, СПб., 1898.

Позднеев, *Сказание о хождении в Тибетскую страну.* — *Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дёрботского База-бакши.* Калмыцкий текст, с переводом и примечаниями, составленными А. Позднеевым, СПб., 1897.

Д. Позднеев, *Материалы по истории северной Японии.* — Д. Позднеев, *Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*, т. I—II, Иокохама, 1909.

Покровский, *Путешествие Петлина.* — Ф. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.)*, — ИАН, ОРЯС, т. XVIII, 1914, стр. 257—304.

Полиевктов, *Европейские путешественники.* — М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис, 1935.

Попов, *Краткий взгляд.* — [А. В.] Попов, *Краткий исторический взгляд на развитие преподавания восточных языков в русских университетах и других учебных заведениях министерства народного просвещения*, — ЖМНП, ч. 88, 1855, октябрь, отд. II, стр. 1—11.

А. Попов, *Сношения России с Хивою.* — А. Н. Попов, *Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом*, — ЗИРГО, кн. IX, 1853, стр. 237—424 [стр. 319—424 — приложения].

К. Попов, *Библиография работ советских ученых.* — К. А. Попов, *Библиография работ советских ученых по японскому языку*, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959, стр. 278—289.

К. Попов, *Материалы по истории японского языкознания.* — К. А. Попов, *Материалы по истории японского языкознания. Японские филологи и их основные работы (XX в.)*, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959, стр. 250—277.

Порфирий, *Второе путешествие.* — [Порфирий, архимандрит], *Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году*, СПб., 1856.

Порфирий, *Первое путешествие.* — [Порфирий, архимандрит], *Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 году архимандрита Порфирия Успенского*, СПб., 1856.

Порфирий, *Путешествие по Египту.* — [Порфирий, архимандрит], *Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фавейского, в 1850 году архимандрита Порфирия Успенского*, СПб., 1856.

Пославский, *Из поездки.* — И. Т. Пославский, *Из поездки на р. Атрек и р. Гюрген (путевой очерк)*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 184—192.

Последнее политическое движение в Персии. — [М. Ардатов], *Последнее политическое движение в Персии*, вып. I. *По рассказам персов-очевидцев*, СПб., 1906; вып. II. *По персидским газетам*, СПб., 1907.

Пословицы крымских татар. — *Пословицы, поговорки и приметы крымских татар*, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым. Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева, Симферополь, 1914 [на обл.: 1915].

Постовская, *Изучение древней истории.* — Н. М. Постовская, *Изучение истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.)*, М., 1961.

Потанин, *Очерки.* — Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества*, вып. I—IV, СПб., 1881—1883.

Потанин, *Тангутско-Тибетская окраина.* — [Г. Н. Потанин], *Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина, 1884—1886*, т. I—II, СПб., 1893.

Потапов, *Очерки по истории алтайцев.* — Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, М.—Л., 1953.

Преображенский, *Из истории сношений.* — А. А. Преображенский, *Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (Два посольства торгового человека Анисима Грибова)*, — «Исторические записки», т. 36, 1951, стр. 269—286.

Пржевальский, *От Кульджи за Тянь-шань.* — Н. Пржевальский, *От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор,* — ИИРГО, т. XIII, 1878, стр. 263—329.

Пржевальский, *Путешествие в Уссурийском крае.* — Н. М. Пржевальский, *Путешествие в Уссурийском крае. 1867—1869,* СПб., 1870; нов. изд.: М., 1947.

Пржевальский, *Третье путешествие.* — Н. М. Пржевальский, *Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки,* СПб., 1883.

Пржевальский, *Четвертое путешествие.* — Н. М. Пржевальский, *Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима,* СПб., 1888.

Приселков, *Ханские ярлыки.* — М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки русским митрополитам,* Пг., 1916 (Записки Историко-филологического факультета Имп. Петроградского Университета, ч. 133).

Пропп, *Русский героический эпос.* — В. Я. Пропп, *Русский героический эпос,* Л., 1955.

Протоколы заседаний совета. — *Протоколы заседаний совета императорского С.-Петербургского университета №№ 1—70,* СПб., Пг., 1870—1916.

Пугаченкова, *Халчаян.* — Г. А. Пугаченкова, *Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии,* Ташкент, 1966.

Путешествие Амвросия Контарини, пер. Семенова. — *Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1475 году.* Пер. с итал. В. С[еменова], — «Библиотека иностранных писателей о России». Отд. первое, т. I, СПб., 1836, стр. 1—192 [разд. паг.].

Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, пер. Семенова. — *Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина.* Пер. с итал. В. С[еменова], — «Библиотека иностранных писателей о России». Отд. первое, т. I, СПб., 1836, стр. 1—156 [разд. паг.].

Путешествия Ивана Шильтбергера, пер. Бруна. — *Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год.* Пер. с нем. и снабдил примечаниями Ф. Брун, — «Записки Имп. Новороссийского Университета», год I, т. I, Одесса, 1867, вып. 1—2, стр. 1—156.

Путник Антонина из Плаценции, изд. Помяловского. — *Путник Антонина из Плаценции конца VI-го века.* Издал, перевел и объяснил И. Помяловский, СПб., 1895 (Православный Палестинский Сборник, т. XIII, вып. 3).

Пучковский, *Игумнов.* — Л. С. Пучковский, *Александр Васильевич Игумнов (1761—1834),* — ОИРВ, сб. III, 1960, стр. 166—195.

Пучковский, *Монгольские рукописи.* — Л. С. Пучковский, *Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения,* I. *История, право,* М.—Л., 1957.

Пыпин, *Белинский.* — А. Н. Пыпин, *Белинский, его жизнь и переписка,* т. I—II, СПб., 1876.

Пыпин, *Характеристики.* — А. Н. Пыпин, *Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов,* СПб., 1890.

Радлов, *Древние аборигены Сибири.* — В. В. Радлов, *Древние аборигены Сибири,* — в кн.: «Живописная Россия». Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении, под общ. ред. П. П. Семенова-[Тян-Шанского], т. 11. Западная Сибирь, СПб., 1884, стр. 3—30.

Радлов, ЗВОРАО, т. III [стр. 138—141]. — В. Р-д-в [В. Радлов], [рец. на:] В. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Издание Православного Миссионерского общества, Казань 1884, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 138—141.

Радлов, *К вопросу об уйгурах.* — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика)*, СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).

Радлов, *Образцы.* — *Образцы народной литературы тюркских племен, . . .* изданные В. Радловым, ч. I—X, СПб., 1866—1907. (Наречия тюркских племен. 1-е отделение).

Радлов, *Предварительный отчет.* — В. В. Радлов, *Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Имп. Академиею наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона*, СПб., 1892 (СТОЭ, I).

Радлов, *Сибирские древности.* — В. В. Радлов, *Сибирские древности*, т. I—II, СПб., 1888—1902 (МАР, № 3, 5, 15, 24).

Радлов, *Словарь.* — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

Радлов, *Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга.* — В. Радлов, *Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 1—40.

Радлов—Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники.* — В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, *Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме*, СПб., 1897 (СТОЭ, IV).

Райт, *Краткий очерк.* — В. Райт, *Краткий очерк истории сирийской литературы.* Пер. с англ. К. А. Тураевой. Под ред. и с дополнениями проф. П. К. Коковцова, СПб., 1902.

Раскин—Шафрановский, *Эрик Густавович Лаксман.* — Н. М. Раскин, И. И. Шафрановский, *Эрик Густавович Лаксман — выдающийся путешественник и натуралист XVIII в.*, Л., 1971.

Рафалович, *Путешествие по Нижнему Египту.* — А. Рафалович, *Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты*, СПб., 1850.

Рашид ад-дин, изд. Березина, I—III. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. [I]. *Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод* с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V); [то же], *персидский текст*, с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингиз-хана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.* Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet. T. II. *Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan*, Leyden — London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.)

Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, пер. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.

Регель, *Об учреждении Русского археологического института.* — В. Е. Регель, *Об учреждении Русского археологического института в Константинополе*, — ВВ, т. I, вып. 1, 1894, стр. 456—460; т. II, вып. 3, 1895, стр. 489—492.

Редер, *Научная деятельность М. В. Никольского.* — Д. Г. Редер, *Научная и публицистическая деятельность М. В. Никольского*, — ОИРВ, сб. III, 1960, стр. 70—110.

Ренат, *Карта.* — [Renat], *Carte de la Dzoungarie dressée par le Suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733.* Édition de la Société Impériale Russe de Géographie, St.-Pbg., 1881.

Речь президента Академии наук 22 марта 1818 г. — Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санктпетербургского учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического Института 22 марта 1818 года, СПб., 1818.

Рзаев, *Мирза Казем-Бек.* — А. Рзаев, *Мирза Казем-Бек*, Баку, 1965.

Рикорд, *Записки о плавании.* — [Рикорд], *Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами*, СПб., 1851.

Рипка, *История персидской и таджикской литературы.* — Ян Рипка, *История персидской и таджикской литературы*, М., 1970.

Риттер, *Землеведение Азии.* — К. Риттер, *Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т. е. Китайской империи, независимой Татарии, Персии и Сибири.* Переведено по поручению РГО с дополнениями, служащими продолжением Риттерова труда, для материалов, обнародованных с 1832 г. и составленных П. Семеновым. . . , т. I—IX, СПб., 1856—1895.

Риттер, *Иран.*—К. Риттер, *Иран*, ч. I, перевел и дополнил Н. В. Ханыков, СПб., 1874. [Входит в цикл «Землеведение Азии».]

Риттер—Григорьев, *Восточный Туркестан.* — К. Риттер, *Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан.* Перевел, с присовокуплением критических примечаний, и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет, В. В. Григорьев, вып. I. Перевод и примечания; вып. II. Дополнения. Отдел I — историко-географический, СПб., 1869—1873.

Риттих, *Персия.* — П. А. Риттих, *Политико-статистический очерк Персии* (с картой), СПб., 1896.

Роборовский, *Отчет.* — *Отчет начальника экспедиции В. И. Роборовского, действительного члена Императорского Русского Географического Общества*, — «Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского», ч. I, вып. 1—3, СПб., 1900—1901.

Роборовский — Козлов, *Экскурсии.* — [В. И. Роборовский, П. К. Козлов], *Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции В. И. Роборовского и П. К. Козлова*, — «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова», ч. III, СПб., 1896.

Рождественский, *Исторический обзор.* — С. В. Рождественский, *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802—1902*, СПб., 1902.

Рождественский, *Очерки.* — С. В. Рождественский, *Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX вв.*, т. I, СПб., 1912.

Розен, *Август Мюллер.* — В. Розен, *Август Мюллер. Некролог*, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 329—334.

Розен, ЗВОРАО, т. I [стр. 38]. — В. Розен, [рец. на:] Туркестанский сборник. . . , СПб., 1884, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 38.

Розен, ЗВОРАО, т. I [стр. 38—45]. — В. Р[озен], [рец. на:] Об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Разговоры протоиерея Евфимия Малова с ученым муллой, Казань, 1885, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 38—45.

Розен, ЗВОРАО, т. II [стр. 157—159]. — В. Р. Розен, [рец. на:] Дервиши в мусульманском мире. Исследование Петра Позднева, Оренбург. . . , 1886, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 157—159.

Розен, ЗВОРАО, т. II [стр. 283—301]. — В. Р[озен], [рец. на:] М. Машанов. Очерк

быта арабов в эпоху Мухаммеда, как введение к изучению ислама. Часть I. Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда. Казань 1885 (=Миссионерский противомусульманский сборник. Выпуск XVII), — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 283—301.

Розен, ЗВОРАО, т. II [стр. 318—321]. — В. Р[озен], [рец. на:] Bibliographie analytique des ouvrages de Monsieur Marie-Félicité Brosset, membre de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg. 1824—1879. St. Petersbourg, 1887, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 318—321.

Розен, ЗВОРАО, т. II [стр. 321—322]. — В. Р[озен], [рец. на:] Orientalische Bibliographie. Unter Mitwirkung der H. H. Prof. Dr. A. Bezzenberger, Prof. Dr. H. L. Strack, Dr. Joh. Müller, Dr. K. Vollers, u. a. u. a. hrsg. von Prof. Dr. A. Müller, Bd. I, erstes Heft, Berlin. 1887, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 321—222.

Розен, ЗВОРАО, т. III [стр. 146—162]. — В. Р[озен], [рец. на:] Alberuni's India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030. Edited in the Arabic original by Dr. Edward Sachau, London. 1887, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 146—162.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 115—121]. — В. Р[озен], [рец. на:] Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского Археологического Общества. Изданные под редакцией М. В. Никольского. . ., т. I, вып. I, М., 1889, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 115—121.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 121—122]. — В. Р[озен], [рец. на:] Труды Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета в 1887—1888 гг. Ташкент 1888, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 121—122.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 124—126]. — В. Р[озен], [рец. на:] В. Наливкин. Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края. Казань. 1889, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 124—126.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 126—128]. — В. Р[озен], [рец. на:] V. P. Nalivkine. Histoire du Khanat de Khokand. Traduit du russe par Aug. Dozon. Paris. 1889, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 126—128.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 128—150]. — В. Р[озен], [рец. на:] A. Freiherr von Kremer. Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun Al-Raśîd, Wien, 1887; его же, Ueber das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919), Wien, 1887; его же, Ueber die philosophischen Gedichte des Abul ʿAlâ Maʿarry. Wien. 1888, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 128—150.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 418—419]. — В. Р[озен], [рец. на:] Записки Западно-Сибирского Отдела Имп. Русск. Географического Общества. Книжка X, Омск 1888, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 418—419.

Розен, ЗВОРАО, т. V [стр. 123—124]. — В. Р[озен], [рец. на:] Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки. Составил Е. Каль. Ташкент. 1889, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 123—124.

Розен, ЗВОРАО, т. V [стр. 323]. — В. Р[озен], [рец. на:] Записки Общества изучения Амурского края. Под редакцией председателя общества. Том I. Владивосток 1888, — ЗВОРАО, т. V, 1891, стр. 323.

Розен, ЗВОРАО, т. VII [стр. 340—343]. — В. Р[озен], [рец. на:] Известия Восточно-Сибирского Отдела Имп. Русского Географич. Общества. Том XXIII, Иркутск 1892, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 340—343.

Розен, ЗВОРАО, т. VII [стр. 360—361]. — В. Р[озен], [рец. на:] Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. Архимандрита Палладия, с введением доктора Е. В. Бретшнейдера и замечаниями профессора, чл.-сотр. А. М. Позднеева. СПб. 1892, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 360—361.

Розен, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 168—169]. — В. Р[озен], [рец. на:] Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. Выпуск второй. Народные сказки сартов. Ташкент. 1893, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 168—169.

Розен, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 170—194]. — В. Р[озен], [рец. на:] Ignaz Goldziher. Muhammedanische Studien. Erster Theil. Halle, 1889. Zweiter Theil. 1890, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 170—194.

Розен, ЗВОРАО, т. IX [стр. 243—262]. — [В. Р. Розен], [рец. на:] Двадцатипятилетие «Туркестанских Ведомостей», — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 243—262.

Розен, ЗВОРАО, т. IX [стр. 292—295]. — В. Р[озен], [рец. на:] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. Вып. 18, 19, 20. Тифлис, 1894. Указатель к I—XX выпускам «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» 1881—1894 г. Составил Е. Козубский, Тифлис 1895, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 292—295.

Розен, ЗВОРАО, т. IX [стр. 296—297]. — В. Р[озен], [рец. на:] Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по средне-азиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Извлечения из сочинения Sprenger'a «Die Post- und Reiserouten des Orients». Пособие для розыскания древних путей и местностей. Ташкент, 1894, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 296—297.

Розен, ЗВОРАО, т. X [стр. 203—211]. — В. Р[озен], [рец. на:] Средне-азиатский Вестник. Научно-литературный журнал. Ташкент. 1896. Март. Апрель. Май. Июнь. Июль. Август, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 203—211.

Розен, *Император Василий Болгаробойца. — Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского.* Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен, СПб., 1883 (прилож. к ЗИАН, т. XLIV, № 1).

Розен, *О восточном факультете.* — В. Р. Розен, *О восточном факультете и восточных кафедрах*, — ЖМНП, ч. 273, 1891, январь, [отд. II], стр. 159—165.

Розен, *Памяти Тизенгаузена.* — В. Розен, *Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. 1825—1902*, — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 231—236.

Розен, *По поводу дешифровки.* — В. Розен, *Suum cuique. По поводу дешифровки орхонских и енисейских надписей*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 323—325.

Розен, *Пролегомена.* — В. Розен, *Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 39—73.

Розенберг, *О миросозерцании буддизма.* — О. О. Розенберг, *О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке*, Пг., 1919.

Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия.* — А. А. Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 415—419.

Ромаскевич, *Персидские народные четверостишия.* — А. А. Ромаскевич, *Персидские народные четверостишия*, I—II, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 313—347; т. XXV, 1921, стр. 195—228.

Ромаскевич, *Persica.* — А. А. Ромаскевич, *Persica.* Опись материалов по фольклору и диалектологии, собранных в Персии в 1912—1914 гг., — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 451—452.

Ромаскевич, *Песни кашкайцев.* — А. А. Ромаскевич, *Песни кашкайцев*, — СМАЭ, т. V, 1925, стр. 573—610.

Ромаскевич, *Список трудов.* — А. А. Ромаскевич, *Список трудов В. А. Жуковского*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 420—422.

Ромодин, *Из истории изучения афганцев.* — В. А. Ромодин, *Из истории изучения афганцев и Афганистана в России*, — ОИРВ, сб. I, 1953, стр. 148—184.

Ростиславов, *Очерк.* — М. Н. Ростиславов, *Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае*, — ТТМСО, т. I, 1879—1880, стр. 327—359.

Ростовцев, *Поездка в Египет.* — М. И. Ростовцев, *Поездка в Египет*, М., 1908.

Ростовцев, *Русская археология в Палестине.* — М. Ростовцев, *Русская археология в Палестине*, — ХВ, т. I, вып. III, 1912, стр. 247—266.

Ростовцев, *Эллинистическая Азия.* — М. Ростовцев, *Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов*, — «Научный исторический журнал», т. I, вып. 1, 1913, стр. 39—63.

Рубрук, изд. Мишеля—Райта. — *Voyage en Orient du frère Guillaume de Rubruck* de l'ordre des frères mineurs, l'an de grace 1255. Notice sur Guillaume de Rubruck par F. Michel et T. Wright, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 205—396.

Рубрук, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны.* Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Рубрук — стр. 65—201].

Рубрук, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine.* Transl. from the Latin and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV).

Руденко, *Описание курдских рукописей.* — М. Б. Руденко, *Описание курдских рукописей ленинградских собраний*, М., 1961.

Руднев, *Материалы по говорам Восточной Монголии.* — А. Д. Руднев, *Материалы по говорам Восточной Монголии*, СПб., 1911.

Рудов, *Кидани.* — Л. Н. Рудов, *Кидани*, — «Дальний Восток. Сборник статей по филологии, истории, философии», М., 1961, стр. 158—172.

Рукавкин, *Описание.* — [Д. Рукавкин], *Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарам бывшего при отправленном в 1753 году из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Данилы Рукавкина*, — ЖМВД, ч. 34, № 12, 1839, декабрь, стр. 373—385.

Русская периодическая печать в Туркестане. — Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917 гг.). Библиографический указатель литературы, Ташкент, 1960.

Русско-китайские отношения. 1689—1916. — Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы, М., 1958.

Рычков, *История оренбургская.* — П. И. Рычков, *История оренбургская (1730—1750).* Под ред. и с примеч. Н. М. Гутьяра, Оренбург, 1896.

Рычков, *Опыт Казанской истории.* — *Опыт Казанской истории древних и средних времян*, сочинен Петром Рычковым, статским советником, Санкт-Петербургской Имп. Академии наук корреспондентом и вольного экономического общества членом, СПб., 1767.

Рычков, *Топография.* — П. И. Рычков, *Топография оренбургской губернии*, Оренбург, 1887; [нов. изд. в кн.: «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева», М., 1949].

Рясянен, *Материалы.* — М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков.* Пер. с нем. А. А. Юлдашева. Ред., предисловие и примечания Н. А. Баскакова, М., 1955.

С. Х., *Гражданская война в Бухаре.* — С. Х., *Гражданская война в Бухаре (август 1920—март 1921)*, — «Военная мысль», Ташкент, 1921, кн. 1, стр. 212—215.

Са'алиби, *Лаṭā'иф.* — *Latáifo 'l-ma'árif*, auctore Abu Mançur Abdolmalik ibn Mohammed ibn Ismá'íl at-Tha'álibí, quem librum e codd. Leyd. et Goth. ed. P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1867.

Саблуков, *Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства.* — Г. С. Саблуков, *Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства*, — «Прибавление к Саратовским губернским ведомостям», 1844, № 26—30, 32—36. Перепечатка Н. Катанова, Казань, 1895.

Саблуков, *Предисловие переводчика.* — Г. С. Саблуков, *Предисловие переводчика*, — в кн.: «Библиотека восточных историков», издаваемая И. Березиным, т. III, ч. 1, Казань, 1854, стр. III—XVIII.

Савельев, *Диттель.* — П. С. Савельев, *В. Ф. Диттель. Некролог*, — «Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества», под ред. Н. И. Надеждина, 1848, вып. 4, стр. 117—120.

Савельев, *О жизни и трудах Сенковского.* — П. С. Савельев, *О жизни и трудах О. И. Сенковского*, — в кн.: Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбеуса), т. I, СПб., 1858, стр. XI—CXII.

Савельев, *О жизни и трудах Френа.* — П. С. Савельев, *О жизни и трудах Френа*, СПб., 1855.

Савельев, *О жизни и трудах Шармуа.* — П. С. Савельев, *О жизни и трудах Ф. Ф. Шармуа*, — «СПб. ведомости», 1843, № 47; то же: отд. отт., СПб., 1845, с добавлением: Приписка (два года спустя).

Савельев, *Предположения.* — П. Савельев, *Предположения об учреждении Восточной академии в С.-Петербурге. 1733 и 1810 гг.*, — ЖМНП, ч. 89, 1856, февраль, отд. III, стр. 27—36.

Савельев, *Путешествие Базинера.* — *Путешествие г. Базинера через киргизскую степь в Хиву.* (Сообщено д. ч. П. С. Савельевым), — «Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества», под ред. В. В. Григорьева, 1849, вып. 4, стр. 157—171; вып. 5, стр. 206—212.

Сайфи, *Выписка из записки.* — Н. Ф. Сайфи, *Выписка из записки «К вопросу об изучении туземных языков Туркестанского края»*, — «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края», под ред. И. Д. Ягелло, Ташкент, 1906, стр. 209—217.

Салахетдинова, *Походы Ануша-хана.* — М. А. Салахетдинова, *Походы Ануша-хана на земли Бухарского ханства*, — «Ближний и Средний Восток. (История, культура, источниковедение)». Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского, М., 1968, стр. 123—133.

Салтыков, *Письма об Индии.* — А. Д. Салтыков, *Письма об Индии*, — «Москвитянин», 1849, ч. V, № 19, стр. 210—238; № 20, стр. 291—326; № 21, стр. 31—68; № 22, стр. 125—147; № 23, стр. 213—235; № 24, стр. 305—328.

Салтыков, *Путешествие в Персию.* — А. Д. Салтыков, *Путешествие в Персию*, — «Москвитянин», 1849, ч. IV, № 16, стр. 171—206; ч. V, № 17, стр. 31—75.

Самойлович, *Вильгельм Томсен и туркология.* — А. Н. Самойлович, *Вильгельм Томсен и туркология*, — в кн.: «Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти», Л., 1928 (Очерки по истории знания, IV), стр. 24—34.

Самойлович, «Восток», кн. 4 [стр. 185—186]. — А. Самойлович, [рец. на:] Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка. Издание Российской Академии Наук. Вып. 6. 1923; С. А. Новгородов, Н. Е. Афанасьев, П. А. Слепцов, Якутский букварь. . . Госиздат, 1923; Якутская хрестоматия. Под ред. С. А. Новгородова. Госиздат, 1923, — «Восток», кн. 4, 1924 стр. 185—186.

Самойлович, *И. Н. Березин как турколог.* — А. Н. Самойлович, *И. Н. Березин как турколог*, — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 161—172.

Самойлович, *Краткий отчет о поездке в Ташкент, Бухару и Хивинское ханство.* — [А. Н. Самойлович], *Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство командированного СПб. Университетом и Русским Комитетом приват-доцента А. Н. Самойловича в 1908 году*, — ИРКСА, № 9, 1909, стр. 15—29.

Самойлович, *Материалы для указателя.* — А. Н. Самойлович, *Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности*, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. РГО», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 55—80.

Самойлович, *Памяти В. Д. Смирнова.* — А. Самойлович, *Памяти проф. В. Д. Смирнова*, — «Восток», кн. 3, 1923, стр. 207—209.

Самойлович, *Памяти Мелиоранского.* — А. Самойлович, *Памяти П. М. Мелиоранского*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1907, стр. 01—024.

Самойлович, *Радлов как турколог.* — А. Н. Самойлович, *В. В. Радлов как турколог*, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. РГО», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 23—33.

Самойлович, *Тийишь (тишь) и другие термины.* — А. Н. Самойлович, *Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков*, — ИРАН, сер. VI, т. XI, 1917, стр. 1277—1278.

Самойлович, *Томсен как турколог.* — А. Н. Самойлович, *Вильгельм Томсен, как турколог*, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. РГО», т. XV, вып. 1, 1912, стр. 16—22.

Сапожников, *Пути по Алтаю.* — В. В. Сапожников, *Пути по Русскому Алтаю*, Томск, 1912.

Сарычев, *Путешествие Биллингса.* — Г. Сарычев, *Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога. . . в 1791 г.*, СПб., 1811.

Сарычев, *Путешествие по Сибири.* — [Г. Сарычев], *Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. . . с 1785 по 1793 год*, ч. I—II, СПб., 1802.

Сафа, *История литературы.* — ذبیح الله صفا، تاریخ ادبیّات در ایران، جلد ۱—۲، تهران، ۱۳۳۵—۱۳۳۱ [=1956—1957].

Сафиуллина, *Хусейн Фейзханов.* — Ф. С. Сафиуллина, *Хусейн Фейзханов*, — «Вопросы татарского языкознания», кн. 2, Казань, 1965, стр. 407—423.

Сахаров, *Сказания русского народа.* — *Сказания русского народа*, собранные И. Сахаровым, изд. 3, т. 1—2, кн. 1—8, СПб., 1841—1849.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии». Изд. Военно-ученого комитета Гл. Штаба, вып. 47, СПб., 1891.

Сборник распоряжений по МНП. — *Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения за 1866—1904*, т. I—XVI, СПб., 1866—1907.

Свенске, *Материалы для атласа.* — К. Свенске, *Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного Имп. Академиею наук в 1745 году.* Собраны из архива Имп. АН, СПб., [1866], — ЗИАН, т. IX, прилож. № 2.

Сверчевская, *Библиография Ирана.* — А. К. Сверчевская, *Библиография Ирана. Литература на русском языке (1917—1965 гг.)*, М., 1967.

Сгибнев, *Об обучении японскому языку.* — А. Сгибнев, *Об обучении в России японскому языку*, — «Морской сборник», т. 99, № 12, 1868 (декабрь), неофиц. отдел, стр. 55—61.

Сгибнев, *Попытки русских.* — А. Сгибнев, *Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетий*, — «Морской сборник», т. 100, № 12, 1869, неофиц. отдел, стр. 37—72.

Сейфи. — Сейфи, лейденская рук. № 917.

Селифонтов, *Очерк служебной деятельности.* — Н. Селифонтов, *Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVIII столетия Василья Александровича Даудова*, — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 5, 1871, стр. 1—41.

Семенов, *Из верований шугнанских исмаилитов.* — А. Семенов, *Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 523—561.

Семенов, *Мусульманский мистик.* — А. А. Семенов, *Мусульманский мистик и искатель Бога X—XI вв. по Р. Х. (Страничка из великого прошлого Закаспийского края)*, Асхабад, 1905.

Семенов, *Надписи на портале.* — А. Семенов, *Надписи на портале мечети в Мешеди-Мисриан*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0154—0157.

Семенов, *О мерванитах.* — А. Семенов, *О мусульманских сектантах мерванитах*, — «Мусульманский мир», вып. 1, Пг., 1917, стр. 5—9.

Семенов, *Очерки.* — А. А. Семенов, *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.). По архивным данным*, Ташкент, 1909 (отд. отт. из ТВ, 1909, № 83—168).

Семенов, *Покоритель и устроитель Туркестанского края.* — А. Семенов, *Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К. П. Фон-Кауфман 1-й. (Материалы для биографического очерка)*, — «Кауфманский сборник», стр. I—LXXXIV.

Семенов, *Этнографические очерки.* — А. А. Семенов, *Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза*, М., 1903.

П. Семенов, *История Имп. РГО.* — *История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845—1895.* Составил по поручению Совета Имп. РГО вице-председатель Общества П. П. Семенов при содействии действ. чл. А. А. Достоевского, ч. I—III, СПб., 1896.

П. Семенов — Потанин, *Алтайско-Саянская система.* — П. П. Семенов, Г. Н. Потанин, *Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832—1876*, СПб., 1877.

Сенковский, *Об изучении арабского языка.* — Г. Сенковский, *Об изучении арабского языка*, — «Сын отечества», 1822, № 39, ч. 80, стр. 248—267.

О. Сенковский, *Сочинения.* — Собрание сочинений О. И. Сенковского (барона Брамбеуса), т. I—IX, СПб., 1858—1859.

Середонин, *Известия англичан.* — С. М. Середонин, *Известия англичан о России во второй половине XVI века.* Перевод с английского, с предисловием, — ЧОИДР, 1884, кн. 4, отд. III, стр. 1—105.

Симонич, *Воспоминания полномочного министра.* — И. О. Симонич, *Воспоминания полномочного министра 1832—1838 гг.*, М., 1967.

Скачков, *Библиография Китая.* — П. Е. Скачков, *Библиография Китая*, М., 1960.

К. Скачков, *Судьба астрономии в Китае.* — К. Скачков, *Судьба астрономии в Китае*, — ЖМНП, ч. 173, 1874, май, [отд. II], стр. 1—31.

Скульптура и живопись древнего Пянджикента. — *Скульптура и живопись древнего Пянджикента*, [отв. ред. А. М. Беленицкий и Б. Б. Пиотровский], М., 1959.

Словцов, *Историческое обозрение Сибири.* — П. С. Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, кн. I, изд. 2, СПб., 1886.

Смилянская — Аствацатурян, *Научные труды К. М. Базили.* — И. М. Смилянская и Э. Г. Аствацатурян, *Научные труды К. М. Базили*, — в кн.: Базили, *Сирия и Палестина*, изд. 3, стр. 301—306.

Смирнов, *Очерки истории изучения ислама.* — Н. А. Смирнов, *Очерки истории изучения ислама в СССР*, М., 1954.

В. Смирнов, *Мусульманские издания.* — В. Смирнов, *Мусульманские печатные издания в России*, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 97—114.

В. Смирнов, *Очерк истории турецкой литературы.* — В. Д. Смирнов, *Очерк истории турецкой литературы*, — в кн.: «Всеобщая история литературы», под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова, т. IV, [СПб., 1891], стр. 425—554; то же: отд. отт., СПб., 1892.

Е. Смирнов, *Развалины города Канка.* — Е. Смирнов, *Развалины города Канка*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 164—184.

Смогоржевский, *Из научной деятельности.* — С. Смогоржевский, *Из научной деятельности словесного факультета в Алжире*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 16—31.

Собеседования по научным вопросам. — *Собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран*, — СИППО, т. XII, 1901, № 3, стр. 360—379; № 6, стр. 731—766; т. XIII, ч. II, 1902, № 1, стр. 1—71.

Соболевский, *Переводная литература Московской Руси.* — А. И. Соболевский, *Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы*, — Сб. ОРЯС, т. LXXIV, № 1, 1903.

Собрание восточных рукописей АН УзССР. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. [Каталог]. Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—IX, Ташкент, 1952—1971.

Современный Иран. — Современный Иран. Справочник, М., 1957.

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингисхане.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, 1866, стр. 3—258.

Солнцев, *Лондонская школа востоковедения.* — В. М. Солнцев, *Лондонская школа востоковедения и африканистики*, — НАА, 1965, № 5, стр. 236—238.

Соловьев, *История России.* — С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, кн. I—IV, (т. I—XXIX), изд. тов. «Обществ. польза», СПб., [б. г.].

Сотнурский, *Археология и архивные комиссии.* — В. Сотнурский, *Археология и архивные комиссии*, — газ. «Окраина», Ташкент, 1894, № 4.

Спафарий, *Описание Азии.* — Н. Г. Спафарий, *Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции*, изд. Катанова, Казань, 1910.

Спафарий, *Путешествие. — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году.* Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева, СПб., 1882 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 1).

Сравнительные словари. — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы, ч. I—II, СПб., 1787—1789.

Срезневский, *Хожение за три моря. — Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг.* Чтения И. И. Срезневского, СПб., 1857. [Первоначальное издание: «Уч. записки второго отделения Акад. наук», кн. II, вып. 3, 1857, стр. 225—307].

Сталь-Гольстейн, *Путевые впечатления.* — А. Сталь-фон-Гольштейн, *Путевые впечатления из Индии*, — ИИРГО, т. XL, 1905, стр. 557—583.

Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан.* — А. фон-Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 09—022.

Стариков, *Восточная филология.* — А. А. Стариков, *Восточная филология в Московском университете. (А. В. Болдырев и П. Я. Петров)*, — ОИРВ, сб. III, 1960, стр. 147—165.

Статейный список посольства в Бухарию. — Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова, — «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, стр. 388—445.

Столпянский, *Город Оренбург.* — П. Н. Столпянский, *Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города*, Оренбург, 1908.

Стонтон, *Путешествие во внутренность Китая.* — Г. Стонтон, *Путешествие во внутренность Китая и в Тартарию, учиненное в 1792-м, 1793-м, 1794-м годах. . .* Пер. с французского [И. Борна], ч. I—IV, М., 1804—1805.

Стори, *Био-библиографический обзор.* — Ч. Стори, *Персидская литература. Био-библиографический обзор*, ч. I—III, М., 1972.

Струве, *Датировка I Вавилонской династии.* — В. В. Струве, *Датировка I Вавилонской династии*, — ВДИ, 1947, № 1, стр. 9—35.

Струве, *Значение В. С. Голенищева для египтологии.* — В. В. Струве, *Значение В. С. Голенищева для египтологии*, — ОИРВ, сб. III, 1960, стр. 3—69.

Струве, *Изучение истории Древнего Востока.* — В. В. Струве, *Изучение истории Древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.*, — ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 13—22.

Струве, *Новые открытия.* — В. Струве, *Новые открытия в царском некрополе Фив,* — «Восток», кн. 3, 1923, стр. 150—159.

Струве, *Переворот в области хронологии Египта.* — В. Струве, *Переворот в области хронологии Египта,* — «Анналы», № 4, 1924, стр. 333—334.

Струве, *Б. А. Тураев.* — В. В. Струве, *Б. А. Тураев — крупнейший историк Древнего Востока,* — ВДИ, 1948, № 2, стр. 75—83.

Струве, *Родина зороастризма.* — В. В. Струве, *Родина зороастризма,* — СВ, т. V, 1948, стр. 5—34.

Сумбат-заде, *Востоковедение.* — «Востоковедение в Советском Азербайджане», ред. А. С. Сумбат-заде, Баку, 1964.

Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары.* — О. А. Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв. (Городские стены и ворота),* — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 25—40.

Сухарева, *К истории.* — О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки),* Ташкент, 1958.

Сухомлинов, *Исследования.* — М. И. Сухомлинов, *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению,* т. I—II, СПб., 1889.

Сырку, *Николай Спафари до приезда в Россию.* — П. Сырку, *Николай Спафари до приезда в Россию,* — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 183—196.

Сырку, *Спафарий.* — П. Сырку, *Николай Спафарий.* Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu, ambassadeur du tsar Alexis Mihajlovic en Chine par Emile Picot. Paris, 1883, — ЖМНП, ч. 239, 1885, май, отд. II, стр. 335—346.

Сюань-Цзан, пер. Била. — *Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western World.* Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal, vol. I—II, London, 1906 (Trübner's Oriental Series, 43).

Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales,* traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages des pèlerins bouddhistes, II—III).

Табари. — *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda,* 1901; *Indices,* 1901.

Таирзаде, *К деятельности Топчибашева.* — Н. А. Таирзаде, *К деятельности профессора Мирза Джафара Топчибашева в Петербургском университете,* — ИАН АзССР, СОН, 1965, № 6, стр. 36—46.

Таранович, *Академик Байер и его труды.* — В. П. Таранович, *Академик Т. З. Байер и его труды по востоковедению,* рук. ИВАН, ф. 102, ед. хр. 2.

Та'рӣх-и Муқӣм-ханӣ, пер. Семенова. — Мухаммед Юсуф Мунши, *Мукимханская история.* Пер. с таджикского с предисловием, примечаниями и указателями А. А. Семенова, Ташкент, 1956.

Татаринов, *Лексикон.* — [А. Татаринов], *«Лексикон» русско-японский Андрея Татаринова,* изд. текста и предисловия О. П. Петровой, М., 1962.

Тер Погос-Аветисов, *Взаимоотношения с Бухарой.* — Тер Погос-Аветисов, *Наши экономические взаимоотношения с Бухарой в прошлом и настоящем,* — «Военная мысль», кн. 2, Ташкент, 1921, стр. 227—236.

Терентьев, *История завоевания Средней Азии.* — М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии,* т. I—III, СПб., 1906.

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI [стр. 327—333]. — Отзыв почетного члена барона В. Г. Тизенгаузена о сочинении проф. В. А. Жуковского: «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва». . ., СПб., 1894, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 327—333.

Тизенгаузен, *Материалы.* — *Материалы для библиографии мусульманской археологии.* Из бумаг бар. В. Г. Тизенгаузена. Издали К. А. Иностранцев и Я. И. Смирнов, — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. 079—0145, 0213—0416.

Тизенгаузен, *Обзор трудов по нумизматике.* — В. Г. Тизенгаузен, *Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике,* — ТТМСО, т. I, стр. 3—31.

Тизенгаузен, *Первое русское посольство в Герате.* — В. Тизенгаузен, *Первое русское посольство в Герате,* — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 30—31.

Тизенгаузен, *Предисловие к СМИЗО.* — В. Тизенгаузен, *Предисловие,* — СМИЗО, стр. V—XVI.

Тизенгаузен — Веселовский, *П. И. Лерх (некролог).* — В. Тизенгаузен, Н. Веселовский, *П. И. Лерх (некролог),* — ЖМНП, ч. 236, 1884, ноябрь, [отд. II], стр. 57—66.

Тимковский, *Путешествие в Китай.* — Е. Ф. Тимковский, *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годы,* ч. 1—3, СПб., 1824.

Титов, *Дополнение.* — А. А. Титов, *Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санктпетербурга с 1751 по 1762 год, сочиненное А. Богдановым,* М., 1903.

Тихвинский, *Татаро-монгольские завоевания.* — С. Л. Тихвинский, *Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе,* — сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970, стр. 3—21.

Тихомиров, *Присоединение Мерва к России.* — М. Н. Тихомиров, *Присоединение Мерва к России,* М., 1960.

Тихонов, *Восстание 1864 г.* — Д. Тихонов, *Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. Восстание в Кучаре,* — СВ, т. V, 1948, стр. 155—172.

Токарев, *История русской этнографии.* — С. А. Токарев, *История русской этнографии. (Дооктябрьский период),* М., 1966.

Толстой, *Штелинов реестр.* — [Д. И. Толстой], *Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии от 1725 по 1749 год,* — УЗИАН по I-му и III-му отделениям, т. II, СПб., 1854 стр. 156—173.

Томара, *Экономическое положение Персии.* — *Экономическое положение Персии.* Отчет чиновника особых поручений Деп. торговли и мануфактуры М. Л. Томара, командированного в 1893-94 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли, СПб., 1895.

Томсен, *Дешифровка.* — В. Томсен, *Дешифровка орхонских и енисейских надписей* [перевод с французского языка], — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 327—337.

Торговля с Московским государством. — *Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.,* — «Труды Историко-археографического института и Института востоковедения АН СССР», т. 6, вып. 3, ч. 1, Л., 1932.

Торжественный акт Ришельевского лицея. — *Торжественный акт Ришельевского лицея, по случаю окончания 1856-57 академического года и открытия курсов в новом здании,* Одесса, 1857.

«Тохарские языки». — «Тохарские языки». Сборник статей. Под ред. и с вступит. статьей Вяч. В. Иванова, М., 1959.

Тридцатилетие специальных классов. — *Тридцатилетие специальных классов Лазаревского Института восточных языков.* Памятная книжка, изданная на средства С. С. Абамелек-Лазарева, М., 1903.

Трусевич, *Посольские и торговые сношения.* — Х. Трусевич, *Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века),* М., 1882.

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 299—300]. — А. Туманский, [рец. на:] Экономическое положение Персии. М. Л. Томары. . . СПб., 1895, — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 299—300.

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. Туманский, [рец. на:] Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского, орд. проф. И. СПб. Университета. . . СПб., 1894 г. . . ., — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.

Туманский, *Китабе Акдес. — Китабе Акдес, «священнейшая книга» современных бабидов.* Текст, перевод, введение и приложения А. Г. Туманского, СПб., 1899 (ЗИАН, сер. VIII, по ист.-филол. отд., т. III, № 6).

Туманский, *Новооткрытый персидский географ.* — А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.

Туманский, *От Каспийского моря к Хормузскому проливу.* — [А. Г.] Туманский, *От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно. 1894 г. (Попутные топографические и статистические материалы по Персии)*, СПб., 1896 (СМА, вып. LXV, стр. 1—130).

Тураев, *История Древнего Востока.* — Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, 2-е исправленное и иллюстрированное издание, т. I—II, СПб. — Пг., 1913—1915; то же: под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирева, Л., 1935—1936.

Тураев, *Остатки финикийской литературы. — Остатки финикийской литературы. Отрывки финикийской космогонии и мифологии Филона Библского. Финикийские отрывки у Дамаския. Тирские летописи.* Обработал Б. Тураев, СПб., 1903.

Тураев, *Отзыв.* — [Б. А. Тураев], *Отзыв члена-сотрудника Б. А. Тураева об исследовании М. В. Никольского «Клинообразные надписи Закавказья».* (Материалы по археологии Кавказа, выпуск V. М. 1896 г. . . .), — ЗВОРАО, т. IX, 1899, стр. 333—339.

Тураев, *Очерк истории изучения.* — Б. А. Тураев, *Очерк истории изучения финикийской древности*, — «Историческое обозрение», т. VI, 1893, стр. 1—76.

Тураев, *Памяти В. В. Болотова.* — Б. Тураев, *Памяти Василия Васильевича Болотова*, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 041—045.

Тураев, *Русская наука о Древнем Востоке.* — Б. А. Тураев, *Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года*, Л., 1927.

Тураев, ХВ, т. III [стр. 215—216]. — Б. Т[ураев], [рец. на:] J. Marquart, Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden. . . , Leiden, Brill. 1913, — ХВ, т. III, 1915, стр. 215—216.

Убрятова, *Малов.* — Е. И. Убрятова, *Сергей Ефимович Малов (некролог)*, — ИАН, ОЛЯ, 1957, № 6, стр. 574—578.

Убрятова, *О научной и общественной деятельности Малова.* — Е. И. Убрятова, *О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова*, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 5—30.

Убрятова, *Очерк истории.* — Е. И. Убрятова, *Очерк истории изучения якутского языка*, Якутск, 1945.

Убрятова, *С. Е. Малов.* — Е. И. Убрятова, *С. Е. Малов. (К восьмидесятилетию со дня рождения)*, — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 43—55.

Уваров, *Мысли.* — [С. С. Уваров], *Мысли о заведении в России Академии Азиатской.* Пер. с франц. В. Жуковского, — «Вестник Европы», ч. 55, 1811, № 1, стр. 27—52; № 2, стр. 96—120.

Уваров, *Проект* — см. Uvarow, *Projet.*

Уваров, *Речь президента.* — С. С. Уваров, *Речь президента Императорской Академии наук, попечителя СПб. учебного округа в торжественном собрании Главного Педагогического Института 22 марта 1818*, СПб., 1818.

Ульяницкий, *Албазин и албазинцы.* — Л. Ульяницкий, *Албазин и албазинцы*, — «Зап. Приамурского отд. Имп. Общества востоковедения», вып. I, Хабаровск, 1912, стр. 67—91.

Уляницкий, *Сношения России с Средней Азией.* — В. А. Уляницкий, *Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв.* По документам Московского Главного Архива Министерства иностранных дел, — ЧОИДР, 1888 год, кн. 3, отд. II, стр. 1—62.

Умняков, *В. В. Бартольд.* — И. И. Умняков, *В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности)*, — «Бюллетень САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.

Умняков, *О топографии средневековой Бухары.* — И. И. Умняков, *К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары*, — «الاسكندرية». Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923, стр. 148—157.

Унковский, *Посольство.* — *Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артилерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы.* Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского, СПб., 1887 (ЗИРГО по отд. этногр., т. X, вып. 2).

Услар, *Этнография Кавказа.* — П. К. Услар, *Этнография Кавказа*, I—VI, Тифлис, 1887—1895.

Файнберг, *Японцы в России.* — Э. Я. Файнберг, *Японцы в России в период самоизоляции Японии. (Из истории возникновения русско-японских отношений. 1697—1852 гг.)*, — УЗИВАН, т. 23. «Япония. Вопросы истории», М., 1959, стр. 226—260.

Фармаковский, *Н. И. Веселовский — археолог.* — Б. Фармаковский, *Н. И. Веселовский — археолог*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 359—386.

Феоктистов, *Истоки мордовской письменности.* — А. П. Феоктистов, *Истоки мордовской письменности*, М., 1968.

Фехнер, *Торговля русского государства со странами Востока.* — М. В. Фехнер, *Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке*, М., 1952 (ТГИМ, вып. XXI).

Фирсов, *Инородческое население.* — Н. Фирсов, *Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время*, Казань, 1869.

Фиш, *Писатели Турции.* — Р. Г. Фиш, *Писатели Турции. Книги и судьбы*, М., 1961.

Фиш, *Турецкая поэзия.* — Р. Г. Фиш, *Турецкая поэзия наших дней*, М., 1958.

Фишер, *Сибирская история.* — И. Е. Фишер, *Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием*, СПб., 1774.

Фойгт, *Обозрение.* — К. Фойгт, *Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Имп. Казанском Университете за десятилетие с 1842 по 1852 г.*, Казань, 1852.

Франк-Каменецкий, *Как научились читать египетские письмена.* — И. Г. Франк-Каменецкий, *Как научились читать египетские письмена*, М., 1922.

Франк-Каменецкий, *Первый съезд.* — И. Франк-Каменецкий, *Первый съезд русских египтологов (17—20 августа 1922 г.)*, — «Восток», кн. 2, 1923, стр. 126—130.

Франко-персидский договор. — *Франко-персидский договор о раскопках*, — «Материалы по изучению Востока», издание Министерства иностранных дел, вып. 2, Пг., 1915, стр. 503—505.

Фрейман, *Востоковедение в Германии.* — А. Фрейман, *Востоковедение в Германии*, — «Восток», кн. 3, 1923, стр. 160—163.

Френ, *Программа задачи.* — Х. Френ, *Программа задачи, предложенной Имп. Академиею наук в 1832 году*, — СМИЗО, прилож. II, стр. 555—563.

Халидов, *Каталог арабских рукописей. — Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР*. Вып. 1. А. Б. Халидов, *Художественная проза*, М., 1960.

Халфин, *Присоединение Средней Азии к России.* — Н. А. Халфин, *Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.)*, М., 1965.

Хантадзе, *Академик Мари Броссе.* — Ш. А. Хантадзе, *Академик Мари Броссе и европейское и русское грузиноведение*, Тбилиси, 1970.

Ханыков, *Описание Бухарского ханства.* — Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.

Ханыков, *Пояснительная записка.* — Н. Ханыков, *Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями*, — ЗИРГО, кн. V, 1951, стр. 268—358.

Харузин, *Библиографический указатель.* — А. Н. Харузин, *Библиографический указатель книг и статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891*, — ЭО, год 3-й, кн. IX, 1891, № 2, Прибавление, стр. 1—68.

Хащаб, *Экономическое положение.* — А. Хащаб, *Экономическое положение современной Персии и ее торговля с прочими странами*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 153—184.

Хвостов, *История восточной торговли.* — М. Хвостов, *История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. — 284 г. по Р. Х.)*, Казань, 1907. (Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий в Римской империи.)

Хвостов, *Очерки.* — М. Хвостов, *Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте*, — УЗКУ, 1912, кн. I, стр. 1—16; кн. II, стр. 17—32; кн. X, стр. 33—80; 1913, кн. VIII, стр. 81—112; кн. XI, стр. 113—160; 1914, кн. II, стр. 161—176; кн. III, стр. 177—208; кн. V, стр. 209—239; кн. VIII, стр. V—X, 241—264.

Хетум, изд. Мюллера. — Haithoni Armeni *Historia Orientalis.* Quae eadem & De Tartaris inscribitur, [ed. A. Mülleri Greiffenhagii]. Coloniae Brandenburgicae, 1671 (издано в одном переплете с кн.: Marci Pauli Veneti, Historici fidelissimi juxta ac praestantissimi, *De Regionibus Orientalibus Libri III. . .* , Coloniae Brandenburgicae, 1671).

Хитрово, *Библиографический указатель.* — В. Н. Хитрово, *Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских*, СПб., 1876 («Палестина и Синай», ч. I, вып. 1).

Хождение Игнатия Смолянина, изд. Арсеньева. — *Хождение Игнатия Смолянина*, под ред. С. В. Арсеньева, СПб., 1887 (Православный Палестинский Сборник, т. IV, вып. 3).

Хорезми, *Мафатих.* — *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Хромых, *Созидание фронта.* — К. Хромых, *Созидание фронта революции в Средней Азии. Хорезмская республика*, — «Военная мысль», кн. 1, Ташкент, 1920, стр. 283—298.

Худуд ал-'алам, изд. Бартольда. — *Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского.* С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Худуд ал-'алам, пер. Минорского. — *Hudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold († 1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).

Цагарели, *Памятники грузинской старины.* — А. Цагарели, *Памятники грузинской старины в Святой Земле и Синае*, СПб., 1888 (Палестинский Православный Сборник, т. IV, вып. 1).

Цагарели, *Порфирий о грузинских древностях.* — А. Цагарели, *Преосвященный Порфирий о грузинских древностях*, — ЗВОРАО, т. I, 1887, стр. 8—18.

Царская грамота. — *Царская грамота Астраханским воеводам князьям Борису Репнину и Федору Волконскому о посылке подъячего Полуекта Зверева в Астрахань для изучения Арабского, Персидского и Татарского языков*, — АИАК, т. III, 1841, стр. 493—494.

Цыбиков, *Буддист паломник у святынь Тибета.* — Г. Ц. Цыбиков, *Буддист паломник у святынь Тибета.* По дневникам, веденным в 1899—1902 гг., Пг., 1918.

Цыбиков, *О Центральном Тибете.* — Г. Ц. Цыбиков, *О Центральном Тибете*, — ИИРГО, т. XXXIX, 1905, стр. 187—218.

Цыбульский, *П. А. Чихачев.* — В. В. Цыбульский, *П. А. Чихачев — исследователь, путешественник*, М., 1961.

Цыбульский, *Чихачев — исследователь Алтая.* — В. В. Цыбульский, *П. А. Чихачев — выдающийся исследователь Алтая*, [Кемерово], 1959.

Чабров, *Поездка в Бухару.* — Г. Н. Чабров, *Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.)*, — «Труды САГУ», сер. «История стран Востока», вып. XCIV, кн. 14, Ташкент, 1954.

Чахар маḳала, изд. Казвини. — *Chahár Maqála* («*The Four Discourses*») of Aḥmad ibn ʿUmar ibn ʿAlí an-Niẓámí al-ʿArúḍí as-Samarqandí, ed., with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn ʿAbdu'l-Wahháb of Qazwín, Leiden — London, 1910 (GMS, XI, 1).

Чахар маḳала, пер. Брауна. — *Revised translation of the Chahár Maqála* («*Four Discourses*») of Niẓámí-i-ʿArúḍí of Samarqand, followed by an abridged translation of Mírzá Muḥammad's notes to the Persian text by E. G. Browne, London, 1921 (GMS, XI, 2).

Чахотин, ЗВОРАО, т. VI [стр. 364—370]. — С. Чахотин, [рец. на:] Galib Edhem, Essai de numismatique ottomane. . ., — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 364—370.

Чехович, *Бухарские документы.* — О. Д. Чехович, *Бухарские документы XVI века*, Ташкент, 1965.

Чжао Жу-гуа, пер. Хирта — Рокхилла. — *Chao Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab trade in the twelfth and thirteenth centuries, entitled Chu-fan-chï*, transl. from the Chinese and annotated by F. Hirth and W. W. Rockhill, St-Pbg., 1911.

Чириков, *Путевой журнал.* — [Е. И. Чириков], *Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852.* Издан под ред. М. А. Гамазова, — ЗКОИРГО, кн. IX, 1875.

Чичерина, *Просвещение.* — С. В. Чичерина, *Положение просвещения у Приволжских инородцев*, — ИИРГО, т. XLII, 1907, стр. 591—647.

Чулошников, *Очерки.* — А. П. Чулошников, *Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен*, ч. 1, Оренбург, 1924 (Труды Общества изучения Киргизского края, вып. V).

Шамов, *Научная деятельность О. М. Ковалевского.* — Г. Ф. Шамов, *Научная деятельность О. М. Ковалевского в Казанском университете*, — ОИРВ, сб. II, 1956, стр. 118—180.

Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите.* — Ж. Ф. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите.* Пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица, М.—Л., 1950.

Шахматов, *Введение.* — А. А. Шахматов, *Введение в курс истории русского языка*, ч. I. *Исторический процесс образования русских племен и наречий*, Пг., 1916.

Шахматов, *Древнейшие судьбы.* — А. А. Шахматов, *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919.

Шебунин, *Западно-европейские влияния.* — А. [Н.] Шебунин, *Западно-европейские влияния в миросозерцании Н. И. Тургенева*, — «Анналы», № 3, 1923, стр. 191—219.

Шебунин, *Куфический Коран.* — А. Шебунин, *Куфический Коран Имп. СПб. Публичной библиотеки*, — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 69—133.

Шевырев, *История Московского университета.* — С. Шевырев, *История Имп. Московского университета*, М., 1855.

Шелехов, *Странствование.* — [Г. Шелехов], *Российского купца именитого рыльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам*, СПб., 1793.

Шемс Фахри, изд. Залемана. — C. Salemann, *Schams i Fachrîi Ispahânensis lexicon Persicum, id est libri Mi'jâri G'amâlî pars quarta.* Fasc. prior: textum et indices continens, Casani, 1887.

Шишкин, *Афрасиаб.* — В. А. Шишкин, *Афрасиаб — сокровищница древней культуры*, Ташкент, 1966.

Шишкин, *Варахша.* — В. А. Шишкин, *Варахша*, М., 1963.

Шишкин, *К истории.* — В. А. Шишкин, *К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей*, — сб. «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 3—152.

Шишкин, *Кала'и Афрасиаб.* — В. А. Шишкин, *Кала'и Афрасиаб*, — сб. «Афрасиаб», вып. 1, Ташкент, 1969, стр. 122—152.

Шишкин, *Обсерватория.* — В. А. Шишкин, *Обсерватория Улугбека и ее исследование*, — ТИИА АН УзССР, т. V. Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 3—100.

Шишкин, *Самаркандская обсерватория.* — В. А. Шишкин, *Самаркандская обсерватория Улугбека*, — сб. «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 200—226.

Шлоссер, *История восемнадцатого столетия.* — Ф. А. Шлоссер, *История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи*, пер. с 4-го, испр. изд., изд. 2, т. I, СПб. — М., 1868.

Шляпкин, *Немецкое зло.* — И. Шляпкин, *Немецкое зло*, М., 1915.

Шмидт, *'Абд ал-Ваххāб аш-Ша'рāнī.* — А. Э. Шмидт, *'Абд ал-Ваххāб аш-Ша'рāнī † 973/1565 г. и его «Книга рассыпанных жемчужин»*, СПб., 1914.

Шмидт, «Мусульманский мир» [стр. 55—61]. — А. Э. Ш[мидт], [рец. на:] C. Snouck Hurgronje, Heilige Oorlog made in Germany. (De Gids, 1915, № 1), — «Мусульманский мир», год I, 1917, вып. 1, стр. 55—61.

Я. Шмидт, *Грамматика.* — *Грамматика монгольского языка*, сочиненная Я. Шмидтом. Пер. с нем., СПб., 1832.

Шофман — Шамов, *Восточный разряд.* — А. С. Шофман и Г. Ф. Шамов, *Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк)*, — ОИРВ, сб. II, 1956, стр. 418—448.

Шпилевский, *Древние города.* — Шпилевский, *Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии*, Казань, 1877.

Шренк, *Об инородцах Амурского края.* — Л. Шренк, *Об инородцах Амурского края*, т. I—III, СПб., 1883—1903.

Штернберг, *Из жизни Радлова.* — Л. Штернберг, *Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды)*, — ЖС, 1909, вып. II—III, стр. I—XXV.

Штернберг, *Радлов В. В.* — Л. Я. Штернберг, *Радлов, Василий Васильевич*, — МБС АН, ч. II, Пг., 1917, стр. 121—136 [Список печатных трудов (141 назв.) — стр. 129—136].

Штернберг и др., *Музей Антропологии и Этнографии.* — *Музей Антропологии и Этнографии за 12-летие управления В. В. Радлова.* Составлено Л. Я. Штернбергом, С. Ф. Ольденбургом и др., — в кн.: «Ко дню 70-летия Василия Васильевича Радлова», СПб., 1907, стр. 27—106.

Шувалов, *Очерк жизни и деятельности Кера.* — М. В. Шувалов, *Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера*, — «Сборник Московского Главного архива МИД», вып. 5, М., 1893, стр. 89—100.

Шумовский, *Три неизвестные лоции.* — Т. А. Шумовский, *Три неизвестные лоции Аҳмада ибн Мāджида, арабского лоцмана Васко да-Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР*, М.—Л., 1957.

Щербатской, *Краткий отчет.* — Ф. И. Щербатской, *Краткий отчет о командировке в Индию*, — ИРКСА, сер. II, № 1, 1912, стр. 70—75.

Эвлия Челеби, *Сайāҳат-нāме.* — اولیا چلبی محمد ظلمی ابن درویش، اولیا چلبی سیاحتنامه‌سی، استانبول، جلد ۱—۳، ۱۳۱۴؛ جلد ۴—۵، ۱۳۱۵؛ جلد ۶، ۱۳۱۸؛ جلد ۷—۸، 1928.

Эдуард Карлович Пекарский. — Сб. «Эдуард Карлович Пекарский». К столетию со дня рождения, Якутск, 1958.

Юзефович, *Договоры России с Востоком.* — *Договоры России с Востоком, политические и торговые*, собрал и издал Т. Юзефович, СПб., 1869.

Юсупов, *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику.* — Г. В. Юсупов, *Введение в булгаро-татарскую эпиграфику*, М.—Л., 1960.

Ягелло, *Восточный институт в Ташкенте.* — И. Д. Ягелло, *Восточный институт в Ташкенте*, — ТВ, 1906, № 143.

Ягелло, *Об изучении местных языков.* — И. Д. Ягелло, *Сводка всех мнений по вопросу об изучении местных языков служащими в Туркестанском крае*, — ТВ, 1906, № 127 и 128.

Ягелло, *Сводка мнений.* — И. Д. Ягелло, *Сводка всех мнений, изложенных в вышенапечатанных статьях и приказах*, — «Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края», под ред. И. Д. Ягелло, Ташкент, 1906, стр. 219—229.

Ядринцев, *Отчет экспедиции на Орхон.* — Н. М. Ядринцев, *Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества*, — СТОЭ, вып. I, 1892 стр. 51—113.

Яковлев, *Новое в изучении Северного Кавказа.* — Н. Яковлев, *Новое в изучении Северного Кавказа. (Предварительный отчет о работах Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане)*, — НВ, кн. 5, 1924, стр. 238—254.

Якубовский, *Ибн-Мискавейх.* — А. Ю. Якубовский, *Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/4 г.*, — ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.

Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда.* — А. Ю. Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда*, — «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. II, 1940, стр. 285—337.

Якубовский, *Из истории изучения монголов.* — А. Ю. Якубовский, *Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.*, — ОИРВ, сб. I, 1953, стр. 31—95.

Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях.* — А. Ю. Якубовский, *О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв.*, — ИАН СССР, СИФ, т. III, 1946, № 5, стр. 461—472.

Якут, *Иршāд.* — *The Irshád al-arîb ilá ma'rifat al-adîb or Dictionary of learned men* of Yáqút. Ed. by D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Leyden — London, 1907—1927 (GMS, VI, 1—7).

Якут, *Му'джам.* — *Yacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

Янин, *Денежно-весовые системы.* — В. Л. Янин, *Денежно-весовые системы русского средневековья*, М., 1956.

Abel-Rémusat, *Mélanges Asiatiques.* — Abel-Remusat, *Mélanges Asiatiques ou choix de morceaux critiques et de mémoires relatifs aux religions, aux sciences, aux coutumes, à l'histoire et à la géographie des nations orientales*, t. I—II, Paris, 1825.

Abel-Rémusat, *Recherches.* — Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tartares ou mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibetains*, t. I, Paris, 1820.

Abel-Rémusat, *Sur l'ambassade du Lord Amherst.* — Abel-Rémusat, *Sur l'ambassade du Lord Amherst à la Chine en 1816*, — в кн.: Abel-Rémusat, *Mélanges Asiatiques*, t. I, Paris, 1825, pp. 431—451.

Adams, *The history of Japan.* — F. O. Adams, *The history of Japan from the earliest period to the present time*, vol. I, London, 1874.

Adelung, *Catherinens der Grossen Verdienste.* — Fr. Adelung, *Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde*, St.-Pbg., 1815.

Afshar, *Index Iranicus.* — فهرست مقالات فارسی (فهرست موضوعی مطالعات و تحقیقات مسائل ایرانشناسی بزبان فارسی که در مجله‌ها و سالنامه‌ها و مجموعه‌های چاپ ایران و ممالك دیگر تا پایان سال ۱۳۳۸ شمسی چاپ شده است) بکوشش ایرج افشار، جلد اول: ۱۳۲۸ ق—۱۳۳۸ ش، طهران، مهرماه ۱۳۴۰ ش [=1961] (گرده ملی کتابشناسی ایران ۳، انتشارات دانشگاه طهران ۶۹۷)؛ جلد دوم، ۱۳۳۹—۱۳۴۵، تهران، ۱۳۴۸ [=1969] (انتشارات دانشگاه تهران، ۲ / ۶۹۷—۶۹۷) [франц. титул:] *Index Iranicus.* Répertoire méthodique des articles persans concernant les études iranologiques, publiés dans les périodiques et publications collectives par Iraj Afshar, vol. I. 1910—1958, Tehran, 1961; vol. II. 1959—1966, Tehran, 1969 (Publication de l'Université de Tehran № 697—697/2).

Akurgal, *The art of the Hittites.* — E. Akurgal, *The art of the Hittites*, New York, [s. a.].

Albright, *The Role of the Canaanites.* — W. F. Albright, *The role of the Canaanites in the history of civilisation*, — «The Bible and the Ancient Near East. Essays in honor of W. F. Albright», London, 1961, pp. 328—362.

Alcock, *Art and art industries.* — R. Alcock, *Art and art industries of Japan*, London, 1878.

Alcock, *The capital of the Tycoon.* — R. Alcock, *The capital of the Tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan*, vol. I—II, London, 1863.

Altamira, *Historia de España.* — *Historia de España y de la civilización española* por Rafael Altamira y Crevea, 2-e ed., t. I—IV, Barcelona, 1909—1911.

Annales Bertiniani, ed. Waitz. — *Annales Bertiniani.* Rec. G. Waitz, Hannoverae, 1883.

Anquetil du Perron, *L'Inde.* — Anquetil du Perron, *L'Inde en rapport avec l'Europe: ouvrage divisé en deux parties. . .*, t. I—II, Paris, 1798.

Anquetil du Perron, *Recherches historiques.* — Anquetil du Perron, *Recherches historiques et géographiques sur l'Inde . . .*, pt. I—III, Berlin, 1786—1787.

Anquetil du Perron, *Zend-Avesta.* — Anquetil du Perron, *Zend-Avesta. Ouvrage de Zoroastre, contenant les idées théologiques, physiques et morales de ce législateur, les cérémonies du culte religieux qu'il a établi et plusieurs traits importants relatifs à l'ancienne histoire des Perses*: trad. en français sur l'original zend, avec des remarques, t. I—III, Paris, 1771.

d'Anville, *Nouvel atlas de la Chine.* — J. B. B. d'Anville, *Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Thibet*: contenant les cartes générales et particulières de ces pays. . . , La Haye, 1737.

Arberry, *Asiatic Jones.* — A. J. Arberry, *Asiatic Jones. The life and influence of Sir William Jones (1746—1794), pioneer of Indian studies*, London — New York — Toronto, 1946.

Arnaud, *Pièces relatives aux inscriptions Himyarites.* — M. Arnaud, *Pièces relatives aux inscriptions Himyarites découvertes à San'â, à Khariba, à Mareb*, etc., — JA, sér. 4, t. VI, 1845, pp. 169—237.

Asín Palacios, *La escatología Musulmana.* — M. Asín Palacios, *La escatología Musulmana en la Divina comedia*, Madrid, 1919.

Aspelin, *Découverte des inscriptions.* — J. R. Aspelin, *Découverte des inscriptions de l'Iénisséi*, — «Inscriptions de l'Iénisséi, recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie», Helsingfors, 1889, pp. 3—17.

Assemani, *Bibliotheca Orientalis.* — *Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana in qva Manuscriptos Codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegypticos, Ibericos et Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI. Pontificis Maximi. Ex Oriente conquisitos, comparatos, avectos et Bibliothecae Vaticanae addictos.* Recensuit, digessit et genuina scripta à spuriis secrevit, addita singulorum auctorum vita, J. S. Assemanus, t. I. *De Scriptoribus Syris Orthodoxis*, Romae, 1719; t. II. *De Scriptoribus Syris Monophysitis*, Romae, 1721; t. III. *De Scriptoribus Syris Nestorianis*, pars 1—2, Romae, 1725—1728.

B. M., JA, sér. 9, t. XIV [pp. 568—571]. — B. M., [рец. на:] Gobineau, Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale, Paris, 1900, — JA, sér, 9, t. XIV, 1899, pp. 568—571.

Babinger, *Der Islam.* — Fr. Babinger, *Der Islam in Kleinasien. Neue Wege der Islamforschung*, — ZDMG, Bd LXXVI, 1922, S. 126—152.

Babinger, *G. S. Bayer.* — Fr. Babinger, *Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738)*, München, 1918.

Babinger, *I. J. Schmidt.* — Fr. Babinger, *Isaak Jakob Schmidt. 1779—1847.* Ein Beitrag zur Geschichte der Tibetsforschung, — в кн.: «Festschrift für F. Hirth», S. 7—21.

Babinger, *Naqschbendī-Orden.* — F. Babinger, *Zur Frühgeschichte des Naqschbendī-Ordens*, — DI, Bd XIII, 1923, S. 105—107.

Baddeley, *Father Matteo Ricci's Chinese world-maps.* — J. F. Baddeley, *Father Matteo Ricci's Chinese world-maps. 1584—1608*, — GJ, vol. L, 1917, pp. 254—270.

Baddeley, *Russia, Mongolia, China.* — J. F. Baddeley, *Russia, Mongolia, China.* Being some Record of the relations between them from the beginning of the XVII-th century to the Death of the tsar Alexei Mikhailovich a. d. 1602—1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the envoys sent by the russian tsar, or their voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol khans and princes; and to the emperors of China, vol. I—II, London, 1919.

Badger, *The Nestorians.* — G. P. Badger, *The Nestorians and their rituals*: with the narrative of a mission to Mesopotamia and Coordistan in 1842—1844, and of a late visit to those countries in 1850; also, researches into the present condition of the Syrian Jacobites, papal syrians and chaldeans and inquiry into the religious tenets of the Yezeedees, vol. I—II, London, 1852.

Baer, *Nachrichten.* — [K. E. Baer], *Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes Dr. Karl Ernst v. Baer*, mitgetheilt von ihm selbst, St.-Pbg., 1865.

H. Bailey, *Khotanese texts.* — H. W. Bailey, *Khotanese texts*, vol. I—VI, Oxford, 1945—1947.

T. Bailey, *Books on India.* — T. G. Bailey, *Books on India and Central Asia*, — JRAS, 1924, pp. 280—288.

T. Bailey, BSOS, vol. II [pp. 134—136]. — T. G. Bailey, [рец. на:] Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt I: Specimens of Lahda and Sindhi. By Sir G. Grierson. . ., — BSOS, vol. II, 1921, pp. 134—136.

T. Bailey, BSOS, vol. II [pp. 137—139]. — T. G. Bailey, [рец. на:] Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt II: Specimens of the Dardic and Pisácha Languages. By Sir G. Grierson. . . , — BSOS, vol. II, 1921, pp. 137—139.

T. Bailey, BSOS, vol. II [pp. 558—560]. — T. G. Bailey, [рец. на:] Linguistic Survey of India: Eranian Languages. By Sir G. Grierson, Calcutta, 1921, — BSOS, vol. II, 1922, pp. 558—560.

Bailly, *Lettres sur l'Atlantide de Platon.* — Bailly, *Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie*, Londres — Paris, 1779.

Ball, *Chinese and Sumerian.* — C. J. Ball, *Chinese and Sumerian*, Oxford — London, 1913.

Baramki, *Phoenicia.* — D. Baramki, *Phoenicia and the Phoenicians*, Beirut, 1961.

Barnett, *An Aramaic Inscription.* — L. D. Barnett, *An Aramaic Inscription from Taxila*, — JRAS, 1915, pp. 340—342.

Barth, *Die Philosophie der Geschichte.* — P. Barth, *Die Philosophie der Geschichte als Sociologie*, T. I. *Einleitung und kritische Übersicht*, Leipzig, 1907.

Barthold, *Ānī.* — W. Barthold, *Ānī*, — EI, I, S. 371—373. [Наст. изд., т. III, стр. 327—330.]

Barthold, *Bukhārā.* — W. Barthold, *Bukhārā*, — EI, I, S. 809—816. [Наст. изд., т. III, стр. 378—393.]

Barthold, *Bulghār.* — W. Barthold, *Bulghār*, — EI, I, S. 819—825. [Наст. изд., т. V, стр. 509—520.]

Barthold, *Derbend.* — W. Bathold, *Derbend*, — EI, I, S. 979—985. [Наст. изд., т. III, стр. 419—430.]

Barthold, *Dūghlāt.* — W. Barthold, *Dūghlāt*, — EI, I, S. 1127—1129. [Наст. изд., т. V, стр. 529—533.]

Barthold, *Stand und Aufgaben.* — W. Barthold, *Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan*, — «Die Geisteswissenschaften», Jg. 1, Leipzig, 1913/1914, H. 39, S. 1075—1080. [Наст. изд., т. IX, стр. 510—521.]

Barthold, *Zur Geschichte des Christentums.* — W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung.* Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung von R. Stübe, Tübingen, 1901.

Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden.* — W. Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, — «Festschrift Nöldeke», Bd I, 1906, S. 171—191. [Наст. изд., т. VII, стр. 337—353.]

Bartold, *Orta Asya Türk tarihi.* — V. V. Bartold, *Orta Asya Türk tarihi hakkında dersler*, İstanbul, 1927. [Наст. изд., т. V, стр. 17—192.]

Basiner, *Reise.* — T. F. J. Basiner, *Naturwissenschaftliche Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa*, St.-Pbg., 1848 (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. . . hrsg. von K. E. v. Baer und G. v. Helmersen, Folge I, Bd XV).

Bastian, *Die Völker des Östlichen Asiens.* — *Die Völker des Östlichen Asiens.* Studien und Reisen von A. Bastian, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1871.

Baumstark, *Geschichte der syrischen Literatur.* — A. Baumstark, *Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluss der christlich-palästinischen Texte*, Bonn, 1922.

Beal, *The life of Hiuen-Tsiang.* — S. Beal, *The life of Hiuen-Tsiang* by the Shamans Hwui-Li with an introduction containing the works of I-tsing, London, 1914.

Becker, *Cairo.* — C. H. Becker, *Cairo*, — EI, I, S. 850—860.

Becker, DI, Bd III, 1912 [S. 201—204]. — C. H. Becker, [рец. на:] F. Sarre und E. Herzfeld, Archäologische Reise im Euphrat- und Tigrisgebiet. (Forschungen zur islamischen Kunst. I, Bd 1 und 3), Berlin, 1911, — DI, Bd III, 1912, S. 201—204.

Becker, DI, Bd IV [S. 199]. — C. H. B[ecker], [рец. на:] E. Herzfeld, Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra, mit einem Vorwort von Friedrich Sarre. . . Berlin, 1912, — DI, Bd IV, 1913, S. 199.

Becker, *Egypten.* — C. H. Becker, *Egypten*, — EI, II, S. 4—24.

Becker, *Eine kritische Maqrīzīausgabe.* — C. H. Becker, *Eine kritische Maqrīzīausgabe*, — DI, Bd II, 1911, S. 405—407.

Becker, *Ignaz Goldziher.* — C. H. Becker, *Ignaz Goldziher*, — DI, Bd XII, 1922, S. 214—222.

Becker, *Der Islam als Problem.* — C. H. Becker, *Der Islam als Problem*, — DI, Bd I, 1910, S. 1—21.

Becker, *Der Islam.* — C. H. Becker, *Der Islam im Rahmen einer allgemeinen Kulturgeschichte*, — ZDMG, Bd LXXVI, 1922, S. 18—35.

Becker, *M. Hartmann.* — C. H. Becker, *Martin Hartmann*, — DI, Bd X, 1920, S. 228—233.

Becker, *Steuerpacht und Lehnswesen.* — C. H. Becker, *Steuerpacht und Lehnswesen. Eine historische Studie über die Entstehung des islamischen Lehnswesens*, — DI, Bd V, 1914, S. 81—92.

Bell d'Antermony, *Voyages depuis St.-Pétersbourg.* — Jean Bell d'Antermony, *Voyages depuis St.-Pétersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie; à Pekin. . .à Ispahan . . . en Perse . . . à Derbent . . . à Constantinople. . .*, trad. de l'anglais, t. I—III, Paris, 1766.

Bellew, *Kashmir and Kashghar.* — H. W. Bellew, *Kashmir and Kashghar. A narrative of a journey of the embassy to Kashghar in 1873—1874*, London, 1875.

Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft.* — Th. Benfey, *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts, mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten*, München, 1869.

Bennett, *The rediscovery of Sir John Mandeville.* — J. W. Bennet, *The rediscovery of Sir John Mandeville*, New York, 1954 (The Modern Language Association of America, Monograph Series, vol. XIV).

van Berchem, *L'architecture musulmane.* — M. van Berchem, *L'architecture musulmane de la Perse*, — «Journal des Savants», 1911, Févr., pp. 54—69.

van Berchem, «Journal des Savants», 1911, Févr. [pp. 54—69].— M. van Berchem, [рец. на:] Fr. Sarre, Denkmäler persischer Baukunst. . . Berlin, 1910, — «Journal des Savants», 1911, Févr., pp. 54—69.

van Berchem — Edhem, *Matériaux pour un corpus.* — M. van Berchem et Halil Edhem, *Matériaux pour un corpus inscriptionum arabicarum*, 3-me partie. *Asie Mineure*, Le Caire, 1910 (MIFAO, t. XXIX).

Berger, *Geschichte.* — H. Berger, *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, Bd I—IV, Leipzig, 1887—1893.

Bernheim, *Lehrbuch der historischen Methode.* — E. Bernheim, *Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie*, 3. und 4. Auflage, Leipzig, 1903.

Bernier, *Voyages.* — Fr. Bernier, *Voyages contenant la description des états du Grand Mogol, de l'Indoustan, du Royaume de Cachemire. . .*, t. I—II, Paris, 1830.

Bevan, *The house of Seleucus.* — E. R. Bevan, *The house of Seleucus*, vol. I, London, 1902.

Bezold, *Ssĕ-ma Ts'ien.* — C. Bezold, *Ssĕ-ma Ts'ien und die babylonische Astrologie*, — «Festschrift für F. Hirth», S. 42—49.

Blake, *History of the Nation of the Archers.* — R. Blake and R. Frye, *History of the Nation of the Archers (the Mongols) by Grigor of Akanc'*, — HJAS, vol. XII, № 3—4, 1949, pp. 269—399.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din*, Leiden—London, 1910 (GMS, XII).

Blochet, *Notes de géographie.* — E. Blochet, *Notes de géographie et d'histoire d'Extrême-Orient*, — ROC, t. XIII, 1908, pp. 346—365.

Bode, *Travels in Luristan.* — Bode, *Travels in Luristan and Arabistan, being a tour through South-Western Persia, in the years 1840 and 1841*, vol. 1—2, London, 1844.

Böhtlingk, *Über die Sprache der Jakuten.* — O. Böhtlingk, *Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch.* (Photomechanischer Nachdruck), The Hague, 1964 (Indiana univ. publ. Uralic und Altaic ser., vol. 35).

Bolchert, *Aristoteles' Erdkunde.* — P. Bolchert, *Aristoteles' Erdkunde von Asien und Libiyen*, Berlin, 1908 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie, H. 15).

Bolton, *Aristeas of Proconnesus.* — J. D. P. Bolton, *Aristeas of Proconnesus*, Oxford, 1962.

Bons d'Anty, *Les grands voyageurs au Japon.* — P. Bons d'Anty, *Les grands voyageurs*

au Japon. Essais bio-bibliographiques, — «Revue de l'Extrême-Orient», deuxième année, 1883, t. II, Paris, 1884, pp. 494—504; t. III, Paris, 1887, pp. 144—158.

Bopp, *Über das Conjugationssystem.* — Fr. Bopp, *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache.* Hrsg. und mit Vorerinnerungen begleitet von Dr. K. J. Windischmann, Frankfurt am Main, 1816.

Bouvat, *La faculté orientale.* — L. Bouvat, *La faculté orientale de l'Université Saint-Joseph à Beyrouth*, — JA, sér. 10, t. IV, 1904, pp. 351—352.

Bovenschen, *Untersuchungen über Johann von Mandeville.* — A. Bovenschen, *Untersuchungen über Johann von Mandeville und die Quellen seiner Reisebeschreibung*, — ZGEB, Bd 23, 1888, S. 177—306.

Boxer, *The Christian Century.* — C. R. Boxer, *The Christian Century in Japan 1549—1650*, Berkeley, 1951.

Boyle, *The journey of Het'um I.* — J. A. Boyle, *The journey of Het'um I, king of little Armenia, to the court of the great khan Möngke*, — CAJ, vol. IX, № 3, 1964, pp. 175—189.

Bretschneider, *Researches.* — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.

Brinkley, *Japan.* — F. Brinkley, *Japan. Its History, Arts and Literature*, Boston — Tokyo, vol. 1—12, 1901—1902.

Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I—II. — C. Brockelmann, *Altturkestanische Volkspoesie*, I, — «Hirth Anniversary volume», London, [1922] (AM, Introductory volume), pp. 1—22; II — AM, vol. I, 1924, pp. 24—44.

Brockelmann, *Altturkestanische Volksweisheit.* — C. Brockelmann, *Altturkestanische Volksweisheit*, — «Festschrift für F. Hirth», S. 50—73.

Brockelmann, GAL. — C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar — Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Brockelmann, *Maḥmūd al-Kāšgaris Darstellung.* — C. Brockelmann, *Maḥmūd al-Kāšgaris Darstellung des türkischen Verbalbaus*, — KSz, Bd 18, 1919, S. 29—49.

Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz.* — *Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšγarīs Dīvān Luγāt at-Turk* bearbeitet von C. Brockelmann, Budapest — Leipzig, 1928 (Bibliotheca Orientalis Hungarica, I).

Bröndal, *L'œuvre de V. Thomsen.* — V. Bröndal, *L'œuvre de Vilhelm Thomsen*, — «Acta Philologica Scandinavica», 1927, pp. 289—318.

L. Brosset, *Bibliographie.* — L. Brosset, *Bibliographie analytique des ouvrages de monsieur Marie—Félicité Brosset, membre de l'Académie imp. des sciences de Saint-Pétersbourg. 1824—1879*, St.-Pbg., 1887.

Browne, *A Literary history.* — E. G. Browne, *A Literary history of Persia*, vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsí*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsí to Sa'dí*, Cambridge, 1906; [vol. III.] *A History of Persian Literature under Tartar dominion (A. D. 1265—1502)*, Cambridge, 1920; [vol. IV.] *A History of Persian Literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924. Reprinted: Cambridge, 1951—1953.

Browne, *The Persian revolution.* — E. G. Browne, *The Persian revolution of 1905—1909*, Cambridge, 1910.

Browne, *Yet More Light on 'Umar-i-Khayyām.* — E. G. Browne, *Yet More Light on 'Umar-i-Khayyām*, — JRAS, 1899, pp. 409—420.

de Bruins, *Reizen over Moskovie.* — C. de Bruins, *Reizen over Moskovie, door Persie en Indie. . .*, Amsterdam, 1714.

Brünnow, ZDPV, Bd XXXII [S. 247—251]. — R. Brünnow, [рец. на:] G. Dalman,

Petra und seine Felsheiligtümer, Leipzig, 1908, — ZDPV, Bd XXXII, 1909, S. 247—251.

Brünnow — Domaszewski, *Die Provincia Arabia.* — *Die Provincia Arabia.* Auf Grund zweier in den Jahren 1897 und 1898 unternommenen Reisen und der Berichte früherer Reisender beschrieben von R. E. Brünnow und A. v. Domaszewski, Bd I—III, Strassburg, 1904—1909.

Buchon — Tastu, *Notice d'un atlas.* — J. A. C. Buchon et J. Tastu, *Notice d'un atlas en langue catalane, manuscrit de l'an 1375, conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque Royale sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo,* — «Notices et extraits», t. XIV, pt. 2, Paris, 1841, pp. 1—152.

Buckler, *Harunu'l-Rashid.* — F. W. Buckler, *Harunu'l-Rashid and Charles the Great,* Cambridge, Mass., 1931 (Monographs of the Mediaeval Academy of America, № 2).

Bühler, *Indische Paläographie.* — G. Bühler, *Indische Paläographie,* — GIPh, Bd I, H. 2, 1896.

Bühler, *On the origin of the Indian Brāhma alphabet.* — G. Bühler, *On the origin of the Indian Brāhma alphabet,* 2d rev. ed. of the Indian Studies, № III together with two appendices on the origins of the Kharosthi alphabet and of the so-called letter-numerals of the Brāhmī, Strassburg, 1898; 3d ed. (reprint), Varanasi, 1963 (The Chowkamba Sanskrit Studies, vol. XXXIII).

Burckhardt, *Travels in Arabia.* — J. Burckhardt, *Travels in Arabia,* London, 1829.

Burnes, *Travels.* — A. Burnes, *Travels into Bokhara; containing the narrative of a voyage on the Indus from the sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; and an account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia,* new ed., vol. I—III, London, 1839.

Burslem, *A peep into Toorkistan.* — R. Burslem, *A peep into Toorkistan,* London, 1846.

Burton, *Personal narrative.* — R. Burton, *Personal narrative of a pilgrimage to El-Medinah and Meccah,* London, 1893.

Cabaton, *La Divine Comédie et l'Islam.* — A. Cabaton, *La Divine Comédie et l Islam,* — RHR, t. LXXXI, 1920, pp. 333—360.

Caetani, *Annali.* — L. Caetani, *Annali dell' Islām,* vol. I—VI, Milano, 1905—1913.

Caferoğlu, *Die anatolischen und rumelischen Dialecte.* — A. Caferoğlu, *Die anatolischen und rumelischen Dialecte,* — PhTF, I, S. 239—260.

Carey, *A journey.* — A. D. Carey, *A journey round the Chinese Turkistan and along the Northern Frontier of Tibet,* — PRGS, vol. IX, № 12, 1887, pp. 731—752.

Cassel, *Lehrbuch.* — D. Cassel, *Lehrbuch der jüdischen Geschichte and Literatur,* Leipzig, 1879.

Castrén, *Reiseberichte.* — *M. Alexander Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849.* Hrsg. von A. Schiefner, St.-Pbg., 1856 (Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M. A. Castrén, [Bd II]).

Centenaire de Silvestre de Sacy. — *Centenaire de Silvestre de Sacy,* — CRAIBL, 1938, Séance du 25 février, pp. 64—107.

Chabot, *La littérature Syriaque.* — J. B. Chabot, *La littérature Syriaque,* Paris, 1935 (Bibliothèque catholique des sciences religieuses, № 66).

Chapman, *History of Spain.* — Ch. E. Chapman, *History of Spain,* New York, 1918.

Chardin, *Voyages en Perse.* — [J. Chardin], *Voyages du chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de l'Orient, enrichis d'un grand nombre de belles figures entaille-douce, représentant les antiquités et les choses remarquables du pays.* Nouvelle éd., soigneusement conférée sur les trois éditions originales, augmentée d'une Notice de la Perse, depuis les temps les plus reculés jusqu'à ce jour, de notes, etc., par L. Langlès, t. I—X et Atlas, Paris, 1811.

de Charlevoix, *Histoire de l'établissement.* — P. de Charlevoix, *Histoire de l'établissement, des progrès et de la décadence du christianisme dans l'Empire du Japon,* Rouen, 1715.

Chatelet, *La naissance de l'histoire.* — F. Chatelet, *La naissance de l'histoire. La formation de la pensée historienne en Grèce*, Paris, 1962.

Chavannes, *Cinq cents contes.* — Éd. Chavannes, *Cinq cents contes et apologues* extraits du Tripitaka chinois et traduits en français, t. 1—3, 4, Paris, 1910—1911, 1934 (t. 4 — Bibliothèque de l'Institut des Hautes Études Chinoises, vol. 1).

Chavannes, *Confucius.* — Éd. Chavannes, *Confucius*, — «Revue de Paris», 1903, 15 février, pp. 822—844.

Chavannes, *Le cycle turc.* — Éd. Chavannes, *Le cycle turc des douze animaux*, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. VII, 1907, pp. 51—122.

Chavannes, *Le défilé de Long-men.* — Éd. Chavannes, *Le défilé de Long-men dans la province de Ho-nan*, — JA, sér. 9, t. XX, 1902, pp. 133—158.

Chavannes, *De l'expression des vœux.* — Éd. Chavannes, *De l'expression des vœux dans l'art populaire chinois*, — JA, sér. 9, t. XVIII, 1901, pp. 193—233.

Chavannes, *Les deux plus anciens spécimens.* — É. Chavannes, *Les deux plus anciens spécimens de la cartographie chinoise*, — BÉFEO, t. III, № 2, 1903, pp. 214—247.

Chavannes, *Documents.* — *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.* Recueillis et commentés par Éd. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (СТОЭ, VI).

Chavannes, *Les documents chinois.* — *Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental*, publiés et traduits par Éd. Chavannes, Oxford, 1913.

Chavannes, *Un faux archéologique.* — Éd. Chavannes, *Un faux archéologique chinois*, — JA, sér. 10, t. XI, 1908, pp. 501—510.

Chavannes, *Les inscriptions chinoises.* — Éd. Chavannes, *Les inscriptions chinoises de Bodh-Gayâ*, — RHR, t. 34, 1896, pp. 1—58.

Chavannes, JA, sér. 9, t. XVIII [pp. 550—558]. — Éd. Chavannes, [рец. на:] J. Marquart, Êrânšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. . . Berlin, 1901 (Abh. d. Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Klasse, N. F., Bd III), — JA, sér. 9, t. XVIII, 1901, pp. 550—558.

Chavannes, JA, sér. 10, t. II [pp. 528—532]. — Éd. Chavannes, [рец. на:] P. Pelliot, Le Fou-nan (BÉFEO, t. III, 1903, pp. 248—303), — JA, sér. 10, t. II, 1903, pp. 528—532.

Chavannes, *Mémoires historiques.* — *Mémoires historiques de Se-Ma Ts'ien*, traduits et annotés par É. Chavannes, t. 1—5, Paris, 1905.

Chavannes, *Le nestorianisme.* — Éd. Chavannes, *Le nestorianisme et l'inscription de Karabalgassoun*, — JA, sér. 9, t. IX, 1897, pp. 43—85.

Chavannes, *Notes additionnelles.* — Éd. Chavannes, *Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. V, 1904, pp. 1—110.

Chavannes, *Notice.* — Éd. Chavannes, *Notice sur Gabriel Devéria*, — JA, sér. 9, t. XIV, 1899, pp. 375—387.

Chavannes, *Les pays d'Occident.* — Éd. Chavannes, *Les pays d'Occident d'après le Heou Han chou*, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. VII, 1907, pp. 149—234.

Chavannes, *Rapport.* — É. Chavannes, *Rapport sur les travaux du conseil de la Société Asiatique pendant les années 1893—1895* fait pour la séance annuelle de la Société le 20 Juin 1895, — JA, sér. 9, t. VI, 1895, pp. 40—217.

Chavannes, *Les religieux éminents.* — *Les religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans les pays d'Occident*, par I-tsing, traduit par Éd. Chavannes, Paris, 1894 (Voyages des pèlerins bouddhistes).

Chavannes, RHR, vol. XLV [pp. 123—124]. — Éd. Chavannes, [рец. на:] W. Barthold, Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung. . . Deutsche Bearbeitung von R. Stübe. Tübingen, 1901, — RHR, vol. XLV, 1902, pp. 123—124.

Chavannes, *Le royaume de Wou et de Yue.* — Éd. Chavannes, *Le royaume de Wou et de Yue*, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. XVII, 1916, pp. 129—264.

Chavannes, *Les saintes instructions.* — *Les saintes instructions de l'empereur Hong-wou*

(*1368—1398*), publiées en 1587 et illustrées par Tchong Houa-min, traduites par Éd. Chavannes, — BÉFEO, t. III, 1903, № 4, pp. 549—563.

Chavannes, *La sculpture en Chine.* — Éd. Chavannes, *La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han*, Paris, 1893.

Chavannes, «T'oung Pao», sér. 2, t. VII [pp. 401—403]. — Éd. Chavannes, [рец. на:] A. Conrady, Indischer Einfluss in China im 4. Jahrhundert v. Chr. (ZDMG, vol. LX, 1906, pp. 335—351), — «T'oung Pao», sér. 2, vol. VII, 1906, pp. 401—403.

Chavannes, «T'oung Pao», sér. 2, t. IX [pp. 606—609]. — Éd. Chavannes, [рец. на:] F. Hirth, The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty, New York, 1908; E. H. Parker, Ancient China simplified, London, 1908, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. IX, 1908, pp. 606—609.

Chavannes, *Traité de sacrifices.* — *Le traité sur les sacrifices Fong et Chan de Se Ma T'sien*, traduit en français par Éd. Chavannes, Peking, 1890 (Journal of the Peking Oriental Society, vol. III, № 1).

Chavannes, *Voyage archéologique.* — Éd. Chavannes, *Voyage archéologique dans la Mandchourie et dans la Chine septentrionale* ([Résumé d'une] Conférence faite le 27 Mars 1908 au Comité de l'Asie française), — «T'oung Pao», sér. 2, vol. IX, 1908, pp. 503—528.

Chavannes, *Voyage de Song Yun.* — *Voyage de Song Yun dans l'Udyāna et le Gandhāra* (*518—522 p. C.*), traduit par É. Chavannes, — BÉFEO, t. III, 1903, pp. 379—441.

Chavannes — Pelliot, *Un traité*, I—II. — *Un traité Manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Éd. Chavannes et P. Pelliot, pt. I — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 499—617; pt. II — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394; то же: отд. отт., pt. I—II, Paris, 1911—1913.

Chodzko, *Grammaire persane.* — A. Chodzko, *Grammaire persane ou principes de l'iranien moderne* accompagnés de facsimile pour servir de modèles d'écriture et de style pour la correspondance diplomatique et familière, Paris, 1842; 2d éd.: 1883.

Chodzko, *Specimens.* — A. Chodzko, *Specimens of the popular poetry of Persia as found in the adventures and improvisat of Kurroglou the bandit-minstrel of Northern Persia. . .*, London, 1842 (OTF, 58).

Chodzko, *Théatre persan.* — A. Chodzko, *Théatre persan. Choix de téazies ou drames.* Traduit pour la première fois du persan, Paris, 1878 (Bibliothèque Orientale Elzevirienne, t. 19).

Christensen, *Recherches.* — A. Christensen, *Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar Ḫayyām*, Heidelberg, 1905 (Materialien zu einer Geschichte der Sprachen und Litteraturen des Vorderen Orients hrsg. von M. Hartmann, H. 3).

Chwolson, *Statistische Nachrichten.* — *Statistische Nachrichten über die orientalische Facultät der Universität zu St. Petersbourg*, mitgetheilt von prof. D. A. Chwolson. Mit einem Vorwort von prof. H. Z. Fleischer, Leipzig, 1864.

Clauson, *The name Uyğur.* — G. Clauson, *The name Uyğur*, — JRAS, 1963, pp. 140—149.

Clifford, *Further India.* — H. Clifford, *Further India. Being the story of exploration from the earliest times in Burma, Malaya, Siam and Indo-China*, London, 1905.

Codera, *Aben Hayyan.* — F. Codera, *Manuscrito de Aben Hayyan en la Bibliotheca de los herederos de Çidi Hamonda en Constantina*, — «Boletín de la Real Academia de la historia», t. XIII, Madrid, 1888, pp. 53—61.

Codera, *Manuscritos.* — F. Codera, *Manuscritos de autores árabes-españoles existentes en Túnez*, — «Boletín de la Real Academia de la historia», t. V, [Madrid], 1884, pp. 9—11.

Codex Cumanicus, ed. Grønbech. — *Codex Cumanicus. Cod. Marc. lat. DXLIX.* In Faksimile hrsg. mit einer Einleitung von K. Grønbech, Kopenhagen, 1936 (Monumenta linguarum Asiae Maioris. I).

Codex Cumanicus, ed. Kuun. — *Codex Cumanicus. Bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum.* Primum ex integro edidit, prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit C. G. Kuun, Budapestini, 1880; *Additamentorum ad Codicem cumanicum*, Novam Seriem. Scripsit C. G. Kuun, Budapestini, 1883.

Conde, *Historia.* — J. A. Conde, *Historia de la dominación de los árabes en España, sacada de varios manuscritos y memorias arábigas*, t. 1—3, Madrid, 1820—1821; 2 éd.: Paris, 1840 (Collectión de los mejores autores españoles, t. 19).

Conder, *The Tell Amarna Tablets.* — *The Tell Amarna Tablets*, transl. by C. X. Conder, London, 1903.

Conolly, *Journey to the North of India.* — A. Conolly, *Journey to the North of India, overland from England, through Russia, Persia and Afghanistan*, London, 1838.

Conrady, *Indischer Einfluss.* — A. Conrady, *Indischer Einfluss in China in 4. Jahrhundert v. Chr.* (Akademische Antrittsrede), — ZDMG, Bd LX, 1906, S. 335—351.

Contenau, *La civilisation Phénicienne.* — G. Contenau, *La civilisation Phénicienne*, Paris, 1949.

Contenau, *Manuel d'archéologie orientale.* — G. Contenau, *Manuel d'archéologie orientale*, vol. I, Paris, 1927.

Cordier, *L'arrivée des portugais en Chine.* — H. Cordier, *L'arrivée des portugais en Chine*, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. XII, 1911, pp. 483—543.

Cordier, *Bibliotheca Indosinica. Dictionnaire.* — H. Cordier, *Bibliotheca Indosinica Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à la péninsule Indochinoise*, vol. 1—4, Paris, 1912—1915.

Cordier, *Bibliotheca Indo-Sinica. Essai.* — H. Cordier, *Bibliotheca Indo-Sinica. Essai d'une bibliographie d'ouvrages relatifs à la presqu'île Indo-Chinoise*, pt. 1. *Birmanie et Assam*, Leide, 1908.

Cordier, *Bibliotheca Japonica.* — H. Cordier, *Bibliotheca Japonica*, Paris, 1912.

Cordier, *Bibliotheca Sinica.* — H. Cordier, *Bibliotheca Sinica. Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'Empire chinois*, 2 éd., vol. I—IV, Paris, 1904—1908; Supplément fasc. 1—4, Paris, 1922—1924.

Cordier, *Documents inédits.* — H. Cordier, *Documents inédits pour servir a l'histoire ecclésiatique de l'Extrême-Orient*, — REO, t. I, 1883, pp. 16—51, 187—197, 381—422, 523—571; t. II, 1884, pp. 54—71, 289—304; t. III, 1887, pp. 24—80, 215—280, 643—658.

Cordier, *Les Études chinoises*, I—III. — H. Cordier, *Les Études chinoises.* I. (*1891—1894*),— «T'oung Pao», vol. V, 1894, pp. 420—458; vol. VI, 1895, pp. 99—147; II. (*1895—1898*), — «T'oung Pao», vol. IX, 1898, Supplément; III. (*1899—1902*), — «T'oung Pao», sér. 2, vol. IV, 1903, pp. 23—52, 146—162, 324—342, 371—384.

Cordier, *Jean de Mandeville.* — H. Cordier, *Jean de Mandeville*, — «T'oung Pao», vol. II, 1891, pp. 288—323.

Cordier, *Notes.* — H. Cordier, *Notes pour servir à l'histoire des études chinoises en Europe, jusqu'à l'époque de Furmont l'ainé*, — «Noveaux mélanges orientaux. Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», sér. 2, vol. XIX, Paris, 1886, pp. 399—429.

Cordier, «T'oung Pao», sér. 2, vol. IV [pp. 259—262]. — H. C[ordier], [рец. на:] Historic Macao. By C. A. Montalto de Jesus, Hong Kong, 1902, — «T'oung Pao», sér. 2, vol. IV, 1903, pp. 259—262.

Cordier, *Les voyages en Asie.* — H. Cordier, *Les voyages en Asie au XIVe siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux de St. François*, Paris, 1891.

Cramer-Byng, *An Embassy to China.* — *An Embassy to China, being the journal kept by Lord Macartney during his embassy to the Emperor Chhien-Lung 1793—1794.* Ed. J. L. Cramer-Byng, London, 1963.

Cunningham, *Inscriptions of Asóka.* — A. Cunningham, *Inscriptions of Aśoka*, Calcutta, 1877 (Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. I).

Curzon, *Persia.* — G. N. Curzon, *Persia and the Persian question*, vol. I—II, London, 1892.

Dabbs, *History of the discovery.* — J. A. Dabbs, *History of the discovery and exploration of Chinese Turkestan*, The Hague, 1963 (Central Asiatic Studies, VIII).

Dalman, *Neue Petra-Forschungen.* — G. Dalman, *Neue Petra-Forschungen*, Leipzig, 1912.
Dalman, *Petra.* — G. Dalman, *Petra und seine Felsheiligtümer*, Leipzig, 1908.
Dames, *Ghazna.* — M. Longworth Dames, *Ghazna*, — EI, II, S. 161—163.
Dames, JRAS, 1920 [pp. 108—113]. — M. L. Dames, [рец. на:] J. Marshall, A Guide to Taxila, Calcutta, 1918, — JRAS, 1920, pp. 108—113.
Darmesteter, *Rapport.* — J. Darmesteter, *Rapport sur les travaux du Conseil de la Société asiatique pendant les années 1892—1893, fait pour la séance annuelle de la Société, le 22 juin 1893*, — JA, sér. 9, t. II, 1893, pp. 37—151.
Davis, *China during the war.* — J. F. Davis, *China during the war and since the peace*, vol. I—II, London, 1852.
Davis, *The Chinese.* — J. F. Davis, *The Chinese: A General Description of the Empire of China and its inhabitants*, vol. I—II, London, 1836.
Deguignes, *Histoire générale des Huns.* — J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, def Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux*, t. I—V, Paris, 1756—1758.
Deroy, *Le nom de l'Europe.* — L. Deroy, *Le nom de l'Europe, son origine et son histoire*, — «Revue Internationale d'onomastique», 11 année, № 1, 1959, pp. 1—22.
Dietrich, *Geschichte Arabiens.* — A. Dietrich, *Geschichte Arabiens vor dem Islam*, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd 2, Lfg. 2, Leiden—Köln, 1966, S. 291—336.
J. Dieulafoy, *La Perse.* — J. Dieulafoy, *La Perse, la Chaldée et la Susiane*, Paris, 1887.
M. Dieulafoy, *L'art antique de la Perse.* — M. Dieulafoy, *L'art antique de la Perse. Achémenides, Parthes, Sassanides*, pt. 1—5, Paris, 1884—1885.
M. Dieulafoy, *L'Eglise et la Mosquée.* — M. Dieulafoy, *L'Eglise et la Mosquée*, — «Mélanges Hartwig Derenbourg», Paris, 1909, pp. 23—48.
Diez, *Churasanische Baudenkmäler.* — E. Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, Berlin, 1918 [Arbeiten des Kunsthistorischen Instituts der k.-k. Universität Wien (Lehrkanzlei Strzygowski), Bd 7].
Dilâçar, *Thomsen.* — A. Dilâçar, *Thomsen*, Ankara, 1963.
Di Meglio, *Il commercio arabo.* — R. R. Di Meglio, *Il commercio arabo con la China della Ćahiliyya al X secolo*, — «Annali d'Instituto Universitario Orientale di Napoli», vol. XIV, 1964, pp. 523—552.
Dindorf, *Historici.* — *Historici Graeci Minores*, ed. L. Dindorfius, vol. I—II, Lipsiae, 1870—1871.
Dmitrijev, *V. D. Smirnov.* — N. K. Dmitrijev, *V. D. Smirnov: à memoir*, — JRAS, 1928, pp. 408—410.
Doerfer, *Ältere westeuropäische Quellen.* — G. Doerfer, *Ältere westeuropäische Quellen zur kalmükischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827)*, Wiesbaden, 1965 (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens, Bd 18).
Doerfer, *Das Chaladsch — eine archaische Türksprache.* — G. Doerfer, *Das Chaladsch — eine archaische Türksprache in Zentralpersien*, — ZDMG, Bd 118, 1968, H. 1, S. 79—112.
Doerfer, *Halaççа — Orta İran'da arkaik bir Türk dili.* — G. Doerfer, *Halaççа — Orta İran'da arkaik bir Türk dili*, — «Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten», Ankara, 1970.
Donner, *Inscriptions de l'Iénissei.* — O. Donner, *Inscriptions en caractères de l'Iénissei. Système d'écriture. Langue*, — «Inscriptions de l'Orkhon, recueillies par l'Expédition Finnoise 1890», Helsingfors, 1892, pp. XXXIX—XLIX.
K. Donner, *Quelques traîneaux primitifs.* — K. Donner, *Quelques traîneaux primitifs*, — «Finnisch-Ugrische Forschungen», Bd XV, Helsingfors, 1915, S. 91—104.
Dorn, *Das Asiatische Museum.* — B. Dorn, *Das Asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg*, St.-Pbg., 1846.
Dorn, *Auszüge*, I—IV. — B. Dorn, *Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder*, — Mél. As., t. VI, 1873, pp. 627—669 [I]; pp. 685—716 [II]; t. VII, 1876, pp. 19—44 [III]; pp. 53—92 [IV].

Dorn, *Beiträge*, I—V. — B. Dorn, *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen*, I. *Versuch einer Geschichte der Schirwanschahe*; II. *Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538—1820, vorzüglich nach persischen Quellen*; III. *Erster Beitrag zur Geschichte der Georgier*; IV. *Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Aasem-El-Kufy u. a.*; V. *Geographica, enthaltend Auszüge aus Istachry (persische Uebersetzung), Sakariya Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny, und Amin Ahmed Rasy*, — «Mémoires», sér. VI, sciences politique, histoire, philologie, t. IV, 1840, pp. 523—602; t. V, 1845, pp. 317—434; t. VI, 1844, pp. 325—443; t. VI, 1844, pp. 445—601; t. VII, 1847, pp. 465—569.

Dorn, *Bericht über eine wissenschaftliche Reise*. — B. Dorn, *Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des Kaspischen Meeres*, — Mél. As., t. IV, 1863, pp. 429—500.

Dorn, *Catalogue*. — B. Dorn, *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg*, St.-Pbg., 1852.

Dostojevskij, *Barthold*. — M. Dostojevskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik*, — WI, Bd XII, 1931, № 3, S. 89—136.

Doughty, *Travels in Arabia Deserta*. — Ch. M. Doughty, *Travels in Arabia Deserta*, vol. I—II, London, 1888; new ed.: 1921.

Dozy, *Abbadides*. — *Scriptorum arabum loci de Abbadidis* nunc primum editi a R. P. A. Dozy, vol. 1—3, Lugduni Batavorum, 1846—1863.

Dozy, *Die Israeliten*. — R. Dozy, *Die Israeliten zu Mekka von David's Zeit bis ins fünfte Jahrhundert unserer Zeitrechnung*. Ein Beitrag zur alttestamentlichen Kritik und zur Erforschung des Ursprungs des Islams, Leipzig—Haarlem, 1864.

Dozy, *Dissertatio*. — *Dissertatio literaria inauguralis exhibens Historiae ʿAbbādīdarum* voluminis primi partem priorem, quam annuente summo numine. . . pro gradu doctoratus, summisque in disciplina philosophiae theoreticae et literarum humaniorum honoribus ac privilegiis in Academia Lugduno-Batava, rite et legitime consequendis, publico ac solemni examini submittet R. P. A. Dozy ad diem Martis MDCCCXLIV, hora I—II in auditorio maiori, Lugduni Batavorum, 1844.

Dozy, *Essai*. — R. Dozy, *Essai sur l'histoire de l'islamisme*, trad. du hollandais par V. Chauvin, Leide—Paris, 1879.

Dozy, *Geschichte*. — R. Dozy, *Geschichte der Mauren in Spanien bis zur Eroberung Andalusiens durch die Almoraviden (711—1110)*. Deutsche Ausgabe mit Originalbeiträgen des Verfassers, Bd 1—2, Leipzig, 1874.

Dozy, *Het Islamisme*. — R. Dozy, *Het Islamisme*, Haarlem, 1863.

Dozy, *Histoire*. — R. Dozy, *Histoire des musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides (711—1110)*, t. I—IV, Leyde, 1861.

Dozy, *Recherches*. — R. Dozy, *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant de moyen age*, 3-e éd., revue et augmentée, t. I—III, Paris—Leide, 1881 [1-e éd.: 1849].

Dozy, *Supplément*. — R. Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, t. I—II, Leyde, 1881.

Drouin, JA, sér. 9, t. VIII [pp. 358—360]. — E. Drouin, [рец. на:] Épigraphie arabe d'Asie Mineure, par Cl. Huart, Paris, 1895 (Extrait de la Revue sémitique), — JA, sér. 9, t. VIII, 1896, pp. 358—360.

Drouin, *Notices bibliographiques*. — E. Drouin, *Notices bibliographiques*, — JA, sér. 9, t. XI, 1898, pp. 347—353.

Drouin, «Revue critique d'histoire et de littérature», NS, t. XLVIII [pp. 121—122], — E. D[rouin], [рец. на:] F. H. Skrine et E. Denison Ross. The Heart of Asia, a History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times, London, 1899, — «Revue critique d'histoire et de littérature», 33 année, NS, T. XLVIII, Paris, 1899, pp. 121—122.

Dugat, *Histoire des orientalistes.* — G. Dugat, *Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle précédée d'une esquisse historique des études orientales*, t. I—III, Paris, 1868—1870.

Duka, *Life and travels.* — Th. Duka, *Life and works of Alexander Csoma de Körös. A biography compiled chiefly from hitherto unpublished data. . .*, London, 1885.

Dümichen, *Geschichte des alten Aegyptens.* — J. Dümichen, *Geschichte des alten Aegyptens. Einleitung. Geographie des alten Aegyptens, Schrift und Sprache seiner Bewohner*, Berlin, 1878 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. Hrsg. von W. Oncken, Bd I).

Dussaud, *Les civilisations préhelléniques.* — R. Dussaud, *Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la Mer Egée*, Paris, 1910; 2-e éd.: 1914.

Edhem, *Essai de numismatique Ottomane.* — تقويم مسكوكات عثمانيّه. *Essai de numismatique Ottomane. Catalogue des monnaies et medailles de la collection de l'auteur.* Avec 12 planches en phototypie, description, histoire, métrologie, etc. Par J. Galib Edhem, Constantinople, 1307 (1890).

Eissfeld, *Einleitung in das Alte Testament.* — O. Eissfeld, *Einleitung in das Alte Testament unter Einschluss der Apokryphen und Pseudepigraphen sowie der apokryphen und pseudepigraphenartigen Qumran-Schriften*, 3. Aufl., Tübingen, 1964.

Eissfeld, *Geschichtsschreibung.* — O. Eissfeld, *Geschichtsschreibung im Alten Testament.* Ein Kritischer Bericht über die neueste Literatur dazu, Berlin, 1948.

D'Elia, *Recent discoveries.* — P. M. D'Elia, *Recent discoveries and new studies (1938—1960) on the world map in Chinese of Father Matteo Ricci SI*, — «Monumenta Serica», vol. 20, 1961, pp. 82—164.

Elliot, *The History of India.* — *The History of India, as told by its own Historians. The Muhammadan period.* Ed. from the papers of the late H. M. Elliot by J. Dowson, vol. I—VIII, London, 1867—1877.

Elphinstone, *An account.* — M. Elphinstone, *An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy.* New and rew. ed., vol. I—II, London, 1842.

Ethé, *Neupersische Litteratur.* — H. Ethé, *Neupersische Litteratur*, — GIPh, Bd II, S. 212—370.

Expedition Samarra. — *Expedition Samarra*, — DI, Bd III, 1912, S. 314—316.

Fazy, *L'exploration du Kafiristan.* — R. Fazy, *L'exploration du Kafiristan par les Européens*, — «Asiatische Studien», Jg. VII, 1953, S. 1—25.

Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen.* — S. Feist, *Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen*, Berlin, 1913.

Ferrand, *Relations.* — *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persanes et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIIIe au XVIIIe siècles*, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, t. I—II, Paris, 1913—1914.

Ferrand, *Voyage du marchand arabe.* — *Voyage du marchand arabe Sulaymân en Inde et en Chine rédigé en 851, suivi de remarques par Abû Zayd Ḥasan (vers 916)* traduit par G. Ferrand, Paris, 1922 (Les classiques de l'Orient, vol. VII).

Ferrier, *Voyages.* — J. P. Ferrier, *Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutshistan et le Turkestan*, nouv. éd. avec les notes, trad. de l'anglais par B. Revoil, t. I—II, Paris, 1870.

Finck, *Die Sprache.* — F. N. Finck, *Die Sprache der armenischen Zigeuner*, St.-Pbg., 1907.

Finkelstein, *Mesopotamian Historiography.* — J. J. Finkelstein, *Mesopotamian Historiography*, — «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 107, 1903, pp. 461—472.

Finot, JA, sér. 10, t. XII [pp. 488—489]. — L. Finot, [рец. на:] H. Cordier, Bibliotheca Indo-Sinica. Essai d'une bibliographie d'ouvrages relatifs à la presqu'île Indo-Chinoise. Première partie. Birmanie et Assam, Leide, 1908, — JA, sér. 10, t. XII, 1908, pp. 488—489.

Fischer, *Sibirische Geschichte.* — J. E. Fischer, *Sibirische Geschichte*, T. I—II, St.-Pbg., 1768.

Fleet, *Inscriptions of the early Gupta kings.* — J. F. Fleet, *Inscriptions of the early Gupta kings and their successors*, Calcutta, 1888 (Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. III).

Fleischer, *Die Facultät für orientalische Sprachen.* — Fleischer, *Die Facultät für orientalische Sprachen an der Universität zu St.-Petersburg*, — ZDMG, Bd X, 1856, S. 518—520.

Flury, *Das Schriftband.* — S. Flury, *Das Schriftband an der Türe des Maḥmūd von Ghazna (998—1030)*, — DI, Bd VIII, 1918, S. 214—227.

Forbes, *Five years in China.* — F. E. Forbes, *Five years in China: from 1842 to 1847.* With an account of the occupation of the islands of Lebuan and Borneo by Her Majesty's forces, London, 1848.

Forbiger, *Handbuch.* — A. Forbiger, *Handbuch der alten Geographie aus den Quellen bearbeitet*, 2. Ausg., Bd I—III, Hamburg, 1877.

Forster, *A journey from Bengal to England.* — G. Forster, *A journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia and into Russia, by the Caspian-sea*, vol. I—II, London, 1798.

Forsyth, *Report of a mission.* — *Report of a mission to Yarkund in 1873, under the command of Sir T. D. Forsyth, K. C. S. J. C. B., Bengal Civil Service, with historical and geographical information regarding the possession of the Ameer of Yarkund*, Calcutta, 1875.

Foucher, *Notes sur les antiquités.* — A. Foucher, *Notes sur les antiquités bouddiques de Haibâk*, — JA, t. CCV, 1924, pp. 139—153.

Franke, *Das alte Ta-hia.* — O. Franke, *Das alte Ta-hia der Chinesen*, — «Festschrift für F. Hirth», S. 117—136.

Franke, *Beiträge.* — O. Franke, *Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*, Berlin, 1904 (APAW, Anhang).

Franke, *Ostasiatische Neubildungen.* — O. Franke, *Ostasiatische Neubildungen. Beiträge zum Verständniss der politischen und Kulturellen Entwicklungs-Vorgänge im Fernen Osten. Mit einem Anhange: Die sinologischen Studien in Deutschland*, Hamburg, 1911.

Franke, *Zwei Werke von E. Chavannes.* — *Zwei neue Werke von E. Chavannes*, besprochen von O. Franke, I. Le-T'ai Chan. Essai de Monographie d'un Culte chinoise. . . (Annals du Musée Guimet, Bibliothèque d'Études, Bd XXI), Paris, 1910; II. Mission archéologique dans la Chine septentrionale, Paris, 1909, — MSOS, Jg. XIII, Abt. I, 1910, S. 354—361.

Fraser, *Khorasān.* — J. B. Fraser, *Narrative of a journey into Khorasān, in the years 1821 and 1822. Including some account of the countries to the North-East of Persia; with remarks upon the national character, government and resources of that Kingdom*, London, 1825.

Fraser, *Travels and adventures.* — J. B. Fraser, *Travels and adventures in the Persian provinces on the southern banks of the Caspian Sea*, London, 1826.

Frye, *Note on the Jayhani manuscript.* — R. N. Frye, *Note on the Jayhani manuscript in Kabul*, — «Byzantion», vol. XVIII, 1948, pp. 123—125.

Fück, *Die arabischen Studien.* — J. Fück, *Die arabischen Studien in Europa bis in den Anfang des 20. Jahrhunderts*, Leipzig, 1955.

Gabain, *Alttürkische Grammatik.* — A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik.* Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch, 2. verb. Aufl., Leipzig, 1950 (Porta linguarum orientalium, XXIII).

Gabain, *Kasakentum.* — A. v. Gabain, *Kasakentum, eine soziologisch-philologische Studie,* — AO Bud., t. XI, 1960, S. 161—167.

Gabain, *Kazaklık.* — A. v. Gabain, *Kazaklık,* — «Nemeth Armağanı», Ankara, 1962, ss. 167—170.

Gabriel, *Die Erforschung Persiens.* — A. Gabriel, *Die Erforschung Persiens. Die Entwicklung der abendländischen Kenntnis der Geographie Persiens,* Wien, 1952.

Garbe, *Kaiser Akbar. — Kaiser Akbar von Indien. Ein Lebens- und Kulturbild aus dem sechzehnten Jahrhundert.* Rede gehalten von Prof. Dr. R. Garbe, Leipzig, 1909.

Gaubil, *Histoire de Gentchiscan.* — A. Gaubil, *Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des mongous ses successeurs, conquerans de la Chine,* tirée de histoire chinoise et traduite, Paris, 1739.

Gauthiot, *Compte-rendu de sa mission au Turkestan russe.* — [R.] Gauthiot, *Compte-rendu de sa mission au Turkestan russe,* — CRAIBL, 1913, pp. 671—680.

Gauthiot, *De l'alphabet sogdien.* — R. Gauthiot, *De l'alphabet sogdien,* — JA, sér. 10, t. XVII, 1911, pp. 81—95.

Geiger, *Geographie von Iran.* — W. Geiger, *Geographie von Iran,* — GIPh, Bd II, S. 371—394.

Geiger, *Kleinere Dialekte.* — W. Geiger, *Kleinere Dialekte und Dialektgruppen,* — GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 287—423.

Geiger, *Die Sprache der Afghanen.* — W. Geiger, *Die Sprache der Afghānen, das Paṣtō,* — GIPh, Bd I, Abt. 2, S. 201—230.

Geiger, *Das Yātkār-ī-Zarērān.* — W. Geiger, *Das Yātkār-ī-Zarērān und sein Verhältnis zum Sāh-nāme,* — SBAW München, 1890, Bd II, S. 43—84.

Gemelli Carreri, *Voyage.* — *Voyage* de Gemelli Carreri, Lausanne, 1788 (Collection de touts les voyages, fait autour du monde par les différentes Nations de l'Europe; redigée par M. Berenger, t. II).

Gemelli Carreri, *Voyage de tour du monde.* — *Voyage de tour du monde* traduit de l'Italien de Gemelli Carreri par M. L. N. Nouvelle édition augmentée sur la dernière de l'Italien et enrichie de nouvelles Figures, t. I—VI, Paris, 1727.

Gibbon, *The History.* — E. Gibbon, *The History of the decline and fall of the Roman empire,* vol. I—XII. A new ed., London, 1820—1821.

Giles, *The travels of Fa-hsien.* — *The travels of Fa-hsien (399—414).* Retranslated by H. A. Giles, London, 1956.

L. Giles, *Notes on the Nestorian Monument,* I—IV. — L. Giles, M. A., D. Litt, *Notes on the Nestorian Monument at Sianfu:* [I] — BSOS, vol. I, pt 1, 1917, pp. 93—96; [II] — vol. I, pt 2, 1918, pp. 16—29; [III] — vol. I, pt 3, 1920, pp. 39—49; [IV] — vol. I, pt 4, 1920, pp. 15—26.

Gmelin, *Reise durch Russland.* — S. G. Gmelin, *Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Naturreiche,* Bd I—IV, St.-Pbg., 1774—1784.

Gobineau, *Essai.* — A. de Gobineau, *Essai sur l'inégalité des races humaines,* t. I—II, 2-e éd., Paris, 1884.

de Goeje, *Biographie de R. Dozy.* — J. de Goeje, *Biographie de Reinhart Dozy,* trad. du hollandais par V. Chauvin, Leide, 1883.

de Goeje, ZDMG, Bd LVIII [S. 463—484]. — M. J. de Goeje, [рец. на:] Le livre de Mohammed ibn Toumert mahdi des Almohades. Texte arabe accompagné de notices biographiques et d'une introduction par I. Goldziher. . ., Alger, 1903, — ZDMG, Bd LVIII, 1904, S. 463—484.

Goetze, *Kleinasien.* — A. Goetze, *Kleinasien,* München, 1957 (Kulturgeschichte des Alten Orients, III, 1).

Goldziher, *Abhandlungen.* — I. Goldziher, *Abhandlungen zur arabischen Philologie*, Bd I—II, 1896—1899.

Goldziher, *Abû-l-ʿAlâ al-Maʿarrî.* — I. Goldziher, *Abû-l-ʿAlâ al-Maʿarrî als Freidenker*, — ZDMG, Bd XXIX, 1875, S. 637—641.

Goldziher, *Aus der Theologie.* — I. Goldziher, *Aus der Theologie des Fachr al-dîn al-Râzî*, — DI, Bd III, 1912, S. 213—247.

Goldziher, *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit*, I—III. — I. Goldziher, *Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit bei den Arabern*, I. *Mit Mittheilungen aus der Refaiʿjja*, — SBAW Wien, Bd LXVII, 1871, S. 207—251; II. *Zur Gauhari-Literatur*, — Bd LXXII, H. 1, 1872, S. 587—631; III. *Abu-l-Husein ibn Fâris*, — Bd LXXIII, 1873, S. 511—552.

Goldziher, *Beiträge zur Literaturgeschichte der Śîʿâ.* — I. Goldziher, *Beiträge zur Literaturgeschichte der Śîʿâ und der sunnitischen Polemik*, — SBAW Wien, Bd LXXVIII, 1874, S. 439—524.

Goldziher, *Der Dîwân des Ġarwal b. Aus.* — I. Goldziher, *Der Dîwân des Ġarwal b. Aus Al-Ḥuṭej'a*, — ZDMG, Bd XLVI, 1892, S. 1—53, 173—225, 471—527; Bd XLVII, 1893, S. 43—85, 163—201.

Goldziher, *Die islamische und die jüdische Philosophie.* — I. Goldziher, *Die islamische und die jüdische Philosophie des Mittelalters*, — в кн.: «Allgemeine Geschichte der Philosophie», Berlin—Leipzig, 1909 (Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, hrsg. von P. Hinneberg, T. I, Abt. V), S. 45—77.

Goldziher, *Islamisme et parsisme.* — I. Goldziher, *Islamisme et parsisme*, — RHR, t. XLIII, 1901, pp. 1—29.

Goldziher, *Kleine Mitteilungen.* — I. Goldziher, *Kleine Mitteilungen und Auzeigen. Verhältnis des Bâb zu früheren Sufî-Lehrern*, — DI, Bd XI, 1921, S. 252—254.

Goldziher, *Linguistisches.* — I. Goldziher, *Linguistisches aus der Literatur der muhammedanischen Mystik*, — ZDMG, Bd XXVI, 1872, S. 764—785.

Goldziher, *Materialien.* — I. Goldziher, *Materialien zur Kenntniss der Almohadenbewegung in Nordafrica*, — ZDMG, Bd XLI, 1887, S. 30—140.

Goldziher, *Muhammedanische Studien.* — I. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, T. I—II, Halle, 1888—1890.

Goldziher, *Der Mythos.* — I. Goldziher, *Der Mythos bei den Hebräern und seine geschichtliche Entwickelung. Untersuchungen zur Mythologie und Religionswissenschaft*, Leipzig, 1876.

Goldziher, *Die Religion des Islams.* — I. Goldziher, *Die Religion des Islams*, — в кн.: «Die Orientalischen Religionen», Berlin—Leipzig, 1906 (Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, hrsg. von P. Hinneberg, T. I, Abt. III, 1), S. 87—135.

Goldziher, *Die Richtungen.* — I. Goldziher, *Die Richtungen der islamischen Koranauslegung.* An der Universität Upsala gehaltene Olaus—Petri—Vorlesungen, Leiden, 1920 (Veröffentlichungen der «De Goeje-Stiftung», № 6).

Goldziher, *Streitschrift des Gazâlî.* — I. Goldziher, *Streitschrift des Gazâlî gegen die Bâṭinijja-Sekte*, Leiden, 1916 (Veröffentlichungen der «De Goeje-Stiftung», № 3).

Goldziher, *Studien über Tanchûm.* — I. Goldziher, *Studien über Tanchûm Jerûschalmi*, Leipzig, 1870.

Goldziher, *Über Tageswählerei.* — I. Goldziher, *Über Tageswählerei bei den Muhammedanern*, — «Globus», Bd LX (№ 17), 1891, S. 257—259.

Goldziher, *Vorlesungen.* — I. Goldziher, *Vorlesungen über den Islam*, Heidelberg, 1910 (Religionswissenschaftliche Bibliothek, Bd I); 2. umgearb. Aufl. von F. Babinger, mit einem Bild des Verfassers und einem Geleitwort von C. H. Becker, Heidelberg, 1925.

Goldziher, WZKM, Bd II [S. 341—345]. — I. Goldziher, [рец. на:] Emil Wietzke. Der biblische Simson der ägyptische Horus-Ra. Eine neue Erklärung zu Jud. 13—16. Wittenberg (Wunschmann), 1888, — WZKM, Bd II, 1888, S. 341—345.

Goldziher, *Die Ẓâhiriten.* — I. Goldziher, *Die Ẓâhiriten, ihr Lehrsystem und ihre Geschichte.* Beitrag zur Geschichte der Muhammedanischen Theologie, Leipzig, 1884.

Goldziher, ZDMG, Bd LIII [S. 380—387]. — I. Goldziher, [рец. на:] Carra de Vaux, Le Mahométisme; le génie sémitique et le génie aryen dans l'Islam, Paris, 1898,— ZDMG, Bd LIII, 1899, S. 380—387.

Goldziher, ZDMG, Bd LXIX [S. 192—207]. — I. Goldziher, [рец. на:] Abû-Muḥammed-ʿAlî-Ibn-Ḥazm-al-Andalusî Ṭauḳ-al-ḥamâma, publié d'après l'unique manuscrit de la Bibliothèque de l'Université de Leide par D. K. Pétrof. . ., Leide, 1914, — ZDMG, Bd LXIX, 1915, S. 192—207.

Goldziher, *Zur Charakteristik.* — I. Goldziher, *Zur Charakteristik Ǧelal Ud-Din Us-Sujutis und seiner literarischen Thätigkeit,* — SBAW Wien, Bd LXIX, 1871, S. 7—28.

Goldziher, *Zwei Schwerter.* — I. Goldziher, *Zwei Schwerter,* — DI, Bd XII, 1922, S. 198—201.

Gosche, *Wissenschaftlicher Jahresbericht.* — R. Gosche, *Wissenschaftlicher Jahresbericht über die morgenländischen Studien 1862 bis 1867,* — ZDMG, Supplement zu Bd XXIV, H. 1, 1871.

Gottschalk, *Die Rezeption der antiken Wissenschaft durch den Islam.* — H. L. Gottschalk, *Die Rezeption der antiken Wissenschaft durch den Islam,* — «Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften». Philosophisch-historische Klasse, Jg. 102, № 7, 1965, S. 111—134.

Gottwaldt, *Manuscrits relatifs à la Chine.* — J. Gottwaldt, *Manuscrits relatifs à la Chine (notes bibliographiques), V. Bibliothèque de Kasan,* — REO, t. II, 1884, pp. 399—413.

Graefe, DI, Bd III, 1912 [S. 192—194]. — E. Graefe, [рец. на:] H. Grothe's «Vorderasien-Expedition 1906/1907», — DI, Bd III, 1912, S. 192—194.

Grey, *A narrative of Italian travels.* — Ch. Grey, *A narrative of Italian travels in Persia, in the fifteenth and sixteenth centuries,* London, 1873 (HS, № 49).

Grotefend, *Ueber die Erklärung der Keilschriften.* — G. F. Grotefend, *Ueber die Erklärung der Keilschriften, und besonders der Inschriften von Persepolis,* — в кн.: A. H. L. Heeren, *Ideen über die Politik,* 2. Aufl., Bd I, Beiträge 1, S. 931—960.

Grothe, *Geographische Charakterbilder.* — H. Grothe, *Geographische Charakterbilder aus der Asiatischen Türkei und dem südlichen mesopotamisch-iranischen Randgebirge (Puscht-i-Kûh),* Leipzig, 1909.

Grothe, *Meine Vorderasien-Expedition.* — H. Grothe, *Meine Vorderasien-Expedition 1906 und 1907,* Bd I—II, Leipzig, 1911—1912.

Grothe, «Orientalisches Archiv», Bd II [S. 206—207]. — H. Grothe, [рец. на:] Enzyclopädie des Islam, — «Orientalisches Archiv», Leipzig, Bd II, 1911/1912, S. 206—207.

Grundriss. — *Grundriss der Indo-Arischen Altertumskunde (Encyclopedia of Indo-Aryan research).* Begründet von G. Bühler, fortgesetzt von F. Kielhorn, Bd I—III, Strassburg, 1896—1915.

Grünwedel, *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan.* — A. Grünwedel, *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuca, Qarasahr und in der Oase Turfan,* Berlin, 1912.

Grünwedel, *Bericht.* — A. Grünwedel, *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903,* München, 1905 (ABAW, I. Klasse, Bd XXIV, Abt. 1).

Guboglu, *Dimitrie Cantemir — Orientaliste.* — M. Guboglu, *Dimitrie Cantemir — Orientaliste,* — «Studia et Acta Orientalia», III, Bucarest, 1961, pp. 129—160.

Güldenstädt, *Reisen durch Russland.* — J. A. Güldenstädt, *Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge,* St.-Pbg., 1787—1791.

Gunkel, *Die israelitische Literatur.* — H. Gunkel, *Die israelitische Literatur,* — в кн.: «Die Orientalischen Literaturen mit Einleitung: Die Anfänge der Literatur und die Literatur der primitiven Völker», Berlin—Leipzig, 1906 (Die Kultur der Ge-

genwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, hrsg. von P. Hinneberg, T. I, Abt. VII). S. 51—102.

Gützlaff, *Geschichte des Chinesischen Reiches.* — Gützlaff, *Geschichte des Chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking.* Hrsg. von K. G. Neumann, Stuttgart—Tübingen, 1847.

Habibi, *A glance at historiography.* — A. H. Habibi, *A glance at historiography and the beginning of the historical society of Afghanistan,* — «Afghanistan», vol. XXI, № 2, 1948, pp. 1—19.

du Halde, *Description.* — J. B. du Halde, *Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. . .,* t. I—IV, La Haye, 1736.

Hallberg, *L'Extrême Orient.* — J. Hallberg, *L'Extrême Orient dans la littérature et la cartographie de l'Occident des XIIIe, XIVe et XV siècles.* Etude sur l'histoire de la géographie, Göteborg, 1906.

Hambis, *Le chapitre CVII du Yuan Che.* — L. Hambis, *Le chapitre CVII du Yuan Che. Les généalogies impériales mongoles dans l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole.* Avec des notes supplémentaires par Paul Pelliot, Leiden, 1945.

Hambis, *Le chapitre CVIII du Yuan Che.* — L. Hambis, *Le chapitre CVIII du Yuan Che. Les fiefs attribués aux membres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'après l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole,* t. I, Leiden, 1954.

Hamilton, *Toquz-oγuz.* — J. Hamilton, *Toquz-Oγuz et On-Uyγur,* — JA, t. CCL, 1962, pp. 23—63.

Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches.* — J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven,* 2. verb. Ausg., Bd I—IV, Pesth, 1834—1836.

Hamy, *Une lettre inédite.* — *Une lettre inédite du voyageur J. B. Tavernier (1664),* publiée et commenteé par E. T. Hamy, — JA, sér. 10, t. VII, 1906, pp. 273—280.

Hanway, *An historical account.* — J. Hanway, *An historical account of the British trade over Caspian Sea: with a journal of travels from London through Russia into Persia; and back again through Russia, Germany and Holland. To which are added, the revolution of Persia during the present century, with the particular history of the great usurper Nadir Kouli,* vol. I—IV, London, 1758.

Hartmann, *Chinesisch-Turkestan.* — M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan. Geschichte, Verwaltung, Geistesleben und Wirtschaft,* Halle, 1908 (Angewandte Geographie, III, № 4).

Hartmann, *Der Islam 1907.* — M. Hartmann, *Der Islam 1907,* — MSOS, Jg. XI, Abt. II, 1908, S. 207—233.

Hartmann, *Der islamische Orient.* — M. Hartmann, *Der islamische Orient.* Berichte und Forschungen, Bd I—III, Berlin—Leipzig, 1905—1910.

Hartmann, WI, Bd I [S. 132—153]. — M. Hartmann, [рец. на:] Мир Ислама. Издание императорского Общества Востоковедения. Под ред. проф. В. Бартольда d. i. die Welt des Islam. Publication der Kaiserlichen Gesellschaft für Orientkunde. Unter der Redaction des Prof. W. Barthold. Bd I, Petersbourg, 1912—1913, — WI, Bd I, 1913, S. 132—153.

Hartmann, WZKM, Bd XVII [S. 366—374]. — M. Hartmann, [рец. на:] Christensen, Arthur. Omar Khajjâms Rubâijat. En Litteraerhistorisk Undersoegelse, Koebenhavn, 1903, — WZKM, Bd XVII, 1903, S. 366—374.

Hartmann, ZDMG, Bd LXVI [S. 506—513]. — M. Hartmann, [рец. на:] W. P. Wassiljew, Die Erschliessung Chinas. Deutsche Bearbeitung von Dr. R. Stübe. Mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady. Mit zwei Karten, Leipzig, 1909, — ZDMG, Bd LXVI, 1912, S. 506—513.

R. Hartmann, *Al-Kuschairîs Darstellung.* — R. Hartmann, *Al-Kuschairîs Darstellung des Ṣûfîtums*, Berlin, 1914.

Hasselblatt, *Historischer Ueberblick.* — J. Hasselblatt, *Historischer Ueberblick der Entwickelung der Kais. Russ. Academie der Künste in St. Petersburg*, St.-Pbg. — Leipzig, 1886.

Havret, *La stèle chrétienne.* — H. Havret, *La stèle chrétienne du Si-ngan-fou*, t. I—II, Changhai, 1895—1897.

Heeren, *Ideen über Politik.* — A. Heeren, *Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt*, Göttingen, 1793; 2-е изд.: 1805.

Heichelheim, *Geschichte Syriens.* — F. M. Heichelheim, *Geschichte Syriens und Palästinas von der Eroberung durch Kyros II bis zur Besitznahme durch den Islam (547 v. Chr. — 641/2 n. Chr.)*, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd 2, Lfg. 2, 1966, S. 99—290.

Heikel, *Antiquités.* — A. Heikel, *Antiquités diverses dans la Transbaikalie*, — «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'Expédition Finnoise 1890», Helsingfors, 1892, pp. XIII—XVI.

Helck, *Untersuchungen zu Manetho.* — W. Helck, *Untersuchungen zu Manetho und den ägyptischen Königslisten*, Berlin, 1956 (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens, Bd 16).

Heller, *Bibliographie de Goldziher.* — B. Heller, *Bibliographie des œuvres de Ignace Goldziher*, Paris, 1927.

Helmersen, *Bemerkungen.* — G. v. Helmersen, *Bemerkungen zu Herrn Radloffs Briefen aus dem Altai. . .*, — «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», Bd 24, Berlin, 1865, S. 515—526.

Hennig, *Terrae incognitae.* — R. Hennig, *Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorcolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalbericht*, Bd I—IV, Leiden, 1936—1939.

Henning, *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch.* — W. B. Henning, *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*, Berlin, 1937 (Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1936, № 10).

Henning, *Zoroaster.* — W. B. Henning, *Zoroaster. Politician or witch-doctor?*, London, 1951 (Ratanabai Katrak Lectures, 1949).

d'Herbelot, *Bibliothèque orientale.* — [B.] d'Herbelot, *Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement Tout ce qui regard la connaissance des peuples de l'Orient. . .*, Paris, 1697; изд. 2: La Haye, 1777—1779.

Herder, *Zur Philosophie und Geschichte.* — J. G. von Herder's *Sämmtliche Werke. Zur Philosophie und Geschichte*, Bd I—XXII, Stuttgart—Tübingen, Gotta, 1827—1830.

Herrmann, *Die ältesten chinesischen Karten.* — A. Herrmann, *Die ältesten chinesischen Karten von Zentral- und Westasien*, — «Festschrift für F. Hirth», S. 185—198.

Herrmann, *Das Land der Seide.* — A. Herrmann, *Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike*, Leipzig, 1938.

Herzfeld, *Alongoa.* — E. Herzfeld, *Alongoa*, — DI, Bd VI, 1916, S. 317—327.

Herzfeld, *Die Genesis der islamischen Kunst.* — E. Herzfeld, *Die Genesis der islamischen Kunst und das Mshatta-Problem*, T. II, — DI, Bd I, 1910, S. 105—144.

Herzfeld, *Die Malereien von Samarra.* — E. Herzfeld, *Die Malereien von Samarra*, Berlin, 1927 (Die Ausgrabungen von Samarra, Bd III).

Herzfeld, *Max van Berchem.* — E. Herzfeld, *Max van Berchem*, — DI, Bd XII, 1922, S. 206—213.

Herzfeld, *Samarra.* — E. Herzfeld, *Samarra.* Aufnahmen und Untersuchungen zur islamischen Archaeologie, Berlin, 1907.

Herzfeld, *Der Wandschmuck.* — E. Herzfeld, *Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik*, Berlin, 1923 (Die Ausgrabungen von Samarra, Bd I).

Hippisley, *W. W. Rockhill.* — A. H. Hippisley, *William Woodville Rockhill*, — JRAS, 1915, pp. 367—374.

Hirth, *The ancient history.* — F. Hirth, *The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty*, New York, 1911.

Hirth, *Bausteine.* — F. Hirth, *Bausteine zu einer Geschichte der chinesischen Literatur*, — «T'oung Pao», vol. VI, 1895, pp. 314—332; vol. VII, 1896, pp. 295—322, 481—507.

Hirth, *Biographisches.* — F. Hirth, *Biographisches nach eigenen Aufzeichnungen*, — в кн.: «Hirth anniversary volume», S. IX—XLVIII.

Hirth, *China and the Roman Orient.* — F. Hirth, *China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as respected in old Chinese records*, Leipsic — Munich — Shanghai — Hongkong, 1885.

Hirth, *Chinese equivalents of the letter «R».* — F. Hirth, *Chinese equivalents of the letter «R» in foreign names*, — JCBRAS, NS, vol. XXI, 1886, pp. 214—223.

Hirth, *Die chinesischen Annalen.* — F. Hirth, *Die chinesischen Annalen als Quelle zur Geschichte asiatischer Völker*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, S. 68—75.

Hirth, *Die chinesische Porzellanindustrie.* — F. Hirth, *Die chinesische Porzellanindustrie im Mittelalter*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, S. 44—61.

Hirth, *Chinesische Studien.* — F. Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, München — Leipzig, 1890, S. 68—75.

Hirth, *Contributions.* — F. Hirth, *Contributions to the history of the oriental trade during the Middle ages*, — «China review», vol. XVIII, 1890, pp. 307—319.

Hirth, *Die Geschichte der Hauskatze in China.* — F. Hirth, *Die Geschichte der Hauskatze in China*, — «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», Jg. 1890, Beilage zur: «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, Bd 22, 1890, S. 140—151.

Hirth, JCBRAS, NS, vol. XVII [pp. 237—246]. — F. Hirth, [рец. на:] Chinesische Grammatik mit Ausschluss des niederen Stiles und der heutigen Umgangs-Sprache. Von Georg von der Gabelentz, — JCBRAS, NS, vol. XVII, pt 1, 1882, pp. 237—246.

Hirth, *Kingsmilliana.* — F. Hirth, *Kingsmilliana (For private circulation)*, Leipzig, 1910.

Hirth, *Die Länder des Islâm.* — F. Hirth, *Die Länder des Islâm nach chinesischen Quellen*, — «T'oung Pao», suppl. au vol. V, 1894.

Hirth, *Mr. Kingsmill and the Hiung-nu.* — F. Hirth, *Mr. Kingsmill and the Hiung-nu*, — JAOS, vol. 30, 1909—1910, pp. 32—45.

Hirth, *The Mystery of Fu-lin.* — F. Hirth, *The Mystery of Fu-lin*, — JAOS, vol. XXX, 1910, pp. 1—31; vol. XXXIII, 1913, pp. 193—208.

Hirth, *Nachworte.* — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1889, S. 1—140 (разд. паг.).

Hirth, *Schantung und Kiau-tschóu.* — F. Hirth, *Schantung und Kiau-tschóu*, — «Beilage zur Allgemeine Zeitung», München, 1898, Sept., № 218, 219.

Hirth, *Sinologische Beiträge.* — F. Hirth, *Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. 1. Die Ahnentafel Attila's nach Johannes von Thurocz*, — ИАН, сер. V, т. XIII, № 2, 1900, стр. 221—261; то же: Mél. As., t. XI, 1901, pp. 571—611.

Hirth, *The story of Chang K'ién.* — F. Hirth, *The story of Chang K'ién, China's pioneer in Western Asia*, — JAOS, vol. XXXVII, 1917, pp. 89—152.

Hirth, *Die Verwaltung der chinesischen Seezölle.* — F. Hirth, *Die Verwaltung der chinesischen Seezölle*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, S. 189—208.

Hirth, *Vorwort.* — F. Hirth, *Vorwort*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I.

Hirth, *Zur Geschichte des antiken Orienthandels.* — F. Hirth, *Zur Geschichte des antiken Orienthandels*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, S. 1—24.

Hirth, *Zur Geschichte des Orienthandels.* — F. Hirth, *Zur Geschichte des Orienthandels im Mittelalter*, — в кн.: Hirth, *Chinesische Studien*, Bd I, S. 25—43.

Hirth, *Zur Kulturgeschichte der Chinesen.* — [F. Hirth], *Zur Kulturgeschichte der Chinesen.* Nach einem Vortrag von F. Hirth, München, 1898 (Sonderabdr. aus der Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», № 147 u. 148 vom 6. u. 7. Juli 1898).

Hoernle, *An instalment.* — A. F. R. Hoernle, *An instalment of the Bower Manuscript,* — JASB, vol. LX, pt 1, 1891, pp. 135—195.

Hogarth, *Problems in Exploration.* — D. G. Hogarth, *Problems in Exploration, I. Western Asia,* — GJ, vol. XXXII, 1908, pp. 549—570.

Hogarth—Munro, *Modern and ancient roads.* — D. G. Hogarth and J. A. R. Munro, *Modern and ancient roads in Eastern Asia Minor,* — «Supplementary Papers of the Royal Geographical Society», vol. III, pt V, London, 1893, pp. 643—739.

Holt, *Edward Pococke.* — P. M. Holt, *Edward Pococke. 1604—1691. An English orientalist,* — «History Today», vol. VII, 1957, pp. 54—61.

Hommel, *Geschichte Babyloniens und Assyriens.* — Fr. Hommel, *Geschichte Babyloniens und Assyriens,* Berlin, 1885 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. Hrsg. von W. Oncken, Hauptabt. I, T. 2).

Hopkins, *The Royal Genealogies.* — L. C. Hopkins, *The Royal Genealogies of the Honan relics and the record of the Shang dynasty,* — в кн.: «Hirth anniversary volume», pp. 194—205.

Horn, *Persische Handschriften.* — P. Horn, *Persische Handschriften in Constantinopel,* — ZDMG, Bd LIV, 1900, S. 275—332, 475—509.

Horten, WI, Bd I [S. 244—245]. — M. Horten, [рец. на:] Dr. A. S. Yahuda, Al-Hidāja 'ilā Farā'iḍ al Qulub des Bachja ibn Jōsēf ibn Paqūda aus Andalusien im arabischen Urtext zum ersten Male nach der Oxforder und Pariser Handschrift sowie den Petersburger Fragmenten hrsg., Leiden, 1912, — WI, Bd I, 1913, S. 244—245.

Hottinger, *Historia Orientalis.* — J. H. Hottinger, *Historia Orientalis quae ex variis orientalium monumentis collecta. . .,* Tiguri, 1760.

Hourani, *Arab seafaring.* — G. F. Hourani, *Arab seafaring in the Indian Ocean in ancient and early mediaeval times,* Princeton, 1951.

Houtsma, GGA, 1899, № 5 [S. 384—390]. — M. Th. Houtsma, [рец. на:] J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. . ., Leipzig, 1898, — GGA, 1899, № 5, S. 384—390.

Houtsma, *Uit de Oostersche correspondentie.* — M. Th. Houtsma, *Uit de Oostersche correspondentie van Th. Erpenius, Jac. Golius en Lev. Warner.* Eene bijdrage tot de Geschiedenis van de beoffening der Oostersche Letteren in Nederland, — «Verhandlingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeeling Letterkunde», Deel XVII, Amsterdam, 1887.

Howorth, *History of the Mongols.* — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century,* pt. I. *The Mongols proper and the Kalmuks;* pt. II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia.* Division I—II; pt. III. *The Mongols of Persia;* pt IV. *Supplement,* London, 1876—1927.

Huart, *Epigraphie arabe.* — Cl. Huart, *Epigraphie arabe d'Asie Mineure,* — «Revue Sémitique», vol. II, 1894, pp. 61—75, 120—134, 235—241, 324—332; vol. III, 1895, pp. 73—85, 175—181, 214—218, 344—371.

Huart, *Inscription arabe.* — Cl. Huart, *Inscription arabe de la mosquée seldjouqide de Divrigui (Asie Mineure),* — JA, sér. 9, t. XVII, 1901, pp. 343—346.

Huart, JA, sér. 10, t. V [pp. 179—183]. — Cl. Huart, [рец. на:] Recherches sur les Rubaʿiyat de ʿOmar Ḫayyam par Arthur Christensen, docteur ès lettres de l'Université de Copenhague (Materialien de Martin Hartmann, H. 3), Heidelberg, 1905, — JA, sér. 10, t. V, 1905, pp. 179—183.

Huart, *Konia.* — Cl. Huart, *Konia. La ville des derviches tourneurs. Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure,* Paris, 1897.

Huc, *Le Christianisme en Chine.* — [E. R.] Huc, *Le Christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet,* t. I—IV, Paris, 1857—1858.

Huc, *L'Empire Chinoise.* — [E. R.] Huc, *L'Empire Chinoise faisant suite à l'ouvrage intitulé Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet*, t. I—II, Paris, 1854.

Huc, *Souvenirs d'un voyage.* — [E. R.] Huc, *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie et le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846*, t. I—II, Paris, 1850.

A. Humboldt, *Asie Centrale.* — A. Humboldt, *Asie Centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée*, t. 1—3, Paris, 1843.

Humboldt, *Über die Verschiedenheit.* — W. Humboldt, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts.* Hrsg. u. erl. v. A. F. Pott, Berlin, 1836; 2. Aufl.: Berlin, 1880.

Hunter, *The Imperial Gazetteer.* — W. W. Hunter, *The Imperial Gazetteer of India*, 2d ed., vol. I—XIV, London, 1885—1887.

Hyde, *Historia religionis.* — T. Hyde, *Historia religionis veterum persarum eorumque magorum. . .*, Oxonia, 1700.

Inscriptions de l'Iénisséi. — *Inscriptions de l'Iénisséi*, recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie, Helsingfors, 1889.

Inscriptions de l'Orkhon. — *Inscriptions de l'Orkhon*, recueillies par l'Expédition Finnoise 1890, et publiées par la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors, 1892.

Itinera Hierosolymitana, ed. Geyer. — *Itinera Hierosolymitana saeculi III—VIII.* Recensuit et commentario critico instruxit P. Geyer, Pragae—Vindobonae—Lipsiae, 1898 (Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, vol. XXXVIII).

Itinera Hierosolymitana, ed. Tobler — Molinier.—*Itinera Hierosolymitana et descriptiones terrae sanctae bellis sacris anteriora* ex latina lingua exarata sumptibus societatis illustrandis orientis latini monumentis ediderunt T. Tobler & A. Molinier, t. I—II, Genevae, 1879—1880 (Publications de la société de l'Orient Latin, série géographique, I—II, Itinera latina, bellis sacris anteriora).

Ivanov, *Zur Kenntniss der Hsi-hsia Sprache.* — A. Ivanov, *Zur Kenntniss der Hsi-hsia Sprache*, — ИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 1221—1233.

Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam.* — A. V. W. Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam. Travels in Transcaucasia and Northern Persia for historic and literary research*, New York, 1911.

Jackson, *Persia.* — A. V. W. Jackson, *Persia past and present. A book of travel and research*, New York, 1906.

Jackson, *Zoroaster.* — A. V. W. Jackson, *Zoroaster*, New York — London, 1901.

Jacob, *Vorwort.* — G. Jacob, *Vorwort des Herausgebers*, — в кн.: R. Hartmann, *Al-Kuschairîs Darstellung des Sûfîtums*, Berlin, 1914, S. V—IX.

Jacob — Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm.* — G. Jacob und E. Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm*, — DI, Bd III, 1912, S. 43—62.

Jacquet, *Le livre de Grant Caan.* — [E.] Jacquet, *Le livre de Grant Caan, extrait d'un manuscrit de la Bibliothèque du Roi*, — JA, sér. 2, t. VI, 1830, pp. 57—72.

Johansson, *Indische Miszellen.* — K. F. Johansson, *Indische Miszellen*, — «Indogermanische Forschungen Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde», Bd III, Strassburg, 1893—1894, S. 198—253.

Jones, *Travellers in disguise.* — *Travellers in disguise. Narratives of Eastern Travel* by Poggio Bracciolini and Ludovico de Varthema. English Translations by J. W. Jones, Cambridge, Mass., 1963.

S. Jones, *An annotated bibliography.* — S. Jones, *An annotated bibliography of Nuristan (Kafiristan) and the Kalash Kafirs of Chitral*, pt I, København, 1966 (Historisk-filosofiske meddelelser udgivet af Det Kongelige Danske videnskabernes selskab, Bd 41, № 3).

Julien, *Notices sur les pays.* — S. Julien, *Notices sur les pays et les peuples êtrangers, tirées des géographies et des annales chinoises*, III. *Les Oïgours*, — JA, sér. 4, t. IX, 1847, pp. 50—66.

Justi, *Geschichte.* — F. Justi, *Geschichte der orientalischen Völker im Altertum*, Berlin, 1884 (Allgemeine Weltgeschichte, Bd I: Das Altertum, I. Teil).

K. S., UJ, Bd VIII [S. 204]. — K. S., [рец. на:] M. Kmoskó, Gardîzî a törökökról (G. über die Türken) (Szaz., Bd 61, 1927, S. 149—171), — UJ, Bd VIII, 1928, S. 204.

Kahle, *Petra.* — P. Kahle, *Petra*, Leipzig, 1908.

Kahle, ZDPV, Bd XXXVI [S. 318—323]. — P. Kahle, [рец. на:] G. Dalman, Neue Petra-Forschungen und der heilige Felsen von Jerusalem, Leipzig, 1912, — ZDPV, Bd XXXVI, 1913, S. 318—323.

Kammenhuber, *Die hethitische Geschichtsschreibung.* — A. Kammenhuber, *Die hethitische Geschichtsschreibung*, — «Saeculum», Freiburg—München, Bd 9, 1958, S. 136—155.

Kämpfer, *Geschichte und Beschreibung von Japan.* — E. Kampfer, *Geschichte und Beschreibung von Japan*; aus den Originalhandschriften des Verfassers hrsg. von Chr. W. von Dohm, T. I—II, Lemgo, 1777—1778.

Karabacek, *Das arabische Papier.* — J. Karabacek, *Das arabische Papier.* (*Eine historisch-antiquarische Untersuchung*), Wien, 1887 (Sonderabdr. aus «Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Bd II/III, S. 87—178).

Kazem-Beg, *Bab et les Babis.* — Mirza Kazem-Beg, *Bab et les Babis, ou le soulèvement politique et religieux en Perse, de 1845 à 1853*, — JA, sér. 6, t. VII, 1866, pp. 329—384, 457—522; t. VIII, 1866, pp. 196—252, 357—400, 473—507.

Ker Porter, *Travels.* — R. Ker Porter, *Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820*, vol. I—II, London, 1821—1822.

Khanikoff, *Mémoire.* — N. de Khanikoff, *Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale*, Paris, 1861.

Khanikoff, *Mémoire sur l'ethnographie.* — N. de Khanikoff, *Mémoire sur l'ethnographie de la Perse*, Paris, 1866.

Khanykov, *Lettre.* — Khanykov, *Lettre à M. Dorn*, — Mél. As., t. III, 1858, pp. 114—137.

King—Thompson—Budge, *The sculptures and inscriptions of Darius.* — *The sculptures and inscriptions of Darius the Great on the rock of Behistûn in Persia. A new collation of the Persian, Susian and Babylonian Texts, with English translation. . .* ed. L. W. King, R. C. Thompson and E. A. W. Budge, London, 1907.

Klaproth, *Description de la Chine.* — *Description de la Chine sous le règne de la Dynastie mongole*, trad. du persan et accompagnée de notes, par M. Klaproth, — JA, sér. 2, t. XI, 1833, pp. 335—358, 447—470.

Klaproth, *Inscriptions de Bolghari.* — J. Klaproth, *Notice et explication des Inscriptions de Bolghari*, — JA, sér. 2, t. VIII, 1831, pp. 483—503.

Klaproth, *Reise in den Kaukasus.* — J. Klaproth, *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg enthaltend eine vollständige Beschreibung der Kaukasischen Länder und ihrer Bowohner*, Bd I—II, Halle, 1812.

Klaproth, *Voyage au Mont Caucase.* — J. Klaproth, *Voyage au Mont Caucase et en Géorgie*, t. I—II, Paris, 1823.

Klementz, *Turfan.* — D. Klementz, *Turfan und seine Alterthümer*, — «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1892 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. I, St.-Pbg., 1899, S. 1—53.

Konow, *Kharoshthi inscriptions.* — St. Konow, *Kharoshthi inscriptions with the exception of Aśoka*, Calcutta, 1929 (Corpus Inscriptionum Indicarum).

Konow, *Khotansakische Grammatik.* — St. Konow, *Khotansakische Grammatik*, Leipzig, 1941 (Porta linguarum orientalium, XXII).

Konow, *Primer of Khotanese Saka.* — St. Konow, *Primer of Khotanese Saka*, — NTS, vol. XV, 1949, pp. 5—136.

Kotwicz, *Józef Kowalewski.* — W. Kotwicz, *Józef Kowalewski orientalista 1801—1878.* Ze wstępem Mariana Lewickiego. Bibliografią opracowaną przez Marię Kotwiczównę oraz nie wydaną korespondencją Kowalewskiego, Wrocław, 1948 (Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego, ser. A, № 11).

Kotwicz — Kotwiczówna, *Orientalista Antoni Muchliński.* — W. Kotwicz — M. Kotwiczówna, *Orientalista Antoni Muchliński*, — «Życie i dzieła», Wilno, 1935.

Kowalewski, *Uebersicht.* — [O. M. Kowalewski], *Uebersicht des Fortschrittes und der Erfolge im Lehrfache der Asiatischen Sprachen an der Universität Kasan*, Kasan, 1842.

Krader, *Ethnonymy of Kazakh.* — L. Krader, *Ethnonymy of Kazakh*, — «American Studies in Altaic Linguistics», Indiana University, Bloomington, 1962, pp. 123—128.

Kramer, *C. Ritter.* — *Carl Ritter. Ein Lebensbild nach seinem handschriftlichen Nachlass*, dargestellt von G. Kramer, T. I—II, Halle, 1864—1870.

Kremer, *Culturgeschichte.* — A. von Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Bd I—II, Wien, 1875—1877.

Kremer, *Ein Freidenker.* — A. von Kremer, *Ein Freidenker des Islam*, — ZDMG, Bd XXIX, 1875, S. 304—312.

Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen.* — A. von Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen des Islams*, Leipzig, 1868.

Kremer, *Ueber die philosophischen Gedichte.* — A. F. von Kremer, *Ueber die philosophischen Gedichte des Abul ʿalâ Maʿarry. Eine culturgeschichtliche Studie*, — SBAW Wien, Bd CXVII, Abh. VI, 1889 [разд. паг.].

Kugler, *Sterndienst.* — F. X. Kugler, *Sterndienst und Sternkunde in Babel*, 1. Buch, Münster in Westfalen, 1907.

Kvačala, *Postelliana.* — J. Kvačala, *Postelliana. Urkundliche Beiträge zur Geschichte der Mystik im Reformationszeitalter*, — «Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та», 1915, № 9, стр. I—XX и 1—88 [разд. паг.].

Labourt, *Le christianisme.* — H. Labourt, *Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide*, Paris, 1904.

de Lagrée—Garnier, *Voyage d'exploration en Indo-Chine.* — *Voyage d'exploration en Indo-Chine effectué pendant les années 1866, 1867 et 1868* par la commission française présidée par. . . Doudart de Lagrée et publié. . . sous la direction de. . . Francis Garnier, vol. I—II, Paris, 1873.

Lal, *Indian archaeology.* — B. B. Lal, *Indian archaeology since independence*, Delhi, 1964.

Lassen, *Indische Alterthumskunde.* — Ch. Lassen, *Indische Alterthumskunde*, Bd I—IV, Bonn, 1847—1862 (2. Aufl.: 1858—1874).

Laufer, *The diamond.* — B. Laufer, *The diamond, a study in Chinese and Hellenistic folklore*, Chicago, 1915 (Field Museum of Natural History, Publication 184. Anthropological Series, vol. XV, № 1).

Laufer, *Sino-Iranica.* — B. Laufer, *Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran. With special reference to the history of cultivated plants and products*, Chicago, 1919 (Field Museum of Natural History, Publication 201, Anthropological Series, vol. XV, № 3).

Layard, *Early adventures.* — A. H. Layard, *Early adventures in Persia, Susiana and Babylonia including a residence among the Bakhtiyari and other wild tribes before the discovery of Nineveh*, vol. I—II, London, 1887.

Le Brun, *Voyages par la Moscovie.* — [C. Le Brun], *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales*, t. I—II, Amsterdam, 1718.

Le Bruyn, *Voyages au Levant.* — [C. Le Bruyn], *Voyages de Corneille Le Bruyn au Levant, c'est-à-dire, dans les Principaux endroits de l'Asie Mineure, dans îles Chio, Rhodes,*

Chypre etc., de même que dans les plus considerable Villes d'Egypte, Syrie et Terre Sainte, t. I—II, La Haye, 1732.

Le Coq, *Chuastuanift.* — A. v. Le Coq, *Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der manichäischen Auditores. Gefunden in Turfan (Chinesisch-Turkistan)*, Berlin, 1911 (Aus dem Anhang zu den APAW, 1910).

Le Coq, *Kurze Einführung.* — A. v. Le Coq, *Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde*, — MSOS, Jg. XXII, 1919, S. 93—109.

Legge, *A record of Buddhistic Kingdoms.* — *A record of Buddhistic Kingdoms being an account by the Chinese monk Fâ-hien. . .* transl. . . by J. Legge, Oxford, 1886.

Leo Africanus, *The history and description of Africa.* — *The history and description of Africa and of the notable things therein contained, written by al-Hassan ibn Mohammed al-Wezāz al-Fāsī, a Moor, baptised as Giovanni Leone, but better known as Leo Africanus.* Done into English in the year 1600 by John Pory, and now edited with an introduction and notes by Dr Robert Brown, vol. I—III, London, 1896 (HS, № 92—94).

Lerch, *Khiva oder Khârezm.* — P. Lerch, *Khiva oder Khârezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse*, St.-Pbg., 1873.

Le Strange, *Baghdad.* — G. Le Strange, *Baghdad during the Abbasid Caliphate, from contemporary Arabic and Persian sources*, Oxford, 1900; 2d ed.: London, 1924.

Le Strange, *The Lands.* — G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series).

Leumann, *Über die einheimischen Sprachen.* — E. Leumann, *Über die einheimischen Sprachen von Ostturkestan im frühern Mittelalter*, — ZDMG, Bd LXI, 1907, S. 648—658; Bd LXVII, S. 83—110.

Leunclavius, *Annales.* — J. Leunclavius, *Annales Sultanorum Othmanidarum. . .*, Francfordi, 1588; editio altera: 1596.

Lévi—Chavannes, *L'Itinéraire d'Ou-k'ong.* — *L'Itinéraire d'Ou-k'ong (751—790)*, traduit et annoté par S. Lévi et Éd. Chavannes (Voyages des pélerins bouddhistes), — JA, sér. 9, t. VI, 1895, pp. 341—384.

Lévi—Chavannes, *Quelques titres.* — S. Lévi, Éd. Chavannes, *Quelques titres énigmatiques dans la hiérarchie Ecclésiastique du bouddhisme indien*, — JA, sér. 11, t. V, 1915, pp. 193—223.

Lévi—Chavannes, *Les seize Arhat.* — S. Lévi, Éd. Chavannes, *Les seize Arhat protecteurs de la Loi*, — JA, sér. 11, t. VIII, 1916, pp. 5—50, 189—304.

Lewicki, *Władysław Kotwicz.* — M. Lewicki, *Władysław Kotwicz (20. III. 1872—3. X. 1944)*, — RO, t. 16, 1950, pp. XI—XXIX.

Lichtenberg, *Ausgrabungen.* — [R.] v. L[ichtenberg], *Ausgrabungen, Funde, Reisen und kleine Mitteilungen*, — «Memnon», Bd II, 1908, S. 95—109, 227—239.

Lindner, *Weltgeschichte.* — Th. Lindner, *Weltgeschichte seit der Völkerwanderung*, Bd I—IX, Stuttgart—Berlin, 1901—1912.

Lippert, *Abû Ma'šar's «Kitâb al-Ulûf».* — J. Lippert, *Abû Ma'šar's «Kitâb al-Ulûf»*, — WZKM, Bd IX, 1895, S. 351—358.

Loth, ZDMG, Bd XXIX [S. 673—681]. — O. Loth, [рец. на:] Beiträge zur Literaturgeschichte der Šî'â und der sunnitischen Polemik. Von Dr. Ignaz Goldziher, Wien, 1874, — ZDMG, Bd XXIX, 1875, S. 673—681.

Lüders, *Die Śakas.* — H. Lüders, *Die Śakas und die «nordarische» Sprache*, — SBAW Berl., 1913, S. 406—427.

Lust, *Index Sinicus.* — J. Lust, *Index Sinicus. . . 1920—1955*, Cambridge, 1964.

de Luynes, *Voyage d'exploration.* — Duc de Luynes, *Voyage d'exploration à la Mer Morte, à Petra et sur la rive gauche du Jordain*, vol. I—II, Paris, 1874—1876.

Major, *India in the fifteenth century.* — R. H. Major, *India in the fifteenth century, being a collection of narratives of voyages to India*, London, 1857 (HS, № 22).

Malcolm, *History of Persia.* — J. Malcolm, *History of Persia from the most early period to the present time; containing an account of the religion, government, usages and character of the inhabitants of that kingdom*, vol. I—II, London, 1815.

Mandeville, *The voyage.* — J. Mandeville, *The voyage and travel. . .*, ed. J. O. Halliwell, London, 1883.

Mann, MSOS, Jg. II, Abt. II [S. 256—274]. — O. Mann, *Jacques de Morgan's «Mission scientifique en Perse»*, — MSOS, 1899, Jg. II, Abt. II, 256—274.

du Mans, *État de la Perse.* — R. du Mans, *État de la Perse en 1660*, publié avec notes et appendice par Ch. Schefer, Paris, 1890 (PÉLOV, sér. 2, vol. XX).

Marquart, *Die altbulgarischen Ausdrücke.* — J. Marquart, *Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Čatalar und der altbulgarischen Fürstenliste*, — ИРАИК, т. XV, 1911, стр. 1—30.

Marquart, *Analekten.* — J. Marquart, *Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten*, — UJ, Bd IX, 1929, S. 68—103.

Marquart, *Assyriaka.* — J. Marquart, *Die Assyriaka des Ktesias*, — «Philologus. Zeitschrift für das classische Alterthum», Supplementband VI, 2. Hälfte, Göttingen, 1893, S. 501—658.

Marquart, *Beiträge.* — J. Marquart, *Beiträge zur Geschichte und Sage von Erān*, — ZDMG, Bd XLIX, 1895, S. 628—672.

Marquart, *Die Chronologie.* — J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, Leipzig, 1898.

Marquart, *Ein arabischer Bericht.* — J. Marquart, *Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert*, — UJ, Bd IV, 1924, S. 261—334.

Marquart, *Ērānšahr.* — J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Fundamente.* — J. Marquart, *Fundamente israelitischer und jüdischer Geschichte*, Göttingen, 1896.

Marquart, *Historische Glossen.* — J. Marquart, *Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften*, — WZKM, Bd XII, 1898, S. 157—200.

Marquart, *Komanen.* — J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Marquart, *Die nichtslawischen Ausdrücke.* — J. Marquart, *Die nichtslawischen (altbulgarischen) Ausdrücke in der Bulgarischen Fürstenliste*, — «T'oung Pao», [sér. 2], vol. XI, 1910, pp. 649—680.

Marquart, *Skizzen zur Topographie.* — J. Marquart, *Skizzen zur historischen Topographie und Geschichte von Kaukasien. Das Itinerar von Artaxata nach Armastica auf der römischen Weltkarte*, — «Handes Amsorya», 1927, S. 826—866.

Marquart, *Streifzüge.* — J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940)*, Leipzig, 1903.

Marquart, *Untersuchungen.* — J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Ērān*, H. I—II, Göttingen—Leipzig, 1896—1905 (Sonderabdr. aus dem «Philologus», Bd 54, S. 489—527; Bd 55, S. 212—240; Supplementband, X, H. 1).

Marquart, *Zur Chronologie von Kaśmīr.* — J. Marquart, *Zur älteren Chronologie von Kaśmīr*, — «Album-Kern». Opstellen geschreven ter eere van Dr. H. Kern hem aangeboden door vrienden en leeringen op zijn zeventigsten verjaardag. Den VI. April MDCCCCIII, Leiden, 1903, s. 341—348.

Marquart—de Groot, *Das Reich Zābul.* — J. Marquart und J. J. M. de Groot, *Das Reich Zābul und der Gott Žūn vom 6.—9. Jahrhundert*, — «Festschrift Eduard Sachau zum siebzigsten Geburtstage. . .», Berlin, 1915, S. 248—292.

Marshall, *The date of Kanishka.* — J. H. Marshall, *The date of Kanishka*, — JRAS, 1915, pp. 191—196.

Marshall, *A guide to Taxila.* — J. Marshall, *A guide to Taxila*, Calcutta, 1918.

Marshall, *Taxila.* — J. Marshall, *Taxila. An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934*, vol. I—III, Cambridge, 1951.

Massignon, *Ignace Goldziher.* — L. Massignon, *Ignace Goldziher (1850—1921).* Notes sur sa vie, ses oeuvres et sa méthode, — RHR, 1922, стр. 1—12 (отд. отт.).

Meier-Lemgo, *Engelbert Kämpfer.* — K. Meier-Lemgo, *Engelbert Kämpfer der erste deutsche Forschungsreisende. 1651—1716. . .*, Stuttgart, 1937.

Meillet, JA, sér. 10, t. XIII [pp. 312—314]. — A. Meillet, [рец. на:] Carl Salemann, Manichaeische Studien. I. Die mittelpersischen Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen, St.-Pbg., 1908, — JA, sér. 10, t. XIII, 1909, pp. 312—314.

Meinert, *Johannes von Marignola.* — *Johannes von Marignola minderen Bruders und Päbstlichen Legaten Reise in das Morgenland v. J. 1339—1353.* Aus dem Latein übers., geordn. und erl. von F. G. Meinert, — «Abhandlungen der Königlichen Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd VII, 1822, Geschichtlicher Teil, Abh. 3, S. 1—103 [разд. паг.].

Meissner, *Die gegenwärtigen Hauptprobleme.* — B. Meissner, *Die gegenwärtigen Hauptprobleme der assyriologischen Forschung*, — ZDMG, Bd LXXVI, 1922, S. 85—100.

Mendoza, *The History.* — *The History of the great and mighty kingdom of China and the situation thereof.* Comp. by the padre Juan Gonzales de Mendoza and now reprinted from the early translation of B. Parke. Ed. by Sir George T. Staunton with an introduction by R. H. Mayor. . ., vol. I—II, London, 1853—1854 (HS, № 14—15).

Menges, *Der Titel.* — K. H. Menges, *Der Titel* كورجان der Qara-Qytaj, — UAJ, Bd XXIV, 1952, S. 84—88.

Menges, *The oriental elements.* — K. H. Menges, *The oriental elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor' Tale (Slovo o pъlku Igorevě)*, New York, 1951 (Suppl. to «Word», vol. 7, Monograph № 1).

Menges, *Titles and organizational terms.* — K. H. Menges, *Titles and organizational terms of the Qytań (Liao) and Qara-Qytaj (Śi-Liao)*, — RO, t. 17, 1953, pp. 68—79.

Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara.* — G. Meyendorff, *Voyage d'Orenbourg à Boukhara*, Paris, 1826.

Meyer, *Ursprung und Anfänge des Christentums.* — Ed. Meyer, *Ursprung und Anfänge des Christentums*, Bd I—III, Stuttgart—Berlin, 1924—1926.

Michaelis, *Recueil de questions.* — *Recueil de questions proposées à une Société de Savants qui par ordre de Sa Majesté Danoise font le voyage de l'Arabie* par Monsieur Michaelis. . . Traduit d'Allemand, Amsterdam, 1774.

Michelant—Raynaud, *Itinéraires à Jérusalem.* — H. Michelant et G. Raynaud, *Itinéraires à Jérusalem et Descriptions de la Terre Sainte rédigés en français aux XIe, XIIe et XIIIe siècles*, Genève, 1882 (Publication de la Société de l'Orient Latin, Série Géographique, III).

Middendorf, Einblikke. — A. v. Middendorff, *Einblikke in das Ferghana-Thal*, St.-Pbg., 1881 («Mémoires», VIIe série, t. XXIX, № 1).

Middendorff, *Reise in Sibiriens.* — A. Th. v. Middendorff, *Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, während der Jahre 1843 und 1844*, Bd I—IV, St.-Pbg., 1848—1875.

W. Miller, *Die Sprache der Osseten.* — W. Miller, *Die Sprache der Osseten*, — GIPh, Anhang zum Bd I, 1903.

Minorsky, *A false Jayhani.* — V. Minorsky, *A false Jayhani*, — BSOAS, vol. XIII, pt 1, 1949, pp. 89—96.

Minorsky, *Gardīzī on India.* — V. Minorsky, *Gardīzī on India*, — BSOAS, vol. XII, pt 3—4, 1948, pp. 625—640.

Minorsky, *Notes.* — V. Minorsky, *Notes sur la secte des Ahlê-Haqq*, I—II, Paris, [1922].

Minorsky, *The Turkish dialect.* — V. Minorsky, *The Turkish dialect of the Khalaj*, — BSOAS, vol. X, pt 2, 1940, pp. 417—437.

Mission Pavie. — *Mission Pavie. Indo-Chine (1879—1895)*, vol. 1—10, Paris, 1894—1919.

Montanus, *Gedenkwaerdige Gesantschappen.* — A. Montanus, *Gedenkwaerdige Gesantschappen der Oost-Indische Maetschappy in't Vereenigde Nederland, aen de Kaisaren van Japan*, Amsterdam, 1669.

Mordtmann, *Ewliyā Čelebī.* — J. H. Mordtmann, *Ewliyā Čelebī*, — EI, II, S. 34—35.

Mordtmann, *Ḳara Deniz.* — J. H. Mordtmann, *Ḳara Deniz*, — EI, II, S. 781—783.

Morgan, *Journey of Carey.* — *Journey of Carey and Dalgleish in Chinese Turkistan and Northern Tibet in 1885—7.* Mr. Dalgleish's itinerary condensed and tabulated by E. D. Morgan, — «Supplementary Papers of the Royal Geographical Society», vol. III, 1890, pp. 16—57.

Morgan—Coote, *Early voyages.* — *Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. . .*, ed. by E. D. Morgan and C. H. Coote, vol. I, London, 1886 (HS, № 72).

de Morgan, *Mission.* — J. de Morgan, *Mission scientifique en Perse*, t. I—II. *Études géographiques*; t. III, pt. 1—4. *Études géologiques*; t. IV. *Recherches archéologiques*; t. V, pt. 1—2. *Études linguistiques*, Paris, 1894—1904.

de Morgan, *Les recherches archéologiques.* — J. de Morgan, *Les recherches archéologiques, leur but et leurs procédés*, Paris, 1906.

Morgenstierne, *Neu-iranische Sprachen.* — G. Morgenstierne, *Neu-iranische Sprachen*, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd IV. Iranistik, Abschn. I. Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 155—178.

Morier, *A journey through Persia.* — J. Morier, *A journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809*, London, 1812.

Morier, *A second journey through Persia.* — J. Morier, *A second journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople between the years 1810 and 1816*, London, 1818.

Morrison, *A dictionary.* — R. Morrison, *A dictionary of the Chinese language in three parts. . .*, pt 1—3, Macao, 1815—1822.

Moshemius, *Historia Tartarorum.* — J. L. Moshemius, *Historia Tartarorum ecclesiastica.* Adiecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio, Helmstadii, 1741.

Moule, *Christians in China.* — A. C. Moule, *Christians in China before the year 1550*, London, 1930.

Moule, *Documents relating to the Mission.* — A. C. Moule, *Documents relating to the Mission of the Minor Friars to China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, — JRAS, 1914, pp. 533—599.

Moule, *A life of Odoric of Pardenone.* — A. Moule, *A life of Odoric of Pardenone*, — «T'oung Pao», vol. XX, 1921, pp. 275—290.

Muir, *The life of Mahomet.* — W. Muir, *The life of Mahomet.* With introd. chapt. on the original sources for the biography of Mahomet, and on the pre-islamite history of Arabia, vol. I—IV, London, 1861.

A. Müller, *Der Islam.* — A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, Bd I—II, Berlin, 1885—1887 (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellung. Hrsg. von W. Oncken, Hauptabth. II, T. 4).

A. Müller, *Nachwort.* — A. Müller, *Nachwort* (zu F. Teufel, Quellenstudien zur neueren Geschichte der Châtate), — ZDMG, Bd XXXVIII, 1884, S. 377—381.

F. Müller, *Handschriften-Reste.* — F. W. K. Müller, *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkistan*, — SBAW Berl., 1904, S. 348—352.

F. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal.* — F. W. K. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei*, — SBAW Berl., 1909, 1. Halbband, S. 726—730.

F. Müller, *Neutestamentliche Bruchstücke.* — F. W. K. Müller, *Neutestamentliche Bruchstücke in sogdischer Sprache,* — SBAW Berl., 1907, S. 260—270.

F. Müller, *Uigurica,* I—IV. — F. W. K. Müller, *Uigurica,* [I], — APAW, 1908; II, — APAW, 1910; III. *Uigurische Avadāna-Bruchstücke* (I—VIII), — APAW, 1920, № 2; IV (hrsg. von A. v. Gabain), — SBAW Berl., 1931, XXIV.

G. Müller, *Sammlung russischer Geschichte.* — G. F. Müller, *Sammlung russischer Geschichte,* Bd I—X, St.-Pbg., 1732—1816.

G. Müller, *De scriptis tanguticis in Sibiria.* — G. F. Müller, *De scriptis tanguticis in Sibiria repertis commentatio,* — «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», t. X ad annum 1738, Petropoli, 1747, pp. 420—468.

Musca, *Carlo Magno ed Harun al Rashid.* — G. Musca, *Carlo Magno ed Hārūn al Rashīd,* Bari, 1963 (Università degli Studi di Bari. Istituto di storia medievale e moderna, Saggi. 1).

N., *L'accademia scientifica.* — N., *L'accademia scientifica araba di Damasco,* — «Oriente Moderno», Anno I, № 1, 1921, p. 109.

Nachod, *Bibliographie von Japan.* — O. Nachod, *Bibliographie von Japan,* Bd 1—4, Leipzig, 1928—1935.

Nachod, *Bibliography.* — O. Nachod, *Bibliography of the Japanese Empire. 1906—1926,* vol. 1—2, London, 1928.

Nachod, *Eine wenig bekannte Schilderung.* — O. Nachod, *Eine wenig bekannte Schilderung eines der ersten Europäer in Japan (1544),* — OAZ, Jg. VIII, 1920, S. 325—330.

Nallino, *Al-Battanī.* — *Al-Battanī sive Albatenii opus astronomicum.* Ad. fidem codicus escurialensis arabice editum latinae versum adnotationibus instructum a C. A. Nallino, Mediolani Insubrum, vol. I—III, 1899—1907 (Publicazioni del Reale Osservatorio di Brera in Milano, XL, pt 1—3).

Nallino, *ʿIlm al-falak.* — C. A. Nallino, *ʿIlm al-falak. Taʾrikh-uhu ʿinda-l-ʿarab fī-l-ḳurūn al-wusṭā,* Roma, 1911.

Narain, *The Indo-Greeks.* — A. K. Narain, *The Indo-Greeks,* Oxford, 1957; 2d ed.: 1962.

Nemeth, *Goldzihers Jugend.* — J. Nemeth, *Goldzihers Jugend,* — AO Bud., t. 1, 1950, pp. 7—25.

Neumann, *Die Fahrt des Patrokles.* — K. J. Neumann, *Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos,* — «Hermes», Berlin, Bd 19, 1884, S. 165—185.

Neumann, *Ostasiatische Geschichte.* — K. F. Neumann, *Ostasiatische Geschichte vom ersten Chinesischen Krieg bis zu den Verträgen in Peking (1840—1860),* Leipzig, 1861.

Neuman, *Die Sinologen.* — K. F. Neumann, *Die Sinologen und ihre Werke,* — ZDMG, Bd I, 1847, S. 91—128, 217—237.

Neumann, *Strabons Landeskunde.* — K. J. Neumann, *Strabons Landeskunde von Kaukasien,* — «Jahrbücher für klassische Philologie», Supplementband XIII, 1883, S. 321—354.

B. Niebuhr, *Römische Geschichte.* — B. G. Niebuhr, *Römische Geschichte,* Bd 1—2, Berlin, 1811—1812; то же: 1830—1833.

Niebuhr, *Beschreibung von Arabien.* — *Beschreibung von Arabien aus eigenen Beobachtungen und im Lande selbst gesammelten Nachrichten abgefasst* von C. Niebuhr, Kopenhagen, 1772.

Niebuhr, *Reisebeschreibung nach Arabien.* — C. Niebuhr, *Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern,* Bd 1—3, Kopenhagen, 1774—1837.

Nöldeke, *Aufsätze zur persischen Geschichte.* — Th. Nöldeke, *Aufsätze zur persischen Geschichte,* Leipzig, 1887.

Nöldeke, *Das iranische Nationalepos.* — Th. Nöldeke, *Das iranische Nationalepos,* — GIPh, Bd II, S. 130—211.

Nöldeke, WZKM, Bd V [S. 43—49]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Ignaz Goldziher, Muhammedanische Studien, Halle, 1890, — WZKM, Bd V, 1891, S. 43—49.

Nöldeke, WZKM, Bd X [S. 338—346]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Ignaz Goldziher. Abhandlungen zur arabischen Philologie, Erster Theil, Leiden, 1896, — WZKM, Bd X, 1896, S. 338—346.

Nöldeke, ZDMG, Bd LI [S. 548—553]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Judaeo-persica nach St.-Petersburger Handschriften mitgeteilt von Carl Salemann. I. Chudâidât, ein jüdischbucharisches Gedicht, St.-Pbg., 1897, — ZDMG, Bd LI, 1897, S. 548—553.

Nöldeke, ZDMG, Bd LVI [S. 427—436]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenacʿ i. . . von. Dr. J. Marquart, Berlin, 1901. . ., — ZDMG, Bd LVI, 1902, S. 427—436.

Nöldeke, *Zur Ausbreitung des Schiitismus.* — Th. Nöldeke, *Zur Ausbreitung des Schiitismus*, — DI, Bd XIII, 1923, S. 70—81.

Nordenskiöld, *Die Umsegelung Asiens und Europas.* — A. E. F. Nordenskiöld, *Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega*, Bd I—II, Leipzig, 1881—1882.

Oberling, *The Turkic Tribes of South-western Persia.* — P. Oberling, *The Turkic Tribes of South-western Persia*, — UAJ, Bd 35, 1963, S. 164—180.

d'Ohsson, *Histoire des Mongols.* — C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguis-Khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, éd. 2, La Haye — Amsterdam, 1834—1835; éd. 3: Amsterdam, 1892 (repr.: Tientsin, 1940).

M. d'Ohsson, *Tableau général de l'Empire Othoman.* — I. M. d'Ohsson, *Tableau général de l'Empire Othoman, divisé en deux parties, dont l'une comprend la législation mahométane; l'autre, l'histoire de l'Empire Othoman. . .*, vol. I—III, Paris, 1788—1790.

Oldenberg, *Aus Indien und Iran.* — H. Oldenberg, *Aus Indien und Iran. Gesammelte Aufsätze*, Berlin, 1899.

Olearius, *Aussführliche Beschreibung.* — Adam Olearii *Aussführliche Beschreibung der kundbaren Reyse nach Muskow und Persien. . .*, Schlesswig, 1671.

d'Ollone, *A propos de Chine.* — d'Ollone, *A propos de «La Chine novatrice et guerrière»*, — BÉFEO, t. VIII, 1908, pp. 613—616.

d'Ollone, *La Chine.* — d'Ollone, *La Chine novatrice et guerrière*, Paris, 1906.

d'Ollone, *Recherches sur les Musulmans. — Recherches sur les Musulmans chinois* par le commandant d'Ollone. . ., le capitain de Fleurelle, le capitain Lepage, le lieutenant de Boyve. Études de A. Vissiere. . . notes de E. Blochet. . . et de divers savants, Paris, 1911 (Mission d'Ollone [Documents scientifiques de la Mission d'Ollone, I]).

Oppenheim, *Ancient Mesopotamia.* — A. L. Oppenheim, *Ancient Mesopotamia. Portrait of a dead civilisation*, Chicago—London—Toronto, 1964.

Oppert, *Der Presbyter Johannes.* — G. Oppert, *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Völker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters*, Berlin, 1864; 2. Aufl.: 1870.

d'Orleans, *History of the two Tartar conquerors of China. — History of the two Tartar conquerors of China*, including the two journeys into Tartary of Father Ferdinand Verbiest in the suite of the Emperor Kiang-Hi: from the French of Père Pierre Joseph d'Orleans. . . Tr. and ed. by Earl of Ellesmere with an introduction by R. H. Major, London, 1854 (HS, № 17).

Ouseley, *Travels in various countries.* — W. Ouseley, *Travels in various countries of the East; more particularly Persia. . .*, vol. I—III, London, 1819—1823.

Pages, *Bibliographie Japonaise.* — L. Pages, *Bibliographie Japonaise ou Catalogue des ouvrages relatifs au Japon qui ont été publiés depuis le XVe siècle jusqu'à nos jours*, Paris, 1859.

Pagliaro—Bausani, *Storia della letteratura persiana.* — A. Pagliaro e A. Bausani, *Storia della letteratura persiana*, Milano, 1960.

Die Palästina-Literatur. — Die Palästina-Literatur. Eine internationale Bibliographie in systematischer Ordnung mit Autoren- und Sachregister, Bd 1—7, Leipzig, 1957—1970 [издание продолжается].

Palgrave, *Narrative.* — W. G. Palgrave, *Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia (1862—63)*, vol. I—II, London, 1866.

Palgrave, *Reise in Arabien.* — W. G. Palgrave, *Reise in Arabien.* Aus dem Englischen, Bd I—II, Leipzig, 1867—1868.

Palgrave, *Une année.* — W. G. Palgrave, *Une année dans l'Arabie centrale (1862—1863).* Trad. d'Émile Jouveaux abrégée par J. Belin-De Launay, Paris, 1869.

Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten.* — J. S. Pallas, *Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften*, T. I—II, St.-Pbg., 1776—1801.

Pallis, *The Antiquity of Iraq.* — S. A. Pallis, *The Antiquity of Iraq. A handbook of Assyriology*, Copenhagen, 1956.

Paribeni, *Le ricerche archeologiche.* — R. Paribeni, *Le ricerche archeologiche in Oriente durante la guerra*, — «Oriente Moderno», Roma, Anno I, № 1, 1921, pp. 106—108.

Pauthier, *L'inscription syro-chinoise.* — G. Pauthier, *L'inscription syro-chinoise de Singan-fou. . .*, Paris, 1858 (Études orientales, № 2).

Pearson, *Bibliography.* — J. D. Pearson, *Oriental and Asian bibliography. An introduction with some reference to Africa*, London, 1966.

Pearson, *Index Islamicus.* — J. D. Pearson, *Index Islamicus, 1906—1955. A catalogue of articles on islamic subjects in periodicals and other collective publications*, Cambridge, 1958; *Supplement. 1956—1960*, Cambridge, 1962; *Second Supplement. 1961—1965*, Cambridge, 1967.

Pelliot, *À propos des Comans.* — P. Pelliot, *À propos des Comans*, — JA, sér. 11, t. XV, 1920, pp. 125—185.

Pelliot, BÉFEO, t. III [p. 342]. — P. P[elliot], [рец. на:] E. Chavannes, Confucius («Revue de Paris», 15 février 1903, pp. 827—844), — BÉFEO, t. III, № 2, 1903, p. 342.

Pelliot, *Chrétiens.* — P. Pelliot, *Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, — «T'oung Pao», vol. XV, 1914, pp. 623—644.

Pelliot, *Encore à propos du nom de Chine.* — P. Pelliot, *Encore à propos du nom de Chine*, — «T'oung Pao», vol. XIV, 1913, pp. 427—428.

Pelliot, *«Isol» le Pisan.* — P. Pelliot, *«Isol» le Pisan*, — JA, sér. 11, t. VI, 1915, pp. 495—497.

Pelliot, *Les Mongols et la Papauté.* — [P. Pelliot], *Les mongols et la Papauté. Documents nouveaux édités, traduits et commentés* par P. Pelliot, — ROC, sér. 3, t. III (XXIII), 1922—1923, pp. 3—30; t. IV (XXIV), 1924, pp. 225—335; t. VIII (XXVIII), 1932, pp. 3—84.

Pelliot, *Notes critiques d'histoire kalmouke.* — P. Pelliot, *Notes critiques d'histoire kalmouke.* Texte; tableaux généalogiques, Paris, 1960 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, VI).

Pelliot, *L'origine du nom de «Chine».* — P. Pelliot, *L'origine du nom de «Chine»*, — «T'oung Pao», vol. XIII, 1912, pp. 727—742.

Pelliot, *Sur l'origine du nom de Fou-lin.* — P. Pelliot, *Sur l'origine du nom de Fou-lin*, — JA, sér. 11, t. III, 1914, pp. 498—500.

Pelliot, «T'oung Pao», vol. XXI [pp. 399—413]. — P. Pelliot, [рец. на:] Voyage du marchand arabe Sulayman en Inde et en Chine rédigé en 851 suivi de remarques par Abū Zeyd Ḥasan (vers 916), traduit par G. Ferrand. [Collection «Les classiques de l'Orient», t. VII], Paris, 1922, — «T'oung Pao», vol. XXI, 1922, pp. 399—413.

Persival, *Beschreibung der Insel Ceylon.* — R. Persival, *Beschreibung der Insel Ceylon*, übers. von J. A. Begk, Leipzig, 1803.

Peschel, *Geschichte der Erdkunde.* — O. Peschel, *Geschichte der Erdkunde bis auf A. v. Humboldt und Carl Ritter*, München, 1865 (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, Bd IV).

Philby, *The Heart of Arabia.* — H. St. J. B. Philby, *The Heart of Arabia. A record of travel and exploration*, vol. I—II, London, 1922.

Pick—Schubring, *Chronik.* — *Chronik der Reisen, Ausgrabungen und Erwerbungen.* Hrsg. H. Pick und W. Schubring, — ZDMG, Bd LXVIII, 1914, S. 647—651.

Pietro della Valle, *The travels.* — *The travels of Pietro della Valle in India.* From the old English translation of 1664, by G. Havers. . . Ed., with a life of the author, an introduction and notes by E. Grey, vol. I—II, London, 1892 (HS, № 84—85.)

Pietro della Valle, *Viaggi.* — *Viaggi di Pietro della Valle, il pellegrino . . . descritti da lui medesimo in lettere familiari. . . all' erudito. . . suo amico Mario Schipano. Divisi in tre parti cioè: la Turchia, la Persia e l'India, colla vita e ritratto dell' autore* ed. G. Gansia. . ., vol. I—II, Brighton, 1843.

Pirenne, *Mahomet et Charlemagne.* — H. Pirenne, *Mahomet et Charlemagne*, — «Revue Belge de philologie et d'histoire», t. I, Bruxelles, 1922, pp. 77—86.

Pirenne, *Un contraste économique.* — H. Pirenne, *Un contraste économique: Mérovingiens et Carolingiens*, — «Revue Belge de philologie et d'histoire», t. II, Bruxelles, 1923, pp. 223—235.

Pischel, *Die indische Literatur.* — R. Pischel, *Die indische Literatur*, — в кн.: «Die Orientalischen Literaturen mit Einleitung: Die Anfänge der Literatur und die Literatur der primitiven Völker», Berlin—Leipzig, 1906 (Die Kultur der Gegenwart ihre Entwicklung und ihre Ziele, hrsg. von P. Hinneberg, T. I, Abt. VII), S. 160—213.

Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant.* — J. Pitton de Tournefort, *Relation d'un voyage du Levant fait par ordre du Roi, contenant l'Histoire Ancienne et Moderne de plusieurs Iles de l'Archipel, de Constantinople, des Côtes de la Mer Noire, de l'Armenie, de la Georgia, des Frontières de Perse et de l'Asie Mineure*, vol. I—II, Amsterdam, 1718 [Paris, 1717].

Pococke, *A Description of the East.* — R. Pococke, *A Description of the East and some other countries*, vol. I—II, London, 1745.

Poppe, *Andrej Rudnev.* — N. Poppe, *Andrej Rudnev*, — CAJ, vol. IV, № 2, 1959, pp. 85—89.

Pott, *Ungleichheit.* — A. F. Pott, *Die Ungleichheit menschlicher Rassen hauptsächlich vom sprachwissenschaftlichen Standpunkte*, [s. l.], 1856.

Poppe, *A survey of studies of Turkic loan-words.* — N. Poppe, *A survey of studies of Turkic loan-words in the Russian language*, — CAJ, vol. XI, № 4, pp. 287—310.

Praesent—Haenisch, *Bibliographie von Japan.* — H. Praesent und W. Haenisch, *Bibliographie von Japan*, Bd I. *1933—1935*; Bd II. *1936—1937*, Leipzig, 1937—1940.

Prášek, OLZ, Jg. XI, 1908 [S. 371—377]. — J. V. Prášek, [рец. на:] The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the rock of Behistûn in Persia. A new collation of the Persian, Susian and Babylonian Texts, with English translation etc., London, 1907, — OLZ, Jg. XI, 1908, S. 371—377.

Die Preussische Expedition nach Ost-Asien. — *Die Preussische Expedition nach Ost-Asien. Nach amtlichen Quellen*, Bd 1—4, Berlin, 1864—1876.

Pritchard, *Ancient near eastern texts.* — J. B. Pritchard, *Ancient near eastern texts, relating to the Old Testament*, 2d ed., Princeton, 1955.

Pritsak, *Die Karachaniden.* — O. Pritsak, *Die Karachaniden* (mit einer genealogischen Tafel), — DI, Bd XXXI, 1953, S. 15—68.

Pritsak, *Von den Karluk.* — O. Pritsak, *Von den Karluk zu den Karachaniden*, — ZDMG, Bd CI (N. F. Bd 26), 1951, S. 270—300.

Protokollarischer Bericht. — *Protokollarischer Bericht über die am 6. September 1902 zu Hamburg abgehaltene Allgemeine Versammlung der D. M. G.*, — ZDMG, Bd LVI, 1902, S. XLVII—XLIX.

Pumpelly, *Explorations.* — R. Pumpelly, *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilization of Anau*, vol. I—II, Washington, 1908.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lfg. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Radloff, *Alttürkische Studien.* I—VI. — W. Radloff, *Alttürkische Studien*, — ИАН, сер. VI, (I) — т. III, 1909, № 18, стр. 1213—1220; (II—III), — т. IV, 1910, № 3, стр. 217—228; № 13, стр. 1025—1036; (IV—V), — т. V, 1911, № 5, стр. 305—326; № 6, стр. 427—452; (VI) — т. VI, 1912, № 12, стр. 747—778.

Radloff, *Aus Sibirien.* — W. Radloff, *Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche*, Leipzig, 1884; 2. Ausg., Bd I—II, Leipzig, 1893.

Radloff, *Beobachtungen.* — W. Radloff, *Beobachtungen über die Kirgisen*, — Pet. Mitt., 1864, S. 163—168.

Radloff, *Chuastuanit.* — [W. Radloff], *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer.* Hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909.

Radloff, *Einleitende Gedanken.* — W. Radloff, *Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen*, St.-Pbg., 1907.

Radloff, *Kurzer Bericht.* — W. Radloff, *Kurzer Bericht über eine auf Kosten des Kabinets Sr. Kaiserlichen Majestät unternommene Reise in den Altai im Sommer des Jahres 1861. . .*, — «Bulletin», t. V, 1863, col. 534—537.

Radloff, *Observations.* — W. Radloff, *Observations sur les Kirghis*, — JA, sér. 6, t. II, 1863, pp. 309—328.

Radloff, *Phonetik.* — W. Radloff, *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, T. I. Phonetik der nördlichen Türksprachen*, H. II. *Consonanten*, Leipzig, 1883.

Radloff, *Proben* — см. Радлов, *Образцы.*

Radloff, *Das türkische Sprachmaterial.* — W. Radloff, *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus.* Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest, 1880), St.-Pbg., 1887 («Mémoires», sér. VII, t. XXXV, № 6).

Radloff, *Die vorislamitischen Schriftarten.* — W. Radloff, *Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben*, — ИАН, сер. VI, т. II, 1908, стр. 835—856.

Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems.* — W. Radloff, *Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems*, — ИАН, сер. V, т. XIV, 1901, стр. 425—462.

Ramsay, *Cilicia, Tarsus.* — W. M. Ramsay, *Cilicia, Tarsus and the Great Tauruss pass*, — GJ, vol. XXII, № 4, 1903, pp. 357—413.

Ramsay, *The geographical conditions.* — W. M. Ramsay, *The geographical conditions determining History and Religion in Asia Minor*, — GJ, vol. XX, 1902, pp. 257—282.

Ramsay, *The historical geography.* — W. M. Ramsay, *The historical geography of Asia Minor*, — «Supplementary papers of the Royal Geographical Society», vol. IV, 1890.

Raverty, *The language.* — H. Raverty, *The language of the Siah posh Kafirs*, — JASB, vol. XXXIII, 1864, pp. 267—278.

Raverty, *Notes on Kafiristan.* — H. Raverty, *Notes on Kafiristan*, — JASB, vol. XXVIII, 1859, pp. 317—368.

Rawlinson, *Memoir on the Babylonian and Assyrian Inscriptions.* — H. C. Rawlinson, *Memoir on the Babylonian and Assyrian Inscriptions*, — JRAS, vol. XIV, 1851, pp. I—CIV, 1—32.

Rawlinson, *Note on the Persian Inscriptions.* — H. C. Rawlinson, *Note on the Persian Inscriptions at Behistun*, — JRAS, vol. XII, 1850, pp. I—XXI.

Rawlinson, *On the Inscriptions of Assyria.* — H. C. Rawlinson, *On the Inscriptions of Assyria and Babylonia*, — JRAS, vol. XII, 1850, pp. 401—483.

Rawlinson, *The Persian cuneiform inscription.* — H. C. Rawlinson, *The Persian cuneiform inscription at Behistun decyphered and translated, with a memoir on Persian cuneiform inscriptions in general and on that of Behistun in particular*, — JRAS, vol. X, 1847, pp. I—LXXI; 1—349; vol. XI, 1849, pp. 1—192.

Rein, *Japan.* — *Japan*, nach Reisen und Studien im Auftrage der königlichen Preussischen Regierung dargestellt von J. J. Rein, Bd I—II, Leipzig, 1881—1886.

Reinaud, *Relation.* — *Relation des voyages faits par les arabes et les persans dans l'Inde et à la Chine dans le IXe siècle de l'ère chrétienne.* Texte arabe. . . par M. Reinaud, t. I. *Introduction et traduction*; t. II. *Textes*, Paris, 1845.

Renan, *Dialogues philosophiques.* — E. Renan, *Dialogues et fragments philosophiques*, Paris, 1876,

Renan, *L'Espagne musulmane.* — E. Renan, *L'Espagne musulmane. Le Cid*, — в кн.: E. Renan, *Mélanges d'histoire*, pp. 277—289.

Renan, *Mélanges d'histoire.* — E. Renan, *Mélanges d'histoire et de voyages*, Paris, 1878.

Report of the proceedings of the second international congress of orientalists. — *Report of the proceedings of the second international congress of orientalists held in London 1874*, London, 1874.

Revillout, *La femme dans l'antiquité.* — E. Revillout, *La femme dans l'antiquité*, — JA, sér. 10, t. VII, 1906, pp. 57—101, 161—232, 345—392.

Richard, *Comprehensive geography of the Chinese Empire.* — L. Richard, *Comprehensive geography of the Chinese Empire and dependancies.* Transl. into English, revised and enlarged by M. Kennelly, Shanghai, 1908.

Richard, *Géographie de l'empire de Chine.* — L. Richard, *Géographie de l'empire de Chine*, Changhai, 1905.

Richthofen, *China.* — F. Fr. v. Richthofen, *China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien*, Bd I—IV, Berlin, 1877—1883.

Rickmers, *The Duab.* — W. R. Rickmers, *The Duab of Turkestan. A phisiographic sketch and account of some travels*, Cambridge, 1913.

Riess, *History of the English Factory.* — L. Riess, *History of the English Factory at Hirado*, — «Transactions of the Asiatic Society of Japan», vol. XXVI, 1898, pp. 1—114, 163—218.

Ritter, DI, Bd XII [S. 114—122]. — H. Ritter, [рец. на:] Ignaz Goldziher, Die Richtungen der islamischen Koranauslegung. . . Leiden, 1920, — DI, Bd XII, 1922, S. 114—122.

Ritter, DI, Bd XII [S. 141—151]. — H. Ritter, [рец. на:] Archäologische Reise im Euphrat- und Tigrisgebiet von F. Sarre und E. Herzfeld. Bd II, Berlin, 1920, — DI, Bd XII, 1922, S. 141—151.

C. Ritter, *Einleitung.* — C. Ritter, *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde*, Berlin, 1852.

C. Ritter, *Die Erdkunde.* — C. Ritter, *Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine, vergleichende Geographie als sichere Grundlage des Studiums und Unterrichts in physikalischen und historischen Wissenschaften*, Bd I—IX, Berlin, 1822—1859.

C. Ritter, *Geschichte der Erdkunde.* — C. Ritter, *Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen.* Vorlesungen an der Universität zu Berlin gehalten. Hrsg. von H. A. Daniel, Berlin, 1861.

Robertson, *The Káfirs.* — G. S. Robertson, *The Káfirs of Hindu-Kush*, London, 1896.

Robinson, *Neuere biblische Forschungen.* — *Neuere biblische Forschungen in Palästina und in den angränzenden Ländern. Tagebuch einer Reise im Jahre 1852. Von E. Ro-*

binson, E. Smith und Andern. Nach den Original-Papieren mit historischen Erläuterungen hrsg. von E. Robinson, Berlin, 1857.

Robinson, *Palästina. — Palästina und die südlich angränzenden Länder. Tagebuch einer Reise im Jahre 1838 in Bezug auf die biblische Geographie unternommen von E. Robinson und E. Smith.* Nach den Original-Papieren mit historischen Erläuterungen hrsg. von E. Robinson, Bd 1—5, Halle, 1841—1842.

Rockhill, *Diary of a Journey through Mongolia and Tibet.* — W. W. Rockhill, *Diary of a Journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892*, Washington, 1894.

Rockhill, *The Land of the Lamas.* — W. W. Rockhill, *The Land of the Lamas. Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet*, London, 1891.

Röhricht, *Bibliotheca geographica Palaestinae. — Bibliotheca geographica Palaestinae. Chronologisches Verzeichniss der auf die Geographie des hl. Landes bezüglichen Literatur von 333 bis 1878 und Versuch einer Cartographie*, hrsg. von R. Röhricht, Berlin, 1890.

Röhricht, *Briefe des Jacobus de Vitriaco. — Briefe des Jacobus de Vitriaco (1216—21)*, hrsg. von R. Röhricht, — «Zeitschrift für Kirchengeschichte», Bd XVI, Gotha, 1896, S. 72—114.

Roemer, *Die Bābī-Behā'ī.* — H. Roemer, *Die Bābī-Behā'ī, die jüngste muhammedanische Sekte*, Potsdam, 1912.

Rosen, *Les manuscrits arabes.* — *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales. . .* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1877 (Collections scientifiques, t. I).

Rosen, *Les manuscrits persans.* — *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales. . .* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections scientifiques, t. III).

Rosen, *Remarques sur les manuscrits.* — V. Rosen, *Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne, suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection*, Rome, 1885 (Atti della Royale Accademia dei Lincei, ser. 5ª, Scienze morali, vol. XII).

Rosen, *Zur arabischen Literaturgeschichte.* — V. Rosen, *Zur arabischen Literaturgeschichte der ältern Zeit. I. Ibn Quteiba: Kitâb ʿUjûn al-akhbâr*, — Mél. As., t. VIII, 1881, pp. 745—779.

de Rosny, *Hendrik Hamel.* — L. de Rosny, *Hendrik Hamel et sa captivité en Corée*, — в кн.: L. de Rosny, *Variétés Orientales*, 2e éd., Paris, 1869, pp. 157—162.

Ross, *Al-Muzaffariyé.* — E. D. Ross, *Al-Muzaffariyé: containing a Recent Contribution to the Study of ʿOmar Khayyam*, — JRAS, 1898, pp. 349—366.

Ross, *Sir Antony Sherley.* — *Sir Antony Sherley and his Persian adventure, including some contemporary narratives relating thereto.* Ed. by Sir E. Denison Ross, London, 1933.

L. Ross, *Kleinasien.* — L. Ross, *Kleinasien und Deutschland. Reisebriefe und Aufsätze mit Bezugnahme auf die Möglichkeit Deutscher Niederlassungen in Kleinasien*, Halle, 1850.

Rundall, *Memorials.* — *Memorials of the empire of Japan in the XVI and XVII centuries.* Ed. with notes by Th. Rundall, London, 1850 (HS, № 8).

Rypka, *Dějiny perské a tádžické literatury.* — J. Rypka, *Dějiny perské a tádžické literatury*, Praha, 1956.

Rypka, *Iranische Literaturgeschichte.* — J. Rypka u. a., *Iranische Literaturgeschichte*, [ergänzte und erweiterte deutsche Ausg.], Leipzig, 1959 (Iranische Texte und Untersuchungen, Bd 4).

Ṣabā, *Bibliographie.* — M. Ṣabā, *Bibliographie française de l'Irān. Bibliographie méthodique et raisonnée des ouvrages français parus depuis 1560 jusqu'à nos jours*, 2e éd., Tehran, 1957.

Sachau, *Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm.* — E. Sachau, *Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm*, Wien, 1873.

Saeki, *The Nestorian Documents.* — P. Y. Saeki, *The Nestorian Documents and Relics in China*, Tokyo, 1937; 2d ed.: 1951.

Saeki, *The Nestorian Monument in China.* — R. Y. Saeki, *The Nestorian Monument in China*, London, 1916; 2d ed.: 1928.

Salemann, *Bericht über des Žukovski Materialien.* — C. Salemann, *Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur persischen Dialektologie*, — «Bulletin», t. XXXI, 1887, col. 537—540; то же: Mél. As., t. IX, 1888, pp. 255—259.

Salemann, *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Ĵamâlî.* — C. Salemann, *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Ĵamâlî*, — Mél. As., t. IX, 1888, pp. 417—594.

Salemann, *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums.* — C. Salemann, *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum* (mit einem Facsimile), — ЗИАН, сер. 8, т. VI, № 6, стр. 1—26.

Salemann, *Eranica*, I—IV. — C. Salemann, *Eranica*, I—IV, — ИАН, сер. 6, т. VIII, 1914, стр. 795—808.

Salemann, *Iran, Armenien und Kaukasusländer.* — C. Salemann, *Iran, Armenien und Kaukasusländer*, — «Wissenschaftlicher Jahresbericht über die Morgenländischen Studien im Jahre 1878», Leipzig, 1883, S. 134—155.

Salemann, *Judaeo-Persica.* — C. Salemann, *Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften*, I. *Chudâidât ein jüdisch-buchârisches Gedicht*, — «Mémoires», sér. 7, t. XLII, № 14, 1897.

Salemann, LOPh, Bd II [S. 74—86]. — C. Salemann, [рец. на:] Paul de Lagarde, Persische Studien, Göttingen, 1884, — LOPh, Bd II, [1885], S. 74—86.

Salemann, *Manichaeische Studien.* — C. Salemann, *Manichaeische Studien*, I. *Die Mittelpersischen Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen*, СПб., 1908 (ЗИАН, сер. 8, т. VIII, № 10, стр. 1—172).

Salemann, *Manichaica*, I—V. — C. Salemann, *Manichaica*, I, — ИАН, сер. 6, т. I, 1907, стр. 175—184; II, — стр. 531—558; III, — 1912, стр. 1—32; IV, — стр. 33—50; V, — 1913, стр. 1125—1144.

Salemann, *Mittelpersische Studien.* — C. Salemann, *Mittelpersische Studien. Erstes Stück*, — Mél. As., t. IX, 1887, pp. 207—253.

Salemann, *Die Seldschukischen Verse.* — C. G. H. Salemann, *Noch einmal die Seldschukischen Verse*, — Mél. As., t. X, 1894, pp. 173—245.

Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift.* — C. Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift der kaiserlichen oeffentlichen Bibliothek zu St.-Petersburg*, — ТТМСО, т. II, стр. 491—592.

Salemann, *Ueber eine pehlevisch-arabische Münze.* — C. Salemann, *Ueber eine pehlevisch-arabische Münze*, — ZDMG, Bd XXXIII, 1879, S. 511.

Salemann, *Zum mittelpersischen Passiv.* — C. Salemann, *Zum mittelpersischen Passiv*, — ИАН, сер. 5, т. XIII, 1900, стр. 269—276.

Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus.* — C. Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus.* I. *Türkisches*, II. *Persisches*, — ИАН, сер. 6, т. IV, 1910, стр. 943—957.

Salemann — Shukovski, *Persische Grammatik.*—C. Salemann, V. Shukovski, *Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar*, Berlin, 1889.

Sarre, *Denkmäler.* — F. Sarre, *Denkmäler persischer Baukunst. Geschichtliche Untersuchung und Aufnahme muhammedanischer Backsteinbauten in Vorderasien und Persien*, [Atlas], unter Mitwirkung von B. Schulz und G. Krecker, Lfg. I—VII, Berlin, 1901; Textband, Berlin, 1910.

Sarre, *Die Keramik von Samarra.* — F. Sarre, *Die Keramik von Samarra.* Unter Mitwirkung von E. Herzfeld mit Beiträgen von Materialprüfungsamt der techischen Hochschule Berlin und von Dr. H. Arnold, Berlin, 1925 (Die Ausgrabungen von Samarra, Bd 2).

Sarre, *Die Kleinfunde von Samarra.* — F. Sarre, *Die Kleinfunde von Samarra und ihre Ergebnisse für das islamische Kunstgewerbe des 9. Jahrhunderts*, — DI, Bd V, 1914, S. 180—195.

Sarre—Herzfeld, *Archäologische Reise.* — F. Sarre und E. Herzfeld, *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet*, Bd I—IV, Berlin, 1911—1920.

Sarre—Herzfeld, *Iranische Felsreliefs.* — F. Sarre und E. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus alt- und mittelpersischen Zeit*, Berlin, 1910.

Sarton, *A history of science.* — G. Sarton, *A history of science. Ancient science through the golden age of Greece*, Cambridge, 1952.

Schachermeyer, *Die minoische Kultur.* — F. Schachermeyer, *Die minoische Kultur des alten Kreta*, Stuttgart, 1964.

Schaeder, *J. Markwart.* — H. H. Schaeder, *Josef Markwart.* [Necrolog], — UJ, Bd X, 1930, S. 113—119.

Schaeder, *V. Thomsen.* — H. H. Schaeder, *Vilhelm Thomsen. 25. Januar 1842— 13. Mai 1927. Ein Nachruf. . .*, — ZDMG, Bd 81 (N. F., Bd 6), 1927, S. 278—283.

Schaeder, *Vorwort.* — H. H. Schaeder, *Vorwort*, — в кн.: J. Markwart, *Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ost Iran*, Leiden, 1938, S. 1—61.

Scheil, *La loi de Hammourabi.* — V. Scheil, *La loi de Hammourabi*, 2e éd., Paris, 1904.

Schindler, *Vorwort.* — B. Schindler, *Vorwort des Herausgebers*, — в кн.: «Hirth anniversary volume» (AM, Introductory volume), S. LIX—LXXV.

Schlagintweit-Sakünlünski, *Reisen in Indien.* — H. v. Schlagintweit-Sakünlünski, *Reisen in Indien und Hochasien. . .*, Bd I—IV, Jena, 1869—1880.

Schlegel, *Über die Sprache.* — Fr. Schlegel, *Über die Sprache und Weisheit der Inder. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde*, Heidelberg, 1808.

Schlumberger, *Le trésor de San'â.* — G. Schlumberger, *Le trésor de San'â (monnaies himyaritiques)*, Paris, 1880.

Schmidt, *Persepolis*, I—II. — E. F. Schmidt, *Persepolis*, I. *Structures. Reliefs. Inscriptions*, Chicago, 1953; *Persepolis*, II. *Contents of the treasury and other discoveries*, Chicago, 1957 (The University of Chicago. Oriental Institute Publications, vol. LXVIII—LXIX).

F. Schmidt, *Über Rubruk's Reise.* — F. M. Schmidt, *Über Rubruk's Reise von 1253—1255*, — ZGEB, Bd XX, 1885, S. 161—253.

I. Schmidt, *Grammatik.* — I. J. Schmidt, *Grammatik der Mongolischen Sprache*, St.-Pbg., 1831.

Schnabel, *Berossos.* — P. Schnabel, *Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur*, Leipzig—Berlin, 1923.

Schott, *Versuch.* — W. Schott, *Versuch über die Tatarischen Sprachen*, Berlin, 1836.

Schrader, *Seide.* — O. Schrader, *Seide*, — в кн.: «Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde», Strassburg, 1901, S. 757—760.

Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte.* — O. Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*, 2. Aufl., Jena, 1890.

Schrenk, *Reisen und Forschungen im Amur-Lande.* — L. v. Schrenk, *Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856. . .*, Bd 3, St.-Pbg., 1881.

Schwarz, *Die Abbasiden-Residenz Samarra.* — P. Schwarz, *Die Abbasiden-Residenz Samarra*, Leipzig, 1909.

Schwarz, *Turkestan.* — F. Schwarz, *Turkestan. Die Wiege der indogermanischen Völker*, Freiburg, 1900.

Schweiger-Lerchenfeld, *Armenien.* — A. v. Schweiger-Lerchenfeld, *Armenien. Ein Bild seiner Natur und seiner Bewohner. Im Anhange: Anatolische Fragmente.* Mit einem Vorwort von F. v. Hellwald, Jena, 1878.

Schwentner, *Tocharische Bibliographie.* — E. Schwentner, *Tocharische Bibliographie, 1890 bis 1958*, Berlin, 1959.

Sédillot, *Prolégomènes.* — *Prolégomènes des Tables astronomiques* d'Oloug-Beg. Publiés avec notes et variantes et précédés d'une introduction par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1847; Traduction et commentaire par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1853 (Chrestomathie persane, publiée sous les auspices de M. le Ministre de l'instruction publique, t. I—II).

Seligman, *The Roman Orient.* — C. G. Seligman, *The Roman Orient and the Far East*, — «Antiquity», vol. XI, № 41, 1937, pp. 5—30.

Senart, *Rapports.* — E. Senart, *Rapports sur les travaux de la Mission Archéologique en Afghanistan pendant le premier semestre de 1924*, — CRAIBL, 1924, pp. 342—346.

Senkowski, *Supplément.* — J. Senkowski, *Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mongols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la Grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharèzm, depuis la mort d'Aboul-ghazi-khan jusqu'à la même époque*, St.-Pbg., 1824.

Seybold, *ʿAbd al-Raḥmān.* — C. F. Seybold, *ʿAbd al-Raḥmān*, — EI, I, S. 56.

Seybold, *Al-Andalus.* — C. F. Seybold, *Al-Andalus*, — EI, I, S. 366—369.

Seybold, *Al-Idrīsī.* — C. F. Seybold, *Al-Idrīsī*, — EI, II, S. 480—481.

Seybold, *Djahwar.* — C. F. Seybold, *Djahwar*, — EI, I, S. 1045.

Shaw, *A sketch of the Turki language.* — R. B. Shaw, *A sketch of the Turki language as spoken in Eastern Turkistan (Kàshgar and Yarkand) together with a collection of extracts*, pt I—II, Lahore, 1875; pt II, Calcutta, 1880.

Shaw, *Visits to High Tartary.* — R. Shaw, *Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar. . .*, London, 1871.

Shiratori, *On the Ts'ung-ling traffic.* — K. Shiratori, *On the Ts'ung-ling traffic route described by C. Ptolemaeus*, — MRDTB, № 16, 1957, pp. 1—34.

Siebold, *Nippon.* — Ph. F. Siebold, *Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern. . .*, t. 1—7, Leyden, 1832.

Siebold, *Urkundliche Darstellung.* — Ph. F. v. Siebold, *Urkundliche Darstellung der Bestrebungen von Niederland und Russland zur Eröffnung Japan's für die Schiffahrt und den Seehandel aller Nationen*, Bonn, 1854.

Siebold, *Voyage au Japon.* — Ph. Fr. de Siebold, *Voyage au Japon, exécuté pendant les années 1823 à 1830. . .* ed. française rédigée par MM. A. de Montrey et R. Fraissinet. . . , t. I—II, Paris, 1838.

Sieg—Siegling, *Tocharisch.* — E. Sieg und W. Siegling, *Tocharisch, die Sprache der Indoskythen*, — SBAW Berl., 1908, S. 915—934.

Simonet, *Descripción.* — F. J. Simonet, *Descripción del reino de Granada bajo la dominación de los Naseritas, sacada de los autores árabes, y seguida del texto inédito de Mohammed Ebn Aljatib*, Madrid, 1860.

Sirr, *China and the Chinese.* — H. Ch. Sirr, *China and the Chinese: their religion, customs and manufactures; the evils arising from the opium trade: with a glance at our religious, moral, political and commercial intercourse with the country*, vol. I—II, London, 1849.

Skrine—Ross, *The Heart of Asia.* — F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times*, London, 1899.

Smirnow, *Manuscrits turcs.* — *Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales* décrits par W. D. Smirnow, St.-Pbg., 1897 (Collections scientifiques, t. VIII).

Snouck-Hurgronje, LOPh, Bd I [S. 417—429]. — Snouck-Hurgronje, [рец. на:] Die Zāhiriten, ihr Lehrsystem und ihre Geschichte. Beitrag zur Geschichte der muhammedanischen Theologie von Dr. Ignaz Goldziher. Leipzig, 1884, — LOPh, Bd I, 1884, S. 417—429.

Snouck-Hurgronje, *Mekka*. — C. Snouck-Hurgronje, *Mekka*, Bd I—II. Mit Bilder-Atlas, Haag, 1888—1889.

Soltykoff, *Voyages*. — A. Soltykoff, *Voyages dans l'Inde et en Perse*, Paris, 1853.

Soltykoff—Trayer, *Habitants de l'Inde*. — *Habitants de l'Inde dessinés d'après nature* par le prince Alexis Soltykoff. Lithographiés à deux teintures par J. Trayer, Paris, 1853.

Spuler, *Die Mongolen in Iran*. — B. Spuler, *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350*, 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.

Starr, *The Origins of Greek Civilization*. — Ch. G. Starr, *The Origins of Greek Civilization*, New York, 1961.

Staunton, *An authentic account*. — G. Staunton, *An authentic account of an embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China . . .*, vol. I—II, London, 1797.

Stein, *Ancient Khotan*. — A. Stein, *Ancient Khotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan*, vol. I. *Text*; vol. II. *Plates*, Oxford, 1907.

Stein, *Central-asian relics*. — Au. Stein, *Central-asian relics of China's ancient silk trade*, — «Hirth Anniversary volume», pp. 367—374.

Stein, *Innermost Asia*. — A. Stein, *Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Irān*, vol. I—IV, Oxford, 1928.

Stein, *Preliminary Report*. — A. Stein, *Preliminary Report on a journey of archaeological and topographical exploration in Chinese Turkestan*, London, 1901.

Stein, *Serindia*. — A. Stein, *Serindia. Detailed report of explorations in Central Asia and westernmost China*, vol. I—V, Oxford, 1922.

Stein, *A third journey*. — A. Stein, *A third journey of exploration in Central Asia, 1913—16*, — GJ, vol. XLVIII, 1916, pp. 97—130, 193—229.

Stolze, *Persepolis*. — *Persepolis. Die Achaemenidischen und Sasanidischen Denkmäler und Inschriften von Persepolis, Istakhr, Pasargadae, Shāhpūr* zum ersten Male photographisch aufgenommen von F. Stolze, im Anschlusse an die epigraphisch-archaeologische Expedition in Persien von F. C. Andreas. Herausgegeben auf Veranlassung des 5. internationalen Orientalistenkongresses zu Berlin. Mit einer Besprechung der Inschriften von Th. Nöldeke, Bd 1—2, Berlin, 1882.

Storey, *Persian Literature*. — C. A. Storey, *Persian Literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I—II, London, 1927—1958.

Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. — Th. J. von Strahlenberg, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730.

Streck, *Die alte Landschaft Babylonien*. — M. Streck, *Die alte Landschaft Babylonien nach den arabischen Geographen*, Bd I—II, Leiden, 1900—1901.

Stübe, *Ein altrussischer Reisebericht*. — R. Stübe, *Ein altrussischer Reisebericht aus Indien vor Ankunft Vasco da Gamas*, — «Deutsche Revue», Jg. XXXIV, Bd 4, 1909, S. 120—124.

Stübe, *Tschinghiz-Chan*. — R. Stübe, *Tschinghiz-Chan, seine Staatsbildung und seine Persönlichkeit*, — «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur», hrsg. von J. Ilberg, 11. Jg., Bd XXI, Leipzig, 1908, S. 532—541.

A survey of bibliographies. — *A survey of bibliographies in Western languages concerning East and Southeast Asian Studies*, pt 1—2, Tokyo, 1966—1969.

Sykes, *A history of Persia*. — P. M. Sykes, *A history of Persia*, vol. I—II, London, 1915; 2d ed.: 1921.

Sykes, *Ten thousand miles*. — P. M. Sykes, *Ten thousand miles in Persia or eight years in Irán*, London, 1902.

Takakusu, *A record.* — *A record of the Buddhist Religion as practised in India and the Malay Archipelago (a. d. 671—695)*, by I-tsing, transl. by J. Takakusu, Oxford, 1896.

Takakusu, *The name of «Messiah».* — J. Takakusu, *The name of «Messiah» found in a buddhist book; the nestorian Missionary Adam, presbyter, papas of China, translating a buddhist sûtra,* — «T'oung Pao», vol. VII, 1896, pp. 589—591.

Tarn, *The Greeks.* — W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, 2d ed., Cambridge, 1951.

Tarn, *Patrocles.* — W. W. Tarn, *Patrocles and the Oxo-Caspian trade route,* — JHSt, vol. 21, 1901, pp. 10—29.

Tate, *Seistan.* — G. P. Tate, *Seistan. A memoir on the history, topography, ruins and people of the country*, pt I—IV, Calcutta, 1910—1912.

Tavernier, *Les six voyages.* — *Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier . . . en Turquie, en Perse, et aux Indes*, pendant l'espace de quarante ans et par toutes les routes que l'on peut tenir. . . , pt. 1—3, Paris, 1679.

Tcharykow, *Un voyage dans l'Ouzbekistan.* — N. Tcharykow, *Un voyage dans l'Ouzbekistan en 1671* (D'après des documents conservés aux Archives Principales du Ministère des Affairs Etrangères à Moscou), — TTMCO, т. I, стр. 595—604.

Tchéras, *La legende d'Alexandre-le Grand chez l'arméniens.* — Tchéras, *La legende d'Alexandre-le-Grand chez l'arméniens*, — RHR, t. XLIII, 1901, pp. 345—351.

Tchihatcheff, *Asie Mineure.* — P. Tchihatcheff, *Asie Mineure. . .* , pt. I—IV, St.-Pbg., 1853—1869.

Tchihatcheff, *Voyage scientifique.* — *Voyage scientifique dans l'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine*, fait par ordre de S. M. l'Empereur de Russie par P. de Tchihatcheff, Paris, 1845.

Temir, *Radloff.* — A. Temir, *Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918)*, — «Oriens», vol. VIII, 1955, S. 51—93.

Teufel, *Quellenstudien.* — F. Teufel, *Quellenstudien zur neueren Geschichte der Chânate*, — ZDMG, Bd XXXVIII, 1884, S. 235—381.

Texier, *Description de l'Arménie.* — C. F. M. Texier, *Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie*, pt. I—II, Paris, 1839—1852.

Texier, *Description de l'Asie Mineure.* — Ch. Texier, *Description de l'Asie Mineure, fait par ordre du gouvernement français de 1833 à 1837*, et publiée par le Ministère de l'instruction publique. . . , vol. I—III, Paris, 1838—1840.

Thevenot, *Voyages.* — [Thevenot], *Voyages de m-r Thevenot tant en Europe qu'en Asie et en Afrique, divisez en trois parties, qui comprenant cinq volumes*, pt. 1—3, Paris, 1689.

Thibaut, *Astronomie, Astrologie und Mathematik.* — G. Thibaut, *Astronomie, Astrologie und Mathematik*, — «Grundriss», Bd III, H. 9, 1899.

Thomas, *Sir J. H. Marshall's Kharosthi inscription.* — F. W. Thomas, *Sir J. H. Marshall's Kharosthi inscription from Taxila*, — JRAS, 1915, pp. 531—533.

Thomas — Rey, *Travels to Tana.* — *Travels to Tana and Persia* by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini. Translated from the Italian by W. Thomas. . . and by S. A. Rey and edited, with an introduction by Lord Stanly of Alderley, London, 1873 (HS, № 49).

Thompson, *History of ancient geography.* — J. Thompson, *History of ancient geography*, Cambridge, 1948.

Thomsen, *Alttürkische Inschriften.* — V. Thomsen, *Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung* [übers. von H. H. Schaeder], — ZDMG, Bd 78 (N. F., Bd 3), 1924, S. 121—175.

Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions.* — V. Thomsen, *Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire*, — «Bulletin de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark» pour l'année 1893, pp. 285—299.

Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon.* — [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen*, Helsingfors, 1896 (MSFOu, t. V).

Thomsen, *Turcica.* — V. Thomsen, *Turcica. Etudes concernant l'Interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie*, Helsingfors, 1916 (MSFOu, t. XXXVII).

Thomson, *Dringende Bitte.* — P. Thomson, *Dringende Bitte*, — ZDPV, Bd XXXVI, 1913, S. 80.

Thunberg, *Voyages au Japon.* — [C. P. Thunberg], *Voyages de C. P. Thunberg au Japon, par le Cap de Bonne-Espérance, les îles de la Sonde etc.*, t. I—IV, Paris, 1796.

Tiele, *Geschichte der Religion.* — C. P. Tiele, *Geschichte der Religion im Altertum bis auf Alexander den Grossen.* Deutsche autorisierte Ausgabe von G. Gehrich, Bd I—II, Gotha, 1895—1903.

Tiessen, *China.* — E. G. Tiessen, *China, das Reich der achtzehn Provinzen*, T. I. *Die allgemeine Geographie des Landes*, Berlin, 1902.

Timmer, *Megasthenes.* — B. Timmer, *Megasthenes en dee indische Maatschappij*, Amsterdam, 1930.

Tobler, *Bibliographia geographica Palaestinae.* — T. Tobler, *Bibliographia geographica Palaestinae. Zunächst kritische Übersicht gedruckter und ungedruckter Beschreibungen von Reisen ins Heilige Land*, Leipzig, 1867.

Tomaschek, *Über das arimaspische Gedicht.* — W. Tomaschek, *Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I. Über das arimaspische Gedicht des Aristeas*, — SBAW Wien, Bd CXVI, 1888, S. 715—780.

Tomaschek, *Zur historischen Topographie.* — W. Tomaschek, *Zur historischen Topographie von Persien.* [I.] *Die Strassenzüge der Tabula Peutingerana*, — SBAW Wien, Bd CII, 1883, S. 145—231.

Tozer, *A history of ancient geography.* — H. F. Tozer, *A history of ancient geography*, Cambridge, 1897.

Transactions of the second session of the international congress of orientalists. — *Transactions of the second session of the international congress of orientalists, held in London in september 1874*, London, 1876.

Uvarow, *Projet.* — S. Uvarow, *Projet d'une Académie Asiatique*, St.-Pbg., 1810.

della Valle — см. Pietro della Valle.

Valentyn, *Oud en nieuw Oost-Indien.* — F. Valentyn, *Oud en nieuw Oost-Indien, vervattende een Naaukeurige en Uitvoerige Verhendelinge van Nederlands mogentheyd in die Gewesten. . .*, Deel I—V, Amsterdam, 1724—1726.

Varthema, *The travels.* — [L. Varthema], *The travels of Lodovico di Varthema in Egypt, Syria, Arabia Deserta and Arabia Felix, Persia, India and Ethiopia A. D. 1503 to 1508.* Tr. from the original Italian. . . by J. W. Jones. . . and ed. with notes and an introduction by G. P. Badger, London, 1863 (HS, № 32).

Veit, *Festschrift zur Haug-Feier.* — *Festschrift zur Erinnerung an die Haug-Feier in Ostdorf am 29. August 1909*, hrsg. von Fr. Veit, Tübingen, [1909].

Vico, *Cinque libri.* — [G. Vico], *Cinque libri di Giambattista Vico de' principi d'una scienzia nuova d'intorno alla commune natura delle nationi. . . Alla santità di Clemente XII dedicati*, Napoli, 1730.

Vico, *La scienza nuova.* — *La scienza nuova e opere scelte* di Giambattista Vico. A cura di N. Abbognano, Torino, 1952.

Vivien de Saint-Martin, *Description.* — L. Vivien de Saint-Martin, *Description historique et géographique de l'Asie Mineure, comprenant les temps anciens, le moyen âge et les temps modernes*, Paris, 1852.

Vivien de St.-Martin, *Nouveau dictionnaire.* — L. Vivien de St.-Martin, *Nouveau dictionnaire de géographie universelle*, t. I—II, Paris, 1877—1879.

Volney, *Voyage en Syrie.* — C. F. Volney, *Voyage en Syrie et en Égypte. Pendant les années 1783, 1784 et 1785*, t. I—II, Paris, 1799—1800.

Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas.* — W. P. Wassiljew, *Die Erschliessung Chinas. Kulturhistorische und wirtschaftspolitische Aufsätze zur Geschichte Ostasiens.* Deutsche Bearbeitung von Dr. R. Stübe. Mit Beiträgen von Dr. A. Conrady, Leipzig, 1909.

Wassiliev, *Notice sur les ouvrages.* — W. Wassiliev, *Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie orientale, qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'Université de Saint-Pétersbourg*, — Mél. As., t. II, 1856, pp. 562—607.

Weber, *Eduard Glasers Forschungsreisen.* — O. Weber, *Eduard Glasers Forschungsreisen in Südarabien*, Leipzig, 1909 (Der Alte Orient, Jg. X, H. 2).

Weiss, DI, Bd VII [S. 123—136]. — J. Weiss, [рец. на:] Festschrift Eduard Sachau zum siebzigsten Geburtstage, gewidmet von Freunden und Schülern, in deren Namen hrsg. von G. Weil, Berlin, 1915, — DI, Bd VII, 1917, S. 123—136.

Weissbach, *Die altpersischen Inschriften.* — F. H. Weissbach, *Die altpersischen Inschriften*, — GIPh, Bd II, S. 54—74.

Weissbach, *Die Keilinschriften.* — F. H. Weissbach, *Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis*, Leipzig, 1911 (AKGWG, Bd XXIX, № 1).

Weissbach, ZDMG, Bd LXI [S. 722—733]. — F. H. Weissbach, [рец. на:] The sculptures and inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia. A new Collation of the Persian, Susian, and Babylonian Textes, with English translation, etc., London, 1907, — ZDMG, Bd LXI, 1907, S. 722—733.

Wejers, *Commentarii.* — H. E. Wejers, *Commentarii de Codicibus Mss Orientalibus Bibliothecae Leidensis*, — «Orientalia», ed. T. G. J. Juynboll, T. Roorda, H. E. Wejers, vol. I, Amsterdami, 1840, pp. 295—501; vol. II, 1846, pp. 197—489.

Wellhausen, *Das Arabische Reich.* — J. Wellhausen, *Das Arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902.

Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten.* — J. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, H. I—VI, Berlin, 1884—1889.

Wenckstern, *A bibliography of the Japanese Empire.* — F. v. Wenckstern, *A bibliography of the Japanese Empire.* Being a classified list of all books, essays and maps in european languages relating to Dai Nihon (Great Japan) published in Europe, America and in the East from 1859—93 A. D., vol. I, Leiden, 1895; vol. II, Tokyo—Osaka—Kyoto, 1907.

Westberg, *Beiträge.* — F. Westberg, *Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa. (Erste Hälfte des Mittelalters)*, — ИАН, сер. V, т. XI, 1899, стр. 211—245, 275—314; то же: Mél. As., t. XI, 1901, pp. 291—364.

Westberg, *Ibrâhîm's-Ibn-Ja'ḳûb's Reisebericht.* — F. Westberg, *Ibrâhîm's-Ibn-Ja'ḳûb's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965*, St.-Pbg., 1898 (ЗИАН, сер. VIII, ОИФ, т. III, № 4).

Weyers, *Specimen.* — *Specimen criticum, exhibens Locos Ibn Khacanis de Ibn Zeidouno*, ex mss. Codicibus Bibliothecae Lugd. Bat. et Gothanae. . ., Lugduni Batavorum, 1831.

Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers.* — M. Wheeler, *Rome beyond the imperial frontiers*, London, 1955.

Widengren, *Die Religionen Irans.* — G. Widengren, *Die Religionen Irans*, Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit, Bd 14).

Wilber, *Annotated bibliography.* — D. N. Wilber, *Annotated bibliography of Afghanistan*, New Haven, 1956 (Behavior science. Bibliographies. Human relations area files).

Williams, *The Middle Kingdom.* — S. W. Williams, *The Middle Kingdom. A survey of the geography, government, literature, social life, arts and history of the Chinese Empire and its inhabitants*, vol. I—II, 3d ed., London, 1848.

Winckler, *Altorientalische Geschichts-Auffassung.* — H. Winckler, *Altorientalische Geschichts-Auffassung*, — JEOL, Bd II, H. 2, 1906.

Winckler, *Auszug.* — H. Winckler, *Auszug aus der Vorderasiatischen Geschichte*, Leipzig, 1905.

Winckler, *Die Thontafeln von Tell-el-Amarna.* — H. Winckler, *Die Thontafeln von Tell-el-Amarna*, Berlin, 1896.

Winckler, *Die Weltanschauung.* — H. Winckler, *Die Weltanschauung des Alten Orients*, Leipzig, 1904 («Ex Oriente Lux», Bd I, H. 1).

Wiseman, *The expansion of Assyrian Studies.* — D. J. Wiseman, *The expansion of Assyrian Studies.* An inaugural Lecture delivered on 27 February 1962, Oxford, 1962.

Witsen, *Noord en Oost Tartarye.* — N. Witsen, *Noord en Oost Tartarye, ofte bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekent zyn geweest...*, Amsterdam, 1692.

Wittfogel — Fêng Chia-shêng, *Liao.* — K. A. Wittfogel and Fêng Chia-shêng, *History of Chinese society Liao (907—1125)*, Philadelphia, 1949 (Transactions of the American Philosophical Society, NS, vol. 36).

Wolff, *A narrative.* — J. Wolff, *A narrative of a Mission to Bokhara in the years 1843—1845*, to ascertain the fate of colonel Stoddart and Captain Conolly, 5d ed., London, 1848.

Wood, *A journey.* — J. Wood, *A journey to the source of the river Oxus.* New edition, with an essay on the geography of the valley of the Oxus, by H. Yule, London, 1872.

Wright, *A short history.* — W. Wright, *A short history of Syriac literature*, London, 1894.

Yang, *A bibliography of Chinese language.* — *A bibliography of Chinese language.* Comp. by Winston L. Y. Yang and Teresa S. Yang, New York, 1966.

Yate, *Khurasan and Sistan.* — C. E. Yate, *Khurasan and Sistan*, Edinburgh — London, 1900.

Yate, *Northern Afghanistan.* — C. E. Yate, *Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission*, Edinburgh — London, 1888.

Yuan Tung-Li, *China in western literature.* — Yuan Tung-Li, *China in western literature.* A continuation of Cordier's Bibliotheca Sinica, New Haven, 1958.

Yule, *Cathay.* — *Cathay and the way thither: being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, № 36—37); 2d ed.; vol. I—IV, London, 1913—1916 (HS, 2d ser., № 33, 37, 38, 41).

Zarncke, *Der Priester Johannes.* — F. Zarncke, *Der Priester Johannes.* Abh. 1. (Cap. I—III), — ASGW, Bd VII, 1879, S. 826—1028; Abh. 2 (Cap. IV—VI), — ASGW, Bd VIII, 1883, S. 1—184.

Zichy, *Le voyage de Sallâm.* — E. Zichy, *Le voyage de Sallâm, l'interprète à la muraille de Gog et de Magog*, — KCsA, vol. I, № 3, 1922, pp. 190—204.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

Абака 258
Аббадиды 706, 708, 709*, 712*
Аббас I Великий 58, 304—306, 370, 468, 745, 746
Аббас II 309
Аббас-мирза 746
Аббасиды, аббасидские халифы 121, 350, 707, 742
Абд ал-Азиз 371, 372, 392
Абд ал-Кадир багдадский 614
Абд ал-Каюм, сын Абд ан-Насыра — см. Насыров, Каюм
Абд ал-Керим бухарский 558
Абд ал-Меджид 561
Абд ар-Раззак Самарканди 365, 656*
Абд ар-Рахман III, правитель Испании 708*, 713
Абд ар-Рашид-ханов — см. Мунаввар-Кары Абд ар-Рашид-хан-оглу
Абдаллах, эмир Испании 709
Абдаллах Ансари — см. Ансари, Абдаллах
Абдекаримов 117, 142, 164
Абдулла, хан бухарский 369
Абдулла Ауляни — см. Ауляни, Абдулла
Абдуллахов, Мухаммед-Алим 151; см. также Мухаммед Эмин
Абдуррахман, Шевкет — см. Шевкет Абдуррахман
Абель-Ремюза (Abel-Rémusat) 322, 623, 668
Абих Г. В. (В.-Г.) 480
Аблин, Сеиткул 380
Абрамов, генерал 606
Абу-л-Ала Ма'арри 726
Абу Дулеф 171
Абу Зейд сирафский 256
Абу Ма'шар ал-Балхи (Албумасар) 257
Абу Са'ид мейхенейский 697
Абу-л-Фарадж 271, 311
Абу-л-Фида 259, 302
Абу-л-Хасан Бейхаки — см. Бейхаки, Абу-л-Хасан
Абу-л-Хасан Харакани — см. Харакани, Абу-л-Хасан
Абулгази 33, 369—371, 395, 747
Абулхайр 405—408
Авган-Султан 370
Август, император 216
Аверроэс 277
Авиценна 277, 693, 694
Авраам, библ. 715, 716
Агапий, иеромонах 125
Агафий 252, 579
Адам (Kingtsing), перс-христианин 572
Адамов А. 476
Адамс, Вильям 290, 291
Адамс Ф. О. (Adams F. O.) 324
Аделунг Фр. (Adelung Fr.) 5, 40, 41*, 106, 416
Адрианов А. В. 508, 616
Айваз-Мухаммед (Вейс-Мамбет) 396
Айса — см. Ай-се
Ай-се (Айса, Ngai-sie) 272, 574, 575; см. также Иса, Изол
Акбар 287, 288
Аксаков К. 123*
Алань-хоа (Алонгоа) 572, 573
Албумасар — см. Абу Ма'шар ал-Балхи
Александр I 42, 463, 539
Александр II 118, 541, 600, 746
Александр III 506, 746, 774
Александр III, папа 267
Александр VII, папа 296
Александр Македонский (Александр) 15, 213, 244—246, 249, 254, 256, 328, 384, 385, 513, 514, 516, 523, 547, 550, 572, 573, 605, 625, 626
Алексеев В. М. 630, 641
Алексей Комнин 538*
Алексей Михайлович, царь 379
Али Кушчи 530*
Али Челеби (Али-эфенди) 690

[1] Во всех указателях звездочкой помечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

Али Эмири 565*
Али-хан Каджарский 699*
Алим-хан кокандский 429, 444
Алморавиды 708, 709, 714
Алмохады 728
Алонгоа — см. Алань-хоа
Алтан-хан 380; см. также Алтын-царь
Алтын-царь 377
де Алькаде, Фернандес 580
Алькок (Alcock R.) 324
Альтамира (Altamira) 576
Аманулла 562
Амати 292
Амин-Ахмед Рази — см. Рази, Амин-Ахмед
Аминов, Ибн-Ямин 101, 115, 116
Аммон, миф. 244
Амхерст (Amherst) 319, 320
Анаксимандр 240
д'Ананиа, Лоренцо 309*
Анвери — см. Энвери
д'Анвиль (d'Anville J.) 300, 315
д'Андрада, Антоний 298
д'Андрада, Фердинанд Перес 285
Андреас Ф. 339, 757*
Андреев М. С. 590*, 613
Анжуйская династия 277
Аникеев, Сергей 374
Анкетиль Дюперрон (Anquetil du Perron) 227, 312—314, 317
Анна Иоанновна, императрица 35, 390
Ансари, Абдаллах 691
Антиох I Сотер 245
Антоний Платковский, архимандрит 34*
Антонин, архимандрит 475
Антонины, династия 250
Анучин В. И. 423, 508, 616
Ануша 371, 392
Ань-дунь 250
Аполлон Пифийский 240
Араб-Мухаммед 369, 370, 392
Арандаренко Г. А. 557, 606, 661
Арзангулов, Артемий 102*, 103*
Аристагор милетский 240
Аристей проконнесский 240, 241
Аристобул 244
Аристов Н. А. 465—466
Аристотель 219, 243, 244, 246, 247, 537
Арманго (Armengaud) 277
Арно (Arnaud) 348
Арриан 244, 245, 249
Арсеньев 375*, 383*
Артаксеркс II Мнемон 242—243
Артемьев 744
Архипов 136
Аршинский, Даниил 381
Асади 614*
Асин Паласиос, Мигель (Asín Palacios M.) 576
Аспелин (Aspelin J.) 758
Ассурбанипал 232
Асфизари — см. Исфизари
Асцелин 270
Атанасовы, братья 413—414
Атласов, Владимир 24, 389, 400
Аттила 771
Аузли В. (Ouseley W.) 338, 339
Аузли Г. 338
Ауляни, Абдулла 563
Ауренгзеб 310, 373, 374
Ауфи 258, 361
Афдаль Кеши 693
Афрасиаб 550
Ахемениды 254, 339, 340, 781
Ахилл 637
Ахирам 211*
Ахмед, мусульманский министр 273
Ахмед б. Маджид 283*
Ахмед б. Хусейн 114, 116
Ашока 328, 626
Ашур-бек 393
Ашурходжаев, Ташходжи 561

Баба-Кухи 692
Баба-Тахир хамаданский 691
Бабингер Фр. (Babinger Fr.) 567, 738*
Бабур 287, 288, 366, 367
Багратиды 480, 785
Багров Л. С. 270*, 283*
Бадмаев А. А. 166, 167, 189
Бадмаев П. А. 189
База-бакши 459
Базили 474
Базинер (Basiner T. F.) 443
Байер Г.-З. 8, 32—34, 748
Байков Ф. И. 379, 380
Бакировы 560
Бакмейстер Л.-Х. 40, 116
Бакунин, Василий 397
Бакшт 136*
Балдуин 361, 362
Баллестер Р. 580
ал-Балхи 255
Банг В. 617*, 687*, 781
Банзаров Д. 6, 748

Барадийн Б. Б. 189, 460, 508
Барановский 703
Барбаро, Иосафат 281, 282, 365
Барсуков Н. П. 50*, 123*, 125*
Барт Я. 568
Бартольд В. В. 5, 7—20, 32*, 41*, 43*, 44*, 48*, 50*, 54*, 66*, 77*, 78*, 107*, 123*, 125*, 132*, 146*, 152*, 172*, 194*, 207*, 210*, 256*, 258*, 322*, 334*, 335*, 337*, 338*, 340*, 364*, 372*, 387*, 410*, 441*, 451*, 460*, 480*, 485*, 503*, 512*, 537*, 543*, 553*, 555*, 588*, 640, 647*, 679*, 688*, 736*, 788*
Бастиан 331
Батор Хонтайдзи 662*
Батый 19, 78*, 582, 749
Батыр 408
Батюшков 703
Бауэр (Bower) 519
Баязид <I> 279, 280
Бегаим, Мартин (Behaim M.) 284
Бедвель В. (Bedwell) 311
Безобразов, студент ФВЯ 122, 126, 127
Безобразов П. В. 538*
Бейли (Bailey H.) 334*
Бейхаки, Абу-л-Хасан 693, 694
Беккер К. Г. (Becker C. H.) 349*, 351*, 573, 631*, 725*, 730, 733, 735*
Бекович-Черкасский А. (Девлет-Гирей) 393—396, 443
ал-Бекри 302
Бекчурин, Мендияр 411
Бель (Bell d'Antermony J.) 35*
Бельк 343
Белью (Bellew H. W.) 333, 462
Беляев И. А. 440*, 506—507, 586
Беневени, Флорио 395, 396
Бер К. (Baer K. E.) 599, 600
Берг Л. С. 427, 451
Бердибек II 643
Березин И. Н. 19, 46*, 47*, 74, 76*, 79*, 104*, 109, 118, 119, 121, 133, 134, 140, 142, 144, 151, 152, 156, 157, 158*, 165, 167, 172, 173, 174*, 177, 180, 184, 470, 511, 587, 588*, 623, 654, 737—756
Березовский 462
Берже 148*
Беринг, Витус 378, 399, 401
Бернс А. (Burnes A.) 335, 441, 547
Бернье Ф. (Bernier F.) 310
Бероев Н. Л. 57, 71, 121, 124, 125*, 134, 135
Берос 245, 246
ван Бершем М. (van Berchem M.) 341, 568, 598, 732*
Бётлингк О. Н. (Böhtlingk O.) 73*, 421, 423*, 463*, 609, 686
Бецольд (Bezold C.) 259*, 568
Биллингс 414, 415
Бируни 258
Битепаж К. А. 129, 144
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 58, 60, 121, 260*, 333*, 381*, 452, 456, 459, 511, 623, 760
Благовещенский 157
Бланкеннагель 411
Бларамберг 430, 465*, 468
Блоше (Blochet E.) 262*, 511, 729*
Блудов Д. Н. 65*, 122, 123*
Блюментрост 31
Бобринской А. А. 441, 442
Богданов А. И. 26*, 27*, 35—38
Богданов, Андрей 26*, 27*, 390
Богданов, Иван 26*, 27*
Богданович 352*, 451
Богль, Джордж 318
Богораз В. Г. 425, 616
Богословский 440
Боде 468, 469
Бодунчар 572
Боккаччо 270
Болдырев А. В. 49—51, 56, 67, 172, 467
Боллензен Ф. 80
Болотов В. В. 477, 538
Бопп Фр. (Bopp Fr.) 73, 326, 666
Бораганский, Ильяс-Мурза 188
Борокурган 398
Ботога, тунгусский князь 380
Ботта 231
Боуэр (Bower) 333
Боянда 376
Бравин Н. З. 586
Брамбеус — см. Сенковский О. И.
Брант Ф. Ф. 745
Браун Э. (Browne E. G.) 342, 512, 691*, 692, 693, 700, 702*
Бретшнейдер (Bretschneider E.) 381*, 511, 750
Брокельман К. (Brockelmann C.) 256*, 566*, 710, 717*, 723
Брондаль В. (Bröndal V.) 760, 761
Броневский 479
Броссе М.-Ф. (М. И.) 69—71, 75, 79,

126, 127, 479, 540, 609, 747*
Брукер 38
Брюгман 307
Бу-а-ли (Pou-a-li) 575
Будагов Л. З. 72, 124*, 133, 134, 142, 152, 153, 165, 741, 750
Будда 625, 639
Буладмир — см. Владимир Святославич
Булановский 161
Булич С. К. 6
Бу-лу-ма-ше (Pou-lou-ma-che) 574
Булычев, Иван 377
Бурдуков А. В. 454*
Буркгардт, Иоанн (Ибрахим) 346, 347
Бурнашев 444
Бусайна (بثينة) 713*
Буслаев Ф. И. 50*
Бутаков 428
Бутенев 440
Бухари 714
Бухаров, Алексей 370, 371
Бухгольц 396—398
Бухлер 765
Бушар 229
Бэджер (Badger G. P.) 350
Бэрджес (Burgess) 328
Бэрендт И. Б. 43
Бэртон (Burton R.) 347
Бюлер (Bühler G.) 329, 330*
Бюрнуф, Евгений 314
Бюш К. Ф. 108—112, 135

Вайс И. (Weiss J.) 786
Валентин Ф. (Valentyn F.) 292
Валид II, халиф 733
Валидов, Джемаль ад-дин 682
Валиханов, Чокан 460, 461, 745
делла Валле, Пьетро 304—306, 309
де ла Валле-Пуссен Л. 569
Валли — см. Вань-ли
Валуев 123*
Вальтон 401
Вамбери, Арминий (Герман) 440, 684*, 718
Ван Янь-дэ 262
Вань-ли (Валли) 377
Варнер 302
Вартема, Лодовико (Varthema L.) 303—305, 315, 346
Васик, халиф 256
Васильев А. 477
Васильев, Анисим 373
Васильев В. П 19, 58*, 75—80, 85, 89, 90, 102, 109, 115, 116*, 117*, 120, 123, 130, 131, 134, 145, 153, 157, 164*, 165, 171—173, 177, 179—184, 186, 188, 190, 192, 194, 453, 456, 457, 540, 542, 543, 609, 619—628, 639, 737, 739, 743, 745, 746, 749, 751, 752, 754, 766
Васильев, Иван 30
Васильевский В. Г. 199*
Васко да Гама 283
Вейерс (Weyers) 705, 708—709
Вейс-Мамбет — см. Айваз-Мухаммед
Великие Моголы 287, 288, 298, 310, 317, 330, 367
Вельхаузен Ю. (Wellhausen J.) 567, 568, 717, 731, 733
Вельяминов-Зернов В. В. 174, 185, 187, 189, 191, 445, 510, 513, 581, 587*, 644, 651, 756
Венгеров 738*
Веневитинов 361*
Венюков 436
Вербист 294—296, 298
Вербицкий В. 672, 673, 675*
Веревкин 431, 433
Вернер 352
Веселовский К. С. 6
Веселовский Н. И. 6, 10, 12, 13, 19, 28*, 143*, 146, 151*, 171*, 177, 178, 189, 201, 203, 204, 206, 279*, 444, 449, 456*, 513, 525, 526, 575*, 601, 606, 642—664, 745, 746, 750, 753, 755, 789—790
Веттер 783
Вецштейн 348
Вечеслов М. Г. 466
де Виверо-и-Веласко, Родриго 292
Вивьен де С.-Мартен (Vivien de St. Martin L.) 342
Видеман 693
Вико (Vico G.) 220
Виллиамс (Williams S.) 321, 324
Виллоби 306
Вильгельм II, голландский король 324
Вилькен 43*
Вильсон 123*, 743
Вильфорд 318
Виниус 27
Винклер (Winckler H.) 232—234, 343, 780
Висделу (Visdelou) 297, 299, 511
Виткевич 465, 468

де Витри, Яков, 268
Витсен Н. К. 32*, 382, 386, 392, 415
Витте С. Ю. 530, 543, 660
Владимир Мономах 363, 535
Владимир Святой — см. Владимир Святославич
Владимир Святославич (Буладмир, Владимир Святой) 357, 360, 361, 363, 535
Владимир Ярославич 361
Владиславлев М. И. 183
Влангали 429
Власов 703
Войцеховский И. П. 75, 79, 456
Волков М. Г. 68
Волынский 29
Вольней Фр. (Volney C. F.) 311, 314—316, 706
Вольф, Христиан 31, 511, 538
Воронцов, граф 414
Врангель 415
Вревский А. Б. 486, 487, 491
Вронченко 473
Всеволод Ярославич 363, 535
Вуд, английский путешественник в Пальмиру 311
Вуд (Wood J.), английский путешественник по Аму-Дарье 335, 441
Вуллерс 606, 617
Вулли 570
Вышнегорский 554
Вяземский П. А. 122
Вяземский П. П. 107*
Вяткин В. Л. 448, 530*, 593, 661*

Габе (Gabet) 321
Габеленц 768
Гавердовский 427
Гаврилов М. 557
Гагарин М. 393
Газали 693, 694, 728, 732, 734
Гаиб — см. Каип
Гайтон, автор «Восточной истории» 278
Гайтон (Хетум), царь Малой Армении 278
Галдан-Цэрэн 397
Галифакс 311
Гамазов 469
Гантемир, тунгусский князь 384
Гао-инь-ци 188
Гардан (Gardanne) 338
Гардизи 256, 788
Гаркави А. Я. 145, 146, 172
Гарнье (Garnier F.) 331
Гасфорт 137
Гвоздев 399
Гегель 221, 667
Геерен (Heeren A.) 353, 743
Гейгер В. (Geiger W.) 605*, 612
Гельдер 705
Гельмерсен (Helmersen G.) 440, 672
Генрих III, кастильский король 279
Георгиевский С. М. 139*, 179, 180, 192, 623
Гербарт 667
Гердер (Herder J. G.) 221, 315
Гермипп 245
Геригросс 440
Геродот 12, 212, 213, 228, 229, 240—245, 270, 315, 637, 771, 780
Гесиод 209
Гете 220
Гзелль (Gsell) 26*, 38
Гиббон (Gibbon E.) 714
Гиганов 134
Гильденштедт 41, 413, 478
Гинкулов Я. Д. 73
Гиргас В. Ф. 102*, 103, 126, 127, 129, 130, 146*, 147, 154, 167, 171, 177—179, 185, 476, 745
Гирс 703
Гистасп 230
Гладстон 608
Гладышев, поручик 407, 408
Гладышев Г. 79, 80*
Глазер 348
Глуховский 451
Гмелин, Иоанн-Георг 401, 413
Гмелин, Самуил 413, 478
Гобиль 298, 299, 300*
Гобино (Gobineau A.) 512, 667
Гоголь Н. В. 125*
Годар (Godard) 337*
Годунов, Борис 369, 370
Годунов П. И. 382
Голенищев 476, 478
Голиаф 725*
Голиус, Яков 302, 308
Голицин С. М. 50*
Головин, Федор 384, 385
Головкин, граф 421
Головнин А. В., министр 139
Головнин В. М. 420
Голохвастов 50*

Голстунский К. Ф. 119*, 124, 131, 132, 134, 138*, 143, 144*, 157, 166, 177, 181, 453, 752
Голубев, издатель 641
Голубев, капитан 435
Голубков 355
Гольдциер И. (Goldziher I.) 20, 329*, 568, 717—736
Гомбоев 116, 117, 134
Гомер 714
Гонза — см. Поморцев, Демьян
Гончаров И. А. 420
Гор-Ра, миф. 725
Гордлевский 474
Горский, Иван 373
Горчаков, князь 429, 430*, 431
Готвальд И. Ф. 74, 108—111, 472
Готье Р. (Gauthiot R.) 612
Гоэс, Бенедикт 287—289, 306
Гра-Симонич (Симонич) 465, 468
Грацилевский 68*
Грегуар 580
Грек, колл. асессор 161
Греков Б. Д. 363*
Грен А. Н. 616*
Грибов, Анисим 371
Грибовский, Софроний — см. Софроний Грибовский
Григорий IX, папа 272
Григорович 66*
Григорьев В. В. 6, 10, 43*, 44*, 57, 66*, 68*, 71*, 72*, 73*, 74*, 75, 76*, 85, 101*, 119, 122*, 123*, 142, 143, 145, 146, 151, 155, 157*, 161*, 165, 167—171, 173, 174*, 175*, 176, 189, 200, 201, 355, 411, 461, 462, 513, 520, 542, 603, 642—644, 647—654, 656, 658, 662, 663, 670*, 740*, 745, 752, 754, 756, 789
Гримм, Яков 606, 666
Гроддек 56, 619, 620
Гродеков 450, 465, 554
Грозье 298
де Грот 568, 786
Гроте (Grothe H.) 343
Гротефенд (Grotefend G. F.) 230, 231, 315
Грубе В. 616
Грум-Гржимайло, братья 458, 462
Грюбер 298
Гуармани 348
де Гуе (de Goeje M. J.) 170, 255, 704, 714, 716, 717
Гузев В. Г. 20
Гуй-жун 164, 178, 188
Гуляев 408
Гумберт 68*
Гумбольдт А. (Humboldt A.) 351—354, 356, 424, 435, 489, 510, 524, 547, 669, 670
Гумбольдт В. (Humboldt W.) 57, 666, 667, 757
Гурлянд И. 154*
Гутшмид 720, 779, 784
Гуюк 269, 270, 575
Гюк (Huc E. R.) 321
Гюцлаф (Gützlaff) 320, 324

Давид, библ.-коранич. 211, 715
Давид, «царь» 267, 268; см. Кучлук
Давыдов 419
Дамаскин, епископ 41*
Дамаскин, Николай 243
Данибегов, Рафаил 414
Даниил, игумен 361, 362
Даниил Сивиллов, архимандрит 75, 76, 81*, 297, 456
Данилевский 443
Данишменд 310
Данияр-бек 410
Данте 576
Дарий I 230, 231, 339
Дарий Кодоман 739
Дармстетер (Darmesteter J.) 634*, 729*
Дас, Сарат Чандра 332
Даудов В. А. 372, 373
Даукинс 311
Девериа 635
Девлет-Гирей — см. Бекович-Черкасский А.
Дегинь (Deguignes J.) 299, 511
Дежнев, Семен 378
Дезидери, Ипполит 299
Делиль, отец 300, 392, 401
Делиль, сын 403
Делиль де ля Круаер 401
Делич Фр. 568
Делянов И. Д. 159, 175*
Деманж Ж.-Ф. 54—57
Демезон П. И. 88, 439
Денбей 25—27, 389, 537
Деранбур, Гартвиг 721
Джавахов И. А. 183, 477
Джайлс Л. (Giles L.) 571, 572
Джанибек 277

Джанибек III 643
Джарваль б. Аус — см. Хутайя
Джаухари 723
Джафар, мирза 164, 178, 188
Джахвариды 710
Джахиз 257
Джейхани 256
Джексон В. (Jackson A. V. W.) 341, 739
Джемал ад-дин Афгани 699*
Джемаль Карши 594
Дженкинсон, Антоний 306, 317, 368, 369
Джехангир 317
Джонс, санскритолог 227, 326, 327
Джонс, Харфорд 338
Джувейни 268, 675*, 787
Джуллаби 697
Джурабек 441
Диез, Педро (Diez P.) 286
Дикеарх 246
Диллон 154*
Диодор 216, 219, 228, 243, 246
Дионисий Периегет 248
Диттель В. Ф. 6, 69, 148*, 470, 738, 747*
Дмитрий Ростовский 28
Добиаш-Рождественская О. А. 564
Добрыня 363
Дози Р. (Dozy R.) 20, 575, 704—717, 729, 731
Доннер, Кай (Donner K.) 566
Доннер О. (Donner O.) 760
Донской А. 561
Дорджеев Н. Н. 166, 177, 188
Дорн Б. А. 6, 43, 59*, 67, 73, 122, 148, 174, 464, 470, 472, 609, 610, 613, 618*, 649, 739, 747*
Дорчжи 398
Доти (Doughty Ch. M.) 348
Доусон 327
Дуглас 54, 511
Дудин С. М. 20, 773—778
Дундуков-Корсаков, князь 171*
Дурыгин 73*
Дьелафуа Дж. (Dieulafoy J.) 340
Дьелафуа М. (Dieulafoy M.) 340
Дьяконов И. М. 20, 233*
Дэвис (Davis J.) 320
Дэ-цзун (Te Tsung) 572
Дюга (Dugat G.) 541, 704*, 709, 749
Дюгальд (du Halde J. B.) 298, 300
Дюгамель А. О. 468
Дюгамель, Гендрик (du Hamel) 292
Дюмареск (Dumaresque) 41*, 416
Евгений, митрополит 478
Евгений IV, папа 282
Евклид 219
Евтихий 311
Едигей 280
Екатерина II 30, 40, 41, 408, 411, 412, 415—417, 419, 540
Елизавета Петровна, императрица 40, 411, 413*
Елизарий Елизариев сын Избрант — см. Идес, Эверт-Избранд
Елисеев 473, 474*, 476
Енгалычев 131
Ермак Тимофеевич 376, 381
Ермолов А. П. 58, 443
Ефремов, Филипп 410

Жамцаранов (Жамцарано) Ц. Ж. 189, 677*
Жербильон 295, 299, 384
Жобер 738
Жуковский В. А., востоковед 19, 180, 185, 450, 471, 515, 550, 603, 610, 611, 613, 664, 689—703, 749, 751
Жуковский В. А., поэт 125*
Жуковский И. 201
Жуковский С. В. 206, 440*, 662
Жун, миф. 786
Жюльен Ст. (Julien St.) 768, 769, 772

Загоскин Н. П. 42*, 47*, 52*, 74*
Залеман К. Г. 19, 150, 178, 193, 435*, 507, 599—618, 660, 671*, 672*, 679*, 687, 691*
Заратустра — см. Зороастр
Зарре Ф. (Sarre F.) 340, 341, 516*
Зарубин И. И. 612
Зарудный 470
Заруцкий, атаман 370
Захаров И. И. 153, 171, 177, 178, 180, 457
Захау Э. (Sachau E.) 605, 606, 657, 786
Заяев 412
Зверев, Полуект 374
Зейбольд (Seybold C. F.) 568, 708*, 710*, 711, 714
Зеланд 462
Зелинский Ф. Ф. 579, 580
Земарх 252, 253*
Зено, Катерино 281
Зибольд (Siebold Ph. F.) 293

Зиг (Sieg E.) 334*
Зиглинг (Siegling W.) 334*
Зимин Л. А. 557, 596
Зиновьев 379
Золтан де Такаш 570
Зороастр (Заратустра) 227*, 313, 553, 624, 659
Зосима, иеродиакон 362
Зотов В. Р. 745
Зульфикар 274

Иакинф — см. Бичурин
Ибн Аммар 713*
Ибн Арабшах 597
Ибн Вахб 256
Ибн Русте 360
Ибн Фадлан 360, 361*
Ибн ал-Фаради 711
Ибн Хазм 723
Ибн Хайян 709, 710
Ибн Хакан 709
Ибн Халдун 218—220, 263, 708
Ибн Хаукаль 255, 358, 359
Ибн Хордадбех 255, 256, 358
Ибн Юнус 258
Ибн-Ямин Аминов — см. Аминов, Ибн-Ямин
Ибрахим — см. Буркгардт, Иоанн
Иван III 364, 365, 536
Иван IV Грозный 8, 368
Иванин 428
Иванов, арабист 129
Иванов А. И. 181, 204, 619*, 647
Иванов В. А. 471
Иванов Д. Л. 612
Иванов П. И. 25, 36*
Ивановский А. О. 76*, 180
Ивашинцев 428
Игнатий, дьякон 362
Игнатьев Н. 136, 160, 161, 441
Игумнов А. В. 48, 452
Идес, Эверт-Избранд (Елизарий Елизариев сын Избрант) 386
Идриси 259, 302, 710*
Ижбулатов, Юсуп 30, 391
Избранд — см. Идес, Эверт-Избранд
Измайлов, капитан 386—388
Изол 272; см. также Иса, Ай-се
Иисус Христос (Спаситель, Jêsus-Christ) 27, 264, 265, 267, 291, 573, 579, 692
Иларион, митрополит 357, 535
Иларион Лежайский, архимандрит 28, 386
Иларион Разсохин — см. Разсохин, Иларион
Иловайский 749
Ильбарс 370
Ильминский Н. И. 559*, 682, 748, 752
Имам-Кули 370
Игельстром 411
Иннокентий II, папа 707*
Иннокентий IV, папа 269
Иннокентий X, папа 296
Иоанн, священник 266—269, 271, 276, 283
Иоанн III — см. Иван III
Иосибуми Куроно 189
Иохельсон В. И. 616
Иса 272, 574; см. также Ай-се, Изол
Исаак, армянин 289
Исидор Харакский 248, 260
Исихий (Hesychios) 579
Искендер Мунши 58*
Исма'ил, ногайский князь 368
Исма'ил, шах 303
Исма'ил Самаркандский 552
Исма'ил Хакки 573*
Истахри (ал-Истахри) 171*, 242, 255, 710*, 712
Исфизари (Асфизари) 694
И'тимад ас-салтана — см. Сани' ад-даула
И-цзин 261, 635, 639

Йерсу, миф. 675

Кадырмамет Сюнчалеев — см. Сюнчалеев Кадырмамет
Каён 511
Казас М. И. 601
Казем-Бек А. К. 46—48, 68, 74, 76, 80, 81, 84, 85, 88—90, 99, 101, 104*, 105, 106, 108—110, 112, 113, 114*, 118—122, 128, 130, 131, 133, 143, 147, 149, 150*, 156, 157, 160, 167, 168, 170, 173, 467, 471, 525, 542*, 601, 690, 737—739, 742
Казем-Бек, Абдюссеттар (Абдюс-Саттар) 81, 113
Каип (Гаиб) 405, 408
Кай Доннер — см. Доннер, Кай
Калидаса 326
Каликст II, папа 707*

Каль Е. Ф. 495—497, 556, 557, 594, 606
Канишка 632
Каннингэм (Cunningham A.) 328
Канси, император 295—297, 300, 397, 398
Кант 667
Кантемир, Дмитрий 29
Карабачек (Karabacek J.) 516
Карамзин 363*, 377, 753
Каратай, род 678, 679*
Карл Великий 264*, 578
Карл II, английский король 308, 317
Карл V, испанский король 303, 712
Карлгрен Б. 324*
Каролинги 579
Карпини, Плано 269—271, 362, 363, 575
Карра де Во Б. 726
Карская Л. Н. 20
Карши, Джемаль — см. Джемаль Карши
Касимов, Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) 372, 373, 383
Кассандра 580
Кастанье 549
Кастрен 422—424, 566, 668, 760
Катенин 753
Катрмер (Quatremère E.) 511, 656*, 705, 747
Каулинг С. (Couling) 324
Каульбарс 436, 451, 461
Каутский 238*
Кауфман К. П. 161, 432, 433, 436, 437*, 441, 445—447, 488, 489, 496, 501, 514, 524, 525, 529, 556
Кафаров (Палладий) 457, 511, 572*, 626*
Каэтани 733
Келиблиев А. 560
Кельзи Ф. И. (Абдаллах) 114, 115*, 116—119, 133, 142, 164, 167
Кеми Ташкенди, мулла 562
Кемпфер Э. 293
Кемтц 201
Кенске, Андо 178
Кер Г.-Я. 8, 9, 30, 33, 34, 38, 52, 53, 406, 558
Кер Портер 338, 739
Керзон (Curzon G. N.) 339
Керн 783
Кершен 102*
Килевейн 127
Кильхорн 330
Ким-Пен-Ок 189
Кингсмилл (Kingsmill) 771*, 772*
Кине 711
Кипариссис М. Н. 580
Кир 230, 242
Кир Младший 243
Киракос 278
Кириллов 400, 404, 406, 407, 428, 429
Кирпичников 603, 604
де Клавихо, Гонзалес 279, 280
Клапрот Г.-Ю. 9, 30*, 31*, 53, 54, 69, 477, 749, 752
Клеменц 462, 519
Клеомен 240
Климент IV, папа 272
Кляшторный С. Г. 20
Ковалевский Е. 429, 440, 452
Ковалевский Е. П., министр 136
Ковалевский О. М. (Kowalewski O.) 44*, 48, 49, 74, 76, 77, 87, 89, 101, 107*, 453, 540, 619, 620, 627, 628
Кодера Фр. (Codera F.) 711
Кожин, поручик 393, 394
Козегартен 68*
Козлов П. К. 458, 459
Козьма Индоплаватель (Козьма Индикоплевт, Константин антиохийский) 249, 252
Коковцов П. К. 182, 359*, 475, 615*, 719
Колумб 247, 275, 283, 284
Кольбер 293, 309, 310
Кольбрук 327
Кольцов 690
Комаров А. В. 451
Кондаков Н. Н. 474*, 475
Конде (Conde J. A.) 705, 706, 712*
Конов (Konow St.) 334*
Конолли (Conolly A.) 335
Кононов А. Н. 20
Коноплев 50*, 51
Конради А. (Conrady A.) 619, 620, 625, 635
Константин антиохийский — см. Козьма Индоплаватель
Константин Николаевич, великий князь 133
Конт, Огюст 220, 221
Контарини, Амвросий 281, 365
Конти, Николо 282, 283, 366
Конфуций 235, 238, 295, 625, 631, 636
Коншин 451
Коперник 220
Копытовский, капитан 408
Кордье (Cordier H.) 33, 324, 331

Корё, династия 286
Коркунов М. А. 50
Корнилов 462
Коротаев А. Я. 78*
Корф 123*
Корш <В. Ф.> 603, 604
Корш Ф. Е. 185, 186*
Коскуль 59*, 61*, 63*, 65*
Коссович К. А. 122—124, 133, 142, 143, 145, 154, 155, 157, 174*, 176, 181, 601, 745, 752
Кост (Coste) 339
Костенко 465*
Костылев 186
Котвич В. Л. 180, 181, 434*, 455
Краевский 745
Крамер Г. 666
Красильников 401
Красной, Василий 36
Крачковский И. Ю. 7, 45*, 294*, 700, 732, 734
Крашенинников С. П. 35, 402
Кремер — см. Меркатор
Кремер А. (Kremer A.) 726, 727, 729, 731, 733
Крестовский В. В. 525
Кристенсен (Christensen A.) 693
Кронеман 382
Круземан 714
Крузенштерн 419
Кручинин С. В. 44
Крылов, Петр 150
Крымский А. Е. 7, 474, 714*
Ксаверий 286
Ксанф 637
Ксенофонт 243, 244
Ксеркс 230, 242, 637
Ктесий 242—244, 246, 781
Кузьма, мастер 363, 575
Кук 414
Куклашов 682
Кун А. Л. 443, 513, 606
Кун, Адальберт 724
Куник А. А. 172*, 618
Куракин А. Б. 55*
Куров, Димитрий 376
Куропаткин 461, 462
Кутузов, Дорджи Джаб 166, 188
Кучлук 267, 268, 271
Кучум 376
Куэ-фан 188
Кэри (Carey) 333
Кюль-тегин 454, 455, 762
Кюнер Н. В. 285*, 325, 332, 460

Л. К. Ю. 488, 489
Лавкай 379
Лаврова С. П. 20
де Лагард 602, 606, 607, 725
Лагре (Lagrée D.) 331
Ладухин И. А. 130, 131
Ладыженский, полковник 421
Лазарев Л. 127, 741
Лаксман, Адам 39, 415, 419
Лаксман, Эрик 415
Лалаян Е. 573*
Ламменс 733
Ланге 386, 387
Лао-цзы 625
Лашин, Сер-Али 594
Лассаль 740
Лассен (Lassen Ch.) 328
Лацарус 667
Лебедев, штурман 408
Лебедев, Герасим 463
Лебель (Loebell) 741
Лебрен К. (Le Bruyn, Le Bruin, Lebrun, de Brun) 317
Лев X, папа 302
Лев Африканский — см. Хасан б. Мухаммед
Левашов, генерал 30
Левель 56
Левенклау (Leunclavius J.) 301
Леви С. 639
Левшин А. 428
Левшин Д. М. 488
Лежайский, Иларион — см. Иларион Лежайский
Лейбниц 27*, 40, 106*, 415, 669*
Лейманн (Leumann E.) 334*
Лейярд (Layard A. H.) 350
Лекок А. (Le Coq A.) 570
Лелевель 620
Леман, археолог 343
Леман, натуралист 440
Лемешева И. П. 20
Лемм, топограф 428
Лемм О. Э., египтолог 192, 193, 476
Ленц Р. Х. 73, 80, 463*
Леонид, архимандрит 362*
Лепехин И. И. 30*, 413
Лерх П. И. 172, 441, 444, 513, 524, 602, 606, 608, 613, 656—658, 662, 745, 746
Лессар 450

Ле Стрэндж Г. (Le Strange G.) 514
Лещинский, Филофей — см. Филофей Лещинский
Ли Бо 640
Ливен К. А. 59*, 60—62, 63*, 64, 65
Ливен П. И. 161
Линднер Т. (Lindner Th.) 238*, 356, 578, 621
Линней 293
Литке 420
Лихарев, Иван 397
Лихачев 360*
Логофет Д. Н. 442
Лод (Laud), архиепископ 311
Лойола, Игнатий 286
Локман 68*
Локхарт 336
Ломакин 554
Ломоносов М. В. 40, 416, 539
де Лонжюмо, Андрей 270
Лот О. (Loth O.) 727
де Луинь (de Luynes) 345
Лукреций 53
Лыткин 131, 132
Лэн-Пуль 710*
Лэнгдон С. 569
Любименко И. И. 577
Любимов А. Е. 25*, 204, 385*
Людерс (Lüders H.) 334*
Людовик, император 357
Людовик IX 270, 271
Людовик XIV 308
Людовик XV 313
Ляхов 414

Магницкий М. Л. 45, 46, 48, 537, 541
Магомет — см. Мухаммед, пророк
Мадали-хан 429
Макарий, архимандрит 673
Макаров А. А. 543*
Макартней 319
Макаш, Гуго 613
Макдиси (Мукаддаси) 170
ал-Макин 311
Максимов В. А. 127, 128, 148, 150—152, 473
Максютов, Ир-Назар-бай 411
Маленький (Малинков), Семен 374
Малов С. Е. 463, 507
Малькольм (Malcolm J.) 335, 338, 339
Мальцев 29*
Малья 298
Мамай 654*
Мамун, халиф 254, 550
дю Ман Р. (du Mans R.) 309
Мандевиль, Джон (Mandeville J.) 276, 306
Мандельштам А. М. 20
Манефон 245, 246
Мани 334
Маннинг, Томас 318, 321
Мансур, халиф 254
Мануил, португальский король 282
Маншук 280
Марин тирский 249
Мариньолли 276
Мария, библ. 264, 265
Марк, евангелист 607
Марк Аврелий 250
Марк Руф (Marcus Rufus) 365
Марквардт К. 765
Маркварт И. (Marquart J.) 20, 762—763, 779—788
Марко Поло 272—277, 282—284, 286, 287, 289, 457
Марков А. 643*
Маркс К. 238*
Марр Н. Я. 58*, 182, 240, 247, 333, 475, 477, 480, 538*, 579, 604*, 615, 696
Марр Ю. Н. 573*
Марсильи 316
Мартин 530
Мартини 296, 298, 302, 383
Мартинович Н. Н. 474, 586
Мартьянов Н. М. 425
Маршалл, Джон (Marshall J.) 328
Масальский В. И. 518, 548
Масперо 633, 637
Массиньон Л. (Massignon L.) 719*, 720*, 734*, 735*, 736*
Массон М. Е. 450*
Мас'уди 257, 302, 722*
Матвеев, полковник 465
Матвеев В. 302*
Маттео Риччи — см. Риччи, Маттео
Матусовский З. 458
Матфей, евангелист 607
Махмет-Али 369
Махмет-Кул, сын хана Кучума 376
Махмет-Кул (Мухаммед-Кули), хивинский царевич 370
Махмуд, султан 337, 696
Махмуд Кашгарский 256, 274, 565*, 566, 787
Махмудов 101
Мегасфен 245

Медведев, Никита 372
Медников Н. А. 5*, 180, 475
Межов В. И. 446, 488, 496
Мейендорф 439
Мейер Э., историк древнего мира 235*
Мейер Э., тюрколог 434
Мейер Эд. (Meyer Ed.) 573
Мелинлин 262
Мелиоранский П. М. 19, 180, 362*, 455, 500*, 585—588, 790
Мельгунов Г. В. 122, 126, 127, 129, 133, 143—146, 149*, 471, 601
Мельников, крещ. японец 38
Мельников П. И. 78*
Менандр Протектор 253
Мендеце Пинто 285
Мендоза (Mendoza J. G.) 287
Мендрин В. М. 420
Менцель (Mentzel) 386
Меншиков, князь 396*
Меньшиков Л. Н. 20
Мериан, жена Гзелля 26*
Мерик, Джон Уильям (Иван Ульянов) 377
Меркатор (Кремер) 284, 309*
Меровинги 578
Мессершмидт Д. Г. (Шёнстрем) 8, 30, 33, 395, 400
Мехмед-Али, паша 346, 347, 473
Мидас 573
Миддендорф (Middendorff A.) 355, 421, 445
Миккола Ю. Ю. (Mikkola J. J.) 565
Милле Г. 579
Миллер, поручик 408
Миллер А. 469
Миллер В. Ф. 613
Миллер Г. (Müller, Herbert) 568—569
Миллер Г.-Ф. 25, 27, 35*, 37, 39, 378, 384, 391*, 401—403
Миллер (Мюллер) Ф. В. К. (Müller F. W. K.) 614, 615, 757*
Милованов, Игнатий 380
Мин, династия 277, 286, 294, 296, 377, 623, 624
Минаев И. П. 132, 133, 143—145, 154, 178, 181, 261*, 366, 464, 639, 745
Минерва 45
Мин-Кионг-Шик 189
Минорский В. Ф. 256*, 471, 613*, 697, 700, 779*
Мир-Моминов, Хаджи Мир-Абуталиб 81
Мир Мухсин 563
де Мириево, Федор — см. Янкович де Мириево Ф. И.
Михаил VII 262
Михаил Федорович, царь 307, 308*, 370, 371, 377, 378*
Михайлов, выпускник ФВЯ 1856 г. 102*
Михайлов, студент III курса в 1858 г. 131
Михайлов, Федор 102*
Михаэлис (Michaelis) 314, 315
Мишле 711
Могилян 454
Модзалевский Б. Л. 204
Модэ-шаньюй 662*
Моисей, библ. 227*
Моисей Хоренский 53, 252
Молоствов В. П. 81*, 85—87, 91, 102, 104, 105, 108
Моммсен 771*
Монтанус А. (Montanus A.) 292
Монтгомери, кап. 332
Монте-Корвино, Иоанн 276, 287
Монтескье 220
де Морган (de Morgan J.) 340
Мориер (Морьер) (Morier J.) 338, 339, 740*
Морозко, Лука 24, 389
Моррисон (Morrison R.) 319
Морьер — см. Мориер
де Мота, Антоний 285
Мошнин А. Н. 114, 127
Мстигорев 397
Музаффар ад-дин, шах 473, 699
Мукаддаси — см. Макдиси
Муктадир, халиф 361
Мунаввар-Кары Абд ар-Рашид-хан-оглу (Абд ар-Рашид-ханов) 559, 560
Мундов, Андрей 377
Мунис (Шир-Мухаммед) 394*
Мункэ 271, 278
Муравин 407, 408
Муравьев А. Н. 474, 479
Муравьев М. Н. 42*, 49
Муравьев Н. 468
Муравьев (Муравьев-Амурский) 135, 160 161, 422
Муравьев (Муравьев-Карсский), Николай 443, 517
Муркрофт 335
Мурметка 373
Мусин-Пушкин М. Н. 48, 69, 72, 74—76, 83—86, 91, 92, 96, 102, 104*, 108, 112, 113, 418, 453, 456, 738
Муталлибов С. 566*

Му'тамид 713*
Мутеваккиль, халиф 707
Мухаммед (Магомет), пророк 295, 311, 350, 364, 367, 536, 707, 714, 724, 729, 741
Мухаммед, хорезмшах 268
Мухаммед-Аяд Тантави — см. Тантави, Мухаммед-Аяд
Мухаммед б. Абд ал-Ваххаб 346
Мухаммед-Вефа Керминеги 558
Мухаммед Фузули 741
Мухаммед Шейбани — см. Шейбани, Мухаммед
Мухаммед Эмин 151*; см. также Абдуллахов, Мухаммед-Алим
Мухлинский А. О. 57, 68, 69, 73, 108, 114*, 118—120, 133, 134, 138, 147*, 150, 152, 157, 173, 474, 745
Мушкетов И. 439*, 451, 547
Мьюр (Muir W.) 706*
Мэн-си-шоу 188
Мэссон 335
Мюллер А. (Müller A.) 512, 714*, 727, 731, 779, 780
Мюллер М. 724
Мюллер Ф. В. — см. Миллер Ф. В. К.

Набунид 232, 233
Навроцкий М. Т. 113*, 118, 119, 124, 130, 133, 134, 143, 147, 157, 173
Надир-шах 317, 392, 407, 408
Назаров, переводчик 407
Назаров, Филипп 444
Назарьянц С. И. 79, 81*, 156
Назимов 407
Наливкин В. П. 445, 513, 554, 559, 594
Наливкина 445, 554
Наполеон I 228, 335, 338, 349
Наполеон III 346
Нарамсин, сын Саргона 232, 233
Насир ад-дин, шах 342, 699
Насир ад-дин Туси 258
Насири Хосров 691
Насыров, Каюм (Абд ал-Каюм, сын Абд ан-Насыра) 608
Наумов 102*
Неарх 245, 248
Невельской 422
Негри 439
Неджм ад-дин Рази — см. Рази, Неджм ад-дин
Нейман К. Ф. (Neumann K. F.) 32, 320, 321
Нёльдеке Т. (Nöldeke T.) 567, 605*, 609, 611, 695, 717, 722, 729, 730*, 736, 781—783
Неплюев, губернатор 407, 408
Непорожний, Матвей 36
Нергал, миф. 715
Нессельроде 70
Несторий 264
«Нестор-Искендер» 362
Нечай, атаман 369
Нибур Б. (Niebuhr B.) 220, 226
Нибур К. (Niebuhr C.) 314—317
Низами Арузи 693, 694, 696
Низи-Канта Чатопадиайа — см. Чатопадиайа, Низи-Канта
Никитенко А. В. 90, 91, 95*, 99, 100, 118, 121, 157, 542*, 744, 754
Никитин, поэт 690
Никитин, Афанасий 365, 366, 372, 463, 536
Никитский М. 102*, 127
Никифор III Вотаниат 262
Никифор Мелиссин 262
Никифоров 443
Николаев П. И. 46
Николай I 60, 418, 422, 541, 669
Николай Александрович, цесаревич 195
Николай Константинович, великий князь 447, 451, 497
Никольский М. В. 476, 477
Никольсон Р. А. (Nicholson R. A.) 697
Никонов, Бурнаш 377
Нил, архиепископ 174
Нильсен В. А. 258*
Нисси 189
Новиков Н. И. 26*, 36
Новосильцов Н. Н. 61
Норденшельд (Nordenskiöld A. E. F.) 400, 403
Норов А. С. 88, 90, 95, 159, 473, 476
Нофаль, Селим 125, 129
Ноэль (Noël), патер 298
Нур-Али, сын Абулхайра 408

Обручев В. 451, 458
Обухов, воевода 381
Огул-Гаймыш 270
Одиссей 580
Одорик 276
Озерецковский, Николай 30*

Окерблад 229
Оксеншерн 382
Олар, Альфонс (Aulard) 576
Олеарий, Адам (Эльшлегер) 307, 308
Олег, князь 359*
Олесников А. А. 475
Олимпиада, мать Александра 572, 573
Ольденбург С. Ф. 6, 181, 182, 194, 204, 326*, 459*, 462, 482, 492—495, 499, 503*, 527, 563, 604*, 610*, 613, 614*, 622*, 637*, 699, 736*, 757*, 777
Омар, халиф 724
Омар II, халиф 567
Омар Хайям — см. Хайям, Омар
Омар-хан 429, 444
Омейяды 531, 733*
Онесикрит 249
д'Орвиль 298
Ортелиус, Авраам 284, 309*
Осман, халиф 441
Османов, Магомет 153, 154, 165, 167, 654*
Оснер, Конрад (Ossner) 38, 390
д'Оссон (d'Ohsson C.) 511, 512, 752
д'Оссон, Мураджа 317
Остерман, граф 32, 33
Остроумов Н. П. 488, 559, 573*, 595
д'Отерош, Клод Шапп 412
Оттокар Н. П. 577
Оттон Фрейзингенский 267

Павел, апостол 45, 236
Пави, Август 331
Павсаний 248
Падерин И. В. 188
Пазухин, Борис 371—373
Пазухин, Семен 371—373
Пален, сенатор 776
Пален П. П. 61, 62*, 63, 65
Палладий — см. Кафаров
Паллас, Петр-Симон 41, 401, 412*, 413, 416
Пальгрев (Palgrave W. G.) 347, 348
Пальмквист 382
Пампелли (Pumpelli R.) 515, 517, 549
Панин, Василий 365
Пантусов Н. Н. 601, 602, 656
Паркер Е. 772
Патканов К. П. 125—127, 142, 146, 155, 167, 177, 178, 182, 183, 190, 191*, 192, 252, 601, 616*, 663, 745
Патканов С. К. 676, 680
Патрокл 245
Пахомов 360*
Пашино 126, 127, 134, 144, 745
Пашков, Афанасий 380, 381
Певцов 458, 459*
Пеголотти, Франческо Бальдуччи 275
Пейскер Т. 571
Пейтингер 248
Пекарский Э. К. 26*, 32*, 33*, 34*, 426, 507, 616
Пелли 348
Пельо П. (Pelliot P.) 19, 272*, 574, 575, 631, 633, 637, 784, 786
Перейра 295, 384
Перовский 428, 430, 433, 443
Перри 324
Персиваль (Persival R.) 318
Перфильев, Иван 380
Перфильев, Максим 380
Петлин, Иван 377, 378*
Петр I, Петр Великий 8, 24, 25, 27, 29—32, 34, 374, 378, 382, 386, 388, 389, 391—393, 395—400, 402, 405, 413, 415, 433, 482, 535, 537, 538, 546, 589, 755
Петрашевский И. В. 68
Петров Д. К. 710*
Петров, Иван 376, 377
Петров П. Н. 26*
Петров П. Я. 57, 67, 80, 123, 173, 464, 742, 745
Петров Ф. 34*
Петровский Н. Ф. 462, 593
Петрушевский И. П. 789*
Пещуров Д. А. 165, 167, 177, 178, 180, 389*, 457, 745
Пилсудский Б. О. 508
Пимен, митрополит 362
Пира, мирза 188
Пиренн (Pirenne H.) 578, 579
Писарев В. Н. 474, 586
Питерс П. 579
Пифагор 636
Пицигани 275
Плано Карпини, Иоанн — см. Карпини, Плано
Платковский, Антоний — см. Антоний Платковский
Платон 213, 216
Платонов С. Ф. 494
Плениснер 414
Плетнев П. А. 73*, 115
Плиний 245

Плиний Старший 246, 247
Плутарх 572, 573
Плюшар 26*
Погодин 44*, 50*, 66*, 78*, 107*, 123*, 132*, 172*, 314, 364*, 365*
Подджио Браччиолини 282
Позднеев А. М. 76*, 171, 177, 178, 180, 181, 453, 454, 459, 575
Позднеев Д. М. 192
Позен 71
Покок, Ричард (Pococke R.) 311, 316*
Покок, Эдуард 311
Полибий 215—217, 222, 240
Поликарп, архимандрит 76
Поло, Марко — см. Марко Поло
Поло, Маттео 272
Поло, Николо 272
Поляков, Степан 383
Поморцев, Демьян (Гонза) 35, 37, 38, 390, 401
Помпей 546
Помпей Трог 246
Попов, крещ. японец 38
Попов, студент 102*
Попов А. В. 48, 49, 54, 74, 101, 105, 108, 109, 116*, 119, 120, 121, 124, 131—134, 453
Попов А. Н. 396*
Попов П. С. 179*, 180, 457
Португаль В. Б. 20
Порфирий Успенский, архимандрит 477
Пославский И. Т. 19, 596—598
Поспелов, прапорщик 428
Поспелов, чиновник 444
Постель, Гильом 301, 302
Потанин Г. Н. 424*, 454, 458, 672, 674
Потанин Н. И. 445
Потоцкий С. О. 43
Потт А. (Pott A. F.) 281*, 666—669, 671, 680
Поттинджер Э. 468
Потье 772
Поярков, Василий 378, 380
Праджна 572
Премар 298
Пржевальский Н. М. 422, 453, 458, 459
Прим Е. 613, 782
Принсеп 329
Приселков М. Д. 643, 653, 753
Прицак (Pritsak O.) 253*
Прозоровский И. С. 373
Птолемеи, династия 249
Птолемей 218, 244, 246—251, 253, 259, 270, 275, 283, 284, 287, 382, 715
Птолемей I 245
Птолемей III Эвергет 245
Птолемей V Эпифан 229
Пуллиблэнк Э. 324*
Путимцев 429
Путятин, адмирал 420, 422
Пущин 428
Пэй Сю 634
Пясецкий 458

Раверти (Raverty H.) 336
Рагузинский С. В., граф Иллирийский 28*, 387
Радлов В. В. 20, 30*, 400, 424, 434, 435, 455, 503*, 512, 514, 524, 527, 529, 566, 570—571, 581, 582, 586, 587, 606, 608*, 609, 614*, 615, 616, 617*, 665—688, 748, 750, 752*, 753, 755, 758—763, 766, 773—777, 790, 791
Радусь-Зенькович А. 132, 133*, 143—145
Рази, Амин-Ахмед 557
Рази, Неджм ад-дин 693
Рази, Фахр ад-дин 728
Разсохин (Рассохин, Россохин), Иларион 34*
Разумовский А. К. 53
Рамсей В. (Ramsay W.) 343, 579
Рамузио 273, 302
Ранке 220, 226, 744
Раск 314
Растопчина 125*
Раумер 741
Рафаилов, Мехти 414
Рафалович 476
Рашид ад-дин 172, 262, 263, 274, 381, 511, 557, 573, 654*, 675*, 676*, 746—752, 754, 756
Рашид-хан ширванский 169
Регули 424
Резанов 419
Рейнталь 461
Рейске 315, 723
Реклю Э. 356
Ремезов, Семен Емельянович (Ульянович) 385, 392, 397*
Ренан Э. (Renan E.) 346, 356, 544, 622
Ренат, Иоанн-Густав 397
Рено 126, 129

Репин И. Е. 774
Рерихт (Röhricht R.) 345
Решетников 38
Риза-хан 188
Рикмер-Рикмерс В. (Rickmers W.) 513
Рикорд 420
Риль 667
Риттер К. (Ritter C.) 240*, 314, 348*, 352—356, 461, 473, 489, 520*, 524, 547, 656, 666, 669—671, 743, 749
Ритшль 765
Рихтхофен (Richthofen F.) 321, 322, 623, 772
Риччи, Маттео 286, 287, 289, 294, 295, 300
Ришар Л. (Richard L.) 322
Робертсон (Robertson G.) 336
Робертсон-Смис 735
Робинсон (Robinson E.) 345
Роборовский 458, 459*
Родригуез, патер 292
Розен Г. В. 61, 62, 70
Розен В. Р. 17, 19, 147, 148*, 171, 173, 177—180, 184, 185, 195, 454*, 471, 472, 477, 494, 587, 589—595, 599—603, 609, 611, 643, 650, 652, 663, 690, 701, 714*, 718*, 719—722, 725—728, 731, 745, 746, 760, 761*, 771*, 784, 790
Розенберг О. О. 421
Розенберг Ф. А. 204
Рокхилл В. (Rockhill W.) 322, 766, 767
Ролинсон Г. (Rawlinson) 231, 339, 607*
Романов А. 656*
Романовский 431, 432
Ромаскевич А. А. 471, 604*, 697*
Рославский-Петровский А. 199*
Росс, Людвиг (Ross L.) 342
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 513
Ростиславов М. Н. 655
Ростовцев М. И. 478, 577, 579, 580
Рот 602
Рубрук (Рубруквис, Руисбрук), Вильгельм 270, 271, 278, 286, 643, 679
Руднев А. Д. 181
Рукавкин, Даниил 408
Румайкия 708*, 713*
Румовский С. Я. 43, 52, 84
Румянцев 29*
Рунич Д. П. 55, 537, 541
Руновский А. И. 137*
Рустичиано 273
Рушко 81*
Рычков Н. П. 409, 413
Рычков П. И. 409, 410, 413
Рьё (Rieu Ch.) 497
Рэмер, пастор 341

Са'алиби 257
Саблуков Г. С. 747, 748
Савельев П. С. 6, 33*, 44*, 54*, 55*, 56*, 57, 60, 74*, 201, 649
Савин А. Н. 577
Са'ди (Сади) 50, 308, 702
Садлер 347
Сайкс (Sykes P. M.) 339
Сайтаферн 646
Сайфи Н. Ф. 499, 500
Салих, пророк 585
Салтыков А. Д. 463
Салтыков М. А. 44
Саманиды 170, 515, 517, 523
Самарканди, Абд ар-Раззак — см. Абд ар-Раззак Самарканди
Самиарды, братья 266, 267
Самойлович А. Н. 562, 586, 654*, 665*, 751, 757*, 758*, 761*
Самсон, библ. 725
Самсон, автор «Описания Азии», 32
Санджар, султан 267, 515, 552, 695
Сандрокотт (Чандрагупта) 245
Сани' ад-даула (И'тимад ас-салтана) 342, 699*
Санима 26, 27, 389
Сапожников В. В. 672*, 673*
Саргон 232, 233
Сарруф, Фадлалла 164, 178, 187
Сарычев 415
Сасаниды 218, 251, 252, 254, 520
де Саси С. (de Sacy S.) 6, 49, 50*, 54, 59, 68*, 69, 70, 721
Сассетти 227
Сафаров Г. 559*, 561*
Саханский В. А. 470
Сахаров 365*
Саэки 571, 572
Свешников М. И. 193, 194
Свиньин 38
Святослав 359, 535
Сгибнев А. 24*, 25, 26
Северная Вэй, династия 253*
Северцов 436
Сегален 568
Седилло (Sédillot L. P. E. A.) 351
Сейид Раким 557
Сейфи 381

Сейях-Абдуррахман, сын Садика 562
Селевк I Никатор 245
Селевкиды 244, 245*, 254
Селим I, султан 130
Селим Нофаль — см. Нофаль, Селим
Селлам 256
Семен-Измаил («Сенька-Жидовин») 372, 373
Семен Маленький (Малинков) — см. Маленький (Малинков), Семен
Семенов А. А. 437*, 442, 557, 696*, 697*
Семенов, Андрей 374*
Семенов-Тян-Шанский П. П. 355, 435, 445, 510, 524, 547, 669, 672, 743, 745, 749
Сенар Э. (Senart E.) 337*
Сенковский О. И. (Брамбеус) 6, 48, 56—60, 67, 68, 80, 106, 149, 299, 338*, 439, 467, 468, 470, 474, 476, 493, 511, 513, 518, 540—542, 620, 653, 740
«Сенька-Жидовин» — см. Семен-Измаил
Сенявин Л. Г. 88, 90, 95, 98, 159
Сергий, переводчик 252
Серебренников А. Г. 447, 558
Сефевиды 121*, 281, 310
Сибиряков И. М. 616
Сивилла 579, 580
Сивиллов, Даниил — см. Даниил Сивиллов, архимандрит
Сигизмунд, император 279
Сид 716
Симеон 715
Симонич — см. Гра-Симонич
Симонэ (Simonet F. J.) 704*, 707
Сирадж ад-дин — см. Хабибулла
Си Ся, династия 459
Скачков К. А. 164, 295*, 297, 298, 389*, 457
Скибин, Федор 405
Скобелев, генерал 437
Скрайн (Skrine F. H.) 513
Словцов П. А. 27*
Смарагд, монах 673
Смирнов В. Д. 72*, 146, 152, 177, 178, 180, 190, 441*, 472, 474, 601, 602, 654*, 745
Смирнов Я. И. 474
Смит (Smith E.) 345
Смит, Джордж 232
Снук-Хургронье (Snouck-Hurgronje C.) 347, 716*, 717, 721, 730, 731, 734
Соболевский А. И. 536*
Соза — см. Шульц, Кузьма
Соколов 73*
Соломон, библ. 211, 282
Сонин Н. Д. 81, 112, 114—116, 134
Сонхбара 32
Сосновский 458
Сотнурский В. 488*, 489, 490
Софроний Грибовский, архимандрит 28*
Софья Палеолог 536
Социн 613, 779
Спаситель — см. Иисус Христос
Спасский Гр. 382, 414, 427, 761*
Спасский-Автономов Г. К. 121, 127, 128, 132, 148
Спафари Н. Г. 377, 380, 382—384, 396
Спитц, Антонин 148
Спицын А. А. 646*
Сталь-Гольстейн А. А. 328*, 464
Стасюлевич М. М. 5*
Стаунтон (Staunton G.) 319
Стейн, Аурель (Орель) (Stein A.) 334, 640, 770
Стеллер 401, 402
Стельснер А. 150, 602
Стендер 107*
Степанов, Онуфрий 379, 380
Стоддарт 335
Столетов, генерал 451, 465
Страбон 246, 247, 249, 354
Страленберг (Табберт) (Strahlenberg J. Th.) 24*, 27*, 378, 394, 395, 400, 423*
Стржиговский 570
Строганов С. Г. 60
Строгоновы 376
Струве 233*
Стрэчи (Strachey), братья 332
Ступин 397
Суахунов, Сучжун 188
Субхан-Кули-хан 372
Суй, династия 260
Сулейман, купец 256
Сумароков 539
Сун, династия 262, 287, 633*
Сун-юн 261, 639
Сутер, Генрих 568
Суханов 26*
Сухарев И. А. 258*
Суюти 573, 723
Сыма Цянь 323, 629, 630
Сэрр (Sirr H. Ch.) 320
Сюань Цзан 261
Сюнчалеев, Кадырмамет 30

Табари 733*, 782
Табберт — см. Страленберг
Таверньe (Tavernier J. B.) 308
Таиров, Гасан 164
Такакусу (Takakusu J.) 572
де Такаш, Золтан 570
Тамерлан — см. Тимур
Тан, танская династия 260, 261, 381, 622, 623, 625, 759, 760
Тантави, Мухаммед-Аяд 6, 68, 102*, 118, 120, 124, 125
Танхум иерусалимский 719
Тарле Е. В. 577
Тарн (Tarn W. W.) 244*
Тарсуси 722
Татищев В. Н. 39, 40*, 402, 407
Тауберт 539
Тафель 172*
Тацит 216, 246
Тевено (Thevenot) 308, 310
Тевкелев, Мурза 405, 406
Тейфель Ф. (Teufel F.) 510, 513, 779
Тексье (Texier Ch.) 342
Теплов В. А. 601
Терентьев, Тимофей 36
Терьен де Лакупери 635
Тизенгаузен В. Г. 74, 643, 654*, 695, 748*
Тиле (Tiele C. P.) 725
Тимковский 452
Тимур, Тамерлан 279, 280, 281, 287, 288, 362*, 381, 449, 506, 514, 523, 529, 530, 533, 551, 597, 645*, 657, 661
Тимур-Кутлуг 752
Тимуриды 449, 597, 661
Титов А. А. 26*
Тихонов, Михаил 370, 371
Тихсен О.-Г. 43, 45
Тоблер (Tobler T.) 345
Товит 739
Толстов С. П. 451*
Толстой Д. А. 168, 171*
Толстой Д. И. 26*
Томара М. Л. 469
Томашек (Tomaschek W.) 784
Томпсон Р. Кемпбелл 569
Томсен В. (Thomsen V.) 20, 455, 508, 512, 586, 757—764, 781
Тоньюкук 763, 764*
Топчибашев, Мирза-Джафар 55, 56, 67, 68
Тор Андрае 732
Тосканелли, Паоло 283
Тохтамыш 362*
Требек 335
Тредьяковский 395, 539
Триго (Trigautius N.) 289
Трирогов 102*
Трог Помпей — см. Помпей Трог
Трошин, Матвей 405
Троянский 134
Туголуков 39, 415
Туманович Н. Н. 13, 20
Туманский А. Г. 470, 471, 527, 594
Тунберг 293
Тураев Б. А. 193, 230*, 477, 478, 784
Турминский 137, 138
де Турнефор Ж. (Pitton de Tournefort J.) 312
Туроч, Иоанн 771
Тьерри, Огюстен 711
Тюменец, Василий 377
Тявка 392, 405

Уваров С. С. 38, 50*, 53, 54, 55*, 64, 65*, 69, 86, 106, 418, 463, 478, 537
Угримов 398, 399
Угэдэй 269
Узун-Хасан 281
Уинфилд 692
У-кун 261, 639
Улджэйту 277
Улугбек 16, 258, 506, 530, 532, 533
Улу-Мухаммед 280
Ульянов, Иван — см. Мерик, Джон Уильям
Умай, миф. 675
Унковский, Иван 396—399, 404
Уокер (Walker) 441
Урудж-бек (Хуан де Персия) 307
Урус-богатырь 365
Услар П. К. 479
Успенский Ф. И. 475
Уэст 611

Фадлалла Сарруф — см. Сарруф, Фадлалла
Факихи 715
Фалес 220, 239, 240
Фаминцын А. С. 617
Фан-ден-Берг 154
Фань Е 636
Фарик 372
Фаррух-Ясар 365
Фа-сянь 261
Фахр ад-дин Рази — см. Рази, Фахр ад-дин

Фахри, Шемс — см. Шемс Фахри
Февр, Люсьен 580
Федор Иоаннович, царь 369, 376
Федоров, Иван 399
Федотов А. Т. 777
Федотов, Иван 371
Федченко 436, 445
Фейзханов, Хусейн 115—118, 142, 151, 164—166
Фенев, Андрей 36, 38, 39, 401
Феофилакт Симокатта 253
Фергюсон Дж. 772
Ферте Е. 691*
Ферье (Ferrier J. P.) 336
Феслер И. А. 54
Филби (Philby J. B.) 348
Филипп, лейб-медик 267
Филипп II 290
Филипп Македонский 218
Филипсон Г. И. 139
Филофей Лещинский, митрополит 28
Финк (Finck F. N.) 616*
Фиоравенти 364
Фирдауси 245, 604*, 611, 614, 695, 696
Фишер И.-Э. (Fischer J. E.) 39, 40, 402
Фланден (Flandin) 339
Флейшер (Fleischer) 106*, 123*, 126, 541, 669, 719—721
Флетчер 350
Флит (Fleet J. F.) 328
Фойгт К. К. 46, 87, 754
Фома, апостол 267
Фонтон А. 57
Форбс (Forbes F. E.) 320
Форсайт (Forsyth T. D.) 333
Форстер, Джордж 318, 335
Фотий, патриарх 217, 243
Фра Мауро 283
Франке О. (Franke O.) 259*, 629
Фрезер (Fraser J. B.) 338, 339
Френ Х. Д. (Х.-М.) 6, 30*, 33, 43—45, 47, 48, 52, 56, 58—60, 69, 70, 74, 75, 79, 84, 170, 467*, 493, 540, 581, 651, 653, 739, 747
Фридрих II Гогенштауфен 277
Фридрих IV, герцог гольштейн-готторпский 307
Фридрих V 314
Фукидид 213—217, 220, 222
Фукс А. А. 47
Фукс К. Ф. 46, 47
Фус 421
Фушэ 337
Хабаров Е. П. 378—381
Хабаш 370
Хабаш-Амид 626*
Хабибулла (Сирадж ад-дин) 562
Хавен, Христиан 314, 315
Хаджи Мир-Абуталиб Мир-Моминов — см. Мир-Моминов, Хаджи Мир-Абуталиб
Хаджи-Мирза-Мамед-Алий 148*
Хаджи Халифа 309*
Хазаров 745
Хайд Т. (Hyde Th.) 32, 312
Хайям, Омар 603, 692—694, 696
Хакани 602, 603
Хаким, фатимидский халиф 258
Хаким II, правитель Испании 713
Хаким-Ата 615
Хаккверди 308
Халеви (Halevy) 232, 348
Халладж 701
Хальфен Л. 578
Хальфин, Ибрагим 46, 47, 80
Хаммер-Пургшталь (Hammer-Purgstall J.) 344, 511
Хаммураби 235
Ханыков Н. В. 106*, 174, 355, 440, 442, 469, 473, 524, 699
Ханыков Я. 443
Хань, ханьская династия 260, 630, 636, 771
Харакани, Абу-л-Хасан 698*
Харес Митиленский 245
Харт Р. 765
Хартман М. (Hartmann M.) 516*, 567, 568, 693*, 781
Харун ар-Рашид 264*
Хасан б. Мухаммед (Лев Африканский) 302
Хассельблатт (Hasselblatt J.) 26*
Хауг 602, 611
Хаупт П. 724*, 765
Хаутсма М. Т. 512, 735, 781
Хафиз 127
Хафиз-и Таныш 369
Хащаб А. Ф. 187, 470
Хвольсон Д. А. 23*, 101, 134—135, 143, 145*, 154, 157, 167, 172, 173, 175*, 177, 182, 183, 669*, 717, 745, 752
Хвостов 419
Хеллер (Heller B.) 736*
Херцфельд Е. (Herzfeld E.) 340, 341, 350*, 351, 568, 572, 573, 781
Хетум — см. Гайтон

Хирт Фр. (Hirth F.) 20, 260*, 262*, 632, 763, 765—772
Хитрово 475
Хишам, халиф 733
Ховорс (Howorth H. H.) 511
Ходжа Нефес 393
Ходзько (Chodzko A.) 469
«Хози Уссеин» — см. Хусейн, ходжа
Хой-сань 261
Холл Х. Р. 569
Холмогоров И. Н. 105*, 111, 149
Хоммель (Hommel Fr.) 232
Хомяков 123*
Хорват 580
Хорезми 723*
Хорн (Horn P.) 614*
Хорти 734*
Хосрой I Ануширван 252
Хоттингер (Hottinger J. H.) 311
Хохлов И. Д. 369, 370
Хрисанф, митрополит 459
Христос — см. Иисус Христос
Хуан де Персия — см. Урудж-бек
Хуань-ди 251
Хубилай 272—274, 287, 752
Худобашев А. М. 58, 60
Хусейн, гератский правитель 365
Хусейн, мулла — см. Фейзханов
Хусейн, ходжа («Хози Уссеин») 366, 367
Хутайя (Джарваль б. Аус) 729

Цагарели А. А. 155, 163, 177, 178, 182, 475, 477
Целлариус 32
Цельзиус 248
Цеспедес 286
Цзинь, династия 287
Цивильков 134, 136*
Цинь, династия 250, 251, 630
Цинь Ши-хуан-ди 630
Цицерон 213
Цыбиков 459, 460
Цэван-Рабтан 397, 398, 405
Цяньлун 294*, 297, 299, 300

Чаадаев 50*, 650
Чабров Г. Н. 448*
Чагатай 289
Чандрагупта — см. Сандрокотт
Чаплин 399
Чатопадиайа, Низи-Канта 154*
Чекре 280
Челюскин 400
Ченслер 306
Чепелев И. 25
Черас, Минас (Tchéras) 573*
Чередов, Иван 397
Черниговский, Никифор 381
Черных 38
Чернышев А. И. 70
Черняев М. Г. 431, 436, 447, 525, 550
Черняев С. И. 57, 149, 150, 167, 177, 178, 180, 601, 603, 745
Четверухин 136*
Чжан Цянь 259, 260, 767
Чингиз-хан 19, 120, 121, 266—269, 271, 289, 512, 550, 572, 573, 582, 749—751, 753, 754
Чириков 399, 469
Чихачев П. А. 424, 473
Чома Коросский 77
Чубинов Д. И. 71, 74, 126, 134, 135, 137*, 143, 155, 157, 745
Чучалов 408
Чэн Цзюй-фу (Tch'eng kiu-fou) 574
Чэнг 188

Шаванн Э. (Chavannes Éd.) 20, 261*, 262*, 323, 457, 568*, 578, 629—641, 768, 770, 782
Шаль, Адам 294, 296
Шамиль 137, 138
Шампольон 229, 761, 764
Шан, династия 771
Шао-хэн-сюнь 188
Шарден (Chardin J.) 308
Шарльвуа (Charlevoix P.) 292
Шармуа Ф.-Б. 54—57, 59, 60, 67, 68*, 69, 493, 540
Шафи, мирза 116, 117, 129, 142, 149, 164, 167, 601
Шах-Алем 317
Шахматов 357
Шах-Нияз 392
Шахразури 694*
Швалли 568
Шварц 424
Шебеко 133*
Шевкет Абдуррахман 188
Шёгрен 423*, 613
Шедер (Schaeder H. H.) 762*, 782*

Шейбани, Мухаммед 661
Шелехов 414, 419
Шеллинг 667
Шемс Фахри 607, 613
Шемяка 406
Шенаныкин, Петр 36, 38, 39, 401
Шёнстрем — см. Мессершмидт Д. Г.
Шериф 411
Шерцль 154*
Шестаков, Афанасий 399, 403
Шефер (Schefer Ch.) 309, 558
Шик К. 475
Шильдбергер, Иван 280
Шир-Али 465
Шир-Мухаммед — см. Мунис
Ширгази 395
Ширинский-Шихматов П. А. 86, 88
Ширли, Антоний 306, 307
Ширли, Роберт 306, 307
Шифнер 423, 434, 479, 609, 639
Шишкин В. А. 258*
Шлагинтвейты, братья 332
Шлегель Фр. (Schlegel Fr.) 227, 326*
Шлессинг Г. 382
Шлёцер 40, 402
Шлоссер Фр. 226, 235
Шмидт А. Э. 180, 720, 734*
Шмидт Я. И. 49, 58, 60, 62, 77, 452, 668
Шобер Г. 8
Шопенгауэр 207*
Шотт, Вильгельм 423, 668
Шоу (Shaw) 333
Шпангберг 399, 401
Шпилевский 748
Шпренгер 593, 714, 731
Шрайнер М. 735
Шренк (Schrenk L.) 422
Штейн — см. Стейн, Аурель
Штейнталь 666, 667, 719, 724
Штейншнейдер 719
Штелин 539
Штернберг Л. Я. 425, 503*, 616, 666*, 679*, 682*, 775*, 776
Штинников, Андрей 35, 390
Штольце (Stolze F.) 339
Штрак 568
Штюбе Р. (Stübe R.) 512*
Шуйский 139*
Шультенс А. 302
Шульц, Кузьма (Соза) 35, 36, 38, 390
Шумахер 31*, 401, 539
Шутов 112

Щеглова О. П. 20
Щербатской Ф. И. 182, 187, 464, 503*, 508
Щулепников, Евграф 73*
Щулепников, Михаил 73*
Щулепников, Николай 73*

Эверсман 439
Эвлия Челеби 309
Эзов Г. А. 58*, 125, 127, 185, 189, 191, 192
Эйлер 539
Эллиот (Elliot H. M.) 327
Эльфинстон (Elphinstone M.) 335
Эльшлегер — см. Олеарий, Адам
Энвери (Анвери), Али Аухадэддин 691*
Энгельс 238*
Эр-Али 406
Эратосфен 246
д'Эрбело (d'Herbelot B.) 299, 310, 311, 398, 511
Эрдман Ф. И. 45—47, 74, 511, 737, 738
Эрман 669
Эрпениус 302, 311
Этэ (Ethé H.) 692

Юань, династия 623
Юар К. (Huart C.) 343, 693*
Юдин, Леонтий 369, 370*
Юзбашян К. Н. 20
Юл (Yule H.) 260*
Юнчжэн 294*, 297
Юсти (Justi F.) 232
Юстин II, император 252
Юсуф, ногайский князь 368

Яворский 465
Ягелло И. Д. 499
Ягмин 428
Ядринцев Н. М. 454, 455, 512, 680 759, 760
Языков Д. И. 26*, 27*
Якоб Г. (Jacob G.) 693, 697*
Я'куб-бек 333, 461
Якут 259, 693, 784
Ялычев, Бурнаш 376—377
Ян 50
Янкович де Мириево Ф. И. 41, 416
Яновский К. П. 163
Ярослав Мудрый 363
Ярцов Я. О. 44, 45, 58
Яхуда А. С. (Yahuda A. S.) 735

d'Allemagne 700
Courant 325
Dallet 325
Dumaresque — см. Дюмареск
Eötvös, Josef v. 718
Franke — см. Франке О.
Gemelli Carreri 311
Hehn V. 770
Helmersen — см. Гельмерсен
Hunter 326
Kingsmill — см. Кингсмилл
Maes Titianus 249
Ngai-sie 575; см. также Ай-се, Иса, Изол
Ritter H. 732*
Setälä E. N. 565, 785
Song — см. Сун
Ta-mou-che 633*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абагайтуевский караул 385, 387
Абакан 380
Абиверд 696
Абиссиния 267
Або 565
Абу-Шахрейн (Абу-Шухур) 569; см. также Эриду
Абхазия 168
Австралия 292
Агмат 713*
Агра 298, 374
Аден 282, 304
Аджине-тепе 515*
Адрианополь 279
Адриатическое море 241, 269
Азербайджан 355, 469, 482*
Азербайджанская республика 561
Азиатская Россия — см. Россия Азиатская
Азиатская Турция — см. Турция Азиатская
Азия (Асия) 9—11, 18, 32, 54, 59*, 63, 82, 120, 142, 143, 169, 189, 191, 199—202, 240, 243, 244, 246, 249, 251, 260, 265*, 269, 290, 300, 316, 352, 353, 357, 358, 378, 382, 384, 395, 399—401, 412, 413, 415, 419, 425, 444, 474, 477, 528, 531, 546, 625, 626, 649—652, 670, 684, 686, 713, 743, 745, 755
Азия Внутренняя 241, 669
Азия Восточная 18, 19, 77, 120, 133, 143, 190, 227, 265, 266, 272, 274, 279, 283, 285, 338, 374, 383, 449, 454, 457, 460, 462, 503—505, 507—509, 519, 527, 551, 668, 775
Азия Высокая 513
Азия Западная 54, 190, 227, 241, 248, 260, 262, 271, 274, 279, 367, 512, 526, 532, 743, 767
Азия Малая — см. Малая Азия
Азия Передняя — см. Передняя Азия
Азия Северная 53, 622, 668, 673*
Азия Северо-Восточная 133, 143, 200, 248, 399, 650, 651
Азия Средняя — см. Средняя Азия
Азия Центральная — см. Центральная Азия
Азия Южная 274, 283
Азов 275, 362; см. также Тана
Азовское море 240
Ак-Мечеть кр. 430; см. также форт Перовский, Кзыл-Орда
Ак-сарай дворец — см. дворец Ак-сарай
Акра 739*
Аксу 249, 289
Акша 413
Алайская дол. 436
Алайский хр. 436
Аламаз 367
Албазин кр. 28*, 381, 384, 385, 421
Алдан р. 378
Александретта 305
Александрия (в Египте) 246, 476, 739*
Александрия, Александрополь (в Арахосии) 248, 260; см. также Кандагар
Александровский зал. (Бехтир-лиман) 394
Александровский форт 433; см. также Ново-Петровское укрепл.
Александровский хр. 429
Алеппо 309, 311, 739*
Алеутские о-ва 414
Алжир, Алжирия 349, 476
Алма-Ата (Алматы) 430—431, 435*; см. также Верное укрепл.
Алмалык 275, 276
Алтай, Алтайская горная система 424, 473, 536, 670—674, 682
Алтай Восточный 424
Альгамбра, дворец в Испании 652
Альмерия 712
Аляска 399, 414

Амальфи 264
Амдо 508
Америка 263, 275, 283,301, 352—355, 378, 399, 401, 415, 546, 692, 728, 766, 767
Америка Северная 354
Америка Средняя 311
Амстердам 58*, 317*, 386, 767
Аму-Дарья 247, 335, 372, 381, 382, 393—395, 408, 432, 433, 441, 443, 450, 451, 522, 523, 525, 532, 546, 547, 552, 656, 785
Амур р. 28*, 131, 375, 378—380, 383—387, 399, 412, 420—422, 425, 426, 436, 437, 507, 508, 622, 669, 671
Амурская обл., Амурский край 137, 378, 421, 425, 590, 622
«Анабат» — см. Джеханабад
Анадырск 389, 414
Анадырский острог 24, 389
Анадырь р. 24, 378, 399
Анапа 647
Анатолия 570
Анау 517, 522, 549, 550, 569
Ангара р. 380, 381, 383
Англия 47, 122, 290, 306, 308, 310, 311, 313, 315, 317, 318, 320, 322, 327, 335, 337—339, 345, 354, 368, 377, 410, 414, 432, 438, 463, 465, 468, 469, 497, 510, 564—566, 570, 571, 576, 670, 683, 692, 704
Ангодай (Онгудай) р. 673
Ангрен р. 553, 660
Андалусия 708, 709
Андижан (Индиджан) 395, 438
Ани 312, 474*, 480
Анкара 279—281, 344
Аннам 250, 251
Антильские о-ва 283
Антиохия 260, 261, 739*; см. Аньду
Аньду 260; см. также Антиохия
Апеннинский п-ов 741
Апраксино 132*
Апшеронский п-ов 359
Аравийский п-ов 130
Аравистан 468
Аравия 233, 252, 314, 347—349, 715, 717, 746
«Аравия каменистая» 348, 476
«Аравия пустынная» 348
Аравия Северная 348
Аравия Средняя 346
Аравия Центральная 348
Аравия Юго-Западная 250, 314, 348
Аравия Южная 252
Аракс р. 242, 478
Арал, город 406
Арал — см. Аральское море
Арало-Каспийская равн. 413
Арало-Сарыкамышский бассейн 451
Аральский бассейн 438
Аральское море (Арал, «Синее море») 381, 382, 392—395, 397, 404, 406, 427—429, 433, 451, 546
Аральское (Раимское) укрепл. 428
Арапское царство 367
Арарат г. 312, 367, 478
Арахосия 248, 260
Аргунь р. 380, 381, 383—385, 387
Ардебиль 58, 371, 468, 739*
Арзас р. 382
Армения 125*, 142, 243, 273, 312, 343, 479, 480, 785
Армения Малая — см. Малая Армения
Арран (Airjanəm vaeǧō) 781
Архангельск 368, 400
Арыс р. 275
Асия — см. Азия
Ассирия 211, 231, 233*, 246, 741
Астраханская губ. 131, 507
Астрахань 46*, 72, 152*, 306, 318, 368—371, 373, 374, 376, 393, 394, 407, 419, 433, 738, 739*, 748, 773
Асур 350
Асхабад 448, 450, 471, 526, 559, 561; см. также Ашхабад, Полторацк
Атлантический океан 247, 354, 579, 621
Аулие-Ата 431, 526, 684, 773
Аулиеатинский уезд 531
Афганистан 332, 335—337, 406, 432, 436*, 437, 464—468, 497, 518, 523, 527, 548, 562, 683
Афины 214, 250, 331, 633
Афрасиаб 15, 449, 514, 515, 525, 526, 528, 529, 548, 550, 551, 659
Африка 191, 240, 246, 283, 302, 349, 352—354, 474, 477, 707, 713*, 742, 743
Африка Северная 247, 254, 255, 317
Африка Тропическая 451
Африка Юго-Восточная 283
Африка Южная 251
Ашхабад 448*; см. также Асхабад, Полторацк
Аяс — см. Лаяццо

Баалбек 739*
Багалык-тепе 515*
Багдад 255, 282, 309, 314, 350, 354, 358, 367, 535, 573, 713, 739*
Багдадский халифат 271, 534
Бадахшан (Бодокшан) 288, 395, 406, 465
Базель 277, 320
Байкал 380, 381, 383—386
Бакинская губ. 360
Бакинское море 367; см. также Каспийское море
Бактриана 247, 622
Бактры 244, 249
Баку 365, 366, 371, 739*, 792
Баласагун 787
Балканский п-ов 73, 279, 465, 535
Балтийское море 357, 534
Балх 244, 255, 272, 337*, 368, 371—373, 694
Балхан 787
Балханская бухта (Балханский зал.) 394, 433, 436, 443; см. также Красные Воды
Балхаш оз. 429
Бамиан 337*
Бангладеш 436*
Барда 535; см. также Берда'а
Барнаул 425, 665, 471
Барселона 275
Басра 305, 314, 739*
Батавия 318
Батум 280
Бахистан (Bagistana) — см. Бисутун
Бахчисарай 411
Бахчисарайский дворец 652
Бейрут 125*, 349, 739*
Белое море 306, 368, 371
Бенгази 349
Бенгалия 304, 317, 318, 459
Бенгальский зал. 251
Бендер-Аббас 308, 374
Бендер-Бушир 348, 739*, 741
Берда'а 359; см. также Барда
Березов 376
Берингов о-в 401
Берингов пролив 414, 420, 425
Берлин 439, 443, 527, 615, 666, 669, 719, 744, 765, 766, 772, 785, 786
Бехтир-лиман — см. Александровский зал.
Биби-ханым мечеть — см. мечеть Биби-ханым
Бидар 366
Бийск 454, 672
Бирма 331
Бисутун (Бахистан), Бисутунская скала 231, 339
Бишбалык 463
Бия р. 673, 676
Благовещенск 457
Ближний (Ляхов) о-в 414
Ближний Восток 8, 12, 19, 29, 57, 179, 318, 326, 340, 346, 351, 355, 472, 479, 501, 536, 568, 626
Богаз-кёй 343; см. также Хаттусас
Боденское оз. 330
Бодокшан — см. Бадахшан
Болгар (Булгар) 30, 278, 391, 413, 748
Болгария 171, 646
Болонья 277, 303, 316
«Большая земля» — см. Аляска
Большой Фулин — см. Фулинь
Бомбей 314, 317
Бонн 782
Босфор 353, 473, 670*
Бразилия 321
Британская Индия — см. Индия Британская
Брюгге 576
Брюссель 14, 19, 564, 576, 577
Будапешт 718, 720, 735, 736*
Будда-Гай 639
Бунго 286
Бурана башня 552
Бухара 34, 206, 256, 272, 299, 306, 335, 368, 369, 371—373, 381, 393, 395, 396, 398, 405, 406, 409—411, 427, 429, 432, 433, 438—442, 444, 449, 465, 469, 506, 512, 513, 523, 524, 527, 528, 532, 547, 551—554, 562, 596, 597, 683
Бухарест 73*
Бухария 513, 524, 547
Бухария Великая — см. Великая Бухария
Бухария Малая — см. Малая Бухария
Бухарская Советская республика 433, 552, 555
Бухарское ханство 370, 392, 431, 432, 434, 439, 442, 444, 465, 507, 524, 527, 551, 612
Бухтарма 678
Бухтарминская кр. 428
Бушир — см. Бендер-Бушир
Бююкдере 152

Вавилон 190, 191, 211, 231, 233—235, 239, 241, 246, 282, 305, 340, 350, 367, 535, 574
Вавилония 230*, 231, 233*, 239, 243, 246, 257, 351, 569
Вавилонское царство 367
Валахия 73
Вальядолид 580
Ван город 343
Варахша 515*
Варшава 580
Ватерлоо 576
Ватикан 575
Вахш р. 527
Вашгирд 527
Великая Бухария 513, 518, 524, 547
Великая орда 367
Великая Спания 371; см. также Испания
Великий океан 107*, 260, 266, 376, 378, 385, 399, 412, 415, 422, 522, 534
Вена 52, 607, 720
Венгрия 570
Венецианская республика 281, 282, 305
Венеция 272, 273, 278, 282, 303—307
Верное укрепл. (поздн. город Верный) 430; см. также Алма-Ата
Верхний Иртыш 398
Виенна 277
Византия, Византийская империя 172, 191, 192, 217, 238, 251—254, 260, 262 265, 279, 281, 357, 360—363, 535, 538*, 646, 707, 713, 742
Вильна 101, 620
Висбаден 617
Витебская губ. 360
Вифлеем 771
Владивосток 18, 181, 420, 421*, 425, 426, 460, 499
Внутренняя Азия — см. Азия Внутренняя
Волга 30, 247, 272, 275, 278, 357—360, 363, 365, 376, 377, 402, 413, 534, 535, 552, 682*, 748, 773
Волга Нижняя 8
Ворота Каршинские (в Бухаре) 597
— Наубехарские (в Самарканде) 551
Восток Ближний — см. Ближний Восток
Восток Дальний — см. Дальний Восток
Восток Передний — см. Передний Восток
Восточная Азия — см. Азия Восточная
Восточная Европа — см. Европа Восточная
Восточная Монголия — см. Монголия Восточная
Восточная Россия — см. Россия Восточная
Восточная Сибирь — см. Сибирь Восточная
Восточный Алтай — см. Алтай Восточный
Восточный Иран — см. Иран Восточный
Восточный океан 248
Восточный Туркестан — см. Туркестан Восточный (Китайский)
Высокая Азия — см. Азия Высокая
Вэй р. 631

Гаага 317*
Габала (Gabala) 266
Газна 337
Гаити о-в 283
Галац 73*
Галикарнасс 241
Галиция 712
Галле 666
Галлия 576
Гамбург 767
Ган р. 384
Ганг р. 245
Ганьсу 459
Ганьчжоу 426
Гаоли (Caule, Cauli) 286; см. Корея
Гарлем 714
Гарни 474*
Гвинея 783
Геллеспонт 637
Гельсингфорс 565, 566, 758, 760; см. также Хельсинки
Генуя 272, 273
Геок-тепе укрепл. 437
Герат 304, 318, 365, 465, 468
Германия 18, 31, 280, 301, 307, 315, 322, 342, 345, 356, 357, 382, 496, 512*, 517, 541, 543—545, 566, 567, 569, 599, 606, 608, 609, 611, 665—667, 670, 704, 705, 734, 744, 765, 766, 770, 779, 782, 790
Геттинген 49, 401, 602
Гилян 275, 307, 391, 739
Гималаи горы 298, 318
Гиндукуш горы 333*, 336, 372, 373, 569
Гиркания — см. Джурджан

Гоа 285, 286, 288
Гоби пустыня 458
Голландия 290, 302, 311, 315, 356, 670, 706, 782, 783
Гольштейн 307, 308
Гонконг 321
Гонконг о-в 320
Горбица р. 385
Гота 765
Готланд о-в 358
Гранада 714
Грейфсвальд 765
Греция 55, 56, 80*, 211, 214, 215, 220, 229, 240, 247, 311, 474*, 632, 636, 698, 791
Гробница султана Санджара — см. мавзолей Санджара (в Мерве)
Гродна 25
Грузия 53, 61, 121, 143, 413, 477, 479, 480
Гумбез-и Кабус 597
Гурбенд 373
Гургандж (Гурганч) 362, 535; см. также «Орнас», «Орначь», Ургенч
Гурза 367; см. также Грузия
Гурьев 428
Гур-эмир мавзолей 551, 660, 661
Гучэн 458
Гюлистан 478, 643, 655
Гюрген р. 597
Гянджа (поздн. Елисаветполь, совр. Кировабад) 481
Гяур-кала 515

Дагестан (Daghestan) 365, 413, 470, 481*, 783, 787
Далай-Нор 384, 385
Дальний Восток 15, 20, 58, 87, 90, 153, 179, 194, 195, 248, 259, 290, 299, 302, 303, 308, 318—320, 323, 324, 326, 331, 332, 388, 391, 418, 426*, 452, 456, 458, 506, 523, 536, 543, 546, 568, 577, 619—621, 626, 632, 633, 639, 642, 689, 768, 770
Дамаск 282, 304, 348, 350*, 739
Данциг 30
Дарваз 432
Дарданеллы пролив 473
Дарья р. 393, 396, 397; см. также Сыр-Дарья
Даурская земля 379
Дацинь 250, 260; см. также Римская империя
Дворец Ак-сарай (в Шахрисябзе) 551
Двуречье Южное 233*
Девлет-Гирей 394
Дежнева мыс 378
Дели 330, 372, 374
Делос о-в 214, 241
Дербент 47, 242, 366, 391, 481, 739*
Дехистан 552
Джабарка 274; см. Япония
Джаргалан р. 398
Джаркент 188
Джетысуйская обл. 428—429; см. также Семиреченская обл.
Джеханабад («Анабат») 373
Джидда 285, 304
Джизак 431, 432, 533, 684
Джунгария 387*, 409
Джунейр 366
Джурджан (Гиркания) 358, 359
Джучиев улус 654, 742, 751
Диу 366
Диярбекир (Диарбекр) 565, 739*
Днестр р. 362
Доброй Надежды мыс — см. мыс Доброй Надежды
Дон р. 240, 244, 275, 358, 362; см. также Танаис
Донгола 346
Дэсима о-в 291, 292
Дюссельдорф 741

Европа 5, 10—14, 24, 83, 106, 117*, 191, 197, 206, 217, 221, 226—228, 232, 234—238, 240, 241, 243, 244, 246, 247, 251, 258, 259, 262, 263, 266, 269, 271, 273, 275—277, 279, 282, 286, 290, 293, 294, 296, 298, 300, 301, 303—307, 310, 314, 316, 321, 325—327, 329, 330, 334, 339, 352—354, 357, 358, 364, 382, 395, 400, 401, 446, 458, 479, 493, 510—512, 516, 519, 535, 546, 570, 574, 575, 594, 605, 607, 609, 611, 622, 626, 651, 658, 670, 681, 688, 707—709, 711, 713, 721, 722, 742—744, 765—767
Европа Восточная 241, 357, 358, 361, 534, 783, 785
Европа Западная 12, 14, 15, 19, 42, 60, 106, 153, 219, 220, 237, 246, 247, 254, 263, 268, 279, 282, 309, 322, 348, 360—364, 377, 381, 416, 418, 463, 464, 511*, 512, 514, 524, 534, 536—

539, 556, 564, 605, 648—650, 653, 690—692, 744
Европа Северо-Восточная 785
Европейская Россия — см. Россия Европейская
Европейская Турция — см. Турция Европейская
Евфрат р. 245, 248, 282, 367
Египет 56, 129, 130, 190, 191, 210, 211, 228, 230, 233, 239, 241, 244, 246, 249, 250, 254, 272, 276, 277, 282, 285, 304, 308, 310, 311, 314—316, 331, 346—350, 476, 478, 520, 578, 624, 706, 713, 727, 739, 742
Елисаветполь (совр. Кировабад) 481; см. также Гянджа
Енисей 255, 375, 376, 380, 383, 400, 404, 425, 455, 508, 679, 758, 759, 787
Енисейск 375, 380, 383
Енисейская губ., Енисейская обл. 507, 566, 665
Ереван 481*
Еркеть (Эркеть) 393, 396; см. также Яркенд

Жибэньго 274; см. Япония

Заалайский хр. 436
Забайкалье, Забайкальская обл. 75, 453, 507, 508, 675, 743
Заилийский край 436
Зайсан (Зайсан-Нор) оз. 397
Зайсанский пост (Зайсан) 397, 458
Зайтун (поздн. Цзюаньчжоу) 257
Закавказье, Закавказский край 52, 69, 153, 163, 338, 359, 470, 522
Закаспийская обл. 433, 501, 517, 522, 549, 550, 552, 569, 695, 696
Замин 684
Западная Азия — см. Азия Западная
Западная Европа — см. Европа Западная
Западная Монголия — см. Монголия Западная
Западная Персия — см. Персия Западная
Западная Сибирь — см. Сибирь Западная
Западная Сирия — см. Сирия Западная
Западный Иран — см. Иран Западный
Западный Китай — см. Китай Западный
Зардандан 274
Зейтун 752
Зеравшан 381, 432, 436, 440, 441, 522, 524, 526, 527, 531, 532, 547, 554, 596, 606, 681, 785
Зея р. 378, 384, 385
Золотая Орда 277, 280, 363—364, 581, 642, 643, 651, 653—655, 742, 747, 748, 751, 753
Зондские о-ва 155, 282, 317, 318

Ибир-Сибир — см. Сибирь
Иверские горы 367
Иверское царство 367
Иерусалим 264, 304, 345, 361, 367, 475—477, 715, 739*
Иерусалимское королевство 267
Иесо (поздн. Хоккайдо) о-в 291, 415
Израиль 716
Икония — см. Конья
Или р. 398, 429—431, 683*, 684, 685, 773
Илийский край 188, 434, 507, 685
Илимск 386
«Имай» хр. 305
Ингельхейм 357
Ингода р. 380, 383
Инд р. 242, 244, 288, 632
«Индейские горы» — см. Гиндукуш
Индея, Индейская земля 369, 371; см. также Индия
Индигирка 415
Индиджан — см. Андижан
Индийский океан 245, 249—252, 285, 339, 366, 470
Индийское море 367; см. также Индийский океан
Индия 10, 15, 54, 181, 204, 210, 211, 218, 227, 228, 242, 243, 245, 247—252, 254—256, 258, 261, 263, 265, 267, 269, 276, 282, 283, 285—290, 292, 298, 299, 301, 304—308, 310—315, 317—319, 323, 325—336, 348, 351, 352, 354, 365—367, 369, 371—374, 377, 383, 393, 394, 406, 408, 410, 414, 436*, 459, 463—465, 467, 468, 497, 503, 516, 523, 526, 536, 543, 546, 548, 556, 570, 605*, 618, 621, 622, 626, 632, 635, 636, 639, 664, 698, 734, 786
Индия Британская 320, 331, 332
Индия Восточная 463

Индия Северная 288
Индокитай, Индокитайский п-ов 273, 330—332, 366
Индостан, Индостанский п-ов 273, 275, 282
Ирак 130
Иран 192, 244, 254, 312, 339, 340*, 341, 344, 350, 473, 523, 526, 532, 689, 695, 701, 729, 779—782, 785, 792; см. также Персия
Иран Восточный 781
Иран Западный 781
Иранское плоскогорье 274, 338, 340
Иркутск 29, 38, 131, 386, 390, 415, 425, 426
Иркутская губ. 41*, 411
Иртыш р. 255, 365, 376, 379, 396—398, 428, 429
Иртыш Верхний — см. Верхний Иртыш
Иртыш Синий — см. Синий Иртыш
Иртыш Черный — см. Черный Иртыш
Иртышская линия укреплений 397, 407, 414, 427, 428, 431, 439, 460
Искер 376
Исма'ила Самаркандского мавзолей — см. мавзолей Исма'ила Самаркандского
Испания 247, 254, 307, 311, 371, 575, 576, 651, 652, 704, 705, 707—709, 711—714, 716, 742
Иссык-Куль оз. 265, 278, 398, 436, 784
Исталиф 373
Исфахан 29, 255, 307, 309—311, 339, 354, 468, 739*
Итака 580
Италия 247, 275, 305, 307, 311, 354, 621, 713, 740, 741
Итиль 358, 359, 787
Ич р. 24
Ишимская линия укреплений 428

Йезд 366
Йемен 250, 304, 314, 348

Ка'ба 715
Кабул 288, 318, 336—337, 372, 373
Кабульская дол. 373
Кавказ, Кавказский край 6, 8, 9, 41, 162, 163, 314, 342, 395, 413, 414, 433, 443, 469, 476*, 478—481, 529, 535, 582, 664, 783, 785
Кавказ Северный 8, 646
Кавказский окр. 134*
Кавказский хр. 246
Кавкасийские горы 367
Казалинск 428, 533; см. также форт № 1 на Сыр-Дарье
Казанская губ. 410, 607—608
Казанское ханство 365
Казань 9, 31*, 42—47, 49, 52, 60, 67, 74, 75, 79, 80, 82, 84—88, 92, 94, 97, 100, 101, 104, 106—112, 114*, 138, 184, 195, 368, 370, 372, 376, 391*, 418, 453, 456, 467, 581, 582, 607, 608, 620, 682, 738, 744, 747, 749, 754, 774
Казахская ССР 435*, 437*
Казвин 372
Каир 153, 311, 331, 349, 633, 739*
Каликут (Каликот) 282, 283, 304, 305, 366
Калка р. 749
Калькутта 317, 318, 330
Кама р. 358, 376
Каменистая Аравия — см. «Аравия каменистая»
Камчатка 24, 27, 34, 35, 38, 378, 389, 390, 399, 401, 402, 415, 420, 425, 669
Кананур 304
Кандагар 248, 260, 318, 372
Канджут 333
Кандия 311
Канск 665
Канская тайга 758
Кантон 257, 285, 297, 319—321, 765, 766; см. также Ханфу
Кантонский зал. 285
Кара-Дарья р. 532
Кара-Калпакская АССР 437*
Каракорум 270, 272, 455
Карась р. 367
Карашар — см. Чалыш
Каргала — см. Сеитовский посад
Карфаген 215, 222
Кархемыш 570
Карши 373, 438
Каршинские ворота — см. ворота Каршинские
Касимов 370
Каспий, Каспийское море 8, 242, 245—247, 267, 270, 275, 283, 306, 307, 318, 339, 358, 359*, 365, 366, 369, 371, 382, 391—395, 408, 427, 428, 433, 436—438, 451, 470, 510, 534,

535, 546, 547, 773; см. также Хвалимское море
Кастилия 708
«Катай» 283, 288—290; см. также Китай
Катиф 347
Катта-Курган 516
Катунь р. 673
Кафиристан 336
Кафирниган 527
Кахкаха II городище 515
Каш р. 683*
Кашан 366
Кашгар 289, 410, 519
Кашгария 462
Кашмир 263, 310, 318, 332, 414, 783
Келиф 373
Келломяки 565
Кембридж 576
Кемчик р. 380
Кенигсберг 32, 600
Керия 399
Керки 432
Керман 469
Кесарея 270
Кетский острог 376
Кеть р. 383
Кефалония 580
Кёльн 289, 294
Кзыл-Орда 430*; см. также Ак-Мечеть, форт Перовский
Киев 359
Киево-Печерский монастырь 28
Кизыл-Арват 438, 450
Киндерли зал. 394
Кипр о-в 234, 270, 311, 314, 346
Кипчакское царство 747
Киргизская Советская Республика (Казахская АССР) 435
Киргизская ССР 437*
Киренск 381
Кировабад 481*; см. также Гянджа, Елисаветполь
Китай (Хатай, Хитай) 24, 27, 28, 32, 48*, 53, 54, 75, 76*, 77, 78, 121, 130, 136, 180, 190, 192, 194, 210, 237, 238, 248—252, 255—262, 265—267, 269, 271—277, 280, 283, 285—287, 289, 291, 292*, 293—301, 304, 306, 309, 311, 319—324, 331—333, 351, 363—366, 368, 375, 377, 380, 382—388, 409, 434, 452, 453, 456—458, 460, 461, 503, 510—512, 516, 519*, 526, 532, 546, 548, 568, 570, 571, 574, 577, 616, 619—626, 629—637, 639—641, 664, 678, 683, 685, 686, 739, 743, 753, 765, 766, 768, 772; см. также «Катай»
Китай Западный 422, 426, 775
Китай Северный 253*, 274, 287, 383, 384
Китай Южный 273, 274, 287, 320, 366, 383
КНР 436*
Китайская стена 256
Китайский Туркестан — см. Туркестан Восточный
Кобдо 458, 668
Коканд 410, 429, 431, 444, 557, 683
Кокандское ханство 429—432, 434, 436, 439, 445, 461
Колыванская обл. 41*, 411
Колыма р. 378, 399
Колючин о-в 415
Комо оз. 670*
Константина 710
Константинополь 29*, 56, 151, 272, 279—281, 304, 305, 314, 316, 331, 344, 353, 357*, 361, 362, 364, 411, 474, 476*, 499, 565, 739*, 762*, 783, 792; см. также Стамбул
Конья (Икония) 343, 411
Копальская станица (поздн. город Копал) 428
Копенгаген 605, 611
Кордова 713
Корейский п-ов 255, 256, 326
Корея 286, 292, 298, 324, 325, 387, 458
Корсунь 363
Котельный о-в 414
Крайний Север 421, 423, 668
Красноводск 394, 433
Красногорская станица 407
Красное море 282
Красноярск 375, 419, 758
Красные Воды 394; см. также Балханская бухта
Крит о-в 211*
Кришна р. 366
Крым 66*, 272, 372, 411, 419, 739
Крымское ханство 66*
Куба о-в 283
Кубанская обл. 645, 646
Куку-хото 458
Кульджа 188, 275, 429, 685
Кульджинский край 265, 434

Кульджинское султанство, Кульджинское государство 434, 683—684
Куня-Ургенч 275, 362
Кура р. 535
Курдистан 243, 469, 565
Курильские о-ва 39, 401
Курская губ. 414
Курская река 367; см. Кура р.
Кутби-Чаардегум мазар — см. мазар Кутби-Чаардегум
Куча 252, 266, 289, 333, 334
Кызыл-джар 444; см. также Петропавловск (в Сибири)
Кюсю о-в 285, 286, 291
Кютахья 344
Кяхта 388, 421, 773

Лавран монастырь 508
Лаго-Маджиоре оз. 670*
Ладак 332
Лаодикея 739*
Латинская империя 281
Лахор 288
Лаяццо (Аяс) 272
Лебедь р. 673
Левкада 580
Ледовитый океан 274, 290; см. также Северный <Ледовитый> океан
Лейден 315, 324, 633, 704, 732, 735, 782, 783
Лейпциг 43, 719, 721, 754, 765, 767
Лена р. 375, 376, 378, 389, 400
Ленинград 58*, 196*, 421, 440*, 471, 473, 476*, 566, 792; см. также Петербург, Петроград
Ленкорань 739*
Либава 744
Ливийская пустыня 244
Ливия 240, 349
Лидия 240
Ликейские о-ва — см. Люцю
Линчёпинг 397
Лион 629
Лиссабон 283, 304
Литва 436
Лондон 14, 19, 330, 341, 503, 577, 585, 617, 767, 792
Лунмынь проход 631, 634
Луристан 468
Лхаса 276, 298, 299, 318, 321, 332, 412, 459, 460
Люцю (Ликейские) о-ва 285, 286
Ляхов о-в — см. Ближний о-в

Мавераннахр (Мавераун-Нагр) 170, 171*, 518, 523, 746
Мавзолей Исма'ила Самаркандского (в Бухаре) 552
— султана Санджара (в Мерве) 515, 552, 695
Мадагаскар 274
Мадрид 580
Мазандеран 121*, 242, 366, 739
Мазар Кутби-Чаардегум 645*
— Рухабад 661
Маймачен сел. 388
Макао 286, 296, 297, 320, 321
Макао о-в 286
Малабарский берег 282
Малакка 285, 311
Малакка п-ов 285
Малая Азия 212, 213, 233, 239, 241, 243, 262, 272, 279, 281, 302, 308, 311, 312, 314, 342—344, 473, 474, 567, 586
Малая Армения 278
Малая Бухария 513, 524, 547
Малый о-в 414
Малый Фулин 261; см. также Сирия
Мангазея 375
Манги 287; ср. Чин
Мангышлак, Мангышлакский п-ов 306, 371, 393, 408, 409, 433
Маньчжурия 121, 295, 298, 321, 406, 420, 422, 457, 458, 622
Мараканда 513, 550; см. также Самарканд
Маргелан (Мергалан) 395
Мариинск 422
Мариинский пост 422
Марокко 302, 349
Марсель 579
Маскат 314
Матарха 748
«Махачина» 250; ср. Мачин
Мачин 366; ср. «Махачина»
Мая р. 378
Медина 285, 346, 347
Медресе Улугбека 660
— Ширдар 530
Мейхене 696
Мекка 285, 288, 304, 346, 347, 576, 715—717
Мексика 354
Мелик ст. 552
Мерага 258
Мерв 335, 371, 410, 438, 450, 515*, 528, 550—553, 661, 695

Мерв Старый — см. Старый Мерв
Мерке 684
Мертвое море 345—347
Мергалан — см. Маргелан
Месопотамия 130, 230*, 231—234, 236, 241, 244, 272, 279, 304, 311, 343, 349—351, 476, 517, 518, 535, 570
Месопотамия Северная 569
Месопотамия Южная 233*
Мечеть Биби-ханым (в Самарканде) 514, 551, 597, 660
— Мешхед-и мисриян (в Закаспийской обл.) 552
Мешхед 371, 695
Мешхед-и мисриян — см. мечеть Мешхед-и мисриян
Мидия 535, 781
Милет 212, 239, 240, 344
Минусинск 425
Минусинский край 375
Молдавия 73
Молуккские о-ва 292, 304
Монголия 28, 171, 237, 253, 262, 266, 268—271, 298, 321, 363, 364, 377, 379, 380, 385—388, 406, 424, 452—454, 457—459, 507, 512, 531, 679, 758
Монголия Восточная 266, 268, 458, 759
Монголия Западная 266, 267, 458
Монгольская республика, Монгольская Народная Республика 387*, 455
Монпелье 277
Москва 24, 25, 26*, 29, 42, 49—51, 72, 80, 122*, 123*, 153, 294, 307, 365—370, 373, 376, 377, 379—382, 389, 392, 414, 419, 421, 464, 466, 467, 476, 479, 543, 644, 649, 658, 773
Московское царство 364
Мосул 350, 736*, 739*
Мыс Доброй Надежды 283
Мюнхен 602, 766

Нагасаки 186*, 291, 292, 415, 419, 420
Назарет 739*
Наманганский уезд 445
Нанай кышлак 445
Нанкин 286
Нарпай 785
Нарым 376
Нарымский край 616
Нарын р. 532
Наубехарские ворота — см. ворота Наубехарские
Неаполь 277, 311
«Небесные горы» — см. Циляньшань
Нева р. 419
Нергальдад 715
Нерчинск 295, 383, 384, 386
Неса 696
Нижне-Колымск 378
Нижний Новгород 363, 773
Нижняя Волга — см. Волга Нижняя
Николаевский пост 422
Никопол 279, 280
Нил р. 316*, 346, 451, 632
Ниневия 231, 350
Ниппон 291; см. Япония
Нишапур 694
Новая Сибирь о-в 414
Новгород 26*, 364
Ново-Петровское укрепл. (поздн. Александровский форт) 433
Новороссийский край 97, 98
Новосибирск 426*
Новосибирские о-ва 414
Нонни р. 384, 387
Нубия 476
Нуристан 336*; см. Кафиристан
Нью-Йорк 766
Нэмуро 415
Нюрнберг 284

Обсерватория Улугбека 506, 530
Обская губа 375
Обь р. 365, 376, 377, 383, 400
Огурчинские о-ва 408
Одесса 9, 61, 62, 65, 88, 92, 100, 104, 107, 110*, 112, 160, 739*
Ока р. 376
Окс р. 518; см. Аму-Дарья
Оксфорд 277, 330, 585, 709
Олекма 378
Омск 47, 396, 426*, 428
Омь р. 396, 398
Онгудай — см. Ангодай
Онон р. 413
Оренбург 406, 407, 409—411, 413, 428, 432, 433, 435, 436, 438, 439, 442, 443, 445
Оренбургская губ. 407, 585
Оренбургская линия укреплений 407 410, 427, 428, 431
Ормуз о-в 273, 281, 282, 285, 366
Ормузский пролив 470

«Орнас», «Орначь», «Органч» 362; см. также Гургандж (Гурганч), Ургенч
Орск 407, 428
Орхон р. 270, 387, 454, 759
Орь р. 406
Осака 35
Осло 767; см. также Христиания
«Остзейский край» 599
Отрар 275
Османская, Оттоманская империя 120, 121, 317, 344; см. также Турция
Охотск 378, 399, 401
Охотское море 389

Пайкенд 596, 597
Пайчи (Пенджвай) 260; см. также Угэшаньли
Палестина 130, 211, 264, 311, 314, 345, 346, 361, 474—476, 535, 727, 736*
Пальмира 311, 348
Памир 272, 288, 569
Памиро-Алайская горная система 547
Памирская возв. 436, 441
Парвата 366
Париж 49, 52, 69, 129, 277, 294, 301, 312, 313, 315, 324, 341, 342, 353, 392, 439, 463, 564, 577, 579, 613, 633, 639, 721, 744, 754
Певгу (Пегу) 366
Пейдзин 28*; см. также Пекин
Пекин 28, 29, 34, 76, 77*, 78*, 79, 136, 164, 165, 272—276, 286, 287, 289, 296—299, 321, 377, 380, 383—388, 389*, 421, 456, 457, 493, 539, 620, 622, 629, 685; см. также Ханбалык
Пелопоннес п-ов 240
Пелым 376
Перван 372
Передний Восток 356*
Передняя Азия 10, 82, 228—230, 233, 234, 236, 237, 244, 245, 250, 262, 265, 269, 271, 280, 282, 283, 299, 301, 303, 310, 311, 316, 317, 320, 323, 333, 338, 348, 351, 368, 467, 473, 476, 478, 480, 503, 546, 569, 570, 621, 624, 642, 664, 698, 711, 781, 786
Переяславец 359
Пермский край 376
Пермь 376, 486, 512
Перовский форт (поздн. Перовск, совр. Кзыл-Орда) 430; см. также Ак-Мечеть
Персеполь 230, 282, 305, 309, 314, 339
Персида 8, 29; см. также Персия
Персидский зал. 245, 273, 292, 305, 314, 347, 371, 468—470
Персидское царство 367
Персия 16, 29, 30, 44, 47, 53, 58, 120, 121, 129, 144, 146, 148, 178, 190, 191, 231, 236, 251, 252, 258, 262, 263, 265, 266, 270, 272—274, 277, 279, 281, 282, 285, 293, 303—306, 308—312, 314, 317, 335, 336, 338—342, 345, 349, 350, 364—366, 369, 370, 372, 374, 377, 391, 392, 395, 410, 414, 437, 450, 465—471, 473, 478, 512, 513, 515, 518, 523, 530, 532, 533, 546, 548, 550, 570, 571, 597, 610, 622, 635, 636, 683, 689, 694, 696, 697, 699, 701—703, 739, 741, 742, 745, 746, 753; см. также Иран
Персия Западная 516
Персия Северная 308, 470, 740
Персия Северо-Западная 338
Петербург — см. С.-Петербург
Петра 348
Петро-Александровск (поздн. Турткуль) 434
Петроград 476, 524, 543, 563, 598, 600, 610, 611, 613, 671; см. также Петербург, Ленинград
Петропавловск (на Камчатке) 401
Петропавловск (в Сибири) 444; см. также Кызыл-джар
Петропавловская кр. (в Сибири) 428
Печора р. 376
Пешавер 336, 372
Пиза 272
Пиренейский п-ов 709
Пишпек 265
Поволжье 6, 8, 359, 546, 582
Полторацк 448, 561; см. также Асхабад, Ашхабад
Порденоне 276
Поречье 50*
Порсу 394
Порт-Артур 493, 774
Португалия 290, 291, 371
Посольский мыс 380
Прага 580
Приамурье 379*
Пруссия 538, 600, 666
Псков 364
Пул-и Сангин 274

Пустынная Аравия — см. «Аравия пустынная»
Пянджикент 515*

Ра р. 247; см. Волга
Рабат-и Мелик 440, 507, 552
Раимское укрепл. — см. Аральское укрепл.
Ревель 599, 608
Рей 366, 739
Решт 391
Риад 348
Ригистан (в Бухаре) 554
Ригистан (в Самарканде) 514, 529, 530
Рим 215, 222, 246—249, 261, 277, 286, 292, 296, 305, 310, 315, 331, 349, 579, 632, 633, 712
Римская империя 247—251, 260, 354, 580, 741
Рион — см. Фасис
Розетта 229
Российская империя 406, 413, 505, 600
Россия 5—15, 18, 24, 25, 26*, 27—34, 38, 39, 41—43, 45, 47, 48*, 54, 55*, 57, 58, 59*, 61, 63, 70, 74, 75*, 79, 90, 101, 105, 106, 138, 139, 142, 144, 156, 161, 169, 170, 172, 189, 195, 197, 206, 262, 269, 281, 282, 295, 303, 306, 307, 314, 317, 335, 337, 352, 357—374, 376, 377, 379—383, 385—389, 391—393, 395, 396, 398—402, 405—424, 429—434, 436—438, 442, 443, 445, 452, 456—458, 461—469, 471—473, 475, 477—480, 482, 490, 500, 502, 503, 505—507, 510, 512, 518, 522, 529, 531, 533, 534, 536—540, 543—546, 549, 556, 564—566, 571, 575, 577, 581, 588—591, 594, 596, 598—600, 605, 607, 613, 617, 618, 620, 622, 627, 642, 644, 649—653, 655, 656, 658, 659, 662—665, 668—671, 678, 679, 683, 684, 686, 689, 690, 695, 711, 718, 745, 747—749, 753, 755, 782, 790, 791
Россия Азиатская 668
Россия Восточная 169
Россия Европейская 26*, 421, 422, 436, 438, 449, 485, 499, 547, 668, 773—774
Россия Южная 241, 271, 272, 413, 534, 577
Росток 43, 45, 765
Роттердам 292
Рошан 432, 612
Рум 262; см. также Малая Азия
Русский Туркестан — см. Туркестан Русский
«Русское» море 363; см. Черное море
Русь 357*, 359*, 366, 535, 536
Русь Киевская 363
Русь Московская 308, 404, 536
Рухабад мазар — см. мазар Рухабад
Руян 121*
Рыльск 414

Сайгон 331, 499, 633
Саламанка 277
Салерно 277
Самара 370
Самарканд 15, 34, 170, 252, 258, 267, 276, 279, 280, 370, 405, 406, 432, 438, 440, 441, 448, 449, 450*, 506, 513, 514, 516, 523—530, 532, 550, 551, 553, 559, 561, 597, 659, 661, 665, 684, 773, 775—777, 791
Самарра 350, 351, 713
Санджара мавзолей — см. мавзолей султана Санджара
С.-Петербург 8, 9, 25, 26*, 27, 31—35, 38, 43, 45, 50*, 51, 52, 54—56, 58, 60, 62, 64, 65, 69, 71, 72*, 74, 75, 80, 82, 85—88, 92, 94, 98, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 112, 122*, 123*, 129, 130, 132, 138, 148, 150, 181*, 188, 388—391, 395, 397—399, 401, 405, 406, 414, 416, 418—420, 422, 425, 438, 446, 452, 453, 455, 461*, 463—465, 467, 468, 474, 478, 493, 494, 498, 503, 556*, 585, 590, 607, 616*, 617, 649, 655, 669, 699*, 739*, 744, 747, 748, 754, 755, 759, 760, 766, 767, 776, 789; см. также Петроград, Ленинград
Сарагосса 709
Сарай 275, 643
Сарайчик 275
Саратов 419, 774
Саратовская губ. 131
Сарыкамыш, Сарыкамышская котловина 451
Сарыкол 289
Сасанидская империя 516
Сафат 367
Сахалин о-в 508
Сацзума 35
Саянские горы 758

Саянский хр. 387
Святая Земля 361, 362, 367, 475; см. также Палестина
Св. Лаврентия о-в 399
Св. Софии храм 579
Севастополь 105
Север Крайний — см. Крайний Север
Северная Азия — см. Азия Северная
Северная Америка — см. Америка Северная
Северная Аравия — см. Аравия Северная
Северная Африка — см. Африка Северная
Северная Индия — см. Индия Северная
Северная Месопотамия — см. Месопотамия Северная
Северная Персия — см. Персия Северная
Северная Сибирь — см. Сибирь Северная
Северное море 578
Северный Кавказ — см. Кавказ Северный
Северный Китай — см. Китай Северный
Северный <Ледовитый> океан 242, 247, 270, 425; см. также Ледовитый океан
Североамериканские Соединенные Штаты, Соединенные Штаты 324, 353, 355, 420
Северо-Восточная Азия — см. Азия Северо-Восточная
Северо-Восточная Европа — см. Европа Северо-Восточная
Северо-Западная Персия — см. Персия Северо-Западная
Севилья 712*, 713
Сеистан 469
Сеитовский посад (Каргала) 410
Селенга р. 383
Селенгинск 386
Селенгинский острог 383
Семипалатинск 397, 398, 414, 428, 429, 460, 672
Семипалатинская обл. 409
Семиреченская обл. 404, 409, 428—429, 552; см. также Джетысуйская обл.
Семиречье 255, 265, 269, 278, 397, 429—431, 434, 435, 461, 462, 547, 548
Сербия 468
Сергиопольская станица (поздн. город Сергиополь) 428
Сиам 331; см. также Таиланд
Сианъ 257
Сианьфу 265, 266, 295, 571, 572, 575, 634
Сибирское царство 376, 402
Сибирь, Сибирская земля 6, 8, 26*, 30, 39, 41, 163, 255, 300, 365, 369, 375, 376, 378—383, 392, 394—398, 400—403, 411—415, 419, 421, 422—427, 432, 444, 459, 460, 522, 531, 546, 581, 621, 669, 672, 674—676, 758, 759
Сибирь Восточная 27, 116, 162, 168, 422, 592
Сибирь Западная 124, 137, 162, 381, 383, 396, 413, 489
Сибирь Северная 402
Сибирь Южная 758
Сидон 211*, 739*
Силян 366; см. Цейлон
Симла 330
Син 257; см. также Чин
Синайский п-ов 346, 477
Сингапур 311
Синее море — см. Аральское море
Синий Иртыш 398
Сираф 256
Сирия 56, 130, 211, 233, 234, 244, 251, 252, 259, 261, 266, 267, 272, 276, 279, 281, 282, 302—304, 310, 311, 314—316, 343, 346, 348—350, 367, 474—476, 578, 706, 727, 770*, см. также Малый Фулин
Сирия Западная 574
Сицилия 259
Скандинавия 360
«Скифия» 271
Смирна 739*
Смоленск 366
Согд, Согдиана 247, 252, 527
Сокчи 383, 384*; см. Сучжоу
Солдайя (совр. Судак) 272
Спаган 367; см. Исфахан
Спарта 212, 214
Средиземное море 239—241, 260, 281, 352—354, 578
Средняя Азия 5, 8, 10, 12, 15—19, 29, 33, 143, 146, 170, 171, 190, 191, 200, 201, 227, 241, 248, 251, 252, 254—256, 259—262, 265—268, 271, 275—277, 287—289, 299, 300, 304, 306, 317, 318, 329*, 333, 338, 352, 353, 355, 358, 368—372, 378, 380—382,

392, 393, 395, 397, 404, 406, 407, 409, 411, 413, 424, 427, 431, 435, 437, 439*, 441, 442, 445, 447, 449, 450, 454, 457, 459, 460, 462, 503—507, 509—513, 515*, 516, 517, 520, 524, 527, 528, 531, 535, 536, 546, 550, 551, 558, 570, 574, 578, 581, 582, 593, 594, 622, 623, 635, 642, 647, 651, 656, 657, 659, 665, 668—669, 674, 677, 680, 681, 753, 759, 762, 763, 767, 773—775, 777, 783, 785, 786, 789—792; см. также Туркестан
Средняя Америка — см. Америка Средняя
Средняя Аравия — см. Аравия Средняя
СССР 387*, 436*, 519*, 581, 790, 791
Ставропольская губ. 131
Стамбул 14, 565*; см. также Константинополь
Старый Мерв 450, 515
Старый Ургенч 526
Степное генерал-губернаторство 435
Стерлибаш 410
Стерлитамак 410
Суаким 346
Судак 272; см. также Солдайя
Судан 346, 347, 783
Сузиана 231, 232; см. также Хузистан
Сузы 241, 569
Султания 277
Суматра о-в 249, 282
Сурат 305, 313, 317, 374
Сургут 376
Суркан р. 596
Сучжоу 289, 383, 426
Суэцкий кан. 355
Суэцкий перешеек 316, 350
Сыр-Дарьинская обл. 554
Сыр-Дарья р. 244, 247, 268, 275, 382, 393, 395, 397, 405—407, 428—431, 433, 434, 461, 522, 532, 546—547
Сыр-река 395; см. Сыр-Дарья
Сычуань 321

Табаристан 121*
«Тавр» хр. 305
Тавриз 739*; см. также Тебриз
Таврическая губ. 645
Таджикская ССР 437*
Таз р. 375
Таиланд 331*
Тайаньфу 634
Таймыр п-ов 400
Тайюаньфу 634
Таксила 328
Талас р. 429, 773
Тана, Танаис (поздн. Азов) 275, 281
Танаис р. 240, 244; см. также Дон
Тангут 453
Танегасима о-в 285
Танну-Ола хр. 387
Тапробана о-в 249
Тара 376
Тарбагатай 269, 679
Тарбагатайская горная система 547
«Таргачинский» хр. 384; см. Хинган
«Тартария», «Высокая Тартария» 271, 321, 382, 511
Татарский пролив 422
Ташкент 15, 17, 18, 170, 406, 408, 429, 431—433, 438, 444, 446, 449, 450, 461, 462, 485, 486, 489, 490, 492, 494, 495, 497—499, 502, 524, 549, 553, 556, 559, 562, 563, 566*, 593, 594, 684, 773, 792
Тверь 366
Тебриз 281, 282, 365, 468
Тегеран 335, 396, 468, 739*
Телецкое оз. 670, 672, 676
Тель эль-Амарна 234
Термез 432, 438, 532, 596, 785
Тертерь р. 535
Тибет 54, 78*, 237, 255, 276, 289, 294, 298, 299, 318, 321, 322, 332, 333, 383, 410, 412, 414, 453, 458—460, 508, 558, 622
Тибет Центральный — см. Центральный Тибет
Тиверись 367; см. Тебриз
Тигр р. 267, 340, 367
Тир 739*
Тифлис 72, 419, 480, 481
Тмутаракань 363, 748
Тобол р. 376
Тобольск 27, 28, 376—378, 386, 396, 398, 405, 412, 665
Тобольский уезд 680
Токио 292, 543; см. также Эдо
Токмак 265, 552, 684
Тола р. 387
Толедо 712
Томск 426, 673
Томская губ. 507
Трапезунд, Трапезунт, Трапезонт 114, 243, 273, 279, 366
Триполи 609, 739*

Тропическая Африка — см. Африка Тропическая
Тува 387*
Тунгирь р. 378
Тунгусия 668
Тунис 349, 476, 710
«Тура» 381; см. также Сибирь
Турецкое царство 367; см. также Османская империя, Турция
Туркестан, город 405, 429, 431, 506, 661
Туркестан, Туркестанский край 14—17, 19, 161—163, 170, 172, 190, 348, 371, 407, 433, 436, 437, 441, 446, 448, 449, 462, 465, 488, 491, 496, 498, 500*, 501, 502, 510, 513—519, 521—526, 528, 529, 531—533, 547—551, 553—565, 570, 571, 588, 590, 594—596, 598, 602, 608, 612, 644, 645, 652, 655, 656, 658—661, 664, 681, 683—685, 773, 776, 791; см. также Средняя Азия
Туркестан Восточный (Китайский) 237, 249, 265, 266, 272, 289, 332—335, 393, 397—399, 414, 426, 434, 458, 460—463, 505, 517—521, 524, 547, 614, 640, 647, 656
Туркестан Русский 506, 515—521, 526, 527, 531, 569, 582
Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика, Туркестанская республика 437
Туркестанское генерал-губернаторство 435, 436, 446, 518, 562
Туркистан — см. Туркестан
Туркманчай 478
Туркменская ССР 437*
Туркмения 450
Турские земли, Турское царство 367, 371; см. Турция
Турткуль 434; см. также Петро-Александровск
Туруханск 375
Туруханский край 508
Турфан 266, 289, 334, 503, 570
Турция 27, 29, 33, 53, 129, 146, 171, 178, 190—192, 256, 301, 303, 305, 308, 309, 316, 317, 344, 345, 349, 350, 356*, 371, 391, 406, 459, 469, 473, 475, 530, 566, 742, 792; см. также Османская империя
Турция Азиатская 171, 338, 342, 372
Турция Европейская 171
Тус 695
Тюбинген 602, 782, 784
«Тюлес» 381; см. Сибирь
Тюмень 402, 665
Тюп р. 398
Тюп-Караган 393, 394
Тюрингия 765
Тянь-Шань, Тяньшаньская горная система 252, 435, 436, 510, 513, 524, 547, 669, 683*
Тяньцзин 165

Угэшаньли (Пайчи) 260; см. также Александрия (в Арахосии)
Уда р. 383
Удская бухта 385
Узбекская ССР 433*, 437*, 556*,
Узбой 242*, 394, 443, 451
Узгенд 552
Узун-Агач 431
Узун-Ада 773
Улугбека медресе — см. медресе Улугбека
Улугбека обсерватория — см. обсерватория Улугбека
Улья р. 378, 399
Упса оз. 380
Упсала 293, 728, 732
Ур 569
Ура р. 379
Урал 8, 407, 425, 682*
Урал р. 275, 318, 406, 428; см. также Яик
Уральск 428
Уральская линия укреплений 428
Уральский хр. 375
Урарту 343, 344*
Ура-Тюбе 432, 684
Урга 508
Ургенч 275, 318, 362*, 368—370, 381, 535; см. также Гургандж (Гурганч), «Орнас», «Орначь»
Ургенч Старый — см. Старый Ургенч
Урка р. 378
Урсул 673*; см. Урусул
Урусул р. 673
Урянхайский край 387
Уссури р. 422
Уссурийский край 378, 420, 422
Усть-Каменогорск 397
Усть-Сысольск 50*, 132
Устюрт плато 427
Уфа 405, 407

Уфимская губ. 407, 410
Уя р. 428

Файзабад 527
Фарс 255, 256, 781
Фасис (Рион) р. 240
Фергана, Ферганская область 249, 429, 431, 434, 436, 444, 445, 461, 517, 532, 552, 554, 684
Фессалия 570
Филиппинские о-ва 292
Финикия 211, 239, 346
Финляндия 423, 455, 565, 566, 761
Фирадо о-в — см. Хирадо
Флоренция 275, 282, 577, 754
Формоза о-в 383
Форт № 1 на Сыр-Дарье (поздн. Казалинск) 428
Форт Перовский — см. Перовский форт
Фракия 311
Франкфурт 301
Франция 70, 295, 301, 308, 310, 311, 313, 315, 317, 322, 331, 338, 357, 540, 541, 543, 544, 576, 578*, 618, 667*, 670, 705, 744
Франция Южная 277, 578
Фридрихштадт гавань 307
Фулинь (Большой Фулин) 260—262; см. также Византийская империя
Фунань 633

Хабаровск 425
Хайтан 337*
Хакодате 420
Халдея 635, 636
Халчаян 515*
Хамадан 468
Хами 289, 519
Ханбалык 274, 275, 287, 289; см. также Пекин
Ханой 330, 331, 499, 633
Ханфу 257; см. также Кантон
Ханчжоуфу 273
Ханькоу 195, 458, 501
Ханьчэн 631
Харак о-в 292, 314
Хара-Хото 459
Харьков 42, 43*, 199
Хатай — см. Китай
Хаттусас 343*; см. также Богаз-кёй
Хвалимское, Хвалынское, Хвалисское, Хвалиське море 358, 382, 535; см. также Каспийское море
Хельсинки 14, 181*; см. также Гельсингфорс
Хенжон — см. Хинджан
Хеттское царство 343*
Хива, город 395, 434, 442, 532, 561
Хива, Хивинское ханство 206, 258, 275, 306, 358, 368—371, 392—396, 407—411, 428, 429, 433, 434, 439, 441—444, 517, 526, 527, 532, 535, 551, 553, 561, 644, 656, 657, 662, 683, 684; см. также Хорезм
Хивинская республика 552, 555
Хилок р. 380
Хинган хр. 384, 387
Хинджан (Хенжон) 372, 373
Хирадо (Фирадо) о-в 291, 292
Хитай — см. Китай
Ходжент 431, 432, 684
Хоккайдо о-в 291*; см. также Иесо о-в
Хорасан 307, 339, 370, 469, 695, 700
Хорасанские земли 367; см. Хорасан
Хорезм (Хуваризм, Хуваразми) 258, 268, 269, 358, 361, 362, 527, 535, 551, 552, 554, 644, 656, 657; см. также Хивинское ханство
Хотан 289, 503, 519, 570
Христиания (совр. Осло) 767
Хуваразми — см. Хорезм
Хуваризм — см. Хорезм
Хузистан 340; см. также Сузиана
Хумдан 257; см. также Чанань
Хункяр-Искелеси 473
Хухунор 459, 558
Хэнань 323, 570

Царьград (Цареград) 8, 29*, 362, 367; см. также Константинополь
Цейлон о-в 249, 252, 282, 318, 464; см. также Силян
Центральная Азия 19, 271, 459*, 511, 622, 623*, 768, 782
Центральная Аравия — см. Аравия Центральная
Центральный Тибет 459
Цзюаньчжоу 257; см. также Зайтун
Циляньшань 623*
Цинская империя 387*
Цинь 630
Чаганиан 787
Чалыш (совр. Карашар) 289
Чанань 257*
Чарджуй 371
Чарикар 373

Чарманган 784
Чауль 366
Чахбар 470
Черная р. 385
Черное море 240, 241, 243, 246, 249, 357, 362, 363, 366, 367, 369, 391, 535
Черный Иртыш 397, 398
Черняев 431; см. также Чимкент
Чжунгария 458; см. также Джунгария
Чжэцзян 637
Чименгу 274; см. Япония
Чимкент 431, 684; см. также Черняев
Чин, Чина, Чинистан 250, 252, 257, 287, 289, 366; см. также Син
Чиназ 533
«Чинское море» 287
Чипангу 283, 287; см. Япония
Читраль 336
Чосон 286; см. также Корея
Чу р. 255, 429, 431, 548, 684, 773, 784
Чугучак 429, 519
Чуйская степь 672
Чурго (Csurgó) 735*

Шабин-дабаг 387
Шам 367; см. также Сирия
Шанхай 766, 768, 772
Шаньдун 569
Шах-и зинде 551, 645, 660, 776
Шахристан 515*
Шахрисябз 441, 551
Шах-яр 333
Шварцвальд 774
Швеция 27
Шейх-Джели 394
Шелагский мыс 400, 403, 414
Шемаха 365, 366, 371, 374, 396
Шилка р. 379, 381, 383, 385
Шилкинский завод 422
Шираз 282, 314, 739*
Ширван 359, 365, 366
Ширдар медресе — см. медресе Ширдар
Шлейзинген 33
Штульвейссенбург 718
Шугнан 432, 612
Шуша 164
Шэньси 568, 631
Эвксинское море 249; см. Черное море
Эгейское море 211*
Эдо (совр. Токио) 292
Экбатаны 282
Эктаг г. 252
Эмба р. 408
Эрденицзу 773
Эривань 481; см. также Ереван
Эриду 569; см. также Абу-Шахрейн
Эритрейское море 249, 250; см. Индийский океан
Эркеть 393, 396—398; см. также Яркенд
Эцзин-гол р. 459
Эчмиадзин 309*, 481

Юго-Восточная Африка — см. Африка Юго-Восточная
Юго-Западная Аравия — см. Аравия Юго-Западная
Южная Азия — см. Азия Южная
Южная Аравия — см. Аравия Южная
Южная Африка — см. Африка Южная
Южная Месопотамия — см. Месопотамия Южная
Южная Россия — см. Россия Южная
Южная Сибирь — см. Сибирь Южная
Южная Франция — см. Франция Южная
Южное Двуречье — см. Двуречье Южное
Южный Китай — см. Китай Южный
Юс р. 758

Ягноб р. 606
Яик р. 370, 371, 406, 428; см. также Урал
Якутск 24, 35, 376, 378, 386, 389, 399
Якутская республика 426
Ямбо гавань 347
Ямышев 396, 397
Ямышево оз. 396
Янги-кала 407; см. также Оренбург
Янцзыцзян р. 321, 458
Япония 27, 35*, 39, 186*, 255, 274, 275, 283, 285, 287, 290—293, 295—297, 324, 325, 383, 384*, 400, 401, 415, 419, 420, 458, 664, 685, 774
Яркенд 289, 393, 399, 410
Яссы 73*
Яффа 474, 739*

Airjanəm vaeğō — см. Арран
Auzakia 249; см. также Аксу
Bagistana — см. Бисутун
Čagâniyân — см. Чаганиан
Cathay 275; см. также «Катай», Китай
Caule, Cauli — см. Гаоли
Chine — см. Китай
Csurgó — см. Чурго

Daghestan — см. Дагестан
Gabala — см. Габала
Gräfentonna 765
Käm 787; см. также Енисей
Khorasan — см. Хорасан
Linköping — см. Линчепинг
Oxus 785; см. также Окс, Аму-Дарья
Puchochotski, Pogukotzki 400
Qaj 785
Romes — см. Рим
Sarnau 304
Tunis — см. Тунис
Zipangu 275; см. также Япония

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

азиатцы 745
айны 508
«аккады», аккадцы 232, 233*; см. также семиты восточные
алтайцы, алтайские народы 507, 673, 675, 676, 684
американцы 325
англичане 290, 305, 306, 313, 317—319, 325, 330, 332, 333, 335, 336, 351, 459, 469, 497, 518, 547, 562, 613, 734
арабы 12, 50, 120, 121, 212, 218—221, 253—255, 257—259, 261, 294, 349, 351, 354, 358, 360, 514, 523, 535, 537, 550, 575, 656, 705, 712, 715, 722—724, 726, 729
арабы испанские 652
арабы туркестанские 555
арабы христианские 347, 350
«арапы» 367; см. арабы
арийцы, арийские народы 121, 143, 145, 146, 189, 199, 231, 266, 529
арийцы азиатские 513
армяне 80*, 126, 142, 265, 278, 309*, 479, 481, 573, 785, 786
ассирийцы 12, 233, 240, 243
афганцы 288, 336, 337, 464, 465, 469, 519, 547
афиняне 214, 250; см. также греки

бактрийцы 243, 249*
балты 599, 600
бахтияры 468
башкиры 407, 655
бедуины 311, 346, 348, 676
берберы 707
болгары 358, 360—362
болгары балканские 786
болгары волжские 358—360, 535, 748, 786
болгары дунайские 359
буруты — см. киргизы (кара-киргизы)
буряты 189*, 375, 380, 412, 459, 507, 664
бухарцы 27, 398, 680

вавилонцы 233, 235
варвары 214, 215, 251
варяги 357
венецианцы 275, 281
вершик 333
вестготы 575, 576, 711, 712*
византийцы 218, 252, 253, 257, 261, 279
вотяки 402*

генуэзцы 272—274
гиляки 422
«гипербореи» 240*, 241, 423, 688
«голландские немцы» 380; см. голландцы
голландцы 290—292, 318, 383, 419
греки 53, 212, 216—222, 228, 234, 239, 241, 243—245, 247, 248, 250, 253—255, 257, 287, 351, 357, 361, 363, 537, 546, 574, 626, 742; см. также афиняне, «ионяне», «румейцы»
грузины 63, 142, 479, 481, 535
гузы, огузы 787
гунны 570, 655, 746

даурцы 681; см. также дауры
дауры 379, 383; см. также даурцы
дикокаменные киргизы — см. киргизы (кара-киргизы)
дунгане 188

евреи, еврейский народ 50, 121, 211, 212, 227*, 257, 264, 364, 373, 632, 711*, 715, 719, 723, 724, 731, 734*, 736*, 780

евреи арабские 722
евреи персидские 607
европейцы 10, 48*, 77, 189, 200—202, 205, 206, 219, 227, 228, 230, 234, 236, 246, 257, 264, 268, 270—274, 276—279, 281—284, 286—289, 293, 297—299, 302—304, 307, 310, 311, 313, 315—321, 322*, 323—326, 330, 332, 335, 344, 346—348, 351, 354, 356, 364, 379, 383, 441, 459, 460, 518, 524, 547, 574, 609, 626, 634, 636, 651, 770
египтяне 12, 227*, 229, 257, 285
енисейцы — см. остяки енисейские

зыряне 132, 423*

израильтяне меккские 716
индийцы 12, 227, 228, 241, 250, 254, 257, 258, 263, 267, 283, 288, 330, 332, 351
индогерманцы 513, 517, 520; см. также арийцы
индоевропейцы 464; см. также арийцы
индоскифы 570, 632; см. также юечжийцы
«ионяне» 247; см. также греки
иранские горцы 16, 442, 531; см. также таджики
иранцы, иранские народности 527, 530, 531, 553, 554, 781
испанцы 290, 293, 707
итальянцы 293, 349, 609

казаки русские 369, 370, 372, 375, 376, 379—381, 384, 389, 398, 404, 410
казаки узбецкие (казахи) 404, 405
казахи 427*, 460*
кайситы 717
кайтаки 365
калмыки 27, 63, 132, 380, 396—399, 404, 405, 409, 412, 459, 507, 664, 677, 681
калмыки алтайские горные 674
калмыки астраханские 452
камасинцы 566
камчадалы 27
карагасы 566, 676
каракалпаки 507, 586, 681
кара-китаи 267, 268, 271; см. также китаи
каратайцы (казахский род Каратай) 679*
карийцы 214
каспии 333*

кафиры 336, 514; см. также сияхпуши
кельбиты 717
кераиты 266, 268, 749
кидани 262; см. также китаи
киммерийцы 241
киргизы (кара-киргизы, дикокаменные киргизы, буруты) 404, 405, 409, 426, 429, 434, 460*, 554, 586, 676, 677, 681, 685, 755
киргизы (киргиз-кайсаки, киргиз-казаки) (ошибочное название казахов) 405, 407—412, 427, 429, 434, 435, 460*, 560, 676—679, 681, 685, 749, 755
китаи 262; см. также кидани и кара-китаи
китайцы 12, 27, 28*, 78, 241, 249, 250, 252, 253, 257—262, 270, 274, 286, 289, 292, 295—297, 320, 322, 323, 379—381, 384—388, 397—399, 409, 412, 429, 434, 452, 460, 461, 570, 619, 622—623, 624*, 630, 631, 636, 678, 679, 681, 684, 685, 762, 763, 768, 771
кокандцы 429—431, 436
копты 229
корейцы 292, 325
кумандинцы 673
курды 613

«латиняне» 273
ливийцы 257
литовцы 354

Маджудж (народ Магог) 256
маньчжуры 267, 383, 423, 452, 623, 624, 668, 674, 685
массагеты 242
мидийцы, мидяне 231, 243, 266
монголы, монгольские народы 27, 63, 120, 121, 143, 189*, 232, 262, 266, 268—272, 277, 278, 287, 386, 387, 423, 454, 459, 507, 511, 514, 550, 557, 643, 652, 654, 655, 668, 674, 675, 747, 749—751, 785
монголы китайские 273
монголы персидские 272, 273
монголы среднеазиатские 272
мугалы 383
найманы 266—268, 271
немцы 293, 394, 566, 599, 609, 613
ногайцы 368
ногайцы крымские 507, 586
норманны 704

огузы — см. гузы
ойраты 132, 378
осетины кавказские 531
османы, османцы — см. турки малоазиатские
остяки енисейские 422, 423, 508, 616, 679

палеоазиаты 507
парфяне 244, 247, 248, 260, 781
пермяки 423*
персы, персияне, персидский народ 12, 54, 218, 227, 231, 233, 240, 243, 251—254, 257, 258, 266, 306, 309, 317, 342, 344, 346, 367, 368, 371, 391, 469, 520, 547, 698, 738
печенеги 358, 362
половцы 362, 679, 783, 784, 786, 787
португальцы 283, 285—288, 290—293, 304, 305, 317, 371

римляне 216, 217, 236, 246, 247, 249, 255, 287, 646, 711
«румейцы» 247; см. также греки
русские, русы 8, 169, 170, 172, 189, 295, 300, 358—361, 364, 372, 374, 376—388, 389, 392, 393, 396—398, 401, 404*, 405, 406, 408, 410, 411, 415, 419, 422, 429—434, 437, 438, 440—442, 450, 452, 459, 464, 469, 477, 486, 518, 519, 522, 524, 529, 534—536, 538—540, 544, 547, 565, 581, 589, 599, 608, 620, 651, 677, 754

саки 334*
самодийцы, самоеды (tribu samoyède) 232, 423, 566
самоеды отуреченные — см. карагасы
сарты 16, 531, 554, 559, 560, 595, 684
семиты, семитические народы 121, 143, 145, 146, 189, 199, 232, 254, 719, 723—725
семиты восточные 233*; см. также аккадцы
серы 248, 249, 251, 253, 270; см. также китайцы
«сины» 250, 251, 287; см. также китайцы
сирийцы 12, 218, 253, 254, 264, 265, 413
сияхпуши 336; см. также кафиры
скифы 231, 240, 241, 243, 271
славяне 170, 172, 690
славяне восточные 8
согдийцы 252, 266
сумерийцы 232, 569; см. также шумеры

табгачи 253; см. также китайцы
«тавгасты» 253; см. также серы
таджики 16, 531, 554, 684; см. также иранские горцы
таранчинцы 680*, 685
«тартары» 511; см. также татары
татары, татарские народы 269, 271, 292, 299, 365, 370, 373, 374, 376, 409, 410, 423*, 574, 581, 643, 654, 738
татары абаканские 677
татары барабинские 680
татары волжские 437
татары «дикие», «лесные» 675
татары илийские 681
татары минусинские 423, 426
татары сибирские 376
татары тобольские 680
татары Туркестанского края 560
татары черневые 673, 674, 676
телеуты 674, 680*
тибетцы 321, 332, 458, 743
тохары 259*, 334*, 520*
тукюесцы (древние тюрки) 679
тунгусы, тунгусские народы 232, 378, 384, 421, 423*, 507, 674, 676
тунгусы оленные 674
турки (тюрки), турецкие народы 232, 252, 253, 257, 266, 367, 368, 392, 423, 435, 523, 529, 538*, 547, 553, 554, 631, 632, 636, 665, 668, 674, 679, 742, 763, 786
турки малоазиатские, османы, османцы 279, 281, 285, 288, 301, 305, 306, 344, 349, 362, 507
турки среднеазиатские 121, 143
турки Южной Персии 341
туркмены 369, 408, 433, 437, 443, 444, 450, 507, 523, 547, 554, 560, 586, 609, 681, 695, 755
туркмены белого барана 281
туркмены черного барана 281
узбеки 286, 306, 404, 411, 437, 512, 517, 518, 523, 547, 554, 560, 657, 681, 684, 685
узбеки хивинские 507
узбецкие казаки — см. казаки узбецкие
уйгуры 265, 266, 274, 423*, 426, 675, 678, 787
урало-алтайские народы 121, 507

финикийцы 212, 239, 240
финляндцы 565, 759

финно-угры 423*
финны, финские народы 232, 422, 423, 507, 668, 759
финны уральские 422*
фламандцы 293
франки, франки 257, 364, 371, 576; см. также европейцы
французы 325, 331, 681

хазары 145, 358—360, 534, 535
халдеи 53, 227, 257
хакасы 426; см. также татары минусинские
хвалисы 535
хетты (хетты) 343
хивинцы 393, 394, 407, 408, 427, 433, 443, 444
хунны, хун-ну 662*

черемисы 402*
чжурчжэни 267
чины 252; см. также китайцы
чуваши 402*
чукчи 399

шалаги 400
шведы 394
ширванцы 535
шорцы 674, 675*, 676
шумеры 232*, 233*; см. также сумерийцы

эллины 215, 243, 247; см. также греки

юечжийцы 570; см. также индоскифы

Яджудж (народ Гог) 256
якуты 421, 507, 680*
японцы 8, 24, 26, 27*, 34—39, 286, 290—293, 296, 324, 389, 390, 415, 419, 420
«яфетиды» 240

Taugast 253; см. табгач

Seres 248; см. серы
Sinai, Thinai 250; см. сины

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ[1]

айна 675
амбань 668
арба 554
арк 554
архаты 639
архонты 212
ассасины 740; см. также исмаилиты
аталык 410
аул 450, 460
ахун, ахунд (*āхӯнд*) 30, 164, 395

бабиды 341, 471, 563, 697, 742
баскак 363*, 364
батрик 261; см. также бодоли
бе́ги 763
бек 429, 432, 536
«бек великий» 364, 536
бехаисты 563
бий 678
богдыхан 386
бодоли 261; см. также батрик
брахман 288, 314
«букаульный тамговщик» 750
«вади» (*вāдӣ*) 451
ван 268
ваххабиты 346, 347
вихара 516

гебры 313; см. также парсы
гундянь 257
гуньмо, гунь-ми 669
гурхан (*гурхāн*) 267
гэгэн 28

дабиристан (*дабӣристāн*) 532; см. также мектеб
далай-лама 459, 508
дервиш (*дарвēш*) 697
дирхем (*дирхам*) 360

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения; когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

дихкан (*дихḳа̄н*) 529, 552, 659, 660*
друзы 316
дуны 640

захириты 728
зӣдж 258

иджма (*иджма̄ʿ*) 730*
ислам (*ислā̄м*) 53, 199*, 200, 217—219, 235—237, 254, 259, 262, 265, 266, 268, 271, 277, 289, 301, 304, 314, 340, 346—348, 350, 351, 358, 360, 361, 364, 368, 409, 411, 412, 467, 506, 507, 513, 514, 523, 528, 529, 532, 537, 540, 553, 567, 571, 574, 592, 593, 625, 626, 633*, 635, 658, 660, 671, 680, 681, 693, 714, 715, 717, 718, 723—729, 731—733, 741—743, 786
исмаилиты 442, 531, 740
ишан (*ӣша̄н*) 447, 497

каган 357, 534, 535, 631, 759
кадариты 733
кам 674, 675; см. также шаман
караван-сарай (*карва̄н-сара̄й*) 440
кафир (*ка̄фир*) 529; ср. кафиры — в указателе этнических названий
«контайша» — см. хун-тайчжи
кудай 674
кышлак, кишлак (*ḳӣшла̄ḳ*) 445, 554

лама 28*, 53, 54, 77*

мазар (*маза̄р*) 445*, 645*, 661
мандарин 388, 494, 540
манихеи 266, 334, 526, 527, 633
медресе (*мадраса*) 411, 516, 530, 532, 550, 590, 660, 682
мектеб (*мактаб*) 532; см. также дабиристан
мелик (*малик*) 264
мелик аш-шуара (*малик аш-шуʿара*) 562
Мелик-и Рум (*малик-и Рӯм*) 262
мелькиты 264; см. также халкедониты
мечеть 410, 514, 550—552, 558, 597, 645*, 661
мечеть соборная 514*, 597
минарет 552
мирза (*мӣрза̄*) 46, 67, 68, 116, 117, 129, 142, 164, 167, 178, 188, 280
муʿаллаḳа 49
муджтехид (*муджтахид*) 154
мулла (*мулла̄*) 115, 410, 411, 439, 592
мусульмане 33, 34, 218, 236, 255, 259, 262, 266—268, 270, 274, 278, 282, 283, 285, 288, 289, 294, 295, 296*, 303, 330, 336, 346, 350, 358, 368, 372, 373, 383, 409, 467, 481, 527, 529, 531, 544, 554, 558—560, 574, 578, 592, 625, 626, 633, 682, 706, 707, 709, 711, 715, 716, 724, 731, 742
мутазилиты 731
мхитаристы 785

нахарары 125*

онг 268; ср. ван
орда 376, 377, 405, 406, 787
оссуарии 516, 526, 553, 598

падериян-и ференги (*падарийа̄н-и фаранги*) 309*
пандиты 332, 459
пардусники 753
парсы 624; см. также гебры
паша (*па̄ша̄*) 346, 473
пу-тао 771

раввин 735*

сабии (*ṣа̄бӣ*) 717
«сарацины» 274
сатрапии 242*
сёгун 292, 293, 324
сёгунат 420
султан (*сулṭа̄н*) 133, 267, 272, 279, 288, 337, 343, 365—367, 369, 408, 427, 460, 473, 552, 733*
сунниты 263, 345, 368
сура (*сӯра*) 217
сутра 572
суфий (*ṣӯфӣ*) 695, 697

такули — см. тули
таргум 723, 725*
тули, такули 677*
тухе 677*
тянь цзы 257; см. также фагфур

улигеры 677*

фагфур 257; см. также тянь цзы
фарханг (*фарханг*) 606, 607
фэн-шань 629

хаджи (*ха̄джжӣ*) 346, 366, 367
хадис (*ха̄дӣс*) 714, 729, 730

халиф (*ҳалīфа*) 254, 256, 258, 268, 350, 441, 531, 550, 567*, 715, 733
халифат (*ҳилāфа*) 254, 255, 259, 262, 264, 271, 516, 535, 707, 713, 714
халифы-мутазилиты 707
халкедониты 264, 265
хан (*ҳāн*) 28, 252, 255, 258, 267—269, 270—273, 277, 278, 287, 363, 364, 369—372, 376, 384, 392—396, 404—409, 430—433, 443, 444, 446*, 454, 455, 461, 508, 536, 623, 643, 661, 675, 678, 679, 685, 763
«хан белый» 364, 536
хиджра 236, 445
ходжа (*ҳᵛāджа*) 372, 461
хорезмшах (*ҳᵛāразмшāх*) 268, 657
хун-тайчжи 398

шакирд (*шāкирд*) 682
шаман 673, 674; см. также кам
шариат (*шарī'ат*) 554, 563
шах (*шāх*) 58, 133, 303—309, 311, 342, 370, 372, 373, 407, 433, 468, 473, 745
шейх (*шайҳ*) 68, 124, 347, 721
шииты (*шī'ī*) 263, 345, 368
ширваншах (*шīрвāншāх*) 359, 365, 366
шу'убиты 728

эмир (*амīр*) 310, 335, 336, 430—432 440, 444, 464, 465, 468, 524, 561, 65
эфендий 165

юрта 572

яковиты 264, 265
ям 280
ярлык 365, 748, 751, 752, 753, 754, 756
яса, ясак 375, 376, 379, 751

agónisma 215
dabar 212
logopoioí 212
lógos 212, 213
máthema 215
Papyrus antiquorum 229
Philellen 244
polis 260
pundit — см. пандиты

ἄσχυ 771
βότρυς 771

ايندرجق 752
ايندر حقّى 752
بيليك 751

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

Авеста 227, 228, 312—314, 513, 604, 615, 781
Анвāр-и Сухайлī Хусейна Кашифи 135
Ахбāр маджмӯ'а 710*

«Библиотека» патриарха Фотия 243
Библия 233, 301, 314, 315, 367, 418, 723

«Варлаам и Иоасаф» (персидский извод) 698*
Веды 227, 228
Вендидад 312
Ветхий завет 50, 227, 345, 723
«Вис и Рамин» <Гургани> 604*

«География» Птолемея 246
«География» Страбона 246
Гулистāн Са'ди 308

Дербенд-нāме 391
Джāми' ат-таварīх («Сборник летописей») Рашид ад-дина 172, 262, 263
Джихāн-нумā Хаджи Халифы 309*
Джумджума-нāме 698*
«Диван — Свод тюркской лексики» Махмуда Кашгарского 565*

Евангелие 27, 50, 278, 288, 520, 601, 607
«Естественная история» Плиния Старшего 246

Зенд 313
Зīдж ал-Ҳākимī Ибн Юнуса 258
Зīдж-и Гургāнī 258
Зīдж-и ильхāнī Насир ад-дина Туси 258

«Илиада» 637, 714
Иршāд ал-арīб Якута 693

«Исторические записки» Сыма Цяня 323, 629, 630; см. также *Ши-цзи*
«История младших Хань» Фань Е 636
«История старших Хань» <Бань Гу> 771
«История Тибета и Хухунора» 459, 558

«Калила и Димна» 68*
Канон палийский 464; см. также Трипитака палийская
«Карнамак» (*Кар-намак*) 605*
Кашф ал-махджуб Джуллаби 697, 700
Китаб-и акдес 471
Книга Бытия 49
«Книга о великом хане» 277
Коран 68*, 217, 236, 277, 311, 441, 592, 696, 714, 715, 728, 732, 741, 780
Кунх ал-ахбар Али Челеби 690
Кутадгу билик Юсуфа Баласагунского 571*, 674, 675*, 677*, 678*, 680*, 686, 753

Луғат-и Шах-наме Абд ал-Кадира 604*

Матла' ас-са'дайн <ва маджма' ал-бахрайн> Абд ар-Раззака Самарканди 656*
Матла' аш-шамс Сани' ад-даула 342*, 699*
Мафатих Хорезми 723*
Ми'йар Джамали Шемса Фахри 607
Мулхакат ас-Сурах Джемаля Карши 594

Новый завет 50, 276, 345, 520, 526
Нузхат ал-арвах Шахразури 694*
Нур ал-'улум Абу-л-Хасана Харакани 698*

«Описание буддийских государств» Фа Сяня — см. *Фогоцзи*
«Описание Тибета» 459

«Перипл Красного моря» 275
«Перипл моря Эвксинского» 249
«Перипл моря Эритрейского» 249

Рукопись А. Г. Туманского 527, 594; см. также *Худуд ал-'алам*

«Сакунтала» Калидасы 326
Сафар-и Хурасан шаха Насир ад-дина 342*
«Сборник летописей» Рашид ад-дина — см. *Джами' ат-таварих*
«Свод тюркской лексики» Махмуда Кашгарского — см. «Диван — Свод тюркской лексики» Махмуда Кашгарского
«Секретная история монголов» — см. *Юань-чао би-ши*
Сийахат-наме Эвлия Челеби 310*
«Сокровенное сказание» — см. *Юань-чао би-ши*

Та'рих-и Газани Рашид ад-дина 557
Та'рих-и Муким-хани <Мухаммед-Юсуфа Мунши> 439
Татимма Сиван ал-хикма Абу-л-Хасана Бейхаки 693
«Торжество светлой мысли» 123*
Трипитака палийская 331; см. также Канон палийский
Тути-Намэ (*Тути-наме*) 50
Тухфат ал-хани Мухаммед-Вефа Керминеги 557—558

Фирдаус ал-икбал Муниса 394*, 444*
Фихрист <Ибн ан-надима> 716
Фогоцзи («Описание буддийских государств») Фа Сяня 261

Хамаса <Абу Теммама> 694
Хафт иклим Амин Ахмеда Рази 557
«Христианская топография» Козьмы Индоплавателя 252
«Худайдат» 612
Худуд ал-'алам («Границы мира») 256; см. также рукопись А. Г. Туманского

«Цветник Садиев» 50; см. также *Гулистан* Са'ди

Чахар макала Низами Арузи 693, 696
Чжоу-шу 771

Шах-наме Фирдауси 245, 611, 614
Ши-цзи 771; см. также «Исторические записки» Сыма Цяня

Эрденийн-Эрихе 558

Юань-чао би-ши («Секретная история монголов», «Сокровенное сказание») 572, 575
Юань-ши 381, 511, 647

Anabasis Ксенофонта 243
«Assyriaka» Ктесия 781
Codex Cumanicus 278, 615
Yatkari Zariran 605*

اخبار مجموعه 710*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ В. В. БАРТОЛЬДА, ПОМЕЩЕННЫХ В I—IX ТОМАХ СОЧИНЕНИЙ[1]

Абака VII, 475
Абд ал-Керим Бухари VIII, 581
Абд ал-Мелик б. Нух II (2), 485
Абд ар-Раззак VIII, 582
Абдулла б. Искендер II (2), 487
Абу Али б. Симджур VII, 477
Абу Михнаф VIII, 211
Абу Муслим VII, 479
Абу Са'ид VII, 481
Абу-л-Хасан б. Симджур VII, 482
Абулхайр II (2), 489
Абхазы II (1), 861
Ал-Авза'и VI, 613
Автобиография IX, 789
Азак III, 313
«Азиатская роскошь» IV, 404
Азиатская Россия, т. I—III (1914) II (1), 643
Аймак V, 489
Ак-Мечеть III, 314
Ак-сарай III, 315
Аксу III, 316
Аланы II (1), 866
Али-тегин II (2), 491
Алп-тегин VII, 483
Алтай III, 317
Алтайцы V, 490
Алтунташ II (2), 493
Алты-шехр III, 318
Амр б. Лейс VII, 484
Аму-Дарья III, 319
Андижан III, 326
Ани III, 327
Арабские известия о русах II (1), 810
Аральское море III, 331
Аргун VII, 485
Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897) V, 266
Арран III, 334
Арслан-хан, Мухаммед б. Сулейман II (2), 494
Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. IV, 269
Асад б. Абдаллах VII, 487
Астрахань III, 336
Атек III, 337
Атрек III, 338
Атсыз II (2), 495
Аулие-Ата III, 340
Афшин II (2), 497
Ахал-теке III, 341
Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж II (2), 498
Ахмед б. Сахль б. Хашим II (2), 500
Ахмед Джалаир VII, 488
Ахсикет III, 342

Баба-бек II (2), 501
Л. С. Багров, Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря (1912) III, 289
Бадахшан III, 343
Бадгис III, 348
Бай V, 491
Байду VII, 489
Байкал III, 349
Байкара VII, 490
Байрам-Али-хан II (2), 502
Байсункар II (2), 503
Баку III, 350
Балаклава III, 353
Бал'ами II (2), 504
Баласагун III, 355
Балханы III, 358
Балхаш III, 360
Балык III, 362
Балык V, 492
Балыш V, 493
Бамиан III, 363
Бараба III, 366
Бармакиды VI, 669
Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм IX, 589
Э. Р. Барц, Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское Государево имение (1910) III, 284
Басджирт V, 494
Батый V, 496
Бахр ал-хазар III, 367
Бахчисарай III, 368

[1] Составил Д. Д. Васильев.

Бахши V, 501
Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры IV, 262
Бег V, 502
Бейхаки, Абу-л-Фазл VIII, 583
Бейхаки, Абу-л-Хасан VIII, 586
Бенакет III, 371
Бенакети VIII, 588
Берда'а III, 372
И. Н. Березин как историк IX, 737
Беркай V, 503
Е. Э. Бертельс, Очерк истории персидской литературы (1928) VII, 456
Битикчи V, 508
Бишбалык III, 374
Ближайшие задачи изучения Туркестана IX, 546
Богра-хан II (2), 506
Богра-хан, упомянутый в *Кутадгу билик* V, 419
Болгары V, 509
Борак-хан II (2), 509
Будущее Туркестана и следы его прошлого III, 307
Бука VII, 491
Бурак-хаджиб VII, 492
Бури-тегин II (2), 513
Буртасы II (1), 868
Бурхан II (2), 515
Бухара III, 378
Бухара. Ее памятники и их судьба IV, 280
Бушендж III, 394
Бәһбуд IV, 354

Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, Земледельческий Афганистан (1929) IV, 293
А. А. Васильев, Лекции по истории Византии, т. I (1917) VI, 575
Введение к изданию *Ḫудӯд ал-'ālам* VIII, 504
Н. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае II (2), 320
Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки IX, 648
Б. Я. Владимирцов, Чингис-хан (1922) V, 446
Вместо ответа г-ну Лапину II (2), 306
Воспоминание о С. М. Дудине IX, 773
Восток и русская наука IX, 534
Восточноиранский вопрос VII, 417
В. Л. Вяткин, Городище Афрасиаб (1928) IV, 290

Газан Махмуд VII, 494
Гази-Гирей, V, 521
Гайхату VII, 496
Ганьсу III, 396
Гардизи VIII, 589
География Ибн Са'ида VIII, 103
Геок-Тепе III, 399
Гиждуван III, 400
Гилян по рукописи Туманского VII, 453
Гирей V, 522
Гиссар (Хисар) III, 401
Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток II (2), 455
Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии (1898) V, 280
Гузз V, 524
Гургандж III, 403
Гурхан V, 528
Гянджа III, 405

Дагестан III, 408
Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии V, 17
Дербент III, 419
Дер-и ахенин III, 431
Джувейни, Ала ад-дин VIII, 591
Джувейни, Шемс ад-дин VII, 498
Джу-и арзиз III, 274
А. А. Диваев, Этнографические материалы (1893—1895) IV, 367
Дорожник от Бистама до Куня-Ургенча III, 260
Древнетюркские надписи и арабские источники V, 284
Дуглат V, 529

Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях (К вопросу о Пизанце Изоле) V, 382
Еще известие о Коркуде V, 377
Еще о самаркандских оссуариях IV, 119
Еще о слове «сарт» II (2), 310

Еще о христианстве в Средней Азии II (2), 315
Еще об анониме Искендера VIII, 491

С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие (1915) II (2), 419

Задачи русского востоковедения в Туркестане IX, 522
Занятия в туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г. VIII, 445
Запись о русском посольстве в персидской рукописи VIII, 317

Ибн Фадлан VIII, 596
Игнац Гольдциер. 1850—1921. Некролог IX, 718
Из минц-кабинета при СПБ. Университете. I. Неизданный самаркандский дирхем IV, 343
Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете. II. Неизданный саманидский фельс IV, 348
Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете. III. Фельс Исма'ила ибн Ахмеда IV, 349
Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете. IV. Монеты Омейядов IV, 350
Из средневековой туркестанской поэзии IV, 397
Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического Общества (1899—1900) III, 244
<Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг.» VIII, 23
Извлечение из *Та'рих-и Шахрухи* II (2), 350
Изучение Востока — главнейшая задача Академии IX, 581
Илек-ханы II (2), 519
Или III, 433
Ильтутмыш IV, 356
Ильханы VII, 500
Иран. Исторический обзор VII, 227
Иранский буддизм и его отношение к исламу VII, 469
Иртыш III, 435
Искендер-хан II (2), 521
Ислам VI, 79
Ислам и мелькиты VI, 651
<Ислам на Черном море> VI, 659
Ислам-Гирей V, 534
Исма'ил б. Ахмед II (2), 522
Исма'ил б. Нух II (2), 523
Иссык-Куль III, 437
Историк Мусеви как автор تاريخ خيران VIII, 323
Историко-географический обзор Ирана VII, 29
Исторические и географические рукописи <Азиатского музея> VIII, 362
Исторические и географические труды В. П. Васильева IX, 619
История изучения Востока в Европе и России IX, 197
История культурной жизни Туркестана II (1), 167
История турецко-монгольских народов V, 193
История Туркестана (Конспект лекций) II (1), 107
Ишан VI, 675

К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море III, 248
<К вопросу о записке Ибн Фадлана> VIII, 311
К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов IV, 377
К вопросу о полумесяце как символе ислама VI, 489
К вопросу о призвании Мухаммеда VI, 615
К вопросу о происхождении *Дербенднаме* VIII, 469
К вопросу о происхождении кайтаков V, 369
К вопросу о ранней персидской поэзии VII, 450
К вопросу о родине Хаким-Ата II (2), 361
К вопросу о сабиях VI, 469
К вопросу о феодализме в Иране VII, 459

К вопросу о франко-мусульманских отношениях VI, 432
К вопросу о Чингизидах-христианах II (2), 417
К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане IV, 95
К вопросу об археологических находках IV, 126
К вопросу об оссуариях Туркестанского края IV, 154
К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов V, 365
К вопросу об языках согдийском и тохарском II (2), 461
К истории арабских завоеваний в Средней Азии II (2), 380
К истории Дербента II (1), 786
К истории крестьянских движений в Персии VII, 438
К истории Мерва IV, 172
К истории орошения Туркестана III, 95
К истории персидского эпоса VII, 383
К истории религиозных движений X века VI, 492
К истории Саффаридов VII, 337
К истории Хорезма в XVI в. III, 257
К проекту Восточного института IX, 499
К сказке о хитрости Дидоны IV, 374
К статье г-на д-ра Шмидта IV, 135
Кавказ, Туркестан, Волга II (1), 789
Казак V, 535
Казань III, 440
Кайи V, 536
Калга V, 537
Калмыки V, 538
Каплан-Гирей V, 541
В. Ф. Караваев, Голодная Степь в ее прошлом и настоящем (1914) III, 301
Карагёзлю VII, 502
Кара-китаи V, 542
Каракорум III, 443
Каратегин III, 445
Карл Великий и Харун ар-Рашид VI, 342
Карл Германович Залеман. 1849—1916 IX, 599
Карлуки V, 547
Карс III, 448
Карши III, 450
Касимов III, 451
Кафа III, 453
Кафиристан в XVI в. VIII, 21
Кашгар III, 456
Кашкайцы VII, 503
Керчь III, 458
Кеш III, 460
Кимаки V, 549
Кипчаки V, 550
Киргизы. Исторический очерк II (1), 471
Китайские источники о гуннах V, 409
Коканд III, 462
Коран и море VI, 544
Коркуд V, 236
Краткий обзор истории Азербайджана II (1), 775
Крым III, 467
Кульджа III, 470
Культура мусульманства VI, 141
Кура III, 472
Курама V, 552
Кутб ад-дин Мухаммед II (2), 524
Кучан III, 473
Кучум-хан V, 554
Кят III, 475

Мавераннахр III, 477
Мазари-Шариф III, 478
Мангыты V, 556
Мангышлак III, 479
Мансур б. Нух II (2), 525
Маргелан III, 481
В. И. Масальский, Туркестанский край (1913) II (1), 635
Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам (1897—1902) VI, 320
П. М. Мелиоранский. Некролог IX, 585
Менгу-Тимур V, 557
Мерверруд III, 252
Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях II (2), 471
Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира II (1), 649
Мечеть Биби-ханым IV, 116
Мир Али-Шир и политическая жизнь II (2), 197
Могила поэта Низами II (1), 784

Монеты Улугбека IV, 362
Мулḥақāт аç-Çурāḥ VIII, 98
Мусейлима VI, 549
Мусульманская секта мерванитов VI, 462
Мусульманские известия о Чингизидах-христианах II (2), 263
Мусульманский министр-философ эпохи крестовых походов VIII, 413
Мусульманский мир VI, 205

<Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль> IV, 339
Народное движение в Самарканде в 1365 г. II (2), 362
Научная поездка в Западную Европу IX, 564
Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке IX, 496
Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии II (2), 322
Николай Иванович Веселовский. Некролог IX, 642
Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее VIII, 430
Новое известие о стенах Дербента II (1), 788
Новое мусульманское известие о русских II (1), 805
Новое научное общество в Ташкенте IX, 485
Новые данные о самаркандских памятниках IV, 238
Новые исследования об орхонских надписях V, 312
Новый источник по истории Тимуридов VIII, 546
Новый источник по истории Хорезма VIII, 575
Новый труд о половцах V, 392
Нумизматическое отделение <Азиатского музея> IV, 358
<О двух арабских надписях Аулиеатинского уезда> IV, 307
О колесном и верховом движении в Средней Азии IV, 406
<О лейденской рукописи № 945> VIII, 319
<О Мухаммеде> VI, 630
О некоторых восточных рукописях VIII, 340
О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каире (Отчет о командировке) VIII, 220
<О некоторых рукописях в библиотеках Берлина, Гамбурга и Геттингена> VIII, 490
О некоторых самаркандских дирхемах IV, 346
О письменности у хазар V, 466
О погребении Тимура II (2), 423
О преподавании туземных наречий в Самарканде II (2), 303
О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) II (2), 265
<Об издании «Текстов по истории Средней Азии»> VIII, 315
<Об одном уйгурском документе> VIII, 117
Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими IV, 236
Обзор деятельности факультета восточных языков IX, 21
Обзор истории тюркских народов V, 425
Образование империи Чингиз-хана V, 253
Определение «анонима Искендера» VIII, 481
Ориентировка первых мусульманских мечетей VI, 537
Н. П. Остроумов, Исламоведение. I. Аравия, колыбель ислама (جزيرة العرب) (1910) VI, 333
От редакции <журнала «Мир ислама»> VI, 365
От редакции <журнала «Мусульманский мир»> VI, 467
Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло V, 329
Отец Едигея II (1), 797
Отзыв о трудах Николая Федоровича Ситняковского III, 246
Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани IV, 202
Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского II (2), 359
Отчет о командировке в Западную Европу VIII, 397
Отчет о командировке в Лондон VIII, 320

Отчет о командировке в Среднюю Азию IV, 111
Отчет о командировке в Туркестан IV, 243
Отчет о командировке в Туркестан VIII, 119
Отчет о командировке в Туркестан (Август—декабрь 1920 г.) VIII, 366
Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года VIII, 336
Отчет о командировке в Турцию VIII, 462
Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года IV, 130
Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг. IV, 19
Отчет об осмотре древнего мусульманского кладбища в г. Баку IV, 136
Очерк истории Семиречья II (1), 21
Очерк истории туркменского народа II (1), 545

Памяти Р. Дози. 1820—1920 IX, 704
Памяти В. А. Жуковского IX, 689
Памяти Иосифа Маркварта. 1864—1930 IX, 779
Памяти И. Т. Пославского IX, 596
Памяти В. В. Радлова. 1837—1918 IX, 665
Памятник времени распространения ислама в Средней Азии VIII, 441
Панисламизм VI, 400
Первоначальный ислам и женщина VI, 648
Перевод надписей на гробнице Термеза IV, 311
Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче IV, 313
Персидская шу'убийя и современная наука VII, 359
Персидское *арк* «крепость, цитадель» VII, 413
Пизанец Исол V, 233
Письмо в редакцию газеты «Туркестанские ведомости» IV, 134
По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. IV, 282
По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга IX, 492
По поводу статьи А. Д. Калмыкова III, 282
По поводу христианского селения Васкерд IV, 110
Поездка в Самарканд с археологической целью IV, 139
Положение науки в Туркестанском крае IX, 488
Посольство из Рима в Багдад в начале X века VI, 604
Г. Н. Потанин, Ерке (1916) IV, 371
Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне (1912) IV, 369
Предисловие редактора <к книге: «Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али»> VIII, 328
Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год V (1900) IV, 124
Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XIV (1910) IV, 196

Речь перед защитой диссертации I, 604
Рукопись Замахшари со старо-тюркскими глоссами VIII, 465
Рукопись Туманского VIII, 432
Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг. IX, 503
Рыцарство и городская жизнь в Персии при Сасанидах и при исламе VII, 371

Сабии и ханифы VI, 543
Самовольные раскопки и востоковедение IV, 267
Сандабиль III, 482
Сарай III, 483
Сарт II (2), 527
Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века III, 13
Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов V, 468
Сибир ва Ибир III, 485
Син-и Калан III, 486
Система счисления орхонских надписей в современном диалекте V, 363
Славяне II (1), 870
Собрание рукописей Джурабека VIII, 313

Собрания восточных рукописей в Баку VIII, 435
События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка II (2), 400
Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей V, 454
Согд III, 487
Состояние и задачи изучения истории Туркестана IX, 510
Справочная книжка Самаркандской области, вып. VI (1899) VIII, 114
Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII (1902) III, 268
Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, вып. IX (1906—1907) VIII, 254
Справочная книжка Самаркандской области, вып. X (1912) III, 286
Средняя Азия. Ежемесячное литературно-историческое издание (1910) VIII, 265
Сугдак III, 489
Султан Синджар и гузы (По поводу статьи К. А. Иностранцева) II (2), 414
Сыр-Дарья III, 491

Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии (1905) VIII, 213
Таджики VII, 505
Таджики (Из «Энциклопедии ислама») II (1), 469
Таджики. Исторический очерк II (1), 451
Талыш III, 494
Тараз III, 495
Тарим III, 497
Татары V, 559
Тахир б. ал-Хусейн VII, 506
Тахириды VII, 508
Ташкент III, 499
Тезисы диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» I, 601
Теке V, 562
Текеш II (2), 530
Текст первой надписи в Варухском ущелье IV, 309
Текудер VII, 510
Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве VI, 303
Терек III, 503
Термез III, 504
Тибет III, 509
Токтамыш V, 564
Томсен и история Средней Азии IX, 757
Тохаристан III, 514
Тугузгузы V, 568
Туземец о русском завоевании II (2), 333
Туман V, 570
Тургай III, 516
Турецкий эпос и Кавказ V, 473
Туркестан III, 518
Туркестан в эпоху монгольского нашествия I, 43
Туркестанская Государственная библиотека и местная мусульманская печать IX, 556
Туркестанский край в XIII веке (По рассказу китайского путешественника) III, 237
Туркмены V, 572
Турфан III, 521
Турция, ислам и христианство VI, 413
Тюрки (историко-этнографический обзор) V, 576

Улугбек и его время II (2), 23
Ученые мусульманского «ренессанса» VI, 617

Файзабад III, 524
Фараб III, 525
Фергана III, 527
Фридрих Хирт. Некролог IX, 765

Хаджи-Гирей V, 596
Хазары V, 597
Хайдер б. Али VIII, 597
Хайдер-мирза VIII, 598
Хакан V, 602
Хаким-Ата II (2), 532
Халадж V, 603
Халадж VII, 511
Халиль-Султан II (2), 533
Халиф и султан VI, 15
Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности VI, 504

Халха III, 539
Хан V, 604
Ханбалык III, 540
Ханса III, 542
Ханфу III, 543
Хафиз-и Абру VIII, 600
Хафиз-и Абру и его сочинения VIII, 74
Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских II (1), 435
Хорезм III, 544
Хорезмшах II (2), 535
Хотан III, 553
Хранение документов в государствах мусульманского Востока VIII, 350
Христианский Восток. Том I. Вып. 1 (1912) VI, 377
Христианское происхождение омейядского царевича VI, 595
Хубилай V, 605
Хулагу VII, 512
Хутталь III, 555

П. Цветков, Исламизм, т. I—IV (1912—1913) VI, 403
Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке II (2), 388

Чаганиан III, 558
Чаган-руд III, 560
Чагатай-хан II (2), 538
Чагатайская литература V, 606
Чарджуй III, 561
Челеби V, 611
Чимкент III, 563
Чингиз-хан V, 615
Чопан-Ата III, 565
Чу III, 567
Чупан V, 629

Шамиль II (1), 873
Шейбаниды II (2), 545
Ширван III, 571
Ширваншах II (1), 875

Эдуард Шаванн. Некролог IX, 629
Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям VI, 532

F. Babinger, Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke (1927) VIII, 486
E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din (1910) VIII, 270

L. Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie (1896) V, 238
Chau Ju-Kua: his work on the Chinese and Arab trade. . . translated. . . by F. Hirth and W. W. Rockhill (1912) VII, 374
E. Chavannes, Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux (1903) V, 342
M. A. Czaplicka, The Turks of Central Asia in history and at the present day (1918) V, 441

Description topographique et historique de Boukhara (1892) VIII, 17

Explorations in Turkestan (1905) IV, 141

O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens (1904) VII, 354

A. Godard, Y. Godard, J. Hackin, Les antiquités bouddhiques de Bāmiyān (1928) IV, 300

A. Herrmann, Alte Geographie des unteren Oxusgebiets (1914) III, 297

St. Lane-Poole, M. A., Saladin and the fall of the kingdom of Jerusalem (1898) VI, 301
G. Le Strange, The Lands of the Eastern Caliphate (1905) III, 277

Fr. Machatschek, Landeskunde von Russische Turkestan (1921) IV, 399
Mirabilia descripta. Les Merveilles de l'Asie (1925) VIII, 483

Miss Ella Sykes and Brigadier-General Sir Percey Sykes, Through deserts and oasis of Central Asia (1920) V, 438

W. Rickmer Rickmers, The Duab of Turkestan (1913) III, 294
Dr. H. Roemer, Die Bābī-Behā'ī, die jüngste muhammedanische Sekte (1912) VI, 387
F. H. Skrine and E. D. Ross, The Heart of Asia (1899) II (1), 627

C. Snouk Hurgronje, Mohammedanism (1916) VI, 487
P. M. Sykes, A History of Persia (1915) VII, 409

The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar (1895) VIII, 63

E. de Zambaur, Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam (1927) VI, 609
فرنبیره = правнук VII, 381

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Обзор деятельности факультета восточных языков

<Предисловие> 23
I. Востоковедение в России в XVIII в. 24
II. Востоковедение в университетах по уставу 1804 г. 42
III. Проекты специальных школ. Востоковедение в С.-Петербурге . . . 52
IV. Востоковедение при уставе 1835 г. Развитие востоковедения в Казани. Проекты Азиатского института и факультета восточных языков 67
V. Факультет восточных языков до университетского устава 1863 г. . . 107
VI. Факультет при действии устава 1863 г. 141
VII. Факультет при действии устава 1884 г. 175

История изучения Востока в Европе и России

Предисловие <к первому изданию> 199
Предисловие ко второму изданию 205

Первая часть

Глава I 207
Глава II 226
Глава III 239
Глава IV 254
Глава V 264
Глава VI 279
Глава VII 285
Глава VIII 290
Глава IX 301
Глава X 319
Глава XI 338

Вторая часть

Глава XII 357
Глава XIII 375
Глава XIV 391
Глава XV 404
Глава XVI 418
Глава XVII 427
Глава XVIII 439
Глава XIX 452
Глава XX 467

Статьи

Новое научное общество в Ташкенте 485
Положение науки в Туркестанском крае 488
По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга 492
Несколько слов о Туркестанской публичной библиотеке 496
К проекту Восточного института 499
Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг. 503
Состояние и задачи изучения истории Туркестана 510
Задачи русского востоковедения в Туркестане 522
Восток и русская наука 534
Ближайшие задачи изучения Туркестана 546
Туркестанская Государственная библиотека и местная мусульманская печать 556
Научная поездка в Западную Европу 564
Изучение Востока — главнейшая задача академии 581

Personalia

П. М. Мелиоранский. Некролог 585
Барон В. Р. Розен и русский провинциальный ориентализм 589
Памяти И. Т. Пославского 596
Карл Германович Залеман. 1849—1916 599
Исторические и географические труды В. П. Васильева 619
Эдуард Шаванн. Некролог 629
Николай Иванович Веселовский. Некролог 642
Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки . . . 648
Памяти В. В. Радлова. 1837—1918 665
Памяти В. А. Жуковского 689
Памяти Р. Дози. 1820—1920 704
Игнац Гольдциер. 1850—1921. Некролог 718
И. Н. Березин как историк 737
Томсен и история Средней Азии 757
Фридрих Хирт. Некролог 765
Воспоминание о С. М. Дудине 773
Памяти Иосифа Маркварта. 1864—1930 779
Автобиография 789

Приложения

Библиографическая справка 795
Сокращения 800
Библиография (цитированная литература) 805
Указатель имен 911
Указатель географических и топографических названий 932
Указатель этнических названий 949
Указатель терминов 952
Указатель названий сочинений 954
Алфавитный указатель работ В. В. Бартольда, помещенных в I—IX томах Сочинений 957

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ
Том IX

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Младший редактор *И. И. Исаева*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Е. И. Сорокина* и *А. В. Шандер*

Сдано в набор 15/VIII 1974 г.
Подписано к печати 26/X 1976 г. А-08185.
Формат 70×108¹/₁₆. Бум. № 1.
Печ. л. 60,5+5 п. л. карты. Усл. п. л. 91,7.
Уч.-изд. л. 77,73. Тираж 4600 экз. Изд. № 3206.
Зак № 1423. Цена 5 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
244	5 снизу	ни описания входивших в состав царства областей с их городами [11].	ни описания города Бактр (нынешнего Балха), ни описания входивших в состав царства областей с их городами [11].
627	19 сверху	классовой	классной

В. В. Бартольд